

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 12-01-16086*

Исследование проведено в рамках Программы
фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН
«Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».
Раздел программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Социальные трансформации и конфликты Нового и новейшего времени
в сравнительно-исторической перспективе»

Ответственные редакторы:

В.А. ТИШКОВ, В.А. ШНИРЕЛЬМАН

Рецензенты:

доктор исторических наук М.Н. ГУБОГЛО,
доктор исторических наук А.В. МАЛАШЕНКО

Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 000 с. ISBN 978-5-02-038025-7 (в пер.).

Монография посвящена изучению современных этнических и религиозных конфликтов в ряде важнейших регионов мира (Европа, Канада, Центральная Азия, Ближний Восток, Северная Африка, Индия). В ней анализируются четыре типа разных конфликтов: спонтанные конфликты, погромы, отличающиеся быстротечностью, слабой организованностью и повышенной эмоциональностью участников; латентные конфликты в рамках политического процесса; открытые вооруженные конфликты; религиозные конфликты, которые обычно описываются как «столкновение цивилизаций». В книге освещаются история конфликта, причины и поводы, приведшие к нему, особенности противоборствующих сторон, преследуемые ими цели и интересы, соотношение рациональных и иррациональных мотиваций конфликта, роль этнической солидарности и эмоций, связанных с участием в «общем деле», эскалация конфликта, характер насильственных действий, их объяснения, даваемые обеими сторонами, участие в конфликте третьих сторон (мировых держав и сообществ, а также роль диаспор), выход из конфликта (особенности миротворческого переговорного процесса). Уделяется внимание коллективной травме, влияющий на социальную память и играющей большую роль в идеологии конфликтности, а также накладывающей отпечаток на взаимоотношения бывших противников после окончания конфликта.

Для историков, этнологов, социологов, политологов, а также преподавателей высших учебных заведений гуманитарного профиля.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-038025-7

© Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Глобализация и конфликты (*В.А. Шнирельман*)

Часть I. Спонтанные конфликты и погромы

С.Н. Абашин, И. Савин. Ош, 2010: конфликтующая этничность

В.А. Шнирельман. Религия, национализм и межконфессиональный конфликт в Индии..

Часть II. Латентные конфликты и политика

В.И. Соколов. Квебек в Канадской Федерации: от культурного разлома к политико-правовому урегулированию

Е.И. Филиппова. (Не)возможность острова? Корсиканское движение: от регионализма к сепаратизму (1960–2010)

Н.В. Мохов, И.М. Мохова. Современный ливанский конфликт: генезис, факторы, перспективы урегулирования

Часть III. Открытые вооруженные конфликты

Г.Г. Косач. Ближневосточный конфликт: историческая ретроспектива, мифы арабизма и сионизма, современность

Н.В. Мохов. Французско-алжирский этнополитический конфликт: трудный путь к неизбежной деколонизации

М.Ю. Мартынова. Этнический фактор в Косовском конфликте

С.М. Маркедонов. Этнополитические конфликты в Абхазии и в Южной Осетии: причины, динамика, уроки

В.В. Степанов. Кипрский конфликт: современное восприятие и проблема преодоления

Т.Л. Шаумян. Проблема Джамму и Кашмира

Б.М. Волхонский. Межэтнический конфликт в Шри-Ланке

Часть IV. «Столкновение цивилизаций»

А.А. Ярлыкапов. Конфликтующие формы ислама на Северном Кавказе

Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы (вместо заключения) (*В.А. Тишков*)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КОНФЛИКТЫ

Организация данного проекта вызвана тремя обстоятельствами. Во-первых, в последние полвека этнополитические и этноконфессиональные конфликты стали во всем мире главной формой групповых насильственных действий, которые в своем крайнем выражении могут приводить к этническим чисткам и геноциду. Наибольшее число жертв теперь связано именно с этими конфликтами¹. Во-вторых, появление массы новых государств и изменение их конфигурации, а также процессы глобализации привели к тому, что многие государства сегодня имеют полиэтничный состав. Это способствует тому, что конфликты нередко внешне принимают этническую форму. В-третьих, за последние двадцать лет Россия пережила цикл болезненных трансформаций, сопровождавшихся открытыми и латентными этноконфликтами. То же самое происходило и на Балканах, а затем в Африке. При этом именно с событиями на Кавказе и на Балканах в начале 1990-х годов связан отмечавшийся тогда резкий рост числа вооруженных конфликтов в мире².

История последней четверти века показала, что этнополитические и этноконфессиональные конфликты ведут к политической нестабильности как внутри отдельных стран, так и на мировой арене, а также способствуют развалу крупных государств и изменению политической конфигурации в отдельных регионах мира. Этот процесс вовсе не завершился распадом СССР и Югославии, о чем говорят распад Судана в 2011 г. и восстание туарегов, объявивших в конце мая 2012 г. об образовании своего государства Азавад на территории Северного Мали. Некоторые опасные конфликты остаются в «замороженном» состоянии и чреваты новыми вспышками насилия, что дало о себе знать, например, в Южной Осетии в августе 2008 г., в Кыргызстане в июне 2010 г. и в Косово в июле 2011 г. Происходящие перманентно этно-религиозные погромы продолжают нарушать спокойствие в Индии. Такие затяжные конфликты стали одной из особенностей нашего времени. Мало того вопреки былым надеждам со временем все большую роль в конфликтах приобретает религиозный фактор, усиливающий их интенсивность и разрушительный эффект³

Первый вопрос, на который следует ответить, касается сути конфликтов. Обычно они манифестируют себя и/или описываются сторонними наблюдателями в культурных терминах. Это дает возможность некоторым комментаторам говорить о «несовместимости культур» и призывать к образованию моноэтнических государств. Между тем квалификация конфликтов как именно «этнических» вызывает бурные дискуссии, параметры которых задаются двумя крайними суждениями: одни авторы доказывают, что речь, безусловно, идет именно о конфликтах, вызванных этническими противоречиями⁴, другие убеждают, что эти конфликты никакого отношения к этничности не имеют⁵. Действительно, в литературе встречается чересчур расширительное

понимание таких конфликтов, и к ним нередко относят более сложные процессы суверенизации и автономизации, включающие этнический фактор, но не сводящиеся к нему. В таком случае речь может идти об «этническом камуфляже» конфликта⁶.

Одно из промежуточных определений состоит в следующем. Конфликт представляется «этническим», если хотя бы одна из конфликтующих сторон выступает от имени этнической группы или если общественное мнение описывает насильников и их жертвы в этнических терминах⁷. В ряде случаев активные участники конфликта могут выступать и от имени политической (государственной) общности, если государственность описывается и понимается в этнополитических терминах. Важным представляется и то, что этничность создает язык противостояния и общественного обсуждения конфликта.

Конфликт сплачивает этническую группу, но это вовсе не означает, что все ее члены равным образом задействованы в нем или хотя бы разделяют позицию его активных участников. Так, во время военных действий в Карабахе некоторые азербайджанцы продолжали торговать с армянами на армяно-азербайджанской границе. Мало того, в период эскалации армяно-азербайджанского конфликта был случай, когда армянская и азербайджанская общины по собственной инициативе мирным путем произвели обмен селами, продемонстрировав возможность межэтнического сотрудничества в условиях резкого роста межэтнической напряженности⁸. Другой пример дают арабы, живущие в Абу-Гоше недалеко от Иерусалима, которые еще в конце 1940-х годов приняли решение не участвовать ни в каких конфликтах. И с тех пор они неуклонно придерживаются этого принципа, сохраняя добрососедские взаимоотношения с соседями.

Кроме того, говоря о субъектах конфликтов, уместно проводить различия между нацией как политической общностью и этнической группой, выделяющейся по языку, культуре или в ряде случаев религии. В этом смысле нация может включать в себя несколько разных этнических групп, и тогда этнический конфликт грозит нации расколом. Вот почему, например, индийский национализм пытается всячески противостоять внутренним межконфессиональным конфликтам. По этой же причине американский национализм выступает мощной силой, эффективно блокирующей раздувание расовых или этнических конфликтов. Сегодня такую же роль пытается играть российский национализм, но в силу своей очевидной слабости он пока что плохо с ней справляется.

Наряду с этим встречаются, хотя и редко, более или менее моноэтнические государства, где национализм неизбежно принимает этнический облик, и в таком случае следует говорить об этнонационализме. Здесь внутренние межэтнические конфликты по определению исключены, однако, выступая на внешней арене в качестве этнонации, государство может вступать в конфликты, иной раз рассматриваемые в этнических терминах. Нередки случаи, когда, выступая от имени «народа», такое государство присваивает себе право становиться на защиту анклавов данного «народа», расположенных на территории соседних государств, и это ведет к конфликтам, трактуемым как «межэтнические».

Имеется и третья, самая редкая модель, представленная бывшим СССР и современной Россией, где внутреннее административное деление опирается частично на этнический фактор. В этом случае ряд административных территорий, наделенных определенными властными полномочиями, имеют свое «титульное население», манифестирующее себя как этнонацию. Здесь этнонационализм, выступающий от имени «титульных народов-этносов», может ослаблять государство и даже препятствовать сложению единой политической нации. Отсюда ведущиеся много лет споры о «российской нации».

Надо также иметь в виду, что общегражданский национализм отличается инклюзивностью, тогда как этнонационализм, напротив, демонстрирует эксклюзивность. Поэтому если первый приглашает «чужаков» к участию в единой политической общности, то второй их отторгает, относясь к ним с подозрением и неприязнью. Из этого следует, что в условиях полиэтничного государства этнонационализм имманентно содержит зерна конфликтности. Впрочем, как справедливо отмечает один аналитик, «этническое многообразие само по себе не является причиной вооруженного конфликта, однако этническая идентичность часто определяет стороны конфликта»⁹. Важно также избегать ошибочного представления о том, что современные конфликты имеют якобы глубокие вековые корни и делятся столетиями, то переходя в латентное состояние, то разгораясь с новой силой. Исследования показывают, что причины конфликтов кроются в нынешнем состоянии общества или обществ, но идеология конфликта может действительно апеллировать к исторической памяти, организуя ее соответствующим образом.

Говоря о причинах конфликтов, уместно также проводить различия между этноконфликтом в узком и широком смысле. В первом случае речь идет об идентичности и о сохранении тех параметров (язык, культура и, отчасти, религия), которые признаются ее фундаментальной основой. Во втором случае борьба происходит под лозунгом упразднения дискриминации, в чем бы та ни проявлялась. Это встречается там, где дискриминируемая политически, социально или как-либо еще группа имеет этнический облик. Такой конфликт по своей сути вовсе не обязательно является «этническим» и не обречен на то, чтобы выражаться в крайних формах. Здесь возможно достижение приемлемого решения в рамках демократических процедур. Однако при полном отсутствии демократии или при ее ущербном состоянии конфликт обречен на эскалацию и чреват кровопролитием. Именно такие конфликты характерны для эпохи глобализации.

В этом контексте следует отличать этническую группу от других форм общности. Вопреки расхожему мнению этнос как сплоченная группа, основанная на общем языке и культуре, появляется в истории достаточно поздно. Ведь сама сплоченность такой группы зависит от осознания ее членами первостепенной важности языка и культуры по отношению к иным социальным связям (родству, соседству, религии и пр.). Но в крестьянском обществе именно родство, религия и общинные связи, а отнюдь не язык и культура определяли рамки социума и групповой лояльности. В ряде регионов мира это сохраняется и до сих пор. Поэтому там общинность и трибализм как живая традиция создают серьезную конкуренцию современному этническому единству, не говоря уже о национальном. Вот почему находящееся в состоянии формирования этническое или национальное единство, отличаясь сла-

бостью, подозрительно относится к любым для себя вызовам со стороны тех, кто считается «чужаком», но имеет основания претендовать на какие-либо права наряду с теми, кто считает себя «коренными». Именно в такой обстановке, где общность ведет борьбу на два фронта – как против подрывающего ее изнутри трибализма или регионализма, так и против бросающих ей вызов извне «чужаков», – создается взрывоопасная обстановка, в которой общество склонно уделять повышенное внимание тому, что оно считает «опасностью» для своей идентичности, и особенно остро на это реагирует. Это создает почву для «политики идентичности» и делает общество особенно уязвимым от того, что называется «этническими конфликтами». Примером служат ряд новых государств Центральной Азии (Кыргызстан, Казахстан), а также многие регионы Кавказа и Балкан.

Парадокс заключается в том, что, этнос, приходящий на смену родовым, общинным и региональным связям, обосновывает свое право на существование ссылкой на единство культуры, но при этом понимает под ней традиционную культуру, связанную с предшествующей эпохой и стремительно уходящую в прошлое. Это и требует «изобретения традиции», т. е. некоего воссоздания якобы традиционной культуры из самых разных компонентов, включая и традиционные, но по-новому переосмысленные¹⁰. Иными словами, в поисках своей «подлинной культуры» этнос осваивает и интериоризирует миф о «традиционной культуре». А люди, живущие в мифе, особенно склонны к стереотипизации окружающего мира, навязываемой им таким мифом, предлагающим четкое деление на «своих» и «чужих». При этом обе группы описываются в терминах «традиционной культуры» и ее «ценностей», которые на самом деле существуют только в воображении людей, ибо в реальной современной жизни они пользуются совсем другой культурой и руководствуются совсем иными ценностями.

Примечательно, что сами люди таких разительных противоречий чаще всего не осознают. Но «культура» и «ценности» служат им идеальным образом, позволяющим при необходимости с легкостью отличать «своих» от «чужих» и сплываться против последних. В такой ситуации образ «культуры» отличается определенной аморфностью, и у ее носителей возникают трудности с ее описанием. Но при этом именно образ «культуры», а вовсе не его наполнение, обладает самоценностью. «Культура» служит удобной объяснительной матрицей, дающей возможность «обнаруживать смысл» происходящего вокруг, в частности объяснить конфликт, который в таких условиях неизбежно получает «этническую окраску». Это относится и к религии, если последняя воспринимается прежде всего как культурная идентичность, а не вера. В этом случае ее функция сводится к выстраиванию границ идентичности и не имеет ничего общего ни с моралью, ни с ценностями. Это-то и обеспечивает высокую конфликтогенность такой сконструированной этничности.

Определенных комментариев требует и вопрос о культуре. Дело в том, что для нормального функционирования гражданской (политической) нации ей требуется единый язык, единая система символических кодов и ценностей, без чего невозможно эффективное функционирование общества. Это достигается развитием общенациональных институтов (школа, армия, правовая система, общенациональные СМИ и пр.)¹¹. Однако полноценная жизнь

полиэтнической нации требует сохранения определенных ниш для этнических языков и культур. Как и в политической сфере, здесь необходимо некоторое разграничение полномочий, что достигается в ходе переговорного процесса и культурно-языковой практики. Ведь причиной конфликтов служит не сама по себе этничность, а определенная этническая политика¹².

Оптимальным решением является такое, когда общим стержнем, на котором основывается единство нации, служит не культура, а политическое начало, опирающееся на идеи демократии – свободы и права человека, равенство всех перед законом, уважение к Конституции, как это происходит, например, в США и Канаде. Упор на политическую составляющую позволяет сохранить определенный баланс между политическим единством нации и наличием многочисленных конкурирующих друг с другом культур. Выгода от этого либерального решения проблемы, предложенного известным немецким философом Ю. Хабермасом, заключается в том, что политическое и культурное начала разводятся, и между ними никакого соперничества не происходит, или оно сводится к минимуму. Это позволяет сочетать единство нации, понимаемое как именно политическое и социальное единство, с культурным многообразием¹³. В то же время надо иметь в виду, что и нация создает определенную культуру и культурные коды, способствующие взаимопониманию между ее гражданами независимо от этнической или религиозной принадлежности. Без такой культуры национальное единство невозможно. Однако, вопреки алармистским рассуждениям некоторых «этнических лидеров», такая культура вполне способна мирно сосуществовать с этническими культурами. Ведь билингвизм и бикультурализм сопровождали человечество на протяжении всей истории и являются типичнейшей чертой эпохи глобализации; лишь эпоха национализма пыталась порвать с этой традицией, но сегодня на вновь выходит на передний план.

Кроме того, следует учитывать, что речь здесь идет не о раз и навсегда зафиксированном состоянии, а о процессе, поддержание которого требует постоянных усилий. Примером служит Швейцария, где служившая верой и правдой упомянутая модель дала в последние годы трещину, когда большинство граждан высказались против строительства мечетей. Вот почему в современных условиях быстрых изменений даже на первый взгляд сложившаяся оптимально ситуация не должна стать основанием для успокоенности, и требуется ее постоянный мониторинг. Этим и определяется значение настоящей книги, призванной дать многоаспектный анализ того, что сегодня называется «этническими конфликтами».

В основу предлагаемого коллективного исследования положено представление о четырех типах разных конфликтов, которые детально анализируются авторами: 1) спонтанные конфликты, или погромы (узбекско-киргизские столкновения в Кыргызстане, индуско-мусульманский конфликт в Индии), отличающиеся быстротечностью, слабой организованностью и повышенной эмоциональностью участников; 2) латентные конфликты в рамках политического процесса (Квебек в Канаде, Корсика во Франции, коммунизм в Ливане); 3) открытые вооруженные конфликты (палестино-израильский, косовский, алжирский, кипрский, кашмирский, шри-ланкийский); 4) религиозные конфликты, которые обычно описываются как «столкновение цивилизаций» (связь ислама с конфликтами как внутри отдельных стран, так и на междуна-

родной арене)¹⁴. Разумеется, речь идет об идеальных моделях, ибо на практике отдельные конфликты сочетают особенности двух или более моделей. В частности, политический процесс может временами прерываться вспышками насилия или террористической активности.

Некоторые авторы в своих статьях обсуждают содержание понятия «этнический конфликт». Его кажущаяся прозрачность скрывает множественность его смыслового значения, которое зачастую оказывается до того парадоксальным, что сегодня ряд исследователей вообще отказываются от этого термина, иной раз мешающего адекватному пониманию сути конфликта. Крайне многообразным оказывается и содержание понятия «конфликт», которое включает самые разные агрессивные взаимодействия – от перепалки в Интернете или бытовой ссоры до массовых вооруженных столкновений¹⁵.

В отдельных статьях освещаются следующие темы: история конфликта, причины и поводы, приведшие к нему, особенности противоборствующих сторон и преследуемые ими цели и интересы, соотношение рациональных и иррациональных мотиваций конфликта, роль этнической солидарности и эмоций, связанных с участием в «общем деле», эскалация конфликта, характер насильственных действий, их объяснения, даваемые обеими сторонами, участие в конфликте третьих сторон (мировых держав и сообществ, а также роль диаспор, если таковая имеет место), выход из конфликта (особенности миротворческого переговорного процесса). Кроме того, уделяется внимание коллективной травме, влияющей на социальную память и играющей большую роль в идеологии конфликтности, а также накладывающей отпечаток на взаимоотношения бывших противников после окончания конфликта. По мере возможности затрагивается и роль гендерного фактора в конфликте.

В последние десятилетия некоторые постсоветские авторы высказывают соображение о том, что будто бы в нашу эпоху классовая борьба сменилась этнической и якобы это является закономерным этапом в развитии человечества. Поэтому в данной книге обращается особое внимание на культурную составляющую конфликтов и ее роль в конфликте. Речь идет об апелляции к культурной символике и культурной манифестации конфликта. Это – актуализация исторической памяти или создание исторического мифа, проведение направленных на конфронтацию праздников и церемоний (культивация памяти о былых войнах между народами, входящими сегодня в одно государство), использование традиционной атрибутики (например, традиционной одежды, головных уборов, религиозных символов) и словесных формул, организация обрядов и ритуалов, а также роль художественной литературы, изобразительного искусства, музыкальных произведений и в особенности телевизионных передач в разжигании вражды и раздувании конфликта. В частности, ставятся следующие вопросы: является ли расхождение в культурных ценностях истинной причиной конфликта или культура используется как объяснительная матрица, скрывающая столкновение каких-то иных интересов? Как именно и почему происходит осмысление конфликта в культурных терминах и как культурные символы (и какие именно), с одной стороны, создают почву для этнической солидарности и консолидации, а с другой, усиливают противостояние и конструируют «образ врага»? Каково соотношение между риторикой, а также публичной манифестацией конфликта и интересами его организаторов и других действующих лиц? Наконец, как и

почему в ходе конфликта происходит переосмысление используемых культурных символов, как и почему меняются аргументы противоборствующих сторон?

Стержнем статей является объяснение конфликта. При этом авторы имеют в виду предлагавшиеся для этого известные теоретические концепции. Так как между специалистами ведутся споры, авторы занимаются проверкой справедливости и доказательности разнообразных подходов и концепций с опорой на имеющиеся в их распоряжении конкретные материалы (личные наблюдения, информация от непосредственных участников или очевидцев, архивные данные, данные СМИ, политические декларации, исторические и псевдоисторические труды и пр.).

Существенно, что все авторы рассматривают конфликт в контексте исторического развития тех или иных регионов, что включает анализ процессов оформления отдельных этничностей и условий появления «национальной идеи» и национальных движений. Тем самым разрушается миф о якобы застарелых вековых конфликтах, ибо многие современные конфликты оказываются побочным результатом нациестроительства, связанного с особенностями нашей эпохи. А глубокие исторические корни конфликта оказываются мифологемой, призванной легитимировать конфликт путем создания образа «векового врага»¹⁶. Несмотря на всю свою мифологичность, такой образ служит мощным и действенным инструментом этнической мобилизации, и разрушить его крайне сложно. Многие конфликты либо уходят своими корнями в колониальный период и обусловлены политикой колониальных держав, либо используют «постколониальную риторику», прибегая к образу «исторической травмы», заслуживающей воздаяния. «Виктимизация» служит и катализатором конфликта и объяснительной матрицей, являясь испытанным способом апелляции к мировому общественному мнению с целью заручиться его поддержкой.

Частым поводом к конфликту служит политика вновь созданных национальных государств, направленная на культурно-языковую гомогенизацию общества. Такая политика неизменно встречает сопротивление меньшинств, усматривающих в этом покушение на свою идентичность. Отсюда культурная составляющая конфликта, создающая впечатление «столкновения несовместимых культурных ценностей». Сегодня этот аргумент широко используется лидерами «национальных движений», хотя за этим скрываются конкретные политические, территориальные, социальные или экономические интересы. Нельзя сбрасывать со счетов и реальную дискриминацию меньшинств, к которой иной раз ведет непродуманная политика властей, выступающих от имени доминирующего большинства. Наконец, следует учитывать, что жесткий культурно-религиозный фундаментализм, нередко создающий питательную среду для конфликта, является следствием эпохи модерна с ее стремлением к четкой классификации и кодификации и нетерпимым отношением к ситуации культурной неопределенности.

В первой части книги представлена модель спонтанных конфликтов. На примере межобщинных стычек и погромов в Южном Кыргызстане в июне 2010 года С. Абашин и И. Савин рассматривают понятие «этнический конфликт» и его применимость в качестве аналитического инструмента. Вслед за Р. Брубейкером авторы акцентируют внимание на процессе этнизации кон-

фликта и анализе того, как и почему он представляется людям этническим. По мнению авторов, благоприятная почва для расцвета этнонационализма в постсоветском Кыргызстане, как, впрочем, и во многих других постсоветских государствах была создана в советское время политикой «коренизации», наделившей местное население четкими этничностями, тесно связанными с социальными статусами и властными полномочиями. Кое-где, как, например, в Кыргызстане, эта «коренизация» получила продолжение, приводя к маргинализации меньшинств. Авторы детально анализируют состав конфликтующих сторон и структуру конфликта, определяющуюся экономическим и социальным неравенством между горожанами-узбеками и селянами-киргизами. Ключевым инструментом, придавшим событиям массовость и бескомпромиссность, авторы считают понятие «коллективной травмы», включающее представления о «зачинщиках», о числе «жертв» с обеих сторон, о «зверствах» и «геноциде», а также память об аналогичных событиях 1990 г. Кроме того, в контексте конфликта происходит актуализация истории, в телеологическом свете рисующей нынешний конфликт неизбежным продолжением якобы вековой конфронтации. В статье освещается и гендерный аспект, представляющий важную сторону конфликта. Наконец, авторы показывают огромную мобилизующую роль слухов в эскалации насилия. Иными словами, этническое неравенство, усугубленное государственной политикой, создало социальную напряженность, которая выплеснулась на улицы в виде погромов в переломный момент развития молодой киргизской государственности.

В следующей статье В.А. Шнирельман рассматривает индусско-мусульманский конфликт на фоне роста индийского национализма и деколонизации. Особенностью этого процесса является нарастающая конкуренция между гражданским (инклюзивным) общеиндийским и этнорелигиозным индусским (эксклюзивным) национализмами, где первый стоит за единство политической нации независимо от религиозной или культурной принадлежности, тогда как второй требует привилегий индусам как «государствообразующему народу» под лозунгом «Индия для индусов». Примечательно, что во втором случае политическая мобилизация происходит под религиозными лозунгами, отождествляющими «истинных индийцев» с приверженцами индуизма, якобы подвергающимися дискриминации в своем государстве. Как и в Кыргызстане, основную массу участников насильственных действий составляют городские люмпены, тогда как идеологическую и организационную поддержку оказывают выходцы из среднего класса, из отставных военных и бывших чиновников. Однако, в отличие от Кыргызстана, индусы-фундаменталисты опираются на существующие десятилетиями политические и общественные структуры, стремящиеся реализовать свою идеологию на практике. Погромы здесь вспыхивают вовсе не спонтанно, а являются следствием подстрекательской деятельности фундаменталистов. Автор анализирует особенности идеологии индусского движения, его социальный контекст и политическая активность, а также широкое использование им привлекательных для индусов культурных форм и символов. Стержень статьи составляет разрушение мечети в Айодхье в 1992 г., вызвавшее эскалацию насилия и погромы с массовыми жертвами. В то же время существующий в Индии демократический строй, предполагающий свободную конкуренцию политиче-

ских партий, не позволяет индусскому фундаментализму стать доминирующей силой в обществе.

Во второй части книги речь идет о латентных конфликтах, решение которых оказывается возможным путем политико-правового урегулирования в рамках парламентских процедур, хотя иной раз политический процесс и прерывается терактами или вооруженными стычками. Главный из таких конфликтов представлен Квебеком в общем контексте этнической мозаики Канады. Автор статьи В.И. Соколов напоминает, что канадский федерализм изначально складывался на основе двух этнических массивов – британского и французского. На первый взгляд, суть конфликта в Квебеке составляет вопрос о равных социальных правах англофонов и франкофонов, окрашенный вековым страхом последних перед ассимиляцией. За последние полвека в Квебеке были проведены успешные экономические реформы и произошла радикальная секуляризация, в результате чего роль католической церкви резко упала. Тем не менее квебекский национализм дважды ставил провинцию на грань серьезного кризиса – в конце 1960-х годов и в середине 1990-х.

В течение последних тридцати лет шел интенсивный процесс переговоров между националистически настроенными властями Квебека и федеральным Центром по поводу статуса провинции, показавший возможность решения проблемы на основе законных политических процедур вплоть до признания в 2006 г. существования особой «квебекской нации». В итоге в последние десять лет влияние жестких сепаратистов в Квебеке падало. По мнению автора, главным противовесом сепаратистским настроениям послужил бурный экономический рост в Квебеке. Это – важный вывод, идущий вразрез с ситуацией в ряде других стран, где тенденция к сепаратизму отмечалась как раз в наиболее экономически развитых регионах (Прибалтика в СССР, Шотландия в Великобритании, Фландрия в Бельгии, Ломбардия в Италии, Словения в СФРЮ, и пр.). Поэтому следует учитывать и дополнительные факторы: рост числа франкоязычных иммигрантов из Африки, Азии и Латинской Америки, а также сопротивление аборигенного населения (индейцев и инуитов), грозившего отделением от Квебека в случае победы сепаратистов. Наконец, автор приходит к выводу о позитивном вкладе политики мультикультурализма в политико-правовое урегулирование в Квебеке.

В статье Е.И. Филипповой анализируются противоречивые тенденции, характерные для корсиканского национализма, который в своем развитии перешел от культурной программы к политической и от элитарности к массовости. Детально рассматривая причины этой эволюции, автор показывает сложный политический состав националистов и особенности его радикализации, опиравшейся на массовую поддержку. В статье объясняется его сдвиг к «культурному расизму» и описываются споры местных «автономистов», сделавших упор на вопросах культуры, с «социалистами», действовавшими из Парижа и сохранившими верность левой программе. В этом соперничестве, как отмечает автор, «логика развития» сталкивалась с «логикой сохранения идентичности». Достигнув апогея в 1990-х годах, движение стало подрываться внутренними распрями, взаимными убийствами и криминализацией части своих подразделений, что привело к потере массовой поддержки.

Дальнейшие события показали, что умеренные националисты (автономисты) пользуются вдвое большей популярностью, чем радикалы (сепара-

тисты). Когда Корсика в начале 2000-х годов получила значительные права автономии, ее жители перестали поддерживать дальнейшую радикализацию движения. По мнению автора, в русле корсиканского национализма «антиколониальные» настроения сочетались с выступлением против традиционной клановой структуры власти, что хорошо соответствует выступлению ранних европейских националистов против монархии. В то же время в русле корсиканского национализма этничность поначалу подчиняла себе гражданство. Но к концу XX в., когда Корсика начала принимать массы иммигрантов, этничность утратила привлекательность, и членство в нации стало пониматься «не как естественное, а как элективное», опирающееся на понятие «общей судьбы». Анализируя мотивы корсиканских националистов, автор останавливается на символах корсиканской идентичности, представлениях о прошлом («миф о золотом веке»), особенностях «национального праздника», образах «героев нации», культурных аргументах, – короче, всем том, что способствует националистической мобилизации. Подводя итог, автор заключает, что «корсиканская проблема» – это плод безразличия французских властей, не уделяющих должного внимания социальным проблемам отдаленной периферии.

Статья В. и И.Н. Моховых посвящена событиям последних десятилетий в Ливане, слабо известным российской общественности. Власти Ливана вынуждены постоянно лавировать между интересами ряда конфессиональных общин. Результатом гражданской войны 1975–1990 гг. стало появление там моноконфессиональных анклавов, чего ранее не наблюдалось. Авторы рассматривают изменения политической системы после окончания гражданской войны, особенности политического конфессионализма, а также послевоенное положение конфессиональных общин. Ситуация усугублялась внешним фактором – политическим и экономическим контролем со стороны Сирии, интересы которой проявили себя в новых конфликтах. В последнее время резко выросла роль шиитской общины и представлявшего ее движения «Хисболла», опирающегося на поддержку Сирии и Ирана и присвоившего себе монополию «борьбы с Израилем». Авторы анализируют причины зарождения нового конфликта 2005–2011 гг. с учетом его многогранности (политические, экономические, социальные, конфессиональные аспекты и международные факторы). Исследуется как комплекс внутриливанских особенностей и факторов конфликта (позиции и программы сторон, их восприятие ливанцами), так и влияние внешней среды (различные формы поддержки внешними акторами участников ливанского конфликта, зависимость внутриливанского урегулирования от внешних факторов). Фактически в начале 2005 г. раскол произошел между антисирийскими и просирийскими силами, независимо от конфессиональной принадлежности участников. Поэтому по сути конфликт не является ни этническим, ни конфессиональным – ведь одна из сторон возглавлялась шиитской «Хисболлой» при участии некоторой части маронитов, а другая была представлена коалицией суннитов с христианами и друзьями.

Авторы специально останавливаются на роли религии и религиозных лидеров в ливанской политике. Они выделяют ключевые факторы и значимые обстоятельства ливанского конфликта с целью прогнозирования его эволюции и возможных путей урегулирования. Существенно, что в Ливане конфессиональная идентичность до сих пор сильнее общенациональной, и это

оказывает влияние на расклад политических сил, вовлеченных в конфликт. Таким образом, при наличии конфессиональной демократии конфликт в Ливане имеет политический характер и лишь косвенно связан с религией.

В третьей части книги рассматриваются открытые вооруженные конфликты, одни из которых уже стали частью истории, но глубоко врезались в память местного населения, а другие продолжаются до сих пор. Некоторые из них длятся десятилетиями, другие вспыхнули относительно недавно. При этом длительные конфликты то затихают, то разгораются вновь, причем со временем конфликтующие стороны пересматривают свои аргументы, заново формулируют цели, меняют состав участников, прибегают к новой символике. Все это усложняет анализ конфликта и затрудняет выработку стратегии по его прекращению.

В статье об исключительно сложном израильско-палестинском конфликте Г.Г. Косач анализирует роль государства, этничности и элит на Ближнем Востоке. Современная государственная конфигурация Ближнего Востока – это во многом плод колониальной политики ряда западных держав, причем демаркация постколониальных границ мало считалась с региональной, конфессиональной и культурно-языковой ситуацией, а также с историческими связями отдельных регионов. Ведь даже первая подробная карта Палестины была составлена британскими археологами, основывавшимися на данных Библии. Все это создало почву для будущих конфликтов. Особую роль здесь играет государство Израиль, образование которого шло вразрез с проектами арабских соседей. Мало того, с тех пор многие исторические события на Ближнем Востоке трактуются и оцениваются арабами и евреями прямо противоположным образом. Так, если война 1948–1949 гг. понимается в Израиле как утвердившая его право на существование, то в арабском мире она представляется катастрофой. Автор дает характеристику сионизму и «арабосирийскому» национализму и их конкурирующим «ментальным картам», в частности, показывает роль исторических и религиозных символов в конструировании «наций», а также в развязывании и эскалации конфликта. Он различает разные уровни конфликта (межгосударственный и межэтнический), которые во многом и объясняют трудности миротворческого процесса. Действительно, сложность конфликту добавляет то, что он находится на стыке нескольких мировых религий и помимо прямых участников в нем замешаны интересы как арабских государств, так и западного мира. Кроме того, в течение последних десятилетий само израильское общество раскололось по вопросу о дальнейшей судьбе Палестины и о взаимоотношениях с палестинцами. Проанализированы эволюция палестинского движения и взаимоотношения входящих в него противоборствующих партий. Примечательно, что само формирование «палестинской нации» проходило на фоне конфликта и благодаря ему. Важную роль в эскалации конфликта и его жестком оформлении играли религиозные проекты будущего, причем и с той и с другой стороны. Следовательно, конфликт никак не укладывается в упрощенные «этнические» рамки. В статье ставится вопрос о том, насколько возможно примирение сторон в сложившихся обстоятельствах.

Проблема противостояния арабов-мусульман и европейцев поднимается Н.В. Моховым в статье, посвященной Алжиру, бывшей заморской территории Франции. Проявлявшееся во всех значимых сферах жизни (право, эконо-

мика, налоги, образование, социальные льготы) неравенство делало Алжир типичной колониальной окраиной. Ответом стали местные политические движения, направленные на упразднение неравенства вплоть до требований полной независимости. Вызвавшая серьезные социальные изменения модернизация не только обострила социальное неравенство в городах, но и создала критическую массу мусульман, готовую к социальному взрыву. Неспособность французских властей решить накопившиеся проблемы привела к войне 1954–1962 гг. Профессиональная французская армия не смогла справиться с партизанскими действиями алжирских повстанцев; не помогла французам и попытка превратить войну в гражданскую.

Эскалация конфликта вела к радикализации позиций обеих сторон, причем жесткая позиция «черноногих» даже привела к перевороту в Париже и возвращению к власти генерала де Голля. В свою очередь, повстанцев ослабляли внутренние противоречия и расколы. Их демократическая риторика уживалась с исламскими лозунгами и приверженностью исламским понятиям и практикам. Автор анализирует противоречия в рядах повстанцев и неоднозначное отношение французского общества к войне в Алжире. По его мнению, решающим фактором стало решение де Голля пожертвовать Алжиром ради модернизации Франции. Это вызвало путч генералов и консолидацию противников независимости Алжира, что привело их к тактике массовых терактов, ставших последним аккордом алжирской войны.

В 1962 г. между Францией и новой властью Алжира было подписано соглашение о предоставлении последнему независимости при сохранении тесного партнерства между двумя странами. Следовательно, главными причинами войны в Алжире было не различие культур или религий, а безусловные требования процесса деколонизации, которые французская колониальная администрация оказалась не в состоянии выполнить.

Вопрос о сомнительности определения конфликта как «этнического» исследуется и М.Ю. Мартыновой на примере конфликта в Косово. Автор доказывает, что стержнем его была отнюдь не этничность, а экономические, социальные и политические проблемы, порожденные процессом дезинтеграции федерации. Отмечается, что вплоть до недавнего времени в Косово наблюдалась ситуация множественной и ситуационной этничности, был распространен билингвизм, активно происходило взаимопроникновение культур, не было даже резких границ между соседними религиями. По словам автора, причины конфликтов коренились отнюдь не в религии, а в разных подходах к политическому статусу территорий. Хотя, будучи наиболее отсталым экономически регионом, Косово получало значительную финансовую помощь из федерального Центра, албанцы чувствовали себя там дискриминированным меньшинством.

Эскалация конфликта началась в 1980-х годах, когда взаимные претензии приобрели этническую окраску. В 1990–1992 гг. албанцы взяли курс на независимость Косово и начали политику «мирного сопротивления» властям Сербии. Но затем инициатива перешла к радикалам, сделавшим ставку на вооруженную борьбу, включая теракты и погромы. Жесткий ответ со стороны правоохранительных сил Сербии привел к росту числа жертв и массовому бегству из Косово. Автор ставит вопрос о влиянии косовских событий на албанские анклав в соседних государствах, а также о неоднозначной роли

международных акторов (западных стран и России) как в эскалации конфликта, так и в его тушении. В частности, по мнению автора, военные действия НАТО в 1999 г. привели лишь к ухудшению ситуации в Косово. С тех пор Косово существовало под протекторатом ООН, пока, наконец, в феврале 2008 г. край не объявил о своей независимости. Автор останавливается на процессе конструирования новых идентичностей и их символическом утверждении, а также на печальной участи сербов, пострадавших от этнических чисток и не признающих албанской власти в Косово. Итак, конфликт еще далек от завершения.

Распад Советского Союза сопровождался серьезными этнополитическими конфликтами и кровопролитными войнами на его южных рубежах. Корни этих конфликтов уходят как в советское время, так и в эпоху Российской империи и во многом связаны с колониационной деятельностью, опиравшейся на поддержку государства. Процесс распада не закончился падением СССР и фактически продолжился в Грузии, Молдавии и Азербайджане. Эти болезненные процессы детально анализируются с политологической точки зрения С.М. Маркедоновым на примере постсоветской Грузии. Кавказский регион дает особенно наглядное представление о символических формах протеста, обнаруживающих себя в местных версиях истории, религиозности, чутком отношении к местной языковой и демографической ситуации, топонимике и т.д.¹⁷ В последние двадцать лет местные историко-культурные и этно-социальные конфликты неоднократно принимали вооруженную форму, причем в них оказались вовлеченными Россия, США и Европейский союз. Автор дает краткий обзор этнополитической истории Абхазии и Юго-Осетии в составе сперва Российской империи, затем – СССР, показывая, в частности, как постепенно понижался государственный статус Абхазии и осуществлялась дискриминация абхазов, что вызывало их недовольство. В итоге сформировавшиеся в годы перестройки этнополитические движения грузин и абхазов отстаивали прямо противоположные позиции. Автор показывает, как обе стороны искусно использовали в свою пользу историко-правовые документы досоветского (грузины) и советского (абхазы) времени и как это с неумолимой силой приближало военную развязку 1992–1993 гг.

В статье детально рассматриваются сложные взаимоотношения Грузии и Абхазии и роль международных акторов, включая Россию, в установлении мира и разрешении конфликта; влияние на ход переговоров сложной и неоднозначной динамики взаимоотношений между Россией и Грузией, а также прогрузинская позиция США. Анализируется новое международное положение Абхазии после 2008 г., когда в центре общественного дискурса встали ее взаимоотношения с Россией, а не с Грузией. По мнению автора, нынешнее присутствие России в Абхазии и США в Грузии лишь закрепляет сложившееся статус-кво.

В советские годы ситуация в Южной Осетии несколько отличалась от абхазской, но и там в той или иной мере наблюдалась дискриминация, причем на нее по разным причинам жаловались как осетины, так и грузины¹⁸. Автор полагает, что осетинский сепаратизм был спровоцирован самими грузинскими властями. Однако, скорее, подобно абхазскому, он был вызван общими причинами, связанными со стремлением поднять политический статус, используя резкое ослабление государственных механизмов в условиях распада

СССР. Как и в Абхазии, начало суверенизации было положено вооруженным конфликтом, сменившимся вялотекущим миротворческим процессом, позволившим становление государственности в Южной Осетии. Новое обострение началось в 2004 г. после «революции роз», когда новый президент Грузии сделал установку на «восстановление территориальной целостности». Именно в этих условиях, по мнению автора, Южная Осетия оставила надежды на улучшение отношений с Грузией. Итогом эскалации напряженности стала пятидневная война августа 2008 г., закончившаяся поражением Грузии и признанием рядом стран независимости Южной Осетии. Но это не сняло проблем, стоящих перед Южной Осетией, и ее статус отличается большей уязвимостью, чем Абхазии.

Столь же сложный и длящийся десятилетиями кипрский конфликт рассматривается в статье В. В. Степанова. Автор находит истоки конфликта в XIX в., когда греки-киприоты поддержали греческое восстание против Османской империи и мечтали о воссоединении со свободной Грецией. В течение XX в. греки не оставляли надежд на получение независимости, а община турок-киприотов настаивала на возвращении острова Турции. Автор анализирует периоды роста напряженности, доходящей до терактов и вооруженных столкновений, и сменявшие их этапы временного затишья. Он показывает, что постоянная напряженность привела к разделению прежде смешанных общин. К началу 1970-х годов греческая и турецкая общины уже жили отдельно, и шансы на примирение резко упали.

Ситуация резко ухудшилась с приходом к власти в Греции военной хунты, оказывавшей поддержку тем, кто мечтал о присоединении Кипра к Греции. Летом 1974 г. она инспирировала переворот на Кипре, что моментально привело к введению турецких войск на северную часть острова. С этого момента греки и турки были окончательно территориально разделены, и встал вопрос о создании двуобщинной федерации. Так как вопрос решен не был, в северной части возникла самопровозглашенная Турецкая Республика Северного Кипра. Разделение острова долгое время мешало Кипру стать полноправным членом ЕС и создавало угрозу отторжения его северной части Турцией. Но в мае 2004 г. Республика Кипр была принята в Евросоюз.

В последние годы регулярно ведутся переговоры по налаживанию отношений и созданию федеративного государства, а жители с обеих сторон стали свободно пересекать «зеленую линию» и даже развивать совместный бизнес. Как отмечается в статье, сегодня местное население испытывает психологические травмы в связи с тремя темами – пропавшими без вести, перемещенными лицами и утратой собственности. При этом обращается внимание на различия в европейском и мусульманском урегулировании прав собственности, которые усложняют ситуацию. В заключение автор проводит анализ политических сил, действовавших на Кипре, их установок и идеологии, в частности формы кипрского национализма и разнообразные попытки конструирования новой кипрской идентичности. Автор дает свою интерпретацию результатов недавно проведенных на Кипре и приходит к выводу, что обстановка для окончательного мирного урегулирования еще не сложилась.

Анализируя длительный конфликт в Кашмире, Т.Л. Шаумян видит его подоснову в элитной концепции «двух государств», выработанной еще в Британской Индии в колониальное время и настаивавшей на невозможно-

сти мирного сосуществования двух «наций» в рамках одного государства. Получение независимости привело к формированию двух государств по религиозному принципу, причем в независимой Индии сохранились крупные мусульманские анклавы. Один из последних расположен в Кашмире, разделенном ныне между Индией, Пакистаном и Китаем. В прошлом этот поликультурный и поликонфессиональный регион демонстрировал едва ли не образец толерантности и взаимопонимания. Он и ныне состоит из множества этноконфессиональных групп, имеющих весьма различные представления о своем политическом будущем. Хотя с середины XIX в. в Джамму и Кашмире проводилась политика дискриминации мусульман, политическая борьба развивалась там по социально-классовой траектории, и религия вовсе не была ее главным фактором.

После получения Индией независимости, немало мусульман Кашмира высказались за вхождение в ее состав как секулярное государство, от которого они ожидали реализации принципа социального равенства. Однако после получения независимости между Пакистаном и Индией возникла напряженность, отражающаяся на внутреннем состоянии Кашмира. Предоставив Кашмиру вначале «особый статус», власти Индии со временем сокращали его привилегии, что напоминало ситуацию Абхазии в Грузии. Наряду с этим местные индуусы и буддисты постоянно жаловались на дискриминацию со стороны мусульман. Действовал и внешний фактор – враждебные действия Пакистана, провоцировавшего пограничные войны, а с 1980-х годов инициировавшего террористическую активность на территории Кашмира. В итоге в конце 1980-х годов ситуация резко обострилась. Тогда власти Индии ввели в Кашмире президентское правление и направили туда войска. Однако напряжение не спадает, и теракты исламистов чередуются с ответными жесткими действиями индийских военных. Интенсивная дипломатическая работа – как индо-пакистанские переговоры, так и участие внешних акторов (США, России и Китая) – пока что не увенчалась успехом. Сохраняется недовольство местного населения условиями жизни и нарушениями прав человека в ходе затянувшегося конфликта.

Автор дает оценку деятельности многочисленных международных организаций, годами безрезультатно пытающихся установить мир в Кашмире. Однако позиции Индии и Пакистана настолько различны, что никакого компромиссного решения проблемы достичь не удастся. Тем временем по мере распространения кашмирской идентичности лозунг независимости Кашмира завоевывает популярность у местного населения.

В главе о тамильско-сингальском конфликте на Шри Ланке Б.М. Волхонский анализирует исторические и социально-политические корни межэтнического противостояния. Предпосылки к конфликту, по его словам, начали складываться в колониальный период, когда, с одной стороны, жившие на севере и востоке страны тамилы оказались на обочине экономического прогресса, а, с другой, британская система образования дискриминировала сингалов. Но если конфликты колониального времени определялись религиозным фактором, то конфликты между сингалами и тамилами начались только в 1950-е годы с закона о государственном языке, ограничившем социальную мобильность тамиллов. Это привело к расколу общества и этническим погро-

мам, после чего тамилы были наделены некоторой автономией, а тамильский язык получил определенные права в северной и восточной частях острова.

Автор описывает эскалацию насилия в 1970–1980-е годы и его перерастание в гражданскую войну 1983–2009 гг. Главной причиной конфликта стала установка тамильских радикалов на достижение полной независимости, к чему их подталкивала сохраняющаяся дискриминация. В статье показана огромная роль тамильской диаспоры в эскалации конфликта, говорится о вовлеченности в конфликт Индии, стремящейся стать региональной сверхдержавой. Однако индийское миротворчество (1987–1990) было неудачным и закончилось смертью Раджива Ганди в результате теракта. Попытки международных сил осуществлять посредническую миссию в 2000–2004 гг. также не дали положительных результатов. Между тем благожелательное отношение к шриланкийским тамилам постепенно сменилось в глазах международной общественности их включением в список террористических организаций.

Поворотным моментом в гражданской войне стал раскол в рядах тамильских повстанцев, позволивший правительственным войскам успешно подавить сопротивление мятежников. В мае 2009 г. гражданская война закончилась. Автор останавливается и на мифической истории, которая привлекалась обеими сторонами для легитимации своих прав и доказательства тезиса о якобы «вековой вражде». Статья заканчивается прогнозом развития межэтнических отношений после окончания гражданской войны, которая не решила ни один из поднимавшихся ею вопросов.

Наконец, в четвертой части книги ставится вопрос о роли ислама в глобализирующемся мире. Эта тема рассматривается А. Ярлыкаповым на примере Северного Кавказа, где ислам не только всегда отличался необычайным разнообразием, но где в последние десятилетия его характер существенно изменился. В частности, идет процесс «исламской глобализации», движущей силой которой выступает местная молодежь. В этом контексте, по словам автора, ведется поиск универсального ислама, растут фундаменталистские настроения и исламские ценности получают приоритет над национальными. В этом молодежи помогает современная информационная технология, способствующая легкому созданию широких сетевых связей. Примечательно, что при этом исламское общение обеспечивается русским языком. В то же время сетевые связи не считаются с национальными границами и ориентируются на мировые исламские центры, одним из которых служит Иран, где делаются попытки разработки универсального ислама. В этих новых условиях «традиционный ислам», отличающийся значительным консерватизмом, легко проигрывает «новому исламу», популярному у северокавказской молодежи. Применение против последнего репрессивных мер вызывает обратный эффект – его радикализацию и переход к методам террора. Мало того, ослабление «ваххабитов» вследствие их преследований органами правопорядка привело к проникновению на Северный Кавказ радикальной организации Хизб ут-Тахрир. В этих условиях недавний этнический сепаратизм стал сменяться борьбой за освобождение мусульман от «власти неверных».

Автор показывает, что радикализация молодежи является ответом на небывалый расцвет коррупции, расхищения государственных средств и властного произвола. Пытаясь избежать этого, молодежь и уходит в джамааты,

изолирующие себя от общества. Сегодня ученики популярных исламских лидеров занимают ключевые позиции в местной власти и экономике Дагестана, получая возможность контролировать общественно-политическую жизнь. В статье рассматривается разнообразное и далеко не однозначное отношение к идее «халифата» и стратегии его построения в исламских кругах Дагестана. Иными словами, способствуя политической мобилизации, ислам не представляет собой крепкого единства – его сторонники разделены на противоборствующие группировки, имеющие очень разные представления о целях борьбы. Мало того, если в центре внимания автора находится Дагестан, то следует учитывать, что в других республиках Северного Кавказа наблюдаются несколько иные ситуации. Там некоторые исследователи выделяют так называемый молодой ислам, отличающийся радикализмом, но не связанный с ваххабитами.

Исходя из того, что динамика насилия показывает отчетливый тренд к политизации культурных различий, В.А. Тишков в заключительной статье ставит вопрос о том, как в современных условиях можно избежать или сдерживать крайние выражения агрессии. Он останавливается на сущности и типологии конфликтов, дает представление об основных объяснительных теориях и излагает свое видение «этнического конфликта» как разновидности социального, где едва ли не ключевой причиной является дискриминация или чувство несправедливости. Он отмечает и важную роль этнонациональной гуманитарной интеллигенции как в выработке идеологии конфликта, так и в организации этнополитических движений. Все это автор анализирует на примере этнополитических конфликтов периода распада СССР, показывая, что они имели структурный характер. Он также пишет о роли государства, о культурном плюрализме и о соотношении власти и общества в современном мире.

Большинство современных государств имеют сложный этнокультурный состав, и сегодня вместо концепции «плавильного котла» требуется уважение этнокультурного многообразия на основе демократии согласия и справедливого распределения ресурсов – политических, экономических и культурных. Автор предлагает видеть в СССР не «тюрьму народов», а «колыбель наций», и, по его мнению, его распад заставляет задуматься об установлении некоторых «пределов политики мультикультурности». Он подчеркивает, что «основной формой внутригосударственного противостояния в современном мире оказался не межгрупповой конфликт, а конфликт по типу “группа против государства”. При этом как от лица государственной власти, так и от лица группы может выступать и мононациональная общность, и полиэтничное территориальное сообщество. И это делает определение «этнического конфликта» довольно условным. Автор обсуждает природу таких конфликтов и их причины, их лозунги и мотивацию, значение иррациональных и эмоционально-психологических факторов, роль харизматических лидеров и внешних сил в конфликте. Особое внимание он уделяет миротворческому процессу и вопросам постконфликтного государственного устройства. Кроме того, ставится вопрос о двойных стандартах, встречающихся в отношении решения конфликтных ситуаций в разных регионах мира.

Актуальность данного исследования состоит в том, что речь идет о современных конфликтах, многие из которых еще не получили завершения.

Высокая конфликтность современного мира в целом вызывает настоятельную потребность в предотвращении назревающих конфликтов и решении спорных проблем мирным путем. Это невозможно без правильного понимания сути конфликта и позиций вовлеченных в него сторон. Их изучение помогает понять суть конфликта, его разнообразные причины, позиции сторон и, главное, перспективы мирного урегулирования и его опыт для оценки и решения не только проанализированных, но и других конфликтов современности. Актуальность работы вытекает также из напряженной ситуации не только в современном мире в целом, но и в некоторых регионах России (Северный Кавказ) и у ее ближайших соседей, где тлеют очаги потенциальных или реальных («замороженных») конфликтов, требующие постоянного мониторинга и принятия неотложных мер либо по снятию нарастающего напряжения, либо по разрешению серьезных конфликтов, уже послуживших в недавнем прошлом источниками массового кровопролития и этнических чисток. Ведь речь часто идет о незавершенных конфликтах, которые грозят рецидивами.

Все это определяет и практическую значимость работы: проведенные в рамках проекта исследования помогают глубже понять природу конфликтности и разработать, во-первых, превентивные меры по недопущению конфликтов или по сдерживанию их эскалации, а во-вторых, стратегию выхода из конфликтных ситуаций путем тех или иных миротворческих процедур. При этом обращение к опыту зарубежных стран может способствовать более глубокому пониманию конфликтогенных ситуаций, а также условий и факторов, провоцирующих конфликты, что поможет действующей власти, во-первых, избегать политических решений, способных ввергнуть общество в опасные конфликты, а во-вторых, принимать своевременные меры по предотвращению зарождающихся конфликтов или по снижению уже возникшей напряженности. Кроме того, анализ конфликтогенных факторов и интересов противоборствующих сторон поможет выработке оптимальных миротворческих процедур.

Правда, не всем авторам удалось проанализировать проблему во всей ее многоаспектности и полноте. По-разному оказалась представленной и роль культурного фактора в конфликтах. Однако все авторы приходят к выводу, что отнюдь не культура и не «несовместимость культур» лежат в основе рассмотренных конфликтов.

Наконец, следует отметить, что острота обсуждаемых вопросов иной раз создает взаимонепонимание между специалистами и общественностью. В условиях произошедших недавно или еще не погашенных конфликтов эмоции часто густо окрашивают общественное мнение. Это мало способствует спокойному и взвешенному отношению к конфликту, без чего никакой анализ конфликтной ситуации невозможен, как невозможно и обсуждение путей, ведущих к мирному решению. В этих условиях каждая из вовлеченных сторон не приемлет не только аргументов противоположной стороны, но даже стремления специалистов проанализировать конфликтную ситуацию, оставаясь «над схваткой». Участники конфликта не нуждаются в объективном анализе независимых экспертов. От экспертов они ожидают другого – апологетики и подтверждения своей правоты. Примечательно, что это затрагивает и некоторых местных ученых, которые пытаются «научным пу-

тем» обосновать доводы «своих» и опровергнуть взгляды «чужих». Более всего в этой ситуации достается внешним аналитикам, попытки которых разобратся в конфликте воспринимаются обеими сторонами как «раздувание межнациональной розни». Мало того, иной раз именно такого «чужака» обе стороны, уже неоднократно проливавшие кровь друг друга, начинают яростно обвинять в конфликте, тем самым как бы смягчая трения между собой путем переноса накопившегося гнева вовне. Это – известный и весьма архаический психологический прием, давно описанный и объясненный психоаналитиками.

Учитывая все это, независимые эксперты могут делать только одно – спокойно и вдумчиво анализировать конфликт, не обращая внимания на проклятья, раздающиеся со стороны его участников. Такова печальная реальность, и каждый, кто берет на себя смелость серьезно изучать современные конфликты, с ней непременно сталкивается. Тем не менее, авторы убеждены в том, что путь к мирному урегулированию лежит только через глубокое понимание сути конфликта и позиций сторон, а также решимость последних идти на компромиссы ради восстановления мира и спокойствия. И в этом им должны помочь независимые эксперты, осуществляющие многостороннее изучение конфликтных ситуаций.

В.А. Шнирельман

¹ *Тишков В.А.* Конфликт в сложных обществах // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007. С. 16.

² *Смит Д.* Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Там же. С. 117–118.

³ *Fox J.* Religion and state failure: an examination of the extent and magnitude of religious conflict from 1950 to 1996 // International political science review. 2004. Vol. 25. N 1. P. 55–76.

⁴ *Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. Berkeley 1985; *Idem.* The deadly ethnic riot. Berkeley, 2001; *Griffiths S.I.* Nationalism and ethnic conflict. Threat to European security. Oxford, 1993; *Gurr T.R.* Minorities at risk. A global view of ethno-political conflicts. Wash., D.C., 1993; *Gurr T.R., Harff B.* Ethnic conflict in world politics. Boulder, 1994.

⁵ *Brubaker R., Laitin D.* Ethnic and nationalist violence // Annual review of sociology. 1998. Vol. 24. P. 423–452.

⁶ Об этом см.: *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 303–305; *Смит Д.* Указ. соч. С. 128.

⁷ *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. С. 306–309.

⁸ *Гусейнова С., Акопян А., Румянцев С.* Кызыл-Шафаг и Керкендж: история обмена селами в ситуации Карабахского конфликта. Тбилиси, 2008.

⁹ *Смит Д.* Указ. соч. С. 121.

¹⁰ The invention of tradition / Eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.

¹¹ *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.

¹² *Смит Д.* Указ. соч. С. 127–128.

¹³ *Habermas J.* Anerkennungskämpfe und demokratischen Rechtsstaat // Ed. Gutman. Multikulturalismus und die Politik der Anerkennung. Frankfurt, 1993. S. 147–196; *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 210–218, 230–255.

¹⁴ *Tishkov V.* Ethnic conflicts in the former USSR: the use and misuse of typologies and data // Journal of peace research. 1999. V. 36. N 5. P. 576.

¹⁵ *Ibid.* P. 571–591; *Тишков В.А.* Конфликт в сложных обществах. С. 12–22.

¹⁶ *Брубейкер Р.* Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 81–86.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Там же. С. 463–465.

Часть II

СПОНТАННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПОГРОМЫ

С.Н. Абашин, И.Г. Савин

ОШ, 2010: КОНФЛИКТУЮЩАЯ ЭТНИЧНОСТЬ*

В ночь с 10 на 11 июня 2010 г. в городе Ош на юге Кыргызстана вспыхнули ожесточенные столкновения между различными группами жителей региона. Стычки, нападения и погромы быстро распространялись и охватили весь город, затем перекинулись на второй по величине и значению город Джалалабад и в другие местности. Число жертв, как многие считали, достигло 2 тыс. человек (правда, в результате последующего расследования было названо 438 погибших). Среди других впечатляющих последствий были фактически полностью разрушенные городские кварталы, тысячи раненых, изнасилованных и морально пострадавших, сотни тысяч беженцев (рис. 1). Столкновения, стремительно начавшиеся, так же внезапно закончились. К 15 июня массовые волнения прекратились. Насилие продолжалось и после этой даты, но приняло более легитимный по форме характер «зачисток» и преследований со стороны государственных силовых структур тех, кто рассматривался как участники волнений, или тех, кто оказался удобной мишенью для такого рода обвинений.

Постепенно, по мере внешней стабилизации ситуации, конфликт переместился в политическую, правовую и информационную плоскости, где возникла и до сих пор продолжается очень бурная и бескомпромиссная полемика о том, что произошло в Оше и Джалалабаде, каковы причины этого и, главное, кто виноват. Накал страстей на этой стадии оказался, пожалуй, не менее ожесточенным, чем во время самих погромов, поскольку вопрос об интерпретации и оценке последних превратился в вопрос самоидентификации для значительного круга людей, кто в самих столкновениях не принимал участия, но вынужден был тем или иным образом обозначить свое отношение к ним. Дополнительную остроту придавал тот факт, что международные правозащитные организации и Международная независимая комиссия, которая действовала с одобрения ООН и ОБСЕ, указали на целый ряд вопиющих преступлений со стороны властей во время погромов и после них, на что подавляющая часть политической элиты Кыргызстана, раздираемой внут-

* Мы благодарим В.А. Шнирельмана и Н.А. Багдасарову за советы и критические замечания при подготовке статьи.

Рис. 1. Разгромленные кварталы в Оше

ренными склоками, тем не менее очень единодушно ответила протестами и возражениями¹.

Помимо политического противостояния «ошские события» вызвали смятение в рядах академических аналитиков, которые оказались в некотором затруднении с тем, как назвать произошедшее и какую модель выбрать для его объяснения. Именно на этом вопросе мы собираемся остановиться более подробно в настоящей статье.

Одной из основных линий обсуждения стал вопрос о том, можно ли считать события этническим конфликтом или же имело место нечто другое – более сложный и хаотический процесс, в котором этничность была скорее внешней формой прикрытия или манипуляции. На первый взгляд, этот вопрос выглядит парадоксально: погромы имели довольно ясно артикулированное разделение на враждующие стороны: кыргызов и узбеков; даже те, кто непосредственно не участвовал в столкновениях и не был настроен на конфронтацию, принимал это разделение (рассказ о том, как кыргызы спасали узбеков или наоборот от погромщиков, все равно содержит в себе исходную этническую оппозицию); наконец, все постконфликтные баталии в самом Кыргызстане сводятся в итоге к тому, кто – узбеки или кыргызы – были главной жертвой насилия. Иначе говоря, на всех этапах Ошских событий этничность уже присутствовала и уже создавала основной язык противостояния. В этом смысле отказ от названия «этнический конфликт» сам по себе, может быть, и имеет практический смысл (например, снизить накал взаимных обвинений и «вырулить» на какие-то формы урегулирования²), но аналитически не решает никаких проблем и не помогает описать более корректно то, что случилось. Более того, выйти за рамки модели этнического конфликта оказывается не так-то просто: например, французский антрополог Борис Петрик, начиная свой небольшой очерк о событиях в Оше с критики термина

межэтнический конфликт, заканчивает свой анализ тем, что описывает, как схватка разных группировок и воздействие различных сил извне в итоге «вылилась в межэтническую бойню», «в межэтнический конфликт между киргизами и узбеками»³. Такое противоречивое словоупотребление встречается у многих исследователей, какую бы позицию они не отстаивали.

Тем не менее критика понятия этнический конфликт имеет свою логику. Основным аргументом против него является желание не смешивать категории практики с категориями анализа, т.е. сделать те объяснения, которые существуют и возникают у вовлеченных в события сторон, самостоятельным объектом изучения и осмысления.

Такого рода критика имеет собственную историю и историографию. Применительно к Средней Азии она возникла после событий 1990 г., когда в течение недели (4–7 июня) в Оше и потом в другом соседнем городе – Узгене и его окрестностях произошли очень похожие столкновения, в результате которых погибли около 170 человек (мы еще вернемся к этому событию в статье)⁴. В.А. Тишков в статье «Анализ этнического насилия в Ошском конфликте» выступил против точки зрения, что в основе конфликта лежат «чувства глубоко укоренившейся отчужденности и враждебности по отношению к «другим», ущемление «естественных потребностей» этнической группы»⁵. Возражения выглядели так: этнические группы не настолько сплоченные, и все ее члены не разделяют одинаковые цели, внутри группы тоже могут быть распри и конфликты; зачинщиками конфликтов являются не самые обездоленные, а титульные группы (точнее даже их элиты), которые обеспечены ресурсами и институтами; даже в момент конфликтов мы видим не только ненависть, но и сотрудничество представителей конфликтующих групп⁶. Имея это в виду, В.А. Тишков вовсе отказался описывать Ошские события 1990 г. как «некий социальный монолит... со своим анамнезом и внутренней моделью», как «конфликт двух народов», предложив вместо этого увидеть «серию местных эпизодов» без какой-либо программы и спланированной стратегии, со скоротечными действиями, отсутствием явной иерархии, воздействием слухов-мифов и алкоголя, сниженным порогом в осмыслении реальности и сверхактивностью «параноидальных» личностей. Конфликт был разложен таким образом на множество мелких деталей, каждая из которых не имела ничего специфически этнического, а объяснялась локальными, социальными или психологическими причинами. Впрочем, этничность не исчезает вовсе из поля зрения исследователя, и он указывает на «длительную прошлую индоктринацию титульного национализма», которая стала причиной этнических переживаний киргизской части осужденных за насилие.

Тема «индоктринации» извне идеологически и политически заданных схем и моделей получила развитие в работах целого ряда ученых – политологов и антропологов, имевших опыт работы в Средней Азии в качестве сотрудников международных организаций в 1990–2000-е годы⁷. Объектом их внимания стали как раз эти самые международные институты, которые, по мнению критиков, вдохновлялись в своей деятельности «дискурсом опасности», где, в частности, этнические группы уже существуют как противостоящие друг другу сущности.

В статье британского антрополога Мэдлин Ривз «Обнаруживая опасность: конфликтология и поиск устойчивости границ в Ферганской долине»

говорится о том, что любое многокультурное сообщество считается «внешними» экспертами потенциально кризисным, а этничность, территория и гражданство рассматриваются изоморфными понятиями, нарушение взаимосвязи между которыми ведет к опасности⁸. Мнению конфликтологов она противопоставляет позицию людей, которые находятся «внутри» и смотрят на ситуацию не так драматично и не оценивают ее исключительно этнически. Схожую аргументацию приводит британский географ Ник Мегоран в статье «Изучая этнический конфликт: эпистемология, политика и дискуссия о среднеазиатской границе»⁹. Этничность, как он считает, «один элемент сложной социальной идентичности, чувствительный к контексту динамический процесс под (under) непрекращающихся переговоров»¹⁰, она связана в повседневных представлениях не столько с логикой территориального национального государства, сколько с пересекающимися границы родственными связями, с социальными и локальными различиями. Соответственно, Мегоран проводит различие между «элитной концепцией этничности» и «народным (popular) значением», которое ей придается, первая, по его мнению, является способом манипулирования.

Каким образом можно оценить всю эту критику в адрес понятия *этнический конфликт*, если смотреть на последний после новых Ошских событий в 2010 г.? Удалось ли критикам сформировать категории анализа для описания такого рода столкновений? Или же почти полное повторение спустя 20 лет того, что происходило в 1990 г. – с господством публичных этнических позиций, ставит под сомнение их усилия?

В небольших текстах, написанных по первым впечатлениям от происходящего, исследователи делают заметный сдвиг в своих рассуждениях. Фокус, в частности, смещается с критики «элитного» (или «внешнего») дискурса к обсуждению того, как сами люди используют этнические категории, определяя стратегии своего поведения. Например, Ник Мегоран в заметке «Предпосылка (background) Оша: истории конфликта и сосуществования» говорит о нарративах сотрудничества и противостояния, причем последние разделяет на конкурирующие между собой узбекский и киргизский. Он пишет: «Эти нарративы, конечно, упрощенные: каждый выбирает свою особенную историю и перспективу. Тем не менее они широко узнаваемы и значимы для понимания нынешней поляризации»¹¹. Мэдлин Ривз в своей заметке «Этнизация насилия в Южной Киргизии» также решительно возвращает этничность в проблемное поле: «Я не хочу сказать, что этническая проблематика не имеет отношения к нынешнему конфликту. Она имеет отношение, точнее, получила его, – но в таком аспекте, который требует продолжительного анализа. На людей нападают, их дома жгут, их предприятия грабят... потому что они относят себя (или их относят) к киргизам или узбекам. Таким образом, этническая принадлежность в настоящий момент имеет большое значение и может провоцировать насилие. Но это только начало нашего объяснения, а не его конечная точка»¹². Исследовательница по-прежнему настроена на критическое рассмотрение понятия *этнический конфликт* и стремится увидеть более сложное социальное разнообразие, однако постулируемая цель, по ее мнению, на этом не должна заканчиваться: «необходимо серьезно проанализировать прогрессирующую этнизацию общественной жизни – процесс, приведший к тому, что в момент конфликта этническая принадлежность ста-

ла наиболее влиятельной, привлекательной и всепоглощающей социальной идентичностью... задача аналитика состоит в том, чтобы выяснить, почему и когда начался этот процесс этнизации, и по какой причине она прогрессирует с такой разрушительной скоростью».

Этот сдвиг в осмыслении ситуации в Кыргызстане явно идет вслед за концептуальным сдвигом в осмыслении этничности, который предложил и отстаивает американский социолог Роджер Брубейкер. Он попытался оживить и сдвинуть с мертвой точки старую позицию конструктивистов (в их споре с примордиалистами, или, в его терминологии, «группистами»), которая с какого-то времени свелась к набору повторяемых утверждений о том, что этничность имеет произвольный, множественный, непостоянный, контекстуальный и пр. характер¹³. Брубейкер указывает: «То что этничность сконструирована – это избитая фраза; как она сконструирована – вот что редко изучается в деталях»¹⁴. Как считает Брубейкер, было бы «легкомысленно или наивно» не учитывать этничность в тех регионах и ситуациях, где существует постоянный этнополитический конфликт и где этнические различия сильно политизированы, стабильны и глубоко укоренены. Однако исследователь не призывает вернуться к прежнему примордиалистскому взгляду, согласно которому этнические группы борются за ресурсы и доминирование, а предлагает обратить внимание на «формы и динамики этнизации, на многие и едва различимые способы, в которые насилие – и условия, процессы, действия и нарративы, связанные с насилием – может этнически окрашиваться»¹⁵.

«Этничность – это способ видеть, способ говорить, способ действовать; умелое практическое исполнение; когнитивная, дискурсивная и прагматическая рамка; способ понимания и интерпретации опыта», – пишет Брубейкер¹⁶. Из этого следует еще один важный вывод: этничность не принадлежит только элите и не определяется элитой, а существует, точнее создается во взгляде, в языке и повседневном поведении всех людей, конечно, индивидуализируясь в каждой персональной биографии. Это не означает, что политика, идеология, государственные и прочие институты не влияют на способы видения, говорения и действия в обществе, но это означает, что последние не сводятся исключительно к «этническому предпринимательству» элиты, а становятся устремлениями и интересами разных социальных акторов.

Настоящая статья – попытка сделать шаги в направлении изучения Ошских событий в том же самом ключе. Свою задачу мы видим не в том, чтобы доказывать, можно ли назвать события на юге Кыргызстана в июне 2010 г. *этническим конфликтом*, или это делать никак нельзя. Наша задача состоит в том, чтобы показать, как этничность «работала» до этих событий, во время них и после и как они понимались с помощью этничности. Мы считаем, что в обществе имеют место другие стратегии поведения и что существуют и практикуются множество разделений, но нас интересует, каким образом в конечном итоге разные объяснения, мифологии, лояльности приобретают этнически выраженный характер, родственные, социальные и региональные идентичности перекодируются в этнические и споры за воду, землю, другие ресурсы, формальную или неформальную власть понимаются как этническое столкновение. Наша задача – не найти «истинные» причины Ошских

событий и не восстановить «истинный» их ход, а указать, какими средствами противоречия и недовольства этнизируются, этничность превращается в картографию конфликта, его объяснительную модель, средство мобилизации и манипуляции.

«ЭТО НАША ЗЕМЛЯ»: МЕСТНЫЕ И ПРИЕЗЖИЕ

В своей книге «Переосмысленный национализм» Роджер Брубейкер описал три варианта национализмов, которые возникли в Восточной Европе и на пространстве СССР в XX столетии¹⁷: 1) национализирующиеся национализмы вновь образовавшихся государств, которые апеллируют к правам «стержневой» (или «титulyной») национальности, определяемой в этнокультурных терминах, и которые провозглашают «титulyную» нацию «владельцем» государства; этот вид национализма говорит о незавершенности национального строительства, о слабой культурной, экономической и демографической позиции «титulyной» национальности внутри государства, чем оправдывает дискриминацию других этнических групп в пользу «своих»; 2) трансграничные национализмы, или «национализмы исторической родины» (*homeland nationalisms*), которые видят и конструируют категорию «соотечественников» за пределами «своих» государств, рассматривают нацию как трансграничную общность и формулируют различные программы ее поддержки или даже объединения; 3) национализмы национальных меньшинств, которые, как и трансграничные национализмы, противопоставляют себя национализирующимся национализмам, но способны ставить собственные цели и стратегии, в том числе и потому, что не связаны напрямую со «своим» государством и могут иметь менее централизованный характер.

Конфигурация отношений внутри этого треугольника, о котором пишет Брубейкер, создает то официальное политическое пространство различий, тот публичный язык обвинений и защиты, к которому прибегают разные действующие лица и силы. В этом пространстве, в частности, происходит кодирование (наполнение содержанием и умножение смыслов) национальных идентичностей при помощи разного рода метафорических и метонимических оппозиций – свои/чужие, коренные/приезжие, большинство/меньшинство. Эти оппозиции превращаются в ярлыки и клише, становясь предметом дискуссии, групповой стигмы, политических заявлений.

Пространство, о котором идет речь, было создано не в 1990 или 1991 гг., а в 1920-е годы, когда в Средней Азии, которая оказалась полем для большевистских реформ, было произведено национально-государственное размежевание. Проведение новых границ в регионе, создание новых институтов управления, связанных со статусом своеобразного псевдогосударства («республики»), политики коренизации и другие изменения тех лет имели целый ряд серьезных последствий. В их числе: стабилизация национальной категорий (в нашем случае узбеки и киргизы) и превращение их (через разного рода персональные документы) в один из обязательных статусов и характеристик каждого жителя страны; жесткое увязывание национальных категорий с теми или иными территориями, определение последних через титульные национальности; включение национальных категорий в центр властных отноше-

ний, в систему распределения должностей, ресурсов, в систему поощрения и наказания¹⁸. «Национализация» официального пространства означала радикальный разрыв с прошлой эпохой, в которой национальность имела крайне аморфную и слабо артикулированную форму, была совершенно невидима и непонятна местному обществу, узнававшегося себя с помощью религиозных понятий, локальных или родовых терминов.

Распад СССР в 1991 г. не был, таким образом, моментом, с которого началось формирование перечисленных национализмов в регионе, – это важный пункт, чтобы осознать историческую глубину национализации (или этнизации), из политического проекта, навязанного элитой, ставшей механизмом социализации нескольких поколений людей и материализовавшейся в повседневности. Тем не менее 1991 г. не является проходной датой в этом процессе. В рамках СССР все три национализма находились под постоянным контролем со стороны четвертой силы – Центра, который выполнял несколько важных ролей: с одной стороны, он был арбитром в отношениях между разными национализмами, уравнивал их между собой (предоставляя защиту и ресурсы более слабым акторам), сдерживал наиболее радикальные призывы и действия, с другой стороны, он продвигал собственную идеологию «дружбы народов» и «интернационализма», обеспечивал более или менее одинаковое для всех национальностей советское гражданство и даже пытался формировать отдельную категорию «советского народа», которая напоминала что-то вроде «советского национализма» с русским языком и зачаточными формами русской ассимиляции. Конец СССР привел к тому, что национализмы остались единственной легитимной силой на политическом пространстве Средней Азии, при этом диспропорция между разными видами национализма стала быстро усугубляться.

Каковы же позиции различных национализмов в современном Кыргызстане (применительно к Ошским событиям)?

В полном соответствии со схемой Брубейкера национализирующийся кыргызский (слово «киргизский» приобрело теперь аутентичное написание) национализм является одним из основных, если все же не основным, политическим проектом, который определяет государственное законодательство, содержание программ большинства партий, риторику большинства политиков и интеллектуалов и, наконец, манеру выражать свои мысли о политике значительной частью населения страны. Этот проект был недвусмысленно провозглашен еще в конституции 1993 г., где говорилось о «национальном возрождении кыргызов» как первой (и значит, главной) основе государственного суверенитета. В конституции, принятой при Курманбеке Бакиеве в 2007 г., этот тезис был усилен и речь шла уже о поддержке «возрождения и совершенствовании государственности кыргызского народа» и о «единстве кыргызов» как «фундаменте стабильности страны»¹⁹.

Национализирующийся кыргызский проект по сути легализовал, через конституцию и законы, деление граждан Кыргызстана на своих и чужих (не вполне своих) – тех, кто принадлежит к титульной национальности (они даже получили прозвище «титулы»), и всех остальных. Впрочем, это не означало, что сторонники этого проекта готовы идти дальше и закреплять правовое неравенство граждан по национальному признаку. Стратегия была другой: сохранять двусмысленность, постулируя равенство граждан и одновременно

проводя разделение своих и чужих в риторике и в неформальных/полуформальных практиках. Одной из основных неформальных практик стало формирование всех структур государственного управления из представителей кыргызской национальности: в целом по Кыргызстану их доля в разных институтах составляет около 90% (тогда как доля кыргызов в общем количестве населения с 1989 по 2009 г. выросла с 50 до 70%)²⁰

Деление на своих и чужих закрепляется в еще одной популярной идиоме – «кыргызская земля», где некыргызы являются, как подразумевается, «гостями» и «приехавшими». Материализация этой идиомы происходила при помощи заполнения публичного пространства – государственных учреждений, центральных площадей и улиц, музеев, библиотек и т.д. – знаками «кыргызскости» не только в виде кыргызоязычных надписей, но и портретов и памятников героев кыргызской истории, стилизованных элементов кыргызской культуры (орнаменты, юрта, коплак и пр.).

Соответственно любое покушение на это символическое пространство воспринималось как покушение на кыргызский народ и кыргызское государство. Спусковым механизмом для этнизации Ошских событий было, например, сожжение 14 мая 2010 г. в селении Тейит дома бывшего президента Бакиева, при этом в оценке этого происшествия подчеркивалось, что узбекские погромщики под руководством своего лидера Кадыржана Батырова сожгли юрту (символ кочевых в прошлом кыргызов) и государственный флаг Кыргызстана – тот факт, что в погроме участвовали кыргызы, противники Бакиева, вытесняется из такого объяснения. Ответным шагом был митинг 19 мая в Джалалабаде, после которого толпой был сожжен кыргызско-узбекский университет (который был создан Батыровым и символизировал публичную «узбекскость»), тогда же произошли первые убийства, воспринимавшиеся всеми сторонами как «этнические».

Единственным вопросом, который из символического превратился в фактор политического противостояния, был вопрос о государственном языке. Принятый еще при Акаеве в 2004 г. закон о государственном языке пытался не просто придать кыргызскому языку статус главного в публичном пространстве (это было сделано), но и устанавливал, в частности, некоторые ограничения на занятия высших должностей в зависимости от его знания. Закон закрепил принятый еще в 2000 г. официальный статус русского языка, но ничего не сказал о других языках.

Постсоветские республики рассматривали себя как национальные и в то же время как репрессированные, угнетенные, неполные по национальному признаку, поэтому их политика состояла в «полной», «окончательной» национализации – восстановлении прав языка, культуры, попытках усилить ассимиляцию, заменить советские символы национальными, дописать национальную историю, увеличить свой демографический вес и т.д. Это чувство недостаточной «национализации» усиливается в Кыргызстане целым рядом обстоятельств. Во-первых, в советское время республика получила статус союзной, т.е. «полноценной», государственности лишь в 1936 г., до этого она имела статус автономной республики (а в самом начале размежевания – области) в составе РСФСР. Во-вторых, советская Киргизия – одна из самых экономически слабых и, значит, наименее влиятельных среди союзных республик – была регионом, куда еще со времен Российской империи

шел большой поток миграции из центральных районов России и Украины. Согласно переписи 1979 г., доля киргизов в населении Киргизской ССР составляла 47,9% (согласно последней советской переписи 1989 г. – 52,4%). Массовый выезд жителей страны после 1991 г. «выправил» эту ситуацию – доля киргизов в 2009 г. достигла 71%²¹, но чувство, что «киргизский народ» находится под постоянной угрозой, по-прежнему является обычным тропом национального нарратива.

Националистическая риторика в Кыргызстане усиливалась не только общим «постсоветским» эффектом и ощущением своей особой слабости перед соседями и внутренним «меньшинством», но и специфическими особенностями разделения киргизской элиты на многочисленные группировки, построенные на региональных и клановых идентичностях. В борьбе за власть эти группировки часто апеллировали к своей «киргизскости» (нередко «чистой», «настоящей» киргизскости), они вынуждены были таким образом доказывать, что не выступают от имени узких интересов. Разумеется, что в риторику «киргизскости» входила тема опасности со стороны разных некиргизских сил, из которых узбеки были самым уязвимым и наиболее опасным образом (через тему соседства Узбекистана, «нецивилизованности», «замкнутости», «исламской угрозы», претензий на историю и территорию и т.д.).

Позицию «национализма исторической родины» в ситуации, в которой произошли Ошские события, должен был бы занимать Узбекистан. Однако яркая специфика именно этого случая заключается в том, что отношение руководства Узбекистана к диаспорам и вообще мигрантам (даже гражданам своей страны за рубежом) является крайне осторожным, публично никак не артикулированным и выглядит скорее равнодушным. Узбекистан не видит «узбекское меньшинство» в других странах. Почему? Для Узбекистана не стоит проблема собирания узбеков и достижения демографического перевеса внутри своих границ. Протекция узбекам в соседних государствах, даже если исключить Афганистан, рассматривается, с одной стороны, как слишком непомерная ноша, которая, с другой стороны, может активизировать обратные претензии соседей на протекцию своих меньшинств внутри Узбекистана. К тому же авторитарный президент Ислам Каримов не хочет иметь неконтролируемых лидеров и групп за границей, рассматривая их больше как угрозу своему режиму, чем как лояльное сообщество соотечественников. Впрочем, среди части интеллектуалов и культурных деятелей Узбекистана раздаются требования оказать поддержку узбекам Кыргызстана: песня популярной певицы Юлдуз Усмановой, живущей в Турции, была об отношениях узбеков и киргизов, а не Узбекистана и Кыргызстана²².

Хотя узбекский домашний национализм проявляет себя очень скромно, в самом Кыргызстане очень чувствительно относятся к этой теме и рассматривают отношения к киргизстанским узбекам сквозь призму будто бы существующей или возможной политики Узбекистана. Любые требования лидеров узбеков об их «узбекских» правах тут же получают квалификацию «сепаратизма», стремящегося выйти из состава Кыргызстана и войти в Узбекистан. Никаких свидетельств такого рода намерений нет или не найдено (как нет никакой их поддержки Узбекистаном), но страх такого развития событий все равно делает эти намерения реальными. Навязчивый страх перед сепаратиз-

мом питаются также примерами позднесоветского парада суверенитетов, который быстро от союзных республик был унаследован автономиями, а также постсоветского сепаратизма на Кавказе и примером Косово, где сильные внешние игроки определяли победу внутренних анклавов.

Третьей стороной в той конфигурации национализмов, которую мы позаимствовали из схемы Брубейкера, является национализм узбекского меньшинства. Последний оказался в двойном исключении: и национализирующийся кыргызский национализм и государственный национализм Узбекистана относятся к нему как к проблемному для своих государственных интересов²³.

Основная особенность национализма узбекского меньшинства состоит в том, что, в отличие от других некиргызских меньшинств, его представители категорически отказываются именовать себя «диаспорой», т.е. «чужими» и «приехавшими» на кыргызскую землю. В значительной мере эта позиция обусловлена, конечно, весьма прохладным отношением к ним со стороны Узбекистана, отсутствием какой-либо политики со стороны последнего по собиранию узбеков (как это активно делает, например, Казахстан в отношении казахов) или просто политики привития чувства почитания исторической родины. Помимо отсутствия диаспоральной политики у Узбекистана другим фактором, который определяет отказ от термина «диаспора» и настроений эмигрировать из Кыргызстана, является длительное компактное проживание узбеков в указанном регионе, наличие соответствующих мест памяти (кладбища, святые места, предания и пр.), необходимых для ощущения повседневной укорененности.

Такая позиция оформляется в целый ряд дискурсивных стратегий, они в какой-то мере полностью повторяют, можно сказать копируют, логику национализирующегося кыргызского национализма, переворачивая ее на 180 градусов. Кыргызстанские «узбеки» воображают себя в целом, имея множество аргументов к этому, настоящим коренным населением региона, а «кыргызы» в целом воображаются, соответственно, приехавшими из Алтая или с гор, причем набор доказательств в этом случае опирается в том числе и на исторические кыргызские нарративы (в которых идет дискуссия между сторонниками автохтонного происхождения кыргызов и сторонниками концепции их миграции с северо-востока). Идиоме «кыргызской земли» противопоставляется, иначе говоря, идиома «узбекской земли», которая лишь случайно, в результате национального размежевания, проведенного Сталиным, оказалась в составе Кыргызстана.

Кыргызстанские «узбеки» также воображают себя «большинством»: для этого продлевается несложная процедура «отрезания» всех районов, где узбеки не живут. В результате такой математики доля узбеков, которая по всему Кыргызстану составляет, по переписи 2009 г., 14,3%²⁴, в Ошской области она увеличивается до 30%, а в городе Ош – почти до 50% (а в Узгене еще больше)²⁵. Раздаются также обвинения в том, что государственный учет намеренно занижает численность узбеков²⁶.

Нарратив национализма узбекского меньшинства выстраивается, таким образом, как абсолютное отрицание нарратива национализирующегося кыргызского национализма. Трудность, однако, состоит в том, что его позиция не может быть заявлена публично, не может найти себе легальное место внутри

нынешнего политического пространства Кыргызстана. Любая попытка говорить, что узбеки являются коренным народом, воспринималась и прочитывалась как требование автономии и сепаратизм. Это особенно ярко проявилось во время майских событий в Джалалабаде, которые предшествовали «Ошским событиям» и в какой-то мере предопределили этнический характер противостояния. Выступление Батырова на митинге своих сторонников, которое затем транслировалось частными телеканалами, получило оценку как «сепаратистское» и «националистическое». Эта оценка фигурирует во многих официальных документах и в общественном мнении Кыргызстана, несмотря на то что изучавшие стенограмму независимые эксперты не смогли выявить в них никакого намека на «сепаратистские» требования²⁷.

Власть Кыргызстана, находясь в рамках языка национализирующегося национализма, не в состоянии предложить узбекскому населению какую-то альтернативу. Существующий перед глазами пример Узбекистана, который достаточно эффективно ассимилирует различные группы (в том числе кыргызов) в «узбекскую нацию», распространяет узбекский язык и узбекскую идентичность, повторить крайне сложно: Узбекистан обладает для этого более мощными материальными, институциональными и демографическими ресурсами. К тому же, несмотря на близость культуры, языка, религии, общий советский опыт, многочисленные межэтнические браки, «узбекскость» и «кыргызскость» в Кыргызстане понимаются как противоположные качества всеми участниками, что делает ассимиляцию узбеков в кыргызов невозможной. Интеграция узбеков как сограждан является риторически очень популярной формулой, но на практике, при господстве идиомы «страна кыргызов», она остается неясной, так как интеграция понимается как хотя бы частичная ассимиляция.

Остается путь исключения (dissimilation, по слова Брубайкера). Неприемимое нарративное противоречие двух национализмов, одновременно претендующих и на «свою» землю, и на статус «коренного народа», и «большинства», делает весьма трудным политическое взаимодействие. Оставшись после массовой миграции 1990-х годов самой многочисленной в Кыргызстане некыргызской группой (примерно каждый седьмой кыргызстанец – узбек), узбеки в публичном пространстве остаются почти незамеченными: их представители не входят в высшую политическую элиту²⁸, не занимают на должностей министров, количество занимаемых ими депутатских мест (2 из 90 в 2007 г.) в парламенте никак не отражало численный «вес» национальности²⁹, кыргызстанская власть категорически отказывается рассматривать вопрос о придании узбекскому языку хотя бы регионального официального статуса (при этом официально признавая официальным русский язык) и, наконец, в любых документах и речах, посвященных межэтническим отношениям, даже термин «узбеки» никак не акцентируется и редко упоминается. Активисты из числа узбеков были вытеснены из официального поля, что еще сильнее способствовало «этнизации» их политического словаря³⁰. Не случайно, на курултае узбеков Кыргызстана в 2008 г. Батыров и другие лидеры, потерявшие депутатские мандаты в 2007 г., сместили прежнее руководство Узбекского национально-культурного центра и возглавили его, получив доступ к другому легитимному институту (впрочем, не имеющему никаких полномочий) – Ассамблее народа Кыргызстана³¹.

«Узбекскость» вытеснялась из публичной сферы, но за ней сохранялась частная сфера – право создавать негосударственные узбекские телевидение, узбекские университеты и т.д. Не имея возможности наращивать свой капитал в структурах власти, предприимчивые узбеки активно наращивали капитал в мелком и среднем бизнесе, в том числе и теневого, что, в свою очередь, создавало впечатление богатства и успешности и даже служило доказательством не столько дискриминации узбеков, сколько опять же их превосходства над кыргызами. Этнические различия в негосударственной сфере не нивелировались, а поддерживались, в том числе международными неправительственными организациями, которые обильно финансировали общественные программы «межэтнического диалога». Вытеснение из политического поля представителей узбеков имело своим следствием к тому же усиление кулуарных переговоров между ними и властью, создание временных закулисных альянсов, что дезориентировало политических игроков и провоцировало неверные действия.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: «МЫ» И «ОНИ»

Говоря о столкновениях в июне 2010 г. на юге Кыргызстана, часто их называют узбекско-кыргызскими, подразумевая две стороны, двух субъектов этого трагического взаимодействия. Однако при более внимательном анализе логики действий этих «двух» сторон, становится очевидным, что состав последних очень неоднороден. Нам показалось полезным провести анализ Ошских событий через призму нескольких исследовательских подходов. Так, например, для того чтобы яснее понять причины возникновения насильственных действий, решено было провести конфликтологический анализ посредством парадигмы выявления «интересов сторон». Чтобы яснее представлять себе мотивы поведения непосредственных участников событий и механизмы групповой мобилизации, был использован анализ взаимного восприятия сообществ и истории формирования различных типов идентичностей. И, наконец, для того чтобы включить в анализ произошедшего действия сил, находящихся за пределами зоны непосредственных столкновений, была применена классификация акторов в политическом поле политики Кыргызстана первой половины 2010 г.

В рамках условной категории «кыргызская сторона» можно выделить несколько подкатегорий.

Из многих источников известно, что значительную часть участников столкновений в Оше и Джалалабаде составили сельские жители (в основном мужчины 20–40 лет). На некоторых зданиях в Оше остались надписи «Здесь был...» и далее название района или села. Есть достоверные свидетельства участия в событиях в Оше выходцев из различных сел Алайского, Чон-Алайского районов и Баткенской области. Расстояние, которое им пришлось преодолеть за несколько часов 10–12 июня, колеблется от 10 до 250 км. По словам самих жителей сельских районов, главной причиной, толкнувшей их на поездку в город в эти дни, был страх за родственников, учащихся или работающих в Оше. В Джалалабадской области в городских столкновениях в основном принимали участие жители сел Сузакского района, расположенных

в 30–90 минутах пути от города. Сельские жители, оказавшиеся в дни столкновений в Джалалабаде, практически не использовали аргументов «помощи родственникам, оказавшимся в городе»: по их словам, для них главным мотивом стало стремление восстановить попорченную «национальную честь», которую они считали оскорбленной после поджога белой юрты К. Бакиева с водруженным на ней национальным флагом Кыргызстана в середине мая 2010 г.

Несмотря на манифестированную кыргызскую этническую идентичность, на ее формирование заметное влияние оказывали события, актуальные для того или иного региона. Для жителей Джалалабадской области не столь значима роль г. Джалалабада как образовательного и индустриального центра – он заметно меньше Оша и носит менее ярко выраженный урбанистический характер. Вместе с тем события в селе Тейит, которые сельские «джалалабадцы» восприняли как унижение «нас» на «нашей» земле, для сельских «ошан» играли гораздо меньшее значение. Есть свидетельства, что среди отправившихся в города сельских жителей были распространены и более приземленные мотивы. Многие пострадавшие в узбекских районах рассказывали, что видели, как сельские погромщики грузили вещи из беззащитных домов на грузовики, на которых приехали, или на захваченные автомобили и увозили их из города. Люди были воодушевлены общим порывом совершить справедливое возмездие «зарвавшимся» узбекам, но при этом все, кто не поддался общему настроению, были подвергнуты остракизму и общественному презрению.

Как кажется, можно говорить об особой роли восприятия сложившихся социально-экономических диспропорций в формировании коллективной идентичности разных групп населения. Созданная за последние несколько десятков лет социальная и экономическая инфраструктура оседлых жителей г. Оша, в подавляющем большинстве узбеков, не просто выглядела вызывающе в глазах селян-кыргызов, лишенных существовавших в советский период механизмов поддержания животноводческого хозяйства и процедур урбанизации через образование и приобщение к городским формам деятельности. Ощущаемая разница социально-экономических параметров накладывалась на видимые культурные различия и формировала постоянно напряженный фон любых повседневных коллизий.

Набор путей социализации в городе киргизской сельской молодежи был очень ограничен: либо учеба и по завершении ее работа в секторе государственного управления (при наличии «своих» людей), либо низкооплачиваемая работа и жизнь на съемной квартире. И в том и в другом случае эти жизненные перипетии имели этнический оттенок. Прием на государственную службу кыргызов шел в последние 10 лет на фоне сокращения там узбеков, а работа предполагалась либо у узбеков, либо у «своих», но в противовес узбекам. К тому же арендовать жилье приходилось чаще всего у узбеков, которые владели большинством жилых домов (в очередях на получение земельных участков под строительство жилья стояли накануне конфликта 80 тыс. киргизов и 20 тыс. узбеков).

К тому же сами узбеки, чувствуя, видимо, утрату своего присутствия в политической сфере, активно подчеркивали свое превосходство в культуре,

прежде всего в музыкальной, кулинарной сфере, в развитии городской инфраструктуры, выставляя кыргызов отсталыми сельскими маргиналами.

В силу того что кыргызы активно стали вливаться в число городских жителей только с начала 1990-х годов, в пору, когда все другие сферы экономической активности были развалены, значительная их часть занялась криминальной деятельностью. При этом значительная часть молодежи проделывала путь инкорпорации в криминальные сообщества посредством так называемых спортивных клубов. В социальной географии ошских подростков – и кыргызской, и узбекской национальности – такие клубы играли гораздо более значимую роль, чем все другие формы досуга и коллективного поведения. Каждый такой клуб был построен на средства какого-либо «большого» человека (как правило, предпринимателя или чиновника) и воспитывал, в том числе, будущих сторонников своего патрона. Часть прошедших через такие клубы, где занимались прежде всего различными видами боевых искусств, становилась личной гвардией хозяина и близких ему людей. «Авторитетность» человека в Оше и Джалалабаде определялась, в первую очередь количеством вооруженных бойцов, которых он сможет «выставить». Многие из собеседников на юге Кыргызстана с уверенностью говорили о том, кому принадлежит тот или иной клуб и сколько у него бойцов, часто среди подобных авторитетов назывались имена депутатов городского и областного уровня и даже видных представителей исполнительной власти.

Молодые представители криминальных сообществ, пришедшие туда недавно, в последние 2–3 года и не обладавшие пока ни достаточными материальными возможностями, ни авторитетом, стремились быстро достичь успеха за максимально короткое время. На протяжении последних шести месяцев перед 10 июня 2010 г. только в г. Оше произошло несколько десятков заметных столкновений, где инициаторами часто были «молодые» кыргызы из числа криминальных авторитетов, а их оппонентами – узбекские мелкие и средние предприниматели, которых криминал пытался обложить дополнительной данью. В случае возникновения подобных ситуаций обычно противостояние переводилось на уровень согласований и переговоров, но в дни июньских событий молодые криминальные лидеры постарались взять реванш за столь малоэффективную «работу», сдерживаемую балансом интересов более старших коллег, которая была характерна для предшествующего периода. По рассказам очевидцев, переживших нападения на узбекские кварталы в микрорайоне «Черемушки» 11 и 12 июня, среди нападавших были очень заметны молодые крайне агрессивные люди, одетые в гражданское, но очень умело обращавшиеся с оружием. Они совершали самые жестокие демонстративные убийства, криками подбадривали своих менее расторопных товарищей по захватам, которые часто выглядели растерянными селянами, неизвестно зачем попавшими в чужой для них город.

Рядовые жители города являются особой группой, и их поведение заметно отличалось от поведения выходцев из сельской местности. За последние десятилетия численность кыргызского населения в городах значительно возросла и появилось уже несколько поколений людей, родившихся и выросших в городе. Соответственно стали складываться предпосылки для формирования

Рис. 2. Этнизация пространства в Оше

у части кыргызского населения особой ошской городской идентичности, которая основана на схожести социальных вызовов независимо от этничности. Люди, живущие бок о бок на протяжении десятков лет, неизбежно начинают воспринимать друг друга в качестве «своих»: известно много достоверных случаев, когда горожане – кыргызы и узбеки – совместно защищали свои дворы и улицы от погромщиков. Объединение жителей разных национальностей смогло предотвратить насилие в целых населенных пунктах, таких, как Узген, Араван, Карасу. Интересно отметить, что узбеки, говоря о погромщиках в махаллях, характеризовали их как «ненаших» кыргызов, подчеркивая их отличие от кыргызов-соседей.

Нужно признать, что таких сфер, формирующих идентичность и стратегии поведения «наперерез» этническим границам, оказалось не так много, что, видимо, и обусловило значительный масштаб насилия. Господствующим все же оказался дискурс этнического противостояния, в который разные группы «укладывали» свои более частные мотивы и модели поведения (рис. 2). В частности, некоторые лидеры гражданских организаций, в том числе правозащитных, признавались после конфликта, что в дни открытого противоборства они не смогли переломить настроения окружающих, так как очень очевидны были черты врага, очерчиваемого этническими отличиями, и очень смутны были контуры виновников ощущаемой социальной неудовлетворенности и несправедливости, нарисованные с помощью критики коррупции и отчужденности власти от народа.

Власти Кыргызстана стали активными участниками в создании этнического противостояния, но степень и роль их участия разнятся очень заметно в зависимости от уровня их ответственности и компетентности.

После событий апреля 2010 г., когда в Бишкеке был свергнут президент Бакиев, и без того слабое доверие население к власти и способность властей управлять событиями в регионах стали и вовсе призрачными. Особенно это стало очевидным после того, как на протяжении мая в Джалалабадской и Ошской областях весьма неоднозначно были приняты ставленники Временного правительства. В Ошской области вновь назначенный губернатор должен был мириться с существованием сильного городского мэра М. Мырзакматова, который пришел к власти в период Бакиева и не собирался сдавать свои позиции. В некоторых сферах (например, в полиции) сложилось фактическое двоевластие, когда часть формирований подчинялось городской власти, а часть – областной.

В Джалалабадской области ситуация была еще более двусмысленной: на протяжении мая областную администрацию не раз занимали представители то старой, то новой власти, старая власть опиралась на родственников и земляков Бакиева, а новая все время искала новых союзников. Представители временного правительства приняли решение обратиться за поддержкой к Батырову, лидеру областного узбекского центра. Понимая всю ответственность любого своего решения и непредсказуемость последствий, он долго колебался, но все же вступил в переговоры с новой властью. Несмотря на то что сторонники узбекского центра из Базар-Кургана и Джалалабада, поддерживавшие временное правительство шли в одной колонне с его сторонниками из числа кыргызов, последующее потом противостояние с лояльными Бакиеву чиновниками из областной администрации было воспринято как противостояние кыргызов и узбеков, как вмешательство узбеков во внутреннее противостояние региональных кыргызских элит.

Нужно отметить, что выбор стратегий у новых властей был не велик. Легитимные в глазах большинства населения механизмы передачи властных полномочий отсутствовали, и политическая мобилизация проводилась исключительно с привлечением аргументов и эмоций локальной солидарности, клановой, земляческой или этнической. Поэтому массы жителей юга Кыргызстана с готовностью приняли этническую картину политического противостояния: другие аргументы в их глазах выглядели просто неубедительно. К тому же, в дальнейшем, в ходе событий 11–14 июня некоторые представители центрального временного правительства выступали активными участниками мобилизации против узбеков, что лишним раз убедило людей в незыблемости этнической солидарности.

Свою игру вели местные власти. На протяжении последних пяти лет представленность узбеков в местных органах власти, включая органы правопорядка, существенно сократилась, и это придавало этнический характер любым аспектам взаимодействия ошского городского населения и городских властей. Несмотря на то что, по официальным данным переписи 2009 г., в городе проживали 44% узбеков и 47% киргизов, в нем сохранялись обширные районы со стопроцентным узбекским населением. Еще в 1980-е гг. в введение городской администрации передали несколько пригородных территорий с преимущественно киргизским населением, а многие «узбекские» районы

(Он-Адыр, Нариман, Фуркат и т.д.) выделили в состав Карасуйского района. Это объяснялось необходимостью создания более «сбалансированных» в этническом отношении административных территорий.

Недавно назначенный мэр Оша, выходец из бизнесменов, бывший борец («борчик» называют таких на юге), в распоряжении которого находятся, по слухам, до 2000 бойцов из спорт-клубов, энергично принялся развивать эту стратегию, предполагая, что в ближайшие годы необходимо обеспечить этнически смешанное проживание в центральных районах города. Добиваться этого мэр предполагал за счет возведения на месте старых узбекских махаллей новые микрорайоны многоэтажной застройки, куда предполагалось селить вперемешку и узбеков и кыргызов. Был составлен специальный план развития г. Ош, в котором находила свое выражение упомянутая стратегия этнической миксации. Этот план приобрел в глазах местных узбеков мистический ореол «карты зла», а сам образ мэра был в значительной мере демонизирован.

В декабре 2009 г. были проведены первые попытки реализации этого плана в районе исторического центра города около старого базара, которые вылились в разрушение нескольких десятков домов узбеков и отчаянное противостояние их владельцев и сотрудников администрации и правоохранительных органов, которые были в большинстве кыргызами. Городские власти обвиняли владельцев домов в саботировании прогрессивного плана развития, в сохранении антисанитарии и пожароопасности и т.д. Тем не менее ожесточенность сопротивления вынудила власти приостановить реализацию плана, сам мэр несколько раз встречался с активистами узбекских сообществ в разных районах города, одним из советников мэра был назначен прежний активист узбекского центра Д. Сабиров. Кроме того, город покрылся лозунгами о межнациональном единстве, был проведен молодежный марш мира, в котором, впрочем, приняла участие преимущественно киргизская молодежь. Но эти меры, судя по всему, оказались недостаточными, так как уровень доверия узбеков к местной власти не изменился. Во всяком случае в ходе Ошских событий и после него узбеки воспринимали многие действия погромщиков как продолжение реализации плана мэра «другими» способами.

Отдельно кратко следует упомянуть действия правоохранительных органов. Их не раз справедливо упрекали в некомпетентности и тенденциозности. В частности, нельзя не заметить легкости, с которой кыргызские участники событий «захватывали» различные виды вооружений, включая бронетранспортеры. Были отмечены факты братания погромщиков и посланных для наведения порядка военнослужащих, а один раз «захваченный» бронетранспортер шел в атаку на узбекский пригород Он-Адыр под государственным флагом, что сильно возмутило узбекских жителей микрорайона. Очевидно, некоторые военнослужащие вполне разделяли убеждение, что они живут в государстве «кыргызов и для кыргызов» и не воспринимали узбеков как своих соотечественников. Думать так им было тем легче, чем активнее разворачивалась кампания по сокращению узбеков в вооруженных силах и органах правопорядка, а именно так обстояло дело в последние годы. Причем, возможно, дело не в специальной направленности подобной практики «против узбеков». Может быть, таким образом освобождались места для «своих», что было особенно распространено в последние годы правления Бакиева, кото-

рый таким образом покупал лояльность «нужных» людей. Но подобные изменения национального состава могли и восприниматься как свидетельства реализации определенной кадровой политики.

«Узбекскую сторону» также можно разделить на несколько групп. Согласно многим данным, основной активной силой узбеков во всех инцидентах накануне, в ходе, да и после событий 10–14 июня была молодежь в возрасте 20–35 лет. Именно эта категория людей составляет основу мелкого и среднего предпринимательства в г. Ош. Молодые люди, владельцы и работники небольших кафе, магазинчиков, таксисты, мелкие оптовики, автоперегонщики и т.д. в наибольшей степени ощутили негативное влияние новых «послеапрельских» тенденций. И без того зыбкое правосудие, в условиях ослабления всех ветвей власти в переходный период, стало совсем призрачным, что привело к резкой активизации криминальных элементов и росту их амбиций в условиях отсутствия эффективного противодействия этому. Уже упоминалось, что на протяжении последних месяцев именно эта категория предпринимателей оказывалась в ситуации открытого противостояния с криминалом (преимущественно кыргызским по происхождению), который в нарушение всех предыдущих договоренностей вдруг резко увеличивал ставку нелегальных выплат или других форм давления.

Терпение мелких предпринимателей иссякало, когда выяснялось, что новые условия ставили их на грань разорения и ставили под сомнение само их существование. Только вмешательство старших авторитетов с обеих сторон поддерживало хрупкое равновесие. Тем не менее на протяжении нескольких недель до 10 июня 2010 г. практически каждую ночь в разных районах возникали баррикады, преграждавшие путь внутрь махалли сборщикам дани от криминала, и собирались толпы молодых узбеков до нескольких сотен человек для защиты имущества своих товарищей. Все понимали, что надежды на власть никакой нет, и поэтому получали распространение различные формы самоорганизации и экстренной мобилизации. Если учесть, что большинство среди активного криминала и полиции составляли кыргызы (узбеки составляли пятую часть всех полицейских города накануне 10-го июня), то эта мобилизация была во многом этнической, так как источником невыносимого существования вполне явственно рисовались «кыргызы», хотя они и представляли в виде конкретных людей (бандитов и полицейских).

В этой среде обозленной, не видящей путей к мирному выходу из ситуации молодежи господствовали самые радикальные настроения, охотно укладывавшиеся в любые политические программы, которые домысливались самими людьми наиболее удобным им образом. Эти люди были готовы поддержать любые программы, лишь бы они вели к изменению ситуации. Поэтому не удивительно, что эта молодежь охотно скандировала лозунги «Ош – наш», независимо от того, кто выступил инициатором данного лозунга.

Этнокультурные «узбекские» центры играли заметную роль в общественной жизни узбеков на протяжении последних 20 лет. Именно там консолидировались и формулировались основные социальные проблемы узбекского населения и разрабатывались механизмы доведения их до властей. В последние годы произошла постепенная смена поколений узбекских активистов: на смену лидерам советской эпохи, которые, как правило, были выходцами из партийной номенклатуры или научно-педагогической среды, пришло новое

поколение, состоящее в значительной степени из успешных бизнесменов. В период начиная с 2005 г. основной фокус их внимания традиционно был сосредоточен на сфере образования на узбекском языке и регулирования использования узбекского языка в общественной жизни. Но с 2007 г. наметилась явная политизация их деятельности, поскольку в условиях усиливающегося коррупционного и административного давления в полный рост встали задачи самосохранения и сохранения источников благосостояния.

Прекрасно осведомленные о негативных тенденциях во взаимоотношениях узбекского бизнеса и полиции, в кадровой политике, активисты узбекских центров с воодушевлением восприняли смещение Бакиева, поскольку именно с его именем связывали ухудшение ситуации. Они активно принимали участие в работе Конституционного совещания, не раз встречались с главой временного правительства Розой Отунбаевой, сформировали интернациональную по составу политсовета, но всеми воспринимаемую в качестве «узбекской» партию «Родина». Однако постепенно у них возникло и укреплялось понимание того, что временное правительство не имеет сильной политической воли и реальных рычагов влияния на ситуацию на юге в части реагирования на запросы узбекского сообщества. Это ощущение укрепилось после того, как активисты узбекских центров убедились в том, что их предложения не войдут в одобренный проект текста новой Конституции. Возможно, после этого произошла некоторая радикализация сознания части лидеров, но никто из них по-прежнему не призывал к автономии и вооруженной борьбе.

Среди активистов узбекских культурных центров были носители разного видения развития ситуации и сторонники разных методов действий. Однако, несмотря на то что все активисты узбекских центров исчезли из публичной политики за несколько дней до 10 июня и никак не проявляли себя на протяжении этих трагических дней, в сознании значительной части киргизского населения все они демонизированы в качестве главных врагов суверенного Кыргызстана, сепаратистов, ответственных за развязывание конфликтов. Другого восприятия трудно было бы ожидать в ситуации, когда концепт «национального» государства рождает восприятие всего многообразия взаимоотношений индивидов и коллективностей только в парадигме «представителей» «своих» этнических общностей. К тому же на юге Кыргызстана эти особенности восприятия осложнены отсутствием эффективных и легитимных в сознании большинства механизмов формулирования и отстаивания запросов и чаяний меньшинств. В результате так и не сложилось более-менее согласованной «общей» картины мира для обоих сообществ.

БОЛЬ: ГОНИТЕЛИ И ЖЕРТВЫ

Анализ взаимоотношений между различными национализмами помогает вскрыть те дискурсивные механизмы, с помощью которых происходит этнизация политического пространства и разделение последнего по принципу национальной категоризации. Этот анализ указывает на конкуренцию различных нарративов, на превращение нарративов в политические проекты и решения. Однако внимание только к тому, как воображаются нации, оставляет без ответа вопрос, каким образом создается сильная эмоциональная при-

вязанность людей с этими воображенными сообществами. В этом состоит один из критических аргументов против конструктивистской концепции: как «выйти из тупика традиционного структурно-символического анализа национальной идентичности, не способного объяснить, почему, несмотря на всю историчность и сконструированность нации, привязанность к этой форме идентичности оказывается столь сильной»? Сформулировавший этот вопрос антрополог Сергей Ушакин предлагает обратиться к психоаналитическим концепциям и, в частности, к понятию травмы, или посттравматического синдрома (расстройства), который возникает в результате воздействия тех или иных событий, связанных с ощущениями боли³².

Если индивидуальная травма является результатом перенесенного физического насилия, то коллективная травма возникает в ходе повествования, акцентирующего внимание на утрате и страдании (рис. 3). В дискуссиях об Ошских событиях 2010 г. можно наблюдать целый ряд тем, аргументов и образов, которые направлены на то, чтобы изобразить ту или иную сторону основной жертвой, либо, наоборот, основным виновником произошедшего.

Одним из способов активизации коллективной травмы стали ссылки на число пострадавших. Как любая статистика, этот вопрос стал предметом многочисленных манипуляций, подтасовок и слухов. Официальные источники после года расследований назвали цифру около четырех с половиной сотен погибших, однако в июне 2010 г. официальные лица озвучили, пусть и предположительно, более высокие данные. Роза Отунбаева говорила о двух тысячах. Такая разноголосица и недоверие к официальным органам породили разные предположения о тайных захоронениях или пропавших без вести. Разные стороны указывают также на необходимость учета всех категорий потерпевших, раненых, изнасилованных и т.д. Вопрос о числе пострадавших был важен не сам по себе, а в контексте своеобразного этнического «соревнования»: сколько погибло кыргызов и сколько узбеков. Большее число означало, что именно эта сторона является главной жертвой, а противоположная – виновницей. Попытки властей Кыргызстана не называть национальность и прекратить такое «соревнование» были безуспешными, поскольку одновременно они обвинили именно «узбекских сепаратистов» в начале конфликта. Избранная этническая аргументация диктовала этнизацию любых сопутствующих фактов, а нежелание говорить о национальности в такой ситуации воспринималось как стремление скрыть настоящих виновников.

Другой темой, с помощью которой создаются образы жертвы и гонителя, стал вопрос о том, кто первым начал конфликт. Как и в случае с цифрами пострадавших, факты, подтверждающие ту или иную позицию, подвергаются самым разнообразным манипуляциям. Узбекам ставят в вину схроны оружия, обшитые металлическими щитами Камазы, надписи «sos», будто бы предназначенные для авиации Узбекистана, а также массовое выступление в ночь с 10 на 11 июня у гостиницы «Алай» в центре Оша. Кто первый начал, тот и виноват во всех утратах – такова логика дегуманизации противника и представление себя жертвой.

Еще одним способом внушения идентичности жертвы стало активное использование рассказов и видеообразов, которые должны продемонстрировать жестокость одной из сторон. Производство и распространение снятых на камеру сцен насилия, признаний пойманных преступников, фотографий

Рис. 3. Боль

убитых и пр. приобрело масштабный характер. Появились целые сайты, которые аккумулировали такого рода информацию³³.

Наблюдая за тем, каким образом говорилось об Ошских событиях 2010 г., нетрудно заметить настойчиво повторяющуюся разными действующими лицами и силами отсылку к Ошским событиям 1990 г. Эти два «события» упоминаются почти повсеместно в разных нарративах через запятую, как одно повторяющееся событие. Магия цифр – столкновения повторились почти день в день, в июне, спустя ровно 20 лет – добавляет к восприятию этих двух событий характер почти автоматизма и неизбежности. Однако мы бы, тем не менее, поостереглись напрямую связывать их, забывая, что и то и другое были результатом стечения множества обстоятельств и произошли в совершенно разных политических условиях. Напомним также, что в 1990 г. основные стычки имели место в Узгене и соседних селах, тогда как в 2010 г. именно в Узгене погромов удалось избежать (что, кстати, сами узгенцы объясняют памятью о прошлой трагедии и нежеланием ее повторять).

Вместе с тем мы не можем игнорировать это совпадение и рассматривать события 1990 и 2010 гг. совершенно отдельно друг от друга. Необходимо лишь сместить фокус анализа их взаимосвязи, вставив между ними вопрос о травме и идентичности. Память о том, что произошло в 1990 г., то, как люди говорили или молчали об этом, – все это не могло не оказывать влияние на идентичность и на те сценарии поведения, которые разворачивались уже в 2010 г.

Особенность памяти о событиях 1990 г. на протяжении двух десятилетий заключалась в почти полном вытеснении их из публичного нарратива. Не были созданы ни соответствующие «места памяти» (памятники или музеи), ни официальные ритуалы воспоминания около них. Столкновения в Оше и Узгене не стали центральным элементом в идеологии ни акаевского, ни ба-

киевского периода. Господствовало общее убеждение, что публичная память способна только сохранить и даже усилить травму, полученную конкретными людьми и обществом в целом. Страх перед повторением конфликта диктовал выбор стратегии умолчания, которая к тому же соответствовала советскому опыту скрытия любых неприятных и сомнительных фактов: считалось, что таким образом должно происходить забывание боли и возвращение к «нормальной» жизни. Однако, как утверждает психоанализ, амнезия является не столько симптомом выздоровления, сколько явным признаком болезни, вызывающей разного рода образы и действия, вроде бы с травмирующим событием не связанные. Ушакин, переводя психоаналитический аппарат в социологический, говорит о том, что травма «задает траекторию повествования, не становясь при этом предметом этого повествования»³⁴, травма, будучи скрытой и скрываемой, становится «структурирующим принципом» разного рода дискурсов, практик и ритуалов, вызывает стремление «вписать следы травмы в структуру повседневности», в том числе в социальные связи «общества утраты», «являющиеся и основным автором, и основным адресатом повествований о травмах»³⁵. Травматическое переживание соединяется с национальными идентичностями, они взаимно закрепляют друг друга.

В публичных нарративах мы находим целый ряд таких «следов травмы», имеющих подразумеваемую и легко угадываемую всеми акторами отсылку к 1990 г. В этих нарративах кыргызское общество предстает в виде жертвы различных внешних сил, которые пытаются подчинить себе Кыргызстан, навязать ему «чуждые» правила или даже полностью его разрушить.

В политических дискуссиях, в частности, постоянно поднимается тема сложных отношений Кыргызстана и Узбекистана. Проблемы цены за поставку энергоресурсов, управления и распределения водными ресурсами, делимитации и контроля границ и другие спорные темы межгосударственных отношений интерпретируются в Кыргызстане то как противостояние «демократического» (кыргызского), но слабого и «авторитарного» (узбекского) сильного государств³⁶. В этом контексте любая активность кыргызстанских узбеков рассматривается исключительно как проекция этих отношений, как козни Узбекистана против Кыргызстана, попытки дестабилизировать ситуацию в последнем. В этой перспективе Ошские события превращаются в аналог войны за независимость против агрессивного соседа. Этничность нагружается дополнительными смыслами и в таком новом качестве сама, в свою очередь, оказывается аргументом для объяснения происходящего. При этом «свои» потери, помещенные в явную этническую форму, героизируются и одновременно становятся жертвами, «чужие» же потери, напротив, дегуманизируются и теряют ценность. Травма 1990 г. помещается в геополитический контекст, через который пытаются контролировать ее эффекты (и манипулировать ими).

Политические дискуссии переходят в академические и благодаря последним получают новое измерение и дополнительную остроту. В академическом дискурсе легализуется, например, травматическое восприятие национально-размежевания 1920-х годов, когда будто бы «этнические территории кыргызов» отошли Узбекистану (и какое-то количество кыргызов оказалось в составе другой республики, где они подверглись ассимиляции)³⁷.

В научных монографиях и выступлениях, в учебниках истории и лекциях нынешние отношения Узбекистана и Кыргызстана приобретают характер более древнего противостояния кыргызов и узбеков в Кокандском ханстве. История XVI–XVIII вв. изображается как период отстаивания «свободы и независимости кыргызских племен... от кокандских завоевателей», попадание «кыргызских земель Ферганы» «в зависимость от Коканда», «экспансия Коканда в отношении кыргызов», «грабительские походы против кыргызов», «героическая борьба кыргызов против поработителей, против кокандского ига», «завоевание Кыргызстана кокандскими ханами», «черная полоса жестокого угнетения и произвола, беспросветной нужды и несправедливости», «освободительная борьба кыргызского народа... против социального угнетения»³⁸. Этот нарратив не говорит об этническом противостоянии, но последнее легко прочитывается, поскольку в официальной версии узбекской истории Кокандское ханство рассматривается исключительно как «узбекская государственность». Примечательно, что согласно кыргызстанским учебникам в XVIII–XIX вв. уже существует «Кыргызстан» в его нынешних границах, кокандцы (т.е. узбеки) нападают на «узгендских кыргызов» и закупают городами Узгенд и Ош. Две ключевые фигуры в пантеоне кыргызских исторических деятелей – Алымбек-датка и его супруга Курманджан-датка изображаются собирателями «кыргызских» земель и борцами за их «независимость» (несмотря на то, что они находились на службе у кокандцев).

Эта отсылка к досоветской истории выглядит очень далекой от конфликта 1990 и 2010 гг., но она неожиданно была актуализирована в языке участников столкновений, которые настойчиво использовали название «сарты» для обозначения своих противников. Замена национального имени «узбеки» на вышедший из официального употребления термин «сарты», которым в XIX в. назывались все вообще оседлые жители Ферганы, было и оскорблением, и одновременно механизмом выстраивания символической иерархии групп (оседлые-кочевники), и способом усилить границу между ними через социальные коннотации этнических различий.

В публичном пространстве память о событиях 1990 г. могла найти себе место и объяснение только в официальных национальных – политических и академических – нарративах, в которых главным героем и главной жертвой был «кыргызский народ» или «кыргызская государственность». Те, кто идентифицирует себя узбеками, были исключены из этих официальных нарративов и формировали свою особую «узбекскую» травму в неофициальной сфере, используя, как можно предположить, механизмы семейной и локальной памяти, а также, возможно, взятые из мусульманской риторики понятия и аргументы. К сожалению, мы не можем точно сказать, какие повествовательные или ритуальные формы принимала эта травма, поскольку она не стала предметом специального внимания и изучения исследователей. Публичное, демонстративное молчание, т.е. отсутствие в официальном нарративе места, в котором узбеки могли бы говорить о своей травме, не означало, что люди не создавали свои приватные места и ритуалы для воспоминаний. Более того, эта память и травма о 1990 г. неизбежно становились этническими, узбекскими именно потому, что публичное пространство допускало только кыргызские нарративы. Границы между кыргызскостью/узбекскостью и публичностью/приватностью совпадали и взаимно усиливали друг друга³⁹.

ГЕНДЕР: ОВЛАДЕНИЕ ТЕЛОМ

Гендерное измерение группового насилия, как это уже не раз отмечалось в литературе, может иметь два основных аспекта: сексуальное насилие против женщин «той» стороны и активная специфическая роль женщин в мобилизации «своих» против «чужих». При внимательном рассмотрении можно увидеть, что это две стороны воплощения одного и того же социально-культурного феномена: нахождения женщины в центре символического тела «нации».

В первом случае насильственное осквернение тела «чужой» женщины должно ослабить символическую силу «чужой» нации, морально подавить ее членов, лишить их веры в воспроизводство коллективного «тела нации». Этой же цели служат немногочисленные, но встречающиеся случаи изнасилования мужчин. В этом смысле мужское тело подается как лишенное мужской силы, и тогда оно играет ту же символическую роль, как и женское тело.

Во втором случае призывы женщин имеют большую силу, так как они исходят как бы из символического центра нации и вызывают к необходимости уберечь его от осквернения со стороны противника. В данной ситуации мобилизирующее воздействие подобных призывов многократно усиливается, так как женщины, осознанно или нет, воздействуют на глубоко укорененные в индивидуальной психике механизмы активизации «сопринадлежности» группе, которые подавляют любые рациональные сомнения.

Вряд ли рядовые участники насильственных действий задумывались над подобными концептуальными обоснованиями своих поступков, но все проявления сексуального насилия укладываются в приведенную схему.

Причем случаи, иллюстрирующие вышеуказанные положения, отмечались в столкновениях на юге Кыргызстана и в 1990 и в 2010 гг. В.А. Тишков, описывая разные стороны конфликта 1990 г., отмечает, что групповые изнасилования практиковались, «чтобы унижить противника, продемонстрировать свое превосходство и получить удовлетворение, как физическое, так и моральное». Далее он заключает: «Изнасилование женщин, в том числе групповое, представляет собой социально-культурный феномен более широкого порядка и имеет место далеко за рамками этнического насилия, но оно становится почти обязательным и устойчивым компонентом этнического насилия, в каком бы регионе или культуре оно ни происходило. Здесь, видимо, действуют два фактора. Первый – это снятие табу на выработанную общественную норму, которое происходит в ситуации массового насилия и беспорядков. Второе – это, как мы уже отмечали, демонстративная форма осуществления возмездия и унижения. Но было бы ошибкой забывать, что изнасилование женщин мужчиной (мужчинами) первоначально заключает в себе физиологический момент, стремление удовлетворить половое влечение. Для молодых мужчин и юношей это связано в сильнейшей степени с любопытством и желанием острых ощущений. Тем более, что в местной культурной традиции взаимоотношения полов носят во многом традиционалистский характер. Так, закрытость женского тела, особенно среди узбечек, вызывает в ситуации этнического насилия желание и создает возможность разрушить эту норму. Первыми насильственными действиями почти во всех случаях

было раздевание и демонстрация обнаженных узбечек. Иногда намеренная демонстрация обнаженных женщин происходила уже после совершения половых актов. Это уже был акт унижения и удовлетворения любопытства, не связанный с возбуждением. Так, по материалам следствия 1990 г., один из обвиняемых, изнасиловав свою жертву, «сорвал с нее оставшуюся одежду и предложил всем присутствующим посмотреть на голую узбечку, стал показывать ее половые органы»⁴⁰.

Возвращаясь к мотивации и побуждениям насилия в отношении женщин, Тишков также призывает отметить, что «совершение непосредственных половых актов было связано сильнее всего с желанием и физиологическими возможностями мужчин (помимо стремления продемонстрировать власть и унижить). Половой акт был важен для мужчин, которые насиловали женщин, с точки зрения их личного «успеха» или «поражения».

Относительно мобилизующей роли женщин в конфликте 1990 г., тот же автор пишет: «По нашим данным, женщины не участвовали в прямой форме в осуществлении актов насилия, но были достаточно активными участниками на уровне мобилизации мужчин на эти действия. В текстах приговоров имеются неоднократные упоминания подстрекательских, наводящих и способствующих высказываний и действий местных женщин-киргизок: ‘Подсудимый Кыязов показал, что когда они с Калматовым встретили беженцев, то женщины киргизки, упрекая их, говорили, «почему вы здесь, в г. Оше узбеки убивают киргизов, сбрасывают их с балконов, сажаяют на кол». Подсудимые отыскивали оружие...»⁴¹.

Случаями, иллюстрирующими вышеуказанные положения, избобилуют и интервью очевидцев Ошских событий 2010 г., которые удалось взять одному из авторов статьи осенью–зимой 2010–2011 гг.⁴² Нужно сказать, что с большей или меньшей долей уверенности мы можем говорить о зафиксированных документально или в интервью и рассказах очевидцев примерно 30 случаях сексуального насилия в разной форме против узбекских женщин и, как минимум, пяти случаях сексуального насилия в отношении киргизских женщин. Среди интервью иногда упоминается и факты сексуального насилия над мужчинами или мужскими телами. Интерпретация этих случаев с разных сторон настолько противоречива, что, мы можем только констатировать, что как минимум, один такой факт имел место, не уточняя принадлежности насильников и жертв.

Реальных случаев сексуального насилия с обеих сторон могло быть и больше, но учитывая специфическое отношение обоих сообществ к роли женщины в различных контекстах, предполагающих сексуальные взаимоотношения, можно предположить, что часть таких случаев скрывается их жертвами и их родственниками. Во всяком случае, распространены слухи о том, что некоторые изнасилованные женщины покинули страну или были срочно выданы в качестве вторых жен замуж за пожилых и состоятельных людей. И в том и в другом случае они сделают все, чтобы быть исключенными в собственном сознании и во мнении окружающих из списка «жертв сексуального насилия» и количество достоверных случаев вряд ли возрастет.

Жертвы со стороны узбекских женщин появлялись чаще всего в ходе быстрого проникновения киргизских участников событий в центр узбекских махаллей, откуда женщины не успели убежать. Жертвы среди киргизских

Рис. 4. Беженцы

женщин – преимущественно те, кто проживал в своем или арендуемом помещении среди узбекских районов и также не смог самостоятельно вовремя выбраться. И в том и в другом случае можно говорить о том, что специальных «походов за женщинами» не было и побуждение к насилию возникало уже после того, как женщины оказывались в числе пленников или заложников (рис. 4). В этом случае тем более интересным становится анализ той готовности к насилию именно сексуального характера, которую можно отметить у обеих сторон, в случае, если перед ними оказывались беззащитные женщины.

Прежде всего нужно отметить устойчивую тенденцию к растабуированию обнаженного женского тела, которая проявлялась к киргизским участникам событий, когда они оказывались на территории узбекских махаллей. Обратных случаев публичной демонстрации обнаженных киргизских женщин отмечено не было. Возможно, дело в том, что базовая гендерная оппозиция публичный, открытый (мужской) – приватный, интимный, закрытый (женский) по-разному воспроизводится в символических саморепрезентациях киргизов и «узбеков» в рамках традиционного противопоставления «кочевого» и «оседлого».

Так многие представители киргизской национальности часто с гордостью говорят о том, что их женщины издавна играли более активную роль в обществе и были более открыты и социально и физически (слабое распространение хиджаба). Это проявляется и в культе женщины-воительницы Курманжан-датка и в возможности женщине стать президентом страны в случае Розы Отунбаевой. Подобные аргументы часто приводятся в реаль-

ных и виртуальных дискуссиях с целью подчеркнуть открытость «наших» женщин и закрытость, патриархальность, косность – «их». Упомянутая дихотомия воспроизводится и в повседневных публичных практиках. Многие собеседники отмечали, что подавляющее большинство официанток в кафе, в том числе и в принадлежащих узбекам – кыргызки, так как среди узбеков до сих пор распространено неодобрительное отношение к публичному появлению девушек и женщин перед лицом многих мужчин. Существует даже мнение (трудно определить уровень его достоверности), что узбечке, в случае ухода из семьи, потери кормильца и т.д. проще стать проституткой, коль скоро при оказывании сексуальных услуг сохраняется интимный характер деятельности, чем официанткой, так как работа там принципиально публична и открыта.

Возможно, стремлением лишить узбекских женщин ареола традиционной «закрытости» и тем самым лишить их некоторых черт «узбекскости» вообще и объясняются некоторые действия кыргызских участников событий. В частности, имеются неоднократные упоминания о том, что в разных районах города погромщики со стороны кыргызов демонстративно выводили полностью раздетых узбекских женщин разных возрастов на улицы и водили их за собой. Иногда эти женщины выставлялись в первых рядах нападавших, очевидно для того, чтобы унижить сопротивляющихся узбеков в махаллях и сломить их решимость. Иногда среди этих женщин были очень пожилые, и не всегда эти демонстрации сопровождались изнасилованиями.

Есть также свидетельства о том, что голых узбекских женщин сгоняли в круг и заставляли танцевать перед группой кыргызов или кричать: «Я люблю Кыргызстан». Так было, в частности, около печально известного кафе «Ностальжи», где собирали захваченных «противников» и издевались над ними. Возможно, через наблюдение вдвойне униженных (через публичное обнажение и через демонстративную публичную покорность) узбекских женщин часть кыргызской молодежи, участвовавшей в столкновениях, а это в большинстве сельские жители, приехавшие в «чужой» город, чтобы сделать его «своим», реализовывала свое понимание своей роли в новом Кыргызстане.

Отдельного упоминания заслуживают, на наш взгляд, случаи более «радикального» использования женского тела, не только через его обнажение, но и через его уродование. Этот феномен также уже находил свое отражение в литературе. В частности, А. Фелдман говорит о том, что «этничность тела строится через его расчленение и уродование...Насилие конструирует тело как метоним сектантского социального пространства... Через насилие тела конкретных людей превращаются в образцы этнических категорий»⁴³.

Применительно к Ошским событиям 2010 г. мы можем говорить о документированных двух случаях подобного использования тел: на спине одной из выживших после изнасилования в кафе «Ностальжи» узбекских девушек были обнаружены хаотически пересекающиеся глубокие линии, сделанные каким-то острым предметом. Более «продуманные» надписи были сделаны на теле погибшего кыргыза жителя ул. Памирская: там линии сплетались в какие-то фигуры и даже графические знаки, возможно складывавшиеся (по мнению некоторых информантов) в оскорбительные для кыргызов надписи. Более многочисленны рассказы о виденных обезображенных телах, но эти рассказы не подтверждаются документальными свидетельствами и мнени-

ем других очевидцев. Тут перед нами, возможно, еще один феномен, свойственный постконфликтному типу мышления, – продолжение противостояния уже внутри сознания индивида, в памяти которого реальные видимые им события соседствуют с теми, которых он не видел, но которые очень логично «подошли бы» к выстраиванию образа «их» как изуверов и насильников.

В частности, в одном из районов Ошской области приходилось слышать рассказы «очевидцев» о том, как на выезде из города в дни событий они видели обезображенные тела киргизских девушек, которые везли в морг больницы в колхозе имени Курманжан-датка: у них были отрезаны груди. То есть осквернению подвергались те части тела, которые ответственны за воспроизводство, в данном случае можно сказать, что делавшие это стремились уменьшить возможности воспроизводства «киргизской нации», символически представленной в виде тел киргизских женщин. К этому же можно добавить описываемый «очевидцем» из Кара-Кульджи случай: он видел, что тело киргизской девушки разорвали пополам, привязав за ноги к двум машинам «Тико», которые потом разъехались.

В обоих случаях рассказывали об этом вполне взрослые мужчины лет 40, у одного из них во время рассказа текли по щекам слезы возмущения и обиды. Тем не менее никаких подтверждений этим рассказам в последующем обнаружено не было. Примечательно, что в качестве орудия насилия выступает автомобиль «Тико», который вошел в состав символического образа «ошской узбекскости», поскольку до событий 2010 г., а тем более 2005 г., подавляющее большинство таксистов города, использующих эти машины, были узбеки. Приходилось слышать и об убийствах младенцев в утробах матерей, но документального подтверждения этой информации видеть не приходилось. Впрочем, в данном случае не столь важно, происходили или эти зверства в реальности ли в фантазиях рассказчиков, важно то, что как насильники, так и «свидетели» нуждались в подобных «изменениях» тел, для того чтобы создать более контрастный и убедительный образ врага, «чужого».

Среди жителей Ошского района киргизской национальности ходили слухи об издевательствах узбеков над сотрудницей пресс-службы одного из лицейских подразделений в первые часы столкновений. Уже утром 11 июня ее после издевательства убили, затем отделили от тела конечности. Среди узбекского населения в постконфликтный период широко муссировались слухи о том, что якобы некоторые из изнасилованных на протяжении конца июня–июля узбекских женщин были найдены с выбритыми головами и удаленными бровями. Скорее всего, подобное «изменение» внешности укладывается в логику «выведения» жертвы за пределы нормальных женщин, которые согласно региональным канонам обладают длинными волосами и густыми бровями.

Анализируя подобные случаи по воспоминаниям беженцев хуту в лагерях Замбии о событиях в Руанде в начале 1990-х годов Лииза Малки также отмечает символический характер подобных манипуляций: «когда умертвляли детей и матерей, это означало прекращение новой жизни и то, что у этой группы нет будущего. Когда одной палкой бамбука протыкали половые органы девушек, так, что она выходила к голове, – это также означало лишение возможности для целой группы нового зачатия и новых поколений». Отдельно она описывает издевательства над мужскими телами: «когда одной

палкой бамбука протыкали тело от ануса к голове – это значит лишить народ разума, способности к политическим действиям»⁴⁴.

Стоит упомянуть, наверное, по крайней мере один достоверный случай подобного обращения с мужским телом, который зафиксирован на видео. Помимо упомянутых мотивов, речь может идти также о перверсии, согласно которой мужское тело, испытывавшее подобные манипуляции, символизирует утрату одной из сторон мужского начала и, значит, неспособность к активному сопротивлению. Тем не менее подобные случаи единичны, и основную нагрузку символического насилия приняли на себя женщины.

Наиболее распространенным видом насилия явилось изнасилование женщин, чаще групповое и публичное. Насилию подвергались женщины от 13 до 50 лет, во всяком случае, об этом есть более-менее достоверные свидетельства. Групповое глумление над женщиной призвано вывести этот акт из сферы сексуальных действий в социально-символическую: это не просто акт индивидуального физиологического удовлетворения, но акт публичного попрания «нами» «их». К этому же примыкает и стремление произвести изнасилование в как можно более извращенной, с точки зрения традиционного понимания, форме. Вряд ли дело в изысканности сексуальных предпочтений нападавших, скорее, они стремились показать, что это не просто удовлетворение физиологических потребностей, но нечто большее.

Хотя нельзя не сказать и о собственно физиологическом аспекте. Многие очевидцы упоминают о том, что погромщики находились явно в сильном возбуждении (часто упоминаются «налитые кровью глаза» и «стоящий» член, в речи респондентов это описывается как «стоячка»). Чтобы объяснить этот феномен, респонденты охотно упоминают о том, что погромщикам и насильникам якобы давали какую-то специальную жидкость, что в фойе кинотеатра «Киргизия» были найдены коробки с конским возбуждателем. Возможно, какие-то специальные средства и имели место. Но с равной вероятностью можно предположить, что многие из погромщиков были возбуждены от ощущения вседозволенности и собственной безнаказанности. Для многих из них это было таким контрастом со всей предыдущей жизнью, что они буквально не справлялись с ощущениями. Часть этих неконтролируемых эмоций под воздействием образов риторики «нация как единое тело» воплотилась в непреодолимом желании воспользоваться внезапно возникшим могуществом для реализации одновременно и собственных желаний и задач символического уничтожения противника. В частности, в показаниях одной из выживших жертв насилия утверждается, что после того как она подверглась групповому насилию на одной из площадей города в районе базара, один из насильников потащил ее за гаражи, где и произвел с ней несколько половых актов в извращенной форме. Очевидно, он не смог сдерживать обычных эмоций, которые никак не желал удовлетворять публично.

Тем не менее гендерный анализ множества инцидентов, произошедших в городе Ош и вокруг него в период 10–14 июня, показывает, что групповой символизм играл важную роль в мотивации действий участников столкновений. Особенно это характерно для мобилизационных стратегий, применявшихся обеими сторонами. В основе этих стратегий лежало хорошо изученное представление о центральной роли образа женщины-матери в ходе создания и распространения концепции нации, как коллективного тела. Как отмечает

известная исследовательница гендерных проблем постсоветского пространства Е. Гапова, «почти во всех странах, прошедших в Новое время через периоды национального возрождения и деколонизации, – будь то Центральная и Восточная Европа или Юго-Восточная Азия, – патриотически настроенные интеллектуалы видели в женщинах Мать нации, которая рождает, вскармливает, а нередко и отправляет сыновей в бой. В идеологиях национализма присутствуют matka-польска, мать-Индия, матушка-Русь...»⁴⁵. Развивая подобную аргументацию, израильская коллега Е. Гаповой Нира Юваль-Девис повторяет известный афоризм: нация – это «двое мужчин плюс защита женщин и детей на определенной территории»⁴⁶.

Подобные представления, очевидно, разделялись значительной частью участников событий с обеих сторон. Так, слухи об изнасилованных студентках мгновенно преодолевали все сомнения у самых здравомыслящих людей. Имеется немало примеров, когда, именно услышав об этих изнасилованиях, люди из других районов Оша бросались на их защиту, не вполне понимая куда, и часто становились жертвами случайных выстрелов. Именно слух об изнасилованных студентках в Оше в несколько минут смел все здравые рассуждения о том, нужно или не нужно идти «воевать с узбеками» среди массы кыргызов из верхних сел, собравшихся на круге у ипподрома в Джалалабаде. Они собрались там, взбудораженные слухами о поджоге юрты Бакиева, но не решались идти дальше, понимая зыбкость подобных оправданий своих действий. Информация же об изнасилованиях камня на камне не оставила от этих сомнений. Такова власть символических представлений среди людей, считающих себя вполне современными.

Подобным же образом действовала сила мобилизации исходящая от женщин. Тысячи людей на круге около того же ипподрома в Джалалабаде не решались двигаться к городу, но причитания десятков женщин, оплакивающих погибших и раненых, которых провозили по этому кругу, прежде чем везти в родные айлы, действовали на людей подобно заклинаниям. Очевидно они воспринимали эти причитания как признак возможной угрозы со стороны врага по отношению к женщинам, воплощавшим в себе сам дух женщины нации, Родины-Матери (рис. 5).

Совершенно симметричная ситуация произошла 11 июня в селе Араван, на 70% заселенном узбеками. Толпа узбеков собралась утром в центре села под воздействием тревожных слухов о событиях в Оше. Они пытались пройти в город, но остановились на выходе из села, так как поступила информация о том, что дорога на Ош перекрыта толпами кыргызов из придорожных сел. В этот момент несколько пожилых женщин-узбечек стали причитать, кричать и плакать над тем, что бессильная молодежь не желает спасти их беззащитных дочек, которые остались в горящем Оше. Некоторые из плакальщиц даже катались по земле в истерике. Такого зрелища узбеки не могли выдержать, и они ринулись в город по дороге, которая была заблокирована кыргызской толпой. Попытка оказалась неудачной и с самого начала была обречена на провал, но не предпринять ее они не могли.

Таким образом, роль женщины как символического центра «нации» была чрезвычайно важна в формировании мотивов действий сторон. К началу активного противостояния не существовало четко разграниченных двух групповых субъектов конфликта: разные индивиды и группы людей имели свое

Рис. 5. Этническая мобилизация

видение ситуации и свои мотивы поведения, не во всем согласованные с другими «своими». Через три дня абсолютное большинство жителей Оша стали думать и чувствовать либо как «кыргызы» либо как «узбеки». Произошло это во многом и потому, что в ходе развертывания событий рациональная логика поведения была серьезно деформирована «нашей» защитой «своих» женщин и унижением «их». Это позволило «нашим» не только почувствовать себя достойными членами своей группы, но и ощутить контраст с неприглядным видом или состоянием той «стороны», которая издевалась над «нашими» женщинами и не могла защитить «своих».

* * *

Июньские события 2010 г. на юге Кыргызстана, когда произошли массовые случаи насилия против гражданского населения, стали результатом экономической слабости и политической нестабильности, соперничества множества самых различных группировок за власть и ресурсы, эмоционального взрыва и хаоса толпы. Свести все эти факторы к аналитической модели этнического конфликта, в котором есть только две стороны – кыргызы и узбеки, будто бы извечно враждующие между собой, было бы слишком сильным упрощением. Однако это не означает, что для понимания произошедшего сами категории «кыргызы» и «узбеки», т.е. понятие «этничность», следует вывести за пределы исследовательского поля. Акторы – участники столкно-

вений, и не они одни, видели и оценивали происходящее, исходя из противопоставления кыргызов и узбеков, эти этнические ярлыки становились решающими в той ситуации для определения цели насильственных действий и для защиты от них. Для исследователя стоит, следовательно, задача объяснить, почему и как именно этничность превратилась в главное средство разграничения и мобилизации.

События в Оше, Джалалабаде и других местах имели целый ряд дискурсивных пластов, отсылающих к разным типам легитимации насилия. Мы видим политические, социальные, гендерные и прочие мотивации в том, каким образом вовлеченные люди оправдывают свои поступки и решения. Мы видим также, что все эти разные мотивации прочитываются людьми при помощи отсылок к этничности. Этничность, которая не имеет собственного основания, сцепляет между собой разные аргументы и представляет в виде систематизированной, целостной и универсальной картины, которая позволяет переводить любой частный (политический, социальный, гендерный и т.д.) интерес в общедоступный и разделяемый всеми (не только личным окружением) код. Ссылка на этничность обладает еще одним важным качеством – она нагружает (и тем самым усиливает) рациональные аргументы и расчеты эмоциональной силой (которые В.А. Тишков квалифицировал как «паранойю»), делает связь людей и вытекающие из нее обязательства императивом, который предписывает определенный взгляд и язык, не спрашивая у отдельного человека согласия принять их. Этничность кыргызов и узбеков превращается в дискурсивную рамку, выйти за пределы которой можно, но при таких обстоятельствах, которые не всем доступны и не всеми желаемы.

Говоря об этничности и этнических разделениях, мы не стали бы сводить проблему их воспроизводства к деятельности элит (этнических предпринимателей). Хотя политическая и культурная элита Кыргызстана (и Узбекистана), безусловно, оказывает большое влияние на то, каким образом структурируется этнический язык и фокусируется этнический взгляд, этнизация общества является кумулятивным эффектом действий самых разных обстоятельств в самых различных сферах. Мы хотели бы обратить внимание, что этничность уже материализовалась во многих социальных институтах, в разного рода артефактах и объектах, в телах, в ритуалах, она окружает человека в его повседневной жизни и указывает то, как ему видеть и говорить. Такая «материализация» совершалась на протяжении всего советского времени, в независимом же Кыргызстане этот процесс не просто продолжился, но и приобрел новый масштаб, новую глубину. Означает ли сказанное, что процесс этнизации нельзя теперь повернуть вспять? Мы надеемся, что такой поворот возможен, но для этого необходимо полностью переструктурировать язык, с помощью которого люди рассуждают о стране и о себе.

¹ Отчет Международной независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года. Бишкек, 2011. См. также: Комментарии Правительства Кыргызстана к Отчету Международной независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года. Бишкек, 2011. См. результаты других расследований: Хроника насилия: события июня 2010 г. на юге Кыргызстана (Ошский регион). Oslo; 2012; «Were is the Justice?»: Interethnic Violence in Southern Kyrgyzstan and Its Aftermaths. Human Rights

- Watch, 2011; The Pogroms in Kyrgyzstan // Asia Report. № 93. International Crisis Group, 2010.
- ² Впрочем, и стратегия неупоминания этничности может стать инструментом манипуляции: отказ властей Кыргызстана объявить национальность погибших или арестованных воспринимался как попытка скрыть тот факт, что главными жертвами стали узбеки.
- ³ Петрик Б. Киргизы и узбеки в Оше: очередной этнический конфликт? // <http://www.fergananews.com/article.php?id=6631>
- ⁴ В 1989 г., за год до этого, имели место погромы и столкновения в городах и селениях Узбекистана, в основном в той же Ферганской долине, которые воспринимались участниками тех событий как *этнический конфликт* между узбеками и турками-месхетинцами (народом, который был сослан в Среднюю Азию в 1944 г.). Об этих событиях с критикой *этнического* объяснения см.: *Осинов А.Г.* Ферганские события 1989 года (конструирование этнического конфликта) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты / С.Н. Абашин, В.И. Бушков (ред.). М., 2004. С. 164–223. Мы оставляем эту историю за рамками настоящей статьи.
- ⁵ *Тишков В.А.* Анализ этнического насилия в Ошском конфликте // *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 320–353 (на английском: *Tishkov V.* «Don't Kill Me, I'm a Kyrgyz!»: An Anthropological Analysis of Violence in the Osh Ethnic Conflict» // *Journal of Peace Research.* 1995. Vol. 32, N 2. P. 133–149).
- ⁶ *Тишков В.А.* Анализ этнического насилия в Ошском конфликте. С. 321–322.
- ⁷ См. критику политики «построения мира» в регионе: *Heathershaw J.* Post-Conflict Tajikistan: The politics of peacebuilding and the emergence of legitimate order. London; New York, 2009; *Bichsel C.* Conflict Transformation in Central Asia: Irrigation Disputes in the Ferghana Valley. London; New York, 2009; *Petric B.-M.* Post-Soviet Kyrgyzstan or the birth of a globalized Protectorate // *Central Asian Survey.* 2005. N 24(3). P. 319–332.
- ⁸ *Reeves M.* Locating danger: *konfliktologiia* and the search for fixity in the Ferghana Valley borderlands // *Central Asian Survey.* 2005, N 24(1). P. 67–81.
- ⁹ *Megoran N.* On researching «Ethnic Conflict»: epistemology, politics, and a Central Asian boundary dispute // *Europe-Asia Studies.* 2007. N 59(2). P. 253–277.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 273.
- ¹¹ *Megoran N.* The background to Osh: stories of conflict and coexistence // <http://www.opendemocracy.net/od-russia/nick-megoran/background-to-osh-stories-of-conflict-and-coexistence>.
- ¹² *Рувз М.* Этнизация насилия в Южной Киргизии // <http://www.polit.ru/institutes/2010/06/23/kirgiz.html>.
- ¹³ См., например: *Brubaker R.* Nationalist politics and everyday ethnicity in a Transylvanian town. Princeton; Oxford, 2006; *Brubaker R.* Ethnicity without Groups. Cambridge, 2004; *Брубейкер Р., Кунер Ф.* За пределами «идентичности» // *Ab Imperio.* 2002. № 3.
- ¹⁴ *Brubaker R.* Nationalist politics and everyday ethnicity. P. 7.
- ¹⁵ *Brubaker R.* Ethnicity without Groups. P. 92.
- ¹⁶ *Brubaker R.* Nationalist politics and everyday ethnicity. P. 207.
- ¹⁷ *Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge University Press, 1996. P. 4–6, 9 и др.
- ¹⁸ См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London, 2005; *Абашин С.Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007.
- ¹⁹ Конституция, принятая в июне 2010 г., после Ошских событий (но, конечно, не в результате их), убрала почти упоминания кыргызов, оставив лишь двусмысленное выражение «кыргызская государственность». Впрочем, в законах и других официальных документах формула «кыргызы и другие группы» сохранилась.
- ²⁰ «Мекеним Кыргызстан»: Концепция этнической политики и консолидации общества Кыргызской республики (проект). Бишкек, 2011. С. 30–31. Документ Багдасаровой. См. также: *Тишков В.А.* Анализ этнического насилия в Ошском конфликте. С. 323.
- ²¹ Перепись 2009 г. в Кыргызской республике // <http://www.stat.kg/rus/part/census.htm>.
- ²² Известная певица Юлдуз Усманова написала песню о событиях в Кыргызстане // <http://www.fergananews.com/news.php?id=15045>.

- ²³ Liu M. Under Solomon's Throne: Uzbek Visions of Renewal in Osh. Pittsburgh, 2012. P. 43–73.
- ²⁴ <http://www.stat.kg/rus/part/census.htm>.
- ²⁵ См. ситуацию в 1990 г.: *Тишков В.А.* Анализ этнического насилия в Ошском конфликте. С. 322–323.
- ²⁶ Французский исследователь Оливье Феррандо считает, что ожидаемый рост числа кыргызов был бы ниже, а узбеков, наоборот, выше: это можно объяснить либо тем, что статистика была неточной, либо часть узбеков записалась кыргызами (*Ferrando O.* Manipulating the Census: Ethnic Minorities in the Nationalizing States of Central Asia // *Nationalities Papers*. 2008. N 36(3). P. 503).
- ²⁷ Отчет Международной независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года. С.17, 26. К слову, недостаток «доказательств» в таких случаях с лихвой компенсируется слухами и подделками. Так, в Youtube появились грубо подделанные якобы записи переговоров Батырова и члена ВП Атамбаева, где вопрос об «автономии» открыто обсуждался (<http://www.youtube.com/watch?v=qM3xoG9q0IQ>).
- ²⁸ Лишь один раз, после первой «революции» 2005 г. узбек Анвар Артыков оказался на должности губернатора Ошской области, но не продержался там и года.
- ²⁹ Лишь на «предреволюционных» выборах 2005 г. статус депутатов получили 6 или 7 узбеков.
- ³⁰ *Fumagalli M.* Framing ethnic minority mobilisation in Central Asia: The cases of Uzbeks in Kyrgyzstan and Tajikistan // *Europe-Asia Studies*. 2007. N 59(4). P. 567–590.
- ³¹ Ассамблея была создана в 1994 г. при Аскаре Акаеве, в 1997 г. она получила статус «консультативно-совещательного совета при президенте по вопросам межнациональных отношений и национальной политики». Такого рода ассамблеи существуют в Казахстане и Узбекистане. Любопытно, что имеется путаница с названием ассамблеи: «народа» или «народов» Кыргызстана.
- ³² *Ушакин С.* «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // *Травма: пункты / Состав. С. Ушакин, Е. Трубина. М., 2009. С. 23.*
- ³³ Сайт, представляющий «кыргызскую» сторону // <http://www.osh-reality.info/>, «узбекскую» // <http://uzbektragedy.com/>. В 2011 г. эта видеодискуссия продолжилась в виде фильмов «Факты геноцида» и «Коолаган».
- ³⁴ *Ушакин С.* Указ. соч. С. 13.
- ³⁵ Там же. С. 9–10.
- ³⁶ См. обзор отношений Узбекистана и Кыргызстана: *Хамидов А., Бекболотов К.* Кыргызстан и Узбекистан: от вечной дружбы к трезвой политике // <http://www.ipp.kg/ru/analysis/233/>.
- ³⁷ *Койчиев А.* Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924–1927 гг.). Бишкек, 2001. С.48; *История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов.* Бишкек, 2003. С. 230–231.
- ³⁸ *История кыргызов и Кыргызстана.* С. 132–148. См. также: *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.
- ³⁹ В июне 2011 г., в годовщину трагедии 2010 г., в Оше была открыта монументальная композиция «Слезы матерей», изображающая склонивших друг к другу головы кыргызскую и узбекскую женщин, которые плачут и обнимают друг друга, а 10 июня был объявлен официальным днем поминовения. Это выглядит другим сценарием памяти и боли, но какое место он займет в обществе – покажет время.
- ⁴⁰ *Тишков В.А.* Анализ этнического насилия в Ошском конфликте. С. 342–343.
- ⁴¹ Там же. С. 346.
- ⁴² И. Савин работал в качестве приглашенного эксперта при подготовке материалов к докладу Международной независимой комиссии.
- ⁴³ *Feldman A.* Formation of Violence: The Narrative of the Body and Political Terror in Northern Ireland. Chicago, 1991. P. 12.
- ⁴⁴ *Malkki L.* Purity and Exile: Violence, Memory and National Cosmology among Hutu Refugees in Tanzania. Chicago; London, 1997. P. 92.
- ⁴⁵ *Ганова Е.* Гендер и постсоветские нации: личное как политическое // *Ab Imperio*. 2007. N 1. С. 315.
- ⁴⁶ *Yuval-Davis N.* Gender and Nation. L., 1997. P. 39.

В.А. Шнирельман

РЕЛИГИЯ, НАЦИОНАЛИЗМ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ИНДИИ

НАЦИОНАЛИЗМ, МИФЫ И СИМВОЛЫ В ИНДИИ

Сегодня мысль о том, что массовые движения подпитываются мифологемами, окрашивающими мироощущение их участников, обосновывающих цель их борьбы и создающих мощные стимулы для их мобилизации, звучит достаточно тривиально. Прошло уже более ста лет с тех пор, как французский синдикалист Жорж Сорель высказал мысль об огромной роли политического мифа в современных массовых движениях. На протяжении всего двадцатого века националисты в самых разных странах – где более, где менее успешно – без устали прибегали к помощи политического мифа. Эта деятельность продолжается и сегодня.

В чем же состоит привлекательность мифа? Упрощая окружающую действительность, миф адаптирует представление о ней к жизненно важным интересам своих потребителей, рисует захватывающие образы прошлого и будущего, выражает их в доступных и привлекательных символах, указывает простой и понятный путь к достижению поставленных целей и, что немало важно, создает образ врага, победа над которым требуется для свободного и быстрого движения к прекрасному будущему. Как пишет индийский автор, в такой перспективе именно миф представляется «исторической истиной», тогда как история, написанная с соблюдением всех правил работы с историческими документами, объявляется «ложью». В то же время миф отражает историческую реальность, но вовсе не ту, о которой говорят его творцы и пропагандисты. Миф может много сказать об умонастроениях своих создателей, а также о ценностях того общества, которое живет таким мифом. Поэтому анализ современных политических мифов дает немало для понимания соответствующих обществ и особенностей их функционирования¹.

Мало того, сегодня среди создателей мифов мы нередко находим представителей местной интеллектуальной элиты, включая даже известных ученых. И обнаруживается, что очень часто гуманитарная наука вовсе не является тем «объективным знанием», которым она хочет себя видеть. Вся история последних ста–ста пятидесяти лет дает немало примеров того, как местная гуманитарная наука верой и правдой служила и служит интересам местного национализма. При этом в обстановке острого конфликта ученые нередко сознательно принимают сторону тех, кого они считают «своими», и всеми силами стремятся обосновать их позицию с помощью «научных аргументов». Одним из ярких примеров этого служит Индия.

В период британского колониального владычества индийцы как всякое колонизованное население имели статус людей «второго сорта», и «быть индусом» означало занимать низшую ступень в социальной иерархии². Все это

длилось вплоть до 1947 г., и поэтому антиколониальная борьба за свободу и независимость, помимо всех прочих задач, ставила своей целью реабилитацию индийской идентичности и наполнение ее позитивным содержанием. Особая потребность в этом ощущалась в первые годы независимости, отмеченные растерянностью перед внезапно вставшими перед обществом проблемами, которые теперь приходилось решать самостоятельно. Тогда одной из самых острых проблем стал религиозно-политический раскол между индусами и мусульманами, приведший в 1947 г. к массовому кровопролитию и отделению западных провинций, ставших основой для возникновения государства Пакистан.

В этой обстановке безнадежности и отчаяния индийские националисты искали спасение в обращении к далекому прошлому, к «чистой традиции», не засоренной внешними влияниями, будь то со стороны мусульманских завоевателей или британских колонизаторов. Благо такой подход выработался еще в предшествующий период, когда к нему охотно обращались как деятели Индийского национального конгресса (ИНК), так и праворадикальные движения³. Периоды иноземного владычества рисовались исключительно черными красками. Тем более притягательными становились древнейшие эпохи, где царила «традиция», народ свято чтит обычаи предков, власть находилась в руках мудрых и справедливых правителей, а моральные нормы и предписания устанавливались и контролировались своими собственными богами⁴. Правда, у духовных лидеров борьбы за независимость не было единства в понимании такого прошлого. Наиболее видные из них выступали со своими собственными представлениями о «золотом веке» и предлагали свои собственные морально-этические учения, апеллировавшие к «заветам предков», облеченным в религиозную оболочку. Среди наиболее известных таких учений, сложившихся в годы борьбы за независимость, были «ведизм» Свами Даянанды Сарасвати, «арийство» Б.Г. Тилака, «ведантизм» Свами Вивекананды и «рам-раджья» Махатмы Ганди.

Все эти учения делали упор на непрерывной традиции, которой якобы нисколько не мешали внешние воздействия, и роль последних всячески приуменьшалась. Эпохи господства иноземцев представлялись малозначимыми периодами временных трудностей, когда происходило некоторое отклонение от магистрального пути развития, предначертанного традицией. Чтобы преодолеть последствия таких досадных «зигзагов истории», надо было вернуться к корням и развивать культуру на основе «самобытности», доставшейся от предков. А чужеродные наносы следовало без сожаления отбросить.

С самого начала индийский национализм содержал в себе определенные религиозные компоненты, и перед лидерами освободительного движения постоянно стоял вопрос о том, как строить нацию в условиях поликонфессиональности и можно ли это сделать вообще. Ведь акцент на религиозной принадлежности неизбежно обнаруживал конфессиональные противоречия и приводил к росту напряженности между представителями разных религиозных общин – прежде всего между индусами и мусульманами, а затем – и между индусами и сикхами, индусами и буддистами и т.д.⁵

Так, идеология *хиндутва*, или «индусского культурного национализма», которую некоторые авторы причисляют к категории «революционно-консерватизма», включает идеи этногенеза, религиозного авторитаризма

и иерархии, примордиального индуизма, культурного фундаментализма и этнорасовой вражды. Все эти элементы сплетаются в плотный клубок, где культурные коды и символы апеллируют к генетическому наследию и общей крови. Провозглашается возвращение к некому изначальному индуизму эпохи вед и упанишад, призванному служить построению новой индусской утопии. При этом индуизм изымается из исторического контекста и превращается в целостную вечную и неизменную систему ценностей, оправдывающую гегемонистский проект североиндийского брахманизма. Любопытно, что этот дискурс включает как «цивилизационную» компоненту («индусская цивилизация»), так и арийскую идею («арийская цивилизация»), постоянно напоминающую о «золотом веке». В этом контексте индуизм представляется не столько религией, сколько образом жизни и набором универсальных норм поведения, которые не идут ни в какое сравнение с другими религиозными традициями. Такая «цивилизация» объявляется толерантной и вбирающей в себя все верования и секты, охватывающиеся концепцией «индуизма». В то же время сторонники такого «цивилизационного подхода» не останавливаются перед устройством погромов против отдельных религиозных меньшинств.

Одними из главных врагов, наряду с христианами («империалистами»), объявляются мусульмане, являющиеся в современной Индии религиозным меньшинством. Признавая местных мусульман «кровными родственниками», воинствующие индусы объявляют их религиозными отступниками и пятой колонной⁶. Либо мусульмане вообще изображаются группой, находящейся за пределами «цивилизации, имеющей древние корни»⁷. Иной раз индусские фундаменталисты прибегают к биологической метафоре, представляя мусульман «ядом», проникшим в кровь Индии⁸. Это еще более усиливается противопоставлением индуизма исламу как фемининного начала маскулинному. В любом случае индусский национализм видит в мусульманах угрозу, что выражается термином «мини-Пакистан», который часто используется для обозначения заселенных мусульманами улиц, кварталов или поселков в Индии⁹.

При этом в Западном контексте такие взгляды смыкаются с неоиндуизмом и *Нью Эйдж*. Этот странный гибрид историософии, мистики, оккультизма и футурологии некоторые аналитики называют «подвидом фашизма», или «монокультурным неорасизмом», имея в виду свойственные ему расовые «арийские» идеи, принимающие форму примордиального культурного наследия и отвергающие «чужаков-иноверцев»¹⁰. Сегодня известно, что формировавшаяся в 1930-е годы идеология индусских фундаменталистов испытывала огромное влияние германских концепций. Тогда лидеры движения «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС) не скрывали своих симпатий к Гитлеру и Муссолини, хотя и подчеркивали свою нарочитую аполитичность. Правда, типичный для РСС религиозный национализм избегал придавать «расе» первостепенное значение, и у него никогда не было сильных харизматических лидеров. В то же время он эффективно использовал «образ врага» в лице религиозных меньшинств¹¹. Сходной позиции придерживалась и организация «Ария самадж», лидеры которой во второй половине 1930-х годов призывали жить по «арийским заветам» и поддерживали лозунг «расовой чистоты», нередко ссылаясь при этом на Гитлера. А в 1940-е годы даже некоторые лидеры

ИНК призывали к защите «индусской расы» и одним из своих врагов видели мусульман. Тогда в ряде регионов члены ИНК совместно с РСС занимались военно-патриотическим воспитанием молодежи¹². Недавно А. Мисра показал, что не только Саваркар, но даже Ганди и Неру не скрывали симпатий к индуизму и готовы были идти ему навстречу. Даже секуляризм Неру не был абсолютно нейтральным в отношении отдельных религиозных общин¹³.

Вот почему обретение независимости стало не только праздником «освобожденного народа», но и сопровождалось трагедией для сотен тысяч жителей бывшей Британской Индии, потерявших родных и близких, кров, землю, родину и ставших беженцами. Именно в таких условиях происходило становление современных Индии и Пакистана. Но и после этого религиозный фактор не ушел полностью из индийской политики и время от времени дает знать о себе ростом региональной межконфессиональной напряженности или настоящими погромами, сопровождающимися многочисленными жертвами. С течением времени ситуация ухудшается. При этом наблюдается определенная связь между ростом числа религиозных организаций и интенсивностью религиозной вражды. Если в 1951 г. в Индии насчитывалось менее десятка таких организаций, то к 1987 г. их число перевалило за 500. В свою очередь, если в 1961 г. межобщинная вражда, имеющая религиозную подоплеку, отмечалась лишь в 61 районе, то в 1979 г. – в 216, а в 1987 г. – уже в 250. Наконец, если в 1950-е годы наблюдалось не более нескольких десятков случаев насильственных действий, вызванных религиозной враждой, то с конца 1960-х годовсчет пошел уже на сотни¹⁴. Рекордным годом по числу таких столкновений стал 1998 г., когда фундаменталисты из «Бхаратийя джаната партии» (БДП) возглавили коалиционное правительство¹⁵. При этом начиная с 1960-х годов, антиисламские выступления сопровождалась риторикой, объявлявшей это необходимостью «проучить» меньшинство, выдвигавшее возмутительные требования привилегий и прав, которых якобы было лишено доминирующее большинство¹⁶. Одной из самых печальных страниц этой борьбы, не раз вспыхивавшей за последние полвека, были события, связанные с разрушением мечети в г. Айодхья (штат Уттар Прадеш), о чем пойдет речь ниже.

В первые десятилетия своего правления ИНК всеми силами пытался придерживаться светских принципов. Его лидеры хорошо понимали, что в государстве, где индусы составляли более 80% населения, мусульмане по-прежнему являлись самым крупным по численности меньшинством (16%), не считаться с интересами которого было чревато серьезными социальными потрясениями. Это было тем более опасно при наличии по соседству такого сильного исламского государства, как Пакистан, где пристально следили за соблюдением прав своих единоверцев. Как говорил Джавахарлал Неру, «в такой стране как Индия, где существует много религий, невозможен никакой иной национализм, кроме секулярного»¹⁷. В то же время непрерывное соперничество с Пакистаном, а с некоторых пор и сепаратизм сикхов Пенджаба подпитывали индусскую идентичность. Кроме того, в такой разнородной организации, как ИНК, многие сочувственно относились к идеям «Раштрийя сваямсевак сангх», делавшей акцент на индуизме не столько как религии, сколько как традиционного образа жизни (об этом см. ниже). В годы премьер-

ерства Индиры Ганди, а затем и Раджива Ганди власти стали все активнее использовать индусскую символику, поступаясь принципами светскости¹⁸.

В последние десятилетия XX в. индусские фундаменталисты начали все чаще прибегать к двум аргументам, которые, хотя и полностью противоречили друг другу, оказывали сильное эмоциональное воздействие на общественность. С одной стороны, они доказывали, что предками индийских мусульман были «иностранцы», прибывшие в Индию только в XI в., а с другой, утверждали, что в подавляющем большинстве индийские мусульмане были «новообращенными», чьи предки являлись коренными жителями этой земли. В любом случае рост популярности фундаменталистской индусской идентичности приводил к исламофобии, и на этой почве все чаще разгорались конфликты¹⁹. Кроме того, сегодня одними из своих главных врагов индусские фундаменталисты считают «левых» и «марксистов», т. е. хорошо образованных интеллектуалов, приверженцев секуляризма, пытающихся продолжать курс, провозглашенный когда-то Дж. Неру. Если от мусульман религиозные фанатики ожидают физической агрессии, то интеллектуалов-западников они упрекают в духовной агрессии против индусской идентичности и рассматривают их как «пятую колонну»²⁰.

Сторонники упомянутых взглядов группировались вокруг двух индусских движений, во-первых, движения служителей культа «Вишва хинду париад» (ВХП) и, во-вторых, воинственной молодежной организации «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС), известных своими антидемократизмом и авторитаризмом²¹. Ядром их политических программ служила *хиндутва*, или «индусскость». Эта концепция была разработана еще в 1920-е годы одним из лидеров радикальных националистов В.Д. Саваркар, попытавшимся переосмыслить понятие «индус» и наделить его привлекательным позитивным содержанием. В своей книге «Хиндутва – кто такой индус?», вышедшей в 1923 г., он называл «индусом» того, «кто смотрит на территорию, протянувшуюся от Инда до [южных] морей, как на землю своих предков, того, в чьих жилах течет кровь этой расы, того, чьи предки жили на берегах семи рек... Индус – тот, кто считает эту землю священной, землей мудрецов и учителей, землей паломничеств и благочестия»²². В отличие от более ранних определений, делавших акцент на духовности, Саваркар видел суть *хиндутвы* в «единой нации (*раштра*), единой расе (*джати*) и единой цивилизации (*санскрити*)»²³. Иными словами, он понимал индусскую идентичность более материально как этническую, опирающуюся на единство территории, расовые особенности и общую культуру, восходящую к славным ведическим временам.

В своей идеологии Саваркар ориентировался на европейский национализм и боготворил Дж. Мадзини. И, хотя сам он был атеистом, *хиндутва* в своем крайнем выражении отождествляла религиозную, национальную и даже расовую (*джати*) идентичности и настаивала на том, что истинный индеец обязан был быть последователем индуизма. Мало того, Саваркар исключал из нации людей с «двойной лояльностью» или тех, кто отличался «низким уровнем развития». Следовательно, членам других конфессий, прежде всего христианской и мусульманской, эта концепция отказывала в принадлежности к нации или по меньшей мере обрекала их на статус «граждан второго сорта». Ведь они представлялись угрозой, связанной с «иноземным вторже-

нием», с которым следовало покончить, искоренив любые его последствия. Зато рассматриваемая концепция утверждала, что в силу своего безусловно-демографического преобладания индусы вправе претендовать на власть в стране, которой суждено быть государством индусов (*хинду раштра*)²⁴. Все это может быть квалифицировано как «расизм доминирования»²⁵.

Последователи Саваркара в отличие от него сделали акцент на индуизме, а также отказались от его увлечения «теорией арийского завоевания» и стали считать арийцев коренным населением Индии. Мало того, сомнения в «коренном статусе» арийцев они сегодня трактуют как «расизм» и «христианский шовинизм»²⁶. Такие представления о неразрывном единстве страны и народа и об их необычайной древности до сих пор пользуются большой популярностью у фундаменталистских индусских политических партий и движений. Последние постоянно напоминают о вековом гнете со стороны мусульман и призывают индусов к «духовному возрождению». А некоторые фундаменталисты, манипулируя демографической статистикой, говорят о «геноциде против индусов». Но это лишь ведет к росту напряженности между индусами и мусульманами и все чаще выливается в вандализм и погромы²⁷. При этом, по наблюдениям видных экспертов, в течение последних десятилетий «общинная обстановка в Индии накаляется»²⁸, а роль политического индуизма растет²⁹. При этом в руках фундаменталистов религия превратилась из веры в идеологию, основанную на выраженном этноцентризме³⁰.

Примечательно, что идеология *хиндутва* не только в колониальное время была призвана помочь индусам преодолеть «комплекс меньшинства»³¹. Она и сегодня исходит фактически из тех же посылок, и ее сторонники до сих пор обнаруживают выраженный «комплекс неполноценности». Однако в годы независимости он выражался прежде всего в страхе перед меньшинствами, которых фундаменталисты постоянно подозревали в нелояльности. Одним из поводов к этому служил массовый переход низкокастовых индусов и неприкасаемых в ислам. В связи с этим индийский психоаналитик обнаружил, что «злой дух», которого изгоняли из больных местные знахари, как правило, выступал в мусульманском облики³².

В 1980-е годы отмеченные страхи питались тревогами в связи с высокой политической активностью мусульман, развитием сикхского сепаратизма и терроризма, появлением иммигрантов из Бангладеш в Ассаме и визитом в Индию Папы Римского в 1986 г. Масла в огонь подлили также самосожжение молодой вдовы в 1981 г. и отмена правительством Раджива Ганди положительного решения Верховного Суда по делу разведенной мусульманки, требовавшей выплаты алиментов, в 1985 г. В те годы фундаменталисты всячески доказывали, что «индусское общество находилось в осаде». Это чувство тревоги отчасти подогревалось и государственной политикой, которая в первые годы независимости сознательно подавляла индусский национализм, в то же время поддерживая другие политические течения. Поэтому любые аффирмативные действия властей Индии, направленные на поддержку реальных меньшинств и их запросов, воспринимаются индусскими фундаменталистами как покушение на их собственные права и, следовательно, «ослабление нации»³³. Они без устали говорят об угрозе большинству со стороны меньшинств.

По мнению Р. Тхапар, «комплекс меньшинства» мог быть подхвачен индусами и от индийцев диаспоры. Те действительно составляют меньшинство в странах Запада, и, несмотря на относительно высокий уровень благосостояния, их не оставляет чувство ущербности по отношению к доминирующему населению. Этому, в частности, способствуют нападки христианских фундаменталистов, раздувающих враждебные чувства к индусам и оправдывающих их дискриминацию³⁴. Поэтому среди выходцев из Индии популярно чрезмерное увлечение своими древними предками вплоть до отождествления харапской цивилизации с арийцами и провозглашения ее древнейшей цивилизацией мира³⁵. Любопытно, что среди живущих в Великобритании левых индийцев, противников РСС и ВХП, определенной популярностью пользуется их светская попутчица «Бхаратийя джаната парти» (БДП), олицетворяющая для этих индийцев «культурный национализм». В этом контексте происходит этнизация эмигрантских общин, где ревитализация и неоиндуизм развиваются в условиях расцвета «новых религий», связанных с «*Нью Эйдж*»³⁶.

Все же, как представляется, в гораздо большей мере своим возникновением «комплекс неполноценности» обязан внутренним структурным факторам, существующим в самой Индии. Эти факторы были созданы британскими колониальными статистиками, проводившими перепись населения по конфессиональному и кастовому признакам, тем самым объективируя религиозную идентичность. Именно в таком контексте религиозная общность стала отождествляться с «нацией». Отсюда и берет начало тот самый «коммунализм», который создает постоянную внутреннюю угрозу безопасности Индии³⁷.

Идеология политического индуизма активно обращалась к фольклорным образам и мифам, объявляя их «исторической истиной». Ее исповедовали не только религиозные деятели из ВХП, но и воспитанные в структурах РСС националистические лидеры БДП³⁸, которые не только широко использовали ссылки на исторические прецеденты, но и прибегали к откровенным фальсификациям истории, изобретая «факты», нужные им для легитимизации своих лозунгов и действий³⁹.

Своей главной задачей БДП считала сплочение всех, кого она признавала «индусами», независимо от того жили ли они в Индии или за ее пределами. Ее лидеры сетовали на то, что в прошлом индусы оказались разделенными на самые разные группы, включая касты, постоянно враждовавшие между собой. Это ослабляло индусов и помогало иноземцам успешно завоевывать Индию и устанавливать там свое господство. Чтобы вернуть себе власть в стране индусам надлежало осознать свою общую идентичность и воссоздать прочное единство, основанное не только на общей истории, но якобы и на «кровных связях». Мало того, для успешного формирования единой общности индусов лидеры БДП предлагали забыть обо всех религиозных различиях и утвердить в Индии единую религию, основанную на новой интерпретации индуизма. Отмежевываясь от обвинений в консерватизме, они доказывали, что речь вовсе не идет о восстановлении «доброе старого индусского духа». Напротив, они хотели переосмыслить «дух индуизма» и создать новую идентичность «хорошего индуса». Пропагандируя лозунг создания «индусского государства», БДП настаивала и на смене государственной символики: вместо трехцветного знамени предлагалось ввести шафрановое (*Бхагва*

Рис. 1. Бог Рама

Дхвадж), а сочиненный Р. Тагором государственный гимн заменить ведическими песнопениями. В риторике БДП все это означало возвращение к истинным незамутненным позднейшими напластованиями домусульманским индусским ценностям. Так эта партия представляла себе выход из затянувшегося кризиса и глухих закоулков модернизации, куда якобы Индию затянули «секуляристы» во главе с Дж. Неру. Но, как отмечает индийский аналитик, образ «хорошего индуса» скрывал стремление к созданию авторитарной личности, и соответствующая риторика была пронизана агрессивным духом⁴⁰. По сути, понимая этничность в религиозных терминах, БДП вела политику этнизации и даже расиализации религиозной идентичности. Одно время ее лидеры даже вынашивали план впи-

сать в Конституцию страны тезис о религии как главной идентичности в Индии⁴¹.

Рассматриваемая доктрина радикально пересматривала образ бога Рамы, и мягкосердечный *Марьяда Пурушоттам* (Всемогущий) превращался в агрессивного бога-воина (рис. 1). Ведь традиция не наделяла Раму выраженной маскулинностью. Ему даже не требовался лук, ибо рядом с ним всегда находился Хануман, готовый применить всю силу, которую требовали обстоятельства. Но в конце 1980-х годов, по воле фундаменталистов, Рама стал изображаться исключительно с луком в руках. Все же фольклорная традиция мешала ему стать подлинным символом необходимых агрессивных качеств. Эта роль гораздо лучше подходила богу Шиве с его необузданным гневом, постоянно приводившим к убийствам и разрушениям. Поэтому воинственный и агрессивный дух *хиндутвы* воплощался в образе Шивы, а Раме досталась роль символа единства индусов. Помимо переосмысления традиционных образов богов производилась их кодификация, и они теряли свою былую многоплановость. Ведь традиционно образ Рамы был далеко не однозначен. С одной стороны, в нем находил выражение идеал кшатрия, лишенный каких-либо недостатков, а с другой, он мог изображаться воплощением злого начала. Были у него и иные традиционные образы. Однако лидеры БДП и ВХП сознательно отказывались от народной традиции и присущих ей

амбивалентности и многообразия. Они создавали гомогенную универсальную религию, способную объединить всех индусов вокруг образа Рамы⁴². Поэтому некоторые современные индийские политики ценят миф больше истории. Как заявил один индийский министр, «величие Рамы – не в его историзме, но в самой концепции Рамы и в его значении как мифологической фигуры»⁴³.

Помимо религиозной догматики, лидеры фундаменталистов активно занимались выработкой новых ритуалов, отвечающих задачам политической мобилизации. Крепить единство должна была апелляция к земле, воде, огню, общей крови и пеплу предков. Их почитанию посвящались массовые церемонии и процессии, иной раз перераставшие в погромы, сопровождавшиеся кровопролитием. Ведь таким ритуальным шествиям неизменно был присущ дух агрессии, направленной против «иноверцев», «иноземцев», «оккупантов» и их «прихлебателей». Манифестация «самобытности» и обращение к «корням» заставляли с подозрением относиться к модернизации. Лидеры фундаменталистов постоянно заявляли, что в Индии модернизация провалилась, а принцип светскости, отстаивавшийся ИНК, якобы привел к цивилизационному кризису⁴⁴.

Все это вело к углублению религиозного раскола, что отражалось, прежде всего на взаимоотношениях между приверженцами индуизма и ислама. Частично враждебность между ними подпитывалась наследием колониальной историографии, в основе которой лежала концепция, сформулированная Джеймсом Миллем в 1817 г. в его популярной книге «История Британской Индии». Милль никогда не был в Индии и не знал местных языков. Свою задачу он видел в том, чтобы показать прогрессивное значение миссии Великобритании в Индии, где он не находил никаких следов цивилизации. Для этого он всячески демонизировал предшествовавшие годы мусульманского владычества с его «азиатским деспотизмом». Он доказывал, что обитателям Индии присуща глубокая религиозность, что индийское общество страдает от непреодолимого раскола между последователями индуизма и ислама и что эти религии отличаются несовместимыми по духу ценностями и мировосприятием. Индусы высоко чтили природу, а мусульмане были отчаянными монотеистами; индусы были идолопоклонниками, а мусульмане всеми силами боролись с идолами; индусы были угнетенным населением, а мусульмане упивались властью над ними. В свете всего этого британцы оказывались освободителями индусов от иноземного гнета. И только они были способны наградить индусов истинной цивилизацией⁴⁵.

Вслед за Миллем многие авторы рисовали средневековую Индию страной, где жестоко правили мусульмане, а местная традиция приходила в упадок⁴⁶. В таких книгах красочно описывались насильственная исламизация, жесткий налоговый гнет, строгое исполнение норм шариата и осквернение традиционных мест поклонения. Однако все это способно было лишь усилить предрассудки, появившиеся много позднее. Реальность XVII–XVIII вв. была иной: тогда индусы и мусульмане вовсе не чурались друг друга, и между ними не было никаких антагонистических противоречий. Напротив, они часто совместно участвовали в социальной и культурной жизни, причем это касалось прежде всего основной массы населения, принадлежавшей к низшим социальным слоям. Ислам привлекал таких людей своими эгалитарны-

ми установками, но, переходя в него, они не отказывались и от индийских традиций. Так происходила «индианизация» ислама, и «народный ислам» был фактически синкретической религией.

И только в условиях британского владычества в некоторых регионах и между некоторыми группами возникли резкие разногласия, которые иной раз оканчивались кровавыми столкновениями. Но даже в те годы во многих контекстах между индусами и мусульманами наблюдалась тесная кооперация, а многие из их политических лидеров призывали к единству. В конце XIX в. религиозные разногласия вовсе не являлись главным источником социальных конфликтов в Индии, а на жизни в Северной Индии в гораздо большей степени сказывался раскол между суннитами и шиитами, чем взаимоотношения между мусульманами и индусами⁴⁷. Действительно, истоки индусско-мусульманской розни следует искать в обстановке эпохи британского владычества. Кроме того, это было связано с особенностями становления и развития индийского национализма, ряд лидеров которого апеллировали к индусским ценностям и символам. Наконец, сложности политического и экономического развития независимой Индии усугубили межобщинную напряженность, которая в силу сложившейся социальной структуры осознавалась в терминах религии, хотя имела иные основания⁴⁸.

В то же время было бы неверно считать религию постоянно и с одинаковой интенсивностью действующим фактором в индийской политике. В 1950–1960-е годы гораздо больше тревог у индийских аналитиков вызывал «лингвистический шовинизм», и именно с ним они связывали угрозу сепаратизма. Примечательно, что такой тонкий знаток Индии, как Б.И. Ключев, анализируя ее внутривнутриполитические процессы, в 1970-е годы сконцентрировал все свое внимание на «национально-языковых проблемах», но двадцать лет спустя более важным фактором ему уже виделась политизация религии⁴⁹. В обоих случаях речь шла о требованиях привилегий «сыновьям земли», т.е. коренному населению, но в первом случае они определялись по месту обитания и языку, а во втором – по религии.

При этом индусские фундаменталисты, вслед за мусульманскими, не отделяют религию от политики. Такое разделение они называют западной «псевдосекулярной мистификацией». Сами же они позиционируют себя как носителей патриотических, а следовательно, антизападных, антиимпериалистических и в то же время научных и рациональных взглядов⁵⁰.

Примечательно, что, несмотря на всю свою нелюбовь к иностранцам, лидеры индусских националистических партий и движений придерживались той версии истории, которую им предлагала британская историография⁵¹. Ведь, во-первых, открывая им их «истинные национальные корни», она позволяла их возрожденческому движению ссылаться на научные аргументы и подкреплять теми свои политические действия. Во-вторых, создавая образ единой «священной истории» нации, она давала возможность скрывать современную религиозно-политическую основу движения. Кроме того, в индийском контексте британская историческая схема утрачивала оригинальность и становилась частью местной историософии и космологии, оперирующих традиционными представлениями о времени и пространстве. Полученный гибрид как нельзя лучше удовлетворял насущным потребностям политиков-фундаменталистов. Ведь опираясь на концепцию циклического времени и делая

акцент на повторяемости традиции, исторический миф придавал легитимность спровоцированным ими массовым действиям, которые якобы лишь следовали образцам, указанным древними богами и героями. С этой точки зрения, современные акции не выглядели чем-то необычным; они лишь служили неизбежным звеном в борьбе, длящейся веками. Суть этой борьбы якобы составлял вечный конфликт между *дхармой* (законом) и *а-дхармой* (беззаконием). Своей жертвенностью в борьбе против несправедливости и гнета, ассоциировавшимися с господством мусульман, предки демонстрировали, как надо поступать, и их современным потомкам предлагалось следовать их примеру⁵². Важно, что романтизация индусского прошлого не ограничивалась фундаменталистами. Такие версии прошлого со времен Неру входили во все стандартные школьные учебники по истории, что тем самым способствовало закреплению колониальных стереотипов в эпоху независимости⁵³.

Все это актуально до сих пор. Об этом говорят, например, взгляды журналиста и историка Д. Сварупа, неоднократно выступавшего в 1990-е годы экспертом, отстаивавшим точку зрения ВХП. Он рисовал вековую историю Индии как непрерывный конфликт между индусами и мусульманами, причем в его устах индусы выглядели, безусловно, толерантными, сторонниками религиозной свободы, носителями принципов универсальной любви и «единства в многообразии», тогда как мусульмане рисовались агрессивными фанатиками, нетерпимыми к иноверцам. При этом он не ограничивался эпохой средневековья, а переносил все эти характеристики и на наших современников. Для него взгляды современных «секулярных мусульманских интеллектуалов» мало чем отличались от позиции исламских мулл. Уверая читателя в своей преданности принципу «единства в многообразии», он в то же время возмущался теми, кто хотел сохранить отдельную мусульманскую идентичность. Он подчеркивал, что это было несовместимо с индийским национализмом и грозило сепаратизмом. Он доказывал, что политический процесс в стране якобы окрашен исламской агрессией, мешающей нормальному развитию Индии. Любопытно, что все эти рассуждения были призваны оправдать разрушение мечети в Айодхье. Якобы речь шла о восстановлении в правах «вековечного идеала позитивного секуляризма над нетолерантной теократической идеологией средневекового ислама». Сваруп требовал от индийских мусульман, чтобы они отреклись от своей исламской истории и вспомнили о своих домусульманских корнях. Выступая против средневековых исламских тирании и вандализма, он в то же время оправдывал вандализм современных индусов, разрушивших мечеть. А будущая идиллия рисовалась ему в виде исламско-индусского рукопожатия и совместного участия в восстановлении храма Рамы как «их общего предка»⁵⁴.

Итак, стержень его концепции составлял якобы вековечный и неизбежный конфликт между «толерантными индусами» и «агрессивными мусульманами», даже если те и другие порвали с религией и были сторонниками секуляризма. Иными словами, суть различий лежала не в религии, а гораздо глубже. Но шла ли речь о «менталитете», который люди с железной неизбежностью наследовали от предков, или о «генетическом коде», Сваруп не уточнял. Судя по его заключительным замечаниям, он все же не считал конфликт непреодолимым – просто «мусульманам» требовалось отказаться от своей «исламской идентичности» и вспомнить о «корнях», т.е. перестать

быть мусульманами и стать индусами. Никакой нетолерантности в этом явно гегемонистском проекте Сваруп не усматривал. При этом он буквально воспроизводил то, что содержалось в пропагандистских брошюрах ВХП, призывавших индийских мусульман «отмежеваться от средневековой идеологии религиозной исключительности, экспансионизма и иконоборчества» и от «прославления актов вандализма во имя религии». Авторы таких брошюр выражали сожаление тем, что мусульмане до сих пор отождествляют свою историю со средневековыми исламскими завоевателями, а не со своими «истинными прародителями» в лице Рамы и Кришны⁵⁵.

Сегодня индусский проект навязывается индийцам с помощью самых разных современных технологий. Так, ныне эпические образы пользуются в Индии огромным спросом не только в художественной литературе, изобразительном искусстве, театре и кино, но даже в системе образования в некоторых штатах, например, в Уттар Прадеше. Образы индуистских богов и эпических героев переполняют массовую продукцию и окружают индийца, где бы он ни находился. В результате, по словам одной исследовательницы, мифологический компонент играет огромную роль в «ментальной программе» индийца⁵⁶. Почвеннические настроения усилились в Индии с рубежа 1980-1990-х годов, когда происходил отход от традиционного протекционизма в сторону либерализации. Тогда в ответ на нашествие западного телевидения в Индии отмечался рост национализма, и широкий отклик получали призывы возврата к традиционным ценностям. У индийской молодежи стали популярными лозунги антиамериканизма и антиглобализма. Тогда с этим вынуждена была считаться даже коммерческая реклама, пытавшаяся эффективно использовать национальную символику⁵⁷. А в самом начале 2000-х годов, после того как к власти в стране пришла БДП, идеология *хиндутва* получила поддержку со стороны государства и началась интенсивная «индуизация» населения Индии⁵⁸.

В рамках этой кампании делалась попытка изменить базовые принципы исторической науки в Индии и пересмотреть содержание школьных учебников по истории в духе *хиндутвы*, скрещенной с версией британской историографии. При этом авторы новых учебников не останавливались и перед фальсификацией истории. В частности, они пытались доказать, что все средневековые постройки Индии были возведены исключительно индусами⁵⁹. Был пересмотрен список значимых исторических личностей, и ряд известных исторических деятелей, по тем или иным причинам устраивавших БДП, были вопреки фактам причислены к последователям индуизма. Зато либералы и сторонники толерантности в этот список не попали⁶⁰. Для внедрения в школьное образование готовились курсы по астрологии, гаданию по руке и индусским ритуалам. Были переписаны и некоторые учебники, включившие теперь искаженные трактовки древней истории, призванные подтвердить представления фундаменталистов. А ряд известных ученых и научных учреждений подверглись грубым нападкам⁶¹. Мало того, в руках фундаменталистов история стала служить выстраиванию образа врага в лице «пришельцев», прежде всего мусульман⁶².

В декабре 2001 г. премьер-министр Индии А.Б. Ваджпай высказался в пользу строительства индусского храма на месте разрушенной фанатиками мечети в Айодхье, что немедленно вызвало бурю протестов в индийском пар-

ламенте. Тем не менее за годы правления БДП храм Рамы так и не был построен. Вопрос о месте рождения Рамы был снова поднят лидерами БДП во время новой избирательной кампании весной 2004 г., когда один из них, Лал Кишан Адвани, бывший министром внутренних дел в правительстве БДП, повторил свой триумфальный поход в Айодхью. И лишь возвращение ИНК к власти в мае 2004 г. приостановило эту пагубную тенденцию (рис. 2).

Для оценки общественного воздействия образа священного прошлого следует учитывать огромную роль символов в индийском обществе и особенно, в политической сфере⁶³. Хорошо известно, что древние и средневековые правители пытались упрочить свою власть, создавая себе фиктивные генеалогии, делавшие их потомками богов. В Индии политики

до сих пор прибегают к этому испытанному способу. Так, в 1987–1990 гг. национальное телевидение с успехом показывало сериалы, основанные на знаменитых эпосах – «Махабхарате» и «Рамаяне». Их ежедневно смотрели 600 млн человек, которым они напоминали о «Золотом веке» и величии предков, вызывая религиозную экзальтацию. Встречу с телевизионным образом бога многие воспринимали как благословение, и некоторые даже приветствовали его с помощью ритуального жеста. Аналитики сходятся в том, что демонстрация эпосов по национальному телевидению унифицировала их фольклорные версии и сделала североиндийскую традицию общенациональным достоянием⁶⁴. Это было новым шагом к созданию «национального индуизма», но при этом посещение храмов стало вытесняться «электронной религиозностью». Хуже того, телесериалы исподволь внушали зрителям мысль о том, что идеальное прошлое было грубо разрушено мусульманскими завоевателями⁶⁵.

Кришна в «Махабхарате» и Рама в «Рамаяне» являлись инкарнациями бога Вишну. Они пришли в этот мир, чтобы спасти его от зла. Сами же они олицетворяли добро, правду, справедливость, ответственность и могущество. При этом сериалы предлагали зрителям богатый набор индусской символики. Например, символом Рамы служил лук, а символом Кришны – корона из павлиньих перьев или диск. Использовалась и цветовая символика: шафрановый цвет символизировал индуизм и его святыни, а зеленый – ислам. Необычайную популярность в народе получили и актеры, игравшие в этих телесериалах.

Этим тут же воспользовались политические партии и движения. В своих избирательных кампаниях известные политики начали широко использовать эти сериалы, связанные с ними символы (всевозможное оружие, колесницы

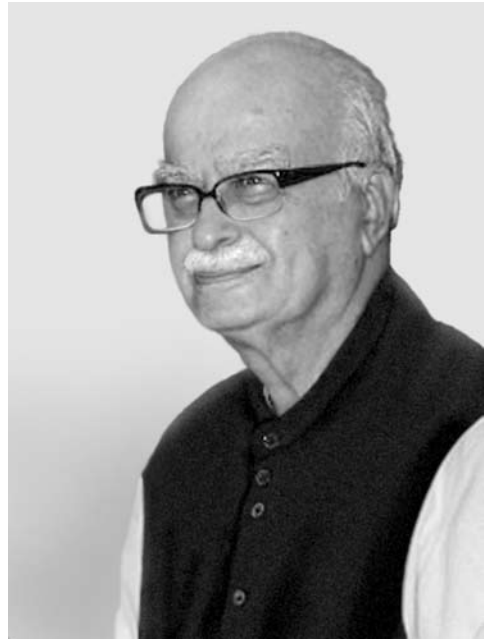

Рис. 2. Лал Кишан Адвани

и гимны), а также актеров, игравших эпических героев и одетых в их наряды. Политические партии стали охотно приглашать таких актеров в свои ряды, не без основания надеясь на их популярность в народе⁶⁶. Ведь для индусов и колесница, и актер, исполнивший роль Рамы или Ханумана, представляются символами, исполненными глубокого смысла и поэтому вызывающими бурю эмоций. Поэтому политические партии заботились о том, чтобы от их лица выступали лидеры или актеры в образах Рамы (в короне, с луком) или Ханумана (в маске обезьяны и со скипетром в руке). В свою очередь мусульмане также манифестировали идентичность, религиозные чувства и общинную лояльность демонстрацией зеленых флагов с изображением звезды и полумесяца⁶⁷. В противовес им индуские фундаменталисты создали свой треугольный шафрановый флаг с изображениями свастики, звука «Ом» и меча. Исконно шафрановый цвет служил в индуизме знаком священного огня, а свастика – символом благополучия и господства Абсолюта. Однако присвоенные индускими фундаменталистами эти символы стали недвусмысленным выражением индуской воинственности и для мусульман однозначно означали угрозу⁶⁸. Иными словами, внешние культурные атрибуты в Индии имеют не только этнографическое, но большое политическое значение⁶⁹.

Например, во время парламентских выборов в мае–июне 1991 г. Адвани иной раз принимал образ бога Рамы, держа в руках лук и стрелы и с ярким *тилаком* на лбу. В таком виде он выступал перед корреспондентом популярного еженедельника «Индия сегодня», широко растиражировавшего этот его образ. А в октябре 1990 г., возглавляя массовый марш за восстановление индуского храма, этот политик проделал длинное путешествие, сидя в автомобиле, декорированном под колесницу Арджуны, героя «Бхагавадгиты». Для ВХП колесница служила символом «Родины-матери», а также военной силы, готовой встать на ее защиту. Маршрут процессии был тщательно продуман: она должна была покрыть всю «священную географию», утверждая тем самым единство Индии. Так местная традиция паломничества оказалась связанной с Западным дискурсом о нации⁷⁰.

Эта тактика оказалась успешной, и БДП получила тогда поддержку 20% избирателей по всей Индии, став крупнейшей оппозиционной партией в стране. Больше того, она победила на выборах в одном из крупнейших по населению штате Уттар Прадеш, где обитали 100 млн человек. Это позволило ей сформировать правительство штата, где и развернулись события, о которых пойдет речь ниже⁷¹.

Лидер партии «Раштрия джаната дал» (РДД) Лалу Прасад Ядав любит изображаться в обществе многорукой воинственной богини Дурги. Во время одной из своих избирательных кампаний в штате Бихар он выступал в образе Кришны, передвигаясь в колеснице⁷².

Актриса, сыгравшая роль Ситы в «Рамаяне», баллотировалась кандидатом от БДП и после победы на выборах стала депутатом индийского парламента⁷³. А бывший актер, ставший главным министром в Южной Индии и сохранявший эту должность в течение семи лет, любил выступать перед публикой в шафрановом одеянии религиозного деятеля. Баллотируясь на этот пост вторично, он позаботился о распространении плакатов, изображавших его в ролях разнообразных богов, которые он играл в хорошо известных фильмах. Наконец, он попытался даже принять образ странствующего *садху*, «божьего человека», к которому в Индии традиционно относятся с большим почтением⁷⁴.

Даже участвовавший в избирательной кампании 1989 г. от ИНК Раджив Ганди не упустил возможность пойти навстречу мифу, который выковывался лидерами БДП. Начав свое агитационное турне в Файзабаде, он объяснил это тем, что то была «страна Рамы, священная земля»⁷⁵. В свою очередь, электоральный манифест, выпущенный БДП к выборам 1991 г., был озаглавлен «К Рам Раджья», т.е. призывал к формированию правительства в духе Рамы, что означало движение к «индусскому государству»⁷⁶.

В эти годы БДП начала использовать в своей пропаганде аудио- и видеотехнику. Еще в 1985 г. один из видных ее членов, врач Дж. Джайн основал «Студию Джайн», выпускавшую видеофильмы, пропагандировавшие фундаменталистские идеи БДП. Большую популярность получил фильм «Явление Бога», созданный в 1989–1990 гг. и во многом повторявший стереотипы, навязывавшиеся вышеупомянутыми сериалами. В нем миф искусно сочетался с реальностью: боги во главе с Рамой выступали в одном ряду с историческими героями, религиозными лидерами и политическими деятелями, а мифические события переплетались с реальными историческими фактами. Рама был показан идеальным человеком (*раштра пуруи*), образцом для подражания. Его скитания и неустроенная жизнь, а также борьба с многочисленными врагами выглядела аллегорией неприкаянности и «бездомного» существования индийского народа, который на протяжении веков вынужден был обслуживать «чужаков», начиная от завоевателей-мусульман и вплоть до современной «антинациональной» секулярной власти. В то же время возвращение Рамы в свой собственный храм воспринималось как конечное обретение индийцами родины, что представлялось мистическим актом, теснейшим образом связанным с индуизмом. В частности, фильм показывал индусов, собравшихся в мечети, что призвано было стать символом возвращения себе родины и религиозно-культурного наследия. В этом контексте Родина, индийская идентичность и индуизм представлялись единым нерасчленимым целым. Восприятию фильма способствовали включенные в него популярные, легко узнаваемые образы Рамы, окружавшие индийцев в их обыденной жизни (например, имевшийся практически в каждом доме настенный календарь с изображениями Рамы). Ведь к этому времени благодаря поп-культуре Рама фактически входил в каждый дом. Массовое тиражирование фильма и его распространение по всей Индии позволило фундаменталистской пропаганде достичь таких масштабов, о которых она прежде не могла и мечтать⁷⁷. Такова была обстановка в стране к моменту драматических событий, о которых идет речь ниже.

ДЕЛО БАБРИ МАСДЖИД

Именно в такой обстановке «борьба за историческую истину» вышла в Индии далеко за рамки научных споров и получила огромное политическое значение. В течение последних десятилетий к этому испытанному методу регулярно прибегают фундаменталисты, пытаясь заручиться поддержкой избирателей. Осознав общественное значение образа Рамы, получившего необычайную популярность благодаря отмеченным выше телесериалам, лидеры БДП решили использовать его для повышения своего рейтинга. Стержнем

Рис. 3. Айодхья. Общий вид

своей политической деятельности они сделали лозунг восстановления храма Рамы в Айодхье, которую народные поверья отождествляли с местом его рождения и центром его легендарного царства.

В этом фундаменталисты были неоригинальны. В свое время еще британские колониальные власти объявляли Айодхью важным центром индуизма, несмотря на то что этот город имел большое значение и для ряда других традиционных религий Индии – буддизма, джайнизма и ислама (рис. 3). Однако британские чиновники считали необходимым польстить именно индусам, чтобы установить с ними добрые отношения⁷⁸. К той же тактике прибегали и индусские фундаменталисты, приравнивавшие агитацию за «освобождение *Шри Рам джанма бхуми* (место рождения Рамы)» к «борьбе за национальное самоутверждение»⁷⁹. При этом они хорошо сознавали, что их политические призывы и действия апеллируют к популярным народным верованиям, а не к надежно установленным историческим фактам. Ведь идеологи ВХП заявляли, что «рождение Бхагвана Рамы в том месте, где сегодня стоит мечеть Бабри, является для индусов вопросом веры», и что никакие суждения историков для них не имели силы. Вместе с тем, сознавая роль авторитета науки в современном мире, они делали все возможное, чтобы подкрепить свою веру

(вплоть до веры в историчность Рамы) «научными фактами»⁸⁰. Поэтому, по словам некоторых аналитиков, борьба за обладание этим местом служила им частью всеобъемлющей кампании за утверждение индусского самосознания, за навязывание обществу «единой индусской традиции» и в конечном итоге за установление «власти индусов» в Индии⁸¹. Действительно, для индусского национализма храмы, связанные с древними богами, представляются важнейшими маркерами «национального пространства», тогда как любые следы иных религий воспринимаются как нелегитимное вторжение чужаков, посягающих на национальную идентичность и потому создающих угрозу⁸².

Эта борьба рассматривалась в свете архетипа, противопоставляющего доброе начало злему и рисующего вечное противостояние героя со злодеем. Но в данном случае в образе абсолютного злодея выступали мусульманские правители, а героями, изнемогавшими в неравной схватке с ними, оказывались индусы. Мусульманские властители олицетворяли собой все мировое зло, а выступавшие против них индусы вели борьбу за справедливость. В этом свете кампания за восстановление храма Рамы рассматривалась как эпизод вековой борьбы сил добра и зла. В то же время, как подмечает индийский аналитик, она становилась метафорой «войны против мусульман»⁸³.

Итак, в конце 1980-х годов ВХП и РСС заявили, что мечеть Бабри была возведена в Айодхье в том самом месте, где якобы родился Рама и где со времен махараджи Викрамадитьи стоял возведенный в честь него храм. Они утверждали, что строители мечети не только разрушили храм, но использовали его руины в качестве строительных материалов⁸⁴. При этом, хотя в данном контексте вопрос о судьбе мечети имел прежде всего политический смысл, обе стороны – индусы и мусульмане – апеллировали к историческим свидетельствам, и это сделало историю мощным политическим оружием.

О чем же говорили исторические данные? Легенда гласит, что фольклорные версии, повествовавшие о похождениях Рамы (вначале героя, и лишь позднее – *аватары* Вишну), были впервые записаны отшельником Вальмики, которого традиция называет «первым поэтом». Однако нет никаких твердых доказательств того, что именно современный город Айодхья должен считаться местом рождения легендарного Рамы.

По легенде Рама родился в эпоху *третаюги*, конец которой иной раз относят к 3102 г. до н. э.⁸⁵ «Рамаяна» рисует Айодхью крупным богатым городом с роскошными дворцами. Но все это не находит никаких подтверждений. Судя по археологическим данным, древнейший слой из Айодхьи связан с ранней фазой культуры северной чернолощеной керамики, которая относится к VII–VI вв. до н. э., тогда как первые городские центры возникли в Северной Индии не раньше конца VI – первой половины V в. до н. э. При этом ранняя фаза культуры северной чернолощеной керамики не дает ничего подобного тому великолепию, которое рисуется эпосом. Иными словами, историческая Айодхья никак не могла стать прототипом той, о которой писал Вальмики. Мало того, среди правителей того периода не обнаруживается ни Рамы, ни его земного отца Дашаратхи. Следовательно, либо эпическая Айодхья является фольклорным образом, либо она превратилась в городской центр лишь в поздней редакции эпоса, либо, наконец, описание, данное Вальмики, следует отнести к более позднему периоду. Вместе с тем слой, относящийся к эпохе Гуптов (300–700 гг.), отличается бедностью, а затем мест-

ность оставалась необитаемой вплоть до XI в. Все это ставит под сомнение отождествление современной Айодхьи с той, которую описал Вальмики⁸⁶.

Обращение к ранним письменным источникам делает такие сомнения еще более обоснованными. Ведь, например, имеются некоторые основания отождествлять легендарную Айодхью с городом Аудом близ Файзабада. С той же долей вероятности можно считать Раму царем Каши (т. е. Бенареса, или Варанаси), как на том настаивает одно из ранних буддийских сказаний. Действительно, буддийские тексты помещают Айодхью на р. Ганг, а вовсе не на р. Сарайю, где располагается современная Айодхья. Иными словами, фольклорная Айодхья могла лежать много западнее⁸⁷. Но даже если последнюю отождествлять с современным городом, все-таки невозможно установить, в каком именно месте родился Рама, так как на это претендуют несколько разных храмов⁸⁸. Наконец, из чего следует, что до строительства мечети спорное место занимало какое-то культовое здание предшествующей эпохи? А если так, то почему это был именно индусский храм? Ведь по мнению одного автора, вместо него там могла стоять буддийская ступа⁸⁹.

Сегодня ученые предлагают следующий сценарий появления исторической Айодхьи. Якобы один из правителей Гуптов, Чандрагупта II, перенес свою столицу из Паталипутры в Сакету, лежащую на берегу р. Сарайю. Это случилось во второй половине V в. н. э., когда Сакета и была переименована в Айодхью. Чандрагупта принял имя *Викрамадитья* («Солнце доблести»), чтобы подчеркнуть свою близость к Раме, происходившим по легенде из рода Солнца. Связав себя с царским родом, к которому принадлежал Рама, Чандрагупта попытался наделить себя высоким символическим престижем и легитимировать свою власть. Если это так, то отождествление легендарной Айодхьи с исторической Сакетой произошло достаточно поздно. Следовательно, современную Айодхью никак невозможно признать прямой наследницей той, которая представлена в «Рамаяне».

Историческая Айодхья издавна была центром, где сосуществовали три религиозных общины – буддистов, джайнов и индусов. Во второй половине I тыс. н. э. там располагалась крупная буддийская община. Со временем она пришла в упадок, и Айодхья стала местом паломничества джайнов. А становление культа Рамы происходило в Индии только в XI–XII вв. Даже в XII в. ему были посвящены лишь очень немногие храмы. И они располагались отнюдь не в Айодхье, превратившейся в центр этого культа лишь в XVIII в. Большинство же храмов Рамы были построены еще позднее⁹⁰. Мало того, как доказывает Р. Тхапар, индусы стали придавать значение географическому месту рождения Рамы не ранее середины II тыс. н.э.⁹¹ То, что культ Рамы обрел популярность относительно поздно, было связано с тем, что перевод эпоса с санскрита на хинди был сделан только в XVII в.

В свою очередь, мечеть Бабри *масджид* была возведена в Айодхье в 1528 г. знатным придворным императора Бабура. Нет никаких данных о том, что при этом было разрушено какое-либо сооружение идолопоклонников. Не имеется и никаких достоверных свидетельств того, что мечеть была построена по распоряжению самого Бабура. Зато Бабур прославился своей религиозной терпимостью, и в годы его правления никаких гонений на неверных не наблюдалось. В то же время для благочестивого мусульманина разрушение идолов было желательным актом, и все такие случаи скрупулез-

но фиксировались летописями. Однако ничего подобного в связи с мечетью Бабри *масджид* не известно.

Откуда же взялись сведения о том, что мечеть была будто бы построена на месте индуистского храма? По словам иезуита П. Тиффентхалера, навестившего Айодхью в 1786 г., приходившие туда паломники верили в то, что будто бы Рама родился рядом с мечетью, где в память этого был установлен небольшой помост (*чабоотра*) для молящихся⁹². Первое упоминание о разрушении храма для строительства на его месте мечети содержалось в записи чиновника местного фэйзабадского суда, сделанной в 1822 г. Одно время ученые считали, что предположение о храме, построенном в честь рождения Рамы, было впервые высказано англичанином П. Карнеги, опубликовавшем в 1870 г. первую историю района Файзабада. Полностью доверившись своим местным информаторам, он упоминал о том, что якобы в Айодхье при Великих Моголах были разрушены три храма, связанные с жизнью Рамы, а на их месте были возведены мечети. Все это строилось на догадках, не имевших никаких серьезных оснований. Мало того, они свидетельствовали о полном непонимании сути индуизма. Ведь будучи инкарнацией бога Вишну Рама никак не мог быть привязан к какому-либо одному конкретному месту на земле. Кроме того, за этой устной историей могли стоять сложные взаимоотношения между соседними религиозными общинами⁹³.

Между тем британские авторы воспринимали изложенную историю разрушения храма безо всякой критики. В 1905 г. она была воспроизведена в «Файзабад газеттире», а затем уже в 1922 г. переводившая «Бабурнаме» А. С. Биверидж в своих комментариях тоже сослалась на этот эпизод, хотя в самом тексте поэмы ничего подобного не встречалось. Просто, подобно британским колониальным чиновникам, Биверидж полагала, что мусульмане и не могли вести себя как-либо иначе. В силу высокого научного авторитета этой исследовательницы изложенная версия никем не подвергалась сомнению и вошла во многие более поздние исторические сочинения. Тем охотнее к этой версии прибегали лидеры разнообразных индусских движений.

В то же время у такой версии локальной истории имелась своя серьезная подоплека. Некоторые связывают это с событиями 1855 г., когда произошло столкновение индусов и мусульман из-за храма Ханумангархи, построенного в XVIII в. в нескольких сотнях метрах к востоку от Бабри *масджид*. Ведь к середине XIX в. Айодхья стала важным центром культа Рамы, чему способствовал либеральный климат, сложившийся в провинции Авадх при местной шиитской династии навабов. В XVIII в., когда империя Великих Моголов пришла в упадок, властители провинции отделились от нее и попытались править самостоятельно. Однако это требовало уступок местному индусскому населению. Вот почему местные мусульманские власти тогда всячески поддерживали развитие индуизма и не считали зазорным оказывать помощь индусским общинам⁹⁴.

К середине XIX в. главным центром индусских ритуалов и паломничества в Айодхье стал храм Ханумангархи. Тогда группа фанатично настроенных суннитов заявила, что этот храм был незаконно возведен там, где ранее стояла мечеть. В июле 1855 г. они попытались вытеснить индусов из храма, что закончилось кровопролитием. При этом мусульмане потерпели поражение, потеряв десятки убитыми. Примечательно, что, захватив мечеть Бабри,

индусы не остались там, а быстро вернулись в свой храм. Они не поступили бы так, если бы верили в то, что мечеть стояла на месте рождения Рамы. Наваб назначил расследование, и комиссия пришла к выводу о том, что никакой мечети на месте храма никогда не было. Разумеется, мусульман такое заключение не устроило, и тогда наваб пообещал им построить мечеть рядом с храмом. Однако теперь это вызвало недовольство у индусов. И только вмешательство британских властей предотвратило эскалацию конфликта. Однако в памяти потомков конфликт был ошибочно увязан с Бабри *масджид*. И сегодня некоторые фанатики заявляют, что индусы с давних пор покушались на эту мечеть.

В реальности индусы стали выдвигать свои претензии лишь в ответ на сходные претензии со стороны мусульман. Они полагали, что таким способом они смогут пресечь нападки мусульман на храм. Поэтому с конца 1850-х годов индусы стали требовать вернуть им землю, на которой стояла Бабри *масджид*, и временами покрывали ее стены надписями «Рама, Рама». Так и возникла вера в то, что мечеть была возведена на месте разрушенного индусского храма⁹⁵.

Однако сегодня есть некоторые основания предполагать, что изложенная версия сознательно культивировалась британскими чиновниками для того, чтобы внести раскол в единство местных индусов и мусульман, участвовавших в 1857 г. в восстании сипаев в северных и центральных районах Индии. Тогда британцам пришлось в течение долгих пяти месяцев штурмовать Лакхнау, столицу Авадха, после чего они аннексировали эту провинцию. С тех пор они делали все возможное, чтобы не допустить нового объединения индийцев в борьбе против колониальной власти. Поэтому уже к 1860 г. в отчетах местных британских чиновников появились сообщения о том, что один из сподвижников Бабура разрушил храм и построил на его месте мечеть. При этом, опираясь на книгу Милля, они всячески поддерживали индусов против мусульман⁹⁶.

Страсти вокруг мечети начали вновь накаляться сразу же вслед за обретением Индией независимости. Поэтому в 1947 г. индийские власти выставили у стен мечети стражу, не пускавшую туда ни индусов, ни мусульман. Однако в ночь с 22 на 23 декабря 1949 г. группе молодых индусов-фундаменталистов все же удалось пробраться в мечеть и установить там статуи Рамы, его супруги Ситы и ряд других⁹⁷. Но никто из злоумышленников так и не был схвачен. На следующий день распространился слух о том, что бог Рама вернулся и требует вернуть ему храм. Начались нападения на мусульман, и многие из них, опасаясь за свою жизнь, вынуждены были покинуть город⁹⁸. Только с помощью армейских подразделений властям удалось предотвратить назревавшее межрелигиозное столкновение. Но военные не посмели тронуть статую Рамы, и она так и осталась в мечети, что сделало последнюю недоступной для мусульман. После этого руководители индусской и мусульманской общин неоднократно обращались в суд с взаимоисключающими требованиями. Поэтому во избежание эксцессов власти распорядились запереть вход в мечеть и никого туда не пускать.

Все это не разрешило конфликта, который оказался лишь «замороженным» до той поры, пока он вновь не понадобился политикам-фундаменталистам. Такое время наступило в 1980-е годы, когда лидеры индусской общины

начали активно обсуждать угрозу со стороны «агрессивных меньшинств». К этому имелось два повода. Во-первых, индуских фундаменталистов тревожил массовый переход *далитов* («угнетенных») в ислам, что они связывали с приливом нефтедолларов из арабского мира. Во-вторых, в начале 1980-х годов резко обострилась сикхская проблема, поставившая Индию на грань нового раскола, и индуские фундаменталисты всерьез опасались заключения союза между сикхами и мусульманами⁹⁹. При этом победа над сикхским сепаратизмом в 1984 г. вызвала всплеск индийского национализма, и это открыло индуских фундаменталистов.

В апреле 1984 г. руководители ВХП выступили с требованием открыть доступ к месту рождения Рамы. Их лозунгом стал «Тала кхоло!» («Ототрите замок»). В конце сентября лидеры ВХП впервые организовали марш из Ситамархи (штат Бихар), где по легенде родилась Сита, в Айодхью. В марше участвовали лишь несколько монахов на частных машинах, а также грузовик, где стояли большие статуи Рамы и Ситы. Над статуями развивалось знамя с лозунгом «*Bхарат Мата ки джай*» («Да здравствует Мать-Индия»). Процессия достигла Айодхьи в субботу 6 октября 1984 г., и на следующий день лидеры ВХП устроили там митинг. Затем они двинулись в Лакхнау, после чего направились в Дели, где намеревались устроить новый еще более крупный митинг. Им помешало лишь произошедшее тогда убийство Индиры Ганди, отвлекшее внимание общественности от Айодхьи и спровоцировавшее массовые сикхские погромы в Дели и некоторых других городах в ноябре 1984 г.¹⁰⁰

Но лидеры ВХП не оставили своих попыток оказывать давление на власть. В итоге они добились того, что 1 февраля 1986 г. судья Файзабада вынес решение о снятии замка с ворот мечети. Это решение взбудоражило всю Северную Индию. В итоге мусульмане провели 30 марта 1987 г. в Дели свою самую крупную демонстрацию протеста со времен получения Индией независимости. Тогда их возглавил «Координационный комитет движения за освобождение мечети Бабри масджид», созданный в марте 1986 г.

С тех пор столкновения между индусами и мусульманами в регионе не прекращались. Только в 1986 г. жертвами этого стали 184 человек. В следующем году волна погромов прокатилась по ряду крупных городов штата, включая Файзабад, Фатехгарх и Музаффарнагар. Тогда в одном только городе Мирут они унесли жизни 97 человек. Напряжение достигло высшего накала, когда «Координационный комитет движения за освобождение мечети Бабри масджид» решил организовать свой марш в Айодхью, намеченный на 12 августа 1988 г. Это могло бы привести к большому кровопролитию, так как в тот момент в Айодхье находились тысячи паломников – как индусов, так и мусульман. Поэтому по решению правительства Индии процессия вначале была дважды перенесена на другой срок, а затем и вовсе отменена. Но теперь уже лидеры индуских политических движений попытались организовать свой марш. Они планировали разрушить мечеть и начать на ее месте строительство храма. Для этого участники марша должны были принести в Айодхью особые ритуальные кирпичи с вытесненным на каждом из них именем Рамы (*рамшила*), изготовленные жрецами индуистских храмов.

Иными словами, решение, принятое судьей Файзабада, поставило вопрос о мечети в центр индийской политики, и с тех пор многие политические дви-

жения и партии пытались разыгрывать эту карту. Даже возглавлявший тогда ИНК Раджив Ганди выказывал свою поддержку маршу ВХП. БДП пошла еще дальше и сделала эту проблему центральной в своей борьбе за избирателей. БДП, наряду с РСС и ВХП, входит в «Семью *сангха*» и фактически является ее политическим крылом, тогда как РСС имеет статус «культурной организации». Поэтому в своей политике БДП никогда не забывает о позиции ВХП. Разделяя сходные взгляды, все они, как правило, придерживаются близкой политической линии и стараются координировать свои действия. Мало того, ВХП опирается на широкую поддержку со стороны ушедших на пенсию членов индийской политической элиты, куда входят бывшие начальники полицейских управлений, руководители судебных органов и министры разного ранга. Поэтому движение фундаменталистов оказывается далеко не маргинальным, что дало о себе знать в конце 1990-х годов, когда БДП уверенно оттеснила ИНК от власти в стране. Вот почему этому движению удавалось беспрепятственно организовывать крупные демонстрации и шествия¹⁰¹.

В полную силу это дало о себе знать во время избирательной кампании в 1989 г. В сентябре этого года ВХП организовал производство ритуальных кирпичей во многих поселках Северной Индии, и это стало новым ритуалом, использовавшимся фундаменталистами для массовой экзальтации. Затем ВХП инициировал массовый поход (*ятра*) из Бхагалпура (штат Бихар) в Айодхью, куда его участники должны были доставить освященные кирпичи, предназначенные для возведения храма Рамы на месте злополучной мечети. Марш на Айодхью сопровождался антимусульманскими лозунгами и песнопениями. Например, его участники скандировали: «Индийцы, индусы, Индостан, муллы убирайтесь в Пакистан». Ведь символический смысл *ятры* заключается в том, чтобы напомнить индусам об исторических нашествиях мусульман и призвать их к отпору и мести¹⁰². Поэтому участники сознательно устраивали провокации, проходя через мусульманские кварталы. Подсчитано, что во время стычек, сопровождавших эти процессии, погибли или получили ранения сотни человек. Самые тяжелые последствия это имело в Бхагалпуре, откуда было изгнано почти все мусульманское население. В конечном итоге ВХП и БДП добились того, что их активистам было позволено провести торжественную церемонию закладки фундамента будущего храма на небольшом расстоянии от мечети 9 ноября. Тем самым был учрежден новый ритуал, призванный сплотить индусов в масштабах всей Индии, и место закладки ритуальных кирпичей стало новым центром массового поклонения. Все это способствовало успеху БДП на выборах осени 1989 г. Но по ее инициативе предвыборная кампания проходила в обстановке беспрецедентного насилия. Тогда волна погромов прокатилась даже по местностям, где десятилетиями сохранялся межобщинный мир¹⁰³.

В 1990 г. произошло два новых политических события, оказавших значительное влияние на ситуацию вокруг Айодхьи. Во-первых, обострилась обстановка в Кашмире, и БДП заняла жесткую позицию в отношении Пакистана, что немедленно привело к росту исламофобии. Во-вторых, индийское правительство резко увеличило квоты для «отсталых каст» в сфере образования и в государственных учреждениях. В Северной и Западной Индии это вызвало рост межобщинной напряженности, нередко выливавшейся в массовые столкновения между индусами и мусульманами¹⁰⁴.

Именно в это время тогдашний председатель БДП – Лал Кишан Адвани принял решение об организации марша, призванного мобилизовать электорат на поддержку партии. Марш должен был покрыть 10 тыс. км, пересечь восемь штатов и закончиться в Айодхье строительством храма Рамы. Это нашло широкий отклик в народных массах, и в конце сентября 1990 г. процессия двинулась из Сомнаха (Гуджарат) на восток, причем с приближением к Айодхье напряжение нарастало. Вместе с Адвани ехали активисты движения в шафрановых одеяниях или в масках Ханумана. Из его машины, изображавшей колесницу Рамы, украшенную индусскими символами, раздавались воинственные религиозные песни. Адвани посетил сотни сел и десятки городов, повсюду выступая с речами. Процессия делала остановки в значимых для индуизма местах, которые символически «захватывались» людьми в одеянии воинов. По сути лидер фундаменталистов впервые проводил пропагандистскую кампанию, обращенную к столь широкой аудитории. Кое-где в знак верности его идеям молодые люди встречали его чашей, наполненной собственной кровью. По согласованию с центральным правительством местные власти приняли меры предосторожности, и 23 октября Адвани был арестован в штате Бихар. Но это не остановило процессию, и, чтобы не допустить ее к мечети, полиции пришлось открыть огонь¹⁰⁵.

Немаловажным обстоятельством было то, что главные министры соседних штатов Уттар Прадеша и Бихара, принявшие все эти меры в знак солидарности с правительством Индии, происходили из тех самых низших каст, в пользу которых был принят упомянутый выше закон о квотах. Кроме того, центральное правительство, строго придерживавшееся принципов отделения религии от государства, не могло позволить нападение на мечеть, ибо это немедленно вызвало бы гнев у мусульман и привело бы к грандиозному кровавому столкновению. Ведь итак в сентябре–октябре в некоторых местах процессия сопровождалась стычками с мусульманами. В целом в сентябре–ноябре 1990 г. стычки и погромы происходили в 116 населенных пунктах, и в ходе их них погибли 567 человек. Как и следовало ожидать, более всего от них пострадало население Уттар Прадеша, где процессия вступила в свою заключительную фазу¹⁰⁶. Это была самая крупная волна насилия со времен обретения независимости, причем за спорами о правах на «святое место» стоял важный вопрос о светском характере государства.

Помешав процессии достичь цели, правительство национального единства В. П. Сингха потеряло поддержку БДП в парламенте и пало в ноябре 1990 г. А в декабре 1990–январе 1991 г. по стране прокатилась новая волна религиозных погромов, причем более всего от них пострадали Ахмадабад, Алигарх, Хайдерабад и Джайпур¹⁰⁷. После этого либерально настроенные интеллектуалы потребовали от правительства наложить запрет на религиозные процессии, ибо те провоцировали межконфессиональные столкновения. Но правительство на это не пошло. Не решилось оно и запретить книгу, написанную деятелями ВХП, составившими каталог из двух тысяч индусских храмов, якобы разрушенных мусульманами в эпоху средневековья.

ВХП попытался извлечь из случившегося максимальную для себя пользу. Его лидеры всячески клеймили полицию и заявляли, что в Айодхье от ее рук пали десятки, если не сотни, ни в чем не повинных людей (официальная цифра составляла 21 убитый за два дня). Большим успехом пользовался ви-

деофильм, снятый активистами БДП и показывавший действия полиции по разгону манифестаций. Ритуальные урны с костями и пеплом убитых широко использовались для политической агитации на всей территории страны. В самой Айодхье было устроено массовое ритуальное жертвоприношение. Умело распространялись слухи о том, что от рук полиции в Айодхье погибли тысячи паломников. Одновременно повсюду происходило чествование активистов движения фундаменталистов, которым удалось в ходе марша достичь Айодхьи. События в Айодхье изображались закономерным звеном в цепи из 77 сражений, происходивших в этом городе за всю его историю. А многочисленные митинги проходили под лозунгами: «Не забудем мучеников Айодхьи!» и «Победу мученикам Айодхьи!»¹⁰⁸.

Мало того, фундаменталисты придавали разрушению мечети в Айодхье общенациональное значение. Они объявляли это символом «освобождения от векового рабства», «делом чести», избавлением «цветущего сада от ядовитого дерева». По сути речь шла о делегитимации светского государства¹⁰⁹. В контексте этой риторики раздавались угрозы «изменникам нации» и оправдывалось убийство Махатмы Ганди. Все это вытекало из органицистской концепции нации и фундаменталистской версии индуизма, задававших строгие рамки членству в нации и исключавших из нее любых «чужаков», от которых не ожидалось ничего, кроме вреда. Сегодня такие идеологемы оцениваются некоторыми авторами как расистские¹¹⁰.

Между тем все это было призвано завоевать симпатии населения и заручиться массовой поддержкой избирателей. Это удалось, что и предопределило успех БДП на выборах 1991 г. В результате с 1984 до 1991 г. ее представительство в индийском парламенте увеличилось с 2 до 118 депутатов. А убедительная победа на местных выборах дала ей право на формирование правительства в Уттар Прадеше. Возникла необычная ситуация, когда власть в центре и в этом штате находилась в руках антагонистов: в Дели по-прежнему правил ИНК, а штат попал в руки БДП. Но в это время БДП уже пыталась создавать себе имидж общенациональной партии, не заинтересованной в каком-либо религиозном расколе. Поэтому теперь ее лидеры, включая Адвани, подчеркивали свою исключительно политическую роль и отмежевывались от религиозного образа. Зато ВХП продолжал добиваться своего – разрушения мечети и возведения на ее месте храма Рамы. При этом он рассчитывал на поддержку властей Уттар Прадеша.

Это поставило БДП в сложное положение, ибо, во-первых, для большинства ее сторонников порядок в стране был важнее сомнительной борьбы за возведение храма Рамы, а во-вторых, в 1991 г. в Дели был принят закон о местах религиозного культа, требовавший сохранять *status quo*, установленное в 1947 г. Закон грозил репрессиями тем, кто покусится на мечеть. Власти Уттар Прадеша попытались найти компромисс в возведении рядом с мечетью «туристического комплекса» для паломников, где можно было бы построить храм¹¹¹.

В 1992 г. центральная власть сделала попытку усадить лидеров ВХП и «Координационного комитета движения за освобождение мечети Бабри маджид» за стол переговоров, но эти усилия оказались тщетными. Зато, несмотря на запрет Верховного суда, ВХП и БДП организовали в конце ноября 1992 г. новый марш в Айодхью, собравший 150 тыс. воинственных фанати-

ков. В результате 6 декабря под предводительством «божьих людей», странствующих *садху*, одетых в одеяния цвета шафрана, со священными трезубцами¹¹² наперевес тем удалось прорвать кордон и разрушить мечеть¹¹³.

Присутствовавший там Адвани попытался отмежеваться от этих варварских действий и заявлял, что он не имел к ним никакого отношения. Однако, как показало расследование, все было спланировано заранее, хотя и не все лидеры БДП были посвящены в эти планы. Сегодня известно, что еще в конце сентября был разработан детальный план, по которому активисты-радикалы были разбиты на группы, получившие задания по разрушению конкретных частей мечети¹¹⁴. А накануне Адвани объехал едва ли не весь Уттар Прадеш и выступил с множеством речей, выражая поддержку строительству храма¹¹⁵. Мало того, сразу же после разрушения мечети Бабри один из лидеров ВХП обнародовал план по превращению Айодхьи в мировой центр индуизма по примеру Ватикана. Разумеется, для этого всех мусульман следовало удалить из города. Похоже, фундаменталисты мечтали о централизации культа, руководствуясь примером уже существующих мировых религий. Не случайно они учили своих последователей при исполнении определенного ритуала смотреть в сторону Айодхьи подобно тому, как мусульмане смотрят в сторону Мекки¹¹⁶.

На разрушение мечети центральное правительство ответило суровыми мерами. В Уттар Прадеше было введено президентское правление, и БДП была отстранена от власти также в штатах Мадхья Прадеш, Химачал Прадеш и Раджастхан. Власти также приняли решение о запрете деятельности таких индусских организаций, как РСС, ВХП и «Баджранг дал». Одновременно те же меры были приняты в отношении мусульманской организации «Джамаат-э ислами». Попытки БДП организовать массовые протесты были жестко пресечены властями. Правда, запреты были формальными, и арестованные лидеры БДП вскоре были выпущены на свободу и продолжили свою работу. Премьер-министр П.В. Нарасимха Рао обещал, что мечеть будет восстановлена, но этого так и не произошло. Мало того, общенациональные социологические опросы, проведенные в декабре 1992 г., показали, что 53,3% респондентов не одобряли восстановления мечети, зато ее разрушение поддержали 52,6% респондентов на севере (против 16,7% на юге). Около половины респондентов поддерживали репрессии против фундаменталистов, однако такие меры получили значительно больше одобрения на юге страны, чем на севере. Другие действия правительства также оказались малоэффективными. Дело о разрушении мечети было направлено в Верховный суд, но тот отказался его рассматривать и вернул правительству Индии¹¹⁷.

Тем не менее, когда 25 февраля 1993 г. БДП попыталась вывести своих сторонников на улицы Дели, чтобы протестовать против репрессивных акций правительства, эта демонстрация была разогнана полицией. И, хотя теперь БДП всячески стремилась представить себя общенациональной партией и дистанцировалась от индусских фундаменталистов, все это подорвало ее авторитет, и на выборах 1993 и 1995 гг. она потеряла с таким трудом завоеванные позиции во многих штатах Северной Индии. Выяснилось, что индийское общество неодобрительно относится к откровенным актам насилия, и после разрушения мечети БДП лишилась 44 депутатских мандатов даже в Уттар Прадеше¹¹⁸. Кроме того, как это ни парадоксально, с разрушением

мечети БДП потеряла мощный этнорелигиозный символ, сплотивший ее сторонников¹¹⁹. Во время избирательной кампании она так и не нашла ему замены, и теперь ее лозунги оставляли многих избирателей равнодушными. Тем не менее непоследовательные акции правительства были неспособны создать массовый фронт против фундаменталистов. И это окрылило индусских радикалов. Во второй половине 1990-х годов БДП стала уверенно теснить ИНК на политическом поле, и в 1999 г. возглавляемому ей Национальному демократическому альянсу удалось одержать победу на парламентских выборах.

Это произошло, в частности, потому, что, учтя свой недавний опыт, лидеры БДП скорректировали свою риторику. После событий в Айодхье они стали уделять больше внимания социальным и экономическим вопросам, а также национальной безопасности. Они позиционировали себя защитниками интересов национальной экономики и противниками глобализации. В частности, они обратились к проблеме мусульманских гастарбайтеров из Бангладеш. При этом популизм остался их главным инструментом общения с избирателями. Однако РСС и ВХП по-прежнему настаивали на строительстве храма Рамы, и в БДП не могли с этим не считаться. Мало того, если высшее руководство БДП делало попытки дистанцироваться от РСС и ВХП, то ее низовые организации по-прежнему активно с ними сотрудничали¹²⁰.

В 1994 г. бывшие руководители штата Уттар Прадеш сделали акцент на его геополитическом положении в непосредственной близости от границы с Китаем. Именно поэтому, на их взгляд, центральное правительство должно было поддержать строительство храма Рамы. В то же время бывший премьер-министр Уттар Прадеша – Кальян Сингх обратился с просьбой «к нашим исламским братьям, чтобы они отказались от своих требований и позволили строительство храма Рамы»¹²¹.

Между тем реальная ситуация была далеко не столь идиллической. Ведь образ Рамы и разрушение мечети стали для мусульман символом коллективного горя и ущемления в правах, тогда как для индусов это были символы коллективного триумфа¹²². Поэтому устраиваемые в честь этого индусами торжества спровоцировали всплеск межконфессиональной розни и погромы, продолжавшиеся около двух месяцев и охватившие в декабре 1992–1993 г. прежде всего Мумбаи, Ахмадабад, Сурат и Бхопал. Только в Мумбаи погибли около 1 тыс. человек, а около 2 тыс. человек получили ранения, причем большинство жертв было среди мусульман. Там погромы были организованы фундаменталистами из «Шив сена» (Армия Шиваджи)¹²³, которых активно поддерживала местная полиция¹²⁴.

Все эти события тотчас же откликнулись в соседних Пакистане и Бангладеш нападениями на индусов и разрушением их храмов. Местные фанатики требовали «священной войны» против Индии. Тогда даже Кувейт потребовал от Индии восстановления мечети и передачи ее мусульманам. Одновременно ухудшились взаимоотношения между индусской и мусульманской общинами в Великобритании¹²⁵. В частности, в ноябре 1993 г. в Лондоне распространялась листовка, призывавшая мусульман давать больше пожертвований на покупку здания, на которое претендовали и индусы. Листовка формулировала это в терминах конфронтации: «Вам самим решать [что там будет] – мечеть или *мандир*». В свою очередь, индусские активисты широко

раздавали в Великобритании видеокассету, пропагандировавшую идеи РСС и ВХП, защищая индуизм и оправдывая разрушение мечети в Айодхье. При этом события вокруг Айодхьи представлялись символом «борьбы за освобождение», а мусульмане демонизировались. Оценивая размах этой деятельности, следует иметь в виду разветвленную сеть филиалов РСС и ВХП в Великобритании, США и Канаде, где они имеют свои храмы и финансовую поддержку от местных властей. Эти зарубежные общины пытаются влиять на ситуацию в самой Индии. В частности, в 1989 г. по призыву ВХП многие индуские храмы Великобритании активно участвовали в посылке «священных кирпичей» и финансовой помощи для возведения храма в Айодхье¹²⁶. Кроме того, на Западе у индусов-фундаменталистов имеются сочувствующие, подхватывающие их исламофобскую риторику¹²⁷.

В индийской прессе и политической риторике отмеченные выше кровопролитные столкновения нередко называются «естественными». Однако, как справедливо замечает голландский исследователь, ничего «естественного» в этом не было, и за такой «естественностью» стояли известные политические силы. Ведь между 1949 г., когда в мечети был установлен образ Рамы, и 1984 г., когда ВХП начал свои широкие пропагандистские кампании, никаких столкновений не наблюдалось. Частично это объяснялось тем, что на первых порах правительство ИНК держало ситуацию под контролем и не давало фундаменталистам возможности развернуться¹²⁸. Зато, превратив мечеть Бабри в символ «угрозы» индускому большинству, лидеры ВХП пытались политизировать индуизм и придать ему некую целостность как «национальной религии». Кроме того, начиная с 1983 г. ВХП стал использовать массовые религиозные процессии как эффективный способ формирования индуской солидарности. В этом контексте «освобождение места рождения Рамы» стало очень удобной и понятной целью для организации массовых маршей. Поэтому в случае с Айодхьей мы наблюдаем активное использование религиозных символов и практик для создания идентичности и политизации масс¹²⁹.

Помимо этого рассматриваемые здесь события имели еще одно измерение, связанное с развитием туристической индустрии. Ведь еще до того, как ВХП начал свои кампании, Айодхья была избрана важным центром развития туризма, где предполагалось создать сеть гостиниц. Было решено, что правительство и бизнес штата должны удовлетворить потребность среднего класса в паломничестве по святым местам. Для этого на р. Сарайю был возведен помост, получивший название «Ступня Рамы». По замыслу его строителей, он должен был стать аналогом ритуальному помосту в Хардваре на р. Ганг. Поэтому решение фэйзабадского судьи по открытию доступа в мечеть можно понимать как новый шаг к обретению контроля над индускими местами паломничества.

Наконец, огромную роль в популяризации образа Рамы сыграли упомянутые выше телесериалы. Они сделали узнаваемыми не только героев мифа, но и фигурировавшие там драматические события. После этого политикам не составило труда актуализировать фольклорное повествование и наложить его на окружающие реалии. В свою очередь, это сделало политические лозунги фундаменталистов близкими и доступными пониманию массового зрителя. Кроме того, знакомя зрителя со стандартизированной версией

сказания и отвлекаясь от его фольклорных вариантов, телесериалы внесли свой весомый вклад в унификацию и кодификацию индуизма, чего годами не могли добиться фундаменталисты¹³⁰. В частности, телесериалы убедили массового зрителя в том, что место рождения Рамы находилось именно в Айодхье, и это способствовало наплыву туда паломников. В результате местный спор о принадлежности небольшого участка земли в Айодхье приобрел общенациональное значение.

Существенно, что лидеры радикальных индусских движений не оставили своих планов по восстановлению храма Рамы, и их в этом поддерживал премьер-министр А.Б. Ваджпаи. 19–21 января 2001 г. лидеры ВХП организовали заседание «религиозного парламента», на котором потребовали от индийского правительства предоставить им возможность восстановить храм к 12 марта 2002 г. Эта дата была связана с выборами в законодательное собрание штата Уттар Прадеш, где очень сильным весом пользуется БДП. Во время всеиндийского религиозного праздника, происходившего 21 февраля 2001 г. в Аллахабаде, сторонники ВХП явились туда, неся на своих плечах модель будущего храма длиной 6,5 м и шириной 3,6 м. Эта модель стала объектом поклонения многочисленных паломников. Правда, многие влиятельные религиозные группы отказались участвовать в «религиозном парламенте», устроенном ВХП, и провели собственный «совет *акхар*», где осудили политизацию религии, в особенности использование проблемы храма Рамы в политических целях. Пользующиеся авторитетом религиозные лидеры заявили: «ВХП не обладает признанным местом в системе индуизма и не может претендовать на представительство всех индусов»¹³¹.

Год спустя ВХП не только снова подняла вопрос о строительстве храма, но и предала гласности проект будущей постройки. Ее активисты стали проводить массовые молебны и организовали сбор пожертвований на строительство храма. А в самом конце февраля – начале марта 2002 г. индусы вели подготовительные работы к возведению храма в Айодхье¹³². Однако он так и не был построен, и в апреле 2009 г. лидеры БДП снова громогласно заявили о своей преданности идее возведения храма. Вопрос этот остается болезненным и вызывает протесты мусульманской общины. А 5 апреля 2005 г. модель храма едва не была взорвана исламскими террористами, предположительно пробравшимися в город из Пакистана. Но они были вовремя замечены и обезврежены индийскими полицейскими.

Наконец, 1 октября 2010 г. высший суд в Аллахабаде вынес решение о совместном использовании участка, где стояла мечеть: две трети его отходили индусам, а одна треть – мусульманам. Беспрецедентным было то, что, ссылаясь на археологические данные, судьи пришли к выводу о том, что речь действительно шла о месте рождения бога Рамы. Они не позволили мусульманам восстановить мечеть, но сочли, что оставленный в распоряжении тех участок якобы лишь примыкал к месту рождения Рамы. Естественно, это решение мало кого удовлетворило. Как ВХП, так и мусульманские организации выразили свое разочарование, но лидер БДП Л.К. Адвани в целом остался доволен¹³³. Ряд политиков и парламентариев были неприятно удивлены тем, что судьи не произнесли ни слова осуждения в адрес тех, кто разрушил мечеть. С. Ганди обратилась к нации, призывая согласиться с решением судей. Тем не менее в день суда были приняты беспрецедентные меры безопас-

ности: 10 тыс. человек были арестованы, а еще 100 тыс. должны были дать подписку об отказе от каких-либо активных политических действий в связи с ожидаемым решением¹³⁴. В итоге на этот раз обошлось без эксцессов.

Случившееся в Айодхье неверно было бы считать чисто локальным инцидентом, как это стремится доказать симпатизирующий фундаменталистам индийский археолог Д. К. Чакрабарти. Пытаясь принизить значение описанных выше событий, он заявлял, что ничего подобного в других районах Индии случиться не могло¹³⁵. Однако это не так. Еще в конце 1980-х годов индусские фундаменталисты создали комитет по «освобождению места рождения бога Кришны» в г. Матхура, где мечеть и храм стояли по соседству¹³⁶. С тех пор они постоянно призывали «освободить» храмы бога Кришны в Матхуре и Каши Вишванатха в Варанаси¹³⁷, т.е. те самые, о безопасности которых рассуждал Чакрабарти. Кроме того, активисты ВХП требовали вообще очистить Айодхью от мусульманских мечетей. Лишь жесткие меры властей в отношении фанатиков в ответ на погромы конца 1992 г. заставили их отложить эти планы на будущее¹³⁸. Стоял и вопрос об изгнании мусульман из храмов Дады Хаята в Карнатаке и Дхара в штате Мадхья Прадеш. А в 2001 г., т.е. в период правления БДП, была разрушена мечеть в Раджастхане. В октябре следующего года Тадж Махал подвергся нападению сотен индусов, обезобразивших его беломраморные стены с помощью граффити¹³⁹.

По мнению А.А. Куценкова, от этого не застрахован ни один район, где расположены сотни, если не тысячи, аналогичных «спорных» мест поклонения. Ведь во время предвыборных кампаний фундаменталисты исправно прибегают к испытанному лозунгу восстановления «исторической справедливости», предполагающему возвращение «святых мест» их исконным владельцам, т.е. индусам. Например, накануне выборов в штате Мадхья Прадеш в феврале 2003 г. радикалы призывали к захвату ритуального комплекса Бходжшала близ Дхара¹⁴⁰. Иными словами, разрушение мечети в Айодхье представлялось важным символическим актом, метафорой духовного и физического очищения от «чужеземной скверны», что требовало столь же успешного продолжения¹⁴¹. Любопытно, что, предъявляя такого рода требования, радикалы постоянно ссылались на опыт СССР периода распада, где началось возвращение мест религиозного культа различным конфессиям¹⁴².

В годы правления БДП религиозная вражда дала знать о себе новыми погромами. На этот раз их центр располагался в Гуджарате, где в феврале–марте 2002 г. их жертвами стали 2000 человек, а 120–150 тыс. оказались без крова. Все началось с нападения мусульман на пассажирский поезд, в котором из Айодхьи после закладки фундамента возвращались активисты движения за восстановление храма Рамы. В ответ индусы устроили погромы мусульманских кварталов в ряде городов Гуджарата, включая Ахмадабад, Сурат и ряд других. Кроме того, в событиях в Гуджарате активное участие приняла и новая сила – племенное население *адиваси*, и благодаря этому конфликт не ограничился урбанизированной зоной, а перекинулся и в сельскую местность. При этом накануне погромов активисты БДП, РСС и ВХП не только вели пропаганду против мусульман, но и завозили в Гуджарат холодное оружие (ножи, кинжалы, мечи), а племенные районы снабжали спиртными напитками. Активисты этих движений выступали и руководителями толп погромщиков. По имеющимся сегодня сведениям, погромы готовились заранее,

и в них участвовали профессиональные убийцы. А местная полиция лишь попустительствовала погромщикам, тогда как власти оставались безучастными. Примечательно, что погромы были фактически одобрены населением Гуджарата, и на проходивших в конце 2002 г. выборах в Законодательную ассамблею этого штата выступившая по лозунгом верности заветам *хиндутвы* БДП получила две трети депутатских мандатов¹⁴³. Стоит ли удивляться тому, что в сентябре-ноябре 2006 г. Гуджарат снова пережил волну мусульманских погромов, унесших не менее 1000 жизней?

В течение последнего десятилетия конфликты между индусами и мусульманами вспыхивали не только в Гуджарате. В октябре 2005 г. они происходили в г. Мау, в мае 2006 г. – в Алигархе, в январе 2007 г. – в Горакхпуре, в марте 2010 г. – в Хайдерабаде.

Мало того, в последние годы в Индии участились нападения на христиан и христианские святыни. По данным МВД Индии, с 2004 по 2008 г. было зафиксировано 3800 межрелигиозных конфликтов¹⁴⁴. От этого в особенности страдает штат Карнатака, где христиане представлены племенным населением и выходцами из низших каст. При этом в нападениях на них участвуют в равной мере как индусы, так и мусульмане. А в сентябре 2008 г. христиане подверглись новым нападениям, на этот раз в трех штатах на востоке Индии, где погибли около 20 человек, а десятки церквей были разрушены или получили повреждения. В 2011 г. был отмечен 2141 случай нападений на христиан.

За этим стоят организации фундаменталистов, всячески противодействующие обращению выходцев из низших каст и неприкасаемых (*дали-тов*) в христианство или ислам. Если для *дали-тов* такое обращение означает освобождение от былых социальных пут и разрыв с прежними нищетой и неграмотностью, то фундаменталисты видят в этом подрыв национального единства и всеми силами стремятся вернуть «заблудших» в лоно индуизма¹⁴⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что все отмеченные погромы сопровождались разрушением мечетей и церквей, что, как уже подчеркивалось, означало символическое возвращение индусам «древнего арийского пространства»¹⁴⁶.

А при недавних погромах в Хайдерабаде в ответ на устройство мусульманского праздника индусские фундаменталисты организовали процессию в честь дня рождения бога Ханумана. При этом они сорвали исламские флаги и заменили их на индусские. В ходе процессии, путь которой лежал через исламский квартал, индусы нападали на дома мусульман, что и привело к серьезным столкновениям. В результате пострадали несколько десятков человек; были повреждены пять мечетей и один индусский храм¹⁴⁷.

За последние двадцать лет зона религиозных конфликтов в Индии значительно расширилась¹⁴⁸. Поэтому для мусульман речь шла не только о судьбе конкретной мечети. Решение спора в пользу индусов означало для них поражение ислама и лишний раз подчеркивало неравноправное положение мусульманского меньшинства в Индии. Кроме того, разрушение мечети и замена ее индуистским храмом воспринимались ими как святотатство, совершенное иноверцами. Мало того, это была не простая мечеть, а такая, которую, как верили некоторые мусульмане, была возведена по воле самого Бабура, с именем которого они связывали славное прошлое своих предков. Прошлое

империи Великих Моголов было для них «истинной историей», основанной на твердо установленных фактах, а жизнеописание Рамы они воспринимали, с этой точки зрения, как «пустые фантазии». И они вовсе не хотели менять свою славную историю, закрепленную в религиозной архитектуре, на миф. В то же время ни мусульмане, ни индусы не были заинтересованы в памяти о шиитских навабах, благодаря которым Айодхья превратилась в индуистский религиозный центр. Ведь, во-первых, усиление власти навабов произошло за счет ослабления власти Великих Моголов, а во-вторых, сама история навабов лишь обостряла и без того непростые взаимоотношения, сложившиеся в Северной Индии между шиитами и суннитами.

Раскол в мусульманской общине касается и вопроса об индуистском храме. Одни полностью отрицают версию о том, что на месте мечети когда-либо находился храм. По сути это является частью более широкого представления о том, что мусульмане никогда не занимались угнетением индусов и, напротив, в прошлом между ними царила гармония. Другие допускают факт разрушения храма, но настаивают на том, что долг правоверного мусульманина состоит в разрушении всего, что связано с почитанием икон. Якобы именно так мусульмане всегда поступали в тех странах, которые оказывались под их властью. В то же время мусульмане уверены в том, что в современных условиях светскому государству надлежит стоять на страже интересов религиозных меньшинств, и ему не к лицу обращаться к событиям далекого прошлого и идти на поводу у иррациональных чувств доминирующего большинства. Если индусы видели в мечети, якобы стоящей на месте храма, угрозу своей идентичности, то мусульмане усматривали аналогичную угрозу себе в разрушении мечети¹⁴⁹.

Все это происходило на фоне стереотипизации мусульман как «чужаков», «инородцев» и «пятой колонны», что десятилетиями навязывалось обществу индусскими фундаменталистами. Этому, разумеется, способствовала травматическая память о трагических событиях 1947 г., порождавшая чувство недоверия к мусульманам. Такое чувство поддерживалось непростыми взаимоотношениями между Индией и Пакистаном, которые то и дело давали о себе знать локальными войнами или обменом недружественных заявлений или политических актов. Исламская идентичность служила разменной картой в политике соседних государств, и это тоже порождало у индусских фундаменталистов недоверие к местным мусульманам. Кроме того, мусульмане нередко участвовали в избирательных кампаниях единым блоком, что создавало впечатление об их внутренней солидарности. Все это добавляло страхов в отношении мусульман. Ведь если когда-то, находясь у власти, они угнетали индусов, то сегодня, став меньшинством, они якобы продолжали строить тем козни, опираясь на демократические процедуры. Индусские фундаменталисты негодовали по поводу аффирмативных действий, на которые шло светское правительство для поддержки этнокультурных и этноконфессиональных меньшинств. Еще больше их раздражал переход *далитов* в ислам. Они усматривали в этом вызов доминирующему большинству, которое якобы ущемлялось в своих законных правах. Немаловажную роль играл и демографический фактор: лидеров индусов пугала высокая рождаемость среди мусульман, в чем они также находили почву для тревоги. В этих условиях происходила демонизация мусульман¹⁵⁰.

В итоге спор о мечети в Айодхье стал символическим выражением сложных индусско-мусульманских взаимоотношений. Если индусские политические и религиозные лидеры стремились превратить Индию в «государство индусов», то мусульмане справедливо усматривали в этом большую для себя опасность¹⁵¹.

МЕЧЕТЬ БАБРИ, АРХЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Анализ современных этнических и этноконфессиональных конфликтов показывает, что немалую роль в их эскалации играют интеллектуалы, связанные с тем, что сегодня часто называют «политикой идентичности». Среди них выделяются ученые, которые, благодаря высокому престижу науки, выступают экспертами и, опираясь на современные научные технологии, выносят свои решения, обладающие немалым авторитетом. Сегодня даже религиозные лидеры пытаются заручиться поддержкой науки там, где раньше достаточно было апелляции к вере и ее догматам. Между тем это ставит науку в сложное положение. Во-первых, это порождает конфликт лояльностей, ибо ученый оказывается перед непростым выбором: сохранить преданность научной методологии и этике и тем самым противопоставить себя своей группе с ее особыми интересами или сознательно отстаивать интересы группы, но при этом отступить от некоторых важных научных принципов. Во-вторых, если ученый идет по второму пути, это ведет к расколу научного сообщества по этническим, национальным или религиозным границам. Второй случай ставит на повестку дня вопрос о точности общепринятых методов, связанных с культурно-историческим подходом. Ведь, например, опираясь на одни и те же стандартные методы и понятийный аппарат советской теории этноса, в частности, концепцию этногенеза, противостоящие друг другу этнические группы способны конструировать прямо противоположные этногенетические схемы, обслуживающие их политические интересы.

События, связанные с мечетью Бабри, не обошлись без участия археологов. Это вылилось в конфронтацию первого типа, противопоставившую тех специалистов, которые сознательно обслуживали индусский фундаментализм, тем, которые пытались хранить верность научной методологии. Раскол сказался на Археологической службе Индии, так и не сумевшей сформулировать своей четкой позиции по поводу ситуации в Айодхье¹⁵². Даже противники фундаментализма не смогли прийти к согласию о единой тактике: одни из них бойкотировали 3-й Всемирный археологический конгресс (ВАК), проходивший в Дели 4–11 декабря 1994 г., а другие приняли в нем участие в надежде на то, что там им удастся публично обсудить возникшие этические проблемы. Однако эти надежды не оправдались, ибо на организаторов конгресса было оказано давление, и, кроме того, они не пожелали портить настроение своим гостеприимным индийским хозяевам, в числе которых находился видный индийский археолог Б.Б. Лал, избранный на тот период президентом ВАК. Все это разочаровало многих археологов, справедливо посчитавших, что был нарушен принцип свободы дискуссий и что ВАК уклонился от обсуждения политического контекста археологических

исследований, отойдя от своих фундаментальных принципов¹⁵³. Индийский исторический конгресс, состоявшийся в 1993 г., был гораздо более последовательным. Его делегаты единодушно клеймили разрушение исторических памятников и обвинили как местную власть, так и Археологическую службу Индии в халатном бездействии, в результате чего фанатики разгромили историческую мечеть и повредили примыкающий к ней культурный слой¹⁵⁴. Однако руководство ВАК отказалось принять подобную резолюцию, подготовленную рядом индийских археологов.

Между тем именно с именем Лала и были связаны раскопки в Айодхье. Вначале он провел там небольшие исследования в 1955–1956 гг., а затем произвел целенаправленные раскопки у мечети Бабри в 1975–1976 гг., пытаясь обнаружить там какие-либо свидетельства историчности эпоса «Рамаяна»¹⁵⁵. Им было установлено, что древнейшее поселение возникло там в VII–VI вв. до н.э. С тех пор люди постоянно заселяли эту местность вплоть до конца эпохи Гуптов. Затем наступил длительный перерыв, после чего жизнь на поселении возобновилась только в XI в. н.э. При этом в своих предварительных отчетах о раскопках Лал указал, что ничего примечательного в позднем слое найдено не было, и его описание соответствующего периода отличалось необычайной скупостью¹⁵⁶. Но окончательный развернутый отчет о проведенных исследованиях так никогда и не вышел. Тем не менее даже в своей статье об Айодхье, опубликованной в 1989 г. в «Энциклопедии индийской археологии», Лал ни словом не обмолвился об обнаружении остатков какого-либо храма.

Однако в 1990 г. Лал внезапно заявил о том, что в ходе раскопок ему удалось обнаружить кирпичные базы колонн XI в., которые он интерпретировал как относившиеся к основанию разрушенного храма Рамы. Показательно, что, во-первых, в его более ранних отчетах ничего подобного не содержалось, а во-вторых, нарушив профессиональные нормы, он опубликовал это сообщение не в научном издании, а в журнале «Мантхан», выходившем под эгидой РСС¹⁵⁷. На просьбы археологов показать соответствующие дневниковые записи и археологические материалы Лал отвечал, что они были утрачены¹⁵⁸. Единственное, что он смог предоставить, так это фотографию траншеи, где действительно были видны кирпичные сооружения, напоминающие базы колонн, однако они, во-первых, находились не на одной линии, а во-вторых, судя по стратиграфии, относились к разным строительным периодам. Тем не менее, основываясь на заявлении Лала, другой археолог, бывший директор музея в Аллахабаде С.П. Гупта, тесно связанный с РСС и ВХП, многократно выступал на страницах индийских СМИ, настаивая на том, что Лалу удалось обнаружить бесспорные доказательства существования раннего храма Рамы, который был позднее разрушен мусульманами¹⁵⁹.

Затем в июне 1992 г. при земляных работах недалеко от мечети была совершенно случайно обнаружена яма с резными каменными архитектурными деталями и скульптурами. Туда была немедленно вызвана группа экспертов, которые заявили, что новые находки якобы неопровержимо доказывали, что там в XI в. стоял великолепный каменный индусский храм. Кроме того, по их утверждениям, в пользу этого говорили находки остатков кирпичного пола и кирпичной стены домусульманского времени, также обнаруженные при земляных работах (рис. 4). Все восемь археологов и историков, выступавших

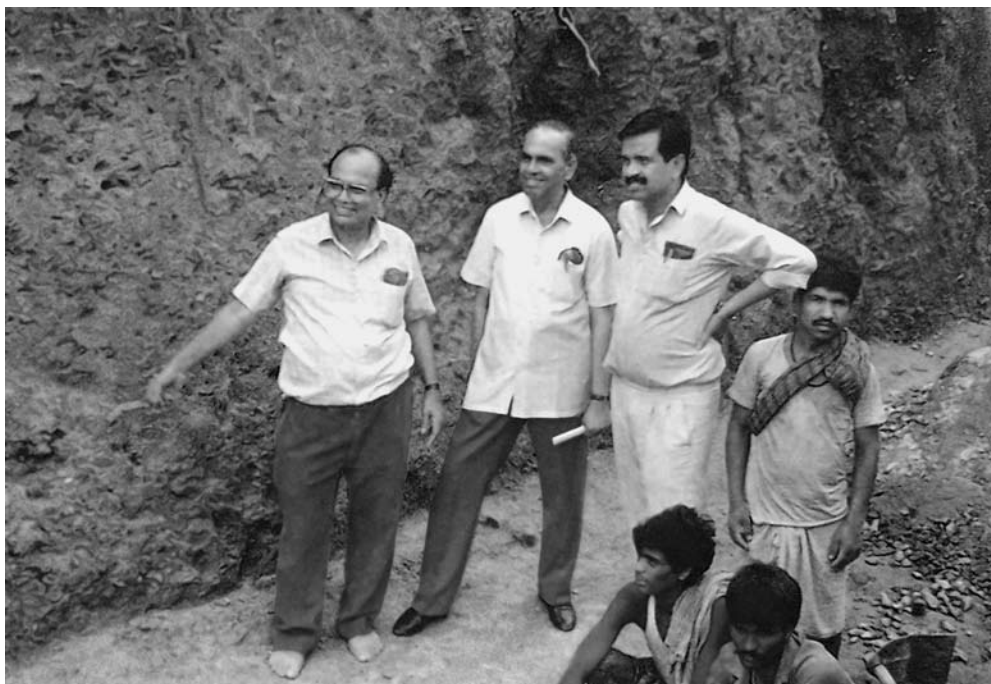

Рис. 4. С Гупта показывает археологам остатки стены

экспертами и подтвердивших своим авторитетом аутентичность этих находок, были в той или иной мере связаны с РСС и ВХП¹⁶⁰. Тем не менее их заключение стало основанием для того, чтобы индийская пресса оказалась заполненной сенсационными материалами об обнаружении храма, который якобы был варварски разрушен средневековыми мусульманами.

Однако критический анализ всех этих материалов, проведенный рядом индийских археологов, заставляет сомневаться в том, что как находки Лала, так и более поздние открытия, сделанные отнюдь не археологами, имели какое-либо отношение к разрушенному индусскому храму¹⁶¹. Во-первых, критиков удивляла необычайная для храма бедность поздних слоев. Кроме типичной средневековой исламской поливной керамики, там не было найдено не только никаких ритуальных предметов, но и никакой иной керамики вообще. И если одни критики все же соглашались с датировкой Лала, то другие, основываясь на керамических находках, уверенно датировали поздний слой XIII–XV вв. Во-вторых, критикам было очевидно, что, судя по их стратиграфическому положению, «базы колонн» были связаны с разными строительными горизонтами и, следовательно, существовали отнюдь не одновременно (рис. 5). В-третьих, по оценке знатоков архитектуры, эти «базы» никак не могли быть опорами для массивных каменных колонн храма, веса которых они просто не выдержали бы. В-четвертых, по наблюдениям индийского археолога из Аллахабадского университета Д. Мандала, речь могла идти вовсе не о «базах колонн», а об остатках жилых стен разных строительных периодов. В частности, эти «базы» не имели характерных углублений, в которых могли бы стоять колонны. В-пятых, фактически не было найдено никакого

строительного мусора, что удивительно, если речь действительно шла о постройке крупного каменного храма. Наконец, судя по стратиграфическим наблюдениям, постройки, обнаруженные под мечетью, могли быть разрушены задолго до ее строительства. В свою очередь, если бы речь шла о целенаправленном разрушении храма и его сожжении, археологи встретили бы пепел и другие следы огня. Однако ничего подобного также обнаружено не было.

Сторонники фундаменталистов обращали внимание на то, что при строительстве мечети использовались архитектурные детали, в частности, резные колонны из черного камня, взятые из разрушенных немусульманских храмов. Однако специалисты замечали, что такие колонны и их резные рельефы не имели никакой специфической связи с индусскими храмами; зато имелось еще больше оснований предполагать, что они могли быть взяты из буддийских или джайнских храмов. Мало того, характерные изображения на многих

Рис. 5. Вид раскопок у мечети Бабри. «Базы колонн»

из этих колонн позволяли судить о том, что когда-то те служили частями не храмовой, а светской архитектуры. Кроме того, так как все эти колонны находились во вторичном использовании, не могло быть и речи о том, что бывший храм был переоборудован в мечеть.

Что же касается находок, сделанных при земляных работах в 1992 г., то, оказавшись вне контроля профессиональных археологов, они были лишены необходимого археологического контекста, без которого было трудно их правильно датировать и оценить их реальное значение¹⁶². То же самое относилось и к тем «находкам», которые были сделаны разбушевавшейся толпой, занимавшейся разгромом мечети. Речь шла о фигуре Рамы, плитке из песчаника со средневековой надписью на санскрите и некоторых других объектах. О точных местах таких находок и обстоятельствах их обнаружения судить было трудно: одни из них были сделаны в развалинах мечети, другие – под землей, третьи – в 220 м от мечети. Не было и их профессиональных описаний. О плитке, которой фундаменталисты придавали особое значение, общественность узнала из прессы только в январе 1993 г. Однако по указанию властей эта плитка была заперта в особом помещении, охранявшемся военными, и никакие представители общественности к ней не допускались.

Между тем в своей статье, опубликованной в газете «Органайзер», издававшейся РСС, Гупта утверждал, что плитка была вделана в стену мечети и содержала стихи на классическом санскрите¹⁶³. Однако, если, как следует из этого утверждения, мечеть не была выстроена заново, а появилась в результате переоборудования храма¹⁶⁴, то остатки храма были разрушены не средневековыми мусульманами, а фанатиками-индусами в декабре 1992 г.! И это фактически подтверждает сторонник фундаменталистов, бельгиец К. Элст, доказывающий, что после 1949 г. здание функционировало как индусский храм, а не как мечеть¹⁶⁵.

Примечательно, что, по свидетельству Гупты, плитку видели некоторые видные археологи, т.е. он подтверждал, что они участвовали в марше на Айодхью и присутствовали при разрушении мечети. Иными словами, своим присутствием эти археологи фактически своим авторитетом санкционировали разрушение важного исторического памятника эпохи средневековья, что само по себе шло вразрез с научной этикой. Кто-то из них сфотографировал плитку, и, по словам Гупты, сохранившаяся на ней надпись подтверждала, что на этом месте в XII в. был якобы построен храм Вишну (Рамы), который по своему великолепию превосходил все более ранние храмы. Однако, так как сама плитка детально не изучалась, остаются сомнения в ее подлинности. Но даже если ее подлинность подтвердится, остаются вопросы ее датирования и правильного чтения нанесенной на нее надписи. Ведь даже Т.П. Верма, на авторитет которого ссылался Гупта, сетовал на то, что качество фотографии не позволяло дать точное прочтение надписи¹⁶⁶.

Между тем вопрос о храме оставался неясным и в период пребывания БДП у власти. В результате весной 2003 г. Высший суд Аллахабада предписал Археологической службе Индии провести новые раскопки, чтобы окончательно решить вопрос. Такие раскопки были проведены, и в подготовленном летом отчете работники службы утверждали, что действительно мечеть была построена на развалинах храма. Однако и на этот раз эти выводы не звучали для специалистов убедительно¹⁶⁷.

КОНФЛИКТ ИЗ-ЗА МЕЧЕТИ – РЕЛИГИОЗНЫЙ ИЛИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ?

Исторически индийский национализм выступал в двух формах: во-первых, в виде инклюзивного общеиндийского, чего придерживался ИНК, а во-вторых, в виде эксклюзивного на основе индуизма, за что ратовали фундаменталисты. Вместе с тем оба национализма использовали миф о золотом веке, который так или иначе апеллировал к исконному индуизму. В своей крайней форме этот миф делал упор на самобытности и отождествлял «чужое» с вредоносным, причем это «чужое» воспринималось в религиозном свете. Отсюда враждебность к мусульманам и затем к сикхам, буддистам, христианам. Поликонфессиональность плохо увязывалась с образом гомогенной нации. Поэтому ИНК долгое время делал акцент на гражданском политическом национализме и придерживался принципов светскости. Гомогенность он понимал в социальных и экономических терминах и потому ввел политику аффирмативных действий, надеясь, что она сгладит вопиющие социальные контрасты между разными регионами и разными группами населения.

В отличие от ИНК правые понимали гомогенность в культурных и религиозных терминах. Поэтому интеграция в индийскую нацию означала для них приверженность «индусской идентичности», означавшей отказ от тех религий, которые они считали «нетрадиционными», «чуждыми» Индии. При этом образ «своей религии» (т. е. индуизма) сливался для них с образом «своей культуры», «своего образа жизни», «своей системы ценностей». Идеальной моделью им служила индусская Индия, отказавшаяся от всех «чужеродных» религий как от ненужного хлама. Они представляли Индию особой цивилизацией, основанной на индуизме и индусских ценностях. В этом контексте они переосмыслили образ «арийцев» и из пришлых завоевателей превратили их в коренное население, «сыновей земли», исконно обитавших в Индии. Такая смена парадигм не обошлась без апелляции к науке, и некоторые местные археологи с энтузиазмом поддержали концепцию автохтонизма. Но индусские фундаменталисты шли еще дальше и основывали свои представления о прошлом на фольклоре и эпических образах, даже если те мало соответствовали археологическим и историческим данным. Мало того, в годы правления БДП они даже пытались переписывать школьные учебники истории, включая туда свои мифические представления о прошлом. Они изобретали не только прошлое, но и ритуалы и символы, которые, на их взгляд, были способны сплотить нацию. В частности, они пытались регулярно организовывать массовые процессии и паломничества, пересекавшие земли многих штатов и заставлявшие индусов чувствовать свою причастность к единой общности с общими целями и символами. Иными словами, в отличие от ИНК, стремившегося сохранять принципы светскости, индусские фундаменталисты своей политикой обрекали общество на клерикализацию.

При этом они доказывали, что Индия – это страна индусов, составлявших «коренное население», что индусы были «государствообразующим народом» и что поэтому они должны находиться в этом государстве в привилегированном положении. При этом выдвигался лозунг «Индия для индусов». Для его оправдания утверждалось, что индуизм был и остается основой тра-

диционного образа жизни и культуры в Индии. Кроме того, фундаменталисты делали все, чтобы навязать школе свое религиозное видение истории.

Ясно, что все это неизбежно вело к противостоянию «истинных индусов» с представителями иных конфессий и теми, кто в целом не считался «истинным индусом». При этом фундаменталисты нападали на политику аффирмативных действий, видя в ней ущемление прав доминирующего большинства. Они не уставали пугать общественность призрачной угрозой со стороны меньшинств, причем эти идеи активно обсуждались в СМИ. Испытывая «комплекс меньшинства», фундаменталисты требовали не только покончить с политикой позитивной дискриминации, но и предоставить привилегированные права индусам и индуизму, в частности, путем разрушения мечетей и возведения на их месте индуистских храмов. В этом контексте они предлагали индийским мусульманам отказаться от ислама и вернуться к «религии предков». В то же время в поисках социальной справедливости «низкорожденные» и неприкасаемые, напротив, массами обращались в ислам, открывавший им путь к преодолению кастовых перегородок. В этих условиях межконфессиональная напряженность не могла не возрастать. Иными словами, конфликт оказывается искусственно сконструированным индускими фундаменталистами, риторика которых содержала разительные противоречия между лозунгами мира и добра и выстраиванием образа врага в лице мусульман. Тем самым миролюбие индуизма оказалось призрачным, и политические акции индуских фундаменталистов нередко оканчивались погромами и кровопролитием. Особенно тревожно то, что в своей пропаганде фундаменталисты широко используют религиозные символы и священные места. Ведь это придает конфликту особенно жесткий и бескомпромиссный характер¹⁶⁸. Сегодня это становится тем более опасно, что охватывает и многочисленную индийскую диаспору в других странах, где она либо становится объектом манипуляции в руках популистских политиков, либо подвергается нападению со стороны мусульман в отместку за антиисламские погромы в самой Индии.

Вместе с тем детальный анализ показывает, что индуско-мусульманский конфликт лишь внешне имеет религиозный характер, а на самом деле за ним стоят реальные политические и экономические интересы. Например, в Ориссе индуские фундаменталисты силой отбирали леса и земли у *адиваси* в пользу крупных компаний и запрещали мусульманам бизнес, связанный с разведением крупного рогатого скота. Кроме того, с целью вербовки сторонников они захватили там наиболее престижные школы и ввели образование на основе *хиндутвы*, восстанавливая детей и подростков против мусульман и христиан¹⁶⁹.

Следует учитывать, что в сельской местности взаимоотношения индусов с мусульманами сохраняют дружеский добрососедский характер. А центры погромов располагаются в крупных городах, и в них участвуют городские люмпены. И хотя само понятие «люмпенов» скрывает самые разные группы акторов, заслуживающие специального анализа, тем не менее корни конфликта следует искать в городе. При этом чаще всего погромы происходили в двух штатах – Гуджарате и Махараштре¹⁷⁰.

Попытки индийских властей под давлением левых наделить меньшинства дополнительными правами и привилегиями привели к росту недовольства с

обеих сторон: доминирующее большинство стало жаловаться на ущемление в правах, а меньшинство так и не избавилось от образа объекта дискриминации. При этом все политические партии в Индии традиционно используют религиозно-кастовый принцип, пытаясь в ходе выборов заручиться поддержкой любых влиятельных людей, которые могут принести дополнительные голоса. В случае победы кандидаты расплачиваются с такими людьми теми или иными привилегиями. Это, с одной стороны, укрепляет общинную солидарность, а с другой, усиливает трения и конкуренцию между религиозными общинами. Поэтому в конце XX в. сведущие люди, встревоженные перспективой раскола страны, начали говорить о необходимости разведения религии и политики. В частности, в происходившем бурно индусском возрождении они усматривали угрозу национальному единству. Однако робкие и непоследовательные попытки индийских властей отлучить религию от политики ни к чему не привели, и религия осталась важным орудием индийской политики¹⁷¹.

Существенно также, что движение фундаменталистов опирается на новый средний класс, быстро пополнивший свои ряды в 1980-е годы благодаря политике либерализации. Этот слой, с одной стороны, пытается получить максимальную выгоду от модернизации и активно участвует в рыночной экономике, а с другой, придерживается консервативной позиции в области религиозности, в чем проявляется его слабость и неуверенность в будущем. Кроме того, разделяя принципы социодарвинизма, он не склонен испытывать милосердие к бедным и социально незащищенным слоям, а также к меньшинствам, видя в них досадную преграду на пути к формированию «сильной Индии». Зато он живет тоской по диктаторской власти и поэтому голосует за БДП с ее авторитарными замашками. Это усиливается тем, что кроме бизнесменов этот класс включает массу бывших чиновников, управленцев, отставных военных и полицейских чинов. Все они поддерживали БДП по разным мотивам, далеко не всегда связанным с религиозными чувствами. Объединяющим фактором для них служил национализм, стремление к «наведению порядка» и обеспечение надежного будущего своим детям¹⁷². Средний класс не только участвует в нарастающей конкуренции на рынке труда и стремится к властным позициям, но и в силу своего относительно высокого образования способен осознать все это на концептуальном уровне. Поэтому он склонен к осознанной конфронтации¹⁷³. Обычно такой средний класс относят к неоконсерваторам. Он неоднороден и разрывается внутренними противоречиями, что и определяет относительную слабость фундаменталистов.

Высокая конкуренция и неустойчивость своего положения делает средний класс подверженным ксенофобии. Своего главного врага он видит в мусульманском среднем классе, и это подогревает уже ставшую традиционной исламофобию. Не случайно, судя по социологическому опросу, проведенному в Дели и западной части Уттар Прадеша, большинство одобрявших разрушение мечети в Айодхье оказались представителями среднего класса: среди «белых воротничков» и торговцев таковых оказалось соответственно 60% и 62%, тогда как среди рабочих – только 28%. Относящиеся к среднему классу представители интеллигенции участвуют в выработке и пропаганде фундаменталистской индусской идеологии, а также возглавляют массовые

выступления. Они тем самым разделяют идеологию и практику коммунизма и обеспечивают ему интеллектуальную поддержку¹⁷⁴.

Индийская интеллектуальная элита тоже оказывается расколотой. Наиболее успешную ее часть составляют люди, получившие хорошее европейское образование, занимающие высокодоходные должности и имеющие доступ к международным грантам. Как правило, они происходят из известных семей и эффективно используют свои широкие родственные и приятельские связи во властных кругах. Они исповедуют западные ценности и не придают большого значения своему индийскому культурному наследию. Такой образованный слой имеет в Индии свою историю, ибо он сформировался там еще в XIX в.¹⁷⁵

Другая часть состоит из недавних выходцев из провинциальных центров и сел, не имевших таких важных для карьерного роста родственных связей и не получивших столь блестящего образования. Им оказывается труднее найти работу, и в случае успеха та оказывается менее престижной и менее доходной. Эти «сыновья земли» настроены более консервативно и придерживаются традиционалистских ценностей как компенсаторного механизма, помогающего преодолеть жизненные неурядицы. Они в большей степени готовы черпать вдохновение из опыта «славных предков», и именно из них состоит костяк местных археологов, а также историков, занимающихся древней и средневековой Индией¹⁷⁶. Именно в этой среде изучение отечественной истории считалось не столько профессией, сколько «служением Родине» и было проникнуто духом «патриотизма»¹⁷⁷. В этом свете конфронтация может восприниматься в виде оппозиции между городскими (модернистскими) и сельскими ценностями.

Однако на деле ситуация оказывается более сложной. По наблюдениям ряда аналитиков, фундаменталистские движения, разделявшие идеологию *хиндута*, рекрутировались в основном из образованных горожан Северной Индии, среди которых преобладали торговцы, государственные служащие и интеллигенция. Именно эти категории обрели свое благосостояние в годы независимости и долго чувствовали себя надежно защищенными государством. Но начиная с 1970-х годов именно они испытывали большую тревогу по поводу роста влияния тех, кого они считали «чужаками», т.е. выходцев из других каст, членов «отсталых племен» и последователей ислама. Они ревниво следили за стремительным ростом благосостояния мусульман западного побережья, быстро богатеющих за счет отходничества и высокоприбыльной торговли с Арабскими эмиратами. В еще большей мере их раздражали мигранты-мусульмане из сельских районов, приезжавшие в города на заработки. В этих условиях конкуренция возрастала, и это ощущала на себе прежде всего индусская молодежь, страдавшая от безработицы¹⁷⁸. Речь идет о горожанах в первом поколении, получивших высшее образование в городе и не желающих возвращаться назад в село. Если же они все-таки возвращаются, они больше не хотят заниматься сельским хозяйством. Именно эта молодежь, обманутая в своих социальных ожиданиях, более всего склонна к радикальному поведению¹⁷⁹.

Судя по социологическим данным, для таких молодых людей, участие в массовых акциях фундаменталистов открывало путь к позитивной идентичности. Их не столько манил индуизм, сколько привлекала возможность

проявить себя героями – ведь участие в многодневных изнурительных процессах, столкновения с мусульманами и сопротивление полиции требовали смелости и физической выносливости. И в Рама они видели не столько бога, сколько сильного, мужественного и целеустремленного киногероя, на которого они могли бы равняться. Киносериалы помогали им хотя бы на время отвлечься от суровой действительности и обрести позитивную идентичность, которая, правда, была связана с насильственными действиями. Такие молодые люди, как правило, были выходцами из высших каст и относились к среднему классу. В 1990 г. их протестное поведение вызывалось негативным отношением к новой аффирмативной политике правительства, пытавшегося увеличить квоты для низших каст и «отсталых племен» и тем самым оставившего их самих без работы¹⁸⁰. Популярной среди них стала идея, будто социальному спокойствию угрожала «агрессивность» религиозных меньшинств¹⁸¹. Эту уверенность подогревало движение фундаменталистов, вкладывавшее гнев в уста бога Рама и делавшее его мстителем за всевозможные несправедливости, чинимые индусам веками. Мало того, воинственный Рама должен был служить образцом для индусов, которым надлежало, подобно ему, смело выступать против своих обидчиков¹⁸².

Но в то же время, как показал К. Жаффрело, люди, участвовавшие в акциях фундаменталистов, различались по своим мотивациям. Далеко не все они были глубоко религиозными: некоторых влекла возможность пограбить, другие получали таким образом возможность выразить свое недовольство жесткими действиями полиции, третьих вдохновляла романтика активизма, четвертые хотели отдать дань уважения Рама, хотя и не поддерживали политической линии БДП, и т.д. Некоторые были склонны участвовать в строительстве храма, но вовсе не желали разрушать мечеть. Поэтому среди участников движения встречались и *далиты*¹⁸³.

Еще одной особенностью движения фундаменталистов стала высокая вовлеченность в него женщин. И объяснялось это не только их якобы высокой религиозностью или материнским отношением к образу Рама-ребенка. Лидеры фундаменталистов отказались видеть в женщинах лишь пассивную часть общества, домохозяйек и всячески культивировали в них агрессивность, что в итоге привело к «феминизации насилия». В составе «семьи *сангха*» была создана особая женская организация «Дурга Вагини». Женщины не только активно участвовали в ритуальных маршах, устраивавшихся фундаменталистами, но произносили зажигательные речи, побуждавшие мужчин-индусов к насилию над мусульманами. Гендерная тематика пронизывает и риторику фундаменталистов, придающих Индии образ женщины, якобы постоянно страдающей от насилия со стороны мусульман¹⁸⁴. Среди участников марша на Айодхью в октябре 1990 г. было 20 тыс. женщин. Аналитики предполагают, что во всем этом проявлялась не столько религиозная экзальтированность женщин, сколько их желание проявить себя в публичной сфере и продемонстрировать свою политическую роль, решительно порвав с образом «домохозяйек»¹⁸⁵.

Иными словами, мнение о толерантности индусов оказывается мифом. В свое время это отмечал последний начальник советских разведывательных органов, имевший богатый опыт работы в странах Среднего Востока. Вот что он писал: «Это миф – о миролюбивом ненасильственном характе-

ре индийского общества и его культуры. Это – штамп. Но соприкосновение с индийской действительностью его развеивает. Индийцы ничуть не миролюбивее и не воинственнее любого другого народа. Их отвращение к насилию – интеллигентская выдумка. Это проявляется в индийской политике на всех уровнях. Моральные устои, общечеловеческие ценности, идеи миролюбия – не фигурируют в реальных политических выкладках индийского руководства. Там – трезвый расчет и прагматизм»¹⁸⁶. В свою очередь, индийский публицист Дев Мурарка с горечью констатировал, что прославленное индийское ненасилие является мифом, созданным Махатмой Ганди, который стремился к этому как к некому идеалу, способному противостоять опасным тенденциям, заложенным в индийской общинности. Однако, по мнению Мурарка, сегодня последователей Ганди легче найти за пределами Индии, чем в ее границах¹⁸⁷. Действительно, как показала Р. Тхапар, понятие «ненасилия» имело для разных религиозных групп Индии разное значение, которое со временем изменялось. И это отнюдь не мешало религиозным столкновениям и преследованиям, которые отмечались на протяжении всего средневекового периода¹⁸⁸.

Голландский исследователь тоже напоминает нам о важности традиции воинственности в индуизме: ведь индуистские святые и боги-герои всегда выступали воинами, воинами являлись и торговцы, а боевая эстетика вообще занимала почетное место в индуизме¹⁸⁹. Он же показывает, что представление о толерантности индуизма возникло относительно недавно. В свою очередь, индийский автор отмечает, что в зависимости от ситуации одни и те же ценности могут восприниматься диаметрально противоположным образом. В одних контекстах индуисты могут приписывать себе терпение, толерантность, щедрость как качества, якобы отличающие их от других. Но в другом контексте эти же качества оказываются неприемлемыми, так как ослабляют человека и обрекают его на апатию и пассивность. Тогда им на смену приходят агрессия и гнев как символы маскулинности¹⁹⁰. В частности, современные индуистские фундаменталисты продолжают доказывать, что Рама отличался бесконечным миролюбием и толерантностью, а его агрессивное поведение диктовалось исключительно обороной от нападков извне¹⁹¹.

На самом же деле с древних времен насилие трактовалось в индуизме как религиозный долг (*дхарма*), а представление о мирном характере индуизма вначале сложилось в контексте европейского романтизма, а затем было развито Махатмой Ганди. Но сегодня фундаменталисты отвергают ненасильственные действия Ганди как неприемлемый для них «секуляризм»¹⁹².

В то же время, несмотря на всю свою символическую значимость, храм Рамы в Айодхье не вызывал волны экзальтации, пока вопрос о нем не начали использовать в своих интересах те или иные политики. Действительно, в течение долгих десятилетий (с 1855 по 1934 г. и в 1950–1984 гг.) не наблюдалось никаких движений, которые бы требовали восстановления храма. Зато, когда политики-фундаменталисты поднимали эту проблему, общество быстро раскалывалось по религиозному признаку, и возникала резкая межконфессиональная напряженность. Иногда это даже называют «стратегией Айодхьи»¹⁹³, превращавшей борьбу за храм Рамы в «вековое противостояние»¹⁹⁴.

Специфика Индии состоит в том, что расколы и противостояния там происходят, как правило, по религиозному признаку. Это не случайно, и причина этого лежит в недавней колониальной истории. Известно, что у человека одновременно может быть много разных идентичностей. Однако в целях учета и контроля современное государство выбирает какой-либо один признак и навязывает его людям в качестве основы их идентичности. Если в США таким признаком стала раса, а в СССР – этничность, то в Южной Азии британские чиновники классифицировали людей по касте и религии. Так произошла объективизация религиозной общины, принадлежность к которой была закреплена самыми различными бюрократическими процедурами и институтами (переписью и разнообразными формами учета населения, трудовыми и образовательными квотами, созданием политических партий по религиозному признаку и т. д.). Британские чиновники поощряли коммуналлизм и в то же время не уставали преследовать людей за национализм, пытавшийся объединять всех индийцев вне зависимости от их религиозной, языковой или культурной принадлежности. В итоге религиозная принадлежность легла в основу общественной структуры, и люди привыкли чувствовать себя членами в первую очередь религиозных общин, что со временем превратилось в общепринятую норму. Это происходило даже с теми, кто не испытывал глубоких религиозных чувств. Так в годы британского колониального владычества были заложены основы современного коммуналлизма, ставшего стержнем индийской политики уже в годы независимости.

Вначале ИНК пытался всеми силами преодолеть коммуналлизм, но и ему со временем пришлось пойти тому навстречу. Что касается остальных политиков, то они откровенно заигрывали с коммуналлизмом и опирались на его ресурсы в своем стремлении к власти. А ряду партий лишь опора на коммуналлизм позволяла оставаться на плаву. В то же время именно коммуналлизм привел к трагическому разделу Южной Азии в 1947 г. и до сих пор угрожает Индии выступлениями сепаратистов¹⁹⁵. По словам журналистки Т. Сингх, «ирония заключается в том, что те, кто верят в то, что Айдодхья стала символом индийского национализма и что *хиндутва* является синонимом патриотизма, могут с легкостью стать ответственными за новый распад страны»¹⁹⁶.

В Индии противоборствующие стороны в равной степени прибегают к примордиализму, всеми силами пытаясь доказать, что агрессивность и жестокость имманентно присущи противнику. Для этого они черпают аргументы в истории. Индусы доказывают, что мусульмане веками держали их в подчинении, угнетали и разрушали их храмы. А *далиты* настаивают на том, что, будучи предками индусов, арии принесли в Индию кастовую систему и обрекли местное население на вековое рабство.

Таким образом, индусские фундаменталисты стоят на консервативных религиозных позициях. Они фактически объявляют индусов государствообразующим народом и считают, что власть в стране должна принадлежать именно им. Индуизм они объявляют господствующей религией Индии и требуют его возрождения путем его кодификации и восстановления разрушенных когда-то индусских храмов. Они хотят видеть общенациональную культуру построенной на индуизме; его же они кладут в основу представлений об истории Индии. При этом те исторические факты, которые не соответствуют

нормам индуизма, без сожаления отбрасываются, а отстаивающие их ученые становятся объектами нападок. Радикальные движения выставляют себя блюстителями нравственности, и то, что, на их взгляд, эту нравственность нарушает (кинофильмы, художественные произведения), подвергается гонениям. В этом контексте места меньшинствам не остается: они либо должны ассоциировать себя с индуизмом и с доминирующей индусской культурой, либо покинуть страну. В риторике фундаменталистов звучит и опасение «геноцида», под чем понимается «вымирание индусов», о чем якобы говорит демографическая статистика. Все это выходит далеко за рамки идейных споров и деклараций, воплощаясь в ксенофобских митингах и физических расправах с неудобными. Временами по стране прокатываются волны погромов.

В движении индусских фундаменталистов большую роль играют бывшие чиновники, отставные военные и работники правоохранительных структур. Значимок место в идеологии фундаменталистов отводится романтизированному представлению о ранней истории Индии: древние местные цивилизации всячески прославляются, тогда как более позднее время правления мусульманских династий воспринимается только в негативных тонах. Ислам всячески демонизируется, а его приверженцы вызывают подозрения и дискриминируются; время от времени они страдают от погромов.

В ответ меньшинства развивают свои альтернативные версии истории, оспаривающие исторические взгляды индуистов. Там прославляются свои герои и утверждаются свои религиозные предписания. Результатом являются «войны за историю», усиливающие межобщинную напряженность в течение последнего десятилетия.

Иными словами, использование политиками фактора «коммунализма», т.е. апелляция к религиозной идентичности, раскалывает Индию и ввергает ее в пучину бесконечных конфликтов. В этих условиях лозунги «самобытности» и «особого пути» оборачиваются кровопролитиями, от которых страдают массы населения.

В то же время не следует эссенциализировать конфликт и абсолютизировать настроения его участников. Если подойти к нему не социологически, а с учетом вариативности индивидуального поведения, то, во-первых, можно обнаружить людей, решивших никогда не участвовать ни в каких групповых конфликтах, во-вторых, в ходе конфликта находятся люди, готовые спасти гонимых, в-третьих, специалисты наблюдали, как в ходе конфликта настроения людей изменялись от вражды к сочувствию его жертвам¹⁹⁷. Наконец, потенциальный конфликт вовсе не всегда становится суровой реальностью. Например, после терактов в Бенаресе 7 марта 2006 г., когда бомбы взорвались в индуистском храме и на железнодорожном вокзале, все, казалось, было готово к очередным мусульманским погромам. Между тем ничего подобного не произошло. И это говорит о том, что описанные выше архетипы, политические концепции и деятельность политических партий иной раз встречают здоровое сопротивление общества. В данном случае сыграли роль ряд факторов. Во-первых, взрыв, прогремевший на вокзале, повлек жертвы равным образом среди индусов и мусульман, во-вторых, в организации терактов были обвинены внешние силы (террористы из Пакистана), в-третьих, сразу же после терактов город посетили председатель правящей партии и ряд высокопоставленных правительственных чиновников, в-чет-

вертых, местный муфтий тут же осудил теракт и в медресе состоялось собрание авторитетных представителей всех местных религиозных общин, также осудивших теракт и призвавших людей к спокойствию. Но, самое главное, сами люди не желали обострения общинных отношений, они не ассоциировали терроризм с исламом и выступали против насилия. Примечательно, что попытка активистов БДП в очередной раз извлечь политическую выгоду из трагедии, не встретила понимания в обществе. Люди с подозрением относились к их политической риторике, и даже служители индуcского храма не позволили им провести политизированные религиозные ритуалы¹⁹⁸. Все это говорит о росте зрелости гражданского общества в Индии, что в перспективе способно погасить волну межобщинных конфликтов и снизить общественную роль политических радикалов.

¹ *Bhattacharya N.* Myth, history and the politics of Ramajanmabhumi // *Anatomy of a confrontation. The rise of communal politics in India* / Ed. S. Gopal. 1993. P. 122–123. См. также: Saxl F. *Lectures*. Vol.1. L., 1957. P. 73.

² Термин «хинду» впервые появился у древних персов, определявших так тех, кто жил к востоку от Инда. Затем в том же значении его использовали арабы. А в эпоху средневековья иранский термин «индус» использовался преимущественно иноземцами для «идолопоклонников», т.е. немусульман, и имел негативный смысл. Сами индусы тогда себя так не называли. См.: *Thapar R.* Imagined religious communities? Ancient history and the modern search for a Hindu identity // *Modern Asian Studies*. 1989. Vol. 23. N 2. P. 222; *Kotani H.* Historical formation of Hindu identity in relation to British colonial rule // *Fussing modernity: appropriation of history and political mobilization in South Asia* / Eds. H. Kotani, T. Fujii, F. Oshikawa Osaka: National Museum of Ethnology, 2000. P. 5–8.

³ *Gould W.* Hindu nationalism and the language of politics in late colonial India. Cambridge, 2004. P. 35–86, 135–139.

⁴ *Rao N.* Interpreting silences: symbol and history in the case of Ram Janmabhoomi / *Babri Masjid* / Eds. The social construction of the past: representation as power. G.C. Bond and A. Gilliam. L., 1994. P. 154.

⁵ *Van der Veer P.* Religious nationalism. Hindus and Muslims in India. Berkeley, 1994. P. 2; *Gould W.* Op. cit.

⁶ *Jaffrelot Ch.* The idea of Hindu race in the writings of Hindu nationalist ideologues in the 1920s and 1930s: a concept between two cultures // *The concept of race in South Asia* / Ed. P. Robb. Delhi: Oxford Univ. Press, 1997. P. 327–354; *Bhatt Ch.* Liberation and purity. Race, new religious movements and the ethnics of postmodernity. L., 1997. P. 154; *Idem.* The lore of the homeland: Hindu nationalism and indigenist 'neoracism' // *Theories of race and racism. A reader* / Eds. L. Back, J. Solomos. L., 2000. P. 573–593. Христианство и ислам также рассматриваются индусскими фундаменталистами как пришлые «семитские» религии.

⁷ См., напр.: *Elst K.* Ayodhya and after. Issues before Hindu society. New Delhi, 1991. P. V.

⁸ *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 70.

⁹ *Grant W.J.* The space of the nation: an examination of the special production of Hindu nationalism // *Nationalism and ethnic politics*, 2005. Vol. 11. P. 338–339.

¹⁰ *Aiyar M.S.* The saffron swastika // *Sunday*. December 2. 1990; *Kishwar M.* In defense of our dharma // *Telegraph*. December 25. 1990; *Ahmad A.* Right-Wing Politics, and the Cultures of Cruelty // *Social Scientist*. 1998. Vol. 27. N 9–10; *Bhatt Ch.* Ethnic absolutism and the authoritarian spirit // *Theory, culture and society*. 1999. Vol. 16. N 2. P. 76–81; *Idem.* The lore of the homeland. P. 574; *Baber Z.* 'Race', religion and riots: the 'racialization' of communal identity and conflict in India // *Sociology*, 2004. Vol. 38. N 4. P. 713; *Bannerji H.* Making India hindu and male // *Ethnicities*, 2006. Vol. 6. N 3. P. 375, 378. См. также: *Noorani A.G.* The RSS and the BJP: a division of labour. New Delhi. L., 2000.

¹¹ *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. N.Y., 1996. P. 51–62, 77–78.

¹² *Gould W.* Hindu nationalism and the language of politics. P. 153, 157–158, 192–196. По словам некоторых авторов, образ Гитлера до сих пор пользуется популярностью у определенной

- части индийской молодежи, а его книга «Майн Кампф» считается в Индии бестселлером. Об этом см.: Bannerji, Himani. Making India hindu and male. P. 384; Janoušek P. Hitler? V Indii záruka obchodního úspěchu // Lidove Noviny. 21. června 2010.
- ¹³ Misra A. Identity and religion: foundations of anti-Islamism in India. New Delhi, 2004.
- ¹⁴ Fox R.G. Hindu nationalism in the making, or the rise of the Hindian // Nationalist ideologies and the production of national cultures // Ed. R.G. Fox Wash. 1990. P. 63–64; Brass P. The production of Hindu-Muslim violence in contemporary India. Seattle, 2003; Бельский А.Г. Идеология и политика современного индусского коммунизма (научно-аналитический обзор). М., 1984. С. 20; Куценков А.А. Межобщинный конфликт: природа, движущие силы, динамика // Южная Азия: конфликты и компромиссы / Ред. Е.Ю. Ванина, А.А. Куценков. М., 2004. С. 19.
- ¹⁵ Ключев Б.И. Религия и конфликт в Индии. М., 2002. С. 230.
- ¹⁶ Bhatt Ch. Liberation and purity. Race, new religious movements and the ethnics of postmodernity. L., P. 220.
- ¹⁷ Цит. по: Rao B. Between promises and performance. A critique of Nehru's contribution to secularism in India // Journal of Asian and African Studies, 2006. Vol. 41. N 4. P. 362.
- ¹⁸ Gould H.A. The Babri Masjid and the secular contract // Contributions to Indian Sociology. 1998. Vol. 32. N 2. P. 507–526. Показательно, что сегодня внук Индиры Ганди – Варун Ганди является членом «Бхаратия джаната партии», отстаивающей интересы индусов.
- ¹⁹ Fox R.G. Hindu nationalism in the making. P. 76; Rao N. Op. cit. P. 155.
- ²⁰ См., напр.: Elst K. Op. cit. P. VI–VII. Об этом см. также: Sen R., Wagner W. Cultural mechanics of fundamentalism: religion and ideology, divided identities and violence in Post-Ghandi India // Culture and psychology, 2009. Vol. 15. N 3. P. 316–317.
- ²¹ Jaffrelot Ch. The Hindu nationalist movement in India. P. 33–50, 194–202; Bhatt Ch. The lore of the homeland. P. 576–580; Bhatt Ch., Mukta P. Hindutva in the West: mapping the antinomies of diaspora nationalism // Ethnic and racial studies, 2000. Vol. 23. N 3. P. 414–421; Bhatt Ch. Hindu nationalism. Origins, ideologies and modern myths. N. Y., 2001; Ключев Б.И. Политический индуизм // Дерево индуизма / Ред. И.П. Глушкова. М., 1999. С. 457–460. Примечательно, что созданный в конце 1930-х годов манифест РСС основывался на расовых идеях и опирался на германскую модель. См.: Jaffrelot Ch. The idea of Hindu race. P. 336–337.
- ²² Savarkar V.D. Hindutva: who is Hindu? Bombay, 1969. P. 100. См. также: Мезенцева О.В. Роль индуизма в идеологической борьбе современной Индии. М., 1985. С. 62–63.
- ²³ Panikkar K.N. In the name of nationalism // Frontline. 16 March. 2004 (<http://www.countercurrents.org/comm-panikker160304.htm>)
- ²⁴ Fox R.G. Hindu nationalism in the making. P. 66–68; Van der Veer P. Op. cit. P. 1; Jaffrelot Ch. The idea of Hindu race. P. 333–335; Idem. The Hindu nationalist movement in India. P. 25–33; Bhatt Ch., Mukta P. Hindutva in the West. P. 412–414; Grant W.J. The space of the nation. P. 334; Ключев Б.И. Указ. соч. С. 456, 467–468. Правда, Саваркар не настаивал на «чистоте крови» и признавал, что в Южной Азии пришлые арийцы смешались с местными обитателями. И сегодня некоторые умеренные лидеры индусов готовы принять концепцию поликонфессиональной нации, но требуют от мусульман покончить со своим «радикализмом». См.: Куценков А.А. Указ. соч. С. 42–43.
- ²⁵ Jaffrelot Ch. The Hindu nationalist movement in India. P. 30. Показательно, что сегодня такую же позицию разделяют русские этнические националисты, доказывающие, что Россия может быть только «государством русского народа», и определяющие «русскость» в расовых терминах. Что касается религии, то они склоняются к русскому язычеству. См., напр.: Вопросы национализма. 2010. № 1.
- ²⁶ Bhatt Ch., Mukta P. Op. cit. P. 434; Panikkar K.N. In the name of nationalism; Ванина Е.Ю. Прошлое во имя будущего. Индийский национализм и история (середина XIX – середина XX века) // Национализм в мировой истории / Ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М., 2007. С. 514.
- ²⁷ Глушкова И.П. Боги здесь и сейчас: индусская мифология как инструмент создания североиндийской идентичности // Южная Азия: конфликты и компромиссы / Ред. Е.Ю. Ванина, А.А. Куценков. М., 2004. С. 233–236; Ключев Б.И. Религия и конфликт в Индии. М., 2002. С. 227–229.
- ²⁸ Куценков А.А. Указ. соч. С. 19. См. также: Brass P. Op. cit.
- ²⁹ Ключев Б.И. Политический индуизм. С. 460–469; Он же. Религия и конфликт в Индии. С. 148–154, 204–236.

- ³⁰ *Sen R., Wagner W.* Cultural mechanics of fundamentalism. P. 299–326.
- ³¹ Этот комплекс ярко проявлялся уже на ранних стадиях развития движения РСС. См.: *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 76.
- ³² *Kakar S.* The communal devil // *India Today*. October 31. 1986. P. 44.
- ³³ *Fox R.G.* Hindu nationalism in the making. P. 63, 66; *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 338–345; *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 220–221.
- ³⁴ *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 238–239.
- ³⁵ *Thapar R.* On historical scholarship and the uses of the past // *Ethnic and racial studies*. 2000. Vol. 23. N 3. P. 607–608; *Idem.* The theory of Aryan race and India: history and politics // *Social Scientist*. 1996. Vol. 24. N 272–274. P. 16–17.
- ³⁶ *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 152, 156.
- ³⁷ *Ванина Е.Ю.* Указ. соч. С. 507–510; *Gould W.* Hindu nationalism and the language of politics. P. 26–27.
- ³⁸ Об истории БДП, ее идеологии и тактике см.: *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 215–217; *Клюев Б.И.* Политический индуизм. С. 460–464.
- ³⁹ *Bhattacharya N.* Myth, history and the politics. P. 123–124.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 125–128.
- ⁴¹ *Bannerji H.* Making India hindu and male. P. 374–375.
- ⁴² *Bhattacharya N.* Myth, history and the politics. P. 129–130. См. также: *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 390–392.
- ⁴³ *Глушкова И.П.* Указ. соч. С. 186.
- ⁴⁴ *Bhattacharya N.* Myth, history and the politics. P. 130–131.
- ⁴⁵ *Srivastava S.* How the British saw the issue // *Anatomy of a confrontation. The rise of communal politics in India* / Ed. S. Gopal S. L., 1993. P. 49. См. также: *Trautman Th.R.* Aryans and British India. Berkeley, 1997. P. 117–124.
- ⁴⁶ Даже такой выдающийся индолог, правда, никогда не бывавший в Индии, как Ф. Макс Мюллер, утверждал, что британцы призваны завершить цивилизационную миссию, когда-то начатую индо-ариями. См.: *Trautman Th.R.* *Op. cit.* P. 176.
- ⁴⁷ *Engineer A.A.* Hindu-Muslim relations before and after 1947 // *Anatomy of a confrontation. The rise of communal politics in India* / Ed. S. Gopal. L., 1993. P. 178–192; *Hasan M.* Competing symbols and shared codes: inter-community relations in modern India // *Anatomy of a confrontation...* P. 103–106; *Клюев Б.И.* Религия и конфликт в Индии. С. 60–61.
- ⁴⁸ *Engineer A.A.* *Op. cit.* P. 188–189; *Gould W.* Hindu nationalism and the language of politics; *Бельский А.Г.* Идеология и политика современного индуистского коммунизма (научно-аналитический обзор). М., 1984. С. 22–37; *Куценков А.А.* Указ. соч. С. 21–22, 26–33; *Клюев Б.И.* Религия и конфликт в Индии. С. 158–231. Не случайно первый в Индии роман о межконфессиональной розни вышел только в 1928 г. См.: *Гаврюшина Н.Д.* Тема религиозно-общинного противостояния в прозе хинди 1980–1990-х годов // *Южная Азия: конфликты и компромиссы* / Ред. Е.Ю. Ванина, А.А. Куценков. М., 2004. С. 322–324. Однако было бы неверным возлагать всю вину за рост религиозной розни только на британский колониальный режим, как это делали в свое время советские авторы. См., напр.: Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б.Г. Тилака / Ред. И.М. Рейснер, Н.М. Гольдберг. М., 1958.
- ⁴⁹ Ср.: *Клюев Б.И.* Национально-языковые проблемы независимой Индии. М., 1978; *Он же.* Религия и конфликт в Индии.
- ⁵⁰ *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 153.
- ⁵¹ Но, как сегодня известно, сама западная индология в эпоху своего становления опиралась на сведения, почерпнутые у брахманов, склонных идеализировать домусульманский период. См.: *Trautman Th.R.* *Op. cit.* P. 63–64, 135–137; *Ванина Е.Ю.* Указ. соч. С. 494–495.
- ⁵² *Bhattacharya N.* *Op. cit.* P. 135–136; *Глушкова И.П.* Боги здесь и сейчас. С. 169.
- ⁵³ *Rao B.* *Op. cit.* P. 384–385.
- ⁵⁴ *Swarup D.* Ayodhya movement // *Organiser*. Nov. 28 – Dec. 4. 1994. P. 7.
- ⁵⁵ The great evidence of Shri Ram Janmabhoomi Mandir. New Delhi, 1991. P. III.
- ⁵⁶ *Глушкова И.П.* Указ. соч. С. 170–176. О том, как этот подход сознательно формировался националистами в постколониальной Индии, см.: *Gould W.* Hindu nationalism and the language of politics.

- ⁵⁷ *Ranganathan M., Lobo B.* Localizing the global: analysis of nationalist ideologies in MNC advertisements in Indian TV // *Nationalism and ethnic politics*, 2008. Vol. 14. P. 117–142.
- ⁵⁸ О том, как это происходило, например, в Ориссе см.: *Chatterji A.P.* The biopolitics of Hindu nationalism // *Cultural Dynamics*, 2004. Vol. 16. N 2–3. P. 319–372.
- ⁵⁹ *Thapar R.* On historical scholarship. P. 610–612; *Panikkar K.N.* Outsider as enemy. The politics of rewriting history in India // *Frontline*. Jan. 6–19, 2001. Vol. 18. N 1; *Алаев Л.Б.* Очередной конгресс востоковедов. Нужны реформы // *Восток*. 2001. № 1. С. 133; *Глушкова И.* История по заказу // *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 6. С. 22–24; *Ванина Е.Ю.* История в политике: борьба за прошлое в современной Индии // *Южная Азия: конфликты и компромиссы* / Ред. Е.Ю. Ванина, А.А. Куценков. М., 2004. С. 143–145.
- ⁶⁰ *Panikkar K.N.* In the name of nationalism.
- ⁶¹ Об этом см., напр.: *Ratnagar Sh.* Archaeology at the heart of a political confrontation: the case of Ayodhya // *Current Anthropology*. 2004. Vol. 45. N 2. P. 241; *Глушкова И.* История по заказу; *Ванина Е.Ю.* Прошлое во имя будущего. С. 523.
- ⁶² *Panikkar K.N.* Outsider as enemy.
- ⁶³ Подробно о популярности религиозно-эпических образов в индийской политике см.: *Глушкова И.П.* Боги здесь и сейчас. С. 197–206; *Gould W.* Hindu nationalism and the language of politics. P. 139.
- ⁶⁴ В Индии существует несколько разных версий «Рамаяны». Кроме того, эпос со временем изменялся; менялись и его функции. Поэтому современная попытка создать его единую каноническую версию является искажением живой реальности. Об этом см.: *Manu Ramayanans – the diversity of a narrative tradition in South Asia* / Ed. P. Richman. Delhi, 1992; *Thapar R.* A historical perspective on the story of Rama // *Anatomy of a confrontation. The rise of communal politics in India* / Ed. S. Gopal. L., 1993. P. 141–163.
- ⁶⁵ *Глушкова И.П.* Боги здесь и сейчас. С. 190–193; *Ahmed A.S.* “Ethnic cleansing”: a metaphor for our time? // *Ethnic and Racial Studies*. 1995. Vol. 18. N 1. P. 13; *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 389–392; *Клюев Б.И.* Религия и конфликт в Индии. С. 140; *Banerji H.* Making India hindu and male. P. 382–382; *Rajagopal A.* Politics after television. Cambridge, 2001.
- ⁶⁶ *Van der Veer P.* Op. cit. P. 8.
- ⁶⁷ *Rao N.* Op. cit. P. 157–158, 162, прим. 8.
- ⁶⁸ *Sen R., Wagner W.* Op. cit. P. 314–316.
- ⁶⁹ *Клюев Б.И.* Религия и конфликт в Индии. С. 87–88.
- ⁷⁰ Такие процессии начали проводиться по инициативе индусских фундаменталистов в 1980-х годах и служат ярким примером «изобретения традиции». См.: *Assayag J.* Ritual Action or Political Reaction? The Invention of Hindu Nationalist Processions in India during the 1980s // *South Asia Research*. 1998. Vol. 18. N 2. P. 125–146; *Banerjee M.* Neo-nationalism in India. A comparative counterpoint // *Neo-nationalism in Europe and beyond. Perspectives from social anthropology* / Eds. A. Gingrich, M. Banks. N.Y., 2006. P. 241. Но, по словам индийского антролога, символическое значение упомянутого «традиционного паломничества» не выходило за рамки его широкого освещения в СМИ. См.: *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 254.
- ⁷¹ *Van der Veer P.* Op. cit. P. 1; *Глушкова И.П.* Боги здесь и сейчас. С. 193.
- ⁷² *Глушкова И.П.* Боги здесь и сейчас. С. 178, 204, 209.
- ⁷³ *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 254.
- ⁷⁴ *Rao N.* Op. cit. P. 158.
- ⁷⁵ *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 398–399.
- ⁷⁶ *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 165.
- ⁷⁷ *Brosius Ch.* Hindutva intervisuality: videos and the politics of representation // *Contributions to Indian sociology*. 2002. Vol. 36. N 1–2. P. 264–295.
- ⁷⁸ *Srivastava S.* Op. cit. P. 49.
- ⁷⁹ *Bhattacharya N.* Op. cit. P. 126. См. также: *Elst K.* Op. cit. P. 333.
- ⁸⁰ См., напр.: *The great evidence of Shri Ram Janmabhoomi Mandir*. New Delhi, 1991. P. 1. Современный индийский археолог Д.К. Чакрабартти, сочувствующий фундаменталистам, но не одобряющий их разрушительную деятельность, также утверждает, что за спорами о месте рождения Рамы стоят вовсе не научные аргументы. Это – исключительно вопрос веры. См.: *Chakrabarti D.K.* Colonial Indology: sociopolitics of the Ancient India past. New Delhi, 1997. P. 21.

- ⁸¹ *Bhattacharya N.* Op. cit. P. 125; *Lele J.* By faith alone: history as a weapon in the politics of hindutva // *Fussing modernity: appropriation of history and political mobilization in South Asia* / Eds. H. Kotani, T. Fujii, F. Oshikawa. Osaka, 2000. P. 63.
- ⁸² *Grant W.J.* Op. cit. P. 335–336.
- ⁸³ *Bhattacharya N.* Op. cit. P. 133, 137.
- ⁸⁴ The great evidence of Shri Ram Janmabhoomi Mandir.
- ⁸⁵ Но не меньше оснований относить это к периоду 900 тыс. лет назад. См.: *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 168–169.
- ⁸⁶ *Panikkar K.N.* A historical overview // *Anatomy of a confrontation. The rise of communal politics in India* / Ed. S. Gopal. L., 1993. P. 22–23. В устной форме эпос сложился к III в. н. э.
- ⁸⁷ Ibid. P. 24; *Куценков А.А.* Трагедия в Гуджарате // *Азия и Африка сегодня.* 2002. № 8. С. 41; *Ванина Е.Ю.* История в политике. С. 156.
- ⁸⁸ *Noorani A.G.* Legal aspects to the issue // *Anatomy of a confrontation. The rise of communal politics in India* / Ed. S. Gopal. L., 1993. P. 59–60.
- ⁸⁹ *Srivastava S.* The disputed mosque: a historical inquiry. Delhi, 1991.
- ⁹⁰ *Bakker H.T.* Ayodhya: the history of Ayodhya from the 17th century B. C. to the middle of the 18th century. Groningen, 1986; *Panikkar K.N.* A historical overview. P. 23–25; *Rao N.* Op. cit. P. 158–159; *Shaw J.* Ayodhya's sacred landscape: ritual memory, politics and archaeological 'fact' // *Antiquity,* 2000. Vol. 74. P. 698–699.
- ⁹¹ *Thapar R.* Imagined religious communities? // *Modern Asian Studies.* 1989. Vol. 23. N 2. P. 216.
- ⁹² Об этом см.: *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 92, note 63.
- ⁹³ *Panikkar K.N.* A historical overview. P. 29.
- ⁹⁴ Ibid. P. 30–31; *Srivastava S.* How the British saw the issue. P. 39–40.
- ⁹⁵ *Panikkar K.N.* A historical overview. P. 30–33; *Srivastava S.* How the British saw the issue. P. 41–42.
- ⁹⁶ *Srivastava S.* How the British saw the issue. P. 46–50; *Ratnagar Sh.* Op. cit. // *Current Anthropology.* 2004. Vol. 45. N 2. P. 239–240.
- ⁹⁷ *Rao N.* Op. cit. P. 156. О том, как это событие использовалось фундаменталистами в избирательной стратегии, см.: *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 93–95.
- ⁹⁸ *Noorani A.G.* Legal aspects to the issue. P. 68–69.
- ⁹⁹ *Engineer A.A.* Op. cit. P. 190–191. О событиях в Пенджабе см.: *Brass P.R.* Ethnicity and nationalism. Theory and comparison. New Delhi, 1991. P. 197–208.
- ¹⁰⁰ *Van der Veer P.* Op. cit. P. 3; *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 363–364.
- ¹⁰¹ *Van der Veer P.* Op. cit. P. 4. См. также: *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 364–366.
- ¹⁰² *Sen R., Wagner W.* History, emotions and hetero-referential representations in inter-group conflict: the example of Hindu-Muslim relations in India // *Papers on social representations.* 2005. Vol. 14. N 2. P. 2–7.
- ¹⁰³ *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 394–400. См. также: *Elst K.* Op. cit. P. 50. По словам Элста, среди мусульман не было единства, и некоторые из них призывали своих единоверцев согласиться на строительство храма. См.: Ibid. P. 66–69.
- ¹⁰⁴ *Van der Veer P.* Op. cit. P. 4.
- ¹⁰⁵ Ibid. P. 5; *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 416–421. См. также: *Elst K.* Op. cit. P. 52–55.
- ¹⁰⁶ *Hasan M.* Op. cit. P. 100.
- ¹⁰⁷ При этом всю вину за кровопролитие фундаменталисты возлагали на мусульман. См., напр.: *Elst K.* Op. cit. P. 168–177.
- ¹⁰⁸ *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 402, 421–423. Ходили даже слухи о снайперах из «меньшинств», которым местные власти якобы позволили расстреливать паломников. См.: *Elst K.* Op. cit. P. 55.
- ¹⁰⁹ *Gould H.A.* The Babri Masjid and the secular contract // *Contributions to Indian Sociology.* 1998. Vol. 32. N 2. P. 507–526.
- ¹¹⁰ *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 222–223.
- ¹¹¹ *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 449–451.
- ¹¹² Трезубец (тришул) является символом бога Шивы.

- ¹¹³ Подробно о событиях 6 декабря см.: *Кашин В.* Айодхья – мина замедленного действия // *Азия и Африка сегодня.* 2001. № 11. С. 25–26.
- ¹¹⁴ Там же. С. 26.
- ¹¹⁵ *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 454–457. Об этих намерениях Адвани см. также: *Elst K.* Op. cit. P. 20.
- ¹¹⁶ *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 400–401, 403. Кроме того, вопреки традиции они пытались ввести для индусов единую священную книгу, каковой надлежало стать «Бхагавадгите».
- ¹¹⁷ *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 464–468, 473; *Кашин В.* Указ. соч. С. 27.
- ¹¹⁸ *Lele J.* Op. cit. P. 24–26. Но в 1995 г. БДП в коалиции с «Шив сена» оказалась во главе штата Махараштра и составила две трети парламентского меньшинства в штате Гуджарат.
- ¹¹⁹ *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 458, 489–490.
- ¹²⁰ *Куценков А.А.* Трагедия в Гуджарате // *Азия и Африка сегодня.* 2002. № 8. С. 42.
- ¹²¹ Hope on Ayodhya // *The Hindustani Times.* December 8. 1994. P. 13.
- ¹²² *Sen R., Wagner W.* History, emotions and hetero-referential representations. P. 8, 10.
- ¹²³ Эта фашистская по духу организация, действующая в Махараштре с 1966 г., возникла как антикоммунистическая и антитамильская. Вначале она выступала против мигрантов из Южной Индии, но затем превратилась в антимусульманскую. Она выдвигает цель либо обратить мусульман в индуизм, либо выдворить их из страны. См.: *Cashman R.I.* The myth of the Lokamanya. Tilak and mass politics in Maharashtra. Berkeley, 1975. P. 120; *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 219; *Бельский А.Г.* Указ. соч. С. 12–13; *Клюев Б.И.* Религия и конфликт в Индии. С. 221–223.
- ¹²⁴ *Киценко О.* Спор в Айодхье. О рецидивах религиозно-общинной вражды в Индии // *Правда.* 24 мая. 1989; Индия для индусов? Беседа индолога М. Салганик с индийским публицистом Д. Мурарка // *Литературная газета.* 10 марта. 1993. С. 14; *Кашин В.* Указ. соч. С. 26–27; *Van der Veer P.* Op. cit. P. 6–7; *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 458–473; *Куценков А.А.* Межобщинный конфликт. С. 19, 65–66.
- ¹²⁵ *Ahmed A.S.* “Ethnic cleansing”. P. 14; *Pradhan B.* Changing dynamics of India’s West Asia policy // *International Studies,* 2004. Vol. 41. N 1. P. 65. Впервые массовые погромы индусских храмов в Бангладеш прошли еще в ноябре 1989 г. в ответ на устроенную фундаменталистами церемонию закладки храма в Айодхье. См.: *Elst K.* Op. cit. P. 59.
- ¹²⁶ *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 245–249.
- ¹²⁷ Примером может служить бельгиец К. Элст, одно время обучавшийся в Индии и поддерживающий тесные контакты с фундаменталистами. Недавно он выступил с исламофобским заявлением и предложил индийским мусульманам «вернуться к религии предков», т. е. к индуизму. См.: *Elst K.* Paki Come Home! Message to the British Muslims of South-Asian origin (<http://koenraadelst.voiceofdharma.com/articles/misc/PakiComeHome.html>)
- ¹²⁸ *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 95–96.
- ¹²⁹ *Van der Veer P.* Op. cit. P. 7; *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 360–364.
- ¹³⁰ *Hoerber R.S., Rudolph L.I.* Modern hate // *New Republic.* 22 March. 1993. Vol. 208. N 12. P. 24–29.
- ¹³¹ *Глушкова И.* В водах слияния // *Независимая газета.* 24 февраля. 2001. С. 11.
- ¹³² *Куценков А.А.* Трагедия в Гуджарате // *Азия и Африка сегодня.* 2002. № 8. С. 43.
- ¹³³ *Hali S.M.* The Ayodhya verdict fiasco // *The Nation.* October 6. 2010 <<http://www.nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Opinions/Columns/06-Oct-2010/The-Ayodhya-verdict-fiasco>>
- ¹³⁴ <<http://www.2point6billion.com/news/2010/10/01/huge-test-for-india-as-ayodhya-verdict-handed-down-7506.html>>
- ¹³⁵ *Chakrabarti D.K.* Op. cit. P. 21.
- ¹³⁶ *Киценко О.* Указ. соч.; *Bhatt Ch., Mukta P.* Op. cit. P. 421.
- ¹³⁷ The great evidence of Shri Ram Janmabhoomi Mandir. New Delhi, 1991. P. 31. См. также: *Elst K.* Ayodhya and after. Issues before Hindu society. P. 24–26, 69–70.
- ¹³⁸ *Noorani A.G.* Legal aspects to the issue. P. 58–59; *Клюев Б.И.* Политический индуизм. С. 466. В 1990 г. в Дели был опубликован целый список из 2000 мусульманских религиозных построек, стоявших якобы на месте прежних индусских храмов. См.: *Bernbeck R., Sommer U.*

- Politik, Mythos und Archäologie // *Ethnographische-Archäologische Zeitschrift*. 1994. Bd. 35. S. 476, 492, note 4.
- ¹⁴⁹ *Ghazaleh P.* Who owns the past // *Al-Ahram Weekly on-line*. 31 Jan.–6 Feb. 2002 (issue 571). <<http://www.weekly.ahram.org.eg/2002/571/li1.htm>>
- ¹⁴⁰ *Куценков А.А.* Межобщинный конфликт. С. 44–45, 47.
- ¹⁴¹ *Grant W.J.* Op. cit. P. 335–336.
- ¹⁴² The great evidence of Shri Ram Janmabhoomi Mandir. New Delhi, 1991. P. 31.
- ¹⁴³ *Куценков А.А.* Трагедия в Гуджарате // *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 8. С. 37–39; *Он же.* Межобщинный конфликт. С. 19–20, 46, 59–68. В апреле 2012 г. 18 погромщиков были приговорены к пожизненному тюремному заключению.
- ¹⁴⁴ *Ковалева А.* В Индии за 5 лет зафиксировано 3800 межрелигиозных конфликтов // *Седмица.ру*, 1 июня 2011 (<http://www.sedmitza.ru/news/2220404.html>)
- ¹⁴⁵ *Юрлова Е.С.* Новая вера для нового статуса // *Южная Азия: конфликты и компромиссы* / Ред. Е.Ю. Ванина, А.А. Куценков. М., 2004. С. 115–136.
- ¹⁴⁶ *Grant W.J.* Op. cit. P. 333, 340.
- ¹⁴⁷ Anti-Muslim riots in India's IT hub continue unabated // *The Nation*. March 31. 2010 <<http://www.nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Politics/31-Mar-2010/AntiMuslim-riots-in-Indias-IT-hub-continue-unabated>>
- ¹⁴⁸ *Akbar M.J.* Riot after riot: reports on caste and communal violence in India. New Delhi, 2003.
- ¹⁴⁹ *Van der Veer P.* Op. cit. P. 8–9.
- ¹⁵⁰ *Brass P.* Op. cit.
- ¹⁵¹ *Van der Veer P.* Op. cit. P. 10; *Hasan M.* Op. cit. P. 102.
- ¹⁵² Вскоре после этого под давлением фундаменталистов работники этой службы стали искать остатки храмов под каждой средневековой мечетью.
- ¹⁵³ Об отношении ВАК к ситуации в Айодхье и спорах между археологами см.: *Colley S.* What happened at WAC-3? // *Antiquity*. 1995. Vol. 69. N 1. P. 15–18; *Bernbeck R., Sommer U.* Politik, Mythos und Archäologie: der World Archaeological Congress 3 in Delhi 1994 und Ayodhya // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. 1994. T. 35. Hf. 3. S. 482–488; *Golson J.* What went wrong with WAC 3 and an attempt to understand why // *WAC News*. 1996. Vol. 4. N 1. P. 6–8; *Bernbeck R., Pollock S.* Ayodhya, archaeology and identity // *Current anthropology*. 1996. Vol. 37, supplement. P. 139–140.
- ¹⁵⁴ Resolution of the Indian History Congress // *Proceedings of the Indian History Congress*, 53rd session, 1993.
- ¹⁵⁵ Лал относился к группе тех учеников известного английского археолога М. Уиллера, которые пытались с помощью археологии доказать историчность индийских мифов и легенд, тем самым, поставив археологию на службу религиозному фундаментализму. Об этом см.: *Panja Sh.* The “Third space”: the creation of archaeological knowledge in post-Independence India // *Studies in history*. 2002. Vol. 18. N 1. P. 1–22.
- ¹⁵⁶ *Lal B.B.* Excavations at Ayodhya, District Faizabad // *Indian archaeology – a review*. 1976–1977. P. 52–53; *Idem.* Excavations at Ayodhya, District Faizabad // *Indian archaeology – a review*. 1979–1980. P. 76–77.
- ¹⁵⁷ *Lal B.B.* Archaeology of the Ramayana Sites Project // *Manthan*. October. 1990. P. 15. Мало того, этот номер журнала вышел накануне декабрьских переговоров между ВХП и Всеиндийским комитетом по защите мечети Бабри, организованных при участии правительства Индии. В дальнейшем экспертами со стороны ВХП регулярно выступали историки Д. Сваруп и Б.Р. Гровер и археолог С.П. Гупта. При этом Гровер был председателем Индийского совета по историческим исследованиям. Об этом см.: *The great evidence of Shri Ram Janmabhoomi Mandir*. New Delhi, 1991. P. III–V.
- ¹⁵⁸ *Muralidharan S.* Questions of ethics // *Frontline*, December 3–16, 1994 (vol. 11. N 25). P. 100.
- ¹⁵⁹ Гупту неоднократно уличали в недостойных поступках, нарушавших профессиональную этику. См.: *Ibid.* P. 99.
- ¹⁶⁰ *Sharma Y.D., Srivastava K.M., Gupta S.P., Nautiyal K. P., Grover B.R., Swarup A.D., Murherji S., Malayya S.* Ramajanna Bhumi: Ayodhya. New archaeological discoveries. New Delhi, 1992. Судя по фотографиям из этого издания, упомянутая стена и кирпичные полы лежали много ниже уровня мечети. Следовательно, связанные с ними постройки были разрушены задолго до строительства мечети.

- ¹⁶¹ Подробно см.: *Mandal D.* Ayodhya: archaeology after demolition. A critique of the 'new' and 'fresh' discoveries. New Delhi, 1993; Appendix: The archaeological evidence // Anatomy of a confrontation. The rise of communal politics in India / Ed. S. Gopal. L., 1993. P. 223–232; *Ratnagar Sh.* Archaeology at the heart of a political confrontation. P. 242–243; *Кашин В.* Указ. соч. С. 24. См. также: *Muralidharan S.* Op. cit. P. 100; *Bernbeck R., Sommer U.* Op. cit. S. 480–481.
- ¹⁶² Мало того, имелись даже основания предполагать, что эти «находки» были завезены туда из совсем другого места. См.: *Golson J.* Op. cit. P. 6.
- ¹⁶³ *Gupta S.P.* Government sitting tight over clinching archaeological evidence? // Organiser. November 28 – December 4. 1994 (vol. 46. N 18). P. 3. См. также: *Shastri A.M.* Ayodhya and God Rama // Puratattva (Bulletin of Indian Archaeological Society). 1992–1993. N 23. P. 37.
- ¹⁶⁴ Такой взгляд популярен у фундаменталистов. См., напр.: *Elst K.* Ayodhya and after. Issues before Hindu society. P. 2, 5–6.
- ¹⁶⁵ Ibid. P. 123.
- ¹⁶⁶ *Verma T.P.* The Janmabhumi inscription from Ayodhya. Рукопись (архив автора).
- ¹⁶⁷ *Habib I.* ASI report unveiled // Against communalization of archaeology. A critique of ASI report / Eds. S. Bhan et al. Delhi: SAHMAT, 2003.
- ¹⁶⁸ *Hassner R.E.* War on sacred grounds. Ithaca; New York, 2009.
- ¹⁶⁹ *Chatterji A.P.* Op. cit.
- ¹⁷⁰ *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 63–65; *Куценков А.А.* Трагедия в Гуджарате // Азия и Африка сегодня. 2002, № 8. С. 39; *Sen R., Wagner W.* Cultural mechanics of fundamentalism. P. 306–307.
- ¹⁷¹ *Клюев Б.И.* Религия и конфликт в Индии. С. 98–99, 148–154.
- ¹⁷² *Клюев Б.И.* Политический индуизм. С. 465; *Он же.* Религия и конфликт в Индии. С. 109–110; *Куценков А.А.* Трагедия в Гуджарате // Азия и Африка сегодня. 2002. № 8. С. 40; *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 432–435.
- ¹⁷³ *Engineer A.A.* Op. cit. P. 184–185.
- ¹⁷⁴ *Куценков А.А.* Межобщинный конфликт. С. 39–41, 49–50.
- ¹⁷⁵ *Spear P.* India. A modern history. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1961. P. 302–303.
- ¹⁷⁶ *Chakrabarti D.K.* Op. cit. P. 7–11; *Idem.* Colonial Indology and identity // Antiquity. 2000. Vol. 74. P. 668.
- ¹⁷⁷ *Ванина Е.Ю.* Прошлое во имя будущего. С. 502–503.
- ¹⁷⁸ *Fox R.G.* Op. cit. P. 65, 72–76; *Hoeber R.S., Rudolph L.I.* Op. cit. P. 24–29.
- ¹⁷⁹ *Клюев Б.И.* Религия и конфликт в Индии. С. 105, 122–123; *Куценков А.А.* Трагедия в Гуджарате // Азия и Африка сегодня. 2002. № 8. С. 41.
- ¹⁸⁰ *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 428–431.
- ¹⁸¹ *Клюев Б.И.* Религия и конфликт в Индии. С. 125.
- ¹⁸² *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 390–392.
- ¹⁸³ Ibid. P. 424–426. По словам Элста, в устраивавшихся фундаменталистами маршах принимали участие немало мусульман, а к началу 1990-х годов среди членов РСС было много далитов. См.: *Elst K.* Ayodhya and after. P. 67, 254–255.
- ¹⁸⁴ *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 226–228; *Bhatt Ch., Mukta P.* Op. cit. P. 430–431.
- ¹⁸⁵ *Jaffrelot Ch.* The Hindu nationalist movement in India. P. 426–428.
- ¹⁸⁶ *Шебаршин Л.В.* Рука Москвы: записки начальника советской разведки. М., 1996. С. 62–63.
- ¹⁸⁷ Индия для индусов? Беседа индолога М. Салганик с индийским публицистом Д. Мурарка // Литературная газета. 10 марта. 1993. С. 14. Ср.: *Bhatt Ch.* Liberation and purity. P. 156.
- ¹⁸⁸ *Thapar R.* Imagined religious communities? Ancient history and the modern search for a Hindu identity // Modern Asian Studies, 1989. Vol. 23. N 2. P. 218–220.
- ¹⁸⁹ *Van der Veer P.* Op. cit. P. 43–52.
- ¹⁹⁰ *Bhattacharya N.* Op. cit. P. 128.
- ¹⁹¹ *Brosius Ch.* Op. cit. P. 287.
- ¹⁹² *Sen R., Wagner W.* Cultural mechanics of fundamentalism.
- ¹⁹³ *Hasan M.* Op. cit. P. 112–115.
- ¹⁹⁴ *Bhattacharya N.* Op. cit. P. 135.

- ¹⁹⁵ *Mukherjee A.* Colonialism and communalism // *Anatomy of a confrontation. The rise of communal politics in India* / Ed. S. Gopal. L., 1993. P. 164–178. В свою очередь защитник фундаменталистов, К. Элст, утверждает, что именно сторонники секуляризма виновны в росте сепаратизма, который, подобно им, выступает против индусов. См.: *Elst K.* Ayodhya and after. *Issues before Hindu society.* 1991. P. 117–118.
- ¹⁹⁶ *Singh T.* Apocalypse soon // *Indian Express.* December 9. 1990.
- ¹⁹⁷ *Frøystad K.* Communal riots in India as a transitory form of political approaches // *Ethnic and racial studies.* 2009. Vol. 32. N 3. P. 442–459.
- ¹⁹⁸ *Williams Ph.* Hindu-Muslim brotherhood: exploring the dynamics of communal relations in Varanasi, North India // *Journal of South Asian development.* 2007. Vol. 2. N 2. P. 153–176.

ЛАТЕНТНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПОЛИТИКА

Соколов В.И.

КВЕБЕК В КАНАДСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ КУЛЬТУРНОГО РАЗЛОМА К ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ

ВВЕДЕНИЕ

Межнациональные трения, а порой и конфликты не могли не затронуть и ту часть света, которая относительно недавно была заселена преимущественно европейцами, а затем и избавилась от европейской колонизации, создав свои молодые и динамично развивающиеся государства. Речь, в частности, идет о Северной Америке, пополняющей до сих пор свое население в значительной степени путем поощрения разнорасовой и разноязычной иммиграции. Вместе с тем пути формирования национальной идентичности двух государств Северной Америки – США и Канады – оказались в конечном счете разными, что во многом обусловлено историческими особенностями их колониального прошлого. Если Соединенные Штаты часто называют «плавильным котлом», в котором стираются грани этнических различий переселенцев и формируется единая нация американцев, то в Канаде подобный процесс столкнулся с наличием в стране двух центров формирования канадской нации – англоязычной и франкоязычной. Культурный разлом между этими двумя центрами оказался решающим в создании сначала двуязычного государства, каким ныне является Канада, а в дальнейшем и в принятии государственного курса на мультикультурность. Курс этот в идеале предполагает сохранение и государственную поддержку этнических сообществ, их саморазвитие и взаимное обогащение в рамках канадского государства и общества. Канадская модель построения многокультурного общества направлена на сосуществование многих субкультур и традиций на основе взаимного уважения, взаимодействия и взаимообогащения.

Всесторонняя помощь в сохранении субкультур многообразной иммиграции в Канаду не в последнюю очередь направлена и на сглаживание тех противоречий и проблем, которые и поныне существуют между потомками двух наций-основательниц страны – французами и британцами. Эти противоречия, порой принимавшие конфликтные формы и даже кризисов, нередко выходившие из области культуры и языка в сферы политики и экономики, тем не менее, разрешаются путем диалога, уступок, мирного взаимодействия в решении общенациональных задач.

Данная глава рассматривает историю и современное состояние в отношениях двух центров культуры канадского государства, основные методы и

подходы к решению конфликтов, возникающих в ходе их сосуществования и взаимодействия. Провинция Квебек в Канаде, где ныне проживают 80% всех франкоканадцев, стала своеобразным форпостом французской культуры на североамериканском континенте. «Франко-канадцы, – пишет известный российский историк В.А. Колленко, – потомки французских переселенцев, которые около четырех столетий назад основали первое постоянное поселение в Канаде, – полностью сохранили родной язык, католическое вероисповедание, национальные традиции, присущие им черты психического склада и создали свою особую, отличающуюся от французской, самобытную культуру»¹.

Сохранение языка, традиций, культурных и религиозных ценностей, саморазвитие этой культуры в квебекском контексте происходит в окружении «остальной» Канады, которая говорит на английском языке, имеет отличия не только в традициях, но и в системе государственного управления (например, судебная система), социальной сфере и религиозных ориентациях. Эти различия, порождающие противоречия и конфликты, часто ведут к обособлению квебекцев, возникновению сепаратистских тенденций в провинции. В «остальной» же Канаде в политических дискуссиях речь идет о «квебекском вопросе», о «государстве в государстве», о «равнопартнерстве» – равенстве всех регионов и провинций Канады². Однако федеративное устройство страны, особая роль федерального центра и эффективный парламентаризм позволяют снимать напряжение вокруг «квебекской проблемы». «Легитимизация» квебекского национализма, допуск его ко всем политическим механизмам и институтам страны позволили в конечном счете направить сепаратистские силы в русло политического процесса, мирно и последовательно решать межнациональные конфликты, или по крайней мере откладывать их решение на будущее. В этом отношении наиболее показателен тот факт, что провинция Квебек, не подписавшая Конституционный акт Канады, действует в рамках общих и конкретных законодательных норм страны.

При этом мы должны отметить, что современная Канада относится к узкому кругу высокоразвитых стран, играющих лидирующую роль в становлении и развитии мирохозяйственных связей и международных отношений. Молодая и успешно развивающаяся страна занимает авторитетную «нишу» в современной международной мозаике. Это обстоятельство обусловлено как взаимодействием с мировым сообществом, так и некоторыми особенностями ее развития внутри страны. Страна богата территориальными ресурсами, но весьма редко заселенная (3,5 человека на 1 кв. км). В силу этого она нуждается в притоке иммигрантов и проводит политику целенаправленного отбора и привлечения новых жителей из-за рубежа. В последнее время в Канаду ежегодно прибывают по 200–250 тыс. иммигрантов. По отношению к численности своего населения Канада принимает иммигрантов и беженцев сравнительно больше, чем любая другая крупная страна.

И в нынешнее время для Канады чрезвычайно актуальной остается проблема самоидентификации нации. Напомним, что патриация Конституции Канады (формальная ее передача из Лондона в Оттаву) произошла только в 1982 г., а такие неотъемлемые атрибуты национального самосознания, как национальный флаг и национальный гимн появились соответственно только в 1964 г. и в 1980 г. Немаловажное значение для самоидентификации имеет

и соседство Канады с ее южным соседом – США. Тесные экономические (более 70% внешней торговли Канады приходится именно на США), политические и другие связи Канады с США нередко ставят Канаду в тень своего мощного соседа. Не следует забывать и тот факт, что более 80% населения страны проживает в 300-километровой полосе от американской границы. Огромные северные территории ждут демографического и хозяйственного освоения.

Проблемы экономического развития страны, успешно решаемые в последние десятилетия, формирования канадской идентичности и своеобразной полиэтнической культуры в условиях соседства со своим мощным соседом, приема и социальной адаптации большого потока иммигрантов несколько оттеснили, но не сняли «квебекский вопрос» с переднего плана национальной повестки дня. Однако уровень социального напряжения вокруг этого вопроса заметно снизился. Оказалось, что проблемы и конфликты, порождаемые культурными различиями, можно решать мирным путем, на основе длительных и последовательных переговоров, с помощью действующих в стране политических и правовых механизмов, опираясь на средства формирования общественного мнения и различные социальные институты.

К ИСТОРИИ КВЕБЕКСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В КАНАДЕ

КВЕБЕК И ФРАНКОКАНАДЦЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ МОЗАИКЕ КАНАДЫ

Самая яркая и специфичная черта канадского общества – это его этнокультурная мозаичность, выраженная в том, что ни одна этническая группа канадцев не составляет большинства населения страны в целом. Канада сегодня – это страна меньшинств, связанных общенациональной идеей, страна этнокультурных групп, большинство членов каждой из которых считает себя канадцами

Наиболее детальные данные по этнической структуре населения Канады дают результаты переписи 2001 г. (см. табл. 1). Особенность переписи в Канаде состоит в том, что респонденты могут называть свое этническое происхождение как в конкретном плане (например, немец), так и в обобщенном (западноевропейец), относить себя к единственной этнической группе, или к ряду групп. Поэтому в переписи 2006 г. (см. табл. 2) данные по этническому составу населения страны уже носят более обобщенный характер.

Сопоставление данных двух переписей показывают, что все больше жителей страны отождествляют себя с канадским или североамериканским происхождением. Это закономерный процесс в становлении канадской идентичности. Другое обстоятельство связано с растущими межэтническими браками. Поэтому число канадцев, относящих себя к одной этнической группе, не возрастает, несмотря на общий рост населения страны.

Всего при переписи 2006 г. канадцами было указано свыше 200 различных национальностей. Согласно результатам переписи в Канаде уже 11 этнических групп превысили по своему числу миллионную отметку. Среди них

Таблица 1

**Основные этнические группы населения Канады
(по данным переписи 2001 года)***

Этнические группы в структуре населения Канады	Население, в тыс. чел.		
	относящее себя только к данной этнической группе	относящее себя к разным этническим группам, в том числе и данной	всего
Все население	18 308	11 331	29 639
Канадцы	6748	4934	11 683
Англичане	1480	4499	5979
Французы	1061	3608	4668
Шотландцы	607	3549	4157
Ирландцы	497	3325	3823
Немцы	706	2037	2742
Итальянцы	726	544	1270
Китайцы	936	158	1095
Украинцы	326	744	1071
Индейцы	456	545	1001
Голландцы	316	607	923
Поляки	260	557	817
Жители Карибского региона	582	132	714
Норвежцы	47	316	364
Португальцы	253	104	358
Уэльсцы	28	321	350
Евреи	186	162	349
Русские	71	267	338
Филиппинцы	266	61	327
Метисы	72	235	308
Шведы	30	252	283
Венгры	92	175	267
Американцы (США)	25	224	250
Греки	144	71	215
Испанцы	66	146	213
Жители Ямайки	138	74	212
Датчане	34	137	171
Вьетнамцы	119	32	151

* Population by selected ethnic origins, by province and territory (Canada) (2001 Census), <http://www40.statcan.gc.ca/101-eng.htm>

англичане, французы, шотландцы, ирландцы, немцы, итальянцы, китайцы, североамериканские индейцы, украинцы и голландцы³. В связи с высокой рождаемостью индейцы Канады недавно обошли по своему числу канадских украинцев, положение которых несколько снизилось в этнической «иерархии» страны.

Этнический состав населения Канады различается по отдельным «поколениям» переселенцев в Северную Америку. Данные, приведенные в табл. 3, показывают, в частности, преобладающий рост в последнее время жителей китайского происхождения, в то время как переселенцев французского происхождения становится с каждым поколением меньше. Однако, несмотря на

Таблица 2

**Основные этнические группы населения Канады
(по данным переписи 2006 г.)***

Этнические группы в структуре населения Канады	Население, в тыс. чел.		
	относящее себя только к данной этнической группе	относящее себя к разным этническим группам, в том числе и данной	всего
Все население	18 320	12 921	31 241
Британцы	2548	8550	11 097
Североамериканцы	5881	4527	10 409
Канадцы	5749	4318	10 066
Европейцы	3727	6193	9920
Англичане	1367	5202	6570
Жители французского происхождения	1257	3743	5000
Французы	1230	3711	4941
Шотландцы	568	4151	4720
Западноевропейцы	1064	3309	4373
Ирландцы	491	3863	4354
Немцы	671	2509	3179
Жители Восточной Европы	918	2080	2998
Жители стран Южной Европы	1439	1284	2723
Жители Восточной и Юго-Восточной Азии	1854	358	2212
Аборигены Канады	630	1048	1678
Итальянцы	741	704	1445
Китайцы	1135	211	1346
Жители Южной Азии	1089	227	1317
Северо-американские индейцы	512	741	1254
Украинцы	301	908	1209
Жители Северной Европы	152	969	1121
Голландцы	303	732	1036
Жители Скандинавских стран	122	888	1010
Поляки	269	715	984
Жители Индустана	780	182	963
Жители Карибского региона	335	243	579
Русские	98	402	501
Жители арабского происхождения	316	154	470
Уэльсцы	27	414	441

* Population by selected ethnic origins, by province and territory (Canada) (2006 Census) // <http://www40.statcan.gc.ca/101/cst01/demo26a-eng.htm>

Таблица 3

**10 основных этнических групп, составляющих население современной Канады
(в возрасте свыше 15 лет)**

Первое поколение			Второе поколение			Третье и более поколений		
этническая группа	число жителей (в тыс.)	в %	этническая группа	число жителей (в тыс.)	в %	этническая группа	число жителей (в тыс.)	в %
Китайцы	917	15,0	Англичане	1035	25,8	Канадцы	7236	46,6
Жители Карибского региона	612	10,0	Шотландцы	636	15,9	Англичане	3794	24,4
Англичане	548	8,9	Канадцы	613	15,3	Французы	3530	22,7
Итальянцы	366	6,0	Немцы	525	13,1	Шотландцы	2866	18,4
Немцы	353	5,8	Ирландцы	497	12,4	Ирландцы	2755	17,7
Филлипинцы	288	4,7	Итальянцы	439	11,0	Немцы	1604	10,3
Шотландцы	272	4,4	Французы	285	7,1	Северо-американские индейцы	813	5,2
Ирландцы	231	3,8	Голландцы	253	6,3	Украинцы	643	4,1
Поляки	214	3,5	Украинцы	213	5,3	Голландцы	376	2,4
Португальцы	195	3,2	Поляки	204	5,1	Поляки	365	2,3
Всего	6124	100	Всего	4 006	100	Всего	15 533	100

* Canada's Ethnocultural Mosaic, 2006 Census. Ottawa, 2010. P. 10. Поскольку в ходе переписи респонденты называли нередко более чем одну группу этнического происхождения общее число ответов превышает общее число населения в данной категории поколений канадцев.

то обстоятельство, что более 70% современных иммигрантов в Канаду составляют лица, относящиеся здесь к «видимым меньшинствам», пока преобладающими в составе населения остаются европейцы.

На сегодняшний день, если основываться на данные переписи в Канаде, наиболее распространенными этническими группами считаются собственно канадцы, не связывающие свое происхождение с какими-либо другими странами (11,7 млн), канадцы британского происхождения, объединяющие англичан, шотландцев и уэльсцев (около 10 млн) и канадцы французского происхождения (4,7 млн). Причем доля канадцев, не идентифицирующих себя с нацией происхождения, постоянно растет, что связано со становлением государства, история которого насчитывает всего 140 лет с небольшим.

Напротив, доля лиц британского происхождения снизилась с начала 1990-х годов с 44,6% до 33,6%, при этом, что наиболее выразительно, снижается и абсолютный показатель населения британского происхождения: с 12 млн до 10 млн человек. Доля лиц французского происхождения также упала с 31% до 15,7%, при этом абсолютный показатель уменьшился почти в два раза – с 8,4 млн до 4,6 млн человек. Для сравнения отметим, что по переписи 1931 г. общая доля лиц британского и французского происхождения составляла около 80%. Затем этот показатель неуклонно, а в последнее время стремительно падал. К 1981 г. он снизился до 67%. В 1991 г. доля канадцев, относивших себя к лицам, имеющим английское, французское либо «смешанное» англо-французское происхождение составила всего 55%.

Таблица 4

Владение населением Канады официальными языками, 2006 год*

Провинции и территории	Только английским	Только французским	Английским и французским	Незнание официальных языков
Ньюфаундленд и Лабрадор	500 610	90	23 675	850
Остров Принца Эдуарда	134 205	60	17 100	55
Новая Шотландия	903 090	1000	95 010	1385
Нью Брансуик	719 650	73 750	240 085	765
Квебек	336 785	4 010 880	3 017 860	70 375
Онтарио	12 028 895	49 210	1 377 325	266 660
Манитоба	1 133 510	1930	103 520	10 500
Саскачеван	953 850	485	47 450	3260
Альберта	3 256 355	2 200	222 885	40 470
Британская Колумбия	4 074 385	2 070	295 645	123 305
Юкон	30 195	105	3440	130
Северо-Западные территории	41 055	50	3665	325
Нунавут	29 325	20	1170	2305
Всего	21 129 945	4 141 850	5 448 850	520 380

* Statistic Canada. Population by knowledge of official language, by province and territory//<http://www40.statcan.gc.ca/101/cst01/demo15-eng.htm>

Основная причина снижения в абсолютном исчислении лиц британского и французского происхождения проста – все больше населения страны идентифицирует себя канадцами, не связывая свою идентичность со страной эмиграции. Надо сказать, что снижение уровня общего англо-французского населения страны началось уже давно. Так, еще в 1871 г. в Монреале со 107 тыс. жителями 53% составляли жители французского происхождения и 45% – британского, лишь около 2% населения города – другие этнические группы. Положение стало заметно меняться в связи с начавшимся исходом французов из Канады в США, а их место все более активно стали занимать иммигранты из других стран. Интересно отметить, что в 1990 г. только в шести штатах Новой Англии проживали 573 тыс. выходцев из франкоговорящей Канады⁴.

Общее представление о знании официальных языков Канады (английском и французском) дают данные Статистического агентства Канады (см. табл. 4).

Данные табл. 4 показывают, что доминирующее значение в языковом «профиле» страны играет английский язык – им владеет 85% населения. Другим официальным языком страны – французским – владеет около трети населения (31%). Обращает на себя внимание тот факт, что немногим более полумиллиона граждан Канады (или более 15% населения) вовсе не знают официальных языков Канады. Речь, безусловно, идет о новых переселенцах.

В религиозном плане Канада остается преимущественно христианской страной, хотя число жителей с атеистическими убеждениями велико (более 16,5%) и достаточно быстро возрастает (см. табл. 5). Среди верований христианского направления наиболее заметную роль по количеству прихожан играет католицизм. Именно последний является преобладающей религией в провинции Квебек (более 90% населения).

Провинция Квебек и определяет основную особенность этнического состава страны, которая, в свою очередь, является причиной культурного водораздела в Канаде. Она состоит в наличии обширной и компактно проживающей франко-канадской общины, сохраняющей свой язык, культурные и социальные традиции. В провинции Квебек сейчас проживает 7,4 млн жителей, из которых 5,9 млн относят себя к франко-канадцам. Поэтому и французский язык является преобладающим среди жителей провинции (см. табл. 6).

В населении всей Канады доля квебекцев постепенно снижается. Если в 1961 г. она составляла 29%, то в 1996 г. уже менее 24%, а в настоящее время – менее 23%. Однако франко-канадская община включает не только квебекцев, но также и потомков акадийцев, первых поселенцев французского происхождения на территории Канады. Судьба акадийцев была трагична, поскольку во время британско-французских военных действий большая их часть была депортирована из Канады. Часть из них расселилась по южным побережьям Северной Америки, но многие погибли во время депортации. Нынешние потомки акадийцев, имеющие свои особенности во французском языке, проживают в

Таблица 5

Структура населения провинции Квебек и Канады в целом по религиозной принадлежности (данные переписи 2001 г.), в тыс. человек*

Религии	Квебек	Канада в целом
Католики	5939	12 936
Протестанты	335	8655
Православные	100	480
Другие христианские верования	57	780
Мусульмане	107	580
Иудеи	90	330
Буддисты	41	300
Хинду	24	297
Сигхи	8	278
Восточные верования	3	37
Другие верования	4	64
Атеисты	413	4900
Всего	7125	29 639

* Population by religion, by province and territory (2001 Census) // atcan.gc.ca/101/cst01/demo15-eng.htm

Таблица 6

Языковая структура населения провинции Квебек, данные переписи 2006 г.

Родной язык	Количество населения (в тыс. чел.)
Французский	5877,7
Английский	575,5
Итальянский	124,8
Испанский	108,8
Арабский	108,1
Китайские языки	63,4
Греческий	41,8
Португальский	34,7
Вьетнамский	25,3
Немецкий	17,8
Польский	17,3
Язык индейского племени кри	13,3
Пенджабский	11,9
Филлипинский	11,8
Инуктикут (язык эскимосов)	9,6
Украинский	5,4
Другие	388,7
Всего	7 435,9

* Population by mother tongue, by province and territory (2006 Census).

основном в провинции Нью-Брансуик (где примерно 40% населения говорит на французском языке), а также небольшой частью в Новой Шотландии и на о. Принца Эдуарда. Заметную группу франко-канадцев составляют и «франко-онтарийцы», населяющие соседнюю провинцию вдоль границы с Квебеком и на севере Онтарио. Отдельные компактные группы франко-канадцев можно встретить и в западных провинциях Канады. Наконец, к франко-канадской общине нередко относят и метисов, поскольку именно поселенцы французского происхождения наиболее часто вступали в браки с местным коренным населением. Правда, большинство метисов ныне утратили французский язык.

Надо отметить, что в провинциях англоязычной Канады процесс ассимиляции франко-канадцев идет быстрыми темпами. По официальным данным 1990-х годов, уровень «англизации» франко-канадцев за пределами Квебека колебался от 36,7% в Онтарио до 72% в Британской Колумбии⁵. К тому же население французского происхождения, всегда славившееся многочисленными семьями, ныне находится в состоянии демографического упадка. В противовес утрате французского языка во многих регионах страны в провинции Квебек доля населения, владеющего французским языком, напротив, возрастает. Феноменальным можно считать тот факт, что около 100 тыс. жителей Квебека, не имеющих французского происхождения, не только изучили французский, но и перешли на этот язык в своем домашнем общении, что свидетельствует об определенной экспансии французского языка в населении провинции. Французский язык освоили две трети проживающих в провинции англофонов и аллофонов (так называют в Канаде иммигрантов и их потомков, чьим родным языком является не английский или французский, а какой-то другой язык). Эта тенденция обусловлена некоторыми мерами государственного регулирования, принятыми в последние десятилетия, о чем пойдет речь ниже. Феномен возрастания использования французского языка в провинции позволяет ряду исследователей говорить о происходящем в масштабах Канады формировании двух монолингвистических территорий – Квебек и «остальная Канада»⁶.

Согласно данным переписи населения в 2006 г., из 7,4 млн жителей Квебека почти 82% назвали своим языком домашнего общения (*home language*) французский язык и свыше 91% указали на то, что знают французский язык⁷. Английским языком в Квебеке владеет около 45% населения, в том числе 4,5% не знают иных языков, кроме английского. В быту же английский язык использует около 10% жителей провинции.

Таким образом, статистические показатели не дают оснований для «ассимиляционной фобии» франко-канадцев, если говорить отдельно о провинции Квебек. Более того, доля лиц, владеющих французским языком, в населении провинции Квебек неуклонно возрастает. В начале 2000-х годов эта картина, несмотря на приток иммигрантов, фактически не изменилась: более 80% населения провинции считала родным французский язык, а около 100 тыс. жителей (или более 7%) определяли себя двуязычными в быту. Вместе с тем нельзя отрицать и то обстоятельство, что почти 60% населения Квебека, т.е. основная часть населения провинции практически не владеет наиболее распространенным в Канаде английским языком. Это обуславливает

низкую географическую мобильность франкоязычных квебекцев, «запирая» их в границах провинции.

Франко-канадская община страны и прежде всего Квебек сохранили и поддерживают не только язык, но и свои уникальные традиции, а также символы своей идентичности. Речь идет, в частности, о геральдике. Эмблема провинции Квебек – белая лилия, наследница королевской лилии династии Бурбонов во Франции. Эти же четыре лилии на синем фоне и на флаге Квебека, символизирующие исторические связи с прародиной большинства квебекцев. На это и намекает единственная и лаконичная надпись на гербе провинции Квебек в форме девиза «Je me souviens» («Я помню»). Забыть свое французское прошлое – означает потерять свою национальную идентичность. Такова интерпретация этого национального символа.

В Квебеке, как и в других провинциях Канады, существуют свои символы в виде цветка, животного или птицы и дерева, характеризующие особенности своей родины. В 1987 г. Национальная ассамблея Квебека приняла в качестве своего символа полярную сову, которая в отличие от других сов охотится как ночью, так и днем. Полярная сова символизирует огромные северные и приарктические пространства провинции, сохраняющие свою первозданную природу и животный мир. Желтолистная береза, утвержденная в качестве символа, символизирует богатство лесов Квебека, а ее сок – социальное и экономическое благополучие. Вопреки расхожему мнению о том, что цветочным символом провинции является белая лилия, отраженная на гербе провинции, законодательный орган в 1999 г. утвердил по Закону о флаге и геральдических символах в качестве цветочного символа синий ирис, произрастающий в весенние месяцы на большей части территории Квебека. Надо отметить, что все эти символы весьма почитаемы в провинции и, безусловно, служат национальной консолидации населения.

Квебекцы помнят и свои традиции, которые бережно сохраняются по настоящее время. Красочные фольклорные праздники собирают в зимнее время тысячи туристов из разных стран, включая Францию. По посещаемости зимний карнавал в Квебеке уступает лишь известному карнавалу в Рио-де-Жанейро. Сохраняется и традиция празднования 24 июня Дня Жана-Батиста (Иоанна Крестителя), «небесного покровителя» франко-канадцев. Это главный праздник франкоговорящих жителей страны, перекрывающий по масштабам торжества общенационального праздника – Дня Канады, отмечаемого ежегодно 1 июля, в день образования страны. Именно в День Жана-Батиста наряду с религиозными службами, парадами, пикниками и спортивными мероприятиями произносятся важные для провинции политические заявления. Интересно отметить, что традиция проведения такого дня в Квебеке берет начало в 1834 г., когда здесь были организованы мероприятия в знак протеста против господствовавшего тогда британского режима.

Небезынтересно отметить, что свои фестивали с политическими речами, театральными постановками и особенно музыкальными спектаклями проводят и потомки акадийцев в целях сохранения своей французской, но все-таки своей особой культуры. Каждые пять лет проводится и Мировой съезд акадийцев (Acadien World Congress), собирающий тысячи акадийцев со всего мира.

Не случайно квебекцы всегда называли свою родину «Прекрасной провинцией» («La Belle Province»), что свидетельствует об их глубокой привязанности к своей общине и стремлению к обособленности. Объясняя причины этой обособленности, известный российский канадолог-историк Ю.Г. Акимов пишет: «И в XIX в., и в первой половине XX в. франко-канадцы успешно сопротивлялись всем попыткам ассимилировать их, избегали смешанных браков, хранили верность языку, религии и обычаям предков. Высочайший уровень рождаемости среди франко-канадцев, о котором говорят как о «реванше колыбелей», позволил им долгое время сохранять определенный паритет с английской Канадой. Их элита выработала особую систему ценностей, обосновывающую необходимость сохранения этнического своеобразия, «национального выживания». Так зародился франко-канадский национализм, основанный на трех постулатах: католический мессианизм, агрикультурализм, антиэтатизм»⁸. Другой фактор внутренней сплоченности франко-канадской общины отмечает российский этнограф М.Я. Берзина: «В отличие от франко-канадцев британские переселенцы не скоро сплывались в единый народ; даже и сейчас процесс консолидации англо-канадской нации далек от завершения, и она сохраняет (может быть, в еще большей мере, чем американская нация США) значительную внутреннюю разнородность»⁹. Все эти обстоятельства формировали определенный водораздел между двумя основными этническими общинами Канады, проявляющийся прежде всего в культуре и традициях, а затем и в политической сфере. Рассмотрим же основные исторические вехи создания этого водораздела в канадском обществе.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СОЗДАНИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО ГОСУДАРСТВА В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Канаду называют «нацией иммигрантов», с иммиграцией связаны и основные поворотные моменты истории страны. К началу европейской колонизации континента, начавшейся в конце XV – начале XVI в., на территории, занимаемой современной Канадой, проживали порядка 220–350 тыс. человек. Открытие европейцами территории современной Канады связывается с именем Джона Кабота (Джованни Кабото), служившего британскому королю Генриху VII и достигшего берегов Ньюфаундленда в 1497–1498 гг. Однако главное имя, с которым связывается открытие Канады, имеет французское происхождение – Жак Картье. Его экспедиция под французским флагом достигла берегов континентальной Канады в 1534 г. Именно Ж. Картье ввел современное название страны и положил начало французской колонизации Северной Америки во время своих плаваний в 1534–1543 гг. К этому периоду и относится установление французского суверенитета над Канадой, в результате чего на карте мира появляется Новая Франция.

В начале XVII в. король Франции Генрих IV поручил путешественнику и географу Самюэлю де Шамплону активизировать процесс освоения Канады. В 1605 г. основано поселение Пор-Руаяль, в 1608 г. – форт Квебек. Вскоре с целью торговли пушниной были заключены союзы с индейскими племенами. Серьезную поддержку французскому проникновению в Канаду оказала и

католическая церковь, миссионеры которой играли и важную политическую роль в Новой Франции. В 1627 г. кардинал Ришелье для укрепления королевской власти учредил Компанию Новой Франции, под контролем которой находилась территория от Флориды до Великих озер и Полярного круга. В 1642 г. основывается г. Монреаль, в то время основной центр торговли пушниной.

Основными соперниками французов на континенте оказались англичане, которые объявили еще в 1583 г. остров Ньюфаундленд своей колонией, а в 1627 г. основали Новую Шотландию. В ходе разразившихся военных действий в 1629–1632 гг. англичане удерживали территорию Новой Франции. В 1663 г. Новая Франция формально преобразуется в королевскую колонию. Однако ахиллесовой пятой французского присутствия в Канаде был недостаток населения: в это время в Канаде проживали всего около 80 тыс. иммигрантов из Франции. Население британского происхождения быстро возрастало, достигнув почти 2 млн к середине века.

Нарастающее британское колониальное присутствие в Северной Америке и англо-французское соперничество за обладание новыми территориями в XVI–XVIII вв. привело к интенсивным вооруженным конфликтам на территории современной Канады. В результате Семилетней войны (1756–1763) на европейском континенте и заключения Парижского мира Франция отказывается от всех прав на Новую Францию в пользу Британии.

Для упрочения своего положения на новоприобретенной территории Британия принимает в 1774 г. Квебекский акт, по которому сохраняются все права католической церкви, французское гражданское законодательство, французский язык, но при этом включаются в Канаду земли к западу от мест проживания французских колонистов. К тому же в Канаду из США во время войны США за независимость (1775–1783) переселяется около 40 тыс. «лоялистов», выступавших против отделения североамериканских колоний от Великобритании.

По Конституционному акту 1791 г. Канада была разделена на Нижнюю Канаду (с преимущественно французским населением и городами Квебек и Монреаль) и Верхнюю Канаду (с английским населением). Немаловажно отметить, что британская колонизация Новой Шотландии известна в истории Канады и в связи с депортацией в 1775 г. акадийцев.

1 июля 1867 г. Акт о Британской Северной Америке провозглашает создание британского доминиона Канада, объединившего четыре колонии под короной Великобритании (Нижняя и Верхняя Канада, Нью Брансуик и Новая Шотландия). Именно с образования Канады в международной системе стало использоваться понятие «доминион» (Dominion of Canada). В отличие от США Канада была договорной федерацией, в которой все упомянутые провинции-учредители обладали равными правами и обязанностями. Стимулом к объединению канадских провинций послужили интересы экономического развития и непростые взаимоотношения с соседними США*. Столицей ново-

* В период второй англо-американской войны 1812–1814 гг., называемой канадской, войска США потерпели неудачу, поскольку большая часть канадцев поддерживала Великобританию. В 1814 г. в Генте был заключен мирный договор, по которому была образована граница между США и Канадой (преимущественно по 49 параллели).

го государства была выбрана Оттава – город на границе Верхней и Нижней Канады (ныне Онтарио и Квебека).

В дальнейшем, вплоть до первого десятилетия XX в. территория Канады значительно расширилась путем вхождения в образованную конфедерацию новых провинций, ныне формирующих современную Канаду. Последней из них присоединилась провинция Ньюфаундленд лишь в 1949 г. Во всех новых провинциях доминировали британские традиции и использовался английский язык.

Таким образом, главным вопросом для франко-канадцев стал вопрос о равных с англоговорящей частью позиций и правах в канадском государстве. Именно он лежит в основе квебекского национализма, перерастающего порой в открытый сепаратизм.

ФЕНОМЕН КВЕБЕКСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Квебекский национализм имеет свою историю. Как отмечалось, вплоть до начала XIX в. франкоговорящее население страны составляло большинство. Однако его доля неуклонно снижается. Основная часть франко-канадцев ныне проживает в провинции Квебек, все более «концентрируясь» в ее границах. Как отмечал известный российский канадовед К.Ю. Барановский, «перспектива постепенной языковой ассимиляции, казалось бы, неизбежная в силу анклавного положения Квебека в гигантской массе англоязычного населения всей Северной Америки, нередко воспринимается как путь, неизбежно ведущий к гибели франко-квебекской нации»¹⁰.

Среди франко-квебекцев бытует «ассимиляционная фобия» – устойчивое опасение того, что в Квебеке французский язык находится под угрозой ассимиляции его английским языком. Это обстоятельство порождает среди квебекцев страх «невостребованности» канадским обществом, социальной и профессиональной изоляции. «Страх перед “англизацией” является источником той поддержки, которую в Квебеке имеет идея независимости», – писал в свое время Стефан Дион, бывший лидером Либеральной партии Канады в начале 2000-х годов¹¹.

К тому же у квебекцев накопился длинный список исторических обид на англоязычную Канаду. Это утрата прежней роли ведущей нации страны, «комплекс» завоеванной нации и те очевидные притеснения в социальной роли франкоканадцев, которые они испытывали практически до середины прошлого века, нередко считаясь гражданами второго сорта. Поэтому националисты в Квебеке считают, что их нация обречена на постепенную ассимиляцию англоговорящим большинством страны, если Квебек останется в Канаде, лишь суверенитет и полноценное государственность Квебека может обеспечить сохранение франко-квебекской самобытности.

Наконец, опыт совместного проживания в течение первых ста лет в одном государстве оказался по своим результатам разным для британской и французской общин. «Так как контроль в экономической области, – пишет историк В.А. Коленко, – находился в руках крупной англо-канадской буржуазии и вообще деловая, промышленная буржуазия была преимущественно британского происхождения, надстройка квебекского общества во многом

зависела от другого англо-канадского общества, ценности которого, однако, не проникли внутрь франкоканадской общины»¹². Преимущественно аграрная, с относительно невысоким уровнем урбанизации, с отсталой системой образования, с достаточно высоким уровнем безработицы в городах (занятость только в сфере «синих воротничков») провинция Квебек, а вернее ее франкоговорящее население оказалось фактически в положении «падчерицы» в союзе равноправных провинций канадской федерации. И эти обстоятельства все более изолировали франко-канадскую общину от всего канадского общества.

На этом фоне на рубеже 60–70-х годов прошлого века происходит рост националистических настроений в Квебеке, а «национальный вопрос» ставится на повестку дня всей федерации. В это же время обостряется борьба между англо- и франкоканадской элитами за контроль над политической и экономической жизнью провинции. Борьба квебекских трудящихся и профсоюзов за свои социальные и профессиональные права также оказалась одним из факторов роста националистических настроений¹³.

К тому же бурные в политическом плане шестидесятые годы, известные подъемом в мире, особенно в молодежной среде левых настроений не могли не обойти Канаду. Созданный в 1963 г. Фронт национального освобождения Квебека предпринял многочисленные террористические атаки против государственных деятелей и служб. Однако именно эти события, произошедшие во время так называемого октябрьского кризиса 1970 г. – одного из самых острых внутренних кризисов за всю историю Канады, направили общественное движение за независимость в русло ненасилия и толерантности. Во время упомянутых событий федеральное правительство первый и единственный раз в условиях мирного времени ввело в действие Закон о мерах военного времени. Причиной такого решения послужил захват террористическим Фронтом национального освобождения Квебека двух заложников – английского торгового атташе в Монреале Джеймса Кросса и министра по труду и иммиграции в правительстве Квебека Пьера Лапорта, который впоследствии был убит. Мирная Канада, свыше ста лет не знавшая политических убийств, была ошеломлена произошедшим. Общественность, которая поначалу рассматривала введение военного положения как неоправданно жесткую меру, твердо встала на сторону федерального правительства. Главный урок «октябрьского кризиса» состоял в том, что квебекские анархо-террористы потеряли поддержку в обществе, а политические убийства, взрывы и другие акты насилия были повсеместно признаны неоправданными ни при каких обстоятельствах. Сепаратисты в Квебеке под угрозой полной изоляции и исчезновения с политической сцены были вынуждены взять на себя обязательства действовать только ненасильственными методами и в рамках закона. Терроризм оказался в Канаде не только вне закона, но и вне какой-либо поддержки со стороны общества.

Альтернатива радикальному подходу к обеспечению своих прав и независимости Квебека зародилась в квебекском обществе накануне 1960-х годов.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА «ТИХОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В КВЕБЕКЕ, ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В послевоенный период произошли заметные изменения в квебекском общественном укладе. Быстрый рост городского населения и связанное с ним появление франкоязычного среднего класса, получение образования франко-канадцами в колледжах и университетах страны привели к ослаблению изоляционизма квебекского общества. Этому способствовали и трудовые конфликты, подъем рабочего движения, в рамках которого были воспитаны и некоторые будущие политические фигуры квебекского и общеканадского масштаба. Среди них, например, будущий премьер-министр страны Пьер Элиот Трюдо, с именем которого ныне связываются многие достижения канадского государства, в том числе упрочение федеративного устройства страны.

Старая политика поддержания аграрного и консервативного уклада с опорой на католическую церковь и отрицанием роли профсоюзов и рабочего движения во имя сохранения национальных традиций и языка оказалась нежизнеспособной в деле обеспечения прав франкоязычного населения. Выразителем прежней политики был, в частности, премьер Квебека и лидер провинциальной Национальной партии Морис Дюплесси (1936–1939, 1944–1959) Поэтому к 1960-м годам квебекское общество уже было готовым к политическим переменам.

Пришедшая к власти в июне 1960 г. Либеральная партия Квебека во главе с Жаном Лесажем приступила к реформам, в задачу которых входило улучшение всей социальной и образовательной инфраструктуры провинции, непосредственное участие правительства в хозяйственной деятельности, борьба с коррупцией и отделение католической церкви от светской жизни. Одновременно были созданы условия для развертывания и накопления национально-инвестиционного капитала, принято новое пенсионное законодательство. В то же время некоторые ведущие отрасли и прежде всего энергетика были национализированы и поставлены под государственный (провинциальный) контроль. Все эти преобразования были осуществлены в короткие сроки и получили название «тихой революции» («quiet revolution»).

«Тихая революция» в конечном счете превратила патриархальный, аграрный Квебек в высокоразвитую провинцию, по своему экономическому потенциалу занявшую второе место после Онтарио, а по ряду показателей и превосходящую наиболее развитую провинцию страны. Франкоканадский капитал стал контролировать более двух третей экономики провинции, а в сфере управления, науки и культуры Квебека стала доминировать франкоязычная элита. До 1960-х годов Квебек, как считает канадский исследователь Даниель Латуш, был замкнут в отсталой культуре («culture of backwardness»), в которой господствовал католицизм и французское наследие якобинства и феодализма¹⁴.

Вот как описывают произошедшие перемены франко-канадские исследователи: «Несмотря на свою численность, квебекцы французского происхождения были в социально-экономическом плане доминирующим большинством в 1960 г. и гражданами второго сорта на собственной территории. Их средний доход был значительно меньше, чем у других этнических групп. Во

время «тихой революции» и в последующем ситуация радикально изменилась. Квебекцы французского происхождения получили в свои руки контроль над экономикой, и их уровень жизни значительно улучшился»¹⁵. В 1970 г. на той же работе канадец британского происхождения зарабатывал в среднем на 20% больше канадца, говорящего только на французском языке, и на 11% больше, чем франко-канадец, владеющий двумя языками¹⁶.

Самые серьезные изменения во время «тихой революции» произошли в роли католической церкви. Надо при этом напомнить, что 90% всех жителей провинции исповедуют католицизм. «Под влиянием антиэтатистских идей, долгое время культивируемых консервативной элитой Квебека, – потличает российский историк В.А. Коленко, вся область социального обеспечения в провинции практически оказалась в руках католической церкви»¹⁷. Об этом же пишут и известные российские канадоведы С. Данилов и А. Черкасов: «Вплоть до 60-х годов XX в. влияние духовенства в Квебеке, особенно в сельской местности, было громадным – гораздо большим, чем в англоязычной Канаде. Долгое время священнику, а не родителям принадлежало решающее слово при планировании количества детей в семье, он играл важную роль в воспитании подрастающего поколения, с ним советовались при выборе жизненного пути. Церковь контролировала начальную школу и часть прессы»¹⁸. После «тихой революции», всего лишь за десятилетие католическая церковь потеряла контроль над системой образования: школьные священники постепенно сократились в своем числе, а затем и религиозные занятия исчезли из обязательных школьных программ, из колледжей и больниц, где до этого обычно несли свою службу католические священники.

Нарастающий плюрализм квебекского общества привел фактически к отделению светской жизни от религиозной. Все больше функций, некогда выполнявшихся церковью, передавалось светской власти. Резко упало и членство квебекских мирян в религиозных общинах: с 45 тыс. в 1961 г. до 29 тыс. в 1978 г., причем на 75% сократилось членство мужской части религиозных общин¹⁹. В настоящее время влияние католицизма упало еще более разительно: число прихожан, посещающих воскресную мессу, сократилось с 88% в 1957 г. до 20% в 2009 г., причем число прихожан в возрасте с 18 до 34 лет едва достигает 5% от населения в этой возрастной категории²⁰.

Общее число священников в Квебеке за относительно небольшой период сократилось вдвое: с 8,4 тыс. в 1960 г. до 4,3 тыс. в 1981 г. В настоящее время средний возраст священников превышает 70 лет.

Небезынтересно в этой связи отметить, что государственная регистрация браков стала законной в Квебеке только в 1968 г. И уже в 1983 г. почти четверть (23 %) всех браков была зарегистрирована не церковью, а государственными организациями²¹. В целом к нынешнему времени религиозная картина в Квебеке значительно поменялась, как под влиянием тех, кто исповедует другие христианские религии, так и в связи с поиском иных религиозных течений вне церкви (движение кришнаитов, последователи Гуру махарай и др.). Немаловажный фактор для всей Канады – нарастающая тенденция принятия атеистических воззрений.

«Тихая революция» была сопряжена и с заметными изменениями в этническом составе иммиграционного потока. Так, в послевоенный период до 1961 г. в этом потоке главную роль играли немцы, австрийцы, французы и

евреи. Однако в десятилетие 60-х резко возрос приток переселенцев именно из Франции (почти 40 тыс.)²², что дополнительно спровоцировало подъем национальной идеи. Именно нарастание националистических настроений вызвало международный скандал, связанный с официальным визитом в Квебек в 1968 г. Президента Франции генерала де Голля, провозгласившего публично лозунг «Да здравствует свободный Квебек», за что и был выпровожен из Канады.

В 1960-е годы в Квебеке было сформировано свое министерство по иммиграции, имевшее целью поощрение приезда в провинцию франкоговорящих переселенцев. Однако первоначальный отбор кандидатов на иммиграцию пока оставался в компетенции федерального правительства. И только в 1978 г. провинциальная администрация Квебека получила право на собственный выбор иммигрантов в составе федеральной комиссии.

Хотя значительные сдвиги произошли в системе образования и всей социальной сфере, главные перемены все-таки охватили экономическую сферу. Занять же ключевые позиции в хозяйстве провинции и выиграть конкурентные позиции у англо-саксонских фирм франко-канадский капитал смог только при прямой поддержке правительства провинции. В первую очередь был расширен сектор государственных услуг: если в 1950-х годах здесь было занято около 28 тыс. служащих, то к концу 1960-х годов их число превзошло 70 тыс. человек. Да и в целом благодаря реформам квебекское общество быстро модернизируется в это время, происходит социальная эмансипация франко-квебекцев, обусловленная, как их приобщением к современной системе образования так и освоением ими новых социальных ролей в бизнесе, управлении, технических специальностях.

Разрыв с традиционным образом жизни в квебекском обществе имел и негативные последствия. Снижение уровня рождаемости привело к тому, что впервые в истории провинции доля франко-канадцев в населении Квебека стала снижаться. А это, в свою очередь, способствовало распространению ассимиляционной фобии. Традиция содержания многодетных семей быстро ушла в прошлое после 1960-х годов. Несмотря на строгий запрет со стороны церкви контрацептивов*, появившихся здесь в начале 1960-х годов, их использование стало повсеместным. В результате семьи с одним-двумя детьми стали нормой для франко-канадского общества. В целом же «тихая революция» оказала огромное влияние на семейный уклад в Квебеке, не затронув при этом традиционное отношение к семье, как основному звену квебекского общества. Так, число супружеских пар возросло с 1,1 млн в 1961 г. до 1,6 млн в 1981 г., но семьи, как отмечалось, стали малочисленными.

На этом фоне, а также на волне экономического подъема и роста левако-националистических настроений в молодежной среде широко распространяется идея независимости Квебека, которую вскоре подхватывает и вводит в респектабельно-парламентское русло Квебекская партия, созданная в 1968 г. Ее первый лидер Рене Левек, выросший из либералов, уже на выбо-

* Аборты преследовавшиеся в уголовном порядке, были легализованы в Квебеке в 1969 г. вследствие катастрофических последствий нелегальных операций. Их число быстро возросло с 1,2 тыс. в 1971 г. до более 6 тыс. в 1984 г., что составляло 18,3% от числа новорожденных. Но при этом использование абортов оставалось на 40% ниже, чем в США, и на 23% ниже, чем в англоязычной провинции Онтарио из расчета на число новорожденных.

Таблица 7

Использование французского языка в быту в Канаде в 1970-е годы*

Провинция	Население французского происхождения	Население, использующее французский язык в быту	Процент канадцев, использующих французских язык в быту
Квебек	4 759 360	4 870 105	102,3
Онтарио	737 360	352 465	47,8
Ньюфаундленд	15 410	2295	14,9
Новая Шотландия	80 215	27 220	33,9
Нью Брансуик	235 025	199 080	84,7
Остров принца Эдуарда	15 325	4405	28,7
Манитоба	86 510	39 600	47,8
Саскачеван	56 200	15 930	28,3
Альберта	94 665	22 700	24,0
Британская Колумбия	96 550	11 505	11,9
Канада в целом	6 180 120	5 546 025	89,7

* *McRoberts K. Misconceiving Canada. The Struggle for National Unity. Oxford University Press. Toronto; New York, 1997. P. 87*

рах 1970 г. привел к заметному положению представительства Квебекской партии в законодательном собрании провинции – Национальной ассамблее (24% голосов). В 1976 г. Квебекская партия одерживает победу на провинциальных выборах и находится непрерывно у власти до 1986 г.

Одним из первых шагов Квебекской партии, которая твердо упрочила себя в истории Канады, как сепаратистская партия, было принятие в 1977 г. Хартии французского языка. Национальная ассамблея одобрила этот закон, действующий и поныне в провинции Квебек под номером 101, который объявил французский единственным языком провинции Квебек и вводил его обязательное употребление на рабочих местах, в школах, торговле и всех сферах общественной жизни, на которые распространяется провинциальное законодательство.

Надо отметить, что федеральные власти, равно как и другие провинции Канады до сих пор не признают правомочности этого закона, считая, что он противоречит канадской конституции, гарантирующей всем гражданам страны равное право использования обоих государственных языков Канады на всей территории страны. Однако какого-либо практического противодействия применению этого закона никогда не оказывалось из-за взрывоопасности вопроса, рассмотрение которого может оказаться выгодным для сепаратистов для создания конфликтной ситуации по поводу языка между федеральным центром и Квебеком. Да и в самом Квебеке закон 101 всегда был и остается объектом острой политической борьбы. Но при этом надо заметить, что силы, выступающие в оппозиции закону, ратуют лишь за его смягчение в пользу двуязычной модели. Вместе с тем ныне более 80% детей иммигрантов, прибывающих в Квебек, в соответствии с требованиями этого закона, обучаются в школах на французском языке. Кроме того, социологические исследования показывают, что знание французского языка для жителей провинции оказывается более важным, чем знание английского, что

свидетельствует о коренном изменении лингвистической ситуации в сфере трудоустройства по сравнению с предшествующим периодом.

В результате, как отмечалось выше, изменяется и динамика использования французского языка на бытовом уровне. Если ранее все меньше жителей провинции использовали французский язык в быту, то сейчас французским языком до уровня, позволяющего общаться в семье, овладевают многие иммигранты, приезжающие из других стран (см. табл. 7).

На этом фоне противоположный характер носит тенденция использования французского языка жителями других провинций и территорий страны. Здесь даже среди франко-канадских жителей использование родного языка заметно уменьшается.

КВЕБЕКСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ

В поисках нового политического статуса для провинции Квебек в недрах франко-канадской общины зародились некоторые новые подходы к решению национальной проблемы в Канаде. В качестве одного из наиболее обсуждаемых подходов можно упомянуть идею «суверенитета-ассоциации» для франкоговорящей провинции. Ее родоначальником был упомянутый выше Рене Левек, который основал и одноименное общественное движение, на базе которого и возникла Квебекская партия. За основу идеи «суверенитета-ассоциации» была фактически взята модель межгосударственных отношений, сложившаяся затем в Европейском союзе. Она предполагает, что суверенные Квебек и англоязычная Канада могли бы объединиться по примеру стран ЕС в тесный экономический союз, в рамках которого сохранились бы единый центральный банк и общая валюта – канадский доллар.

Поэтому уже в 1980 г. Квебекская партия приводит квебекцев на референдум, на котором предлагает им поддержать идею политического суверенитета Квебека при его экономической ассоциации с остальной, англоязычной Канадой. Но при этом надо отметить, что подавляющее большинство англоканадцев отказывалось принимать эту идею, рассматривая Квебек не как равного партнера всей англоязычной Канады, но лишь как одну из десяти провинций страны. Не овладела идея «суверенитета-ассоциации» и квебекским населением: на провинциальном референдуме 1980 г. 60% проголосовавших жителей Квебека ее отвергли. Результаты референдума породили серьезные разногласия внутри Квебекской партии. С одной стороны, образовалось крыло «непримиримых» националистов, выступающих за полную независимость Квебека, а с другой стороны, все большую силу стали набирать либеральные позиции партийной элиты, склоняющиеся к переговорам с федеральным центром.

Именно переговоры с консервативным правительством Б. Малруни в 1986–1987 гг. привели в конечном счете к соглашению между федерацией и правительством Квебека, известного под названием «Мичлейкского соглашения» (по месту подписания соглашения). Предварительный договор, в частности, предусматривал предоставление Квебеку «особого статуса» т.е. расширенной автономии в составе канадской федерации («мягкий вариант

суверенитета-ассоциации», как расценили эту идею многие франко-квебекцы). Кроме того, по соглашению, подписанному федеральным правительством и провинцией в 1987 г., Квебек получал право «вето» на вносимые поправки в Конституцию Канады, закреплял определенное число мест в Верховном суде страны, расширял свои полномочия в бюджетной сфере и в иммиграционной политике.

Соглашение, имеющее конституционный характер, должно было быть утвержденным всеми провинциями Канады. Однако в 1990 г. законодательные собрания двух англоговорящих провинций – Манитобы и Ньюфаундленда – высказались против подписанного соглашения. Возникший таким образом кризис в решении «квебекского вопроса» породил новую националистическую волну в Квебеке. В свою очередь, парламент провинции Альберта выдвинул проект реформы Сената, верхней палаты канадского парламента, который предполагал введение избирательной системы в процесс формирования палаты (до сих пор сенаторы в Канаде назначаются, а не избираются). Подобная реформа могла бы уравнивать представительство различных провинций страны в Сенате в соответствии с численностью населения. Так, в настоящее время две крупнейшие провинции Канады – Онтарио и Квебек – имеют большее представительство – по 24 сенатора из общего числа в 105 сенаторов. Эта инициатива была поддержана и парламентами ряда других англоговорящих провинций.

В процессе поисков выхода из кризиса и дальнейших переговоров в 1991 г. был создан новый пакет соглашений, учитывающий как интересы Квебека (предоставление особого статуса Квебеку, распределение полномочий между центром и провинциями и др.), так и англоговорящих провинций (реформа Сената, создание Совета Федерации, как высшего совещательного органа и т.п.). Этот пакет, получивший название Шарлоттаунского соглашения, был выставлен в 1992 г. на всенародный плебисцит с тем, чтобы обойти возможные препятствия его прохождения в парламентах провинции. Однако на вопрос плебисцита «Согласны ли вы, что конституцию Канады следует изменить на основе данного соглашения?», 54,3% участвовавших в плебисците ответили «нет». Показательно, что отрицательно ответило на поставленный вопрос не только население большей части англоговорящих провинций (все западные провинции и Новая Шотландия), но и население самого Квебека. Провал в решении главного конституционного вопроса страны означал конец в попытках федерального правительства умиротворить националистические настроения в Квебеке, стал своего рода детонатором нового взлета квебекского сепаратизма, на волне которого в 1992 г. образуется уже общенациональная партия – Квебекский блок (КБ), представляющая ныне интересы квебекских сепаратистов в федеральном парламенте Канады. Идея независимости Квебека выходит даже за рамки провинциальных границ. Люсьен Бушар, лидер в то время федеральной партии Квебекский блок, в 1994 г. выступил с обращением «Франкофоны Америки: время действовать», в котором призывал создать «международный» Секретариат по американской франкофонии с тем, чтобы взаимодействовать с различными группами французского происхождения вне пределов Квебека²³.

На волне возрастающего национализма в 1994 г. на провинциальных выборах в Квебеке вновь побеждает Квебекская партия, возглавляемая пред-

ставителем так называемого «непримиримого», т.е. крайнего крыла сепаратистов Ж. Паризо, сменив находившуюся у власти во время переговоров с федеральным правительством Либеральную партию. Правительство «непримиримых» незамедлительно приступило к организации референдума по поводу политической независимости Квебека. При этом следует отметить, что по действующему в Квебеке законодательству для «суверенизации» Квебека необходимо, чтобы за нее было подано простое большинство голосов на референдуме. Право же на проведение провинциальных референдумов входит в сферу полномочий провинциального правительства, формируемого партией, победившей на выборах в провинции. И уже в октябре 1995 г. проходит второй референдум о суверенитете Квебека, на котором в пользу суверенитета высказалось 49,4%, т.е. почти половина голосовавших, причём за суверенитет проголосовало большинство франкоквебекцев (по данным проводившихся в момент референдума опросов-примерно 60%). Хотя и на этот раз сепаратистам не удалось достичь искомого ими результата, (преодолеть порог в «50%+1голос», который они считают достаточным для получения ими мандата на «суверенизацию» провинции)*, морально-политический успех Квебекской партии оказался несомненным. Сторонники суверенитета Квебека почти вплотную подошли к искомому результату. Населению же всей Канады был послан сигнал об актуальности и остроте «квебекской проблемы».

Вместе с тем в результате проведенного референдума стало ясно и то, что жесткость и экстремизм могут повредить целям сепаратистов, в частности, Квебекской партии. Умеренный вариант суверенитета поддерживался средним классом и влиятельными кругами бизнеса. Именно поэтому выразителем умеренных сторонников суверенитета стала возникшая в 1993 г. партия Демократического действия и во многом Квебекский блок, представлявший квебекских сепаратистов в федеральном парламенте страны. В этих условиях лидеры трех националистических партий подписали соглашение о выдвижении на референдум смягченной формулировки вопроса: суверенитет Квебека с сохранением экономических и политических связей с Канадой, в том числе единая валюта, единый государственный банк, общий парламент и исполнительная власть. В случае отказа от такого союза со стороны Канады Квебекская партия планировала провозглашение суверенитета Квебека в одностороннем порядке. В немалой степени отсутствие победы у суверенистов на референдуме связано и со сдвигами в самоидентификации населения Квебека: все больше его жители идентифицировали себя с Канадой, страной их проживания (см. табл. 8).

Однако вопреки создаваемым коалициям Верховный суд Канады принимает в 1998 г. специальное решение о неправомочности выхода провинций из федерации без согласия всех членов федерации. В дополнение Парламент Канады в 1999 г. по инициативе премьер-министра Жана Кретьена принимает так называемый Закон о прозрачности (Clarity Act), позволяющий

* Отстаивая достаточность порога в «50%+1голос», суверенисты ссылаются на прецедент проводившегося в 1949 г. референдума о вступлении Ньюфаундленда на правах провинции в состав Канадской федерации. Тогда именно этот порог был официально назван достаточным для признания правомочности результатов референдума.

Таблица 8

**Самоидентификация франкоговорящих жителей провинции Квебек
накануне референдума 1995 года**

Квебекцы и только	29%
Квебекцы в первую очередь, но и канадцы	29,1%
Квебекцы и канадцы в равной степени	28,1%
Канадцы в первую очередь, но и квебекцы	6,7%
Канадцы и только	5,4%
Никто из вышеперечисленных	1,2%
Не знаю	0,5%
* <i>McRoberts K. Misconceiving Canada... P. 247</i>	

федеральному парламенту давать оценку прозрачности и четкости поставленного вопроса на референдуме провинциального уровня с тем, чтобы определить правомочность принятого на референдуме решения. Жалобы националистов Квебека на нелегитимность такого закона опять же были отклонены Верховным судом Канады.

Вариант «частичной суверенизации», включавший и получение Квебеком особого статуса в рамках Канадской федерации, стал основным лейтмотивом в дальнейшей политике правительства Квебека. Непримириемые, составлявшие основное ядро Квебекской партии, стали постепенно отодвигаться на второй план. Их идеология полной независимости Квебека стала подвергаться сомнению как со стороны населения провинции, так и среди политической верхушки партии. На смену в руководстве партии приходят «умеренные» во главе с Люсьеном Бушаром, а в самой партии намечается раскол. Непримириемых обвиняют в том, что их политические акции и несдержанность в националистической риторике отталкивают колеблющуюся часть электората, обрекая тем самым на неудачу саму «стратегию референдумов» – единственное средство, способное привести Квебек к независимости. Умеренным же предъявляются претензии в оппортунизме и предательстве национальных интересов. При этом важно отметить, что даже непримириемые выступали исключительно за мирный демократический путь суверенизации, при этом поддерживали идею особого статуса для Квебека, рассматривая этот шаг признания как промежуточную цель или программу-минимум.

Новая победа Квебекской партии на очередных провинциальных выборах в ноябре 1998 г. произошла уже на фоне снижения поддержки идеи суверенитета со стороны населения Квебека. Опросы общественного мнения показали, что к концу 2000 г. идею независимости провинции поддерживало немногим более 40% населения. Это обстоятельство вынудило правительство Л. Бушара отложить проведение нового референдума до того момента, когда, по его словам, для этого будут созданы «победные условия»²⁴. Для обеспечения таких условий был взят курс на дальнейшую поддержку «французского компонента» в общественной и культурной жизни провинции. Однако главная надежда на пути суверенизации связывалась с экономическим подъемом в провинции. Именно экономика небольшой по численности населения провинции, как считали лидеры националистов, с наличием богатых природных ресурсов, высокотехнологичных отраслей и квалифицированной

рабочей силы могла бы превратить провинцию в богатую, самодостаточную и процветающую страну, убедить население в целесообразности жить отдельно от остальной Канады.

Парадоксальным фактом оказалось то обстоятельство, что именно экономический подъем, в котором правительство Квебека действительно преуспело, привел к тому, что интерес к суверенизации провинции со стороны населения не только не возрос, но, напротив, резко пошел на спад. И, как следствие, радикально изменилась расстановка политических сил в провинции.

Провинциальные выборы в Квебеке всегда получали общенациональное звучание, являлись важнейшим элементом всей внутривнутриполитической жизни всей страны. И это не случайно, ведь долгие годы правления сепаратистской Квебекской партии всегда были сопряжены с острым противостоянием между федеральным центром и провинцией Квебек по конституционным, политическим, правовым и другим вопросам. Именно поэтому убедительная победа Либеральной партии Квебека на выборах весной 2003 г. оказалась своего рода умиротворяющим событием, снявшим напряжение внутри федерации. Либералы, никогда не выступавшие за отделение провинции от федерации, получили квалифицированное большинство в Национальном собрании Квебека – 76 мест из 125 общего числа депутатских мест. Квебекская партия получила всего 45 мест. За радикальную партию проголосовала треть всех принявших в выборах избирателей провинции*, тогда как в лучшие годы Квебекской партии за нее голосовала почти половина избирателей. Еще большим поражением Квебекской партии оказались выборы 2007 г., в которых она получила 36 мест в Национальном собрании и немногим более 28% голосов избирателей.

Разбираясь в причинах спада интереса со стороны населения провинции к радикально настроенной партии, можно выделить как политические, так и экономические факторы. В политическом плане поражение Квебекской партии в определенной степени связано с появлением «третьего игрока» на политической арене Квебека, а именно Демократического действия Квебека (ДДК). Созданная в 1993 г. ДДК объявила себя «умеренной сторонницей суверенитета», что, в конечном счете дало ей возможность получить поддержку многочисленной группы квебекских избирателей, не способных до конца определиться в своих электоральных предпочтениях, а потому постоянно колеблющихся между политическими идеалами суверенитета и федерации. Подвергаясь резкой критике со стороны «непримиримых» (по образному выражению Ж. Паризо нельзя быть «беременным наполовину»), партия, тем не менее, стремилась разработать такие модели, которые обеспечили бы Квебеку сохранение всех тех преимуществ, которыми он располагает, находясь в составе Канадской федерации. На упомянутых выборах 2003 г. ДДК получила более 18% голосов, отняв преимущественно голоса избирателей у Квебекской партии.

Наконец, на федеральном уровне сильнейшее поражение на выборах 2011 г. получил Квебекский блок, всегда представлявший в федеральном

* В политической системе Канады принята мажоритарная модель выборов, в которой депутатами парламента избираются победившие в избирательных округах.

парламенте интересы суверенистов. В этот раз четыре избранных депутата от Квебекского блока и потеря практически 90% мест могут говорить если не о крахе партии, то о глубоком кризисе представляемых этой партией политических задач. По крайней мере они свидетельствуют о том, что отстаиваемые в федеральном парламенте почти два десятилетия идеи суверенизации и независимости Квебека становятся даже для избирателей во франко-канадской среде приоритетами «второго плана». Квебекский блок, как федеральная партия, действует с 1991 г. Партия не имеет отделений и не выдвигает кандидатов на выборах в каких либо других провинциях Канады кроме Квебека. Однако около полусотни депутатов из 75, входящих в Палату общин от провинции Квебек, всегда представляли Квебекский блок. В 1993–1997 гг. Квебекский блок даже был официальной оппозиционной партией в Парламенте Канады, имея 54 депутата в Палате общин. В 2011 г. подавляющая часть квебекцев на федеральных выборах отдала голоса не националистической партии, а Новой демократической партии, являющейся партией социал-демократического толка и провозглашающей задачи социального и экономического характера.

ФАКТОРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРНОМУ РАЗЛОМУ В КАНАДЕ

ЭКОНОМИКА КАК ФАКТОР ПРОТИВОВЕСА НАЦИОНАЛИЗМУ

Однако главную роль в снижении интереса к суверенизации Квебека, как представляется, сыграли все-таки экономические обстоятельства. Квебек в настоящее время представляет собой один из наиболее развитых экономических районов Канады. Динамично развивающаяся провинция, с опережающими темпами роста высокотехнологичных отраслей, таких, как производство телекоммуникационного оборудования, фармакология, самолетостроение, автомобилестроение, алюминиевая и бумажная промышленность, стала привлекательной и для инвестиционных вложений, как национальных, так и иностранных. Этому в немалой степени способствовала и политика правительства провинции, создавшая особо выгодные условия для инвестиций в науку и подготовку высококвалифицированной рабочей силы²⁵. По затратам на науку и образование, например, провинция Квебек обходит общенациональные показатели. Только в финансовом секторе экономики провинции работает свыше 155 тыс. человек, а сектор этот ныне занимает 32-ое место в финансовой иерархии современного мира²⁶.

По своему национальному богатству этот регион (его ВВП оценивается на сегодняшний день почти в 300 млрд долл., что составляет пятую часть национального богатства всей Канады) может состязаться со многими странами мира. По масштабам своей нынешней экономики Квебек занимает 45 место в ряду отдельных стран и регионов, опережая, например, Данию, Финляндию, Ирландию и другие страны²⁷.

Вместе с тем экономика Квебека в свое время столкнулась с рядом проблем, некоторые из них напрямую связаны с неурегулированностью квебекского вопроса. Так, проведение упомянутых выше референдумов о суверени-

Таблица 9

**Динамика изменения соотношения между городским
и сельским населением в провинции Квебек***

Год	Все население, тыс. человек	Городское население (в% от всего населения)	Сельское население (в% от всего населения)
1851	892	15	85
1901	1 649	40	60
1931	2 874	63	37
1961	5 259	74	26
1981	6 438	78	22
2001	7 139	80	20
2006	7 546	80	20

* Population urban and rural, by province and territory (Quebec).

тете Квебека – в 1980 и 1995 гг. – сопровождалось массированным «исходом» штаб-квартир крупнейших канадских банков и компаний из Монреаля в Торонто. Конечно, «исход» хозяйствующих субъектов из провинции Квебек касался главным образом предприятий и институтов, принадлежащих англо-канадскому капиталу. Франко-канадский капитал, напротив, укреплял свои позиции в провинции, контролируя ныне около двух третей всей экономики. Однако конечным результатом этого процесса было то обстоятельство, что город Торонто закрепил за собой положение экономического и финансового центра Канады, в то время как ранее это лидерство принадлежало Монреалю.

По мере укрепления и укрупнения франко-канадского капитала в провинции возникли и расширились противоречия в этой социальной группе по вопросу суверенитета. Дело в том, что подавляющая часть крупного капитала, будучи связанная со всей экономикой страны, всегда выступала в качестве противника суверенитета, хотя и поддерживали процесс децентрализации канадского государства. И напротив, средние и мелкие предприниматели в провинции во все времена были опорой националистов. Эти же противоречия возникли и углубились между постоянно возрастающим городским населением провинции (см. табл. 9) и традиционно настроенным в пользу независимости сельским населением Квебека.

Экономические интересы провинции все более увязываются с хозяйственным комплексом страны, а также соседних США, с которыми у Квебека ежегодный товарооборот сейчас составляет более 60 млрд долл. Развивая свои экономические и культурные связи с США, провинция Квебек имеет определенные преимущества по сравнению с англоязычной Канадой, перед которой всегда стояла угроза «американизации». Отмечая это обстоятельство, канадские исследователи, в частности, пишут: В отличие от «остальной Канады» франко-канадцы «не чувствуют угрозы со стороны Голливуда, журнала Таймс, американского вещания и изданий. Другой язык является профилактикой против американского культурного “империализма”²⁸.

Вместе с тем надо отметить, что эти тесные связи с США во время референдумов о независимости провинции порождали во франко-канадской среде иллюзии в отношении будущего экономики «суверенного Квебека». И

лишь «холодная» позиция США к референдумам, результаты которых грозили разделить Канаду и разрушить интеграционный союз Северной Америки – НАФТА, привела к разрушению этих иллюзий.

Наконец, следует сказать и о том, что в середине 1990-х годов в провинции был принят закон, обеспечивающий равенство зарплаты, вне зависимости от национальности, расы или гендерной принадлежности. За исполнением этого закона следит учрежденная в рамках провинциального правительства комиссия. Все это так или иначе сглаживает межэтническое напряжение в обществе.

ФАКТОР ИММИГРАЦИИ В СУБЕРЕНИЗАЦИИ КВЕБЕКА

Известно, что с иммиграцией связано становление современной Канады с присущим только ей обликом, ее национальной самобытностью. Более 96% современных канадцев – это потомки иммигрантов из различных стран, которые прибыли сюда за последние четыре века. И в настоящее время практически каждый пятый канадец родился за ее пределами. С учетом относительно небольшой численности населения Канада принимает иммигрантов и беженцев сравнительно больше, чем любая другая развитая страна.

При этом удельный вес иммигрантов в населении страны постоянно растет. Так, в 2001 г. в Канаде проживали 5,4 млн иммигрантов (людей, родившихся за пределами Канады), что составляло 18% населения страны. Для сравнения отметим, что в 1991 г. этот показатель был 4,3 млн, или 16% от населения страны²⁹. В 2006 г. число канадцев, родившихся за рубежом, возросло до 6,2 млн или почти 20% от населения страны. Только еще в одной стране – в Австралии – доля иммигрантов в населении страны еще выше (22%). В США этот показатель составляет лишь 11%.

Основным документом послевоенного законодательства в Канаде был Иммиграционный закон 1952 г., который по-прежнему предоставлял преимущества для граждан «предпочтительных» рас, этнической принадлежности и культуры. Причиной отказа во въезде могли служить как национальность, так и социальное положение иммигранта. При решении вопроса о приеме переселенцев формально учитывались способности иммигранта к быстрой ассимиляции в канадском обществе.

Новые иммиграционные правила, принятые в 1962 г., положили начало снятию расовых ограничений. Отныне так называемые независимые иммигранты* должны были приниматься в зависимости от их профессионального статуса и наличия финансовых средств, а не на основе их этнического происхождения, что имело место в предыдущие годы. В соответствии с новыми правилами за иммигрантов могли поручиться их близкие родственники. Тем не менее в законе оставалось положение, ограничивающее иммиграцию лиц азиатского и африканского происхождения, поскольку въезд иммигрантов, не имевших поручительства, разрешался лишь для двух групп населения. В

* Термин, употребляемый в канадском иммиграционном законодательстве для обозначения категории иммигрантов, единственным условием приема которых являлись соответствие их профессий спросу на канадском рынке труда, или же наличие крупного личного состояния.

первую входили британские подданные, а также граждане Франции, Ирландии и США; во вторую – иммигранты из западноевропейских стран, специально отобранные министерством иммиграции для использования их труда в сельском хозяйстве или промышленности Канады.

Следует отметить, что на протяжении всего XX в. различные этнические группы имели определенные географические предпочтения при иммиграции. Так, итальянцы, поляки, голландцы, немцы предпочитали селиться в Онтарио и Квебеке – наиболее экономически развитых и обжитых провинциях Канады; украинцы, русские, скандинавы, а также значительная часть немцев направлялись в Степные провинции. Выходцы из Азии предпочитали селиться в Британской Колумбии и Онтарио, чернокожие иммигранты – в Новой Шотландии и Онтарио. Вместе с тем иммиграция послевоенного периода значительно усилила этническую многоликость канадских городских агломераций.

Важным событием в истории Канады явилось принятие в 1982 г. новой Конституции Канады, одной из составных частей которой стала Хартия прав и свобод. К этому следует добавить, что в 1985 г. Верховный суд постановил, что любое лицо, пребывающее на территории Канады, находится под юрисдикцией канадских законов и может пользоваться преимуществами Хартии прав и свобод. Правительство оказалось гораздо более стесненным в проведении своей иммиграционной политики, к тому же на него стали воздействовать проиммигрантские лоббисты, набиравшие политический вес. Снижался и естественный прирост населения страны. В результате в 1990-е годы иммиграция в Канаду стала возрастать. Иммиграционная квота поднимается до 200–225 тыс. человек в год, а в 2007 г. уровень иммиграции достигает уже 280 тыс. человек.

Как видно из табл. 10, ни Франция, ни страны нынешней Франкофонии не играли значительной роли в структуре иммиграционного потока в Канаду.

Таблица 10

**Десять стран-доноров иммиграции в Канаду
(на период до 1961 года и в 1991–2001 годах)***

Страны-доноры	1991–2001 годы		Страны-доноры	Период до 1961 года	
	тыс. человек	%		тыс. человек	%
КНР	197	10,8	Великобритания	217	24,3
Индия	156	8,5	Италия	147	16,5
Филлипины	122	6,7	Германия	97	10,8
Гонгконг	118	6,5	Нидерланды	79	8,9
Шри Ланка	63	3,4	Польша	44	5,0
Пакистан	58	3,2	США	35	3,9
Тайвань	54	2,9	Венгрия	27	3,1
США	51	2,8	Украина	21	2,4
Иран	47	2,6	Греция	21	2,3
Польша	43	2,4	КНР	16	1,8
Всего	1 831	100	Всего	894	100

* Составлено по данным Статистического агентства Канады.

Таблица 11

**Основные страны эмиграции в Канаду, 2002–2008 годы,
тыс. человек***

Страны-доноры	2002 год	2005 год	2008 год
КНР	33,3	42,3	29,3
Индия	28,9	33,1	24,5
Филиппины	11,0	17,5	23,7
США	5,3	9,3	11,2
Великобритания	4,7	5,9	9,2
Пакистан	14,2	13,6	8,0
Республика Корея	7,3	5,8	7,2
Франция	4,0	5,4	6,4
Иран	7,9	5,5	6,0
Колумбия	3,2	6,0	5,0

* Составлено по данным Статистического агентства Канады.

В недавней исторической ретроспективе восполнение франко-канадского населения в основном происходило за счет традиционно больших квебекских семей, т.е. высокой степенью рождаемости. Однако, как отмечалось выше, этот фактор был сведен на нет в результате социальных преобразований в провинции Квебек, связанных с «тихой революцией».

В 1991 г. было заключено соглашение между федеральным правительством Канады и правительством провинции Квебек, по которому Квебек получил право самостоятельно осуществлять отбор независимых иммигрантов и беженцев за пределами страны, обеспечивая их прием и обустройство на своей территории. Квота провинции составляла вначале 1990-х годов 12 тыс. иммигрантов в год, затем постепенно увеличивалась. В настоящее время Квебек принимает свыше 40 тыс. иммигрантов, а «диапазон» стран-доноров иммиграции в Квебек почти достиг ста стран³⁰.

Удельный вес провинции Квебек в приеме иммигрантов стал заметно увеличиваться – с 12,8% в 1995 г до 18,8% в 2004 г. Благодаря новой политике в иммиграционных отношениях между федерацией и Квебеком Франция вновь вошла в десятку основных стран, обеспечивающих «поставку» иммигрантов в Канаду (см. табл. 11). Тем не менее из всех переселенцев в Канаду в настоящее время лишь около 4% считает французский язык родным («ведущим»)– свыше 13% является северокитайский язык, за ним следуют английский – 9 %, арабский – 8,1%, испанский – 6,1% и язык пенджаби – 5,6%). Уменьшается и относительная доля франкоговорящих переселенцев.

Ныне провинция Квебек занимает второе место по количеству принимаемых иммигрантов после Онтарио (более 120 тыс. в год), при этом количество иммигрантов, приезжающих в Квебек возрастает, в то время как в Онтарио этот поток снижается. Связано это с языковыми предпочтениями иммиграции из стран Латинской Америки. В нынешнее время треть (32–35%) всех иммигрантов из Латинской Америки направляется именно в Квебек. Для сравнения отметим, что в 1995 г. этот показатель составлял лишь 21%. К тому же, если удельный вес латиноамериканских иммигрантов в целом по стране за

Таблица 12

**Этнический состав квебекцев и канадцев в «первом поколении,
о данным переписи 2006 г. (в тыс. человек)**

Страны и регионы эмиграции	Квебек	Канада в целом
США	26,6	250,5
Великобритания	16,0	579,6
Другие страны Западной Европы	92,6	489,5
Страны Восточной Европы	72,8	511,1
Страны Южной Европы	125,2	698,1
Центральная и Южная Америка	78,0	381,2
Карибский регион	80,8	317,8
Африка	125,2	374,6
Страны Восточной Азии	52,7	874,4
Страны Юго-Восточной Азии	56,4	561,0
Страны Южной Азии	42,9	719,3
Страны Ближнего Востока	81,0	370,5
Страны Океании и другие	2,6	59,4
Всего	851,6	6187,0

* Statistic Canada. Immigrant population by place of birth, by province and territory//<http://www40.statcan.gc.ca/101/cst01/demo15-eng.htm>

десятилетие с 1996 по 200 г. упал (с 9,6% до 9,4%), то в Квебеке он, напротив, возрос (с 15,7% до 17,7%).

В Квебеке сейчас проживает значительное число жителей, относящихся к «видимым меньшинствам», выходцам из Азии, Африки и Латинской Америки. По их числу (654,3 тыс. человек в 2006 г.) Квебек уступает лишь провинциям Онтарио и Британской Колумбии. Главную группу, или около четверти всех жителей, относящихся к «видимым меньшинствам», составляют чернокожие, половина из которых – выходцы из Гаити. Однако наиболее быстро растущая этническая группа – канадцы арабского происхождения. Более 70% последних родились за пределами страны, они составляют и более трети (38%) всего современного иммиграционного потока в провинцию Квебек, что, безусловно, связано со знанием французского языка во многих арабских странах.

Иммигранты-европейцы также в значительном числе предпочитают Квебек остальным регионам Канады. Удельный вес Квебека в приеме иммигрантов из Европы составляет ныне около 30%. Среди них особое место ныне занимают выходцы из стран Южной и Западной Европы, что отражено в данных табл. 12, дающей общее представление об этническом составе канадцев и квебекцев в «первом поколении».

Языковой профиль иммигрантов оказался решающим в отборе иммиграционными службами Квебека. Поэтому среди прибывающих в Квебек иммигрантов преобладают выходцы из таких стран, как Франция, Румыния, государства Магриба, Гаити, заморские территории Франции, Ливан и другие, где французский является либо государственным, либо языком общения (см. табл. 13).

Таблица 13

**Основные страны-доноры иммиграции в провинцию Квебек,
2005–2009 годы***

Страна эмиграции	Количество иммигрантов тыс. человек	% от общего числа иммигрантов
Алжир	20,2	8,9
Франция	17,9	7,9
Марокко	17,8	7,8
Китай	13,9	6,1
Колумбия	11,7	5,1
Ливан	8,9	3,9
Румыния	8,3	3,6
Гаити	8,0	3,5
Филлипины	5,8	2,6
Мексика	5,7	2,5
Другие		
Всего	227,9	100

* Immigrants selon le pays de naissance, Quebec, 2005–2009 // http://www.stat.gouv.qc.ca/dostat/societe/demographie/migrt_poplt_imigr/603.htm

Таблица 14

Владение государственными языками прибывающих в провинцию Квебек иммигрантов, % к общему числу иммигрантов*

Год	Число иммигрантов тыс. человек	Только французский	Только английский	Французский и английский	Ни один из двух языков
1981	21,1	30,6	19,3	9,9	39,8
1991	52,1	20,9	23,2	16,6	39,3
2001	37,5	25,4	15,9	21,6	37,1
2009	49,5	23,5	16,1	40,6	19,8

* Immigrants selon la connaissance du francais et de l'anglais, Quebec, 1980–2009 // http://www.stat.gouv.qc.ca/dostat/societe/demographie/migrt_poplt_imigr/607.htm

Казалось бы, это обстоятельство делает этнический состав иммигрантского населения в Квебеке все более непохожим на «остальную Канаду», где среди иммигрантов преобладают ныне выходцы из Азии. И соответственно, этнический состав иммигрантов должен был бы становится еще одним параметром дивергенции между Квебеком и «остальной Канадой». Однако данные по знанию языков переселенцев показывают, что в последние годы резко возросло число иммигрантов, знающих как французский, так и английский языки (см. табл. 14). Если в 1981 г. число двуязычных переселенцев в Квебек составляло менее 10% от их общего количества, то в 2009 г. оно 40% иммиграционного потока. Показательно и то, что в иммиграционном потоке в англоговорящие провинции Канады переселенцы с родным французским языком составляют лишь 8% от общего числа иммигрантов, но при этом более половины из них владеют одновременно и английским языком³¹. Относительная доля иммигрантов даже в провинцию Квебек, знающих только

французский язык, сокращается. Благодаря новым правилам по иммиграции, резко сократилась и доля тех переселенцев, которые не владеют ни одним из государственных языков.

Для оценки изменений этнического состава провинции Квебек необходимо учитывать и межпровинциальные потоки миграции. Так, за период с 1966 по 1991 г. провинцию Квебек покинули около 450 тыс. англоговорящих жителей, причем наибольшее число потерь англоговорящего населения (более 106 тыс.) относится к периоду первого правления Квебекской партии (1976–1981 гг.). Небезынтересно отметить, что за указанные 25 лет свыше 220 тыс. франко-канадцев также переехали в другие провинции. Однако встречный поток миграции франкоканадцев (178,5 тыс.) практически компенсировал эти «потери»³². Надо сказать, что и англоговорящее меньшинство провинции Квебек постоянно восстанавливается, благодаря вновь прибывающим жителям других провинций: в среднем оно составляет 9–11% от всего населения провинции. Проведенный в начале 90-ых годов опрос общественного мнения показал, что только 35% англо-канадского меньшинства в провинции осталось бы жить в Квебеке в случае обретения им независимости (44% ответили отрицательно и 21% – без определенного мнения)³³.

Несомненно, что широкая международная иммиграция во франкоговорящую провинцию Канады, а также заметный миграционный обмен внутри страны способствуют снижению накала националистических настроений в Квебеке. Результатом этих процессов являются и некоторые изменения в этнической структуре населения провинции.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ.

В результате влияния иммиграционного фактора и относительно длительного существования в едином канадском государстве в Квебеке происходит постепенное изменение этнической структуры населения провинции. При этом надо отметить, что эти изменения происходят значительно в меньших масштабах, чем в иных провинциях Канады, в немалой степени благодаря целенаправленной политике провинциального правительства, которое в историческом плане долго занимало по вопросам иммиграции двойственную позицию. Об этом пишет американский канадолог Ричард Хендлер: «... группы меньшинств ставили для Квебекской партии и квебекских националистов весьма деликатную проблему. С одной стороны, националисты стремились к гомогенному, единойязычному Квебеку, к “нормальной” нации. С другой стороны, глубоко сожалея о судьбе франко-канадского меньшинства в других провинциях, националисты не хотели такой же судьбы для не франкоговорящих меньшинств в самом Квебеке»³⁴. Однако, «тихая революция» и начавшийся затем экономический подъем в провинции открыли двери для иммиграции в Квебек, постепенно изменяя палитру этнического состава «прекрасной провинции». В табл. 15 показана современная этническая структура населения Квебека, основанная на данных переписи 2006 г.

Из приведенных данных последней переписи можно сделать ряд важных выводов. Во-первых, возрастает число тех жителей Канады, которые не относят себя ни к одной известной этнической группе, идентифицируя себя

Таблица 15

**Основные этнические группы населения провинции Квебек
(по данным переписи 2006 года), тыс. человек***

Этнические группы в структуре населения Канады	Население, в тыс. человек		
	относящее себя только к данной этнической группе	относящее себя к разным этническим группам, в том числе и данной	Всего
Все население	5511,6	1924,3	7435,9
Канадцы	3213,5	1260,6	4474,1
Квебекцы	94,9	45,2	140,1
Французы	871,0	1302,8	2173,8
Англичане	41,3	203,8	245,1
Шотланды	30,3	172,2	201,5
Ирландцы	79,8	326,2	406,0
Выходцы из других южноевропейских стран	298,9	206,2	505,1
Итальянцы	173,5	126,2	299,7
Арабы	144,3	57,9	202,1
Выходцы из Юго-восточной Азии	143,9	29,4	173,3
Жители Карибского региона	95,0	38,5	133,5
Выходцы из восточноевропейских стран	82,6	103,9	186,5
Китайцы	74,9	17,0	91,9
Гаитяне	73,4	18,0	91,4
Североамериканские индейцы	71,5	148,3	219,8
Выходцы из латиноамериканских стран	62,1	38,9	101,1
Выходцы из африканских стран	51,8	26,2	78,0
Евреи	38,2	33,2	71,4
Немцы	24,9	106,8	131,7
Испанцы	21,0	51,0	72,0

* Population by selected ethnic origins, by province and territory (Canada) (2006 Census)// <http://www40.statcan.gc.ca/101-eng.htm>

канадцами. Вместе с тем чрезвычайно важным обстоятельством является то, что канадцами себя считают преимущественно лица, имеющие британское или французское происхождение, и чьи родители родились в Канаде. Поэтому именно в провинции Квебек, где население представлено в основном франко-анадцами, самый высокий процент жителей, назвавших себя во время переписи канадцами (60,2%). При этом обращает на себя внимание тот факт, что относительно небольшое число жителей провинции (около 100 тыс.) отождествляют свою идентичность только с франко-канадской провинцией.

Во-вторых, возрастает число жителей Канады, имеющих разное этническое происхождение, а поэтому идентифицирующее себя более чем с одной этнической группой. Так, в 2006 г. такое многоликое происхождение было отмечено 41,4% населения страны. Для сравнения отметим, что в 2001 г. 38,2% населения, охваченного переписью, отметило разное этническое происхож-

дение. В Квебеке это показатель ниже общенационального – около 26%, однако формирование многоэтничности не могло не затронуть эту провинцию. Многоэтничность происхождения более характерна именно для давних жителей Канады, нежели для вновь прибывающих переселенцев (47,6% против 17,2%). Это говорит о том, что в условиях Канады происходит активное межэтническое смешение. Небезынтересно отметить, что в Канаде к этническим группам с высокой степенью смешения относятся ирландцы, немцы и украинцы, а наименее «смешиваемыми» канадцами являются граждане сомалийского и корейского происхождения³⁵.

В условиях нарастания многоэтничности и длительного общения с англоязычной Канадой происходят даже определенные изменения в самом французском языке, используемом в Квебеке. «В ситуации двуязычия и многоязычия, – пишет российский лингвист Е.А. Миронова, – особенно отчетливо проявляется внутренняя подвижность словарного состава, его открытость экстралингвистическим влияниям»³⁶.

В современный французский язык в Квебеке вошли тысячи английских заимствований, появилось даже такое понятие, как «жуаль» (joual), отражающее небрежное отношение к языку, его деградацию³⁷. Конечно, масштабы деформации языка остаются ограниченными, но проникновение и влияние других и прежде всего английского языка неоспоримо.

Таким образом, хотя и относительно медленное, но поступательное формирование полиэтничного состава населения провинции Квебек оказывает несомненное влияние на позиции политических сил, выступающих за суверенность франкоканадской общины. К этому следует добавить и то обстоятельство, что естественный прирост населения в Квебеке (1,0%) ниже среднего по Канаде. Поэтому здесь и быстрее происходит старение населения и требует более активной иммиграционной политики.

Неожиданным для сторонников независимости Квебека оказался и факт резкого неприятия идеи суверенизации со стороны коренных народов Канады, проживающих на территории провинции. Надо отметить, что распределение населения в этой самой большой провинции Канады (1,5 млн кв. км) чрезвычайно неравномерно. Подавляющая часть франко-канадцев проживает на юге провинции, на плодородных землях долины р. Св. Лаврентия. По некоторым оценкам, около 90% квебекцев занимают лишь 5% всей территории нынешней провинции. Остальное огромное пространство остается малонаселенным. Здесь же в основном проживают аборигены Канады – индейцы и инуиты. Численность их невелика – менее 100 тыс. человек, или не более 1% от населения Квебека³⁸. Однако аборигенное население Канады обладает особыми правами на земли. Речь идет как о землях резерваций, так и о землях, являющимися предметом переговоров между государством и аборигенными общинами. На основании этих переговоров обычно выплачивается компенсация аборигенным общинам за отчуждение земельных ресурсов, находившихся в их пользовании до колонизации страны. Причем переговоры, завершившиеся или продолжающиеся, касаются земельного фонда, составляющего не менее 40% всей территории провинции.

Накануне упомянутых выше референдумов о независимости Квебека некоторые индейские вожди выступили с заявлениями о несогласии с отделением Квебека и о своем праве оставаться в составе Канады. В ряде заявлений

говорилось о самоопределении аборигенного населения вплоть до собственного суверенитета с правом отделиться от Квебека с принадлежащими им землями, если победу одержат квебекские суверенисты³⁹.

Эта идея «разделения Квебека» в случае победы националистов получила поддержку в политических кругах «федералистов», нашедших в ней дополнительный инструмент давления на националистов Квебека⁴⁰.

Поскольку во всех декларациях Квебекской партии речь шла о территориальной целостности провинции Квебек, то ее раздел мог бы осуществиться лишь при применении силы, а в результате этого раздела на отторгнутых территориях мог бы возникнуть «канадский Ольстер»⁴¹.

КВЕБЕКСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Важнейшим элементом федеральной политики в решении квебекского вопроса была легитимизация суверенистского движения, ввод его в формальные рамки политического процесса. Начиная с создания Квебекской партии в 1968 году и признания ее правомочности преследовать цели сепаратизма, канадская федерация получила возможность ведения диалога с сепаратистскими силами, влиять на их деятельность и одновременно вникать в суть проблем и мотиваций, которыми руководствовались эти силы. Более того, как отмечено выше, в 1991 г. на основе провинциальной Квебекской партии была создана политическая партия федерального уровня – Квебекский блок, защищающая интересы франкоканадской общины, в том числе и «сепаратистов» на общенациональном уровне. Таким образом, культурный разлом между двумя этническими центрами Канады стал постепенно переводиться в сферу политико-правового регулирования.

Среди инструментов политического и правового характера, обеспечивающих вовлечение франко-канадской общины в политическую жизнь страны, можно выделить следующие. Во-первых, это законодательно установленное двуязычие в стране. Напомним, что Акт о Британской Северной Америке 1867 г., положивший начало доминиону Канада, признал равенство двух языков на территории страны. Однако официальным государственным языком Канады до 1969 года был английский, и лишь события 60-х годов привели к признанию и закреплению в законодательном плане двуязычия страны. Этому, также надо добавить, предшествовала работа специальной комиссии по двуязычию и двум культурам Канады, учрежденная в 1963 г. федеральным правительством (Royal Commission on Bilingualism and Biculturalism). Комиссия, в частности, констатировала, что Квебек имеет права на собственную судебную систему, собственные политические институты, средства массовой информации, систему образования, социальные и экономические организации, «отличающиеся от других провинций»⁴².

Двуязычие сейчас полностью доминирует в федеральном парламенте, заседания которого проходят на любом из двух языков при синхронном переводе. Формирование руководящих органов обеих палат парламента (Сенат и Палата общин) происходит с учетом культурного происхождения членов парламента. Так, если спикер Сената происходит из англоязычной среды, то

его заместитель должен иметь франко-канадское происхождение. При ротации, как правило, меняется и положение этих представителей основных общин страны. Все сотрудники федеральных ведомств и министерств обязаны изучать второй язык, а высшие должностные лица обязаны быть двуязычными.

Фактор этнического происхождения играет важную роль и при формировании исполнительной и судебной власти в Канаде. Так, в Верховном суде Канады, состоящем из 9 членов, три члена должны иметь квебекское происхождение, поскольку Квебек сохранил свое гражданское и судебное право, и в Канаде ныне действуют две судебные системы. Правительство Канады, а вернее Кабинет министров должен иметь в своем составе треть франкоговорящих членов, причем один из них должен представлять франкоканадскую общину, проживающую вне пределов Квебека. И напротив, в составе Кабинета министров, по канадской практике, также должен быть представитель Квебека из англоговорящего меньшинства*. Все это, хотя и осложняет процесс формирования правительства страны, в конечном счете способствует сближению интересов основных центров влияния в Канаде.

Особую роль в сглаживании противоречий между общинами играет и специально учрежденное в рамках исполнительной власти Министерство по межправительственным отношениям (Department of Intergovernmental Relations). Будучи главным ведомством по делам федерации, это министерство выполняет одновременно функции по разрешению споров и конфликтов административного характера, возникающих между центром и регионам, не в последнюю очередь с Квебеком. Характерно, что возглавляли министерство в основном представители франкоговорящей общины Канады, являющиеся в политическом плане сторонниками сильной федерации. Показательно и то, что в послевоенный период должность премьер-министра страны занимали преимущественно сильные федералисты из Квебека (Пьер Трюдо, Жак Кретьен, Поль Мартин и другие).

В 1982 г. была принята Хартия прав и свобод, как часть Конституции Канады, в которой одно из главных положений касается необходимости сохранения в стране и расширения культурного наследия различных этнических групп. Согласно этому положению канадские суды, в частности, должны принимать во внимание многокультурный характер канадского общества на самых высоких уровнях принятия решений. Более того, Хартия прав и свобод запрещает дискриминацию, гарантируя равенство и справедливое отношение ко всем гражданам, независимо от расы, пола и этнической принадлежности. При этом следует отметить, что действие Хартии прав и свобод распространяется не только на канадских граждан, но и на всех лиц, пребывающих на территории Канады.

27 ноября 2006 г. существование квебекской «нации в составе единой Канады» было официально признано федеральной Палатой общин по предложению премьер-министра страны Стивена Харпера, лидера правящей Консервативной партии. Эта резолюция, вызвавшая резкие возражения даже в рядах его правящей партии, вплоть до демонстративной отставки в 2007 г.

* Отметим, что Кабинет министров в Канаде формируется из членов парламента, однопартийцев победившего на выборах лидера партии.

одного из министров федерального правительства консерваторов, тем не менее была принята парламентом. Она, безусловна, явилась новым позитивным шагом правящей элиты с тем, чтобы разрубить квебекский узел.

Широкую поддержку со стороны как федерального, так и провинциального правительств получает франко-канадская культура Государственная вещательная корпорация Канады (Canadian Broadcasting Corporation) имеет своего франкоязычного «дублера», обеспечивающего вещание во всех провинциях и на всех территориях страны. Крупнейшие в стране концертные залы возведены в Монреале и Квебеке.

МНОГОКУЛЬТУРНОСТЬ КАК ОСНОВА РЕШЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ КАНАДЫ.

Один из главных подходов к урегулированию межэтнических отношений в Канаде заключается в реализуемой здесь концепции построения многокультурного общества. Эта модель предполагает сосуществование многих субкультур и традиций на основе взаимного уважения, взаимодействия и взаимообогащения.

Концепция многокультурности, возникшая в стране в 1970-е годы, основана на объективной реальности. Она состоит в том, что канадское общество является действительно обществом многообразным, многоликим. Показателен тот факт, что более 83% канадцев считают многокультурность одной из главных характеристик страны. Причем это мнение становится все более распространенным в канадском обществе (в 1996 г., согласно опросам, его разделяло только 78% населения)⁴³.

Этому способствовало то обстоятельство, что доктрина многокультурности объявлена в стране в качестве национальной идеи, объединяющей различные слои канадского населения. И в последние десятилетия формирование многокультурного общества является одной из основных задач государственной политики в Канаде. Родоначальником государственной доктрины многокультурности следует считать премьер-министра Канады Пьера Трюдо, который еще в октябре 1971 г. обнародовал программу либерального правительства, известную под названием «Многокультурность на двуязычной основе». По этому поводу Пьер Трюдо, в частности, писал: «В Канаде существует множество меньшинств, которые стремятся к интеграции в нашем обществе. Это не значит, что они теряют все свое своеобразие; это не значит, что они не могут сохранить определенные черты своей самобытности. У них есть выбор...»⁴⁴. Возможность этого выбора как раз и обеспечивает политика многокультурности, которая может интерпретироваться как интеграция различных этнических групп в едином канадском обществе с сохранением различных субкультур.

С тех пор в Канаде проводится активная государственная деятельность по реализации этой государственной доктрины. Так, уже в 1973 г. было образовано Министерство по делам многокультурности, которое было призвано управлять процессом внедрения соответствующих инициатив в правительственных организациях. Среди прочего эти инициативы касались создания профильных центров, проведения молодежных культурных обменов, приня-

тия мер для обучения детей иммигрантов официальным языкам, поощрения исследований, публикаций, фильмов, экспозиций, посвященных различным этнокультурным группам, их вкладу в развитие Канады.

Для координации взаимодействия между правительственными учреждениями и этническими организациями в 1973 г. был создан Канадский консультативный совет по многокультурности, позднее переименованный в Канадский этнокультурный совет. По его образцу стали действовать аналогичные провинциальные и городские советы, занимавшиеся информационно-просветительской деятельностью. Эти мероприятия проводились главным образом за счет федерального бюджета.

Государственная политика многокультурности нашла отражение и в федеральном законе об иммиграции 1978 г., который обеспечил построение иммиграционной политики на принципах, воссоединения семей, заботы о беженцах, отказа от дискриминации и т.д. В 1985 г. в Палате общин Парламента Канады создается специальный комитет по вопросам многокультурности канадского общества.

Первоначально политика многокультурности имела в значительной степени «культурно-просветительский» характер – она была ориентирована главным образом на сохранение культурного наследия, создание многоязычной «этнической» прессы, радио и телевидения. Отметим, что в настоящее время в Канаде работают 13 этнических радиостанций. Позднее была принята государственная программа поддержки школ с преподаванием на языках различных этнических групп, а также деятельности многочисленных культурных обществ, фольклорных фестивалей и т.п. В 1990-е годы особое внимание в государственной политике многокультурности стало уделяться «видимым меньшинствам», борьбе с проявлениями расовой дискриминации и предрассудков, обеспечению полноценного участия представителей этих групп в социальной, экономической, политической жизни страны.

В 1988 г. был принят федеральный Закон о многокультурности, в котором речь шла не только об индивидуальных, но и о правах этнокультурных сообществ в целом. Закон запрещает расизм и дискриминацию, содействует сохранению культуры этнических групп, предусматривает обеспечение равного доступа и полноценного участия всех канадцев в социальной, политической и экономической жизни канадского общества. Закон, не имеющий аналогов в мире, закрепляет терпимое отношение к этнорасовым и культурным различиям под углом национальной самоидентификации.

Таким образом, Канада является первой страной, принявшей в качестве государственной, официальной политику многокультурности, которая предупреждает серьезные внутривнутриполитические конфликты, способные нарушить если не единство страны, то мирное сосуществование различных этнокультурных сообществ. Вынесение проблемы этнокультурной самобытности в приоритеты национальной политики, создание соответствующей национальной концепции – это один из важнейших аспектов канадской политической культуры, отличающей ее от многих других стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на остроту политической риторики вокруг «квебекского вопроса» в Канаде, за последние десятилетия не произошло ни одного серьезного конфликта между франкоканадской общиной Канады и страной в целом. Вместе с тем движение к суверенизации Квебека до сих пор оказывает самое серьезное влияние и на политическую ситуацию в провинции, и на социально-экономическую жизнь ее населения. В то же время квебекское общество, как и любое другое, не является монолитным, в нем также существуют различные интересы, подчас противоречивые и взаимоисключающие.

Несмотря на то что национализм остается основной идеологией правящей элиты Квебека, она все более интегрируется в канадское общество и правящую верхушку канадского государства. Эта интеграция, в свою очередь, ведет к заметному падению интереса со стороны правящей элиты Квебека к созданию самостоятельного государства. «Тихая революция» в Квебеке 1960-ых годов, связанная с созданием этой элиты и экономическим пробуждением провинции, таким образом, стала в определенной степени и «могильщиком» идеи полной независимости. Квебекский национализм трансформируется по мере того, как франкоязычная элита интегрируется в экономику страны и всей Северной Америки. В социальном плане франкоязычное население Квебека смогло обеспечить такое положение, при котором оно ощущает и идентифицирует себя как этническое большинство на данной ему исторически территории. В экономическом плане также франко-канадцы достигли серьезных успехов, не только создав национальный капитал, получив доступ к передовому образованию, но и обеспечили равноправное положение с соотечественниками за культурным барьером.

Вместе с тем многие инициативы со стороны Квебека, направленные на суверенизацию провинции, в конечном счете привели к заметному улучшению социально-экономического положения франкоязычного населения провинции. К тому же своих целей суверенисты добивались путем использования действующих в стране политических механизмов. К этому следует добавить важное обстоятельство, отмечаемое канадскими исследователями: «Учитывая сильный языковой прессинг на Квебек и столетние политические баталии по поводу статуса Квебека в Канаде, удивителен тот факт, каким образом Квебек сделал основной линией своей политики национализм, очищенный от этнической нетерпимости, и смог обсуждать свое политическое будущее в образцово демократическом порядке»³⁶.

Все это в комплексе, а также мирное управление исторически сложившимися разногласиями между двумя основными этническими общинами страны снижало существующую напряженность как со стороны франко-канадцев, так и со стороны англоязычной Канады. Создание сепаратистской политической партии в провинции Квебек и признание ее легитимности во многом способствовали тому, что существующий культурный конфликт вошел в русло диалога и соблюдения принципов равенства и демократии. А развернутые политические дебаты вокруг квебекского вопроса обеспечили представителям франко-канадской нации возможность интегрироваться в политическую систему Канады.

- ¹ Коленеко В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем: Очерки истории Квебека XVII–XX веков. М., 2006. С. 8.
- ² В отечественной научной литературе проблемы Квебека в канадской федерации освещались неоднократно. См., например: *Банцекин Н.Б., Тишков В.А.* Квебек на перепутье Канада на пороге 80-х годов Отв. ред. Л.А. Баграмов. М., 1979. С. 231–258; Проблемы историографии Канады Под ред. В.А. Тишкова. М., 1981. *Тишков В.А., Кошелев Л.В.* История Канады. М., 1982; *Сороко-Цюпа О.С.* История Канады. М., 1985; *Шило В.Е.* Канадский федерализм и международные отношения. М., 1985; *Данилов С.Ю., Черкасов А.И.* 12 лиц Канады. М., 1987; Размышления о Канаде: Историко-культурологический альманах / Под ред. В.А. Коленеко. Вып. 2. М. 1999. Канада: взгляд из России. Экономика, политика, культура, / Под ред. В.И. Соколова. М., 2002; *Денека И.М.* Канадский федерализм: Взаимоотношения федерального центра и провинций. Пятигорск, 2004; Квебек в исторических и литературных текстах: Хрестоматия для студентов гуманитарных вузов / Сост. В.А. Коленеко. М., 2004; *Коленеко В.А.* Французская Канада в прошлом и настоящем: Очерки истории Квебека, XVII–XX века. М., 2006; *Данилов С.Ю.* История Канады. М., 2006.
- ³ Canada's Ethnocultural Mosaic. 2006 Census: National picture, <http://www12.statcan.ca/census-recensement/2006/as-sa/97-562/p2-eng.cfm>
- ⁴ *Bourdon Y., Lamarre J.* Histoire du Quebec. Une Societe Nord Americaine, Beauchemin, Laval (Quebec). 1998. P. 92.
- ⁵ Canadian Opinion. Vol. 3. N 6. Dec. 1995. P. 4.
- ⁶ Towards 2000. A Changing Canada. Conference 31.10 / 03.11. 1996. P. 105.
- ⁷ Community Profile from the 2006 Census, Statistics Canada – Census Subdivision// <http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2006>.
- ⁸ *Акимов Ю.Г.* Современное канадское общество. Учебное пособие. СПб., 2000. С. 38.
- ⁹ *Берзина М.Я.* Формирование этнических групп Канады // Национальные проблемы Канады. М., 1972. С. 12.
- ¹⁰ *Барановский К.Ю.* Квебек в канадской федерации: политический аспект // Канада: Взгляд из России. С. 128.
- ¹¹ Там же. С. 131.
- ¹² *Коленеко В.А.* Указ. соч. С. 72.
- ¹³ *Bourque G., Laurin-Frenette B.* Social classes and nationalist ideologies in Quebec, 1760–1970 Capitalism and the national question in Canada / Ed. G. Teeple. University of Toronto Press, 1972. P. 185–210.
- ¹⁴ *Latouche D.* Culture and the Pursuit of Success: the Case of Quebec in the Twentieth Century // Developing Cultures: Case Studies / Eds. L. Harrison, P. Berger. N.Y., P. 445–464.
- ¹⁵ *Linteau P., Durocher R.* et al. Quebec since 1930. James Lorimer & Publishers. Toronto, 1991. P. 431.
- ¹⁶ *Latouche D.* Op. cit. P. 10–11.
- ¹⁷ *Коленеко В.А.* Квебекская проблема в послевоенной Канаде. М., 1981. С. 188.
- ¹⁸ *Данилов С.Ю., Черкасов А.И.* Указ. соч. С. 28.
- ¹⁹ *Linteau P., Durocher R.* et al. Op. cit. P. 477.
- ²⁰ Québec Info. Un regard sur le Québec projeté dans le monde // <Http://www.quebecmonde.com>.
- ²¹ *Linteau P., Durocher R.* et al. Op. cit. P. 323.
- ²² Ibid. P. 426.
- ²³ *McRoberts K.* Les Minorites Linguistiques dans un Partenariat Canada-Quebec // Sortir de l'Impasse. Les Vois de la Reconciliation / Eds. G. Laforest et R. Gibbins. 1998. P. 219.
- ²⁴ *Lubin M.* From PQ to BQ: The Question of Québec Sovereignist Participation in Canadian Federal Politics. Plattsburgh. 1999. P. 35.
- ²⁵ Québec International. Vol. 13. N 1. 1995. P. 22.
- ²⁶ Québec Info. Un regard sur le Québec projeté dans le monde. <Http://www.quebecmonde.com>
- ²⁷ Le Québec dans le monde. Statistique économiques internationales. Québec, Mars 2011. P. 11.
- ²⁸ *Holman A., Thacker R.* Literaly and Popular Culture // Canadian studies in new millennium / Eds P. James, M. Kasoff. Toronto, 2008. P. 157.
- ²⁹ Proportion of foreign-born population, by province and territory // <http://www40.statcan.gc.ca/101/cst01/DEMO46A-eng.htm>
- ³⁰ Demography: Portal of the government of Quebec // <http://www.gouv.qc.ca/portail/quebec/pgs/commun/-eng.htm>

- ³¹ Statistical Portrait of the French-Speaking Immigrant Population Outside Quebec // <http://www.statcan.gc.ca/pub/89-641-x/89-641-x2010001-eng.htm>
- ³² *McRoberts K.* Op. cit. P. 208
- ³³ *Negotiating with a Sovereign Quebec* / Eds. D. Drach, R. Perin / Toronto, 1992. P. 176.
- ³⁴ *Handler R.* Nationalism and the Politics of Culture in Quebec. The University of Wisconsin Press, 1988. P. 176.
- ³⁵ Canada's Ethnocultural Mosaic. 2006 Census. Ottawa, 2010. P. 10.
- ³⁶ *Миронова Е.А.* Французский язык в языковом союзе Канады // Контакт языков и культур на Североамериканском континенте. Саратов, 2006. С. 7.
- ³⁷ *Handler R.* Op. cit. P. 162–169.
- ³⁸ The Daily. February 17. 1998.
- ³⁹ Подробнее см.: *Salée D.* Nationalisme Quebequaise contre Nationalisme des Autochtones // Cité Libre. Vol. XXIV, N 4. Sept. 1996. P. 24.
- ⁴⁰ См.: Maclean's. December 18. 1995.
- ⁴¹ Devoir. 19.2.1996.
- ⁴² Distinct Society: Origins, Interpretations, Implications // <http://www2/parl/gc/ca/LOP/Research-Publications/bp408-e.htm>
- ⁴³ *Соколов В.И., Владимирова М.А.* Политика многокультурности в Канаде // Контакт языков и культур на Североамериканском континенте. С. 7.
- ⁴⁴ *Trudeau P.* Conversation with Canadians. Toronto, 1972. P. 15.
- ⁴⁵ *Belanger L., Doran Ch.* Quebec's Destiny // Canadian studies in new millennium / Eds. P. James, M. Kasoff. Toronto, Toronto University Press, 2008. P. 167.

Е.И. Филиппова

**(НЕ)ВОЗМОЖНОСТЬ ОСТРОВА?
КОРСИКАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ:
ОТ РЕГИОНАЛИЗМА К СЕПАРАТИЗМУ
(1960–2010)**

Корсика, конечно же, один из французских департаментов, но она еще далеко не Франция.

*Александр Дюма.
«Братья-корсиканцы» (1842).*

Мое первое знакомство с Корсикой произошло осенью 2001 года. Тогда мы, эксперты независимой исследовательской организации «Сеть этнологического мониторинга», решили провести там свой ежегодный семинар. Выбор места был не случаен: после Ольстера, Шри-Ланки и испанской Каталонии, где мы уже побывали до этого, Корсика привлекла наше внимание в качестве очередного очага конфликта сепаратистского толка. Так совпало, что в Аяччо, где проходил наш семинар, в то же самое время был большой «слет» националистов, и один из отцов-основателей корсиканского движения, Эдмон Симеони, с готовностью откликнулся на нашу телефонную просьбу о встрече.

На следующее утро в холле отеля «Наполеон», где остановилась наша группа, появился невысокий худощавый человек лет 60, одетый в светлую джинсовую куртку и ковбойку. С ним были еще двое, мужчина и женщина, оба в черном, несмотря на по-летнему теплый и солнечный день. Гости расселись, и г-н Симеони начал свою речь... по-корсикански. Произнеся несколько фраз, он перешел на французский, пояснив, что хотел таким образом сразу дать нам понять, что корсиканцы – особый народ со своим языком и культурой. Вообще было заметно, что встречу с нами наш гость расценивал как возможность привлечь внимание иностранцев, приехавших издалека, к Корсике и корсиканскому движению (в начале разговора он специально поинтересовался, люди из каких регионов России и постсоветских стран присутствуют в зале, и удовлетворенно кивнул, получив в ответ более двух десятков географических названий). Решительно отмежевываясь от Наполеона Бонапарта, – безусловно, самого известного в мире корсиканца, – г-н Симеони заявил о приверженности жителей острова памяти Паскаля Паоли, с которым связан краткий эпизод независимости Корсики и к которому возводят свою родословную современные корсиканские националисты. Затем последовал длинный перечень претензий к французскому государству, из которых особенно запомнилась одна: несоответствие правовой и судебной системы корсиканским традициям и обычаям. Иллюстрируя этот тезис, наш собеседник привел в пример гипотетическую ситуацию, когда кто-то наносит ему словесное оскорбление при свидетелях. «Я должен его убить, – произнес он самым ровным, бесстрастным голосом, – « французский суд даже не примет дело к рассмотрению, посчитав его ничтожным». Эпатаж? Или действительно

но насилие настолько обиденно в корсиканском обществе, что о нем можно говорить вот так, как ни в чем не бывало?

В конце встречи, отвечая на вопрос из зала относительно экономического аспекта независимости Корсики (сможет ли остров существовать без финансовой поддержки Франции), г-н Симеони заявил, что свобода имеет цену, и как бы ни была высока эта цена, нужно быть готовыми ее заплатить. Подобные речи из уст националистов можно услышать нередко, и, даже если не сомневаться в искренности говорящего, невозможно не усомниться в том, что эта жертвенная готовность разделяется большинством населения, от имени которого выступают борцы за свободу.

В дальнейшем я еще не раз возвращалась на Корсику: в 2006, 2008, 2009 гг., пытаюсь понять, как соотносятся слова и поступки местных лидеров с надеждами и ожиданиями населения, как меняются цели, методы и социальная база протестного движения, почему и зачем различные силы мобилизуют антропологические аргументы и дискурс об идентичности в политической борьбе. Долгие и подробные беседы с видными деятелями различных ветвей корсиканского движения, «рядовыми» его участниками, как ныне активными, так и по разным причинам отошедшими от дел; с людьми, непосредственно не связанными с движением, но нередко сочувствующими ему¹; с коллегами-исследователями, изучающими корсиканское общество «изнутри», будучи его частью², а также регулярное чтение местной прессы и знакомство с антропологической и социологической литературой позволили отчасти удовлетворить мое любопытство. Не претендуя на знание истины (которая по определению не может быть единственной, тем более в столь сложном и запутанном вопросе), позволю себе поделиться некоторыми соображениями относительно происходящего на Корсике в последние полстолетия.

Но сначала потребуется краткая предыстория вопроса.

Средиземноморский остров Корсика был заселен еще в Римскую эпоху. До момента присоединения к Франции он как минимум 19 раз переходил из рук в руки, и почти 40 раз его население восставало с оружием в руках против завоевателей³. Над островом в разные эпохи господствовали вандалы и сарацины, византийцы и арагонцы, Пиза и Генуя, был даже недолгий эпизод существования англо-корсиканского королевства. В этой бурной истории всего 15 лет (1755–1769) приходится на период независимости. Во главе острова стоял тогда Паскаль Паоли, «генерал нации», с именем которого связана первая Конституция, первый университет, первые типографии и газеты. Этот персонаж, исторически реальный, хотя и в значительной мере мифологизированный, является знаковой фигурой для корсиканского движения, создавая прецедент государственности острова. Государственности, которая пала под натиском французских войск в сражении при Понте Ново 8 мая 1769 г. Но окончательно «умиротворить» корсиканцев французам удалось лишь к 1815 г., когда был подавлен последний вооруженный мятеж.

Почти век спустя началась «мирная» история корсиканского оппозиционного движения. На начальном этапе она очень похожа на историю других регионалистских движений Франции – например, бретонского или окситанского, – да и Европы в целом. Все они организационно оформляются в кон-

це XIX в. в среде интеллектуальной элиты – писателей, фольклористов – и ставят перед собой культурные цели. На Корсике регионалисты (так называемые «корсисты») группируются вокруг журналов *A Tramuntana* (1895) и *A Corsica* (1905). Чуть позже появляются и предвестники будущего национализма. Вышедший в 1914 г. единственный номер журнала *A Cispra* публикует программное заявление: «Корсика – не один из французских департаментов, но завоеванная нация, которая возродится». Эту фразу более чем полвека спустя возьмет в качестве эпиграфа к своему манифесту Фронт национального освобождения Корсики.

Первая мировая война прервала начавшееся зарождение корсиканского движения, которое возобновилось уже в 20-е годы XX в. В 1920 г. был основан журнал *A Muvra*, а два года спустя его издатель, П. Рокка, создал Партию корсиканского действия, переименованную в 1926 г. в Корсиканскую автономистскую партию (РСА), просуществовавшую до 1939 г. Ее основными требованиями были «преподавание корсиканского языка, открытие университета, мелиорация земель в равнинной части острова, прекращение массового исхода населения в колонии и на государственную службу»⁴. Всего этого РСА рассчитывала добиться в составе французского государства, отвергая сепаратизм и не требуя независимости. В то же время, ее лидеры не скрывали симпатий к Италии – «старшей сестре» или даже «матери», в устах автономистов, а один из видных деятелей движения, С. Казанова, был удостоен в 1935 году аудиенции Муссолини. Три года спустя фашистская Италия заявила о своих претензиях на Корсику, что вызвало на острове взрыв возмущения. Массовая демонстрация в Бастии 4 декабря 1938 года завершилась принесением клятвы на верность Франции: «Перед лицом всего мира, во имя нашей гордости и славы, над нашими могилами и нашими колыбелями мы всей душою клянемся жить и умереть французами». Текст этой клятвы выгравирован на мемориальной доске, установленной на одной из центральных улиц Бастии (см. рис.).

В годы Второй мировой войны и оккупации корсиканские автономисты запятнали себя сотрудничеством с фашистами (на Корсике это были итальянские оккупационные войска), в то время как основная масса населения организовала ожесточенное сопротивление оккупантам. Силами партизанского движения Корсика первой среди департаментов Франции была освобождена от захватчиков уже в сентябре 1943 г. Принято считать, что коллаборационистская стратегия подорвала доверие населения к автономистам и нанесла движению мощный урон, оправиться от которого удалось нескоро. Однако нельзя забывать и о том, что вопрос о реальной социальной базе РСА остается открытым, в частности, потому, что одним из политических принципов партии был отказ от участия в выборах, что делает невозможной реалистичную оценку числа ее сторонников. Видимо, правильнее говорить не о том, что население «отвернулось» от автономистов, а о том, что их идеи в ту пору еще не нашли отклика в народных массах, которые, как известно, испытывают влияние национализма в последнюю очередь⁵. Период Второй мировой войны, когда в большинстве регионов Франции (прото)националисты и народ оказались по сути в состоянии гражданской войны друг с другом, – убедительное тому подтверждение.

Рис. 1. Мемориальная табличка с текстом клятвы на верность Франции, произнесенной в 1938 г. в ответ на притязания Муссолини на о. Бастия

«Второе дыхание» регионалистские движения обретают в 1960-е годы на фоне краха колониальной системы и алжирской войны. Эти события поставили под сомнение незыблемость существующих наций и государств и способствовали формулированию требований признания различных частных идентичностей. Многие молодые корсиканцы именно тогда впервые задумались о независимости, как об этом вспоминает один из рядовых участников движения:

«Когда началась война в Алжире, я сказал себе: мы – корсиканцы, а нам преподают историю Франции; историю Корсики я тогда совсем не знал. И я начал задавать вопросы моему отчиму, он был учителем. Он рассказал мне о Паскале Паоли. Так я начал понемножку прозревать. Я сказал себе: стоп, ведь и у нас то же самое. Хоть мы и не африканцы, но все же тут та же проблема, а значит, почему бы Корсике не стать однажды независимой? Мы тоже были оккупированы!»⁶.

Что же до старшего поколения, активно участвовавшего во французской колониальной эпохее, то его чувства были сродни чувствам солдат, преданных своими генералами. Напомню, что Корсика была единственным французским департаментом, поддержавшим антиреспубликанский мятеж в столице Алжира в апреле 1961 г., и что подразделения Секретной вооруженной организации (OAS), пытавшейся террористическими методами не допустить обретения Алжиром независимости, просуществовали на Корсике дольше, чем где-либо еще во Франции. Однако после того как Эвианские соглашения поставили точку в истории «французского Алжира», те же самые люди,

которые были готовы с оружием в руках защищать французскую империю, обратили это оружие против французской Республики.

Роль катализатора в развитии регионалистских движений сыграли события студенческой весны 1968 года, кульминационного момента так называемой *второй французской революции*⁷. Многочисленная корсиканская молодежь, учившаяся тогда в университетах Парижа, Марселя, Ниццы, Тулона и других французских городов, оказалась свидетелем и участником беспорядков, ощутила вкус сопротивления, азарт баррикадных боев. В студенческих кружках вызревала новая идеология постмодернизма с ее презрением к запретам и нормам, отрицанием идеи прогресса и пренебрежением материальными благами. Утопия хиппи, антиглобализм, тьер-мондизм, экологизм – зерна всех этих течений будут заронены в корсиканскую почву и дадут причудливые гибридные всходы. Здесь же, в университетских аудиториях, студенты-корсиканцы встречали выходцев из стран, где шла «национально-освободительная борьба» – от ирландцев до кхмеров. Их рассказы будоражили воображение и внушали надежду на перемены.

Новый историко-политический контекст диктует и новую конфигурацию регионалистских движений. Порвав с мелкобуржуазным культурно-лингвистическим национализмом правого толка, они возрождаются на левом фланге политического спектра и мобилизуют, в частности, антиколониальную риторiku для оправдания борьбы против «империалистической эксплуатации внутренних колоний». Этот идеологический дрейф логически вытекает из устойчивой связи, установившейся между национализмом и левым движением в антифашистский период и окрепшей в ходе антиимпериалистической борьбы в колониях⁸. На Корсике, в частности, на смену термину «корсизм» приходит «корситюд», неологизм, образованный по аналогии с «негритюдом» Э. Сезэра и Л. Сенгора; входит в обиход также термин «культурное отчуждение» («aliénation»), заимствованный еще у одного идеолога антиколониализма, Ф. Фанона. К этой теме мы еще вернемся.

На этом новом витке корсиканское движение приобретает и особые, специфические черты, отличающие его от иных регионалистских движений. И дело не только в активном применении насильственных действий, но и в том, что Корсика, похоже, не следует в общем фарватере развития нового регионализма по пути дерадикализации и индивидуализации: от борьбы за право на самоопределение в качестве самостоятельной нации (региональный национализм 1950-х годов) к борьбе за права меньшинств на экономическую и культурную автономию (националистический регионализм 1960-х – 1970-х годов) и, наконец, за право индивида на культурную отличительность (культурный регионализм, возникающий на рубеже 1970-х – 1980-х годов)⁹. На острове, насколько можно судить по событиям последних 50 лет, сложилась принципиально иная траектория. Организационно оформившись позже, чем в других регионах, корсиканское движение быстро радикализуется, как в смысле требований (от регионализма к автономизму и затем к националистическому сепаратизму), так и в смысле методов, и при этом достигает куда более внушительных результатов. Корсика – единственный французский регион, где националисты представляют реальную электоральную силу, стабильно получая от 20 до 30% голосов (для сравнения: на другом французском острове, Гваделупе, за партии и движения националистической

направленности голосуют не более 4–5% населения). По-видимому, именно этим объясняются особый статус острова во французской административной системе и связанные с ним полномочия. Так, первые региональные выборы (в соответствии с Законом о децентрализации) прошли на Корсике в 1982 г., на четыре года раньше, чем в остальных регионах. В 1991 г. Корсика получила уникальный статус особого территориального коллектива с выборной Ассамблеей. В 2001–2002 гг. в результате переговорного процесса полномочия региональной Ассамблеи были существенно расширены, к ее компетенции отнесены, в частности, вопросы общего и профессионального образования и науки, языка, охраны природного и культурного наследия, развития территорий. Однако дальнейшее изменение административной системы острова в сторону расширения автономии, вынесенное на референдум в 2003 г., не было поддержано избирателями.

Чем же объяснить уникальность корсиканской ситуации на фоне остальных французских регионов? Для того чтобы попытаться найти ответ на этот вопрос, рассмотрим сначала, как развивалось и видоизменялось корсиканское движение на протяжении полувека; затем проанализируем более подробно основные «сквозные» темы, мобилизуемые его идеологами и, наконец, оценим достижения и просчеты противоборствующих сторон и современный конфликтный потенциал ситуации.

Существуют разные хронологии новейшего корсиканского движения, однако все они отражают постепенное, но неуклонное движение от регионализма к автономизму и национализму. Все авторы сходятся также в оценке важности нескольких конкретных событий, послуживших поворотными моментами в этом «закручивании спирали», разделившими историю корсиканского движения на «до» и «после».

Еще одно необходимое предварительное замечание: история эта выглядит необычайно сложной и запутанной, представляя собой непрерывную череду расколов, слияний, альянсов, переименований, причем число «игроков» на поле постоянно растет. Некоторые организации существуют десятилетиями, другие возникают и исчезают, как бабочки-однодневки. На острове одновременно действуют с десятков общественных движений, называющих себя националистическими, регулярно выходит не менее полутора десятков газет и журналов различных направлений, и это не считая нелегальных организаций! Следует ли, вслед за Э. Хобсбаумом, рассматривать эту изменчивость и неустойчивость как имманентную партиям и движениям с подчеркнута «националистическими» (чаще всего – сепаратистскими) программами¹⁰, или же дело еще и в том, что, по словам одного из отцов-основателей движения, М. Симеони, «корсиканский народ обладает способностью к бесконечной фрагментации»? В последнем случае логика всех этих флуктуаций может быть понята только с учетом местных реалий, в первую очередь антропологических, поскольку политическая жизнь на Корсике по-прежнему подвержена влиянию таких факторов, как соперничество кланов, клиентелизм, кровная месть. Родственные связи подменяют собой социальные. Демократические механизмы, прежде всего выборы, чаще всего служат лишь прикрытием для поддержания традиционных форм лояльности и передачи власти. Под вывесками региональных отделений общенациональных партий скрываются «группы поддержки», а депутаты, хотя и баллотировались от этих

партий, представляют в первую очередь интересы кланов, имеющие весьма отдаленное отношение к программам и задачам, выдвигаемым в масштабах всей страны¹¹.

Предваряя анализ конфликта достаточно подробной его хронологией, я исхожу из положения Д. Смита о необходимости принимать во внимание не только макрофакторы социально-экономического характера, но и политический контекст и «действия отдельных организаций и людей»¹². Тем не менее предложенная ниже периодизация осознанно несколько схематизирована, чтобы за хаотичным нагромождением имен и событий не проглядеть общую тенденцию развития корсиканского национализма.

Принимая во внимание исключительную сложность современного корсиканского конфликта и его затяжной характер, разумно отказаться от попыток однозначной его интерпретации и от вычленения, а тем более противопоставления субъективных и объективных факторов конфликта. Я использую предложенную К. Райманн¹³ теоретическую рамку, рассматривая происходящее на острове в последние 50 лет и как форму «борьбы за социальную справедливость», и как следствие «проблемы политического строя, т. е. *статус-кво*», и как инструмент «катализатора социальных перемен». На разных этапах и в представлении разных сторон-участниц тот или иной аспект интерпретации конфликта выходит на первый план или, наоборот, отходит в тень.

ХРОНОЛОГИЯ КОНФЛИКТА

ИСТОКИ. БОРЬБА ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И СОЦИАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ (1958–1960)

Зарождение нынешнего конфликта (если абстрагироваться от сомнительного тезиса националистов о «двухсотлетнем непрерывном противостоянии корсиканцев французскому государству») приходится на 1950–1960-е годы, которые можно без преувеличения назвать переломными для Корсики. Этот перелом обеспечивается действием нескольких факторов, как внутренних, так и внешних, которые не уравнивают, а напротив, усиливают друг друга.

Прежде всего, происходят быстрые и кардинальные демографические изменения. Резко сокращается дотолее традиционно высокая рождаемость. Менее чем за одно поколение ее уровень уравнивается с общенациональным, а затем опускается ниже, и с тех пор и поныне остается одним из самых низких во Франции. Быстро прогрессирует старение населения. Радикально меняется структура семьи: сложные, многопоколенные семьи стремительно уходят в прошлое; растет доля разводов, неполных семей и внебрачных рождений. В это же время начинается массовый исход из села, ведущий к запустению центральной части острова, где зимой целые деревни практически вымирают, в них остаются лишь несколько стариков¹⁴.

В отсутствие настоящих городских центров и развитой промышленности естественным карьерным горизонтом корсиканской молодежи долгое время были колонии. Известно, что доля корсиканцев в колониальной администра-

ции в разы превосходила долю населения острова в составе населения страны. Крушение французской колониальной империи перекрыло этот традиционный канал социальной мобильности. Более того, многие корсиканцы, военные и гражданские служащие колониальной администрации, начали возвращаться домой. По некоторым данным, еще до начала массового исхода французов из Алжира, в начале 1960-х годов, репатрианты составляли около 10% населения острова. А после обретения Алжиром независимости Корсика стала одним из регионов массового вселения репатриантов – так называемых *pieds noirs*.

Все эти факторы обусловили резкое ухудшение экономического и социального климата на Корсике. Именно в такие моменты, напоминает Д. Смит, начинают доминировать националистические настроения как «комплексная социальная, культурная, интеллектуальная и эмоциональная реакция на социально-экономическую и политическую дестабилизацию»¹⁵.

Стихийное недовольство и протестные настроения мало-помалу стали организационно оформляться. На начальном этапе в конфликте отчетливо просматриваются две стороны: *местные организации левого толка* – «Движение 29 ноября», «В защиту экономических интересов Корсики» (DIECO), «Комитет действий по улучшению положения Корсики» (CAPCO), выдвигающие экономические и социальные требования (налоговые льготы, облегчающие развитие экономики; выплаты, компенсирующие неудобство островного положения Корсики; сохранение местной железной дороги, которую собираются ликвидировать из-за нерентабельности; протест против закрытия асбестовых копей и т.п.), и *центральное правительство*, к которому эти требования обращены. Формы протеста также вполне традиционны для *борьбы за социальную справедливость*: демонстрации, забастовки. Активисты призывают к «объединению всех здоровых сил вокруг проекта регионального развития», который, как ожидалось, должно было поддержать государство. Легитимность последнего (*статус-кво*) на этом начальном этапе еще не ставилась под сомнение.

Вспоминает один из руководителей «Движения 29 ноября»:

«Мы пытались работать со всеми: с депутатами, профсоюзами, представителями местной власти, с экономически активным населением, с молодежью... Все вместе, левые, правые, были готовы объединиться вокруг общего стремления развивать экономику Корсики. Но политический класс оказался не на высоте. Они нас поддерживали, на словах, но при этом монополизировали право вести диалог с государством. Они приходили в министерства и говорили: “вы знаете, на Корсике неспокойно, так долго продолжаться не может...”, и под это получали кредиты, главным образом на свои собственные нужды. Они не доверяли нам, опасались усиления влияния коммунистов, вообще новых людей, и потому предали движение»¹⁵.

Таким образом, очень быстро в конфликте появляется третья сторона – традиционный политический класс, не заинтересованный в *социальных переменах* и даже враждебный им. О нем мы подробнее порассуждаем ниже.

Государство тоже оказалось не на высоте, «проглядев» зарождающийся протест и не только не сумев предложить адекватный ответ на экономические требования, но и приняв ряд управленческих решений, способствовавших его трансформации в протест политический.

Еще в 1957 г. был принят Региональный план развития Корсики, делающий ставку на развитие интенсивного земледелия и туризма. Более 40 тыс. га окультуренных земель на Восточной равнине, предназначавшихся для выращивания винограда и citrusовых, практически целиком оказались в руках репатриантов из Алжира. Они же стали главными получателями государственной помощи.

Трудно было найти более неподходящее место, чем Корсика, для вселения репатриантов, – считает Н. Гуидичи. «Все было за то, чтобы превратить их в мишень народного гнева: солидные состояния, которыми располагали многие из них; налоговые льготы, еще увеличивающие эти состояния; особые условия – приоритетный доступ к земле, к займам, – предопределявшие успешность их деятельности. К тому же в глазах населения Корсики, тяжело переживавшего потерю Францией Алжира, репатрианты выглядели “дезертирами”, пользующимися покровительством “правительства предателей”»¹⁷. Вспомним, что мелиорация зараженных малярией земель в равнинной части острова была одним из требований автономистов «первой волны» еще в 1920-е годы. Когда же наконец этот вопрос был решен, в выигрыше оказались чужаки, а местное сельскохозяйственное население, преимущественно занятое отгонно-пастбищным скотоводством, осталось в стороне от государственной программы и связанных с ней субвенций. Это не могло не вызвать *чувства несправедливости*, которое не зря считается одним из мощных мобилизующих факторов конфликта. Предприятия группы SOMIVAC, ответственной за реализацию Регионального плана, а также дома и имущество репатриантов станут первыми мишенями террористов в конце 1960-х годов.

Три десятилетия спустя, в 1989 году, тогдашний премьер-министр Франции М. Рокар, выступая в Национальной Ассамблее, признал совершенную ошибку:

*«...Первые сотни гектаров, выставленные на продажу компанией SOMIVAC, на 90% оказались в руках наших соотечественников, вернувшихся из Алжира, действительно потерявших все. Следовало бы иначе распределить между Корсикой и континентом эту нагрузку, связанную с репатриацией наших соотечественников из Алжира»*¹⁸.

На фоне уже упоминавшихся выше демографического спада и угасания традиционного сельского общества появление новых поселенцев-репатриантов, практикующих индустриальные методы агрикультуры, и наводнение острова туристами, воспринимаемое как посягательство «чужаков» на жизненное пространство, создают ощущение угрозы исчезновения корсиканского народа и его культуры и провоцируют защитный воинственный рефлекс¹⁹. К тому же рынок туристических услуг быстро захватывают крупные интернациональные сети (Mercure, ClubMed [Средиземноморский клуб. – Е.Ф.], Accor, Best Western), с которыми трудно конкурировать местным заведениям и которые приходят на остров со своим персоналом, практически не создавая рабочих мест для корсиканцев. Большую часть своей выручки они инвестируют за пределами Корсики, в других регионах земного шара²⁰. Объекты туристического бизнеса также подвергнутся нападениям. Один из подпольщиков-террористов вспоминает:

«Цели атак были ясны: все, что связано с захватом побережья. Мы начали со Средиземноморского клуба. Мы атаковали крупные туристические комплексы, чтобы разрушить их, а не ради вымогательства»²¹.

В 1960 году проект строительства на острове хранилища ядерных отходов вызывает волну возмущения, вынудившего правительство отказаться от его реализации. Этот эпизод способствует актуализации регионального сознания, стремления установить контроль над территорией («Корсика принадлежит корсиканцам»). С этого момента экологические аргументы становятся неотъемлемой частью программ регионалистов, а формирующиеся группы, движения, а затем и партия «зеленых» *I verdi corsi* примыкают к их лагерю.

Решения, принимаемые в Париже без учета мнения жителей острова, тем более – угрожающие их безопасности, провоцировали (и продолжают провоцировать поныне) вспышки насилия, которое кажется единственным способом заставить к себе прислушаться. Рассказывает Поль-Феликс:

«Корсику часто называют островом-лабораторией, и это не случайно. Каждый раз кому-то в Париже приходит в голову идея: а что если мы сделаем на Корсике то-то и то-то, как они будут реагировать? Ну-ка поглядим... Часто при этом прибегают к услугам местных политиков, я думаю, им за это приплачивают. И такой политик выдвигает инициативу, которая ему подсказана из Парижа (потому что у него самого не достало бы ума для принятия подобного политического решения), чтобы посмотреть, “проглотят” ли ее корсиканцы. Например, это касается недавних предложений по пересмотру норм закона о защите морского побережья в сторону уменьшения ныне существующей 100-метровой охранной зоны, где запрещено строительство. Как только это предложение было обнародовано, сейчас же начались взрывы, мобилизовались ассоциации по защите окружающей среды. И этот сигнал, этот военно-политический ответ был услышан. Там, в Париже, сказали себе: хорошо, немного подождем. Вот так это работает. Они нас как будто испытывают все время»²².

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ (1961–1973)

Тем временем в Париже возникают разрозненные корсиканские студенческие кружки и ассоциации, где идут дебаты о будущем острова. В 1963 г. в Кортэ (небольшой городок в центральной, гористой части острова) проходит их объединительный съезд – 1 Конгресс корсиканской молодежи, а в 1965 г. на его базе в Париже создается «Комитет по изучению и защите интересов Корсики» (CEDIC). В 1966 году все в том же Кортэ проходит молодежный Съезд регионалистов под лозунгом «Жить и работать на малой родине» (*Vivre et travailler au pays*), популярным в те годы по всей Франции. На съезде объявлено о создании Корсиканского регионалистского фронта (FRC). Под грифом этой организации в 1971 г. будет опубликована имевшая большой мобилизационный эффект брошюра «Остров, прибранный к рукам», заключительная глава которой озаглавлена «Корсиканский путь к социализму: иллюзии, реалии, надежды»²³. Однако уже в 1967 году от FRC откалывается группа «Корсиканское регионалистское действие» (ARC), ориентированная не столько на социализм, сколько на решение «корсиканской проблемы».

Среди руководителей первых регионалистских организаций преобладают выпускники университетов, вернувшиеся на остров в середине 60-х; мелкие предприниматели и коммерсанты, часть сельских производителей²⁴. В рядах

FRC тон задают интеллектуалы и средняя буржуазия (адвокаты, преподаватели), а также бывшие активисты парижских корсиканских студенческих ассоциаций. Социальная база ARC более разнородна: среди сторонников организации помимо все тех же адвокатов и врачей коммерсанты и предприниматели средней руки, представители традиционных для Корсики профессий – пастухи, мелкие сельхозпроизводители, ремесленники. Все эти люди находятся в схожей ситуации отсутствия перспектив социального продвижения и экономического роста, на которые они могли бы претендовать, если бы не кланы, контролирующие распределение «доходных» мест и блокирующие доступ к выборным должностям; если бы не репатрианты, сосредоточившие в своих руках огромные, по местным меркам, земельные владения; если бы не французская система ротации кадров, отдающая наиболее востребованные должности государственных служащих в руки приезжих с континента и отправляющая корсиканцев за пределы острова. Именно эти социальные слои становятся опорой автономистского движения, заявляющего о желании порвать с традиционным устройством политической жизни, отказывающегося играть по заранее установленным правилам и разоблачающего ложь и махинации во время выборов.

Ощущение несправедливости происходящего, ущемления своих прав и интересов, угрозы, исходящей от «чужаков», и растерянности перед стремительно меняющимся окружающим миром вызвали к жизни консервативные, защитные идеологии, нашедшие выражение в призыве к защите Корсики и ее народа, его культуры и идентичности. Некоторые из руководителей ARC, как, например, М. Симеони, говорят даже о корсиканской *ethnie*²⁵. Именно в этот период формулируется доктрина антиколониализма, важнейшим аргументом которой является тезис о «поселенческой колонизации» (*colonisation de peuplement*) и «замещающем геноциде», на долгие годы ставший лейтмотивом националистической пропаганды.

На этом этапе в корсиканском движении формируются два направления, которые Ж.-Л. Брике определяет как «интеллектуальное» и «экономическое»²⁶. FRC, действующий в Париже, обладает слабой мобилизационной силой из-за своей оторванности от острова и представляет собой по сути лабораторию идей. ARC, напротив, подчеркнуто аполитичен и строит свою пропаганду на культурно-антропологических и даже этнических аргументах. Этот дуализм станет отныне характерной чертой движения: «с одной стороны – сравнительно немногочисленные партии и движения социалистической ориентации с более или менее развитой идеологией и программой социальных преобразований, тесно увязывающие борьбу за национальное освобождение с борьбой за освобождение социальное. С другой – более массовые течения “аполитичного корсизма”, заявляющие о себе как о самостоятельной силе, не принадлежащей ни к левому, ни к правому лагерю»²⁷.

Стремясь опереться на возможно более широкую социальную базу, включая буржуазию и либеральные профессии, «центристы-корсисты» разоблачают как правые, так и левые партии и призывают к национальному единению поверх социальных различий²⁸, а потому они просто не могут предложить внятную программу будущего развития острова, чтобы не оттолкнуть от себя те или иные социальные силы. «Сама его неопределенность, отсутствие в нем конкретной положительной программы, – пишет Э. Хобсбаум, – спо-

собны обеспечить национализму всеобщую поддержку в пределах данной группы... Этническая пропаганда способна привлечь значительное большинство данной общины – при условии, что лозунги ее остаются достаточно смутными или далекими от реальных проблем»²⁹. Именно это и происходит в корсиканском движении: автономисты строят свою политику вокруг «культурных» требований: развитие языка, открытие Университета, возрождение и сохранение культурного наследия в двух формах: сельской общины и корсиканской «нации».

Характерно, что идеологическая граница между двумя течениями отнюдь не является непроницаемой, и они нередко используют общие аргументы в своей пропаганде. «Социалисты» не отказываются от идеи «природной», «естественной» нации, а «корсисты» обличают «компрадорскую буржуазию» и традиционный корсиканский политический класс как опору «французского колониализма». В дискурсе лидеров движения соперничают две логики: логика развития и логика сохранения идентичности³⁰.

Но корсиканский национализм – явление не только политическое, но и социальное. Его влияние выходит за рамки круга активистов движения и распространяется среди народа. Он призван *изменить систему социальных связей, общественные отношения и повседневную жизнь* каждого жителя острова, и в этом смысле он может считаться катализатором социальных перемен. Постепенно «национальная» идея начинает овладевать массами, что находит выражение в движении *Reaquistu*, первый этап которого приходится на 1970-е годы³¹. Движение это, как явствует из его названия, направлено на возвращение культурных ценностей в самом широком понимании этого слова (подробнее о нем – ниже). По мере распространения «национальной идеи» среди населения и превращения национализма из теоретизированной горстки интеллектуалов в более или менее массовую идеологию усиливаются позиции местных, корсиканских организаций (в первую очередь ARC, которую к тому времени возглавил Э. Симеони), все более настойчиво оспаривающих лидерство парижских кружков и группировок. В то же время было бы ошибкой полагать, что все участники движения *Reaquistu* разделяли идеи националистов или сочувствовали им. Для многих речь шла о поиске идентичности, возвращении к реальным или вымышленным истокам, тоске по аутентичной, не «испорченной» обществом потребления жизни, характерных для поколения шестидесятых-семидесятых годов во всем «западном» мире.

Ситуация резко обостряется 1972 г. Сброс в акваторию в районе Корсиканского мыса диоксида титана (вошедший в историю как выброс «красного ила») с судна-разгрузчика итальянской фирмы «Монтедизон» провоцирует длительную мобилизацию различных общественных сил. Она перерастает в массовые беспорядки, закончившиеся штурмом префектуры в Бастии. Вспоминает участник событий:

«Это был настоящий бунт. Я увидел, что народ штурмует ограждения, и решетки падают, что ни на полицию, ни на префекта никто больше не обращает внимания. Я тоже вместе со всеми ворвался в префектуру, и это стало поворотным моментом моей жизни. Если впоследствии я вступил в ряды националистов, то именно под впечатлением этих событий. Авторитет государства пошатнулся, потому что оно не оправдало надежд населения в момент опасности, а ведь власть обязана защищать население в таких случаях. Но

этого не произошло. В результате мы решили проблему сами, и с этого момента мы поняли, что больше не нуждаемся в государстве, раз мы можем решать наши проблемы самостоятельно. Это стало большим благом, поскольку способствовало зарождению идеи о независимости. Мне было 19 лет, когда я воочию увидел, как рушится все то, что я считал навеки заведенным порядком, и я потерял всякое уважение к этому порядку...»³².

В ответ на бездействие французского и итальянского правительств 13 сентября 1973 г. группа аквалангистов осуществляет подрыв другого судна, принадлежащего фирме «Монтедизон» и появившегося на рейде близ корсиканского берега. Ответственность за этот взрыв берет на себя дотоле не известный Крестьянский фронт освобождения Корсики (FPCL). С этой же организацией связывают первую «ночь террора» (*nuit bleue*), потрясшую остров девятью взрывами 4 января 1974 года. 30 января того же года деятельность FPCL была запрещена, но он просуществовал в подполье как минимум до 1976 г., периодически напоминая о себе террористическими актами.

«Таким образом, – констатируют авторы статьи о роли насилия в политической борьбе на Корсике, – за время с 1959 по 1973 г. на смену кружку интеллектуалов, даже не помышлявших о каком бы то ни было регионализме, пришла партия бойцов, для которой этот лозунг оказался уже недостаточным»³³.

ОТ РЕГИОНАЛИЗМА К АВТОНОМИЗМУ (1973–1975)

Начиная с 1973 г. корсиканское протестное движение постепенно радикализуется, и на смену регионалистским лозунгам приходит требование внутренней автономии. Жан-Пьер Сантини, ветеран движения, один из основателей Фронта национального освобождения Корсики, вспоминает об этом периоде: «Такой быстрый переход от регионализма к автономизму объясняется тем, что, будучи регионалистами, мы ничего не добились». Выразителями новых требований становятся «Союз за Родину», в состав которого входит, в числе прочих организаций, FRC, а также обновленный ARC (отныне эта аббревиатура расшифровывается как Деятельность по возрождению Корсики) под предводительством Э. Симеони.

В это же время параллельно с легальным политическим крылом движения начинают создаваться и множиться нелегальные организации. В 1974 г. наряду с официально распущенным Крестьянским фронтом освобождения Корсики (FPCL) возникает *Ghustizia Paolina*³⁴, организующая несколько взрывов, в частности, административных зданий. Свою политическую программу организация изложила в так называемом «Троицком Манифесте», солидаризовавшись с основными требованиями «легальных» автономистов, но открыто объявив об отказе от легальных методов борьбы. Чуть позже под влиянием радикально настроенного студенчества ARC, в свою очередь, вступает на путь вооруженной борьбы. Роль «спускового крючка» сыграли события в Алерии.

21 августа 1975 г., после выступления на многотысячном митинге своих сторонников, Э. Симеони с десятком соратников занимают винодельческое предприятие, принадлежащее репатрианту из Алжира, которого обвиняют в

нечестном ведении дел и разорении мелких производителей. Реакция властей не заставила себя ждать: на место событий отправляются мобильный отряд жандармов и вертолеты. В ходе предпринятого штурма двое жандармов были убиты, еще несколько – тяжело ранены. В ответ на это деятельность ARC была объявлена вне закона, а Э. Симеони оказался за решеткой. Напрасно из тюрьмы он призывал своих сторонников к спокойствию: Корсика вступила в затяжную фазу вооруженного насилия. С этого момента, отмечает автор блестящего политического эссе «Закат корсиканцев» Н. Гуидичи, сам ставший жертвой так и не раскрытого покушения, счет взрывам идет на тысячи, убитым – на сотни²⁰.

В ночь на 5 мая 1976 г., накануне суда над Э. Симеони, на острове прогремел 21 взрыв. Эта новая «ночь террора» возвестила о создании Фронта национального освобождения Корсики (FLNC), в рядах которого объединились боевики уже известных нам FPCL и *Ghustizia Paolina*. Название новой организации отнюдь не случайно «позаимствовано» у алжирского Фронта национального освобождения, от которого его отличает только одна буква «С», обозначающая Корсику. Распространенные в ночь взрыва по всему острову листовки содержали основные пункты политической программы новой организации:

- признание национальных прав корсиканского народа,
- разрушение инструментов колониального господства Франции,
- установление национального, народного и демократического правления,
- конфискация крупной колониальной собственности (аграрная реформа),
- право на самоопределение по истечении трехлетнего переходного периода.

«Начиная с этого момента, – рассказывает Э. Симеони, – фактически сосуществуют два течения: автономистское, требующее законными средствами статуса внутренней автономии в законодательной и финансовой сферах, при сохранении за французским государством его прерогатив в международных делах, в вопросах национальной обороны и пр., и сепаратистское, требующее полного самоопределения и использующее вооруженные методы борьбы, в частности, против символов колониализма: государственных учреждений и пр. Отношения между двумя течениями никогда не были безоблачными, несмотря на общий культурный фундамент – корсиканскую идентичность – и несмотря на то, что мы, автономисты, задолго до сепаратистов сформулировали те социально-экономические и культурные требования, которые сегодня составляют основу их притязаний»²¹.

СОПЕРНИЧЕСТВО МЕЖДУ АВТОНОМИСТАМИ И СЕПАРАТИСТАМИ. УСИЛЕНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОГО КРЫЛА ДВИЖЕНИЯ (1976–1990)

Конфликты начались буквально с первого дня существования FLNC: новая организация подвергается жесткой критике «нерешительность» автономистов, после роспуска ARC перегруппировавших свои ряды и создавших «Ассоциацию корсиканских патриотов» (АРС), которую возглавил брат арестованного Эдмона Симеони Макс. Накануне генеральной ассамблеи этой

организации FLNC организует очередную «ночь террора», на что М. Симеони откликается ироническим заявлением в принадлежащем ему журнале «Aritti»: «А вот и FLNC, явился – не запылится», тем самым отказываясь подписаться под требованиями независимости, выдвигаемыми нелегалами.

Летом 1976 г. создается радикальная молодежная организация «Совет националистической корсиканской молодежи», объединяющая в своих рядах студентов, активистов культурного движения, безработных, сельских производителей. Вскоре от нее отпочковывается Союз корсиканских лицейцев. Обе организации поддерживают лозунг борьбы за национальное освобождение. Годом позже они вольются в ряды FLNC.

Видя, что инициатива уходит из рук автономистов, М. Симеони, в свою очередь, захватывает еще одно винодельческое хозяйство, принадлежащее репатрианту из Алжира, и взрывает его винный погреб, после чего на целый год уходит в подполье. Свои действия он называет «официальным предупреждением правительству».

На протяжении осени 1976 г. на острове неоднократно вспыхивают беспорядки, к которым очевидно причастен FLNC. Он же берет на себя ответственность за подрыв «Боинга» в аэропорту Аяччо. Правительство реагирует жестко: несколько десятков боевиков арестованы и водворены в тюрьмы. Вспоминает один из активистов FLNC:

«Я получил десять лет, хотя не совершил тяжких преступлений. (...) фактически мне инкриминировали только участие в подготовке взрыва, и все. И я получил десять лет, а ведь столько дают за убийство. Я думаю, что такие суровые приговоры были не случайны, судьи хотели тем самым показать, что нужно уничтожить все в зародыше»³⁷.

В мае 1977 г. FLNC публикует свой политический манифест – так называемую *Зеленую книгу*. В этом документе, по признанию бывшего лидера FLNC П. Поджоли, заметно сильное влияние Корсиканской социалистической партии. Фронт требует независимости путем самоопределения и оправдывает вооруженную борьбу. В том же году вышедший из заключения Э. Симеони создает новую организацию – Союз корсиканского народа (UPC), стоящую на позициях легальной борьбы за внутреннюю автономию. Он открыто и жестко критикует FLNC, в результате чего пути двух течений резко расходятся. Фронт предпринимает попытки, поначалу неудачные, создать политическую витрину, которая могла бы открыто соперничать с автономистами из UPC. Эту роль последовательно выполняют Совет националистических комитетов, Корсиканское движение за самоопределение и *A Cuncolta* (Ассамблея). Все эти организации, подчеркивает П. Поджоли, определяют себя как «публичные», а не «легальные», как у автономистов. Разница состоит в том, что они не осуждают насильственные действия подпольщиков, а солидаризируются с ними. Созданные по инициативе FLNC, «публичные» организации следуют его директивам и не считают себя обязанными находиться в правовом поле государства и его институтов.

Таким образом окончательно оформляется еще одна разделительная линия внутри корсиканского движения: с одной стороны – «легальные» организации (автономисты), с другой – подпольщики-боевики (сторонники независимости). Жесткая конкуренция между ними будет перемежаться периодами сближения. Поначалу Фронту удастся перехватить инициативу и оттеснить

на второй план UPC братьев Симеони, чье лидерство в движении после событий в Алерии было неоспоримым. Однако вскоре уже внутри самого FLNC назревают несогласия относительно целей и методов борьбы.

Тем временем к власти в стране приходят социалисты, не без поддержки регионалистских и националистических движений. Они начинают выполнять предвыборные обещания, данные последним в обмен на голоса избирателей. Из интервью Поля Феликса:

«Был своего рода контракт между националистами и левыми. Миттеран пообещал в случае своего избрания освободить из тюрем корсиканцев, осужденных по политическим мотивам. И он сдержал свое обещание»³⁸.

Покинув тюрьмы, многие бывшие члены вооруженного подполья предпочли «выйти из тени» и влиться в ряды публичных организаций.

Освобождение политзаключенных было не единственной уступкой левых корсиканским националистам. В 1981 году открывают свои двери университет в Кортэ, создаются региональные программы радио и телевидения. В 1982 Национальная Ассамблея голосует за закон о децентрализации, и в том же году на Корсике проходят первые региональные выборы. UPC, будучи легальной организацией, участвует в выборах и получает три мандата, вновь оставляя FLNC позади. Однако уже на следующих выборах Фронт, используя контролируемые им публичные организации, также проводит в региональный совет своих людей. В дальнейшем, вплоть до конца 1980-х годов, оба крыла движения будут искать пути сближения, заключать предвыборные альянсы, пока их не поразит тяжелый кризис, свергнувший их в пучину братоубийственной войны.

РАСКОЛ И ВНУТРЕННИЕ ВОЙНЫ В СТАНЕ НАЦИОНАЛИСТОВ (1991–1999)

Рассказывает генеральный секретарь Партии корсиканской нации Ж.-К. Анжелини:

«В 1990-е годы в результате борьбы за власть и силового противостояния революционное течение расколосось надвое, если не на три. И в этот момент начались ожесточенные столкновения внутри самого революционного течения, продолжавшиеся с 1992–1993 гг. вплоть до 1997–1998 гг., в которых погибли около 20 человек, принадлежавших к двум крупным нелегальным фракциям: “Le canal historique” и “Le canal habituel”»³⁹.

Действительно, к началу 1990-х годов насилие, практикуемое нелегальными организациями, постепенно выходит из-под контроля. Руководство FLNC больше не в состоянии обеспечивать единство в рядах организации, которая фактически раскалывается надвое: более умеренное, или политическое крыло – *Canal officiel*, называемый также *Canal habituel* – и более радикальное, военизированное – *Canal historique*. Публичное прикрытие Фронта также состоит отныне из двух партий: МРА (Движение за самоопределение) становится витриной первого, *A Cuncolta* (Ассамблея) – второго. Яблоком раздора стали финансовые средства, добываемые путем взимания так называемого «революционного налога» и идущие на финансирование деятельности националистического подполья, а также принципиальные разногласия

по поводу форм и методов вооруженной борьбы и достижения заявленной цели – независимости Корсики.

П. Поджоли, бывший предводитель тогда еще единого FLNC, признает, что ему не удалось предотвратить «сползание» организации с политической сцены в сферу теневой экономики, начавшееся с введения практики «взимания революционного налога». Вскоре после этого движение вступило в стадию распада на многочисленные мелкие группировки, каждая из которых стремилась прибрать к рукам определенный сектор экономики. Видя, что Фронт становится неуправляемым, П. Поджоли вместе с несколькими соратниками создает третью «публичную» партию – Корсиканское национальное собрание (*Accolta Naziunale Corsa – ANC*), которая вскоре обзаводится собственной подпольной организацией *Resistenza* (Сопrotивление). Каждая организация стремится ослабить соперников в борьбе за право быть единственными переговорщиками в диалоге с центральной властью, за доступ к распределению бюджетных денег, поступающих на остров в качестве субвенций, а также за верховенство в так называемой альтернативной власти (*contre-pouvoir*), о создании которой было объявлено в обновленной политической программе Фронта – «Белой книге», обнародованной в 1981 г.:

«Борцы за национальное освобождение должны организовать народ, добиваясь создания на местах альтернативных структур власти. Они позволят взять в свои руки и контролировать управление всеми сферами жизни в соответствии с интересами и потребностями страны»⁴⁰.

Роль альтернативных структур управления призваны сыграть профсоюзы, культурные ассоциации, публичные политические организации, кооперативы, общества взаимного страхования. Идеологи Фронта отвергают тактику вхождения в действующие государственные структуры управления и призывают своих сторонников к выходу из общенациональных партий и профсоюзов. В то же время, они не отказываются от участия в выборах, «навязанных колониальной системой», желая противостоять на этом поле как традиционному политическому классу – «пособникам колонизаторов», так и автономистам, которых радикалы из FLNC обвиняют в реформизме. Тем не менее, на первые выборы в Ассамблею Корсики, созданную в рамках принятого в 1991 году нового административного статуса острова, получившего название «статус Жокса», националисты и автономисты идут единым списком, что обеспечивает им небывалый успех. Вспоминает лидер коалиции Э. Симеони:

«В 1992 г., после заключения очередного перемирия, я возглавил общий избирательный лист коалиции “Corsica Nazione”, в которую вошли, помимо UPC, ANC и корсиканские “Зеленые”. Вместе с другими националистами из Движения за самоопределение (MPA) мы получили 13 мест из 51 в Ассамблее Корсики, т. е. за нас было подано почти 25% голосов от числа принявших участие в голосовании. В 1994 г., однако, союз распался и был возобновлен после следующего перемирия лишь в 2002 г.»⁴¹.

Согласно другим источникам, впрочем, дело обстояло вовсе не так благополучно: люди из MPA и прежде всего их лидер А. Орсони отнюдь не радовались победе *Corsica Nazione*. MPA не случайно отказалась примкнуть к коалиции, рассчитывая на достаточное количество голосов, чтобы играть собственную политическую роль. Этим надеждам не суждено было сбыться.

По общему признанию, 1992 год был кульминацией в истории корсиканского национализма. У многих сочувствующих национальной идее появились тогда надежды на мирные перемены. Вспоминает Иван:

«Мой путь в движении начался в 1992 г., во время местных (территориальных) выборов. Я в то время жил в Париже, но интересовался происходящим на Корсике, следил за тем, как меняется ситуация, в том числе в националистическом движении. Постепенно сблизился с корсиканской средой, стал посещать собрания, а затем стал активным участником политического движения, ANC лидером которого был Пьер Поджоли. Возвращаясь к выборам 1992 г.: тогда националисты получили 25%, что дало им определенный вес в Региональной Ассамблее. Это был пик подъема движения, и одновременно начало его спада. Тогда, в 1992, после выборов, я решил вернуться жить и работать на Корсику, участвовать в политической жизни. Я считал, что, работая в политической структуре, смогу содействовать развитию Острова, в частности, путем привнесения свежих идей извне. На Корсике я быстро и легко интегрировался в ряды националистического движения, потому что у меня уже были контакты, в частности в студенческой среде. В Париже я был активным участником корсиканского студенческого кружка и в университете Корте тоже. Это был кружок, где мы занимались и футболом, и музыкой, и в то же время интересовались политическими проблемами. Я вновь встретился там со многими людьми, с которыми мы были знакомы в Париже. Вплоть до 2004 г. я был активным членом ANC. После я немного отошел в сторону, но по-прежнему интересуюсь ситуацией и по-прежнему голосую за список "Corsica Nazione" на выборах в территориальную Ассамблею»⁴².

Но именно в это время внутри корсиканского движения разражается глубокий и затяжной кризис. Все 1990-е годы отмечены, с одной стороны, эскалацией насилия (порядка 30–40 убийств совершается на острове ежегодно) с другой – его возрастающей анонимностью. Если в 1980-е годы было известно «авторство» 70% взрывов, то в 1990-х лишь за 30% кто-то взял на себя ответственность⁴³. В частности, осталось анонимным убийство префекта Эриньяка в 1998 г., которое многие националисты считают политической ошибкой, не принесшей националистическому движению никакой пользы, а лишь сотни арестов, долгие годы заключения, разрушенные семьи⁴⁴.

Вооруженная борьба перешла из первой фазы, определяемой в «Белой книге» FLNC как «вооруженная пропаганда, исключая человеческие жертвы, за исключением случаев самозащиты», во вторую – «вооруженную борьбу в полном смысле слова», которая ведется уже не только против французского государства, но и против собственных политических противников. Задача – ликвидировать внутренние противоречия и разногласия внутри движения и поставить во главе его «единое политическое руководство, способное привести массы к конечной цели, не позволив реформистам увести их в сторону»⁴⁵. Отныне мишенями террористических актов все чаще становятся политические оппоненты FLNC из стана националистов. Поначалу дело ограничивается актами устрашения (поджоги, угрозы) или покушениями на собственность противников (взрывы домов, ресторанов, контор, принадлежащих членам противоборствующих группировок). До поры до времени обходится без человеческих жертв.

Бывшие боевики, с которыми мне довелось беседовать, не раз подчеркивали, что при организации взрывов они с особой тщательностью следили за тем, чтобы не пострадали случайные люди. Для этого они до последнего момента находились в непосредственной близости от заложенного взрывного устройства, что стоило многим из них увечий, а иным даже жизни. Сначала такой «альтруизм» казался мне странным и маловероятным. Но

он оказывается вполне объяснимым, если принять во внимание тот факт, что Корсика, в отличие, скажем, от Ирландии или Страны Басков, не говоря уже о воинах исламского джихада, практически не знает «слепого» насилия. Оно всегда имеет конкретного адресата⁴⁶. И ошибиться адресом смертельно опасно.

1990-е годы на Корсике убедительно подтверждают этот тезис. Рассказывает Иван:

«Произошло убийство одного из активистов движения, при неясных обстоятельствах, после чего спираль стала раскручиваться, началось сведение счетов между кланами, и националистическая борьба фактически уступила место борьбе между кланами. С этого и начался спад»⁴⁷.

В стремлении сосредоточить в своих руках абсолютную власть радикальное крыло FLNC решает перейти к физическому устранению «диссидентов». 15 июля 1995 года один из молодых членов движения, пожелавший выйти из его рядов в знак несогласия с некоторыми решениями, был убит по распоряжению руководства. Другой боевик, приведший приговор в исполнение, вспоминал годы спуста:

«Нужно было дать понять нашим оппонентам, что мы не остановимся ни перед чем, чтобы наказать тех, кто отклоняется от общей линии. Даже если это “свои”⁴⁸.

С этого момента начинается то, что на Корсике называют «братоубийственной войной среди националистов». Она продлится до конца десятилетия и унесет несколько десятков жизней (согласно докладу парламентской комиссии, к 1999 г. число ее жертв достигло 56). Не избежат покушений и видные фигуры националистического движения: П. Поджоли будет тяжело ранен неизвестными стрелками-мотоциклистами, П. Альбертини (лидер МРА) убит, Ш. Пиери, один из предводителей FLNC, лишится глаза в результате взрыва автомашины, унесшего жизнь его ближайшего соратника и друга. За другими, как, например, за А. Орсоли, до сих пор тянутся не снятые обвинения в убийствах.

Война между националистами потрясла, без преувеличения, все корсиканское общество. Для многих этот драматический эпизод стал эффективной прививкой против национализма. Это признают все без исключения бывшие и нынешние участники движения. Приведем несколько характерных оценок:

«Восприятие корсиканцами националистов заметно изменилось в результате внутренних столкновений в их рядах. Многие люди, связывавшие все свои надежды с националистическими движениями, отказываются понять, как можно по непонятным или во всяком случае не известным населению причинам так запросто убивать друг друга. С течением времени в результате таких явлений, как использование вооруженного насилия и взимание “революционного налога”, отношение к национализму заметно изменилось, и сегодня, после периода примирения и периода объединения, перед нами стоит задача вернуть доверие корсиканского народа»⁴⁹.

«Особенно большой ущерб репутации националистов нанесли вооруженные столкновения между ними, убедившие общественное мнение в том, что внутренняя вражда является важнейшей составляющей националистических движений, в то время как последние без конца твердят о братстве и о прочности социальных связей, которые объединяют их между собой и с населением»⁵⁰.

«Насилие из политического акта, ответственность за который нужно иметь мужество взять на себя, превратилось в акт криминальный и бесполезный. Сегодня обвиняемые уже не говорят о причинах, побудивших их к насилию, но строят свою защиту на отрицании

факта насилия. И это отвращает население от националистов. Очень многие, особенно молодые, потенциально склонные к национализму люди не хотят даже слышать обо всех этих партиях и движениях, которые своими бесчестными действиями чернят саму идею национализма. Они постепенно превращаются в милитаризированные кланы, в зародыши будущей мафии. Это как на Сицилии, где начиналось тоже с политиков, вокруг которых группировалось население, и потом постепенно эти политики превратились в крестных отцов. Националисты сегодня ведут Корсику к катастрофе. И я сам, будучи в душе националистом, готов бороться против них, чтобы помешать им придти к власти» (Жан-Поль Альбертини, брат убитого Пьера Альбертини)⁵¹.

Некоторые свидетели событий полагают, что дело не обошлось без вмешательства государства и, в частности, его силовых структур: «Франция через свои сети сумела подорвать изнутри националистическое движение, предлагая его активным участникам административную карьеру, а иногда и деньги», – утверждает один из молодых сторонников П. Поджоли⁵².

Пожелавший сохранить анонимность бывший активный участник радикального крыла FLNC, к своим пятидесяти годам уставший от рискованных игр с законом и превратившийся в благопристойного владельца ресторана, идет в своих обвинениях еще дальше: он утверждает, что французские силовые структуры поочередно делали ставку то на одно, то на другое крыло Фронта, закрывая глаза на вылазки его боевиков, беспрепятственно пропускающая через свои посты машины с вооруженными людьми и по сути натравливая националистов друг на друга⁵³.

Еще один из моих респондентов рассказывал, как на узкой горной дороге его остановил полицейский патруль для проверки документов. В это время мимо проезжал автомобиль, за рулем которого сидел известный деятель националистического подполья (дальний родственник моего респондента), официально находящийся в розыске. Полицейский, однако, вопреки всем ожиданиям, не только не остановил его, но даже не повернул головы в его сторону, сделав вид, что углубился в изучение предъявленных ему водительских прав⁵⁴.

Подобные ситуации блестяще обыгрываются в популярном комиксе «Enquête corse» (автор – Р. Петийон), по которому в 2004 г. снят одноименный фильм (в российский прокат он вышел под названием «Корсиканец»). Ходят также упорные слухи о некоей сети тайных агентов с характерным названием «FRANCIA» (аббревиатура расшифровывается как «Фронт нового действия против независимости и автономии»), которая якобы осуществляла теракты против националистов с целью их запугивания или физического устранения. Что в этих рассказах правда, а что – миф, наверное, станет известно не скоро, если вообще можно рассчитывать на достоверные сведения в подобных вопросах. Но можно вспомнить скандал с попыткой поджога кафе, которая оказалась делом рук жандармов, действовавших по негласному указанию тогдашнего префекта Корсики Б. Боннэ. Последний, изблеченный в преступном деянии, предстал перед судом и получил тюремный срок⁵⁵.

Однако многие уверены, что искать причину раздоров в стане националистов на стороне бессмысленно, и все дело в них самих:

«На локальном уровне идет соперничество за влияние между отдельными фигурами, которые стремятся установить контроль над определенной территорией. В этом соперничестве многие из них стремятся заручиться поддержкой французского государства»⁵⁶.

«К сожалению, надежды на демократический порядок внутри движения не оправдались, они оказались утопией. Потому что человек по природе своей жаждет власти и денег. И очень скоро начались внутренние конфликты между лидерами движения, каждый из которых хотел быть главным. В частности, возобновилось традиционное соперничество за власть между Севером и Югом, оно тянется уже около двухсот лет, и националисты унаследовали его. Наверное, это в нас генетически заложено: каждый, обладающий хоть небольшой властью над горсткой людей немедленно становится местным царьком. Корсиканская проблема перестала быть проблемой политической и превратилась в проблему криминальную. Больше нет борцов за независимость, а есть бандиты и жулики. И государство ведет с ними борьбу, как та же Италия борется со своей мафией». Кто может гарантировать, что если завтра мы добьемся независимости и будем предоставлены сами себе, братоубийственная война, которая бушевала на Корсике 13 лет назад, не возобновится с утроенной силой?»⁵⁷ (Жан-Поль Альбертини).

«В конце концов в 1999 г., дабы положить конец этой человеческой и политической драме, все без исключения националисты подписали так называемый протокол о примирении, предназначением которого было, я цитирую, “навсегда покончить с насильственными столкновениями между корсиканцами”. Период примирения продолжался примерно до 2001–2002 гг. Несмотря на это, имели место некоторые столкновения на периферии националистического движения, я имею в виду, в частности, группировку Франсуа Сантони, члены которой стали жертвами сведения счетов. Затем, в 2002–2003 гг. мы перешли от примирения к объединению, и обе политические семьи – революционеры и реформисты – объединились в широкую коалицию, на периферии которой остаются несколько мелких организаций, идеологически занимающих крайне левый фланг политического спектра»⁵⁸.

Так выглядит завершение «братоубийственной войны» в изложении Ж.-К. Анжелини. Однако картина выходит слишком идиллической, если учесть, что «широкая коалиция» *Unione Naziunale* (Национальный союз), о которой упоминает лидер Партии корсиканской нации (PNC), на территориальных выборах 28 марта 2004 г. смогла провести в Ассамблею только 8 человек – столько же, сколько в лучшие времена получал в одиночку Союз корсиканского народа Э. Симеони. Эти цифры красноречиво говорят о том, сколь большой урон нанесли авторитету националистов годы междоусобицы, когда сама идея единства корсиканского народа, начертанная на их знаменах, была поставлена под сомнение. Череда смертей здоровых, молодых людей, за которыми стояла уже не только война между различными политическими течениями и криминальными группировками, но и возродившаяся логика вендетты, вовлекавшая в убийственную спираль насилия целые семьи, заставляла население ужаснуться. Вспоминает вдова одного из погибших:

«Самоубийственный инстинкт корсиканцев вдруг мощно вырвался наружу. Последняя воля покойных, нормы религии и морали – все это было забыто. У меня было ощущение, что мы вернулись на два столетия назад. В это время я поняла, что само понятие “корсиканский народ” имеет границы»⁵⁹.

ПОПЫТКИ ПРИМИРЕНИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЯ (2000–2010)

Принято считать, что начало примирению было положено на встрече в Мильячьяру 22 февраля 1999 г. В ней приняли участие представители всех враждующих организаций, за исключением группировки Ф. Сантони и Ж.-М. Росси *Armata Corsa*. Летом того же года эта организация взяла на себя ответственность за совершенное убийство. В распространенном от ее имени

заявлении говорилось, в частности, что «никакие соглашения и протоколы не помешают продолжать борьбу против мафиозии, маскирующихся под националистов». Начавшийся «мирный процесс», получивший название «Процесс Фиуморбу» по названию местечка, где действовала группировка, выступившая его инициатором, вновь оказывается под вопросом, поскольку на его участников брошено серьезное подозрение. *Armata Corsa* отказывается соблюдать договоренность о прекращении насилия до окончания диалога между националистами и совершает еще несколько провокаций. Нежелание ни договариваться, ни даже соблюдать перемирие стоило жизни сначала нескольким предполагаемым членам *Armata Corsa*, а затем и обоим ее лидерам, причем эти убийства были совершены уже после подписания протокола, в котором говорилось о том, что решение о примирении между различными националистическими течениями и организациями необратимо и отмене не подлежит. В этой ситуации несколько группировок заявляют о своем выходе из «Процесса Фиуморбу» и продолжают нарушать провозглашенное прекращение огня. Эти провокации дестабилизировали общую обстановку на острове и заметно мешали начавшемуся в 1999 году по инициативе Л. Жоспена, в ту пору премьер-министра, диалогу с центральной властью по поводу расширения внутренней автономии Корсики. Националистов на этих переговорах, известных как Матиньонский процесс⁵⁹, представляла депутатская фракция *Corsica Nazione*, в которую входили как автономисты, так и радикалы из *A Cuncolta*.

СОВРЕМЕННАЯ РАССТАНОВКА СИЛ

Нынешние *нелегалы* продолжают использовать вывеску Фронта национального освобождения. Наряду с двумя уже известными его подразделениями (*Canal Historique* и *Canal Habituel*) появляются новые группировки, также использующие в своих названиях аббревиатуру FLNC. Это «FLNC – союз борцов», «FLNC 5 мая», «FLNC 22 октября», «FLNC анонимный» и т. д. При этом каждая новая организация собирает под свои знамена наиболее радикальную часть, отколовшуюся от предыдущей.

Тем временем «публичные» *сторонники независимости* предпринимают шаги к объединению. В 2001 году создается новое движение «Независимость» (*Indipendenza*), которое возглавил Ф. Саржентини. Три года спустя эта организация объединится с *Corsica Nazione* в партию *Corsica Nazione Indipendente*, во главе которой встанет Ж.-Г. Таламони. В 2009 году последняя образует, вместе с ANC и еще двумя организациями, новое движение «Свободная Корсика» (*Corsica Libera*), которым руководит бывший лидер ANC П. Поджоли. Организация открыто заявляет о своей солидарности с нелегалами (в версии «FLNC – союз борцов») и делает освобождение политических заключенных и прекращение дальнейших преследований одним из основных пунктов своей программы.

Умеренные националисты – *автономисты*, призывающие к прекращению нелегальной борьбы и использованию исключительно политических методов, группируются отныне вокруг созданной в 2002 г. Партии корсиканской нации (PNC) во главе с Ж.-К. Анжелини. Новая организация поглотила

несколько партий и движений, в том числе UPC. К этой же партии примкнула часть бывших членов МРА.

Перед территориальными выборами 2004 г. оба течения, автономисты и борцы за независимость, объединились в уже упоминавшуюся коалицию «Unione Naziunale», но этот альянс дал обратный эффект: вместо того чтобы объединить голоса избирателей, в той или иной мере сочувствующих национальной идее, он оттолкнул, с одной стороны, тех, кому автономия кажется недостаточной, с другой – тех, кто боится независимости. К тому же внутренние разногласия в коалиции оказались слишком сильны. Принципиальным вопросом, по которому не удалось достичь компромисса, стал вопрос об отношении к нелегальному движению и насильственным методам борьбы. Если автономисты настаивали на безусловном прекращении насилия, по крайней мере на время переговоров с правительством, то сепаратисты не разделяли эту позицию. В итоге вскоре после выборов коалиция распалась, а сформированная ею депутатская фракция раскололась надвое.

Наученные этим опытом, автономисты на выборах 2010 г. отвергли предложение о союзе с *Corsica Libera* и сформировали свой список *Femu a Corsica* с девизом «Построим Корсику нашей мечты». В результате *Corsica Libera* получила около 10% голосов и 4 депутатских мандата, а *Femu a Corsica*, за кандидатов которой проголосовали почти 22% избирателей, провела в парламент 11 депутатов.

Особняком по отношению к обеим тенденциям стоят «Левые националисты», с 2009 г. представляющие Корсику в составе общенациональной Новой антикапиталистической партии, пришедшей на смену Лиге коммунистов-революционеров. Корсиканские «Зеленые», формально также входящие в общенациональную партию, на деле выступают с националистических позиций и регулярно заключают предвыборные союзы с националистами.

Изложив таким образом весьма схематично историю развития конфликта от его зарождения до современной стадии, приступим теперь к его анализу. Для этого нам понадобится ответить на ряд вопросов: каковы причины и мотивы участия в конфликте тех или иных сторон? Какие мобилизационные аргументы используются? Как следует квалифицировать (интерпретировать) конфликт?

СТОРОНЫ КОНФЛИКТА

Исторические хроники XII – XVIII вв. свидетельствуют о том, что на протяжении всего этого периода на Корсике параллельно разыгрываются конфликты разных уровней: соперничество и борьба между семьями и кланами; конфликты между общинами (территориальными единицами); восстания «народа» против знати; борьба корсиканцев против иноземных захватчиков. Иногда к перечисленным конфликтам добавляется борьба иностранных держав между собой за обладание Корсикой. Все эти конфликты существуют не изолированно, а переплетаясь между собой, так что участие в соперничестве между двумя семьями может опосредованно предопределить вовлеченность индивида в межгосударственный конфликт на стороне одной из воюющих держав. Если присмотреться внимательно, то в современном конфликте

можно обнаружить как преемственность с традиционными формами противостояния, так и новые черты, связанные с появлением новой политической силы – националистов, которые ведут борьбу сразу на нескольких «фронтах»: против французского государства, против традиционного политического класса и... против других националистов.

Тут необходимо небольшое отступление, чтобы объяснить, что такое «традиционный политический класс» на Корсике и почему он оказывается в нынешнем конфликте не на стороне националистов. Как уже было сказано в начале статьи, вся история острова представляет собой череду завоеваний, следствием которых было постоянное присутствие иностранной власти. Поэтому социальная структура общества, в своем абсолютном большинстве – сельского (за исключением небольших по численности прибрежных городов) имела вид усеченной пирамиды, упирающейся в своего рода «потолок». В ней отчетливо выделялись три слоя: *travagliatori* – самые неимущие работники-поденщики; *lavoratori* – мелкие собственники, работающие по найму или исполу и, наконец, *signori*, чье состояние избавляло их от необходимости работать. Однако присутствие внешних завоевателей на протяжении всего феодального периода не позволило последним ни превратиться в крупных собственников-латифундистов, как это имело место в большинстве европейских государств (вплоть до Первой мировой войны частные земли (*Terra dei Signori*) составляли не более 10%, остальные относились к общинной собственности⁶¹), ни выстроить законченную сословно-монархическую структуру. Народные антифеодальные восстания умело опирались на иностранные штыки в борьбе против усиления власти синьоров, в которой ни Пиза, ни Генуя, ни иные временные хозяева острова не были заинтересованы.

В период генуэзского правления (1569–1729) формируется особая административно-политическая система. Островом, разделенным на 10 провинций, правят губернатор вкупе с викарием, а опорой им служит выборный орган – *Nobles Douze* («Благородная дюжина»), состоящий из представителей местных влиятельных семей. Этот орган фактически руководит всей внутренней жизнью на острове, включая сбор налогов и осуществление правосудия, выступая в роли посредника, промежуточного звена между эгалитарной, народной властью, основанной на обычном праве (с сельскими собраниями, выборными судьями и «отцами общин»), и властью государственной, устанавливающей свои чужеземные законы. Эта роль облегчается двуязычием новой политической элиты. По сути мы имеем здесь дело с непрямым управлением, классическим для колоний. Единственной сферой, которую генуэзцы контролируют напрямую, является вендетта: монополия на насилие принадлежит государству.

«Государство видело в вендетте настолько глубоко укоренившийся обычай, что оно не могло доверить контроль над ним местным институтам власти... распространив таким образом в восприятии корсиканцев нормы публичного права на сферу частной жизни. В этом, безусловно, причина общего неприятия корсиканцами государственных законов», – пишет автор фундаментального исследования, посвященного системе власти на Корсике, Ж. Жиль⁶². В свете этой констатации становится более понятным выраженное во время нашей первой встречи негодование. Э. Симеони против фран-

цузской законодательной системы, не позволяющей ему кровью смыть нанесенное оскорбление («Я должен его убить!»).

Напомню, что покончить с вендеттой пытался и глава независимой Корсики П. Паоли. Этот институт, игравший роль гаранта равенства между индивидами в традиционном, архаическом, эгалитарном обществе, несовместим с общественным устройством, основанном на делегировании власти и полномочий, где обезличенное Государство выступает и в роли законодателя, и в роли арбитра, и в роли защитника, или, напротив, карающей десницы, а индивиды равны не между собой, а (в идеале) перед законом

Со времени генуэзского владычества институт *Nobles Douze* развился и укоренился в корсиканском обществе, послужив источником формирования особой политической системы, основанной на соперничестве правящих кланов. Так называемый «традиционный политический класс» состоит из известных и влиятельных семей, которые, как и прежде, осуществляют на острове власть и распределяют ресурсы от имени государства. Политический класс, рекрутируемый по клановому принципу, представляет собой крайне закрытую систему, доступ в которую обеспечивается благодаря родству. Такой механизм воспроизводства элиты явно противоречит принципу меритократии, являющемуся одним из столпов французского общества и насаждаемому в процессе социализации государственной системой образования.

«Сегодня структуры политической власти [на Корсике], казалось бы, копируют существующие на Континенте. Но за этим обманчивым сходством кроется чисто корсиканский элемент, в значительной мере определяющий сохранение колониального режима: кланы. Их власть настолько сильна, она пронизывает столь многие сферы общественной жизни, что можно сказать, что именно кланы определяют всю социальную и политическую жизнь острова. Клановое распространение свое влияние, подобно паучьей сети, они парализуют волю людей, связывают единой цепью целые семьи, в конечном итоге создавая параллельное общество, благополучно существующее бок о бок с обществом, подчиняющимся французским законам. Корсика сегодня задыхается под властью кланов. Страх царит повсюду, нет свободной прессы, выборы фальсифицируются с помощью системы договоренностей, махинации и интриги проникли во все сферы производства и занятости», – пишет далее Ж. Жиль⁶³.

«Чисто корсиканский элемент»? С этим можно поспорить. Ж. Равис-Жордани со ссылкой на исследование Ф. Помпони⁶⁴ и работы других историков утверждает, что зарождение корсиканского клановизма восходит к социально-политическим традициям, существовавшим на Аппенинском полуострове со времен античного Рима до Генуэзской Республики⁶⁵. Ж.-Л. Брике, в свою очередь, предостерегает против представления о клане как о жесткой структуре, прямо предопределяющей поведение индивидов, или как об овеществленном культурном феномене, ориентирующем их практики. Не случайно в корсиканском языке нет слова, обозначающего «клан». Из этого, однако, не следует, что кланов не существует, они вполне реальны, но контуры их размыты и нечетки, и дать им недвусмысленное определение не могут даже те, кто хорошо знаком с этой реальностью, а то и является ее частью⁶⁶.

Трудно согласиться и с трактовкой Ж. Жилем националистов как нового воплощения эгалитарной, народной власти в сохраняющейся (по мнению

автора) трехуровневой структуре, где государство и кланы занимают свои традиционные места. Вопреки присущей части националистических партий и движений левой риторике, придающей им видимость «народности» и «эгалитарности», националисты не готовы удовлетвориться властью на уровне местных общин, отдельных селений, взаимодействуя с «верховным» правительством через посредничество кланов. Не случайно FLNC выдвинул тезис об альтернативной власти (*contre-pouvoir*). За этим тезисом стоит желание оттеснить, а еще лучше – вытеснить совсем прежний политический класс, заняв традиционно отводимое ему место легитимного представителя населения острова во взаимодействии с государством. Отсюда, в частности, их требования к усилению государственного контроля над выборным процессом с целью разоблачения фальсификаций, а также инициативы по пересмотру избирательных списков и запрету заочного голосования по почте – обычной формы участия корсиканцев, живущих на континенте, в политической жизни острова. Отсюда же громкие разоблачения накануне выборов, вскрывающие механизмы, используемые «профессиональными фальсификаторами» (выражение Э. Симеони) для получения нужного результата: вбрасывание бюллетеней в поддержку одного из кандидатов и сокрытие голосов, поданных за его противника, подкуп избирателей, угрозы и т.п. Разъясняет лидер националистов:

«Стоит потерять контроль над одной мэрией, и вся структура власти, вплоть до Генерального Совета, может перейти в другие руки, хуже того – к другой семье, повергнув в траур целую династию. Кланы – это паразиты, стремящиеся сосредоточить в своих руках всю власть и завладеть бюджетными средствами, чтобы затем облагодетельствовать ими свою клиентелу и своих верных избирателей»⁶⁷.

Но националисты не ограничиваются соперничеством за власть с традиционным политическим классом. Они ставят под сомнение всю политическую систему, т. е. *статус-кво*, декларируя примат справедливости над законом и подрывая безоговорочную монополию государства на насилие. От показательно-пропагандистских взрывов, направленных против имущества «чужаков» и символов государства, они переходят к устранению людей, в частности, в рамках кампании по борьбе с наркотиками, оправдывая применение насилия необходимостью самозащиты в условиях бездействия или неэффективности государственных структур. Их способность к трансгрессии, к нарушению установленных правил игры придает им легитимность в глазах населения и превращает их в серьезных противников, с которыми государство вынуждено считаться. Симптоматично, что именно так называемые события в Алерии, при кажущейся незначительности содеянного (подрыв винного погреба и гибель двух жандармов при его штурме), единодушно расцениваются как важнейший поворотный момент в развитии национализма. Иррациональный, обреченный на подавление акт, совершенный среди бела дня и с открытым лицом, как будто бросил вызов существующей системе (в этом кстати его принципиальное отличие от тактики нелегалов, которые если и берут на себя ответственность за взрывы и иные акты насилия, то задним числом и от лица группы, чей персональный состав содержится в тайне) и способствовал небывалой дотоле мобилизации широких масс населения.

Брошенный Э. Симеони клич «Революционер должен уметь победить или погибнуть» произвел громкое эхо. На следующий день после драмы в Алерии волна насилия захлестнула Бастию, административный центр департамента Верхняя Корсика. Повсюду на острове многолюдные демонстрации требовали освобождения Э. Симеони. Был создан Комитет против репрессий (CAR) – организация, выступающая в поддержку заключенных и членов их семей. Она выдвигает ряд требований, в частности, признание арестованных националистов политическими заключенными, их содержание отдельно от уголовников, перевод арестантов в корсиканские тюрьмы «для облегчения контактов с семьями». Организация также собирает средства на оплату адвокатов, на помощь семьям заключенных и отправку передач в тюрьмы. При посредстве CAR все более значительная часть населения оказывается *de facto* вовлеченной в конфликт на стороне националистов.

Приведенный выше далеко не исчерпывающий обзор развития корсиканского движения на протяжении последних десятилетий свидетельствует о его невероятной сложности и изменчивости. Количество партий и движений, появившихся и сошедших за эти годы с политической сцены, с трудом поддается учету. В некоторых случаях речь идет по сути лишь о смене вывесок: под разными названиями возрождается одна и та же организация – как, например, ARC Э. Симеони, просуществовавший в разных обличьях почти 40 лет. К тому же наименования партий и движений не отличаются оригинальностью: большинство из них представляют собой вариации сочетаний слов «союз/совет/собрание/ассамблея» + «национальный/националистический». Учитывая нарочитую «аполитичность» многих из них, выражающуюся в отсутствии четкой программы, различить их подчас бывает нелегко.

Иногда, напротив, сохраняется только прежнее название, создавая иллюзию преемственности там, где ее нет (так, *Corsica Nazione* трансформировалась из умеренно-автономистской в радикально-сепаратистскую, а среди бесконечных клонов FLNC многие, похоже, представляют собой банальные криминальные группировки, маскирующиеся под борцов за национальное освобождение – как, например, «FLNC 22 октября», чей предполагаемый лидер Ш. Пиери, осужденный в 2005 г. на восемь лет тюремного заключения, не без оснований считается корсиканским «крестным отцом»). Одни и те же люди «дрейфуют» из одной организации в другую, что еще больше запутывает картину. Однако на всем протяжении интересующего нас периода сохраняются несколько разделительных линий внутри движения, по которым выстраиваются бинарные оппозиции: «умеренные» – «радикалы», «легальные – нелегальные», «автономисты» – «сторонники независимости», «прогрессисты» – «корсисты», «социалисты – националисты»... Эта архитектура очень напоминает традиционную для Корсики кланово-сегментарную биполярную оппозицию: *partitu – contrapartitu*. Термин *partitu* (букв. «партия») не должен вводить в заблуждение: его истинный смысл соответствует второму словарному значению данного слова: «часть, фракция». *Partitu*, согласно определению Ж. Рависа-Жордани, это «совокупность более мелких групп – семейных, родовых или «клановых» (т.е. группы сторонников влиятельного на уровне кантона или даже одной или двух коммун администратора); они представляют собой настоящие корпорации»⁶⁸.

Уже цитировавшийся выше Ж. Жиль, рассматривающий Корсику как сегментарное общество, диагностирует наличие противостоящих друг другу фракций, организованных по принципу лояльности определенной семье (или клану), в политических институтах всех уровней, сверху донизу: от мэрии до регионального совета (в момент написания его труда Ассамблея Корсики еще не существовала). Эта биполярная система традиционно служила сдерживающим фактором против формирования неограниченной власти одной группы (семьи), а сегодня она позволяет сохранить прежнюю логику сдержек и противовесов под видом организующего политическую жизнь во Франции деления на правый и левый лагеря. Голосование за ту или иную «партию» по-прежнему означает на Корсике голосование за определенный клан, власть которого над соответствующей территорией может сохраняться на протяжении столетий, переходя от отца к сыну.

Есть основания полагать, что эта же логика воспроизводится, осознанно или нет, и в среде националистического движения. В пользу этого предположения говорят, например, такие факты, как распределение по территориальным округам голосов избирателей, поданных за списки националистов. В частности, имеющиеся в моем распоряжении данные свидетельствуют о том, что в 1998 г. за список коалиции *Corsica Nazione*, возглавляемый Э. Симеони, в три раза чаще, чем в среднем по острову, голосовали в его родном регионе. Повышенная доля голосов зафиксирована и в коммунах, где живут (или откуда происходят) другие кандидаты. Это позволяет предположить, что, как и в отношении других списков, избиратели «националистов» голосуют не столько (или во всяком случае не только) за идею, сколько за конкретных лиц. В пользу такого предположения говорит и следующее свидетельство одного из активистов движения:

«С легкой руки журналистов утвердилось представление о том, что в националистическом движении есть два лагеря: автономисты и борцы за независимость. Но это не так просто, потому что есть еще личные отношения между людьми, которые мешают объединению всех автономистов в один лагерь. Одно дело – быть сторонником автономии и другое – союзником, например, Симеони или Анжелини. Не все участники движения готовы встать под их знамена»⁶⁹.

В свете сказанного становятся более понятными такие «странности» националистического движения, как отсутствие внятных программ, невозможность примирения даже между, казалось бы, идейно близкими группировками, организационная нестабильность, ожесточенный характер столкновений между отдельными лидерами и их сторонниками: для избирателей основным ориентиром служит не название партии и не ее программа, а персоналии в ее предвыборном списке.

Характерный штрих: место уже немолодого Э. Симеони, в последние годы отошедшего от активной политической борьбы и сосредоточившегося на работе с диаспорой, как бы по умолчанию занял его сын, Жиль (что вполне закономерно в обществе, где господствуют *политические династии*). На последних территориальных выборах в 2010 г. именно он возглавил список «автономистов» *Femu a Corsica*, в котором Ж.-К. Анжелини, председатель Партии корсиканской нации (которая, как считается, сегодня лидирует в стане автономистов) занял лишь третью строчку.

В то время как националисты разных мастей не могут найти общий язык, серьезной, организованной оппозиции им со стороны «антинационалистов» практически нет, если не считать «республиканцев» (под этой вывеской скрывается уже знакомый нам традиционный политический класс). Так называемое «гражданское общество» на Корсике по сути монополизировано националистами. Организации иной направленности если и существуют, то их роль и авторитет невелики и влияние, которое они могут оказать на урегулирование конфликта, минимально. Одной из инициатив гражданского общества в широком понимании этого слова стал семинар «Во имя мира», организованный в ноябре 2006 г. в Корте по инициативе коалиции *Unione Naziunale*, Партии корсиканской нации (Ж.-К. Анжелини) и ее печатного органа журнала «*Arritti*». Во встрече приняли участие, наряду с несколькими «умеренными» националистическими организациями, Лига прав человека, крайне левая «Антикапиталистическая партия», представители властных структур и бизнеса. Однако большинство радикальных организаций игнорировали, а то и открыто бойкотировали данное мероприятие. *Corsica Nazione Indipendente* опубликовала официальное заявление, в котором, в частности, говорится: «едва ли необходимо напоминать о том, что реальное примирение могут гарантировать только непосредственные участники конфликта, а не те, кто наблюдают и обсуждают его со стороны». Один из ветеранов движения, М. Симеони, также считает, что диалог должен начинаться с тех, «*чьи разногласия минимальны, кому мешает договориться только собственное Я, и затем понемногу расширяться, вовлекая остальных; как те, кто стоит за демократические методы, так и сторонники вооруженной борьбы должны сначала объединиться между собой, в своей собственной семье (обратим внимание на это словоупотребление. – Е.Ф.). Все разногласия между ними должны быть сняты. В противном случае, о каком диалоге может идти речь между теми, кто действительно стоит на противоположных позициях?*»⁷⁰.

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ МОБИЛИЗАЦИИ

В полном соответствии с подмеченной Э. Хобсбаумом закономерностью, корсиканское движение, как и другие современные сепаратистские движения, не имеющие положительной программы или перспективы, пытается «реанимировать модель этнически и лингвистически гомогенного государства»⁷¹. П. Поджоли утверждает:

*«Корсика: один народ, одна земля, одна история, один язык, одна культура, одна идентичность... Естественная нация в естественных границах. Определение Манчини полностью применимо к нашему острову: "естественно возникшее сообщество людей, у которых, благодаря общности территории, происхождения, обычаев и языка, сформировались общая жизнь и общее социальное сознание"»*⁷².

Это, впрочем, скорее, не констатация реального положения дел, а, говоря словами З. Баумана, «боевой клич, призывающий сомкнуть ряды». Британский социолог справедливо заметил, что «люди, сталкивающиеся с практической задачей создать единство искусственно или спасти сознательными

усилиями от разрушения прошлое единство, более всего склонны прибегать к несокрушимой силе «естественного» единства»⁷³.

На самом деле, как убедительно показывает история последних десятилетий, корсиканцы отнюдь не едины в своих целях, интересах и устремлениях; противоречия между ними часто оказываются куда сильнее, нежели предполагаемая общность культуры, социального сознания и идентичности, а способность к взаимному истреблению внутри «одного народа» заставляет усомниться в том, что именно принадлежность к этому народу является наиболее существенной из самоидентификаций населения острова. Да и сам остров, вопреки ощутимой реальности его границ, является лишь одной из возможных референтных территорий, но далеко не единственной. Он разделен множеством внутренних разделительных линий – природных, исторических, административных – на север и юг, горную часть и прибрежную равнину, центр (центры) и периферию, город и сельскую среду, регионы и микрорегионы, департаменты, коммуны, кантоны... Одни территориальные деления восходят к глубокой древности, другие сформировались в недавнем прошлом, третьи находятся в стадии становления. Остров целиком, в свою очередь, может рассматриваться как часть более обширной территории: для одних – Франции, для других – Средиземноморья. Идея о средиземноморском характере Корсики активно эксплуатируется идеологами национализма, служа подтверждением инородности острова во французском территориальном и социально-политическом ансамбле. Эта «констатация» позволяет ставить вопрос о пересмотре границ:

«Важно вернуть Корсику в лоно средиземноморского мира. Одной из серьезных социально-политических проблем является для нас то, что на протяжении двух веков, с момента завоевания, мы включены в геополитический ансамбль, во многих отношениях нам чуждый»⁷⁴.

Еще в меньшей степени, чем о единстве территории, можно говорить о единстве истории, культуры и языка – а потому, как мы увидим, вопрос об определении границ «корсиканского народа» допускает множественные толкования.

КТО ТАКИЕ КОРСИКАНЦЫ?

В самом общем виде можно сказать, что в среде националистов на этот счет существуют две точки зрения, соответствующие классической альтернативе в трактовке нации: культурное vs политическое сообщество. На начальных этапах развития современного корсиканского национализма безусловно преобладала первая, культурно-этническая версия – и не важно, шла ли речь о корсиканском *народе* или о корсиканской *нации*. Сравним два определения, относящихся к середине 1970-х годов.

Согласно программному документу ARC «Autonomia», корсиканский народ – это «живая историческая реальность со своим языком, своими инстинктами, своими атавизмами, специфическими формами поведения. Он укоренен на протяжении тысячелетий на суровом и прекрасном острове Корсика. Его единство нерасторжимо».

Декларация Совета националистической корсиканской молодежи гласит: «Корсиканская нация – это:

- наша земля – остров Корсика;
- наша история и вековая борьба, в которой выковался наш народ;
- наша культурная идентичность, отличающая нас от французского народа;
- корсиканский язык, объединяющий корсиканский народ и делающий французский язык иностранным;
- это то, на чем основывается единство корсиканского народа, когда Корсике угрожает опасность».

Заметим, что, хотя набор признаков в обоих определениях в значительной мере совпадает (те же территория, язык, история), но проблематизируются они по-разному. В первом основной акцент делается на природно-биологических аргументах. Обращает на себя внимание обилие слов, взятых из арсенала биологии: «живая» реальность, «инстинкт», «атавизм», «формы поведения», «укоренен»... Ощущение природности, естественности усиливают и эпитеты «суровый» и «прекрасный», характеризующие остров, и формула «нерасторжимое единство».

Во втором определении акцентируются культурно-исторические и политические аргументы: важно подчеркнуть не природные красоты острова, а то, что это «наша земля»; язык – не просто одна из данностей наряду с инстинктами и атавизмами, а мощный объединяющий фактор; единство – не безусловная константа, оно активизируется в момент опасности, перед лицом общего врага (не случайно и упоминание о «вековой борьбе», в которой сформировалась общность). Отметим также, что корсиканская нация определяется в данном случае в открытой оппозиции к нации французской, через отрицание последней. Это стремление к противопоставлению объясняется просто: в шестидесятые–семидесятые годы в идеологии корсиканского движения преобладали две темы: борьба с колониализмом и за право наций на самоопределение. Однако, в представлении националистов, эту борьбу следовало обосновать с опорой на культурные аргументы: «культурная близость между колонизаторами и колонизованными (корсиканцы – такие же белые католики, как и большинство французов) затрудняет борьбу за независимость, поскольку трудно объяснить внешним наблюдателям, во имя чего она ведется»⁷⁵.

Постепенно, однако, доминирующий дискурс начинает меняться, что находит свое выражение в формуле «люди общей судьбы» (*communauté de destin*). Теперь членство в нации понимается не как естественное, а как элективное: корсиканцем может считаться любой желающий при условии, что он участвует в борьбе за национальное освобождение (соответственно подразумевается, что тот, кто не участвует в этой борьбе или хотя бы не сочувствует ей, быть корсиканцем недостоин). Автором новой формулы, входящей в употребление с начала 1990-х годов и сегодня присутствующей в речи большинства публичных политиков на острове, был, как он сам утверждает, один из основателей и руководителей FLNC П. Поджоли⁷⁶.

С чем связан такой поворот? Отчасти, возможно, с распространением принципов политкорректности и с дискредитацией этнического национализма, проявившего себя с худшей стороны на рубеже 1980-х-1990-х годов.

После этнических чисток в бывшей Югославии и руандийского геноцида «закрытые» версии национализма стали внушать подозрение, а потому откровенно проповедовать их стало неприлично. На мой вопрос о том, кого можно считать корсиканцем, двое наиболее авторитетных лидера движения ответили почти в унисон:

«Чтобы ощущать себя корсиканцем, необязательно говорить на языке, необязательно жить на Корсике, необязательно происходить из семьи корсиканцев. Я хочу, чтобы вы сразу поняли: Корсика исторически и в своих надеждах на национальное освобождение категорически отвергает чрезвычайно опасные этнические критерии»⁷⁷.

«Я с большим недоверием отношусь к псевдонаучным критериям, параметрам, которым нужно соответствовать, чтобы доказать свою принадлежность к той или иной стране, культуре, чтобы обосновать свое чувство идентичности»⁷⁸.

Нетрудно заметить, что концепт *communauté de destin* вдохновлен ренановской формулой нации, или, иначе говоря, приближен к французскому стандарту нации-государства. Таким образом, корсиканская нация конструируется по образу и подобию французской, что снимает вопрос об иерархии и создает новую легитимность, не требующую апелляции к культурным различиям. Однако есть один немаловажный, как мне кажется, нюанс: если Ренан в своем определении выдвигает на первый план понятия *воли* (желание жить вместе) и свободного *выбора* (ежедневный плебисцит), то идеологи корсиканского национализма, осознанно или нет, прибегают к термину *судьба*, в котором угадываются и идея подчиненности корсиканского общества, его зависимости от политики французского государства; и идея вынужденности сосуществования тех, кто поневоле оказался на одной территории и для кого «жить вместе» – скорее императив, нежели выбор.

Не следует, видимо, сбрасывать со счетов и более прагматические мотивы, объясняющие, почему новая формула возникает именно в 1990-е годы: это, как мы помним, время обострения конфликтов за власть и гегемонию в движении между разными организациями националистов, сопровождавшееся всплеском насилия. Многие активисты и рядовые члены националистического подполья были убиты или оказались за решеткой, а потому остро встал вопрос о пополнении рядов.

«После того как в результате внутренних разборок и конфликтов между собой националисты в значительной мере утратили доверие населения, они решили придать движению более открытый характер, чтобы привлечь новых сторонников. Тогда они провозгласили принцип “общности судьбы”»⁷⁹.

В этот период, по признанию многих, на первый план выходят такие качества, как физическая подготовка, навыки обращения с оружием и взрывчаткой и готовность преступить закон, а не идеология, а потому подпольщики охотно вербуют молодежь из неблагополучных и малообеспеченных семей, в том числе иммигрантских, для которых участие в террористической деятельности становится формой заработка.

Но глубинную причину, судя по всему, следует искать в демографии. Несмотря на то что тенденция к абсолютному сокращению численности населения острова была переломлена, и с конца 1990-х годов оно постоянно, хотя и не слишком быстро, растет, этот прирост целиком обеспечивается за счет миграции, причем положительный коэффициент нетто-миграции наблюда-

ется у активного населения. С учетом того факта, что уже в начале 1980-х годов доля населения в возрасте старше репродуктивного составляла среди уроженцев Корсики 56%, а среди приезжих с «континента» или из-за границы – около 40%, тенденция вырисовывается вполне определенная. А это значит, что националистам, если они озабочены сохранением солидной социальной базы, необходимо разыгрывать карту «открытой», включающей идентичности. Убедить сообщество в том, что у него есть *общая судьба и общие интересы*, считает З. Бауман, – необходимый шаг к тому, чтобы побудить его к согласованным действиям. Безоговорочная и исключительная преданность, которой требуют все формы национализма, более всего достижима, «если нация трактуется как *судьба*, а не как выбор»⁸⁰.

Ж. Равис-Жордани, один из наиболее авторитетных антропологов, изучающих Корсику, давно предостерегал против увлечения гердерианской моделью нации и предупреждал о связанном с ней риском фольклоризации идентичности и превращения культурного наследия в музейный объект. Взамен он предлагал по-новому осмыслить элективную модель нации, адаптировав ее к реалиям современности: отказаться от противопоставления «корсиканцев» «французам» и двигаться в направлении утверждения мультикультурной нации, объединяющей тех и других⁸¹. Это предложение, однако, не нашло понимания, прежде всего у французского государства. Упоминание о «корсиканском народе, составной части французского народа», содержавшееся в ст. 1 закона N 91–428 от 13 мая 1991 г., устанавливавшего особый статус Корсики, было признано антиконституционным и изъято по постановлению Конституционного Совета.

Инициатива по введению «корсиканского гражданства» с выдачей соответствующих удостоверений (имеющих чисто символическое значение), также выдвинутая на рубеже 1980-х–1990-х годов, стала еще одной попыткой отказа от расплывчатого культурного понимания нации в сторону более четкого юридического. Эта процедура должна была дать людям иные основания для причисления себя к корсиканской нации, помимо принадлежности к той или иной семье, клану или сельской общине. Но главным ее предназначением была подготовка к созыву временного Общенационального совещания (*Cunsulta Nazionale*) – выборного органа вне избирательной системы французского государства, который должен был обсуждать проблемы будущего независимой Корсики. Чтобы такое совещание могло считаться полномочным, следовало определить избирательный корпус, из которого предполагалось исключить живущих на острове менее 10 лет «иностранцев» (в том числе французов) и включить корсиканцев по рождению независимо от их места жительства. Подход, замечу, радикально отличающийся от формирования хорошо известных российскому читателю «конгрессов» татар, башкир, финноугорских народов и т. п., активисты которых нисколько не заботятся об «избирательном корпусе» и соблюдении каких-либо демократических процедур.

Затея, впрочем, не увенчалась успехом. За все время выдачи «удостоверений личности корсиканца» их обладателями стали лишь около 4 тыс. человек, причем не менее трети из них составили корсиканцы диаспоры⁸². Первые выборы во Временное Общенациональное Совещание, которые пла-

нировались на 2004–2005 гг., удалось провести лишь в 2008 году, и участвовали в них менее тысячи человек.

При всей популярности концепта «общей судьбы» в среде националистических лидеров (сегодня, пожалуй, ни одна из сколько-нибудь заметных политических фигур движения не рискнет открыто поставить его под сомнение), есть явные признаки того, что он не слишком глубоко укоренился в системе общественных представлений. Дело, очевидно, в том, что цели националистического движения по-разному понимаются его лидерами и рядовыми участниками. Если первым важна борьба за власть, а потому необходимы голоса избирателей (а нелегалам – боевики-добровольцы), то вторые хотят просто-напросто сохранять привычный уклад жизни, оградить себя от стремительно вторгающихся перемен и от ненужной конкуренции на рынке труда.

«Почему я против этого концепта, – объясняет Ж.-П. Альбертини. – Народ численностью 50 млн человек может принять на вооружение такую формулу, потому что в культурном отношении он ничем не рискует. Он может легко поглотить “пришельцев”, поскольку их численность пренебрежимо мала. Но о какой “общности судьбы” может идти речь на Корсике, если мы не только малочисленны, но к тому же не можем даже между собой договориться о том, какой должна быть наша дальнейшая судьба?! Принцип “общности судьбы” означает равенство прав между урожденными корсиканцами и приезжими. По-человечески это приемлемо и понятно, но с точки зрения националистической и политической – нет. Потому что, наделяя всех равными правами, мы создаем новый народ, вместо того чтобы защищать тот народ, который есть и который находится на грани уничтожения. Если речь идет о том, чтобы создать таким образом новых корсиканцев, то я предпочту остаться французом».

Приняв на вооружение концепт «общности судьбы», националисты рискуют оттолкнуть от себя ту часть населения, которая рассуждает подобным образом. В то же время нет гарантии, что он привлечет под их знамена тех, для кого Корсика – лишь одно из возможных мест на земле, кто не питает особой привязанности к местной культуре, традициям и языку и кто не хочет ввязываться в «чужой» конфликт, рискуя своим благополучием и своей безопасностью. Тем более, что при более пристальном знакомстве со взглядами националистических лидеров на концепт *communauté de destin* выясняется, что многие из них принимают его с оговорками и рассматривают через призму ассимиляции: чтобы стать полноправным членом «сообщества общей судьбы», нужно, как минимум, выучить язык, как максимум – перейти на него (при этом никого, судя по всему, не смущает то обстоятельство, что далеко не все корсиканцы «по рождению» говорят на «своем» языке). Некоторые говорят о необходимости соблюдения местных традиций и обычаев, а наиболее радикальные – об отказе от прежнего гражданства («двойное гражданство обязательно должно быть исключено», утверждает И. Бурдик, рассуждая об устройстве гипотетической независимой Корсики)⁸³. В отношении тех, кто не хочет ассимилироваться, предлагается проводить политику, поощряющую эмиграцию (в частности, выкуп имущества). Взамен националисты предлагают способствовать возвращению корсиканцев диаспоры. Таким образом, они не только воспроизводят, но и значительно превосходят, сами того не замечая, критикуемую ими ассимиляционную политику Франции.

КОРСИКАНСКИЙ РАСИЗМ?

Всякий бывавший не Корсике не мог не обратить внимания на изобилие ксенофобских и расистских граффити: «*Arabi fora*» («Арабы, прочь!»), «*Islam fora*» (Ислам, прочь!), Français: valise ou tombeau (Французы, выберите: чемодан или могила), IFF (Французы, прочь!) и т.п. (рис. 2, 3). Вместе с классическими рассуждениями о гибельности массового переселения французов на Корсику и направления корсиканцев на службу в другие регионы Франции – «того, что мы, корсиканские националисты, называем *поселенческой колонизацией* и *замещающим геноцидом*»⁸⁴, требованиями «корсизации» (т. е. резервирования для корсиканцев) рабочих мест и утверждением, что «национальная независимость невозможна в полной мере без изменения соотношения между корсиканцами, сегодня находящимися в меньшинстве, и иностранцами, поселившимися на острове (в первую очередь речь идет о французах (sic! – *Е.Ф.*) и магрибинцах)»⁸⁵ все это дает определенные основания для диагностирования ксенофобии, являющейся, по определению Э. Хобсбаума, «реакцией слабости и страха, отчаянной попыткой возвести баррикады на пути сил современности» и «легко и незаметно переходящей в откровенный расизм»⁸⁶.

Сами корсиканцы категорически отвергают обвинения в расизме. Одни утверждают, что лозунг IFF направлен не против французов как таковых, а против французского государства и его представителей на Корсике. Другие

Рис. 2. Националистические граффити (французский: чемодан или могила?), Корте

Рис. 3. Дорожный указатель с зачеркнутыми французскими названиями и аббревиатурой Фронта национального освобождения

объясняют, что не имеют никаких расистских предубеждений против «чужаков», отторжение же их связано с особенностями французской избирательной системы: *«по существующим законам каждый проживший на острове более полугода получает право голосовать на местных выборах, т. е. влиять на наши внутренние дела, которые их не касаются»*, – формулирует свои претензии Луи, профсоюзный лидер и член политсовета PNC⁸⁷. Третьи настаивают на том, что требование резервирования рабочих мест для корсиканцев (*corsisation des emplois*) равнозначно лозунгу «жить и работать на малой родине» (*vivre et travailler au pays*), встречающемуся повсюду во Франции и нигде не расцениваемому как проявление ксенофобии. Тот факт, что объектом неприязни чаще других становятся магрибинцы, а не португальцы или итальянцы, объясняется, уверяют четвертые, низким социальным статусом этой категории населения: «Ислам тут не имеет большого значения. Расизм преимущественно социален»⁸⁸.

В приведенных аргументах есть, на мой взгляд, и доля истины, и определенное лукавство. Если «врагом» является государство и чиновники, а не обычные люди, то как объяснить взрывы и поджоги домов, принадлежащих пенсионерам с «континента», или летних резиденций представителей среднего класса (дом по соседству с дачей моих коллег-антропологов взрывали уже дважды)? Призыв «жить и работать на малой родине» в других регионах Франции не означает, что всем остальным, не родившимся в данной мест-

ности, жить и работать тут заказано. На Корсике же известно немало случаев, когда «чужаков» с помощью угроз вынуждали оставить свой бизнес или уволиться с работы (аргумент: «вы занимаете место корсиканца»). В случае упорства от угроз нередко переходят к действиям, и тогда можно расстаться уже не только с деньгами и имуществом, но и с жизнью.

И все же, можно ли квалифицировать подобные проявления как расизм? Или же ключ к их пониманию снова нужно искать в специфике социально-политической организации общества? Приведенная выше ссылка одного из моих респондентов на избирательный закон кажется в этом контексте весьма красноречивой. Если иметь в виду, что избирательное поведение корсиканского электората подчиняется логике кланизма, а потому является и предсказуемым, и управляемым, то становится понятной опасность, которую представляет «разбавление» избирательного корпуса приезжими, не включенными в традиционные социальные сети и потому малопредсказуемыми и плохо управляемыми. Что же касается агрессии в отношении «чужаков», то можно предположить, что последние, по той же причине исключенности из системы отношений между семьями, кланами и территориальными общинами, представляют собой сравнительно легкую добычу: их защищает только закон, тогда как «местные» находятся также под покровительством обычного права (в том числе права на отмщение), а сами агрессоры чувствуют себя в относительной безопасности благодаря принципу *omerta*, т.е. своего рода обету молчания, который запрещает выдавать преступников и вообще сотрудничать с полицией. Это позволяет преступникам годами скрываться от суда и следствия, отсиживаясь в потаенных местах, куда им доставляют продовольствие и иные необходимые вещи.

Если смотреть на вещи под таким углом зрения, то можно предположить, что за внешними проявлениями расизма и ксенофобии стоит не слепая ненависть и злоба, а трезвый расчет. В этом убеждает и такое красноречивое рассуждение:

«... часть [выходцев из Магриба] выберет корсиканское гражданство и укоренится на острове. Эти люди образуют *мусульманскую в религиозном или культурном отношении общину*, но они будут корсиканцами. Остальные будут иметь статус иностранцев и пользоваться теми правами, которые независимая Корсика предоставит иностранцам. Коммунитаризм – это линия поведения, свойственная корсиканцам на чужбине и даже на самой Корсике. Корсиканские студенты в Ницце, Марселе, Париже, Эксе живут своей общиной и почти не общаются с другими студентами. Коммунитаризм – это свобода каждого жить так, как он хочет, среди своих, тех, кого он выбрал. Почему же мы должны отказывать корсиканским мусульманам в этом праве, которым сами так дорожим? *Свобода вероисповедания и уважение всех религий* неотделима от идеи независимой и многоконфессиональной Корсики, где *католицизму*, тем не менее, *отводится роль государственной религии*⁸⁹.

Как можно понять, речь в данном случае идет о намеренном сохранении культурной границы, которая должна позволить восполнять неминуемый дефицит трудовых ресурсов за счет иммигрантов из стран Магриба, составляющих сегодня абсолютное большинство среди прибывающих на Корсику иностранцев, и при этом удерживать их на дистанции, не допуская размывания двух «общин». Религиозный фактор тут оказывается как нельзя более кстати.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ

«Обращение к древним и благородным историческим корням превратилось в отличительную черту любого национализма, который за счет этого самого обращения пытается удревить и углубить свою родословную, точно так же, как дерево укореняется в почве, а не вырастает из собственных корней», – пишет Г. Шлее⁹⁰. Так и корсиканскому национализму необходима опора на исторический фундамент, а потому на смену представлению о том, что Корсика лишена собственной истории, поскольку она всегда была частью истории других, сменявших друг друга завоевателей, пришло иное видение, согласно которому лейтмотивом истории острова является борьба за свободу и независимость, будь то от «собственных» феодалов или от иноземных захватчиков. Новая версия исторического повествования выстраивает непрерывность и преемственность этой борьбы от антифеодальных восстаний XIV века до Соппротивления в годы Второй мировой войны и сегодняшней «борьбы за национальную независимость».

«Я бы не ушел в подполье, если бы не было исторических примеров, – признается один из активных участников FLNC. – Корсиканцы всегда были свободолюбивым народом, они всегда защищались, всегда давали отпор завоевателям, храбро сражались, оставаясь свободными и независимыми. Это подвигло меня и моих друзей на борьбу»⁹¹.

Безусловно, центральной фигурой националистического Пантеона является уже не раз упоминавшийся Паскаль Паоли, поскольку именно при нем Корсика пережила краткий период независимости. Его националисты называют своим «духовным предком». Несмотря на то, что до недавнего времени широкой публике было известно о нем немного (единственным «корсиканцем» в школьном курсе французской истории был Наполеон Бонапарт), националистам достаточно быстро удалось превратить этого исторического деятеля в общепризнанный символ «корсиканской нации», поместив его в центр мифа о золотом веке острова. Рассказывает один из активистов FLNC:

«Молодые корсиканцы, знавшие, какой была Корсика при Паскале Паоли, осознали, какой она стала, и как они с нами обращаются, как французы с нами обращаются, как государство с нами обращается – и это породило бурный протест. А от протеста в душе до вооруженной борьбы путь короткий»⁹².

В этом свидетельстве обращают на себя внимание сразу несколько моментов. Во-первых, убежденность в правдивости мифа (изыскания историков принимаются на веру, как документальные свидетельства очевидцев – отсюда уверенность в том, что сегодняшние корсиканцы доподлинно *знают*, какой была жизнь на острове в XVIII веке). Во-вторых, то, что миф о золотом веке важен не сам по себе, а как катализатор протеста, тяготеющего к выражению в форме вооруженной борьбы. Для того чтобы «протест в душе» нашел выход, нужно указать виновника нынешних бед корсиканского общества: это – «французы» и «государство», которое, как следует из приведенной цитаты, воспринимается именно как *государство французов*, т.е. как чужая и чуждая власть (не случайно местоимение «они»), которую надлежит свергать с оружием в руках. При этом то обстоятельство, что сами корсиканцы

избирают эту власть демократическим путем наравне с остальными гражданами государства, во внимание не принимается.

Понять, каким образом формируется сложный клубок чувств, в котором тесно переплетаются гордость за славного предка, оскорбленное достоинство, комплекс жертвы и жажда мести, помогает историческая дата, избранная в качестве главного «национального» праздника – 8 мая, годовщина битвы при Понте Ново. В этот день на месте сражения организуются торжества, на которых можно видеть рядом, казалось бы, непримиримых противников – националистов всех мастей. Это событие, похоже, объединяет всех. И дело не только в том, что это повод вспомнить о Паскале Паоли, придав тем самым националистическому движению необходимую глубину и легитимность. Д. Тийяр резонно задается вопросом: почему для отдания почестей «генералу нации» и «духовному отцу» националистов выбрана не дата его рождения, или дата провозглашения Конституции – символического рождения корсиканской нации, а дата кровавого сражения, закончившегося поражением войск генерала и положившего конец краткому периоду независимости? По мнению автора, почести, отдаваемые павшим, имеют здесь совсем иной символический смысл, чем при праздновании славных побед. Они не прославляют сильную, победоносную нацию, а лишний раз напоминают о нанесенном унижении, взывая к отмщению. Логика этого воспоминания, считает автор, воспроизводит традиционную для острова логику вендетты⁹³ (см. рис. 4).

Рис. 4. Здание почты с националистическими граффити («Свобода патриотам»), Понте Ново

Фигура П. Паоли, при всей ее важности для истории острова, гораздо сложнее, чем это хотят представить те, кто считает себя продолжателем его политики. Образ революционера, ставший частью коллективной памяти, заклоняет собой другую сторону личности генерала, а именно его увлечение идеями политэкономии, рыночного капитализма, которые он почерпнул на Британских островах. Функция власти в его представлении состоит в организации и стимулировании экономики. Паоли чеканит собственные деньги и закладывает флот в расчете на развитие торговли. Он даже приглашает на остров торговцев-евреев, надеясь пробудить у корсиканцев вкус к коммерции⁹⁴. Но его либеральные идеи наталкиваются на непонимание, а затем и сопротивление местного политического класса, в глазах которого свободное развитие экономики представляет угрозу установившемуся порядку, где главы кланов контролируют распределение различных благ, на чем и основывается их власть. И поражение в битве у Понте Ново стало результатом предательства части политического класса, которая, не желая допустить развития экономики острова по «английскому» пути, заключила союз со старорежимной Францией⁹⁵.

Изгнанный с острова, П. Паоли вернулся на Корсику уже после Французской революции, причем этому возвращению предшествовало его выступление в Конвенте, где он с энтузиазмом провозгласил свободный и добровольный союз острова с революционной Францией. Об этом, впрочем, во время ежегодных торжеств 8 мая говорить не принято. И никого, судя по всему, не смущает, что с именем П. Паоли на устах националисты выступают против глобализации и либерального капитализма, пытаясь представить Корсику как «традиционное агро-пасторальное общество, не затронутое социальными потрясениями индустриальной эры»⁹⁶.

Впрочем, автор этого утверждения, не ограничиваясь отсылками к авторитету П. Паоли, ищет корни современного национализма гораздо глубже. «Наша борьба, – пишет он, – является продолжением антифеодальной корсиканской революции Самбукуччу д'Аланду. Нам могут возразить, что историческая достоверность существования Самбукуччу д'Аланду не доказана, что только часть острова была охвачена революцией, которая была далека от идиллии, – все это не важно. *Главное, что эти события являются частью нашей коллективной памяти, на которую мы можем опереться при построении солидарной и общинной независимой Корсики*»⁹⁷.

Действительно, в отличие от П. Паоли, Самбукуччу д'Аланду – персонаж если и не мифический, то во всяком случае загадочный. Историки до сих пор спорят о том, был ли он «революционером», боровшимся против всемогущих «синьоров», или предводителем банды, а то и вовсе предателем, призвавшим на свою сторону генуэзцев, которые в результате распространили свою власть на весь остров. «Что угодно, но никак не пример для подражания!», – восклицает автор статьи о Самбукуччу д'Аланду в «Энциклопедии Корсики» Д. Лучани. Имя этого человека, жившего в середине XIV века, было прочно забыто и извлечено из старинных хроник лишь в 70-е годы XX в. В отличие от П. Паоли, который стал воплощением идеи просвещенного демократического правления и национального суверенитета, Сам-

букаччу д'Аланду персонифицировал социалистическую идею равенства, справедливости и народного восстания.

Выбор третьей фигуры националистического Пантеона не менее удивителен: это некто Сампьеро Корсо, бесстрашный наемник, сражавшийся под знаменами Франсуа I, а затем Генриха II против генуэзцев. За свою храбрость и верность королевскому дому Франции он был произведен в полковники, и ему было вверено командование всеми корсиканскими «бандами», служащими французской короне. После того как генуэзцы установили власть над Корсикой, Сампьеро был назначен губернатором Экс-ан-Прованса, а затем – посланником французского короля в Турции. В последний раз он высадился на Корсике глубоким стариком с группой наемников-гасконцев уже при Екатерине Медичи и даже сумел выиграть несколько мелких сражений, но пал жертвой предательства влиятельных семей, заключивших союз с Генуей. Сын Сампьеро Корсо, в свою очередь, стал маршалом Франции. Трудно сказать, чем привлек внимание националистов этот исторический персонаж, который, и вправду, посвятил большую часть своей жизни освобождению Корсики от генуэзцев, но лишь затем, чтобы отдать ее под власть французов. Видимо, решающую роль сыграл образ храброго воина, на счету которого немало выигранных сражений.

Все три упомянутых героя служат постоянными референциями в националистическом дикурсе. Им воздвигнуты памятники (см. рис. 5), их имена-

Рис. 5. Памятник Паскалю Паоли, в руки которому вложены националистические знамена, Корте

ми называют улицы, площади, рестораны и гостиницы, а знаменитая группа *Cantu u populu corsu* посвятила им песенную трилогию «Паоли, Самбукуччу и Сампьеро».

КУЛЬТУРНЫЕ АРГУМЕНТЫ

Все национализмы от имени меньшинств используют в своей риторике тему ассимиляции, протестуя против вытеснения культурой доминирующего большинства культуры меньшинства. « *Мы утратили все наши традиционные ценности, переняв от Франции все то, чего не следовало перенимать* », – так сформулировала это одна из моих собеседниц⁹⁸. Однако в действительности происходит совсем иное вытеснение: на смену традиционной, народной, фольклорной культуре приходит массовая, коммерческая поп-культура, в основном американская по происхождению и имеющая одинаково мало общего как с французской, так и с корсиканской культурной традицией. Тот факт, что доминирующий язык (в данном случае французский, но то же можно сказать о русском языке применительно к аналогичным процессам в России) служит посредником и проводником этого проникновения «чужой» культуры и порождает ощущение ассимиляции. Между тем правильнее было бы говорить о стандартизации или о культурном нивелировании. «Мало сказать, что корсиканцы восприняли французскую культуру. Они к тому же, как и остальные французы (или итальянцы), в значительной степени американизированы»⁹⁹.

Давно замечено, что традиционная, фольклорная культура начинает восприниматься как ценность именно в тот момент, когда она перестает быть повседневной практикой и на смену ей приходят новые культурные формы. Поэтизация и романтизация сельского образа жизни есть результат урбанизации, а мучительные поиски идентичности начинаются как раз тогда, когда прежние ценности и ориентиры рушатся. Не случайно на рубеже 1960-х – 1970-х годов на европейском континенте так широко распространяется идеология «культурного возрождения»: она знаменует собой смену эпох и безвозвратное исчезновение патриархального, крестьянского общества. Попытка сохранить, удержать, вдохнуть новую жизнь (*возродить*) в угасающую культуру есть не что иное, как желание не исчезнуть, а трансформироваться, чтобы выжить в новых условиях. Это желание «*заменяет собой культуру*, оно направлено на сплочение сообщества в переходный период, на сохранение его идентичности на обломках рушащихся традиционных структур»¹⁰⁰. Именно особенная корсиканская культура, по мысли националистов, должна была стать решающим аргументом в пользу существования особого, отличного от французов, корсиканского народа.

*«Проблема культуры не решается с помощью культурной политики или кредитов, – настаивает П. Поджоли. – Она является синонимом права корсиканского народа на существование. Речь не идет о праве каждого корсиканца поддерживать и развивать свою культуру индивидуально – это допускается и даже поощряется, но о праве коллективном, о нашем общем культурном наследии»*¹⁰¹.

Корсика – «страна устной традиции и обычного права», в которой «справедливость первична по отношению к закону», а право на ношение оружия

«является неотъемлемой частью унаследованной от предков корсиканской культуры», – утверждает И. Бурдиак, обосновывая тем самым необходимость разрыва с французской административной, политической, экономической и судебной системами, отказа от принципа независимости судебной власти, от гражданского и уголовного кодексов. «Судьи, – считает он, – должны быть избираемы народом и подотчетны ему. В каждой административной единице должны быть свои судьи и свои законы, за нарушение которых судить должны на месте»¹⁰². Противопоставление обычного права писаному закону в этих рассуждениях заставляет вспомнить З. Баумана: «Ради того чтобы представления и постулаты, подразумеваемые фразой «мы все согласны, что...», были действенными и брали верх над реальностью, они никогда не должны конкретизироваться, находиться в центре внимания, *формализовываться в письменном законе...*»¹⁰³.

КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ REAQUISTU

Как и по всей Франции, с середины 1960-х годов на Корсике начинается движение культурного возрождения. Его движущей силой становится главным образом молодежь, возвращающаяся домой после учебы на «континенте». Многие из этих дипломированных специалистов, вдохновленные идеями хиппи, решают «уйти в пастухи», к вящему недоумению родителей, мечтавших видеть их адвокатами или учителями. Это время всевозможных *ассоциаций*, объединений энтузиастов-добровольцев.

Одной из первых таких ассоциаций стала основанная в 1964 году «Корсикада». О ней мне рассказала Ивонна:

После окончания учебы в Университете Экс-ан-Прованса мы с мужем вернулись на Корсику. И тут ко мне обратились люди из ассоциации «Корсикада» с предложением открыть магазин ремесел. Эта ассоциация, она и сейчас существует, была создана для поддержки ремесел, чтобы немного подтолкнуть их развитие – собственно, это и произошло, но никто не ожидал, что она продержится столько времени. Она продержалась 20 лет! Благодаря Центру социального развития очень многие люди выучились керамике, росписи, ткачеству, потом они открывали свои мастерские и уже сами обучали следующих. Эта ассоциация сыграла выдающуюся роль в судьбе корсиканских ремесел. По всему острову были открыты магазины, которые называются, по-корсикански, «Case di artigiani», что означает «Дом ремесленника»¹⁰⁴.

Case di artigiani по сути больше чем просто сувенирная лавка или магазин готовой продукции. В том же помещении располагается и мастерская, или мастерские, где работают ремесленники – гончары, литейщики, ножовщики, резчики по дереву, стеклодувы. За их работой можно наблюдать, фотографировать, задавать вопросы. Это превращает *Case di artigiani* в объект туристического бизнеса. Интересно, что многие из «возрожденных» таким образом ремесел на самом деле не наследуют многовековой традиции. Это особенно касается декоративного аспекта. Традиционная корсиканская утварь, посуда и другие предметы быта были фактически лишены декора, поэтому сегодняшние ремесленники для повышения привлекательности своих изделий смело экспериментируют, например, используя в росписи керамики... японские мотивы. Хозяйка гончарной мастерской в Кортте, обучающаяся ремеслу именно в ассоциации «Корсикада», объяснила, что пошла

на курсы не с намерением «возродить традиционные промыслы», а с куда более прагматичной целью: освоить производство продукции, которая будет пользоваться массовым спросом и позволит зарабатывать на жизнь¹⁰⁵. Собственно, возрождается, скорее социальная роль – ремесленник, нежели ремесло как таковое. Сегодня доля ремесленников на Корсике почти вдвое выше, чем в целом по стране (соответственно 227 и 136 человек на 10 тыс. населения)¹⁰⁶. При этом речь идет не только о художественных ремеслах, но и о производстве регионально специфических продуктов питания, которые успешно превращаются в «корсиканские бренды», пользующиеся большим спросом у туристов.

В 1968 году в Корте открывается Центр социального развития (CPS) – одна из первых структур, ставивших перед собой цель развития села и внутренних, горных районов Корсики, приходящих в упадок, за счет привлечения образованной молодежи. Эта организация сыграла ключевую роль в обучении сотен выпускников университетов приемам земледелия и скотоводства, переработке сельскохозяйственной продукции и ремеслам. Помимо экономической, Центр преследовал и откровенно политическую цель: не допустить обезлюдения центральной части острова в результате ухода со сцены старшего поколения сельских тружеников, занять пустующие бесхозные земли, которые могли бы перейти в руки репатриантов из Алжира или иного пришлого населения¹⁰⁷.

Характерной особенностью движения *Reaquistu* было то, что оно проникло во все сферы общественной жизни: экономическую (возрождение сельского уклада жизни и ремесел, создание рабочих мест вне государственного сектора), культурную (повышение престижа корсиканского языка, обновление фольклора, всеобщий интерес к истории острова), образовательную (борьба за открытие университета, создание ассоциацией *Scola Corsa* классов с преподаванием корсиканского языка) и политическую (требования восстановления утраченной государственности, переход от автономизма к национализму), причем одни и те же люди участвовали в разных видах этой деятельности. Типична история, которую поведал Поль-Феликс, преподаватель корсиканского языка в сельской школе неподалеку от Корте. Родом из Бастии, он учился в университете Монпелье:

«Я хотел выучиться на инженера, но это оказалось слишком сложно, поэтому я выбрал университет, по специальности “биохимия”. Но потом бросил учебу и вернулся на Корсику, это было в 1978 г. Я поступил на многопрофильные сельскохозяйственные курсы, которые тогда открылись в Кастаничче. Было очень интересно, мы учились всему понемногу. Были, конечно, и теоретические занятия, но в основном много практики, прямо в хозяйствах. Мы учились делать каштановую муку, перерабатывать мясо, разбивать сады, ухаживать за деревьями. Это были необычные, новаторские курсы. Мы все хотели жить в селе. В 1979 г. я пошел в армию, а вернувшись через год, поступил на другие курсы при Центре социального развития в Корте. Там я выбрал специальность “крупный рогатый скот и свиноводство” и по окончании принял хозяйство своего дяди, который как раз в то время вышел на пенсию. По отцовской линии все мои родственники – скотоводы. И я был главой крестьянского хозяйства вплоть до 1990 г. Но параллельно, когда в 1981 г. открылся университет в Корте, я поступил на корсиканское отделение. С одной стороны, мне самому было интересно изучать язык, культуру, а с другой – университету было важно, чтобы записалось побольше студентов. Получив свой первый диплом, я подал заявку, и в 1988 году был зачислен помощником учителя корсиканского языка на полставки в школу в соседней деревне, в 10 минутах езды от дома. Полставки – это 9 часов в неделю, так что я продолжал работать на ферме и учить-

ся в университете, на сей раз – по специальности “СМИ и коммуникации”». В 1992 году я получил диплом магистра, а в 1993 г. меня пригласили работать на телевидение, где как раз открывалось вещание на корсиканском языке. Моя кандидатура привлекла потому, что я хорошо знаю сельскую среду, знаю людей. Именно такой человек был нужен. Итак, я поступил на телевидение, а ведь я по-прежнему преподавал, причем с 1991 г. – уже на полную ставку. И вот тогда я принял решение оставить сельское хозяйство. До 2000 г. я совмещал преподавание и работу на телевидении, получалось 70 часов в неделю, но когда ты молод, ты способен на многое. Примерно в то же время, когда я поступил в университет, где-то в 80-е годы, я начал серьезно заниматься пением, в одной ассоциации, которая существует и по сей день. Это было целое молодежное песенное движение, зачинателем которого была группа “*Cantu U Poppulu Corsu*”. Все просто бурлило, атмосфера была очень творческая. В общем я тоже примкнул к одной группе, которую позже и возглавил¹⁰⁸.

Музыкальный коллектив *Cantu U Poppulu Corsu*, о котором упоминает в своем рассказе Поль-Феликс, не только стоял у истоков современной корсиканской песенной культуры (у группы появилось множество последователей и подражателей), но и активно участвовал в политической борьбе, а многие его члены, причастные к деятельности нелегальных организаций, использовавших насилие, провели годы в тюремном заключении¹⁰⁹. И сегодня концерты таких групп, как *I Muvrini*, *Diana di l’Alba* и других собирают полные стадионы и вызывают у зрителей, в первую очередь молодежи, прилив националистических чувств (публика размахивает корсиканскими флагами, подолгу аплодирует стоя, скандирует «F. L. N.! F. L. N. !» и т.п.). Песни националистического содержания стали неотъемлемой частью народного фольклора. Укреплению осознания коллективной общности и формированию оппозиции «мы – они» послужили также участие футбольных команд Бастии и Аяччо в чемпионатах Франции и мобилизация болельщиков в их поддержку.

Символом вождеденной аутентичности, подлинности образа жизни, системы ценностей и в конечном счете народа стало так называемое «пасторальное общество», принадлежность к которому с гордостью декларируют многие корсиканцы. Само село стало рассматриваться как важнейшее место формирования идентичности, место, где передается язык, где сохраняются традиционные ценности и нормы поведения. «В то время как корсиканское общество урбанизируется и в структуре занятости возрастает роль «третьего сектора», молодые поколения ищут и находят защитную идеологию в конструировании архетипов идентичности»¹¹⁰. Подобная идеализация прошлого типична для национализма, так же как типично представление о том, что именно в деревне можно найти «истинные» народные традиции и общинный дух, которыми пренебрегает космополитичный город. Носителем и хранителем традиций и ценностей считается крестьянин (в корсиканском случае – пастух), превращающийся в архетипическую фигуру национального мифа. Он, с одной стороны, близок к земле, к природе, хорошо знаком с растительным и животным миром, с другой – владеет знаниями и умениями, полученными от предков. Еще один архетипический персонаж – «благородный разбойник» (*bandit d’honneur*) – призван романтизировать и легитимизировать насилие, понимаемое как форма борьбы за свободу, и создать представление о его имманентности корсиканскому обществу.

СМЕРТЬ ЯЗЫКА – СМЕРТЬ НАРОДА?

Morta a lingua – mortu u poppulu (смерть языка – смерть народа) – такая надпись часто встречается на настенных граффити на Корсике. Вопрос о языке без преувеличения можно считать центральным в современном конфликте, он присутствует на всем его протяжении, хотя акценты в его формулировке меняются, как меняется и отношение к этой проблеме различных действующих лиц. Это и понятно, ибо наиболее острой проблемой для небольших языковых общин, «уязвимых даже для самых незначительных демографических сдвигов», становится «неконтролируемая миграция моноглотов»¹¹¹ – в данном случае франкофонов.

Франция известна своей жесткой позицией по языковому вопросу. Согласно конституции, в государстве существует только один официальный язык – французский. Несмотря на давление со стороны европейских структур, страна отказывается от ратификации хартии региональных языков и языков меньшинств. Правда, в последние полвека произошло некоторое ослабление, нашедшее выражение, в частности, в Законе о региональных языках от 11 января 1951 г., разрешавшем их преподавание на факультативной основе. Однако корсиканского языка нововведение поначалу не коснулось: законодатели сочли его диалектом итальянского, а не отдельным языком. Это решение было воспринято как вопиющая несправедливость и вызвало возмущение корсиканцев. Стали возникать различные общественные организации, ставящие своей целью борьбу за право преподавания языка. Поправка к закону была в конце концов принята в 1974 г., но за истекшие почти четверть века вопрос о языке превратился в одну из главных тем националистической мобилизации. Сегодня речь идет уже не о факультативном, а об обязательном преподавании корсиканского языка, а также об официальном двуязычии. Сторонники же независимости и вовсе выступают за единственный официальный язык – корсиканский (и в этом тоже беря пример с критикуемой ими Франции): «официальное двуязычие неминуемо приведет к упрочению позиций французского языка, поскольку уже сегодня это наиболее распространенный язык среди корсиканцев, в то время как корсиканский на глазах превращается в мертвый язык»¹¹².

«Если мы хотим, чтобы язык выжил, его надо сделать официальным языком и языком образования», – цитирует Э. Хобсбаум валлийского автора-националиста¹¹³. Националисты прекрасно это понимают. В наш прагматичный век, чтобы спасти корсиканский язык, нужно сделать его «языком-кормильцем», каковым до сих пор был и остается французский. На это и направлены попытки сделать знание корсиканского языка обязательным условием для занятия определенных должностей. «Требование обязательного преподавания корсиканского языка – основа для пересмотра системы приема на государственную службу», – предупреждают авторы исследования «Корсиканская геополитика» М. Лефевр и Ж. Мартинетти¹¹⁴.

Между тем единого корсиканского языка нет, существует множество его локальных вариантов, и даже специалисты-филологи не могут прийти к общему согласию по поводу стандартизации языка, выбора между различными формами написания слов. Преподаватель корсиканского языка в беседе со мной признала:

«Французский сегодня – основной язык повседневного общения... Большинство учеников говорит в основном на нем. Даже те, чьи родители стремятся научить детей говорить по-корсикански и отдают их в двуязычные классы, приходят в школу, лучше владея французским»¹¹⁵.

Если в 1970-е годы «насчитывалось около 70 тысяч человек, имеющих словарный запас, достаточный для выражения любых мыслей и чувств в обыденной жизни, то два десятилетия спустя их было уже не более 20 тысяч»¹¹⁶. Таким образом, лишь отчасти можно согласиться с идеологами корсиканского национализма, когда они утверждают, что «корсиканский язык объединяет народ и делает французский языком иностранным»¹¹⁷. Они забывают при этом, что задолго до французского на Корсике уже был официальный язык – итальянский и что на протяжении почти целого XIX столетия новый государственный язык утверждал себя на острове в борьбе именно с итальянским, а не с корсиканским¹¹⁸. Речь, стало быть, может идти не столько о языке, сколько об идее языка, который называют «корсиканским», но при этом не все те, кто говорят «на корсиканском», действительно изыясняются на одном и том же языке, и не все те, кто считают этот язык «своим», употребляют его в быту.

Нельзя не согласиться с тем, что «язык не столько является выражением идентичности корсиканцев, сколько способствует ее конструированию»¹¹⁹. С этим утверждением согласны и мои собеседники. Они признают, в частности, что родители, принимающие решение обучать своих детей корсиканскому языку, «делают это часто не потому, что они любят этот язык или потому, что его изучение может принести какую-то практическую пользу, а чтобы таким образом выразить свою солидарность с националистическим движением»¹²⁰; что «книг на корсиканском языке очень мало, да и корсиканская литература находится еще в стадии становления»¹²¹. Многие против обязательного изучения корсиканского языка в школе: «Я бы приветствовала, чтобы мои дети умели говорить по-корсикански, но чтобы преподавание языка стало обязательным в школе и чтобы его приравнивали к другим иностранным языкам... К сожалению, я не очень понимаю, зачем нужен корсиканский язык на континенте, или тем более за границей. Если только для того, чтобы нам друг друга узнавать, а в остальном...»¹²².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная история корсиканского движения – убедительная иллюстрация важности того, что в конфликтологии принято называть *good governance*, т.е. «хорошим управлением», и печальных последствий его отсутствия. Претензии корсиканских националистов к французскому государству не вполне беспочвенны, они лишь формулируются не в тех терминах. Проблема не в том, что государство вмешивается в жизнь острова, препятствуя его самостоятельному развитию (что оправдывало бы стремление к независимости), а в том, что его политика в отношении острова имеет реактивный характер и отличается отсутствием последовательной линии, что, в конечном счете, свидетельствует о глубоком безразличии к «корсиканской проблеме». Возможно, дело здесь в том, что в демографическом отношении

население острова составляет менее половины процента от общенационального (Корсика сопоставима по численности жителей с крупным округом Парижа), а потому не представляет реальной угрозы. Именно эта подспудная убежденность сквозит в знаменитой фразе парижского чиновника «Даже если бы все 200 000 корсиканцев были автономистами, им было бы не под силу изменить Конституцию» – фразе, которую многие считают «символом разрыва диалога с теми, кто надеялся на реформы... посредством развития демократических институтов»¹²³. Дело, безусловно, также в особом, «прицельно-адресном» характере корсиканского терроризма, который, при всей его театральности (тщательно срежиссированные шумные «ночи террора», эпатажные «нелегальные пресс-конференции», организуемые в заброшенных овчарнях высоко в горах, на которых взору немногочисленных тщательно отобранных и проверенных журналистов предстают вооруженные до зубов люди в масках, и т. п.), не разит без разбору направо и налево, а убивает преимущественно самих террористов.

Отмеченная нами в начале статьи «атипичная», по сравнению с другими французскими регионами, траектория корсиканского движения становится более понятной в свете истории отношений местной политической и экономической элиты с центральной властью. На протяжении всего XIX и XX вв. эта элита упорно ищет сближения с государством, которое воспринимается как естественный защитник. Корсиканцы, как уже было сказано, охотно отправлялись на завоевание колоний (их доля в колониальных администрациях к 1934 году достигла 20%). Они храбро сражались на фронтах Первой мировой войны и организовали мощное сопротивление в годы Второй мировой войны. «Французский патриотизм долгое время был столь же естественным, сколь неуместными казались претензии регионалистов, которых упрекали в фольклоризме и уходе от современности»¹²⁴ – вспомним клятву на верность Франции, принесенную в 1939 г. многотысячным митингом в Бастии. Более того, события, связанные с окончанием эпохи колониализма и с утратой Францией своих заморских владений, когда Корсика оставалась последним бастионом «защитников французского Алжира», позволяют говорить не только о «французском патриотизме», но и о «французском национализме», присущем ее обитателям еще в начале 1960-годов.

Взаимоотношения с государством корсиканское общество выстраивало и осмысливало в привычных для него категориях «оказанной услуги» (*service rendue*), «взаимных обязательств» (*le régime des obligations*), «дара и отдаивания» (*don – contre-don*). Отказ от «идентичности» в обмен на возможность социального продвижения, овладение французским языком («языком-кормильцем» – *langue du pain*) в этой перспективе выглядели рациональным выбором. Нарушение этого равновесия стало оправданием расторжения «взаимных обязательств». Красноречиво признание одного из основателей FLNC: «Государство не было нам хорошим отцом, поэтому мы от него отвернулись»¹²⁵.

Государство, действительно, совершало в решении «корсиканской проблемы» ошибку за ошибкой. Сначала – полное пренебрежение мнением и интересами населения (вселение репатриантов и меры позитивной дискриминации в их отношении; идея со строительством хранилища ядерных отходов; безразличие и бездействие в истории с «красным илом»). Потом – дис-

пропорциональное применение силы при подавлении первых вооруженных вылазок автономистов (бригады мотоциклистов и вертолеты, брошенные против группы в 12 человек во время событий в Алерии), сменившееся, при социалистах, амнистией политзаключенных, включая досудебную амнистию обвиняемых в убийстве. На всем протяжении 1980–1990-х годов государство в лице министров внутренних дел, пренебрегая всеми демократическими правилами и процедурами, вело негласные переговоры с нелегальными военно-политическими организациями, давая им различные обещания в обмен на прекращение насилия. Наконец, фактическое самоустранение от регулирования общественных отношений и контроля над соблюдением законов, а также распределением финансовых потоков, направляемых на остров в рамках политики децентрализации. Все это способствует расцвету нелегальных структур власти и оседанию денежных средств в руках различных группировок, практикующих рэкет как в пользу националистических организаций («революционный налог»), так и в пользу бандитских формирований¹²⁶.

Тем не менее планомерная и неуклонная радикализация требований корсиканского движения, как и методов борьбы, свидетельствует скорее о сохраняющейся установке на взаимодействие или, по крайней мере, торг с государством, нежели на освобождение от него. Видя, что государство не реагирует на регионалистов, они переквалифицируются в автономистов. Когда же последние добиваются своего признания в качестве легитимных «представителей» населения в переговорах с центральной властью, возникают сепаратисты, противопоставляющие легализму автономистов и их принципиальному отказу от подпольной вооруженной борьбы жесткую военизированную организацию, посягающую на святая святых – монополию государства на насилие, тем самым громко заявляя о себе как об участниках политического процесса и вынуждая центральную власть искать пути их умиротворения.

«Националисты на самом деле не хотят независимости, – убежден Ж.-П. Альбертини. – Им и так хорошо. Они создали свой мирок, они обладают определенной властью на местном уровне. Чтобы бороться за независимость, нужно предложить людям внятную программу, с опорой на цифры, на серьезные исследования. Но ничего этого нет»¹²⁷.

«Пора прекратить на каждом углу говорить о независимости, потому что это пугает народ. Вместо этого нужно заниматься решением социальных проблем, поддержанием и развитием языка и культуры, способствовать развитию политических и социальных институтов на острове. Если сегодня спросить у жителей острова, что для них означает «независимость», большинство ответит, что это означает смерть Корсики», – говорит бывший сторонник FLNC, не одобряющий радикальные действия нелегалов¹²⁸.

Националисты, конечно, не могут не знать о непопулярности идеи независимости среди населения. Неуклонное распространение идеалов общества потребления, пропагандируемых массовой культурой, делает свое дело. Среди нынешнего поколения корсиканцев найдется немного тех, в чьей душе найдут отклик слова Э. Симеони о жертвах, на которые нужно идти во имя свободы. Почему же, невзирая на то, что большинство требований автономистов давно выполнено, ситуация на острове остается конфликтной?

Думаю, что ответ на этот вопрос кроется в особенностях самого корсиканского общества, его фундаментальном дуализме. Безусловно, как и большинство конфликтов, интерпретируемых как «этнические», корсиканский конфликт замешен на борьбе за власть и ресурсы. Но, в отличие от других

подобных конфликтов, наиболее острая борьба в нем ведется не между центром и периферией, а между старой и новой местными политическими элитами, претендующими на «особые» отношения с Центром. Следовательно, никакие уступки со стороны Центра не могут устранить конфликтный потенциал, поскольку в его основе лежит противостояние местных элит. То, что «сработало» в других регионах Франции, где социалистам удалось выбить почву из-под ног националистов (после «реабилитации» местных культур и языков борьба за культурные права потеряла актуальность, а защита социальных прав и экономических интересов населения – традиционная прерогатива «левых»), на Корсике не дало результатов. Напротив, по мере того как особый статус острова наполняется реальным содержанием (расширение сферы властных полномочий, увеличение финансовых потоков), растут и ставки в политическом противостоянии. Старая элита не хочет отдавать власть, а новая все более заинтересована в том, чтобы ее отнять. Традиционный политический класс берет на вооружение лозунги националистов, подрывая их «монополию» на заботу о языке и культуре, националисты же, в свою очередь, регулярно напоминают о себе и демонстрируют силу, чтобы заставить Центр с ними считаться. Надежды националистов на получение большинства голосов избирателей выглядят нереалистичными (для этого им надо как минимум удвоить количество сторонников). Не имея возможности получить власть законным, демократическим путем, они обречены на использование непарламентских методов борьбы. А это значит, что конфликту обеспечена долгая жизнь.

¹ По этическим соображениям далее в тексте авторство интервью будет указываться только применительно к публичным фигурам националистического движения; мои собеседники из числа рядовых жителей острова останутся анонимными.

² Автор выражает особую признательность Ф. Пестею и Ф.-М. Чеккальди за помощь в организации исследования, предоставленные в распоряжение автора документальные материалы, а также за многократные обсуждения и дискуссии в ходе работы над данным текстом.

³ Galibert Ch. L'ethnologie de la Corse : pistes et hors piste // Ethnologie française. Vol. 38. 2008/3. P. 389.

⁴ Pesteil Ph. Autour du riacquistu : questions culturelles et politiques en Corse // Identités et sociétés de Plougastel à Okinawa. Sous la direction de R. Le Coadic. Presses Universitaires de Rennes. P. 162.

⁵ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 22–23.

⁶ Цит. по: Пестей Ф., Чеккальди Ф.-М. Фронт национального освобождения Корсики и использование насилия в политической борьбе // Филиппова Е.И. Французские тетради. Диалоги и переводы. М., 2008. С. 178.

⁷ Mendras H. La seconde Révolution française, 1965–1984. P., 1988.

⁸ Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 234, 237.

⁹ Pate F. Réflexions sur la notion d'«identité culturelle» dans les mouvements régionaux français // Les Cahiers du Cériem. 2001. № 7.

¹⁰ Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 280.

¹¹ Dipoirier E. La question de l'identité et des partis régionalistes en Corse // Institut de Ciències Polítiques i Socialis. Barcelona. Working papers. 2001. № 190. С. 5.

¹² Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации. М., 2007. С. 122.

¹³ Райманн К. К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликтов/Этнополитический конфликт: пути трансформации. М., 2007. С. 57.

- ¹⁴ *Ravis-Giordani G. L'alta pulitica et la bassa pulitica: valeurs et comportements politiques dans les communautés villageoises corses (XIX–XXe siècles) / Etudes rurales. 1976. 63–64. Jul–déc. P. 186.*
- ¹⁵ *Смун Д.* Указ. соч. С. 126.
- ¹⁶ Цит. по: *Briquet J-L.* La tradition en mouvement. Clientelisme et politique en Corse. P., 1997. P. 243.
- ¹⁷ *Guidici N.* Le crépuscule des Corses. P., 1997. P. 28–29.
- ¹⁸ Цит. по: *Briquet J-L.* Op. cit. P. 253.
- ¹⁹ *Guidici N.* Op. cit. P. 26.
- ²⁰ *Poggioli P.* Le nationalisme en question(s) / Ed. DCL. 2003. P. 29.
- ²¹ Цит. по: *Пестей Ф., Чекальди Ф.-М.* Указ. соч. С. 175.
- ²² Интервью № 8. Июнь 2006 г. Архив автора.
- ²³ До сих пор многие «ветераны» корсиканского движения сохраняют верность левой идеологии и риторике, а некоторые и вовсе симпатизируют маоизму и троцкизму.
- ²⁴ *Briquet J-L.* Op. cit. P. 244.
- ²⁵ *Crettiez X.* La question corse. Editions Complexe. 1999. P. 43
- ²⁶ *Briquet J-L.* Op. cit. P. 245.
- ²⁷ *Pesteil Ph.* Op. cit. P. 180.
- ²⁸ *Ravis-Giordani G. L'alta pulitica et la bassa pulitica...* P. 186.
- ²⁹ *Хобсбаум Э.* Указ. соч. С. 279.
- ³⁰ *Ravis-Giordani G.* La Corse à la croisée des chemins. Un peuple sans identité ou une identité sans peuple ? // La pensée. 1989. N 268. mars–avril. P. 45.
- ³¹ См.: *Meistershein A.* Du riauistu au désenchantement. Une société en quête des repères // Ethnologie française. 2008. N 3; *Pesteil Ph.* Op. cit.
- ³² Цит. по: *Пестей Ф., Чекальди Ф.-М.* Указ. соч. С. 180.
- ³³ Там же. С. 171.
- ³⁴ «Правосудие Паоли» (корс.) – название, напоминающее об особой форме правосудия, введенной П. Паоли в годы независимости острова с целью покончить с кровной мстостью и упрочить национальное единство. Специально созданная хунта получила тогда полномочия судить виновных в убийстве и приговаривать их к повешению, разрушению дома семьи виновного и воздвижению на его месте позорного столба (см.: *Пестей Ф., Чекальди Ф.-М.* Указ. соч. С. 168).
- ³⁵ *Guidici N.* Op. cit. P. 23.
- ³⁶ Интервью с Э. Симеони. Июнь 2006 г. Архив автора.
- ³⁷ Цит. по: *Пестей Ф., Чекальди Ф.-М.* Указ. соч. С. 176.
- ³⁸ Интервью № 8. Июнь 2006 г. Архив автора.
- ³⁹ Интервью с Ж-К. Анжелини. Июнь 2006. Архив автора.
- ⁴⁰ Текст документа доступен на информационно-политическом портале http://flnc.unita-nazionale.org/FLNC_livre_blanc.htm
- ⁴¹ Интервью с Э. Симеони.
- ⁴² Интервью № 16. Сентябрь 2009. Архив автора.
- ⁴³ *Guidici N.* Op. cit. P. 23.
- ⁴⁴ Дело об убийстве префекта Эриньяка, долгое время остававшееся нераскрытым, было приоритетным для французской полиции. После нескольких развалившихся обвинений, пять лет спустя, был арестован основной подозреваемый – Иван Колона, все эти годы скрывавшийся от правосудия с помощью населения. Несмотря на недостаточно солидную, по мнению многих, доказательную базу его виновности, в 2010 г. И. Колона был приговорен к пожизненному заключению, что вызвало очередное обострение ситуации на Корсике.
- ⁴⁵ *Poggioli P.* . Op. cit. P. 83.
- ⁴⁶ См. *Guidici N.* Op. cit.; *Crettiez X.* Op. cit.
- ⁴⁷ Интервью № 16.
- ⁴⁸ *Albertini A.* Des plaies toujours à vif // Corsica. 2007. Janvier. P. 60.
- ⁴⁹ Интервью с Ж-К. Анжелини.
- ⁵⁰ Интервью с Э. Симеони.
- ⁵¹ Интервью с Ж-П. Альбертини. Сентябрь 2009. Архив автора.
- ⁵² Интервью № 16.
- ⁵³ Интервью № 18. Сентябрь 2009. Архив автора.

- ⁵⁴ Интервью № 11. Июнь 2006. Архив автора.
- ⁵⁵ *Albertini A.* Préfets en Corse, la malédiction // Corsica. Un autre regard sur la Corse. 2008. N 108, 09.
- ⁵⁶ Интервью № 16.
- ⁵⁷ Интервью с Ж-П. Альбертини.
- ⁵⁸ Интервью с Ж-К. Анжелини.
- ⁵⁹ Интервью № 7. Июнь 2006. Архив автора.
- ⁶⁰ После неожиданного для многих поражения Л. Жоспена на президентских выборах в 2002 г. Матиньонский процесс прекратился, не дав результатов.
- ⁶¹ *Gil J.* La Corse entre la liberté et la terreur. 2e édition, revue et augmentée. P., 1991. P. 54.
- ⁶² *Ibid.* P. 62
- ⁶³ *Ibid.* P. 301.
- ⁶⁴ *Pomponi F.* A la recherche d'un invariant historique : la structure clanique dans la société corse // Pieve et Paesi. Editions du CNRS, 1978.
- ⁶⁵ *Ravis-Giordani, G.* La Corse à la croisée des chemins. ... P. 42.
- ⁶⁶ *Briquet J-L.* Op. cit. P. 42–43.
- ⁶⁷ *Arritti* 2 1989. mars.
- ⁶⁸ *Ravis-Giordani G.* L'alta pulitica et la bassa pulitica... P. 179.
- ⁶⁹ Интервью № 16.
- ⁷⁰ *Arritti N* 2018. 2006. 30.11. P. 8.
- ⁷¹ *Хобсбаум Э.* Указ. соч. С. 268–269.
- ⁷² Интервью с П. Поджоли. Октябрь 2009. Архив автора.
- ⁷³ *Бауман З.* Мыслить социологически. М., 1996. С. 79.
- ⁷⁴ Интервью с Ж-К. Анжелини.
- ⁷⁵ *Bourdieu I.* L'aliénation corse. P., 2005. P. 34.
- ⁷⁶ Интервью с П. Поджоли.
- ⁷⁷ Интервью с Э. Симеони.
- ⁷⁸ Интервью с Ж-К. Анжелини.
- ⁷⁹ Интервью с Ж-П. Альбертини.
- ⁸⁰ *Бауман З.* Указ. соч. С. 79–80, 181. Курсив мой. – *Е.Ф.*
- ⁸¹ *Ravis-Giordani G.* Attention : une nation peut en cacher une autre // Bulletin de l'A.D.E.C.E.M. 1989. N 7. P. 17.
- ⁸² *Chartier E. et Larvor R.* La France éclatée ? Rennes, 2004. P. 32.
- ⁸³ *Bourdieu I.* Op. cit. P. 84.
- ⁸⁴ *Ibid.* P. 83.
- ⁸⁵ *Ibid.* P. 85.
- ⁸⁶ *Хобсбаум Э.* Указ. соч. С. 269.
- ⁸⁷ Интервью № 20. Сентябрь 2009. Архив автора.
- ⁸⁸ *Bourdieu I.* Op. cit. P. 85.
- ⁸⁹ *Ibid.* P. 95–96, 104; курсив мой. – *Е.Ф.*
- ⁹⁰ *Шлее Г.* Управление конфликтами. Теория и практика. М., 2004. С. 16
- ⁹¹ Цит. по: *Пестей Ф., Чеккальди Ф.-М.* Указ. соч. С. 179
- ⁹² Там же. С. 174; выделено мной. – *Е.Ф.*
- ⁹³ *Tillard D.* La bataille de Ponte Novo // Socio-Anthropologie. 2001. N 9. Mis en ligne le 15 janvier 2003. URL : <http://socioanthropologie.revues.org/document10.html>. Consulté le 09 novembre 2008.
- ⁹⁴ *Paoli P-F.* Je suis Corse et je n'en suis plus fier. P., 2005. P. 99.
- ⁹⁵ *Guidici N.* Op. cit. P. 48–49.
- ⁹⁶ *Bourdieu I.* Op. cit. P. 62.
- ⁹⁷ *Ibid.* P. 63. Курсив мой. – *Е.Ф.*
- ⁹⁸ Интервью № 5. Июнь 2006. Архив автора.
- ⁹⁹ *Paoli P-F.* Op. cit. P. 73.
- ¹⁰⁰ *Gil J.* Op. cit. P. 710; курсив мой. – *Е.Ф.*
- ¹⁰¹ Интервью с П. Поджоли.
- ¹⁰² *Bourdieu I.* Op. cit. P. 56, 114
- ¹⁰³ *Бауман З.* Указ. соч. С. 78; курсив мой. – *Е.Ф.*
- ¹⁰⁴ Интервью № 10. Июнь 2006. Архив автора.

- ¹⁰⁵ Интервью № 12. Июнь 2006. Архив автора.
- ¹⁰⁶ *Pesteil Ph.* Op. cit. P. 177.
- ¹⁰⁷ *Ibid.* P. 164–165.
- ¹⁰⁸ Интервью № 8. Июнь 2006. Архив автора.
- ¹⁰⁹ *Meistershein A.* Op. cit. P. 408.
- ¹¹⁰ *Pesteil Ph.* Op. cit. P. 165.
- ¹¹¹ *Хобсбаум Э.* Указ. соч. С. 270.
- ¹¹² *Bourdies I.* Op. cit. P. 40–41.
- ¹¹³ *Хобсбаум Э.* Указ. соч. С. 154.
- ¹¹⁴ *Lefèvre M., Martinetti J.* Géopolitique de la Corse / Ed. A. Colin, 2007.
- ¹¹⁵ Интервью № 4. Июнь 2006. Архив автора.
- ¹¹⁶ *Guidici N.* Op. cit. P. 45.
- ¹¹⁷ *Ravis-Giordani G.* La Corse à la croisée des chemins... P. 41.
- ¹¹⁸ *Pellegrinetti J.-P.* Langue et identité : l'exemple du corse durant la troisième république // Cahiers de la Méditerranée. Vol. 66. P. 3. Mis en ligne le 21 juillet 2005. URL : [http://cdlm.revues.org / document.html?id=116&format=print](http://cdlm.revues.org/document.html?id=116&format=print)
- ¹¹⁹ *Ravis-Giordani G.* La Corse à la croisée des chemins... P. 43.
- ¹²⁰ Интервью № 4.
- ¹²¹ Интервью № 2. Июнь 2006. Архив автора.
- ¹²² Интервью № 3. Июнь 2006. Архив автора.
- ¹²³ *Пестей Ф., Чеkkalди Ф.-М.* Указ. соч. С. 173.
- ¹²⁴ *Crettiez X.* Op. cit. P. 13.
- ¹²⁵ Цит. по: *Pesteil Ph.* Op. cit. P. 175.
- ¹²⁶ См.: *Lefèvre M., Martinetti J.* Op. cit.
- ¹²⁷ Интервью с Ж.-П. Альбертини.
- ¹²⁸ Интервью № 6.

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИВАНСКИЙ КОНФЛИКТ: ГЕНЕЗИС, ФАКТОРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Географические особенности территории современного Ливана на протяжении веков способствовали притоку разнообразных религиозных меньшинств, подвергавшихся преследованиям в соседних регионах. Горы обеспечивали естественную защиту, а изобилие столь редких на Ближнем Востоке водных ресурсов и выход к морю создавали благоприятные условия для жизни людей и развития торговли.

В 1861 г. международной комиссией был подписан протокол, который определил принципы существования в составе Османской империи автономной территории, получившей название «Мутассарифия Горного Ливана» (меньше половины территории современного Ливана). Вмешательство европейских стран стало необходимым вследствие неоднократных, главным образом маронито- друзских* кровавых конфликтов. Согласно договоренностям этой автономией управлял христианский неливанский правитель в течение шестилетнего срока, опираясь на совет, в который входили 12 членов, представлявших основные, проживавшие в автономии конфессии (марониты, друзы, сунниты, шииты, православные, грекокатолики).

В XIX в. постепенное ослабление Османской империи и экспансия Европы способствовали усилению влияния в Ливане крупных европейских держав, оказывавших покровительство различным религиозным общинам. Так, Франция традиционно выступала защитницей маронитов, Англия – друзов, а Российская империя взяла на себя роль покровительницы православных.

«Мутассарифия Горного Ливана» заложила основы того, что позднее получило название политического представительства конфессиональных общин и стало определять специфику политической системы и общественной жизни Ливана. Система Мутассарифии, просуществовав до 1914 г. (отменена Османской империей), обеспечивала автономной территории все эти годы относительно спокойное существование.

* Марониты – приверженцы маронитской христианской церкви. Проживают главным образом в Ливане и небольшими группами в Сирии, Египте, Северной и Южной Америке, на Кипре. Маронитские религиозные общины возникли в V–VII вв. в Северо-Западной Сирии в процессе расколов восточной христианской церкви. Легендарный основатель – Мар Марон. В XII в. маронитская церковь признала верховенство Ватикана. Резиденция патриарха маронитов находится в Ливане (в Бкерке).

Друзы – приверженцы мусульманской религиозной секты; одно из ответвлений исмаилизма. Проживают в Ливане, Сирии, незначительные по численности общины также имеются в Израиле и Иордании. Секта друзов возникла в начале XI в. под влиянием проповеди батинитского миссионера Дарази (названа по его имени) среди исмаилитов Египта и Южного Ливана. Друзы совмещают принцип единобожия с признанием последнего воплощения божества в фатимидском халифе Хакиме (правил в 996–1021 гг.) и ожиданием его второго пришествия. Друзы разделяют учение о переселении душ своих единоверцев. Составляют замкнутую общину, возглавляемую уккаль (умные, знающие), которые руководят массой верующих (джуххаль – невежественные).

После поражения Османской империи в Первой мировой войне Франция получила по англо-французскому соглашению Сайкс-Пико мандат на управление значительной частью Ближнего Востока и 1 сентября 1920 г. объявила о создании Большого Ливана (в его современных границах). В этом подмандатном государстве французской администрацией было закреплено верховенство маронитской общины (наиболее многочисленной в созданном государстве в тот период). Под французским влиянием 23 мая 1926 г. была принята конституция Ливана, действующая по сегодняшний день со значительным количеством поправок (конституция даже писалась на французском языке). В период французского мандата в 1932 г. была проведена единственная в истории Ливана перепись населения, которая служила статистическим обоснованием для определения политического «веса» общин и, соответственно, распределения властных полномочий между их представителями.

Фактически в Ливане насчитывалось около 20 конфессиональных общин, из которых официальный государственный статус получили лишь 17: 13 христианских (марониты, грекокатолики, православные, армяне-католики, армяне-православные, протестанты и др.), три мусульманские (сунниты, шииты и друзы) и иудейская община¹. Среди этих общин выделяются, как и раньше, шесть наиболее влиятельных: марониты, сунниты, шииты, грекокатолики, православные и друзы.

В связи с ослаблением Франции в годы Второй мировой войны и отчасти при содействии Великобритании Ливан смог получить независимость (днем независимости считается 22 ноября 1943 г.). В основу создания независимого Ливана легло неписаное соглашение между крупными маронитскими и суннитскими семьями, получившее название Национальный пакт, заключенный маронитом Бишарой аль-Хури (стал президентом) и суннитом Риядом Сольхом (стал премьер-министром). Национальный пакт включал в себя ряд основополагающих для ливанской государственности условий. Во-первых, христиане отказались от покровительства Франции и поддержали независимость страны в обмен на отказ мусульман от идей арабского единства и, прежде всего включения ливанской территории в состав Сирии. Во-вторых, стороны сошлись на том, что Ливан является арабской страной и составной частью арабского мира, но в то же время обладает своей спецификой, исходя из которой он должен сохранять культурные и духовные связи с Западом. В-третьих, пакт установил политику нейтралитета страны как в международных, так и в межарабских отношениях².

Политическая система Ливана, созданная отчасти в силу исторических факторов, отчасти под французским влиянием, а отчасти согласно межливанским договоренностям, основана на пропорциональном представительстве в органах государственной власти официально признанных религиозных общин (за исключением иудейской). Такая форма политического устройства получила название *политического конфессионализма*. Среди наиболее важных аспектов ливанского политического конфессионализма необходимо отметить закрепление должности президента за маронитом, премьер-министра за суннитом, председателя парламента за шиитом; распределение министерских портфелей, руководящих должностей на государственной службе и в армии среди представителей разных общин (с соблюдением паритета между христианами и мусульманами). Соотношение между христианами и му-

сульманами в парламенте было зафиксировано как 6 : 5. В рамках этих квот депутатские мандаты распределялись между выходцами из различных конфессий.

Помимо политического конфессионализм в Ливане имеет и социальное измерение. В ведении конфессиональных общин находится широкий круг вопросов, связанных с личным статутом* ливанцев. Общинам предоставлена самостоятельность в регулировании бракоразводных вопросов, прав на наследование и ряда других юридических вопросов. В Ливане не существовало и до настоящего времени не существует института гражданского брака. Желающие заключить гражданский брак делают это за границей, и подобные браки признаются в Ливане. На основе закрепленного в конституции права общины имеют свои школы (эти школы существуют наряду с государственными).

Постепенное изменение демографической ситуации в пользу мусульман привело к ужесточению требований мусульманских элит о перераспределении полномочий в политической системе, что стало одной из многих причин гражданской войны, начавшейся в Ливане в 1975 г. Другой ключевой причиной ливанской войны стала активная антиизраильская деятельность многочисленных палестинских вооруженных формирований с территории Ливана. После разгрома Организации освобождения Палестины в Иордании в 1970 г.³ Ливан стал главным плацдармом для проведения антиизраильских операций палестинскими боевиками. Проигравшие Шестидневную войну 1967 г. Египет и Сирия также способствовали укоренению палестинских боевых организаций в Ливане для ведения изматывающей партизанской войны против еврейского государства.

Стремясь избежать любой ценой повторения иорданских событий в Ливане и рассчитывая «закрепиться» в этой стране, палестинские движения сумели создать прочный альянс с ливанскими левыми движениями. Ответные силовые действия Израиля, нацеленные в большей степени на ливанские объекты, нежели на палестинское сопротивление (в качестве примера можно привести уничтожение в аэропорту Бейрута 13 самолетов ливанской авиакомпании «Мидл Ист эйрлайнз» в декабре 1968 г.), стали серьезным фактором дестабилизации Ливана. Эти операции Израиля «накладывались» на ливанские внутривнутриполитические противоречия и способствовали радикализации правых движений (в основном христианского толка), негативно относившихся к палестинскому вооруженному присутствию на национальной территории⁴.

Гражданская война 1975–1990 гг. показала уязвимость конфессионального деления ливанского общества. В ходе войны конфликтующие стороны, безусловно, нельзя было идентифицировать строго по религиозному критерию – лево-мусульманское Национальное движение пользовалось поддержкой некоторых христианских социальных групп (в первую очередь коммунистов и выходцев из православной общины). Воевавшие силы имели и идеологические противоречия (особенно на первом этапе войны), что не позволяет говорить об однозначной неприменимости к конфликту разделения

* Личный статут – совокупность норм, которые определяют положение индивида в области его личных и имущественных прав.

на правых и левых. Однако ключевым критерием разделения сторон в конфликте был именно религиозный признак.

В ходе войны получило распространение целенаправленное насилие против представителей «чужих» конфессий. Множество примеров военных лет подтверждают этот вывод: насильственные переселения мусульманских (ливанских и палестинских) меньшинств из христианских регионов – захват районов Карантина и Маслах христианскими силами в январе 1976 г., за которым последовали массовая резня и переселение мусульман в Западный Бейрут⁵; падение палестинского лагеря Телль Заатар летом 1976 г., которое привело к аналогичным последствиям⁶. Весь мир обошли кадры с жертвами истребления христианскими боевиками (при поддержке израильской армии) палестинского мирного населения в бейрутских лагерях Сабра и Шатила в сентябре 1982 г. Захват объединенными ливано-палестинскими силами районов преимущественного проживания христиан приводил к таким же ситуациям (например, взятие Дамура зимой 1976 г., захват Мтейна и Айттуры весной 1976 г.)⁷. Нередко убийства происходили при проверке документов на дорогах, когда христианские (или мусульманские) боевики расстреливали лишь за иную религиозную принадлежность⁸.

Насилие против иноверцев привело к массовому переезду меньшинств, проживавших в «чужом» окружении, в регионы проживания «своей» конфессии. Миграция способствовала формированию немалого числа гомогенных анклавов. Так, большинство христиан уехали из Триполи. Районы Жубейла, Кесруана и Метна стали почти полностью христианскими. Бейрут разделился на западную мусульманскую и восточную христианскую части. Таким образом, боевые межконфессиональные действия усилили взаимное недоверие общин и укрепили деление ливанского общества на конфессиональные сектора.

С целью достижения договоренности по прекращению войны в саудовском городе Таиф при содействии Саудовской Аравии, Алжира и Марокко в сентябре 1989 г. собрались 62 ливанских депутата (31 христианин и 31 мусульманин) из 73 оставшихся в живых парламентариев созыва 1972 г. (полный состав ливанского парламента, избранного в 1972 г., насчитывал 99 человек, во время войны выборы в парламента не проводились). 22 октября 1989 г. депутатам удалось согласовать текст соглашения (названного Таифским), которое впоследствии положило конец войне⁹. К этому моменту ливанские депутата в сущности уже не обладали никакой властью. Тем не менее в этот период они представляли собой единственный политический институт, имевший хотя бы номинальную легитимность (после завершения срока президентских полномочий Амина Жмайеля в сентябре 1988 г. в Ливане не было президента и действовали два не признающих друг друга правительства – «христианское» во главе с генералом Мишелем Ауном и «мусульманское» во главе с Салимом Хоссом). Таифское соглашение¹⁰, ознаменовавшее окончание гражданской войны и ставшее основой для внесения комплекса серьезных поправок в ливанскую конституцию, предусматривало новый баланс конфессиональных сил в системе власти.

Анализ истории независимого Ливана показывает поразительную живучесть политического и социального конфессионализма в этой стране. Установившие политический конфессионализм положения конституции 1926 г.

(имевшей в целом светский и гражданский дух) рассматривались в тексте этого документа как «временные» или «переходные»¹¹. Декларация ливанского правительства (октябрь 1943 г.), с которой связан тот компромисс между христианскими и мусульманскими лидерами, получивший спустя несколько лет наименование Национального пакта, также содержала параграф, в котором упразднение конфессионализма рассматривалось в качестве одной из общенациональных целей¹².

Несмотря на разумную и прогрессивную направленность ливанской конституции и Национального пакта, конфессионализм сохранялся на протяжении десятилетий в политике, в общественных отношениях, нравах и мировосприятии ливанцев¹³. Социальная реальность, в значительной мере пропитанная конфессионализмом, демонстрировала сильную устойчивость, не поддаваясь реформам, идея которых содержалась как в конституции, так и в Национальном пакте. При осложнении региональной обстановки (сирийско-египетское объединение 1958 г., периоды обострения холодной войны, палестинский фактор с 1970 г.) недоверие и соперничество между общинами выливались в вооруженное противостояние (бои 1958 г. и гражданская война 1975–1990 гг.).

По аналогии с предшествующими документами, заложившими основы ливанской государственности, Таифское соглашение и поправки в конституцию 1989 г. содержали установку на упразднение политического конфессионализма после переходного периода. Этот период был объективно необходим для безболезненного выхода из войны, установления взаимного доверия между общинами и создания основ для национального примирения в будущем.

ПОСЛЕВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО ЛИВАНА И ПРИЧИНЫ ЗАРОЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КОНФЛИКТА

Окончание гражданской войны в Ливане и подписание Таифского соглашения открыли новую страницу в истории страны. 5 ноября 1989 г. были приняты поправки к конституции, которые заложили основы нового политического устройства, названного впоследствии II Республикой. Примирение множества внутриванских и внешних враждующих сторон было достигнуто ценой трудного компромисса, стержнем которого стало изменение политической системы страны. В новой системе существенно расширились полномочия правительства и премьер-министра суннита за счет сокращения полномочий президента маронита¹⁴, соотношение христиан и мусульман в парламенте (расширенном сначала до 108, а затем до 128 депутатов) стало 1:1, сохранилось распределение основных государственных постов между выходцами из общин.

В соглашении также отмечалась необходимость освобождения территории Ливана от израильской оккупации, распространения государственного суверенитета на всю территорию страны в признанных границах с использованием собственных сил государства, развертывания ливанской армии в пограничном районе с Израилем, разоружения и роспуска всех ливанских и неливанских военизированных формирований в течение шести месяцев по-

сле ратификации соглашения. Сирийский военный контингент сохранялся в Ливане для обеспечения мира и безопасности. В соглашении подчеркивались особые отношения, связывающие две «братские» страны.

Таким образом, произошло существенное перераспределение властных функций не только в рамках государственных институтов, но и (что особенно важно в ливанском контексте) между основными общинами, лидеры которых заняли ключевые государственные посты. Это изменение отражало в первую очередь усиление суннитской и шиитской общин за счет ослабления христиан (прежде всего маронитов).

«PAX SYRIANA»

Достижение межливанских договоренностей в Таифе произошло главным образом благодаря консенсусу между Саудовской Аравией и Сирией, которая, согласно этому соглашению, сохранила и укрепила свое военное и политическое присутствие в Ливане. Таифское соглашение фактически придало легальную силу сирийскому контролю над ливанской территорией. Во многих регионах страны остались сирийские войска, общая численность которых составляла в середине 1990-х годов 30–35 тыс. солдат и офицеров¹⁵.

Дамаск укрепил свое влияние в Ливане благодаря подписанию в 1991 г. договора о дружбе, сотрудничестве и координации между Сирией и Ливаном. Несмотря на то что в договоре говорится об уважении суверенитета Ливана, Сирия заложила в этот документ идею постепенной интеграции двух стран в политической и экономической сферах, сфере безопасности, образования, культуры и науки (статья 1)¹⁶. В договоре несколько раз упоминается об общем будущем двух стран, совместном экономическом развитии, их общих интересах и судьбе. Согласно договору, Ливан также лишился права вести самостоятельную внешнюю политику (статья 5). Это ограничивало его возможности по проведению переговоров с Израилем (сирийская правящая элита опасалась подобных переговоров и возможного заключения мирного договора между этими странами). Таким образом, внешняя политика Ливана жестко контролировалась в зависимости от интересов Сирии в регионе.

Процесс принятия важных политических решений и назначения на ключевые государственные посты в Ливане находился под бдительным контролем Дамаска. Это касается первых президентов послевоенного Ливана—Ильяса Храуи¹⁷ (1989–1998) и Эмиля Лахуда (1998–2007), всех премьер-министров вплоть до начала Кедровой революции* в 2005 г. Показательным примером политического господства Сирии в Ливане было назначение Омара Караме на пост премьер-министра в декабре 1990 г. Сирийские газеты объявили о его назначении раньше, чем действующий премьер Салим Хосс подал прошение об отставке и начались парламентские консультации по кандидатуре главы кабинета министров (в соответствии с конституцией)¹⁸.

* После убийства бывшего премьер-министра Ливана Р. Харири 14 февраля 2005 г. в стране поднялась волна массовых антисирийских протестов (в организации убийства подозревались сирийские спецслужбы), которые получили название Кедровой революции. Связь мощного выражения антисирийского протеста с кедром, который является национальным символом и изображен на флаге, объясняется патриотической направленностью этого движения.

Еще одним примером сирийского контроля над ливанской политикой служит продление президентского срока И. Храуи в 1995 г. на три года (ливанская конституция не предусматривает продления срока президентских полномочий). Еще до открытия осенней сессии ливанского парламента в 1995 г., на которой должна была обсуждаться возможность продления мандата Храуи, сирийский президент Хафез Асад в интервью египетской газете «Аль-Ахрам» заявил, что в Ливане этот вопрос уже решен положительно¹⁹. Ливанские депутаты, изначально сопротивлявшиеся такому развитию ситуации, вынуждены были изменить свою позицию и проголосовать за продление. Аналогичная ситуация повторилась и в 2004 г., когда в результате мощного давления режима Башара Асада ливанский парламент принял необходимые поправки к конституции и проголосовал за продление президентского срока Э. Лахуда (просирийский президент, который в 1989–1998 гг. занимал должность командующего ливанскими вооруженными силами).

Сирийский режим выполнял роль единственного арбитра во внутривнутриполитических конфликтах, возникавших между тремя ветвями власти в Ливане²⁰. Несмотря на то что премьер-министр обладал достаточными конституционными полномочиями для принятия самостоятельных решений, он не имел реальной независимости, чтобы действовать без поддержки Дамаска. Поездки в Дамаск для консультаций высших ливанских должностных лиц (включая президента, премьера и других министров, председателя парламента) и лидеров религиозных общин были тогда практически еженедельными²¹. Их контакты порой были настолько тесными, что в 1991-е годы сирийцы даже «жаловались» ливанской прессе на то, что ливанские должностные лица совершенно не могут принимать самостоятельных решений и «настойчиво требуют» у Сирии подробных рекомендаций по всем аспектам политической и общественной жизни²².

Столь сильное влияние Сирии на независимый Ливан (страну с иным профессиональным составом и историей самостоятельного развития с 1946 г.) в 1990-е гг. было оправдано конкретными историческими обстоятельствами. Только присутствие и контроль мощного внешнего актора (каким была Сирия) позволили прекратить гражданскую войну, разоружить боевые формирования (фактически разделившие Ливан на автономные области), воссоздать целостность ливанской территории и перевести состязание ливанских сил в мирное русло, которое обрело легальность в силу Таифского соглашения и новой конституции.

Сирийское господство в Ливане стало возможным только благодаря изменению политики США (а вслед за ними и Европы) по отношению к Дамаску. Сирийский президент Хафез Асад, поддержав международную антииракскую коалицию в войне в Персидском заливе (1991), получил от США в качестве политической компенсации определенную свободу действий в Ливане.

Зарождение условий и обстоятельств острого конфликта между двумя альянсами политико-конфессиональных сил Ливана происходило на протяжении 1990-х годов. Этот конфликт, разделивший как политические элиты, так и ливанское общество, принял острую форму с 2005 г. Однако формирование противоборствующих блоков и причин конфликта шло в 1990-е годы на фоне доминирующего влияния Сирии в Ливане и по отношению к нему.

Именно сирийский фактор стал тем стержнем, вокруг которого объединялись ливанские силы, настолько различавшиеся между собой, что иногда их общим базисом могла служить лишь лояльность Сирии.

Другие ливанские партии, движения и политики, выступавшие на разных этапах периода 1990–2005 гг. против сирийского вмешательства в ливанские дела, со временем объединились в антисирийскую коалицию во имя патриотической программы. В дальнейшем противоречия между этими ливанскими альянсами разрослись до масштабного конфликта, характеризующегося ожесточенным противостоянием, периодическими вспышками насилия, а также активным участием внешних сил как в эскалации напряженности, так и в поиске компромисса между конфликтующими сторонами.

В послевоенный период, вплоть до начала Кедровой революции в 2005 г. в ливанской политической системе доминирующее положение занимали лояльные Сирии политики и движения. В начале 1990-х годов марониты, недовольные положением, в котором они оказались после окончания войны, а также сирийским господством в стране, призывали к бойкоту парламентских выборов. Этот призыв сформулировали главные христианские партии – «Катаиб» (*Фаланги*), Ливанские силы Самира Джаджа, Национально-либеральная партия Дори Шамуна, Национальный блок Раймона Эдде, сторонники генерала Мишеля Ауна, которые активно поддерживались маронитским патриархом Насраллой Бутросом Сфейром. В этих обстоятельствах избранные в парламент благодаря своей квоте марониты в большинстве своем отличались просирийскими взглядами.

Таким образом, в результате первых послевоенных выборов в парламент (1992) просирийские политические силы узаконили свою фактическую власть. Президент и парламент Ливана были лояльны Дамаску. Ливанская армия и специальные службы полностью подчинялись Сирии. Деятельность сирийской военной разведки, местная штаб-квартира которой располагалась в ливанском городе Анжар (неподалеку от границы с Сирией), символизировала и подчеркивала подчиненное положение Ливана. Раз в неделю глава сирийской разведки в Ливане устраивал «день открытых дверей» и принимал у себя ливанских депутатов парламента, министров, бизнесменов, губернаторов, мэров, военных, всех тех, кто стремился согласовать свои действия с реальным центром власти²³.

Правительство Ливана, сформированное в 1992 г. после парламентских выборов, возглавил известный в стране и за ее пределами крупный ливанский бизнесмен Рафик Харири, владеющий активами в сферах финансов, строительства и СМИ (имеющий также гражданство Саудовской Аравии). Он сделал состояние благодаря тесным связям с Саудовской Аравией, выступая, в частности, в качестве посредника в крупных финансовых сделках и сделках с недвижимостью от имени королевской семьи. Ему также удалось наладить тесные политические и экономические контакты с Сирией, заручиться беспрецедентной поддержкой традиционного «покровителя» Ливана Франции, чему в существенной мере способствовали личные дружеские отношения с Ж. Шираком. К активу Харири также относились доверие и поддержка американской администрации.

Р. Харири стал ливанским премьер-министром благодаря тому, что его кандидатура устраивала главные региональные силы, стоявшие за Таифским

соглашением, – Сирию и Саудовскую Аравию. Внутри Ливана появление на политической сцене такой харизматической фигуры, обладавшей международным влиянием и поддержкой, а также имиджем успешного бизнесмена, внушало ливанцам оптимизм. Большинство населения вне зависимости от религиозной принадлежности Харири воспринимался как символ надежды на спасение и восстановление страны.

Вокруг Харири, ставшего центром гравитации ливанской политики и экономики, начал формироваться новый политический альянс из различных партий и движений, нередко воевавших между собой во время гражданской войны. Их объединяло признание доминирующей роли Сирии и желание участвовать в распределении политических и экономических ресурсов в послевоенном Ливане. В эту коалицию вошли шиитская партия АМАЛЬ²⁴ (во главе с Набигом Берри, получившим в 1992 г. пост председателя парламента, который он занимает до настоящего времени), друзская Прогрессивно-социалистическая партия (ПСП) во главе с Валидом Джумблатом, Сирийская национальная социальная партия (ливанская светская партия, традиционно ориентированная на тесные связи с Сирией) и ряд других мелких организаций, имевших конфессиональную основу.

В первой половине 1990-х годов из ливанской политической жизни были исключены те, кто не признал Таифского соглашения и, что самое главное, сирийского контроля над Ливаном. Главным образом речь идет об относительно крупных христианских партиях и движениях. Некогда влиятельная маронитская партия «Катаиб» фактически развалилась на рубеже 1980–1990-х годов, оставшись без лидера Амина Жмайеля (президент страны в 1982–1988 гг.), который уехал во Францию после завершения своего президентского срока. В 1990-е годы «Катаиб» переживал серьезный кризис, связанный с внутрипартийными разногласиями между просирийским и антисирийским течениями. В итоге просирийскую фракцию возглавил в 2001 г. опытный политик и ветеран партии Карим Пакрадуни. Так называемое Исправительное движение «Катаиб», основанное Амином Жмайелем и отстаивающее традиционные для партии позиции (ливанский суверенитет, невмешательство Сирии во внутренние дела), возглавил его сын Пьер Жмайель²⁵.

Генерал Мишель Аун, отказавшись признать Таифское соглашение, продолжил со своими сторонниками военные действия против Сирии, начав так называемую «войну за освобождение». В 1990 г. его армия потерпела поражение, и Аун при содействии французских спецслужб смог сбежать во Францию.

Крупная христианская партия Ливанские силы (ЛС), признав Таифское соглашение, продолжала действовать, однако антисирийская риторика ее лидера Самира Джаджа в конечном итоге привела к запрету организации в 1994 г. Сам Джаджа был осужден на тюремное заключение по обвинениям в преступлениях, совершенных в ходе гражданской войны. Безусловно, С. Джаджа как боевик, а потом и лидер вооруженного формирования ЛС, несет ответственность за убийства и другие преступления, совершенные в период гражданской войны 1975–1990 гг. Однако в этот чрезвычайный период убийства и иные формы насилия были в порядке вещей. Аналогичные преступления совершались многими (если не всеми) руководителями партий, движений и вооруженных формирований в годы войны. Тем не менее

многие из них не предстали перед судом ввиду практической необходимости послевоенного примирения. С. Джаджа был единственным ливанским политиком, понесшим наказание за военные преступления, что свидетельствует о политической подоплеке суда над ним, связанной с антисирийской позицией. Он был обвинен в организации убийства в 1978 г. лидера вооруженного формирования «Марада» Тони Франжье (сына бывшего президента Ливана Сулеймана Франжье) с семьей, убийства в 1990 г. лидера Национально-либеральной партии Дани Шамуна (сына бывшего президента Ливана Камиля Шамуна) и в ряде других преступлений.

После заключения в тюрьму С. Джаджа партия Ливанские силы была запрещена, а ее имущество конфисковано. Таким образом, в 1990-е годы в Ливане не существовало серьезных политических сил, не признавших «Рах Syriana», – ряд партий распались (или не восстановились после войны), другие партии были эффективно подавлены Дамаском.

В 1990-е годы Сирия стала активно использовать Ливан в качестве дополнительного источника получения экономических ресурсов. Дамаск поддерживал амбициозную программу восстановления и реконструкции Ливана²⁶, под которую Харири (благодаря личному авторитету и обширным деловым связям) привлек колоссальные по ливанским меркам финансовые средства. Сирийская элита нашла в ливанской экономике целый комплекс возможностей для получения высоких доходов (большинство возможностей были связаны с восстановлением Ливана). Приоритетный доступ к этим возможностям получили сирийские чиновники и предприниматели, приближенные к режиму Х. Асада.

Программа восстановления Ливана стала удобной экономической площадкой для вложения денег сирийского неформального сектора в строительные и инвестиционные проекты, запущенные Харири. Помимо этого, сирийцы установили систему рэкета во многих секторах ливанской экономики: строительство, нефтегазовая сфера, телекоммуникации, электроэнергия и туризм. Сирийские и ливанские офицеры спецслужб получали долю от прибыли самого известного в стране «Казино дю Либан» (по некоторым оценкам, до 50 млн долл. в год). Ставки сирийских нелегальных сборов с проектов на территории Ливана (могли достигать 20%) варьировались в зависимости от объема направляемых на финансирование средств и факторов, связанных с покровительством проекту того или иного ливанского или сирийского политика. Известным примером коррупционного сговора между выходцами из ливанских и сирийских правящих групп служит предоставление первых двух лицензий на мобильную связь компаниями «Селлис» и «Либансел», которые при формальном ливанском руководстве принадлежали сыновьям сирийского вице-президента Абд аль-Халима Хаддама и начальника генерального штаба сирийской армии Хикмата Шехаби²⁷.

По словам одного из министров в правительстве Харири, Ливан (особенно после начала реализации программы восстановления страны) представлял собой «дойную корову» для сирийского режима²⁸. По оценке ливанского финансового аналитика Джо Фаддула, с 1990 по 2005 г. сирийцы «выкачали» из Ливана, в том числе через нелегальные таможенные посты (организованные на путях движения товаров в портах, аэропортах и в приграничных

пунктах), около 30 млрд долл. при том, что ливанский госдолг к этому времени вырос до 40 млрд долл.²⁹

Еще одним механизмом экономической опоры Сирии на ливанскую экономику стал многочисленный поток сирийских неквалифицированных рабочих, получавших работу главным образом на ливанских стройках. Въезд сотен тысяч сирийских рабочих был разрешен по сирийско-ливанскому специальному соглашению 1994 г. По некоторым оценкам, ежегодный объем денежных переводов сирийских рабочих на родину достигал в конце 1990-х годов 4 млрд долл.³⁰

УСИЛЕНИЕ ШИИТСКОЙ ОБЩИНЫ И ФАКТОР «ХЕЗБОЛЛЫ»

Наряду с сирийским фактором в качестве причин формирования современного ливанского конфликта стоит рассматривать рост численности и самосознания шиитской общины на протяжении 1990-х гг., а также усиление «Хезболлы» – партии, опирающейся на эту общину и выражающей ее интересы.

«Хезболла» (*Партия бога*) – политико-религиозная партия, созданная в 1982 г. и финансируемая Ираном, выражает интересы самой многочисленной шиитской общины Ливана. Она была образована радикальными шиитскими группировками, не довольными просирийской политикой АМАЛЬ и его лидера Н. Берри. Первые группы, впоследствии ставшие частью «Хезболлы», возникли в южном пригороде Бейрута (районе компактного проживания шиитов) и шиитском квартале Набаа в восточном пригороде столицы. Постепенно эти группы распространили свое влияние на районы традиционного проживания шиитов Ливана – долину Бекаа и юг страны с преимущественно сельским и малообеспеченным населением. Сельское шиитское население стало социальной базой «Хезболлы» в отличие от более обеспеченных шиитских слоев, проживающих в крупных прибрежных городах (Тир, Саида, Бейрут), чьи интересы по-прежнему представляло движение АМАЛЬ.

После окончания гражданской войны шиитская община, несмотря на ее численность (по некоторым оценкам, около 1,2 млн человек³¹, т.е. около 30% ливанского населения), продолжала оставаться относительно слабой в политическом отношении и наименее обеспеченной в социально-экономическом плане частью населения. Послевоенное политическое устройство и вытекающее из него распределение ресурсов между основными конфессиональными общинами вели к росту недовольства в шиитской среде.

Разоружение боевых отрядов АМАЛЬ после окончания войны и постепенное снижение влияния этой партии в 1990-е годы способствовало укреплению позиций «Хезболлы». Партия бога стала единственной ливанской партией, которая смогла сохранить вооружения и боевые формирования после окончания войны (с одобрения Сирии и Ирана). Это исключение объяснялось тем обстоятельством, что «Хезболла» должна была вести вооруженную борьбу за освобождение юга страны от израильской оккупации. В идеологическом дискурсе партии эта борьба патетично называется «сопротивлением». Именно на этом основании партия оказалась единственной ливанской

политической силой, фактически легально обладавшей и использовавшей оружие после окончания гражданской войны.

Оккупированная в 1982 г. Израилем территория (около 10% территории Ливана, 1100 кв. км, включающих 113 городов и деревень и 60 ферм) находилась до 2000 г. под контролем Армии Южного Ливана (АЮЛ), созданной и финансируемой Израилем. В ходе гражданской войны в задачи АЮЛ (состоящей в основном из христиан и друзов) входила защита населения юга страны (и попутно севера Израиля) от нападений палестинских вооруженных формирований, а после окончания войны – в контроле оккупированной территории, представлявшей собой буферную зону между Израилем и Ливаном. За время оккупации население ливанского юга сократилось с 800 тыс. до 70 тыс. человек³².

Парадоксальная ситуация обладания вооружением негосударственным образованием («Хезболлой»), противоречащая принципу монополии современного государства на насилие, объяснялась целями и интересами неливанских политических сил. Неурегулированность ближневосточной проблемы и в данном контексте израильская оккупация сирийских Голанских высот с 1967 г. обуславливали задачи Сирии по давлению на Израиль с расчетом на улучшение условий переговоров и возврат захваченных высот³³. Создание нестабильности на ливано-израильской границе за счет деятельности «Хезболлы» служит для Сирии более практичным решением, чем проведение атак со своей территории. Общая линия Ирана на противостояние Израилю в регионе по целому комплексу причин объясняет заинтересованность иранцев в поддержке ливанского «сопротивления». В этих условиях Партия бога представляет собой очень удобный инструмент сирийско-иранской политики.

Несмотря на риторику защиты суверенитета Ливана в интересах всех ливанцев, «Хезболла» не скрывает своих тесных связей с Сирией и Ираном и влияния, которое оказывают эти страны на ее деятельность. Генеральный секретарь партии Хасан Насралла заявляет, что «“Хезболл” рассматривает Иран в качестве братской и дружественной страны, также как и Сирию... В рамках этих дружеских и братских связей Иран и Сирия могут влиять на организацию, а могут и не влиять. Иран и Сирия оказывают влияние на наши решения с учетом предоставляемой нам помощи и поддержки... Мы не скрываем, а также не отрицаем тот факт, что получаем финансовую и политическую помощь из Ирана»³⁴.

Политическая цель «Хезболлы» в 1980-е годы заключалась в построении в Ливане исламской республики наподобие иранской. Однако приход к власти в Иране Али Акбара Хашеми Рафсанджани в 1989 г., совпавший по времени со смертью лидера Иранской революции аятоллы Хомейни, привел к некоторым изменениям во внешней и внутренней политике Исламской Республики Иран (ИРИ) в сторону либерализации и большего прагматизма в отношениях с внешним миром. Смягчение позиции Ирана привело к смягчению «Хезболлы» в Ливане. Партия бога, заявив о невозможности создания исламской республики в ливанском поликонфессиональном обществе, в конце концов отказалась от этой идеи.

Признав Таифское соглашение, «Хезболла» приняла решение участвовать в ливанском политическом процессе наравне с остальными партиями. «Хезболла» принимала участие во всех послевоенных парламентских выбо-

рах. По итогам выборов 1992 г. «Хезболла» и ее союзники получили 12 мест в парламенте (8 членов партии плюс 4 «независимых» депутата – два суннита и два христианина), в 1996 г. – 7 мест, в 2000 г. – 9 мест³⁵.

Партия бога с начала 1990-х годов активно выступает за демократизацию ливанской политической системы и в первую очередь за отмену политического конфессионализма (один из основных принципов Таифского соглашения). В требованиях отмены закрепления высших государственных должностей за представителями конфессий просматривается очевидный расчет на фактор превосходящей численности шиитской общины по сравнению с другими ливанскими общинами. Популярность «Хезболлы» среди шиитов приносит партии лишь ограниченные политические дивиденды в условиях конфессиональной системы власти.

Демонстративно подчеркивая свой ливанский характер и патриотические цели, «Хезболла» получает существенную материальную помощь главным образом от Ирана. Помощь используется для ведения вооруженной борьбы (получение вооружений, экипировки, проведение обучения в иранских лагерях и содействие иранских инструкторов), экономической, социальной, образовательной деятельности и идеологической работы.

Партия пользуется колоссальной популярностью у ливанских шиитов. Столь серьезная социальная опора «Хезболлы» в ливанском обществе обусловливается многими причинами, среди которых можно выделить три наиболее важные. Первая причина – это безусловный престиж, который приобрела организация за счет продолжительной и относительно успешной антиизраильской вооруженной борьбы. Вооруженная борьба «Хезболлы» характеризуется хорошей организацией, методичностью и смелыми боевыми операциями. Среди событий, обычно представляемых как крупные успехи движения, можно отметить вывод израильских сил из южного Ливана в мае 2000 г. и прекращение израильской военной кампании в августе 2006 г.

Вторая причина популярности Партии бога заключается в масштабной социальной работе, которую эта организация проводит в Ливане. Прежде всего в районах проживания шиитской общины «Хезболла» начиная с 1990-х годов развернула обширные программы социально-экономической поддержки населения, фактически подменив собой государство. На средства «Хезболлы» строятся школы, поликлиники, больницы, жилые дома, создается и восстанавливается инфраструктура. Так, партия финансировала создание в южных районах Бейрута (с преимущественно шиитским населением) собственной системы водоснабжения, которая обеспечивает около 500 тыс. человек. Наиболее бедным выплачиваются ежемесячные денежные пособия, оказывается помощь продуктами питания. Под патронажем «Хезболлы» действует организация «Аш-Шахид», управляющая больницами и госпиталями. В этих медицинских центрах более высокий уровень обслуживания сочетается с более низкими ценами в сравнении с государственными учреждениями. В сфере начального образования «Хезболла» организовала так называемые «школы Махди», где преподаются религиозные и общеобразовательные дисциплины (школы сотрудничают с министерством образования). В этих школах обучаются около 5 тыс. детей. Около 50% стоимости образования в «школах Махди» оплачивается из средств «Хезболлы». Подконтрольная «Хезболле» организация «Аль-Имдад» оказывает регулярную материальную

помощь инвалидам и престарелым людям. Специальный фонд «Джихад аль-Бина» помогает в восстановлении инфраструктуры и домов, пострадавших от израильских бомбардировок³⁶. Несмотря на заявления официальных лиц партии о сборе средств на эти нужды благодаря «пожертвованиям правоверных мусульман», финансирование программ идет главным образом за счет иранских средств (общеизвестный факт в Ливане).

Работа «Хезболлы» с населением, отличаясь комплексностью, также нацелена на формирование лояльных кадров. В частности, партия платит по 400 американских долларов молодым шиитам, поступающим на службу в военный резерв. В этом резерве новобранцы проходят обучение, в ходе которого они познают смысл борьбы против Израиля, глубже понимают положение шиитской общины в ливанском обществе, изучают религиозную доктрину. В дальнейшем этих рекрутов направляют на юг страны для поддержания благоприятных для партии настроений. По одной из оценок, на «Хезболлу» работают 30–40 человек в нужных партии деревнях³⁷.

Третья причина социальной поддержки «Хезболлы» состоит в умелой и разноплановой пропагандистской работе. Движение использует телеканал «Аль-Манар» (*Маяк*), радио и газету «Аль-Ахбар» (*Новости*), а также выпускает печатную продукцию и снимает документальные фильмы. Обильный и профессионально составленный информационный материал подчеркивает сильные стороны «Хезболлы» в качестве партии-борца и партии-благодетеля. Резко отрицательное отношение к Израилю в ливанском обществе и нерешенность палестинской проблемы (в Ливане сохраняются лагеря палестинских беженцев) упрощают формирование социально привлекательного образа непокорной партии сопротивления.

В 1990-е годы Партия бога не принимала предложений о вхождении в состав правительства, сконцентрировав главные усилия на ведении вооруженной борьбы на юге. После вывода израильских войск с южных территорий в 2000 г. остро встал вопрос о легитимности сохранения оружия у «Хезболлы». Однако Партия бога отказывается разоружиться под предлогом продолжения «сопротивления» до окончательного освобождения всей ливанской территории (здесь подразумеваются фермы Шебаа и Кфаршуба³⁸). В риторике партии даже освобождение этих регионов не станет достаточным основанием для разоружения ее военного крыла. Защита страны (территории, людей и водных ресурсов) от Израиля с учетом аргумента о слабости ливанской армии служит еще одним основанием сохранения вооружений в дискурсе «Хезболлы»³⁹.

После вывода израильских войск из южного Ливана в 2000 г. эту приграничную территорию заняли формирования «Хезболлы», а не регулярная ливанская армия. Этот факт свидетельствует о поразительной слабости ливанского государства, проявившейся в таком принципиальном для национального суверенитета вопросе, как обеспечение безопасности самой опасной границы страны. Государство фактически отдало эту функцию шиитской партии, опирающейся на обширную зарубежную поддержку. Только в 2006 г. ливанская армия заняла позиции на юге страны в рамках исполнения резолюции СБ ООН № 1701 от 11 августа 2006 г.⁴⁰

Особенность «Хезболлы» состоит в том, что эта партия коренным образом изменила ливанскую внутреннюю политику. Ее очевидные успехи в

ведении антиизраильской борьбы (главный из которых – вывод войск с юга Ливана в 2000 г.), создании системы социальной поддержки, а также незапятнанный участием в коррупционных скандалах (их было в Ливане немало, особенно вокруг проектов послевоенного восстановления) имидж партии способствовали консолидации шиитов, росту их самосознания и чувства собственного достоинства. Самая многочисленная, но прежде неорганизованная и экономически слабая община Ливана обрела в лице «Хезболлы» мощного и эффективного интегратора, выразителя интересов, символа силы и гордости.

Этими обстоятельствами объясняется двойственность «Хезболлы» как партии, безусловно, имеющей обширную социальную базу в Ливане (почти исключительно среди шиитов), но вместе с тем подчиненной логике антиизраильской борьбы в интересах Ирана и Сирии. Сохранение оружия у партии, действующей в интересах Ирана и Сирии, которые используют ливанскую территорию в качестве площадки для ведения войны с Израилем, является сильным дестабилизирующим фактором внутрививанской обстановки.

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИСИРИЙСКОЙ ОППОЗИЦИИ

В условиях политического и экономического господства Сирии в определенных слоях ливанского общества с середины 1990-х годов стали все более отчетливо ощущаться антисирийские настроения. Сирийцы обвинялись как в «высасывании» денег из национальной экономики, так и в прямом контроле над ливанским политическим процессом. Однако эти протестные настроения не находили выражения на политическом уровне в силу разобщенности ливанских оппозиционеров. Несмотря на отдельные попытки ливанских (главным образом христианских) политиков объединиться на основе антисирийской программы, вплоть до 2001 г. эти альянсы существовали недолго и не представляли серьезной угрозы для «Рах Сугиана»⁴¹. Для создания серьезного оппозиционного движения христианским политикам нужны были годы созревания необходимого социального климата в стране (рост материального благосостояния, повышение политической активности и формирование социальной базы антисирийского протеста). Парламентские выборы 1996 г. подтвердили тенденцию к постепенному выходу христианских сил из политической изоляции. Несмотря на то что по результатам голосования в парламент прошли в основном сторонники Харири и просирийские кандидаты, внутрививанский климат в Ливане начал меняться. Явка христиан на выборах 1996 г. в районах их компактного проживания увеличилась и составила около 50%. Общая явка избирателей на выборах 1996 г. составила 44%⁴².

Политический вакуум в христианской среде попыталась заполнить маронитская церковь. Маронитский патриарх Насралла Бутрос Сфейр (традиционно играющий важную роль в ливанской политике) стал фактическим выразителем чаяний христианской общины и постепенно наращивал критику в адрес Сирии. Продление президентского срока И. Храуи в 1995 г. послужило поводом к первому резкому выступлению патриарха против присутствия Сирии в Ливане. На фоне переживаемого маронитами кризиса, связанного с чувством проигранной войны и безвозвратной утраты Ливана как страны в

первую очередь христианской, Сфейр заявил, что политика Дамаска ущемляет интересы его общины и способствует дальнейшей эмиграции маронитов. По его словам, такая политика со временем неизбежно приведет к исчезновению особой идентичности Ливана как страны с поликонфессиональным населением⁴³. Впоследствии именно вокруг патриарха началось объединение христианских политиков, находившихся в изоляции при «Рах Сугиана».

Смерть Хафеза Асада в июне 2000 г. создала на короткое время неопределенность относительно дальнейших намерений Сирии в Ливане, что подтолкнуло ливанцев, недовольных сирийским диктатором, к активным действиям. В крупных городах проводились «круглые столы» и создавались общественные форумы для обсуждения возможностей изменения политической ситуации. Ключевая роль в организации таких встреч принадлежала в основном христианским политикам и депутатам парламента. На них прорабатывались возможности установления диалога с нехристианскими политическими силами (главным образом друзьями и партиями, не имеющими конфессиональной основы). Возросла активность и в студенческой среде, особенно среди сторонников Мишеля Ауна, которые устраивали антисирийские демонстрации, нередко приводившие к стычкам с полицией.

В сентябре 2000 г. конклав маронитских священников обвинил Сирию во всех проблемах Ливана (коррупция, социально-экономический кризис, эмиграция), потребовал вывода сирийских войск в соответствии с Таифским соглашением и прекращения гегемонии Дамаска во внутриливанской политике. Осенью 2000 г. глава друзской Прогрессивно-социалистической партии Валид Джумблат поддержал требования христианских сил (несмотря на острую вражду между ними в период гражданской войны). Впервые с 1990 г. нехристианский политик публично заявил протест сирийскому вмешательству в ливанскую политику. Позиция Джумבלата, вовремя почувствовавшего изменение климата в стране, отражала начало крушения «Рах Сугиана» в Ливане. В этом контексте изменение отношения ПСП к Сирии было символическим, поскольку как в ходе гражданской войны, так и после ее окончания партия отличалась просирийской ориентацией (в отличие от исторических христианских партий). Таким образом, поддержка друзей придавала дополнительный вес изначально христианскому антисирийскому движению, которое, постепенно приобретая союзников среди представителей других конфессий, смогло заявить о себе с 2004 г. как об общенациональном движении за независимость Ливана.

Вывод израильских войск из южного Ливана в 2000 г. поставил Сирию в затруднительное положение. У Дамаска более не существовало формального повода держать свой военный контингент на ливанской территории (страна развивалась стабильно, оккупационные израильские войска были выведены практически со всей территории). Это новое обстоятельство также подталкивало антисирийские силы к более решительным шагам.

В апреле 2001 г. представители маронитской церкви, христианские политики и видные ливанские интеллектуалы провели координационное собрание, получившее название «Корнет Шехван» (по названию христианской деревушки в горном Ливане, где это собрание проводилось). В «Корнет Шехван» вошли бывший президент Амин Жмайель, депутаты Бутрос Харб, Найла Муаввад, Насиб Лахуд (лидер Движения за демократическое обновление

ние), Дори Шамун (лидер Национально-либеральной партии), представители запрещенной партии Ливанские силы, а также писатели и интеллектуалы (в частности, Самир Франжье, Джубран Тувейни, Симон Карам). Участники собрания сформулировали свои главные требования – вывод сирийских войск в соответствии с Таифским соглашением и восстановление ливанского суверенитета.

Патриотические лозунги «Корнет Шехвана» достаточно быстро нашли отклик в среде ливанских интеллектуалов и студенчества. В прессе активнее зазвучала тема вывода сирийских войск и избавления от патронажа Дамаска. Резонанс патриотических тезисов с реакцией социальной базы свидетельствовал о принципиальном изменении социального климата в стране. Рост влияния нарождавшегося антисирийского альянса подтверждался тем обстоятельством, что политики с антисирийскими взглядами стали получать угрозы. В ряде случаев на них даже организовывались покушения. Так, 1 октября 2004 г. было организовано покушение на Марвана Хамаде, крупного политика, одного из руководителей ПСП, который незадолго до покушения вышел из правительства Харири в знак протеста против продления срока полномочий просирийского президента Э. Лахуда.

Наряду с этими внутриливанскими изменениями формирование условий исследуемого конфликта происходило также под воздействием международных факторов. Отказ Сирии поддержать американское вторжение в Ирак в 2003 г. привел к серьезному осложнению отношений между Дамаском и Вашингтоном. После начала войны в Ираке американцы стали обвинять Сирию в предоставлении убежища высокопоставленным членам режима С. Хусейна, бежавшим из страны, а также в незаконном проникновении в Ирак с сирийской территории вооруженных бойцов для ведения партизанской войны с войсками коалиции.

Ответной реакцией США стало принятие в декабре 2003 г. специального закона «Syria Accountability and Lebanese Sovereignty Restoration Act». Документ содержал перечень требований к Сирии: восстановить ливанский суверенитет, прекратить поддержку террористических организаций (в частности, «Хезболлы» и ХАМАСа), вывести бойцов «Хезболлы» и иранского Корпуса стражей исламской революции из приграничной с Израилем территории Ливана (их позиции должна занять в соответствии с резолюциями ООН ливанская армия), а также начать мирные переговоры с Израилем без предварительных условий⁴⁴. Дамаск не выполнил ни одного из требований, что привело к введению в феврале 2004 г. американских санкции против Сирии. США ввели запрет на экспорт американских товаров в Сирию, в том числе и гуманитарных грузов. Сирийской государственной авиакомпании были запрещены полеты в/из США.

Одной из целей наращивания давления США на Сирию было стремление американцев расколоть сирийско-иранский блок в свете непреклонности Тегерана по поводу его ядерной программы. Раскол стал бы неизбежным, если бы Дамаск изменил политику с учетом американских требований. Давление на Сирию служило также целям США по продвижению демократии на Ближнем Востоке. Американцы рассматривают ливанскую политическую систему как редкий пример более или менее стабильно работающих демократических институтов и оказывают всяческую поддержку ливанским

политическим силам, выступающим за дальнейшее развитие демократии в стране. Ливанский опыт демократического развития, по мнению американской администрации, должен служить примером для стран региона.

Дальнейшая эскалация напряженности между США и Сирией вывела проблему на уровень ООН. Главным американским союзником в Совбезе выступила Франция, отношения которой с Сирией заметно ухудшились с момента прихода к власти Башара Асада. Этому способствовала открытая поддержка французского президента Ж. Ширака Р. Харири (их связывали давние дружеские связи) в его противостоянии с ливанским президентом Э.Лахудом (в частности, по вопросу продления срока президентских полномочий), которого поддерживал Б. Асад⁴⁵. Таким образом, к 2004 г. интересы Франции и США по оказанию давления на Сирию совпали, что сыграло решающую роль в принятии резолюции СБ ООН № 1559⁴⁶, призывающей к строгому уважению ливанского суверенитета, выводу всех иностранных сил с территории Ливана, роспуску всех ливанских и неливанских нерегулярных вооруженных формирований (требование, нацеленное прежде всего на «Хезболлу»), а также к проведению справедливых выборов президента республики без иностранного вмешательства⁴⁷.

Резолюция была неоднозначно воспринята в Ливане. Политики, лояльные Сирии, посчитали ее вмешательством во внутренние дела Ливана. Ответным шагом просирийских и проиранских ливанских политических сил на фоне мобилизации дружеско-христианского лагеря и усиления давления со стороны международного сообщества стала попытка создания собственной коалиции для защиты «стратегического альянса» Ливана и Сирии. В конце 2004 г. в резиденции лидера АМАЛЬ Н. Берри в Айн-ат-Тине была организована встреча, положившая начало объединению в коалицию просирийских политико-конфессиональных сил. Ее костяк составили две главные шиитские партии – «Хезболла» и АМАЛЬ, ливанское отделение партии «Баас», Сирийская национальная социальная партия, Демократическая партия во главе с другом Талалом Арсланом (конкурент В. Джумבלата в борьбе за симпатии дружеской общины и близкий друг сирийского президента Б. Асада⁴⁸), суннитская исламистская партия «Джамаа исламийя», христианская партия «Марада»⁴⁹ во главе с Сулейманом Франжье (близкий друг сирийского президента Б. Асада⁵⁰) и известный православный политик Мишель Мурр. Таким образом, первые шаги по зарождению антисирийской коалиции и американо-французская политика по сокращению влияния Сирии и Ирана в Ливане толкали к консолидации силы, ориентированные на эти страны или негативно воспринимающие западное вмешательство в ливанские дела.

Жесткая политика Сирии, открытое невыполнение резолюции ООН и скандальное продление президентского срока Э. Лахуда послужили мощным толчком для формирования антисирийского лагеря. В декабре 2004 г. в бейрутской гостинице «Бристоль» под председательством В.Джумבלата собрались представители партий и движений, а также независимые политики с антисирийскими взглядами. В отличие от преимущественно маронитского по составу «Корнет Шехвана» на встрече в «Бристоль», получившей название Бристольского объединения, присутствовали представители разных конфессий. В Бристольское объединение вошли Ливанские силы (несмотря на то что их лидер С. Джаджа все еще находился в тюрьме), сторонники генерала

М. Ауна, неконфессиональные Движение левых демократов (фракция, вышедшая из Коммунистической партии Ливана в 2004 г.) во главе с Ильясом Аталлой и Демократический форум во главе с Хабибом Садеком. Участие суннитов в антисирийском фронте поначалу было незначительным, поскольку Харири не желал идти на открытую конфронтацию с Дамаском. Тем не менее представители партии Харири Движение будущего («Тайяр аль-Мустакбаль») присутствовали на учредительном собрании этого объединения в качестве наблюдателей. Большинство шиитов также не были заинтересованы вступать в ряды антисирийской оппозиции.

Цели этого политического союза, сформулированные в Бристольской декларации, были созвучны с «Корнет Шехваном» – прекращение вмешательства сирийских спецслужб во внутреннюю политику Ливана, установление «паритетных отношений» с Сирией, вывод сирийских войск с ливанской территории⁵¹. Создавая параллельную с «Корнет Шехваном» коалицию (с одинаковыми задачами), В. Джумблат скорее всего хотел перехватить инициативу у христианского лагеря, заявив о себе как об общенациональном лидере оппозиции, опирающимся на поддержку основных ливанских конфессий.

Переход Рафика Харири в лагерь антисирийской оппозиции в конце 2004 г. окончательно изменил соотношение сил в ливанской политике. Этот переход произошел не столько по желанию самого Харири, сколько под давлением новой сирийской элиты, сформировавшейся вокруг Башара Асада. Еще при жизни Х. Асада вокруг его сыновей (после неожиданной гибели старшего сына Басила в 1994 г., которого сирийский президент готовил себе в преемники, Башар был вынужден занять его место) сформировалось новое поколение государственных управленцев. В эту группу входили молодые люди, в основном алавиты, рассчитывавшие на получение высших государственных постов после прихода одного из сыновей Асада к власти в Дамаске. Формирование и сплоченность этой группы связаны с ее противостоянием старшему поколению сирийских политиков во главе с Абд аль-Халимом Хаддамом и Хикматом Шехаби. Противоречия между двумя борющимися за власть группами основывались на критериях возраста и конфессии («молодые» алавиты против «старых» суннитов). Рафик Харири недооценил потенциал «молодой» политической группы, поддерживая и развивая уже сложившиеся отношения с их конкурентами – «старой гвардией». В этой связи приход к власти Башара Асада в 2000 г. и последовавшее за этим обновление политической элиты Сирии привели к ухудшению отношений Р. Харири с сирийскими властями. Сам Р. Харири вплоть до своей отставки с поста премьер-министра в конце 2004 г. пытался сохранить рабочие отношения с режимом Башара Асада и новой сирийской правящей группой⁵².

Итак, к 2005 г. в Ливане сложились два политических альянса с достаточно четкими центрами притяжения и программными установками. Центральным вопросом, обусловившим разделение ливанской политической элиты, стало отношение к сирийскому присутствию. Ядро оппозиции составили «Корнет Шехван», Бристольское объединение и суннитское Движение будущего (ДБ) во главе с Харири. Участие шиитов в антисирийском движении было ограниченным, поскольку главные шиитские партии «Хезболла» и АМАЛЬ составили основу второй коалиции. Из шиитов антисирийскую оппозицию поддержал Хабиб Садек, глава Демократического форума (неконфессиональное политическое объединение).

КЕДРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

14 февраля 2005 г. бронированный «Мерседес» Р. Харири был взорван на набережной Бейрута. В результате теракта погиб сам бывший премьер-министр и еще 22 человека, около сотни человек получили ранения. Убийство Р. Харири сыграло роль катализатора массового народного протеста (подхваченного партиями антисирийской коалиции) против присутствия сирийских войск на территории Ливана и прямого вмешательства Сирии во внутренние дела страны. Последовавшие за убийством Р. Харири мощный подъем и единение значительной части ливанского населения вокруг патриотических лозунгов, направленных на прекращение сирийского господства, чаще всего именуются Кедровой революцией или Бейрутской весной. Первоначально сами ливанцы называли эти события Интифадой за независимость.

В первые дни после убийства в порыве возмущения столь дерзким преступлением улицы Бейрута заполнили участники стихийных манифестаций, которые обвиняли Сирию в смерти Харири и требовали ее немедленного ухода из Ливана. Необычным было то, что в течение последовавших после убийства недель накал антисирийского протеста только возрастал, и в этой напряженной атмосфере предчувствовались грядущие изменения. На центральной площади Бейрута – Площади мучеников⁵³ (*Сахат Шухада*) демонстранты развернули палаточный лагерь. Толпы людей скандировали «Сирия – вон, сейчас!», на плакатах с портретами Харири было написано «Правда». Так манифестанты требовали проведения скорейшего расследования и установления заказчиков убийства.

Крайне эмоциональное и широко поддержанное ливанцами требование расследования и наказания организаторов теракта против Харири свидетельствовало не только о колоссальном возмущении убийством бывшего премьер-министра, но и об общественном негодовании отсутствием результатов в расследовании других громких политических покушений и убийств ливанских политических деятелей, погибших в ходе гражданской войны и после ее окончания (К. Джумблат, Р. Караме, Р. Муаввад и т.д.).

Особенность этого патриотического подъема среди ливанцев, принадлежавших к различным конфессиям, состояла в выборе национального ливанского флага в качестве главного объединяющего символа. Поначалу мелькавшие флаги некоторых партий, придерживавшихся антисирийских позиций, быстро уступили место национальному флагу. Оппозиция к общему врагу, которого олицетворяла Сирия, привела к единению как различных (главным образом конфессиональных) партий, так и простых ливанцев, представлявших всю конфессиональную мозаику страны (хотя и в неравных пропорциях). Среди ливанцев всех конфессий, принявших участие в манифестациях первых дней, несмотря на их различия, чувствовалось сплочение вокруг идеи надконфессиональной общеливанской идентичности. Некоторые манифестанты держали в руках Коран с накрученными вокруг него цепочками и четками с христианскими крестами. Это патриотическое движение несло колоссальный заряд энтузиазма и веры в высшую справедливость. Непрерывные антисирийские демонстрации, их возрастающая численность, требования непредвзятого расследования убийства Харири и наказания виновных предвещали неизбежность крушения «*Rax Syriana*».

«Хезболла» и стоящий за ней Иран были обеспокоены предстоящим сокращением влияния Сирии в Ливане (неизбежным в результате выполнения резолюции № 1559 и вывода сирийских войск). В этом контексте возникала серьезная опасность разоружения Партии бога под давлением мирового сообщества, поскольку Сирия выступала гарантом сохранения оружия «Хезболлы». Иранцы также боялись, что неминуемый после ухода Сирии вакуум будет заполнен западным влиянием, т.е. в определенной пропорции ливанской армией (опирающейся на материально-техническую и военную поддержку США), миротворцами ООН, западным капиталом и политическим давлением.

С другой стороны, уход Сирии давал Ирану уникальный шанс занять ее место в Ливане через усиление «Хезболлы» и сплочение вокруг этой партии оставшихся просирийских и антизападных ливанских политических сил. Последующие события показали, что Иран не упустил эту возможность, предоставленную изменением регионального контекста.

Массовость антисирийских митингов и шествий создавала ложное впечатление, что весь Ливан соглашался с их лозунгами и требованиями. Дабы показать обратное, «Хезболла» и ее союзники провели 8 марта 2005 г. массовую демонстрацию в поддержку Сирии, в которой приняли участие, по различным оценкам, от 450 тыс. до 600 тыс. человек⁵⁴. Ее участники благодарили Сирию за помощь, оказанную в прекращении гражданской войны и достижении политической стабильности, а также за поддержку ливанского «сопротивления» против израильской оккупации⁵⁵. Стремясь выглядеть не меньшими патриотами, чем антисирийский лагерь, организаторы демонстрации 8 марта шли под множеством ливанских флагов. Мелькали плакаты «Нет иностранному вмешательству!» Патриотическая символика как бы отвечала на такую же символику антисирийцев, лишая их монополии на патриотизм.

Просирийская демонстрация имела менее пестрый конфессиональный состав. Большая часть манифестантов были шиитами. Вместе с ними шли христиане, поддерживающие просирийскую партию «Марада». По некоторым данным, для искусственного увеличения числа «благодарных Сирии ливанцев» накануне 8 марта в Бейрут специально доставили для участия в манифестации несколько тысяч сирийцев⁵⁶.

В честь этой демонстрации просирийская коалиция политических сил получила название «8 марта». Основу коалиции сформировали партии и политики, участвовавшие в заседании в Айн-ат-Тине. Повышенная активность «Хезболлы», выступившей главным организатором демонстрации 8 марта, подтверждала намерения Ирана заполнить вакуум, который формировался в силу неизбежного ухода Сирии. Для ливанских сторонников этого альянса их страна должна была остаться связанной с Сирией в политическом, географическом, культурном и социальном планах.

Демонстрация 8 марта стала последней каплей, прорвавшей плотину, стоящую на пути антисирийских сил. Ровно через месяц после убийства Харири 14 марта 2005 г. Площадь мучеников и прилегающие к ней улицы наводнил колоссальный человеческий поток ответной антисирийской манифестации. По некоторым оценкам, в ней приняли участие от 800 тыс. до 1 млн человек⁵⁷ (т.е. около $\frac{1}{4}$ населения Ливана). Портреты сирийского президента

Башара Асада сжигались в порыве народного гнева. Убежденность манифестантов в причастности Сирии к убийству Харири и других политических деятелей иллюстрировалась плакатами с надписью «Syrial killer» (в тексте плаката «Syrial killer» – используется игра слов «serial killer» серийный убийца и название государства «Syria» – Сирия). В толпе раздавались возгласы «Мы сняли с себя маску страха... больше мы не боимся». Эта манифестация должна рассматриваться как апогей Кедровой революции, лозунгами которой стали: «Освобождение, Суверенитет, Независимость». После этих событий объединение антисирийских сил получило название «14 марта».

Убийство Харири «взорвало» молчаливое согласие суннитов с сирийским правлением в Ливане. Большинство суннитов (за исключением лояльных триполийскому клану Караме) сразу присоединились к антисирийской оппозиции. Суннитское Движение будущего, которое возглавил после смерти Рафика Харири его сын Саад, присоединившись к друзско-христианскому блоку, заняло центральное место в оппозиции. Трагическая гибель Харири придала антисирийскому движению ореол мученичества.

Кедровая революция провела четкую границу между двумя политическими блоками Ливана, вступившими в острую и непримиримую конфронтацию. Отношение к сирийской роли в стране стало на этом этапе ключевым критерием формирования альянсов. Обе коалиции выступали за Ливан (имея собственное видение патриотизма), обвиняя друг друга в служении интересам внешних сил.

Обобщая причины зарождения современного конфликта в Ливане, стоит отметить, что формирование двух противоборствующих коалиций стало результатом комплексного действия внутренних и внешних факторов (как это уже неоднократно бывало в истории страны), главными из которых были следующие:

1. Серьезный дисбаланс, сложившийся в сирийско-ливанских отношениях в начале 1990-х годов, был оправдан необходимостью стабилизации Ливана после окончания гражданской войны, разоружения боевых формирований и установления относительно приемлемого для внутренних и внешних акторов консенсуса. Сохранение (а может быть, даже усугубление) этого дисбаланса, связанного с политическим контролем и перераспределением экономических ресурсов в пользу Сирии, на протяжении 1990-х и в первой половине 2000-х годов на фоне восстановления экономики и возрождения общественно-политической жизни Ливана с каждым годом усиливало напряжение. Напряжение перерастало в антисирийский протест, реальность которого ощущалась как наверху, так и внизу ливанского социума. Эти социальные настроения подхватили традиционно чуткие к темам суверенитета христиане, за которыми последовали друзья вместе с некоторыми другими ливанцами, недовольными сирийским статус-кво. В этих условиях сирийское упорство, обостряя противоречия, «работало» на формирование антисирийской коалиции. Убийство Р. Харири и широко разделяемая убежденность в причастности Дамаска (обоснованная или необоснованная – это вопрос другой) окончательно разделили ливанские политические силы на просирийские и антисирийские.

2. Вторая причина конфликта связана с принципиальным изменением регионального и международного контекста. Осложнение американо-сирий-

ских отношений с 2003 г. (в связи с отказом Сирии поддержать американское вторжение в Ирак и по другим причинам) привело к усилению американского давления на режим Б. Асада с целью вывода сирийских войск и прекращения вмешательства во внутренние дела Ливана. Давление на Сирию США и присоединившейся к ним Франции (в том числе и через ООН) вступило в резонанс с требованиями нарождавшейся антисирийской коалиции внутри Ливана, усиливая процесс формирования этой коалиции и придавая уверенность ее участникам.

3. «Рах Сугіана» превратил Ливан в буферное государство, с территории которого военно-политическое движение «Хезболла» вело латентную войну с Израилем (главным образом в интересах Сирии и Ирана). Быстрое сокращение влияния Сирии в Ливане и риски аналогичных последствий для Ирана вызвали ответную защитную реакцию этих стран – лояльные им ливанские силы спешно сформировали альянс «8 марта».

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ РАЗВИТИЕ КОНФЛИКТА (2005–2011 годы)

Дальнейшая политическая жизнь Ливана характеризуется непрерывным конфликтом двух блоков, в котором стадии обострения, порой доходившего до вооруженного противостояния, чередуются с периодами хрупких договоренностей, устанавливающих видимость временного перемирия. Ливанский конфликт в силу его причин и особенностей нельзя рассматривать как сугубо внутренний, ограниченный территориальным пространством страны. В этой связи его глубокое понимание требует рассмотрения позиций двух противоборствующих альянсов, динамики их взаимоотношений, внешних факторов (превращающих этот конфликт в региональный), а также основных механизмов социальной мобилизации, используемых участниками конфликта для обеспечения лояльности своих сторонников.

ПРОТИБОБОРСТВУЮЩИЕ СТОРОНЫ И ИХ ПОЗИЦИИ

Сирия вывела свои войска из Ливана 26 апреля 2005 г. в связи с усилением антисирийских настроений в этой стране, а также ввиду давления международного сообщества. Вывод сирийских войск, воспринятый как серьезный успех Кедровой революции, создал в Ливане новую ситуацию, в которой антисирийские силы почувствовали себя легче и увереннее, что обусловило ожесточение противостояния между двумя коалициями.

В результате парламентских выборов, состоявшихся в июне 2005 г., «14 марта», получившее большинство, насчитывало 72 депутата из фактического состава ливанского Национального собрания в 128 человек. «8 марта» досталось 35 депутатских мандатов. До начала 2006 г. особняком стояло Свободное патриотическое движение (СПД) во главе с маронитом Мишелем Ауном (вернувшимся в Ливан на волне Кедровой революции в мае 2005 г. после

продолжительного вынужденного пребывания во Франции), которое получило 21 место (вместе с «независимыми», примкнувшими к этой партии)⁵⁸.

Основу антисирийской коалиции на этом этапе составили Движение будущего Саада Харири, Прогрессивно-социалистическая партия Валида Джумבלата, а также христианские партии – «Катаиб» Амина Жмайеля, Ливанские силы Самира Джаджа (партия легализована в 2005 г. после вывода сирийских войск, сам С. Джаджа был амнистирован и выпущен на свободу в этом же году, проведя в тюрьме 11 лет), Национально-либеральная партия маронитского клана Шамунов, Национальный блок клана Эдде и Движение демократического обновления. В «14 марта» также входят Левое демократическое движение, суннитский блок Триполи, суннитская исламистская партия «Джамаа исламийя», Свободное шиитское движение во главе с Мухаммедом Хаджем Хассаном и ряд других организаций.

Главное требование «14 марта» состоит в получении страной реальной независимости от Сирии и Ирана и управлении Ливаном на основе принципов христиано-исламского Национального пакта 1943 г. (главный принцип – отказ ливанских общин от внешнего покровительства ради национального единства) и либеральной демократии. Это требование воплотилось в лозунге «Ливан прежде всего», вокруг которого и образовалась коалиция. Обоснованность этого требования подтверждается тем обстоятельством, что движения, входящие в «8 марта», в целом не отрицают, что находятся под влиянием Сирии и Ирана⁵⁹, обвиняя при этом своих противников в том, что они находятся под аналогичным влиянием США, Франции и Саудовской Аравии.

Помимо этого основного требования блок «14 марта» также выступает за проведение расследования убийства Р. Харири, созданной ООН международной комиссией и международного суда над подозреваемыми. По убеждению «14 марта», за этим убийством стоят сирийские спецслужбы⁶⁰, которые манипулируют «8 марта» с целью недопущения нормализации политической ситуации в Ливане, что позволит воспрепятствовать проведению расследования и суда.

Одно из требований «14 марта», которое активно поддерживается ООН (резолюция № 1559), США и Францией, состоит в разоружении «Хезболлы» и палестинских вооруженных формирований и, как следствие, в передаче всех функций по обеспечению обороны страны ливанской армии, в том числе и на юге Ливана. Необходимо подчеркнуть, что Партия бога, используя слабость ливанских государственных институтов, фактически монополизировала право на борьбу с Израилем. «Хезболла» заявляет о ведении борьбы во имя защиты ливанских граждан и территории, что является безусловной прерогативой государства, а не одной партии. Таким образом, политика «Хезболлы» способствует постепенному «перетягиванию» полномочий у государства. Захват одной партией ключевых государственных функций, связанных с обеспечением безопасности, защитой границ и освобождением национальной территории, вызывает среди широких слоев ливанского общества недовольство и недоверие к «Хезболле» и шиитской общине, на которую она опирается.

В этой связи «14 марта» критикует «Хезболлу», называя ее государством в государстве, действия которого (в частности, самостоятельное вооруженное «сопротивление») ослабляют общеливанские государственные институ-

ты. В результате деятельности «Хезболлы» создается ситуация, при которой государство не в состоянии полностью обеспечивать суверенитет на всей территории в установленных границах, поскольку часть Ливана находится исключительно под контролем шиитской партии. Вхождение представителей «Хезболлы» в состав правительства начиная с 2005 г. еще больше осложнило эту проблему. С этого момента ливанский кабинет министров фактически несет долю ответственности за действия партии на юге страны. Ливанское государство оказалось в тупиковой ситуации. С одной стороны, без участия «Хезболлы» правительство будет недостаточно легитимным, учитывая широкую народную поддержку партии, а с другой – Партия бога ведет собственную политику, не согласуя свои шаги с главой исполнительной власти.

Согласно логике «14 марта» боевые операции «Хезболлы», выполняющиеся в интересах Сирии и Ирана, наносят ущерб Ливану, не позволяя обеспечить стабильность на его границе с Израилем. Одним из наглядных подтверждений справедливости этой позиции служит масштабная военная кампания, которую провели в июле–августе 2006 г. израильские вооруженные силы на ливанской территории против формирований «Хезболлы». Израильская армия начала эту военную операцию в ответ на систематические ракетно-минометные обстрелы «Хезболлой» северных городов и поселений Израиля, а также нападение на израильский пограничный патруль с захватом двух военнослужащих. Военная кампания привела к человеческим жертвам среди гражданского населения и к значительному материальному ущербу для Ливана. Так, в ходе 34-дневной войны июля–августа 2006 г. 1180 ливанцев погибли и около 4000 получили ранения⁶¹. Затраты только на восстановление мостов, разрушенных израильской авиацией, составили 80–90 млн долл. США⁶².

Таким образом, «14 марта» считает, что если борьба с Израилем и должна проводиться ливанцами, то вести эту борьбу должны регулярные вооруженные силы Ливана, а не военизированные группировки, финансируемые из-за рубежа⁶³.

Основу просирийских сил составили шиитские партии «Хезболла» и АМАЛЬ, христианские партии Свободное патриотическое движение и «Марада». В «8 марта» также входят несколько небольших суннитских партий (в частности, Партия национального диалога и «Мурабитун» (*Стоящие на страже*)), друзская Демократическая партия во главе с Талалом Арсланом, Сирийская национальная социальная партия, армянская партия «Дашнак» и ряд других небольших движений.

М. Аун вернулся в Ливан на волне Кедровой революции и поначалу поддерживал антисирийские силы. В силу его амбиций занять президентский пост (помимо того, что он маронит, Аун обладал заслуженной славой борца против установления «Рах Сугиана» в начале 1990-х годов) он рассчитывал на выдвижение его кандидатуры от «14 марта» после истечения президентского срока Э. Лахуда в 2007 г. Тем не менее Ауну не удалось занять нишу будущего кандидата в президенты от антисирийского блока, что вынудило его на кардинальную смену альянса. В феврале 2006 г. он заключил с «Хезболлой» Соглашение о взаимопонимании⁶⁴ и перешел в «8 марта», став кандидатом в президенты уже от этого объединения.

Цели Соглашения в основном повторяли главные принципы, о которых заявляют обе партии, – построение гражданского общества, развитие реальной демократии, возвращение палестинцев в Палестину, борьба с Израилем, сотрудничество с Сирией и Ираном. Однако смысл заключенного соглашения состоял в придании новому и весьма неожиданному альянсу дополнительного политического веса на внутренней арене. Политический союз СПД и «Хезболлы», усилив раскол среди маронитов и христиан в целом, существенно укрепил позиции «8 марта» и проявил ошибочность обобщений относительно того, что христианские общины ориентированы исключительно на западную поддержку.

«8 марта» (прежде всего «Хезболла» и АМАЛЬ, играющие в коалиции центральную роль) выступает за продолжение военного «сопротивления» Израилю как минимум до полного освобождения территории страны (фермы Шебаа и Кфаршуба). «Существование Израиля является незаконным, сотрудничество с ним или налаживание отношений, – согласно высказыванию лидера «Хезболлы» Х. Насраллы, – запрещено религией, еврейское государство – это раковая опухоль, которая должна исчезнуть»⁶⁵. Непримируемая борьба против Израиля и сакрализация «сопротивления», безусловно, подразумевают категорический отказ «Хезболлы» от прекращения боевых операций и сдачи оружия.

Осознавая возможность освобождения ливанских территорий Израилем в результате давления международного сообщества (в этом случае исчезнет прекрасное обоснование боевой деятельности «Хезболлы»), Партия бога предупреждает, что не сложит оружие даже после передачи Ливану ферм Шебаа⁶⁶. «8 марта» в целом негативно воспринимает перспективу нормализации двусторонних отношений между Ливаном и Израилем, увязывая эти отношения с общей нормализацией обстановки в регионе (прежде всего с учетом интересов Сирии)⁶⁷.

Позиция «Хезболлы» состоит в том, что только благодаря постоянно вооруженному «сопротивлению», которое является благородной целью настоящих патриотов страны, Ливан существует в нынешних границах и не сдался под натиском Израиля. В знак благодарности павшим «Хезболла» устанавливает в населенных пунктах, особенно на юге страны и в южных пригородах Бейрута, плакаты с фотографиями погибших бойцов, что способствует росту авторитета их семей и популярности борьбы в целом. В ответ на обвинения в «перетягивании» оборонных полномочий ливанского государства «Хезболла» утверждает, что, как только появится государство, действительно способное обеспечивать безопасность и защищать интересы ливанцев, партия откажется от вооруженной борьбы.

В успешном противостоянии Израилю состоит главный источник легитимности «Хезболлы» внутри Ливана (наряду с конфессиональной лояльностью шиитов). Подобная ситуация объясняется тем, что борьба против еврейского государства опирается на обширную поддержку ливанцев самых разнообразных конфессий, включая тех, кто во внутриливанском конфликте поддерживает «14 марта». По результатам социологического опроса, проведенного в октябре 2007 г., 96,6% ливанцев считают Израиль врагом, 0,2% – союзником, 0,3% – дружественной страной и 2,9% ливанцев затруднились ответить (для сравнения, США врагом считают лишь 42,6% ливанцев, Фран-

цию – 11,2%, Великобританию – 24,8%, Саудовскую Аравию – 13,3%, Сирию – 42,5% и Иран – 34,1%)⁶⁸.

По этой причине даже партии, входящие в «14 марта», занимают недружественную позицию (по крайней мере декларативно) по отношению к Израилю. Учитывая ливанское общественное мнение, более примирительное и конструктивное отношение к Израилю лишило бы эти партии немалой доли социальной поддержки. Так, флагман «14 марта» Движение будущего считает Израиль врагом Ливана, который оккупирует его территорию и подвергает народ, государство и его институты постоянной агрессии. Согласно позиции этой партии мирный договор между Ливаном и Израилем может быть подписан только в рамках Арабской мирной инициативы, т.е. при условии возврата к границам 1967 г. и возвращения палестинских беженцев на родину.

Если «14 марта» выступает за сокращение влияния Сирии и Ирана в стране, то «8 марта», наоборот, считает эти две страны естественными союзниками Ливана, с которыми он связан как историческими связями (особенно с Сирией), так и современными интересами (в первую очередь борьбой против Израиля).

Альянс «8 марта» также выступает против вмешательства США в ливанскую и ближневосточную политику и обвиняет «14 марта» в проведении в Ливане проамериканского курса, в то время как стране необходимо сплотиться для борьбы с ее настоящим врагом – Израилем. Этот блок упрекает своих политических оппонентов в отсутствии патриотизма, отмечая в этой связи их слабый интерес к возврату Ливану оккупированных Израилем территорий. Главный союзник Израиля в регионе – США, по мнению «Хезболлы», действует в интересах еврейского государства, используя Ливан, пытается дестабилизировать Иран и совершенно не заинтересован в установлении в Ливане политической стабильности. В этой связи «Хезболла» считает США враждебным государством, одна из целей которого, по ее мнению, состоит в уничтожении шиитского движения.

Учитывая конфессиональную окраску ключевых партий «8 марта», этот альянс также выступает за улучшение положения шиитской общины. Сегодня самая многочисленная община имеет лишь пятую часть мест в парламенте, а шииты в целом являются наименее обеспеченной в социально-экономическом плане частью населения. Шиитские партии при поддержке СПД стремятся расширить свое участие в органах государственной власти и заявляют о необходимости отмены политического конфессионализма. Очевидно, что демократические реформы и свободные выборы увеличат долю шиитов (и, соответственно, «Хезболлы» и АМАЛЬ) в парламенте и государственных институтах. Однако защита интересов шиитского населения не является отличительным признаком только «Хезболлы» и АМАЛЬ. Учитывая конфессиональный характер всех основных ливанских партий, который очевиден по географии укоренения партий или конфессиональной принадлежности активистов и лидеров, все эти партии отстаивают интересы своих религиозных сообществ.

Характерная черта позиции одного из участников альянса, лидера СПД Мишеля Ауна состоит в его ярко выраженных амбициях занять пост президента страны. На критику по этому вопросу Аун, как правило, отвечает, что его позиция обосновывается не простым стремлением занять президентское

кресло, а глубоким убеждением в том, что он является единственным кандидатом, способным решить серьезные проблемы, стоящие перед страной (разоружение «Хезболлы», нормализация отношений с Сирией и т.д.). По вопросу боевых подразделений «Хезболлы» позиция М. Ауна не лишена противоречий с позицией этой партии. Если М. Аун неоднократно выступал за интеграцию ее боевых формирований в состав ливанской армии, то Партия бога отнюдь не собирается разоружаться, настаивая на продолжении «сопротивления»⁶⁹. Учитывая мощные иранские и сирийские интересы, стоящие за «Хезболлой», планы Ауна по разоружению ее боевого крыла выглядят утопично.

За исключением чувствительных и политизированных тем сирийско-иранского или западного влияния, вооружений «Хезболлы», расследования убийства Р. Харири, между партиями разных альянсов существует немало общего. Эти сходства наиболее заметны по программным установкам христианских партий. В частности, в программных документах Свободного патриотического движения, Ливанских сил, «Катаиб» и Движения будущего прослеживается влияние западных политико-философских концепций, таких, как соблюдение прав человека, секуляризация, установление демократических свобод, достижение равноправия между мужчинами и женщинами. СПД, как и ЛС, «Катаиб» и ДБ, также выступает за либеральную рыночную экономику, создание наилучших условий для деятельности частного сектора и привлечение инвестиций. Аналогичным образом близки позиции ЛС и их политических противников СПД и «Хезболлы» по вопросам укоренившейся в государственных структурах коррупции, отсутствия справедливой судебной власти, продажи земельных участков иностранцам, недопустимого роста внутреннего долга и бездействия сменяющихся правительств в решении проблемы эмиграции квалифицированных ливанцев.

Коалиции также сближает такой элемент, как патриотизм. Они заявляют о необходимости отстаивать исключительно ливанские интересы, «оградить» страну от влияния внешних сил (которые в дискурсе партий имеют, как правило, негативную окраску), а также подтверждают свою готовность к поиску компромисса ради достижения мира внутри страны. Вместе с тем партии, как входящие в «8 марта», так и в «14 марта», ориентируются на то или иное «дружественное» государство или группу государств. При этом политико-идеологический дискурс партии выстраивается в зависимости от того, к какому лагерю (прозападному или сирийско-иранскому) она принадлежит – исходя из этого, определяются внешние друзья и враги Ливана.

Таким образом, главные вопросы, по которым между коалициями существуют разногласия, характеризующие конфликт, выглядят следующим образом:

- ориентированность каждого из альянсов на иностранные государства – если «8 марта» пользуется поддержкой Сирии и Ирана, то «14 марта» опирается на такие страны, как США, Саудовская Аравия и Франция;
- сохранение вооружений «Хезболлы» и особой роли этой партии в качестве государства в государстве на юге и в ряде других регионов Ливана, а также ведение самостоятельного вооруженного «сопротивления» против Израиля;
- проведение расследования убийства Р. Харири под эгидой ООН и международного суда над подозреваемыми.

ЭСКАЛАЦИЯ КОНФЛИКТА

На основании большинства мест в парламенте после выборов «14 марта» получило 14 из 24 министерских портфелей правительства, сформированного 19 июля 2005 г. Политики от «14 марта» определяли курс нового правительства, которое возглавил суннит Фуад Синьора (бывший министр финансов, близкий к клану Харири).

В соответствии с резолюцией № 1595 Совета Безопасности ООН, принятой 7 апреля 2005 г., была учреждена Международная независимая комиссия по расследованию (МНКР) убийства Р. Харири со штаб-квартирой в Ливане для оказания помощи ливанским властям в проведении расследования. Международное вмешательство воспринималось одобрительно частью ливанского общественного мнения в свете существенного снижения доверия граждан к национальным следственным органам и судебной системе. 13 декабря 2005 г. правительство Ливана обратилось в ООН с просьбой о создании «трибунала международного характера для привлечения к судебной ответственности всех лиц, которые будут признаны виновными в совершении этого террористического преступления (убийства Р. Харири)»⁷⁰.

По мере продвижения деятельности МНКР все громче звучали негативные оценки «8 марта» по поводу этого расследования. Комиссия обвинялась в том, что работает в интересах внешних сил, «подыгрывающих» «14 марта», и в отсутствии необходимой в подобном деле политической беспристрастности. «8 марта» рассматривало МНКР и международный трибунал (который был создан в 2007 г.) как инструменты западного вмешательства, нацеленные прежде всего на нейтрализацию «Хезболлы». С другой стороны, «14 марта» выступало главным ливанским инициатором работы МНКР, заявляя об отсутствии политической ангажированности Комиссии и выражая на первом этапе уверенность в виновности Сирии в убийстве Р. Харири⁷¹.

В сентябре 2006 г. ливанское правительство завершило обсуждение с ООН текста соглашения о создании Специального трибунала по Ливану (СТЛ). Соглашение было подписано сторонами в начале 2007 г., и после этого требовалась его ратификация ливанским парламентом. В знак протеста против решимости ливанского правительства довести эту работу до суда 11 ноября 2006 г. в отставку подали пять министров от движений АМАЛЬ и «Хезболла». По этой же причине с ноября 2006 г. депутаты «8 марта» перестали ходить на заседания Национального собрания. В этой связи ливанский парламент фактически не действовал до весны 2008 г. Такими мерами просирийский альянс старался уменьшить действенность государственных институтов, в которых «14 марта» имело сильные позиции.

Конфликт осложнялся острой конфронтацией между президентом Э. Лахудом и правительством Ф. Синьоры. Президент систематически называл это правительство «незаконным»⁷². Ливанская конституция не позволяла Э. Лахуду отправить правительство в отставку, и их взаимное неприятие и соперничество осложняли управление страной. Помимо этого, Э. Лахуд утверждал, что состав парламента (и следовательно, сформировавшееся в нем большинство) не обладает реальной народной репрезентативностью. Просирийский лагерь также требовал от «14 марта» «блокирующую треть» (треть+1) министерских портфелей. В связи с принятием ливанским прави-

тельством всех важных решений двумя третями голосов⁷³ эта «блокирующая треть» могла бы представлять эффективный инструмент влияния оппозиции на проводимую правительством политику.

Ввиду продолжения международного расследования убийства Р. Харири при сотрудничестве ливанского правительства и сильных позиций «14 марта» в политических институтах «8 марта» сделало ставку на «уличные» народные акции и организовало в конце 2006 г. массовую манифестацию, принявшую впоследствии перманентный характер. С целью оказания постоянного давления на оппонентов активисты «8 марта» развернули в центре Бейрута настоящий палаточный лагерь, который должен был постоянно напоминать правительству о его «антинародном характере» (в трактовке ситуации просирийской коалицией). В лагере проводились концерты, был организован подвоз флагов, воды, продовольствия и кальянов.

Политическое противостояние коалиций, вылившееся в правительственный кризис, сопровождалось периодическими покушениями на представителей «14 марта», а также антисирийских общественных деятелей и журналистов. Так, в июле и сентябре 2005 г. были совершены покушения на ливанского вице-премьера и министра обороны И. Мурра и ведущую телеканала «ЛБС» М. Шидьяк. 12 декабря 2005 г. в результате взрыва бомбы, установленной в автомобиле, погиб ливанский журналист Джубран Тувейни. 21 ноября 2006 г. был убит министр промышленности от «Катаиб» Пьер Жмайель (сын Амина Жмайеля). 13 июня 2007 г. в результате взрыва погиб депутат от Движения будущего В. Эйдо. 19 сентября того же года еще один спланированный взрыв унес жизнь депутата от партии «Катаиб» А. Ганема. В декабре 2007 г. был взорван генерал Франсуа Хадж (вероятный преемник генерала Мишеля Сулеймана на должности командующего ливанскими вооруженными силами в случае избрания последнего на пост президента страны). Вследствие столь драматичной и неординарной обстановки правительство разместило для обеспечения безопасности 51 депутата от «14 марта» в гостинице «Финикия» в центре Бейрута, вокруг которой была создана зона ограниченного допуска и повышенного контроля.

Понимая угрозу СТЛ для интересов «8 марта», председатель Национального собрания и лидер АМАЛЬ Н. Берри отказывался созывать заседание парламента для ратификации соглашения о его создании, вопреки желанию большинства депутатов. В этих условиях ливанский премьер Ф. Синьора обратился к Совету Безопасности ООН с просьбой принять решение о вступлении соглашения в силу без ратификации. Решение СБ ООН было оформлено резолюцией № 1757 от 30.05.2007 – соглашение вступило в силу 10 июня 2007 г.⁷⁴ В этом беспрецедентном случае СБ ООН, поддержав «14 марта», подменил своим решением ратификацию международного соглашения ливанским парламентом.

Согласно уставу СТЛ, этот Трибунал и национальные суды Ливана имеют параллельную юрисдикцию, однако Трибунал имеет верховенство над национальными судами. В статье 2 устава отмечается, что в отношении преследования и наказания за преступления «будут применяться положения уголовного кодекса Ливана, касающиеся преследования и наказания за акты терроризма, преступления и правонарушения против жизни и личной неприкосновенности, незаконные объединения и недонесение о преступлениях», а

также «статьи 6 и 7 закона Ливана от 11 января 1958 г. «Об усилении наказаний за ведение подрывной деятельности, гражданской войны и разжигание межконфессиональной вражды»⁷⁵. Помимо расследования убийства Харири, юрисдикция Трибунала будет распространяться на лиц, ответственных за другие нападения, которые имели место в Ливане после 14 февраля 2005 г., в том случае если Трибунал определит, что эти нападения взаимосвязаны согласно принципам уголовного правосудия и по своему характеру и степени тяжести аналогичны убийству премьера⁷⁶.

Новое обострение политического кризиса было вызвано истечением 23 ноября 2007 г. девятилетнего срока пребывания у власти президента Э. Лахуда и необходимостью выбора нового президента. Несмотря на ограниченность реальных полномочий президента в политической системе II Республики, между альянсами развернулась непримиримая борьба по поводу преемника Э. Лахуда. «14 марта» рассматривало в качестве кандидатов на президентский пост маронитов Бутроса Харба или Насиба Лахуда, в то время как «8 марта» настаивало на кандидатуре Мишеля Ауна.

Результаты социологических опросов подтверждали обоснованность амбиций М. Ауна. По итогам опроса, проведенного в октябре 2007 г., Ауна выразили поддержку 36,8% опрошенных (71,3% опрошенных шиитов, 40,4% маронитов, 34,6% католиков, 29,1% православных и лишь 9,3% суннитов и 3,6% друзов). За ним следовали Бутрос Харб с 16,3% голосов (33,6% суннитов, 26,8% друзов, 15,1% православных, 13,3% маронитов, 9,6% католиков и лишь 2,7% шиитов), Насиб Лахуд с 14,7% голосов (50% друзов, 21,2% католиков, 18,6% православных, 17,9% суннитов, 17,3 маронитов и отсутствие поддержки среди шиитов), командующий ливанскими вооруженными силами Мишель Сулейман с 9,3% голосов, Амин Жмайель с 4,2% и Рияд Саламе с 3,3%⁷⁷. Рейтинг М. Ауна превосходил даже суммарный рейтинг Б. Харба и Н. Лахуда.

Конфронтация обострялась противоположной интерпретацией сторонами ливанской конституции. Согласно статье 49 основного закона «Президент Республики избирается по результатам тайных выборов в первом туре большинством в две трети голосов Палаты депутатов. В последующих турах голосования достаточно абсолютное большинство»⁷⁸. Просирийская коалиция интерпретировала эту статью, как невозможность для ливанского Национального собрания проводить на законном основании выборы президента в присутствии менее чем двух третей депутатов (которыми «14 марта» не обладало).

Вместе с тем статья 34 конституции предполагает, что парламент «может проводить имеющие правовую силу заседания только в случае присутствия большинства законно составляющих его членов». С учетом фактической численности парламента в 127 депутатов он мог проводить заседания в случае присутствия по меньшей мере 64 депутатов. Таким образом, в сложившейся ситуации «14 марта», насчитывавшее на тот момент 68 депутатов, могло проводить заседания парламента на легальном основании. При неизбрании президента в первом туре он мог быть легально избран «14 марта» во втором туре вполне достаточным для этого абсолютным большинством.

Несмотря на, казалось бы, однозначную законность проведения выборов абсолютным большинством, в ливанской политической истории в силу двух

прецедентов сложился определенный конституционно-правовой обычай*. В 1976 г. и 1982 г. президентские выборы переносились по причине отсутствия кворума в две трети, и только после присутствия на заседаниях двух третей депутатов парламент избрал президентами страны Ильяса Саркиса в 1976 г. и Башира Жмайеля в 1982 г.⁷⁹ Таким образом, конституция дважды интерпретировалась как обязывающая собрать две трети депутатов для проведения выборов президента, даже несмотря на отсутствие в ней такого письменного положения. В обоих случаях кандидаты в президенты стремились избежать избрания на заседаниях без кворума в две трети с целью обеспечения своему президентскому правлению как можно более широкой поддержки. В связи с тем, что обычай представляет собой один из источников конституционного права, что особенно актуально для такой страны, как Ливан, интерпретация конституционной истории просирийскими силами также не лишена основания.

Депутаты «8 марта», понимая, что если они обеспечат кворум в две трети, то во втором туре будет избран угодный «14 марта» кандидат, умышленно препятствовали проведению заседаний Национального собрания, даже несмотря на обязанность депутатов (предусмотренную в статье 74 конституции), в случае вакансии президентской должности по любой причине, немедленно провести заседание для выбора нового президента. «8 марта» настаивало на достижении компромисса по кандидатуре президента, устраивающей обе коалиции, и на его последующем избрании в Национальном собрании с необходимым кворумом.

В свете отсутствия подобного компромисса с 24 ноября 2007 г. (после завершения президентского срока Э. Лахуда) правительство Ф. Синьоры приступило на основании статьи 62 конституции к временному исполнению президентских полномочий. Стороны продолжали бесконечные переговоры по определению компромиссного кандидата, а страна тем временем существовала без президента, действующего парламента и правительства, признаваемого всеми участниками политического процесса («8 марта» не признавало законность правительства Ф. Синьоры). С этого момента Ливан вступил в период глубочайшего политического кризиса, чреватого рисками дестабилизации и новой гражданской войны.

Патовая ситуация сохранялась несколько месяцев. Каждая из сторон оказывала по мере своих сил давление на оппонентов – если «14 марта» угрожало избранием президента без кворума в две трети депутатов, то «Хезболла» угрожала применением силы. Ввиду угрозы применения «Хезболлой» своих боевых подразделений для дестабилизации обстановки «14 марта» рассчитывало на лояльность и поддержку ливанской армии.

В начале мая 2008 г. «14 марта» начало наступление – правительство Ф. Синьоры объявило незаконной военную телекоммуникационную сеть «Хезболлы» на ливанской территории и уволило начальника службы безопасности бейрутского аэропорта по подозрению в соучастии с «Хез-

* Конституционно-правовой обычай – сложившееся в практике деятельности органов государственной власти правило, которое в силу многократного повторения приобрело общеобязательное значение и выступает в качестве источника конституционного права (хотя и не имеет письменного закрепления).

боллой». Партия бога, заявив, что посягательство на ее сеть является первым шагом по ее разоружению (ибо именно система связи служила одним из факторов эффективного противодействия израильской армии в войне 2006 г.), перешла в контрнаступление. 7 мая боевые отряды «Хезболлы» и АМАЛЬ после трех дней интенсивных перестрелок с бойцами Движения будущего захватили Западный Бейрут (суннитская часть города, в целом лояльная клану Харири), осадив С. Харири и В. Джумבלата в их резиденциях. Ливанская армия не вмешивалась, сохраняя нейтралитет. Показав свою решимость использовать силовые акции (в этом и состояла цель операции), шиитские партии передали армии захваченные в Бейруте позиции.

Операция шиитских партий по захвату Западного Бейрута показала, что при необходимости «Хезболла» может использовать вооружения во внутривнутриполитической борьбе против своих ливанских оппонентов. Ранее лидеры «Хезболлы» неоднократно подчеркивали, что партия сохранила оружие исключительно для борьбы с общим врагом всех ливанцев – Израилем. Операция «Хезболлы» и АМАЛЬ также показала, что конфликт двух блоков при постепенной эскалации напряжения и неудачном стечении обстоятельств может очень быстро перерасти в новую гражданскую войну. Боевое столкновение мая 2008 г., безусловно, не являлось единственным случаем вооруженного противостояния между альянсами. Подобные стычки периодически возникали в разных регионах страны, сохраняя локальный масштаб. Так, в Сааднаиле (долина Бекаа) перестрелки продолжались до сентября 2008 г.⁸⁰

С другой стороны, ощущение близости войны в определенной мере охладило пыл противников. Для выхода из кризиса стороны провели срочные переговоры в Дохе под эгидой комитета арабских стран под руководством Катара и при содействии Франции и Сирии. Переговоры завершились подписанием 21 мая 2008 г. соглашения, вернувшего конфликт в состояние хрупкого равновесия. По этому соглашению стороны избрали президентом компромиссную фигуру командующего ливанской армией генерала Мишеля Сулеймана, договорились по новому закону о выборах для проведения выборов в парламент в 2009 г., а также согласовали распределение министерских портфелей в новом правительстве национального единства (из 30 портфелей «14 марта» получило 16, «8 марта» – 11, и 3 министра назначались новым президентом страны). Таким образом, просирийские силы получили «блокирующую треть» министерских портфелей, которую они требовали 18 месяцев. После достижения договоренности в Дохе «8 марта» убрало из центра Бейрута палаточный лагерь постоянной демонстрации.

В русле этой нормализации Сирия согласилась на установление дипломатических отношений с Ливаном. Событие имело историческое значение, ибо означало фактическое признание ливанского суверенитета Дамаском. 31 декабря 2008 г. Дамаск принял просьбу об аккредитации ливанского посла Мишеля Хури, который прибыл в сирийскую столицу 21 апреля 2009 г. 25 марта 2009 г. агреман ливанского президента получил сирийский посол Али Абд аль-Карим.

Тем не менее ливанские альянсы по-прежнему не достигли взаимопонимания по принципиальным вопросам (внешние факторы, разоружение «Хезболлы», СТЛ). Новый виток конфронтации спровоцировало 1 марта 2009 г. начало работы Специального трибунала по Ливану (СТЛ заседает в Гааге).

Впервые в истории международного правосудия трибунал под эгидой ООН стал рассматривать преступления, связанные с терроризмом. Состав судей (11 человек) сформирован из представителей Ливана (4 судьи) и других государств. Расходы, связанные с деятельностью Трибунала, оплачиваются за счет ливанского бюджета (49%) и добровольных взносов государств (51%). Бюджет СТЛ, рассчитанный на три года, составляет, по оценке генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, около 120 млн долл.⁸¹

Новым этапом ливанского конфликта стали парламентские выборы июня 2009 г., на которых «14 марта» завоевало 71 из 128 мест (55%), сохранив за собой большинство мест в Национальном собрании. «8 марта» получило остальные 57 мест. Несмотря на напряженную обстановку в ходе выборов, колоссальную помощь внешних покровителей альянсов, торговлю голосами, выборы прошли спокойно, без стычек и перестрелок. Явка составила 55,56%⁸².

Неожиданная победа «14 марта» на выборах отчасти объясняется голосованием в пользу этого блока христиан и других ливанцев, напуганных быстрой и показательной операцией «Хезболлы» по захвату Западного Бейрута в мае 2008 г. Опасаясь непредсказуемой политики Партии бога после ее возможного прихода к власти, они голосовали за стабильность и сохранение статус-кво⁸³. Еще одна причина голосования за «14 марта» объясняется опасениями части ливанцев относительно усиления «Хезболлы» и шиитской общины. Даже несмотря на недовольство итогами пребывания у власти «14 марта» (в связи с многочисленными проблемами, связанными с коррупцией, злоупотреблением властью и т.д.), часть ливанцев голосовали не за этот альянс, а скорее против «8 марта»⁸⁴.

Внутриполитическая ситуация в Ливане начала меняться с августа 2009 г., когда Валид Джумблат заявил об отходе ПСП с ее 11 депутатами от «14 марта». Свое решение он мотивировал тем, что партия должна вернуться к историческим основам своей идеологии, которые состоят в социалистических идеях, арабизме и поддержке палестинской борьбы за свое государство⁸⁵. Именно такой была идеология ПСП при ее основании в 1949 г. Камалем Джумблатом (отцом Валида). Свой альянс с «14 марта» В. Джумблат назвал «неприемлемым» и «черным пятном в истории партии», а сами партии, входящие в «14 марта», он охарактеризовал как «неоконсервативные». В новой трактовке своей позиции В. Джумблат понимал арабизм прежде всего как «установление привилегированных отношений с Сирией»⁸⁶ (несмотря на то что «14 марта» пользовалось поддержкой других арабских стран, в частности Саудовской Аравии и Египта). Новая ориентация ПСП на Сирию выглядит неожиданной, исходя из того, что до смены альянса В. Джумблат смело и жестко критиковал эту страну. В частности, он называл сирийское руководство «режимом убийц», обвиняя его в проведении терактов на ливанской территории и поставках через Сирию вооружений и финансовых средств для «Хезболлы»⁸⁷.

Хотя ПСП и выступала традиционно за социалистические идеи, современный ливанский конфликт разделяет стороны не по дихотомии левый/правый, и едва ли нахождение в «14 марта» сдерживало социалистические устремления лидера этой партии. Кардинальное изменение позиции В. Джумблата объясняется его убежденностью в большей надежности альянса с Сирией и

Ираном (которые находятся рядом и откажутся от своих позиций в Ливане только в крайнем случае), нежели с США (для которых «14 марта» – лишь небольшая фишка на мировой карте глобальных интересов, что позволит легко пожертвовать ей при необходимости). В целом слабая декларативная поддержка американской администрации Дж. Буша «14 марта» после захвата «Хезболлой» Западного Бейрута в мае 2008 г. укрепила эту убежденность⁸⁸. Приход к власти в Вашингтоне демократов в 2009 г. и их попытки установления диалога с Ираном послужили дополнительными аргументами для В. Джумבלата в пользу смены альянса⁸⁹. Его опасения были связаны с тем, что американская уступка по Ливану могла стать «разменной монетой» иранских уступок США, например, по ядерной программе.

После парламентских выборов 2009 г. борьба коалиций развернулась за контроль над правительством (на который может претендовать только парламентское большинство), «блокирующую треть» (инструмент эффективного сдерживания для меньшинства) и за главные министерские портфели (министров иностранных дел, финансов, внутренних дел и обороны).

После долгих и монотонных консультаций Сааду Харири удалось в ноябре 2009 г. сформировать правительство, в котором 11 портфелей («блокирующая треть») достались «8 марта». Однако уже в январе 2011 г. все эти министры подали в отставку в знак протеста против сотрудничества правительства Харири с СТЛ, что привело к отставке всего правительства.

Благодаря утечкам информации и слухам во второй половине 2010 г. стало ясно, что Трибунал выдвинет обвинения в убийстве Харири против членов «Хезболлы». В ожидании такого обвинительного акта Партия бога настойчиво пыталась дискредитировать следствие и требовала от правительства и лично от Саада Харири остановить сотрудничество Ливана с СТЛ и прекратить его финансирование.

Ввиду все большего уклона ПСП в сторону «8 марта» соотношение сил постепенно менялось в пользу этого альянса. Благодаря поддержке В. Джумבלата и парламентской фракции ПСП просирийский блок, ставший новым большинством в парламенте, получил право формировать новое правительство, компромисса по которому удалось достичь только в июне 2011 г. в результате длительных и сложных межпартийных переговоров. «Хезболла», АМАЛЬ, СПД и их союзники в новом правительстве получили 19 министерских постов из 30. Новый кабинет, широко называемый в прессе «правительством “Хезболлы”», возглавил суннит Наджиб Микати (конкурент клана Харири в борьбе за симпатии суннитской общины), который, в свою очередь, получил прозвище «премьера “Хезболлы”».

Коалиция «14 марта» в связи с резко негативным отношением к ряду основополагающих установок нового кабинета министров (прекращение финансирования СТЛ, отказ от давления на «Хезболлу» по вопросу разоружения ее боевых формирований, разворот в сторону Сирии) отказалась от участия в правительстве. Эта тактика обуславливалась нежеланием «освящать» эти установки легитимностью правительства национального единства, которое стало бы таковым в случае вхождения в кабинет представителей «14 марта». После таких серьезных перемен стало очевидно, что соотношение сил изменилось в пользу сирийско-иранского альянса. С января 2011 г. Ливан при-

остановил финансирование СТЛ. Сам С. Харири, опасаясь за свою жизнь, уехал во Францию.

СТЛ передал 30 июня 2011 г. ливанской прокуратуре обвинительное заключение и ордера на арест четырех подозреваемых в деле Харири. Как и предполагалось, все четверо оказались членами «Хезболлы». Согласно установленной процедуре ливанские власти должны были в течение 30 дней сообщить СТЛ о мерах, принятых по задержанию подозреваемых. Реагируя на это событие, генеральный секретарь «Хезболлы» Х. Насралла в начале июля 2011 г. в телеобращении отверг все без исключения обвинения в адрес членов партии и заявил, что «каждый из братьев, которых хотят арестовать, известен своей многолетней и благородной борьбой против израильской оккупации»⁹⁰. Лидер «Хезболлы» назвал работу Трибунала предвзятой, а само его существование – «частью израильского заговора»⁹¹. Он также заявил, что четверо обвиняемых не будут переданы суду «ни через 30 дней, ни через 30 лет, ни через 300 лет»⁹². В силу разных обстоятельств (контроль «8 марта» над правительством, опасения жесткого вооруженного ответа «Хезболлы») ни один из обвиняемых до сих пор не арестован.

Непредсказуемый поворот начал вызревать в ливанской ситуации с середины 2011 г., когда на нее стали влиять новые неожиданные факторы. Изменения регионального контекста, связанные с событиями арабской весны и, в частности, с ситуацией в Сирии и нарастанием международного давления на режим Башара Асада с лета 2011 г., оказали прямое воздействие как на соотношение сил внутри Ливана, так и на политическую линию Н. Микати. Под влиянием сирийских событий Микати, прогнозируя дальнейшее ослабление сирийского режима, стал осторожно дрейфовать от «8 марта», исходя из соображений собственного политического выживания. Премьер-министр выступил против интересов «Хезболлы» в принципиальном вопросе финансирования СТЛ – во время поездки в Нью-Йорк в конце сентября 2011 г. для участия в заседании СБ ООН он сделал официальное заявление о том, что Ливан в полном объеме продолжит сотрудничество с Трибуналом и обязуется выполнять все принятые по Ливану резолюции ООН, в том числе и резолюцию № 1701 (содержащую призыв к разоружению «Хезболлы» и распространению контроля ливанского правительства над всей территорией страны).

В новых условиях Микати пытается позиционировать себя в качестве беспристрастного политического центра по аналогии с президентом страны Мишелем Сулейманом. Стратегия Микати нацелена на установление сотрудничества как с Западом, так и с Сирией. Решение Микати о возобновлении финансирования СТЛ поставило в крайне неудобное положение «Хезболлу».

Ослабление режима Б. Асада вполне закономерно оказало прямое влияние и на других участников ливанского политического процесса. В этой связи показательным поведением лидера ПСП Валида Джумבלата, который осенью 2011 г. в очередной раз изменил свою позицию. Действия и заявления Джумבלата свидетельствовали о движении к центристской позиции, равноудаленной от обеих коалиций. Громко не заявляя о своем возвращении в «14 марта», ПСП и лично Джумблат, тем не менее, начали активизировать контакты с этим блоком, сохраняя при этом связи как с «Хезболлой» и АМАЛЬ, так и

с Дамаском. Джумблат не стеснялся открыто комментировать свои политические маневры, заявляя, что профессиональные политики должны менять свою позицию в зависимости от обстоятельств⁹³.

Сирийский кризис и жесткая позиция западных стран в отношении Дамаска способствовали мягкому отходу умеренных элементов от «8 марта» в сторону центра. Движение этих элементов к центру отнюдь не продиктовано идеологическими соображениями, а обусловлено исключительно стремлением к политическому самосохранению. «Центристские» политические силы будут сохранять нейтралитет до разрешения конфликта в Сирии и установления нового регионального статус-кво.

Несмотря на неблагоприятные для «Хезболлы» внешние и внутренние факторы, на нынешнем этапе их все равно недостаточно, чтобы серьезно дестабилизировать Партию бога и заставить ее сотрудничать с Трибуналом (в частности, предоставить возможность допроса лиц, которым предъявлены обвинения), не говоря уже о разоружении ее боевых формирований. Партия игнорирует любые решения (принятые как на национальном, так и на международном уровнях), нацеленные на ее ослабление. Позиции «Хезболлы» по-прежнему сильны с учетом того обстоятельства, что главные силы «8 марта» пока сохраняют верность этому альянсу.

РОЛЬ ВНЕШНИХ СИЛ

Как и предыдущие ливанские конфликты 1958 г. и 1975–1990 гг., современное противостояние, наряду с очевидными внутренними причинами, усиливается за счет влияния внешних акторов, имеющих свои собственные цели и мотивы. Обе стороны конфликта в целом обоснованно обвиняют друг друга в продвижении в Ливане интересов внешних сил. В первой части исследования изложены основные сирийские и иранские интересы в Ливане. Для полноты картины здесь необходимо проанализировать интересы и задачи главных внешних покровителей «14 марта» (т.е. США, Франции и Саудовской Аравии), а также многообразные механизмы поддержки внешними акторами своих ливанских клиентов.

С точки зрения США, независимый Ливан, во-первых, осложнит давление Сирии и Ирана на северные границы Израиля через боевую и политическую деятельность «Хезболлы». Любое реальное усиление «14 марта» в стране (рост политического влияния, более эффективный контроль за южными границами и тем более разоружение «Хезболлы») неминуемо приведет к сокращению пространства для маневра Партии бога. В этой связи Ливан в целом можно рассматривать как арену противостояния между Израилем и США, с одной стороны, и Сирией и Ираном, с другой.

Во-вторых, американцы видят в ливанской политической системе редкий пример более или менее стабильно работающих демократических институтов на Ближнем Востоке и поэтому склонны поддерживать прозападный блок «14 марта», выступающий за предсказуемое развитие этих институтов. В этом контексте Ливан можно рассматривать в качестве своего рода модели относительно успешной работы демократии, которая послужит примером

для соседей и позволит обеспечить постепенную демократизацию ближневосточных политических режимов.

Франция поддерживает «14 марта» в силу целого комплекса причин. Во-первых, особое отношение Франции к Ливану и определенная ответственность за эту страну со сложной судьбой объясняется колониальной историей. На основании мандата Лиги Наций именно эта европейская страна определила современные границы Ливана и заложила основы его политической системы. Париж, безусловно, рассчитывает на сохранение особых отношений с Бейрутом, которые неминуемо пострадают в случае прихода к власти «Хезболлы».

Во-вторых, Ливан служит для французской дипломатии удобным каналом наращивания своего влияния на Ближнем Востоке. Увеличивая свое влияние в этой стране (в которой пересекаются интересы многих государств), Франция усиливает свой вес в ближневосточном регионе.

В-третьих, жесткая позиция Франции в отношении сирийского присутствия в Ливане объясняется ухудшением франко-сирийских отношений с 2002 г. В-четвертых, Ж. Ширака связывала личная дружба с покойным Р. Харири, что также обусловило позицию французской дипломатии по поддержке «14 марта».

В-пятых, работа Франции по усилению миротворческой миссии ООН в южном Ливане UNIFIL⁹⁴ свидетельствует о ее стремлении увеличить роль Европейского союза в урегулировании конфликтов. Более сильный и эффективный на международной арене ЕС отвечает интересам Парижа, способствуя росту французского влияния в мире через структуры и политику Союза⁹⁵.

Саудовская Аравия, благодаря посредническим усилиям которой удалось заключить Таифское соглашение, ознаменовавшее окончание гражданской войны, пытается сохранить за собой функцию посредника в урегулировании ливанских внутривнутриполитических проблем. В качестве примера можно привести активную роль, которую играло королевство в рамках саудовско-сирийской инициативы (потерпевшей фиаско) по урегулированию ливанского кризиса, закончившегося отставкой правительства С. Харири в январе 2011 г.

Саудовская Аравия выступает за стабильное развитие Ливана, которое позволило бы королевству наилучшим образом достичь своих интересов в этой стране. Главная стратегическая задача королевства заключается в противодействии растущему влиянию Ирана (в арабском мире в целом и в Ливане в частности) и Сирии, которая пытается проводить на Ближнем Востоке собственную (не совпадающую с саудовской) политическую линию. Расхождения в саудовской и сирийской позициях заметны по вопросам переговоров с Израилем, Арабской мирной инициативы (по ближневосточному урегулированию), по ситуации в Ираке и секторе Газа. Стратегический союз Сирии с Ираном и активное вмешательство последнего в арабские дела не могут не вызывать раздражения саудовской элиты. В этом контексте Ливан стал удобной ареной для политического (и отчасти конфессионального суннитско-шиитского) соперничества между двумя главными региональными державами – Саудовской Аравией и Ираном, которые, не вступая между собой в открытую конфронтацию, используют для этого подопечные ливанские партии и движения.

Вторая причина активной поддержки «14 марта» Саудовской Аравией обусловлена личными связями клана Харири с правящей королевской семьей (Саад Харири, как и его погибший отец, имеет второе саудовское гражданство). Королевство вкладывает в ливанскую экономику значительные суммы денег, оказывая поддержку как суннитской общине, так и своим политическим союзникам. В-третьих, поддержка Саудовской Аравией «14 марта» также объясняется особым характером отношений Эр-Рияда и Вашингтона. Стратегическое партнерство США и Саудовской Аравии должно рассматриваться в качестве одного из факторов сближения интересов этих стран в ливанской политике.

Наглядным примером комплексного и разностороннего внешнего влияния в Ливане служит соглашение в Дохе в 2008 г., которое стало возможным только благодаря участию внешних сил и достижению компромисса между ними. Активные участники ливанского противостояния (Сирия, Иран, США, Франция, Саудовская Аравия) пришли к договоренности за счет взаимных уступок, чтобы избежать новой войны в Ливане⁹⁶.

Ощутимая зависимость от внешних факторов, определяющих в немалой степени внутренние процессы, является традиционной спецификой Ливана. Современная обстановка политического кризиса и острого противостояния двух блоков повышает важность для ливанских партий поиска сильного внешнего покровителя, имеющего интересы в Ливане и способного предоставить внутреннему игроку столь необходимые для борьбы дополнительные ресурсы. Согласно оценке ливанского исследователя внутренней политики Ахмада Бейдуна, внешние акторы обладают широким арсеналом инструментов влияния на происходящие внутри Ливана события. Исследователь разделяет их на три группы⁹⁷.

Первая группа объединяет наиболее осязаемые, материальные формы помощи. В эту группу входит как получение непосредственно денежных средств, так и поставка оборудования (военного и гражданского назначения), оказание услуг по обучению (включая военное), консультационные услуги и передача необходимой информации.

Примеров материальной поддержки внешними партнерами участников ливанского политического процесса множество. Так, колоссальные суммы денег тратились обеими коалициями на доставку в Ливан для участия в парламентских выборах 2009 г. ливанцев диаспоры, разбросанной по всему миру. В связи с тем, что законодательство запрещает голосование в ливанских дипломатических миссиях за рубежом, им оплачивался перелет и расходы на пребывание в Ливане⁹⁸. По одной из оценок (газеты «New York Times») суммарные расходы обоих блоков на эти цели превысили один миллиард долларов США⁹⁹. Оценки числа ливанских эмигрантов, приехавших в Ливан для голосования, варьируются от 48 тыс. до 120 тыс.¹⁰⁰ По различным данным, только Саудовская Аравия израсходовала около 715 млн долл. США на то, чтобы обеспечить победу коалиции С. Харири¹⁰¹. Средства пошли главным образом на организацию специальных авиационных рейсов для ливанцев диаспоры и политическую рекламу.

Боевая, образовательная, экономическая, социальная и пропагандистская деятельность «Хезболлы» требует постоянного притока финансовых средств. Факт помощи шиитскому движению со стороны Ирана «Хезболла»

не скрывает. Генеральный секретарь партии Х. Насралла даже в публичных выступлениях признает получение помощи от Исламской Республики Иран «в сфере политики, финансов и во всех (других) областях»¹⁰².

Важнейшую роль для «8 марта» играет и сирийская поддержка. Поставки вооружений, боеприпасов и другого необходимого имущества для «сопротивления» «Хезболлы» идут через сирийскую территорию. По свидетельству одной ливанской журналистки, грузы для Партии бога поставляются из Сирии через ливанский город Хермель, расположенный на севере долины Бекаа¹⁰³. В этих условиях прекращение Сирией транзита вооружений и других грузов для «Хезболлы» (в обмен на те или иные уступки западных стран или Саудовской Аравии) парализует «сопротивление» на юге Ливана.

В ливанских академических и экспертных кругах даже появился интересный термин – «политический способ производства», обозначающий массу рабочих мест, созданных благодаря политическому финансированию, большую часть которого составляет внешняя помощь. Партии и целый комплекс связанных с ними организаций ведут на эти деньги политическую, социальную и гуманитарную деятельность с целью расширения численности своих сторонников в Ливане¹⁰⁴.

Ко второй группе инструментов, используемых внешней стороной для поддержки своих внутрививанских клиентов, относятся различные формы политического содействия. Здесь подразумеваются все возможные политические ресурсы, которыми обладает внешняя сторона в мировой и региональной политике или в международных организациях. Эти ресурсы многообразны, как и виды политической поддержки, которую оказывает внешний покровитель ливанскому партнеру с их использованием.

Поддержка принимает форму визитов, заявлений, деклараций и других политических актов и действий. В частности, администрация Дж. Буша неоднократно хвалила Кедровую революцию и «молодую ливанскую демократию»¹⁰⁵. Администрация Б. Обамы также активно использует политический ресурс – перед парламентскими выборами в Ливане побывали госсекретарь Х. Клинтон (апрель 2009 г.) и вице-президент Дж. Байден (май 2009 г.) с целью поддержки «14 марта». Израильские политики также неоднократно выступали с предостережением к ливанцам по поводу тех опасностей и рисков, перед которыми окажется страна в случае победы на выборах альянса, возглавляемого «Хезболлой». Аналогичные заявления в поддержку «8 марта» делали с приближением выборов и ведущие политики Ирана и Сирии¹⁰⁶.

К инструментарию политического воздействия стоит также отнести санкции, принимаемые в отношении организаций или стран из враждебного лагеря. Помимо санкций 2004 г., США ввели в 2007 г. дополнительные санкции против Сирии, которые включают замораживание активов лиц, подозреваемых в деятельности по подрыву суверенитета Ливана в интересах Сирии. Аналогичным образом в отношении Ирана были введены различные виды санкций, обусловленные в первую очередь противодействием иранской ядерной программе. Однако эти санкции необходимо рассматривать в более широком контексте политического и экономического давления на Иран по разным причинам, одной из которых, безусловно, служит поддержка этой страной «Хезболлы» и вмешательство в ливанскую политику. Так, в отношении Ирана действуют санкции, введенные резолюциями ООН, группами

стран (например, Европейским союзом) и отдельными странами (США, Канада и Швейцария, наряду со многими другими).

Одна из мощных и эффективных форм внешней политической поддержки состоит в проведении через Совет Безопасности ООН резолюций, играющих на руку одному из ливанских блоков. Учитывая опору «14 марта» на такие крупные международные субъекты, как США и Франция, которые в значительной мере определяют позицию международного сообщества по тому или иному вопросу, резолюции Совета Безопасности ООН по Ливану принимались по инициативе этих двух стран, исходя из логики поддержки «14 марта». Примерами таких резолюций служат № 1559 (2004), 1595 (2005), 1701 (2006) и 1757 (2007).

В резолюции № 1559 (2004 г.) отчетливо просматриваются антисирийские и антииранские цели – вывод иностранных (т.е. сирийских) войск, роспуск боевых формирований (прежде всего «Хезболлы»), восстановление контроля правительства над всей ливанской территорией (подразумевается юг страны), проведение свободных выборов президента в соответствии с конституцией (требование, нацеленное против продления срока президентских полномочий Э. Лахуда). Проект резолюции разрабатывался США и Францией и вносился в СБ этими двумя странами, а также Великобританией и Германией¹⁰⁷.

Резолюция № 1595 (2005), согласно которой была создана Международная независимая комиссия по расследованию убийства Р. Харири, также принималась по инициативе западных стран. Серьезные подозрения относительно участия или по крайней мере пособничества сирийских спецслужб в этом убийстве позволяют рассматривать резолюцию в качестве инструмента противодействия сирийско-иранской политике в Ливане. Проект резолюции выносился на обсуждение США, Францией, Великобританией, Данией, Грецией, Японией, Румынией и Филиппинами.

Резолюция № 1757 (2007) о создании Специального трибунала по Ливану представляет собой еще более наглядный пример. Совет Безопасности этой резолюцией оформил решение о вступлении в силу международного соглашения о создании СТЛ без ратификации соглашения ливанским парламентом, работа которого тогда блокировалась «8 марта». Проект резолюции вносился в Совет Безопасности США, Францией, Великобританией, Италией, Бельгией и Словакией¹⁰⁸. Бывший французский президент Жак Ширак, являясь личным другом Рафика Харири, самым активным образом содействовал как принятию резолюции о выводе сирийских войск, так и проведению международного расследования убийства ливанского премьера. Аналогичным образом резолюция № 1701 (2006), проект которой составлялся американскими и французскими дипломатами и выносился на обсуждение США, Францией, Великобританией, Данией, Грецией, Словакией и Ганой¹⁰⁹, содержит призывы к роспуску негосударственных боевых формирований и восстановлению контроля правительства над всей ливанской территорией.

Таким образом, во всех этих резолюциях Совета Безопасности ООН просматривается стремление международного сообщества, направляемого США и Францией, поддержать «14 марта» в работе по укреплению ливанской государственности за счет сокращения сирийско-иранского влияния. Как следует из содержания резолюций, укрепление государственности предполагает

Рис. 1. «С вами до конца пути. 670 км дорог». Подобные плакаты с символикой Ирана рекламируют роль этой страны в развитии ливанской территории. Термин «путь» предполагает развитие в партнерстве с Ираном

в первую очередь восстановление контроля ливанского государства над национальной территорией и политическим процессом, разоружение «Хезболлы» и суд над виновными в убийстве Р. Харири (точное воспроизводство главных требований «14 марта»).

Третья группа инструментов влияния внешних сил на внутриванскую ситуацию включает символические и педагогические средства. Внешний покровитель совместно со своими ливанскими клиентами умело используют стереотипы, ритуалы, системы ценностей и поведенческих установок для обработки социальной базы. Так, «8 марта» (прежде всего «Хезболла» и АМАЛЬ) способствует укоренению в обществе взгляда на Ливан как на восточную и арабскую страну, исторически связанную с преимущественно суннитской Сирией и шиитским Ираном (рис. 1). В противовес чрезмерному ориентализму этого альянса «14 марта» подчеркивает поликонфессиональную специфику страны, ее культурное и социальное разнообразие, а также историческую открытость для западного влияния, которое сыграло позитивную роль в развитии Ливана.

Еще одним примером использования подобных инструментов служат ссылки в риторике «14 марта» и его внешних партнеров на демократическую систему ценностей. Здесь упоминаются и электоральные механизмы, и либеральные свободы, и преимущества гражданского общества. Формирование

позитивного имиджа этой системы, опирающейся на западные философию и опыт общественно-политического развития, используется для увеличения числа сторонников «14 марта». При этом демократическая политсистема действует в Ливане с колоссальными искажениями, частично рассмотренными в настоящем исследовании.

Аналогичным образом «8 марта» умело использует антиизраильские стереотипы ливанцев. В этом контексте борьба на юге страны, жертвы и материальные потери Ливана представляются ливанским фронтом общего «сопротивления», которое «роднит» эту страну с Сирией, Ираном и палестинским народом. Благородный символ, предлагающий осмысление действия (демократия или борьба с Израилем), притягивает, может быть, даже больше, чем материальный фактор.

Социальные стереотипы, целенаправленно укореняемые противоборствующими коалициями, предполагают взгляд на представителя другой общины (конкурирующего лагеря) как на предателя интересов Ливана (в пользу западно-саудовских или сирийско-иранских интересов).

Столь значительное и многогранное внешнее влияние на ливанскую политику разъедает ливанскую государственность и подтверждает традиционную специфику Ливана как «буферного государства» – страны-заложника региональных и международных интересов мощных внешних акторов. Противостояние внешних сил вступает в резонанс с внутренним конфликтом, усугубляет его, расширяет его рамки и обуславливает невозможность достижения договоренностей *только внутри* Ливана. Активное участие внешних акторов также предполагает определенное навязывание целей внешним покровителем своему ливанскому клиенту (полное совпадение целей внешних и внутренних участников конфликта невозможно в течение продолжительного периода)¹¹⁰. Подобная ситуация постепенно лишает внутренних участников контроля над ключевыми решениями, определяющими развитие конфликта, а также приводит к постепенному превращению Ливана из государственного образования в пространство для борьбы региональных и глобальных сил.

МЕХАНИЗМЫ МОБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ

В силу наличия в обоих противоборствующих лагерях представителей всех основных ливанских конфессий (за исключением, пожалуй, шиитов, подавляющее большинство которых поддерживают «8 марта») современный ливанский конфликт нельзя назвать конфессиональным. Сунниты, христиане и друзья распределились в разных пропорциях между двумя лагерями. Стороны ведут борьбу за политическую власть, понимаемую в первую очередь как право определять внешнеполитические приоритеты, оборонную и внутреннюю политику Ливана. Эти мотивы участников конфликта подчеркивают его политический, а не конфессиональный характер¹¹¹.

Вместе с тем политическая власть дает право управления материальными ресурсами, находящимися в ведении или под контролем государства. Ориентированность участников конфликта на доступ к распределению материальных ресурсов придает конфликту экономическое измерение. Обладание политической властью не только открывает доступ к распределению ресурсов,

но и позволяет уклониться от соблюдения законодательства, «разрешая» злоупотребления, нарушения и фаворитизм в экономической сфере¹¹².

Несмотря на то что конфликт не является конфессиональным (альянсы и их сторонники имеют гетерогенный конфессиональный состав, и религия не выступает предметом спора), он не лишен конфессионального аспекта, который связан с тем обстоятельством, что ливанские партии конфессиональны по составу и по своим программным установкам¹¹³. Конфессиональный фактор характеризует состав, риторику и философию действия всех ливанских партий, за исключением двух относительно слабых и малочисленных партий – Коммунистической партии и Сирийской национальной социальной партии¹¹⁴.

Лояльность «своей» партии очевидна в регионах преобладающего проживания той или иной общины по внешним признакам (фотографии партийных лидеров, флаги и другая символика). Если в Западном Бейруте (регион преобладающего проживания суннитов) в изобилии фотографии отца и сына Харири, то в восточной христианской части столицы повсеместная символика свидетельствует о поддержке христианских партий (главным образом «Катаиб», Ливанские силы и Свободное патриотическое движение). На юге Бейрута, в шиитских районах, очевидны симпатии партиям «Хезболла» и АМАЛЬ. Аналогичное соответствие партийной символики конфессиональным ареалам проживания заметно и в других регионах страны – христианское Бшарре и близлежащие деревни лояльны ЛС; шиитский Баальбек лоялен «Хезболле»; главным образом шиитский Тир поддерживает «Хезболлу» и АМАЛЬ, христианский Захле разделен между ЛС, «Катаиб» и СПД.

Политический аппарат конфессиональной общины, который представляет собой ливанская партия, видит свою цель в осуществлении своего наиболее полного единения с общиной, в формировании с ней однородного блока. При этом аппарат рассчитывает занять положение руководителя общины, выступающего от ее имени и выражающего ее интересы. Этот процесс, продолжающийся в Ливане с обретения страной независимости, привел к кристаллизации конфессиональной политико-социальной структуры общества¹¹⁵.

Для достижения и сохранения единения с конфессиональной базой партии используют обширный набор инструментов, отчасти схожих с теми средствами, которые используют внешние силы для поддержки своих ливанских подопечных. В первую очередь здесь необходимо отметить многообразие материальных рычагов. Конфессиональные организации компенсируют слабость ливанского государства, предоставляя необходимые услуги и помощь своей общине. Содержание этих услуг и помощи разнообразно – прямая материальная помощь в денежной и натуральной формах (продукты питания), школьное образование (частные школы), стипендии на обучение, создание рабочих мест (в отрядах самообороны, партийных структурах или на «конфессиональных» предприятиях)¹¹⁶. Эти услуги и помощь предполагают ответную лояльность большинства членов общины (особенно наиболее бедных, т.е. зависимых от помощи), их готовность к различным формам поддержки «своей» конфессиональной партии.

Наглядным примером прочной взаимосвязи между конфессиональной общиной и политической партией служат отношения шиитов и «Хезболлы»¹¹⁷. В результате различных форм обработки шииты неизбежно оказыва-

ются под «зонтиком» «Хезболлы», который обеспечивает защиту и помощь, дает работу. Однако взамен партия получает лояльность, принимающую самые разнообразные формы – от голосования на выборах до поступления на службу в боевые формирования. В случае «Хезболлы» стоит добавить, что эта партия действительно сформировала в ряде шиитских регионов (в частности, на юге страны и в шиитских анклавах долины Бекаа) параллельную военную и гражданскую администрацию, которая сосуществует с ливанскими государственными и муниципальными службами. Учитывая вес «Хезболлы», ее популярность в этих регионах, высокую организованность и обладание оружием, ливанские государственные структуры даже при желании не могли бы упразднить ее фактически установившуюся власть.

Слабое развитие национальной экономики и в первую очередь ее производственных секторов также способствует кристаллизации конфессиональной структуры ливанского общества. Укоренение бедности в ряде ливанских регионов (в триполийской агломерации, Аккаре, Хермеле, некоторых районах долины Бекаа и на юге страны) в результате дефицита рабочих мест и низких зарплат обуславливает уязвимость населения перед целым арсеналом механизмов обработки состоятельных партий – прежде всего «Хезболлы» и Движения будущего¹¹⁸.

Конфессиональный фактор нередко играет ключевую роль при формировании патронажно-клиентских связей в политике и экономике. Патронажно-клиентские связи (они не опираются исключительно на конфессионализм, но содержат его большую дозу) важны при назначении на хорошие и престижные должности¹¹⁹. Распределение крупных государственных заказов среди определенных предприятий и завышенные цены реализации этих заказов служат эффективными инструментами формирования своих цепочек клиентов, во главе которых стоят лидеры политических надстроек конфессиональных общин¹²⁰. В ряде случаев подобные цепочки формируются в результате искусственного создания (при пособничестве высокопоставленного чиновника) монополии на доходных рынках¹²¹ или иных форм коррупции (вездесущей в Ливане)¹²². Начиная с этих крупных махинаций и заканчивая наймом на работу даже на простые должности, решения в значительной мере определяются конфессиональной солидарностью¹²³.

Наряду с материальными инструментами, ливанские партии активно используют социально значимые символы с целью мобилизации социальной базы и повышения привлекательности своих программно-идеологических установок. Социальная база подвергается обработке по самым разнообразным каналам – через политические митинги, СМИ, школьное образование и эмоционально окрашенные церемонии. Улицы и стены превращаются в рупоры пропаганды¹²⁴.

Чаще всего, безусловно, используются символы, связанные с религией, в силу ее значения для самосознания верующих, а также ввиду конфессионального характера партий. Когда партийный аппарат и социальная база партии, как правило, формируются из членов одной религиозной общины, и партия выступает от имени этой конфессии, религиозные догмы и символика являются превосходными инструментами укоренения нужных стереотипов мышления и норм поведения (рис. 2).

Рис. 2. Политика и религия неразрывно связаны в Ливане: политическая «икона» с изображением лидера христианской партии «Марада» Сулеймана Франжье, (г. Згорта)

Христианский крест, наряду с другой христианской символикой, занимает видное место в идеологических материалах Ливанских сил. Эта партия использует особый красный крест с диагональным срезом снизу, который символизирует (помимо классической в христианстве дани памяти Иисусу) мученичество и славу (красный цвет), страдание христиан на протяжении истории, сильную волю ливанских христиан и их готовность бороться за сохранение христианства в этой стране (диагональный срез, обозначающий укоренение на ливанской земле)¹²⁵(рис. 3).

Аналогичным образом христианские партии (ЛС, «Катаиб», Национальный блок, Национально-либеральная партия) используют в своей символике кедр в качестве атрибута самобытной и неповторимой идентичности

Ливана. В этом контексте ливанская самобытность означает социокультурный плюрализм и независимость страны от чрезмерного «восточного» (сирийско-иранского) влияния. И залогом этой независимости служит сохранение сильного христианского элемента.

Символическое значение также имеют развешанные на контролируемой «Хезболлой» территории фотографии погибших бойцов, которые рассматриваются этой партией как шахиды (мученики, пожертвовавшие собой за веру). Подчеркивая посмертно роль этих людей, партия стремится повысить статус антиизраильской борьбы, как и свое собственное значение. Таким образом «Хезболла» осваивает подконтрольную территорию, превращая эти фотографии в социально важный знак (рис. 4).

Религиозные лидеры различных общин принимают активное участие в политике, влияя тем самым на формирование политической лояльности

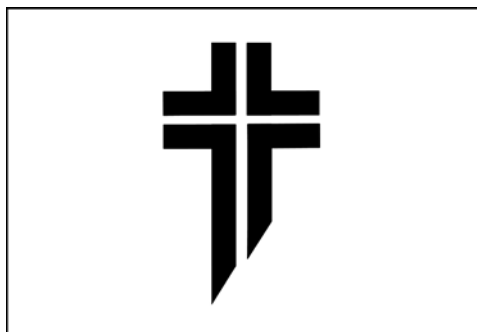

Рис. 3. Крест Ливанских сил

Рис. 4. Эффективное освоение пространства «Хезболлой»: фотографии погибших бойцов партии. В некоторых случаях шахиды изображаются с лидерами «Хезболлы» или символами борьбы, например Мечеть Скалы в Иерусалиме

верующих. Бывший маронитский патриарх Насралла Бутрос Сфейр (в феврале 2011 г. он по собственному желанию покинул этот пост, который занял епископ Бишара Бутрос Раи) играл очевидную и значительную роль в ливанской политике. Поддерживая «14 марта», он регулярно комментировал различные аспекты ливанской политики (например, избирательное законодательство или позиции тех или иных политиков), а также участвовал в переговорах по политическим вопросам. В Вашингтоне и Париже его принимали как представителя маронитской общины (признавая его способность влиять на настроения этой общины, в том числе и по политическим вопросам)¹²⁶.

Суннитские и шиитские религиозные лидеры также выходят за пределы строго религиозных вопросов, вмешиваясь в область политики. Комментируя внутривнутриполитический кризис, суннитский муфтий Ливана Мухаммед Рашид Каббани в своих выступлениях и проповедях неоднократно выражал поддержку антисирийскому правительству Ф. Синьоры¹²⁷. Тем временем заместитель главы Высшего исламского шиитского совета Абд аль-Амир Кабалан в своих выступлениях и проповедях, напротив, оправдывает позицию «8 марта»¹²⁸. Таким образом, если партии и политики, выражая интересы той или иной общины, конфессионализируют политику, то религиозные лидеры, вмешиваясь в политическую сферу, политизируют религию. Оба эти процесса дополняют друг друга и усиливают кристаллизацию конфессиональной социальной структуры.

В ливанском конфликте религия не должна рассматриваться с точки зрения ее содержания (ценностей и основных тезисов) – соперничество полити-

Рис. 5. Зал заседаний отделения Ливанских сил в г. Захле. Распятие «господствует» в «храме» политики

ческих блоков и конфессионализованных партий строится не вокруг теологических вопросов. Религия играет роль маркера, который отделяет своих от чужих в мировоззрении ливанца, помещенного в конфессиональную матрицу. В дискурсе партий религия инструментализируется для укрепления сплоченности и мобилизации общины (рис. 5). В современном контексте напряженного кризиса партийный дискурс нацелен на умышленное обострение страхов социальной базы¹²⁹. Цель подобной риторики состоит в консолидации социальной базы ради поддержки лидера, вождя общины, который искусно смешивает интересы конфессии со своими личными задачами.

В ливанском случае конфессионализм «сверху», на уровне элит и политической культуры, гармонично дополняется конфессионализмом «снизу» – на уровне основной массы ливанцев. В этой стране нет оснований говорить о существовании общей ливанской идентичности. Все ливанские идентичности самобытны, но отличаются одна от другой. Конфессиональные сообщества представляют собой жесткую матрицу, формирующую не только политические партии и государственные институты, но и определяющую в значительной мере самосознание ливанцев, их политическое и социальное поведение¹³⁰.

Особенности социального мировоззрения в силу специфики самого явления не поддаются однозначному объяснению через перечисление логичных и обоснованных причин. Это явление можно констатировать и с определенным успехом описать, но гораздо труднее объяснить. Укорененность конфессионального мировоззрения у ливанцев подтверждается результатами социологических опросов. Согласно социологическому опросу, проведенному в августе–сентябре 2000 г., только 29,8% опрошенных ливанцев лояльны ливанской нации, тогда как 63,2% респондентов лояльны своей конфессиональной общине¹³¹. Аналогичная конфессионализация характерна и для школьной среды. Опрос, проведенный в апреле–мае 2006 г. среди школьников 12–18 лет, показал, что большинство из них (61,3%) имеют лучшего друга из той же самой общины, что и сам респондент. У 23% опрошенных школьников лучший друг принадлежит к той же религии, но к другой общине. И только 13,6% школьников имеют лучшего друга, исповедующего другую религию (2,1% затруднились ответить). Однако лишь 19,9% школьников считают, что религия является важным фактором при выборе друзей (78,4% полагают, что религия не влияет на их выбор друзей). Вместе с тем по мере взросления ливанцев их конфессиональность усиливается – 45,6% студентов считают, что религиозные соображения не влияют на их выбор друзей, 40% признают такое влияние, и 10,5% считают религию важным фактором, определяющим выбор друзей¹³².

Конфессиональное мировоззрение частично объясняется социальными привычками и укладом жизни ливанцев. Они проживают в относительно гомогенных конфессиональных анклавах. Жизнь многих ливанцев (особенно в сельской местности) проходит с редкими выездами за пределы своего региона¹³³. Подобная ситуация, не способствуя сближению представителей разных сообществ и формированию общеливанского национального самосознания, обуславливает сохранение конфессионализма на социальном уровне.

Взаимосвязь человека с политической надстройкой его общины, как правило, формируется с детства. Родившись в регионе господства той или иной

партии, он испытывает влияние широкого круга механизмов работы с населением, используемых этой партией. Симпатии и поддержка ливанца (по личным убеждениям) по отношению к партии, противостоящей той партии, которая господствует в регионе его проживания, практически невозможна. В наэлектризованной атмосфере противоречий и недоверия подобные убеждения индивида (против мейнстрима его окружения) даже содержат серьезные риски личной безопасности¹³⁴.

Тем не менее практика жизни синтезирует субъективное желание и давление обстоятельств – в поддержке ливанца партии сочетаются как добровольное начало, связанное с его субъективным мировосприятием, потребностью самоидентификации и естественным стремлением обрести опору в нестабильной среде, так и принудительный фактор. Экономическая зависимость от партийных структур, потребность в безопасности и условия социализации (школьное и последующее образование, отправление культа, участие в социальной жизни и поддержание нормальных отношений с окружением) вынуждают индивида на поддержку партии, доминирующей в регионе его проживания. В силу этих социальных особенностей, называя политическую систему Ливана конфессиональной, необходимо добавить, что эта система адекватна взглядам большинства граждан страны.

Парламентские выборы 2009 г. подтвердили конфессиональную основу ливанских партий. Практически полный контроль «Хезболлы» и АМАЛЬ над шиитским электоратом способствовал получению этими партиями соответственно 12 и 13 депутатских мандатов (по 11 шиитов в каждой фракции). Благодаря эффективной мобилизации шиитов этими партиями для голосования за христианских кандидатов СПД смогла победить в округах Жубейла (3 депутата), Баабды (6 депутатов) и Баальбека (1 депутат)¹³⁵. Как и раньше, на выборах победили кандидаты от конфессиональных партий, не было победителей с общенациональной идеологией, претендующей на объединение ливанцев вне зависимости от религиозной принадлежности вокруг определенных идей или принципов. Голосование определялось в значительной мере фактом принадлежности к общине и наставлениями религиозных лидеров¹³⁶.

Обстановка нестабильности и возрастающих рисков, включая риск новой гражданской войны, обуславливает обострение чувства принадлежности к конфессиональной общине, которая в подобных условиях становится удобным «убежищем», предоставляющим индивиду безусловную защиту от непредсказуемых опасностей. По распространенному в Ливане убеждению, в случае обострения обстановки не государство и армия, а именно община, ее политический аппарат и боевые формирования смогут обеспечить индивиду наиболее эффективную и действенную защиту¹³⁷. По этой причине эскалация напряженности с 2005 г., наряду с вышеперечисленными факторами, способствовала поляризации ливанских общин¹³⁸.

Вместе с тем необходимо учитывать относительность разделения ливанских политических лагерей по конфессиональному признаку. Общество разделено на конфессиональные сегменты, которые не являются абсолютно герметичными (даже на политическом уровне). Это разделение существует лишь в определенной степени, ибо ливанская социальная действительность не лишена элементов смешения индивидов, групп и социальных феноменов.

И утверждение об однозначном представительстве противоборствующих политических сторон гомогенными конфессиональными сообществами (например, сунниты против шиитов), безусловно, упрощает реальную ситуацию. Подтверждением этой оценки служит наличие депутатов парламента из «нетитульных» конфессий в составе ряда партийных фракций. Так, парламентская фракция суннитского Движения будущего (39 депутатов) в нынешнем созыве Национального собрания включает 2 маронитов, 7 православных, 3 грекокатоликов, 2 шиитов, 1 друза, 2 алавитов, представителей иных конфессий и только 16 суннитов. Парламентская фракция друзской ПСП (11 депутатов) включает 3 маронитов, 1 православного, 1 католика, 2 суннитов и только 4 друзов¹³⁹. Подобное смешение конфессиональных элементов наблюдается и на социальном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный ливанский конфликт отличается многоплановостью и сложной зависимостью внутренних и внешних факторов, ни один из которых не выделяется в качестве ключевого. Позиция «14 марта» («Ливан прежде всего»), несмотря на определенную опору на США, Саудовскую Аравию, Францию и ряд других стран, выглядит все же более обоснованной с точки зрения ливанских национальных интересов и сохранения ливанской государственности, нежели позиция «8 марта», предполагающая (наряду с другими программными установками) инструментализацию страны, исходя из политики Сирии и Ирана в регионе.

Особенности ливанской политической системы и политической культуры, в которых развивается конфликт, существенно осложняют его. Ливанская политика контролируется несколькими конфессиональными «олигархами», которые разделились на две коалиции. Речь идет в первую очередь об известных лидерах ливанских партий – В. Джумблате, С. Харири, М. Ауне, Н. Берри, Х. Насралле, С. Джаджа и А. Жмайеле. В действиях каждого «олигарха» сочетаются в разных пропорциях как заинтересованность в собственном политическом выживании, получении большей доли власти (дающей доступ к политическим и экономическим ресурсам), так и забота об укреплении позиций своей конфессиональной общины.

Неотъемлемыми элементами политической культуры также выступают конфессионализм и слабость государства, проявляющаяся в том числе в таких принципиальных областях, как оборона, внешняя политика и образование. Сохранение конфессионализма в политике и в общественных отношениях препятствует формированию современного государства-нации, построенного на общей национальной идентичности, а также на более или менее широко разделяемой в обществе лояльности этому государству.

Продолжительная (в течение нескольких десятилетий) и успешная деятельность конфессиональных партий привела к формированию мощных внутриливанских структур (партийные надстройки стоят во главе разветвленных сетей политического, экономического, социального и гуманитарного действия) с многочисленным аппаратом сотрудников и лояльной социальной базой. Слаженная деятельность этих структур, их достаточно высокая

эффективность (особенно в период кризиса и ослабления государственного аппарата) обуславливают невозможность их серьезного изменения без фундаментальной трансформации причин и факторов, лежавших в основе их формирования.

Отчасти вследствие этих обстоятельств конфессии представляют собой достаточно жесткие матрицы, в которых воспроизводится жизнь ливанцев. Именно конфессиональные школы и воспитание, интерпретация истории и современности, регион проживания и квоты в политике, обычаи и законы (личный статут), духовенство и религиозный дискурс, а также каналы трудоустройства, поддержки (материальная помощь, социальные услуги) и повседневный уклад жизни в значительной мере определяют социализацию индивида в ливанском обществе. Находясь под давлением этих факторов и обстоятельств, он часто сохраняет конфессиональное самосознание, испытывая недоверие к другим религиозным общинам и болезненно воспринимая укрепление их положения.

Парадокс ливанской политики состоит в том, что конфессионализм и слабость государства находятся во взаимоукрепляющем отношении. С одной стороны, политический конфессионализм создает многолетний стабильный дуализм власти, который предполагает перераспределение части властных полномочий от государственных органов в пользу управленческих надстроек религиозных общин (партий и связанных с ними организаций, религиозных авторитетов). С другой стороны, хроническая слабость ливанского государства лишь способствует укреплению управленческих надстроек как наиболее мощных и активных альтернативных центров власти. Опираясь на собственные ресурсы и внешнюю поддержку, они заполняют вакуум, оставляемый аморфным государством.

Острая политическая борьба между блоками (с эпизодическими вооруженными столкновениями), достаточно свободная агитация и обработка социальной базы (от идейной до материальной) обуславливают невозможность преодоления конфессионализма в силу укоренения недоверия, страха и антагонизма (который проявляется с особой ясностью, когда дело доходит до серьезных вопросов). Закосневшая конфессиональная система парализует ливанскую политику и, безусловно, должна рассматриваться в качестве серьезного фактора, осложняющего конфликт.

В силу этих обстоятельств политический по сути конфликт содержит конфессиональные оттенки. Однако представление конфликта в виде противостояния религиозных общин или «столкновения цивилизаций», безусловно, не отражает гораздо более сложную и многогранную реальность.

Еще одним фактором, осложняющим ливанский конфликт, служит колоссальное влияние внешних сил на события внутри страны. За обеими ливанскими коалициями стоят мощные внешние акторы, ведущие противоборство, масштаб которого выходит далеко за границы Ливана. В упрощенном и схематичном виде речь идет о конфликте между США и стоящим за ними международным сообществом, с одной стороны, и Ираном и Сирией, с другой. Ливан представляет для этих государств одно из нескольких пространств, на которых разворачивается их глобальный конфликт. Значительная поддержка внешними силами своих ливанских партнеров, усиливая недоверие между ливанцами, укрепляет межобщинные перегородки. В этой связи не лише-

ны основания взаимные упреки ливанцев, наделяющих друг друга оскорбительными ярлыками – «прозападный маронит», «просаудовский суннит» или «проиранский шиит».

Учитывая столь ощутимое влияние внешних факторов на ливанские события и переплетение интересов таких государств, как Иран, Сирия, Израиль, США, Франция, Саудовская Аравия, едва ли можно представить окончательную нормализацию ливанской политики без решения палестинской проблемы. Напряженность, сохраняющаяся вокруг Израиля (здесь имеются в виду прежде всего сирийско-израильские и ирано-израильские противоречия, отношение к Израилю Палестинской национальной администрации, ФАТХа и ХАМАСа, а также проблема палестинских беженцев), безусловно, оказывает на Ливан дестабилизирующее влияние.

Перспективы урегулирования ливанского конфликта находятся в тесной зависимости от устранения или смягчения влияния его внутренних и внешних факторов. Окончательное урегулирование неизбежно потребует двух необходимых условий – упразднения политического конфессионализма и сокращения внешних влияний. Упразднение политического конфессионализма предполагает комплекс реформ, включающих укрепление ливанского государства и повышение его роли в регулировании общественных процессов (государство должно вернуть себе все функции, выполняемые в настоящее время конфессиональными партиями и их внешними покровителями), реформу политической системы (прежде всего отмену закрепления должностей за конфессиями и конфессиональных квот в органах власти), проведение единой государственной политики образования (с целью постепенного укоренения общеливанской идентичности) и введение гражданского права во всех областях.

Ввиду утопичности выполнения перечисленных реформ с учетом социальной специфики Ливана и международной обстановки вероятным сценарием урегулирования конфликта между «14 марта» и «8 марта» представляется достижение определенного компромисса между наиболее сильными внешними акторами, участвующими в этом конфликте (США, Саудовская Аравия, Иран, Сирия). В этом случае компромисс внешних сил, как это уже неоднократно происходило, будет иметь более широкий, международный охват и несколько не связанных между собой аспектов (американо-сирийские и американо-иранские отношения, иранская ядерная программа, сирийско-израильский диалог, саудовско-сирийские и саудовско-иранские отношения и т.д.), одним из которых суждено стать ливанской проблеме.

¹ В начале 1990-х годов алавиты получили государственный статус 18-й ливанской общины. Численность ливанских алавитов – 37 876 человек, что составляет 0,82% населения страны (еще 5 тыс. алавитов получили ливанское гражданство по натурализации в 1994 г.). Получение государственного статуса обусловило включение представителей алавитов в систему парламентских и административных квот. Так, алавиты получили и с тех пор сохраняют два депутатских мандата и несколько руководящих должностей в органах исполнительной власти (см. *The Monthly*. № 64. November 2007, Beirut. P. 30).

² Тимофеев И.В. Камаль Джумблат. М., 2003. С. 76–77. *Beydoun A. La Dégénérescence du Liban ou la Réforme orphanine. Sud. 2009. P. 16–18.*

³ После Шестидневной войны 1967 г. палестинские боевики стали более активно проводить антиизраильские боевые операции с баз, созданных на иорданской территории. Однако

очень быстро активная деятельность палестинцев привела к ухудшению их отношений с иорданским режимом короля Хусейна в связи с тем, что ответные операции израильтян проводились по иорданским объектам. В этих условиях некоторые радикальные лидеры палестинцев (в частности, Жорж Хабаш) вынашивали планы по смещению иорданской правящей семьи и установлению новой власти в этой стране. Периодические стычки между иорданскими войсками и палестинскими боевиками переросли в полномасштабную войну в сентябре 1970 г. после угона палестинцами трех гражданских самолетов с пассажирами и их посадки в аэропорту г. Зарка на севере Иордании. Жестокие бои продолжались несколько дней и закончились поражением палестинцев. События вошли в историю под названием «Черный сентябрь». Организация освобождения Палестины вынуждена была в спешном порядке свернуть свою деятельность в Иордании (см.: *Gresh A., Vidal D. Les 100 clés du Proche-Orient*. P., 2006. P. 503).

⁴ Тимофеев И.В. Указ. соч. С. 292–297, 317–320.

⁵ Там же. С. 380.

⁶ *Gresh A., Vidal D. Op. cit.* P. 528–529.

⁷ Документальный фильм «Харб Любнан (Ливанская война)» / Al Jazeera Satellite Channel, 2004; Тимофеев И.В. Указ. соч. С. 380.

⁸ Свидетельства ливанских и палестинских лидеров и боевиков в документальном фильме «Харб Любнан (Ливанская война)»; Тимофеев И.В. Указ. соч. С. 362.

⁹ *Gresh A., Vidal D. Op. cit.* P. 527–528.

¹⁰ Здесь и далее Таифское соглашение используется по электронной версии на сайте: www.monde-diplomatique.fr/cahier/proche-orient/region-liban-taef-en

¹¹ *Beydoun A. Op. cit.* P. 16–18.

¹² *Ibid.* P. 31.

¹³ *Ibid.* P. 26, 32.

¹⁴ Во II Республике премьер-министр получил новые полномочия и стал по сути во главе исполнительной власти. Так, по новой конституции функции главы исполнительной власти перешли от президента к премьер-министру (статья 17). Премьер-министр отвечает за исполнение общей политики государства, разработанной его кабинетом (статья 64). Президент лишился права самостоятельно вести переговоры и подписывать международные соглашения (статья 52). Отныне для этого требуется согласие главы правительства. Президент лишился права самостоятельно назначать министров и главу кабинета. Для назначения премьер-министра президент должен провести обязательные консультации с депутатами парламента и его спикером (статья 53). Президент лишился права издавать подзаконные нормативные акты (статья 51). На практике коалиция, имеющая большинство в парламенте, выдвигает своего кандидата на должность главы правительства. Президент лишился права законодательной инициативы в пользу премьер-министра (право выдвижения законопроектов парламентом осталось неизменным) (статья 18). Здесь и далее конституция Ливана от 23.05.1926 с поправками используется по официальному сайту ливанского Национального собрания: www.lp.gov.lb/Version%20Francaise/constitution/menu.htm

¹⁵ *Encyclopédie Universelle Larousse*. 2008. Электронная энциклопедия, статья Liban.

¹⁶ *Traité de fraternité, de coopération et de coordination entre la République Libanaise et la République Arabe Syrienne*, le 22 mai 1991 (Здесь и далее договор используется по электронной версии на сайте: www.senat.fr/rap/r95-242/r95-2424.html).

¹⁷ После подписания Таифского соглашения в начале ноября 1989 г. Рене Муаввад был избран президентом Ливана, но вскоре был убит. Сразу после его убийства состоялось экстренное заседание парламента, на котором новым президентом 24 ноября 1989 г. был избран Ильяс Храуи.

¹⁸ *Kassir S. Au Liban, fragile domination syrienne* // *Le Monde diplomatique*. Mars 1991 (статья используется по электронной версии на компакт-диске издания с электронным архивом: *Le Monde diplomatique*. 1980–2000, 21 ans d'archives).

¹⁹ *Kassir S. Un pouvoir sans assise populaire. Coup de force institutionnel au Liban* // *Le Monde diplomatique*. Novembre 1995 (здесь и далее статья используется по электронной версии на компакт-диске издания с электронным архивом: *Le Monde diplomatique*. 1980–2000. 21 ans d'archives). В октябре 1994 г. (менее чем за два месяца до истечения полномочий И.Храуи) глава Сирийской военной разведки в Ливане бригадный генерал Гази Канаан на приеме в доме бывшего ливанского премьер-министра О. Караме заявил собравшимся там ливанским

политикам, что мандат Храуи будет продлен. Лондонская газета «Аль-Хаят» сравнила эффект от заявления Канаана с «холодным душем», после которого прием был прерван, а политики спешно разъехались по домам (см. *Blanford N. Killing Mr. Lebanon. The assassination of Rafik Hariri and its impact on the Middle East.* London, New York, 2009. P. 53).

²⁰ *Lacouture J., Tuéni G., Khoury G.D. Un siècle pour rien. Le Moyen-Orient arabe de l'Empire ottoman à l'Empire américain.* Albin Michel (Paris) & Dar an-Nahar (Beirut), 2004. P. 252.

²¹ *Blanford N.* Op. cit. P. 50.

²² *Kassir S. Calme dans la rue et dans les esprits. Croire à la paix dans le Liban normalisé // Le Monde diplomatique.* Novembre 1991 (статья используется по электронной версии на компакт-диске издания с электронным архивом: *Le Monde diplomatique, 1980–2000, 21 ans d'archives*).

²³ *Blanford N.* Op. cit. P. 60.

²⁴ АМАЛЬ – аббревиатура от *Афуадж аль-мукаувама аль-любнаний* (Полки ливанского сопротивления). Боевое крыло шиитского Движения обездоленных (*Харакат аль-махрумун*), созданное имамом Мусой Садром и Хусейном Хусейни в 1975 г. Главной задачей АМАЛЬ было увеличение влияния и представительства в органах государственной власти шиитской общины, недовольной концентрацией власти в руках маронитов. В течение гражданской войны АМАЛЬ активно поддерживался Сирией и боролся против палестинского присутствия в Ливане. После таинственного исчезновения М. Садра в Ливии в 1978 г. движение возглавил Х. Хусейни. В 1980 г. лидером АМАЛЬ стал Набих Берри, который возглавляет движение до сих пор. После окончания гражданской войны АМАЛЬ стал политической партией.

²⁵ Впоследствии партия была реформирована, и просирийская фракция потерпела полное поражение. В 2008 г. Амин Жмайель был избран председателем объединенной партии «Катаиб».

²⁶ Программы восстановления страны проводились прежде всего ливанскими правительствами под руководством Р. Харири (1992–1998, 2000–2004). Особое внимание уделялось масштабным инфраструктурным проектам, средства для которых привлекались благодаря займам ливанского государства (основными кредиторами выступали ливанские частные банки). Заимствования привели к колоссальному росту государственного долга. За период с 1992 г. по 1999 его объем возрос с 2 до 18 млрд долл., в 2003 г. долг составил 32 млрд долл., в конце 2000-х годов, по данным МВФ, объем долга почти в 1,5 раза превышал ВВП и составлял 51 млрд долл.

Основные средства правительство направляло на восстановление Бейрута (главным подрядчиком выступала компания «Солидер», основателем и совладельцем которой был Р. Харири). Привлеченные средства также шли на реализацию крупных проектов в финансовом секторе в ущерб развитию сельского хозяйства и промышленности (см.: *Charara W. Les raisons de la chute de la «maison Hariri».* Transition serene au Liban // *Le Monde diplomatique*, mai 1999 (статья используется по электронной версии на компакт-диске издания с электронным архивом: *Le Monde diplomatique. 1980–2000. 21 ans d'archives*). *Corm G. Le Liban contemporain. Histoire et société.* P., 2005. P. 236. Данные Международного валютного фонда приводятся с его официального сайта (Liban): www.imf.org/external/french/np/country/notes/lebanonf.htm. Réduction de la dette publique: les autorités décident, enfin, de se mobiliser // *L'Orient-le Jour*. 01.12.2010. Издание используется по электронной версии на сайте: www.lorientlejour.com/category/%C3%89conomie/article/680260/Reduction_de_la_dette_publique+%3A_les_autorites_decident%2C_enfin%2C_de_se_mobiliser.html

²⁷ *Blanford N.* Op. cit. P. 60–64.

²⁸ *Kassir S. Un pouvoir sans assise populaire...*

²⁹ *Blanford N.* Op. cit. P. 64. *Blanc P. De la tutelle à la coopération? La difficile transition des relations syro-libanaises.* В кн. *Où va le Liban? Confluences Méditerranée.* № 56. Hiver 2005–2006. P., Editions l'Harmattan. P. 57. *Favier A. Le Liban après le retrait syrien. La spirale de la crise dans le Liban libéré (2004–2006) // IFRI, Département Maghreb/Moyen Orient (MOM).* 30.06.2006. P. 1. (статья используется по электронной версии на сайте: www.ifri.org/files/Moyen_Orient/perps3.pdf).

³⁰ *Blanford N.* Op. cit. P. 57.

³¹ *Ахмедов В.М. Ливанская «Хезболла» как «центр силы» на Ближнем Востоке // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке: Сб. статей. М., 2001. (статья используется по электронной версии на сайте: www.middleeast.org.ua/research/livan.htm*

- ³² Charara W., da Silva M. Sur fond de tractations entre Israël et la Syrie. Résistance obstinée au Liban sud // Le Monde diplomatique. Novembre 1999 (статья используется по электронной версии на компакт-диске издания с электронным архивом: Le Monde diplomatique. 1980–2000. 21 ans d'archives).
- ³³ Голанские высоты имеют важное стратегическое значение (средняя высота около 1000 м, площадь 1800 кв.км.), поскольку находятся в непосредственной близости (около 60 км) от сирийской столицы Дамаска. С Голанских высот открывается хороший обзор Дамаска и его окрестностей. До 1967 г. Сирия использовала эту возвышенность для обстрела севера Израиля. Контролируя Голанские высоты, Израиль следит за любыми передвижениями сирийской армии в приграничном районе. Высоты также важны в силу того, что здесь находится природный резервуар водных ресурсов. Дождевая вода, спускаясь с высот, наполняет р. Иордан. По разным оценкам, до трети потребляемой в Израиле воды поступает с Голанских высот.
- ³⁴ Цит. по: Ахмедов В.М. Указ. соч.
- ³⁵ Picard E. Élections libanaises: un peu d'air a circulé... Critique internationale. № 1. 2001 (№ 10), P., P. 27–28 (статья используется по электронной версии на сайте: www.cairn.info/revue-critique-internationale-2001-1-page-21.htm).
- ³⁶ Vulin V. Le Hezbollah à la croisée des chemins // Le Liban, de problèmes en crise. Confluences Méditerranée. № 70. Eté 2009. P., P. 36.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Фермы Шебаа – спорная территория площадью около 27 кв. км, расположенная между Ливаном, Сирией и Израилем. Изначально спор о статусе этой территории шел только между Ливаном и Сирией одновременно с дискуссией по вопросу, являются ли Сирия и Ливан единой страной. Фермы Шебаа были захвачены Израилем в ходе Шестидневной войны 1967 г. и до сих пор остаются под его контролем. Интерес Израиля к фермам Шебаа связан с наличием военного пункта раннего оповещения (на высоте 2814 м), а также с водными ресурсами, которые берут начало в этом регионе.
- Кфаршуба – деревня, расположенная на юге Ливана на территории, граничащей с Израилем, Голанскими высотами и фермами Шебаа. Кфаршуба и прилегающие к деревне холмы, общей площадью около 37 кв. км, так же как и фермы Шебаа, остались под израильским контролем после вывода израильских войск с юга Ливана в 2000 г.
- ³⁹ Интервью с директором исследовательского центра «Хезболлы» и депутатом от этой партии Али Фаядом в статье: Vulin V. Op. cit. P. 42.
- ⁴⁰ Резолюция СБ ООН № 1701 (2006) от 11 августа 2006 г. Текст резолюции приводится на официальном сайте ООН: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/465/03/PDF/N0646503.pdf?OpenElement>
- ⁴¹ В качестве примера одной из первых попыток объединения христианских политиков, недовольных действиями Сирии в Ливане, можно привести создание во второй половине 1990-х годов в Париже Трехстороннего фронта (антисирийского). Его основали находившиеся в эмиграции во Франции М. Аун и А. Жмайель, к которым присоединился лидер христианской Национально-либеральной партии Дори Шамун. Это объединение было поддержано лидером небольшой христианской партии Национальный блок Раймоном Эдде, находившимся во Франции в добровольной ссылке с 1977 г.
- ⁴² Kassir S. Injustices et instabilités menacent le retour à la paix. Désordre établi au Liban // Le Monde diplomatique. Février 1997 (статья используется по электронной версии на компакт-диске издания с электронным архивом: Le Monde diplomatique. 1980–2000. 21 ans d'archives); Picard E. Op. cit. P. 23.
- ⁴³ Kassir S. Un pouvoir sans assise populaire...
- ⁴⁴ Syria Accountability and Lebanese Sovereignty Restoration Act of 2003. Public law 108–175, 108th Congress, 12.12.2003. Закон используется по электронной версии на сайте: www.coherentbabble.com/PublicLaws/HR1828PL108-175.pdf
- ⁴⁵ Известное выражение Башара Асада «я – это Лахуд, а Лахуд – это я» хорошо иллюстрирует характер отношений, сложившихся не только между президентами, но и в целом между Сирией и Ливаном (см.: Blanford N. Op. cit. P. 100).
- ⁴⁶ Резолюция СБ ООН была принята 2 сентября 2004 г. (9 голосов «за», 6 воздержались).
- ⁴⁷ Резолюция СБ ООН № 1559 (2004) от 2 сентября 2004 г. (текст резолюции приводится на официальном сайте ООН: <http://daccess-ods.un.org/TMP/1171654.html>).

- ⁴⁸ *Blanford N.* Op. cit. P. 54.
- ⁴⁹ Название политической партии «Марада» взято от наименования древней народности, расселившейся на Ближнем Востоке и в Месопотамии более двух тысячелетий до нашей эры.
- ⁵⁰ *Blanford N.* Op. cit. P. 54.
- ⁵¹ Bristol Declaration, 18 December 2004. Текст декларации опубликован на сайте: (www.lebanonwire.com/0412/04121801bristol_declaration.asp).
- ⁵² *Blanford N.* Op. cit. P. 55–56.
- ⁵³ Площадь мучеников названа в честь борцов за независимость от Османской империи, которые были повешены османскими властями в 1915 г. В центре площади возвышается памятник ливанским патриотам.
- ⁵⁴ *Favier A.* Op. cit. P. 3.
- ⁵⁵ Выступление Х. Насраллы 8 марта 2005 г. на площади Риада Сольха (электронная версия выступления опубликована на сайте: www.cggl.org/scripts/document.asp?id=46225
- ⁵⁶ *Blanford N.* Op. cit. P. 160.
- ⁵⁷ *Favier A.* Op. cit. P. 3.
- ⁵⁸ Данные приводятся с информационного портала «Europe politique»: www.europe-politique.eu/elections-liban-2005.htm
- ⁵⁹ В частности, руководитель отделения христианской партии «Марада» («8 марта») в г. Жубейл Ибрагим Насиф согласился с утверждением, что коалиция «8 марта» находится под влиянием Сирии и Ирана (запись беседы с Ибрагимом Насифом, Жубейл, 29.10.2010 – Личный архив авторов).
- ⁶⁰ Учитывая серьезность обвинений кого бы то ни было в столь громком политическом убийстве и политизированность расследования, позиция «14 марта» варьируется от обвинения Сирии до общих заявлений о необходимости торжества правосудия и наказания виновных.
- ⁶¹ *Юрченко В.П.* Некоторые предварительные оценки военных действий в Ливане (статья опубликована на сайте Института Ближнего Востока: www.iimes.ru/rus/stat/2006/22-08-06a.htm).
- ⁶² *The Monthly.* № 64. November 2007, Beirut. P. 15.
- ⁶³ Подобные заявления периодически делаются представителями различных партий, входящих в «14 марта». В частности, об этой позиции Ливанских сил заявил в интервью с авторами начальник отдела по связям со СМИ ЛС Хани Сафи (запись беседы с Хани Сафи. Жубейл. 29.10.2010 – Личный архив авторов).
- ⁶⁴ Document d'Entente Mutuelle entre le Hezbollah et le Courant patriotique libre. Соглашение опубликовано на сайте: www.voltairenet.org/article143313.html
- ⁶⁵ Nasrallah: Entre la guerre et la reddition, il existe une troisième voie, la résistance // *L'Orient-le Jour*, 19.09.2009. (здесь и далее статья используется по электронной версии на сайте издания: www.lorientlejour.com/category/Liban/article/631852/Nasrallah+%3A_Entre_la_guerre_et_la_reddition%2C_il_existe_une_troisieme_voie%2C_la_resistance.html).
- ⁶⁶ *Tercinet J.* Liban. Conseil de Sécurité et souveraineté // *Le Liban, de problèmes en crise.* P. 131.
- ⁶⁷ В частности, руководитель отделения христианской партии «Марада» в г. Жубейл Ибрагим Насиф заявил, что его партия выступает только за региональное урегулирование. Согласно позиции «Марада» урегулирование ливано-израильских отношений невозможно без учета интересов Сирии (запись беседы с Ибрагимом Насифом. Жубейл. 29.10.2010 – Личный архив авторов).
- ⁶⁸ Опрос проведен организацией «Information International» и опубликован в: *The Monthly.* № 64. November 2007, Beirut. P. 12.
- ⁶⁹ *El Ezzi G.* Le Liban, de problèmes en crise // *Le Liban, de problèmes en crise.* P. 15.
- ⁷⁰ Резолюция СБ ООН № 1757 (2007) от 30 мая 2007 г. (здесь и далее резолюция используется по электронной версии на официальном сайте ООН: www.un.org/russian/documen/scresol/res2007/res1757.htm).
- ⁷¹ Hariri: «C'est la fin de l'impunité» // *Le Journal du Dimanche.* 01.03.2009 (статья используется по электронной версии на сайте: www.lejdd.fr/cmc/international/200909/hariri-c-est-la-fin-de-l-impunite_191031.html).
- ⁷² В частности: *L'Orient-Le Jour.* 12.11.2007 и 15.11.2007.
- ⁷³ Согласно параграфу 5 статьи 65 ливанской конституции законный кворум для проведения заседаний совета министров составляет две трети его членов. Решения принимаются на основе компромисса или, при отсутствии компромисса, голосованием. В этом случае решения

Открытые вооруженные конфликты

Г.Г. Косач

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА, МИФЫ АРАБИЗМА И СИОНИЗМА, СОВРЕМЕННОСТЬ

Ближний Восток – расположенные в Западной Азии и в Северной Африке (в арабском историко-политическом дискурсе, соответственно, *Маширик* и *Магриб*) арабские страны, включая оба региона Палестинской Национальной Администрации (ПНА) – Западный берег реки Иордан и сектор Газа, объединенные членством в созданной в 1945 г. Лиги арабских государств – ЛАГ, и Израиль. Расположенные в пределах этого региона государства – итог происходивших в нем в XX столетии политических трансформаций.

К моменту окончания Первой мировой войны находившиеся в Западной Азии «арабские» *вилайеты* Османской империи были оккупированы вооруженными силами Великобритании при поддержке хиджазских *хашимитов*. Инициированное Парижской мирной конференцией (1919–1920) урегулирование отношений между державами-победительницами и Портой (Севрский договор 1920) лишило потерпевшую поражение страну ее владений, переданных решениями конференции в Сан-Ремо (1920 г.) под мандатное управление Великобритании и Франции. Европейская экспансия в пределы Западной Азии (ей предшествовало идентичное развитие событий в Северной Африке) создала пространство Ближнего Востока и ввела его в эпоху современности.

Важнейший эпизод этой истории – арабо-израильский конфликт, формальное начало которому было положено его первым вооруженным раундом – Палестинской войной (в израильском дискурсе *Войной за независимость*) 1948–1949 гг. Участниками этой его фазы стали, с одной стороны, появившийся на карте мира Израиль, с другой, обретшие (или сохранившие) независимость члены ЛАГ – Египет, Ирак, Ливан, Сирия, Трансиордания/Иордания, Йемен и Саудовская Аравия.

Палестинская война – формальное начало ближневосточного противостояния в силу по меньшей мере двух причин. Оно, во-первых, скрывало его раннюю стадию – порой подспудный, а порой взрывающийся кровавыми волнениями конфликт между *ишувом*¹ и арабо-палестинским сообществом. Конфликт на Ближнем Востоке разделялся на два качественно различных

этапа – внутривосточный (эпоха 1920–1940-х годов) и межгосударственный (после 1948 г.). Если действующими лицами первого были два складывавшихся этнических сообщества – арабо-палестинское и еврейско-палестинское, то второго – государства региона. Число участников конфликта расширялось – обретая независимость и вступая в ЛАГ, арабские государства становились противниками Израиля.

Обоим этапам ближневосточного конфликта предшествовала, во-вторых, предварявшая их фаза, связанная с выдвиганием в начале XX столетия арабскими националистами *исторической Сирии*² лозунга сепарации от Османской империи в эпоху, когда сионистское движение начинало освоение территории, бывшей для его приверженцев «исторической родиной еврейства». Выработанные «арабо-сирийскими» сторонниками «национального дела» взгляды (в дальнейшем корректировавшиеся их арабо-палестинскими последователями) об этнической однородности «арабского отечества» провозглашали его частью те административные единицы империи, которые сионисты (определяя это пространство в соответствии с библейскими представлениями) называли *Эрец-Исраэль*, и отрицая узы, связывающие евреев и *Палестину*.

Приближенный же к современности этап эволюции ближневосточного конфликта демонстрировал восстановление роли палестинского фактора в общем потоке его участников. После июньской войны 1967 г. Организация освобождения Палестины – ООП стала игроком на политическом поле Ближнего Востока. Возникновение в 1993 г. ПНА придало конфликту многогранное палестино-израильское измерение.

ГОСУДАРСТВО, ЭТНИЧНОСТЬ, ЭЛИТЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Становление «национальных» территорий ближневосточных государств лишь в малой степени итог происходивших в пределах их границ внутренних процессов. В Западной Азии эти территории возникали вследствие проводившейся в 1920-е годы демаркации зон господства держав антиосманской коалиции – Великобритании и Франции, в Северной Африке – из европейских протекторатов или располагавшихся на южном побережье Средиземного моря административных единиц Франции, Италии и Испании.

Ни одно из государств Ближнего Востока (как арабские страны, так и Израиль), обретая в основном после Второй мировой войны политическую самостоятельность, не претендовало на расширение своих «национальных» пределов, преступая границы тех территорий, которые были созданы их прежними метрополиями. Спор, разделяющий Израиль и ПНА, ограничен пределами сконструированной Великобританией Палестины, израильско-сирийские претензии на Голанские высоты – продолжение франко-британских противоречий в связи с демаркацией зон господства обеих держав в Машрике.

Обстоятельства возникновения территориальных пространств ближневосточных государств создавали основу для появления в их границах множества внутренних разломов, – проводившаяся европейскими державами

демаркация зон регионального влияния определялась их собственными целями и задачами. В социальном, экономическом и политическом отношении будущие государства выглядели как конгломераты едва ли связанных между собой пространственных элементов. Населявшие же их человеческие сообщества разделялись преградами племенного, регионалистского и конфессионального (определяемого внутренним многообразием местного ислама и христианства) характера. Казавшиеся «арабскими» европейские ближневосточные владения были полиэтничны, – в их демографической структуре присутствовали порой значительные неарабские вкрапления.

Описывая социум возникавшего в 1920-е годы государства, иракский исследователь отмечал: «Говорить о том, что в то время существовало сплоченное национальное сообщество, которое в той или иной форме можно было бы квалифицировать как “иракское”, не представляется возможным. Мосул был устремлен в сторону Турции, Багдад – Ирана, Басра – в сторону Залива (Персидского. – Г.К.) и Индии. Жителей страны было принято называть “багдадцами”, “бассорцами” или “мосульцами”... Религиозные различия не содействовали сплочению общества. Традиционная вражда между регионами оседлого населения и сельскими, кочевническими регионами была частью повседневности»[□].

Эта картина может быть перенесена на любую другую арабскую страну или территориальную единицу. Ливанский историк писал: «Ливан в границах 1 сентября 1925 г. (дата провозглашения французскими мандатными властями *Государства Великий Ливан*, нынешней Ливанской республики. – Г.К.) ранее никогда не существовал. Он – следствие франко-британского колониального раздела Машрика. Ливан – образование, столь же искусственное, что и другие арабские страны, как и он, созданные в итоге этого раздела». Ливан был основан «вопреки протестам его мусульманского населения», а его ведущее христианское сообщество – марониты видели в нем «гарантию безопасности христиан в окружающем их арабо-мусульманском мире»⁴.

По словам палестино-американского автора, в начале XX в. не могло быть и речи об арабо-палестинском сообществе: «Анализируя экономические, социальные и культурные связи в ... Палестине османского времени, – писал он, – нельзя получить убедительный ответ на вопрос о том, существовала ли в Палестине нация в силу отсутствия людей, называвших себя “палестинцами”»⁵. Появившаяся в начале ноября 1917 г. Декларация Бальфура говорила о «нееврейских общинах Палестины (*non-Jewish Communities in Palestine*)»⁶. Расплывчатость использовавшегося ее авторами термина вытекала не из «просионистской» позиции Великобритании, а из того, что арабо-палестинское сообщество было далеко от того, чтобы видеть себя сплоченным этническим сообществом.

Элиты создававшихся европейскими державами территориально-административных единиц не были объединены социальной иерархией, а представляли собой враждующие семейно-клановые группировки. Говоря о «политике нотаблей (*politics of notables*)», историк Ближнего Востока замечал, что курс османских властей состоял в том, чтобы управлять обществом, опираясь на зависимость жителей аграрного *хинтерланда* от крупных земельных собственников (одновременно и коммерсантов). Ими были знатные семьи городских агломераций, игравшие роль посредников между централь-

ной властью и ее периферией⁷. Разрушая османскую административную систему, европейские державы содействовали конкуренции этих элит за завоевание благосклонности новой власти.

Арабо-палестинское сообщество (в отличие от его еврейско-палестинского аналога, уже располагавшего представлявшими его институтами) выглядело как классический пример такой ситуации. Управление Палестиной требовало от Великобритании создания признанной этим сообществом структуры, на которую могла бы опираться мандатная администрация. Возобновляя османскую «политику нотаблей», держава-мандатарий формировала его руководящие органы (пост иерусалимского муфтия, Высший исламский совет, Исполком Высшего арабского комитета), обращаясь к его значимым семьям и содействуя повышению статуса выходцев из Иерусалима – «столицы» Палестины, в первую очередь семьи Аль-Хусейни⁸. Поддержка мандатной администрации позволила Амину Аль-Хусейни стать муфтием Иерусалима и возглавить Высший исламский совет⁹. Получив пост главы Исполкома Высшего арабского комитета и сосредоточив в своих руках религиозную и светскую власть, А. Аль-Хусейни обрел черты арабо-палестинского лидера. Гегемония знати¹⁰ гарантировалась Великобританией, – новые страты сообщества возникли как итог его последующего развития под воздействием ишува¹¹.

Семья Аль-Хусейни не смогла, тем не менее, стать центральным звеном арабо-палестинского социума. Высший эшелон его элиты оставался биполярным (соперником семьи Аль-Хусейни выступал клан Ан-Нашашиби), либо демонстрировал тенденцию к дисперсности (клановые союзы Газы, Яффы/Яфо, Наблуса, Хеврона и других крупных городов). Появившиеся в середине 1920-х годов арабо-палестинские «партии» являлись союзами «нотаблей» этих городов и их аграрной периферии¹². Арабо-палестинские лидеры были неспособны прекратить продажу земель Еврейскому национальному фонду¹³. Конкуренция еврейского сектора палестинской экономики и исход арабских крестьян с земель, становившихся собственностью ишува, превращали их в городской люмпен-пролетариат.

«Вожди» теряли свою аграрную периферию. Ее уроженцев все более объединяли традиционные структуры, нацеленные на противостояние «евреям» и «поддерживающей» их Великобритании¹⁴. Эти структуры обретали лидеров – религиозных законоучителей, одним из которых был проповедник из Хайфы шейх Изз Ад-Дин Аль-Кассам (*шахид*, в ноябре 1935 г. погибший в стычке с полицией¹⁵). В годы восстания 1936–1939 гг. «низы общества» создавали отряды *Братьев Аль-Кассам* (члены которых носили крестьянско-бедуинские *куфши*¹⁶). К союзу с ними склонялась интеллигенция городов побережья¹⁷.

Ишув, казалось бы, должен был выглядеть иначе потому, что процесс его формирования был связан не с обстоятельствами регионального развития, а с положением еврейского этноса в Восточной и Центральной Европе. Говоря о причинах, вызвавших к жизни сионизм и иммиграционный поток в Палестину (в израильском дискурсе – *алия*), его историк подчеркивал: «Сионизм – реакция на антисемитизм. ... Политический сионизм ... мог бы никогда и не возникнуть, если бы не ... опасная ситуация, в которой оказались евреи Центральной и Восточной Европы во второй половине XIX в.»¹⁸.

Израильский левый политик высказывал похожую точку зрения: «Те немногие, – описывал он участников состоявшегося в 1897 г. в Базеле I конгресса Всемирной сионистской организации – ВСО, – никогда не были в Палестине. ... То, что они знали и от чего хотели уйти, было Восточной Европой с ее погромами, дискриминацией и ожиданием прихода еще больших катастроф»¹⁹. Риторика основоположников политического сионизма – Теодора Герцля и Льва Пинскера²⁰ (утверждавшая «вечность» антисемитизма) это подтверждала.

Решение задачи, выдвинутой Базельским конгрессом и направленной на «колонизацию Палестины еврейскими земледельцами, ремесленниками и промышленниками», заставляло ВСО ставить вопрос о «получении согласия держав, необходимого для достижения конечной цели сионизма»²¹. Декларация Бальфура (включенная в полученный Великобританией в 1922 г. мандат Лиги Наций²², но не признанная арабскими и арабо-палестинскими лидерами), выражала «сочувствие» ведущей мировой державы к сионистской деятельности²³. Израильский социолог замечал: «Палестина была ... колонией. Ее жители – арабо-палестинское большинство и растущее еврейское меньшинство не имели права определять политику и оказывали воздействие на колониальную державу – Великобританию ... торгуясь с ней или ее местными представителями»²⁴.

Относительная этническая однородность израильского общества (хотя и включающего немалую долю – около 20% арабов) не скрывала существующие в нем внутренние разломы. Историк сионизма замечал, что Израиль «называют “полностью вестернизированным”, “оплотом демократии и стабильности”». Но, продолжал он, это говорят, имея в виду «его еврейское население 1947–1948 гг., забывая, что последующие иммиграционные волны привели в страну сотни тысяч восточных евреев, образовательный уровень которых, а также чувство гражданской ответственности не выше, чем у среднего гражданина соседних стран». По его словам, Израиль – «полувестернизированное и полуотсталое» общество²⁵. Эмиграция из постсоветских стран еще более «сегментировала» его, углубляя его качество этнической и определяемой внутренним многообразием иудаизма мозаики. Обретение странами Ближнего Востока статуса политической самостоятельности ставило перед ними вопрос о преодолении гетерогенности их обществ не только для того, чтобы изжить отсутствие лояльности тех или иных групп населения, но и в интересах развития. Эпоха независимости арабских стран придала новые импульсы социальной мобильности, – преодоление этой гетерогенности предполагало появление фракции, способной стать центральным звеном социума и конструирующей его на основе своих представлений о путях, ведущих к его «прогрессу». *Ан-Накса – Крушение* – поражение арабских армий в ходе Палестинской войны (как и *Ан-Накба – Катастрофа* арабо-палестинского сообщества) стала фактором, содействовавшим этому. Развитие руководимых армейскими офицерами государств-соседей Израиля (Египта, Сирии, Ирака) оформлялось противостоянием *сионистскому образованию*, объявлявшемуся обреченным на ликвидацию.

Эволюционируя, идея арабизма отталкивалась от восприятия Израиля как прецедента этнорелигиозного партикуляризма в условиях, когда задача изживания гетерогенности арабских социумов приобретала самодовлеющий

характер. Конфликт с «сионистским образованием» оправдывал «социалистические» общественно-политические и хозяйственные начинания радикальных режимов, создававшихся разночинными уроженцами провинции, а порой и выходцами из этноконфессиональных меньшинств. Противостоя Израилю, эти режимы превращали возглавлявшиеся ими государства в «центры силы» арабского мира, «созидая» его антиссионистское «единство»²⁶.

На фоне своих арабских соседей Израиль вновь должен предстать как специфический феномен. Однако формировавшие ишув, начиная с последнего десятилетия XIX столетия и в течение 1920–1930-х годов, иммиграционные волны²⁷ не были равноценны с точки зрения их состава. Если первоначально они состояли из идейно ориентированной молодежи, то в дальнейшем состав этих волн менялся, испытывая зависимость от реалий положения евреев Восточной и Центральной Европы, отсутствия возможности эмиграции в иные страны, как и от иммиграционной политики мандатных властей.

Ишув возникал вне рамок традиционного еврейского общества «стран исхода», порывая с этим обществом, вступая в противоречивые отношения с палестинским ультраортодоксальным еврейством (но взаимодействуя с религиозными сионистами – *Мизрахи*, *Агудат Исраэль*²⁸) и отрицая «интернационализм» еврейско-палестинских коммунистов. Израильский автор замечала, что понятие «ишув» относилось к тем, кто стремился «к самоопределению» в «Палестине/Эрец-Исраэль», – «признаком принадлежности» к ишуву было участие в его «превращении ... из “национального очага” в строящееся государство», в «политической и культурной жизни» сообщества, в использовании иврита в качестве «языка повседневного общения»²⁹. Ишув формировался как объединявшееся конечной целью сионизма «переселенческое общество»³⁰. Его задача состояла во включении иммигрантов в процесс «самостоятельного», не связанного с арабами Палестины «национального строительства». На протяжении всего времени его существования ишув оставался количественно растущим меньшинством, – по результатам переписей 1922 и 1931 гг. евреи составляли, соответственно, 11% и 17% от общей численности населения Палестины, по оценочным подсчетам 1947 г. – 33% из ее почти двухмиллионного населения³¹.

Сформировавшаяся в России «палестинофильская» ветвь сионизма была непосредственно связана со страной своего происхождения. Она испытывала воздействие идейных доктрин (народничество, социал-демократия), бывших российской реальностью, эволюционируя и под воздействием европейских представлений об этничности. В 1902 г. теоретик «социалистического сионизма» Бер Борохов основал партию *Поалей-Цион – Рабочие Сиона*, секция которой в 1905 г. усилиями участников второй *алии* (включая будущего премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона) была создана в Палестине. Разночинная, происходившая из городов и местечек «черты оседлости» группа, видевшая в религии «национальную традицию»³², возглавив ишув, осуществляла «постепенное» и окрашенное в «социалистические» тона созидание «нации».

Движение в этом направлении требовало от тех, кто впоследствии составил политическую элиту Израиля, коррекции теоретических положений Б. Борохова, параметры которой, отталкиваясь от реалий внутripалестинской ситуации, включали отношение к арабо-палестинскому сообществу, пере-

ход к использованию иврита, как и вступление в ранее провозглашавшуюся «буржуазной» ВСО. Выдвинутые *поалей-ционистами* лозунги «завоевания земли (ее покупки и превращения в неотчуждаемую «собственность еврейского народа»)» и «завоевания труда (вытеснения дешевой и профессионально неорганизованной арабской рабочей силы с еврейских предприятий)» создавали базу для «обособления»³³ ишува. Лозунг «завоевания языка (превращение иврита в единственный инструмент коммуникации)» решал не столько задачу сплочения разноязыкой массы иммигрантов, сколько «воскрешал» прерванную в Палестине «суверенную еврейскую жизнь».

Иммиграция конца 1920-х годов (четвертая и пятая *алия*) привела в Палестину последователей Владимира (Зеева) Жаботинского, основателя оппозиционного «социалистическим» лидерам ишува «ревизионистского» течения. Как подчеркивала российский исследователь, отказываясь от «постепенного строительства национального очага», «ревизионисты» настаивали на немедленном превращении Эрец-Исраэль (включая Трансиорданию – *два берега*³⁴ Иордана) в самоуправляющееся государство под «эгидой еврейского большинства». Инструментом достижения «еврейского характера» этого государства провозглашалась «массовая иммиграция». По мнению основателя «ревизионизма», это был «интегральный сионизм», «поле деятельности» которого включало «весь еврейский народ»³⁵.

К моменту получения государственности усилиями своих «социалистических» лидеров ишув обрел черты сплоченного сообщества, – эту сплоченность обеспечивало межэтническое противостояние. Государственность же (хотя обретенная в ходе Палестинской войны территория не всегда и не всеми рассматривалась как отвечающая «интересам еврейского народа») ставила Израиль перед необходимостью обновления «национальной» идеи. Эта идея оформлялась задачей *преодоления* враждебности окружения, *изживания* «переселенческого» социально-культурного многообразия и трансформации в *центральное звено* еврейской диаспоры. Ее реализация осуществлялась в ситуации многофракционности элиты, унаследованной государством от времени ишува.

СИОНИЗМ И «АРАБО-СИРИЙСКИЙ» НАЦИОНАЛИЗМ: РИТОРИКА И ПРАКТИКА «КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ» (1920–1940-е годы)

К началу XX в. сионизм и «арабо-сирийский» национализм выглядели как оформившиеся течения, провозглашавшие существование собственных этнических сообществ и необходимость их самоопределения. Оба они (но с разной степенью интенсивности) прошли через ранний этап «национального возрождения» (время еврейской *Хаскалы – Просветительства* в Центральной Европе и Российской империи и арабской *Ан-Нахды – Возрождения* в османском Машрике). Центральным звеном мифологии каждого из них была идея существования «нации» – рассеянной в пространстве мира еврейской и сконцентрированной в пределах «исторической Сирии» арабской. Сионизм

и «арабо-сирийский» национализм обрели характер политических движений, реагируя на вызовы, бросавшиеся их «национальным» сообществам. Первые волны сионистской эмиграции в Палестину – итог кровавых погромов в России (1881–1884 и 1903–1906 гг.), кристаллизация арабского национализма – ответ на ассимиляционную политику *младотурок*. Исходные мотивы их деятельности были различны – апелляция к библейской традиции³⁶ в случае сионистов и к языку³⁷ – «арабо-сирийских» националистов. Взаимодействие обоих движений в пределах подмандатной территории Великобритании окрашивалось в тона отталкивания. Они апеллировали к символам, исключавшим взаимопонимание.

Предложенное метрополией название управляемой ею территории – *Palestine* устраивало только арабскую сторону, – оно предполагало, что по-арабски она будет называться *Фалестин*. Лидеры ишува считали необходимым говорить об *Эрец-Исраэль*. Достигнутый в этой связи компромисс был специфичен. Название *Palestine* на марках или банкнотах палестинского фунта транскрибировалось еврейскими буквами (но рядом присутствовали *алеф* и *йод* – аббревиатура *Эрец-Исраэль*), используя букву *шин* (что отсылало к *плиштим* – *филистимлянам*), а не *самех*, когда транскрипция термина географии соответствовала бы реальности XX столетия. Если сионисты настаивали на включении иврита в список официальных языков Палестины (наряду с арабским и английским), то их арабские конкуренты считали это требование признанием прав «чужеземцев», вторгшихся в «арабское отечество». Арабская сторона не принимала и изображения на палестинских марках расположенной около Вифлеема гробницы Рахили, требуя заменить ее мечетью Купола Скалы³⁸, построенной, вероятно, на месте иерусалимского Храма³⁹.

В конце августа 1929 г. (в израильской историографии *события Теша бе'Ав*⁴⁰, в арабо-палестинской – *движение Аль-Бурак*) эти символы в связи со спором о принадлежности *Западной стены* (*Стены плача*) Храма Соломона (в мусульманской традиции *Стены Аль-Бурак*⁴¹) взорвали хрупкий мир в Палестине. Попытка «незначительного расширения религиозной еврейской обрядности у главной святыни иудаизма»⁴² была воспринята арабской стороной как покушение на ее исламский характер. Межэтнические столкновения вызвали эксцессы в отношении еврейских жителей «святых городов» иудаизма (уничтожение общины в Хевроне, погромы в Сафад/Цфате и Табарийе/Тверии).

СИОНИЗМ: МИФ И ПРАКТИКА ДЕЙСТВИЯ

Вне зависимости от точек зрения ведущих фигур сионизма на местоположение еврейского государства (соглашались ли с мыслью о том, что государство возникнет в Уганде, Аргентине или на Синайском полуострове), идея Палестины – «исторической родины еврейства» присутствовала в их воззрениях. Но в период становления сионистского движения эти воззрения были расплывчаты, едва ли опираясь на знание реалий «исторической ро-

дины», понимавшейся как библейское пространство «от Дана до Беэр-Шевы»⁴³».

Публикуя в 1896 г. «Еврейское государство», Т. Герцль оставлял возможность выбора между Аргентиной и Палестиной, а говоря о месте «восстановления» государства, замечал, что планировавшийся им «Союз евреев» как инструмент переселения «возьмет то, что ему дадут и за что выскажется общественное мнение ... народа». Но для создателя политического сионизма Палестина оставалась «незабвенной исторической родиной», «одно имя» которой «было бы могучим объединяющим лозунгом»⁴⁴.

Л. Пинскер, автор вышедшей в свет ранее, в 1882 г., «Автоэмансипации», был далек от того, чтобы связывать идею еврейского государства с Палестиной. Задачей «Национального института» (подобия «Союза евреев» Т. Герцля) должно было стать приобретение «плодотворной, в хороших географических условиях и достаточной величины для поселения нескольких миллионов человек ... полосы земли». Неважно, где эта «полоса» располагалась бы – «в Северной Америке» или в пределах «Азиатской Турции»⁴⁵. Но и Л. Пинскер (отказывавшийся «мечтать о восстановлении старой Иудеи», где «государственная жизнь была ... уничтожена»⁴⁶) был свидетелем «влечения» евреев из России и Румынии «в Святую землю», не исключая, что эта «земля» станет их «собственностью»⁴⁷.

Манифест, преданный гласности в 1882 г. членами палестинофильской группы Билу⁴⁸ (для израильской историографии ее переселение в Палестину – первая *алия*), говорил о «стране, где жили ... возлюбленные предки», о «Сионе», не фиксируя границы этой «страны». Этот Манифест делал акцент на том, что «Дом», искомое «национальное отечество», «был дарован ... милостью Божией», что доказывала «стена Божественного Храма». Завершая призыв к «братьям и сестрам в изгнании», члены Билу обращались к молитве *Шма Израэль*, освящавшей их начинание: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, – Господь един есть, и наша земля, Сион, есть наша единственная надежда»⁴⁹.

Для «сиониста, социал-демократа и марксиста» Б. Борохова Палестина была не «исторической родиной еврейства», а территорией, где сможет возникнуть еврейский пролетариат. В новейшую эпоху эволюции капитализма, отмечал он, создание этого пролетариата в «странах рассеяния» невозможно в силу «национальной конкуренции». Из этого вытекало, что «социалистический вариант решения еврейского вопроса» предполагает иммиграцию в «отсталую в экономическом отношении страну», где еврейские трудящиеся получают доступ к «средствам производства». Палестина была предпочтительна, полагал Б. Борохов, в силу «духовной связи» между нею и этими трудящимися⁵⁰.

В преддверии Первой мировой войны Артур Руппин, один из ведущих деятелей ВСО, занимавшийся расселением еврейских иммигрантов, писал: «Исторически Палестина простиралась к западу от Иордана от Эль-Ариша до Тира; по ту сторону Иордана она простиралась на восток до пустыни, на юг почти до южной оконечности Мертвого моря и на севере до Ярмука. Она ... соответствовала нынешним мутассарифликам (административным единицам Османской империи. – Г.К.) Иерусалим, Наблус, Акка и Керак»⁵¹. А. Руппин говорил о Палестине только с точки зрения исторической ретро-

спективы, подчеркивая, что это часть «Сирии» (оригинальное название его книги «*Syrien als Wirtschaftsgebiet*»). Для того чтобы библейский текст получил импульс к реализации, должен был измениться международный контекст деятельности сионистского движения.

На Парижской мирной конференции представители ВСО предложили державам-победительницам (Декларация Бальфура уже стала реальностью) собственное видение пределов «еврейского национального очага». Его северная граница проходила выше Сайды, включая в состав Эрец-Исраэль Голанские высоты, а восточная простиралась вдоль линии Хиджазской железной дороги, проходя через Дераа и далее – Амман и Акабу. На западе территория «очага» была ограничена средиземноморским побережьем и египетско-османской демаркационной линией, включавшей в его состав Газу⁵².

Однако Палестина, где должен был располагаться «национальный очаг», стала территорией под мандатным управлением Великобритании, монополю демаркировавшей сферы сионистской деятельности или регулирования иммиграционного процесса. Декларация Бальфура говорила о Палестине как о местоположении «национального очага для еврейского народа (*A National Home for Jewish People*)», отвергая превращение этой административной единицы в «национальный очаг еврейского народа (*The National Home of the Jewish People*)», как на этом настаивали представители ВСО в ходе предварявших появление этого документа англо-сионистских переговоров⁵³. Ведущая мировая держава определяла и пределы территориального пространства Палестины. Англо-французские соглашения о ее северной границе включили в состав французских подмандатных Сирии и Ливана Голанские высоты, истоки рек Иордан и Ярмук, как и нижнее течение Литани. Исключив Заиорданье из сферы действия палестинского мандата, Великобритания создала эмират Трансиордания. Но для лидеров ишува (при различиях их мнений) создание Палестины несло в себе возможность развития ишува как *медина ба'дерех – государства в пути*⁵⁴.

Палестину нужно было превратить в еврейское «отечество», в центр *собираения* рассеянной в мире «нации». Эта задача требовала определения этнических параметров сообщества, на выражение «чаяний» которого претендовал «социалистический» секулярный сионизм⁵⁵. По словам израильского социолога, сионисты видели в библейских текстах «исторические документы», а вовсе не «миф или фольклор». Сфера этничности в ее эксклюзивно-сионистской постановке определялась религией. Иудаизм – «цивилизационное» начало сионистского «возрождения» очертил территорию будущего государства – «Сион», – «транснациональное определение» рассеянного еврейства могло опираться лишь на «мобилизующую силу Святой земли, земли Сиона и Иерусалима». Ее выбор (как и выбор иврита – «языка Торы») доказывал «мессианский характер» сионизма, а не определялся «рациональными экономическими или политическими соображениями». Центральный же элемент сионистского дискурса – *вечность антисемитизма* был также связан с представлениями иудаизма о «разделении человечества на евреев и “других”», когда конфликт между ишувом и арабо-палестинским сообществом (в дальнейшем – арабо-израильский конфликт) представал как часть «вечной борьбы еврейского народа за выживание».

Иудаизм и его «ключевые символы» определили границы сионистского варианта еврейской этничности, связав в целое не только многообразие интеллектуальных взглядов и точек зрения⁵⁶, но и предложив примордиалистское понятие «народа», включающего уроженцев различных стран и представителей различных культур (при «принципиальной невозможности ... разрыва между еврейской идентификацией и иудаизмом»⁵⁷). Религиозная «связь народа и земли» обосновывала присутствие ишува/Израиля в регионе⁵⁸.

Конкуренция между основными политическими силами ишува – «социалистами» (партией *Ахдут хаавода* – *Союз труда*, с 1930 г. МАПАЙ – *Миф-легет поалей Эрец-Исраэль* – Партией трудящихся Эрец-Исраэль) Д. Бен-Гуриона и «ревизионистами» В. Жаботинского в течение 1920–1930-х годов превращала религиозные символы в объект политических манипуляций, целью которых было укрепление позиций той или иной группы политического действия. События *Теша бе'Ав* (организация демонстраций в Тель-Авиве под лозунгом «Стена принадлежит нам!», акция молодых последователей В. Жаботинского у Стены плача, где был поднят бело-голубой флаг и исполнен гимн ВСО *ха'Тиква*) были спровоцированы и сторонниками «ревизионистского» лидера⁵⁹. В 1940-е же годы сторонники движения Лехи – «предтечи правого крыла ... ревизионистского движения»⁶⁰ «провозглашали своей целью “возведение Третьего храма как символа эры Третьего Царства”»⁶¹.

Палестина не была «землей без народа». Но если вопрос о местоположении еврейского государства ставился в качестве производного от идеи «земли обетованной», однажды «дарованной» Господом его «избранникам» («“В будущем году в Иерусалиме!” – старый наш клич»⁶², – писал Т. Герцль), если акцент делался на «единственности» положения евреев, понимаемой как то, что «ни один народ в истории не перенес столько борьбы и страданий», то постановка проблем иной этнической группы не допускалась. Сионизм развивался как движение, исключавшее существование арабо-палестинского сообщества, хотя в рядах его сторонников могли возникать иллюзии об ассимиляции палестинских арабов⁶³, представлявшихся прямыми потомками населения еврейских царств. Эти иллюзии рассеивались под воздействием арабо-палестинских восстаний (неизбежно квалифицировавшихся сионистским дискурсом как *мятежи* и *бунты*⁶⁴) 1920–1930-х годов.

Как отмечал историк сионизма, «сионисты ... не выстроили последовательной политической программы решения арабского вопроса» потому, что «не считали наличие полумиллиона неевреев в Палестине ... препятствием, которое могло бы заставить их отказаться от ... мечты вернуть евреям на историческую родину»⁶⁵. Но вопрос состоял не в отсутствии такой программы, а в невозможности ее появления, что не означало, что, столкнувшись с арабо-палестинским неприятием, те или иные деятели ишува не высказывали свое видение взаимоотношений обоих палестинских сообществ.

Их точки зрения колебались между необходимостью найти взаимопонимание с арабами до вооруженного отпора противникам иммиграции и поселения. Если спектр путей к еврейско-арабскому взаимопониманию варьировался от отказа от покупок обрабатываемых арабами земель, освобождения от влияния европейской культуры и возвращения к *ханаанским* традициям и мышлению, «носителями» которых представляли арабы, до политической

поддержки их национальных требований, то мысль о вооруженном отпоре предполагала организацию отрядов «еврейской самообороны» и «переселения арабов в их собственное государство»⁶⁶. Но и сторонники *ханаанизма* выступали поборниками ассимиляции – возвращения когда-то «говоривших» на диалектах иврита жителей «страны *иврим*» (Палестины, современных Сирии, Ливана и Иордании) к их «подлинному» языку и созданной на нем цивилизации, которую они называли «ивритской»⁶⁷.

Политическое господство «социалистов» определило общую позицию ишува в отношении арабо-палестинского сообщества, – Д. Бен-Гурион говорил о «еврейском народе» и «арабской общине». В этой связи американский исследователь подчеркивал: «Даже если лидеры ишува и признавали существование арабского народа в Эрец-Исраэль, он был для них частью общей арабской нации, а не ... группой с ... национальными чаяниями и претензиями на создание собственного государства в Палестине»⁶⁸. В 1969 г. эта идея была повторена Голдой Меир: «В Палестине нет такого народа, как палестинцы»⁶⁹.

Сионизм предлагал идею возрождения, понимавшуюся как радикальный разрыв с предшествующей эпохой еврейской истории. Его сторонники отбрасывали время гетто, погромов, *штеттлов* «черты оседлости» (где еврей, как писал Хаим Нахман Бялик, «околевал» как «пес»⁷⁰), все то, что определялось понятием *галут* – *изгнание*. Ишув представлял как преддверие восстановления величия древнееврейских царств⁷¹. На его бело-голубом флаге (флаге и ВСО), восходившем к *талесу* – одеянию молящегося еврея, был начертан *цит Давида*. Первоначально предлагавшееся Т. Герцлем «белое знамя с семью золотыми звездами», олицетворявшими «чистую жизнь» и «семь часов рабочего дня»⁷², было отвергнуто. Ишув нуждался в «новом еврее», в «еврее с мускулами»⁷³.

Этот еврей должен был быть не *йехуди* – *Jew*, а *иври* – *Hebrew*, воплощающим «героизм и величие Маккавеев, Бар Кохбы», их «правнуком», в его этосе должен был возродиться «дух защитников Масады»⁷⁴. Масада и Тель-Хай (где в 1920 г., защищая это поселение от арабов, погиб герой русско-японской войны Иосиф Трумпельдор⁷⁵) превращались в места паломничества и церемоний (после создания государства принятие воинской присяги в Масаде стало одной из них), где вырабатывался ритуал, с помощью которого формировалась историческая память ишува/Израиля⁷⁶. Если «Тель-Хай стал современным вариантом мифа о смерти и возрождении», то «Масада формировала чувство исторической связи между ... сионистским национальным возрождением и древностью». По словам цитируемого автора, «определяя себя в качестве прямых потомков древних евреев, сионистские переселенцы и первое поколение “новых *иврим* – *Hebrews*” видели в защитниках Масады ... воплощение героизма, любви к свободе и национального достоинства ... исчезнувших за столетия изгнания». Этот «национальный» идеал освящался главным раввином ашкеназской общины подмандатной Палестины Авраамом Ицхаком Куком, считавшим, что если еврейские *халуцим* – *первопроходцы* и отрицают религию, то «того, что они хотят, они не знают сами»: «Дух Израиля так соединен с духом Божиим, что даже если кто-нибудь говорит, что ... не нуждается в духе Господнем, а стремится к духу Израиля, то дух Божий присутствует в глубине его стремлений против

Рис. 1. Памятник Иосифу Трумпельдору в кибуце Тель-Хай

его воли»⁷⁷. Впрочем, сам термин «первопроходцы» связан с библейской историей, когда, выполняя повеление Господа об исходе из Египта «в землю ... где течет молоко и мед»⁷⁸, а затем и о переходе «за Иордан»⁷⁹, колена Израилевы создавали вооруженные «пред Господом» отряды – *халуцим*, чтобы войти «в землю Ханаанскую»⁸⁰ (рис. 1).

Предсмертные слова (скорее, сомнительные) И. Трумпельдора «За страну стоит умереть!»⁸¹ доказывали, что «великое прошлое» евреев будет воскрешено. Оно воскрешалось основанием в 1909 г. первого *еврейского* города – Тель-Авива, *кибуцев* и *мошавов* с различными формами коллективного *еврейского* труда, отказом принимать арабских рабочих в создававший «национальное единство» и контролировавший все стороны жизни ишува⁸² *Гистадрут* – Всеобщую конфедерацию *еврейских* трудящихся Эрец-Исраэль, построением основанной на сионистском мифе системы образования, центральное место в которой занимал *Еврейский* университет в Иерусалиме, ищущий материальные подтверждения древности и непрерывности *еврейского* присутствия в Эрец-Исраэль библейской археологией, продолженной израильской археологией⁸³. Ишув жил, «строя и строя себя»⁸⁴. Палестина менялась, – страна, которую «сионистская память рисовала ... безлюдной и заброшенной, тоскующей и ожидающей возвращения ее еврейских (*Hebrew*) жителей», переставала быть «пустыней», превращаясь в Эрец-Исраэль, где жили «свободные евреи», и уничтожая «память арабов о столетиях жизни в Палестине»⁸⁵.

АРАБСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ И ПАЛЕСТИНА: ТЕРРИТОРИЯ, НАЦИЯ И СИОНИЗМ

Если Палестина как территория и, соответственно, ее арабское население в его качестве осознающего себя самостоятельным этнического сообщества и сегодня предмет дискуссий⁸⁶, то это тем более верно для первой половины XX столетия. В представлениях «арабо-сирийских» националистов времени до Первой мировой войны Палестина (ее арабское название *Фаластын* – транскрипция восходящего к греко-римской традиции европейской *Palestine*) была «югом» культурно единой «исторической Сирии».

Хотя в «национально» ориентированной «арабо-сирийской» среде (включая и уроженцев палестинской территории) и возникал порой образ Палестины, речь шла о пространстве, где «существовала *израилитская* цивилизация (*аль-мадания аль-исраилийя*), возникло христианство», а Иерусалим – *Аль-Кудс* «был первой киблой мусульман». Развивая эту мысль, издатель иерусалимской газеты писал в 1912 г., что на арабском языке нет оригинальных работ, посвященных истории Палестины⁸⁷, а ее образ не был итогом генезиса «национальной» мысли, – его создавала европейская политика, миссионерские школы и университеты и библейская археология.

Связанные с арабской средой общественно-политические процессы, развивавшиеся в пределах того пространства (в частности, в Иерусалиме), которое только в связи с установлением мандатного управления Великобританией обрело черты «Палестины», выглядели элементом более значимого феномена «арабского Возрождения», охватывавшего всю «историческую

Сирию». Но развитие этих процессов было медленным, – Бейрут выступал как центр *Ан-Нахды*, а Иерусалим – как ее далекая периферия, в Бейруте провозглашали существование «арабской нации», а арабо-палестинское общество оставалось совокупностью мусульманских, христианских и друзской общин. «Арабо-сирийский» дискурс обращался к термину «Палестина» в связи с притязаниями сионистов и возможностью обретения европейских союзников в деле поддержки отделения от Османской империи.

Публикуя в 1905 г. в Париже свою работу «Пробуждение арабской нации в азиатской Турции», Наджиб Азури, «бывший помощник губернатора Иерусалима» и основатель «Лиги арабского отечества» представлял это «Отечество (*la Patrie Arabe*)» европейцам: «Новая арабская империя протянется в пределах своих естественных границ – от долины Тигра и Евфрата до Суэцкого перешейка, от Средиземного моря до Оманского (Аравийского – Г.К.) моря»⁸⁸. По его словам, «стремление современных евреев (*les Juifs de nos jours*) восстановить Палестину» – попытка «перекроить» будущую империю⁸⁹.

Апеллируя к библейской истории, христианин Н. Азури заявлял, что «ни во времена Иисуса Навина, ни в эпоху царства Давида и Соломона» Палестину «никогда не населял народ, говоривший на одном языке, имевший одно историческое происхождение, исповедовавший одну религию и обладавший одинаковыми обычаями». Жители Палестины были конгломератом «автохтонных арабо-семитских рас» – «хананеян, филистимлян, амалекитян, идумеев, мадаинитов, аморреев», – *Juifs* (а не *Hébreux*, Н. Азури пользовался термином Евангелий, оставляя открытым вопрос о «семитском» происхождении евреев) были «незначительным кочевым племенем», «поселившимся во владениях других народов» и «закрепившимся» на части Палестины – в «Заиордании – *Cisjordanie*». Значительно позже, в 1970-е годы, группы палестинского вооруженного действия, пропагандируя идею палестинской «арабской автохтонности», публиковали «исторические карты», на которых все перечислявшиеся их предшественником «расы» провозглашались «арабскими». Исключением были вторгавшиеся в Палестину со стороны Средиземного моря *яхуд* (арабский аналог *Juifs* Н. Азури), игравшими роль библейских *филистимлян*. Авторы этих карт отказывались обращаться не только к *ибрийун* – *Hébreux* арабского перевода ветхозаветного канона, но и к кораническому *бану Исраиль* – *сыны Израилевы*⁹⁰.

Утверждая единство «исторической Сирии», Н. Азури говорил, что «со времен Христа» (упоминание о нем влекло ассоциации с «отменившим» Ветхий Завет Новым Заветом) там «говорили на трех братских языках – халдейском в Месопотамии, сирийском – в Сирии и Палестине и арабском». Это единство стало «неопровержимым» с приходом арабов: «Арабы без труда передали халдеям и сирийцам свой язык, поскольку оба этих народа принадлежали к их расе». Движение к единству арабов, продолжал Н. Азури, необратимо: «Арабский язык – язык Корана и всемирного ислама. ... Православные церкви⁹¹ примут этот язык, подталкиваемые общенациональным движением ... ради блага Арабского Отечества»⁹². Арабская «нация осознала себя», – «ныне готовится великая национальная революция: лев пустыни просыпается, горы Сирии и равнины Месопотамии ответят на его рык», но «в азиатской Турции проявляют себя два движения: пробуждение арабской

нации и ... усилия евреев. ... Эти движения обречены на ... битву, которая будет длиться, пока одно из них не победит другое»⁹³.

Н. Азури мог сокращать пределы «арабской империи», – характеризуя программные установки «Лиги», он говорил о том, что его организация «будет уважать интересы Европы» в отношении «автономии Ливана (созданного в 1861 г. Горного Ливана под европейским покровительством. – Г.К.)». Отказ Н. Азури включить в состав «арабской империи» Египет и отрицание «национальных» связей между ним и «исторической Сирией» вытекали из политических реалий – британской оккупации этой османской провинции⁹⁴.

Первая мировая война переносила представления об «арабо-сирийском» пространстве в сферу практики. В июле 1915 г., предвзяв свое антитурецкое выступление (в дискурсе Машрика *ас-саура аль-арабийя аль-кубра – великая арабская революция*), шериф Мекки Хусейн бен Али направил верховному комиссару Великобритании в Каире Генри Мак-Магону письмо. В нем признанный «арабо-сирийскими» националистами лидер демаркировал пространство будущего арабского государства: южные районы современной Турции «вплоть до пределов Персии», далее – «Бассорский (Персидский. – Г.К.) залив». На юге это пространство ограничивалось «Индийским океаном»; на западе – Красным и Средиземным морями «вплоть до Мерсины»⁹⁵.

В момент появления этого письма представители Великобритании и Франции разрабатывали Соглашение Сайкс-Пико, которое должно было определить судьбу османских владений в Западной Азии. Не отвергая идею арабского государства, обе стороны считали нужным вывести из-под его юрисдикции зоны прямого французского и английского управления, которые, если исходить из границ нынешних ближневосточных государств, включали Ливан, средиземноморское побережье Сирии, центральный и южный Ирак. Палестина (европейцы также ограничивали ее пределы формулой «от Дана до Беэр-Шевы») провозглашалась «зоной международного (включая Россию. – Г.К.) управления». Арабское государство могло возникнуть в пределах части современной Сирии, Иордании, юга Израиля и сектора Газа, но и оно разделялось на сферы влияния обеих держав⁹⁶.

Продолжавшаяся в течение июля 1915 – начала января 1916 г. переписка Г. Мак-Магона и шерифа Мекки постепенно сужала сферу притязаний лидера арабского «национального» движения⁹⁷. В январе же 1918 г., когда хиджазские хашимиты уже находились в состоянии войны с их бывшим сюзереном, Х. бен Али был поставлен в известность и об изменении отношения Великобритании к палестинскому вопросу. В полученном им тогда сообщении отмечалось: «Учитывая, что в Палестине находятся ... святые места», там «должен быть установлен особый режим». Его информировали и о Декларации Бальфура: «После того, как мнение еврейства мира обратилось к возвращению евреев в Палестину ... и поскольку Правительство Его Величества рассматривает благосклонно выполнение этих устремлений, оно установило, что ... на пути осуществления их не будет чиниться ... препятствий». Великобритания рекомендовала шерифу завязать отношения с ВСО: «Лидеры этого движения хотят привести сионизм к успеху дружбой и со-

трудничеством с арабами, а от такого предложения нельзя ... отказываться»⁹⁸.

Казалось бы, это начинание могло стать успешным, – на Парижской мирной конференции сын Х. бен Али эмир Фейсал, ставший после окончания боевых действий на ближневосточном театре правителем Сирии, и глава ВСО Хаим Вейцман заключили соглашение. Заявляя об объединяющем арабов и евреев «расовом родстве», обе стороны, представлявшие «Арабское Государство и Палестину», говорили о демаркации границ, оказании экономической помощи государству Фейсала, принятии мер для поощрения «иммиграции евреев в Палестину» и защите прав «арабских крестьян». Фейсал сопроводил это соглашение припиской о том, что хашимитское признание сионистских притязаний на Палестину связано с обретением арабами «независимости», – если это требование не будет выполнено, то «настоящее Соглашение ... будет считаться недействительным»⁹⁹. В июле 1920 г. государство Фейсала пало, – французские войска оккупировали Дамаск.

Формулируя свое отношение к Палестине, «арабо-сирийские» националисты не могли в полной мере опереться на мусульманскую традицию, – она не обладала идентичным иудейскому образам ее «святости». Коранические *айяты*, трактуемые как указание на эту «святость», немногочисленны. Слова пророка *Мусы* (Моисея) из суры «Трапеза», призывавшие его народ войти «в землю священную»¹⁰⁰, как и упоминание в суре «Перенесение ночью» о путешествии Пророка Мухаммеда «из мечети запретной в мечеть отдаленнейшую»¹⁰¹ (сегодня воспринимаемую как иерусалимская Аль-Акса) основаны на библейских реминисценциях – исходе из Египта и святынях Храмовой горы.

«Арабо-сирийские» националисты (с их значительной долей христиан) не могли апеллировать и к отталкивающейся и от антииудейской риторики христианской традиции (доля ее приверженцев в демографической структуре арабо-палестинского населения достигала в начале XX в. 15%¹⁰²) «Святой Земли» потому, что они рассматривали ислам в качестве «национальной» религии. Обладавшая самым значительным числом последователей православная Иерусалимская Церковь, возглавляемая греческими иерархами, осталась «неарабизированной» (в отличие от своего сиро-ливанского аналога – Антиохийской Церкви). Возникновение в Палестине католических и протестантских общин было связано с деятельностью западных миссионерских миссий, исключавшей поддержку этими общинами «национального дела». В своем подавляющем большинстве палестинские христиане видели в мандатном управлении гарантию обеспечения своей безопасности, «подтверждая» сомнения своих мусульманских соотечественников в их лояльности этому «делу».

Все же позиция христиан Машрика могла быть и иной, – участие палестинских православных в создании «национальной» антисионистской прессы 1920–1930-х годов неоспоримо¹⁰³. Говоря о пастве своей Церкви, нынешний Антиохийский патриарх подчеркивал: «Кто бы и когда бы ни вставал на защиту родины (арабского мира – *Г.К.*), православные всегда были вместе с ним». В ряду этих православных, в том числе, безусловные противники сионизма *вождь* сиро-ливанских *почвенников* – Сирийской национальной социальной партии Антуан Сааде и основатель *баасистского* движения – Партии

арабского социалистического возрождения Мишель Афляк¹⁰⁴. Традиция «защиты родины» остается реальностью: «Лишь палестинцы могут быть хозяевами дома, – считал патриарх. – Иерусалим может принадлежать только его исконным жителям, а не расистам. Расизм – грязь на челе права и справедливости»¹⁰⁵. Оправдывая рейды палестинских *федаинов* с ливанской территории, идеолог Церкви, митрополит Гор Ливанских писал в 1968 г.: «Господь освящает жертвенность (*фида*) верующих, чтобы спасти их души и избавить арабский мир от исчезновения. Жертвенность – наша религия, кровь *федаинов* – путь к возрождению арабов»¹⁰⁶. Он же подчеркивал: «Прежде чем Господь придет во славе, он должен придти в крови угнетенных ... Создавая историю арабов, творя их судьбу, мы смягчаем горечь скитаний Исмаила («прародителя» арабов и символа палестинских беженцев. – Г.К.). Арабизм – не выбор, а этический смысл нашего существования»¹⁰⁷.

Действовавшие в сегментированном обществе арабо-азиатских вилайетов Османской империи «арабо-сирийские» националисты формально были далеки от того, чтобы придать своему движению эксклюзивный характер. Н. Азури не исключал *иудеев* из числа жителей «арабского отечества»¹⁰⁸. Вопрос заключался в их происхождении – были ли они *современными*, выходцами из Европы – *ашкеназим* или знакомыми арабам *сефардим*. Н. Азури не был одинок, – антиосманское обращение «Призыв к арабам, сынам Кахтана (одного из «предков» арабов. – Г.К.)» эпохи Первой мировой войны говорило об «арабах-мусульманах, арабах-христианах и арабах-иудеях – братьях по патриотизму»¹⁰⁹. После 1967 г. палестинский проект опирался не на борьбу против «иудаизма как Богооткровенной религии» и его «приверженцев», а против «сионизма – неотъемлемого элемента колониализма»¹¹⁰, – Палестинская национальная хартия (в редакции 1964 г. и 1968 г.) включала в «палестинский народ» и «*иудеев – яхуд*, мирно и законно (до начала сионистской иммиграции. – Г.К.) проживавших в Палестине»¹¹¹.

Инклюзивность «арабо-сирийского» национализма была двусмысленна, – она вытекала из основанной на мусульманском покровительстве межконфессионального взаимодействия системы *миллетов*¹¹². Ее продолжением была защищавшая безусловность арабских прав на *Стену Аль-Бурак* аргументация палестинского Высшего исламского совета, когда возможность иудейского богослужения у Стены плача определялась только «веротерпимостью» ислама¹¹³. Следствием этой системы было признание первенства ислама и мусульманской цивилизации («национально» интерпретируемой христианами¹¹⁴). «Арабо-сирийский», как и арабо-палестинский проект 1920–1930-х годов, опирался на «арабо-мусульманскую» матрицу, сужавшую границы его инклюзивности.

Это сужение определялось становлением ишува и последовательным вовлечением евреев соседних с Палестиной стран в осуществление сионистского проекта. Палестинские события августа 1929 г. демонстрировали, что их арабские участники не ощущали грань, разделяющую «сионистских пришельцев» и религиозных ортодоксов. Палестинский автор писала: «Впервые в истории Палестины происходили кровавые столкновения между арабами и евреями. Одной из наиболее ярких черт этих событий стало то, что власть (британская администрация. – Г.К.) встала на сторону евреев. Это обстоятельство вызвало у арабов яростное желание сразаться против

Рис. 2. Иерусалим. Мечеть Купол Скалы

обоих врагов»¹¹⁵. Прозвучавший же в годы восстания 1936–1939 гг. призыв А. Аль-Хусейни к *джихаду* против «восстановления храма Соломона на месте мечети Аль-Акса»¹¹⁶, окончательно разрушил эту грань. Кажется бы, инклюзивность арабо-палестинского национализма не могла исчезнуть, – противостояние ишуву требовало единства всего арабского сообщества Па-

лестины. Но развитие этого восстания вызывало к жизни антихристианские акции его участников¹¹⁷ (рис. 2).

Ислам вместе с тем не был фактором, формировавшим арабо-палестинскую идентичность, – обращение к мусульманской символике (поддерживавшей размывавшуюся гегемонию А. Аль-Хусейни) несло в себе идею антиссионистского противостояния. Антиссионизм – производное от курса Великобритании и становления ишува созидал *страновое*¹¹⁸ арабо-палестинское сообщество. Выходя из тени своего «сирийского» предшественника, это сообщество едва ли не до конца 1930-х годов рассматривало себя как часть «общесирийского» противостояния западной экспансии, сохраняя символы прошлого. Его флагом оставалось знамя *великой арабской революции*, где зеленый, белый и черный символизировали государство Мухаммеда и два халифата – Омейядский и Аббасидский, красный же – хашимитскую династию.

Возникая под воздействием внешних факторов, арабо-палестинское движение, ведущим фактором эволюции которого в течение 1920–1930-х годов выступало «крестьянское сопротивление сионистской поселенческой деятельности»¹¹⁹, развивалось как отрицание этого воздействия. Крестьянское общество, героем которого стал Изз Ад-Дин Аль-Кассам, обратившийся, умирая (как гласит миф), к товарищам: «Умрите мучениками за страну»¹²⁰, делало Палестину «святой» и творило *героев-шахидов*, противостоявших *героям* ишува¹²¹.

ИЗРАИЛЬ И АРАБСКИЙ МИР: МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ

Восстание 1936–1939 гг. меняло соотношение сил в треугольнике Великобритания, ишув, арабо-палестинское сообщество. Опубликованный в июле 1937 г. отчет Королевской комиссии лорда Пиля, расследовавшей причины начала «беспорядков», впервые поставил вопрос о разделе Палестины¹²². В мае 1939 г. правительство Великобритании предало гласности Белую книгу. Ее положения включали ограничение еврейской иммиграции (в дальнейшем ее прекращение) и запрет покупки земель ишувом¹²³. Но курс лидеров ишува, ориентированный на поддержку военных усилий Великобритании, не менялся¹²⁴. Принятая ВСО в мае 1942 г. Билтморская программа провозглашала Палестину «еврейским государством, интегрированным» в будущий «демократический мир», и расширяла число гарантов его появления – сражающиеся «Объединенные Нации»¹²⁵.

События 1936–1939 гг. обескровили арабский сектор палестинской экономики. Межэтническое противостояние разделило Палестину, создав абрис будущих границ Израиля. Сотрудничество бежавшего из Иерусалима муфтия А. Аль-Хусейни с державами «оси»¹²⁶ придало арабо-палестинскому сообществу образ «сторонника фашизма». После окончания Второй мировой войны это сообщество перешло под опеку ЛАГ¹²⁷.

Последующее развитие ситуации в Палестине определялось послевоенной трансформацией системы международных и региональных отношений. 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 181

(II) о создании в Палестине связанных экономической унией (и этнически неоднородных) еврейского и арабского государств и выделении Иерусалима в *corpus separatum*¹²⁸. Ишув принял эту резолюцию. Страны ЛАГ ее отвергли. Создание Израиля стало поводом для ввода вооруженных сил стран ЛАГ на территорию Палестины для «возвращения управления ею ее [арабским] жителям»¹²⁹. Военные действия завершились прошедшими в феврале-июле 1949 г. переговорами между Израилем и арабскими странами (Египтом, Ливаном, Иорданией, Сирией) о прекращении огня и проведении «зеленой линии» перемирия¹³⁰.

АРАБСКИЙ МИР: ДВИЖЕНИЕ К ИСЧЕРПАНИЮ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО КОНФЛИКТА

Палестинская война содействовала становлению «арабского мира». Стремление видеть в евреях приверженцев *религиозной* доктрины подчеркивало *национальную* идентичность этого мира и его движение к обретению «единства». Конфронтация с Израилем оправдывалась необходимостью отпора «сионистской экспансии» и «законностью» палестинских прав. Арабский мир в решающей мере созидал *антиизраилизм*.

Однако этот мир никогда не обладал объединяющими его символами. Только флаги Иордании (с собственной ветвью хашимитской династии) и ПНА идентичны знамени *великой арабской революции*. Его цветовая гамма отброшена в Ливане и переосмыслена (отрицая хашимитское наследие) в Сирии и Ираке. Эту гамму частично повторяют (иначе интерпретируя) флаги Египта и Йемена, но (также иначе трактуя) воспроизводят флаги Кувейта (с особой историей угроз его самостоятельности) и Объединенных Арабских Эмиратов (каждый участник этой федерации располагает собственными символами). От нее принципиально далеки флаги стран Магриба.

Арабские государства всегда искали свои истоки в более глубокой древности, чем эпоха мусульманских завоеваний, этнически и религиозно изменивших Ближний Восток. Преамбула иракской конституции 2005 г. отождествляет эту страну и «Месопотамию, колыбель цивилизации, где была создана письменность, положено начало земледелию, изобретены цифры и принят первый созданный человеком закон»¹³¹. В сирийском *Угарите* «возник древнейший алфавит, давший начало греческой азбуке» (в ливанской версии «странового» жизнеописания этот алфавит появился в *Библосе*, ассоциируемом с современным Джубейлем). «История Сирии, – писал ее историк, – обладает всемирными чертами»: «Понять историю Римской империи можно в Сирии, а не в Италии; развитие в Сирии религиозных, политических и социальных учений дало жизнь Восточному Риму»¹³².

Египет невозможен без апелляции к наследию «фараонов». Осью ливанской внутривосточной жизни, по мнению ливанского историка, всегда было противостояние между «арабской» самоидентификацией мусульманских (но также православных и грекокатоликов) этноконфессиональных общин и «ливано-финикийским» выбором маронитов, снижающим роль арабского языка¹³³. Иордания – продолжение «Эдома, Моавы и торговой империи арабов-набатейцев», роль и величие которых «недостаточно отраже-

ны в Библии»¹³⁴. Саудовский исторический нарратив ссылается на цивилизацию расположенных в Хиджазе набатейских памятников *Мадаин-Салех*. Идея «туниской нации» опирается на «эпоху Карфагена», а алжирской – на *Нуmidiю*. «Марокканская нация» – «единство арабо-мусульманских, амазигских¹³⁵ и сахарских составляющих», «обогащенных африканским, андалузским, еврейским (*hébraïque*) и средиземноморским вкладом»¹³⁶.

Англо-арабский исследователь замечал, что представление о единстве арабского мира – «не более чем идеология и политика, соревнующаяся с патриотизмом, ограниченным национальной территорией». Это «соревнование» проявляет себя и в сфере арабо-мусульманских исследований, когда «сирийские историки ставят в центр своего внимания Омейядов», «иракские – Аббасидов», «египетская академическая историография – Фатимидов, Айюбидов и мамлюков», а магрибинские авторы – династии этого субрегиона «Альморавидов, Альмохадов, Маринидов и Хафсидов»¹³⁷. Продолжением этого «соревнования» является обращение арабских историков современности к проблемам соотношения между этничностью в ее «общеарабском» и «страновом» понимании.

Саудовский школьный учебник истории подчеркивает особый характер местной этничности, выраставшей из «подлинно арабских (понимаемых как одна их характеристик *бедуинского* общества. – Г.К.) представлений о чести»¹³⁸. Иорданское университетское пособие по обществоведению говорит о «пережившей века национальной идентичности»¹³⁹. Конституционно фиксируемый статус ислама – государственной религии (за исключением Ливана, основной закон которого не упоминает положение какой-либо религии, а также Сирии, где ислам провозглашается вероисповеданием главы государства), когда пятница (кроме Ливана, Туниса и Марокко) – еженедельный выходной день, а основные мусульманские праздники – *ид аль-фитр* и *ид аль-адха*¹⁴⁰ включаются в список национальных дат, не содействует вероисповедному «единству». Каирский Аль-Азхар, тунисская Аз-Зайтуна, памятники марокканских Феса, Маракеша и Мекнеса, иерусалимская Аль-Акса и дамасская мечеть Омейядов – «национальные» символы.

Эти символы «конструируют» внутреннее пространство соответствующих стран, – упоминание в каждом из сирийских историко-архитектурных изданий о том, что в мечети Омейядов хранится «общая для мусульман и христиан реликвия – голова Иоанна Крестителя» – современная реплика «арабо-сирийского» инклюзивного национализма. Одновременно они «сегментируют» пространство арабского мира, выделяя в нем субрегиональные зоны – египетско-суданскую «долину Нила», «историческую Сирию», «Магриб». Казалось бы, святыни Мекки и Медины должны выглядеть как «общеарабский» (и шире – «общемусульманский») центр «стягивания». Но они – саудовский «национальный» символ: Саудовская Аравия – *биляд Аль-Харамейн – страна Двух Святынь* (Мекки и Медины. – Г.К.)¹⁴¹. Аморфна и каждая из стран арабского геополитического пространства.

Опубликованный в Алеппо путеводитель утверждает, что этот город – «ровесник Ниневии, Вавилона, Мемфиса, Ура»: «эти города исчезли, а Алеппо остался старейшим городом мира». В списке его «ровесников» отсутствует столица – Дамаск (в отношении которого столичные издания непременно подчеркивают, что этот город «упоминается в Библии»). Это издание в ми-

нимальной степени ставит историю Алеппо в общесирийский «национальный» контекст, подчеркивая его «экономическую и культурно-политическую устремленность» к «Киликии и югу Малой Азии»¹⁴². Баальбек далек от живущих в долине Бекаа шиитов, – иные же ливанские конфессиональные группы обращаются к ассоциируемым с их религиозно-культурной принадлежностью памятникам. Сами же эти группы распадаются на множество клановых образований, ставящих во главу угла символы (церкви, мечети, «святых») рода и территории его «исконного» проживания. Аз-Зайтуна не объединяет побережье и «внутренний» Тунис, где расположен Кайруан, возникший при арабском завоевании *Ифрикийи*. Противопоставление «Нижнего» и «Верхнего» Египта – реальность сегодняшнего дня. Ирак не сплочен «суннитским» Багдадом, – ему противостоят «шиитские» Эн-Неджеф и Кербела и связываемый с Ассирией курдский Эрбиль.

«Рыхлость» арабского геополитического пространства порождала существенные различия в подходах составляющих его стран к ближневосточному конфликту. Государства-основатели ЛАГ не были едины, решая провозглашавшуюся ими «общерабской» палестинскую проблему. Участие Саудовской Аравии (йеменские вооруженные силы остались далеки от полей сражения) в Палестинской войне было символично¹⁴³. Это относилось и к Ливану, откуда в Палестину были введены иррегулярные формирования¹⁴⁴. Итоги этой войны показали, что лозунг «защиты Палестины» – фигура речи.

Лидеры арабских стран во многом содействовали (подталкивая к этому своими пропагандистскими заявлениями) арабо-палестинскому исходу не только в ходе Палестинской войны, но и после ее окончания¹⁴⁵. Однако палестинские беженцы исключались из процессов «национального строительства», – их лояльность «странам рассеяния» всегда вызывала сомнения. Если часть этих беженцев получила иорданское гражданство, то для этого существовала политический повод – осуществленная в ходе войны (при координации с израильской стороной) аннексия Западного берега.

Неопределенность восточных границ Палестины, когда полученный Великобританией мандат предусматривал, что ее территория включает и Заиорданье, позволяла первому трансйорданскому эмиру Абдалле бен Хусейну в контактах с лидерами ишува ставить вопрос о создании подчиненного ему «семитского королевства» в обмен на признание Декларации Бальфура. В границах этого «королевства» евреи должны были остаться меньшинством, обладающим правами ограниченной автономии¹⁴⁶. Это была параллель к точке зрения В. Жаботинского¹⁴⁷, настаивавшего на «том, чтобы в Палестине, по обоим берегам Иордана, продолжали жить арабы, их потомство и (выделено в тексте. – Г.К.) многие миллионы евреев»¹⁴⁸. Противниками А. Аль-Хусейни становились и лидеры ишува, и арабский правитель, обосновывавший свое стремление объединить Палестину и Трансиорданию необходимостью «отражения сионистской экспансии»¹⁴⁹.

Вызов, бросавшийся в 1930-е годы *вафдистам*, ведущей политической партии Египта, ее политическими противниками – Движением «братьев-мусульман» и «почвенниками» – *младоегиптянами* с их идеями египетской исключительности, враждебности к инациональным колониям (еврейская была одной из них) и «солидарности» с арабами Палестины, заставлял политическую элиту этой страны делать *арабский* выбор. Палестинская война

содействовала его кристаллизации, создавая новые проблемы, – «арабские» обязательства вынудили Египет контролировать перенаселенный и отсталый сектор Газы.

Саудовско-хашимитские противоречия (в середине 1920-х годов основатель саудовского государства король Абдель Азиз аннексировал Хиджаз) включали в сферу внимания саудовского монарха Палестину, на которую претендовал его политический противник эмир Трансиордании. В трактовке Абдель Азиза Палестина нуждалась в «защите», поскольку там находится Аль-Акса, «связанная» со святынями Мекки и Медины, – возникал миф Аль-Аксы, «третьей святыни ислама». Становление ишува и итоги Палестинской войны вызвали к жизни саудовский проект сопряжения «арабской» идеи и ислама. Поджог в 1969 г. мечети Аль-Акса позволил Саудовской Аравии создать транснациональную Организацию Исламская Конференция (ныне – Организация исламского сотрудничества).

Хрупкость многоконфессионального Ливана заставило эту страну вступить в войну, несмотря на ранее достигнутое взаимопонимание части лидеров маронитского сообщества с сионистами. Важным обстоятельством, определившим участие в ней Ливана (и Сирии), было желание его связанной с Бейрутом финансово-коммерческой элиты стать «посредником между европейскими рынками и внутренними регионами Машрика, лишив этой роли Хайфу и ее еврейский предпринимательский класс»¹⁵⁰.

Вступление в войну Ирака определялось нестабильностью послевоенных лет, когда местная ветвь хашимитской династии считала необходимым найти внешнего врага (в равной мере и внутреннего), противостояние которому могло бы обеспечить единство общества. Итогом этого курса стала ликвидация местной еврейской общины (большая часть которой была депортирована в Израиль). Речь шла не только об Ираке, – антиеврейские погромы породили волну беженцев (часть которых прибывала в Израиль) и из других стран–участниц войны, а также из Йемена и европейских владений в Северной Африке. Выдавливание еврейского населения сопровождалось уничтожением или «присвоением» памятников его истории и культуры, – это относилось и к аннексированному Иорданией Восточному Иерусалиму с его еврейским кварталом и кладбищем на Масличной горе.

Конфликт милитаризировал арабские страны, – этот процесс, оправдывавшийся противостоянием «сионистской агрессии», содействовал становлению мифа армии как «спасителя отечества». Внедряясь в общественное сознание, этот миф ставил армейских офицеров в центр социума, создавая условия для их продвижения к власти. Но он имел обратную сторону: вооруженные силы (и органы государственной безопасности) противостоявших Израилю стран превращались в инструмент сохранения режимов. Функция «защитника отечества» теряла значение, – поражения в «классических» войнах с Израилем выглядели неизбежными. Роль же армии как опоры режима была двусмысленна, – вышедшая из ее рядов господствующая офицерская фракция боялась ее, обоснованно полагая, что армия является потенциальным источником угрозы ее власти.

Сирия – пример внутренней нестабильности, вызванной последовательным приходом к власти различных этноконфессиональных групп офицерства. Этот процесс завершился только в 1970 г., когда в результате очеред-

ного военного переворота на вершине ее политической пирамиды оказался алавитский клан Асадов. Однако в равной мере армия приходила к власти в Ираке, Египте, Алжире, Ливии, Йемене (в эпоху его существования в качестве двух суверенных государств – Йеменской Арабской Республики и Народно-Демократической Республики Южный Йемен). Процесс милитаризации порождал насилие, неуважение к праву, формируя обращавшиеся к примордиалистским лозунгам (обрамлявшимся в южнойеменском случае марксистской риторикой) авторитарные режимы.

Все же в арабо-израильский конфликт, включая военное противостояние и многосторонний бойкот еврейского государства, никогда не вовлекалось большинство арабских стран. Участие в нем магрибинских государств было символично (оттуда порой доносились голоса «диссидентов», требовавшие, как в 1965 г. президент Туниса Хабиб Бургиба, мирного решения конфликта¹⁵¹). Это относилось и к государствам Залива и Аравийского полуострова. С другой стороны, эволюция конфликта превращала некоторых его участников в *дуваль аль-муваджаха – государства противостояния* – группу его участников, непосредственно граничащих с Израилем. Казалось бы, арабский мир получал центральное звено – Египет, Сирию («прогрессивные» государства, борющиеся и против «консервативных» арабских режимов), Иорданию и Ливан. Но «страновые» интересы членов этого звена не содействовали обретению этой группой устойчивости.

Ливан не участвовал в июньской войне 1967 г. и в октябрьской 1973 г. Иордания не стала участником войны 1973 г. Присутствие Сирии в списке «государств противостояния» усиливало ее роль «центра силы» в субрегионе «исторической Сирии», но не во всеарабском масштабе. Единственным государством, способным претендовать на сплочение всего арабского геополитического пространства, был Египет. Его превращение в общеарабский «центр силы» было положено событиями 1956 г. (*тройственной агрессией* в арабском дискурсе), когда Израиль принял участие в карательной акции Великобритании и Франции против национализировавшего Суэцкий канал режима Гамала Абдель Насера.

Роль, которую играли «прогрессивные» государства – Египет и Сирия на «общеарабской» и субрегиональной арене, используя в этой связи конфликт с Израилем и оправдывая свой курс различными вариантами (насеровским или баасистским) арабизма (провозглашавшими «единство» путем к построению «свободного от Запада» и «социалистического отечества»), была направлена на преодоление «рыхлости» их государственных пространств и обществ. Изданная ЦК Арабского социалистического союза (египетской правящей партией насеровского времени) популярная брошюра подчеркивала важность достижения ситуации, когда «арабский гражданин будет безоговорочно убежден в том, что противостояние Израилю носит цивилизационный характер». Эта «убежденность» требовала «выработки объединяющей арабов доктрины», «подобной вдохновлявшему их исламу», «во имя которого они становились мучениками»¹⁵².

Египетский вариант развития, по словам Г.А. Насера, создавал такую «доктрину». Ею становился «включающий религиозную веру социалистический арабский национализм», содействующий «изживанию арабской безнадежности эпохи после трагедии Палестины» и ведущий арабов к «со-

циалистическому единству» и «свободе», «ниспровергая израильское региональное присутствие»¹⁵³. Гетерогенность регионального и «странового» пространства и социума преодолевалась, исключая свободу мнения, диссидентского вольнодумия и элементарные права личности. Программа баасистского движения (в Сирии и в недавнем прошлом в Ираке), говоря о «национальном строительстве», была откровенна: «Из пределов арабского отечества депортируется каждый, кто призывает к созданию или является членом антиарабской расистской группировки, кто въехал в это отечество, преследуя колониальные побуждения»¹⁵⁴. Речь шла не столько об Израиле, сколько об этноконфессиональной мозаике Ближнего Востока, – устремления арабоязычных религиозных меньшинств, курдов, ассирийцев или армян квалифицировались как «противоречащие национальным чаяниям арабизма». Форма, которую в 1950–1960-е годы обретал арабский национализм, была движением к примордиалистской эксклюзивности, когда в каждой из стран региона «преодолевалась» множественность памятей и идентичностей.

Поражение «прогрессивных» государств в июньской войне 1967 г. создало объективную основу для превращения арабских «консерваторов» (прежде всего Саудовской Аравии) в ведущее звено межарабских отношений. Это доказывали документы Хартумского саммита ЛАГ (сентябрь 1967 г.), провозглашавшие лишь Синайский полуостров, Голанские высоты, сектор Газа и Западный берег оккупированными «арабскими» территориями. Речь более не шла о том, что ранее называлось «оккупированной Палестиной»¹⁵⁵ – беспрецедентный шаг, возможность которого в то время, когда «объединяющим» началом арабского мира были «прогрессивные» государства, исключалась.

Движение к снижению уровня межгосударственного конфликта фиксировалось состоявшимся в августе 1981 г. в Фесе саммитом ЛАГ, принявшим Мирный план урегулирования конфликта, предложенным (в то время) наследником саудовского престола принцем Фахдом бен Абдель Азизом. План уточнял положения документов Хартумского саммита, – израильские войска должны были покинуть «все арабские территории», «включая арабскую часть Иерусалима», созданные на этих территориях «поселения» следовало демонтировать. План подтверждал права палестинцев, требуя выплаты «компенсации» тем, кто «не желает возвращаться на свою родину», заявляя о необходимости «образования палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме», как и о «праве всех государств региона жить в мире»¹⁵⁶. Усилиям «консерваторов» придал новый импульс кувейтский кризис 1990–1991 гг. Освобождение этой страны сформировало блок арабских государств, заинтересованных в решении ближневосточного конфликта – страны Совета сотрудничества арабских государств Залива¹⁵⁷, Египет и Марокко.

В 1991 г. в испанской столице открылась конференция по ближневосточному урегулированию, положившая начало Мадридскому мирному процессу. Участие в нем большинства арабских стран и представителей оккупированных палестинских территорий, наряду с Израилем, подтверждало начало региональных перемен. Их итогом стало прекращение первой палестинской интифады, согласование палестино-израильской Декларации о принципах и

заключение иордано-израильского мирного соглашения. В первой половине 1990-х годов арабо-израильские отношения изменились, – Израиль был дипломатически признан не только Египтом, но и (с 1994 г.) Иорданией, и (с 1999 г.) Мавританией (в Тунисе и Марокко работали израильские «группы связи», а в Катаре и Омане экономические бюро). Межгосударственный конфликт обретал тенденцию к исчерпанию.

В 2002 г. на саммите в Бейруте ЛАГ приняла представленную нынешним саудовским монархом Абдаллой бен Абдель Азизом «арабскую мирную инициативу». Этот документ не содержал в себе новые предложения, а детализировал ранее высказывавшиеся идеи: вывод войск «со всех оккупированных арабских территорий» и возвращение к линии перемирия, «существовавшей до 4 июня 1967 г.». Эта инициатива не ставила вопрос о «законности прав палестинского народа», ограничиваясь «справедливым урегулированием проблемы палестинских беженцев». ЛАГ призвала создать «независимое и суверенное палестинское государство» на «Западном берегу и в секторе Газа» со столицей в «Восточном Иерусалиме (*Аль-Кудс Аш-Шариф*)». Соглашение Израиля принять это предложение обязало бы страны ЛАГ «считать арабо-израильский конфликт закончившимся»¹⁵⁸.

Тенденция к исчерпанию вооруженной формы арабо-израильского межгосударственного конфликта (не исключившая, тем не менее, «неклассические» варианты противостояния – «война» 2006 г. с ливанским движением Хизбалла или последующие карательные акции израильской армии против режима ХАМАС в секторе Газа) ставила вопрос о целостности ближневосточного пространства, состоящего из «арабских» и «неарабских» государств. Конфликт возвращался к своей исходной точке – проблеме Палестины. ЛАГ, не отказываясь от «мирной инициативы», оказывала давление на Израиль. В 2000 г. была прекращена деятельность израильских групп связи в Тунисе и Марокко, а также экономических представительств Израиля в Омане и Катаре, в 2009 г. переворот в Мавритании положил конец мавритано-израильским дипломатическим связям. Арабское понимание палестинской государственности было связано с деструктивным воздействием палестинского фактора на ситуацию в регионе, как и преодолением «рыхлости» арабского мира.

Проявившая себя в арабском мире тенденция к исчерпанию конфликта оказалась ограничена, – мирные отношения с Израилем остались «холодными». «Арабская мирная инициатива», как и предшествовавшие ей проекты урегулирования, аккумулировала представления лишь некоторых действующих в арабском сообществе игроков, стремившихся к созданию такой системы ближневосточных отношений, которая снизила бы способность Израиля играть роль ее центрального звена. Ее ограниченность заключалась не только в этом обстоятельстве, – противоречивость устремлений акторов арабского геополитического сообщества препятствовала общеарабскому консенсусу в отношении формирования новой модели Ближнего Востока. Авторитарность режимов в странах, поддержавших эту «инициативу», не позволяла считать ее итогом внутреннего, «национального» консенсуса. Если «правлящий класс» стран, устанавливавших дипломатические или экономические связи с Израилем, выражал свою приверженность миру, то значительная часть общества (и сторонники религиозной идеи, и либеральные светские интеллектуалы) считала этот мир недопустимым¹⁵⁹, призывая к «возрождению арабской национальной идеи».

ИЗРАИЛЬ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ АРАБСКОМУ МИРУ: К НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

14 мая 1948 г. в «Эрец-Исраэль», где «возник еврейский народ», было провозглашено создание Государства Израиль. Подтверждая законность этого акта, Декларация независимости апеллировала к «исторической связи» евреев с «Эрец-Исраэль», что, как считал Д. Бен-Гурион, позволяло видеть в Израиле «продолжение» древнееврейских царств¹⁶⁰. Израиль вырос из ишува, Декларации Бальфура, мандата Лиги Наций, Холокоста, из «вклада» евреев «Эрец-Исраэль» в «борьбу свободных ... народов против ... нацизма». Его легитимность определялась и «резолюцией» ООН «о создании еврейского государства». Государство заявляло, что оно «открыто для ... объединения в нем рассеянных по свету евреев», обеспечивает «полное гражданское равноправие» арабам, «проживающим в Государстве Израиль», и протягивает «руку мира» арабским странам¹⁶¹. В январе 1950 г. кнессет (число его депутатов соответствует числу членов Синедриона времени Второго Храма) провозгласил (Западный) Иерусалим «вечной столицей Израиля»¹⁶², в июле того же года принял «закон о возвращении»¹⁶³.

Излагая основы легитимности государства, Декларация независимости повторяла положения сионистского дискурса, конкретизируя их в соответствии с послевоенным временем, когда ссылка на Холокост напоминала о «вечности» антисемитизма. Этот дискурс был призван создать иллюзию последовательного движения к намеченному идеалу, подчеркивая правоту стратегии, когда отступления – поиск пути к однажды определенной цели. Он же доказывал, что «еврейское национальное государство» сохраняет «приверженность демократии и соблюдению прав человека»¹⁶⁴.

Но государство обрело название, связывавшее его с иудейской традицией, говорящей об «Израиле», как о единстве ее приверженцев¹⁶⁵, хотя израильское гражданство распространялось и на его религиозно многообразное арабское меньшинство. Провозглашение арабского языка вторым государственным языком не меняло положение, – *арабская* школа была призвана внедрять лояльность в отношении *еврейского* государства. Государство обрело символы – унаследованные у ВСО флаг и гимн, а также герб – *менору*. Флаг (как и гимн) доказывал, что Израиль – итог сионистской деятельности. Герб с его многообразными значениями (включая символику «Божественного света»), объединяя еврейское сообщество Израиля, маргинализировал (как флаг и гимн) арабских граждан. Превращение *Палестины* в *Эрец-Исраэль* обрело черты государственного курса. Территория Израиля *гебраизировалась*, – возникал «новый, библейский мир»¹⁶⁶, фиксирувавшийся «еврейской картой (*Hebrew map*)»¹⁶⁷. Этот «мир» появлялся в итоге войн. Обращаясь к участникам военного парада в Шарм-аш-Шейхе времени событий 1956 г. – в израильском дискурсе *Синайской кампании*, Д. Бен-Гурион писал: «Армия протянула руку царю Соломону, три тысячи лет тому назад создавшему Эйлат – первый израильский порт»¹⁶⁸.

Декларация независимости не определяла пространство израильского суверенитета и не давала оснований считать, что оно соответствует территории, предусматривавшейся резолюцией № 181 (II). Подчеркивая это, изра-

ильский автор писала: «Принятие резолюции ООН о разделе – пример сионистского прагматизма *par excellence*. Это был тактический ход, трамплин для экспансии, когда для этого сложатся необходимые условия»¹⁶⁹. Итоги Палестинской войны отбрасывали решение международного сообщества, создав при опоре на силу (что квалифицировалось в Израиле как итог «агрессии арабских государств»¹⁷⁰) новую территорию, где «Израиль имеет не только военный контроль, но и полноценный государственный суверенитет»¹⁷¹.

На этой территории преобладало еврейское население. Исследования израильских авторов дают основание полагать, что проблема палестинских беженцев возникла не только как «добровольный ответ на арабские “приказы сверху”»¹⁷², но и в результате курса лидеров ишува/Израиля, рассматривавших возможность «перемещения (*transfer*)» арабов за пределы еврейского государства. Присутствие в этом государстве «значительного арабского меньшинства» с его «высокой рождаемостью», «активной или потенциальной враждебностью» рассматривалось бы как «постоянная угроза»: «Идея перемещения арабов ... выглядела как путь к стабильности и “еврейскости (*Jewishness*)”»¹⁷³.

Безопасность Израиля достигалась (по словам израильских авторов) «этническими чистками»¹⁷⁴, «вытеснением и запугиванием», «беспоощадностью» и недопущением возвращения¹⁷⁵. «Беспоощадность» проявила себя уже 9 апреля 1948 г., когда «ревизионистские» военизированные формирования уничтожили жителей деревни Дейр-Ясин¹⁷⁶, – действия Эцель и Лехи стали отражением межпартийной борьбы в рядах (еще) ишува¹⁷⁷. Одной из «этнических чисток» («операция Дани») стало изгнание жителей Лода/Аль-Лидд («несколько десятков тысяч чел.»), обвиненных в «мятеже» против захвативших этот город 11 июля 1948 г. формирований израильской армии. Описывая эти события, израильский очевидец говорил, что двигавшаяся из этого города колонна беженцев «поначалу оставляла после себя домашнюю утварь, а потом – тела мужчин, женщин и детей»¹⁷⁸. Официальная же версия событий была принципиально иной: «Арабы, нарушившие условия капитуляции и опасавшиеся возмездия, были счастливы открытой им возможности эвакуировать город в восточном направлении... арабские жители покинули Лод»¹⁷⁹.

После окончания Палестинской войны число арабов на территории, выделенной еврейскому государству, снизилось с 850 тыс. до 160 тыс. человек¹⁸⁰, – это положение рассматривалось как *fait accompli*. Политика запугивания продолжалась и после 1949 г. 29 октября 1956 г., в день начала *Синайской кампании* (вдохновлявшейся подвигом борца с *филистимлянами* Самсона, низвергнувшего «врата Газы»¹⁸¹, и направленной на прекращение инфильтрации *федаянов*), армия расправилась с жителями деревни Кфар-Касем.

Расширение территории и изменение состава населения не решили проблем безопасности Израиля. Уязвимость страны в случае потенциального возобновления военных действий не была ликвидирована, а арабское меньшинство (на районы проживания которого вплоть до 1966 г. распространялся режим чрезвычайного положения¹⁸²) не рассматривалось как лояльное. Сложность хозяйственной ситуации усугублялась необходимостью абсорб-

ции значительной волны иммигрантов. «Политика возмездия» в отношении стран-соседей¹⁸³ не прекращала акции *партизан*¹⁸⁴. Арабское непризнание и бойкот исключили Израиль из числа политических и экономических акторов Ближнего Востока, – Израиль возникал, по словам его политика, как «государство-гетто»¹⁸⁵. «Социалистический» истеблишмент «преодолевал» эту ситуацию, выдвигая вслед за Д. Бен-Гурионом образ арабов как «примитивных, свирепых и фанатичных врагов», понимающих «только язык силы»: «Мы, – отмечал он, – живем в двадцатом веке, они – в пятнадцатом»¹⁸⁶.

Становление государства корректировало дискурс прежнего ишува. Став воплощением «сионистской мечты», Израиль, по словам первого премьер-министра, возложил на себя миссию «света наций». Оборона и безопасность государства (и ее инструменты – армия и специальные службы) обретали сакральный характер, – процесс милитаризации Израиля (с его ссылками на «враждебное окружение») становился реальностью. Армия (ее офицерство пополнялось сионистски мотивированными уроженцами киббуцев, шедшими в дальнейшем в израильскую политику) обретала собственного героя, почерпнутого из эпохи борьбы с Римом – Бар-Кохбу¹⁸⁷, освободившего Иудею от римских гарнизонов¹⁸⁸. Важным военно-политическим символом нового Израиля стала Масада – последний оплот сопротивления zelотов войскам императора Тита (рис. 3). Израильский социолог замечал: «Милитаризм стал фактором израильского общества... оружие и методы насилия воспринимаются как рутина... неотъемлемая часть израильско-еврейской культуры, естественное состояние, которое никогда не изменится»¹⁸⁹.

Рис. 2. Масада

Государство формулировало задачи системы образования, резюмировавшие Закон об образовании 1953 г. как «любовь к отечеству, преданность государству и еврейскому народу»¹⁹⁰. Соотношение государства и еврейской диаспоры менялось в пользу Израиля: «Все, что сделано евреями в Израиле, – подчеркивал Д. Бен-Гурион, – ... жизненно важно для еврейского народа. ... То, что сделано евреями диаспоры – второстепенно»¹⁹¹.

Отношение к Холокосту было важной проблемой израильского общества. Этос *первопроходцев*, идеализированных фигурой И. Трумпельдора, был антитезой времени *рассеяния*, – Катастрофа европейского еврейства, увиденная через призму взгляда на *галут* – «овцы, идущие на заклание»¹⁹², отторгалась¹⁹³. Создание государства (и вызов трансформированных «реви-сионистов» – партии Херут Менахема Бегина) меняло эту позицию. Холокост «израилизировался», – государство (в 1953 г. был основан мемориал *Яд ва-Шем*) обретало черты «памятника европейскому еврейству»¹⁹⁴. Провозглашение дня начала восстания в Варшавском гетто датой памяти Холокоста позволяло делать акцент на «героизме» как центральном звене *Шоа* – Катастрофы. Это превращало «партизан и борцов гетто в “сионистов” и “подлинных евреев – *Hebrews*”» (другие жертвы Холокоста оставались «*Jews*»). Они отделялись «от Холокоста и рассеяния», становясь «частью героического прошлого Израиля»¹⁹⁵ и оправдывая противостояние арабской «враждебности».

Победа в Палестинской, как и в двух последующих войнах – в 1956 и 1967 гг. (когда появлялись новые национальные герои), заставляла воспринимать Масаду как символ изоляции («группа вступивших в социальный

Рис. 3. Масада

конфликт zelotov»), раскола в обществе и гибели в столкновении с превосходящим противником. Повышение же роли религиозных партий¹⁹⁶ ставило вопрос о соотношении Масады (эпизода, разрушившего государственность антиримского восстания) и Явне, куда после разрушения Второго храма был перенесен Синедрион и восстановлена «жизнь нации». Неудачно начавшаяся для Израиля Октябрьская война 1973 г. – «травма войны Йом-Кипур»¹⁹⁷

вела к новому переосмыслению Масады. «У нас не может не быть комплекса Масады, – говорила в 1973 г. Г. Меир. – У нас есть комплекс погрома. У нас есть комплекс Гитлера»¹⁹⁸. Масада трансформировалась в символ страданий и гибели, оправдывая неуступчивость политиков.

Миф Тель-Хай демонстрировал большую устойчивость: «В течение первых десяти лет государственного строительства, – отмечала израильско-американский автор, – Тель-Хай укрепил свой статус важного национального мифа. Школа, молодежное движение и армия превозносили воспитательное значение ценностей Тель-Хай, а само это событие стало объектом ежегодной общенациональной церемонии»¹⁹⁹, – страна жила в атмосфере эйфории победы в Палестинской войне. Тем не менее отношение к этому мифу не было статичным. Израиль «противостоял огромным социальным, экономическим и политическим проблемам, разрыв между ранним романтическим видением государственности и реальностью» порождал «скептицизм» в отношении «еврейской (*Hebrew*) культуры ишува». Тель-Хай «присваивался» Херут (этот процесс начинался ранее, – созданное «ревизионистами» в 1920-е годы молодежное движение Бейтар носило имя И. Трумпельдора).

Значительной группой прибывших в Израиль после окончания Палестинской войны иммигрантов были «восточные евреи (*Mizrahi Jews*)», включая выходцев из арабских стран²⁰⁰. Эти люди – жертвы антисемитской политики режимов стран «исхода» были далеки от сионистского этоса (слова первого премьер-министра, противопоставлявшие Израиль и арабов, не раз обращались и против них – «живущих в пятнадцатом веке» в отличие от их «цивилизованных» соседей – *первопроходцев* и их потомков). В Израиле они видели спасительную пристань, которая в их случае обрамлялась религиозно. Внимание к ним государства определялось последствиями Холокоста, – их иммиграция должна была «возместить» потерянных евреев Европы²⁰¹, когда «сефардский и восточный компонент мирового еврейства» мог стать основным источником «обеспечения населением и строительства еврейского государства»²⁰². Решая эту задачу, сотрудники Еврейского агентства подталкивали ближневосточные еврейские общины к эмиграции, провоцируя чувство неуверенности и нестабильности (случай Ирака²⁰³), или содействуя окончательному переезду их членов (случай Йемена²⁰⁴). Иммиграция «восточных евреев» становилась аргументом против возвращения палестинских беженцев.

Построенная на теории «плавильного котла» политика абсорбции выходцев из арабских стран предлагала им единственную модель аккультурации – «европейских евреев, ставших современными израильянами под влиянием еврейского (*Hebrew*) возрождения, милитаризма израильского общества и поселенческого этоса»²⁰⁵. Речь шла о том, «будет ли здесь (в Израиле. – Г.К.) создан еще один левантский народ» – «еврейская версия Ливана, Сирии и Египта» или сохранится «облик народа, который сложился среди основателей [сионистского] движения?»²⁰⁶. Иврит становился инструментом социализации, а основным каналом его усвоения армия, превращавшаяся в институт образования, культуры, поселенческой деятельности и абсорбции иммигрантов. Само же израильское общество стратифицировалось по принципу этничности, субэтничности и конфессиональной принадлежности. Его элитарный эшелон состоял из ашкеназских *старожилов* – *ватиким*, за ко-

торыми следовали выходцы из стран Ближнего Востока. Низший этаж этой социальной пирамиды занимало арабское меньшинство, в рядах которого выделялись бедуинский субэтнос и друзская община.

По словам израильского социолога, «восточные евреи» превращались в «городской и сельский рабочий класс», «социально и географически изолированный от сообщества старожил» и не способный артикулировать «трудности своей адаптации, опираясь на насыщенную героическими символами мифологию»²⁰⁷, – способом выражения их чаяний становилась религия. С другой стороны, само государство начинало пересматривать роль религии в «национальном строительстве». Достижение общественной стабилизации в условиях противостояния «социалистов» и Херут, претендовавшей на «выражение чаяний» иммигрантов, заставляло МАПАЙ (с 1968 г. – *Мифлегет хаавода хаисраэлит* – Партия труда Израиля) создавать коалиции с религиозными партиями. Эти коалиции не были прочны без уступок союзникам, – статус субботы и праздников иудаизма закреплялся объявлением их выходными днями, в ведение судов раввина передавались вопросы семьи и брака, государственная поддержка религиозных школ расширялась. Религия обретала статус маркера государства. Появление в 1956 г. Национально-религиозной партии – МАФДАЛ перевело вопрос «кто является евреем?» в область практики²⁰⁸.

Израильское общество трансформировалось, – переосмысление основных мифов догосударственного прошлого демонстрировало тенденцию разрыва с ишувом, а прежде единая «коллективная память», основанная на «доминирующей культуре» эпохи *халуцим*, все более расщеплялась. По словам израильского автора, «определение еврейской иммиграции как “возвращения” открыло» перед иммигрантами «ворота государства немедленно», когда от них не требовалось «даже знание его обычаев и языка», – появлялось «пространство маневра для групп, которые частично или полностью отвергали требование» господствующей «идеологии расстаться со своим культурным своеобразием»²⁰⁹. Социум становился поликультурным. Спектр символов его этнических сообществ колебался от праздника «Мимуна» и почитания гробниц «святых» в марокканском случае до появления русско-израильской прессы, литературы, провозглашения Дня победы 9 мая государственным праздником по настоянию выходцев из постсоветских государств²¹⁰. Эта поликультурность обреталась на фоне конфликта с арабским миром и борьбы политических структур, когда одни (подчеркивая преемственность ишува и государства) стремились к сохранению гегемонии *ватиким*, другие – к ее низвержению.

Июньская война 1967 г. изменила региональную и внутриизраильскую ситуацию. Оккупация *территорий* (*иштахим* израильского дискурса) стран-соседей дополнилась в 1977 г. контролем израильской армии над югом (вплоть до р. Литани) Ливана, охваченного гражданской войной. «Государство Израиль трансформировалось в Эрец-Исраэль (*Land of Israel*)»²¹¹, – карта ранних сионистских притязаний обрела черты реальности.

Эта карта опиралась на материальные «подтверждения» связи еврейского народа и Эрец-Исраэль, – израильская армия установила контроль над Восточным Иерусалимом и Западным берегом с расположенными там святынями иудаизма (одновременно ислама) – Храмовой горой (в арабском

религиозно-политическом дискурсе – *Аль-Харам Аш-Шариф – Благородная Святыня*), хевронской пещерой Махпела с усыпальницей «праотцев» (в арабском варианте дискурса – *Аль-Харам Аль-Ибрагимий – Мечеть Ибрагима-Авраама*), гробницами Рахили и Иосифа (вблизи Наблуса, в израильском дискурсе – *Шхем*). Если *галахические* предписания не допускали приверженцев иудаизма на Храмовую гору (что не означало отказа от обладания ею²¹²), то паломничество к иным «освобожденным святыням» стало после июня 1967 г. частью повседневности. Как говорил Моше Даян, «мы вернулись к Горе (Храмовой. – Г.К.), к колыбели истории нашей нации, на землю Праотцев, на землю Судей, к крепости династии Давида, мы вернулись в Хеврон, Шхем, Вифлеем, Анатот²¹³, Иерихон, к переправам через Иордан», чтобы «не уходить вовеки»²¹⁴.

В июне 1967 г. кнессет принял Закон об охране святых мест, декларировавший «свободу доступа последователей различных религий к святым для них местам». В сопровождавшем этот документ заявлении премьер-министра Леви Эшкола подчеркивалось, что «важнейшим принципом политики правительства Израиля является охрана святых мест ... и гарантия свободного доступа к ним»²¹⁵. Израильские власти лишь следовали за ситуацией, которую *de facto* создала оккупация. 7 июня 1967 г. *ковчег Торы* был внесен в пещеру Махпела, – мечеть Ибрагима частично трансформировалась в синагогу благодаря «воссозданному» ортодоксами (после его уничтожения в августе 1929 г.) поселения Кирыт-Арба²¹⁶. Захват Восточного Иерусалима изменил положение у Западной стены, – перед ней были установлены скамьи, помещен свиток Торы и разрушен сужавший проход к ней квартал *Маграби*. Управление Западной стеной (рядом с которой стала проводиться церемония принятия воинской присяги) было передано раввину (рис. 4).

Опора на силу как средство реализации «свободы доступа» к религиозным святыням (как и попытки давления на мусульманские структуры Восточного Иерусалима с тем, чтобы подчинить их «огосударственному» исламу Израиля²¹⁷) воспринималась палестинским сообществом как «насильственная иудаизация» и углубляла взаимное отчуждение. Его итогом стало насилие. В феврале 1994 г., когда распространялись слухи о возможном нападении палестинцев Хеврона на Кирыт-Арба, живший в этом поселении Барух Гольдштейн расстрелял молившихся в Мечети Ибрагима мусульман и был убит ими. В дни *интифады мечети Аль-Акса* гробница Иосифа (и располагавшаяся при ней *ешива*) была разрушена, став полем сражения между израильской армией и палестинцами²¹⁸. Оккупация содействовала, как отмечала российский исследователь, развитию структур, «члены которых фанатично убеждены, что путь к спасению еврейского народа пролегает через ... изгнание иноверцев из священных для иудеев мест». Среди них – Институт Храма, «долгосрочная цель» которого определяется «как строительство третьего храма»²¹⁹.

Накануне войны 1967 г., когда действия Г.А. Насера давали повод актуализировать трагедию мифа Масады, вновь подтверждая, как считали в Израиле, что ему «не с кем разговаривать» в арабском мире, где отсутствуют какие-либо партнеры, заинтересованные в контактах с ним, гегемония «социалистов» на вершине властной пирамиды была прервана. Создание «правительства национального единства», включившего главу Херут М. Бегина,

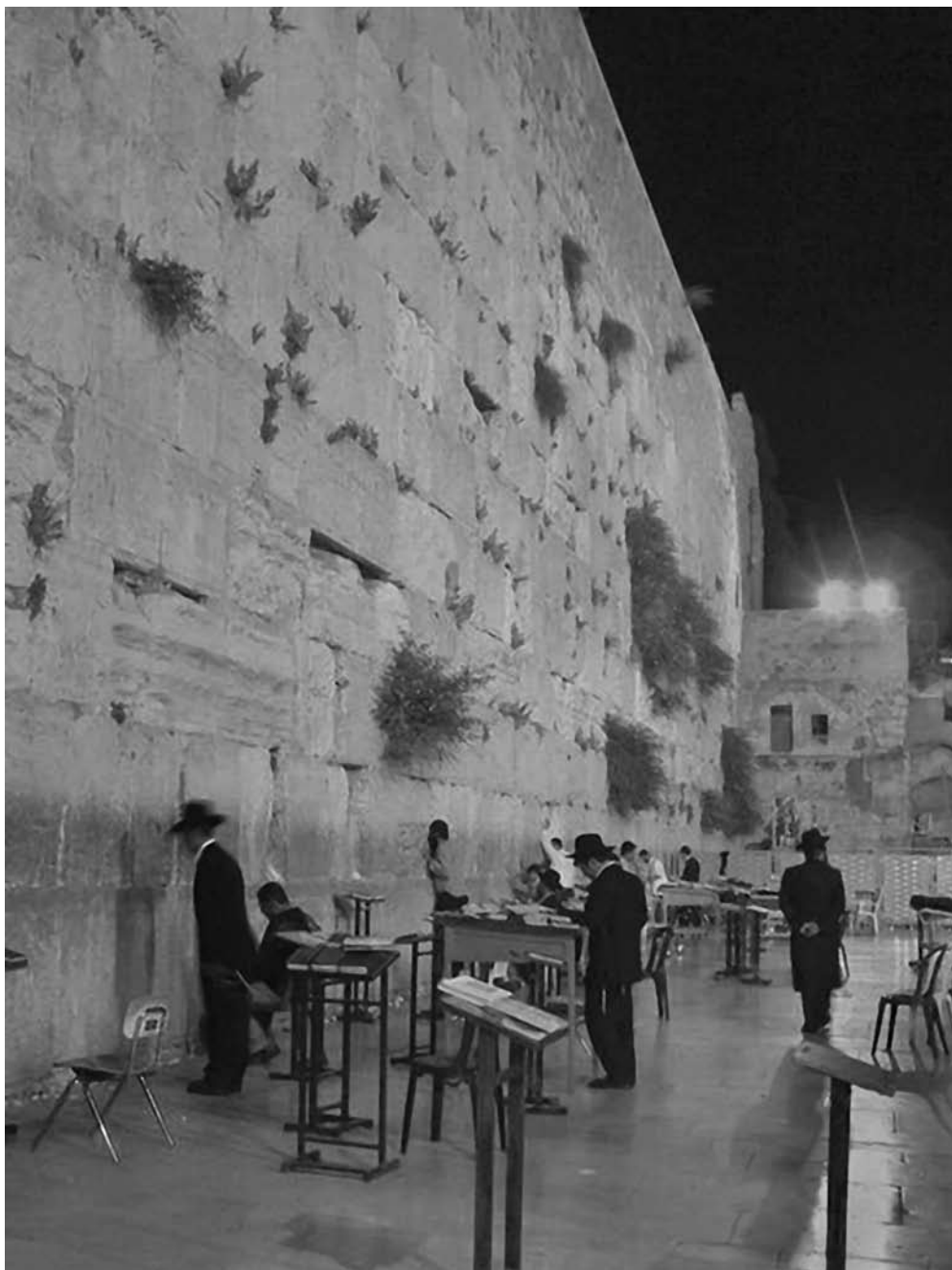

Рис. 4. Иерусалим. Стена плача

позволило их основному противнику «войти во власть», – «началось падение престижа и популярности» ранее лидировавшей в Израиле политической структуры²²⁰. Результаты парламентских выборов 1977 г. позволили «ревизионистам» (блоку Ликуд) сформировать правительство, – за этим стояла «травма войны Судного дня» – военные неудачи «социалистического» премьера Г. Меир.

Новая региональная реальность, как и внутриизраильские изменения создали совокупность предпосылок, содействовавших тому, что и в случае Израиля межгосударственный конфликт демонстрировал тенденцию к исчерпанию. Однако достижение мира с соседями осознавалось израильским руководством как опиравшееся на военную силу движение к прорыву непризнания через «сепаратные» договоры с отдельными арабскими государствами²²¹. Рыхлость арабского сообщества содействовала успеху этой стратегии.

Заключенный в марте 1979 г. под эгидой правительства М. Бегина израильско-египетский мирный договор вывел Египет из системы арабского непризнания, изменив региональный баланс сил²²². В 1980-е годы движение в направлении поиска слабых звеньев арабского геополитического сообщества продолжалось, проявившись во вмешательстве в гражданскую войну в Ливане. Его целью была поддержка «дружественных еврейскому государству» маронитских сил, – Ближний Восток становился сферой «*Pax Israeliana*»²²³. Действия М. Бегина актуализировали миф Бар-Кохбы, премьер-министр представлял как «спаситель» страны, «герой», противостоящий «миру»²²⁴. Вместе с тем уже через год после июньской войны 1967 г. в Израиле возникла первая организация сторонников мира – *Мозет шалом ве битахон – Совет мира и безопасности*, основанный ушедшими в отставку высшими армейскими офицерами и представителями академической среды²²⁵.

Итогом же вторжения в Ливан стало первое в израильской истории «крушение еврейского национального консенсуса в отношении войны и появление массовой оппозиции»²²⁶ (не только левых партийных групп, но и антивоенных движений – *Шалом ахшав – Мир – сейчас* или поддерживавшего отказывавшихся служить в Ливане призывников *Йеш Гвуль – Есть предел*), усилившейся после начавшейся в 1987 г. первой палестинской *интифады*²²⁷. Впервые в израильской истории возникло положение, когда выполнение отдававшихся приказов «ставило многих солдат и/или офицеров в положение потенциальных обвиняемых», – мораль армии, противостоявшей гражданскому населению на Западном берегу и в секторе Газа, падала. Антивоенные движения противостояли «ультранационалистическим фундаменталистам». Эти движения поддерживали «известные журналисты и решающее большинство высшего эшелона армии, социально и политически» происходившими из среды «ашкеназим, секуляристов, выпускников престижных учебных заведений и членов киббуцев» и «выражавшими свои антианнексионистские настроения»²²⁸. Партия труда и другие левые партии усиливались, в конце 1980-х годов ведущие лица в их руководстве говорили о возможности переговоров с ООП (определившей свою новую позицию по вопросу конфликта), о признании права палестинцев на самоопределение и создании палестинского государства рядом с Израилем (лозунг «два государства для двух

народов»), включая возможность обсуждения судьбы Восточного Иерусалима.

К концу 1980-х годов в израильском обществе укрепилось понимание того, что удержание *территорий* не укрепляет безопасность государства. Террористические акции самоубийц-уроженцев Западного берега и сектора Газа не прекращались. В 1992 г. был поставлен вопрос о строительстве «разделительной стены», проект которой был в 2003 г. инициирован правительством Ариэля Шарона. Полученное армией более широкое поле для маневра не снижало уровень уязвимости Израиля. Сохранение же контроля над территориями под предлогом «восстановления» внутripалестинских экономических связей времени мандата подрывало международный престиж государства. Итогом этого процесса становилась абсорбция хозяйственного потенциала обоих палестинских регионов и реквизиция земли (в 1972 г. 28% территории Западного берега, в 2000 г. – 42%²²⁹), где создавались еврейские поселения. Несовпадение же «разделительной стены» и «зеленой линии» увеличивало площадь земельного отчуждения²³⁰.

Эволюция внутриизраильской ситуации находила свое отражение в сфере академических исследований. В конце 1980-х годов появились работы школы «новой истории» Израиля, авторы которых пересматривали сионистский нарратив, прежде всего в сфере вопросов, связанных с отношениями ишува/Израиля с арабо-палестинским сообществом и арабским миром²³¹. Новые тенденции в осмыслении прошлого поставили вопрос о формировании *постсионистского* видения проблем, касающихся ближневосточного конфликта, включая и его израильско-палестинское ответвление.

Отрицая сионистский миф о «возвращении евреев на свою историческую родину», постсионисты считали Израиль «колониально-поселенческим обществом (*settler-colonial society*)», идентичным «европейским обществам Австралии или Южной Африки»²³². Логика этого утверждения влекла за собой идею деградации арабо-палестинского сообщества как итога проводившегося ишувом курса «завоевания труда» и «завоевания земли», как и «значительности ответственности» Израиля за возникновение проблемы палестинских беженцев. Отвергая положение сионистского дискурса о «полном гражданском равенстве израильских арабов», сторонники постсионизма считали необходимым трансформировать Израиль из «государства евреев в государство всех его граждан». Касаясь вопроса о «восточных евреях», постсионисты говорили об «ориенталистском взгляде» *ашкеназских* создателей Израиля «на Восток», отрицающем «арабскую культуру» *мизрахим*.

Постсионистская концепция имела практическое воплощение, – представлявшие академический корпус постсионисты разработали подготовленную в 1993 г. в Осло Декларацию о принципах, становясь в дальнейшем партнерами палестинских общественных деятелей по созданию проектов двусторонних мирных инициатив²³³. Постсионизм оправдывал оппозицию Ликуд, ставя вопрос о компромиссе как основе мира с соседями (включая и палестинцев) и содействуя присоединению Израиля к Мадридскому процессу. Парламентские выборы в июне 1992 г. привели к власти правительство Партии труда во главе с Ицхаком Рабиным, где пост министра иностранных дел занял Шимон Перес.

Новый курс Израиля опирался, как писал в 1993 г. Ш. Перес, на «реалистический подход к главным проблемам Ближнего Востока»: «Мы все должны признать бесцельность войн: арабы не в состоянии победить Израиль на поле боя, а Израиль не может диктовать арабам условия мира»²³⁴, что позволяло выдвинуть альтернативу – «двусторонние и многосторонние договоры». Выступая в июле 1992 г. в кнессете в связи с формированием своего правительства, И. Рабин, противореча библейскому тексту, подчеркивал: «Мы больше не являемся “народом, который живет сам по себе”²³⁵ ... Мы должны преодолеть чувство изоляции, которое держало нас в плену почти полвека»²³⁶. Идеи «социалистов» первой половины 1990-х годов были сосредоточены на необходимости создания объединяющего обе стороны конфликта «регионального сообщества по образцу Европейского Союза», способного содействовать «организованному отпору» угрозе религиозного фундаментализма, сформировать «наднациональную» экономическую систему, не допустить распространения «ядерного оружия» и осуществить «демократизацию» составляющих Ближний Восток государств²³⁷. Целесообразность этих идей не скрывала того, что они отталкивались от обретения Израилем роли ведущего звена в процессе региональных перемен.

Достигнутый к концу 1990-х годов «консенсус по отношению к процессу политического урегулирования с арабскими странами», как и признание «абсолютным большинством израильтян» необходимости «диалога с палестинцами», создавал, как замечала российский автор, «устойчивое ... равновесие между “левыми” и “правыми” силами» – Партией труда и блоком Ликуд²³⁸. Различия в их позициях в отношении «мира в обмен на территории» исчезали, – вопрос касался лишь «масштабов ... компромиссов» и «комплекса мер безопасности». Но «консенсус» по поводу «диалога с палестинцами» не имел тенденции к сохранению. В октябре 2000 г. началась *интифада мечети Аль-Акса* (в которую были вовлечены и арабские граждане Израиля). Ей предшествовал отказ главы ПНА Ясира Арафата принять уступки правительства Эхуда Барака и посещение Храмовой горы лидером Ликуда А. Шароном. Позиция сформированного им в феврале 2001 г. правительства «национального единства» (где Партия труда играла роль партнера Ликуд) заключалась в том, что «период переговоров с палестинцами закончен».

ПАЛЕСТИНА/ИЗРАИЛЬ: КРУГ КОНФРОНТАЦИИ

Палестино-израильское противостояние – особый элемент ближневосточного конфликта. Оно асимметрично, – это конфронтация между государством и негосударственной структурой, не изменившая своей формы и в 1990-е годы, когда ООП обрела *квазинациональное* пространство – территорию ПНА. Создание ПНА вызвало к жизни соперничество между двумя фракциями палестинской элиты – сформировавшейся в *изгнании* «внешней», представленной движением ФАТХ²³⁹, и «внутренней» – ХАМАС²⁴⁰. Отношение к Израилю – средство легитимации этого соперничества.

С другой стороны, осуществленная в 1967 г. оккупация территории всей бывшей подмандатной Палестины превращала ее для определенных групп

израильского общества в *Эрец-Исраэль хаилема* – завершённую *Эрец-Исраэль*, меняя отношение к *территориям* и оправдывая выход новых элитарных групп на авансцену политической жизни. Оправдывая свои устремления, эти группы религиозно обосновывали экспансию в направлении *местоположения* древних еврейских царств.

ПАЛЕСТИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОСЛЕ СОЗДАНИЯ ИЗРАИЛЯ: ОТ «ОТМЩЕНИЯ» К ПНА

Ан-Накба – центральный элемент мифологии палестинского этнического сообщества, – число беженцев, оказавшихся на перешедших под контроль соседних государств регионах Палестины или в пределах этих государств, колебалось от 600 до 760 тыс. человек из 1,2 млн арабских резидентов Палестины в 1947 г.²⁴¹ Апелляция к *Катастрофе* проводила грань между *ляджиун* – *изгнанниками* и *муватьунун* – *автохтонами* Западного берега и сектора Газа, как и *палестинцами 1948 г.* – арабскими гражданами Израиля. Она же превращала «жертву сионистской агрессии» (а не иные группы разорванного палестинского этноса) в носителя национальной идентичности, смысл которой заключался в *возвращении Фалястын аль-мугтасаба* – *узурпированной Палестины*. Оправдывая *сопротивление* и *отмщение*, миф Катастрофы порывал с арабо-палестинской политикой прошлого.

Вспоминая о депортации своей семьи из Аль-Лидд/Лода, (в то время) генеральный секретарь Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) Джордж Хабаш говорил: «Израильтяне пришли в Аль-Лидд и вынудили нас уйти ... Тридцать тысяч человек шли, плакали, кричали от страха ... женщины с младенцами на руках, дети постарше брели, уцепившись за подола их платьев, и солдаты, целящиеся им в спины. Кто-то падал по краям дороги и уже не поднимался ... Когда ты видишь такое, разум и сердце черствеют. Ты начинаешь понимать, что нужно изменить мир, что-то сделать, убить, если необходимо, убить, рискуя оказаться бесчеловечным»²⁴².

Создававшиеся разночинцами палестинские кружки, составившие основу ведущих палестинских политических структур – ФАТХ, НФОП и вышедшего из его рядов Демократического фронта освобождения Палестины – ДФОП, возникали в студенческой среде ведущих интеллектуальных центров арабского мира времени 1950-х годов – в Каирском и бейрутском Американском университетах²⁴³. Царившая в этих центрах атмосфера была различна. Если учившегося в Каире Я. Арафата столкновение с египетским национализмом подвигло к выработке идеи «палестинской нации», то Д. Хабаш помещал палестинскую идею в контекст единства «исторической Сирии».

Создавая ФАТХ, Я. Арафат и его сторонники провозглашали лозунг *Фалястын аввалян* – *Палестина, во-первых*²⁴⁴, подчеркивая: «Мы убеждены, что палестинцам нечего ожидать от ... коррумпированных или связанных с империалистами арабских режимов ... Палестинцы могут рассчитывать лишь на себя»²⁴⁵. НФОП (и ДФОП – первоначально его составной элемент) выросли из возникшего в 1951 г. Движения арабских националистов с его лозунгом «единство, освобождение и месть» и утверждением, что «путь в Тель-Авив пролегает через Дамаск, Каир, Багдад и Амман»²⁴⁶. Различие в

подходах не исключало их восхищения Г.А. Насером и стремления опереться на «революционный арабский тыл»²⁴⁷.

Война 1967 г. трансформировала положение и воззрения этих политических структур, – поражение насеровского Египта снижало значение общепалестинского «революционного» центра. Самостоятельность действий ФАТХ была очевидна и ранее, – осуществленная в ночь на 1 января 1965 г. *федаянами* этой организации попытка взрыва трансиорданского водопровода провозглашалась им «началом палестинской революции». Опубликованное в декабре 1967 г. Заявление о создании НФОП подчеркивало: «Вооруженное сопротивление – единственный метод действий народных масс, противостоящих сионистскому противнику»²⁴⁸. К тому времени основатели этой организации были знакомы с опытом вьетнамской герильи, китайской «культурной революции» и кубинской «революции в революции» и обращались к марксизму Мао Дзедун. В феврале 1969 г. ДФОП провозгласил приверженность «марксистско-ленинской доктрине» советского образца²⁴⁹.

Формированию самостоятельных палестинских структур предшествовало в мае 1964 г. создание ООП. Она возникла под эгидой ЛАГ и при решающей роли Г.А. Насера. За время до июня 1967 г. ООП обрела черты разветвленной структуры²⁵⁰, обладавшей значительными финансовыми возможностями²⁵¹, использовавшимися для «национальной мобилизации» – восстановления «права арабского палестинского народа на его священную родину» и «приближения битвы за освобождение ее узурпированной части»²⁵².

Положения Заявления о создании ООП предполагали, что восстановление палестинского «права» осуществимо не столько усилиями самих палестинцев, сколько арабских соседей Израиля. Основной документ ООП – Палестинская национальная хартия (в редакции 1964 г.) подтверждал это, – вновь созданная организация не могла «осуществлять суверенитет над Западным берегом Иорданского Хашимитского королевства, а также сектором Газа». В ее арабском названии содержалось определение *каумий*, переводившееся на европейские языки как *national*, хотя арабский дискурс связывал это определение с «общепалестинским», а не «страновым» этническим сообществом.

Вместе с тем впервые в палестинской истории Хартия провозглашала существование «палестинской идентичности (*аш-шахсыйя аль-фаластинийя*) – качества, передаваемого от отцов к сыновьям». В ряды сообщества включались «арабские граждане, постоянно проживавшие в Палестине до 1947 г.». Документ определял границы «отечества» – Палестина «в границах британского мандата» как «неделимая территориальная единица». Декларация Бальфура, «исторические и духовные связи между евреями и Палестиной» объявлялись «антиисторичными». Иудаизм квалифицировался как «монотеистическая религия», – евреи не могли быть «народом, обладающим собственной идентичностью», а лишь «гражданами государств, где они родились»²⁵³.

Война 1967 г. изменила ООП, – в ее ряды вошел ФАТХ²⁵⁴ (Я. Арафат возглавил ее Исполком), а также НФОП и ДФОП. Влияние окружения, вытекавшее из присутствия отрядов и институтов ООП на территории арабских стран, расширяло ее ряды за счет баасистских структур в их сирийском и иракском вариантах, а в дальнейшем и коммунистов. ООП превращалась в коалицию организаций с широким спектром идеологических воззрений,

где ФАТХ играл роль несущей конструкции. Для этого были весомые основания: он начал «революцию», в марте 1968 г. в ходе «битвы при Караме» *федаины* ФАТХ заставили израильскую армию отступить и защитили «достоинство арабов»²⁵⁵.

Начиналось движение к «кристаллизации палестинской идентичности». «Мы здесь, дамы и господа, – писал палестинский поэт (и израильский коммунист) Самих Аль-Касем, – здесь, на перекрестке»²⁵⁶. В июле 1968 г. на каирской сессии Палестинского национального совета (парламента ООП) была принята новая версия Палестинской национальной хартии. В ее названии «общенациональное» *кауми* было заменено «страновым» *ватаний*²⁵⁷. «Страновой» характер этого документа усиливался, – оккупация всей территории Палестины позволила изъять из прежнего текста все, что касалось контроля или суверенитета арабских государств над Западным берегом и сектором Газа. Лишь «арабский народ Палестины» провозглашался обладателем «законного права на отечество». Хартия объявляла «вооруженную борьбу единственным методом освобождения Палестины». Акции *федаинов* рассматривались как «основа народной освободительной борьбы», призванной решить «противоречие между сионизмом и арабским народом Палестины». Положения о «незаконности» Декларации Бальфура, «раздела Палестины», «антиисторичности» доводов о «связи между евреями и Палестиной» обретали более резкое звучание.

Палестинское сообщество в «изгнании» формировалось, отрицая израильское государство (включая то, что в самом Израиле рассматривалось в качестве основ легитимации его права на суверенное существование – резолюцию № 181 (II), Декларацию Бальфура, мандат Лиги Наций, Холокост²⁵⁸). *Ан-Накба* дополнялась вторым элементом мифологии – участники вооруженной борьбы переставали быть *изгнанниками*, становясь *айдун* – *возвращающимися* на родину. Подчинение «прогрессивному» арабскому миру подвергалось коренной правке, – Хартия (редакция 1968 г.) объявляла палестинцев «авангардом борьбы за святую общенациональную (*кауми*) цель» – «арабское единство». *Жертвенность* – *фида* «возвращающихся» освобождала арабский мир от «господства сионистов» (рис. 5).

Рис. 5. Палестинский плакат «Я не останусь беженцем»

Оформление палестинского мифа завершалось. ООП сохраняла черно-бело-зелено-красный флаг *великой арабской революции* (ныне флаг ПНА). Но интерпретация его цветовой гаммы радикально корректировалась. Становясь «арабским авангардом», ООП видела в этой гамме не ушедшие в небытие государства, а их *местоположение*. Черный цвет указывал на Багдад, белый – Дамаск, зеленый – на основанное «в Марокко» фатимидское государство, включившее в «сферу своего правления Северную Африку», красный – на Аравийский полуостров²⁵⁹. ООП же превращалась в центр этого пространства, стягивала его, выражая его «общенациональные (*кауми*) интересы». В ноябре 1988 г. ООП обрела герб – «орла Салаха Ад-Дина» (ныне герб ПНА). *Арабский полководец*, «освободивший Иерусалим от крестоносцев», и ООП становились тождественны.

«Присваивая» Изз Ад-Дина Аль-Кассама и *куфию*, ставшую атрибутом Я. Арафата, лидеров «отрядов палестинской революции» и ее рядовых *федайнов*, ООП порывала с приведшей к Катастрофе «оппортунистической» арабо-палестинской политикой муфтия А. Аль-Хусейни. Этот головной убор «изымался» и из «общеарабского гардероба», становясь *национальным – ватаний* символом. В лексикон всех палестинских организаций вводился термин *шахид – герой*, погибший во имя «возвращения», а «вооруженная народная революция» становилась синонимом *джихада* «Братьев Аль-Кассама» конца 1930-х годов. Аль-Кассам же лишался религиозного нимба, становясь «простым человеком»²⁶⁰, поскольку «не смог решить ни одной из стоявших перед ним задач», не обладая «видением перспективы». Становясь *предтечей* ООП и ее структур, хайфский шейх включался в *мартирологи* «героев» ФАТХ, НФОП или ДФОП, когда каждая из организаций связывала с Аль-Кассамом только собственных *шахидов*.

ФАТХ не считал возможным обращение к «социальной идеологии», когда речь идет «о борьбе с оккупантами», подчеркивая, что эта «борьба – национальна», поскольку все палестинцы «являются классом беженцев»²⁶¹. НФОП же выдвигал задачу немедленного «усвоения революционной научной идеологии» в интересах победы «в национальной борьбе наиболее радикальных классов – рабочих и беднейшего крестьянства»²⁶². Точка зрения ДФОП заключалась в том, что победа «идеологии пролетариата» станет итогом «буржуазно-демократической революции» (ею было «освобождение Палестины») ²⁶³. В 1970–1980-е годы, его сторонники выдвигали идею союза с «прогрессивными силами израильского общества» и создание «народно-демократического государства, где мусульмане, христиане и иудеи (*яхуд*) станут равноправны»²⁶⁴.

Образ Аль-Кассама переставал быть нейтральным, наполняясь соответствующим идеологическим содержанием. В 1973 г. Лейла Халед писала: «Народный фронт освобождения Палестины возник тогда, когда погиб Аль-Кассам: его поколение начало революцию, мое поколение завершит ее»²⁶⁵. «Героиня» НФОП, участница акций захвата направлявшихся в Израиль самолетов 1960–1970-х годов, говорила о «революционном» *хепенинге*, призванным «поднять на бой» палестинцев. Революционным *хепенингом* было и выступление Аль-Кассама. «Классический» марксизм ДФОП требовал от этой организации создания всеобъемлющего исторического нарратива. Предлагавшаяся им галерея палестинских *шахидов* не ограничивалась Аль-

Кассамом²⁶⁶, его обрамляли Салах Ад-Дин и *герои* группы «Таршиха»²⁶⁷. Их портреты вписывались в историю «сопротивления и мученичества», где присутствовали Дейр-Ясин, Кфар-Касем и Телль-Заатар²⁶⁸. Участники первых военизированных формирований ФАТХ называли себя *Аль-Кассамийун – последователи Аль-Кассам*, а Аль-Кассам провозглашался «первым командиром начатой ФАТХ палестинской революции», «зажегшим факел восстания 1936–1939 гг.»²⁶⁹.

«Множественность» идеологий и сопрягавшихся с нею памятей разрывала хрупкую оболочку ООП, а ее претензии на роль «центра силы» вызывали ответную и жесткую реакцию. В сентябре (*черном* в палестинском дискурсе) 1970 г. палестинские вооруженные отряды были изгнаны из Иордании. Участие ООП в гражданской войне в Ливане вынудило ее в 1982 г. переместиться в Тунис. Близость к «национальной» территории была потеряна, – арабский мир подверг свой «авангард» остракизму.

Начавшаяся в 1987 г. первая палестинская *интифада* многое меняла в положении палестинцев. Ею руководила возникавшая в условиях израильской оккупации группа элиты, нуждавшаяся в силу веских причин в контактах с *внешним руководством* – ООП. В октябре 1974 г. на саммите ЛАГ в Рабате ООП получила статус «единственного законного представителя арабского народа Палестины», и в октябре того же года ООП обрела международное признание, став наблюдателем при ООН²⁷⁰. Ее политическая маргинализация не означала, что она лишилась финансовой поддержки арабского мира. Руководство интифады нуждалось в признании, которое можно было получить, установив контакты с ООП. ООП также нуждалась в контактах с руководством интифады.

В ноябре 1988 г. на XIX (чрезвычайной) сессии Палестинского национального совета была принята Декларация независимости, «именем Господа и арабского палестинского народа» провозглашавшая «создание на палестинской земле Государства Палестина, столицей которого является Восточный Иерусалим»²⁷¹. Законодательный орган ООП легитимировал свой шаг «правом арабского палестинского народа на свою родину», за реализацию которого отдали жизнь «многие поколения защитников ее свободы». Однако это «государство» меняло свою конфигурацию. Пространство бывшей подмандатной Палестины сужалось (оно включало лишь ту его часть, «где развивается благословенная интифада» – Западный берег и сектор Газа). Там существовала Палестина – «страна, где человечеству были даны Божественные откровения» и «отечество арабского народа Палестины»²⁷². Содержавшееся в Декларации независимости признание резолюции № 181 (II) означало, что ООП принимала существующую реальность – Израиль.

Фиксация новой пространственной протяженности «отечества» влекла за собой переакцентировку представлений о «палестинском народе». Этот «народ» более не ограничивался «возвращающимися изгнанниками», а включал *муватынун* – участников интифады. Диаспора уходила в сторону, становясь фоном для действий центрального звена национального сообщества – *автохтонов* Западного берега и сектора Газа. Для ООП интифада была процессом, который она, доказывая исчерпанность «вооруженного сопротивления», называла «освобождением родины». Итогом происходивших в норвежской столице палестино-израильских переговоров (арабский мир уже стал участ-

ником Мадридского мирного процесса) стало подписание ООП Декларации о принципах, провозгласившей «прекращение ... конфронтации и борьбы и взаимное признание законности политических прав»²⁷³, но, одновременно, откладываявшей на будущее решение ключевых проблем – вопроса о беженцах, будущего Восточного Иерусалима и еврейских поселений. ПНА (в палестинском дискурсе – *Ас-Султа аль-ватанийя аль-фаластинийя – Палестинская национальная власть*) стала реальностью, – 1 июля 1994 г. Я. Арафат переехал из Туниса в Газу.

Вновь образованное квазигосударство нуждалось в оправдании, – им было отрицание израильских «притязаний» на палестинское «историческое» наследие, – библейский миф «присваивался» и включался в мусульманский контекст. Иерусалим был *Иевусом*, где «во времена пророка Ибрагима» правил *Малькисадек – Мельхиседек*, «самый знаменитый из иевусейских/ханаанско-арабских царей города Иевус/Аль-Кудс, род которого исповедовал единобожие». Он «дал убежище на земле Ханаана пророкам Ибрагиму и Лоту, вынужденным, спасаясь от преследований, покинуть Ур», «заложил фундамент Аль-Аксы, восстановил стены Аль-Кудса, пробил в скалах путь для воды, питавший город». Он же «молился в Аль-Аксе, принося жертвы на скале рядом с ней, и подвигаемый милосердием единобожия раздавал мясо жертвенных животных бедным, обездоленным и путникам». Иные «цари Ханаана/Палестины называли Малькисадека “царем Салема – Города мира”, связавшего земли Египта и Сирии». Отсюда, из «Салема/Аль-Кудса» Пророк ислама «был вознесен к престолу Господа». Если, как говорила министр культуры ПНА, Аль-Кудс «был арабским», а его «царь Малькисадек арабом», если Аль-Акса была заложена раньше Храма, а рядом с ней практиковался важнейший обряд *ид аль-адха*, то палестинцам принадлежит «естественное право обладать этим городом»²⁷⁴.

Однако ущербность ПНА была очевидна. Оценивая ее становление, Махмуд Аббас подчеркивал: «Тот суверенитет, который нами обсуждался (в Осло. – *Г.К.*), ... относителен ... связан не с принципом суверенных национальных прав, а с созданием в основе своей несуществующего национального бытия»²⁷⁵. Но ее возникновение многое меняло в положении палестинцев, трансформируя и образ Аль-Кассамы. М. Аббас отмечал: «Мы никогда не забудем погибших ... за свободу ... руководителей народных восстаний, таких как Изз Ад-Дин Аль-Кассам»²⁷⁶. Но в 1993 г. руководство ПНА приняло требование своего партнера по мирному процессу внести изменения в Палестинскую национальную хартию. Из нее исключались положения о «вооруженной борьбе как единственном методе освобождения Палестины», о *федаянах* как движущей силе «палестинской народной освободительной борьбы», о «незаконности» раздела Палестины и создании Израиля²⁷⁷. Наступало время мира, замечал М. Аббас, и палестинцы «обязаны вспомнить самыми добрыми словами муфтия (А. Аль-Хусейни. – *Г.К.*)»²⁷⁸. Пройденный путь подвергался пересмотру. По словам М. Аббаса, «борьба палестинского народа» была направлена «на восстановление попранного достоинства», не являясь «мстью». Так в ПНА считали не все.

Развитие первой палестинской интифады выдвинуло на авансцену политической жизни сектора Газа и Западного берега приверженцев исламской идеи. В 1987 г. созданная в Газе шейхом Ахмедом Ясином и зареги-

стрированная израильскими оккупационными властями Мусульманская ассоциация²⁷⁹ трансформировалась в Движение исламского сопротивления – ХАМАС. Он не входил в ООП и предлагал религиозное видение будущего, представленное выдвинутой в 1988 г. Хартией Движения исламского сопротивления – альтернативой Палестинской национальной хартии и Декларации независимости.

Хартия ХАМАС провозглашала Палестину в ее «исторических» границах – «от реки до моря» *вакфом*, «врученной будущим поколениям мусульман вплоть до Судного дня»²⁸⁰. Компромиссы в отношении ее территории были недопустимы, – ХАМАС заявлял, что борется за «освобождение каждой пяди земли». Политическое решение палестино-израильского конфликта исключалось, – оно «противоречило духу ислама». Решение конфликта резюмировалось лозунгом «Аллах – цель, Пророк – пример, Коран – конституция, джихад – путь, а смерть на пути Аллаха – возвышенное стремление». ХАМАС лишь повторял уходящую в прошлое риторику палестинской «революции».

Мусульманский *вакф* в границах «от реки до моря» (в своем практическом преломлении эта идея означала и безусловность возвращения палестинских беженцев) не был лишь аналогом пространства, квалифицировавшегося Палестинской национальной хартией как «нерасчлененное территориальное единство в границах времени британского мандата». Палестина приобретала «мистическое измерение» места, где «сталкиваются цивилизации». На ее территории развивался не «политический конфликт», а конфликт между мусульманами и «мировым злом», – «существование Израиля» воплощало «проникновение» этого «зла» в мир ислама. Этот мир мог «возродиться», «освобождая Палестину»²⁸¹.

Дискурс ХАМАС был важен с точки зрения двух его аспектов. Во-первых, он представлял своим приверженцам неопровержимую, далекую от каких-либо рациональных объяснений и не допускающую дискуссий мифологию (когда Аль-Акса «противостояла» провозглашавшемуся реальностью «стремлению сионистов восстановить» Храм, а открытие «тоннеля Хасмонеев», как и раскопки у Храмовой горы, «доказывали» движение в этом направлении). Эта мифология была действенной, когда требовалось показать «оппортунизм» палестинского руководства и поддерживающих его групп политического действия, и она не была рассчитана только на сторонников политического ислама. В сферу ее влияния втягивались формальные сторонники ФАТХ и других организаций ООП, поскольку создание ПНА не сопровождалось их вовлечением в структуры власти, как и изменением статуса и материального положения большинства из них.

Во-вторых, этот дискурс воскрешал, апеллируя к Божественному праву, культивировавшуюся ООП идеологию *возмездия* и *возвращения*. Но если прежде базой этой идеологии были лагеря беженцев, диаспора, то теперь *муватынун* (численность которых составляла почти 4 млн человек²⁸²) в границах национальной территории. Они обретали врага – связанных с Израилем *ренегатов*, представленных администрацией ПНА. ХАМАС утверждал, что «власть» – «псевдонациональный союзник сионизма». Игнорируя принципы ислама, она становилась «преступной» – «лишь ислам ведет к спасению и возрождению»²⁸³. Примыкающий к этому движению поэт писал: «Порыв

ХАМАС – тайфун свободы, Смести готов он всех на свете Поработителей народа», утверждая, что члены этой организации – «Потомки смелого Салаха (Салаха Ад-Дина Аль-Айюби. – Г.К.), Львы шейха славного Кассамы – Роднит нас всех любовь к Аллаху На поле благодном Ислама»²⁸⁴.

ХАМАС обращался к образу ушедшего в тень после создания ПНА Аль-Кассамы, воскрешая его религиозный нимб и дистанцируясь от «оппортунизма» арабо-палестинской политики времени 1920–1940-х годов, которую «продолжал» его находившийся у власти соперник. Именем *шахида* было названо военизированное крыло этого движения (осуществлявшее акции террора внутри «зеленой линии»), его именем освящался каждый новый *шахид*²⁸⁵. В мастерских ХАМАС изготавливались ракеты «Аль-Кассам», обстреливавшие израильскую территорию. В его мартирологах Аль-Кассамы окружали портреты *шахидов* этого движения. «Присваивая» Аль-Кассаму, ХАМАС доказывал, что он возник в среде *муватунун*, был *автохтонной* организацией, а не «внесенным извне» руководством ПНА. Длительная маргинализация *муватунун* обрела черты «бунта» против представленного ФАТХ руководства ПНА и поддерживавших его выходцев из традиционных кланов – *неонотаблей*²⁸⁶. Выражая интересы ранее не учитывавшихся в политике клановых центров (в частности, Газы)²⁸⁷, ХАМАС опирался на созданную им сеть благотворительных организаций, влияние в общественных объединениях, частные финансовые пожертвования из стран Персидского залива.

«Осквернение» символа – Храмовой горы взорвало палестино-израильский мирный процесс. ХАМАС, обращаясь к образам Аль-Кассамы и Салаха Ад-Дина, квалифицировал *интифад*у мечети Аль-Акса как «начало времени освобождения Иерусалима», вспоминая, что этот город был «первой мусульманской *киблой*»²⁸⁸. Ее участники обвиняли «национальную власть» в коррупции и nepотизме. Они не считали, что в обозримой перспективе возникнет палестинская государственность, заявляя, что Я. Арафат и его окружение несут ответственность за неэффективность экономической политики и сужение пределов социальной мобильности. Оттесненные от власти структуры (НФОП и ДФОП, в частности) становились союзниками сторонников политического ислама.

Вторая интифада не привела к коренным переменам в ПНА, – вторжения израильской армии на ее территорию и блокада резиденции Я. Арафата вернули ему ореол «жертвенного героизма». Убийство израильскими специальными службами шейха А. Ясина и его преемника Абдель Азиза Ар-Рантиси ослабило ХАМАС, а «арабская мирная инициатива» 2002 г. сковала возможности его союзников в арабском мире, заставив Я. Арафата дистанцироваться от радикальных сил в рядах ФАТХ. Обе группировки обрекались на поиск взаимопонимания. В январе 2005 г. (после смерти Я. Арафата) в ПНА повторно состоялись президентские и в январе 2006 г. парламентские выборы²⁸⁹.

Победа М. Аббаса на президентских выборах была естественна: он возглавлял палестинское правительство, его поддерживало международное сообщество и Израиль, он действовал как наследник курса своего предшественника. Результаты выборов в Палестинский законодательный совет демонстрировали иную картину предпочтений, – это был триумф блока

«Перемены и реформа», объединившего ХАМАС и «независимых», лидер которого Исмаил Ханийя сформировал в феврале 2006 г. новое правительство. Оно было однопартийным, глава ПНА «рекомендовал» ФАТХ отказаться от участия в нем.

Хотя в марте 2007 г. после вмешательства саудовского короля Абдаллы бен Абдель Азиза, когда после кровавых столкновений между ФАТХ и ХАМАС в Газе «под сенью священной Каабы» было достигнуто «примирение», позволившее создать «правительство национального единства», оно просуществовало недолго. Угроза введения международных экономических санкций в отношении ПНА в случае, если ХАМАС продолжит свое участие в ее структурах, подтолкнула М. Аббаса к роспуску правительства И. Ханийи. В середине июня 2007 г. члены *батальонов Аль-Кассама*, одетые в закрывавшие их лица *куфии*, совершили переворот в секторе Газы. Создавая собственное «государство», они следовали «курсом шейха Аль-Кассама, шейха Ясина и Абдель Азиза Ар-Рантиси»²⁹⁰, ставших основой современной (противостоящей ФАТХ) галереи *героев-шахидов*²⁹¹.

ИЗРАИЛЬ И ПАЛЕСТИНСКИЕ ТЕРРИТОРИИ: ПОСЕЛЕНЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ

Установление военно-политического контроля над Западным берегом – *Иудеей* и *Самарией* в израильском дискурсе и сектором Газы ставило после 1967 г. все сменявшие друг друга израильские правительства (как Партии труда, так и Ликуда) перед необходимостью определить будущее этих двух регионов. Оба они были частью подмандатной Палестины, а Западный берег – *местоположением* библейских царств, что отличало их от Синайского полуострова (возвращенного Египту после заключения мирного договора) или аннексированных в 1981 г. Голанских высот, которые могли бы быть предметом переговоров в случае развития израильско-сирийского мирного процесса.

Израиль (как и арабские страны-участницы июньской войны 1967 г.) был связан принятой им в ноябре 1967 г. резолюцией № 242 Совета Безопасности ООН (в октябре 1973 г. ее положения подтвердила резолюция № 338²⁹²), подчеркивавшей «недопустимость захвата территории с помощью военной силы»²⁹³. Курс на сохранение контроля над обоими регионами оправдывался ссылками на неопределенность их правового положения, как и на отсутствие выступающего от их имени партнера по переговорам. После 1967 г. израильские «социалисты» могли говорить о палестинском *квазигосударстве*, «создаваемым с согласия Израиля», «окруженным израильскими территориями» и имеющим статус «автономии»²⁹⁴ (этот термин обычен и для израильских оценок статуса ПНА).

Согласованные Израилем и Египтом в Кэмп-Дэвиде Рамки мира на Ближнем Востоке ставили вопрос о продвижении Западного берега и сектора Газы к «полной автономии», достижение которой стало бы возможным после «свободного избрания» их жителями «власти самоуправления». В дальнейшем же переговорный процесс между Израилем, Египтом, Иорданией и «представителями жителей Западного берега и Газы» мог выработать согла-

шение по их «окончательному статусу»²⁹⁵. В конце 1970-х годов эта идея не могла получить поддержки в арабском мире: Египет был исключен из ЛАГ, а возобновленные в 1985 г. контакты между Иорданией и ООП способствовали заключению Амманского соглашения о «праве на самоопределение для палестинского народа»²⁹⁶. В 1988 г. Иордания отказалась от суверенитета над Западным берегом²⁹⁷.

Оккупация Западного берега и сектора Газа вызвала к жизни поток палестинской трудовой миграции в Израиль, меняя уже сложившуюся иерархию социальной стратификации, – «восточные евреи» обрели статус «промежуточной страты», уступив занимавшееся ими ранее положение палестинцам²⁹⁸. Тем не менее развивавшееся же после 1967 г. «относительное процветание еврейского общества, подчеркивал израильский социолог, укрепляло ощущение стагнации и отчуждения в среде восточных евреев». Тому были экономические причины: реструктуризация израильской экономики времени 1970-х годов (с ее отходом от «социалистического» наследия ишува и первых лет государства) увеличивала безработицу среди представителей этой субэтнической группы²⁹⁹.

Линии внутреннего размежевания в обществе углублялись. Цитируемый социолог определял этот процесс как «ашкеназим *versus* мизрахим», дополнявшийся разделением по принципу «религиозные *versus* нерелигиозные». Социальное размежевание обретало политические параметры – «правое крыло (израильских партий. – Г.К.) *versus* левое крыло», порождавшее «в связи с вопросом о мире» (включая его территориальный аспект) «раскол на “голубей” и “ястребов”». Если для первых (ашкеназских *старожилов*) «мир приобретал характер насущной необходимости, а контроль Израиля над значительными арабскими территориями и населением был аморален», то для вторых приоритетом становилась идея и практика «права Израиля на обетованную Эрец-Исраэль»³⁰⁰. Противостояние постсионистской и неосионистской тенденций обретало черты реальности.

Политика государства в поликультурном иммигрантском социуме испытывала давление составляющих его сообществ и их представлений о путях его развития. Объединяя этот социум в относительное целое, эта политика (вне зависимости от базовых предпочтений проводивших ее партий) в условиях продолжающегося конфликта возрождала «ценности» сионистской доктрины, к которой она продолжала апеллировать, – ее разделение на «правое» или «левое» крыло было относительно. Возглавлявшиеся «социалистами» (Л. Эшколом и Г. Меир) правительства «национального единства» после войны 1967 г. вводили в государственный дискурс термин «Иудея и Самария» и отменяли «зеленую линию» на официальных картах. Поселенчество же определялось ими вызывавшим реминисценции о Божественном оправдании прав евреев на библейскую территорию³⁰¹ термином *хитнахлут* – *овладение*. Ликуд ставил вопрос резче, Ицхак Шамир (лидер этого блока после отставки М. Бегина) был безапелляционен: «Эрец-Исраэль принадлежит нам. Почему? Это так без каких-либо оправданий и объяснений»³⁰².

«Революция Бегина» – перемены на вершине политического истеблишмента (конец 1970-х – начало 1980 годов) вызывалась к жизни не только «восточными евреями ... прежним объектом дискриминации», но и «маргинализированными государством религиозными евреями ... и евреями-экс-

пансионистами (как светскими, так и религиозными)»³⁰³. Обретая власть, Ликуд превращал поселенческий процесс, развивавшийся «по инициативе правительства («социалистического». – Г.К.) ... и на основе частных усилий», в тенденцию. *Штахим* становились «зоной фронта (*zone of frontier*)», возникавшей в силу «военно-стратегических задач, религиозных представлений и экономических интересов»³⁰⁴.

Первые светские поселения, создание которых было инициировано Партией труда по соображениям безопасности, возникли еще в 1967 г. Появление же религиозного поселенчества – итог деятельности возникшего в 1974 г., связанного с МАФДАЛ и вдохновляемого раввином Цви Иегудой Куком (сыном раввина А.И. Кука) движения *Гуш Эмуним – Блок верующих*³⁰⁵. Если светские поселенцы концентрировались в районах, рассматривавшихся в качестве уязвимых в военно-стратегическом отношении, то религиозные (среди которых «восточные евреи» были представлены единицами) осваивали библейские места. Оба типа поселений создавались на конфискованных землях³⁰⁶, а их строительство и развитие финансировалось государством³⁰⁷. Религиозное поселенчество обретало поддержку правых партий, включая структуры иммигрантов из постсоветских стран.

До начала 1990-х годов поселенческий процесс оставался медленным. В 1972 г. число израильтян, «осваивавших» Западный берег, составило 1 тыс. 182 человека (700 человек в секторе Газа и на Синайском полуострове), достигнув к 1983 г. 22 тыс. 800 человек на Западном берегу и 900 – в секторе Газа³⁰⁸. По данным израильской переписи 2010 г., в поселениях Западного берега проживали почти 290 тыс. человек³⁰⁹ (в 2005 г. поселения в секторе Газа были ликвидированы). Менялась демографическая структура Иерусалима, – создание за пределами «зеленой черты» еврейских районов увеличило численность населения «объединенной столицы» (в конце 2008 г. там проживали почти 764 тыс. «евреев и других») ³¹⁰.

Участвуя в дебатах по вопросам, связанным с конфликтом, противодействуя практическим начинаниям правительства в сфере урегулирования отношений с соседями (как государствами, так и ПНА) религиозные поселенцы обретали черты силы, способной противостоять принятому политическому решению. Это подтверждалось событиями 1979 г., когда осуществлялась эвакуация поселений, возникших на Синайском полуострове. В равной мере это относилось и к Декларации принципов, когда, координируя свои действия с партиями «правого крыла», поселенческое движение провело «самые масштабные акции протеста за всю историю Израиля», подчеркивая, что «создание (палестинского. – Г.К.) государства» могут предотвратить только «еврейские поселенцы»³¹¹. Наконец, поселенцы выступили в качестве противников реализации осуществлявшегося в 2005 г. правительством А. Шарона плана ликвидации поселений в секторе Газа. Давление на правительство проявило себя и при строительстве «разделительной стены», – маршрут ее прохождения отдалялся от «зеленой черты», включая созданные поселенческие центры.

Гуш Эмуним утверждал «неоспоримость еврейских прав» на оккупированные территории, отталкиваясь во второй половине 1980-х годов от лозунга «Мессия – сейчас» (антитезы лозунгу «Мир – сейчас»), его сторонники настаивали на немедленном «очищении» Храмовой горы от «исламской

мерзости» (имея в виду мечети Аль-Акса и Купол Скалы) и возведении «Третьего Храма»³¹². Религия входила в политику, – созданный в преддверии январских 2003 г. выборов в кнессет блок правых партий *Ихуд леуми* – *Национальное единство* рассматривал это движение как «реализацию на практике идеалов сионизма»³¹³. Поддерживающие религиозных поселенцев партии (среди них и возглавляемый Авидгором Либерманом «Наш дом Израиль») считали необходимым распространить «израильское законодательство ... на все еврейские поселения» *территорий*. Не ставя вопрос об аннексии, эти партии требовали расследовать «обстоятельства, связанные с соглашениями Осло», считая их «дорогой ... в ад» и подчеркивая, что «подлинной целью» ПНА является «уничтожение Государства Израиль». *Ихуд леуми* (немалое число активистов его партий проживали в поселениях³¹⁴) заявлял, что на территории «между Иорданом и Средиземным морем» не может быть места государству, «враждебному Израилю». В 2002 г. А. Либерман (министр иностранных дел в сформированном в 2009 г. правительстве Биньямина Нетаньяху) детализировал будущее ПНА – демонтаж «источника терроризма» по образцу иорданского «“черного сентября” 1970 года»³¹⁵.

Требование ликвидации ПНА влекло за собой и выработку позицию в отношении палестинцев. Говоря о «завершении обмена населением», Национальное единство подчеркивало, что «арабских беженцев времен войны за Независимость обязаны принять арабские государства». Вопрос же об «арабах – жителях территорий, которые не относятся к категории беженцев», рассматривался этим блоком через призму «программы экономически стимулируемой эмиграции» и создания «кантонов, имеющих статус демилитаризованных национальных образований, наделенных ... полнотой власти» в сфере «внутренней политики» и управляемых «представителями местного населения, а не ... импортируемыми из Туниса “лидерами”». Контролируя «кантоны», Израиль решал бы их судьбу, исходя из степени «лояльности ... лидеров», – «политика нотаблей» вновь обретала право на существование. Сторонники этого блока говорили о «снижении» доли палестинцев в составе населения *территорий* в силу «роста эмиграционного потока»³¹⁶. Активист поселенческого движения и поэт придавал этим идеям отточенную форму: «До чего ты мала, страна моя, до чего мала! Проходя по холмам и долинам, встречаю здесь Ханаанца на каждом шагу, Как самый первый еврей. И тесно моим стадам в завещанной мне стране»³¹⁷.

Контакты поселенческого движения с партиями «правого крыла» возникли как итог деятельности соответствующих групп давления в рядах этих партий. Ликуд, где действует группа *Манхигут йехудит* – *Еврейское руководство*, пример такой ситуации. Для членов этой группы вопрос о «возрождении еврейской сущности» Израиля, «преданной» его прежними руководителями, приобретал характер императива. Эта «сущность» не мыслима без «воспитания любви ... к Торе», с которой неразрывно связан «народ» и его «страна», без акцента, поставленного на том, что «Израиль – государство всех евреев», без «освобождения Храмовой горы». Речь не могла не идти и о требованиях сегодняшнего дня – «отмене соглашений Осло» и распространении израильского «суверенитета на всю Эрец-Исраэль»³¹⁸ в интересах выдвижения вперед «верящей части общества». Вопросы о том, быть ли еврейским поселениям в секторе Газа, строить ли «разделительную стену»,

участвовать ли Израилю в переговорах с палестинцами или в международных форумах по вопросам ближневосточного урегулирования, были инструментом «борьбы за власть в государстве и за будущий характер государства»³¹⁹.

Сторонники и участники поселенческого движения осмыслили оказавшиеся под израильским контролем территории как *Святую землю – Эрец хакодеш. Завет*, заключенный Господом с Авраамом, «вручал» ее «потомству» праотца «от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата»³²⁰. В ее пределы «возвращались» из Египта и «вавилонского пленения». Право на «обладание» этой землей вытекало из книг Моисеева Пятикнижия – Исхода³²¹ и Второзакония³²². Развивая (после 1979 г.) «освоение» Западного берега и сектора Газа, сторонники и участники поселенческого движения определяли оба этих региона, используя аббревиатуру *ЙЕША – Йехуда, Шомрон, Аза – Иудея, Самария, Газа*. Их лозунгом были слова «*ЙЕША кан – ЙЕША – здесь!*». Уже цитировавшийся израильский поэт и участник поселенческого движения подчеркивал, что если для сторонников «социалистического» сионизма Библия была «свидетельством связи еврейского народа с Эрец-Израэль», это не означало, что она становилась «обязывающим к действию религиозным императивом». Для религиозного же сионизма «библейские заповеди актуальны и обязательны и в наши дни», – «самоотверженность и практическое исполнение заповеди о завоевании и заселении» Эрец-Израэль приближает час «Избавления»³²³.

Участники поселенческого движения переосмыслили понимание *йехуди – Jew*, – их представление о «еврее» более не несло в себе того пейоративного оттенка, которое вкладывал в него «социалистический» вариант сионизма. Этот «еврей» становился *иудеем* – «евреем Торы», наследником *первопроходцев*. На общеизраильском фоне его выделяла *вязаная кипа*, он становился «пророком», провозглашающим «Мы пришли, чтобы осветить город»³²⁴. Он получил и прозвище – *Хабакук – Аввакум*, пусть даже в этом случае речь шла об аббревиатуре – *Хабад, Брацлав, Кук*, связанной с ответвлениями хасидизма и семьей вдохновителя Гуш Эмуним³²⁵. Итог деятельности поселенцев – *гебраизация* Западного берега, – там также возникал «библейский мир»³²⁶.

Поселенческое движение формировало собственные управленческие и квазиполитические структуры *Моэцет ЙЕША – Совет ЙЕША* – (ликвидация поселений в Газе не изменила названия этого административного органа), координирующего действия создателей поселений. Целями, к реализации которых стремился Совет, провозглашались «присоединение ЙЕША к Государству Израиль», «развитие поселений в окрестностях Иерусалима», «отмена соглашений, наносящих ущерб целостности и безопасности Государства Израиль» и, наконец, «защита прав еврейского народа на землю Израиля»³²⁷. Провозглашавшаяся Советом ЙЕША «философия» (освящавшаяся входящими в него раввинами) отталкивалась от положения о том, что «ни один политический лидер не имеет права уступить какую-либо ... часть» Эрец-Израэль (становясь параллелью к выдвинутому ХАМАС определению Палестины как «мусульманского вакфа»).

Светский сионизм, возникший как утверждение существования представляемого им этнического сообщества и ставившей своей задачей осуще-

ствление его политического самоопределения, уступал место тому варианту сионизма, маркером которого становилась религия. Однако этот вариант сионизма вырос из мифологии, от которой отталкивался и светский сионизм, провозглашавший Тель-Хай «началом еврейского возрождения» и с помощью Библии утверждавший легитимность действий ишува³²⁸. Гуш Эмуним, включавший день гибели И. Трумпельдора в список памятных дат, которые должны были отмечать его сторонники, представлял как «продолжение наследия Тель-Хай», день «подвига» этого «героя» лишь обозначался датой еврейского календаря – «11 число месяца адар». И. Трумпельдор, «присвоенный» Гуш Эмуним, преобразался, становясь символом аннексии территориальных приобретений. Рассматривая этот аспект поселенчества, российский исследователь писала: «В израильском обществе ... идеи освоения палестинских территорий ... упали на подготовленную почву. Эти идеи имели глубокие исторические корни. С самого зарождения сионистского движения заселение земли и строительство новых городов и сел были объявлены приоритетной задачей нации»³²⁹.

Мадридский процесс, актуализировавший вопрос о поселениях, как и предпринимавшиеся в дальнейшем попытки реанимации этого процесса, в еще большей степени превращал поселенческое движение в носителя «героизма первопроходцев». «Защищавший еврейскую землю» И. Трумпельдор вставал в центр мифа Гуш Эмуним, когда израильско-египетский мирный процесс ликвидировал поселения на Синайском полуострове. Это было естественно: в течение десятилетий ишув следовал примеру «первопроходцев», создававших «опорные пункты» поселенческой деятельности – *хома умигдаль* – *стену и башню*, черпая вдохновение в Книге Неемии, повествующей о восстановлении стен Иерусалима после возвращения из «вавилонского пленения».

Религиозный сионизм «присваивал» и миф Масады. Израильско-американский автор подчеркивала, что для «неоревизионистов (группа *Манхигут йехудит*. – Г.К.) из Ликуд» и Гуш Эмуним библейские слова об «Израиле – “народе, который живет сам по себе”» – самодовлеющая истина. Эти слова (подтверждающие «вечность» антисемитизма) в современной ближневосточной ситуации приводили к утверждению о том, что Израиль может опираться только на собственные силы, «легитимируя проводимую им одностороннюю политику задачей выживания» во «враждебном» окружении³²⁹. Для поселенцев это было наиболее ощутимо. Поэт, живущий в поселении Кдумим на Западном берегу писал: «Да будет Самария такова Орде в острастку, коль сидит в засаде. Ни насыпи укрыться ей, ни рва – То сверху рык, то спереди, то сзади. Имеем мессианские права На поводке прожектора по вади (долина. – Г.К.) Прогуливать разбуженного льва»³³¹.

Мысль «правых» политиков о том, что существовавшие до начала июня 1967 г. линии перемирия являются *границами Освенцима (Auschwitz borders)*³³² – одна из граней комплекса «осажденной крепости», мифа Масады. Из этой «крепости» стремятся выйти, актуализируя (в специфических формах) и миф Бар-Кохбы – «спасителя» Израиля. Противостояние правительства А. Шарона и Гуш Эмуним вызвало к жизни созданную сторонниками этого движения подпольную организацию *Хасикариким* – *Сикариим*. Ее участники (покушавшиеся на израильских и палестинских политиков)

«защищали» Израиль (где «правые» политики говорили о «необходимости гражданской войны, которая очистит кровь народа»³³³), ассоциируя себя с «непримиримыми» времени Иудейской войны³³⁴. В списке «защитников» присутствовал Игал Амир, убивший 4 ноября 1995 г. И. Рабина (отказывавшегося считать Израиль «народом, живущим сам по себе»). Миф Масады и миф Тель-Хай обрамлял миф Холокоста, – «зеленая линия» как синоним концентрационного лагеря, противники «правых» и поселенцев – *капо*³³⁵.

КОНФЛИКТ КАК РЕАЛЬНОСТЬ. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Ближневосточный конфликт – эволюционирующая реальность. Тенденция к исчерпанию вооруженной формы межгосударственного противостояния не означает, что на его развитие не могут воздействовать иные обстоятельства, ранее затушевывавшиеся доминированием военной силы. Меняется круг его участников, как и аргументация их позиций, следуя за социальными трансформациями в составляющих регион государствах и обращаясь к традиции постоянно переосмысливаемого «национального» дискурса.

Модернизация арабского регионального пространства (как консервативно-охранительная, так и «революционная») расширила ряды местного «образованного класса» (немалая доля его представителей работает в европейских и американских университетах). Его стремление войти в политику (вырабатывая новые концепции этничности и связанной с ее конструированием политической практики) под лозунгами «арабского возрождения» является сегодня неотрицаемой реальностью.

Англо-арабский исследователь замечал, что инициировавшие «арабскими интеллектуалами» во второй половине 1990-х годов «дискуссии о проблемах национального развития» содействовали становлению *неоарабизма*, когда, возвращаясь к прерванной смертью Г.А. Насера «длительной главе в истории арабского национализма», эти «интеллектуалы» заявляли о необходимости ее критического прочтения³³⁶. Это было время выдвижения первых арабских инициатив, связанных с решением ближневосточного конфликта, военной операции по освобождению Кувейта и последовавшей за ней Мадридской мирной конференции. Концентрируясь на недопустимости трансформации *арабской* системы международных отношений в ее *ближневосточный* (включающий не только арабские государства, но и Израиль) аналог, участники дискуссий ставили вопрос о том, что ближневосточная система не будет «основана на справедливости и равноправии», – арабский мир «расколот», «зыбок» и «разобщен». Ее формирование приведет к «израильской политической и экономической гегемонии»³³⁷. Детализируя это представление, «арабская весна» 2011 г. подталкивала сторонников неоарабизма к новым выводам.

Франко-арабский исследователь³³⁸ (и руководитель Сирийского национального совета – ведущей группы сирийской оппозиции) утверждал «реальность существования арабской нации как факта истории и культуры»³³⁹, но не «политической современности», – она оставалась «псевдонацией» в той степени, в какой «арабские политические образования» оставались «псевдо-

государствами», а «арабы» – «псевдолюдьми». Господство «ценностей рода, конфессии или племени» определяло «разделяющие ее границы».

В арабском мире, продолжал он, никогда не существовали «прогрессивные» или «консервативные» государства, поскольку «господство поддерживаемых Западом, заинтересованном в том, чтобы в максимально возможной степени обеспечить безопасность еврейского государства, патриархально-аристократических элит» не позволило ни одному из них «создать современную нацию». Ни одно из этих государств «не было легитимным», каждое из них опиралось на «деспотизм как метод правления», «маргинализировало гражданское общество», «поддерживало, ориентируясь на инациональных посредников и ограничивая национальное предпринимательство, транснациональные монополии», «политически зависело от Запада». Эту ситуацию меняли «демократические революции, знаменовавшие вступление арабов в эпоху политической современности».

Цитируемый исследователь считал, что «арабские демократические революции» знаменуют «крушение созданных» этими элитами властных структур, созданных на «основе облаченных в партийные одеяния конфессионально-племенных клиентельных отношений». На авансцену политической жизни «выходят новые патриотические силы – союз сторонников светскости и религиозной идеи, способные обеспечить вхождение арабов в современность, привив им новые политические ценности и возглавив стихийную борьбу против колониализма и иностранной гегемонии»³⁴⁰. Итогом их деятельности станет «нация, основанная на всеобъемлющей гражданственности», когда будут отброшены «ценности рода, конфессии или племени», «новая арабская нация, преодолевающая разделяющие ее географические границы». Эта «нация» отвергнет «открытое игнорирование (насеровской и баасистской версиями национализма. – Г.К.) религии в ее качестве основы национальной жизни». Она более не будет «социалистической», – идея экономического либерализма, поощряющего «национальное предпринимательство», господствовала.

Как и в недавнем прошлом Ш. Перес, франко-арабский исследователь говорил о «новом Ближнем Востоке», но радикально изменял перспективу его будущей эволюции. Регион станет «новым» потому, что, развиваясь, «арабская демократическая революция» прекратит существование в пределах его пространства «стратегических партнеров альянса Запада, Израиля и их арабских сателлитов»³⁴¹. Положив конец «израильским экспансионистским притязаниям», эта «революция» превратит ближневосточный регион «в мировой центр цивилизационно-гуманитарного развития», там будет ликвидирована «геополитическая среда, обеспечивавшая еврейскому государству (*ад-дауля аль-яхудийя*) стратегическое превосходство и процветание за счет попрания арабских прав».

«Арабская демократическая революция» несет в себе «призрак Палестины», добавлял палестинский последователь идеи неоарабизма, поскольку «решающая битва арабов за свободу будет битвой за Палестину»³⁴². Эта «битва уже начинается», замечал его единомышленник, подтверждая «право шести миллионов беженцев на возвращение к родным очагам»³⁴³. Ее успех, подчеркивал их соотечественник, возможен при условии, если место «традиционных палестинских политических сил (ФАТХ и ХАМАС. – Г.К.), близ-

ких по своей структуре коррумпированным и деспотическим арабским режимам», займет «революционная молодежь», «молодежь лагерей диаспоры, связанная с арабской демократической революцией» и выдвигающая лозунг «народ требует свергнуть власть политических группировок»³⁴⁴. Круг замыкался, – палестинские адепты неарабизма более не нуждались в «национальной территории» и муватынун, их место вновь занимала палестинская диаспора. Они отказывались говорить об Аль-Кассаме, он был лишь «страновым» героем. Их идеалом становился герой «нации – Салах Ад-Дин», – время «новой битвы при Хиттине»³⁴⁵, «время освобождения Иерусалима», которое осуществит «построенная на принципах демократии арабская нация», приближалось. Если Салах Ад-Дин, изгнав крестоносцев, приказал «заменить кафедру (*мимбар*) мечети Купола Скалы», то и «арабы должны готовить новую кафедру для Аль-Аксы, – революция сказала свое слово: “Время не повернуть вспять”». Израиль обречен, – «преодоленные арабами на протяжении их долгой истории вызовы сделают победу преходящим событием»³⁴⁶.

Анализируя политику Ликуд и «правых партий», израильский исследователь приходил к выводу о появлении концепции *неосионизма*. Если, писал он, «новые историки ... деконструировали сионистский национальный метанарратив, выявляя его противоречия, слабости и недомолвки ... то новые защитники сионизма стремились вновь подтвердить единство ... еврейской национально-религиозной идентичности». Взгляды неосионистов, по его словам, концентрировались на защите основополагающих положений сионизма, которые он резюмировал как идею «земли без народа для народа без земли» и утверждение «нам не с кем разговаривать». Возвращаясь к этим положениям, неосионисты «очищали» сионизм и от его «социалистического» компонента³⁴⁷. Их выход на авансцену израильской общественно-политической жизни происходил на фоне деградации Партии труда, снижения активности антивоенных движений и неприятия арабскими гражданами Израиля, подчеркнуто выражавшими свою палестинскую идентичность приверженностью исламу, постсионистской идеи еврейско-арабского гражданского равенства³⁴⁸.

Критикуя господствовавшую в эпоху существования ишува и первых лет государства «социалистическую» версию сионизма, сторонники неосионистских взглядов, по словам цитируемого автора, подчеркивали, что основатели Израиля «не понимали того, что евреи и другие (*gentiles*) никогда не смогут жить в мире», – «арабское отношение к Израилю продолжило долгую историю антисемитизма»³⁴⁹. Призвав к «взаимным компромиссам», «социалистический» сионизм проявил свою «ультраголубиную (*ultradovish*) позицию», в которой противоположная сторона видела «проявление слабости».

Речь более не могла идти об «израильском национализме», – образ «нового еврея – *Hebrew*» оставался в прошлом. Неосионизм провозглашал его «слабым» в силу того, что он «оторван от корней еврейской культуры», – стремление «социалистов» разорвать связи между «еврейской идентичностью» и ее «религиозной сущностью», не знающей какого-либо разделения евреев на европейских и «восточных», оказалась по меньшей мере «бесплодной». Это стремление было разрушено развитием ближневосточного конфликта, – «шестидневная (июньская. – Г.К.) война» 1967 г. «объедини-

ла Израиль и срединное звено еврейской Святой земли, родину его предков», «война Дня искупления» (дня Йом-Кипур, октябрьская. – Г.К.) 1973 г. «стала символом глубины религиозных корней израильско-арабских войн». Деятельность сторонников неосионизма («коалиции национально-религиозных групп и ортодоксов») направлена на «исцеление сионизма». Оно определяло и путь решения конфликта – «устрашение (*deterrence*) и возмездие (*retaliation*)» в отношении арабского мира. Арабские же граждане «еврейского» Израиля – «пятая колонна» и могут быть терпимы только как «чужеродное меньшинство (*foreign minority*)».

Ближневосточный конфликт – значимый фактор воздействия на происходящие в регионе процессы. Это качество он сохранит в обозримой перспективе.

- ¹ Еврейское население подмандатной Палестины, а также сформированные им общественно-политические, экономические и культурные институты.
- ² Термин арабской исторической географии – территории Сирии, Ливана, Иордании, Израиля и ПНА.
- ³ *Аль-Амийя Г.* Аль-Ирак: нашъат ад-дауля (Ирак: рождение государства). 1908–1921. Л., 1988. С. 33.
- ⁴ *Тарабулси Ф.* Тарих Любнан аль-хадис: мин аль-имара иля иттифак Ат-Таиф (Новейшая история Ливана: от эмирата до Таифских соглашений). Бейрут, 2008. С. 127, 139.
- ⁵ *Doumani B.* Rediscovering Palestine: The Merchants and Peasants of Jabal Nablus. 1700–1900. Berkeley, 1995. P. 245.
- ⁶ Декларация Бальфура (2 ноября 1917 г.). – *Мендес-Флор П., Рейнхарц Й.* История евреев в новое и новейшее время: Антология документов. Т. II. Москва; Иерусалим, 2006. С. 526.
- ⁷ *Hourani A.* Arabic Thought in the Liberal Age. 1789–1939. L., 1962. P. 118.
- ⁸ Палестинский социолог и историк подчеркивал в этой связи: «Аппарат колониального государства укреплял роль «ведущих семей» Палестины, посредников между государством, сельскими массами и городской беднотой и ... центральной властью». – *Tamari S.* Fractionalism and Class Formation in Recent Palestinian History // R. Owen. Studies in the Economic and Social History of Palestine in the nineteenth and twentieth centuries / Ed. L., Macmillan, 1982. P. 192.
- ⁹ Здесь и далее см.: *Mattar Ph.* The Mufti of Jerusalem. Al-Hajj Amin al-Husayni and the Palestinian National Movement. N.Y. 1988. P. 19–27.
- ¹⁰ 28 из 32 членов Высшего арабского комитета этого органа «принадлежали к крупнейшим кланово-племенным семьям землевладельцев и городской торговой аристократии». – *Ан-Нашиф Т.* Ан-Нухба ас-сиясий фи аль-муджтамаа аль-арабий фи Фалястын (Политическая элита арабского общества в Палестине) // Шуун фалястыний. Бейрут. № 48. Август 1975. С. 131–167.
- ¹¹ Детальный анализ этого воздействия см.: *Kimmerling B.* Clash of Identities. Explorations in Israeli and Palestinian Societies. N.Y., 2008. P. 5–17.
- ¹² *Аль-Хут Б.Н.* Аль-Киядат ва аль-муассасат ас-сиясий фи Фалястын (Лидеры и политические институты Палестины). 1917–1948. Бейрут, 1981. С. 173–188; 253–330.
- ¹³ Предпринятая Высшим арабским комитетом после волнений 1929 г. попытка создания Национального фонда поддержки предпринимательства и крестьянства, закончилась безрезультатно. – *Porath Y.* The Palestinian Arab National Movement. From Riots to Rebellion. Vol. II. 1929–1939. 1977. P. 13–19.
- ¹⁴ *Lachman S.* Arab Rebellion and Terrorism in Palestine 1929–1939. Case of Sheikh Izz al-Din al-Qassam and his Movement / *E. Kedourie, S. Haim.* Zionism and Arabism in Palestine and Israel / Eds. L., 1982. P. 56. См. также: *Косач Г.Г.* Изз Ад-Дин Аль-Кассам: герой и время, когда он нужен / Ближний Восток и современность. Вып. 43. М., 2011. С. 108–145.
- ¹⁵ *Аль-Хут Б.Н.* Указ. соч. С. 317–330.
- ¹⁶ Об участниках этих отрядов см.: *Porath Y.* Op. cit. P. 268, 388–403.

- ¹⁷ Характеризуя это время, израильские авторы писали о «кристаллизации» палестинского национализма «с его массовыми демонстрациями, идеологическими политическими партиями, использованием мечетей в интересах общенародной мобилизации против растущей еврейской иммиграции». – *Kimmerling B., Migdal J.S. The Palestinian People. A History.* Cambridge, London, 2003. P. 109.
- ¹⁸ *Лакер В.* История сионизма. М., Крон-Пресс, 2000. С. 827.
- ¹⁹ *Avnery U.* Israel without Zionism: a Plan for Peace in the Middle East. N.Y., 1971. P. 50.
- ²⁰ Как писал Л. Пинскер, «еврей является мертвецом – для живых, чужим – для граждан, скитальцем – для коренных жителей, нищим – для имущих, эксплуататором и миллионером – для бедняков, для патриотов – существом, лишенным отечества, для всех классов – ненавистным конкурентом». – *Пинскер Л.* Автоэмансипация. Призыв русского еврея к своим соплеменникам // *Герцль Т.* Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса. М., 2008. С. 156.
- ²¹ Базельская программа (1897). – *Мендес-Флор П., Рейнхарц Й.* Указ. соч. С. 452.
- ²² *The Israel-Arab Reader. A Documentary History of the Middle East Conflict* // Ed. *W Laqueur.* N.Y., Toronto, L., 1969. P. 34–42.
- ²³ Декларация Бальфура (2 ноября 1917 г.). – *Мендес-Флор П., Рейнхарц Й.* Указ. соч. С. 526–527.
- ²⁴ *Kimmerling B.* Op. cit. P. 107.
- ²⁵ *Laqueur W.* Communism and Nationalism in the Middle East. N.Y., 1956. P. 23–24.
- ²⁶ Определяя роль Египта в 1960-е годы, главный редактор газеты «Аль-Ахрам» М.Х. Хейкал заявлял: «Как государство Египет признает границы в отношениях с другими государствами. Как революционная сила он никогда не будет считаться с этими границами, но будет нести свою миссию через границы с тем, чтобы достичь арабского единства». – Цит. по: *Dawisha A.* Arab nationalism in the twentieth century: from triumph to despair. Princeton, 2003. P. 153.
- ²⁷ Алия. – Краткая еврейская энциклопедия. Т. I. Иерусалим, 1976. Ст. 84–86.
- ²⁸ *Гасратян С.М.* Религиозные партии Государства Израиль. М., 1996.
- ²⁹ *Халамиш А.* От «национального очага» к государству. Еврейская община Палестины/Эрец-Израэль между первой и второй мировой войной. Т. 1. Ч. 1–2. Раанана, 2006. С. 30–31.
- ³⁰ Выражение авторов цит. работы. – *Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В.* Государство Израиль. М., 2005. С. 7.
- ³¹ Цит. по: *Халамиш А.* Указ. соч. С. 41–42.
- ³² Об участниках второй волны иммиграции см.: *Лакер В.* Указ. соч. С. 427–433.
- ³³ *Халамиш А.* Указ. соч. С. 49.
- ³⁴ Слова из гимна молодежного «ревизионистского» движения Бейтар (название последней крепости, защищавшей повстанцами в годы Иудейской войны), гласящие: «У Иордана два берега, и оба наши».
- ³⁵ См.: *Карасова Т.А.* Политическая история Израиля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее. М., 2009. С. 18–30.
- ³⁶ «С потерей ... отечества евреи утратили свою самостоятельность», но «еврейский народ не был ... уничтожен, продолжая существовать, как нация, духовно». – *Пинскер Л.* Указ. соч. С. 147.
- ³⁷ «Язык ... мощная связь, создающая нацию». – *Al-Alayli A.* What is Arab Nationalism? // *Haim S.G.* Arab Nationalism. An Anthology. Berkeley, 1962. P. 121.
- ³⁸ Святыня ислама, построенная в 688–692 гг. омейядским халифом Абдель Маликом ибн Марваном, над (как предполагается) *Камнем основания* – «центром и началом мира», находившимся в *Святой святых* иерусалимского Храма. – *Носенко Т.В.* Иерусалим. Три религии, три мира. М., 2003. С. 111–114.
- ³⁹ *Kimmerling B., Migdal J.S.* Op. cit. P. 99–100.
- ⁴⁰ 9 Ава – иудейский пост в память о разрушении Первого и Второго иерусалимского Храма.
- ⁴¹ Арабо-мусульманское название Стены Плача, связанное с тем, что во время молитвы Пророка на иерусалимской Храмовой горе к этой стене был привязан конь Аль-Бурак, перенесший его в Иерусалим.
- ⁴² *Носенко Т.* *Ерушалаим* против *Аль-Кудс*: религиозные символы в национальном самосознании израильтян и палестинцев. – Израиль глазами «русских»: культура и идентичность. М. С. 135. Речь шла об установке ширм, разделяющих молящихся мужчин и женщин.

- ⁴³ В синодальном переводе «от Дана до Вирсавии». – Книга Судей, 20:1.
- ⁴⁴ Герцль Т. Указ. соч. С. 57.
- ⁴⁵ Пинскер Л. Указ. соч. С. 180–182.
- ⁴⁶ Там же. С. 171.
- ⁴⁷ Там же. С. 164, 172.
- ⁴⁸ Название группы составлено из начальных букв стиха из Книги Исаии «*Бейт Яаков леху ва нелха*». В синодальном переводе: «О, дом Иакова! Придите, и будем ходить во свете Господнем». – Исаия, 2:5.
- ⁴⁹ Билу. Манифест (1882 г.). – Мендес-Флор П., Рейнхарц Й. Указ. соч. С. 436.
- ⁵⁰ Borochov B. La Classe et la Nation. Tunis, 1945. P. 61–68. Об отношении Б. Борохова к палестинским арабам: см. Занд Ш. Кто и как избрал еврейский народ? М., 2010. С. 332–333.
- ⁵¹ Здесь и далее см.: Руппин А. Современная Сирия и Палестина. Пг., 1919. С. 5 (сноска).
- ⁵² См. карту этой территории в: Халамиш А. Указ. соч. С. 287.
- ⁵³ Об этом см.: Агапов М.Г. Истоки советско-израильских отношений: «еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920–1930-е годы. Тюмень, 2011. С. 29–32.
- ⁵⁴ Оригинальное название работы А. Халамиш, переведенное как «от национального очага к государству».
- ⁵⁵ Здесь и далее см.: Kimmerling B. Op. cit. P. 87–88, 122–125.
- ⁵⁶ По словам израильского ученого, «соблюдение религиозных предписаний ... с той или иной степенью понимания воспринимается подавляющим большинством еврейского населения Израиля». – Бен-Рафаэль Э. Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе // А.Д. Эпштейн, А.В. Федорченко (ред.). Общество и политика современного Израиля. Москва; Иерусалим, 2002. С. 22.
- ⁵⁷ Бен-Рафаэль Э. Указ. соч. С. 40.
- ⁵⁸ Kimmerling B. Op. cit. P. 88.
- ⁵⁹ Лакер В. Указ. соч. С. 354–356. См. также: Носенко Т. Ерушалаим против Аль-Кудс. С. 135–136.
- ⁶⁰ Слова Т.А. Карасовой. См.: Карасова Т.А. Указ. соч. С. 57.
- ⁶¹ Носенко Т. Ерушалаим против Аль-Кудс. С. 133.
- ⁶² Здесь и далее см.: Герцль Т. Указ. соч. С. 38 и 30–31.
- ⁶³ Об этом см.: Занд Ш. Указ. соч. С. 328–337.
- ⁶⁴ См., например, название работы Й. Пората, содержащей слова «riots» и «rebellion», или работы Ш. Лахмана, квалифицирующего события в Палестине в конце 1920-х–1930-е годы как «Arab rebellion and terrorism».
- ⁶⁵ Лакер В. Указ. соч. С. 302.
- ⁶⁶ Обзор этих позиций см.: Там же. С. 289–324.
- ⁶⁷ О «ханаанизме» см.: Evron B. «Canaanism»: Solutions and Problems // The Jerusalem Quarterly. Fall 1987 (Цит. по: <http://members.tripod.com/alabasters archive/canaanism solutions.html#contents>).
- ⁶⁸ Даути А. Создание государства и формирование нации. Становление израильской демократии: первое десятилетие. Кн. 1. Тель-Авив, 2001. С. 49.
- ⁶⁹ Цит. по: Носенко Т. Ерушалаим против Аль-Кудс. С. 130.
- ⁷⁰ Бялик Х.Н. Сказание о погроме // Мендес-Флор П., Рейнхарц Й. Указ. соч. С. 222.
- ⁷¹ Здесь и далее см.: Zerubavel Y. Op. cit. P. 13–36.
- ⁷² Герцль Т. Цит. произв. С. 129.
- ⁷³ Нордау М. Еврейство с мускулами (июнь 1900 г.) // Мендес-Флор П., Рейнхарц Й. Указ. соч. С. 464.
- ⁷⁴ Построенная царем Иродом крепость. В 73 г. н.э. ее защитники покончили с собой, понимая невозможность дальнейшего сопротивления войскам императора Тита.
- ⁷⁵ О нем см.: Zerubavel Y. Recovered Roots. Collective Memory and making of Israeli National Tradition. Chicago, L., 1995. P. 39–41.
- ⁷⁶ Здесь и далее см.: Ibid. P. 43–47, 68–70.
- ⁷⁷ Цит. по: Авинери Ш. Происхождение сионизма. Основные направления в еврейской политической мысли. М., 2004. С. 422.
- ⁷⁸ Исход, 3:8.
- ⁷⁹ Числа, 32:29.

- ⁸⁰ «И сказал им Моше: “Если перейдут сыны Гада и Реувена с вами через Иордан, каждый из них готовый к войне пред Богом (*кол-халуц лимилхама лифней Яхве*), и покорена будет страна пред вами, то отдайте им страну Гильад во владение”». – Бемидбар 32 Матот: 29 // Тора им тиргум руси (Тора с русским переводом). Иерусалим; М., 1993. С. 909. В русском синодальном переводе: «И сказал им Моисей: если сыны Гадовы и сыны Рувимовы перейдут с вами за Иордан, все вооружившись на войну пред Господом, и покорена будет пред вами земля: то отдайте им землю Галаад во владение». – Числа, 32:29.
- ⁸¹ *Zerubavel Y.* Op. cit. P. 41.
- ⁸² Как отмечала Г. Меир, считать Гистадрут «тред-юнионом» было бы «ошибкой», поскольку «и по идее, и на практике он представлял собой нечто ... большее». Речь шла не «столько» о «защите ... экономических интересов трудящихся», «сколькo» о «создании трудовой общины, преданной будущему евреев в Палестине». – *Меир Г.* Моя жизнь. Иерусалим, 1983. Кн.1. С. 123–124.
- ⁸³ В 1950-е–1960-е годы израильская «археология заняла место центрального столпа в формировании израильской секулярной идентичности». – *Hallote R., Joffe A.* The Politics of Israeli Archaeology: Between «Nationalism» and «Science» in the Age of Second Republic // *Israel Studies*, Ben-Gurion University of the Negev. 2002. Vol. 7. N 3. P. 86–87. См. также: *Занд Ш.* Указ. соч. С. 208–232.
- ⁸⁴ *Ливнот улехиванот* – один из наиболее популярных лозунгов ишува межвоенного времени.
- ⁸⁵ *Zerubavel Y.* Op. cit. P. 215.
- ⁸⁶ Обращаясь к этой ситуации, американско-палестинский историк подчеркивал: «Где границы Палестины? Где она должна заканчиваться, и где должен начинаться Израиль? Как выделить палестинскую историю из канвы ближневосточной и арабской истории? В чем исключительность и уникальность палестинской идентичности, что должно быть в ней понято в связи с более широкими нарративами, включая сионизм и Израиль, арабизм и соседние арабские государства-нации или ислам и мусульман?». – *Khalidi R.* Palestinian Identity. The Construction of Modern National Consciousness. N.Y., 1997. P. 9.
- ⁸⁷ *Ibid.* P. 45.
- ⁸⁸ *Azouri N.* Le Réveil de la Nation Arabe dans l’Asie Turque. P., 1905. P. 1.
- ⁸⁹ Здесь и далее см.: *Ibid.* P. 4–7.
- ⁹⁰ Харита Фалястын ат-тарихийя (Карта исторической Палестины). Бейрут, 1976.
- ⁹¹ В пределах Машрика действуют две православные Церкви – Антиохийская (Сирия и Ливан) с патриаршей кафедрой в Дамаске и Иерусалимская (Иордания, Израиль и ПНА) с патриаршей кафедрой в Иерусалиме.
- ⁹² *Azouri N.* Op. cit. P. 169–170, 177–178.
- ⁹³ *Ibid.* P. 80–91.
- ⁹⁴ *Ibid.* P. 245–246.
- ⁹⁵ *Sherif Husain of Mecca.* Territorial Demands Made on the British Government // *Haim S.G.* Op. cit. P. 90.
- ⁹⁶ The Sykes-Picot Agreement. – The Israel-rab Reader... P. 12–15.
- ⁹⁷ Об этом см.: *Шевелев Д.Л.* Переписка Мак-Магона – Хусейна 1915–1916 годов и вопрос о Палестине. М., 2008.
- ⁹⁸ Послание Хогарта (январь 1918 г.). – Там же. С. 185.
- ⁹⁹ The Feisal-Weizmann agreement and Feisal-Frankfurter letters. – The Israel-Arab Reader... P. 18–22.
- ¹⁰⁰ Коран 5:24 // Коран / Пер. и комментарии И.Ю. Крачковского. М., 1986. С. 105.
- ¹⁰¹ Коран 17:1. – Там же. С. 232.
- ¹⁰² *Kimmerling B., Migdal J.S.* Op. cit. P. 49.
- ¹⁰³ *Khalidi R.* Op. cit. P. 124–144.
- ¹⁰⁴ *Аль-Батрийарк Игнатиус ар-Раби (Патриарх Игнатий IV).* Фи аль-масьяля аль-любнания ва аль-масыр аль-масихий (О ливанском вопросе и судьбе христиан). Бейрут, 1989. С. 18.
- ¹⁰⁵ *Он же.* Аль-Маукиф мин Аль-Кудс ва мин Любнан (Позиция по Иерусалиму и по Ливану) // *Он же.* Мавакыф ва акваль (Позиции и речения). Аль-Баламанд, 2002. С. 179.
- ¹⁰⁶ *Аль-Аб Джордж Худр (Отец Джордж Худр).* Аль-Фидайион ва Любнан (Федаины и Ливан) // Фалястын аль-мустабада (Возвращенная Палестина). Бейрут, 1969. С. 127.
- ¹⁰⁷ *Он же.* Аль-Масихийя ва аль-араб (Христианство и арабы). – Там же. С. 119–120.

- ¹⁰⁸ *Azouri N.* Op. cit. P. 18.
- ¹⁰⁹ Announcement to the Arabs, Sons of Qahtan. – *Haim S.* Op. cit. P. 83–88.
- ¹¹⁰ *Хабаи Д.* Дурус аль-мады ва афак аль-мустанкаль (Уроки прошлого и перспективы будущего). Бейрут, 1988. С. 10–11.
- ¹¹¹ Permanent Observer Mission of Palestine to the United Nations. Palestinian National Charter of 1964 // <http://www.un.int/wcm/content/site/palestine/pid/12363>; а также: Аль-Мисак аль-ватаний аль-фалястыний (Палестинская национальная хартия). 15–17 июля 1968 г. // Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын. (Демократический процесс в Палестине). Иерусалим, 1999. С. 11.
- ¹¹² Существовавшая в Османской империи система мусульманского «покровительства» в отношении последователей иудаизма и христианства.
- ¹¹³ *Аль-Хут Б.Н.* Указ. соч. С. 218.
- ¹¹⁴ Для представителей арабской «национальной» мысли 1930–1950-х годов профессора Американского университета в Бейруте уроженца Дамаска православного Кустантына Зурейка и одной из ведущих фигур сирийского Национального блока, уроженца Алеппо грекокатолика Эдмона Раббата ислам – основа «арабской национальной жизни». – *Zuraiq Q.* Arab Nationalism and Religion. On the Occasion of the Anniversary of the Birth of the Noble Arab Prophet // *Haim S.* Op. cit. P. 169. См. также: *Rabbath E.* The Common Origin of the Arabs // *Ibid.* P. 110.
- ¹¹⁵ *Аль-Хут Б.Н.* Указ. соч. С. 218–222. См. также: *Mattar Ph.* Op. cit. P. 33–40.
- ¹¹⁶ Цит. по: *Porath Y.* Op. cit. P. 194.
- ¹¹⁷ Приходя в христианские деревни, командиры повстанцев вводили обязательное ношение мусульманской одежды для женщин и переносили еженедельный день отдыха на пятницу. – *Porath Y.* Op. cit. P. 269–271.
- ¹¹⁸ О двух вариантах арабского национализма см.: *Косач Г.Г.* Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М., 2007. С. 259–266.
- ¹¹⁹ *Khalidi R.* Op. cit. P. 89.
- ¹²⁰ *Аль-Хут Б.Н.* Указ. соч. С. 319–320.
- ¹²¹ В 1935 г. Д. Бен-Гурион проводил аналогию между Аль-Кассамом и И. Трумпельдором: «Арабы обрели подобие того, что произошло в Тель-Хай... Среди арабов впервые появился человек, оказавшийся готовым пожертвовать собой ради идеи» (Цит. по: *Lachman S.* Op. cit. P. 72).
- ¹²² From the Report of the Palestine Royal Commission (Peel Commission). 1937. – The Israel-Arab Reader... P. 56.
- ¹²³ The White Paper of 1939. – *Ibid.* P. 64–75.
- ¹²⁴ Курс лидеров ишува в годы Второй мировой войны определялся установкой Д. Бен-Гуриона: «Мы будем помогать англичанам в войне, как будто нет Белой книги, и бороться против Белой книги, как будто нет войны» (Цит. по: *Карасова Т.А.* Указ. соч. С. 60).
- ¹²⁵ Билтморская программа (май 1942 г.). – *Мендес-Флор П., Рейнхарц Й.*, цит. произв. С. 585–587.
- ¹²⁶ *Аль-Хут Б.Н.* Указ. соч. С. 448–460.
- ¹²⁷ Протокол Аль-Искандарий (Александрийский протокол). – Мисак Джамийа ад-дуваль аль-арабийя. Ан-Низам ад-дахилий ли Маджлис Аль-Джамийа (Устав Совета Лиги). Каир, 2009. С. 19–21.
- ¹²⁸ Резолюция, принятая по докладу Специальной (Ad Hoc) комиссии по вопросам Палестины 181 (II) – будущее правительство Палестины. 29 ноября 1947 г. С. 72–83 // <http://www.un.org/russian/peace/palestine/docs/ares181.pdf>.
- ¹²⁹ Statement by the Arab League upon the Declaration of the State of Israel (May 15, 1948) // <http://www.mideastweb.org/arableague1948.htm>.
- ¹³⁰ *Bregman A.* Israel's Wars. A History since 1947. L., N.Y., 2002. P. 12–33.
- ¹³¹ Дустур Джумхурийя Аль-Ирак (Конституция Республики Ирак) // http://www.parliament.iq/Iraqi_Council_of_Representatives.php?name=singal9asdasdas9dasda8w9wervw8vw854vww5w0v98457475v38937456033t64gt34t64gi4dow7wnf4w4y4t386b5w6576i75page&pa=showpage&pid=3.
- ¹³² *Хусейн Х.М.* Сирия аль-муасыра (Современная Сирия). Дамаск, 1994. С. 17.
- ¹³³ *Ас-Сульх Р.* Любнан ва аль-уруба (Ливан и арабизм). Бейрут, 2004. С. 317–321.

- ¹³⁴ *Ар-Рубейя Ф и др.* Ат-Тарбийя аль-ватанийя (Патриотическое воспитание). Амман, 2007. С. 31–34.
- ¹³⁵ Самоназвание североафриканских берберов.
- ¹³⁶ *Projet de la constitution. Préambule // Royaume du Maroc. Bulletin Officiel. Rabat, 17 juin 2011. P. 1765 // <http://www.maroc.ma/NR/rdonlyres/EE8E1B01-9C86-449B-A9C2-A98CC88D7238/8650/bo5952F.pdf>.*
- ¹³⁷ *Choueiri Y.M. Modern Arab Historiography. L., N.Y., 2003. P. 40, P. 6–7.*
- ¹³⁸ *Аль-Усеймейн А.С.* Тарих Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя ли ас-сафф ас-салис ас-санавий (История Королевства Саудовская Аравия для средней школы). Эр-Рияд, 2003. С. 11, 18.
- ¹³⁹ *Аль-Бутуш Б.* Ат-Тарбийя аль-ватанийя (Национальное воспитание). Амман, 2007. С. 14.
- ¹⁴⁰ Ураза-байрам и курбан-байрам.
- ¹⁴¹ Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: миат амм фи хидма аль-ислям ва аль-муслимин (Королевство Саудовская Аравия: сто лет на службе исламу и мусульманам). Бейрут, 1999. С. 15.
- ¹⁴² *Хияль Ф., Факиш Н.* Далиль Хаяль ас-сияхий (Туристический путеводитель по Алеппо). Хаяль (Алеппо), 1997. С. 79–82.
- ¹⁴³ Численность участвовавшей в Палестинской войне саудовской части не превышала 150 человек – *Аль-Харири С.Д.* Аль-Джейш ас-саудий фи Фаялестын (Саудовская армия в Палестине). Эр-Рияд, 2001. С. 18.
- ¹⁴⁴ *Bregman A.* Op. cit. P. 22–26.
- ¹⁴⁵ О появлении и эволюции проблемы палестинских беженцев см.: *Morris B.* The Birth of Palestinian Refugee Problem, 1947–1949. Cambridge, 1989; а также: *Morris B.* 1948 and after. Israel and the Palestinians. Oxford, 1990.
- ¹⁴⁶ *Shlaim A.* Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace. L., N.Y., 2007. P. 24–25.
- ¹⁴⁷ О нем см.: *Карасова Т.А.* Указ. соч. С. 19–23.
- ¹⁴⁸ *Жаботинский В.* Нужды евреев и требования арабов (14 февраля 1937 г.). – *Мендес-Флор П., Рейнхарц Й.* Указ. соч. С. 572.
- ¹⁴⁹ *Махафза А.* Тарих Аль-Урдунн аль-муасыр (Новейшая история Иордании). Ахд аль-имара (Эпоха эмирата). 1921–1946. Амман, 1989. С. 25.
- ¹⁵⁰ *Тарабулси Ф.* Указ. соч. С. 161–162.
- ¹⁵¹ Х. Бургиба считал, что арабский мир и Израиль должны начать переговоры о решении конфликта на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181 (II). – Тунисская республика. М., 1993. С. 122.
- ¹⁵² Аль-Иттихад аль-иштиракий аль-арабий. Абъад ас-сыраа аль-арабий аль-исраилий (Арабский социалистический союз. Параметры арабо-израильского противостояния). Каир, б/д. С. 31–33.
- ¹⁵³ Байян ар-раис Гамаль Абдель Насер фи ифтитах Маджлис аль-умма (Заявление президента Гамала Абделя Насера на открытии сессии Национального совета). 12 ноября 1964 г. Каир, 1964. С. 14–15.
- ¹⁵⁴ Дустур Хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий (Программа Партии арабского социалистического возрождения) // Аль-Ахзаб ас-сиясийя фи Сурия (Политические партии Сирии). Дамаск, 1954. С. 244.
- ¹⁵⁵ Текст опубликованных резолюций и рекомендаций, принятых всеарабской конференцией на высшем уровне. Хартум, 1 сентября 1967 г. – *Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А.* Документальная история арабо-израильского конфликта, Н. Новгород, 1991. С. 86–87.
- ¹⁵⁶ Мирный план короля Саудовской Аравии Фахда, 6 августа 1981 г. // Там же. С. 124–125.
- ¹⁵⁷ Созданная в 1981 г. региональная арабская организация, включившая в свои ряды Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовскую Аравию.
- ¹⁵⁸ Мубадара ас-салим аль-арабийя (Арабская мирная инициатива). Бейрут, 2002 // http://www.arableagueonline.org/las/arabic/details_ar.jsp?art_id=1777&level_id=202.
- ¹⁵⁹ Об этом см.: *Choueiri Y.M.* Arab Nationalism. A History. Oxford, 2000. P. 213–218.
- ¹⁶⁰ «Возрождение Государства Израиль является не началом, но продолжением государственности, существовавшей еще в незапамятные времена». – *Бен-Гурион Д.* Обращение к конесету по поводу Закона о возвращении (3 июля 1950 г.) // *Мендес-Флор П., Рейнхарц Й.* Указ. соч. С. 611.

- ¹⁶¹ Декларация независимости Государства Израиль (14 мая 1948 г.) // Там же. С. 605–609, 612.
- ¹⁶² Меламедов Г.А., Эпштейн А.Д. Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история. М.; Иерусалим, 2008. С. 196.
- ¹⁶³ The Law of Return. – The Israel-Arab Reader... P. 128.
- ¹⁶⁴ Гавизон П. О праве еврейского народа на суверенное государство // Ред. А.Д. Эпштейн (ред.). Еврейское государство в начале XXI века: Антология современной израильской общественно-политической мысли / М.; Иерусалим, 2008. С. 57.
- ¹⁶⁵ Liebman C., Don-Yehiya E. Civil Religion in Israel. Traditional Judaism and Political Culture in the Jewish State. Berkeley, 1983. P. 132.
- ¹⁶⁶ Benvenisti M. Sacred Landscape. The Buried History of the Holy Land since 1948. Berkeley, 2000. P. 20.
- ¹⁶⁷ Ibid. P. 40.
- ¹⁶⁸ Цит. по: Bar-On M. The Gate of Gaza. Israel's Road to Suez and Back, 1955–1957. N.Y., 1994. P. 269.
- ¹⁶⁹ Здесь и далее см.: Flapan S. The Birth of Israel. Myths and Realities. N.Y., 1987. P. 33, 52, 117.
- ¹⁷⁰ Abba Eban: The Refugee Problem (November 17, 1958) // The Israel-Arab Reader... P. 151.
- ¹⁷¹ Слова министра иностранных дел того времени Моше Шаретта. Цит. по: Шалом З. Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля: Становление израильской демократии: первое десятилетие. Кн. 3. Тель-Авив, 2001. С. 35.
- ¹⁷² Flapan S. Указ. соч. P. 117.
- ¹⁷³ Morris B. The Birth of Palestinian Refugee Problem. P. 25.
- ¹⁷⁴ Выражение израильского исследователя Илана Паппе. – Pappé I. A History of Modern Palestine. One Land, Two Peoples, Cambridge, 2004. P. 148–149.
- ¹⁷⁵ Morris B. The Birth of Palestinian Refugee Problem. P. 286–296.
- ¹⁷⁶ См.: Flapan S. Op. cit. P. 94–95.
- ¹⁷⁷ Ваиц И. Становление израильского парламентаризма. Политические и идеологические дискуссии // Становление израильской демократии: первое десятилетие. Кн. 2. Тель-Авив, 2001. С. 13.
- ¹⁷⁸ Цит. по: Morris B. The New Historiography. Israel confronts Its Past. – Making Israel // Ed. V. Morris. Ann Arbor, 2008. P. 12 // <http://www.press.umich.edu/pdf/9780472115419-ch1.pdf>.
- ¹⁷⁹ Описание, содержащееся в изданной в 1959 г. генеральным штабом Армии обороны Израиля «Истории войны за независимость» (цит. по: Ibid. P. 12).
- ¹⁸⁰ Pappé I. Op. cit. P. 138.
- ¹⁸¹ См. название работы М. Бар-Она – *The Gate of Gaza*.
- ¹⁸² Карасова Т.А. Демократическая форма власти и политическая система Израиля // Израиль в современном мире. М., 2009. С. 22.
- ¹⁸³ Об этом см.: Шалом З. Указ, соч. С. 59–88.
- ¹⁸⁴ Pappé I. Op. cit. P. 148–149.
- ¹⁸⁵ Слова Пинхаса Лавона (цит. по: Шалом З. Указ. соч. С. 44).
- ¹⁸⁶ Цит. по: Shlaim A. The Iron Wall: Israel and the Arab World. L., 2000. P. 96.
- ¹⁸⁷ Руководитель антиримского восстания 132 г. н.э.
- ¹⁸⁸ Цепь, разбитая в дни Шимона Бар-Кохбы, – говорил Д. Бен-Гурион, – в наши дни восстановлена, а израильская армия вновь готова сражаться за свою землю, бороться за свободу нации и ее отечества (Цит. по: Zerubavel Y. Op. cit. P. 53).
- ¹⁸⁹ Kimmerling B. Op. cit. P. 135.
- ¹⁹⁰ Цит. по: Podeh E. The Arab-Israeli Conflict in Israeli History Textbooks. 1948–2000. Westport, 2002. P. 25–26.
- ¹⁹¹ Liebman C., Don-Yehiya E. Op. cit. P. 87.
- ¹⁹² Pappé I. Op. cit. P. 175.
- ¹⁹³ Zertal I. The Poisoned Heart: The Jews of Palestine and the Holocaust // The Holocaust in Israeli Consciousness. Part I / Compiled by Idith Zertal. Jerusalem, 1999. P. 47–122.
- ¹⁹⁴ Цит. по: Liebman C., Don-Yehiya E. Op. cit. P. 106.
- ¹⁹⁵ Zerubavel Y. Op. cit. P. 76.
- ¹⁹⁶ О повышении значения религиозных партий после создания Израиля см.: Ваиц И. Цит. соч. С. 11–122.

- ¹⁹⁷ О дебатах в связи с мифом Масады см.: *Zerubavel Y.* Op. cit. P. 192–213.
- ¹⁹⁸ Цит. по: *Liebman C., Don-Yehiya E.* Op. cit. P. 149.
- ¹⁹⁹ Здесь и далее: *Zerubavel Y.* Op. cit. P. 157.
- ²⁰⁰ В течение 1948–1951 гг. в Израиль прибыли 684 тыс. человек – Алия. Ст. 86.
- ²⁰¹ *Zertal I.* Op. cit. P. 48.
- ²⁰² *Sachar H.* History of Israel. From the Rise of Zionism to Our Time. N.Y., 2002. P. 397.
- ²⁰³ Эмиграция иракских евреев была ускорена действиями агентов израильских специальных служб, организовавших в 1951 г. взрывы в Багдаде. В течение мая–декабря 1951 г., когда осуществлялась операция «Эзра и Нехемия», в Израиле оказалось 100 тыс. иракских евреев. – *Bregman A.* Op. cit. P. 40–41.
- ²⁰⁴ В 1949 г. в ходе операции «Волшебный ковер» в Израиль были перевезены 49 тыс. йеменских евреев. – *Ibid.*, P. 40.
- ²⁰⁵ Здесь и далее см.: *Pappe I.* Op. cit. P. 169–184.
- ²⁰⁶ Слова Пинхаса Лавона, в те годы генерального секретаря Гистадрута (цит. по: *Звягельская И.Д.* История Государства Израиль. М., 2012. С. 79).
- ²⁰⁷ *Kimmerling B.* Op. cit. P. 116.
- ²⁰⁸ *Гасратян С.М.* Указ. соч. С. 33–37.
- ²⁰⁹ *Бен-Рафаэль Э.* Указ. соч. С. 19.
- ²¹⁰ *Ханин В. (З.)* «Русские» и власть в современном Израиле. М., 2004. С. 141–146.
- ²¹¹ Слова Баруха Киммерлинга. – *Kimmerling B.* Op. cit. P. 126.
- ²¹² Как говорил 18 июня 1967 г. министр по делам религий Зерах Вархафтиг: «Нет сомнения в том, что еврейский народ имеет право на Храмовую гору, это Святая святых еврейского народа. Однако ... в настоящее время еврейский народ, требуя это право, не говорит о разрушении этих (мусульманских. – Г.К.) святынь» (цит. по: *Guinn D.* Protecting Jerusalem's Holy Sites. A Strategy for Negotiating a Sacred Peace. Cambridge, 2006. P. 66).
- ²¹³ Библейский город (в синодальном переводе – Анафот), отданный левитам из «сынов Аарона» после возвращения израильтян из египетского плена. – Иисус Навин 21:18.
- ²¹⁴ Цит. по: *Lustick I.* Unsettled States, Disputed Lands. Britain and Ireland, France and Algeria, Israel and the West Bank – Gaza. Ithaca; L., 1993. P. 357.
- ²¹⁵ Protection of Holy Places Low (5727) 1967 // <http://www.knesset.gov.il/laws/special/eng/HolyPlaces.htm>.
- ²¹⁶ Здесь и далее: *Guinn D.* Op. cit. P. 63–69.
- ²¹⁷ Об этом см.: *Носенко Т.В.* Ислам в Израиле: статус и межрелигиозные противоречия // В.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев., Н.Ю. Ульченко. Исламский фактор в истории и современности / Отв. редакторы, 2011. С. 439–440.
- ²¹⁸ *Guinn D.* Op. cit. P. 13.
- ²¹⁹ *Носенко Т.В.* Ислам в Израиле. С. 451.
- ²²⁰ *Карасова Т.А.* Политическая история Израиля. С. 75–76.
- ²²¹ Представляя в кнессете израильско-египетское соглашение 1975 г., И. Рабин говорил: «Главная цель, которую мы поставили перед собой, состоит в том, чтобы действовать в направлении достижения мира с каждым из соседних государств» // О соглашении между Египтом и Израилем. Выступление в кнессете, 3 сентября 1975 г. // *Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А.* Указ. соч. С. 108–109.
- ²²² См.: Египетско-израильский мирный договор, 26 марта 1979 г. – Там же. С. 118–123.
- ²²³ *Kimmerling B.* Op. cit. P. 173.
- ²²⁴ Об этом см.: *Карасова Т.А.* Политическая история Израиля. Блок Ликуд. С. 91–92.
- ²²⁵ *Bar-On M.* In Pursuit of Peace: a History of Israeli Peace Movement. Wash., 1996. P. 53–54.
- ²²⁶ *Kimmerling B.* Op. cit. P. 173–174.
- ²²⁷ Об этом см.: *Bar-On M.* Указ. соч. P. 83–128.
- ²²⁸ Здесь и далее см.: *Lustick I.* Op. cit. P. 376–377, 381, 411–412.
- ²²⁹ *Pappe I.* Op. cit. P. 201–202.
- ²³⁰ См.: Бецелем. Израильский центр информации по правам человека на оккупированных территориях. Разделительный барьер // http://www.btselem.org/Russian/Separation_Barrier.
- ²³¹ Об основных тенденциях «новых исторических» исследований и разногласиях между школой «старой истории» и «новыми историками» см.: *Morris B.* The New Historiography. P. 13–27.
- ²³² Здесь и далее см.: *Ram U.* The Future of the Past in Israel. A Sociology of the Knowledge Approach // В. Morris. Making Israel / Ed. P. 209–215 // <http://press.umich.edu/pdf/9780472115419-ch8.pdf>

- ²³³ Тексты этих программ см.: А.Д. Эпштейн. Программы урегулирования палестино-израильского конфликта / М., 2004. С. 109–148.
- ²³⁴ Здесь и далее: *Перес Ш.* Новый Ближний Восток. М., 1994. С. 76, 60.
- ²³⁵ В синодальном переводе «Вот народ живет отдельно». – Числа 23:9.
- ²³⁶ Цит. по: *Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В.* Указ. соч. С. 264.
- ²³⁷ См.: *Перес Ш.* Указ. соч. С. 89–95.
- ²³⁸ Здесь и далее автор опирается на: *Карасова Т.А.* Политическая ситуация в Израиле между выборами 1996 и 2001 годов. Политологический анализ. – *Эпштейн А.Д., Федорченко А.В.* Указ. соч. С. 181–200.
- ²³⁹ Перевернутая аббревиатура арабского названия этой организации: *Харака ат-тахрир аль-фаластиний – Движение палестинского освобождения.*
- ²⁴⁰ Аббревиатура арабского названия этой организации: *Харака аль-мукавама аль-ислямийя – Движение исламского сопротивления.*
- ²⁴¹ *Morris B.* The Birth of Palestinian Refugee Problem. P. 297–298. Современные российские авторы считают, что численность беженцев «превысила 800 тысяч человек». – *Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В.* Указ. соч. С. 79.
- ²⁴² *Fallaci O.* A leader of the Fedayeen: we want a war like the Vietnam War (цит. по: *Аль-Кубейси Б.* Харака аль-каумиийин аль-араб (Движение арабских националистов). Бейрут, 1997. С. 18.
- ²⁴³ *Kimmerling B., Migdal J.S.* Op.cit. P. 215.
- ²⁴⁴ *Sayigh Y.* Armed Struggle and the Search for State: The Palestinian National Movement, 1949–1993, Oxford, 1999. P. 79.
- ²⁴⁵ Слова соратника Я. Арафата Салаха Халафа (цит. по: *Kimmerling B., Migdal J.S.* Op. cit. P. 245.
- ²⁴⁶ *Ibid.* P. 246.
- ²⁴⁷ *Cobban H.* The Palestinian Liberation Organization. People, Power and Politics. 1984. P. 24.
- ²⁴⁸ Аль-Байян ат-таасисий ли Аль-Джебха аш-шаабийя ли тахрир Фаластын (Заявление о создании Народного фронта освобождения Палестины) // <http://www.pflp.ps/arabic/news.php?action=Details&id=3>.
- ²⁴⁹ The Democratic Front for the Liberation of Palestine. The Foundation // http://www.dflp-palestine.org/english/about/dflp/dflp_foundation.htm.
- ²⁵⁰ Схему организационной структуры ООП см.: *Cobban H.* Op. cit. P. 13.
- ²⁵¹ Созданный одновременно с ООП Палестинский национальный фонд формировался на основе введенного для палестинцев в арабских странах обязательного подоходного налога (от 5% до 7%). Решением Багдадского саммита Лиги (1978) ООП стала получать ежегодную финансовую помощь в 250 млн долл. США, а «на поддержку палестинского сопротивления на оккупированных Израилем территориях» решением того же саммита выделялось 150 млн долл. – *Cobban H.* Op. cit. P. 14–15.
- ²⁵² Permanent Observer Mission of Palestine to the United Nations. Statement of Proclamation of the Organization // <http://www.un.int/wcm/content/site/palestine/pid/12355>.
- ²⁵³ Permanent Observer Mission of Palestine to the United Nations. Palestinian National Charter of 1964.
- ²⁵⁴ *Cobban H.* Op. cit. P. 10.
- ²⁵⁵ Караме – городок на территории Иордании, его название переводится как «достоинство, честь».
- ²⁵⁶ *Аль-Касем С.* Дами аля каффи (Кровь на моей ладони). Бейрут, 1969. С. 18.
- ²⁵⁷ Здесь и далее см.: Аль-Мисак аль-ватаний аль-фаластиний. С. 11–12.
- ²⁵⁸ В качестве одного из доказательств палестинского отрицания Холокоста выступает книга Махмуда Аббаса «Другое лицо: тайные связи нацизма и сионизма». – *Аббас М.* Аль-Ваджх аль-ахар: аль-илякат ас-сиррийя байн ан-назийя ва ас-сухъунийя. Амман, 1984.
- ²⁵⁹ Permanent Observer Mission of Palestine to the United Nations. The Meaning of Palestinian Flag // <http://www.un.int/wcm/content/site/palestine/pid/11591>.
- ²⁶⁰ Здесь и далее см.: Basic Political Documents of the Armed Palestinian Resistance Movement. Selected / Translated and Introduced by Leila S. Kadi. Beirut, 1969. P. 11.
- ²⁶¹ Abu Lutf answers questions. – *Ibid.* P. 102–104.
- ²⁶² The Political Report of the Popular Front for the Liberation of Palestine (February 1969). – *Ibid.* P. 204–206.
- ²⁶³ The Political Report of the Democratic Front for the Liberation of Palestine (August 1968). – *Ibid.* P. 165–166.

- ²⁶⁴ *Hawatamah N.* A Democratic Solution for the Palestine Problem. – Ibid. P. 176.
- ²⁶⁵ *Khaled L.* My People shall live. The Autobiography of a Revolutionary. Waterloo, 1973 // http://www.onepalestine.org/resources/articles/My_People_Shall_Live.html.
- ²⁶⁶ Здесь и далее см.: Наеф Хаватме ятахаддас (Наеф Хаватме рассказывает). Дамаск, Бейрут, 1996. С. 121.
- ²⁶⁷ Участники проведенной ДФОП 15 мая 1974 г. операции в израильском городке Маалот (до 1948 г. на его месте находилась арабская деревня Таршиха), в ходе которой были взяты в заложники школьники.
- ²⁶⁸ Лагерь палестинских беженцев в Западном Бейруте, жители которого в 1976 г. подверглись репрессиям военизированных формирований ливанских христианских партий.
- ²⁶⁹ Фалястын ас-саура. Бейрут. № 67. 21 ноября. 1973. цит. по: *Lachman S.* Op. cit. P. 99.
- ²⁷⁰ Резолюция 3210 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 22 ноября 1974 г. // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/741/57/IMG/NR074157.pdf?OpenElement>.
- ²⁷¹ Здесь и далее см.: Иьялян аль-истикляль ли Дауля Фалястын (Декларация независимости Государства Палестина) // Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын. С. 13–14.
- ²⁷² Иьялян аль-истикляль ли Дауля Фалястын. С. 13.
- ²⁷³ Здесь и далее см.: Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын. С. 25–26.
- ²⁷⁴ *Садек М.* Мультака аль-мусаккафин аль-макдасий асдар джаиза ан тарих Аль-Кудс яхмиль исм маликиха аль-канъаний (Иерусалимское собрание интеллигенции вручило премию за историю Иерусалима, названную именем его ханаанского царя) // Шабака Фалястын аль-ихбарийя (Палестинская информационная сеть), 9 августа 2011 // <http://www.filasten.com/index.php?page=news&id=24119>. Слова, утверждающие палестинское право на Восточный Иерусалим/Аль-Кудс принадлежат министру культуры ПНА Сихам Аль-Баргути.
- ²⁷⁵ *Абу Мазен (Аббас М.).* Путь в Осло. М., 1996. С. 283.
- ²⁷⁶ Там же. С. 9–10.
- ²⁷⁷ Нусус мавадд Аль-Мисак аль-ватаний аль-фалястыний аль-ляти туталиб Исраиль би шат-биха (Положения статей Палестинской национальной хартии, которые Израиль требует удалить) // Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын. С. 15.
- ²⁷⁸ Здесь и далее см.: *Абу Мазен (Аббас М.).* Указ. соч. С. 9 и 280.
- ²⁷⁹ *Mishal S., Sela A.* Hamas: A Behavioral Profile. Tel Aviv, 1997. P. 10–12.
- ²⁸⁰ Здесь и далее см.: Мисак Харака аль-мукавама аль-ислямийя – ХАМАС (Хартия Движения исламского сопротивления – ХАМАС) (цит. по: <http://www.islamonline.net/Arabic/doc/2004/03/article11.SHTML>).
- ²⁸¹ *Sheikh Jarrar B.* The Future of the Islamic Movement's Relation with the Authority // Challenges facing Palestinian Society in the Interim Period. Jerusalem Media & Communication Center. Jerusalem, 1994. P. 161–162.
- ²⁸² По данным палестинского Центрального статистического бюро, численность арабского населения Западного берега составила в 2010 г. почти 2 млн 547 тыс. человек и около 1 млн 562 тыс. в секторе Газа – Аль-Джихаз аль-марказий ли аль-ихса аль-фалястыний. Фалястын фи аркам. 2010. (Центральное статистическое бюро. Палестина в цифрах). С. 11 // http://www.pcbs.gov.ps/Portals/_PCBS/Downloads/book1748.pdf. В 2010 г. численность палестинцев в Восточном Иерусалиме составила 208 тыс. человек – PA census: Nearly 4 million Palestinian live in West Bank, Gaza, East Jerusalem // Haaretz. May 30. 2011 // <http://www.haaretz.com/news/pa-census-nearly-4-million-palestinians-live-in-w-bank-gaza-e-j-lem-1.238954>.
- ²⁸³ *Шейх Хамами Дж.* Ан-Низам ас-сиясий аль-фалястыний ва аль-интихабат: кирраа ислямийя (Палестинская политическая система и выборы: мусульманское прочтение) // Аль-Интихабат ва ан-низам ас-сиясий аль-фалястыний (Выборы и палестинская политическая система). Наблус, 1995. С. 107–110.
- ²⁸⁴ *Аль-Айюби Ш.* ХАМАС (цит. по представляемому А.А. Прохановым сборнику: ХАМАС – хвала героям! М., 2008. С. 97.
- ²⁸⁵ См., например, плакат ХАМАС, посвященный женщине-шахиду Рим Салех Ар-Рияши. – Там же. С. 107.
- ²⁸⁶ *Legrain J.-F.* Autonomie palestinienne: la politique des néo-notables // Les partis politiques dans les pays arabes. 1. Le Machrek. – Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée. Aix-en-Provence, 1998. N 81/82. P. 153.
- ²⁸⁷ *Косач Г.Г.* Движение ХАМАС и его сторонники // Космополис. М., № 3 (22). Осень 2008. С. 130–133.

- ²⁸⁸ ХАМАС ва Аль-Джихад аль-ислямий ан аль-интифада аль-джадида (ХАМАС и Исламский джихад о новой интифаде) // Аль-Мустакбаль. Бейрут. 7 октября 2000. С. 1.
- ²⁸⁹ Об итогах этих выборов см.: Абу Мазен рансан ли ас-султа аль-фалаястынийя (Абу Мазен становится главой Палестинской администрации) // Аш-Шарк Аль-Аусат. 10 января 2005 // <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=9540&article=276524>.
- ²⁹⁰ Мин Рамалла иля Газза: даулятан мутанафиратан (Из Рамаллы в Газу: два государства-антагониста) // Аш-Шарк Аль-Аусат. Л. 17 июня 2007 // <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=423965&issueno=10428>.
- ²⁹¹ Образец такой галереи см. в: ХАМАС – хвала героям! С. 108–109.
- ²⁹² Ее текст см.: *Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А.* Указ. соч. С. 102–103.
- ²⁹³ Там же. С. 88.
- ²⁹⁴ Здесь и далее см.: *Сассон М.* Арабо-израильские переговоры в исторической перспективе // Общество и политика современного Израйля / Отв. редакторы А.Д. Эпштейн, А.В. Федорченко. Иерусалим, 2002. С. 248–251.
- ²⁹⁵ *Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А.* Указ. соч. С. 113–116.
- ²⁹⁶ Амманское соглашение между Иорданией и ООП. 11 февраля 1985 г. – Там же. С. 138–139.
- ²⁹⁷ Об этом см.: *Shlaim A.* Lion of Jordan. P. 453–466.
- ²⁹⁸ *Kimmerling B.* Op. cit. P. 206–207.
- ²⁹⁹ *Pappe I.* Op. cit. P. 212–213.
- ³⁰⁰ *Kimmerling B.* Op. cit. P. 207–208.
- ³⁰¹ «И сказал мне Господь: ... пусть они пойдут, и овладеют землей, которую Я клялся отцам их дать им». – Второзаконие, 10:11.
- ³⁰² *Lustick I.* Op. cit. P. 357–359.
- ³⁰³ *Pappe I.* Op. cit. P. 214–215.
- ³⁰⁴ *Kimmerling B.* Op. cit. P. 206–207.
- ³⁰⁵ Здесь и далее см.: Гуш Эмуним; Электронная еврейская энциклопедия // <http://www.eleven.co.il/article/11351>.
- ³⁰⁶ *Зыкова О.А.* Организации еврейских поселенцев на палестинских территориях: инструменты и степень их влияния в израильской политике. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2008. С. 32–33.
- ³⁰⁷ С 1967 по 2006 г. на эти цели было израсходовано почти 13 млрд долл. – Там же. С. 157.
- ³⁰⁸ *Чернин В.* Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность. Москва; Иерусалим, 2010. С. 209.
- ³⁰⁹ Central Bureau of Statistics. Statistical Abstract of Israel, 2010. Localities and Population, by Population Group, District, Sub-District and Natural Region // http://www.cbs.gov.il/reader/shnaton/templ_shnaton_e.html?num_tab=st02_08&CYear=2010. С. 107.
- ³¹⁰ *Choshen M., Korach M.* Jerusalem: Facts and Trends. 2009/2010. Jerusalem, Publication № 402. 2010. P. 9 // <http://jiis.org/upload/facts-2010-eng%20%281%29.pdf>. Доля арабских жителей Иерусалима возрастала (в 1967 г. она равнялась 26%, в 2008 г. – 35%) на фоне тенденции к снижению доли еврейского населения (74% в 1967 г., 65% в 2008 г.). – Ibid.
- ³¹¹ *Зыкова О.А.* Указ. соч. С. 88–89.
- ³¹² *Lustick I.* Op.cit. P. 376.
- ³¹³ Здесь и далее см.: Программа блока «Национальное единство». Программы урегулирования палестино-израильского конфликта. (цит. по: Ред. А.Д. Эпштейн) С. 171–177.
- ³¹⁴ В кнессете 17-го созыва (2006) были представлены 12 жителей поселений, что составило 10% всех депутатов парламента. Речь шла о фракциях МИФДАЛ, «Наш дом – Израиль», Кадима и Ликуд. В кнессете 18-го созыва (начал работу в 2009 г.) депутаты-поселенцы представлены во фракциях Национального единства – 4, «Нашего дома – Израйля» – 3, Ликуда – 2 и Кадимы – 1. – *Чернин В.* Указ. соч. С. 221–223.
- ³¹⁵ Интервью Авигодора Либермана с изложением плана создания обособленных палестинских кантонов. – Программы урегулирования палестино-израильского конфликта. С. 178–179.
- ³¹⁶ *Файтельсон Я.* Арабская эмиграция из Иудеи, Самарии и полосы Газы // Ближний Восток и современность. Вып. 34. М., 2008. С. 344–357.
- ³¹⁷ *Чернин В.* Огненный потоп // *Чернин В.* Верлибры разных лет // Иерусалимский журнал. № 29. 2008 // <http://www.antho.net/jr/29.2008/15.php>.
- ³¹⁸ *Фейглин М.* Еврейское возрождение // http://www.manhigut.org/russian/articles-r/jewish_renewal_makor-r.html.

- ³¹⁹ *Карпель М.* Вернуть государство еврейскому народу // <http://russian.manhigut.org/basic-publications/120-i-?tmpl=component&print=1&layo>.
- ³²⁰ Бытие, 15:18.
- ³²¹ «Проведу пределы твои от моря Чермного до моря Филистимского и от пустыни до реки». – Исход 23:31.
- ³²² «Всякое место, на которое ступит нога ваша, будет ваше; от пустыни и Ливана, от реки, реки Евфрата, даже до моря западного будут пределы ваши». – Второзаконие 11:24.
- ³²³ *Чернин В.* Ближневосточный фронтир. С. 124–125.
- ³²⁴ В Талмуде Тора – «свет». Поселенцы «несли» Тору «Израилю».
- ³²⁵ *Чернин В.* Ближневосточный фронтир. С. 197–202.
- ³²⁶ Об этом см.: Там же. С. 183–186.
- ³²⁷ Здесь и далее см.: раздел «Цели и значение» на сайте этого Совета: Goals & Importance // http://www.yesha-israel.com/about/article/id/413/Goals_&_Importance.htm.
- ³²⁸ Здесь и далее см.: *Zerubavel Y.* Op. cit. P. 164–165.
- ³²⁹ *Зыкова О.А.* Указ. соч. С. 38–39.
- ³³⁰ *Zerubavel Y.* Op. cit. P. 212.
- ³³¹ *Слуцкий В.* Стихи и переводы // Флейта Евтерпы. № 2. 2006 // <http://www.igraigr.com/slutsky.htm>.
- ³³² *Eldar A.* West of the «Auschwitz borders». – Haaretz. October 18. 2010 // <http://www.haaretz.com/print-edition/opinion/west-of-the-auschwitz-borders-1.319691>.
- ³³³ *Lustick I.* Op.cit. P. 414.
- ³³⁴ *Zerubavel Y.* Op. cit. P. 212. См. также: *Зыкова О.А.* Указ. соч. С. 71–72; *Lustick I.* Op. cit. P. 411.
- ³³⁵ *Lustick I.* Op.cit. P. 377.
- ³³⁶ Здесь и далее см.: *Choueiri Y.M.* Arab Nationalism. P. 208, 213–218.
- ³³⁷ *Ахмед Ю.А.* Аль-Араб ва тахаддият ан-низам аш-шаркаусатый (Арабы и вызовы ближневосточной системы) // Ат-Тахаддият аш-шаркаусатый аль-джадид ва аль-ватан аль-арабий (Новые ближневосточные вызовы и арабское отечество). Бейрут, 1994. С. 18–21; *Саляме Г.* Афкар ан ас-сук аш-шаркаусатый (Размышления о ближневосточном рынке) // Там же. С. 33–38.
- ³³⁸ Бурхан Гальон – ныне директор Centre d'études sur l'Orient contemporain – Université de Paris III.
- ³³⁹ Здесь и далее см.: *Гальон Б.* Аль-Интифадат аш-шаабий аль-арабий ау духуль аль-араб фи аль-хадаса ас-сиясий (Арабские народные восстания или вступление арабов в политическую современность) // Middle East Studies Online Journal. Issue № 4. Vol. 2. January 30th 2011 // <http://www.middle-east-studies.net/?p=8419>.
- ³⁴⁰ Здесь и далее см.: *Гальон Б.* Ахд аль-муватана аль-арабий аль-джадид (Время гражданственности нового араба). 8 марта 2011 // <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/AC89948E-E1F1-49D0-CE80C54F56EF.htm>.
- ³⁴¹ Здесь и далее см.: *Гальон Б.* Саура Мыср тарсум масыр аль-араб (Египетская революция определяет судьбу арабов). 14 февраля 2011 // http://critique-sociale.blogspot.com/2011/02/blog-post_14.html.
- ³⁴² *Даана С.* Бейт Аль-Макдас аввалян ва ахиран (Иерусалим как первоочередная задача). 14 июня 2011 // <http://www.25uanaer.net/?p=10342>.
- ³⁴³ *Ас-Сахли Н.* Риях ас-саурат аль-арабийя ва ад-дауля аль-фалястыний (Ветер арабских революций и палестинское государство). 19 июня 2011 // <http://www.arabs.com/threads/3956>.
- ³⁴⁴ *Бадран А.* Модель ам бадиль димократый (Модель или демократическая альтернатива)? 29 июня 2011 // <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/5E81A342-D964-44AE-B76F-1AE53E81CE43.htm>.
- ³⁴⁵ Произошедшее в начале июля 1187 г. сражение между войском крестоносцев и армией айюбидского правителя Салаха Ад-Дина, итогом которого стало восстановление контроля мусульман над Иерусалимом.
- ³⁴⁶ *Даана С.* Указ. соч.
- ³⁴⁷ Здесь и далее см.: *Ram U.* Op. cit. P. 213.
- ³⁴⁸ Об этом см.: *Носенко Т.В.* Ислам в Израиле. С. 439–447.
- ³⁴⁹ Здесь и далее см.: *Ram U.* Op. cit. P. 213–215.

Н. В. Мохов

ФРАНЦУЗСКО-АЛЖИРСКИЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К НЕИЗБЕЖНОЙ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

Обретение Алжиром независимости от Франции в 1962 г. произошло в результате одного из самых болезненных и длительных конфликтов в истории деколонизации. Конфликт, активная стадия которого продолжалась более семи лет (1954–1962), отличался не только ожесточенностью чрезвычайно кровавого вооруженного противостояния, но и тяжелыми последствиями как для последующего развития обеих стран, так и их отношений. Актуальность исследования опыта деколонизации Алжира обусловлена прежде всего комплексными причинами войны за независимость, множеством измерений конфликта и неординарностью факторов и исторических реалий, обусловивших его завершение.

В первой части исследования будут рассмотрены социальные и политические условия, в которых сосуществовали жители Алжира различного происхождения до начала вооруженного восстания в 1954 г. Особое внимание уделяется вызреванию причин и факторов перехода социальных противоречий в острый конфликт, который жестко разделил в конечном счете европейское и мусульманское сообщества. Во второй части работы рассматриваются эскалация конфликта, эволюция идеологии и структуры национально-освободительного движения, а также те факторы и исторические обстоятельства, которые в итоге привели к завершению военной стадии конфликта и деколонизации Алжира.

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ МУСУЛЬМАНСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ АЛЖИРЕ В 1930–1950-е ГОДЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРИЧИН ВОССТАНИЯ

В рассматриваемый период колониальный Алжир состоял из трех департаментов (Алжир, Оран и Константина), разделенных на округа и коммуны (трехуровневая административная система). Как в метрополии, главы департаментов и округов (префекты и супрефекты) назначались министром внутренних дел Франции. Они управляли совместно с генеральными советами (один в каждом департаменте) и окружными советами. Муниципальные советы, избравшиеся на всеобщих выборах, выбирали мэров и их заместителей. Вся алжирская администрация, включая префектов, подчинялась генерал-губернатору, который назначался министром внутренних дел. Во всех выборах могли участвовать только французские граждане.

К этой социальной категории относилась очень небольшая часть населения Алжира. Прежде всего французскими гражданами были европейцы-христиане, проживавшие в Алжире и называвшиеся «черноногими» (*les pieds-noirs*). Это разнородное сообщество включало переселившихся из метрополии французов, а также итальянцев, испанцев, корсиканцев, мальтийцев, греков и выходцев из других регионов (главным образом средиземноморских), приехавших в Алжир в основном по экономическим соображениям. По французскому закону от 26 июня 1889 г. эти иностранцы получили французское гражданство. Со временем и сменой поколений они, безусловно, теряли связь со своей родиной и ассимилировались, пополняя сообщество французов Алжира. Термин «черноногие» не имеет однозначного общепринятого объяснения. По одной из версий так их называли арабы, увидевшие французских солдат в черных сапогах при высадке на алжирском побережье в 1830 г. По другой версии наименование происходит от черных ног европейцев-виноградарей, топтавших виноград для последующего производства вина. Основная часть европейцев проживала в прибрежных городах, таких, как Алжир, Оран, Бон (Аннаба) и Филиппвиль (Скикда) (их было относительно немного в деревнях и сельской местности).

На алжирской территории исторически проживала многочисленная еврейская община (в 1830 г. община насчитывала 25 тыс.). В годы колонизации она была постепенно ассимилирована европейским сообществом, отчасти благодаря влиянию на французскую администрацию еврейской общины Франции. В 1870 г. был принят декрет Кремье (называемый по фамилии французского министра юстиции Адольфа Кремье) о натурализации алжирских евреев. В результате вступления в силу этого декрета алжирские евреи (37 тыс.) стали полноправными французскими гражданами¹.

Алжирцы-мусульмане (их называли «туземцами») не обладали статусом французских граждан. Законодательство предусматривало крайне ограниченные возможности по получению французского гражданства мусульманами. Так, на получение гражданства могли рассчитывать следующие категории мусульман (при соблюдении ряда других условий): 1. Служившие в армии и имевшие аттестат о хорошем поведении, а также умевшие писать и говорить на французском; 2. Собственники сельскохозяйственного поместья или городского дома; 3. Избранные в любой из выборных органов власти; 4. Получавшие пенсию госслужащего; 5. Награжденные орденами или другими почетными наградами французского правительства².

Тем не менее мусульмане заседали в муниципальных, генеральных и окружных советах, составляя во всех советах меньшинство. Впоследствии французские реформы привели к увеличению доли мусульман в выборных органах. Однако депутаты-мусульмане всегда составляли меньшинство.

В отличие от метрополии в Алжире также существовали так называемые смешанные коммуны, которые представляли собой обширные по территории коммуны, где проживали главным образом мусульмане³. Во главе смешанной коммуны стоял администратор (французский гражданин), назначавшийся генерал-губернатором и выполнявший функции мэра и судьи. Администратор управлял коммуной совместно с муниципальной комиссией, в которой заседали как европейцы, так и мусульмане. Однако мусульмане назначались

колониальной администрацией, которая старалась выбирать лояльных ей людей.

С 1898 г. в г. Алжире заседала ассамблея Финансовых делегаций – консультативный орган, занимавшийся рассмотрением алжирского бюджета, подготовленного губернатором. Финансовые делегации состояли из нескольких секций: представители колонистов⁴ (24 человека), неколонистов⁵ (24), представители «туземцев» (15) и кабилы⁶ (6). Шесть из пятнадцати представителей «туземцев» назначались губернатором⁷. Таким образом, согласно существовавшей административной системе во всех избирательных органах доминировали представители европейцев, что не соответствовало численному соотношению сообществ. В 1936 г. европейское сообщество насчитывало 946 тыс., мусульманское – 6 млн 212 тыс., в 1954 г. соответственно 984 тыс. и уже 8 млн 360 тыс.⁸ (мусульмане составляли более 87% населения Алжира в 1936 г. и более 89% в 1954 г.).

На мусульман распространялось действие Туземного кодекса 1874/1881 гг.⁹, который представлял собой специальную законодательную базу (руководствоваться им были обязаны только мусульмане). Кодекс предусматривал запрет на свободное перемещение мусульман, строгие наказания (штрафы и тюремное заключение) в случае нарушения его положений. В смешанных коммунах администрация устанавливала массу других запретов и ограничений, касавшихся практически всех аспектов жизни мусульман. Жизнь мусульман регулировалась этой специальной законодательной базой вплоть до 1944 г.

На мусульман не распространялось действие французского Гражданского кодекса (они руководствовались мусульманским правом), для них были созданы специальные уголовные суды. При этом на мусульман распространялось действие французского законодательства в экономической сфере, а также особый налоговый режим: помимо налогов, обусловленных местной традицией (прямые налоги, сохранившиеся после колонизации Алжира), они платили косвенные налоги и ряд прямых налогов. В отличие от них и от французов метрополии европейское сообщество Алжира платило лишь косвенные налоги¹⁰.

Неравенство в политико-административной и правовой сферах дополнялось социально-экономическим неравенством. В руках европейцев находились лучшие земли (часть из которых была куплена, а часть экспроприрована у мусульман колониальной администрацией), промышленные предприятия (которых было очень немного), банки и большая часть торговли. Оптовая и полуоптовая торговля (в том числе и с метрополией) контролировалась в основном европейцами, мусульмане занимали скромное место лишь в розничной торговле.

Таким же образом французские власти подходили к развитию алжирской экономики. Из колонии экспортировались главным образом сырьевые товары (фосфаты, железная руда, ковыль, древесина, пробковая кора) и сельскохозяйственная продукция практически без обработки (зерновые, оливки, цитрусовые, виноград, овощи, масло), а в колонию ввозились промышленные товары, которые в ряде случаев производились с использованием алжирского сырья (например, продовольственные консервы и мыло). Вино, кожи и

шерсть были редкими товарами алжирского экспорта, имевшими неплохую добавленную стоимость.

Вся алжирская промышленность ограничивалась ремонтными цехами и мастерскими в районе портов и в крупных городах, добывающими предприятиями, а также несколькими пивоваренными заводами и фабриками по производству цемента, фаянцевых и стеклянных изделий, табака, лимонада, масла и другими предприятиями пищевой промышленности. Лишь с 1946 г. французские власти стали проводить целенаправленную политику по созданию промышленности на алжирской территории. Попытки создания промышленных предприятий в предшествующие периоды наталкивались на лобби колонистов, которых эти предприятия лишили бы неограниченной и дешевой рабочей силы мусульман (слабо защищенной в социальном плане). Французские промышленные группы также не выражали большого интереса к созданию производственных предприятий в Алжире, пытаясь сохранить здесь защищенный и гарантированный рынок сбыта своей продукции (даже в 1940–1950-е годы)¹¹. Главным покупателем алжирского экспорта и поставщиком импорта была метрополия. Структура внешнеторгового оборота однозначно свидетельствовала об импорте Алжиром добавленной стоимости, создававшейся во Франции.

Значительный численный перевес мусульман способствовал формированию доходной части бюджета Алжира, главным образом за счет поступлений от этой части населения, тогда как государственные расходы шли главным образом на улучшение условий жизни европейского сообщества¹². При этом, учитывая контроль европейцев над всеми алжирскими органами власти, мусульмане не имели никаких возможностей влиять на перераспределение бремени финансовых сборов или направление бюджетных расходов. Любые попытки опротестовать планы и решения французской администрации через легальные механизмы политической системы наталкивались на сплоченное большинство европейцев во всех выборных собраниях. На непроницаемый отказ европейцев наталкивались следующие требования мусульман (среди прочих): отмена специального законодательства, получение французского гражданства и обеспечение равенства в правах между всеми жителями Алжира, увеличение объема финансовых средств на нужды мусульманского сообщества, введение обязательного школьного образования для мусульман, применение к мусульманам французского социального законодательства.

Социальная структура колониального общества предполагала однозначное превосходство европейского сообщества над мусульманским. Мусульмане занимали второстепенные и вспомогательные социальные роли – докеры, разнорабочие, носильщики, рыбаки, мусорщики, садовники, дворники, торговцы в разнос, домашняя прислуга (в основном женщины) и сельскохозяйственная рабочая сила. Мусульманин получал более низкую зарплату, чем европеец за аналогичную работу (это выглядело особенно парадоксально в случае чиновников). Лишь ограниченное число мусульман, получивших образование, выполняли квалифицированную работу адвокатов, врачей, учителей, фармацевтов или нотариусов. В 1954 г. в Алжире на 65 120 офисных служащих и торговцев европейцев приходилось 15 190 мусульман, зато на 7200 разнорабочих европейцев приходилось 141 130 мусульман¹³.

Французская армия служила еще одним каналом вертикальной мобильности, позволявшим мусульманам служить в унтер-офицерских и офицерских званиях не выше капитана. Эти образованные алжирцы составляли тонкую прослойку нарождавшейся автохтонной интеллигенции. Между этими двумя группами мусульман находилась средняя социальная категория, включавшая служащих низшего уровня французских административных учреждений, мелких собственников земли или своего частного дела и ремесленников.

Несмотря на активную образовательную политику в самой Франции, для алжирцев-мусульман доступ во французские школы был ограничен. В 1954 г. охват детей школьным обучением для европейского сообщества был около 78,8% и всего лишь 14,8% для детей мусульман (данные по детям в возрасте от 5 до 14 лет)¹⁴. Мусульманские дети были неотъемлемой частью городского пейзажа, нередко занимаясь чисткой ботинок и продажей газет в разнос¹⁵. Аналогичный дисбаланс существовал и в системе высшего образования – в 1954 г. в Алжирском университете учились 557 мусульман из 5105 студентов, что составляло всего 10,9% (даже если к этому числу добавить студентов-мусульман, учившихся в вузах метрополии, общий показатель был низким)¹⁶. Отсутствие условий для получения образования ограничивало возможности алжирцев-мусульман (неграмотных или полуграмотных), за исключением немногих, по социальному продвижению и служило одним из факторов сохранения социальной иерархии.

Опасаясь быстрого развития самосознания мусульман и вызванных этим рисков усиления национальных требований, колониальная администрация не проводила (особенно до 1945 г.) в Алжире адекватную потребностям образовательную политику по французской модели (образование на французском языке, в ходе которого изучались современные предметы и прививались республиканские ценности). С другой стороны, испытывая недоверие к исламу, французские власти в XX в. (как и в XIX в.) препятствовали традиционному образованию на арабском языке. Следствием этих двух установок стал культурный вакуум в мусульманской среде, связанный с крайне низким уровнем грамотности (особенно среди женщин), низким качеством «социального капитала» (которое имело последствия для последующего развития алжирского общества)¹⁷.

Таким образом, Алжир в 1920–1950-е годы был типичной колонией, в которой все политические и административные функции находились в руках французов (или ассимилировавшихся с французским сообществом европейцев, не сохранивших каких-либо форм лояльности по отношению к исторической родине). Политическое господство дополнялось контролем над экономическими ресурсами и более высоким социальным положением европейцев. В рамках политики социального контроля французская администрация даже вмешивалась в религиозные вопросы, назначая имамов, кади и муфтиев¹⁸, а также выплачивая им денежное содержание как обычным чиновникам (вопреки французскому закону 1905 г. об отделении церкви от государства, который запрещал содержание служителей культа).

Подобная реальная ситуация разительно контрастировала с тезисом, во имя которого Франция вела свои колониальные кампании («цивилизаторская миссия», нацеленная на развитие и просвещение отсталых народов стран

Юга). Сфера образования служила самым наглядным примером различия лозунгов и практики¹.

До 1945–1947 гг. французский парламент воспринимал подобное состояние дел в Алжире как должное, полагаясь на оценку и доклады депутатов от этой колонии. Все правительства III и IV Республик (1870–1940 гг. и 1946–1958 гг., соответственно) неустанно заявляли о безусловной принадлежности алжирской территории к Франции²⁰. Общественное мнение в метрополии также равнодушно относилось к политике их государства в североафриканских департаментах на основе убеждения, что эта политика способствовала раскрепощению и развитию отсталых регионов¹⁴. В то время как колониальная администрация в Алжире ориентировалась не на создание новых возможностей для развития «туземцев», а на защиту интересов и привилегий «черноногих».

Несмотря на очевидное неравноправное положение мусульман Алжира, период 1920–1930-х годов отличался относительно мирным сосуществованием мусульманской, христианской и иудейской общин на территории Алжира. Европейцы в своей массе, как правило, не знали и не интересовались жизнью мусульман, которых они воспринимали как данность этой североафриканской земли, часть окружавшей их природы. Это утверждение в меньшей степени характерно для сельской жизни, где совместные тяготы, зависимость от природы и персонализация социальных отношений сближали мусульман и европейцев. Один из жителей Алжира (европеец-христианин) так охарактеризовал взаимодействие сообществ в те годы: «Мосты между людьми и сообществами не были разрушены. Люди встречались на улицах, в общественном транспорте, в школах (впрочем, в которых сообщества не были представлены одинаково), на рынках, на работе, в армии. Однако не было общения между собой, не считая случайного. Было мало смешанных браков, возможно по причине запрета для мусульманки выйти замуж за немусульманина... В остальном сосуществование было мирным. Редки были в то время случаи воровства, убийства, насилия. Для обеспечения порядка требовалось лишь незначительное число полицейских и жандармов. В целом под властью генерал-губернаторства и без сомнения в соответствии с его политикой общество в Алжире было организовано в два сообщества: сообщество колонизаторов и тех, кто был с ними связан, и сообщество колонизированных. Общим правилом было “каждый сам по себе и для себя”»²².

Европейское сообщество выглядело гомогенным лишь в глазах мусульманина, тогда как при более пристальном наблюдении изнутри оно также имело иерархическую структуру. На вершине пирамиды располагались «настоящие» французы из Франции, за ними – те, кто получил французское гражданство по закону от 26 июня 1889 г. (натурализация всех иностранцев, родившихся в Алжире). Ниже шли иностранцы, пока не имевшие французского гражданства, – испанцы, итальянцы, греки, мальтийцы и другие. Вся смесь представляла собой оригинальное и пестрое сообщество, безусловно, отличавшееся от французов метрополии (по менталитету в первую очередь, но также и по языку). Собирабельный социальный тип «черноногого» нередко отмечали за любовь к солнцу и морю, средиземноморское жизнелюбие и горячий темперамент, смекалку, хвастовство и напористость.

Несмотря на полноценное французское гражданство с 1870 г., иудейская община сохраняла некоторые черты обособленности. Отчасти это объяснялось антисемитскими настроениями, латентное существование которых в европейской среде чередовалось с настоящими вспышками «народного гнева»²³. На эту конфессионально-этническую многоярусную иерархию колониального Алжира накладывались классические для любого общества различия, связанные с уровнем дохода и социальным статусом.

В этой среде достаточно замкнутого сосуществования двух обществ с полным господством одного над другим в 1920–1930-е годы стали зарождаться и действовать первые общественно-политические организации, формулировавшие и выражавшие интересы автохтонного мусульманского населения. С этого периода и до начала вооруженного восстания в ноябре 1954 г. в Алжире действовали четыре таких движения, которые меняли названия и позиции по конкретным злободневным вопросам (нередко исходя из тактических соображений в связи с менявшейся социально-политической конъюнктурой). Вместе с тем каждое из движений на протяжении десятилетий сохраняло достаточно четкую идеологическую преемственность. Речь идет об алжирских отделениях Французской компартии (с 1936 г. Алжирская компартия), националистической партии Мессали Хаджа, движении алжирской интеллектуальной элиты и Ассоциации алжирских улемов²⁴.

Французская коммунистическая партия (ФКП), образованная в 1920 г., стала французской легально признаваемой политической силой, выступавшей с критикой колониализма. Позиция ФКП, алжирские отделения которой были преобразованы в 1936 г. в Алжирскую коммунистическую партию (АКП), менялась от резкого осуждения «колониального империализма» и борьбы против «всех форм» подавления коренного населения колоний (в 1920-е годы в соответствии с восьмым условием членства в III Интернационале) до более консервативной линии в отношении колоний (предоставление Алжиру автономии).

Самой яркой интеграционной идеей коммунистов считается концепция «формирующейся нации», высказанная генсеком ФКП (под влиянием которой находилась АКП) Морисом Торезом в ходе поездки в Алжир в феврале 1939 г. Согласно этой концепции алжирская нация еще не завершила процесс своего формирования (алжирские националисты утверждали, что нация уже существовала и имела арабо-мусульманскую идентичность). По Торезу, она представляла собой «плавивший тигель», «смесь двадцати этносов», в которую вошли потомки нумидийских народов, берберов, карфагенян, римлян, арабов («пришедших под знаменем Пророка»), турок, евреев, к которым присоединились французы, греки, мальтийцы, испанцы и итальянцы. Оригинальная концепция «формирующейся алжирской нации» Тореза, с одной стороны, позволяла подчеркнуть существование особой алжирской идентичности, отличной от французской (и следовательно, права алжирской нации на самоопределение). С другой стороны, плюрализм этой идентичности не подразумевал исключительно исламо-арабской «окраски» алжирской нации. Неслучайно лидер французских коммунистов отмечал некоренное, иноземное происхождение «пришедших» арабов, ставя их в равные условия с «присоединившимися» французами и европейцами. Эта концепция служила идеологическим обоснованием ФКП/АКП для более умеренного подхода к

алжирскому вопросу – вместо деколонизации компартия выступала за различные формы автономии и федеративных связей Алжира с метрополией. Позиция ФКП/АКП по алжирскому вопросу основывалась на этой концепции (с внесением ограниченных корректив) вплоть до середины 1950-х годов²⁵.

Одна из главных заслуг ФКП в вызревании алжирского национального движения состояла в том, что именно эта партия в 1920-е годы впервые сформулировала политическую программу, нацеленную на независимость Алжира. Тем не менее деятельность компартии в Алжире постоянно сталкивалась с дилеммой «инородного» происхождения в глазах большинства мусульман как самой партии, так и коммунистической доктрины. Антиколониальные установки коммунистов включались в более широкую международную программу их партии, стержнем которой, безусловно, выступала классовая борьба (ориентир, непонятный для мусульман Алжира, за исключением иммигрантов, работавших в метрополии, и в ограниченной степени рабочих-мусульман в Алжире)²⁶. Систематические усилия ФКП/АКП по «арабизации» кадров и руководящего состава, методов пропагандистской работы (приоритет устной агитации на базарах, в мусульманских кафе, при выходе мусульман из мечетей или на сборах паломников для отъезда в Мекку), попытки создания коалиций с другими антиколониальными движениями наглядно подтверждали стремление партии приблизиться к реалиям мусульманского Алжира.

В этой связи при ослаблении идеологического контроля Парижа коммунистические идеи нередко теряли на местной алжирской почве свое типичное классовое и интернациональное звучание и приобретали антиколониальные, националистические и даже исламские оттенки. Так, в феврале 1934 г. в крупной манифестации, состоявшейся в г. Алжире, приняли участие тысячи жителей столицы, 40–50% из которых были мусульмане. Манифестанты скандировали: «Да здравствуют Советы!» Вместе с тем во главе колонны несли зеленый флаг с полумесяцем, символизирующий религиозную окраску самобытности алжирцев-мусульман, участвовавших в демонстрации²⁷.

Если мусульмане-коммунисты тяготели к адаптации идеологии ФКП/АКП под националистические лозунги, то алжирские европейцы-коммунисты, наоборот, как правило, игнорировали эту часть коммунистической программы, поддерживая партию за ее социально-экономические требования. Несогласие многих алжирских европейцев-коммунистов с жесткой антиколониальной и промусульманской риторикой ФКП/АКП (до 1934 г.) и периодические исключения из партии европейцев за их «колониальный менталитет» (по выражению партийных лидеров в Париже) служили еще одним противоречием компартии²⁸.

Второй организацией, которая последовательно выступала с национальной алжирской программой, была партия Ахмеда Мессали Хаджа, созданная в 1926 г. Французской коммунистической партией в среде магрибинских иммигрантов во Франции. Партия неоднократно распускалась французскими властями, но всегда воссоздавалась под новым названием («Северо-африканская Звезда» – САЗ до роспуска в 1929 г., «Славная Северо-африканская Звезда» с 1932 г., Национальный союз североафриканских мусульман, Партия алжирского народа с 1937 г., Движение за торжество демократических

свобод (МТЛД)²⁹ с 1946 г. и Национальное алжирское движение с 1954 г.). Несмотря на частую вынужденную смену названий, движение Мессали сохраняло жесткую националистическую позицию вплоть до достижения Алжиром независимости и благодаря этому обрело популярность в мусульманской среде.

Уже в 1927 г. в Брюсселе на съезде Лиги против колониального угнетения* Мессали изложил программу молодого политического движения – независимость Алжира, вывод «оккупационных французских войск», создание национальной армии, создание алжирского парламента (избрание по результатам свободных всеобщих выборов), возвращение алжирскому государству земель и лесов (захваченных Францией), немедленная отмена специальной законодательной базы и предоставление мусульманам равных прав с европейцами, доступ мусульман к образованию всех уровней, создание школ с преподаванием на арабском языке и ряд других реформ аналогичного характера³⁰. Радикализм программы шокировал.

Исходя из жесткости и комплексности требований, ощущалась родственность САЗ с ФКП (в связи с идеологическими различиями пути этих партий разошлись уже в 1930 г.³¹). Однако в отличие от компартии подход САЗ гораздо глубже учитывал алжирские реалии. В программе Мессали заметны очертания идентичности той социальной группы, к которой эта программа была обращена, – в программе устойчиво звучали требования повышения статуса арабского языка. С конца 1930-х годов наряду с языком в качестве второй основы культуры «угнетенного населения» начал выделяться и ислам.

В связи с радикализмом требований и неизменной нацеленностью на независимость Алжира партия подвергалась постоянному преследованию французских властей, а ее лидеры – периодическим арестам. Однако этот же национальный радикализм и ориентированность движения на мусульманское сообщество³² помогли партии Мессали, несмотря на ее «французское происхождение», сформировать к концу 1930-х годов серьезную социальную базу в Алжире.

Третье движение, выражавшее интересы коренного населения Алжира, появилось в среде мусульманской интеллигенции, которая формировалась вследствие постепенной интеграции небольшой доли мусульман в систему общественных отношений, созданную колониальными властями. Представители «образованного класса» объединились в 1927 г. в Федерацию туземных избранников (ФТИ), которая выражала этот сегмент национальных идей. В 1946 г. мусульманская интеллигенция с национальными убеждениями объединилась в Демократический союз алжирского Манифеста (УДМА)³³. В середине 1940-х годов признанным лидером движения стал алжирский политик, фармацевт по образованию Фархат Аббас (ранее политическим лиде-

* Лига против колониального угнетения – общественная организация, связанная с коммунистическим Интернационалом; была образована в 1927 г. Основные требования – борьба против империализма и колониализма. Требование освобождения колоний сочеталось с программой левого толка. На съездах Лиги собишались как представители колонизированных народов, так и европейские интеллектуалы в основном левых убеждений. Лиге не удалось привлечь к своей работе широкие массы и в середине 1930-х годов она прекратила свою деятельность.

ром алжирского «образованного класса» с умеренными антиколониальными взглядами был Мухаммед Бен Джаллул³⁴).

Политическое движение мусульманской интеллигенции на раннем этапе выступало за ассимиляцию³⁵. Основой их программы было включение «алжирского мусульманского народа» в состав «большой французской семьи». В рамках этой программы партия требовала прежде всего отмены Туземного кодекса, равных прав для обоих сообществ Алжира в профессиональной деятельности и вопросах военной службы, применения в Алжире социального законодательства, вовлечения мусульманского населения в образовательный процесс.

Философия, лежавшая в основе требований партии Ф. Аббаса, исходила из очевидного противоречия между «идеальной» Францией – страной с республиканской формой правления, построенной на либеральных ценностях и принципах Великой французской революции 1789 г. (как себе ее представляли образованные алжирцы), с одной стороны, и созданной «реальной» Францией несправедливой колониальной системой, с другой. Зная и понимая в силу своего образования французские культуру, ценности и идеалы, лидеры этого движения сопоставляли их с практикой колониализма и верили, что «идеальная» Франция способна применять свои собственные принципы по отношению к мусульманскому населению Алжира.

Хотя Ф. Аббас и выступал за равные права для мусульманского и немусульманского сообществ Алжира, он был сторонником сохранения религиозной идентичности мусульманского населения. В его представлении алжирцы, оставаясь мусульманами, могли стать полноправными французами.

Деятельность движения алжирского «образованного класса» отличалась противоречивостью, связанной с желанием представлять интересы мусульман (в которых переплетались экономические, социальные, культурные и национальные требования) и одновременно с этим поддерживать выгодные контакты с колониальной администрацией, способные обеспечить политические и иные дивиденды. Публично занимая по примеру Мессали жесткую антифранцузскую позицию (ради увеличения популярности), Ф. Аббас в частном порядке стремился любой ценой сохранить плодотворные контакты с властями. Несколько известных фактов подтверждают вывод об использовании Ф. Аббасом контактов в администрации для улучшения позиций своей партии (в том числе и в ущерб другим национальным движениям), не гнушаясь нелегальных методов. В частности, в преддверии выборов в Алжирское собрание в 1948 г. он обратился в личной беседе к генерал-губернатору М.-Э. Нежлену с просьбой обеспечить «прохождение» в Собрание 20 представителей УДМА³⁶.

Если первые три течения алжирского национализма зародились в результате французской модернизации (в этом состоял один из парадоксов колонизации), то четвертое оппозиционное движение формировалось под влиянием ближневосточных идей. Распространение в Северной Африке идей арабизма (как доктрины национального самосознания), пришедших с Ближнего Востока, способствовало активизации мусульманских ученых-богословов (улемов) Алжира, создавших в 1931 г. Ассоциацию алжирских улемов (ААУ), первым руководителем которой стал известный законоучитель шейх Абд аль-Хамид Бен Бадис.

Абд аль-Хамид Бен Бадис родился и вырос в знатной семье в г. Константине, получил образование в туниисской Зитуне³⁷. По возвращении в Алжир Бен Бадис преподавал и проповедовал в родном городе салафитские доктрины, в которых ощущалось сильное влияние салафитских идей аль-Афгани и Абдо³⁸. С расширением социальной базы ААУ в Алжире Бен Бадиса стали называть *Мушид аль-Кебир* (Великий Наставник), *Мушид аль-Умма* (Наставник Нации), *Вали Аллах* (Наместник Бога), что свидетельствовало как о популярности Ассоциации, так и личном авторитете ее руководителя³⁹.

Суть программы и общественного действия улемов состояла в пробуждении мусульман, в наполнении их жизни смыслом, источником которого должен был стать ислам. Подчеркивая равновеликость арабо-мусульманского культурного наследия европейским культурам, они способствовали повышению значения арабского языка, ислама, а также связанных с этой религией традиций и жизненных устоев за счет сокращения влияния культуры французской. С другой стороны, улемы выступали за реформу ислама, которая подразумевала обновление религиозной доктрины и практики и «унификацию» ислама («очищение» религии от влияния и практик марабутских религиозных братств⁴⁰ и локальных социодуховных особенностей).

Занимаясь просветительской общественно-культурной и агитационной деятельностью, улемы не выдвигали требований о предоставлении Алжиру политической независимости и проводили гибкую политику, не допуская полного разрыва с колониальными властями. Программа Ассоциации была направлена главным образом на культурное и духовное обновление. Ее доктрина строилась вокруг таких концепций, как *умма* (нация), *ша'аб* (народ), *ватан* (родина), *каумия* (национальная идентичность). Самый известный лозунг улемов формулировался следующим образом: «Алжир – моя родина, ислам – моя религия, арабский язык – мой язык». В этом лозунге четко просматривались основополагающие параметры будущей алжирской нации в том виде, как ее представляли улемы: ее географические границы (территория колониального Алжира) и ядро национальной культуры (ислам и арабский язык).

Именно улемы первыми в своей идеологии выделили Алжир в качестве самостоятельного территориально-исторического субъекта, обладавшего собственной историей, культурой и идентичностью, что обосновывало его право на создание собственного государства в будущем. О жизнеспособности и актуальности идейной доктрины ААУ свидетельствовала ее высокая популярность среди алжирцев-мусульман и общеалжирский масштаб деятельности Ассоциации.

Чрезвычайная популярность и востребованность в мусульманской среде тем, связанных с возрождением ислама, арабского языка и арабо-мусульманской культуры в целом, подталкивали другие национальные движения следовать примеру улемов и активнее использовать эти темы в своей риторике⁴¹.

Зарождение и деятельность первых трех алжирских движений с национальной позицией были связаны с модернизацией, которая, с одной стороны, стала непосредственным следствием французского колониализма, но с другой – была частью общемирового процесса, который воспроизводился в Алжире «в миниатюре». Здесь в основе роста антиколониальных настроений, ожесточения позиций национальных движений, т.е. постоянного наращива-

ния напряжения среди мусульман в отношении Франции действовали два фактора. Во-первых, внутреннее противоречие самого колониализма – способствуя модернизации, он способствовал возвращению сил, нацеленных на его уничтожение. Во-вторых, общемировые тенденции роста самосознания населения в колониях, зарождения первых националистических организаций в мире, где ускорялась циркуляция информации и увеличивалась сила успешного примера, укрепляли алжирские антиколониальные движения и усиливали давление на французские власти.

Несмотря на эти объективные тенденции, позиция метрополии отличалась поразительной жесткостью и консерватизмом. Французские власти проводили крайне ограниченные реформы неохотно под давлением как национальных алжирских движений, так и общественного мнения мусульманских масс. По сути это были давно назревшие решения или полумеры, принимавшиеся в связи с риском мощных акций протеста и даже мятежей мусульман. Редкими примерами таких уступок служили реформы левого правительства Народного фронта в 1936 г. (фактическая отмена Туземного кодекса и главным образом социально-экономические реформы) и реформы 1943–1947 гг.

Основные из этих реформ предполагали отмену специальной нормативной базы, формальное предоставление французских гражданских прав мусульманам, расширение доступа мусульман к административным должностям, создание второй избирательной курии (в рамках которой мусульмане старше 21 года, не имевшие гражданских прав, могли выбирать во французский парламент столько же делегатов, сколько выбирала первая избирательная курия, в которой голосовали европейцы и мусульмане, имевшие французское гражданство), создание Алжирского собрания, члены которого избирались на шесть лет жителями Алжира, разделенными также на две курии – 510 тыс. избирателей в первой курии (почти все из них – алжироцы-европейцы) и около 1 млн 500 тыс. избирателей во второй курии (зарегистрированные алжирцы-мусульмане старше 21 года). Каждая курия избирала по 60 депутатов Собрания. Однако, исходя из численности каждой курии, это равенство было ложным. К тому же Алжирское собрание имело крайне ограниченные полномочия – оно проводило обсуждение алжирского бюджета, который оставался под контролем генерал-губернатора и французского правительства, и могло вмешиваться в отдельные вопросы административного управления. Его создание преследовало символическую цель учреждения алжирского представительного органа, соответствовавшего по форме (но не по существу) требованиям националистов⁴².

Несмотря на определенные усилия Франции после Второй мировой войны интегрировать мусульман в общепольское общественно-политическое пространство (о чем свидетельствовали предоставление новых прав, повышение зарплат, а также обещания «более широкой политической демократии», всестороннего развития и улучшения социально-экономических условий жизни⁴³), ни одна из реформ не ставила под сомнение польское суверенитет над алжирской территорией.

Французские реформы всегда удовлетворяли лишь незначительную часть требований мусульманского сообщества, словно запаздывая за постоянно нарастающей волной национализма. При этом колониальным властям, пытав-

шимся держать ситуацию под контролем, доводилось использовать силу при подавлении мирных акций национального протеста и вспышек насилия.

Самым известным инцидентом стало подавление с использованием армии (включая флот и авиацию) мусульманских мятежей, возникших в регионе города Константины весной 1945 г. По случаю победы над Германией в разных городах Алжира 8 мая 1945 г. прошли многочисленные манифестации под лозунгами борьбы против фашизма и колониализма. В Сетифе и Гельме (регион Константины) мирные демонстрации вылились в стычки с полицией, которая применила против демонстрантов огнестрельное оружие. За этим последовали массовые нападения мусульман на полицейских и европейцев (по этноконфессиональному признаку). Ответные силовые меры французов также проводились по этно-конфессиональному признаку без особого разбора – расстрелы без суда, грабежи и изнасилования. В подавлении восстания приняли активное участие отряды добровольцев, набравшиеся в европейской среде, что свидетельствовало о поляризации европейского и мусульманского сообществ. По официальным данным, были убиты 1200 мусульман и ранены 1500. По оценке французского генерала Тюбера, проводившего во главе парламентской комиссии расследование событий (остановленное по приказу де Голля), число убитых мусульман достигло 15 тыс., по оценкам национальных движений оно варьировалось от 15 до 45 тыс.⁴⁴

Власти умело сочетали различные методы борьбы с национальной оппозицией – поддержку отношений с лояльными или умеренными мусульманскими элитами, запугивание и аресты лидеров оппозиционных движений, противодействие образованию коалиций национальных сил и их спланированным действиям. Французская администрация старалась избегать задержания мусульман за убеждения, используя для арестов активистов другие предлоги⁴⁵.

Амбициозные планы социально-экономического развития Алжира, принятые после Второй мировой войны, воплощались далеко не в полной мере. Во второй половине 1940-х и в 1950-е годы безусловный приоритет состоял в восстановлении и модернизации самой метрополии. Скудные послевоенные возможности Франции не позволяли выделять в полном объеме ни средства, ни квалифицированных специалистов, необходимых для развития мусульманских регионов Алжира (на развитие сельского хозяйства, индустриализацию, образование и т.д.)⁴⁶.

Даже несмотря на «удобную» для французских властей политико-правовую систему Алжира, созданную после Второй мировой войны, выборы, проводившиеся во второй курии с 1948 по 1954 г., были фальсифицированы колониальной администрацией с целью обеспечения победы лояльных ей мусульман (которые лицемерно представляли себя как независимые кандидаты). При этом пост генерал-губернатора занимали в эти годы социалисты М.-Э. Нежлен и Р. Леонар, отличавшиеся достаточно прогрессивными взглядами относительно алжирской проблемы.

Факты использования административного ресурса для поддержки французских кандидатов-мусульман, а также откровенной фальсификации результатов выборов признавались самим М.-Э. Нежленом. Несмотря на его указания своей администрации соблюдать нейтралитет при проведении выборов, чиновники на местах нередко игнорировали эту установку и «обеспе-

чивали» победу профранцузского кандидата, оправдывая свои действия служением интересам Франции. Среди недобросовестных методов проведения выборов во второй курии можно отметить открытое подконтрольное голосование (без права зайти в кабинку для голосования), многократное голосование одним и тем же избирателем за нужного кандидата, ограничение допуска избирателей к голосованию, запугивание альтернативных кандидатов⁴⁷. Очевидец событий Мухаммед Харби также отмечал факты фальсификации выборов, проводившихся в его коммуне Аль-Арруш (на востоке Алжира)⁴⁸.

Этот консерватизм в реформах, безусловно, преграждал мусульманам путь к полноценному членству во французском обществе, подталкивая их лидеров к «поиску своей родины» (по проницательному выражению социалиста М. Виолетта)⁴⁹.

Алжирские европейцы занимали еще менее гибкую позицию, критикуя уступки мусульманскому сообществу, а также политиков и партии, принявшие решения по этим реформам (например, премьер-министра 1936–1937 гг. Леона Блюма и его заместителя Мориса Виолетта). Даже те незначительные уступки, на которые шло французское правительство, вызывали негодование «черноногих»⁵⁰. Многие из них не отдавали себе отчет в том, что мир изменился. Большинство в буквальном смысле хотели по-прежнему «править» Алжиром, исходя из собственных групповых интересов. Согласно преобладавшей в их среде точке зрения конец их «правления» в Алжире привел бы к деколонизации этой территории и даже к невозможности ее созидательного развития впоследствии⁵¹.

В европейской среде в отношении мусульман нередко использовались такие оскорбительные наименования, как «les ratons» («крысята»), «les melons» («олухи»), «les bougnouls» и «les bicots» (непереводимые уничижительные названия североафриканцев)⁵². Примечательно, что шовинизм по отношению к мусульманскому населению существовал и в низких социальных слоях европейцев – среди рабочих, мелких торговцев и служащих⁵³. За редкими исключениями, европейское сообщество в целом (и особенно его политически активная верхушка, контролировавшая местные СМИ) проявляло открытое враждебное отношение к любым серьезным реформам, способным изменить колониальный статус-кво⁵⁴. Подобное отношение европейцев, влиявшее на официальную политику Франции по алжирскому вопросу, безусловно, служило фактором поляризации сообществ и обострения конфликта.

Жесткая позиция «черноногих» сказывалась и на действиях французской администрации в Алжире. Формально подчиняясь французскому правительству, местный административный аппарат испытывал значительное давление алжирских европейцев. В ряде случаев этот аппарат саботировал неугодные европейцам решения Парижа⁵⁵.

Крайне ограниченные реформы и применение силы в отношении мусульман, безусловно, служили факторами ужесточения позиции последних. В отличие от относительно спокойных довоенных лет в 1940–1950-е годы с каждым годом сообщества все дальше удалялись друг от друга, что способствовало обострению национальной борьбы. При этом наращивание мирного протеста сочеталось с первыми попытками применения вооруженных методов⁵⁶.

В основе роста антиколониальных настроений лежали также два объективных социальных процесса, которые происходили в мусульманском сообществе, постепенно изменяя его структуру, преобладавшие взгляды и настроения. Во-первых, исход сельского населения в города и поселки городского типа в результате обезземеливания привел к появлению здесь многочисленной прослойки необразованных и слабообразованных мусульман, которые не могли рассчитывать на стабильную работу с постоянным доходом.

Второй процесс был связан с традицией наследования старшими детьми семейного имущества (которая обуславливалась принципом сохранения целостности наследства) в ущерб младшим детям. Падение детской смертности у мусульман благодаря профилактике и лечению привело к резкому увеличению численности их сообщества и, соответственно, младших детей, оставленных без наследства⁵⁷. Рост экономически активного населения в мусульманском сообществе (вследствие демографического роста) не компенсировался адекватным созданием новых рабочих мест, что также способствовало увеличению численности незанятых и бедных мусульман, стекавшихся в города.

Демографическая статистика подтверждала формирование этой прослойки новых горожан. При практически неизменной численности европейцев в городах в период с 1936 по 1948 г. численность мусульманского городского населения увеличилось за этот же период с 722 тыс. до 1129 тыс. человек⁵⁸. Эта тенденция продолжилась и в дальнейшем – в 1948–1954 гг. городское население по Алжиру в целом выросло на 320 тыс. человек, из которых 269 тыс. были мусульманами⁵⁹. О формировании мощной новой прослойки свидетельствовали также расширение бидонвилей в окрестностях крупных городов и рост числа проживавших в них мусульман (в частности, в бидонвилях региона г. Алжира в 1938 г. проживали 4 тыс. 800 мусульман, а в 1953–1954 гг. – 125 тыс.⁶⁰).

Оба этих объективных процесса способствовали формированию новой социальной среды, характерными признаками которой служили низкий уровень образования, незанятость (или периодическая занятость), скудность материальных ресурсов, восприимчивость к многочисленным проблемам взаимоотношения двух сообществ, поддержание более тесных контактов друг с другом (в сравнении с ограниченным уровнем социального взаимодействия в сельской местности). Слабые механизмы социальной интеграции мусульман (школа, трудоустройство, включение в социокультурное пространство) способствовали сохранению этой среды.

Подобная среда по своей природе восприимчива для призывов к радикальным изменениям общественного строя (в любом обществе любого исторического периода). Она содержит в себе желание революции, способной изменить существующий статус-кво. В конкретных исторических условиях алжирского общества 1950-х годов эти призывы получили антиколониальное выражение, нацеленное на трансформацию колониальной системы и создание независимого алжирского государства⁶¹.

Рост недовольства и антиколониальных настроений снизу подталкивал аналогичный процесс наверху. Национальные партии ужесточали позиции, корректировали идеологические программы, координировали свои действия

(направленные в первую очередь на отмену сфальсифицированных результатов выборов) и выстраивали пропагандистскую работу с учетом этих изменений в мусульманском сообществе.

В этой связи в 1945–1954-е годы стали появляться принципиально новые формы социальной мобилизации мусульман, которые «работали» в ходе предвыборных кампаний или по другим значимым случаям. На смену старым методам социального объединения и представительства мусульманских нотаблей (закулисные договоренности между главами кланов, организация банкетов, раздача подарков и другие виды патронажно-клиентских связей) пришли современные – проведение митингов и демонстраций, распространение листовок, расклеивание политической рекламы, активное использование символов (флагов и патриотических песен)⁶².

Как и прежде, мощным интеграционным базисом мусульманского сообщества выступал именно ислам. Высокая чувствительность алжирцев к этому элементу идентичности была заметна со второй половины 1940-х годов по умелому использованию МТЛД коранической терминологии и исламской символики в агитационной работе (находившим отклик среди мусульман)⁶³, а также по общим настроениям, царившим в мусульманской среде. Несмотря на гетерогенность мусульманского сообщества, преподаватель социологии Анри Сансон (европеец-христианин), вернувшийся в Алжир после десятилетнего перерыва, отмечал решающую роль ислама в качестве общего базиса этого самобытного социума: «В период 1950–1962 гг. коренные алжирцы, которых я встречал и с которыми поддерживал отношения, мне показались многообразными. Были те, кто хотел преодолеть бедность, тяжело переносил неравенство, те, кто делал карьеру на государственной службе и в армии, кто просил одинаковых прав с французами, кто выступал за автономный Алжир или восхвалял Алжир независимый, кто боролся не просто за мусульманский, а за арабо-мусульманский Алжир, кто ждал рождения социалистического Алжира и те, кто не знал, во что верить... Были и те, кто страдал от своих соотечественников по алжирскому происхождению, кто страдал от алжирских европейцев или от французских сил, называемых «силами правопорядка»... Однако все они были обращены к своей общей основе – их исламу, который каждый из них понимал по-своему»⁶⁴.

Несмотря на усиливающуюся поляризацию европейцев и мусульман, было бы упрощением сводить многогранные отношения между сообществами к жесткому и однозначному антагонизму. Как колониальные власти использовали определенные прослойки мусульманской элиты для контроля над мусульманами (сокращая таким образом поле прямого взаимодействия), так и мусульмане (их объединения – партии, движения, кланы и партийные фракции, за исключением наиболее радикальных), конкурируя за властные полномочия на местном и региональном уровнях или за материальные ресурсы, иногда выступали против администрации, а иногда и искали ее поддержку⁶⁵.

Аналогичным образом можно было встретить немало примеров приятельских и даже дружеских отношений между отдельными европейцами и мусульманами. Подобные примеры наблюдались в первую очередь в сельской местности, где жизненные условия и трудности сближали людей. Эти

примеры равноправных отношений между индивидами контрастировали с неравноправным положением сообществ⁶⁶.

В свете очевидной невозможности реформировать колониальную систему мирным путем (подтверждением этому служили гонения на оппозиционеров и постоянные нарушения властями установленных процедур – как избирательных, так и правовых) наиболее радикальные члены МТЛД создали в 1947 г. тайное боевое формирование – Специальную организацию (ОС)⁶⁷, которая положила начало организованной вооруженной борьбе против французских властей. ОС смогла выстроить организационную структуру (по образцу французского Сопротивления в годы Второй мировой войны) и провести небольшое обучение своих бойцов (включая стрельбы)⁶⁸. Лидерами и активистами ОС были Ахмед Бен Белла, Хосин Айт Ахмед, Мухаммед Будифаф, Мухаммед Хидер, Мурад Дидуш, Ларби Бен Мхиди и Юсеф Зигут (все эти люди возглавили уже под именем Фронта национального освобождения восстание 1 ноября 1954 г.).

Главная задача ОС заключалась в подготовке вооруженного восстания в результате вербовки новых активистов, их обучения и проведения боевых операций в разных регионах Алжира. Обширная география действия ОС (операции проводились на востоке и на западе Алжира), поддержка и симпатии, на которые опиралась организация⁶⁹, подтверждали тенденции роста антифранцузских настроений и радикализации мусульманской среды.

Боевым отрядам ОС удалось провести ряд операций, пока в марте–апреле 1950 г. полиция не раскрыла часть подпольных ячеек и не арестовала более 300 боевиков во главе с лидером организации А. Бен Беллой. Однако в 1952 г. А. Бен Белле и ряду других руководителей ОС удалось бежать. Благодаря приходу Г.А. Насера к власти в Египте в 1952 г. часть лидеров ОС смогли переехать туда и выступать в Каире в качестве самостоятельного руководства этой организации, соперничая с лидерами МТЛД (так как в первой половине 1950-х годов антиколониализм МТЛД заметно смягчился).

Учитывая обострение национальных чувств мусульман и ожесточение взглядов европейцев, с каждым годом сообщества все дальше удалялись друг от друга (особенно остро это проявилось в 1950-е годы)⁷⁰. Среди мусульман постепенно усиливалось чувство готовности вступить в новую боевую организацию, способную возглавить антифранцузское восстание (в первую очередь в бедных слоях). Это настроение формировалось по мере убежденности все большего числа мусульман в неэффективности политических методов борьбы и иллюзорности надежд на добрую волю Франции в предоставлении независимости или проведении глубоких реформ.

Активный член МТЛД Мухаммед Харби отмечал эту готовность к быстрой мобилизации на востоке Алжира. В частности, в 1953 г. после одного из выступлений перед членами МТЛД в Филиппвиле (Скикда) к нему обратилась группа партийцев с просьбой о зачислении в боевую организацию (которой в то время не существовало под эгидой МТЛД). По оценке М. Харби, многие члены партии в тот период жили в ожидании «дня Д», когда партийное руководство объявит о формировании боевых ячеек и начале партизанской войны. В 1953–1954 гг. МТЛД даже приходилось искусственно сдерживать возбуждение, нараставшее среди своих сторонников, а также на-

казывать некоторых активистов с радикальными взглядами, несогласных с выжидательной политикой партии⁷¹.

В марте 1954 г. на базе ОС был создан Революционный комитет единства и действия, на основе которого позднее сформировался Фронт национально-освобождения (ФНО), начавший восстание 1 ноября 1954 г. Новое движение объединило радикальных активистов МТЛД (как правило, прошедших через ОС) и более умеренных членов этой партии, несогласных с политической линией Мессали и его желанием установить в партии единоличное правление и культ личности.

Резюмируя причины, лежавшие в основе алжиро-французского конфликта, и факторы, способствовавшие его вызреванию в активную фазу 1954–1962 гг., необходимо подчеркнуть их комплексность и принадлежность к совершенно разным областям общественной жизни. Упрощая сложную социальную реальность до схематичного перечисления, стоит выделить следующие причины и факторы этого процесса:

1. Политическая и социальная системы колониального Алжира имели жесткую двухуровневую структуру – европейцы и мусульмане соприкасались и взаимодействовали, но первые занимали господствующее положение в доступе к материальным ресурсам и образованию, опирались на политическое и правовое неравенство. Архаизм и неадекватность этой структуры общемировым тенденциям общественного развития проявились с особой остротой после Второй мировой войны на фоне социальных перемен в Европе, волны деколонизации и образования новых независимых государств в мире (среди прочих – Индия, Пакистан, Индонезия, Сирия, Ливан).

2. Абсолютная неадекватность реформ, проводимых французскими властями, социальным и психологическим изменениям в мусульманском сообществе на протяжении 1930–1950-х годов. Более смелые политические и социально-экономические реформы, безусловно, смягчили бы национальные требования и проложили бы путь к менее болезненному решению алжирского вопроса. Отсутствие этих реформ и сохранение колониальной системы (в том числе с использованием силы и институционализированного обмана) подталкивали наиболее радикальных лидеров мусульман к вооруженной борьбе.

3. Вынужденная миграция мусульман в города вследствие обезземеливания, не сопровождавшаяся полноценной социализацией (по каналам школы, трудоустройства, организации досуга), способствовала формированию взрывоопасной социальной прослойки, восприимчивой к идеям общественной революции. В силу объективных исторических обстоятельств эти идеи получили антифранцузскую окраску.

4. Крайне негативная и жесткая позиция подавляющего большинства «черноногих» в отношении мусульманского населения и отчаянное сопротивление любым попыткам серьезных реформ. Шовинизм алжирских европейцев, который во многом объяснялся их стремлением остаться в роли хозяев на «своей» земле, а также обычной социальной инерцией, способствовал обострению конфликта в силу двух обстоятельств. Во-первых, он усиливал разделение сообществ, подготавливая социальную почву для вооруженной борьбы. Во-вторых, позиция европейцев сдерживала инициативы Парижа

по реформированию колониального устройства. В демократической системе политика целесообразности и здравого смысла чрезвычайно уязвима перед мнением большинства (особенно в политическом режиме IV Республики).

АЛЖИРСКАЯ ОСВОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1954–1962 ГОДОВ

В ночь на 1 ноября 1954 г. в пятнадцати различных районах на алжирской территории произошла серия антифранцузских скоординированных боевых операций (в том числе в Алжире, Буфарике, Буире, Батне, Кенчеле и регионе Константины). Основными целями нападавших стали комиссариаты полиции, административные здания и военные объекты. В результате нападений было убито семь человек (из них пять европейцев). Ответственность за боевые операции взяла на себя неизвестная до этого дня организация – Фронт национального освобождения, опубликовавшая Призыв к алжирскому народу, в котором она изложила свои цели и принципы. Военное крыло ФНО получило название Армия национального освобождения (АНО).

Согласно Призыву основными целями ФНО были «восстановление суверенного, демократического и социального алжирского государства в рамках исламских принципов» и «соблюдение всех основных свобод без этнических и конфессиональных различий»⁷². Фронт обвинял другие алжирские национальные движения в чрезмерном увлечении политическими методами борьбы, подчеркивая необходимость «политического оздоровления через возвращение революционного национального движения на его настоящий путь и уничтожение всех следов коррупции и реформизма – причин нашей нынешней отсталости»⁷³. Чтобы избежать кровопролития, ФНО предложил французскому правительству (по тексту Призыва) «признать алжирскую нацию в официальной декларации, отменяющей все постановления, декреты и законы, делающие Алжир французской землей вопреки истории, географии, языку, религии и нравам алжирского народа» и начать переговоры «с уполномоченными представителями алжирского народа на основе признания единого и неделимого алжирского суверенитета». Фронт предложил «всем алжирским патриотам всех социальных слоев, всех подлинно алжирских партий и движений присоединиться к освободительной борьбе»⁷⁴.

Таким образом, ФНО опирался на унитарную идеологию (впервые предложенную Ассоциацией алжирских улемов), состоявшую в обосновании своего действия алжирской историей и самобытной арабо-исламской идентичностью и призванную объединить алжирцев-мусульман вокруг идеала нации.

Деятельностью ФНО на алжирской территории, разделенной этой организацией на пять вилай (регионов), руководили Мустафа Бен Булаид (вилая № 1 – Аурес), Мурад Дидуш (вилая № 2 – север региона Константины), Белькасем Крим (вилая № 3 – Кабилия), Рабах Битат (вилая № 4 – г. Алжир), Ларби Бен Мхиди (вилая № 5 – Орания). Позднее из южных территорий была образована вилая № 6. В располагавшуюся в Каире внешнюю делегацию ФНО входили Хосин Айт Ахмед, Ахмед Бен Белла и Мухаммед Хидер. За координацию и связь между внешней делегацией и внутренним сопро-

тивлением отвечал Мухаммед Будиаф. Внешняя делегация занималась обеспечением партизанских отрядов оружием, организацией военного обучения алжирцев в арабских странах, пропагандой и дипломатической деятельностью, направленной на поддержку восстания.

Все девять лидеров повстанческого движения ранее были членами МТЛД. Получив политический опыт в рядах движения Мессали, они обвинили политические партии в «реформизме» и выступили с собственным решением колониальной проблемы. Итак, ФНО, объединив в себе унитарную доктрину и политический радикализм, был последователем алжирского национализма 1920-х – начала 1950-х годов.

Новое движение ФНО родилось в определенных исторических условиях, в которых также продолжали действовать другие национальные партии с опытом политической борьбы и социальной базой. В связи с обострением обстановки МТЛД было запрещено 4 ноября 1954 г., что способствовало оттоку активистов и членов этой партии в ФНО. Фронт провел целенаправленную работу по приему бывших членов МТЛД и их рекрутированию в партизанские отряды.

В связи с постепенным распространением и ростом популярности партизанской борьбы под эгидой АНО лидеры других национальных организаций опасались значительного сокращения численности своих активистов (если не полного их исчезновения). Под влиянием этих обстоятельств крупная фракция МТЛД (Б. Бен Хедда, С. Дхалаб, М. Язид, Х. Лахуель) вступила в ФНО. В конце 1955 г. УДМА самораспустился, и его члены (в том числе Ф. Аббас) также вошли в ФНО. В начале 1956 г. солидаризировалась с Фронтом и ААУ, выразившая поддержку идее независимости Алжира. В результате переговоров ФНО с АКП (запрещена в сентябре 1955 г. и продолжала действовать подпольно) в июле 1956 г. алжирские коммунисты также вошли в АНО в индивидуальном порядке. Вместе с тем партийный аппарат компартии продолжил самостоятельную деятельность. Единственной конкурирующей партией оставалось Национальное алжирское движение (МНА)⁷⁵, образованное в декабре 1954 г. Мессали (вместо запрещенной МТЛД), который не смирился с потерей лидерства в антиколониальной борьбе.

Фронту понадобилось два года боевой и организационной работы, чтобы укрепить свою структуру, подготовить кадры, наладить партизанскую войну (включая линии снабжения) и интегрировать в свой состав другие партии (или их отдельные элементы). К 1956 г. ФНО превратился в главного представителя алжирского национализма и мог рассчитывать на признание в качестве влиятельного и репрезентативного партнера в возможных переговорах с французским правительством (хотя оно еще не признавало Фронт в качестве такового⁷⁶). Эта роль Фронта получила закрепление в ходе первого съезда ФНО, состоявшегося в августе 1956 г. в долине р. Суммам (Кабилля). Главная цель съезда состояла в развитии политико-организационной структуры ФНО и выработке более четкой идеологии. В работе съезда приняли участие шестнадцать делегатов. Организаторам не удалось собрать делегатов, представляющих все алжирские вилай. Внешняя делегация и вилай Аурес на съезде представлены не были, регион г. Орана представлял лишь один делегат. Основным идеологом работы съезда был Рамдан Аббан (выходец из Кабилии), ставший национальным политическим комиссаром.

В решениях съезда был закреплён роспуск УДМА и вхождение его членов и улемов в ФНО. Таким образом, съезд зафиксировал переход от плюрализма алжирского национализма до 1954 г. (четыре национальные организации, временами конкурировавшие, временами сотрудничавшие) к монолитной объединительной модели национального движения, в том числе и за счёт подавления (или переноса на будущее) противоречий перед лицом общего врага.

Шок в Париже от неожиданности нападений 1 ноября 1954 г. сменился быстрой реакцией на новую ситуацию. Председатель Совета министров Пьер Мендес-Франс заявил 12 ноября 1954 г.: «Алжир является французским с давних пор. Значит, отделение немислимо»⁷⁷. А министр внутренних дел Франсуа Миттеран охарактеризовал свою политику в Алжире тремя словами – «воля, твердость, присутствие»⁷⁸. Эта реакция на события отражает консерватизм восприятия французскими политиками алжирской проблемы. Ни одно серьёзное политическое движение Франции не допускало возможности предоставления Алжиру независимости. В этой связи сразу после нападений в Алжир были отправлены три роты полиции обеспечения правопорядка (CRS) и четыре батальона десантников⁷⁹.

Политика Франции по решению алжирской проблемы вплоть до 1959 г. основывалась на подавлении мятежа и очагов сопротивления. Чем шире разрослось восстание, тем энергичнее и жестче французские власти пытались решить проблему силовыми методами. В рамках этой политики в Алжир направлялись подкрепления (полиция и военный контингент), в алжирских департаментах было введено чрезвычайное положение (3 апреля 1955 г.), разрешено создание специальных «лагерей для содержания», в которые свозились мусульмане из подозрительных регионов. В 1959 г. в лагерях и центрах для содержания всех типов находились 25 тыс. человек⁸⁰.

Уже в феврале 1955 г. численность полицейских в Алжире составляла 83 400 человек (на 60% больше, чем в июне 1954 г.). В августе 1955 г. 60 тыс. отслуживших военную службу были призваны вновь, и 180 тыс. военнослужащих, срок службы которых подходил к концу, по решению правительства продолжили службу. В феврале 1956 г. в Алжире находились 190 тыс. военнослужащих, а к концу 1956 г. – уже 350 тыс. Срок военной службы был увеличен до 30 месяцев⁸¹. Благодаря столь многочисленным подкреплениям со второй половины 1955 г. армейские соединения проводили масштабные операции по прочесыванию местности. В рамках усиления французского военного присутствия новым командующим войсками в Алжире в ноябре 1956 г. был назначен ветеран Индокитая генерал Рауль Салан.

ЭСКАЛАЦИЯ КОНФЛИКТА

Народный бунт, спровоцированный ФНО 20 августа 1955 г. на востоке Алжира, положил начало новому витку войны. Массовая резня крестьянами-мусульманами европейцев и связанных с режимом мусульман в этот день на севере региона Константины (123 убитых, из них 71 европеец) и жестокие ответные операции французской армии с участием отрядов добровольцев (1 273 убитых мусульманина, по официальным данным, и 12 тыс., по данным ФНО)⁸² привлекли внимание международного сообщества к конфликту.

Вследствие этих событий в сентябре 1955 г. алжирский вопрос был включен в повестку дня ООН.

Реагируя на обострение конфликта, французский парламент 12 марта 1956 г. принял закон о предоставлении правительству особых полномочий, которые предполагали временную отмену в Алжире ряда личных свобод, призыв резервистов и усиление французской военной кампании. Отныне Алжир был разделен на три вида территории – зона поддержания порядка, зона операций и запретная зона. В первой зоне наиболее умеренного контроля главная задача состояла в защите европейского и мусульманского населения. Здесь армия дополняла гражданскую администрацию. В зоне операций цель состояла в уничтожении повстанцев. Из территорий, отведенных под запретную зону, мусульманское население вывозилось для размещения в специально созданных лагерях. Перемещения мусульман в запретной зоне не разрешались. Подобная система трех зон позволила французской армии улучшить контроль над обширной территорией Алжира и повысить эффективность борьбы против партизан. За весь период войны в сельской местности подверглись вынужденному переселению более 2 млн мусульман⁸³.

Летом 1956 г. председатель Совета министров социалист Ги Молле начал негласные переговоры с делегатами ФНО через представителей Французской социалистической партии СФИО⁸⁴, которая рассчитывала договориться о прекращении огня через посредничество султана Марокко Мухаммеда V и главы тунисского правительства Х. Бургибы. Однако эта первая попытка мирных переговоров была сорвана генерал-губернатором Алжира Робером Лакостом и военными. Самолет, перевозивший 22 октября 1956 г. лидеров ФНО Х. Айт Ахмеда, А. Бен Беллу, М. Будиафа и М. Хидера из Рабата (где они находились в качестве гостей короля Мухаммеда V) в Тунис, был перехвачен французской авиацией. В результате вынужденной посадки в Г. Алжире все они были арестованы (и находились в тюрьме вплоть до окончания войны). Самостоятельная операция Р. Лакоста и армии поставила премьер-министра Г. Молле перед фактом, не позволив продолжить переговоры с повстанцами. По расчету военных, эта операция имела двойную цель – сорвать попытку мирного урегулирования и «обезглавить восстание»⁸⁵.

Осенью 1956 г. ФНО изменил тактику, активизировав проведение террористических актов в г. Алжире. Реакция правительства была моментальной – на основании закона об особых полномочиях обеспечение правопорядка в столице, ставшей новым театром противостояния, было поручено 10-й парашютно-десантной дивизии под командованием генерала Жака Массю (7 января 1957 г. десантники вошли в город). Эти события положили начало одному из самых драматических этапов войны, так называемой «Битве за г. Алжир».

В регулярных сериях терактов (планировавшихся единым штабом во главе с Л. Бен Мхиди) в местах скопления европейцев (барах, дискотеках, стадионах) погибали десятки человек. Проведение операций ФНО в городском пространстве, отличающимся близким сосуществованием мусульман и европейцев и сохранением тесных связей, способствовало росту взаимного недоверия и дальнейшей поляризации сообществ. Иногда после очередного теракта разъяренная толпа европейцев линчевала первых попадавшихся мусульман⁸⁶. Боевики «черноногих» также устраивали теракты в мусульман-

ских кварталах столицы⁸⁷. Л. Бен Мхиди был задержан 17 февраля 1957 г. и вскоре покончил жизнь самоубийством при невыясненных обстоятельствах. После его ареста сопротивление в столице возглавил Ясеф Саади.

Безоговорочную победу в «Битве за г. Алжир» одержали французские десантники благодаря высокой организации и эффективным методам проведения полицейской по сути работы. В городе, разделенном на сектора, мусульманские кварталы были огорожены колючей проволокой. На выходах из этих кварталов военные тщательно досматривали мусульман на наличие взрывчатки. Армия, жандармерия и полиция осуществляли контроль передвижений в каждом доме через специально назначенного информатора, отвечавшего за конкретный дом. По всему городу действовала сеть информаторов, которых армейская разведывательная служба вербовала в мусульманской среде.

В пригородах были созданы специальные центры, в которых задержанных пытали. Чаще всего применялись пытки электричеством (человека привязывали, и ток подавался через электроды, прикрепленные к наиболее чувствительным частям его тела) или водой (временное погружение головы с обмотанной мокрой материей под кран с водой). Широкое применение пыток в ходе алжирской войны вызвало в 1950-е годы и впоследствии громкое обсуждение во Франции. Однако в годы войны в армейской среде не возникало массовых протестных движений против применения пыток, хотя отдельные акции протеста и молчаливое недовольство или неприятие, безусловно, имели место. Среди высших офицеров генерал де Боллардиер стал редким исключением – 28 марта 1957 г. он подал прошение об отставке в знак протеста против применения пыток (в наказание за этот демарш он отсидел 60 дней в тюрьме)⁸⁸. Применение пыток оправдывалось французскими офицерами главным образом необходимостью поиска заложенных бомб, складов с оружием или раскрытия опасных ячеек АНО.

В ходе «Битвы за г. Алжир» 4 тыс. мусульман пропали без вести (очевидно, что они были убиты)⁸⁹. В Алжире в тот период ходило выражение «креветки Бижара» (по имени десантника полковника Марселя Бижара). Выражение использовалось для наименования мусульманина, которого скидывали в море с залитыми цементом ногами.

Благодаря хорошей организации, агентурной сети и пыткам, десантники быстро смогли находить тайники, отслеживать активистов и боевиков и раскрыть управляющую структуру ФНО в столице. Завершение «Битвы за г. Алжир» арестом Я. Саади 24 сентября 1957 г. стабилизировало обстановку в столице и способствовало резкому росту в среде «черноногих» симпатий и доверия десантникам. Однако широкое применение пыток, проблема пропавших без вести и распространение информации об этих реалиях войны в метрополии и мире показали настоящую глубину конфликта, который французское правительство на первом этапе пыталось представить в качестве операций по восстановлению или поддержанию порядка.

Очагами партизанской борьбы в сельской местности стали горные районы Ауреса и Кабилии. Обладая худшим вооружением, оснащением и боевой подготовкой, партизаны АНО избегали прямых столкновений с французскими частями, которые имели в своем составе опытных ветеранов Индокитая и использовали вертолеты, артиллерию и бронетехнику. Регулярная французская армия столкнулась с «невидимым» противником и его тактикой, сочетав-

шей высокую мобильность, опору на поддержку мусульманского населения, прекрасное знание местности и внезапные засады. Партизанский характер войны АНО проявлялся в ведении операций небольшими, но чрезвычайно мобильными подразделениями (роты до 100 человек или взводы по 30 человек), каждое из которых действовало в своем географическом секторе.

Спаянность подразделения АНО подкреплялась постоянной опасностью, верой в цели борьбы (достаточно укорененной в партизанских отрядах) и железной дисциплиной (серьезные провинности наказывались смертной казнью). Социальную основу отрядов составляли горцы и крестьяне, привыкшие к тяжелой сельской жизни и легко переносившие изнурительные переходы. Залог успеха подразделения состоял в мобильности, которая обеспечивала эффект неожиданности при нападениях и засадах, а также позволяла создавать впечатление вездесущности и силы. Вездесущность, внезапные появления и резкие выпады АНО упрощали работу с мусульманским населением – в подобных условиях легче было держать его под контролем и набирать новых бойцов.

Жертвы внезапных засад и нападений умышленно оставлялись отрядами АНО изувеченными (с перерезанным горлом, вырезанным языком, вложенными в рот половыми органами) с целью достижения максимального психологического эффекта. Вид изувеченных трупов и слухи о подобной участи оказывали устрашающее влияние на «вырванных» из гражданской жизни французских солдат⁹⁰. В 1956–1957 гг. Армия национального освобождения насчитывала, по одной из максимальных оценок, около 60 тыс. бойцов⁹¹. Именно в эти годы АНО одержала свои самые крупные военные победы.

С целью изоляции внутриалжирского сопротивления от внешней помощи, поступающей через границы с Тунисом и Марокко (обе страны получили независимость в 1956 г.), в 1957 г. по решению французского министра обороны Андре Мориса вдоль этих границ были созданы комплексные защитные сооружения, получившие название «линии Мориса». Линия защиты границ включала ряды колючей проволоки под током, минные поля и, на некоторых участках, артиллерийские батареи, которые автоматически открывали огонь при получении сигнала от радиолокационных станций. «Линия Мориса» не была абсолютно непроходимой для подразделений АНО, но вместе с тем существенно осложнила их переход, а также поставки оружия и вспомогательных средств из дружественных соседних стран в Алжир.

Параллельно с боевыми операциями французская армия вела социальную и психологическую работу с населением – в сельской местности создавались Специальные административные секции (САС), в которых служили молодые офицеры, наделенные обширными полномочиями. Наряду с военными задачами, САС выполняли административные функции, учили и лечили мусульман, помогали решать повседневные проблемы (учитывая масштаб территории и численность населения, гражданская администрация была не в состоянии решать массу проблем). Одновременно с этим они вели сбор информации, пропаганду и способствовали распространению положительного имиджа Франции. Переселение мусульман из запретных зон и эффективная деятельность САС обусловили сокращение социальной основы вооруженного восстания в сельской местности.

Одним из направлений работы с населением стало создание вспомогательных подразделений французской армии, комплектовавшихся за счет мусульман (самые известные из которых были военные подразделения *харки*), а также формирование отрядов самообороны (защита мусульманами собственной деревни). Первые *харки* были созданы в Ауресе в ноябре 1954 г. Их знание местности и менталитета повстанцев способствовали повышению эффективности боевых действий французской армии.

Согласно отчету, подготовленному для ООН в 1962 г., численность профранцузских мусульман составляла 263 тыс. человек (из них 58 тыс. *харки*). Здесь учитываются как воевавшие против АНО офицеры, солдаты, полицейские и бойцы отрядов самообороны, так и чиновники, и представители выборных органов власти⁹².

Рекрутирование мусульман во французскую армию для борьбы с восстанием происходило в силу действия разных механизмов. Для некоторых из них служба давала возможность свести счеты с враждебным кланом односельчан, выходец из которого воевал на стороне АНО. Однако для всех служба была источником постоянного дохода и возможностью для улучшения социального статуса. Французская армия целенаправленно привлекала мусульман для подтверждения лояльности местного населения в борьбе правительства против разрозненных «террористов» и «бандитов»⁹³.

Борьба за лояльность мусульманского населения Алжира играла в конфликте важнейшую роль. Война действовала таким образом, что мусульмане (главным образом в сельской местности) находились под все возрастающим давлением, вынуждавшим их присоединиться либо к одному, либо к другому лагерю. Французские военные, использовавшие принцип «коллективной ответственности» поселения и проводившие обыски, допросы, пытки, казни по закону и казни без суда, оказывали давление, с одной стороны⁹⁴.

С другой стороны, там, где ФНО не встречал добровольной поддержки, он заставлял и устрашал мусульман. Давление Фронта состояло в принудительном сборе средств на ведение борьбы в денежной или натуральной формах (в случаях отказа в добровольном сборе), в обязанности принимать и лечить бойцов, забивать скот, срубать деревья и столбы телефонных линий и линий электропередачи. Одним из наказаний, которое нередко практиковали повстанцы, стало отрезание носа. «Наказанный» служил наглядным предостережением для сомневающихся мусульман, «подталкивая» их к прекращению сотрудничества с французами или вступлению в партизанский отряд. Такой же психологический эффект имели убийства и казни коллаборационистов⁹⁵. В итоге эти повседневные обстоятельства войны обуславливали выбор лагеря в каждой конкретной ситуации в большей степени, нежели убеждения⁹⁶.

Французское командование продолжало усиливать военную группировку в Алжире. В 1958 г. ее численность достигла 500 тыс. человек⁹⁵. Благодаря массовым наборам *харки*, активному использованию вертолетов, усилению и повышению мобильности армейских соединений Р. Салану удалось переломить ход конфликта в сельских и горных районах.

Одновременно с этим неуклонный рост политического напряжения достиг апогея весной 1958 г., когда многотысячные демонстрации вышли на улицы алжирской столицы с требованием назначения правительства народ-

ного спасения. После отставки очередного правительства в Париже французский президент Рене Коти поручил формирование нового правительства центристу Пьеру Пфлименту, который заявил о намерении начать переговоры с ФНО, что вызвало бурю негодования в Алжире – в армейской среде и у «черноногих». Генерал Р. Салан выразил официальный протест по поводу кандидатуры нового премьера (очевидный выход армии из легального поля, который могла оправдать только беспомощность IV Республики). Кризис 1958 г., ставший по сути смертельным кризисом IV Республики, не ограничивался алжирским вопросом. Он также проявился в девальвации франка, росте дефицита внешней торговли и общем ощущении беспомощности госаппарата в результате частой смены правительств.

В этих условиях гражданская власть в Алжире фактически растворилась (генерал-губернатор Р. Лакост уехал в метрополию), и ее место заняла армия. Событием, изменившим ход французской истории, стала состоявшаяся 13 мая 1958 г. в г. Алжире гигантская манифестация, в которой поначалу приняли участие только европейцы (позже появились и мусульмане), чтобы почтить память трех военнопленных, казненных повстанцами. Толпа собралась в центре города перед зданием правительства. Разгоряченные демонстранты бросились к зданию и взяли его приступом фактически без сопротивления. Спустя несколько часов, это движение гражданского неповиновения возглавили Салан и Массю (последний благодаря победе в «Битве за г. Алжир» пользовался особым уважением демонстрантов).

Салан поддержал спонтанное формирование комитетов общественного спасения (первый из которых возглавил Массю), что означало неподчинение военных гражданской власти и их прямое вмешательство в политику. Во Франции было введено чрезвычайное положение. Ходили слухи о вторжении армии в метрополию для установления правительства народного спасения, и эта опасность действительно существовала⁹⁸. Французские военные в Алжире заняли столь радикальную позицию по многим причинам. Главные из них состояли в непрекращающихся правительственных кризисах в Париже и неспособности институтов IV Республики как найти выход из этой ситуации, так и обеспечить поддержку военным в «патриотическом» решении алжирской проблемы (за период существования IV Республики в 1946–1958 гг. в стране сменилось более двадцати правительств). В конце мая мятеж перекинулся на Корсику – комитеты общественного спасения захватили власть в Ажаксио и Бастии.

Военные мятежники и поддерживавшие их «черноногие» требовали немедленного прихода к власти генерала де Голля, который, по их мнению, был единственным французом, способным решить алжирскую проблему и вывести страну из кризиса. Слухи о возможном возвращении де Голля в политику ходили уже давно (не без помощи его сторонников), но он умышленно хранил молчание (особенно по подходу к алжирскому урегулированию – поддерживал ли он предоставление независимости или силовое решение). Отказавшись от прихода к власти в результате военного переворота и дождавшись официального приглашения от президента Р. Коти, Шарль де Голль был утвержден Национальным собранием 1 июня 1958 г. в качестве председателя Совета министров. В соответствии с условиями, которые выставил де Голль для прихода к власти, обе палаты парламента были распущены, он

получил неограниченные полномочия на 6 месяцев и право на подготовку проекта новой конституции, который впоследствии должен быть вынесен на референдум⁹⁹.

Вследствие референдума, проведенного 28 сентября 1958 г., на смену IV Республике пришла V Республика, основанная на новой конституции с расширенными президентскими полномочиями и более слабым парламентом, который был избран в ноябре. 21 декабря 1958 г. де Голль был избран новым президентом Франции.

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ И СТРУКТУРЫ ФНО

Сформулированные в начале восстания цели борьбы, несмотря на отдельные изменения, в целом сохранялись до 1962 г. постоянными. Борьба велась от имени алжирского народа за создание независимого Алжира, в котором доминирующее положение займет арабо-мусульманская культура. Организационная структура Фронта поступательно развивалась на протяжении войны, чтобы превратиться к ее завершению в марте 1962 г. в полноценный государственный аппарат, живший только в ожидании своего государства.

Важным этапом развития как идеологии, так и организации ФНО стал Суммамский съезд 1956 г. По итогам работы съезда были созданы институты коллективного управления. Руководящими органами революции объявлялись образованные в ходе съезда Национальный совет алжирской революции (НСАР) в составе 34 человек (в августе 1957 г. состав НСАР был расширен до 54 человек) и Координационно-исполнительный комитет (КИК) в составе 5 руководителей (Рамдан Аббан, Белькасем Крим, Юсеф Зигут, Ларби Бен Мхиди, Айсат Идир). Вскоре арестованного Идира и убитого Зигута заменили бывшие представители руководства МТЛД – Б. Бен Хедда и С. Дхалаб. Первый орган выполнял роль парламента, в то время как второй был правительством «воюющей нации».

Решения съезда реорганизовали АНО по принципу регулярной армии. Новая военная структура включала в себя батальоны (*файляк*), роты (*катиба*), взводы (*фирка*) и отделения (*фаудж*). Отныне алжирская территория разделялась на шесть вилай (г. Алжир выделялся в отдельную автономную зону), разделенных, в свою очередь, на более мелкие географические участки (*минтака*, *нахия* и *каσμα*). Вводились воинские звания и иерархия.

Утвержденные в ходе съезда и не просуществовавшие долго принципы главенства политического руководства над военным и внутреннего сопротивления над внешней делегацией свидетельствовали о начинавшейся внутри Фронта борьбе за власть, которая нарастала по мере приближения независимости. Ее апогеем стали кровавые алжиро-алжирские столкновения летом 1962 г. уже после признания независимости страны.

Наряду с традиционным утверждением «национального единодушия» и «беспорного влияния [ФНО] на всей алжирской территории»¹⁰⁰, идеологическим новшеством Суммамского съезда стало признание нерелигиозной специфики освободительного движения. Согласно принятому по итогам работы съезда программному документу в будущей алжирской нации находи-

лось место для европейцев-христиан и евреев – будущая республика должна была гарантировать «настоящее равенство без дискриминации всех граждан единой родины» (врагом объявлялся колониализм, а не христиане или иудеи). Вместе с тем выделялась роль арабского языка как «национального языка подавляющего большинства» алжирцев¹⁰¹.

Новые тональности в идеологии ФНО вызвали крайне негативную реакцию А. Бен Беллы, лишённого лидерства в революции как представитель внешней делегации. Опираясь на аргумент о недостаточной репрезентативности съезда, А. Бен Белла критиковал участие в управлении ФНО бывших лидеров алжирских партий, утверждение светскости будущего алжирского государства и отказ от его исламского характера¹⁰². В основе этого конфликта между Бен Беллой и Аббаном, безусловно, лежала борьба за лидерство в ФНО, к которой также примешивались взаимная антипатия и подозрения, связанные с различными регионами происхождения (Аббан был кабилем, а Бен Белла – приверженец арабизма).

Скрытая и открытая межфракционная борьба выступала характерной чертой ФНО в ходе войны и после ее окончания. Одним из наиболее трагичных эпизодов этой борьбы стало убийство Р. Аббана в декабре 1957 г. в Марокко. Решение о его убийстве было принято полковниками А. Буссуфом, М. Шерифом и Б. Кримом¹⁰³.

Несмотря на разногласия Аббана с Бен Беллой по вопросу исламского характера национального движения, заявленная в Суммамской платформе светскость ФНО носила декларативный характер – на практике Фронт (в том числе и внутреннее сопротивление) активно использовал религиозные темы в своей пропаганде. В частности, ФНО проводил кампании против потребления мусульманами алкогольных напитков и курения сигарет¹⁰⁴. В пропагандистском материале, рассчитанном на алжирцев-мусульман, Фронт заявлял о своей «приверженности принципам ислама» (нередкими были заверения в «победе Аллаха», или звучал лозунг «Аллах с нами!»)¹⁰⁵. Так, в листовке, подготовленной ФНО к 1 ноября 1955 г. в связи с годовщиной начала революции (не связанная с религией дата), активно использовалась исламская риторика: «*Мавлюд* [день рождения Пророка Мухаммеда] приближается. В этот день вы отдаете дань уважения тем, кто пал, и тем, кто принес клятву безбоязненно идти навстречу смерти, чтобы жила алжирская родина... Вы отбросите все, что связано с извращением нашей религии и наших традиций. Вы уже отказались от табака. Завтра, в праздник *Мавлюд*, вы избавитесь от этих ярких одежд, от этого окрашивания хной, этих свечей и факелов, ничего не имеющих общего с законами Пророка. Вы не будете приносить в жертву животных. Вы уйдете от уличной радости, думая о наших погибших, наших раненных и наших заключенных... ВЕРУЮЩИЕ, отправляйтесь в мечети длинными молчаливыми вереницами, взывая к Богу, который поддерживает наших бойцов и наградит их победой»¹⁰⁶.

Во многих отрядах АНО обязательными были коллективные молитвы по пятницам. Закономерен вопрос – мог ли в этих отрядах христианин, иудей или атеист считаться настоящим алжирским патриотом? Необходимо также отметить исламскую окраску патриотической (ибо имевшей положительный оттенок) терминологии ФНО: «*муджахид*» (борец за веру), «*мусабиль*» (сопутствующий, помогающий *муджахиду*), «*фидай*» – боец (буквально –

«жертвующий собой», подразумевалось – за веру). Погибший за революцию боец ФНО/АНО назывался «*шахид*» (мученик, пожертвовавший собой за веру). Одним из видов провинностей, за которые следовало наказание ФНО (в том числе и смертная казнь), считалось «оскорбление *Аллаха*»¹⁰⁷.

При всех различиях понимания и практики ислама в разных регионах и разными социальными слоями он представлял собой стержень культуры алжирских мусульман. Для подавляющего большинства из них ислам был совокупностью регулирующих (в той или иной степени) повседневную жизнь норм, комплексом ритуальных практик, более или менее конкретным воплощением коллективного сознания. В связи со столь значительной социальной ролью ислама в среде мусульман ФНО не мог не использовать его в своей идеологической работе. Прежде всего ислам выполнял функцию отличительного признака «своих» в борьбе против «чужих». Помимо этого, ислам использовался ФНО в качестве важного фактора мобилизации и сплочения социальной группы ради борьбы. Мобилизация и сплочение обеспечивались посредством утверждения и пропаганды аспектов этой религии, полезных для антифранцузской борьбы. Среди этих аспектов можно отметить сакрализацию борьбы (смерти за революцию и действиям на ее благо придавалось сакральное значение, отсюда религиозная терминология), использование для борьбы средств, полученных в результате антиалкогольных и антитабачных кампаний (имевших религиозное обоснование)¹⁰⁸.

Идеологическая работа ФНО наряду с давлением на население как с одной, так и с другой стороны способствовали серьезным изменениям в настроениях мусульман. Если в первые месяцы конфликта они в целом не выражали активной поддержки восстанию и занимали выжидательную позицию¹⁰⁹, то к концу 1950-х годов ФНО опирался на участие или по крайней мере, молчаливое одобрение широких слоев мусульман¹⁰⁹.

Возвращение де Голля к власти во Франции поставило перед алжирскими националистами новую задачу. Продолжая выстраивание органов управления, внешнее руководство Фронта образовало 19 сентября 1958 г. в г. Тунисе Временное правительство Алжирской республики (ВПАР) во главе с Фархатом Аббасом (вместо КИК). Основу ВПАР составили члены КИК и находившиеся в тюрьме лидеры ФНО. Бен Белла, находясь во французской тюрьме, стал вице-премьером ВПАР.

Несмотря на декларативное единство ВПАР и его главенствующую роль в военных и политических вопросах, работа этого правительства характеризовалась многочисленными внутренними конфликтами между неформальными группами, формировавшимися вокруг разных лидеров ФНО/АНО. В ряде случаев ключевым критерием принятия в группу выступало происхождение чиновника или военного. В частности, достаточно мощный кабийский клан образовался вокруг министра вооруженных сил кабила Белькасема Крима (позднее он занимал другие министерские посты и стал вице-премьером ВПАР)¹¹¹.

Наиболее серьезные организационные проблемы АНО также были связаны с клановостью и «регионализмом», которые проявлялись в наборе того или иного подразделения из определенного региона Алжира и, следовательно, его безграничной лояльности своему командиру в ущерб общеармейским органам управления. В своих мемуарах М. Харби, работавший в структу-

ре ВПАР с 1959 г., приводит неоднократные примеры неподчинения боевых подразделений командованию, в том числе он пишет о неудавшейся попытке свержения ВПАР группой командиров при поддержке Египта. Одна из попыток алжирского военно-политического руководства подчинить Восточному штабу АНО находившиеся в Тунисе подразделения привела к «резкому проявлению микро-идентичностей... отказу подчиняться, дезертирству, бегству в лагеря для беженцев, открытому расколу и уходу целых подразделений в близлежащие горы, что вызвало беспокойство тунисских властей»¹¹².

Противоречия между внутренними партизанскими отрядами также доходили до кровавых столкновений, которые имели характер этнических, клановых или региональных конфликтов¹¹³. Весь комплекс противоречий и борьба за влияние во внешней управляющей организации, а также взаимные подозрения внутренних отрядов умело использовались французскими спецслужбами для ослабления повстанческого движения.

Одним из последствий создания «линии Мориса» стало формирование на алжиро-тунисской и алжиро-марокканской границах относительно мощных и подготовленных соединений АНО, которые не могли беспрепятственно проникать на алжирскую территорию. К концу войны численность этих соединений, которые стали называться «приграничной армией», составила 21 тыс. в Тунисе и 15 тыс. в Марокко¹¹⁴.

С целью объединения под общим командованием боевых подразделений в январе 1960 г. был создан единый Генеральный штаб (ГШ АНО), управление которым было поручено полковнику Хуари Бумедьену¹¹⁵. ГШ АНО осуществлял реальное управление лишь «приграничными» подразделениями АНО, превратившимися к началу 1961 г. в организованную, дисциплинированную и хорошо вооруженную силу. Внутренние вилай подчинялись Межминистерскому комитету войны ВПАР под руководством триумvirата Крим – Бен Тоббал – Буссуф, который понимал, что без вооруженных сил его власть лишилась бы опоры. С этого времени борьба за власть в ФНО начала проявляться с особой остротой, что объясняется как приближением независимости, так и объективным процессом развития и усложнения организационных структур (военной и политической) Фронта.

Вместе с тем Генеральный штаб стремился к командованию всей АНО, включая и внутренние вилай. В ответ на эти претензии Бен Тоббал заявил 5 февраля 1961 г. на конференции в г. Тунисе: «Тому, кто хочет власти, придется взять винтовку, чтобы отнять ее у нас». По словам офицера АНО А. Брахими, аналогичные заявления делал лидер конкурирующей группы – Х. Бумедьен¹¹⁶. Однако внутреннее сопротивление серьезно уступало в военном отношении «приграничной армии». Оно было истощено изнурительными боями, нехваткой вооружения и припасов, тогда как «приграничная армия» распоряжалась получаемым ФНО вооружением, имела время для обучения и находилась в благоприятных условиях.

Резюмируя идеологическую специфику ФНО, стоит подчеркнуть безусловное главенство политико-военных целей над идейным содержанием, ограниченным общими темами ислама, арабизма, алжирского патриотизма и антиколониализма. Слабость идеологии Фронта выглядела еще очевиднее на фоне амбициозных целей, главной из которых выступала независимость Алжира. Но кроме этой понятной для любой национальной партии цели

ФНО стремился монополизировать право на представление интересов всех алжирцев, выступая организационным воплощением борющейся нации¹¹⁷. С этой точки зрения ФНО не был классической политической партией с четкой идеологической программой и своей социальной базой. ФНО представлял собой именно фронт с общенациональными устремлениями, и его потенциальной социальной базой была вся алжирская нация.

Фронтизм имел и свои преимущества – он претендовал на универсальность в попытке устроить всех, быть оболочкой, пригодной для включения всех алжирских патриотов без разделения на приверженцев той или иной модели общественного устройства, на носителей разных языков и диалектов или выходцев из разных регионов. Тем не менее одноцветное арабо-мусульманское видение алжирской нации, несмотря на его инструментальное удобство (особенно в условиях войны), было безусловным упрощением реального алжирского социума (даже антиколониального). Свое место в этом социуме имели как европейцы, так и многочисленные берберские народности, в своей массе исповедовавшие ислам, но не имевшие арабской самоидентификации¹¹⁸.

Латентные конфликты внутри ФНО свидетельствовали о нараставших противоречиях, которые едва скрывались за мифом единства, сдерживались наличием общего врага и в итоге откладывались на послевоенный период.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФНО И ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ СИЛ

С самого начала восстания ФНО, понимая безусловность военно-технического превосходства французской армии, пытался использовать внешние факторы и условия для укрепления своей борьбы. ФНО удалось найти необходимых сторонников на международной арене, оказывавших помощь восстанию, и в итоге дипломатическая деятельность Фронта сыграла немаловажную роль в обретении Алжиром независимости.

Внешняя работа ФНО велась по нескольким направлениям. Необходимые для ведения боевых действий вооружения, боеприпасы, обмундирование и лекарства поставлялись из дружественных стран. Известные линии снабжения шли из Египта, Чехословакии и других стран Восточной Европы¹¹⁹. Алжирские военные обучались в учебных центрах за рубежом (в частности, в египетских центрах). Внешняя делегация ФНО в первые годы войны находилась в Каире. В этой связи одна из целей участия французского экспедиционного корпуса в египетской кампании (совместно с англичанами и израильянами) в ноябре 1956 г. в разгар Суэцкого кризиса состояла в смещении режима Насера за его поддержку алжирского восстания¹²⁰.

Страны Восточной Европы (в том числе СССР) принимали алжирских беженцев и раненых для лечения. Однако материальная помощь из этих стран, по оценке руководства ФНО, была существенно ниже ожиданий повстанцев¹²¹. С 1960 г. большую материальную помощь оказывал Китай¹²². Поставки и серьезное содействие (в частности, в разминировании приграничных районов и преодолении «линии Мориса») из СССР начались с конца 1950-х годов.

Линии снабжения повстанцев шли через дружественные Тунис и Марокко, получившие в 1956 г. независимость¹²³. В этих двух странах, где бойцы ФНО могли успешно скрываться от преследований французской армии, постепенно была создана разветвленная инфраструктура, включавшая воинские части, тренировочные базы, госпитали и лагеря для беженцев. С конца 1950-х годов уже США и Великобритания оказывали поддержку алжирскому восстанию через поставки вооружений Тунису (где, безусловно, часть этих вооружений попадала к алжирским повстанцам)¹²⁴.

Не менее важным направлением внешней деятельности ФНО стала работа по привлечению к конфликту внимания международного сообщества и формированию благоприятного международного климата. Дипломатическая деятельность, нацеленная на поиск поддержки и осуждение действий Франции, велась с правительствами потенциально дружественных стран, с ООН и Красным Крестом. В результате этой работы алжирский вопрос приобретал все больший международный резонанс, что способствовало увеличению потока зарубежной помощи и наращиванию политического давления на Францию.

Конференция Движения неприсоединения, состоявшаяся в г. Бандунге в апреле 1955 г., заслушала выступления делегатов от ФНО, представлявших Алжир, и приняла важную и нужную для Фронта декларацию: «Афро-азиатская конференция заявляет о поддержке права народов Алжира, Марокко и Туниса на самоопределение и независимость, она настаивает на скорейшем принятии французским правительством мирного решения по этому вопросу»¹²⁵. То есть менее чем через шесть месяцев после начала восстания ФНО удалось добиться признания в афро-азиатском мире как организации, представлявшей Алжир и алжирцев на официальном межгосударственном уровне. На протяжении конфликта Движение неприсоединения, арабские и мусульманские страны оказывали существенную моральную и политическую поддержку ФНО, которая проявлялась в дружественных жестах и декларациях, пропаганде борьбы и осуждении «французского колониализма» в программах радиовещания.

С 1956 г. ФНО начал создавать зарубежные миссии. Постепенно представительства появились в разных регионах мира: в Западной Европе (Бонн, Рим, Лондон), Восточной Европе (Берлин, Прага, Белград), США, Китае, Индии, Японии, арабских странах, Африке и Латинской Америке. Миссии действовали как настоящие посольства – их члены встречались с политиками принимающей страны и делали официальные заявления.

Пропагандистская антифранцузская деятельность велась и по линии Всеобщего союза алжирских трудящихся (связанная с ФНО профсоюзная организация), признанного в июле 1956 г. Международной конфедерацией свободных профсоюзов, и Всеобщего союза алжирских мусульманских студентов, который принимал активное участие в различных международных форумах. ФНО также использовал многочисленную алжирскую диаспору, проживавшую в Европе (главным образом во Франции)¹²⁶. Управляющим органом Фронта во Франции стала Французская федерация ФНО (созданная на основе бывшей структуры МТЛД), которая главным образом собирала с иммигрантов регулярные взносы на финансирование восстания, а также вербовала новых активистов, проводила в метрополии акции протеста (са-

мостоятельно и совместно с другими общественно-политическими силами) и осуществляла редкие теракты. Сборщики Фронта обходили иммигрантов, собирая обязательные взносы¹²⁷.

Вследствие народного бунта и жестких ответных операций армии, произошедших в регионе Константины в августе 1955 г., в сентябре того же года алжирский вопрос был включен в повестку дня ООН. В 1957 г. ООН потребовала от Франции найти алжирской проблеме «мирное, демократическое и справедливое» решение. Несмотря на усилия Франции представить восстание своей внутренней проблемой (как единичные теракты и ответные операции по поддержанию порядка), с 1957 г. алжирский вопрос стал получать все более мощный международный резонанс.

В феврале 1958 г. тяжелый удар по международному престижу Франции был нанесен бомбардировкой французской авиацией тунисской приграничной деревни Сакиет-Сиди-Юсеф (под предлогом нахождения там бойцов и техники АНО). Понимая, что переходы отрядов АНО через границы в Тунис и Марокко осложняли эффективную борьбу с ними, французское военное командование в начале 1958 г. добилось от своего правительства разрешения на преследование повстанцев при их переходе в эти страны.

В результате этой бомбардировки погибли 80 человек и более 100 человек получили ранения. Тунисское правительство устроило настоящие «экскурсии» для иностранных дипломатов и журналистов для осмотра развалин и тел погибших (одна из бомб попала в школу, погибло много детей). Несмотря на заявления французского командования о том, что целями бомбардировочной авиации были отряды АНО и ее инфраструктура, тунисцы показывали, что никакой базы в деревне не было¹²⁸.

Продолжавшееся кровопролитие и успешная дипломатическая деятельность ФНО постепенно вели к росту на международной арене волны критики алжирской политики Франции. В 1959 г. конференция девяти независимых стран Африки обратилась с призывом к Франции признать право алжирского народа на самоопределение. На сессиях ООН поддержку алжирскому народу выражали арабские страны, СССР, Китай, группы африканских и азиатских стран. В итоге именно международное давление на Францию стало одним из решающих факторов, подтолкнувших де Голля к деколонизации Алжира. В начале 1960-х гг. это давление оказывали различные группы арабских, африканских и азиатских стран, СССР и страны Восточной Европы, а также США (при Дж. Кеннеди с 1961 г.)¹²⁹.

АЛЖИРСКАЯ ПОЛИТИКА ДЕ ГОЛЛЯ

Первые шаги де Голля по алжирскому вопросу (после восстановления дееспособности государственных институтов) свидетельствовали скорее о его намерении сохранить Алжир в составе Франции¹³⁰. Новая политика сочетала как экономические меры, так и более тщательное и эффективное проведение военной кампании. Уже в октябре 1958 г. в Константине де Голль объявил о принятии нового плана социально-экономического развития алжирской территории (с бюджетом в 15 млрд франков¹³¹). «План Константи-

ны» предусматривал строительство жилья для одного миллиона мусульман, выделение мусульманским фермерам 250 тыс. га подготовленных земель, строительство инфраструктуры и промышленных предприятий, создание 400 тыс. новых постоянных рабочих мест, поэтапное расширение охвата школьным образованием мусульман¹³².

Общий замысел невоенной части политики генерала был нацелен на сближение мусульман и европейцев¹³³, которое проявлялось не только в социально-экономических и правовых вопросах, но и в многочисленных символах – совместных выступлениях перед публикой по разным случаям чиновников мусульман и европейцев, расширении доступа мусульман к должностям на госслужбе, примирении и «братании» представителей двух сообществ. Символизм примирения, сближения и признания роли мусульман во французской истории и на современном этапе просматривался в участии впервые в национальном параде на Елисейских полях 14 июля 1958 г. 4 тыс. ветеранов из Алжира, 90% из которых были мусульманами. Начиная с референдума сентября 1958 г. во всех референдумах и выборах алжирские мусульмане и европейцы голосовали вместе без разделения на курии, право голоса получили и мусульманки.

Вместе с тем с начала 1959 г. армия усилила давление на повстанцев. Вследствие масштабных операций под командованием генерала Мориса Шалля (который заменил в декабре 1958 г. Р. Салана) внутреннему сопротивлению АНО были нанесены серьезные удары. В результате этих операций французская армия контролировала практически всю алжирскую территорию, включая горно-лесные массивы (где, тем не менее, сохранялись ослабленные отряды повстанцев)¹³⁴.

В 1960 г. складывалось впечатление полной победы французской армии над внутренним военным сопротивлением АНО. О военных неудачах АНО свидетельствовал доклад Ахмеда Каида, сделанный от имени и по инициативе ГШ АНО, на заседании ВПАР в начале 1961 г. Представитель ГШ АНО А. Каид, сообщив о плохом военном положении, открыто поставил под сомнение возможность военного решения алжирской проблемы (ранее подобная постановка вопроса даже не обсуждалась)¹³⁵.

Вместе с тем в действиях де Голля с самого начала просматривалась двусмысленность – уже в июне 1958 г. зазвучали предложения мира в адрес ФНО, военные и чиновники были обязаны выйти из комитетов общественного спасения, героя «черноногих» бунтарей Салана отозвали в метрополию в декабре 1958 г. (как и ряд других офицеров, слишком убежденных в необходимости сохранения «французского Алжира»), оценки алжирского конфликта постепенно становились все менее однозначными. И все это происходило на фоне поэтапной деколонизации французской Черной Африки.

Двусмысленность исчезла 16 сентября 1959 г., когда в телеобращении к гражданам президент де Голль заявил о намерении поставить вопрос о самоопределении Алжира на референдум, что вызвало негативную реакцию французского военного командования в Алжире, основной массы алжирцев-европейцев и части французского политического истеблишмента. Общественное мнение в метрополии, напротив, благоприятно восприняло новый курс де Голля – он давал надежду на скорое завершение войны¹³⁶.

Какие соображения лежали в основе этого решения, которое фактически предполагало деколонизацию Алжира? Во-первых, благодаря многочисленным поездкам по Алжиру и контактам с различными социальными группами, де Голль смог увидеть и почувствовать, что подавляющее большинство мусульман хотели независимость. Это он слышал даже от тех, кто воевал на стороне французов и работал в местных органах власти¹³⁷. В подобных условиях поддержание французского правления на силе имело туманные перспективы. Массовые манифестации мусульман с конца 1960 г. в алжирских городах и бидонвиях под лозунгами ФНО подтверждали существование у идеи независимости обширной социальной поддержки¹³⁸.

Во-вторых, осознавая дух и веления времени, де Голль понимал необходимость модернизации и индустриализации Франции. Затяжная и дорогостоящая военная кампания и туманные перспективы статуса Алжира (в случае успеха этой кампании) связывали Францию, «отвлекая» ее от проведения реформ и реализации проектов развития (крайне необходимых в метрополии), поддерживая на мировой арене негативный имидж колониальной державы¹³⁹. Соглашаясь на независимость Алжира, де Голль, по его собственному выражению, «освобождал Францию от расходов и потерь, объем которых в противном случае будет постоянно возрастать, тогда как выгода, которую она извлекала раньше, не являлась более чем пустой видимостью»¹⁴⁰. Де Голль хотел вернуть Франции роль одной из ведущих мировых держав, наряду с США и СССР. И этой цели он отдавал безусловный приоритет. С каждым годом становилось все заметнее, что сохранение алжирской колонии мешало глобальным амбициям де Голля.

Наибольшую опасность для нового курса представляла армия, которая, ощущая близость полной победы, способной смыть позор Индокитая, хотела идти до конца. Однако общая военно-политическая ситуация была гораздо сложнее, чем это представлялось французским военным. Военные поражения ФНО компенсировались его политическими и дипломатическими успехами в 1959–1961 гг. Число сторонников и сочувствующих алжирской антиколониальной борьбе с каждым годом росло как во Франции, так и в мире.

На завершающем этапе войны со всей очевидностью проявилась еще одна характерная черта французско-алжирского конфликта, состоявшая в множественности его участников. При поверхностном взгляде конфликт разворачивался между французским правительством и ФНО, пытавшимся выступать от имени мусульман, мобилизуя их на борьбу с колониализмом во имя создания алжирского государства. Однако в этом биполярном конфликте полюса не были консолидированными и монолитными. Как французский, так и алжирский полюса состояли из различных акторов, выступавших со своих особых позиций, преследовавших свои цели, которые иногда совпадали, а иногда вызывали острые противоречия.

Важным алжиро-алжирским конфликтом войны стало противоборство между ФНО и МНА. Начавшись в 1955 г. с взаимных оскорблений и обвинений в листовках и заявлениях, противостояние вылилось в настоящую «гражданскую» войну, которая велась в Алжире и Франции с многочисленными жертвами вплоть до 1962 г. Эта война отличалась поразительной бескомпромиссностью и жестокостью: противники убивали активистов, взрывали

рестораны, гостиницы и магазины в метрополии (принадлежавшие сторонникам другой партии), проводили показательные расправы с гражданским населением (при подозрении в лояльности или симпатии к партии-конкуренту). Самым кровавым эпизодом этого внутриажирского конфликта стало убийство бойцами АНО 28 мая 1957 г. 374 жителей деревни Бени-Илман, оказывавших поддержку МНА¹⁴¹.

По одной из оценок, в результате противостояния ФНО против МНА за годы войны с обеих сторон погибли около 10 тыс. человек (4 тыс. во Франции и 6 тыс. в Алжире) и были ранены около 25 тыс. человек¹⁴². Причем конфронтация между двумя движениями не была связана с идейными расхождениями или с различными взглядами по поводу пути развития независимого Алжира. Суть конфликта состояла в том, что обе организации стремились быть единственным представителем алжирского народа¹⁴³.

На фоне расширения и обострения конфликта один из сегментов французского полюса сформировали алжирские европейцы, отчаянно борющиеся за сохранение французского Алжира. Уже с 1956 г. можно говорить о «черноногих» как о социальной группе с ядром активистов и достаточно ясными целями, готовой на решительные действия для защиты групповых интересов. Одной из первых крупных акций, позволивших европейцам заявить о себе, стал так называемый «день помидоров» (6 февраля 1956 г.), когда социалист Ги Молле (только что ставший председателем Совета министров) совершил визит в Алжир. Здесь его встретила мощная демонстрация европейцев криками протеста, тухлыми помидорами и фруктами, однозначно выражавшими их страхи смягчения французской политики по алжирскому урегулированию.

Чрезвычайные условия войны подталкивали алжирских европейцев к политической мобилизации вокруг требований к правительству о проявлении воли и твердости в борьбе за Алжир. С приближением конца войны европейцы теряли надежду перед лицом неминуемого ухода Франции, и их движение в отчаянии радикализировалось. После заявления де Голля о курсе на самоопределение Алжира среди «черноногих» неуклонно распространялся страх мести мусульман. Возможно ли мирное и гармоничное сосуществование в независимом Алжире европейцев и мусульман после расстрелов последних без суда, массовых пыток, карательных операций и линчевания? Отрицательный ответ на этот вопрос заключался в дилемме «чемодан или гроб» (ограничившей будущее европейцев двумя вариантами – отъездом или смертью), которая все сильнее укоренялась в европейской среде.

«Черноногие», не желая покидать Алжир¹⁴⁴, отчаянно боролись за сохранение колонии в составе Франции. После сентября 1959 г. они считали де Голля предателем французских интересов. Лидеры активистов – председатель студенческой организации г. Алжира и депутат Пьер Лагайард и владелец одного из центральных баров Джо Ортиз организовали в январе 1960 г. возведение баррикад в центре столицы вокруг Алжирского университета для сопротивления новой политике французского правительства. Поводом послужил отзыв генерала Ж. Массю из Алжира. Они рассчитывали на массовую поддержку европейцев и возможное присоединение армии (как в мае 1958 г.). В первые дни одна десантная дивизия отказалась повиноваться, затем заколебался главнокомандующий Шалль. Несмотря на определенное

брожение и симпатии в военной среде, армия не поддержала бунтарей, и через несколько дней они вынуждены были сдаться. За этим последовала очередная чистка офицерского состава (в апреле 1960 г. был отозван генерал М. Шалль).

К франко-французским конфликтам войны следует отнести борьбу против алжирской политики французского правительства некоторых левых организаций метрополии и отдельных личностей. Французы метрополии относились к алжирской проблеме в целом с безразличием. Война шла далеко, и ее последствия испытывали не себе лишь семьи военнослужащих и призывников. Французские левые движения, критикуя колониализм, в целом ограничивались выступлениями и не решались на открытое противодействие правительственной политике. На этом фоне редкие левые организации создавали незаконные ячейки и сети помощи алжирским повстанцам, которые занимались сбором средств, их переправкой в установленные ФНО места, мобилизацией сторонников, организацией акций протеста против войны, а также укрывали активистов ФНО. Самой известной из таких групп по праву считается организация во главе с философом Франсисом Жансоном. В октябре 1960 г. члены группы Жансона были осуждены.

С 1960 г. в метрополии возросла интенсивность демонстраций против войны. В частности, в июне 1960 г. 53 молодежных движения Франции выразили совместную позицию, состоявшую в необходимости прекращения войны в Алжире.

Опираясь на усталость от войны французского общества и усиливавшиеся общественные настроения за ее прекращение, де Голль объявил в ноябре 1960 г. о проведении референдума по согласию или несогласию французов с принципом самоопределения Алжира. Алжирская политика де Голля получила одобрение на референдуме 8 января 1961 г. (76% проголосовали «за», в Алжире этот показатель составил 70%¹⁴⁵). Благодаря этому референдуму, де Голль рассчитывал заручиться народной поддержкой перед началом решающих шагов по завершению войны. И эти шаги предполагали достижение договоренности с ФНО по условиям предоставления независимости и по последующему сотрудничеству между двумя странами.

ВПАР поначалу уклонялось от переговоров с французским правительством в силу недоверия французской стороне, а также опасений и нерешительности, вызванных внутренними особенностями алжирской управляющей инстанции. Однако после неоднократных публичных заявлений де Голля о готовности Франции к переговорам и референдума, придавшего этим заявлениям массовую поддержку, ответная реакция ожидалась и от ВПАР, на которое давили как марокканское и тунисское правительства, мнение бойцов внутреннего сопротивления АНО (находившихся в крайне тяжелом положении), так и международное сообщество. И те, и другие рассчитывали на скорое завершение конфликта и подталкивали к этому ВПАР¹⁴⁶. В этих условиях оно было вынуждено начать в мае 1961 г. серьезные переговоры с французским правительством, которые проходили в четыре этапа в течение девяти месяцев.

Ускорение событий в 1961 г. спровоцировало еще один франко-французский конфликт, вызревавший до этого в скрытой форме. Генералы французской армии Шалль, Зеллер и Жуо, понимая неминуемость деколонизации,

при поддержке части офицеров захватили 21 апреля 1961 г. здание местного правительства, аэродром, склады с оружием и другие административные здания в Алжире с целью сохранения этой территории в составе Франции. Позднее к ним присоединился Салан. Событие вошло в историю под названием «путча генералов», которые решились на него, чтобы сдержать «клятву армии сохранить Алжир» (по словам Шалля)¹⁴⁷. Путч, безусловно, поддерживали подавляющее большинство «черноногих». Четыре генерала объявили себя полномочным правящим органом, ввели чрезвычайное положение и планировали судить тех, кто «непосредственно был связан с политикой отказа от Алжира и Сахары»¹⁴⁸.

Во Франции объявили чрезвычайное положение, но не предпринимали никаких действий. Вновь опасались захвата французской столицы армейскими подразделениями из Алжира. Как французское правительство, так и путчисты связывали свои надежды на успех с армией – было неясно, кого она поддержит. 23 апреля путч поддержали около 15 полков (в основном десантных). Однако после обращения де Голля в этот же день к французам по телевидению и радио, в котором он «запретил каждому французу и прежде всего каждому солдату выполнять любой их [путчистов] приказ»¹⁴⁹, в армейской среде в Алжире с каждым часом стало возрастать сопротивление путчистам. Вследствие отсутствия массовой поддержки со стороны армейских подразделений 25 апреля стал очевиден провал «путча генералов». Шалль и еще несколько высших и старших офицеров были вынуждены сдаться, Салану и Жуо удалось бежать. В армии начались расследования для установления действий и оценки лояльности офицеров (около 15 тыс. офицеров предстали перед судом¹⁵⁰).

Приближение деколонизации подтолкнуло наиболее радикальных европейцев к созданию в феврале 1961 г. в Мадриде антигосударственного движения за «французский Алжир» под названием Организация секретной армии (ОАС – от французского названия «Organisation de l'armée secrète»). ОАС объединила как военных дезертиров, так и гражданских радикальных оппозиционеров курса де Голля на деколонизацию (главным образом «черноногих»). В руководство организации, которая действовала главным образом в г. Алжире и г. Оране, входили генерал Поль Гарди, полковники Роже Гард (отвечал за работу с населением) и Ив Годар (разведка), лейтенант Роже Дегельдр и доктор Жан-Клод Перез (отвечали за боевые операции), а также Жан-Жак Сюзини (пропаганда и психологическая борьба). Верховным командующим ОАС стал скрывавшийся от властей генерал Рауль Салан.

В последней отчаянной попытке не допустить деколонизации ОАС стремилась мобилизовать европейское население Алжира для противодействия политике де Голля. ОАС опиралась на поддержку широких слоев европейцев¹⁵¹. Деятельность этой организации характеризуется сочетанием спланированных террористических актов в Алжире и метрополии (в частности, покушения на де Голля) с многочисленными нападениями и кровавым террором в отношении алжирцев-мусульман и поддерживавших идею независимости европейцев. Дестабилизируя обстановку в Алжире и поддерживая атмосферу страха, ОАС рассчитывала сорвать переговоры правительства с ФНО. Активисты и бойцы ОАС обосновывали свою деятельность необхо-

димостью защиты своих семей, сообщества «черноногих» и Франции. Для них их борьба была ответом на «терроризм» ФНО, продолжавшийся более шести лет¹⁵².

Успехам ОАС способствовало наличие немалого числа сторонников в силовых структурах и государственном аппарате в Алжире и метрополии. Организация даже имела своего информатора в Администрации президента Франции¹⁵³. Пособничество членам ОАС в алжирской госслужбе и службах поддержания правопорядка достигало таких масштабов, что террористов часто не преследовали. А если их задерживали, то дела редко доходили до обвинительных приговоров¹⁵⁴.

Кульминацией насилия стало появление в алжирских городах боевых подразделений французских силовиков, задача которых состояла в ликвидации отрядов ОАС. Члены этих подразделений, за которыми закрепилось название «барбузы», прибывали из метрополии как частные лица и вступали в борьбу на уничтожение ОАС, используя тактику спланированных и целенаправленных операций. Как ОАС оправдывала свой террор террором ФНО, также и «барбузы» оправдывали свой террор действиями ОАС.

Это противостояние усугублялось в первые месяцы 1962 г. Понимая безнадежность своей борьбы, отряды ОАС проводили все более и более безрассудные операции, среди которых были и вооруженные ограбления банков и предприятий, одиночные и групповые убийства мусульман, как правило, без разбора (например, объявлялся «день почтальона», и в этот день бойцы ОАС должны были убить максимальное число почтальонов мусульман¹⁵⁵).

Зная о продвижении мирных переговоров французского правительства с ФНО, ОАС пыталась дестабилизировать ситуацию в январе–марте 1962 г. для срыва этих переговоров. С 15 по 21 января 1962 г. во Франции проведены 40 терактов, с 22 по 28 января – 33 теракта, с 5 по 11 февраля – 34¹⁵⁶. Большинство терактов осуществлены в Париже и его пригородах. В Алжире в январе в общей сложности был проведен 801 теракт (555 человек погибли, 990 получили ранения), включая те, за которыми стояли ОАС, ФНО и «барбузы»¹⁵⁷.

В конце 1960 г. начался еще один алжиро-алжирский конфликт, когда ВПАР обвинило ГШ АНО в недостаточной поддержке внутреннего сопротивления и потребовало ввода подразделений «приграничной армии» в Алжир до 31 марта 1961 г. ГШ АНО отказался выполнить это распоряжение, и его члены покинули проходивший в августе 1961 г. в Триполи съезд НСАР. Попытка ВПАР под руководством Б.Бен Хедды (сменившим Ф. Аббаса во главе правительства в августе 1961 г.) ослабить ГШ АНО, разделив управление «приграничной армии» на два центра (Тунис и Марокко), к успеху не привела – армия сохранила единство и верность Х. Бумедьену. Противостояние не переросло в открытый конфликт до подписания соглашения с Францией во многом благодаря стремлению ВПАР сохранить видимость единства и не потерять репрезентативность в глазах французской стороны¹⁵⁸. Открытый вооруженный конфликт между различными алжирскими группами, прежде объединенными под знаменем ФНО, начался в июле 1962 г., сразу после провозглашения независимости.

ЭВИАНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ

Несмотря на отчаянное сопротивление сторонников «французского Алжира», мирные переговоры между делегатами французского правительства и ВПАР завершились подписанием 18 марта 1962 г. Эвианских соглашений. Камнем преткновения в переговорах стала судьба алжирской Сахары, которая представляла для французов особый интерес как полигон для ядерных испытаний и как источник углеводородного сырья (первое месторождение было обнаружено в 1954 г.). Исходя из своей тактики переговоров, французское правительство рассматривало Сахару не в качестве неотъемлемой части Алжира и настаивало на ее разделении, но впоследствии вынуждено было смягчить свою позицию, и новое государство получило всю алжирскую территорию¹⁵⁹.

По Эвианским соглашениям¹⁶⁰ с 19 марта 1962 г. стороны обязались прекратить боевые действия на всей алжирской территории и договорились о «создании [в Алжире], по результатам самоопределения, независимого и суверенного государства... и о сотрудничестве Франции и Алжира в интересах двух стран». Согласно логике де Голля суверенитет должен был передаваться не по итогам переговоров правительственных инстанций, а в результате двух референдумов, первый из которых был проведен на всей территории Франции, включая Алжир (всеобщее голосование по вопросу самоопределения Алжира), а второй – только в Алжире.

Соглашения содержали комплекс взаимных обязательств, которые предполагали не только прекращение огня и определение условий получения Алжиром независимости, но и взаимовыгодный компромисс относительно последующего сотрудничества двух стран. Этот компромисс, который де Голль называл «режимом ассоциации» двух стран¹⁶¹, предусматривал гарантии безопасности, соблюдения прав и интересов алжирцев-европейцев, совместную разработку углеводородных месторождений в Сахаре и ряд других преимуществ для Франции в этой сфере, а также использование Францией ряда военных баз (в частности, Мерс аль-Кебир и Бу-Сфер) и территориальных зон (в частности, в Сахаре на пятилетний срок для проведения испытаний в области создания ядерного оружия и освоения космоса).

В обмен французское правительство обязалось содействовать развитию Алжира, предоставляя ежегодную финансовую помощь, продолжая выполнение «Плана Константины», принимая алжирских трудовых мигрантов и студентов, направляя своих специалистов и помогая в создании алжирской системы образования¹⁶². За этим в целом сбалансированным компромиссом просматривалось стремление французских властей не обрывать связи с бывшей колонией, а установить глобальное и многогранное сотрудничество, которое позволило бы сохранить Алжир в сфере стратегического влияния Франции, не допустив ее вытеснения СССР или США. В этом контексте наряду с энергоносителями внимание уделялось сохранению роли французского языка в системе образования и воспитанию алжирских элит в духе французской культуры (о чем де Голль откровенно писал в своих мемуарах)¹⁶³.

На референдуме 8 апреля 1962 г. население Франции (включая Алжир) высказалось за «исполнение соглашений и принятие мер по вопросу Алжира на основе правительственных деклараций от 19 марта 1962 г.» (90,7%

проголосовали «за»¹⁶⁴. После этого вопрос о независимости Алжира должен был решаться его жителями на референдуме, который был проведен 1 июля 1962 г. 99,72% принявших в нем участие жителей Алжира высказались «за» то, что «Алжир станет независимым государством, сотрудничающим с Францией на условиях, определенных в Декларации от 19 марта 1962 г.»¹⁶⁵. 3 июля 1962 г. Франция официально признала независимость Алжира, которая была провозглашена 5 июля 1962 г.

Понимая неминуемость независимости Алжира после подписания Эвианских соглашений и опасаясь «расправы» или «мести» отрядов АНО, европейское сообщество (христиане и евреи) с апреля 1962 г. в массовом порядке начало покидать Алжир. ОАС не признала мирные соглашения и продолжила террористическую деятельность, особенно в городах Алжире и Оране, назвав французскую армию в листовке от 21 марта 1962 г. «оккупационными войсками» в Алжире¹⁶⁶.

В этот период ОАС потеряла контроль над управлением своими различными элементами. Наряду с общим стремлением организации остановить массовый отъезд европейцев (ОАС запретила отъезд и взяла под контроль турагентства) действия отрядов и бойцов становились все более хаотичными. Так, активисты ОАС забаррикадировались в столичном квартале Баб эль-Уэд, где эта организация пользовалась массовой поддержкой европейцев. Французская армия была вынуждена оцепить Баб эль-Уэд и начать операции против бойцов ОАС, захватывая дом за домом в этом квартале. Слепой террор в Оране держал в страхе весь город, в котором безраздельно властвовала ОАС.

Весной 1962 г. с приближением развязки долгого конфликта все сильнее ощущалась обреченность борьбы ОАС. Надежда этой организации на мятеж в войсках не оправдалась. Попытка начать партизанскую войну в горнолесном массиве Уарсенис (центральная часть Алжира) окончилась неудачей. Генерал Жуо был арестован 25 марта в Оране, Салан – 20 апреля в Алжире. В этот период ОАС даже рассматривала возможность создания независимого государства в Орании, учитывая колоссальную поддержку организации в этом регионе и большую численность компактно проживавших здесь европейцев. Однако постепенно осознавая тщетность борьбы за сохранение Алжира, ОАС перешла к тактике «выжженной земли» – в городах Алжире и Оране ее активисты подожгли мэрию, городскую библиотеку, университет, топливные хранилища, портовую инфраструктуру. После ограбления 25–26 июня 1962 г. шести банков в Оране не сдавшиеся бойцы ОАС сбежали из Алжира. Многие из них осели в испанском Аликанте¹⁶⁷.

Террористические акты ФНО в годы войны против европейского населения Алжира (взрывы бомб в кафе, клубах, на дискотеках, атаки на фермеров), жесткие действия французских сил (массовые аресты, систематическое использование пыток, казни без судебной процедуры), а также террористическая деятельность ОАС (взрывы бомб в мусульманских кварталах, нападения на мусульман) значительно усилили атмосферу недоверия и враждебности между европейским и мусульманским сообществами¹⁶⁸. Социальным последствием боевых действий и обоюдного насилия стало внутреннее «замыкание» каждого из сообществ на самом себе и разрыв связей между ними.

Словно две «нации» уже разделились по этноконфессиональному признаку, не дожидаясь политического признания независимости Алжира¹⁶⁹.

В подобных условиях едва ли европейцы могли представить себе продолжение благополучной жизни в независимом Алжире. Подавляющее большинство из них в спешке покидало Алжир. Если в 1954 г. европейское сообщество Алжира насчитывало около 1 млн человек¹⁷⁰, то к концу декабря 1962 г. из них осталось около 30 тыс.¹⁷¹ Нападения на европейцев и их похищения в этот переходный период подтверждали целесообразность отъезда. По состоянию на 8 мая 1963 г., по французским данным, 3080 европейцев числились пропавшими или похищенными, из которых только 18 были найдены, 868 освобождены из рук похитителей и 257 убиты¹⁷². В наиболее острой форме проблема стояла в Орании.

За годы конфликта (по состоянию на март 1962 г.) потери французской армии составили 20,5 тыс. убитых (включая мусульман)¹⁷³. Крайне сложно определить точное число жертв войны среди алжирцев-мусульман. По оценке ФНО, число жертв с алжирской стороны составило около 1 млн человек. По официальной французской оценке, потери среди мусульман включали в себя несколько категорий. Первая категория – воевавшие на стороне ФНО (учитывая тех, кто оказывал им содействие) – насчитывала 158 тыс., из них убитые в боях – 141 тыс., жертвы внутренних чисток – 15 тыс., убитые тунисской и марокканской армиями – 2 тыс. Вторая категория – мусульмане, убитые АНО (всего 69 тыс. 878): погибшие в боях солдаты-мусульмане (воевавшие на французской стороне) – 3,5 тыс., пропавшие без вести гражданские (по состоянию на 13.03.1962) – 50 тыс., убитые гражданские (по состоянию на 19.03.1961) – 16 тыс. 378. Таким образом, всего, по официальной французской оценке, потери в войне среди мусульманского населения составили около 227 878 человек¹⁷⁴.

Несмотря на статистическую строгость, французские данные по жертвам среди мусульман представляются заниженными. В ноябре 1960 г. де Голль заявил в одном из интервью, что с начала конфликта французская армия уничтожила 200 тыс. повстанцев и продолжала уничтожать около 500 повстанцев в неделю¹⁷⁵. Тогда каким образом в марте 1962 г. число убитых в боях повстанцев сократилось до 141 тыс.? Статистический маневр, безусловно, объясняется стремлением французского руководства сгладить негативные последствия войны с целью нормализации послевоенных отношений с независимым Алжиром и минимизации ущерба для имиджа Франции в глазах международного сообщества.

Исследование французо-алжирского конфликта, завершившегося, с одной стороны, военным поражением, но с другой – политической победой ФНО¹⁷⁶, дает основания для следующих выводов:

1. Если детерминизм является слишком сильным понятием для характеристики деколонизации Алжира (как и любого иного исторического явления), то в данном случае целесообразно использовать другой термин, который был бы несколько мягче, но все же передавал бы тот же смысл. Многогранная реальность способствовала движению к этой цели.

Сама колонизация, представляя собой грань модернизации, способствовала росту самосознания и образовательного уровня мусульман. Общемировые тенденции общественного развития (деколонизация и демократиза-

ция) «подталкивали» события в том же направлении. Слабая социализация мусульман в колониальном обществе «давала» восстанию неисчерпаемые людские ресурсы. Нараставшее давление на французское правительство все большего числа стран непосредственно и по линии ООН создавало вокруг Франции своеобразный климат напряженности, который не могла не учитывать держава с мировыми амбициями. Тяжелые реалии войны привели в конце 1950-х годов к формированию вокруг антифранцузской борьбы ФНО широкой поддержки мусульман, придавшей этой борьбе сильную социальную легитимность.

2. Упрямая вера французского военного командования и немалой части политического истеблишмента в силовое решение алжирской проблемы вела к обострению внутрифранцузских противоречий и дестабилизации институтов, что обуславливало серьезные риски военных переворотов в мае 1958 г. и апреле 1961 г. Шарль де Голль, придя к власти в 1958 г. по призыву сторонников «французского Алжира», надеявшихся на его твердость и «патриотизм» в решении алжирской проблемы, стал человеком компромисса с алжирскими националистами. Фактически предоставив колонии независимость, он продемонстрировал проницательность, дальновидность и решительность, которых не доставало неустойчивым, раздираемым противоречиями и закулисными интригами правительствам IV Республики.

3. Технологическое и военное превосходство французской армии, подтверждением которого стала ее полная военная победа, выглядело в конкретных обстоятельствах 1961–1962 гг. злой шуткой истории, проявившей слабые возможности военно-технологического фактора при решении этнополитических конфликтов.

¹ *Stora B. Algérie. Histoire contemporaine 1830–1988. Alger, 2004. P. 33, 40–42.* В настоящей работе под термином европейское сообщество подразумеваются полноправные французские граждане – европейцы-христиане и евреи. Остальное население Алжира составляло мусульманское сообщество.

² *Nouschi A. L'Algérie amère 1914–1994. P., 1995. P. 82–83.*

³ С 1947 г. колониальная администрация проводила курс на упразднение смешанных коммун. Частично территории переходили в состав обычных коммун, частично преобразовывались в муниципальные центры, управлявшиеся собраниями мусульман под контролем французского администратора.

⁴ Имеются в виду европейцы Алжира, имевшие земельные владения.

⁵ Все остальные европейцы, проживавшие главным образом в городах, – чиновники, торговцы, предприниматели, лица свободных профессий и другие.

⁶ Кабилы – берберское население, проживающее на побережье и в горном районе к востоку от г. Алжира (этот регион называется Кабилией) и занимающееся главным образом земледелием и животноводством. Термин «кабилы» произошел от арабского слова «*кабия*», что означает «племя». Кабилы представляют собой народность со своим языком, традициями и самосознанием. К началу французской колонизации подавляющее большинство кабиллов исповедовали ислам. Кабилы не без гордости нередко называют себя «имазиген», что означает на кабийском «свободные люди». Это самоназвание емко отражает их менталитет, непокорность и стремление к независимости, неоднократно проявлявшееся в разные исторические периоды.

⁷ В 1945 г. Финансовые делегации были заменены Финансовым собранием (с более широким мусульманским представительством), просуществовавшим до 1947 г. С этого года управленческие бюджетные процессы были поручены новому выборному органу – Алжирскому собранию.

- ⁸ Nouschi A. Op.cit. P. 127, 129.
- ⁹ Туземный кодекс фактически был отменен в 1936 г. французским правительством Народного фронта.
- ¹⁰ Nouschi A. Op.cit. P. 13–15, 33.
- ¹¹ Ibid. P. 46, 74, 142; *Naegelen M.E. Mission en Algérie.* P., 1962. P. 107.
- ¹² Расходы шли на финансирование администрации, строительство и ремонт дорог, строительство жилых и других зданий, образование, финансирование сельскохозяйственных проектов. Финансирование шло главным образом на нужды европейского сообщества. Заявки мусульманских депутатов на выделение бюджетных средств на строительство дороги или создание объекта в интересах мусульманского сообщества получали, как правило, отказ (*Nouschi A. Op. cit. P. 14, 25–26*).
- ¹³ Stora V. Op.cit. P. 108.
- ¹⁴ Рассчитано по: *Nouschi A. Op.cit. P. 143, 189–190* (данные по мусульманам не учитывают статистику по двум крупным смешанным коммунам – Аурес и Маадид).
- ¹⁵ *Naegelen M.-E. Op.cit. P. 121*: документальный фильм «La Guerre d’Algérie». P. Batty. 1984.
- ¹⁶ *Nouschi A. Op. cit. P. 190*.
- ¹⁷ Бывший французский министр образования и генерал-губернатор Алжира (1948–1951) социалист Марсель-Эдмон Нежлен признавал неудачи Франции в этой сфере (*Naegelen M.-E. Op. cit. P. 6; Nouschi A. Op.cit. P. 190*).
- ¹⁸ Имам – руководитель общей молитвы в мечети (имеет богословское образование). Кади – мусульманский судья-чиновник, отправляющий правосудие на основе шариата. Муфти – религиозный лидер определенного региона, знаток шариата, дающий разъяснения его основным положениям и принимающий решения по спорным вопросам в форме особого заключения (фетвы), основываясь на принципах шариата и прецедентах (Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 97, 125, 177).
- ¹⁹ В ходе обсуждения бюджета Финансовыми делегациями неоднократно поднимался вопрос о выделении средств на строительство школ для мусульманских детей. Однако европейцы постоянно блокировали эти инициативы. Подобное нежелание способствовать повышению образовательного уровня мусульман абсолютно противоречило лозунгам французской колонизации и свидетельствовало об иных мотивах этого исторического процесса (*Nouschi A. Op.cit. P. 98*).
- ²⁰ *Naegelen M.-E. Op.cit. 1962. P. 6.*
- ²¹ Ibid. P. 39.
- ²² *Sanson H. Expérience de «L’Autre et l’image de soi» en Algérie entre 1923 et 2002 // Cahiers de la Méditerranée «L’Autre et l’image de soi». Vol 66. Nice, 2003* (здесь и далее статья цитируется по электронной версии на сайте: <http://cdlm.revues.org/document.html?id=111>).
- ²³ В наиболее острой форме антисемитские настроения проявились в период правления правительства Виши. В соответствии с законом от 07.10.1940 алжирские иудеи, за редкими исключениями, были лишены французского гражданства, превратившись в особую социальную категорию – «туземцев-иудеев». Им запретили заниматься торговлей. Чиновники иудейского вероисповедания лишились работы. Режим Виши ввел также иные ограничения, затронувшие различные аспекты жизни этой конфессии. Дискриминационное законодательство в отношении иудейской общины было отменено 20.10.1943, почти через год после освобождения алжирской территории войсками союзников (*Nouschi A. Op. cit. P. 33, 156–157, 162*).
- ²⁴ Улемы – знатоки богословия, историко-религиозного предания и этико-правовых норм ислама, как теоретики, так и практические деятели в области традиционных форм образования, судопроизводства на основе шариата и исполнения обрядов (Ислам.: Энциклопедический словарь. С. 239–240).
- ²⁵ *Sivan E. Communisme et nationalisme en Algérie 1920–1962.* P., 1976. P. 110–111, 154–156, 187, 197–198.
- ²⁶ *Nouschi A. Op.cit. P. 101.*
- ²⁷ Ibid. P. 102.
- ²⁸ Результаты выборов в «белых» регионах Алжира показывали сокращение поддержки компартии пропорционально росту антиколониальной составляющей ее курса (*Sivan E. Op. cit. P. 13–14, 55*).
- ²⁹ Аббревиатура МТЛД связана с широко известным французским названием этой партии – «le Mouvement pour le triomphe des libertés démocratiques».
- ³⁰ *Nouschi A. Op. cit. P. 91–92.*

- ³¹ *Stora B.* Op. cit. P. 83.
- ³² По оценке генерал-губернатора М.-Э.Нежлена, «МТЛД в первую очередь, отклоняло с демонстративными яростью и отвращением все, что имело аромат и привкус Франции» (*Naegelen M.-E.* Op.cit. P. 99).
- ³³ Аббревиатура УДМА связана с широко известным французским названием этой партии – «l'Union démocratique du Manifeste algérien».
- ³⁴ *Harbi M.* Une vie debout. Mémoires politiques. Tome 1: 1945–1962. Alger, 2001. P. 80.
- ³⁵ *Ланда P.Г.* История Алжира. XX век. М., 1999. С. 62–63.
- ³⁶ *Naegelen M.-E.* Op. cit. P. 56, 93, 99.
- ³⁷ Мечеть, построенная в эпоху Омейядов, при которой действовал до получения Тунисом независимости известный исламский университет, где изучались научные и религиозные дисциплины и литература.
- ³⁸ Салафиты (от *salaḥ* – предки, предшественники) – общее название мусульманских религиозных деятелей, которые выступали с призывом ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины. Согласно учениям аль-Афгани и Абдо исламские общества XIX – начала XX в. нуждались в просвещении и реформах, основанных на взвешенном сочетании ислама и современных достижений Запада.
- ³⁹ *Nouschi A.* Op. cit. P. 94–95.
- ⁴⁰ Марабут (франц. *marabout*, от араб. мурабит – живущий в рибате (монастыре)), в странах Северной Африки: 1) мусульманский святой, а также вождь или основатель религиозного братства, дервишского ордена; 2) в более широком смысле – мусульманский монах, член религиозного братства, то же, что дервиш (Большая советская энциклопедия. 2002 (Марабут)).
- ⁴¹ *Harbi M.* Op. cit. P. 14.
- ⁴² *Nouschi A.* Op. cit. P. 185–188. *Stora B.* Op. cit. P. 113–114.
- ⁴³ *Naegelen M.-E.* Op.cit. P. 77, 80, 83–87.
- ⁴⁴ *Ланда P.Г.* Указ. соч. С. 95–96; *Stora B.* Op. cit. P. 95; *Nouschi A.* Op. cit. P. 174; *Sivan E.* Op. cit. P. 139–140.
- ⁴⁵ Эта установка признается генерал-губернатором М.-Э. Нежленом в мемуарах (*Naegelen M.-E.* Op. cit. P. 34–35).
- ⁴⁶ *Naegelen M.-E.* Op.cit. P. 87–88, 90.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 65–66, 69, 184–186, 193–198. *Nouschi A.* Op. cit. P. 188–189; документальный фильм «Les années algériennes. 1-ère partie. D'amour et de haine». P. Alfonsi, B. Favre, P. Pesnot, B. Stora. 1991: документальный фильм: «La Guerre d'Algérie». Y. Courrière, P. Monnier. 1972.
- ⁴⁸ *Harbi M.* Op. cit. P. 59–60, 87.
- ⁴⁹ Цит. по: *Nouschi A.* Op.cit. P. 124.
- ⁵⁰ *Naegelen M.-E.* Op. cit. P. 149, 156.
- ⁵¹ *Ibid.* P. 90–91, 97–98.
- ⁵² М.-Э. Нежлен писал о «нерациональном чувстве превосходства, иногда переходящем в патернализм» европейцев по отношению к мусульманам (*Naegelen M.-E.* Op. cit. P. 47, 51, 157, 159; *Harbi M.* Op. cit. P. 67–68).
- ⁵³ *Harbi M.* Op. cit. P. 85.
- ⁵⁴ *Naegelen M.-E.* Op. cit. P. 170.
- ⁵⁵ *Nouschi A.* Op. cit. P. 111.
- ⁵⁶ Очевидцы событий как с антиколониальными взглядами (М. Харби), так и с колониальными (М.-Э. Нежлен) отмечали поляризацию сообществ и поступательный рост антифранцузских настроений в мусульманской среде. М.-Э.Нежлен говорил о «постоянно растущем мусульманском большинстве» (уже в 1948 г.), испытывавшим «неистовое и глухое чувство, что они [мусульмане] если не угнетались, то по крайней мере притеснялись и сдерживались в своих стремлениях меньшинством... с другими или противоположными интересами – алжирскими европейцами» (*Harbi M.* Op. cit. P. 54, 59; *Naegelen M.-E.* Op. cit. P. 38, 45, 49).
- ⁵⁷ *Harbi M.* Op. cit. P. 53.
- ⁵⁸ *Nouschi A.* Op .cit. P. 127.
- ⁵⁹ *Ibid.* P. 129.
- ⁶⁰ *Stora B.* Op. cit. P. 106.
- ⁶¹ *Harbi M.* Op. cit. P. 52–54.
- ⁶² *Ibid.* P. 54.
- ⁶³ В частности, при приеме в МТЛД кандидаты приносили клятву верности партии на Коране (*Harbi M.* Op. cit. P. 58, 61, 65, 80).

- ⁶⁴ *Sanson H.* Op. cit.
- ⁶⁵ *Harbi M.* Op. cit. P. 21.
- ⁶⁶ *Stora B.* Op. cit. P. 99; документальный фильм «Les années algériennes. 1-ère partie».
- ⁶⁷ Аббревиатура ОС связана с широко известным французским названием этой организации – «l'Organisation spéciale».
- ⁶⁸ *Naegelen M.-E.* Op. cit. P. 172–175.
- ⁶⁹ *Nouschi A.* Op. cit. P. 195; *Naegelen M.-E.* Op. cit. P. 171–175, 178.
- ⁷⁰ *Harbi M.* Op. cit. P. 85.
- ⁷¹ *Ibid.* P. 114–115.
- ⁷² Здесь и далее Призыв к алжирскому народу цитируется по электронной версии с официального сайта Администрации президента АНДР (см.: <http://www.el-mouradia.dz/francais/symbole/textes/symbolefr.htm>).
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Аббревиатура МНА связана с широко известным французским названием этой партии – «le Mouvement national algérien».
- ⁷⁶ Заявление французского премьер-министра Г. Молле 09.01.1957 (см.: Déclaration de G. Mollet. ORTF. 1957 // Видеоархивы французского телевидения «Institut national de l'Audiovisuel». см. <http://www.ina.fr/video/CAF97514457/declaration-de-guy-mollet.fr.html>).
- ⁷⁷ Цит. по: *Stora B.* Op. cit. P. 131.
- ⁷⁸ *Ibid.*
- ⁷⁹ *Ibid.* P. 127–128, 131–132.
- ⁸⁰ *Nouschi A.* Op. cit. P. 203.
- ⁸¹ *Stora B.* Op. cit. P. 132, 136, 138, 140.
- ⁸² *Ibid.* P. 135–136.
- ⁸³ *Ibid.* P. 199.
- ⁸⁴ Аббревиатура СФИО связана с широко известным французским названием этой партии – «La Section française de l'Internationale ouvrière».
- ⁸⁵ Документальный фильм: «La Guerre d'Algérie». Batty Peter. 1984; *Stora B.* Op. cit. P. 139–140.
- ⁸⁶ *Stora B.* Op. cit. P. 142.
- ⁸⁷ *Nouschi A.* Op. cit. P. 220.
- ⁸⁸ *Stora B.* Op. cit. P. 143, 144.
- ⁸⁹ Свидетельство префекта полиции г. Алжира Поля Тейтжена в документальном фильме «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984.
- ⁹⁰ Свидетельства французских военнослужащих в документальном фильме «La Guerre d'Algérie (sans nom)». B. Tavernier, P. Rotman. 2002.
- ⁹¹ *Stora B.* Op. cit. P. 158.
- ⁹² *Ibid.* P. 198–199.
- ⁹³ *Ibid.* P. 199.
- ⁹⁴ Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». Y. Courrière, P. Monnier. 1972.
- ⁹⁵ Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984; Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». Y. Courrière, P. Monnier. 1972. *Nouschi A.* Op. cit. P. 214.
- ⁹⁶ *Nouschi A.* Op. cit. P. 200, 212–213.
- ⁹⁷ Интервью министра вооруженных сил Франции П. Мессмера в документальном фильме: «OAS, l'histoire interdite». G.-M. Benamou, Fr. Margolin. 2003.
- ⁹⁸ Свидетельство генерала Ж.Массю в документальном фильме «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984.
- ⁹⁹ *De Gaulle Ch.* Mémoires d'espoir. Le renouveau 1958–1962. P., 1970. P. 33–34.
- ¹⁰⁰ Здесь и далее текст Суммамской платформы цитируется по электронной версии с официального сайта Администрации президента АНДР (см.: <http://www.el-mouradia.dz/francais/symbole/textes/symbolefr.htm>).
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Цит. по: *Stora B.* Op. cit. P. 156.
- ¹⁰³ *Harbi M.* Op. cit. P. 242.
- ¹⁰⁴ *Nouschi A.* Op. cit. P. 214; *Harbi M.* Op. cit. P. 179.
- ¹⁰⁵ *Ланда P.Г.* Указ. соч. С. 116.
- ¹⁰⁶ Tract lancé le 1 novembre 1955 pour l'anniversaire du déclenchement de l'insurrection. Цит. по: *Nouschi A.* Op. cit. P. 214.

- ¹⁰⁷ Ланда П.Г. Указ. соч. С. 116, 115.
- ¹⁰⁸ Nouschi A. Op. cit. P. 214. В частности, в Европе за потребление алкоголя ФНО налагал на алжирцев (мусульман) штрафы, чтобы усилить их лояльность и «наполнить кассу» (см.: Harbi M. Op. cit. P. 235).
- ¹⁰⁹ Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984.
- ¹¹⁰ De Gaulle Ch. Op. cit. P. 54, 55–56, 78; Nouschi A. Op. cit. P. 213.
- ¹¹¹ Harbi M. Op. cit. P. 256–263.
- ¹¹² Ibid. P. 271–274, 283–284.
- ¹¹³ Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984.
- ¹¹⁴ Stora B. Op. cit. P. 201.
- ¹¹⁵ Х. Бумедьен (настоящее имя – Мухаммед Бухаруба) родился 23 августа 1932 г. в Гелиополесе (неподалеку от Гелмы). Согласно другим источникам он родился в период между 1925 и 1932 г. Х.Бумедьен учился в Каирском университете Аль-Азхар на преподавателя арабского языка. В начале 1955 г. прибыл в Оранию для участия в боевых действиях АНО против французов. В 1957 г. стал командиром вилай № 5 (Орания), штаб которой находился в марокканском приграничном городе Уджда. Вокруг Х.Бумедьена сформировалась группа лояльных ему людей, которые сыграли немаловажную роль в развитии Алжира после обретения независимости. По месту формирования этого военно-политического клана он получил название «группы Уджды».
- ¹¹⁶ Harbi M. Op. cit. P. 294, 358, 359.
- ¹¹⁷ Максименко В.И. Политические партии в переходном обществе. М., 1985. С. 101.
- ¹¹⁸ Согласно результатам переписи населения, проведенной в 1966 г., для 9 734 100 (81,5% населения) алжирцев родным языком был арабский (включая его разные диалекты), для 2 267 300 (17,9%) – берберские диалекты, для 77 600 (0,4%) – французский и для 23 000 (0,2%) – другие языки. В силу политических причин, связанных с искусственным «стиранием» и умалчиванием различий ради строительства нации, в последующих переписях подсчет алжирцев по родному языку не проводился (см.: Grandguillaume G. Country case study on language of instruction and the quality of basic education: policy of arabization in primary and secondary education in Algeria // Paper commissioned for the EFA Global Monitoring Report. 2005. The Quality Imperative. P. 15–16,3. см. <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001466/146650e.pdf>).
- ¹¹⁹ Stora B. Op. cit. P. 140, 163, 165; Nouschi A. Op. cit. P. 214–215.
- ¹²⁰ Stora B. Op. cit. P. 140.
- ¹²¹ Свидетельство М. Бельхосина в документальном фильме «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Stora B. Op. cit. P. 147.
- ¹²⁴ Ibid. P. 165.
- ¹²⁵ Цит. по: Nouschi A. Op. cit. P. 215.
- ¹²⁶ В 1954 г. диаспора во Франции насчитывала 211 тыс., в 1962 г. – 350 тыс. (см.: Stora B. Op. cit. P. 158).
- ¹²⁷ Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». Y. Courrière, P. Monnier. 1972.
- ¹²⁸ Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». Batty Peter. 1984.
- ¹²⁹ Nouschi A. Op. cit. P. 228.
- ¹³⁰ Выступление французского премьер-министра М. Дебре 01.02.1959 (см.: Voyage de M. Debré en Algérie. Non diffusé // Видеоархивы французского телевидения «Institut national de l'Audiovisuel». См.: www.ina.fr/economie-et-societe/vie-economique/video/CAF97500437/voyage-de-debre-en-algerie.fr.html).
- ¹³¹ Stora B. Op. cit. P. 169.
- ¹³² De Gaulle Ch. Op. cit. P. 66.
- ¹³³ Ibid. P. 52, 66.
- ¹³⁴ Ibid. P. 76–78.
- ¹³⁵ Harbi M. Op. cit. P. 358.
- ¹³⁶ De Gaulle Ch. Op. cit. P. 82, 89.
- ¹³⁷ Ibid. P. 78–80.
- ¹³⁸ Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984; Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». Y. Courrière, Ph. Monnier. 1972.
- ¹³⁹ De Gaulle Ch. Op. cit. P. 49–50.
- ¹⁴⁰ Ibid. P. 74.

- ¹⁴¹ *Harbi M.* Op. cit. P. 199; *Stora B.* Op. cit. P. 153.
- ¹⁴² *Stora B.* Op. cit. P. 154.
- ¹⁴³ *Harbi M.* Op. cit. P. 210.
- ¹⁴⁴ В 1954 г. около 79% проживавших в Алжире европейцев родились здесь (см.: *Stora B.* Op. cit. P. 33).
- ¹⁴⁵ *De Gaulle Ch.* Op. cit. P. 102.
- ¹⁴⁶ *Ibid.* P. 104, 109.
- ¹⁴⁷ Цит. по: *Stora B.* Op. cit. P. 177.
- ¹⁴⁸ Цит. по: *De Gaulle Ch.* Op. cit. P. 112.
- ¹⁴⁹ *Ibid.* P. 114.
- ¹⁵⁰ Документальный фильм: «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984.
- ¹⁵¹ Документальный фильм «OAS, l'histoire interdite»...
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ *Stora B.* Op. cit. P. 191.
- ¹⁵⁴ *De Gaulle Ch.* Op. cit. P. 128–129.
- ¹⁵⁵ Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984 (в частности, многочисленные свидетельства очевидцев, в том числе работавших в Алжире иностранных журналистов, бывших членов ОАС и В.Кроса – префекта полиции г. Алжира в 1962 г.).
- ¹⁵⁶ *Stora B.* Op. cit. P. 192.
- ¹⁵⁷ *Ibid.*
- ¹⁵⁸ *Ibid.* p. 181–182. *Harbi M.* Op. cit. P. 362.
- ¹⁵⁹ Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984; *Nouschi A.* Op. cit. P. 228; Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». Y. Courrière, P. Monnier. 1972.
- ¹⁶⁰ Текст Общей декларации, обнародованной после подписания Эвианских соглашений, цитируется по электронной версии с официального сайта Администрации президента АНДР (см.: <http://www.el-mouradia.dz/francais/symbole/textes/symbolefr.htm>).
- ¹⁶¹ *De Gaulle Ch.* Op. cit. P. 119.
- ¹⁶² *Grimaud N.* La politique extérieure de l'Algérie (1962–1978). Alger, 1994. P. 62–63; *De Gaulle Ch.* Op. cit. P. 119–120, 132–133.
- ¹⁶³ *De Gaulle Ch.* Op. cit. P. 120.
- ¹⁶⁴ *Stora B.* Op. cit. P. 196.
- ¹⁶⁵ *Ibid.* P. 202.
- ¹⁶⁶ *Ibid.* P. 195.
- ¹⁶⁷ Документальный фильм «OAS, l'histoire interdite»...
- ¹⁶⁸ Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984.
- ¹⁶⁹ Этот процесс достиг апогея в Оране, где в мае–июне 1962 г. вследствие террора ОАС город четко разделился на две части: мусульмане, опасаясь расправы, покинули европейские кварталы, а европейцы приготовились в этих кварталах к самообороне. После признания Францией независимости Алжира в ряде регионов страны 5 июля 1962 г. прошли стихийные нападения на европейцев и перестрелки. В Оране разъяренная толпа из мусульманских кварталов бросилась в европейскую часть города для расправы над «черноногими». По оценке директора оранского госпиталя М. Наита, в результате беспорядков в Оране 95 человек были убиты (из них 20 европейцев) и 161 человек был ранен. В течение следующих дней ФНО удалось взять ситуацию под контроль (см.: *Stora B.* Op. cit. P. 196–198, 203).
- ¹⁷⁰ *Nouschi A.* Op. cit. P. 127.
- ¹⁷¹ Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984.
- ¹⁷² *Stora B.* Op. cit. P. 203–204.
- ¹⁷³ *Ibid.* P. 207.
- ¹⁷⁴ *Ibid.* P. 208–209.
- ¹⁷⁵ *Ibid.* P. 207.
- ¹⁷⁶ Парадокс военной победы французской армии над внутренней АНО и одновременного отсутствия условий для политической победы отмечается в свидетельствах генерала Ж. Бюиса и полковника Э. де Блиниера, с французской стороны, и М. Бельхосина – с алжирской стороны (см.: Документальный фильм «La Guerre d'Algérie». P. Batty. 1984).

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОСОВСКОМ КОНФЛИКТЕ

Балканский регион в 90-е годы XX в. стал ареной жесткой радикализации этнонациональных проектов, заставивших весь мир по-новому взглянуть на проблемы национализма, сепаратизма, экстремизма, терроризма, обеспечения прав меньшинств. События, происходящие здесь в последние два десятилетия, – едва ли не центральная тема средств массовой информации всего мира, популярный объект исследования ученых разного профиля на многие годы. При этом авторы подавляющего большинства публикаций сосредоточиваются на макропроцессах, протекающих в этом регионе, на их общих закономерностях и возможных последствиях для мирового сообщества в целом. Мало обращается внимания на то, как отдельные люди переживают драматичные политические, экономические и социокультурные перемены, соучастниками и очевидцами которых они являются. Человеческий фактор, жизнь небольших групп людей можно считать лишь малозначимым «частным случаем». Между тем именно из судеб отдельных людей складывается история человечества. Локальное измерение масштабных процессов позволяет увидеть их малоприметные, но важные грани.

Этнический фактор в постсоциалистический период приобрел на Балканах исключительно важное значение. Он стал питательной средой для укрепления здесь националистических сил; именно этнический принцип лег в основу организации политической и общественной жизни. Роль этнической идентичности, как правило, всегда возрастает в эпоху перемен и общественных кризисов, при возникновении угрозы нарушения установленных границ¹. Поэтому и на Балканах в последние десятилетия XX в. этническое самоопределение становится наиболее релевантным, этническая идентичность утрачивает прежнюю амбивалентность и приобретает четкие границы.

Вместе с тем сразу же оговоримся, что значительная часть проблем переходного времени имеет отнюдь не этнический характер, в их основе, скорее, лежат политические, социальные, экономические факторы. Многие аналитики, на мой взгляд, ошибочно объясняют войны, протекавшие в последнее десятилетие на пост-югославском пространстве, древней и непримиримой неприязнью между отдельными этническими группами. Сквозь призму дихотомии сербского и албанского рассматривается чаще всего и косовский конфликт. Обратимся к истории этого вопроса.

ОДНО ИЗ ЗВЕНЬЕВ В ЦЕПИ КРИЗИСОВ

Во время бурных событий в других частях Балкан в 90-е годы XX в. – в Хорватии, Боснии и Герцеговине, а также политических катаклизмов в Сербии, Косово оказалось в тени. Между тем этот регион уже давно представлял собой общество, растерзанное межэтническими столкновениями; это был край, где сербы и албанцы стали жить в двух параллельных мирах.

Именно выступления албанцев, населявших автономный край Косово, явились начальным кризисным звеном в цепи распада Социалистической Федеративной Республики Югославии. Политические неурядицы в югославской федерации начались с появления критических настроений в умах косовских интеллектуалов. Уже в пятидесятые годы XX в. под влиянием их требований возникла необходимость урегулирования статуса этнических групп (в югославской терминологии наций и национальностей). Именно на этот период приходится первые массовые, хотя и мирные, выступления в стране, объединившие их участников по этническому принципу. Национальный вопрос постепенно стал актуализироваться по всей Югославии. В 1968 г. вновь произошли волнения албанцев в Косово. Правда, тогда они рассматривались не как националистические, а как контрреволюционные. Политическая борьба в Югославии с новой силой вспыхнула после смерти Йосипа Броза Тито. Проявлением сбоев в системе федеральной организации государства стала, в частности, демонстрация 1981 г. в столице автономии – городе Приштина. Основным требованием ее участников было предоставление Косово статуса республики в составе Югославии. В тот период автономный край имел свое правительство, властные структуры, университет, у которых было больше прав и полномочий, чем в конце XX в. Направленные против федеральных властей локальные выступления вели к обострению отношений с сербским населением, ассоциировавшимся с политикой центра.

Косовский кризис, интерпретировавшийся в начале 80-х годов, как внутривластный и идеологический, быстро перерос в этнический конфликт между албанцами и сербами. Ситуация в Косово – яркий пример взаимосвязи в политической борьбе идей национализма (как албанского, так и сербского) и мобилизационного потенциала сторон на этнической почве вплоть до порождаемых этим насильственных действий. Градус накала противостояния сил в регионе привел к нарушению территориальной целостности Сербии. Он стал показателем того, как конфронтация между центральной властью и местной элитой, между олицетворяющими их этническими группами способствует росту националистических настроений, обостряет их проявление. С другой стороны, национализм оказался одним из факторов, способствовавших обострению кризиса. Он повлиял на его характер, формируя как противостояние между этническими общностями, так и их политическое единство на этнической основе.

По меткому определению английского исследователя Джона Бэртона, «этнические и конфессиональные конфликты, в которых центральные власти не в состоянии контролировать события, всегда затрагивают проблемы безопасности группы, ее идентификации и признания, а также контроля над влияющими на это политическими процессами»². Именно так и произошло в Косово. Межэтнические отношения за годы развития конфликта стали настолько напряженными, что их возможно классифицировать, как открыто враждебные. В проигрыше оказались обе стороны. Противостояние, развивавшееся несколько десятилетий, перерастало со временем в вооруженную борьбу, приводя к огромным людским потерям. Многие жители региона, как сербы, так и албанцы и представители других населяющих Косово народов, опасаясь за жизнь, оказывались вынужденными покинуть свои дома и искать прибежище за рубежами малой родины. Практически полностью была раз-

рушена инфраструктура Косово. В прессе сообщалось, что промышленность не работает, везде царят нищета и беззаконие. Безработица невероятна, а 98% всего, что продается в Косово, ввезено, причем чаще всего из Сербии контрабандой, по мосту через р. Ибар³. Колоссальный ущерб нанесен историческим памятникам края, многие из которых были причислены ЮНЕСКО к шедеврам мирового значения, а теперь навсегда утеряны для человечества. (По данным сербских СМИ, к концу 1999 г. в Косово было уничтожено 76 православных церквей, часовен, монастырей и других религиозных объектов.)⁴

В настоящее время в Косово непрочный мир поддерживается миротворческим контингентом из разных стран. Судьба края решается на международном уровне. Но (уже) совершенно очевидно, что подавляющее большинство неалбанских жителей края, прежде всего сербов, уехали отсюда. Их небольшие группы сохранились лишь в северных районах и анклавах. Но и это, скорее всего, ненадолго.

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Последние достоверные сведения о количестве жителей Косово в югославский период относятся к 1981 г. Исходя из данных прошедшей тогда переписи населения страны, в крае тогда проживал 1 млн 584 тыс. 441 человек, из них 1 млн 226 тыс. 736 записались в переписных листах албанцами и 209 тыс. 498 – сербами⁵. В Косово жили представители и других этнических групп, но они, будучи малочисленными, составляли в общей сложности менее десятой доли в структуре населения края: это боснийские мусульмане – 66 189 человек (3,3%), цыгане – 45 745 (2,34%), черногорцы – 20 365 (1,04%), турки – 10 445 (0,53%), хорваты – 8062 человек (0,41%), менее 0,46% по отдельности приходилось на македонцев, словенцев, чехов, немцев.

Переписи населения всегда имеют под собой важную политическую импликацию и подоплеку. Результаты статистического учета приобретают идеологическое звучание и используются в борьбе за власть. Осознавая это, перепись в СФРЮ 1991 г., а тем более, перепись в Сербии 2002 г. албанцы бойкотировали. Поэтому в последние 25 лет о размерах этой этнической группы можно было судить лишь на основании экспертных оценок. По расчетам Союзного управления по статистике, численность населения Косово к 1991 г., т.е. за десятилетие, возросла приблизительно на 400 тыс. человек и почти достигла 2 млн – 1 млн 956 тыс. 196 человек. Она превысила численность таких этнических групп СФРЮ, как македонцы, черногорцы, и догнала количество словенцев и боснийских мусульман.

Если сопоставить эти данные с показателями середины XX века, становится еще более очевидным, сколь быстро растет численность албанцев. Доля албанцев в общей численности населения СФРЮ к 1991 г. увеличилась с 7,7 до 16,5%. В Косово албанская популяция увеличилась с 498 242 до 1 596 072, т.е. в 3,2 раза. В 1948–1991 гг. доля албанцев в общей численности населения Косово возросла с 68,5% до 82,6%. Процент сербов в этот период в структуре населения края постепенно падал: с 23,6% в 1948 г. до 14,9% в

1981 г. и до 9,9% в 1991 г. Усиление этнической гомогенности Косово в пользу албанцев является следствием как демографических, так и политических факторов: высокого уровня рождаемости у албанцев, снижения смертности, низкой естественной репродукции сербов, а наряду с этим постепенного вытеснения неалбанского населения, приводящего к его эмиграции из края и других обстоятельств, суть которых будет раскрыта ниже.

Процесс возрастания этнической однородности населения Косово продолжается и в настоящее время. К началу XXI в. албанцы здесь составляли уже около 90% жителей. Они также компактно расселены и в других частях бывшей Югославии – в южных областях Сербии за пределами Косово (общины Прешево и Буяновац), в ряде юго-восточных областей Черногории (общины Улцинь, Подгорица, Плав и др.), в Македонии. В центральной Сербии и Воеводине албанцы живут дисперсно и главным образом в городах. Население Косово очень молодое на фоне других европейских регионов. Как сообщают демографы, к середине 90-х годов XX в. возраст 52% косовских албанцев не превышал 19 лет, тогда как средний возраст в Косово составлял около 24 лет⁶.

По сведениям Статистического бюро Косово в 2005 г. на территории края проживали 1,9 млн человек, из них 88% – албанцы, 7% – сербы, 5% – босняки, горанцы, торбеши, ромы, ашкалийе, египтяне и турки. 33% от общего числа жителей – дети до 14 лет. Людей старше 65 лет – всего 6%.

По сведениям международных организаций, в 2008 г. в северном Косово проживали около 50 тыс. сербов, а в анклавах, разбросанных в других частях Косово, – еще примерно 70 тыс.⁷ В период с 1981 до середины 1988 г. из Косово уехали около 28 тыс. сербов и черногорцев⁸. Примерно такая же цифра – около 30 тыс. сербов-переселенцев за первую половину 80-х годов упоминается в зарубежных источниках. Особенно массовым был отток славян в конце 90-х годов. Во время операции НАТО 1999 г. Косово покинули около 300 тыс. жителей¹⁰, из которых около 200 тыс. – сербы¹¹. Еще одна волна массового исхода сербских жителей из районов Косово последовала после 17 марта 2004 г., когда произошло последнее значительное столкновение между сербами и албанцами.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Ситуация осложняется тем, что как сербы, так и албанцы считают эти земли исконно своими, «колыбелью» своих народов. Славянские племена переселились на Балканы в VI–VII вв. С VIII в. Косово составляло центральную часть государства Рашка, затем Сербского государства. Город Печ с 1219 г., когда Сербская православная церковь стала автокефальна, был центром Сербской архиепископии, а с 1346 г., после того как глава Сербской церкви провозглашен патриархом, – патриархии. В Косово произошло еще одно важное событие сербской истории: на Косовом поле близ нынешнего города Приштина в 1389 г. состоялось решающее сражение между войсками балканских феодалов и Османской империи. Оно окончилось победой османов, но сербские воины проявляли в этот период воинскую доблесть, о чем с гордостью повествует сербский героический эпос. В минуты кризи-

сов югославского государства историческая реальность Косовских событий постоянно вспоминалась, мифологизировалась, играя сильную мобилизующую роль. То есть в сербском национальном проекте Косово стало не столько целью, сколько средством борьбы за его реализацию.

На Косовом поле балканские земли на долгие пять веков попали под османское господство. Эти столетия, разумеется, не прошли бесследно для этнической истории Балкан. Они сказываются по сегодняшний день не только сильными ориентальными напластованиями в культуре, но и последствиями значительного перемешивания населения, ушедшего тогда под натиском завоевателей в более безопасные горные районы. Им на смену постепенно приходили другие жители. Мигрировали и албанцы, которые ранее кочевали с гор в долины, попадая на земли, где жили южные славяне, в том числе в Косово. Массовое расселение албанцев в крае началось с конца XVII в. После освобождения этого региона от османов и включения его в состав образовавшегося в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев, в 1929 г. переименованного в Югославию, сюда вновь активизировался приток южных славян – сербов и черногорцев.

Что касается албанцев, то происхождение этого народа ученые возводят к древнейшему населению Балкан. Некоторые исследователи считают основным элементом их формирования фракийцев, другие – иллирийцев. Этноним «албанцы» впервые упоминается уже во II в., как племенное название. С XI в. он стал распространяться на всех обитателей современной Албании. Албанский язык относится к индоевропейской языковой семье. С XIV в. территория не только Косово, но и современной Албании входила в состав Сербского королевства. Затем здесь установилась власть Османской империи. В период ее господства большинство местного населения перешло в ислам. Лишь в горных районах сохранились жители, исповедовавшие православие (на юге) и католицизм (на севере). В 1912 г. было создано албанское государство. Оно претендовало на включение в свой состав и территории Косово, но великие державы не удовлетворили это желание, присоединив данную территорию к Сербии. Вероятно, уже с того момента наметилось соперничество Сербии (позднее – Югославии) и Албании за косовские земли. Идея объединения всех областей, населенных албанцами, в одно государство, призыв к созданию «Великой Албании» широко использовались националистически настроенными кругами как в Албании, так и в Югославии, дестабилизируя положение в автономном крае.

Вместе с тем очевидно, что судьбы разных пластов балканского населения постоянно переплетались. Поэтому нельзя рассматривать их историю и культуру в изоляции друг от друга. Широко распространенное представление о Косово только как о пространстве сербско-албанского противоборства упрощает реальную ситуацию. Территорию Косово характеризует исключительно сложный исторический, политический и культурный контекст. Часто делается неправильный вывод об этнической, конфессиональной и языковой монолитности каждого из этих двух народов и языков¹³, а также о глубокой непреодолимой пропасти между ними. На самом деле в Косово исторически сосуществовали разные этнические, конфессиональные и языковые группы, поэтому в течение нескольких последних веков для этого региона были характерны полиэтничность, поликонфессионализм и мультилингвизм¹⁴. Если

учесть, что речь идет о пограничной области, то становится очевидным, что границы между группами являются взаимопроницаемыми, а идентичность – неопределенной, непостоянной, амбивалентной и ситуационно обусловленной.

В периоды мирного сосуществования границы между этническими и конфессиональными группами размывались; многие общие культурные элементы свидетельствуют об их взаимосвязи. В повседневной жизни другие деления – племенные, конфессиональные, языковые, политические или идеологические – были значительно более выражены, чем этнические¹⁶. Подобно тому, как это происходит и в иных регионах мира, на Балканах представители соседствующих народов и культур, находясь долгое время в тесном контакте, переняли друг у друга многие навыки и традиции. Этнографические исследования этой территории свидетельствуют о том, что размывание этнических и межконфессиональных границ было здесь широко распространенным явлением¹⁷. Сходство многих элементов традиционной культуры позволило этнографам выделить этот регион в единую историко-этнографическую область «Юго-Восточная Европа»¹⁸. Близость элементов культуры можно заметить в материальном быту, формах организации усадьбы, типах жилища, в сходстве сельскохозяйственных орудий и пищевых пристрастиях. В одежде как албанцев, так и сербов сложились своеобразные смешанные формы.

Славяноязычные и албаноязычные жители были одинаково адаптированы к естественной среде обитания. Одинаков был их уклад – мелкотоварный с некоторыми элементами натурального. У них было одинаковое общественное устройство – сельская община, некоторые особенности которой субъективно ее членами воспринимались как порядки общины родовой. Самоуправление общины осуществлялось на основе обычного права. Пастухи и землепашцы – албанцы и славяне – имели общие воззрения на природу (что отражается в их фольклоре), общие понятия о чести человека (его личной доблести) и о чести его ближайших родичей (семьи, братства, племени), о социальной справедливости, в одинаковой мере подчинялись законам кровной мести и гостеприимства¹⁹.

Даже межконфессиональные различия, вопреки часто встречающемуся утверждению, не были в реальности столь уж принципиальным поводом для разногласий. В обстановке тесного взаимодействия естественна была высокая степень межконфессиональной терпимости. Примеры Косово, Албании, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины свидетельствуют о том, что мусульманские и христианские формы паломничества и почитания святых часто переплетались настолько, что официальные границы между конфессиями бледнели. По словам исследователя Гер Дейзингса, изучавшего взаимосвязь конфессиональной и этнической идентичности в Косово во второй половине XX в., сегодня кажется невероятным, но мусульмане и христиане различного этнического происхождения посещали святые места другой стороны, поклонялись ее святым²⁰. На Балканах сложилось особое явление – криптохристианство. Иностранцы в прошлом с удивлением наблюдали, как люди всех вероисповеданий посещают православные монастыри (например, монастырь св. Наума по дороге из Битоля в Корчу), как приглашают в село либо мусульманского ходжу, либо католического священника, лишь бы было кому совершить обряд погребения покойника, как в одной семье и крестят, и

обрезают ребенка, как, наконец, могут переменить веру «назло попу» и тому подобные случаи²¹.

В Косово проживают также неалбанские этнические группы, исповедующие ислам, – босняки, горанцы и торбеши. Они имеют сербские или по крайней мере славянские корни. Албанского языка они чаще всего не знают. Правда, приблизительно еще с XVIII в. идет постепенный процесс их албанизации.

Сербский этнолог Соня Златанович также отмечает, что многие примеры говорят о глубокой взаимосвязи двух общин. Картина, которая сложилась у нее во время недавних исследований в Косово, в значительной степени отличается от создаваемой средствами массовой информации. Ее пожилые сербские собеседники с готовностью рассказывали о своей дружбе с албанцами, дружбе, традиции которой передавались из поколения в поколение. Они подтверждают, что знание албанского языка и албанской культуры было у них на высоком уровне²².

На наш взгляд, нельзя не согласиться с мнением сербского автора, что люди на бытовом уровне долгие годы мирно уживались между собой, пока их не всколыхнула борьба элит за власть, за территории, за конфессиональное и интеллектуальное влияние и т.п., а также и воздействие внешних – международных – факторов.

ЖИЗНЬ В ЮГОСЛАВСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Во время Второй мировой войны значительная часть Косово вошла в состав так называемой «Великой Албании». После войны Югославия была воссоздана как федерация шести республик – Боснии-Герцеговины, Македонии, Сербии, Словении, Хорватии и Черногории, что было закреплено Конституцией 1946 г. Тогда же в Республике Сербии были выделены автономный край Воеводина, где население отличалось пестротой этнического состава при значительной доле венгров, и автономная область Косово с многочисленным албанским населением. Автономии по законодательству обладали меньшими правами, чем республики. Эти отличия отражали как этническое многообразие населения, так и особенности его исторического развития. По Конституции 1946 г. нациями были провозглашены сербы, хорваты, словенцы, македонцы и черногорцы. Боснийские мусульмане (босняки) получили статус нации позднее, в 1963 г.

Главным критерием при ранжировании стало отсутствие государственности вне Югославии. На этом основании все прочие этнические группы независимо от их численности получали статус национальностей, таковыми были названы, в частности, многочисленные венгры и албанцы – третья по величине этническая группа в стране. Важнейшим преимуществом наций в Югославии оказалось наделение каждой из них республикой, в которой они как бы становились доминирующей этнической группой. Это формальное ранжирование, при равных гражданских и культурных правах населения и вопреки курсу на политику строительства мультикультурного общества, стало уязвимым и впоследствии взрывоопасным идеологическим моментом.

Ретроспектива политического и экономического развития Югославии свидетельствует о том, что ее внутренней политике, базирующейся на принципах федерализма, были присущи колебания между централизмом и автономизмом. В послевоенные годы межреспубликанские противоречия еще не были заметны. В этот период Югославия представляла собой сильно централизованное государство, а «национальный» вопрос казался ее руководителям навсегда решенным. Но уже в пятидесятые годы под влиянием требования албанского населения возникла необходимость урегулирования статуса этнических меньшинств. Начались и споры между республиками по некоторым экономическим и политическим вопросам. Наметилась тенденция к пересмотру принципов югославского союза.

Конституция 1953 г. укрепила роль республик, а Конституция 1963 г. и особенно поправки к ней 1967–1971 г. пошли по пути еще большего поощрения регионализма (автономизма) в югославской политической системе. По Конституции 1963 г. произошло и повышение статуса Косово из области в край, что уравнивало ее положение в составе Сербии с Воеводиной. Теперь это был Социалистический автономный край Косово и Метохия, который с 1969 г. стал называться Косово. Забегая вперед, скажем, что по Конституции 1990 г. за ним вновь закрепилось название Косово и Метохия.

Почему это дополнение к названию, которое, по мнению непосвященного, может показаться мало значащим, оказалось тоже поводом для межэтнических раздоров? Албанцы не принимают название Метохия, а сербы видят в нем подтверждение своего исторического права на данную территорию, так как в нем отражается сербский период жизни края. В XIII–XV вв. большей частью земель в Метохии владели крупнейшие сербские монастыри Дечаны, Жича, Хиландар. В переводе с греческого *metox* означает «церковное владение». В многочисленных трактовках международного сообщества Метохии тоже не нашлось места. Весь мир знает этот край под единым именем Косово или в албанском варианте Косóва.

В географическом отношении Метохия занимает 35% территории края. Это равнинная местность, окруженная с севера, запада и юга цепью гор. Не защищена Метохия только с одной стороны – восточной, которая и связывает ее с Косовым полем.

Радикальная реформа федерации была проведена в результате принятия в 1974 г. новой Конституции СФРЮ. Главным ее последствием стало предоставление еще большей самостоятельности субъектам федерации. Вся полнота решений по важнейшим вопросам экономического, политического и социального характера была перенесена на республиканские и краевые органы власти при сохранении за федерацией лишь ограниченных компетенций. Свидетельством большой самостоятельности республик и автономных краев в общегосударственных масштабах стал принцип их паритетного представительства в высших органах власти федерации, парламенте (Скупщине) и Президиуме СФРЮ. Так, в состав одной из палат Скупщины СФРЮ – Союзного Вече входили по 30 делегатов от каждой республики и по 20 делегатов от каждого края. В состав другой палаты – Веча республик и краев входили по 12 делегатов от Скупщины каждой республики и по 8 делегатов от краев (ст. 291–292). Конституцию 1974 г. сербская элита на протяжении 20 лет рассматривала как жертву Сербии в пользу других республик. В преамбуле

конституции содержалось также важное положение о том, что право на самоопределение имеют нации Югославии. Этим правом не наделялись национальности, а также республики и тем более автономные края.

Автономные края Косово и Воеводина были практически уравнены в правах с остальными республиками, хотя и сохраняли прежний статус. Это решение, как показала жизнь, не оказалось безобидным и однозначно положительным. Оно вызвало непонимание и несогласие с разных сторон. В частности, сохранение статуса автономного края давало повод для развития местного сепаратизма. Лозунг «Косова – республика!», впервые прозвучавший в 1968 г., не был забыт после принятия Конституции 1974 г. и на десятилетия стал лаконичным требованием албанцев изменить их юридический статус.

Накануне распада Югославии сложности возникли не только на уровне республик, но и во взаимоотношениях Сербии и входивших в ее состав автономных краев. Особенно острый, а нередко даже драматичный характер противоречия приобрели между Сербией и автономным краем Косово. В последнее десятилетие существования СФРЮ конфликты носили открытый характер и являлись одним из факторов резкого обострения межэтнической обстановки в стране в целом.

В соответствии с Конституциями СФРЮ и Сербии 1974 г. автономные края получили права, во многом равные тем, которыми обладали республики, в том числе Сербия. Очевидно, этот факт также сыграл определенную роль в самой возможности такого развития событий, которое поощряло сепаратистские устремления. Сложившаяся на основе нечетких положений Конституции трактовка автономных краев как конституционных элементов федерации и в то же время составных частей республики Сербии объективно вызвала усиление стремления руководства этих краев к полной независимости от республики, фактическому приобретению краями равного статуса с республиками. Возникла парадоксальная ситуация, когда края могли наложить вето на принятие республиканских решений, но за республикой не признавалось аналогичного права в отношении краев. Именно это обстоятельство, неравноправное положение Сербии по сравнению с другими республиками в том смысле, что она фактически не была властна над всей своей территорией, привело к внесению поправок в Конституцию 1974 г., устанавливавших, вернее восстанавливавших определенную иерархичность в отношениях республика – автономный край. Это касалось полномочий власти в автономных краях, законодательства, судопроизводства, армии, милиции и т.д.

Много нареканий со стороны международного сообщества вызвала ликвидация суверенитета Косово и Воеводины Конституцией Югославии 1989 г. По Конституции Сербии, принятой в сентябре 1990 г., подчеркивалось положение автономных краев лишь как формы территориальной автономии. Ст. 6 этой Конституции гласила: «В республике существуют Автономный край Воеводина и Автономный край Косово и Метохия, как формы территориальной автономии». В ст. 4 того же документа было провозглашено, что «территория Республики – единая, неделимая и неотчуждаемая»²³.

Таким образом косовский узел в крайне острой форме затронул тему федерального устройства Югославии, поставив перед властями задачу, кото-

рая, к сожалению, оказалась неразрешимой. Ее не удалось разрешить путем консенсуса, и, вероятно, проблема Косово стала одним из множества факторов, приведших к распаду югославской федерации. Важно отметить, что в начале 90-х годов все четче проблема Косово стала выкристаллизовываться как исключительно сербская, а не как общегославская, руководство других республик, в первую очередь Словении и Хорватии, дистанцировалось от нее.

Постепенно республики все больше сосредоточивались на собственных интересах, отодвигая на задний план федеральные приоритеты. Националистический дискурс подпитывался этнической платформой югославского федерализма. Объективно раздроблению страны способствовала и существовавшая тогда система самоуправления в ее югославском варианте. Центробежные тенденции усилил вспыхнувший в начале 80-х годов экономический кризис. Экономика страны перестала функционировать как единый хозяйственный комплекс. Националистические настроения, распространившиеся все шире, сказались и на экономических отношениях, в частности бойкот товаров из конфликтующего региона был одним из аргументов в политической борьбе. Последней попыткой спасти федеративную Югославию была экономическая реформа 1990 г., направленная на расширение рыночных отношений при повышении эффективности регулирующей роли государства.

В 1991 г. СФРЮ распалась. 27 апреля 1992 г. на совместном заседании трех скупщин (парламентов) – СФРЮ, Сербии и Черногории было объявлено о преемственности СФРЮ в новом совместном государстве – Союзной Республики Югославии. Его конституция как минимум номинально гарантировала защиту прав меньшинств. С февраля 2003 г., отказавшись от названия Югославия, две республики реорганизовали страну в Государственное содружество Сербии и Черногории. Однако и это государство просуществовало не долго. В мае 2006 г. в Черногории состоялся референдум, в результате которого Сербия и Черногория продолжили свое существование как два самостоятельных государства. Косово официально тогда еще было в составе Сербии.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Все югославские конституции (1946, 1963 и 1974 гг.) гарантировали равноправие наций и национальностей, населявших Югославию, равноправие их языков и письменности. В ст. 247 Конституции 1974 г., в частности, подчеркивалось право национальностей свободно пользоваться своим языком и письменностью, развивать свою культуру и самобытность, учреждать организации. Ст. 154 этой же конституции, как бы суммируя по разным параметрам равенство граждан СФРЮ, гласила: «Граждане равны в правах и обязанностях, независимо от национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, образования или общественного положения. Все равны перед законом». В конституциях, различных государственных документах, выступлениях руководящих югославских деятелей неоднократно подчеркивались основопо-

лагающие принципы в области национальной политики – равенство всех наций и национальностей страны.

Право на развитие этнических культур предусматривало создание культурно-просветительных и художественных обществ и объединений или национальных секций при организованных на территориальной основе обществах для развития культурной самодеятельности на родном языке, работу профессиональных и народных театров, народных университетов, образовательных центров, издательскую деятельность, радио- и телевизионные передачи и т.д. Так, например, в 1988 г. на албанском языке была издана 351 книга, на венгерском – 116, на чешском и словацком – 74, на итальянском – 59, на румынском – 53, на турецком – 25, на русинском – 12, на болгарском – 7 книг. Кроме того, на этих языках печатались также газеты и журналы – в 1987 г., в частности, 94 газеты и 65 журналов – из них больше всего изданий было опубликовано на албанском (соответственно 35 и 14 названий) и венгерском языках (32 и 18 названий)²⁴.

К примеру, в 1986/87 учебном году в СФРЮ работали 1570 основных школ и 272 средних школы с преподаванием на языках народностей. Большинство таких учебных заведений составляли школы с албанским (1221 – основных и 165 – средних), а также с венгерским (152 основных и 66 средних), турецким (соответственно 62 и 13), румынским (31 и 7), болгарским (31 основная школа), итальянским (27 и 11), словацким языками (26 и 7). Кроме того, в ряде школ велось преподавание на чешском, русинском и украинском языках²⁵. В университетах функционировали специальные отделения, где обучение происходило на языках народностей. В 1970 г. был открыт университет в Косово с преподаванием на албанском и сербском языках. В 1978 г. создана Академия наук и искусств Косово.

Ошибочно все сложности жизни населения Косово объяснять чисто этническими противоречиями, искать их в «культурной несовместимости» и «столкновении цивилизаций». В определенной степени роль традиций, конечно, сказывалась на ситуации в регионе. Как рассказывали многие собеседники, в целом сербы и албанцы многие годы жили мирно, общаясь на уровне соседских, производственных и дружеских отношений. Межэтнические контакты в названных выше сферах жизни были достаточно тесными. Что же касается родственных связей, то картина была иной: существовала определенная дистанция между «своими» и «чужими». Албанцы практически никогда не вступали в браки с сербами. Правда, они вообще крайне редко создавали семьи с представителями не своего народа. Так, из ста браков, заключенных албанцами Косово в 1993 г., только два были этнически смешанные²⁶.

Для понимания сути происходящих в Косово событий важно отметить, что этот край был и остается одним из экономически и индустриально слабо развитых регионов бывшей Югославии, население которого ориентировано на традиционные формы хозяйства, замкнуто к внешнему миру и имеет чрезвычайно высокий уровень рождаемости. Если в начале XX в. плотность населения в крае была заметно ниже средней по стране, то сейчас Косово является наиболее густонаселенной территорией бывшей Югославии²⁷. Прирост населения по сравнению с югославскими и мировыми стандартами в Косово заметно выше, в 1984 г. он равнялся 25,2 на 1000 жителей в год. Если, напри-

мер, в 1961 г. в среднем жительница Югославии в возрасте 35–39 лет имела 2,7 ребенка, то у албанок было в среднем по 5,4 детей²⁸. Уже в 80-е годы более половины албанского населения Косово составляли молодые люди до 20 лет²⁹. Нельзя забывать и о том, что граница между Косово и Албанией была практически открытой вплоть до 80-х годов XX в.

Остро стояла проблема трудоустройства в крае. При этом Косово являлся единственным районом бывшей Югославии, где в абсолютном исчислении выросла численность лиц, занятых в сельском хозяйстве³⁰. Этот вид деятельности до сих пор преобладает в экономике региона. В силу данного обстоятельства земля здесь является особой ценностью. Цена земельных участков в Косово в период существования королевской, а затем и социалистической Югославии постоянно росла и в конце концов превысила их стоимость в других регионах страны. Пригодных для пользования наделов не хватало. Соответственно все чаще стали нарушаться традиционные правила землепользования, возрастало число вызванных этим конфликтов. Многие из них сопровождались кровной мстостью между албанскими кланами. В период с 1964–1970 г., например, только окружной суд в г. Приштина рассмотрел 320 дел, связанных с кровной мстостью. Исследователи отмечают, что большинство из них – следствие нерешенных столкновений из-за земли. Принудительная продажа и даже насильственный захват участков не были исключительными явлениями³¹.

Иногда такие столкновения имели этническое измерение: богатые и влиятельные албанские кланы принуждали сербских крестьян продавать землю. Местные власти также не могли избежать влияния мощных албанских кланов. Но все-таки я бы не стала чрезмерно этнизировать проблему и извлекать ее из контекста. В Сербии распространено мнение, что давление на сербов и как следствие массовое выселение сербов и черногорцев из Косово в 70–80-е годы XX в. – результат албанского «плана» очищения края от сербов. На самом деле, по нашему мнению, тогда все было гораздо прозаичнее и имело социально-экономическую и демографическую подоплеку.

Косово все-таки было бедным краем. Об этом, например, свидетельствует тот факт, что, по данным агентства ТАНЮГ, в октябре 1989 г. средняя заработная плата рабочих и служащих в Словении составила 154% по отношению к среднеюгославскому уровню, в Воеводине – 107,32, в Хорватии – 101,34, тогда как в Косово она достигла всего лишь 58,98%.³²

Правительство СФРЮ на протяжении многих лет проводило отчисления в бюджет этого края, чтобы обеспечить более высокий уровень жизни жителей Косово и выровнять социальное положение жителей всей страны. Специально для финансовой поддержки и экономического стимулирования южных районов государства в 1965 г. был создан Федеральный фонд по ускорению развития малоразвитых республик и Косово. Кстати, существование этого фонда вызывало резкое недовольство Словении и Хорватии, которые в значительной степени обосновывали свои движения за независимость нежеланием уменьшать свое богатство, помогая менее удачливым согражданам. Политика выравнивания экономического развития объективно тормозила и замедляла темпы роста экономически продвинутых регионов. Только 1,8 и 2,4% общественного продукта страны инвестировались в экономику Хорватии и Словении, тогда как в Косово инвестиции составляли 15,6%. Уже в

начале 50-х годов экономисты, в частности из Загребского института экономики, обратили внимание на эту проблему, которая в полиэтничном государстве вызывала не только экономические, но и политические осложнения. В данном случае экономические сложности также стали одним из факторов, породивших этнический конфликт.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

Современный кризис в Косово разразился не как следствие проблемы межэтнических отношений албанцев и косовских сербов. Выше уже отмечалось, что конфликт вспыхнул в марте 1981 г., когда косовские албанцы потребовали государственности, ограничивавшейся приданием краю Косово статуса республики. С этого начался серьезный политический кризис на уровне федерации – СФРЮ. Радикальные политические требования албанских демонстрантов только отчасти можно было приписать смелости ее участников. Для их выступлений благоприятный климат создала ситуация на международной и отечественной политической сцене. В 1980 г. умер лидер страны Йосип Броза Тито. После его ухода естественно было ожидать перераспределения сил между федеральными единицами, и Косово вступило в борьбу за власть наряду с другими претендентами. Кроме того, соседняя Албания побуждала к объединению в совместное государство. Эти факторы всколыхнули рост национального самосознания косовских албанцев.

Федеральные власти решили прекратить выступления албанцев репрессивными мерами и разогнали демонстрации. 1 апреля 1981 г. президиумы СФРЮ и СКЮ сообщили о кризисе в Косово и приняли для урегулирования ситуации «особые меры». По словам сербской исследовательницы Дианы Вукоманович, среди албанцев в начале 80-х годов XX в. еще не было единства по поводу выдвигаемых демонстрантами требований³³. Но уже в марте 1982 г. кризис стал приобретать характер межэтнического конфликта: новая волна массовых выступлений албанцев была направлена против их соседей – сербов и черногорцев.

Сербская общественность заговорила о «дискриминации косовских сербов». Фактический суверенитет Косово превратился в базис для мобилизации сербского популистского национального движения. В стране начались острые дискуссии по поводу разрешения ситуации в Косово. Событием, которое открыло новый этап в подходе к «национальному вопросу» в стране, стала публикация в сентябре 1986 г. Меморандума Сербской Академии наук и искусств. Это был весьма амбициозный коллективный труд, подготовленный комиссией из 16 человек и утвержденный Собранием Академии. Его авторы обращали внимание на необходимость выдвижения «сербской национальной программы» и отмечали, что Конституция 1974 г. *de facto* превратила Косово и Воеводину в республики в ущерб Сербии.

С другой стороны, для албанцев был значим именно юридический статус края. В октябре 1987 г. в Косово были введены «чрезвычайные меры безопасности», туда был направлен так называемый Объединенный отряд Союзного Секретариата внутренних дел (полиции), сформированный из 8 батальонов – по одному от каждой федеральной единицы. В дальнейшем все

активнее югославские политики, да и население, стали перестраиваться по этническому принципу. Шло быстрое сплочение граждан на этнической основе. Сербь объединялись за идею «единой Сербии», а албанцы – «независимого Косово».

Первые открытые столкновения между албанцами и сербамь произошли 30 января 1990 г. в д. Косовска Витина. На следующий день войска федеральной армии были впервые размещены в Косово. Весной этого же года Словения и Хорватия, а затем и Македония приняли решение о выводе своего контингента из состава Объединенного отряда полиции, присутствовавшего в крае почти три года. Секретариат внутренних дел Сербии взял на себя полномочия федерального министерства по обеспечению безопасности в этом регионе³⁴. Очевидно, что федеральным властям не удалось сформировать какую-либо действенную общегославскую платформу, способную разрешить кризис в Косово. Этническая напряженность в крае не была устранена, о позитивном межэтническом диалоге не было и речи.

Ликвидация суверенитета автономных краев, естественно, привела к усилению конфронтации между государственной властью и албанским национальным движением, их поляризации вплоть до взаимного непризнания и отсутствия диалога. 5 июля 1990 г. была приостановлена деятельность парламента и правительства автономного края Косово. Реакцией со стороны албанцев явилось принятие 7 июля 1990 г. албанской частью косовского парламента Декларации о независимости, а 7 сентября была утверждена Конституция Республики Косова. В конце сентября 1991 г. состоялся референдум о ее независимости³⁵. Эти действия албанцев были опротестованы правительством Югославии. Политика сербских властей и действия албанских активистов привели к новому ухудшению межэтнических отношений в крае, как на бытовом, так и на политическом уровнях.

Своеобразной формой протеста явилась самоизоляция албанцев из политической и общественной жизни страны. Они не участвовали в переписи населения, в выборах в государственные органы. По подсчетам экспертов, участие албанцев в парламентских выборах обеспечило бы им порядка 25 мест в парламенте, т. е. 10% голосов. Столь значительный депутатский блок, несомненно, изменил бы баланс сил в республиканском руководстве. Несмотря на оппозиционный настрой албанцев, находящиеся у власти Сербии политики призывали их не отказываться от участия в выборах. Это объяснялось тем, что факт наличия албанского электората означал бы признание ими легитимности конституционного устройства страны. Албанское движение являлось мощной политической силой, с которой не могли не считаться власти Сербии и СФРЮ в целом.

В мае 1992 г. албанцы Косово провели независимые президентские и парламентские выборы. В июне того же года избрание парламента было объявлено центральными властями незаконным, он был разогнан сербской милицией, а часть его делегатов (12 человек) арестована³⁶. Со своей стороны албанцы имели массу претензий к югославскому (сербскому) руководству и его национальной политике. Албанские лидеры утверждали, что отношения между Сербией и Косово решались силовыми методами, что сербский парламента принял целый ряд законов, дискриминирующих албанцев, таких, как Закон о трудовых отношениях в условиях чрезвычайного положения, Закон

об образовании в Косово, Закон о средствах массовой информации, Закон о создании общественных предприятий³⁷.

В результате этого противостояния на территории Косово стали функционировать две сепаратные подсистемы: экономические, политические, культурные и т.д. Официальная сербская власть была представлена административными структурами, албанцы же имели свой собственный парламент, правительство, экономический комитет, правоохранительные органы. Политическая жизнь албанцев была организована под руководством альтернативных оппозиционных партий, главную роль среди которых в этот период играла Демократическая Лига Косовы под председательством Ибрахи-ма Руговы. Именно он был избран президентом непризнанной республики. Он же стал инициатором новой стратегии косовских албанцев, применяемой с начала 90-х годов, – «мирного сопротивления» Ганди.

Важно отметить, что в тяжелые годы войны на постъюгославском пространстве сторонники И. Руговы пытались найти мирный путь к созданию независимой и самостоятельной республики. Тем не менее притязания албанских лидеров в Косово включали в данный период отделение региона от Сербии, либо полное, либо через автономию, предоставляющую краю независимость. Но вопреки ожиданиям, события в Косово оказались на периферии гражданских войн, полыхавших на территории экс-Югославии. Всем было не до них. Словения и Хорватия использовали фактор Косово для достижения собственных целей и занялись своей судьбой. Сербия столкнулась с очагами конфликта в других республиках, прежде всего в Хорватии и Боснии и Герцеговине, и старалась избежать эскалации ситуации на своей территории. Международные силы пока не определились в своем отношении к косовской проблеме.

ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ – ТОЖЕ ФОРМА ПРОТЕСТА. ЖИЗНЬ ВРОЗЬ

Сербы и албанцы старались свести контакты друг с другом к минимуму. Межэтнические противоречия коснулись многих сфер жизни населения Косово. Сказались они и на школьном образовании. Причем подливали масла в огонь обе стороны. Например, родители сербских детей в одном из косовских городов Дечаны потребовали обеспечения «этнически чистых классов» и настаивали, чтобы обучение шло в разных зданиях. Албанцы считали вопрос об образовании одним из способов проявления своей независимости. Они отказались от существовавшей в Сербии единой образовательной системы, хотя преподавание в Косово велось на албанском языке. Было введено так называемое «параллельное» обучение по особой программе.

Власти Сербии не признавали дипломы и аттестаты «параллельных» институтов и школ. Однако, несмотря на это, в Косово действовали 13 албанских институтов, дипломы которых к середине 90-х годов уже получило около 10 тыс. человек; школьным обучением были охвачены 339 тыс. детей, которым преподавали более 18 тыс. учителей в 480 школах. Эти школы сначала не имели приспособленных помещений (использовались частные дома,

культурные здания, гостиницы, подвалы и т. д.), для нормальной работы не хватало финансов. Тем не менее в 1994/95 учебном году в государственные школы Косово, по данным краевого комитета по образованию, не пошел ни один ученик албанской национальности. Лишь незначительное число детей из национально смешанных семей учились в официальных школах, но они избрали для себя сербоязычные классы³⁸.

Справедливости ради надо констатировать, что в 90-е годы предпринимались попытки налаживания сербско-албанского диалога. Проводились двусторонние встречи и встречи с участием посредников. Обсуждалась на этих переговорах и тема образования. Правительство СРЮ в сентябре 1992 г. приняло «Проект мер по решению проблем в области просвещения и культуры албанского меньшинства». Месяц спустя в Приштине состоялись переговоры по проблемам образования на албанском языке. 1 сентября 1996 г. между властями Сербии и Косово было подписано *Соглашение об образовании*. Стороны тогда констатировали, что необходимо добиваться нормализации образовательной системы в Косово для албанских детей и молодежи. Но, к сожалению, особых изменений в ситуации этот документ не принес.

В 90-е годы XX в. в Косово особенно активно стали возрастать замкнутость и гомогенность двух народов. Это проявлялось, в частности, в резком сокращении этнически смешанных населенных пунктов. В тот период из 1445 поселений 1154 были этнически однородными, в 195 из них также преобладала одна национальность. Таким образом, в 93,4% населенных пунктах края доминировала одна этническая группа. Количество поселений при этом оставалось прежним, менялся лишь их этнический состав. За период с 1961–1981 гг. число смешанных поселений сократилось почти в два раза, но ни в одном не были отмечены изменения в сторону увеличения сербских жителей. Увеличивалось число албанских поселений, либо «этнически чистых», либо с преобладанием албанцев. Если в 1961 г. албанские поселения в Косово составляли менее половины, то через двадцать лет их стало $\frac{2}{3}$ от общего числа населенных пунктов. Быстрый рост численности албанского населения при резком сокращении доли сербских жителей в Косово был вызван не только высоким уровнем рождаемости среди албанцев, но и отъездом сербов из этих краев. Данные начала 90-х годов свидетельствуют, что за последние сорок лет в 29 обследованных общинах сербы продали албанцам 2715 земельных владений, а албанцы сербам лишь 140³⁹. С 1961–1980 г. в центральную Сербию и другие районы из Косово выехали около 115 тыс. сербов и черногорцев, в последующее десятилетие край покинули еще 50 тыс. славян. В последующие годы ситуация также вынуждала сербов покидать места своего постоянного места жительства. В Косово долгие годы шел процесс «этнизации» территорий, характерный также для всех республик СФРЮ и постъюгославских государств.

После поражения жителей Сербской Краины в Хорватии во время постъюгославского конфликта в середине 1990-х годов и потока беженцев, хлынувшего в Сербию, балканский кризис получил новый поворот. По албанским источникам, около 3000 беженцев из горячих точек обосновались в Косово, тогда как ранее из общего числа мигрантов 1991–1992 гг. лишь 0,3% человек избрали своим местом жительства этот край⁴⁰. Косово в силу своей экономической отсталости и сложности межэтнических отношений менее

всего привлекало переселенцев. Однако, как и можно было предположить, белградское руководство предприняло попытку колонизации этого края сербами.

Миграционное движение в Косово уже давно является объектом политики. Руководство Сербии оценивало эмиграцию сербов из края как результат давления со стороны албанцев, тогда как переезд в Косово албанцев из Македонии и других регионов бывшей Югославии воспринимался как один из способов албанизации региона. В последние годы XX в. эти факторы послужили основанием для выработки официальных программ, способствовавших привлечению сюда сербов и черногорцев. В частности, при поддержке Верховного комиссариата ООН по беженцам и за счет собственных средств в Косово было осуществлено строительство жилья для беженцев. Преимущество при его покупке получили сербы и черногорцы⁴¹.

По правилам, действовавшим в Косово, представители этих двух народов могли без проблем приобрести жилплощадь у албанцев, тогда как албанцы в подобном случае должны были предъявить справку о трудоустройстве в Косово. Кроме того, сербам и черногорцам предоставлялись льготы при поступлении на работу. Вместе с тем нужно отметить, что, по неофициальным данным, за годы балканского конфликта от 350 тыс. до 500 тыс. албанцев покинули край и обосновались в странах Западной Европы⁴². Это, безусловно, могло бы способствовать сербизации края, но, учитывая высокий уровень рождаемости албанцев, все усилия по изменению этнической структуры края не могли иметь успех. Сербам, видимо, придется смириться с тем, что Косово стало албанской землей.

В тех политических условиях албанцам нелегко было продемонстрировать свою лояльность центру, тем не менее албанские лидеры в период войн в Хорватии и Боснии и Герцеговине пытались найти мирный путь решения проблемы, албанцы Косово в самые тяжелые годы постюгославского конфликта не предпринимали экстремистских действий.

ОБОСТРЕНИЕ КОНФЛИКТА

К сожалению, ситуация в Косово и Метохии вновь стала накаляться после прекращения военных действий в других горячих точках Балкан. Постдейтонский период характеризовался постепенной международной маргинализацией косовской проблемы. В начале 1996 г. достаточно лояльная позиция Демократической Лиги Косово и ее лидера И. Руговы все активнее подвергалась критике со стороны сограждан. Настроения того времени отражают слова лидера Социал-демократической партии Люлета Пуля-Бечири. Он отметил в одном из выступлений, что семилетнее пассивное сопротивление косовских албанцев сербским властям не принесло результатов, что международная общественность игнорировала вопрос Косово и поэтому недовольство в низах растет. По его словам, «появление вооруженного сопротивления естественный и ожидавшийся поворот событий, аналогичный всем другим освободительным движениям в мире»⁴³.

Начало политическим дебатам было положено Адемом Демачи, албанским писателем, который еще в 1960-е годы создал в Косово подпольную

организацию «Революционное движение албанского союза», ориентированную на Албанию. А. Демачи как диссидент провел 28 лет в тюрьме. Он в 1996 г. призвал к пересмотру политической тактики⁴⁴. Теперь уже статус республики в общем государстве не устраивал сторонников решительных действий. Их требования включали предоставление краю независимости, а впоследствии, может быть и объединение с Албанией. Позиции умеренных политиков слабели, укреплялись позиции экстремистов, стремительно росло количество радикальных формирований. Наметился политический разрыв между президиумом Республики Косова и исполнительными органами, дислоцированными за границей⁴⁵.

На политической сцене появилась новая организация – Армия освобождения Косова, которая стала вести борьбу силовыми методами. Есть данные о том, что АОК возникла в 1992 г. в ставшей независимой после распада Югославии Македонии, где довольно многочисленно албанское население. В ее руководство вошли главным образом албанцы – жители общины (муниципалитета) Тетово. Своей непосредственной задачей тогда они видели «вооруженное сопротивление» югославским полицейским подразделениям. Поддержку партизанским отрядам оказывали сельские жители, прежде всего молодежь. Впервые АОК дала о себе знать в апреле 1996 г. письменным сообщением о своем существовании в адрес ряда газет, в том числе «Немецкая волна» (Deutsche Welle) 20 июня. Согласно прессе АОК насчитывала тогда от 15 до 30 тыс. человек и имела тренировочные лагеря в крае и за рубежом⁴⁶. В тот момент ее главной целью являлось привлечение внимания мирового сообщества к проблеме Косова⁴⁷. В качестве переходной стадии к независимости предлагался уже тогда международный протекторат. Кстати, идея международного протектората еще раньше была высказана Демократической Лигой Косовы и ее лидером И. Руговой⁴⁸. Политическое крыло АОК в дальнейшем объединилось в партию «Революционное движение албанского союза» под руководством А. Демачи.

Другой силой, активизировавшейся в Косово, стали студенческие протесты. Мобилизация студентов «теневого» Университета Приштины сыграла важную роль в поощрении более активной стратегии в борьбе. Их акции в октябре 1997 г. снискали широкую поддержку у общественности и пошатнули ранее непререкаемый авторитет косовского лидера И. Руговы. С тех пор демонстрации в Косово вновь стали перманентным явлением, в частности, массовые выступления состоялись в конце февраля 1998 г.

Весной 1998 г. политический спектр Косово переживал небывалый подъем. Количество албанских политических партий достигло 48. Обстановка особенно накалилась в период подготовки состоявшихся 22 марта 1998 г. выборов президента и парламента (кусендит – алб., скупштина – серб.) Республики Косовы». Выборы показали, что Демократическая Лига Косовы все еще остается авторитетной политической силой в регионе. Именно сторонники этой партии выставили свои кандидатуры на выборы и получили большинство мест в парламенте, в котором в целом из 120 мест 110 заняли албанцы. Президентом вновь был избран И. Ругова. 16 июля 1998 г. состоялось первое заседание парламента Косово, официальным лидером которого стал Идриз Аети. Но его полномочия в крае признавались с трудом. Вершили волю косовских албанцев более радикально настроенные граждане.

По данным экспертов ОБСЕ на 1999 г. в АОК насчитывалось 14 отрядов, состоящих из боевиков, прошедших специальное обучение под руководством опытных инструкторов из разных стран мира⁴⁹. Во второй половине 90-х годов на всей территории Косово члены АОК постоянно давали о себе знать. Их деятельность достигла пика активности в 1998 г. Сербские власти направили в Косово специальные полицейские отряды (военного типа) с целью уничтожения опорных пунктов АОК. Круг насилия замкнулся. Количество жертв в вооруженных столкновениях уже исчислялось сотнями.

Статистика об интенсивности столкновений различна. Согласно одним источникам, с 1991 до середины 1998 г. в Косово произошли 543 столкновения, из которых большинство – 409 приходилось на пять месяцев последнего года⁵⁰. По данным сербского министерства внутренних дел, в период с 1 января по 31 декабря 1998 г. «албанские сепаратисты» совершили на территории Косово в общей сложности 1884 теракта⁵¹. Источники АОК сообщают, что «сербские силы» уничтожили более 450 албанских населенных пунктов. За этим последовала «гуманитарная катастрофа»: 1/5 албанского населения Косова стала беженцами⁵².

Вот лишь некоторые примеры непримиримой борьбы того времени. Согласно сообщениям прессы, 27 февраля 1998 г. два сербских полицейских были убиты албанцами в д. Ликосане около г. Глоговац. На следующий день силы безопасности Сербии провели рейд в 7 или 10 деревнях, пытаясь задержать членов АОК. Как сообщает сербская сторона, в результате акции погибли 16 албанцев, албанцы говорили о 30 убитых, лишились жизни также 6 сербских полицейских. 2 марта албанцы (от 30 тыс. до 100 тыс.) провели в центре г. Приштины демонстрацию протеста, которая была разогнана⁵³.

В Дренице в марте 1998 г. в результате перестрелок погибли около 100 человек⁵⁴. Сражение под Ораховцем в июле 1998 г. показало, что АОК готова к ведению долгой войны. Бой завязался в результате нападения отряда албанцев на пост милиции, затем перерос в полномасштабную войну. Одновременно тяжелые бои развернулись на югославо-албанской границе: со стороны Албании прорывалось подкрепление. Интенсивные перестрелки велись и во внутренних районах Косово. Так или иначе, АОК летом 1998 г. уже контролировала 30–40% территории края⁵⁵.

С конца апреля 1998 г. мирные жители стали покидать свои дома. По данным Верховного комиссара ООН по проблемам беженцев, границу Албании ежедневно пересекали около 200 жителей Косово, а общее число переселившихся туда к июню 1998 г. достигло 10–12 тыс. человек. Министерство внутренних дел Черногории дало сведения о присутствии на ее территории в этот же период 5,2 тыс. беженцев, среди которых 1033 серба, 754 черногорца, 1929 албанцев, 799 мусульман и 438 лиц других национальностей. Беженцев из Косово приняла также и соседняя Македония⁵⁶. Все это свидетельствовало об эскалации напряженности и сложности обстановки в этом регионе.

Источники свидетельствовали и об ухудшении криминогенной ситуации в Косово. Так, по данным французского «Геополитического обозрения наркобизнеса» за 1998 г., АОК переправила в Европу через балканский коридор – Турцию, Болгарию, Македонию, Косово – героина на 2 млрд долл. Аналитики высказывали точку зрения, что проблема албанских беженцев имела не только гуманитарную подоплеку, но была вызвана также целями пополнения

албанской диаспоры за рубежом и укрепления наркосети для получения «налога» с албанцев за рубежом для АОК. Например, весной 1997 г. на слушаниях в парламенте Италии отмечались факты пополнения албанской сети под видом «беженцев» из Косово.

Последнее значительное столкновение между сербами и албанцами произошло 17 марта 2004 г. В результате мартовских кровавых событий погибли 8 сербов и 11 албанцев, около 1000 людей пострадали. Край едва удержался от войны⁵⁷. Массовые волнения начались 17 марта в г. Косовска Митровица, разделенном р. Ибар на албанскую и сербскую части. Поводом к беспорядкам послужила смерть в реке двух албанских детей (старшему из которых 12 лет), по неподтвержденным сообщениям албаноязычной прессы от 16 марта со слов оставшегося в живых ребенка и спасшейся от преследований группы сербской молодежи. Сотни возбужденных албанцев пытались прорваться на другой берег в сербскую часть города через мосты, охраняемые французскими солдатами из КФОР. (Силы для обеспечения стабильности в Косово). Их встретили слезоточивым газом. В ответ полетели камни, бутылки с зажигательными смесями.

Затем начались погромы в других населенных пунктах: Гниляне, Липлян, Печ, Приштина, Урошевац, Чаглавица и др. В с. Бело Поле рядом с г. Печ были сожжены 25 домов вернувшихся сербских беженцев. Та же участь постигла 650-летний монастырь св. Архангела близ г. Призрен и церковь св. Георгия в самом Призрене, а также храм в г. Обилич. В с. Чаглавица албанцы прорвали оцепление полиции ООН, подожгли десяток ооновских автомобилей и ранили военнослужащих НАТО, чей отряд численностью 350 человек срочно прибыл из Боснии.

В ответ на антисербские погромы в Косово начались антиалбанские выступления в Белграде и других сербских населенных пунктах: в Белграде протестующая толпа подожгла мечеть XVII в., в г. Ниш сгорела другая мечеть, а в г. Нови Сад было разгромлено здание местного отделения Исламского союза и заброшены камнями дома в районе компактного проживания мусульман. К границе с Косово был выдвинут сербский полицейский спецназ. Было закрыто и воздушное пространство Косово для полетов авиации. События марта 2004 г. вновь продемонстрировали призрачность усилий по стабилизации ситуации в крае, по созданию там полиэтничного общества.

КОНТАКТЫ С «ЭТНИЧЕСКИМИ БРАТЬЯМИ»

Территориальные и статусные споры по поводу южной провинции Сербии угрожали перерасти в масштабный территориальный конфликт. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что разыгрывали карту Косово не только внутренние, но и внешние силы. Обострение ситуации в Косово затрагивало стабильность всего Балканского региона. При этом особенно остро оно воспринималось на соседних с краем территориях, в первую очередь стимулируя активизацию действий населения и политиков в «албанских регионах» за рубежом. (Косово граничит с Албанией, Черногорией и Македонией, где велик процент албанского населения. Регион компактного

проживания албанцев на юге центральной Сербии – Прешевская долина. Албанское меньшинство значительно в Греции, Турции и др.)

Например, еще в августе и сентябре 1992 г. в Черногории, в то время республике СРЮ, состоялись заседания Демократического форума албанцев Черногории, который принял Меморандум Демократического форума, предусматривавший специальный статус албанцев Черногории, т.е. автономию. Тогда Меморандум был негативно воспринят властями Черногории. В августе 1994 г. на очередном заседании Демократического форума албанцев Черногории вновь был поднят вопрос о Меморандуме. Албанцы высказывали недовольство недостаточными возможностями для развития своей культуры, отсутствием албанского языка в административной жизни, даже считали себя дискриминируемыми в экономическом, культурном и информационном плане. Они подвергали критике целенаправленную политику властей по изменению этнической структуры населенных пунктов путем переселения сюда неалбанцев. В связи с этим албанцы Черногории еще раз заявили о своем желании получить автономию в составе этой республики и право на поддержание экономических, культурных, образовательных связей с Албанией и регионами бывшей Югославии, населенными албанцами. Как и в самом начале 90-х годов, политическая общественность Черногории в основном негативно относилась к стремлению албанцев получить административно-территориальную автономию, хотя и считала необходимым обеспечение духовных потребностей албанцев, обсуждала вопрос о создании кафедры албанского языка и литературы в Университете Черногории и т. д.⁵⁹

Весьма взрывоопасна ситуация в соседней Македонии. Здесь албанцы составляют более четверти населения, компактно проживая в западной части страны. Косовары традиционно поддерживают с ними тесные отношения. В 2000–2001 г. албанцы Македонии подняли мятеж, налицо был сепаратистский кризис. И в дальнейшем разные силы здесь высказывали желание сделать г. Тетово (центр албанского населения) южной столицей Косово. В Македонии фактически стала функционировать автономия албанцев, хотя формально ее не было. Радикальные силы участвовали в митингах за независимость Косово в Приштине, (в октябре 2007 г.), в Тетово также проводились многотысячные митинги. Проблема статуса Косово использовалась в политической борьбе партий этнических албанцев этой страны. Двумя политическими партиями, выражающими интересы албанского населения Македонии являются ДСИ – Демократический союз за интеграцию (BDI/ДУИ) и ДПА – Демократическая партия албанцев (PDS/ДПА)⁶⁰.

Политики из числа этнических албанцев Прешевской долины Сербии неоднократно делали заявления о связи будущего этого региона с урегулированием статуса Косово, выступая за объединение с ним, если край будет разделен. (С Сербию такой вариант не устраивает. Прешево для нее имеет стратегическое значение, поскольку здесь проходит ветка железной дороги, связывающая эту страну с югом Европы.)

Для понимания серьезности проблемы важно учесть специфику взаимоотношений Косово с Албанией. Следует обратить внимание на то, что на протяжении полувека после Второй мировой войны ситуация в Косово являлась мощным раздражителем для югославо-албанских отношений. Руководство Албании никогда не отказывалось от претензий по меньшей мере на

опеку над албанским населением Косово, не исключая и объединения при благоприятных обстоятельствах с этим краем. Безусловно, демократические процессы в Албании делали ее все более привлекательной для косоваров, и некоторые политические лидеры тяготели к объединению с Албанией. Как заявил корреспонденту газеты «Борба» в середине 90-х годов секретарь Социалистической партии Косово Б. Бечай, «приоритетный момент всех наших программ – как освободиться от оккупации сербского режима...»⁶¹.

В 70–80-х годах югославские власти пытались проводить политику своего рода «открытых дверей» между Косово и Албанией, полагая, что более высокий уровень жизни и материального развития Косово послужит гарантией против усиления проалбанских настроений среди албанского населения Косово. Дело дошло даже до того, что для работы в Приштинском университете привлекались преподаватели из Албании, использовались изданные там учебники. На практике, однако, это способствовало усилению разброда в умонастроениях, а невостребованность в СФРЮ большей части выпускников Приштинского университета (в основном гуманитарных специальностей) привела к усилению их безработицы и ощущению «ущербности», к ностальгическим взглядам в сторону «прародины». На фоне общегославского кризиса и распада СФРЮ, ужесточения курса правительства Сербии и в дальнейшем в период радикальной борьбы косоваров за независимость многие политики и наблюдатели в СРЮ и за рубежом, видя именно в Косово потенциальный очаг следующей вспышки конфликта, чреватого военными столкновениями, опасались вмешательства Албании.

В 90-е годы Албания была занята выработкой новой модели политической системы. Эти важные для страны процессы развивались на фоне этнополитического кризиса в Косово. Однако Албания проявляла осторожность, чтобы не оказаться вовлеченной в конфликт. Хотя единства по стратегии и тактике решения косовского вопроса в Тиране не было. Официальные власти высказали поддержку позиции международного сообщества по сохранению неизменными признанных границ. (Тем более, что не было необходимости прибегать к экстремистским мерам – функцию защиты косовских албанцев взяли на себя более сильные игроки.)

В то же время публично было заявлено (в частности, в марте 2006 г. министром иностранных дел Албании по телевидению) о том, что в случае разделения Косово по этническому признаку, не будет гарантии неизменности других границ в регионе. В ноябре 2006 г. парламент Албании принял резолюцию в поддержку независимости статуса Косово⁶². Некоторые политики Тираны призывали «занять более агрессивную позицию» по отношению к вопросу независимости Косово⁶³. В последующий период со стороны руководства страны делались заявления о том, что «Албания представляет собой фактор региональной стабильности и не собирается предпринимать ничего без согласования НАТО»⁶⁴. Важно учесть также, что косовский вопрос стал все более и более интернационализироваться. В частности, его использовали в качестве аргумента для решения других проблем и прежде всего при определении статуса сербов в Хорватии и в Боснии и Герцеговине. Как югославские лидеры, так и их оппоненты вынуждены были говорить о выработке одинаковых условий для всех республик и этнических групп, т. е. как для сербов за пределами Сербии, так и для албанцев в Сербии.

КОСОВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСРЕДНИКИ

Ситуация была далека от стабилизации. В проблему Косово все активнее стали вмешиваться международные посредники. В декабре 1997 г. Североатлантический совет выразил озабоченность усилившимся межэтническим противостоянием в Косово. Одним из первоначальных действий посредников стало включение вопроса о Косово в повестку дня Конференции Совета по применению мира в Боснии и Герцеговине (Бонн, декабрь 1997 г.). Это вызвало резко негативную реакцию Союзной Республики Югославии, которая считала ситуацию в Косово и Метохии своим внутренним делом, не относящимся к сфере полномочий сил, занимавшихся выполнением мирных соглашений о Боснии и Герцеговине. Аргументом югославской стороны являлся факт отсутствия в Дейтонских соглашениях какого-либо упоминания о косовских албанцах. Поскольку все-таки вопрос Косово был включен в заключительный документ Боннской конференции, делегации СРЮ и Республики Сербии покинули зал заседаний⁶⁵.

Однако в дальнейшем руководство СРЮ вынуждено было смириться с интернационализацией проблемы Косово. Положение в этом автономном крае стало предметом специальных обсуждений крупнейших членов западного альянса и Контактной группы, состоящей из высокопоставленных представителей шести стран – России, США, Франции, Германии, Великобритании и Италии (МКГ). В марте 1998 г. в Бонне даже был поставлен вопрос о повторном введении санкций против СРЮ. В конце апреля Контактная группа приняла решение об их установлении, отложив в дальнейшем их введение до 9 мая в случае отсутствия позитивных сдвигов.

Состоялось несколько заседаний Совета НАТО, в ходе которых рассматривались варианты военного решения кризиса. Как известно, Москва резко высказалась против силового подхода и взяла на себя роль посредника в переговорах с сербской стороной. Борис Ельцин и Слободан Милошевич встретились в Москве 16 июня 1998 г. После этого визита власти в Белграде пересмотрели свои позиции и стали активно работать над проектом широкой автономии для Косово. В крае с подачи России началась деятельность международной дипломатической наблюдательной миссии.

Надеждой на диалог между Белградом и Приштиной явилась состоявшаяся в середине мая встреча С. Милошевича и И. Руговы. Однако более радикально настроенные албанские силы обвинили И. Ругову в мягкотелости и отказались от переговоров. Приштинская делегация не явилась ни на одну из намечавшихся встреч. Летом 1998 г. радикальные лидеры Косово выдвинули новые требования: отменить законы, принятые после 1989 г., и признать независимость этой провинции. Как тогда считала Контактная группа, речь могла идти только об автономном статусе Косово в рамках Югославии. Германия и США выступили сторонниками подключения к диалогу АОК. Но это было неприемлемо как для С. Милошевича (по понятным причинам), так и для И. Руговы, который хотел представлять на переговорах все силы края, включая и АОК.

В июле 1998 г. на заседании МКГ в Бонне особое внимание было уделено плану министра иностранных дел ФРГ Клауса Кинкеля. Этот документ пред-

усматривал незамедлительное прекращение огня в качестве предварительного условия для начала диалога Белград – Приштина; осуществление принятых международным сообществом санкций против Югославии и резолюций Совета Безопасности ООН; выработку основных принципов автономии для Косово; учреждение масштабной миссии международных наблюдателей в регионе и разработку региональной программы по проблеме беженцев.

Контактная группа устраивала встречи и переговоры конфликтующих сторон сначала в Рамбуйе (6–23 февраля 1999 г.), затем в Париже (15–18 марта 1999 г.). На первой встрече делегациям было предложено подписать подготовленный посредниками заранее текст Временного соглашения о мире и самоуправлении в Косово. Сербская сторона отказалась подписать предложенный документ. Югославские власти высказались против размещения 28 тыс. солдат НАТО в Косово и вывода оттуда армии СРЮ. Не приветствовали они и правовые соглашения, которые в перспективе вели к независимости Косово. Потерпела фиаско также встреча в Париже, куда сербы привезли свой вариант соглашения о самоуправлении в Косово.

Обстановка в Косово стала поводом для нанесения ракетно-бомбовых ударов войсками НАТО (24 марта 1999 г.). 78 дней продолжались действия альянса, названные Операцией объединенных сил. По данным югославской стороны, в результате этой акции погибли более 1200 мирных жителей, в том числе 400 детей. Уничтожены около 90 памятников истории и архитектуры, более 300 зданий школ, вузов, библиотек, более 20 больниц и более 80 гражданских промышленных объектов. Верховный Комиссариат по делам беженцев приводит сведения о том, что начиная с марта по май 1999 г. из Косово бежал почти миллион (930 811) жителей⁶⁶. По данным ОБСЕ, к 8 апреля 1999 г. официально была зарегистрирована 621 тыс. беженцев из Косово.

О потерях сербской стороны свидетельствует, например, тот факт, что после бомбовых ударов НАТО 1999 г. только в течение первого года в Косово было разрушено 150 православных храмов⁶⁷. Есть и такие цифры. В крае уничтожено 127 тыс. албанских домов, большинство из которых на сегодняшний день не восстановлено⁶⁸. По неофициальным источникам, за годы Балканского конфликта от 350 тыс. до 500 тыс. албанцев покинули край и обосновались в странах западной Европы. По данным UNHCR, Косово покинули около 650 тыс. албанцев, из них 350 тыс. после вмешательства НАТО⁶⁹.

ЖИЗНЬ ПОД ПРОТЕКТОРАТОМ

10 июня 1999 г. была принята Резолюция Совета Безопасности ООН № 1244, которая, с одной стороны, была призвана гарантировать суверенитет и территориальную целостность СРЮ, с другой предписывала развертывание в Косово под эгидой ООН международных сил безопасности при существенном участии Организации Североатлантического договора KFOR. Политическая роль была доверена гражданским служащим UNMIK и другим неправительственным организациям под руководством ООН, Управления ООН по делам беженцев и Европейского союза. Косово было выведено из-под юрисдикции Республики Сербии.

Были объявлены «четыре принципа демократизации в Косово» – четыре долгосрочные цели международного протектората: гражданская администрация; гуманитарные вопросы; формирование институтов; реконструкция. Первоочередными мерами стали такие задачи, как ускоренное принятие конституционных рамок самоуправления Косово, введение постов президента и председателя правительства края, создание независимой судебной системы, а также проведение общекраевых выборов, причем в условиях, когда 300 тыс. неалбанских жителей покинули край. Сербия практически полностью утратила контроль над этой частью пока все-таки ее территории. Международная кризисная группа решила, что вопрос о статусе Косово будет решен позднее.

Армия освобождения Косово по условиям мирного соглашения должна была в течение 90 дней сдать крупнокалиберное оружие, но албанская сторона не выполнила этот пункт соглашения. Исключительно албанцы принимали участие в прошедших в октябре 2000 г. выборах в местные органы власти. Победивший на них Ибрахим Ругова – лидер Демократической Лиги Косовы – и другие албанские политические деятели открыто говорили о том, что уже считают себя независимыми. Значительная часть международного сообщества, пусть не формально, а фактически поддержала такую позицию. В качестве независимой стороны лидеры Косово участвовали в нескольких международных переговорах.

Независимость Косово стала делом времени. Вопрос заключался лишь в том, каковы будут условия его отделения. Для международного сообщества вопрос о статусе края был решен, необходимо было добиться согласия относительно шагов, которые приведут к реализации их решения. Дать ли что-нибудь Сербии в обмен за потерю территории или нет? Контактная группа размышляла, как сообщить сербам о независимости Косово, а албанцам – что им придется этого подождать. Сербов завлекали перспективой вступления в Евросоюз. Оттягиванием решения стал лозунг миротворцев «Стандарты перед статусом». Под стандартами прежде всего подразумевалось обеспечение прав меньшинств, т.е. неалбанского населения. В ожидании пряника в виде независимости албанцы вынуждены были поумерить свои страсти.

МКГ на протяжении нескольких лет предпринимала усилия, направленные на определение статуса Косово. Формально переговоры по этому поводу начались в октябре 2005 г., когда соответствующее решение принял Совет Безопасности ООН. С тех пор международные посредники согласовывали детали то с одной, то с другой стороной. 21–22 февраля 2006 г. в Вене состоялась первая прямая встреча представителей руководства Косово и Сербии под эгидой уполномоченного ООН – экс-президента Финляндии Марти Ахтисаари. Кардинальных решений от венских переговоров не ожидалось, поскольку в них даже не принимали участие первые лица сторон (в связи со смертью лидера косоваров – И. Руговы новым президентом Республики Косово стал 54-летний профессор права Фатмир Сейдиу). На том этапе вопрос статуса Косово не затрагивался. В Вене шла речь о его децентрализации. На повестке дня были темы, связанные с образованием, здравоохранением, культурой, социальной политикой, полицией, правосудием, госпредприятиями. Было решено продолжить переговоры в марте.

Правительство Сербии отстаивало формулу – «больше, чем автономия, но меньше, чем независимость». Представители косовских албанцев, в свою очередь, настаивали на полной независимости. В Европе на первом этапе была популярна тема «условной» независимости Косово. Лидеры ЕС пытались опробовать еще один вариант выхода из ситуации – заставить Сербию самой дать Косово независимость. Сторона-посредник в данном случае решила применить политическое и экономическое давление, чтобы в итоге получить желаемый результат.

В дальнейшем мало у кого в Сербии сохранились иллюзии относительно возможности сохранения Косово в составе своей страны. При этом в общественном мнении республики существовали три точки зрения по этому вопросу:

1) Косово – это сербская земля. Включение в Евросоюз не стоит такой жертвы, как ее потеря. Это мнение, например, огласил лидер Сербской православной церкви владыка Афанасий. Сходна позиция сербского писателя Добрицы Чосича, экс-президента Югославии.

2) Другая крайняя точка зрения принадлежала партии «Г-17 плюс» во главе с председателем Миролjubом Лабусом, который выступал за европейскую Сербию без Черногории и Косово. Будучи экономистом, он видел в них обузу для экономики Сербии. Лозунг «Сербия на первое место» стал главным для партии на выборах президента в декабре 2003 г.

3) Сторонники промежуточной точки зрения были согласны отдать Косово, но настаивали на его разделе, т.е. на присоединении к Сербии регионов, населенных сербами. В 2003 г. Сербия вновь подняла вопрос об изменении границ на Балканах. Заместитель председателя правительства Небойша Чович тогда сказал, что если «албанцы за независимость, то мы – за раздел Косово. Вновь вспомнили и о сербах в Боснии и Герцеговине. Если право на отделение признается за албанцами, то почему в этом отказывают сербам?»⁷⁰. Когда уже стало очевидным, что процесс получения независимости Косово необратим, среди сербов росло число сторонников разделения Косово по этническому принципу и сохранения за сербскими монастырями экстерриториальной юрисдикции (схожей со статусом св. Афона в Греции). Хотя сохраняли силу и сторонники национал-радикального подхода. Сербия настаивала на обеспечении прав косовских сербов.

Тема кантонизации Косово по этническому принципу дискутировалась международным сообществом до определенного периода. Ее противники напоминали о том, что развитие ситуации по такому сценарию может привести к дальнейшему перекраиванию границ в Западных Балканах. Не только албанская часть Косово имела бы перспективу присоединения к Албании, сербская – к Сербии, но также Македония, Босния и Герцеговина могли бы разделиться на этнической основе. Те, кто не видел в этом ничего страшного, или по крайней мере считали такое решение вопроса наименее болезненным, предлагали провести региональную конференцию, аналогичную Берлинскому конгрессу 1878 г., для обсуждения реформирования государственно-политического пространства Западных Балкан и решительного изменения существующих там международных границ (так называемый план Д. Оуэна).

В 2005 г. на встрече МКГ в Приштине была оглашена позиция мирового сообщества, заключающаяся в том, что Косово должно сохранить свои сегодняшние границы. Оно не может быть разделено и или присоединено к какому-либо государству в дальнейшем (имеется в виду Албания), не может объединиться с другими территориями, населенными албанцами. Четыре вопроса, по мнению миротворцев, должны были определять будущее Косово: договоренность о Косово, которое по решению МКГ должно представлять собой мультиэтническое общество; всестороннее сотрудничество с Международным трибуналом по вопросу военных преступников; вопрос о Государственном содружестве Сербия и Черногория и в целом добрососедские отношения на Балканах.

Контактная группа настаивала на диалоге Белграда и Приштины и особенно по вопросу о реформах в крае. За время присутствия администрации ООН и международных сил KFOR в Косово создавались основные предпосылки для независимого государства, во всяком случае полностью независимого от Сербии. Сворачивания суверенитета Косово ожидать не приходилось, даже если бы международные посредники избрали для статуса края некую компромиссную юридическую формулировку вместо независимости. Сербия, стараясь сохранить хоть в каком-то варианте Косово в своем составе, на самом деле на это почти не надеялась. Официальный Белград предлагал отложить решение вопроса о статусе Косово на 20 лет, а пока предоставить ему «больше, чем автономию, но меньше, чем независимость».

План независимости Косово был сформулирован в начале 2007 г. специальным представителем Генерального секретаря ООН Марти Ахтисаари по определению будущего Косово, бывшим президентом Финляндии и председателем Правления Кризисной группы. План представлен в виде двух документов. «Всеобъемлющее предложение по урегулированию статуса Косово» объемом в 60 страниц определяет принцип управления территорией, механизмы защиты меньшинств и международный надзор. В четырехстраничном «Докладе Специального посланника Генерального секретаря по определению будущего статуса Косово» приводится рекомендация, согласно которой «статус Косово должен представлять собой независимость под надзором международного сообщества»⁷¹. Сербская сторона отвергла этот план.

Косово провозгласило независимость 17 февраля 2008 г. Провозгласило после долгих лет борьбы за это при помощи значительной части международного сообщества. 15 июня вступила в силу Конституция Косово, закрепляющая независимость территории. Принят закон о создании сил безопасности – собственной армии. Но пока без посредников обойтись не удастся, да они, судя по всему, и не спешат уйти с Балкан. 28 февраля 2008 г., вскоре после важной даты провозглашения независимости, была создана Международная руководящая группа – «главная опора молодой республики». Свою задачу она видит в том, чтобы обеспечить стабильность Косово.

Однако запланированный переходный период оказался более сложным, чем предполагалось первоначально. Согласно плану Ахтисаари о предоставлении Косово независимости под надзором международных представителей, антикризисная миссия ЕС–EULEX, которая должна подготовить полицейских, таможенников и судей, вместе с Международным гражданским офисом, созданным для наблюдения и консультирования косовского прави-

тельства, должны были после завершения переходного периода в 120 дней сменить миссию ООН в Косово (UNMIK), заменить ее миссией Европейского союза. Пока миссия откладывается и сталкивается с различными проблемами. Сербия и Россия выступили против такого решения. Наместились расхождения и внутри Евросоюза по данному вопросу.

ПОЛИТИКА И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Государствообразующие процессы, как известно, всегда сопровождаются не только изменениями экономического, политического, социального характера, но имеют и этнокультурные последствия. Вот уже несколько десятилетий ситуация в Косово дает новые и очень мощные импульсы для развития особой идентичности жителей Косово. Но что является концептуальной основой для ее (их) конструирования? Насколько силен ресурс региональной и/или уже практически государственной (национальной) идентичности? Международные посредники сформулировали задачу – создать мультикультурное и мультиэтническое сообщество в новом независимом государстве. Powerful ли это задача на сегодняшний день?

Политики и сотрудничающие с ними интеллектуалы озабочены поиском технологий для создания гомогенного социокультурного и социополитического пространства, сценариев включения в него всего населения. Пока в Косово, как и повсюду в регионе Западных Балкан, во главу угла ставится этноконфессиональное начало. О надэтнической идентичности можно только мечтать (тем, кто о ней мечтает). Несомненно, каждая из двух основных этнических групп, как албанцы, так и сербы, имея за спинами «еще одну родину-мать», не могут не ощущать своей инакости, особой миссии своей «малой родины» на просторах Западных Балкан. Албанцы пребывают в эйфории. Сербы опечалены и в определенной степени растеряны. Настроения тех и других имеют разные измерения, в том числе и символические. Изобразительные средства, ландшафт, песни, танцы, герои, праздники, язык и многое другое становятся составляющими знаково-символических комплексов. Косовские албанцы в спешном порядке создают атрибуты независимого государства: гимн, флаг, герб, конструируют иные символы, мотивированные новыми тенденциями во внутривнутриполитическом развитии региона. Сербы подкрепляют идентичность, опираясь на осмысление собственного прошлого и опасаясь за последующую перспективу.

Особое внимание к народным традициям и символам, придание им гипертрофированного значения, создание новых символов и возрождение ушедших в прошлое обычаев. Этот процесс характерен в последние годы для обеих этнических групп Косово. По словам очевидцев, албанское население демонстрирует свои этнические символы публично и открыто. Бросается в глаза множество мечетей-новостроек, памятников погибшим бойцам Армии освобождения Косовы. На всех зданиях, домах, кладбищах вывешиваются албанские национальные флаги, ими же украшают машины в шумных свадебных процессиях. В магазинах можно купить предметы домашнего обихода (ковры, подушки, посуда) с албанскими национальными символами.

Граффити «УСК» (аббревиатура Армии освобождения Косово) видна на фасадах многих домов в этнически смешанных поселках.

«Этническое возрождение» активизировало интерес к языку. Язык видится носителем определенного смысла, а не просто средством коммуникации. Если в прошлые годы дискуссии в среде косовских идеологов разворачивались вокруг таких проблем, как право на самоопределение, получение статуса республики, обретение независимости, то теперь важной темой для полемики стало стремление некоторой части общества создать собственный косовский литературный язык⁷².

Сербы подчеркивают свою этноконфессиональную культурную принадлежность и историческую идентичность менее явно, но с таким же усердием: во всех домах заметно большое число икон; в публичных местах стены украшаются картинами с изображением сербских святителей и воинов (например, в ресторане «Цар Лазар» в с. Грнчар). По меткому наблюдению исследователя Сони Златанович, подчеркивание «этнического» обеими сторонами вплоть до абсурда хорошо показано в фильме Бориса Митича «Унмик Титаник»⁷³, снятом в Приштине, столице Косово, в новогоднюю ночь 2003 г. Даже праздничные воздушные шары в ту ночь были украшены албанскими этническими символами; на коленях у Деда Мороза дети машут албанскими флажками; повсюду продавали календари, футболки и эмблемы с портретами выдающихся бойцов и с военными значками. Оставшиеся в городе сербы, около ста человек, проживали «заключенными» в одном многоэтажном доме. На фоне разговора группы сербов по радио слышна песня: «Косово сербское, сербским и останется...» В новогоднюю ночь несколько юношей вышли на улицу перед домом и пели песню, в которой упоминается имя Дражи Михайловича, противоречивой фигуры сербской истории времен Второй мировой войны⁷⁴.

Хотя большинство албанцев и является мусульманами (в Косово проживают и около 70 тыс. албанцев-католиков), ислам, по мнению исследователя Г. Дейзингса, не сыграл значительную роль в их политической мобилизации, объединяющим началом в этом случае стал язык, а не конфессиональная принадлежность⁷⁵. У сербов же этническая и конфессиональная идентичности тесно взаимосвязаны. Одним из способов выражения идентичности для них стало, в частности, соблюдение православного канона. Многие косовские сербы строго соблюдают пост по православному календарю. Свадьба и крещение ребенка в церкви распространены повсеместно.

В соответствии со старыми традициями отмечаются христианские календарные праздники, такие, как Рождество и Пасха. Например, в сочельник во всех сербских домах анклавов из комнаты, в которой обедают, выносят столы и стулья, пол застилают соломой, на ней расставляют блюда и ужинают. В последующие два дня также обедают на соломе; после праздника солому разбрасывают по посевам, веря, что это должно принести богатый урожай. Во всех семьях празднуют день святого защитника семейства – «славу». На сельских праздниках (сельская «слава» – день святого защитника всего села) главную роль играет хозяин праздника при обязательном участии всех членов общины. Характерный для южных славян обряд, совершаемый в день св. Лазаря (Вербную субботу) девушками, которые называются *лазарки* (серб. *лазарице*) и другие ритуалы, проводимые всем селом с очевидной

функцией объединения, соблюдался в сербских анклавах даже и во время вооруженных столкновений 1999 г.⁷⁶

Надо сказать, что настоящий клад для себя могут найти здесь этнографы и любители «сельской экзотики», особенно в глухих местах. В сербских южных анклавах (например, в Сиренечкой жупе) дома старые. Одежда в стиле 20–30-х годов прошлого века. Сено возят на волах. Коней используют как гужевого транспорт⁷⁷.

Важным институтом, формирующим идентичность населения в будущем, является школьное образование. Поэтому ему в Косово многие годы уделялось особое внимание. Албанцы последовательно выступали за развитие своего языка и культуры, национальной самобытности, добивались получения прав «по наивысшим стандартам, предусмотренным ООН». По данным 2008 г. дети – сербы по национальности учатся в Косово по школьной программе Министерства просвещения и спорта Правительства Республики Сербии. Школы находятся в сербских анклавах и финансируются Правительством Сербии. Преподаватели во многих сербских школах не имеют соответствующей профессиональной квалификации. Если в прежние годы большая часть населения Косово была двуязычна, хорошо владела как сербским, так и албанским языком, сейчас ситуация кардинально изменилась. Молодежь, которая росла во время конфликта, не знает языка другой общины. Для сербов это становится проблемой, которая во многом осложняет их присутствие в органах власти и общественных службах.

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО СЕРБАМ В КОСОВО

По последним данным в Косово проживает 100–120 тыс. сербов. По оценкам, свыше 200 тыс. уехали в Сербию или другие страны. Сербы остались в селах трех северных областей Косово, пограничных с южной Сербией, а также в анклавах, разбросанных по этой земле. Город, где живет наиболее значительная часть сербского населения, – Косовска Митровица, поделен р. Ибар на северную – сербскую и южную – албанскую части. Они абсолютно не контактируют между собой. В 1998 г. в Митровице проживали около 68 тыс. человек, из них 48,5 тыс. составляли албанцы и 8,1 тыс. сербы. За последние годы цифры существенно изменились, так как в северную Митровицу переселилось много беженцев из южных анклавов.

В западных районах Косова (Метохия) есть три крупных сербских анклава: несколько сел к северо-востоку от г. Исток; с. Гораждовац; Велика Хоча и Горњи Ораховац. В восточном Косове (Южное Поморавле) тоже три крупных сербских анклава: Гнилане (8 сербских сел); Витина; Каменица и Нова Брда (одно из крупнейших рудных месторождений в средние века, когда-то число его жителей достигало 40 тыс. Сейчас эта община объединяет 22 села, где живет около 2,5 тыс. сербов).

В целом статистика впечатляюща. В столице Косово Приштине, по данным 2005 г., проживало 160 сербов, тогда как в 1999 г. их здесь было 40 тыс. В г. Призрен из бывших 12 тыс. на сегодняшний момент осталось 60 человек, 30 из них живут в своих домах, еще 30 – в казарме KFOR. Почти все они

пенсионеры. В Печи сербов нет уже с 1999 г., в Джаковице – с марта 2004 г. Из небольших городков Истока и Клины последние сербы бежали, кажется, в 1999 г. В Ораховце же из 6 тыс. сербов осталось 420 человек. Все они, жившие в самых разных районах города, еще в июне 1999 г. переселились к церкви Пресвятой Богородицы в северной части города. Благодаря тому, что им удалось поселиться компактно, они и смогли выжить. В общине Ораховац летом 1999 г. опустели в одночасье девять сербских сел. Всего же от сербов в Косово с 1998 г. было полностью очищено 430 сел и городов. Только за 1998 г., по официальной статистике, число албанских сел в Косово увеличилось с 703 до 793. Монастырь Грачаница принял после 17 марта 2004 г. больше 100 беженцев. И так далее, и так далее⁷⁸.

Самым активным сербским общественным и (в силу необходимости) политическим институтом в Косово сегодня является Православная Церковь. С ней вынуждены пока считаться албанские политики, не говоря уже об официальных представителях UNMIK и KFOR. Особенно важна ее роль в анклавах. Именно церковь является той сердцевиной, на влиянии и помощи которой держится почти все, чудом сохранившееся в них сербское население. Как пишет российский исследователь А. Белогорьев, опираясь на впечатления от поездки в Косово на рубеже 2004–2005 гг., «если в Метохии уничтожить монастыри Дечаны, Печку Патриаршию, св. Архангелы и Гориоч, я совершенно убежден, что все сербы уйдут оттуда в течение одного – двух лет. Независимо от степени личной веры или ее отсутствия. Среди мирского населения метохийских анклавов, кстати, верующих, по-настоящему верующих, очень мало»⁷⁹. В 1991 г. в Косове действовали всего 4 монастыря. Сейчас Рашко-Призренская епархия – самая большая епархия по числу монашествующих и одна из самых маленьких по числу верующих. Всего, по данным 2004 г., в ее 14 обителях подвизались 122 монаха и 49 монахинь. Полный список ныне действующих монастырей таков: мужские – Высоки Дечаны, Сопочани, св. Архангелы под Призреном, Баньска, Сочаница, Дубоки Поток, Зочиште, Джурджеви; женские – Печка Патриаршия, Грачаница, Девич, Гориоч, Соколица и Корчуль. Из них 5 находится в Метохии, 6 – в Косове и 3 – в Рашке⁸⁰.

По словам сербского этнолога Сони Златанович, которая проводила исследование в сербских анклавах Косово чуть позже, накануне провозглашения албанцами независимости края, местные сербы четко выделяют два периода в жизни Косово: «до 1999 г. и после установления протектората». Повседневная жизнь сербских жителей здесь очень трудна, она наполнена военными и послевоенными потрясениями. Кроме вопросов безопасности и передвижения, большую проблему для сербской общины представляет безработица. Население живет за счет натурального хозяйства. Учреждения образования и здравоохранения работают нестабильно, поскольку в Косово осталось лишь незначительное число сербских специалистов в данных областях⁸¹. Центральная тема любого разговора, как пишет исследовательница, – вопрос: остаться ли в Косово или уехать в Сербию: «Мы не можем ничего планировать, не знаем, что будет, останемся ли мы здесь или будем переезжать в Сербию». Свою дальнейшую жизнь ее собеседники продолжают видеть в Косово, однако все стараются обеспечить свое семейство недвижимостью в Сербии (приобрести хотя бы самый плохой кусок земли на окраине

какой-нибудь деревни). Семьи часто разделены, кто-то из членов семьи уже проживает в Сербии, другие остались в Косово. Более образованные слои населения (врачи, учителя) работают в Косово, а в выходные дни ездят в Сербию, поскольку там живут их семьи⁸².

Наиболее многочисленное и компактное поселение сербов сосредоточено на севере Косово. Здесь они долгое время ощущали себя под защитой Сербии, примыкая к ее южным рубежам и (когда-то административной) границе. Три муниципалитета к северу от реки Ибар (Зубин Поток, Звечан и Лепосавич), а также северная часть Косовска-Митровицы на протяжении десяти лет живут в самоизоляции от властей в Приштине. На севере функционируют сербские государственные институты, а инфраструктура связана с Сербией. Эти муниципалитеты в 2006 г. отказались от бюджетных ассигнований Приштины. С 2002 г. Миссия ООН по делам временной администрации в Косово контролирует здесь суды, таможенную полицию, пенитенциарные заведения и временную суб-муниципальную администрацию. Тактика, применяемая албанцами в прошлые годы, – самоизоляция и параллельные институты власти, повторяется в первое десятилетие XXI в. сербами в зеркальном отражении.

Летом 1999 г. KFOR отгородил северную часть г. Косовска Митровица и ее внутренние районы, чтобы создать зону безопасности для сербов ввиду угрозы их взятия под контроль Освободительной армии Косово избежать повторной этнической чистки, которая развертывалась в остальной части Косово. Однако уже в 2000 г. KFOR стал предпринимать меры, чтобы помешать сербам, устремившимся сюда из анклавов, ускорить обмен населением и перекомпоновать его по этническому принципу. Когда в конце 2002 г. под руководством Специального представителя Генерального секретаря ООН Михаэля Штайнера была создана временная администрация Миссии ООН для северной части г. Косовска Митровица, он обосновал целесообразность этого шага значительным изменением состава населения в пользу сербского большинства. Это расходилось с тактикой мирового сообщества на Балканах. По мнению многих экспертов, то, что произойдет здесь, будет иметь волнообразный эффект во всем Косово. Поэтому все-таки возобладал подход, согласно которому для сохранения единства Косово на население необходимо было оказывать нажим. Посредники опасались закрепления раздела по р. Ибар. В процессе деятельности своей миссии Кризисная группа разработала специальную программу создания полиэтнического города Косовска Митровица.

Политические деятели Белграда, напротив, рассматривали север и, в частности, г. Косовска Митровица, как линию, по которой нужно остановить дальнейшее продвижение албанцев. Сербское национальное вече, правящий орган сербов Косово, приобрело статус главенствующей политической силы северного Косово особенно после того, как в 2004 г. премьер-министром Сербии стал Воислав Коштуница. Демократическая партия Сербии, лидером которой он являлся, тогда обладала сильными позициями на севере Косово. Мэры трех его муниципалитетов – члены этой партии. Белград под его руководством проводил политику, по которой пытался включить три северные области в свои структуры. Он потратил, например, средства на создание отдельной инфраструктуры телефонных линий, водоснабжения и т.д.

Сербы опасались не столько боевых действий со стороны албанцев, сколько демографического притока в северные районы и вторжения значительных размеров албанского частного капитала, которые могут обернуться против сербского населения. Чтобы остановить переход недвижимости в руки албанцев, Центр координации по делам Косово сербского правительства финансировал несколько покупок зданий, выставленных на продажу сербами на границе с албанскими общинами в северной части г. Косовска Митровица. Кстати, цыгане тоже сопротивлялись поселению совместно с албанцами. Когда им было предложено восстановить цыганские кварталы в южной части Косовска Митровица, они вышли в апреле 2005 г. на демонстрации с лозунгами «Мы с нашими сербскими братьями».

У албанцев, в свою очередь, также существовал табу на продажу недвижимости на севере. В июле 2005 г. мэр южной части Косовска Митровица Спахиа заявил в интервью газете, что продажа может повредить процессу воссоединения⁸³.

Что касается албанцев, естественно, все главные партии поддерживали независимость Косово в пределах установленных границ. Но они не особенно горели желанием вкладывать деньги в г. Косовска Митровица, это было не только политической, но и психоэмоциональной проблемой. Они были не прочь поторговаться с сербами: отдать им северные районы в обмен на так называемое «восточное Косово», районы, населенные албанцами, но не входящие в его состав. Но МКГ и ЕС приняли решение исключить раздел Косово. Поэтому албанцам не было необходимости идти на уступки сербам. Как полагали миротворцы, Косовска Митровица станет скорее центром Косово, чем периферией. Правда, эта идея не прививается в Приштине. Она не очень соглашается и на то, чтобы в будущем перевести на север часть правительственных учреждений.

Северная часть г. Косовска Митровица имеет свою инфраструктуру, больницу и университет. Для университета (филологического и философского факультетов) были построены новые здания после того, как университетом в Приштине в 1999 г. завладели албанцы. Тогда большинство факультетов нашло пристанище в разных городах южного Косово, только технический факультет остался в северной части г. Косовска Митровица до тех пор, пока правительство Сербии не воссоединило почти все факультеты здесь. «Университет Приштины» (часть, расположенная в г. Косовска Митровица) был переименован в «Университет Косовска Митровица». Ставший к тому времени полностью албанским, университет Приштины не проявил никакого интереса к сотрудничеству, хотя в южной части г. Косовска Митровица расположено два его факультета. В 2003 г. университет отказал в приеме двум абитуриентам-сербкам из северной части города.

Начиная с 1999 г. в г. Косовска Митровица периодически возникали слухи о предстоящем албанском «решающем наступлении» в г. Косовска Митровица. После вспышки насилия в марте 2004 г. эти слухи стали усиливаться. В конце июня 2004 г. телеканал г. Косовска Митровица «Мост» сообщил, что албанцы готовятся к новому наступлению через реку. Аналогичные репортажи были не редкостью. Косовский албанец Адем Демачи, являющийся одним из старейших политиков в Косово, развеял новые опасения сербов своим заявлением, сделанным в июле 2005 г. и опубликованном в периоди-

ческом издании «Блиц». В нем говорилось, что если Белград и Миссия ООН «продолжат сдерживать политические устремления албанцев в интересах сербского меньшинства, то они столкнутся с насилием таких масштабов, перед которым события 17 марта 2004 г. просто померкнут»⁸⁴.

После провозглашения независимости Косово с протестами наиболее активно выступило именно сербское население в его северных районах. Оно подтвердило поддержку Сербского национального веча, политической организации косовских сербов. Акции недовольства развернулись 17 и 18 февраля 2008 г., когда в здание Миссии ООН в Косово были брошены гранаты и бутылки с зажигательной смесью. 19 февраля были сожжены пограничные пункты Брняк и Ярине. Приштина и ООН потеряли контроль над таможней на севере. Были также захвачены муниципальные суды в Лепосавиче и Зубин-Потоке. Вслед за этим состоялся пикет окружного суда в г. Косовска Митровица и его захват⁸⁵. Косовская полиция арестовала 53 серба, находившегося в здании. Последовали столкновения, в результате чего были ранены 100 человек, а один украинский полицейский погиб. В марте в Митровице и на севере Косово прокатилась целая серия массовых выступлений.

Сербы, проживающие на территории Косово в анклавах, не столь сплочены, как их собратья на севере. Связь между анклавами довольно слаба. Они вынуждены проявлять осторожность, их положение небезопасно. Согласно западным источникам, сербы на юге Косово даже готовы к сотрудничеству с правительством Косово. Хотя, впрочем, и эти сербы пытаются изменить судьбу. Косовские сербы в Грачанице и восточном регионе Гнилане/Гилан после провозглашения косоварами независимости настаивали на переподчинении сотрудников Косовской полицейской службы сербской национальности международным офицерам, как это было сделано в северном Косово. Сербы – муниципальные служащие увольнялись с работы целыми группами, особенно в восточных муниципалитетах. 73 сербских сотрудника оставили свои посты в муниципалитете Гнилане/Гилан, а еще 75 сербов организовали 17-дневную забастовку на своих рабочих местах в муниципалитете Каменица. Твердую линию проводит, например, епископ Артемий, настоятель монастыря в Грачанице⁸⁶. Сдаваться они пока не собираются.

Косовские сербы в ответ на провозглашение независимости объявили о создании органа, представляющего их интересы – собственного парламента. Он сформирован на севере Косово 28 июня 2008 г. по итогам выборов в органы местного самоуправления, которые состоялись 11 мая (КФОР объявила их незаконными). Большинство сербов уволилось из полиции Косовы и органов судебной власти. они укрепили собственно сербские структуры. Такие решения можно считать закономерным результатом политического развития региона. Ни власти Косово, ни международная миссия были не в состоянии быстро взять под свой контроль север Косово с центром в Митровице. Таким образом, Косово фактически оказалось разделено.

ПРЕЦЕДЕНТ ДЛЯ ПОЛИЭТНИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

Сразу после провозглашения независимости новую страну поддержали $\frac{2}{3}$ государств–членов ЕС, в первую очередь Франция, Германия, Великобритания, Италия, а также США. Однако более 50 государств (в частности, Испания, Румыния, Кипр, Греция, Словакия, Китай и Россия) колеблются или продолжают отказывать Косову в государственности. Прагматические причины этого очевидны. В каждой из них существуют области и этнические группы, которые теоретически могли бы последовать примеру Косово.

Всякая удачная попытка отделения территории получает определенный резонанс в других частях света. Достаточно вспомнить непризнанные республики на территории бывшего СССР – Абхазию, Нагорный Карабах, Южную Осетию, Приднестровье. А кроме того, еще и Тайвань, Сомалиленд, Турецкую республику северного Кипра и ряд других лишь частично признанных государств. Логично возникает вопрос: как быть с Палестиной, которой ООН еще 60 лет назад была обещана независимость. Число же сепаратистских или автономистских движений в мире вообще огромно. И больше всего их в Европе, не менее 25: от Албании до Германии, Бельгии, Испании и Португалии (движение басков в Испании, католиков в Северной Ирландии, бретонцев и корсиканцев во Франции и др.). На каждом из других континентов есть также по 20 с лишним претендентов на независимость.

Какой из конфликтующей сторон отдать предпочтение? Очевидно, что принятие решения по поводу косовской проблемы имеет далеко идущие последствия. Суть их в том, что в международном праве сосуществуют два противоречащих друг другу принципа. Первый – это принцип неделимости государства, второй – право наций на самоопределение. То есть с одной стороны, мировая общественность не желает дробления карты мира. С другой стороны, мотивируя свое решение нарушениями прав человека в Косово со стороны сербского руководства, настаивает на предоставлении краю независимости. Международное сообщество сформировало свою позицию по политическому вопросу, лежащему в основе югославского кризиса, – о праве субъектов федерации на провозглашение независимости. Запущен механизм тотального пересмотра принципов современного мироустройства.

Албанским лидерам Косово нет дела до сложных геополитических сценариев. У них свои частные задачи. Но более крупные игроки не могли не просчитать стратегических последствий принимаемых решений. В ходе дискуссий свои сторонники были у разных вариантов развития событий. Противники признания независимости Косово говорили, что после признания проблема автоматически перейдет в принципиально иную плоскость. Встанет вопрос о судьбе всех самопровозглашенных государств современного мира как таковых. Они отмечали, что это «негативный образец для подражания» другим этническим группам, имеющим сепаратистские намерения, поскольку опасались эффекта «снежного кома» в мировом масштабе. Правда, волна суверенитетов новых государств до сих пор не прокатилась. Для успеха провозглашения собственного государства всегда необходима помощь влиятельных сил. Не достаточно провозгласить независимость; нужно, что-

бы ее признало мировое сообщество. Случай с Косово со всей очевидностью доказывает это.

Силы, настаивающие на признании независимости Косово, нашли основания, чтобы проигнорировать спорность ситуации с точки зрения международного права. По мнению правительств США и некоторых государств ЕС, ситуация в Косово является уникальной и признание его независимости не должно быть прецедентным для иных самопровозглашенных образований. Обосновывая уникальность Косово, госсекретарь США (26 января 2005 – 26 января 2009 г.) Кондолиза Райс назвала следующие факторы: общий контекст распада Югославии, этнические чистки и преступления в отношении гражданского населения Косово и длительный период нахождения края под управлением администрации ООН. Аргументация сторонников этой позиции в основном сводится к констатации сложных исторических корней косовской проблемы и невозможности сербов и косовских албанцев ужиться в одном государстве.

Западные дипломаты называют Косово «уникальным случаем». При аргументации этого в основном дело сводится к констатации сложных исторических корней косовской проблемы и невозможности сербов и косовских албанцев ужиться в одном государстве. Условность подобных логических конструкций очевидна. Глубокие исторические корни имеют все этнические проблемы на Балканах – и боснийская, и македонская, и черногорская, и албанская. Если решать их сегодня путем обособления отдельных территорий, Балканы превратятся в лоскутное одеяло. Этно-гражданская война в Хорватии, Боснии и Герцеговине была весьма ожесточенной. Однако Запад не признал права на независимость ни за одним из самопровозглашенных образований на данной территории – ни за Хорватской республикой Герцег-Босна, ни за Западной Боснией (Цазинской Краиной), ни за Республикой Сербской, ни за Сербской Краиной. Страны, предлагающие Сербии поделиться территорией с Косово, отнюдь не проявляют готовности поделиться с кем-либо своими землями.

Официальная российская позиция отрицает уникальность ситуации в Косово и рассматривает ее как универсальную. Россия против двойных стандартов и не признала независимость новой страны. Вместе с тем подход мировых держав к косовской проблеме привел к тому, что Россия, со своей стороны, решила дать шанс непризнанным государствам постсоветского пространства.

Может ли форма решения национального вопроса на постъюгославском пространстве послужить моделью для других схожих ситуаций? Можно ли считать Косово исключением из правил, учитывая, что борьба за самоопределение на этнической основе вплоть до отделения не такой уж редкий случай в современном мире? Как быть, когда у каждой стороны в конфликте своя правда? Будет ли Косово мультикультурным и полиэтничным государством, как того хотят международные посредники? Время покажет.

Как бы то ни было, 15 ноября 2009 г. в Косове состоялись первые с момента объявления независимости края парламентские выборы. Победу на них одержала Демократическая партия Косова премьер-министра страны Хашима Тачи. Второе место досталось их оппонентам из Демократической лиги Косова под руководством президента страны Фатмира Сейдиу. Третьим

пришел Альянс за будущее Косова во главе с одним из основателей Армии освобождения Косово Рамушем Харадинаем⁸⁸.

Значительное количество косовских сербов, опираясь на рекомендации Белграда и не признавая легитимность выборов, не приняли участие в них. Но часть сербов, проживающих в анклавах, все-таки голосовала. Среди муниципалитетов, населенных сербами, самую большую активность проявили жители городка Штрпце на юге Косово. По оптимистичным данным косовских СМИ, явка составила там 30%⁸⁹.

Об укреплении позиций Косова в мировом сообществе свидетельствует тот факт, что в июне 2009 г. оно стало членом Международного валютного фонда и Всемирного банка. Не без помощи международных сил был принят целый ряд документов, формулирующих основные приоритеты в развитии Косова. В том числе утвержден Среднесрочный стратегический план на период 2009–2012 гг., выдвигающий задачу, с одной стороны, интеграции нового государства в европейские структуры, с другой – консолидации населения Косова⁹⁰.

Премьер Косово Хашим Тачи в своих выступлениях в начале 2010 г. назвал наступивший год «годом консолидации косовского государства». В декабре 2009 г. правительство Косово утвердило Стратегию по интеграции цыган и египтян на период 2009–2015 гг. Была создана Комиссия по выработке регламента, соответствующего мировым стандартам. Поставлены задачи в области образования детей на родных языках, как это гарантирует законодательство.

Наиболее сложной по известным причинам является перспектива интеграции сербского населения. Уже в течение двух лет Приштина пытается получить контроль над северной частью Косово. Совместно с так называемым Международным гражданским офисом косовские власти разработали «новую стратегию для Северного Косово», ставящую цель укрепления суверенитета и территориальной целостности Косово. Она включает, в частности, план ликвидации сербских органов самоуправления в Косовской Митровице⁹¹.

Массовый исход оставшихся сербов из Косово, которого многие ожидали, пока не произошел. Под влиянием международных посредников предпринимаются меры по сохранению здесь сербов. Создана специальная структура, занимающаяся этими вопросами, – мультиэтнический Офис по возвращению. По данным на апрель 2010 г. на рассмотрении там находились 370 заявлений. Всего же, по оценкам, с 2000 г. в Косово вернулись от 3 до 7 тыс. сербов. В частности, за 11 месяцев 2009 г. возвратились 1015 человек. Как один из примеров, СМИ Сербии приводят данные о том, что с марта 2010 г. около 45 сербских семей живут в двух палаточных лагерях в селах Жач и Драголевац в муниципалитете Исток (под охраной местной полиции). Они бежали из г. Исток, из г. Благача и нескольких соседних сел в 1999 г. Эти люди обратились в косовские органы власти с прошением о возвращении и ожидают новое жилье взамен разрушенного⁹².

Есть также переселенческие лагеря Цермин Луг, Остероде, Лепосавич. По другим источникам, в северную Метохию, в с. Грабац в районе Клины с 2002 г. также возвратились 46 сербов. Еще около 220 сербов вернулись в южную Метохию. Большая группа сербов вновь обосновалась в селах на

территории Шар-Планинского заповедника. Их переселение финансировала Норвегия (так называемый Совет помощи беженцам). В целом же темпы возвращения остаются достаточно низкими. Как пишут очевидцы, восстановив свои дома, сербы часто продают их албанцам и, получив деньги, уезжают из Косово.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в своих докладах в январе и апреле 2010 г. отметил, что обстановка в Косово в целом позитивна, хотя остается неустойчивой. По его словам, имеют место межэтнические инциденты. Он призвал Белград и Приштину ради регионального сотрудничества отложить споры о статусе и проявить гибкость по вопросу участия Косово в региональных и международных механизмах.

¹ Eriksen T.H. Ethnicity and nationalism. L., 2002. P. 99.

² Бэртон Д. Конфликт: теория человеческих потребностей. Л., 1990. С. 15.

³ Helsinki charter. Belgrade. 2005. № 79–80. P. 5.

⁴ Цит. по: Блиц. 1999. 24 дек. С. 9.

⁵ Nacionalni sastav stanovništva, domaćinstava i stanova 1981 godini // Statistički bilten. Beograd. 1982. № 1295. S. 8, 14, 16, 18.

⁶ Ислами Х. Демографска стварност Косова. У сукоб или дијалог: србско-албански односи и интеграција Балкана. Суботица, 1994. С. 30, 32.

⁷ Первый месяц Косово / Брифинг Крайсис Групп. 2008. № 47. 18 марта. С. 13, 16.

⁸ Шћепанић М. Егзодус Косовских Срба и Црногораца 1978–1988 // Косово – прошлост и садашњост. Београд, 1989. С. 19–46.

⁹ Helsinki Watch. 1992. October. P. 57.

¹⁰ Revision of the 1999 United Nations Consolidated Inter-Agency Appeal for the Southeastern Europe Humanitarian Operation, January–December 1999. UN. Geneva. July 1999; Советская Россия. 2005, 24 марта.

¹¹ Известия. 2006. 23 янв.

¹² Kosovo: kako videno, tako rečeno II: Izveštaj Misije OEBS-a na Kosovu, Stanje ljudskih prava: jun 1999 – oktobar 1999. godine. Beograd, 2004. S. 3.

¹³ Младеновић Р. Словенска лингвистичка припадност, конфесионална припадност и етнички трансфер у светлу скривених мањина на југозападу Косова и Метохије // Скривене мањине на Балкану. Балканолошки институт САНУ / Посебна издања. Београд, 2004. С. 245–258. Књ. 82. С. 242.

¹⁴ Младеновић Р. Оп cit. С. 42.

¹⁵ Об этом подробнее см.: Duijzings G. Religion and the Politics of Identity in Kosovo. L., 2000, или перевод на сербский: Religija i identitet na Kosovu. Beograd, 2005. S. 24.

¹⁶ Ibid. P. 11–12.

¹⁷ См., например: Hasluck F.W. Christianity and Islam under the sultans. Oxford, 1929.

¹⁸ Иванова Ю.В. Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы // Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. С. 164–194; Гротхузен К.-Д. Југоисточна Европа и истражување на Југоисточна Европа // Понови проучувања на Југоисточна Европа. Скопје, 1981. С. 63–78.

¹⁹ Иванова Ю.В. Указ. соч. С. 7.

²⁰ Duijzings G. Op. cit. P. 15–16.

²¹ Записка российского консула в Битоле // РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Отд. II. Д. 248. Л. 3; Hahn J. Op. cit. St. 18, 36; Записка дипломата А. Ростовского // АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1447. Л. 52–55. 1895 г. – Цит. по: Иванова Ю.В. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №128. М., 1999.

²² Златановић С. Жизнь под протекторатом // Наша повседневная жизнь: Антропологические исследования ученых России и Сербии / Отв. ред. М.Ю. Мартынова, Радайичич Д. М., 2008. С. 61.

²³ Устав Републике Србије. Београд, 1990. С. 4, 6.

²⁴ Statistički godišnjak Jugoslavije 1989. Beograd, 1989. S. 393–394.

- ²⁵ Ibid. S. 373.
- ²⁶ Подаци Савезног завода за статистику // Вечерње новости. Београд. 1995. 2 априла.
- ²⁷ Roux M. Les Albanais en Yougoslavie. Minorité nationale territoire et development. P., 1992. P. 149.
- ²⁸ *Кашуба М.С.* Конфликтная ситуация в Государственном содружестве Сербия и Черногория // Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006.
- ²⁹ Komunat e KSA të Kosovës më 198: Të dhëna statistikore. Priština, 1984. F.32.
- ³⁰ Roux M. Op. cit. P. 322.
- ³¹ См.: *Duijzings G.* Op. cit. P. 173, 271.
- ³² Из Савезног Завода за статистику // Политика. 1989, 16 дец.
- ³³ *Вукоманович Д.* Косовский кризис // Сербия о себе. М., 2005. С. 165.
- ³⁴ *Вукоманович Д.* Указ. соч. С. 168–169.
- ³⁵ Helsinki charter. Belgrade, 1998. № 7. P. 6.
- ³⁶ Известия. 1992. 24 июня.
- ³⁷ Democratic Processes and Ethnic Relations in Yugoslavia. Belgrade, 1995. P. 10.
- ³⁸ Новости. 1994. 4 септембар; Политика. 1994. 4 септембар.
- ³⁹ *Крстић В.* Између историјског и етничког права. Београд, 1994.
- ⁴⁰ *Maliqi S.* The Least Desirable Place of Settlement // War Report. London. 1995. N 36. P. 16.
- ⁴¹ *Rexhepi I.* Where Yugoslav Refugees are Welcome // War Report. London, 1994. N 29. P. 10.
- ⁴² Idid.
- ⁴³ *Михайлович М.* Космет и албанский терроризм // Сербия в мире. 1997. Дек. С. 40.
- ⁴⁴ Цит. по: *Gorani D.* Albanien Political Debate // War Report. Apr. 1996. P. 13.
- ⁴⁵ *Strazzari F.* A Few Notes on Kosovo // MINELRES moderator – a forum for discussion on minorities in Central&Eastern Europe. <http://www.riga.lv/minerles/arhive.htm>.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ *Veselinov D.* Autonomy // War Report. London. 1995. N. 31. P. 33.
- ⁴⁸ *Ванин Г., Жилин А.* Итоги войны на Балканах ясны даже сегодня // Независимая газета. 1999, 10 апр.; цит. по: *Кашуба М.С.* Конфликтная ситуация в Государственном сообществе Сербия и Черногория // Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006.
- ⁴⁹ *Ванин Г., Жилин А.* Указ. соч.
- ⁵⁰ Eurobalkans. Winter 1998/1999. 1998. N 33.
- ⁵¹ Human Rights Watch. 5. 03. 1998. // MINERLES. hrwnyc@hrw.org
- ⁵² Eurobalkans. Winter 1998/1999. 1998. N 33.
- ⁵³ Helsinki charter. Belgrade, 1998. N 7. P. 6.
- ⁵⁴ Албанский терроризм в Косово и Метохии. Белград. 1998. С. 17.
- ⁵⁵ Helsinki charter. Belgrade, 1998. N 7. P. 30.
- ⁵⁶ *Мяло К.Г.* Россия и последние войны XX века (1989–2000): К истории падения сверхдержавы. М., 2002. С. 297–298.
- ⁵⁷ Helsinki charter. 2005. N 81–82. P. 12.
- ⁵⁸ Kosovo: kako videno, tako rečeno II... S. 3.
- ⁵⁹ Борба. 1994, 31 аугуста.
- ⁶⁰ Об этом см.: Доклад Крайсис Групп. 2007. № 188. 6 дек. С. 16.
- ⁶¹ Илустрована политика. Београд. 1991. 24 септембра. N 1716.
- ⁶² Albanian parliament passes Resolution on Kosovo. SEE Security Monitor. Albania. 2006. 21.11 // http://www.csees.net/?page=news_id=57390&country_id=1.
- ⁶³ Moisiu për politikën sjiptare dhe Kosovën // Албанская служба Би-би-си. 2007. 14.10. – http://www.bbc.co.uk/albanian/news/2007/10/0710104_moisiu.shtml
- ⁶⁴ Te bashkuar kunder kercenimit Serb // Lajm. 2007. 14.09. Цит. по: Доклад Крайсис Групп. 2007. 6 дек. N 188. С. 16.
- ⁶⁵ Новости. 1997. 11 децембра.
- ⁶⁶ Эхо Москвы. 1999. 23 мая.
- ⁶⁷ Время новостей. 2005. 23 марта.
- ⁶⁸ Helsinki charter. 2005. N 79–80. P. 5.
- ⁶⁹ См., напр.: *Рубинский Ю.* Политика западноевропейских держав в отношении косовского конфликта // Косово: Международные аспекты кризиса. М., 1999. С. 214.
- ⁷⁰ Helsinki charter. 2005. N 79–80. P. 7.

- ⁷¹ См.: www.unosek.org/unosek/en/statusproposal.html.
- ⁷² Об этом подробно ее см.: *Новик А.А.* Языкознание на косовский манер // *Родина*. 2008. № 6.
- ⁷³ www.dribblingpictures.com, 2004.
- ⁷⁴ *Златанович С.* Указ. соч. С. 68.
- ⁷⁵ *Duijzings G.* Op. cit. P. 10, 159.
- ⁷⁶ Об этом см.: *Златанович С.* Указ. соч. С. 65.
- ⁷⁷ *Белогорьев А.* Дама пик в крапленой балканской колоде // *Урал*. 2006. № 6. С. 36.
- ⁷⁸ Цит. по: *Белогорьев А.* Указ. соч. С. 20, 13, 14.
- ⁷⁹ Там же. С. 9.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ *Златанович С.* Указ. соч. С. 61.
- ⁸² Там же. С. 63–64.
- ⁸³ *Zegj*. 2005. 14.07.
- ⁸⁴ *Навести мосты в разделенной Косовска Митровице: Доклад / Крайсис Групп*. 2005. N 165. 13 сент.
- ⁸⁵ *Брифинг Крайсис Групп*. 2008. N 47. С. 14.
- ⁸⁶ Там же. С. 16, 17.
- ⁸⁷
- ⁸⁸ По материалам СМИ.
- ⁸⁸ *Kosovo under UNSCR 1244/99 2009 Progress Report. Enlargement Strategy and Main Challenges 2009–2010 / Commission of the European Communities Working Document*. Brussels. 2009. 14 oct.
- ⁸⁹ *Helsinki charter*. 2010. January–February. P. 35.
- ⁹⁰ По материалам СМИ.
- ⁹¹ *Политика*. 2010. 27 апреля.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В АБХАЗИИ И В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ: ПРИЧИНЫ, ДИНАМИКА, УРОКИ

«Безопасность – это слово, имеющее частное и общественное значение. В последние несколько лет в Кавказском регионе произошел коллапс безопасности в обеих сферах»¹. Со словами эксперта Фонда Карнеги Томаса де Ваала трудно не согласиться. И если дезинтеграция Советского Союза в целом проходила в форме «мирного развода», то понятия Кавказ и конфликты, Кавказ и беженцы оказались словно зарифмованными постсоветской историей.

Из семи вооруженных межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве, пять имели место на Большом Кавказе. Это – армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха, грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты, два конфликта внутри России – осетино-ингушский и российско-чеченский. Кавказский регион стал своеобразным поставщиком непризнанных республик постсоветского пространства. Три из четырех де-факто государств СНГ появились на Южном Кавказе (Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика). По справедливому замечанию российского политолога Дмитрия Тренина, эти образования за время своего существования «приобрели все атрибуты государственности – от конституций и кабинетов министров до полиции и вооруженных сил»².

В августе 2008 г. ситуация на Кавказе оказалась в фокусе международной политики. Данный тезис вовсе не является красивой метафорой. С признанием независимости Абхазии и Южной Осетии Россией был впервые после декабря 1991 г. создан прецедент пересмотра межреспубликанских границ, как межгосударственных³. После этого на территории бывшего СССР появились частично признанные государства, т.е. образования, которые не являются членами ООН, но в то же самое время признаются, как независимые государства некоторыми членами Организации Объединенных Наций. Следовательно, речь в данном случае идет не просто об отделении той или иной территории от государства, являющегося членом ООН. Де-факто такое отделение было совершено Абхазией в сентябре 1993 г., Южной Осетией в июне 1992 года. Начался процесс правового признания итогов осуществления сепаратистских проектов. Оговоримся сразу. Этот процесс может затянуться на долгие годы или вообще не получить импульсов к дальнейшему развитию⁴. Но как бы то ни было, а прецедент изменения границ бывшей союзной республики СССР создан. При этом сами конфликты, приведшие к данному результату, не разрешены. Новый статус Абхазии и Южной Осетии не признается большинством членов ООН, а некоторые из них рассматривают две эти территории, как части Грузии, «оккупированные Россией». Все это не может не создавать беспокойства со стороны мирового сообщества, так как неурегулированные конфликты создают предпосылки для возникновения новых очагов нестабильности⁵.

Таким образом, процесс этнического самоопределения, запущенный с распадом СССР, не закончился. До урегулирования этнополитических конфликтов на территории бывшего Советского Союза и признания новых границ легитимными его распад (как исторический процесс) невозможно будет считать окончательно завершенным. Между тем без завершения этого процесса невозможно говорить о состоявшейся государственности постсоветских стран, их реальной независимости и их переходе к демократии.

В этой связи адекватное понимание природы и особенностей этнополитических конфликтов постсоветского пространства представляется актуальной задачей в силу причин, как академического, так и прикладного характера. В настоящей статье мы планируем рассмотреть этнополитические конфликты в Абхазии и в Южной Осетии. Традиционно в литературе их определяют, как грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты. Однако на сегодняшний день данное определение (релевантное в 1990-х – первой половине 2000-х годов) не кажется нам полностью удовлетворительным, поскольку помимо формата внутригосударственного противостояния между центральной властью Грузии и сепаратистскими территориями/непризнанными республиками (Абхазия и Южная Осетия) данные противоборства имеют как минимум еще два измерения. Во-первых, это – межгосударственный конфликт Грузии и России, вылившийся в августе 2008 г. в открытое военное противостояние (так называемую «пятидневную войну»). На сегодняшний день эти два государства не имеют дипломатических отношений. Во-вторых, это серьезные внешнеполитические противоречия между США и их союзниками, с одной стороны, и РФ – с другой. «Пятидневная война» спровоцировала самый серьезный кризис в отношениях между Россией и Западом за все время после окончания холодной войны и распада Советского Союза. Никогда за период 1991–2008 гг. взаимная риторика не была столь отталкивающей и ожесточенной. И сегодня, несмотря на явное потепление отношений, кавказская геополитика остается той темой, которая противопоставляет Москву и Вашингтон. Если российское руководство официально рассматривает Абхазию и Южную Осетию, как новые независимые государства, то американский истеблишмент и лидеры европейских стран настаивают на соблюдении «территориальной целостности Грузии». При этом США и некоторые страны ЕС используют применительно к Абхазии и Южной Осетии такое определение, как «оккупированные территории». Так на сайте Белого дома в специальном комментарии, посвященном российско-американской «перезагрузке», говорится о том, что «администрация Обамы по-прежнему имеет серьезные разногласия с российским правительством по поводу Грузии. Мы продолжаем призывать Россию прекратить ее оккупацию грузинских территорий Абхазии и Южной Осетии»⁶. 29 июля 2011 г. Сенат США принял резолюцию в поддержку «территориальной целостности» Грузии, которая содержала требование к России прекратить оккупацию (при этом ее авторами выступили сенатор-республиканец Линдси Грэм и сенатор-демократ Джин Шахин). В 2010–2011 гг. ряд европейских стран (Литва, Румыния), Европарламент, Парламентская Ассамблея НАТО также признали факт российской «оккупации» территорий Грузии.

Этнополитическим конфликтам в Абхазии и в Южной Осетии посвящено немало монографий, статей, экспертно-аналитических докладов. Одна-

ко практически для всех и академических, и научно-прикладных трудов характерна определенная однобокость. Как правило, исследования на эту тему ограничиваются одним фокусом рассмотрения. Это либо этническое измерение и генезис конфликтов (но вне привязки к тенденциям мировой политики), либо процесс мирного урегулирования вне этнокультурного контекста, либо геополитическая конкуренция между Западом и Россией (зачастую без анализа внутривосточной динамики в Абхазии и в Южной Осетии). По мнению британского политолога Лоренса Броерса, ситуация в этих образованиях долгие годы рассматривалась на Западе всего лишь как следствие этнополитических конфликтов начала 1990-х годов. В результате непризнанные республики «редко рассматриваются Западом через призму понятий переходного периода и демократизации, которая применяется по отношению к государствам де-юре. Вместо того чтобы видеть в этих образованиях самостоятельную политическую среду, де-факто государства воспринимаются только в контексте их взаимодействия с внешними игроками и мирными процессами»⁷. Таким образом, комплексное междисциплинарное исследование грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов сегодня более чем востребовано.

В настоящей работе предполагается, во-первых, определить причины зарождения и основные этапы эволюции двух конфликтов; во-вторых, выявить общее и особенное в двух противостояниях, возникших на основе отличающихся друг от друга предпосылок и в непохожих этнокультурных контекстах; в-третьих, проанализировать динамику подходов отдельных государств и международных структур к двум конфликтам и непризнанным государствам; в-четвертых, показать особенности становления и развития непризнанной государственности в Абхазии и в Южной Осетии.

Наше исследование не ограничено жесткими хронологическими рамками. Мы рассматриваем здесь два этнополитических конфликта, возникших в период распада Советского Союза. Это вовсе не означает невнимания к более ранним историческим сюжетам. Однако они освещаются нами ограничено, т.е. лишь в контексте генезиса этнополитических конфликтов, давших рождение двум постсоветским непризнанным образованиям.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В АБХАЗИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Абхазия расположена в северо-западной части южного склона Главного Кавказского хребта и на юго-восточном побережье Черного моря. Ее площадь составляет 8,7 тыс. кв.км. Столица – г. Сухуми (Сухум). На северо-востоке Абхазия граничит с РФ (черноморское побережье Краснодарского края), на юго-западе – с Грузией (регион Самегрело). Относительно численности населения республики существуют серьезные разночтения. Согласно данным последней Всесоюзной переписи населения (1989), проведенной накануне распада СССР и грузино-абхазского вооруженного конфликта (1992–1993),

на территории Абхазской АССР проживало 525 061 человек (9,7% населения всей Грузинской ССР), из которых – 239 872 грузины (45,7% населения), 93 267 абхазы (17,8%), 76 541 армяне (14,6%), 74 913 русские (14,3%), 14 700 греки (2,8%). Однако необходима оговорка. Под грузинами мы понимаем принятое в государственной статистике общее обозначение картвельских этнических групп, т.е. собственно грузин, мегрелов и сванов. В советской переписи 1926 г. все эти три этнические группы учитывались отдельно (была зафиксирована 41 тыс. мегрелов, 19,9 тыс. грузин и 6,6 тыс. сванов). В последующих переписях было введено общее обозначение этнической принадлежности для картвельских этнических групп. В результате грузино-абхазского конфликта 1992—1993 гг. численность населения Абхазии сократилась почти втрое⁸. Согласно данным переписи населения (проведена с 21 по 28 февраля 2011 г.) население Абхазии составляет 240 705 человек. В республике проживают представители 91 этнической группы. Наиболее многочисленными являются абхазы – 122 069 человек (50,71%), русские – 22 077 (9,17%), армяне – 41 864 (17,39%), грузины – 43 166 человек (17,93%). 3201 человек (1,33%) записался, как мегрелы⁹. Впрочем, данные абхазских статистиков вызывают много вопросов. Как после вооруженного конфликта и миграций численность абхазов в республике по сравнению с 1989 годом могла увеличиться с 93 до 122 тыс.? По данным грузинских статистиков, численность населения сегодняшней Абхазии еще меньше. Она составила около 179 тыс. человек в 2003 г. и 178 тыс. в 2005 г.¹⁰.

Согласно Конституции Республики Абхазия (Апсны), это – «суверенное, демократическое правовое государство, исторически утвердившееся по праву народа на свободное самоопределение»¹¹.

По данным на май 2012 г. независимость Абхазии признана шестью государствами. 17 сентября 2008 г. Россия и Абхазия подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, предполагающий российское военно-политическое присутствие в республике.

С точки зрения грузинского законодательства Абхазия рассматривается, как «автономная республика» в составе Грузинского государства, ее неотъемлемая часть. Статья 1 (пункт 1) Основного закона Грузии подчеркивает, что «Грузия – независимое, единое и неделимое государство, что подтверждено референдумом, проведенным 31 марта 1991 г. на всей территории страны, включая Абхазскую АССР и бывшую Юго-Осетинскую автономную область, и Актом о восстановлении государственной независимости Грузии от 9 апреля 1991 г.». Статья 8 провозглашает абхазский язык государственным языком на территории Абхазии, а статья 5 устанавливает представительство от Абхазии в верхней палате грузинского парламента – Сенате «после создания на всей территории Грузии надлежащих условий и формирования органов местного самоуправления»¹².

В соответствии с Законом Грузии «Об оккупированных территориях» (статья 2) «Автономная Республика Абхазия» рассматриваются, как регион, подвергшийся «незаконной оккупации» со стороны РФ¹³. На сегодняшний день на территории Грузии действует правительство «Автономной Республики Абхазия», которое признается Тбилиси единственным легитимным органом власти¹⁴.

ИСТОКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

В современной литературе не существует единого мнения по вопросу об истоках этнополитического конфликта в Абхазии. По словам директора Исследовательских программ Фонда «Гражданская инициатива и человек будущего» Лейлы Тания, «неофициально распространена концепция, согласно которой противостояние абхазов и грузин не такое острое, как, скажем, армян и азербайджанцев, и «образ врага» возник только в ходе войны и после нее. К сожалению, столь поверхностный взгляд на историю и реалии грузино-абхазского конфликта укрепился и в ряде международных организаций... Идеализированная картина предвоенной стадии конфликта больше распространена среди абхазских и грузинских участников неофициального диалога, что лишь укрепляет поверхностный стереотип данного противостояния среди международных акторов»¹⁵.

Абхазы (самоназвание «апсуа») – этнос, близкий по языку к адыгским народам Северо-Западного Кавказа. К началу XIX столетия Абхазское княжество (с правящей династией Чачба/Шервашидзе) находилось под формальным протекторатом Османской империи. В 1810 году началось инкорпорирование Абхазского княжества в Российскую империю. До 1864 года оно пользовалось фактической автономией. Ликвидация этой автономии повлекла за собой массовое недовольство абхазского населения. В результате лыхненского восстания 1866 г. и событий русско-турецкой войны 1877–1878 гг. значительная часть этнических абхазов была выдвинута за пределы Российской империи. По некоторым оценкам количество покинувших Абхазию составляло 60% от числа тех, кто проживал на этой территории до середины 1860-х годов¹⁶. Практически синхронно с этими событиями на Кавказе было упразднено крепостное право, что дало возможность безземельным грузинским крестьянам переселяться на опустевшие соседние земли. В 1877 г. известный грузинский общественный деятель и педагог Яков Гогешвили (1840–1912) так описал этот процесс: «Переселение это, без всякого сомнения, не временное, а безвозвратное. Абхазия никогда больше не увидит своих сыновей». При этом он подчеркивал, что «теснота и недостаток земли в Мегрелии ... делают весьма желательным для многих мегрельцев переселение в Абхазию»¹⁷. При этом российская имперская администрация поощряла переселение в Абхазию представителей христианских народов (армян, греков, русских, эстонцев). В итоге этнодемографическая ситуация к началу XX столетия претерпела радикальные изменения.

В конце XIX – начале XX в. Сухумский округ (стал результатом преобразования Сухумского военного отдела в 1883 г.) входил в состав Кутаисской губернии, а затем подчинялся российской кавказской администрации в Тифлисе. В 1904–1917 гг. Гагра и прилегающие к ней районы были включены в состав Сочинского округа Черноморской губернии (самой маленькой по площади губернии Российской империи). После распада Российской империи и образования на ее территории новых независимых государств «абхазский вопрос» стал точкой столкновения интересов большевиков, Вооруженных сил Юга России (силы Белого движения генерала Антона Деникина) и Грузинской Демократической Республики. Летом 1918 г. Абхазия была включена в состав Грузинского государства. Это инкорпорирование Абха-

зии сопровождалось жесткими действиями по отношению к абхазскому национальному движению и рядовым абхазами со стороны центральных властей Грузии и вооруженных формирований (грузинская армия и Народная гвардия под командованием генерала Георгия Мазниева (Мазниашвили)). В марте 1919 года Народный Совет Абхазии, сформированный при решающем влиянии центральных грузинских властей, принял Акт о вхождении Абхазии в состав Грузии на правах автономии. Этот акт затем был утвержден Учредительным Собранием Грузии. Согласно Конституции Грузии 1921 г. (глава 11 «Автономное управление», статья 107) «неотделимым частям Грузинской республики – Абхазии (Сухумская область), мусульманской Грузии (Батумский край) и Закатале (Закаталская область) предоставлялось автономное правление в местных делах»¹⁸.

Жесткая политика меньшевистского правительства Грузии по отношению к этническим меньшинствам способствовала большевизации Абхазии. В марте 1921 г. была провозглашена Советская Социалистическая Республика Абхазия. В декабре того же года между советизированной к этому моменту Грузией (Грузинской Советской Социалистической Республикой) и Абхазской Советской Социалистической Республикой был заключен договор, по которому Абхазия вошла в состав Грузии. С этого времени Абхазия стала называться договорной республикой. В Конституции Грузинской Советской Социалистической республики, принятой на I съезде Советов Грузии в 1922 г., было сказано, что в ее составе на основе свободного самоопределения вошли: Аджарская Автономная Советская Социалистическая Республика, Юго-Осетинская автономная область и Абхазская Советская Социалистическая Республика. В Основном законе СССР (1924) говорится о том, что «автономные республики Аджария и Абхазия и автономные области Юго-Осетия, Нагорный Карабах и Нахичеванская – посылают в Совет Национальностей по одному представителю»¹⁹. В 1925 г. Третий Съезд советов Абхазии принял конституционный проект, предполагающий договорные отношения между Сухуми и Тбилиси. Этот документ Закавказским краевым комитетом партии большевиков был отклонен. Впоследствии лидеры абхазского национального движения назовут его «первой абхазской Конституцией». В период «перестройки» и распада СССР он станет важным инструментом в политико-правовой борьбе Абхазии за выход из состава Грузии²⁰.

В 1931 году была создана Абхазская АССР в составе Грузинской ССР. В период сталинского руководства грузинским республиканским руководством осуществлялась жесткая дискриминационная политика по отношению к абхазскому населению. В 1937–1938 гг. в основу абхазского алфавита была положена грузинская графика, в 1945–1946 гг. обучение в абхазских школах было переведено на грузинский язык, были заменены многие абхазские топонимы. «Политика репрессий в отношении абхазского языка и культуры, осуществлявшаяся совершенно конкретными лицами грузинской национальности (причем не только высшими чиновниками, но и рядовыми исполнителями), формировала обобщенный «образ врага» по отношению к самой массе грузинских переселенцев, обладавших к тому же социальными привилегиями», констатирует современный грузинский исследователь и общественный деятель Гия Нодия²¹. Процесс массового переселения сельского

населения из внутренних районов Грузии в Абхазскую АССР получил характер целенаправленной государственной политики после Постановления ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» (1939). В пояснительной записке относительно ситуации в Грузинской ССР особо подчеркивалось, что «переселение колхозников и единоличников в Абхазскую АССР производилось в целях использования большого количества свободных земель, которые не могут быть освоены местным населением ввиду недостаточности трудовых ресурсов»²².

Впоследствии дискриминационные меры по отношению к абхазскому населению были существенно смягчены, появились СМИ на абхазском языке, возродилось национальное образование. Так, в 1978 г. в ходе принятия Конституции Абхазской АССР было принято компромиссное решение: абхазский язык наряду с грузинским и русским стал государственным на территории автономии. Были также введены квоты на замещение вакантных должностей в партийном, советском и административно-хозяйственном аппарате. А на XI Пленуме ЦК Компартии Грузии (27 июня 1978 г.) тогдашний первый секретарь Эдуард Шеварднадзе высказался против «перегибов» грузинских коммунистов в «абхазском вопросе»²³. Но долгие годы политики этнической дискриминации принесла свои отрицательные плоды. Тем более, что, по мнению абхазских политиков и ученых, социально-экономический курс Грузинской ССР и в 1960–1980-е годы, продолживший массовое привлечение в Абхазскую АССР рабочей силы из Грузии, был нацелен на изменение этнодемографического баланса не в пользу абхазов. И если в 1959 г. на территории Абхазии проживал 158 221 грузин (абхазов – 61 193), то в 1970 г. – 199 955 грузин (абхазов – 77 276). В 1979 г. грузины составляли уже 43,9% населения автономии (213 322 человека)²⁴. При этом, как справедливо отмечают авторы доклада Международной кризисной группы «Абхазия сегодня», грузинская часть населения Абхазской ССР и грузинское общество в целом восприняли ряд «либеральных мер» брежневского руководства по отношению к абхазами, как «дискриминационные» по отношению к ним. Абхазы, будучи в автономии этническим меньшинством, занимали в ней около 67% административных позиций²⁵.

С самого момента создания автономной республики в составе Грузинской ССР абхазское население периодически пыталось поставить вопрос о пересмотре ее статуса. В 1931, 1957, 1967, 1977 гг. представителями абхазской национальной интеллигенции готовились обращения к руководству СССР с просьбами о выходе из состава Грузинской ССР и вхождении в состав РСФСР (или образования самостоятельной Абхазской ССР). Последним обращением такого рода, подготовленным до горбачевской «перестройки» и политической либерализации Советского Союза (окончившейся в финале его распадом), стало так называемое «Письмо 130» (декабрь 1977 г.), осужденное за «неправильные взгляды и клеветнические измышления» на бюро Абхазского обкома КПСС 22 февраля 1978 г.²⁶

АБХАЗИЯ: ОТ СОВЕТСКОЙ АВТОНОМИИ К НЕПРИЗНАННОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Таким образом, к началу «перестройки» грузинская и абхазская общины внутри Абхазии, а также грузинское общество в целом было основательно подготовлено к тому, чтобы использовать гласность и ослабление партийно-административного диктата для реализации националистических программ. «Абхазская проблема» без преувеличения стала главной «политической травмой» для постсоветской Грузии. Борьба грузинских национал-демократов за независимую Грузию на закате СССР совпала (и шла параллельно) со стремлением абхазов к этнополитическому самоопределению. События конца 1980-х – начала 1990-х годов рассматриваются в новейшей грузинской историографии и политологии как период национально-освободительной борьбы грузинского народа. Именно в этот период были выдвинуты лозунги, требования и программы, ставшие основой политического, правового, идеологического развития постсоветской Грузии. Выдвижение на первый план этнонационалистических лозунгов, а также апелляция к необходимости восстановления политико-правовой преемственности с Грузинской Демократической Республикой (1918–1921), государством, у которого были непростые и неоднозначные отношения с Абхазией, резко противопоставили грузинское и абхазское национальное движение конца 1980-х годов. Как следствие, с началом этнополитического самоопределения Грузии период «перестройки» обострился и «абхазский вопрос».

Эскалации напряженности способствовали и особенности «политической демографии» абхазского этноса внутри Грузии. В отличие от осетин, чей этнический ареал не был сконцентрирован в Южной Осетии (напротив, большая часть осетинского населения Грузинской ССР проживала за пределами Юго-Осетинской автономной области), абхазский ареал практически стопроцентно совпадал с территорией Абхазской АССР (на территории еще одной автономии – Аджарской проживали всего порядка 2 тыс. абхазов). При этом (также в отличие от Южной Осетии) в Абхазии «титulyный этнос» (абхазы) не составлял численного большинства. Подобное положение затрудняло для абхазского движения обоснование выхода из состава Грузии (даже в условиях сохранения единого союзного государства). У абхазского национального движения не было в руках такого мощного аргумента, как «воля большинства». Как следствие, основной его задачей становилось удержание «своей территории» и обеспечение внутри нее своего полного политического, социально-экономического и идеологического доминирования.

Однако в условиях, когда самая многочисленная община внутри Абхазии (грузины) выступала с позиций сохранения территориальной целостности Грузии в границах Грузинской ССР, для реализации программы удержания «своей территории» требовался союзник. И таким союзником стала Москва (сначала как центральная власть в СССР, а после его распада как Российское государство). К ней абхазские представители апеллировали на протяжении почти шести десятилетий. Однако новое обращение к Москве 18 марта 1989 г. (30-тысячный сход в с. Лыхны Гудаутского района, бывшей резиденции абхазских князей) с требованием вернуть «политический, экономический и культурный суверенитет» Абхазии, хотя и повторяло старые

лозунги о возвращении к «ленинским принципам национальной политики», радикально отличалось от всех предыдущих. Во-первых, обращение к Москве стало консенсусом между представителями партийной элиты абхазской национальности и интеллигенцией, еще недавно обвинявшейся в «клеветнических измышлениях» и «буржуазном национализме». Проявлением этого консенсуса стало и создание Народного форума «Айдгылара» (13 декабря 1988 г.), выступившего в роли вдохновителя лыхненской акции и обращения в Москву. Впервые националистический дискурс в публичном пространстве вытеснил все остальные резоны, стал объединяющим и мобилизующим фактором. Во-вторых, в условиях «гласности» массовая акция в Абхазии практически мгновенно оказалась в фокусе информационного внимания всей Грузии. Она ускорила кристаллизацию грузинского националистического движения, существенно упростив для него идеологические поиски, поскольку категория «врага» буквально сама упала в руки его лидеров. В течение буквально нескольких месяцев «коммунистическо-диссидентский дискурс» в Грузии был сломан²⁷. Именно тогда «абхазский сепаратизм» был в грузинском политическом и массовом сознании зарифмован с российскими происками (не делавшим серьезных различий между СССР и Россией в разных формах ее политического бытия). Трагические события 9 апреля 1989 г. в Тбилиси (разгон митинга на проспекте Руставели с использованием частей Закавказского военного округа) и грузино-абхазские столкновения в Сухуми и других районах Абхазской АССР в июле того же года кровью закрепили линии раздела между Грузией и Абхазией²⁸.

Попытки сохранить грузино-абхазское «единство» в рамках существовавших советских структур потерпели фиаско. Знаковым событием стал раскол Верховного Совета Абхазской АССР в 1990 г. на абхазскую и грузинскую фракцию. Абхазская часть Верховного Совета приняла 25 августа 1990 года «Декларацию о государственном суверенитете» и постановление «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии». Декларация и постановление, в свою очередь, были отменены грузинской частью Верховного Совета. На массовом же уровне политический раскол между абхазской и грузинской общиной Абхазии был закреплён двумя взаимоисключающими референдумами 1991 г. (17 марта о сохранении «обновленного СССР» и 31 марта 1991 г. о восстановлении государственной независимости Грузии). В ходе двух кампаний абхазы практически полностью поддержали «просоюзную линию» (они приняли участие в первом референдуме и бойкотировали второй). Грузины, проживавшие в Абхазии (как и их соплеменники на остальной территории Грузии) отказались принимать участие в голосовании по определению перспектив Советского Союза и поддержали референдум о восстановлении грузинской государственности. Проведение двух референдумов 1991 г. показало абхазским лидерам, что помимо такого союзника, как Москва, они могут рассчитывать и на поддержку представителей других этнических общин автономии (русских, армян, греков). Впрочем, в этом была не столько заслуга абхазов, сколько грузинских политиков, не сумевших найти союзников внутри Абхазии из-за приверженности радикальному этническому национализму (в котором присутствовали и антирусские, и антиармянские элементы). Это существенно укрепило абхазское национальное движение в его стремлении к выходу из состава Грузии, поскольку в данном

случае абхазы не оставались один на один с Тбилиси и самой многочисленной общиной Абхазской АССР – грузинской. Впоследствии представители русской и армянской общин Абхазии сыграли свою весомую роль в формировании непризнанной государственности²⁹.

В последние два года существования единого союзного государства (1989–1991) абхазское движение невозможно однозначно квалифицировать, как сепаратистское (хотя такая идентификация в Тбилиси делалась уже тогда). С одной стороны, Абхазская АССР наряду с другими автономными образованиями Советского Союза, участвовала в процессе «суверенизации». Но, с другой стороны, в 1989–1991 гг. сепаратистами по отношению к единому союзному государству выступали сами грузины, а абхазы противодействовали грузинскому национальному движению и защищали целостность СССР. Лидер абхазского движения, а начиная с 1990 г., председатель Верховного Совета Абхазской АССР Владислав Ардзинба (1945–2010) был членом депутатской группы «Союз», выступавшей против сецессии национально-государственных образований. Сохранение единства Советского Союза виделось в Сухуми как гарантия от этнополитического конфликта и как потенциальный шанс конвертировать лояльность Москве в другой более высокий статус Абхазии. В этой связи стоит обратить внимание на распространенный среди абхазских лидеров аргумент: голосование в пользу сохранения СССР давало им право на выход из состава независимой Грузии после распада союзного государства в декабре 1991 г.³⁰

При этом было бы неверно представлять абхазов горячими поборниками советского строя (о чем впоследствии будут говорить грузинские авторы и «симпатизирующие» политологи из числа российских и западных специалистов)³¹. Как справедливо отмечает политолог Ираклий Хинтба, голосование в пользу СССР «не было ценностным выбором абхазов». Это был «лишь тактический шаг, позволивший затем апеллировать к соответствующей процедуре самоопределения автономных республик, прописанной в Законе СССР “О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР”»³².

Впрочем, и на новой несветской основе, используя методы консociальной демократии (отказ от правления большинства в пользу этнического кво-тирования), разрешить грузино-абхазский кризис и предотвратить сецессию отделение Абхазии от Грузии не удалось. Летом 1991 г. грузинской и абхазской стороной был согласован проект избирательного закона, определявшего этнические квоты при выборах Верховного Совета Абхазии (28 мест было закреплено за абхазами, 26 – за грузинами, 11 – за представителями других этнических групп). Выборы по этой схеме были проведены в октябре и в декабре 1991 г. Впоследствии критики этой договоренности не раз называли данную систему апартеидной, дискриминационной, а Эдуард Шеварднадзе, набирая патриотические очки, попрекал своего предшественника Звиада Гамсахурдиа в попустительстве абхамам. Как бы то ни было, а компромисс 1991 г. усилил позиции абхазской стороны. Он подтверждал если не привилегированное положение, то особый статус, а также открывал более широкие административные возможности для влияния на ситуацию. Однако компромиссный вариант также потерпел неудачу, ибо этнополитический раскол с началом работы нового Верховного Совета был воспроизведен с новой си-

лой. Произошло это потому, что стороны не смогли найти в себе силы уйти от максималистских планок. По мнению Бруно Коппитерса, «обе стороны на практике оказались не готовы отказаться от мечты установить собственный исключительный контроль над территорией Абхазии»³³.

К старому межэтническому расколу на рубеже 1991/1992 г. добавились новые противоречия. После того как 6 января 1992 года первый президент Грузии Звиад Гамсахурдиа (1939–1993) был свергнут, а власть перешла к так называемому Военному Совету, а затем Госсовету (создан в марте того же года), грузинское общество разделилось. Линия взлома прошла между сторонниками избранного главы государства и новых властей (инициировавших возвращение в Тбилиси Эдуарда Шеварднадзе, бывшего партийного руководителя республики). Этот новый раскол, с одной стороны, играл на руку абхазскому национальному движению. Он открывал для него возможности для реализации новой повестки дня – сепаратистской, которая стала ведущей после прекращения существования Союза ССР в декабре 1991 г. С другой стороны, он превращал Абхазию в заложницу внутригрузинского противоборства. Объединение сторонников Гамсахурдиа (звиадистов) и сторонников Шеварднадзе, не имеющего легитимности, представлялось возможным посредством консолидации перед лицом общего врага – «абхазских сепаратистов». Неслучайно 24 июля 1992 г. 19 грузинских политических партий и движений Абхазии были объединены в «Совет национального единства Грузии», выступавший с требованиями сохранения территориальной целостности страны. А в августе 1992 г. уже Госсовет Грузии выпустил «Манифест великого примирения», обращенный к сторонникам свергнутого президента.

На фоне двух политических разломов в первой половине 1992 г. абхазские лидеры предприняли принципиально важные шаги на пути к формированию фундамента своей собственной государственности. Был в одностороннем порядке осуществлен перевод под юрисдикцию Абхазии воинских и милицеских частей, предприятий, достигнут административный и кадровый перевес абхазов (уволен министр внутренних дел Абхазии, этнический грузин Гиви Ломинадзе был заменен абхазом Александром Анквабом), создан полк внутренних войск Верховного Совета Абхазии. В ответ на создание этого полка, лидеры и активисты грузинской общины формируют свои военизированные формирования (создаются местные подразделения «Мхедриони»–«Всадники» и ряд других). Идеологически абхазским лидерам парадоксальным образом «подыгрывали» новые грузинские власти. По справедливому замечанию абхазского историка Тимура Ачугба, «радикальные взгляды о политическом статусе Абхазии усугубились после отмены Военным Советом Грузии 21 февраля 1992 г. всех законодательных актов советского периода начиная с 25 февраля 1921 г., в том числе Конституции Грузинской ССР 1978 г.». Вместо этого восстанавливался Основной закон 1921 г., содержащий пункт об «автономном правлении» для Абхазии «в местных делах», но не предполагающий особого политико-правового субъекта, каковым Абхазская АССР была по Конституции 1978 г. Как считает Ачугба, «данный акт грузинской политической элиты воспринимался, как фактическое упразднение государственности Абхазии»³⁴. В итоге 23 июля 1993 г. Верховный Совет Абхазии принял решение об отмене Конституции Абхазской АССР в составе Грузин-

ской ССР и замене ее конституционным проектом 1925 г. Данное решение подстегнуло Тбилиси к силовым действиям, и 14 августа 1992 г. войска Госсовета Грузии вошли на территорию Абхазии. Межэтническое противостояние переросло в вооруженный конфликт между Грузинским государством (и грузинской общиной на территории Абхазии), с одной стороны, и сепаратистской территорией, с другой.

ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ

Подробный анализ грузино-абхазского военного противостояния (1992–1993) не входит в число задач нашего исследования. Мы рассматриваем его лишь в контексте динамики этнополитического конфликта в Абхазии. Вооруженное противостояние грузин и абхазов получило различную трактовку. С точки зрения Грузии, это была борьба с криминальным сепаратистским режимом. По словам Эдуарда Шеварднадзе, ответственного за силовое решение абхазской проблемы, к лету 1992 г. в Абхазии сложился режим «этнодиктатуры меньшинства». Согласно принятой в абхазском национальном движении версии, в августе 1992 г. началась «Великая отечественная война абхазского народа»³⁵.

В ходе вооруженного противостояния абхазская элита решала несколько важных задач. Во-первых, сохранение территории – ядра для создания независимых от Грузии и неподконтрольных ей органов власти и военной инфраструктуры для их защиты. Во-вторых, поиск союзников внутри республики (среди других этнических общин) и вовне. В-третьих, попытки международной легитимации сецессии.

Грузинская власть пыталась с помощью быстрого подавления сепаратистского вызова решить проблему легитимности и консолидации расколотого общества на «патриотической основе». Однако помимо грузинского общества у Тбилиси был еще один адресат – непризнанная Южная Осетия. Незадолго до начала вооруженного противостояния в Абхазии Грузия с помощью России подписала соглашения о прекращении огня на территории упраздненной Юго-Осетинской автономной области. При этом задачу-максимум, принуждение лидеров осетинского движения к прекращению борьбы и принятию юрисдикции Грузинского государства Тбилиси, выполнить не удалось. Более того, по итогам достигнутых соглашений о прекращении огня Грузия уступала часть своего суверенитета над Южной Осетией в пользу Смешанной контрольной комиссии и объединенных миротворческих сил, которые состояли из российских, грузинских и осетинских военных. В этой связи успешная операция в Абхазии должна была стать «сигналом» и для другой «мятежной автономии». Она позволяла создать платформу для политического и психологического давления на лидеров югоосетинского национального движения.

Первоначально военный успех сопутствовал грузинской стороне. Была занята столица Абхазии – Сухуми. И хотя с лета 1992 по лето 1993 г. Тбилиси контролировал большую часть абхазской территории, включая и столичный город Сухуми, абхазским лидерам удалось превратить Гудауту в эффектив-

ный политический и военный центр мятежной республики³⁶. В 1992–1993 г. Абхазия не имела однозначной поддержки со стороны России, которая сама, будучи жертвой сепаратизма, не была готова защищать требования абхазской стороны. По мнению политолога Оксаны Антоненко, в то время политика РФ по отношению к Грузии и Абхазии была «многополюсной»³⁷. При этом российский военный истеблишмент рассматривал грузино-абхазский конфликт во многом персонифицировано и симпатизировал абхазской стороне из-за негативного отношения к грузинскому лидеру Эдуарду Шеварднадзе. С деятельностью Шеварднадзе на посту министра иностранных дел СССР российские военные связывали форсированный уход из Германии, сдачу политических позиций в Центральной и Восточной Европе и в конечном итоге распад Советского Союза.

В грузино-абхазский конфликт оказались вовлечены Конфедерация горских народов Кавказа (КГНК), а также вооруженные формирования этнонациональных движений народов Северного Кавказа. КГНК была образована 1–2 ноября 1991 г. на основе Ассамблеи горских народов (создана в августе 1989 г.). Во главе КГНК стояли Муса (Юрий) Шанибов и Юсуп Со-сламбеков (последний – один из главных действующих лиц «чеченской революции» 1991 г.). Идеология Ассамблеи, а затем КГНК претерпела эволюцию, аналогичную другим националистическим движениям на территории СССР. На первом этапе доминировали национально-культурные цели и задачи (возрождение традиций, религии и пр.), затем на первый план вышли требования повышения политического статуса того или иного этноса. КГНК призывала к возрождению единой Горской республики в составе Российской конфедерации. Затем КГНК стала декларировать сепаратистские принципы. КГНК обладала и собственными боевыми отрядами, получившими проверку в Южной Осетии.

Роль северокавказских добровольцев в военных действиях трудно переоценить. За 14 месяцев вооруженного конфликта через Абхазию прошло около 2,5 тыс. адыгских добровольцев. Начальником штаба, а затем министром обороны Абхазии во время военных действий (а потом и в мирное время – в 2005–2007 гг.) был кабардинец Султан Сосналиев. Именно кабардинский отряд во главе с Муаедом Шоровым взял штурмом здание Совмина Абхазии, где в годы конфликта располагалась прогрузинская администрация. Сепаратистов Абхазии поддержали и чеченские сепаратисты. 17 августа 1992 г. в Грозном прошла сессия парламента КГНК, на которой его делегаты выдвинули политический лозунг «Руки прочь от Абхазии!». В ходе грузино-абхазского вооруженного противостояния серьезную информационную «раскрутку» получил Шамиль Басаев. Через батальон Басаева во время его участия в боевых действиях в Абхазии прошли около пяти тысяч боевиков. Помимо внешней помощи на стороне абхазов в конфликте выступили представители других этнических общин республики. Абхазскую сторону поддержали представители русской общины. В составе абхазских вооруженных сил действовал армянский батальон имени маршала Баграмяна. Вместе с тем, небольшое количество армян воевали на стороне Грузии. Однако их силы были хуже структурированы и менее «раскручены» в информационном плане, чем батальон им. Баграмяна. Таким образом, и в военном отношении грузино-аб-

хазский конфликт был более мозаичен по сравнению с грузино-осетинским и армяно-азербайджанским³⁸.

Значительная вовлеченность представителей северокавказских движений в грузино-абхазский вооруженный конфликт подстегивало Москву к более активным действиям по прекращению противоборства. В сентябре 1992 г. при активном участии РФ была организована встреча руководителей Грузии, Абхазии и северокавказских субъектов РФ и создана комиссия по «восстановлению безопасности в регионе». Однако из-за отсутствия ясных и четких механизмов реализации миротворческих инициатив реальных результатов достичь не удалось. В октябре 1992 г. наступил перелом в военных действиях. Инициатива перешла в руки абхазской стороны. Была занята территория северо-западной Абхазии. Абхазские силы вышли на границу с Россией на р. Псоу. 27 июля 1993 г. при российском посредничестве конфликтующими сторонами в Сочи было подписано «Соглашение о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля над его соблюдением». По сути, реализация сочинского соглашения возвращала бы конфликтную ситуацию к лету 1992 г. Механизмов будущего государственного устройства Грузии и Абхазии сочинский документ не предлагал.

Абхазская сторона не была удовлетворена подобным результатом и предприняла в сентябре 1993 г. наступление на грузинские позиции. Грузинским вооруженным силам было нанесено поражение. Абхазское наступление совпало с мятежом сторонников свергнутого президента Гамсахурдиа в Западной Грузии (Мегрелии). Не имея надежного тыла в Мегрелии, грузинские вооруженные силы оказались не в состоянии эффективно сдерживать абхазский натиск. В результате абхазского наступления и фактически одностороннего нарушения Сочинского соглашения Грузия утратила контроль над Абхазией. Исключением был только небольшой участок в верховьях р. Кодори (ущелье Дал, или так называемая Абхазская Сванетия)³⁹. Эта ситуация сохранялась до августа 2008 г., когда Кодорское ущелье было занято абхазскими силами. Активное военное противоборство прекратилось осенью 1993 г., хотя отдельные столкновения в 1994 г. происходили в Гальском районе и Кодорском ущелье. В апреле 1994 г. было подписано Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта, а в мае того же года грузинский и абхазский лидеры обратились к Совету глав государств СНГ с просьбой о введении в зону конфликта миротворческих сил. В июле 1994 г. началась миротворческая операция российских сил на территории Абхазии. Предполагалось помимо российских воинских частей участие контингентов других стран СНГ. Однако в действительности только российские миротворческие силы до августа 2008 г. действовали в зоне конфликта под эгидой Совета глав государств СНГ. Миротворцы были размещены в «зоне безопасности» на 12-километровой территории по обе стороны реки Ингури, в Гальском районе Абхазии и Зугдидском районе Грузии.

В ходе военных действий абхазским лидерам не удалось решить задачу международной легитимации сепаратизма. Впрочем, и в 2012 г. Абхазии еще далеко до успешного решения этой проблемы. Территориальная целостность Грузии признается абсолютным большинством государств-членов ООН. Однако с того момента, как грузино-абхазский конфликт попал в фокус внимания Организации Объединенных Наций (это произошло уже в октябре

1992 г.), Абхазию стали рассматривать в качестве стороны конфликта. Впоследствии этот подход будет соблюден и при функционировании ооновской Миссии по наблюдению в Грузии (МООНГ)⁴⁰.

В ходе военных действий погибли 4 тыс. грузин (1 тыс. пропали без вести) и более 3 тыс. абхазов. Потери экономики Абхазии от конфликта составили 10,7 млрд долл. США. До середины 1990-х годов на территории республики осталось большое количество мин, унесшее жизни 700 человек. Около 250 тыс. грузин (почти половина довоенного населения) были вынуждены бежать из Абхазии, однако впоследствии некоторая их часть (порядка 40–50 тыс. человек) вернулась в Гальский район в восточной части республики (до войны был самым грузинонаселенным, в остальные районы массового возвращения беженцев не произошло)⁴¹.

МИРНЫЙ ПРОЦЕСС 1993–2004 годов: ПРОВАЛЫ И УСПЕХИ

К октябрю 1993 г. Грузия де-факто утратила свой суверенитет над большей частью бывшей Абхазской ССР. Московские соглашения о прекращении огня, подписанные при посредничестве России в мае 1994 г., также юридически отчуждали часть грузинского суверенитета над Абхазией в пользу миротворческих сил под эгидой СНГ. Однако завершение военного противостояния только закрывало одни задачи и ставило на повестку дня другие. При этом у сторон конфликта представления о политических перспективах были разными. Абхазским лидерам предстояло осуществить переход от «мятежной республики» и военно-политического менеджмента к нормальному (насколько это было возможно в условиях разрухи и блокады) гражданскому управлению. После победной эйфории им также было чрезвычайно важно установление элементарного порядка, недопущение тотальной криминализации и появления федерации полевых командиров. Стремясь к политической независимости от Грузии, лидеры Абхазии практически с первых же дней после окончания военных действий взялись за формирование правового каркаса государственности (Конституция, законодательство о гражданстве). В повестке дня стояла также гармонизация межэтнических отношений внутри республики, недопущение новых этнополитических кризисов. И последней (по порядку, но не по важности) задачей было ведение переговоров о будущем статусе Абхазии и развитие международных контактов.

У грузинской стороны были прямо противоположные представления. Не имея средств и ресурсов для скорого военного реванша, Тбилиси сделал акцент на том, чтобы попытаться на международном уровне закрепить «временный» статус Абхазии и признание ее частью единого Грузинского государства. Помимо этого грузинские власти намеревались оказывать экономическое давление на отделившуюся республику с тем, чтобы принудить ее к уступкам на переговорах.

Мирные усилия развивались по нескольким направлениям. Во-первых, в формате ООН. Первый раунд переговоров между конфликтующими сторонами под эгидой ООН прошел 28 ноября – 1 декабря 1993 г. (отсюда его

название – «женевский процесс», который не следует путать с начавшимися в октябре 2008 г. дискуссиями по стабильности и безопасности на Кавказе). По итогам первого раунда грузинскими и абхазскими представителями был подписан «Меморандум о понимании», в котором они договорились «не применять силу или угрозу силы друг против друга на период продолжающихся переговоров по достижению полномасштабного политического урегулирования конфликта».

Начиная с 1997 г. специальный представитель Генсека ООН, координирующий женевский процесс и работу МООНГ, открыл свой офис в Тбилиси. В 1994 г. была создана Группа друзей Генерального секретаря ООН по Грузии (включала изначально США, Германию, Великобританию, РФ, Францию). В 1997 г. начал свою работу Координационный Совет и три рабочие группы по неприменению насилия, возвращению временно перемещенных лиц и экономическим проблемам в рамках «женевского процесса». Последняя встреча Координационного Совета прошла в мае 2006 г. после почти пятилетнего перерыва. Этот перерыв был вызван обострением этнополитической ситуации в Кодорском ущелье осенью 2001 г. Однако после того как грузинские военные подразделения в нарушение Московских соглашений 1994 г. вошли в верхнюю часть Кодорского ущелья (демилитаризованную зону по условиям этого документа), Координационный Совет более не собирался.

В 2001 г. специальным представителем Генсека ООН немецким дипломатом Дитером Боденом был представлен мирный проект из восьми пунктов «Основные принципы распределения полномочий между Тбилиси и Сухуми» (известный также, как «план Бодена»). Этот документ получил поддержку Совета Безопасности ООН (резолюция № 1393 от 31 января 2002 г.). План исходил из принципа территориальной целостности Грузии. Так, пункт первый гласил: «Грузия – суверенное правовое государство. Границы Государства Грузия по состоянию 21 декабря 1991 г. не могут быть изменены иначе, чем в соответствии с Конституцией Государства Грузия». Пункт третий предполагал, что «разделение полномочий между Тбилиси и Сухуми определяется федеративным договором, который имеет силу Конституционного закона. Абхазия и государство Грузия добровольно соблюдают положения федеративного договора». По словам самого Дитера Бодена, данный документ «не предполагал каких-либо готовых решений для грузино-абхазского конфликта. Его цель заключалась, скорее, в приглашении двух сторон конфликта сесть за стол переговоров и договориться об условиях для мирного урегулирования. Тем не менее, документ предусматривал одно важное условие, изложенное в статье 2: “Абхазия – суверенное правовое образование в составе Грузии”. Ответственность за дальнейшие действия по реализации документа была четко возложена на грузинскую и абхазскую стороны с вовлечением ООН как модератора потенциальных переговоров и “Группы друзей Генсека ООН” для облегчения всего процесса.

Но в те дни ни абхазская, ни грузинская стороны оказались не готовыми использовать возможность, которая была у них в руках. Это было связано, во-первых, с отсутствием политической воли и нежеланием достигать компромиссы. Абхазская сторона была непреклонна в своем отказе от любого решения “в рамках государства Грузия”, грузины же были слишком уверены в себе, чтобы принять любой “суверенитет” Абхазии в рамках их государ-

ства, полагая, что время будет работать на них, в результате чего они добьются решения на более выгодных для них условиях»⁴². В итоге мирный план не был принят конфликтующими сторонами.

Во-вторых, Россия предпринимала самостоятельные попытки разрешения конфликта. Столкнувшись с чеченским сепаратистским вызовом, Москва первоначально поддерживала намерения Тбилиси по восстановлению территориальной целостности Грузии. В феврале 1994 г. РФ и Грузия подписали серию соглашений, которые предусматривали оказание помощи со стороны России в развитии грузинской армии, дислокацию российских пограничников и, что особенно важно, право России держать свои военные базы в Грузии. В 1994 г. Грузия присоединилась к Договору о коллективной безопасности (ДКБ, который был подписан 15 мая 1992 г.) и вступила в СНГ.

На сессии Верховного Совета Абхазии 26 ноября 1994 г. была принята новая Конституция республики, против чего выступила Москва. Личный представитель Президента РФ по урегулированию грузино-абхазского конфликта Борис Пастухов несколько раз связывался с лидером непризнанной республики Владиславом Ардзинбой и настаивал на том, чтобы отказаться от такого «опрометчивого решения»⁴³. После начала первой антисепаратистской кампании в Чечне Россия 19 декабря 1994 г. перекрыла границу с Абхазией по р. Псоу. В 1995–1997 гг. она также ввела морскую блокаду непризнанной республики и отключила телефонные линии, связывающие ее с внешним миром. При посредничестве Москвы 25 июля 1995 г. посол Грузии в РФ Важа Лордкипанидзе и генеральный прокурор Абхазии и личный представитель абхазского лидера Владислава Ардзинбы Анри Джергения подписали Протокол о грузино-абхазском урегулировании. Второй пункт данного документа предлагал следующую формулировку статусных вопросов: «Стороны заявляют о согласии жить в едином федеративном государстве в границах бывшей Грузинской ССР. Отношения между ними будут регулироваться конституционным законом»⁴⁴. Протокол был парафирован, но абхазская сторона практически сразу же отозвала свою подпись. 22 августа 1995 г. парламент Абхазии признал документ неприемлемым для независимого государства.

19 января 1996 г. Совет глав государств СНГ при решающей роли Грузии и России принял решение «О мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия», в котором было провозглашено прекращение торгово-экономических, транспортных, финансовых и иных операций с непризнанной республикой. После того как Тбилиси заявил о введении таможенного и пограничного контроля на абхазской территории, Москва заблокировала порт Сухуми для входа и выхода всех иностранных судов. В 1997 г. МИД России предложил для Абхазии формулу «общее государство» в границах бывшей Грузинской ССР. Она была прописана в проекте нового «Протокола о грузино-абхазском урегулировании». Благодаря интенсивной «челночной дипломатии» тогдашнего главы МИД РФ Евгения Примакова состоялась личная встреча между Эдуардом Шеварднадзе и Владиславом Ардзинбой. Однако в 1997 г. компромисс не был достигнут. Официальный Тбилиси отказался от соглашений на основе «общего государства».

Российские позиции претерпели существенную эволюцию начиная с 1998 г. Этому способствовали попытки грузинского руководства в одностороннем порядке без учета интересов РФ силой изменить сложившийся ста-

тус-кво и «разморозить конфликт». Такие попытки были предприняты в мае 1998 г. в Гальском районе. После поражения России в первой чеченской кампании изменилась позиция официального Тбилиси по отношению к руководству сепаратистской Ичкерии. Грузинские лидеры переоценили «слабость России», посчитав ее неудачу началом большого геополитического отступления с Кавказа. В августе 1997 г. состоялся визит лидера чеченских сепаратистов Аслана Масхадова в столицу Грузии, где его встречал Зураб Жвания, на тот момент председатель грузинского национального парламента. Вскоре после этого в Грузии стало действовать «Полномочное представительство Чеченской Республики Ичкерия».

В 1999 г. с вводом частей российской армии и внутренних войск на территорию Чечни Грузия открыла свои границы для чеченских беженцев. Около 7 тыс. человек обосновалось в Панкисском ущелье. Помимо беженцев в Панкиси нашли пристанище боевые группы чеченских сепаратистов и ряд влиятельных полевых командиров (Руслан Гелаев). С их помощью Тбилиси стремился добиться реванша в Абхазии⁴⁵. Так, 25 сентября 2001 г. чеченские боевики совместно с грузинскими формированиями (общей численностью в 450 человек) попытались захватить Гульрипшский район Абхазии (преодолев для этого 400 км пути по территории Грузии). К середине октября их наступление захлебнулось⁴⁶.

Вторым последствием переоценки российской «слабости» для Тбилиси стала интенсификация контактов с НАТО. В 1998 г. впервые после распада Советского Союза министром обороны Грузии стал человек с западным военным образованием Давид Тевзадзе⁴⁷. Одним из главных внешнеполитических лозунгов Эдуарда Шеварднадзе во время его президентской избирательной кампании 2000 г. стало обещание «постучаться в двери НАТО» в 2005 г.⁴⁸ В апреле 2002 г. США и Грузия подписали соглашение о программе военной помощи «Обучи и оснасти», в рамках которой началась подготовка 2 тыс. грузинских спецназовцев. Официальной целью соглашения была объявлена подготовка кадров для антитеррористической борьбы в Панкиси. Однако в Москве в этом увидели стремление к «интернационализации» конфликтного урегулирования, а также угрозы эксклюзивным российским интересам на Большом Кавказе.

Все эти факторы способствовали серьезной трансформации российской линии на абхазском направлении. Уже в 1999–2000 гг. Москва существенно ослабила режим санкций против Абхазии (но окончательно отменила их только в марте 2008 г.). Началась раздача российских паспортов заграничного образца для жителей Абхазии, что вызвало крайне негативную реакцию Тбилиси и было расценено, как «ползучая аннексия» грузинской территории. В начале 2000-х годов резко ухудшился и общий контекст российско-грузинских отношений. В декабре 2000 г. Россия ввела въездные визы для граждан Грузии (в марте 2001 г. завершился так называемый «адаптационный период» для перехода к новому принципу пересечения границы). Двусторонние отношения серьезно отравляла неконструктивная государственная риторика. Встреча президентов РФ и Грузии Владимира Путина и Эдуард Шеварднадзе в Сочи в марте 2003 г. была попыткой вернуться к конструктивному мирному процессу. По итогам сочинской встречи были подписаны Соглашения, предполагающие создание трех рабочих групп: по возвращению беженцев

(первоначально в Гальский район), восстановлению железнодорожной линии Сочи-Тбилиси через Абхазию и обновлению Ингури ГЭС. Однако последующее ухудшение российско-грузинских отношений начиная с 2004 г. сделало реализацию этих договоренностей невозможной.

Говоря о провалах мирного урегулирования, нельзя упускать из виду и тот факт, что начиная с 1993 г. Абхазия предприняла немало успешных шагов по укреплению и институционализации своей непризнанной государственности и самостоятельной политической идентичности. Ей удалось выдержать блокаду со стороны России и Грузии, принять пакет законов, определивший политико-правовые рамки функционирования органов власти и управления, правоохранных структур, органов безопасности и армии. В 1993 г. был принят «Закон о гражданстве» (в 1995 г. он изменялся и дополнялся, в 2005 г. принят новый законопроект), в 1994 г. Конституция республики, а в 1999 г. «Акт о государственной независимости Республики Абхазия». Статья 49 Основного закона Абхазии вводила эксклюзивное право занимать пост главы республики для этнического абхаза: «Президентом Республики Абхазия избирается лицо *абхазской национальности* (курсив наш. – С.М.), гражданин Республики Абхазия, не моложе 35 и не старше 65 лет, обладающий избирательным правом»⁴⁹.

Следовательно, в основу непризнанной государственности были заложены сильные элементы этнократии, которые впоследствии эволюционировали в сторону этнодемократии (модели, при которой демократические процедуры дополняются ограничениями по этническому принципу)⁵⁰. В Абхазии до «пятидневной войны» 2008 г. несколько раз выбирали президента (1994, 1999, 2004/05) и парламент (2002). И если в 1994 г. главу государства выбирал парламент, в 1999 г. избрание президента осуществлялось на безальтернативной основе, то в 2004/05 г. республика пережила по-настоящему конкурентные и непредсказуемые выборы, в ходе которых действующей власти не удалось решить поставленные задачи. В 2005 г. состоялся первый прецедент мирной смены высшей власти и передачи ее от одного лидера другому. В отличие от Абхазии в постсоветской Грузии президентская власть еще ни разу не передавалась конституционным и мирным путем.

Таким образом, за годы переговоров изначальные позиции грузинской (территориальная целостность Грузии и возвращение всех беженцев на всю территорию Абхазии) и абхазской стороны (независимость Абхазии с возвращением только тех, кто не участвовал в военных действиях против абхазских сил) не претерпели существенных изменений. Компромиссные политические формулы не были найдены. Конфликтующие стороны смогли наладить конструктивное партнерство только в процессе эксплуатации Ингури ГЭС. Этот крупнейший энергетический объект всего Кавказского региона был построен в 1977 г. 60% вырабатываемой электроэнергии идет в Грузию, 40% – в Абхазию.

«РАЗМОРОЗКА КОНФЛИКТА»: 2004–2008 ГОДЫ

Новые возможности для урегулирования конфликта возникли в 2003–2005 гг. В результате «революции роз» высший пост президента Грузии покинул Эдуард Шеварднадзе, который ассоциировался в Абхазии с военным противостоянием 1992–1993 гг., а также с попытками силового изменения статус-кво в 1998 и 2001 гг. К власти в Грузии пришли представители нового поколения политиков, которые не были отягощены грузом прошлых лет. В результате президентских выборов в Абхазии в 2004–2005 гг. победу одержал Сергей Багапш (1949–2011), имевший репутацию «умеренного политика». И хотя образ «голубя мира» имел мало отношения к действительности, этот лидер в отличие от Владислава Ардзинбы не воспринимался грузинским обществом, как политик, ответственный за эскалацию военного противостояния в начале 1990-х годов. Определенные надежды были и на позитивную роль России. В пользу этого свидетельствовал и тот конструктивный настрой, который Москва продемонстрировала во время политического кризиса в Аджарии зимой–весной 2004 г. Вооруженный конфликт в этой грузинской автономии был предотвращен в результате переговоров между Россией и Грузией. Российские власти пообещали не противодействовать восстановлению контроля Тбилиси над Аджарией, и в обмен на гарантии личной неприкосновенности вывезти из Батуми в Москву многолетнего аджарского руководителя Аслана Абашидзе⁵¹. В начале своей легислатуры президент Михаил Саакашвили неоднократно выражал публичное восхищение Владимиром Путиным, подчеркивал его роль в позитивных изменениях внутри России и заявлял о необходимости начать двусторонние отношения с «чистого листа».

Первые шаги новой грузинской власти на абхазском направлении поначалу давали надежду на выработку новых подходов к мирному процессу. Официальный Тбилиси предпринял несколько шагов по реформированию так называемых «органов власти Абхазии в изгнании». Правительство Абхазии «в изгнании» (а также Верховный Совет Абхазии, игравший роль «парламента в изгнании») действовало на территории Грузии начиная с 1995 г. Эти структуры долгие годы были ориентированы на внутригрузинскую аудиторию. Их эффективность была невысока, хотя бюрократический штат даже по постсоветским меркам был запредельно раздутым (все институты «Правительства в изгнании» насчитывали в первой половине 2000-х годов 5 тыс. человек)⁵²! При этом «Правительство Абхазии», состоящее из грузинских беженцев, было гораздо более неуступчивыми по отношению к непризнанной республике, чем официальный Тбилиси, вовлеченный в переговорный процесс с Сухуми.

С приходом к власти Саакашвили значительно сократил бюрократический аппарат «правительства». Был отправлен в отставку Тамаз Надарейшвили, которого в самой Абхазии начала 1990-х годов рассматривали как вождя «пятой колонны». Была прекращена работа «абхазских представителей» в парламенте Грузии, поскольку они получили свои мандаты еще в 1992 г., а после вооруженного противостояния их больше не подтверждали ни на одних выборах. Тбилиси свернул деятельность «гальских партизан» (форми-

рования «Лесные братья» и «Белый легион» в восточной части Абхазии). На пост личного представителя президента по урегулированию конфликта был выдвинут молодой и инициативный политик Ираклий Аласания.

Однако это обнадеживающе начало не стало необратимым процессом. Максимум того, что удалось добиться сторонам конфликта, – это согласовать текст Протокола о невозобновлении военных действий (декабрь 2005 г.). Позитивные действия Тбилиси практически сразу же перечеркивались безответственной политической риторикой грузинского руководства. Новый президент Грузии превратил восстановление территориальной целостности в идефикс своей внутренней и внешней политики. Именно в этом он видел залог преодоления наследия Эдуарда Шеварднадзе. Уже в мае 2004 г. новый грузинский президент заявил: «Мы вернем Абхазию в мой президентский срок»⁵³.

Большое влияние на динамику этнополитического конфликта оказывали и другие факторы. Тогда же в мае 2004 г. начался процесс разрушения сложившегося политико-правового, социально-экономического и военно-политического статус-кво в Южной Осетии (ситуация в этой непризнанной республике будет более детально рассмотрена в соответствующем разделе статьи). Впервые за 12 лет мирного урегулирования в этой непризнанной республике возобновились военные столкновения, вновь пролилась кровь. Надежды на то, что новое поколение грузинских политиков сможет выстроить иные мирные подходы к урегулированию затяжных конфликтов, быстро развеялись. Это не могло не затронуть весь ход мирного урегулирования в Абхазии, укрепляя и без того имевшееся недоверие сторон друг к другу.

Помимо обострения ситуации в Южной Осетии, непосредственно затрагивающей российский Северный Кавказ (принимая во внимания связи непризнанной республики и Северной Осетии, субъекта в составе РФ, а также не разрешенный до конца осетино-ингушский конфликт), грузинские власти актуализировали еще две темы. Первая – это форсированная североатлантическая интеграция в ущерб двусторонним отношениям с Россией. Вторая – перевооружение и модернизация вооруженных сил.

Самым последовательным лоббистом североатлантической интеграции для Грузии были США. В марте 2007 г. законопроект под названием «Акт 2007 г. о консолидации свободы в НАТО» («NATO Freedom Consolidation Act of 2007») был поддержан членами нижней палаты Конгресса простым большинством голосов. Ранее (ноябрь 2006 г.) этот документ уже прошел утверждение в верхней палате Конгресса – Сенате. В апреле 2007 г. этот закон подписал президент США (на тот момент Джордж Буш-мл.). На Бухарестском саммите НАТО 3 апреля 2008 г. была обнародована Декларация, которая поддержала североатлантические устремления Грузии, хотя и не предоставила этой стране «План действий по подготовке к членству» («Membership Action Plan», предпоследний этап интеграции в НАТО)⁵⁴. При этом официальный Вашингтон оказывал Грузии не только военно-политическую, но и мощную информационно-пропагандистскую поддержку, представляя бывшую республику советского Закавказья в качестве «маяка демократии». Даже жесткие действия грузинских правоохранительных структур по отношению к оппозиции в ноябре 2007 г., кратковременное введение режима ЧП и перенос

выборов, как общенационального, так и местного уровня, не заставили США изменить свое отношение к третьему президенту Грузии и его команде.

Все это формировало у грузинского руководства завышенные ожидания и убежденность, что любые шаги официального Тбилиси, включая и военные, будут поддержаны США и их союзниками. А потому увеличение численности армии и расходов на оборону в Грузии в 2004–2008 гг. стремительно шло вверх. Так, 14 сентября 2007 г. грузинский парламент принял решение об увеличении вооруженных сил до 32 тыс. человек, а 15 июля 2008 г. – до 37 тыс. В роковом для Грузии 2008 г. расходы на оборону превысили четверть всех бюджетных расходов (что составило 8% ВВП)⁵⁵. По мнению известного канадского кавказоведа Джона Коларуссо (во время администрации 42-го президента США Билла Клинтона он привлекался в качестве советника по Кавказу и неофициального дипломата для коммуникаций между Вашингтоном и Москвой), «грузинский президент Михаил Саакашвили послушал некоторые неблагоразумные голоса в Вашингтоне. И сам он полагался в первую очередь на свой внутривластный имидж и на военные возможности для реинтеграции Южной Осетии и Абхазии вместо того, чтобы вести с этими образованиями реалистический диалог»⁵⁶.

На абхазском направлении важнейшим методом «разморозки» конфликта стало введение в игру новых структур, не предусмотренных и не охваченных мирными соглашениями 1990-х годов. Началась новая активизация абхазских властных структур «в изгнании». В июле 2006 г., когда грузинские власти взяли под свой контроль верхнюю Кодори, т.е. участок территории бывшей Абхазской ССР, оставшийся после 1993 г. вне юрисдикции непризнанной республики, было принято решение перенести туда резиденцию «Правительства Абхазии в изгнании»⁵⁷.

По словам Михаила Саакашвили, этот шаг означал, что впервые с 1993 г. на территорию Абхазии возвращалась «легитимная власть»⁵⁸. Помимо перемещения в Кодори (переименованного Тбилиси в «Верхнюю Абхазию») «Правительства в изгнании» Тбилиси вводил туда военные и полицейские подразделения. Эти шаги грузинской власти сопровождались комментариями о стратегической важности Кодори (Михаил Саакашвили даже использовал метафору «сердце Абхазии»). Так, Гиви Таргамадзе, председатель комитета по обороне и безопасности Грузии, заявил в те дни: «Это – стратегическая территория, откуда подлетное время вертолета до Сухуми занимает лишь пять минут»⁵⁹. Таким образом, июльские шаги грузинских властей не только нарушали Московские соглашения 1994 г., но и принципиально меняли формат взаимоотношений Грузии и непризнанной Абхазии. «Правительство в изгнании», бывшее до этого второстепенной структурой, превращалось, с точки зрения Саакашвили и его команды, в единственного носителя абхазской легитимности. По решению грузинского президента все иностранные дипломаты, занимавшиеся грузино-абхазским урегулированием, были обязаны посещать с. Чхалта (которое стало резиденцией «Правительства Абхазии»). Одним словом, Тбилиси с новой силой продемонстрировал, что для него приоритетом является не гармонизация грузино-абхазских отношений, а установление исключительного грузинского контроля над территорией Абхазии.

Для абхазской непризнанной республики операция в Кодори имела очень важное символическое значение. Решимость Тбилиси видеть представителей бывшей грузинской общины Абхазии в качестве единственных легитимных выразителей интересов этой территории была для руководства непризнанной республики недвусмысленным сигналом. Разрушение старого статус-кво в пользу Грузии поставила бы крест на абхазской национальной государственности. В данном случае факт признания не играл бы первостепенной роли. До 2006 г. Сухуми и Тбилиси, пусть с откатами и перерывами, но вели переговоры. После операции в Кодори переговорный процесс прекратился. Каждая из сторон готовилась к дальнейшим изменениям статус-кво, сложившегося в первой половине 1990-х годов. При этом официальный Тбилиси обращался к Сухуми с популистскими инициативами. Так, 28 марта 2008 г. на встрече с политологами в тбилисском Фонде стратегических и международных исследований президент Саакашвили предложил Абхазии «неограниченную автономию в составе Грузии, федерализм и гарантии безопасного мирного развития»⁶⁰. Между тем в самом предложении грузинского лидера содержались принципиальные противоречия (автономия и федерализм – это совсем не тождественные политико-правовые принципы).

Последней до «пятидневной войны» попыткой спасти мирный процесс была инициатива министра иностранных дел Германии Вальтера Штайнмайера, который в июле 2008 г. представил трехэтапный план урегулирования конфликта. Предполагалось, что на первом этапе Грузия откажется от применения силы, а Абхазия согласится на возвращение беженцев. На втором – стороны начнут реализовывать общие проекты, а на третьем – возьмутся за определение статуса Абхазии. Проект Штайнмайера был поддержан Россией (особенно в плане достижения договоренностей о неприменении силы), частично поддержан Грузией (сомнения вызывал в первую очередь третий пункт) и практически отвергнут Абхазией, которая выдвинула слишком большое количество замечаний, возражений и претензий.

Свой вклад в «разморозку» конфликта весной–летом 2008 г. внесла и Россия. 21 марта 2008 г. Государственная дума поставила вопрос об условиях пересмотра российских подходов к признанию территориальной целостности Грузии. Депутаты нижней палаты парламента РФ определили два условия для возможного признания независимости Абхазии и Южной Осетии – вступление Грузии в НАТО и силовые операции против двух непризнанных республик. В апреле 2008 г. президент РФ Владимир Путин дал поручение федеральному правительству «предметно помочь» Абхазии и Южной Осетии. 30 мая 2008 г. в Абхазию были ведены 400 военнослужащих железнодорожных войск, не предусмотренных Московскими соглашениями 1994 г.

Августовские события 2008 г. в военном отношении затронули Абхазию лишь косвенно. Основным театром «пятидневной войны», в которую напрямую была вовлечена и Россия, стала Южная Осетия. Тем не менее руководство Республики Абхазия с выгодой для себя использовало сложившуюся ситуацию. 9 августа 2008 г. абхазские вооруженные формирования фактически открыли «второй фронт» и, не встречая жесткого сопротивления, взяли под контроль Кодорское ущелье. Грузинские военные, полицейские подразделения и «Правительство Абхазии» покинуло территорию Кодори. Таким образом, впервые после 1993 г. непризнанная республика установила пол-

ный контроль над территорией бывшей Абхазской АССР. 26 августа 2008 г. Россия стала первым государством, которая признала независимость Республики Абхазия. 30 августа 2008 г. Грузия вышла из Московских соглашений 1994 г.

ПОСЛЕ ПРИЗНАНИЯ: НОВЫЕ РЕАЛИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Признание государственной независимости открыло новую страницу в истории конфликта. Впервые с момента распада СССР был создан прецедент признания независимости не союзной республики, а автономии. Результаты непризнанного госстроительства получили легитимацию во внешнем мире. Косвенным образом эту легитимацию признали не только Россия и еще 5 государств, которые поддержали Москву, но и Запад. Абхазия получила доступ к «женевским дискуссиям» по стабильности и безопасности на Южном Кавказе (они стартовали 15 октября 2008 г.). И хотя абхазские представители выступают там не в роли официальных дипломатов, а в качестве «экспертов», само их участие в многосторонних дискуссиях по проблемам гуманитарного развития и предотвращения инцидентов говорит о признании за Абхазией политической субъектности. Заинтересованность в «вовлечении Абхазии» без ее прямого признания демонстрирует и ЕС. Он спонсирует проекты по реабилитации и поддержке неправительственного сектора в Абхазии, проводимые делегацией Евросоюза, другими международными структурами и НПО.

Между тем признание абхазской независимости при помощи России способствовало волнообразному росту военно-политического влияния РФ на Абхазию. После «пятидневной войны» сократилось влияние международных организаций на ситуацию в частично признанной республике. Прекратила свою работу Миссия по наблюдению ООН в Грузии (а это почти 150 миротворцев). При голосовании в Совете Безопасности ООН 15 июня 2009 г. Россия применила право вето, заблокировав тем самым принятие резолюции о продлении мандата Миссии. Российская сторона, пойдя на признание независимости Абхазии и Южной Осетии, сформулировала следующий подход: территориальная целостность Грузии, признаваемая до 26 августа прошлого года и странами западного мира, и РФ, перестала существовать. Считая независимость Абхазии и Южной Осетии не только фактически, но и юридически свершившимся фактом, Кремль выступил с инициативой реформирования ооновской миссии. В соответствии с таким подходом ни одна международная миссия, действовавшая на де-юре территории грузинского государства до августа 2008 г., не должна игнорировать новые реалии и считать свою деятельность работой «внутри Грузии».

13 февраля 2009 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1866, которая продлевала мандат Миссии ООН по наблюдению в Грузии на 4 месяца. Тогда и Москва, и Тбилиси выразили свое удовлетворение принятым решением. Однако февральское решение не отменяло того политико-правового тупика, в который зашли все заинтересованные стороны после «пятидневной войны». И проблема заключалась не только в желании российской

власти избавиться от международных наблюдателей, но и в том, что мандат МООНГ в условиях после 2008 г. не соответствовал тем реалиям, в которых он определялся и принимался. Мандат Миссии базировался на Московских соглашениях от 14 мая 1994 г., которые потеряли силу. Принимая решение о выходе из этих соглашений, грузинская сторона руководствовалась постановлениями Парламента Грузии «О миротворческих силах, расположенных на территории Грузии» от 18 июля 2006 г. и «Об оккупации территорий Грузии Российской Федерацией» от 28 августа 2008 г., а также чрезвычайным распоряжением правительства Грузии от 27 августа 2008 г. Российская же сторона с признанием независимости Абхазии прекратила свой миротворческий статус, став покровителем ее этнополитического самоопределения. Реалии, сложившиеся после 2008 г., радикально отличаются от начала 1990-х годов, когда Москва признавала территориальную целостность Грузии, а официальный Тбилиси был заинтересован в РФ, как в посреднике и медиаторе. Но все новые факторы реальности не были учтены при выработке проекта о продлении мандата Миссии. Фактически все предложения свелись к так называемому «техническому продлению» (т.е. продлению миссии ради самой ее деятельности). Пойти на этот шаг Москва не согласилась.

С формированием нового статус-кво изменился и характер российско-абхазских двусторонних отношений. На место миротворцев пришли военные и пограничники, целью которых является прямая поддержка этнополитического самоопределения Абхазии, а не поддержание режима прекращения огня между ней и Грузией. Между Россией и Абхазией 30 апреля 2009 г. было подписано соглашение «О совместных усилиях в охране государственной границы Абхазии», в соответствие с которым было образовано Пограничное управление ФСБ РФ в Республике Абхазия (!). Первая застава этого управления в поселке Пичора Гальского района года была открыта 8 декабря 2010 г.

17 февраля 2010 г. Москва и Сухуми договорились о создании объединенной военной базы российских войск на абхазской территории. В 2010 г. Россия выделила Абхазии 1,8 млрд руб. безвозмездной помощи. При этом переходящий остаток на 2011 г. составил 1,2 млрд руб. Все эти факты российского патронажа позволяют некоторым авторам сделать вывод о превращении Абхазии не только в частично признанную республику, но и в «протекторат РФ»⁶¹. Наверное, на сегодняшний день еще рано делать выводы о формировании полноценного протектората.

Однако после августа 2008 г. тема «грузинской угрозы» в абхазской политике и массовом сознании стремительно маргинализируется. Показательно, что президентские выборы в Абхазии, состоявшиеся в декабре 2009 г., впервые после грузино-абхазского вооруженного конфликта 1992–1993 гг. прошли без наклеивания оппонентам ярлыка «прогрузинского политика». На первый план вышли 2 вопроса: 1. Качество приобретенной независимости и государственности. 2. «Цена» российского патронажа (военно-политическое и социально-экономическое проникновение России в республику). Именно эти вопросы стали основным предметом дискуссии между претендентами на пост главы Абхазии в декабре 2009 г. Президентские выборы-2009 (первые в условиях признания национальной независимости), как и предшествовавшая ей кампания, отличались конкурентной борьбой. В них принимали участие пять кандидатов. И хотя победа в первом туре была вы-

играна Сергеем Багапшем с результатом 61,16% голосов, совокупный потенциал его четырех оппонентов составил 34,01%.

При этом два соперника Сергея Багапша (экс-вице-президент Рауль Хаджимба и экс-депутат Беслан Бутба) критиковали власти за чрезмерную податливость России и забвение собственных интересов республики (прежде всего речь шла о передаче РФ стратегически важных объектов Абхазии). Впрочем, критика властей не нарушает сложившийся еще в начале 1990-х годов политический консенсус относительно политико-правового статуса Абхазии. Важной чертой кампании 2009 г. была сдержанность Кремля. В отличие от 2004–2005 гг. российские власти максимально старались не вмешиваться в ход выборов, а премьер-министр Правительства РФ Владимир Путин в ходе кампании даже провел встречу с оппозиционным кандидатом Раулем Хаджимбой (что в дипломатической практике постсоветской России практически не используется). Таким образом, на место Грузии как главному вопросу абхазской внутренней и внешнеполитической повестки дня выходит РФ.

На сегодняшний день можно зафиксировать несколько групп противоречий в российско-абхазском асимметричном партнерстве. Во-первых, масштабы и объемы проникновения российского бизнеса (в особенности крупного капитала) в абхазскую экономику (которая после военного конфликта 1992–1993 гг. не знала ни полноценной приватизации, ни интеграции в международные и региональные проекты). Во-вторых, перспективы наращивания военного присутствия. В-третьих, имущественные проблемы, поскольку этнополитический конфликт в течение долгих лет мешал полноценному развитию частной собственности, оттеняя ее правом этноса на «свою землю». В-четвертых, перспективы широкого международного признания, которые представляют несомненный интерес для Сухуми и «головную боль» для Москвы, поскольку ставят под вопрос ее эксклюзивные интересы в регионе.

Скоропостижная смерть второго президента Абхазии Сергея Багапша (29 мая 2011 г.) поставила частично признанную республику перед новыми непростыми проблемами. Багапш ушел из жизни в самый разгар своей второй президентской легислатуры. Он не просто не назвал преемника, но даже и не обсуждал эту тему. Уход Багапша был воспринят в абхазском обществе крайне болезненно еще и потому, что за шесть лет своего президентства он продемонстрировал умение договариваться и находить компромисс в самых сложных ситуациях. С его именем в истории Абхазии будут связаны два прецедента – признание независимости республики и цивилизованная передача высшей власти.

В досрочных президентских выборах в Абхазии приняли участие три политика (каждый из них давно известен в республике): Александр Анкваб (на май 2011 г. – вице-президент), Сергей Шамба (глава республиканского правительства, а до этого многолетний министр иностранных дел) и Рауль Хаджимба (неудавшийся преемник Владислава Ардзинба и двукратный «серебряный призер» президентских кампаний 2004/05 и 2009 гг.). Победу в ней одержал Анкваб. Досрочная кампания 2011 г. не была столь острой, как выборы 2004 г. Скорее она напоминала первые выборы президента республики после признания независимости Абхазии (декабрь 2009 г.). Тут сыграли свою роль и опасения, как бы после смерти Багапша в Абхазии не произошел крупный внутривнутриполитический раскол с серьезными геополитическими последствиями. Три кандидата поставили свои подписи под «Хартией о честных выборах». Пожалуй, исключени-

ем из общего правила стала скандальная история с демонстрацией интервью бывшего министра обороны Грузии Тенгиза Китовани, в которых тот заявило о связях Анкваба с грузинскими спецслужбами. Однако эта информационная технология, эффективная в 1990-х годах, в 2011 г. не сработала. По справедливому замечанию абхазского политолога Ираклия Хинтбы, «люди устали от этой темы. У нас выросло целое поколение после войны. К тому же в обществе есть запрос на честные выборы. И когда кто-то это откровенно нарушает, это не может понравиться людям»⁶².

Военно-политическое поражение Грузии в августе 2008 г. в гораздо большей степени усилило проамериканский и североатлантический вектор внешней политики этой страны. Свидетельство тому – подписание Хартии о стратегическом партнерстве с США в январе 2009 г., которая поставила Грузию в разряд особых партнеров Вашингтона вне рамок НАТО. Шаги Кремля по признанию независимости двух бывших автономий Грузинской ССР были восприняты на Западе не как поддержка двух де-факто государств, существовавших уже не один год на территории Грузии (и не контролировавшихся официальным Тбилиси), а как российская территориальная экспансия. В этой связи репрезентативным представляется мнение Строуба Тэлбота (знаковой фигуры для российско-американских отношений, занимавшего в администрации Билла Клинтона в 1994–2001 гг. пост заместителя госсекретаря, курирующего СНГ): «Может быть, с официальной точки зрения России Абхазия и Южная Осетия являются независимыми государствами, но в глазах всего мира это расширение российской территории. И это произошло в первый раз с момента окончания советской эпохи. Я считаю это опасным явлением»⁶³. Данной линии США и их союзники неуклонно придерживаются после 2008 г., несмотря на персональные смены лидеров государств, руководителей внешнеполитических ведомств и составов высших представительных органов власти. США и Грузия начали переговоры о создании американских военных баз в Поти и в Марнеули (этот шаг рассматривается как противовес созданию российской военной инфраструктуры на абхазской территории в Очамчире и в Гудауте).

Складывается парадоксальная ситуация, при которой укрепление российского военного присутствия в Абхазии, а американского (и натовского в целом) в Грузии может лишь укрепить новый послеавгустовский статус-кво. Военный потенциал США не будет использован против РФ (как и наоборот). Присутствие же вооруженных «кулаков» Москвы в Абхазии, а Вашингтона в Грузии станет фактором сдерживания Тбилиси, с одной стороны, Сухуми – с другой от «необдуманных действий». Все это объективно будет работать на консервацию того порядка, который сложился после августовской войны.

Между тем военное усиление РФ в Абхазии создает сложности для самой Москвы. Размещение баз, с одной стороны, – это улучшение внутренней инфраструктуры в Абхазии (в которой сегодня туризм заканчивается фактически на Сухуми, к востоку от столицы он развит крайне слабо). Новые гарантии безопасности со стороны Москвы (равно как и обустройство подъездных дорог) также помогут восстановлению Абхазии. Но в то же время приход военных из большой соседней страны – это не тот фактор, который способствует развитию национальной государственности. Напротив, он создает новые коллизии.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Республика Южная Осетия располагается в южном предгорье Кавказских гор. На севере она граничит с одним из субъектов РФ Республикой Северная Осетия-Алания (своеобразным «окном» в Россию является Рокский тоннель). С южной, восточной и западной сторон Южную Осетию окружает Грузия. Площадь республики составляет 3,84 тыс. кв.км. Столица – город Цхинвали (Цхинвал). По поводу точной численности населения Южной Осетии не существует единого мнения. Более того, имеющиеся оценки сильно политизированы в зависимости от позиции, занимаемой по отношению к грузино-осетинскому конфликту. Согласно данным Всесоюзной переписи населения (1989) на территории Юго-Осетинской автономной области проживали 98 527 тыс. человек, из которых 63,2 тыс. – осетины, 28,5 тыс. – грузины, 2,1 тыс. – русские, 0,9 тыс. человек – представители различных еврейских этнических групп.

В результате грузино-осетинского этнополитического конфликта население Южной Осетии сократилось. Однако адекватно оценить динамику этих изменений крайне сложно. В отличие от Абхазии, которая провела «учет населения» в 2003 г. и перепись в феврале 2011 г., в Южной Осетии начиная с 1989 г. собственной переписи не было. Ее проведение обсуждалось в канун парламентских выборов 2009 г. Однако на практике эта идея была не реализована. Так, на выборах президента Южной Осетии в 2006 г. в избирательные списки были внесены 55 тыс. фамилий (и это притом, что не вся территория Юго-Осетинской АО находилась в то время под контролем Цхинвали). В ходе парламентских выборов численность избирателей составляла чуть больше 60 тыс. человек⁶⁴. В Докладе ООН по Грузии говорится, что до августовской войны 2008 г. в Южной Осетии проживали 83 тыс. человек (из них 60 тыс. – на территориях, подконтрольных Цхинвали). В докладе Комитета по миграции ПАСЕ называлась цифра 50 тыс. человек. Эта оценка относилась к периоду после «пятидневной войны»⁶⁵.

Перепись населения в Грузии 2002 г. затронула лишь те территории бывшей Юго-Осетинской автономной области, которые попали под контроль Тбилиси после прекращения вооруженного сопротивления в 1992 г. Там грузинские статистики зафиксировали 7730 жителей⁶⁶.

Сегодня, по данным администрации Республики Южная Осетия на ее территории проживают 72 тыс. человек⁶⁷. Грузинские власти называют цифру 8 тыс. человек, а различные международные эксперты и правозащитники определяют количество жителей республики в 20–30 тыс. Так, правозащитница Варвара Пахоменко в своем исследовании, опираясь на данные избирательных комиссий, сведений о миграции беженцев и численности учащихся школ, в 2009 г. определила цифру жителей республики в пределах 26–32 тыс. человек, из которых порядка половины проживают в Цхинвали⁶⁸.

Согласно Конституции Республики Южная Осетия, это – «суверенное демократическое правовое государство, созданное в результате самоопреде-

ления народа Республики Южная Осетия»⁶⁹. По данным на май 2012 г. независимость Южной Осетии признана пятью государствами (Россия, Никарагуа, Венесуэла, Науру, Тувалу).

С точки зрения грузинского законодательства Южная Осетия в отличие от Абхазии не рассматривается как самостоятельное автономное образование. Статья 1 (пункт 1) Основного закона Грузии упоминает только о «бывшей Юго-Осетинской автономной области»⁷⁰. Югоосетинская автономия была ликвидирована грузинскими властями за год до распада Советского Союза. Решение об этом было принято 11 декабря 1990 г. Верховным Советом Грузии. В соответствии с административно-территориальным делением Грузии территория, на которой расположена республика, относится к части территорий таких регионов, как Шида-Картли, Мцхета-Мтианети, Имерети и Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети. В соответствии с Законом Грузии «Об оккупированных территориях» (статья 2, пункт «б») Южная Осетия определяется, как «Цхинвальский регион» (территории бывшей Юго-Осетинской автономной области)⁷¹. Это же определение присутствует и в других официальных документах, издаваемых грузинскими властями. Так, в апреле 2007 г. парламент Грузии принял закон «О создании соответствующих условий для урегулирования конфликта в бывшей Юго-Осетинской автономной области». Определение «Цхинвальский регион»/бывшая Юго-Осетинская автономная область» было использовано и в «Отчете Правительства Грузии по полномасштабной агрессии Российской Федерации против Грузии» (январь 2010 г.)⁷².

И хотя югоосетинская автономия, ликвидированная в 1990 г., в независимой Грузии не восстанавливалась, в мае 2007 г. по инициативе президента Михаила Саакашвили была создана «Временная административно-территориальная единица Цхинвальского региона» с «Временной администрацией» во главе с этническим осетином Дмитрием Санакоевым. До августа 2008 г. она размещалась в с. Курта на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области, подконтрольной грузинским властям. После «пятидневной войны» «Временная администрация» так же, как и «Правительство Абхазии в изгнании», действует на территории Грузии. Глава «Временной администрации» принимает участие в «жневских дискуссиях» в составе грузинской делегации. Он признается Тбилиси единственным легитимным представителем «оккупированного Цхинвальского региона».

ИСТОКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Развитие непризнанной югоосетинской государственности в постсоветский период, как и в случае с Абхазией, также стало следствием этнополитического конфликта. Однако генезис конфликта, особенности его протекания сформировали многие отличия в государственном строительстве двух бывших автономных образований Грузинской ССР.

Исторически название «Южная Осетия» в отличие от Абхазии имела территориально-географические, культурно-этнографические, а не государственно-политические коннотации. Это понятие использовали военные и чиновники российской императорской администрации на Кавказе в течение

XIX – начала XX в.⁷³ «Политизация» этого понятия происходит в период актуализации националистического дискурса в Кавказском регионе в начале XX в., в особенности в период после распада Российской империи и попыток создания на ее месте новых наций-государств. С образованием Грузинской демократической республики (май 1918 г.) новое образование обозначило свои права на территорию современной Южной Осетии (ее рассматривали как историческую область Грузии Шида Картли). По словам грузинского эксперта Гия Нодия, «хотя сельское население региона за последние несколько столетий было преимущественно осетинским, для любого грузина, каким бы либералом он ни был, этот регион являлся грузинской исторической провинцией, называемой Шида Картли или Самачабло»⁷⁴.

К 1918 г. на территории нынешней непризнанной республики действовал осетинский Национальный Совет (состоявший из представителей различных левых партий, не только большевиков), выступавший с позиций национального самоопределения. В 1918–1920 гг. здесь произошло несколько крестьянских восстаний, принявших помимо социальной направленности форму этнического конфликта. Самым мощным из них было осетинское восстание 1920 г., поддержанное большевиками и подавленное властями Грузинской демократической республики. В результате столкновений между восставшими и частями грузинской армии погибли около 5 тыс. осетин, многие были вынуждены спастись бегством по другую сторону Кавказского хребта⁷⁵. В апреле 2007 г. парламент Южной Осетии дал политико-правовую оценку событиям 1918–1920 гг., определив их, как «геноцид осетинского народа»⁷⁶.

В грузинской же историографии и политологии восстания 1918–1920 гг. получили иную оценку. Они рассматривались как инструмент большевистской России для советизации Грузии, ликвидации ее независимости и национальной государственности. «Выступления осетинских сепаратистов, особенно вооруженные, предпринимались якобы с целью установления советской власти. В 1918 г. Народная гвардия Грузии и грузинская армия подавили в Шида Картли мятеж *осетинских изменников* (курсив наш – С.М.). Осетинское сепаратистское движение особенно широко развернулось, когда Красная Армия Советской России подступила к границам Закавказья. Сепаратисты считали, что Южная Осетия должна была непосредственно войти в состав России. А что касается остальной Грузии, то она должна была войти в состав России в качестве Тбилисской и Кутаисской губерний», – констатировали в начале 1990-х годов авторы учебника «История Грузии (с древнейших времен до наших дней)»⁷⁷.

Через год после установления советской власти в Грузии в составе Грузинской ССР 22 апреля 1922 г. создается Юго-Осетинская автономная область в ее составе. В 1934–1936 гг. это образование имело другое название – Автономная область Южной Осетии. Правовой статус Южной Осетии в докризисный период регулировался Законом о Юго-Осетинской АО (был принят в 1980 г.). Как справедливо отмечают авторы доклада Международной кризисной группы, «в советский период грузины зачастую воспринимали Южную Осетию как искусственное территориальное образование, и соперничество носило латентный характер»⁷⁸. Однако в отличие от Абхазии межэтническая конкуренция не принимала здесь публичные формы. Та же тема восстаний 1918–1920 гг. присутствовала в литературе и в историогра-

фии, однако она преподносилась прежде всего с классовых и социальных, а не национальных позиций (в качестве мишени здесь было меньшевистское правительство Грузии, а не грузины). Это объясняется в первую очередь намного более высоким уровнем интеграции осетин в грузинский социум по сравнению с Абхазией. И на территории Южной Осетии, и во внутренних регионах Грузии грузины и осетины жили в течение долгих лет смешанно. Села Юго-Осетинской автономии располагались в шахматном порядке, что затрудняло формирование этнически «чистых» территорий. Из всех районов Юго-Осетинской автономной области только один район Джавский был фактически моноэтническим (там проживало только 5% грузин). В селах Цхинвальского района грузины составляли 43%, Лениногорского района – порядка 51%, в столице автономии – 16,3%. При этом, согласно данным Всесоюзной переписи 1989 г. большую часть осетинской общины Грузинской ССР составляли осетины, проживавшие в ее внутренних регионах, т.е. за пределами Юго-Осетинской АО. Их численность составляла 97 658 человек (для сравнения в Южной Осетии их было 63,2 тыс.). Компактные осетинские поселения были в Гуджаретском, Панкисском, Боржомском ущелье. Осетинская община Тбилиси насчитывала 33 319 человек (что составляло почти половину от численности осетин в Юго-Осетинской автономии), в Гори эта община насчитывала более 8 тыс., а в Рустави – более 5 тыс. человек.. Между грузинами и осетинами, как в самой Южной Осетии, так и во внутренней Грузии, был высоким процент смешанных браков. Осетины Грузии хорошо владели грузинским языком, а национальная интеллигенция была в гораздо большей степени, нежели абхазская, интегрирована в грузинскую научную и культурную элиту⁷⁹. Таким образом, в отличие от ситуации в Абхазии этнополитический конфликт между Грузией и Юго-Осетинской автономией в значительной степени не был ожидаемым.

ОТ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ К НЕПРИЗНАННОЙ РЕСПУБЛИКЕ

«Спусковым крючком» для этого противостояния (в отличие от Абхазии) послужили отнюдь не политические споры об обоснованности вхождения автономии в состав Грузинской ССР. Вспыхнувшая в Юго-Осетинской АО в 1988 г. эпидемия брюшного тифа дала толчок формированию общественных неформальных объединений. Наиболее влиятельным стало движение «Адамон Ныхас» («Народное вече»). Сначала оно выступало с социально-экономическими и экологическими лозунгами, содержащими критику в адрес Тбилиси за недостаточное внимание к региону. Затем претензии к республиканским властям Грузии стали перемещаться в плоскость межэтнических отношений. В конце 1988 г. грузинские СМИ инициировали обсуждение проблемы этнополитического развития Грузинской ССР в составе единого союзного государства, а также взаимоотношений автономий, входящих в состав Грузии с республиканским центром. В дискуссии по «осетинской» проблеме у грузинских СМИ было очевидное преимущество (по количеству, тиражу, наличию электронных СМИ). Поэтому публикация многочисленных острых материалов по проблемам осетино-грузинских отношений стала вос-

приниматься представителями Южной Осетии и осетинской общины Грузии как пропаганда грузинского этнополитического доминирования. Лейтмотивом публикаций грузинских авторов был тезис о «некоренной» природе и искусственности национально-государственного образования южных осетин. Осетины рассматривались в качестве «пришлого населения на грузинской земле», а территория Юго-Осетинской АО – как этническая собственность грузин. В дискуссии 1988 г. для обозначения территории Южной Осетии грузинские историки и публицисты начали в массовом порядке использовать топонимы «Самачабло» или «Шида Картли» («Внутренняя Картли»), подчеркивая якобы необоснованные претензии осетин на собственное национально-государственное образование в составе Грузии.

10 ноября 1989 г. сессия народных депутатов Юго-Осетинской АО приняла решение о преобразовании области в автономную республику в составе Грузии. Эта акция была крайне негативно воспринята в Грузии. В одностороннем порядке Южная Осетия повышала свой статус. Однако в то время речи об отделении от Грузии (а уж тем более о формировании своей особой государственности) не шло. Тем не менее ответом на нее стала организация многотысячного грузинского марша на столицу Юго-Осетинской АО 23 ноября 1989 г. Именно в ходе проведения этого «марша протеста» появились первые жертвы. После ноябрьского инцидента руководство Южной Осетии стало ориентироваться в своих действиях на союзный центр, видя в нем союзника против грузинского национального движения⁸⁰.

В июне 1990 г. Верховный Совет Грузии признал незаконными все правовые акты и договоры, заключенные после 1921 г. Согласно Конституции Демократической Республики Грузия 1921 г. Юго-Осетинская автономия в виде области или республики не предусматривалась. Не предусматривалась и «автономия в местных делах», которую получала Абхазия. В августе 1990 г. Тбилиси ввел запрет на участие региональных общественно-политических сил в выборах в грузинский парламент, что закрывало дорогу к участию в общегрузинской политике осетинскому движению «Адамон ныхас».

Грузинские руководители в значительной степени сами провоцировали осетинский сепаратизм, исключая лидеров Юго-Осетинской автономии из республиканского политического процесса, низводя их до положения маргиналов. На сессии Совета народных депутатов Южной Осетии 10 августа 1990 г. была принята «Декларация о суверенитете» (67 голосов – за, 25 – против и 7 воздержавшихся). 20 сентября 1990 г. была провозглашена Юго-Осетинская Советская Демократическая Республика. На 9 декабря 1990 г. были назначены выборы в Верховный Совет Южной Осетии. Их организация и проведение были признаны Грузией незаконными. В итоге 11 декабря 1990 г. Верховный Совет Грузии принял решение об отмене самой Юго-Осетинской автономии. В этой связи важно отметить, что данный шаг грузинских властей был мотивирован не только «вызывающим поведением Цхинвали», но и ссылкой на то, что само создание осетинского автономного образования в составе Грузии было изначально ошибочным и неоправданным. Советское правовое поле было разрушено, а никакого нового приемлемого статуса Юго-Осетинская АО в рамках Грузии не получила. Этнополитический конфликт пошел по пути эскалации, и ликвидированная автономия повела борьбу за свое политическое выживание. Таким образом, решение Тбилиси

о ликвидации Юго-Осетинской автономии стало самым серьезным толчком, начиная с первых публичных проявлений межэтнического кризиса, на пути к строительству непризнанной государственности будущей Республики Южная Осетия.

Дальнейшему обособлению Южной Осетии после отмены ее автономного статуса способствовали два фактора. Во-первых, начало вооруженного грузино-осетинского противостояния⁸¹. Остроты ситуации добавлял тот факт, что эксцессы на территории Южной Осетии (добавим к этому и начавшуюся блокаду со стороны Грузии) происходили параллельно с многочисленными случаями дискриминации по отношению к этническим осетинам на территории внутренних регионов Грузии. Это стало причиной массового бегства осетинского населения как на территорию Южной Осетии (которая становилась, таким образом, выразителем интересов не только осетинской общины упраздненной автономии, но и всех осетин Грузинской ССР), так в Северную Осетию. В начале 1990-х годов на североосетинскую территорию прибыли 43 тыс. беженцев из Южной Осетии и внутренних областей Грузии. Появление беженцев на российской территории неизбежно втягивало в конфликт и саму Россию, и национально-государственное образование в ее составе – Северо-Осетинскую АССР (в будущем Республику Северная Осетия-Алания). В итоге на начало 2000-х годов в собственно Грузии из 97 568 человек осетинской национальности осталось лишь 38 028 человек. И как отмечают авторы доклада Международной кризисной группы, «маловероятно, что большинство осетинских беженцев возвратится когда-либо в Грузию»⁸².

Во-вторых, свою негативную роль сыграла и позиция союзного центра, который не смог в 1989–1991 гг. сыграть роль эффективного арбитра между конфликтующими сторонами. 7 января 1991 г. Москва отменила и решение Верховного Совета Южной Осетии о провозглашении «советской демократической республики», и решение грузинского парламента об отмене самой Юго-Осетинской автономии. Однако обеспечить свои жесткие действия ресурсами союзный центр уже не мог. Так, требование Москвы о выводе всех военных формирований с территории упраздненной автономной области Грузинский Верховный Совет фактически проигнорировал. Как и в случае с Абхазией, осетинская и грузинская община продемонстрировали электоральный апартеид во время проведения референдумов о сохранении СССР (17 марта 1991 г.) и восстановлении независимости Грузии (31 марта 1991 г.). Осетинская община в своем подавляющем большинстве поддержала союзный центр, видя в нем противовес грузинскому национализму и этнополитическому самоопределению страны, что повлекло к упразднению их автономии. Грузины же Южной Осетии поддержали позицию Тбилиси⁸³.

В настоящей работе мы не будем подробно останавливаться на ходе вооруженного грузино-осетинского противостояния (1991–1992 гг.). Рассмотрим лишь основные «факторы влияния» на ход конфликта. В период вооруженного противостояния были предприняты шаги по институционализации самостоятельного от Грузии политического бытия Южной Осетии. 19 января 1992 г. был организован референдум за выход Южной Осетии из состава Грузии и объединение с Северной Осетией, т.е. фактически с Россией. В этом голосовании не приняли участие грузины, проживавшие на террито-

рии упраздненной Юго-Осетинской АО. Более 90% участников референдума проголосовали за выход Южной Осетии из состава Грузии и объединение с Россией. Вообще мотив объединения с РФ в югоосетинском движении был (и остается) выраженным сильнее, чем в абхазском случае. 29 мая 1992 г. Верховным Советом Южной Осетии был принят «Акт о провозглашении независимости Республики Южная Осетия». Единственными источниками права на территории Южной Осетии признавались законодательные акты этого непризнанного государства⁸⁴.

Военное противостояние завершилось подписанием Дагомыских (Сочинских) соглашений (24 июня 1992 г.) о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта между президентами РФ и Грузии Борисом Ельциным и Эдуардом Шеварднадзе⁸⁵. 14 июля того же года началась миротворческая операция, которая возлагалась на Смешанные силы по поддержанию мира (ССПМ), куда входили и российский, и грузинский батальоны. Соглашения определили так называемый «демаркационный коридор» и сформировали четырехстороннюю Смешанную контрольную комиссию (СКК) для демилитаризации зоны конфликта и вывода оттуда всех вооруженных формирований. В состав СКК вошли представители РФ, Грузии, Южной Осетии и Северной Осетии. Фактически соглашения от 24 июня 1992 г. ограничивали грузинский суверенитет над зоной конфликта. Прерогативы по контролю над «демаркационным коридором» были сосредоточены в руках СКК (где у Грузии также был свой голос, но далеко не решающий). Соглашения прямо запрещали всем сторонам (включая и Тбилиси) вводить экономические санкции или блокады, чинить гуманитарные препятствия и мешать возвращению беженцев. При этом миротворцам даже давалось право «принимать все меры для локализации вооруженных столкновений и уничтожения бандформирований в районах и селах на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области, не вошедших в зону конфликта и коридор безопасности»⁸⁶.

Южная Осетия не получала признания в качестве самостоятельного государства. Но, по справедливому замечанию Кимитаки Мацузато, она «обретала гарантии существования»⁸⁷. Более того, в июне 1992 г. была признана ее политическая субъектность. И признана не только РФ или Северной Осетией, но и Грузией, согласившийся осуществлять совместно с Южной Осетией миротворческую деятельность и контроль над режимом прекращения огня. Впоследствии эта субъектность будет признана и ОБСЕ. Ее миссия была создана 13 декабря 1992 г. с целью оказания помощи «правительству Грузии в сфере разрешения конфликтов, демократизации, прав человека и верховенства закона». Впоследствии, в марте 1994 г., мандат Миссии был расширен (он был сконцентрирован на грузино-осетинском конфликте) и включал следующие пункты:

– «интенсификация дискуссий со всеми сторонами конфликта (т.е. и с Южной Осетией. – *С.М.*), включая организацию «круглых столов», чтобы исключить источники насилия и найти политические возможности для восстановления диалога»,

– «мониторинг, относящийся к «совместным миротворческим силам»⁸⁸.

«ЗАМОРОЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ» В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМИРИЯ

Однако для консолидации государственности Южной Осетии существовало много препон. В отличие от Абхазии власти непризнанной республики получили значительно меньший территориальный контроль. Руководство упраздненной автономии оставило за собой Цхинвальский, Джавский, Знаурский и часть Ахалгорского (Ленингорского) района. При этом Тбилиси сохранил контроль над частью Ахалгорского района и грузинскими селами Тамарашени, Курта, Кехви и Ачабети в Цхинвальском районе (так называемый «Лиахвский коридор» по названию р. Лиахви). При этом у лидеров Южной Осетии не было «сплошного контроля» над «своей территорией». Так столица непризнанной республики Цхинвали была отрезана от Джавского района грузинскими селами «Лиахвского коридора». Большинство грузинских населенных пунктов Южной Осетии стали своеобразными анклавами, находившимися под юрисдикцией Тбилиси. Они вступали в отношения с юго-осетинскими властями через совместные миротворческие силы. Возникла правовая неразбериха, когда села со смешанным этническим населением находились в различном подчинении.

В отличие от Абхазии Южная Осетия 1990-х годов не знала массового изгнания грузинского населения. Все это делало уязвимой инфраструктуру непризнанного образования. В условиях позитивного развития переговорного процесса и мирного урегулирования такая территориальная конфигурация не была проблемой. Более того, возможность для совместного проживания грузин и осетин давала Тбилиси надежду и возможность на реинтеграцию упраздненной автономии, а Южной Осетии на более высокий статус в едином грузинском государстве. Однако в случае стагнации переговоров и «заморозки» конфликта такая «шахматная» этнотерриториальная конфигурация представляла прямую угрозу политическому существованию Южной Осетии, что покажут впоследствии события 2004–2008 гг.

Как бы то ни было, в течение 12 лет (1992–2004) из всех этнополитических конфликтов на территории бывшего СССР грузино-осетинский конфликт мог считаться в наибольшей степени урегулированным. В мае 1996 г. был подписан «Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте», а в феврале 1997 г. «Порядок добровольного возвращения беженцев и вынужденных переселенцев в места прежнего проживания в Южной Осетии и во внутренних районах Грузии». Для реализации этих договоренностей создается Спецкомитет по возвращению беженцев. В 2000 г. было подписано российско-грузинское межправительственное Соглашение о взаимодействии в восстановлении экономики в зоне грузино-осетинского конфликта и о возвращении беженцев. Норвежские исследователи Пал Колсто и Хельге Блаккисруд обращают внимание на то, что осетинское и грузинское население свободно пересекало границу между Грузией и Южной Осетией, функционировали рынки, совместные бизнес-проекты⁸⁹.

Заметную роль в урегулировании конфликта играло и североосетинское руководство (отошедшее от максималистских установок начала 1990-х годов), и лично президент Северной Осетии Александр Дзасохов (избран в

1998 г.), который имел прямые неформальные контакты с соратником по бывшему Политбюро ЦК КПСС Эдуардом Шеварднадзе. Все это позволяло поддерживать конструктивную атмосферу вокруг мирного процесса.

Определенные подвижки были достигнуты и при помощи международных посредников. Так, 14 июля 2000 г. в пригороде Вены Бадене при посредничестве ОБСЕ был представлен проект соглашения «Об основах политико-правовых отношений между сторонами в грузино-осетинском конфликте». Он стал обобщенным вариантом договоренностей между Эдуардом Шеварднадзе и Людвигом Чибировым во Владикавказе (РФ, Северная Осетия) в августе 1996 г., в Джаве (Южная Осетия) в ноябре 1997 г., в Боржоми (Грузия) в июне 1998 г. Документ предполагал статус расширенной автономии для Южной Осетии в составе Грузии.

Поступательное движение мирного процесса давало возможность для функционирования югоосетинских властных институтов в относительно мирных условиях (что отсутствовало в Абхазии, становившейся периодически мишенью для ломки статус-кво 1994 г.). В сентябре 1993 г. председателем Верховного Совета Южной Осетии был избран Людвиг Чибиров. Он считался умеренным политиком, готовым к ведению переговоров с Тбилиси. От власти оттесняются лидеры, готовые к более радикальным действиям в отношении Грузии (Олег Тезиев, Алан Чочиев). В 1993 г. при решающей роли Чибирова была принята Конституция Республики Южная Осетия. Следует отметить, что Основной закон республики в отличие от абхазского аналога не содержал элементов этнократии. Так, наряду с единственным государственным языком – осетинским официальными языками были признаны русский и грузинский (что отражало особенности югоосетинской этнотерриториальной конфигурации после 1992 г.). Впоследствии посредством внесения поправок в Конституцию и избирательное законодательство (1998–1999) четыре места в парламенте Южной Осетии были закреплены за представителями грузинского населения.

В 1994 г. прошли первые после Дагомыских соглашений выборы в парламент (Государственный ныхас) Южной Осетии. В 1990-е годы в республике политическое преимущество имела Компартия, которая, однако, не монополизировала власть, а обеспечивала свое преимущество в конкурентной борьбе с другими политическими силами. При этом надо отметить, что, как и в других постсоветских образованиях (как признанных мировым сообществом, так и не имеющих признания), в Южной Осетии по мере укрепления институтов исполнительной власти администрация начинает формировать свой собственный интерес, отличный от структур, ориентированных на идеологию. Этот интерес ориентирован на сохранение позиций правящей бюрократии, а также обеспечение ее эксклюзивного доступа к власти и ресурсам. К середине – концу 1990-х годов в Южной Осетии у Компартии появляется сначала скрытый (а потом более явный и публичный) конкурент в лице администрации (а затем и «партии власти», как ресурса поддержки бюрократии).

В 1996 г. в Южной Осетии вслед за Абхазией был введен пост президента (выборы, на которых победил Людвиг Чибиров, прошли в ноябре). Однако в отличие от Владислава Ардзинбы Чибиров не пошел по пути концентрации власти в своих руках. Впрочем, это не было исключительной заслугой

югоосетинского президента. Сохранявшаяся стабильность вокруг зоны конфликта, а также заинтересованность в Цхинвали в сохранении конструктивных отношений со всеми коспонсорами мирного процесса, способствовали развитию конкурентной внутривнутриполитической среды. Следующие парламентские выборы (май 1999 г.) стали соревнованием между девятью партиями и общественными движениями. Эта кампания стала реальной конкуренцией различных платформ и программ. Так, осетинский народный совет «Стырныхас» выступал против возвращения этнических осетин во внутренние регионы Грузии, которые они покинули в начале 1990-х годов. Компартия выступала против президентской республики в пользу парламентской формы правления. Движение «Фыдыбаста» («Отечество») озвучивало идеи «социально ориентированного рынка». Как и в 1994 г., пять лет спустя, электоральный успех был на стороне Компартии.

Значительные внутривнутриполитические изменения в Южной Осетии произошли в 2001 г. Избрание главы Южной Осетии преподнесло сюрприз не только югоосетинскому обществу, но и Владикавказу с Москвой. Административная поддержка как внутри непризнанной республики, так и извне была на стороне Людвиг Чибирова. Добавим к этому тот факт, что данная кандидатура рассматривалась официальным Тбилиси как приемлемая. Но первый президент Южной Осетии не прошел даже во второй тур (он занял третье место с 22, 1% голосов). Во втором же туре выборов (состоялся 6 декабря 2001 г.) победу одержал Эдуард Кокоев (Коккойты). Он получил 53, 3% голосов, а лидер югоосетинских коммунистов 40, 8%. До 2001 г. Коккойты не принадлежал к первому ряду политиков Южной Осетии. По известности он уступал многим политическим деятелям республики, а также «московским» и «владикавказским» осетинам. По мнению Александра Скакова, успех Коккойты в 2001 г. стал возможным благодаря использованию «фактора третьей силы»⁹⁰. Население республики устало от противостояния между президентом и парламентом, который в массовом сознании отождествлялся и с Компартией. Впоследствии этот политик сумел заручиться поддержкой Москвы и позиционировать себя в качестве самого преданного проводника российской политики на Южном Кавказе. Оппоненты президента Южной Осетии связывают с его именем сворачивание конкурентного политического процесса в республике. Однако такое обвинение верно лишь отчасти. Как мы писали выше, подобные попытки предпринимали и предшественники Коккойты. И само появление фигуры второго президента Южной Осетии стало реакцией избирателей на неумение различных политических сил республики договариваться и достигать компромиссов.

«РАЗМОРОЗКА» КОНФЛИКТА

Значительную роль в сворачивании мирного процесса в Южной Осетии сыграли действия со стороны Грузии. И их следует рассмотреть более подробно. «Революция роз» в Грузии (октябрь-ноябрь 2003 г.) и ошеломляющая победа (97% голосов) на президентских выборах Михаила Саакашвили (январь 2004 г.) произошли, как и в начале 1990-х годов, на основе мобилизации этнонационалистического ресурса. В выступлениях нового грузинского

лидера и его соратников в это время неоднократно звучали идеи воссоздания единой Грузии и реванша за «национальные унижения» в Южной Осетии и Абхазии в период Эдуарда Шеварднадзе. За день до президентских выборов в Грузии (3 января 2004 г.) Саакашвили совершил блицвизит в столицу Южной Осетии. Ожидаемых массовых акций в его поддержку не состоялось. Однако этот визит будущий президент Грузии использовал как удачный PR-ход. В январе 2004 г. руководство Южной Осетии и осетинское население непризнанного государства отказались от участия в выборах президента Грузии. Между тем грузинская сторона заявила, что на большей части «Цхинвальского района» президентские выборы состоялись. В конце мая – начале июня 2004 г. обозначился новый кризис в грузино-осетинских отношениях. Он возник из-за стремления нового грузинского руководства провести ревизию Дагомьских соглашений 1992 г. и вернуться к полному суверенитету Тбилиси над всей территорией упраздненной Юго-Осетинской области.

31 мая 2004 г. без согласования действий со Смешанной контрольной комиссией (СКК) под предлогом борьбы с контрабандой на территорию Южной Осетии были введены силы спецназа МВД Грузии (300 человек). Эти действия все члены СКК кроме представителя Тбилиси расценили, как нарушение Дагомьских соглашений. С грузинской стороны прозвучали обвинения в адрес российских миротворцев в политической ангажированности, а также криминальной деятельности⁹¹. 20 июля 2004 г. президент Грузии публично заявил, что не исключает возможности денонсации Дагомьских соглашений: «Если в рамках соглашений на территории Цхинвальского района нельзя поднимать грузинский флаг, я готов выйти из этих соглашений»⁹².

Этим заявлением Саакашвили продемонстрировал, что стремится к реализации четырех целей:

- выхолостить политическое и правовое значение Дагомьских соглашений и посредством этого отказаться от ограниченного суверенитета Грузии над территорией Южной Осетии;
- интернационализировать грузино-осетинский конфликт, подключить к его урегулированию США, страны Европы;
- переформатировать конфликт из грузино-осетинского в грузино-российский и представить его как проявление российского неоимпериализма;
- отказаться от эксклюзивной роли России как гаранта мира в регионе.

Именно реализация данных целей стала квинтэссенцией «разморозки» грузино-осетинского конфликта. 8–19 августа 2004 г. в Южную Осетию пришла вторая после распада СССР война. В этом военном противостоянии использовалось не только стрелковое оружие, но и артиллерия. И хотя к концу месяца стороны удалось на несколько дней разъединить, август 2004 г. стал началом новой волны обстрелов, нападений, провокаций и перекрытий жизненно важных коммуникаций. С тех пор и в течение последующих четырех лет тактика «мелкого военного фола» стала в Южной Осетии повседневной реальностью. Время от времени масштаб фола увеличивался. Эта кратковременная война (забытая особенно на фоне «горячего августа»-2008) стала в определенной степени переломным моментом российской политики в регионе. До 2004 г. Москва стремилась к объективности и нейтралитету, сохранению статус-кво как наилучшего выхода. С началом «разморозки» конфликта Россия (понимая взаимосвязь ситуации в Южной Осетии с безопасностью

всего Северного Кавказа и прежде всего с динамикой осетино-ингушского конфликта внутри РФ) фактически становится на сторону непризнанной республики. Южная Осетия также оставляет надежды на возможное налаживание отношений с Грузией и, тем более, на ту или иную форму проживания в общем государстве (а идея договорных отношений между Тбилиси и Цхинвали при условии признания «геноцида осетинского народа» в 1989–1992 гг. не отрицалась даже в начале президентства Эдуардом Кокойты).

Но с 2004 г. практически единственным вопросом югоосетинской повестки дня стала безопасность и политическое выживание. В 2006 г. официальный Тбилиси помимо жесткого силового давления на непризнанную республику включил политико-юридические механизмы. На ноябрь 2006 г. в Южной Осетии были намечены выборы президента, а также референдум о независимости республики. На первый взгляд, голосование о статусе (а вопрос о независимости предполагает некую альтернативу), выглядел нонсенсом, так как за 14 лет до этого аналогичный референдум уже имел место быть. Однако в условиях «разморозки конфликта» и растущей военно-политической конфронтации с Грузией югоосетинское руководство хотело продемонстрировать всему миру, что его интересует не только избрание (фактически переизбрание) президента, но и дополнительное подтверждение (легитимация) курса, взятого вскоре после распада Советского Союза⁹³.

Одновременно с кампаниями 2006 г. в непризнанной Южной Осетии официальный Тбилиси на территориях упраздненной Юго-Осетинской автономии, остававшихся после 1992 г. под грузинской юрисдикцией, организовал так называемые «параллельные выборы». В итоге «альтернативным президентом» Южной Осетии стал Дмитрий Санакоев⁹⁴. «Параллельные выборы» с юридической точки зрения выглядели двусмысленно, поскольку Тбилиси еще в 1990 г. отменил автономию Южной Осетии. Однако целью грузинской власти в то время были не упражнения в юриспруденции, а создание политических механизмов по возвращению утраченных территорий. Легитимация «альтернативной Южной Осетии» была призвана продемонстрировать Западу, что конфликт между Тбилиси и Цхинвали не является этнополитическим (поскольку грузинскую альтернативу поддерживают осетины), а Эдуард Кокойты – не национальный лидер, а марионетка Кремля. Во-вторых, ввод в эксплуатацию «параллельной Южной Осетии» дезавуировал принятый в Дагомысе формат мирного процесса, поскольку три члена СКК были против ведения переговоров с Санакоевым, который, строго говоря, стороной конфликта не был. Он не обладал собственными военными формированиями и не ставил отличных и от Цхинвали, и от Тбилиси политических целей, т.е. не был «третьей силой» (как, например, Фикрет Абдич во время войны в Боснии и Герцеговине). В мае 2007 г. «альтернативный президент» получил назначение от президента Грузии на пост главы «Временной административно-территориальной единицы Цхинвальского региона» со столицей в грузинском с. Курта. Проект «альтернативной Южной Осетии» получил (как на то и рассчитывал Тбилиси) внешнюю поддержку (его горячо одобрил американский Госдеп, а сам Санакоев получил возможность публично выступать в Европе). Однако как инструмент для разрешения грузино-осетинского конфликта, а также для раскола внутри югоосетинского сообщества этот тбилисский проект оказался неэффективным. Поддержка Санакоева Грузией

привела к окончательной деградации СКК (за 2007 г. состоялось лишь одно ее результативное заседание!). Помимо этого, проект «альтернативная Южная Осетия» еще сильнее сплотил политический класс непризнанной республики вокруг идеи независимости и вокруг лично Кокойты (какие бы кто претензии к нему лично ни имел).

ПРИЗНАНИЕ: НЕЗАВИСИМОСТЬ ОТ ГРУЗИИ ИЛИ РОССИЙСКИЙ ПРОТЕКТОРАТ?

Логическим следствием четырехлетней «разморозки» конфликта стала «пятидневная война» в августе 2008 г. Именно территория Южной Осетии оказалась в эпицентре военных действий с прямым вовлечением российской и грузинской армии. Важнейшим итогом для республики стало признание ее независимости Россией (26 августа 2008 г.). Впоследствии еще четыре страны присоединились к этому решению Москвы. Признание югоосетинской государственности стало новым этапом в истории этнополитического конфликта.

Во-первых, произошла стабилизация в сфере безопасности. Перманентная военная угроза со стороны Тбилиси и подконтрольных ему анклавов была устранена. Россия взяла под свой контроль охрану рубежей республики. В апреле 2010 г. было подписано Соглашение с Москвой о размещении российской объединенной военной базы на югоосетинской территории. Во-вторых, впервые с момента распада Советского Союза Южная Осетия получила возможность контролировать всю территорию упраздненной Юго-Осетинской автономной области. Была ликвидирована этническая чересполосица поселений, Цхинвали получил прямой доступ для коммуникации с Джавским районом. Однако эта цель была достигнута ценой больших гуманитарных издержек. Грузинское население из «Лиахвского коридора» было либо изгнано силой (их имущество разграблено или разрушено), либо было вынуждено покинуть места своего прежнего проживания. Численность грузинских беженцев оттуда оценивается международными организациями в пределах 19 тыс. человек⁹⁵. Фактически в 2008 г. Южная Осетия повторила опыт Абхазии образца 1993 г. После «пятидневной войны» грузинское население продолжает оставаться в Ахалгорском (Ленингорском) районе республики, и проблема его интеграции (вопросы паспортизации, гражданства, языка, участия в администрации) чрезвычайно важна для частично признанной республики. В-третьих, изменилось соотношение внутривнутриполитических и геополитических приоритетов в югоосетинской повестке дня. В 2004–2008 гг. весь политический процесс Южной Осетии был ограничен фактически одним вопросом – обеспечением выживания. После российского признания «грузинский фактор» стал постепенно вытесняться другими проблемами (качество власти и управления, процесс восстановления разрушенной республики, перспективы смены президента). Оживилась внутривнутриполитическая дискуссия.

По справедливому замечанию Косты Дзугаева (политолога, экс-спикера парламента и советника президента Южной Осетии), «центром приложения противоборствующих сил» стал вопрос о третьем сроке для Эдуарда

Кокойты. «Острейшие дебаты и борьба начались сразу же после августовской войны 2008 г., когда президента стали обвинять в том, что своей негибкой политикой он “дovel дело до кровопролития”, и в том, что в качестве главнокомандующего не обеспечил должную оборону Цхинвала. Затем его обвинили в “создании условий” для разворовывания гуманитарной помощи, а раздате наград “не тем, кому следовало”, даже в “прокручивании денег”, выделенные на компенсационные выплаты и восстановительные работы»⁹⁶. Знаковым событием на этом пути стало интервью бывшего секретаря Совета безопасности непризнанной республики, участника обороны Цхинвали 8 августа 2008 г. Анатолия Баранкевича известному российскому изданию «Коммерсант» в декабре того же года под красноречивым заголовком «Не место этому президенту в Южной Осетии». В интервью Баранкевича Эдуард Кокойты обвинялся в авторитарных методах управления, фаворитизме, финансовых злоупотреблениях⁹⁷. Выступление Баранкевича четко продемонстрировало: внутренние противоречия между различными политиками в непризнанной/частично признанной республике и даже жесткая информационная война не означают отказа от курса на этнополитическое самоопределение. Нарастание внутривнутриполитических проблем достигло пика в конце 2011 г. в ходе президентской избирательной кампании. После того как с первого раза победителя определить не удалось, были проведены повторные выборы (они прошли в два тура), в которых победу одержал Леонид Тибилов, бывший министр безопасности Южной Осетии и многолетний переговорщик в формате Смешанной контрольной комиссии.

При этом в отличие от Абхазии контуры югоосетинского самоопределения менее ясны. Южная Осетия не имеет ни выхода к морю, ни значительных возможностей, связанных с развитием туристической инфраструктуры, ни достаточных людских ресурсов. Ее зависимость от российского федерального бюджета по сравнению с Абхазией намного больше. По словам Валерия Дзуцева, «экономическая зависимость Южной Осетии от России оценивается почти в 100%. Республика в настоящее время, в условиях закрытых границ с Грузией, отсутствия собственного промышленного производства и сферы услуг, не обладает практически никакими источниками собственного дохода. А отсутствие гарантий частной собственности и инвестиций лишают республику других возможных доходов»⁹⁸. Как верно указывает Ивлиан Хаиндрава, «после российско-грузинской войны 2008 г. и признания Российской Федерацией независимости Южной Осетии возникла поистине парадоксальная ситуация: Республика Северная Осетия–Алания, как по территории и численности населения, так и по экономическому потенциалу и ресурсам многократно превосходящая Южную Осетию, продолжает пребывать в ранге одного из 83-х субъектов Российской Федерации, а Южная Осетия стала “частично признанным государством”»⁹⁹. При этом идея объединения с Северной Осетией под эгидой Российского государства остается весьма сильной в республиканской элите, что не может не создавать проблем для официальной Москвы.

На сегодняшний день даже признание государственной независимости Южной Осетии вызывает открытое неприятие на Западе, а также скрытое недовольство большинства постсоветских республик и Китая. Присоединение же образования со спорным статусом создает новые проблемы для России на

международной арене. Именно этим можно объяснить весьма сдержанное отношение российского руководства к данной идее, время от времени озвучиваемой представителями Южной Осетии. Таким образом, в новых условиях важнейшей задачей для Цхинвали становится формирование максимально прозрачных механизмов освоения российской финансовой помощи, развитие собственной политической и экономической инфраструктуры, интеграция грузинского населения Ахалгорского района и, конечно же, ведение диалога с Тбилиси по гуманитарным аспектам (пересечение границы, вопросы о взаимном признании документов и паспортов) и недопущению инцидентов (похищения, криминальные действия, вооруженные столкновения).

В-четвертых, прекратилось международное миротворческое присутствие в республике. В отличие от Абхазии оно проходило в формате не ООН, а ОБСЕ. 22 декабря 2008 г. Россия на заседании постоянного Совета ОБСЕ выступила против продления мандата Миссии. Однако в качестве компромисса в феврале 2009 г. Москва согласилась на продление работы двадцати военных наблюдателей ОБСЕ (что не было тождественно, конечно же, формату всей Миссии). 13 мая того же года Россия воспользовалась своим правом вето и заблокировала продление полномочий для мандата Миссии. В отличие от Миссии ООН в Грузии (на территории Абхазии) Миссия ОБСЕ вызывала у Москвы больше нареканий (она критиковалась за необъективность и односторонность). Российская сторона выступала за преобразование одной Миссии ОБСЕ в две самостоятельные, имеющие два отдельных офиса – в Тбилиси и в Цхинвали. При этом ссылались на балканский опыт. В Сербии, несмотря на неоднозначность подходов к статусу Косово, действуют две отдельные миссии – в Белграде и в Приштине. В 1998–2001 гг. в Подгорице (столице Черногории, на тот момент субъекта Союзной Республики Югославия, ставшей в 2003 г. частью конфедерации Сербии и Черногории) работал офис бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. Российские подходы к международному присутствию на территории Южной Осетии не были приняты во внимание другими членами ОБСЕ. Впрочем, следует обратить внимание на то, что мандат Миссии был изначально ориентирован на Дагомыские соглашения 1992 г. Он предполагал «вовлечение в работу СКК» (которая более не функционирует), а также осуществление мониторинга «совместных миротворческих сил» (но эти силы перестали быть совместными и миротворческими еще до «пятидневной войны») ¹⁰⁰.

Таким образом, этнополитические конфликты в Абхазии и Южной Осетии прошли сложную и противоречивую динамику. Начавшись, как межэтнические противостояния, они впоследствии переросли в сложные проблемы международного уровня с вовлечением не только соседних государств, но и нерегиональных игроков. В ближайшем будущем трудно ожидать их мирного политического урегулирования. Грузины, осетины и абхазы все больше отдалялись друг от друга. Во всех конфликтующих обществах противостояние стало основой для легитимации и независимости и государственности. Не будет преувеличением сказать, что конфликты являются идеологическим фундаментом как для признанной государственности (в случае с Грузией), так и в еще большей степени для де-факто образований (Абхазия и Южная Осетия). В борьбе сторон игнорируются происходящие «по другую сторо-

ну» события, будь то экономические реформы, гуманитарное и социальное развитие. Нередко противостоящие друг другу силы не готовы относиться к противнику, как к возможному партнеру, предпочитая воспринимать его, как «территорию спора».

В течение всего периода после распада Советского Союза предпринимались неоднократные попытки урегулировать конфликты в Абхазии и в Южной Осетии, предлагались многочисленные проекты по примирению сторон, достижению компромиссов. Однако итоги оказались далекими от изначальных ожиданий. Даже относительно мирные периоды (как это было в случае с «замороженным» грузино-осетинским конфликтом в 1992–2004 гг.) не приводили к достижению всеобъемлющего урегулирования. Во всех остальных случаях насилие прекращалось либо через военную победу, либо через взаимное истощение ресурсов сторон. Но механизмы компромиссного согласования интересов, которые базировались бы на взаимном доверии, демократизации и экономической выгоде, не принимались сторонами конфликта (а также заинтересованными странами или группами).

Тем не менее данная констатация не означает, что урегулирование двух этнополитических конфликтов является обреченным на провал делом. Выстраивая миротворческие проекты на будущее, необходимо, во-первых, серьезно проанализировать и осознать причины неудавшегося до сих пор миротворчества, во-вторых, выработать реалистическую парадигму действий. Под реализмом в данном случае мы понимаем отказ от переноса эффективных миротворческих схем (возможно, зарекомендовавших себя вне пределов бывшего СССР) на кавказскую почву. В этой связи нам представляется непродуктивным пытаться применить «модель Южного Тироля» для Южной Осетии, «модель Кипра» для Абхазии, а «модель Боснии–Герцеговины» для реституции пострадавших от кавказских конфликтов. Вообще любая «схема» для урегулирования конфликта губительна. Абхазский и грузинский социум – не турецкий или греческий, а осетинский – не тирольский (немецкий). Следует понимать, что переговорный процесс ведется не с «воображаемым сообществом», а с представителями вполне определенного социума, имеющего свои исторические, культурные особенности и ценности. Каждое противостояние уникально. Даже два де-факто государства, которые возникли на территории бывшей Грузинской ССР, сильно отличаются друг от друга.

Исходя из принципа «реалистического миротворчества», необходимо при выстраивании переговорного процесса отказаться от принципа «одноактного урегулирования», который может завершиться подписанием «вечного мира». Ни в одном из постсоветских конфликтов невозможно в одном пакете без длительного согласования разрешить все вопросы (статус, беженцы, реституция имущества). Необходимо пошаговое продвижение к компромиссу, при котором каждый новый шаг будет укреплять взаимное доверие сторон. Таким образом, конфликты в Абхазии и в Южной Осетии могут быть разрешены на поэтапной основе с акцентом на разрешении текущих вопросов безопасности, гуманитарных проблем. В этом плане подписание промежуточных юридически обязывающих актов и даже деклараций представляется намного более важным, чем работа над подготовкой всеобъемлющего (но не выполнимого и не работающего) документа. Важнейшей составляющей продвижения к миру помимо реализма следует считать прагматизм. В пере-

говорном процессе должно быть как можно меньше абстракций, оторванных от интересов конкретных людей (как политиков, так и рядовых граждан, как признанных образований, так и де-факто государств, официальный статус здесь вторичен).

Как замечали российские политологи Андрей Кортунов и Сергей Лунев (применительно к демократии), «люди начнут верить в демократию, если убеждены в ее практической полезности для себя лично. В противном случае демократия в глазах людей теряет всякую ценность, и с ней при случае расстанутся так же легко, как в свое время распростились с социализмом и СССР»¹⁰¹. То же самое с полным основанием можно отнести и к конфликтному урегулированию. Только тогда, когда урегулирование конфликта окажется выгоднее для бизнеса участников противостояния, для их социального и политического статуса, чем продолжение вражды (включая и вооруженную борьбу), прогресс в мирном процессе станет реальностью. В этой связи бесперспективно предлагать для абхазской стороны возвращение грузинских беженцев, мотивируя это «приобщением к Европе и европейским принципам». «Европейские ценности» для сегодняшней республики, пережившей вооруженное противостояние и блокаду, не являются понятными и осязаемыми.

В той же степени необходимо отдавать себе отчет в том, что североатлантическая интеграция для Грузии не является приобщением этой страны к нормам и институтам демократии, а новым военно-политическим ресурсом для решения проблем «территориальной целостности». В этой связи переговоры должны быть переведены из плоскости дискуссий о ценностях в плоскость интересов и прагматики.

Крайне важна в продвижении к миру «десакрализация конфликтов», т.е. отказ от превращения конфликта в ключевой инструмент для легитимации власти. Вопросы статуса также не могут рассматриваться, как основополагающие. Проблема, какой флаг должен висеть над той или иной столицей, должен уступить место обсуждению гуманитарных и социальных проблем спорной территории. Определение статуса может затянуться на годы, а рядовые граждане территории с неопределенным статусом должны иметь возможность для реализации и защиты своих прав (как прав человека, так и гражданских прав). Только реабилитированная экономически и социально территория (де-юре или де-факто существующая) может ответственно подходить к переговорному процессу. В этой связи приоритетным должно стать исключение силы из процесса урегулирования. Формула «возможно все, кроме войны», могла бы стать квинтэссенцией переговоров.

Важная проблема конфликтного урегулирования – внешнее вмешательство. В этой связи необходимо отказаться от господствующего сегодня представления о том, что международный формат урегулирования всегда лучше эксклюзивного. Нагорно-карабахский конфликт практически изначально попал в фокус ОБСЕ, грузино-абхазский в сферу интересов ООН, а в молдавско-приднестровском конфликте было две страны-гаранта (РФ и Украина). Но в своем разрешении они не продвинулись дальше, чем грузино-осетинское противостояние, в котором Россия долгие годы была эксклюзивным миротворцем. Таким образом, проблема заключается не в многостороннем или одностороннем миротворчестве. Основная проблема – согласованность

действий внешних игроков. Если США и РФ действовали вместе в Нагорном Карабахе, то это позволило сохранить конфликт хотя бы в «замороженном виде», не дав перерасти ему в возобновление военных действий, которые были в Южной Осетии в 2008 г. Между тем жесткая конкуренция США и России в Грузии во многом спровоцировала грузинское руководство на повторение хорватского сценария 1995 г. в отношении непризнанной Республики Сербская Краина¹⁰². Следовательно, важным принципом является согласованность позиций внешних игроков (как в форматах мирного урегулирования, так и вне этих форматов).

И, наконец, последний (по порядку, но не по важности) тезис. Переговорный процесс не должен иметь заранее определенного и запланированного результата. Предопределение статуса (на основе территориальной целостности или же напротив самоопределения) не может считаться продуктивным. Очевидно, что разговор о будущем Абхазии и Южной Осетии не может произойти без учета всех реалий, которые имели место в последние два десятилетия. Простого возвращения спорных территорий к тем государствам, к которым они формально «приписаны», не может произойти по определению (поскольку целостность ныне новых независимых государства была сформирована и гарантирована во времена СССР). В то же самое время процесс этнического самоопределения не может продолжаться до бесконечности, поскольку и в самих де-факто государствах есть потенциально «сепаратистские регионы» (Гальский район Абхазии, Ахалгорский район Южной Осетии) и межэтнические проблемы (вопрос о представительстве этнических армян во власти в Абхазии). Таким образом, вопрос о разрешении конфликта должен быть завершающим итогом серии согласований интересов и даже политических торгов, их финалом. Он не может вручаться противоборствующим сторонам заранее, убивая у них любую мотивацию для дальнейших переговоров.

¹ Де Ваал Т. Де Угрозы безопасности на Южном Кавказе // Вестник Европы, 2002. № 7–8. С. 35–38.

² Тренин Д.В. Предисловие к русскому изданию // *Konnterс Б.* Федерализм и конфликт на Кавказе. М., 2002. С. 4.

³ 8 декабря 1991 г. главы трех бывших субъектов Союза ССР (РСФСР, БССР и УССР) в Вискулях под Брестом (Белоруссия) подписали Беловежское соглашение, состоявшее из 14 статей. В его преамбуле договаривающиеся стороны, как государства–учредители Союза ССР, подписавшие Союзный договор 1922 г. констатировали, что Советский Союз «как субъект международного права и геополитическая реальность, прекращает свое существование». Данный документ провозглашал также создание Содружества Независимых Государств (СНГ). Из 14 статей Беловежского соглашения особую важность имела Статья 5, в которой подписанты выразили готовность признавать и уважать «территориальную целостность друг друга и неприкосновенность существующих границ в рамках содружества». Полный текст см.: Соглашение о создании Содружества Независимых Государств // Ведомости Совета Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 51. 19 декабря. Ст. 1798 (Постановление).

⁴ По состоянию на май 2012 г. независимость Абхазии признана Россией, Никарагуа, Венесуэлой, Науру, Вануату и Тувалу. Независимость Южной Осетии признается всеми теми же государствами, за исключением Вануату.

⁵ Для урегулирования этнополитических конфликтов в Абхазии и в Южной Осетии с октября 2008 г. проводятся международные дискуссии по проблеме стабильности и безопасности на Южном Кавказе (более известные как Женевские дискуссии). Этот формат существует на основе договоренностей президентов России и Франции, достигнутых в августе 2008 г.

- В них на равной принимают участие делегации Грузии, РФ, США, а также представители ЕС, ООН, ОБСЕ. Абхазские и югоосетинские делегаты при этом не рассматриваются в качестве представителей самостоятельных государств. До июня 2012 г. прошло 19 раундов дискуссий. При этом Евросоюз пытается реализовать стратегию «вовлечения без признания». Находясь в марте 2010 г. с визитом в Сухуми, шведский дипломат Питер Семнеби (на тот момент специальный представитель ЕС по Южному Кавказу) заявил: «Наша политика не может состоять только из непризнания. Поскольку она не даст никаких результатов. И будет контрпродуктивной» (см.: *Семнеби П.* ЕС не признает Абхазию, но будет развивать отношения с ней // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/166482/?print=true>
- ⁶ U.S.-Russia Relations: “Reset” Fact Sheet // <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/us-russia-relations-reset-fact-sheet>
- ⁷ *Броерс Л.* Политика непризнания и демократизация // Пределы возможностей лидеров элиты и общества в нагорно-карабахском мирном процессе (на русском языке). Л., 2005. С. 70.
- ⁸ В ходе военных действий в 1992–1993 гг. погибли около 8 тыс. человек, 18 тыс. получили ранения разной степени тяжести, порядка 200 тыс. человек покинули территорию бывшей Абхазской АССР. Подробнее см.: Абхазия сегодня. Доклад № 176. Европа. 15 сентября 2006. Тбилиси; Брюссель (на рус. яз.). С. 1, 13.
- ⁹ В Абхазии подведены итоги первой переписи // <http://abkhasia.kavkaz-uzel.ru/articles/198470/>, 28.12.2011
- ¹⁰ Statistical Yearbook of Georgia 2005: Population, Table 2.1. P. 33. Department for Statistics. Tbilisi (2005).
- ¹¹ Цит. по: Республика Абхазия. Конституция Республики Абхазия // <http://dpashka.narod.ru/konstitut.html>
- ¹² Статьи Конституции Грузии цитируются по: Конституция Грузии (на рус. яз.) // <http://www.vessc.az/constitution/georgian-constitution-rus.html>
- ¹³ Цит. по: Закон Грузии об оккупированных территориях (на рус. яз.) // http://rrc.ge/law/kannGeo_2008_23_10_R.htm?lawid=1731&lng_3=ru
- ¹⁴ О деятельности прогрузинского правительства «Автономной Республики Абхазия» см. его веб-сайт: <http://abkhasia.gov.ge>
- ¹⁵ Тания Л. Варианты стратегии урегулирования грузино-абхазского конфликта // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 5. С. 51.
- ¹⁶ *Brooks W.* Russia’s conquest and pacification of the Caucasus: relocation becomes a pogrom on the post-Crimean period» Nationalities Papers. 1995. N 23(4). P. 675–86.
- ¹⁷ *Госебашивили Я.* Кем заселить Абхазию? // Тифлисский вестник. 1877. № 209. 27 сент.
- ¹⁸ Цит. по: Конституция Грузии (принята Учредительным Собранием Грузии 21 февраля 1921 года) (на рус. яз.) // http://www.200.org.ge/documents/1918docs/rus/21_02_21.pdf. В марте 1922 г. 4 района бывшего Закавказского округа были переданы в состав Азербайджана.
- ¹⁹ Цит. по: Борьба за упрочение Советской власти в Грузии: Сб. документов и материалов. 1921–1925 гг. Тбилиси. 1959. С. 80.
- ²⁰ 23 июля 1992 г. Верховный Совет Абхазии объявит Конституцию Абхазской АССР (автономии в составе Грузинской ССР), утратившей силу и провозгласит восстановление конституционного проекта 1925 года. Подробнее см.: *Lakoba S.* History: 1917–1989 // *The Abkhazians / Ed. G. Hewitt.* Richmond, 1999. P. 93.
- ²¹ *Нодия Г.* Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обязательства // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998. С. 30.
- ²² Цит. по: Абхазия: Документы свидетельствуют 1937–1953: Сб. материалов. Сост. Б.Е. Сагария, Т.А. Ачугба, В.М. Пачулия. Сухум. 1992. С. 6–7.
- ²³ Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992 / Сост. К.И. Казенин. М.; 2007. С. 27.
- ²⁴ Население Абхазии // <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/tmabkhasia.html>, см. также: *Лежгава Г.П.* Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии. Сухуми, 1989.
- ²⁵ Абхазия сегодня... С. 6.
- ²⁶ Подробнее см.: *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.; 2003. С. 267–273; *Маркедонов С.М.* Советский Кавказ в 1970-е годы: предчувствие гражданской войны // Неприкосновенный запас. 2007. № 2(52). С. 54.
- ²⁷ Блестящей иллюстрацией этого слова являются оценки, прозвучавшие в Заключении Комиссии Съезда народных депутатов СССР (известной также по имени ее председателя, как «Комиссия Анатолия Собчака»): «В этих условиях перед государственным и партийным

руководством республики встала важнейшая задача – оправдать свою роль политического и идеологического авангарда, действовать в духе перестройки, убеждением влиять на настроения людей, не допускать собственного отрыва от реального развития политических процессов в республике. Однако руководство ЦК Компартии Грузии не сумело найти контакт, наладить диалог с общественностью». Цит.по: Заключение Комиссии Съезда народных депутатов СССР по расследованию событий, имевших место в г. Тбилиси 9 апреля 1989 года // <http://sobchak.org/rus/docs/zakluchenie.htm>

Последующие события вокруг Абхазии и Южной Осетии покажут, что руководство ЦК КП Грузии пыталось использовать националистические настроения для сохранения своих позиций.

²⁸ В ходе событий 9 апреля 1989 г. погибли 19 и были ранены 200 человек. За две недели июльских 1989 г. столкновений в Абхазии погибли 14 человек. Подробнее см.: Грузия. Проблемы и перспективы развития / Под общ. ред. Е.М.Кожокина. М., 2002. Т. 1–2.

²⁹ Так в Абхазии из 318,3 тыс. ее жителей, внесенных в списки для голосования на референдуме о сохранении «обновленного Союза ССР», 17 марта 1991 г. на участки пришли 166,5 тыс., т.е. 52,3 % избирателей (в то время, как в общем составе населения автономии абхазы составляли лишь 17,8%, включая и тех, кто не имел права голоса). Из них 98,6% от числа явившихся на участки людей, или 51,6 % от общего числа избирателей проголосовали за формулировку, предложенную Москвой. Среди тех, кто принимал самое деятельное участие в строительстве абхазской непризнанной государственности, можно назвать Юрия Воронова, Альберта Тополяна, Галуста Трапизоняна, Сергея Матосяна.

³⁰ Абхазия сегодня... С.7.

³¹ Самым ярким примером такого подхода является монография Светланы Червонной. См. *Червонная С.М.* Абхазия–1992: Посткоммунистическая Вандея. М., 1993.

³² Цит.по: *Хинтба И.* развал СССР стал триггером этнополитических конфликтов на его окраинах // HYPERLINK "<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/182478>" <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/182478> 2011. – 18 марта. Закон, о котором идет речь, был ратифицирован 3 апреля 1990 г. Статья 3 данного Закона недвусмысленно гласила: «В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе». Полный текст Закона см.: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssrf0973.htm>

³³ *Konnumepc Б.* Указ.соч. С. 24.

³⁴ *Ачугба Т.А.* Этнополитическая ситуация в предвоенной Абхазии (Конец 80-х – начало 90-х годов XX века) // <http://kvkz.ru/history/2439-yetnopoliticheskaya-situaciya-v-predvoennoj-abkhazii-konec-80-x-nachalo-90-x-gg-xx-veka.html> 2010. 27 июня.

³⁵ Белая книга Абхазии: Документы, материалы, свидетельства. М., 1993.

³⁶ С началом военных действий абхазское руководство контролировало только территории вокруг Гудауты, Ткварчели и несколько сел Очамчирского района. В октябре 1992 г. под его контроль перешла также северо-западная часть Абхазии (Гагрский район).

³⁷ *Antonenko O.* Uncertainty: Russia and the Conflict Over Abkhazia /Statehood and Security: Georgia after the Rose Revolution / Eds. Coppiters, R. *Legvold.* Cambridge, 2005. P. 208–217.

³⁸ *Cheterian V.* The Face of the Caucasus // *Armenian International Magazine.* 2000. Vol. 5. № 3.

³⁹ Речь идет о соглашении, подписанном 27 июля 1993 г. при российском посредничестве в Сочи. По сути реализации Сочинского соглашения возвращала конфликтную ситуацию к лету 1992 г. Механизмов будущего государственного устройства Грузии и Абхазии этот документ не предлагал. И хотя абхазская сторона несет ответственность за срыв соглашения, грузинская сторона их также не выполняла (в частности, не был осуществлен полный отвод военных сил).

⁴⁰ 21 июля 1994 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 937 по поводу определения формата Миссии. Мандат МООНГ (121 наблюдатель) строился на основе Московских соглашений о прекращении огня от 14 мая 1994 г. Подробнее о деятельности ООН по урегулированию грузино-абхазского конфликта см. на сайте <http://www.unomig.org>

⁴¹ *Abkhazia Today.* International Crisis Group // *Europe Report.* № 176. 2006. 15 September.

- ⁴² Дитер Боден о трудностях мирного процесса на Южном Кавказе (интервью подготовлено С.М. Маркедоновым) // <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20989>
- ⁴³ *Лакоба С.З.* Абхазия де-факто или Грузия де-юре? (О политике России в Абхазии в постсоветский период. 1991–2000 гг.). Sapporo, 2001. С. 56.
- ⁴⁴ *Лепсая А.* Ситуация в Абхазии как модель замкнутого общества при наличии внешнего конфликта; факторы, влияющие на урегулирование // *Аспекты грузино-абхазского конфликта.* Ирвайн. Калифорния (на рус. яз.). 2000. Т.4.
- ⁴⁵ Подробнее см.: *Маркедонов С.М.* Северокавказская карта Грузии // *Свободная мысль.* 2010. № 12. С. 49–64.
- ⁴⁶ Комментируя в эфире программы «Рустави-2» эту акцию, Эдуард Шеварднадзе, в частности, заявил: «Как утверждают некоторые жители сел в Кахетии, Гелаев – нормально мыслящий, образованный человек, благосклонно расположенный в отношении Грузии» // см.: Шеварднадзе не считает Гелаева бандитом // <http://www.lenta.ru/vojna/2001/11/08/shevardnadze/> 2001. – 8 ноября.
- ⁴⁷ Военное образование Давид Тевзадзе получал в Колледже HYPERLINK обороны НАТО в Риме (1994), Центре Маршалла в Гармиш-Пантеркирхене (1995) и в Колледже командования в Канзасе, США (1996).
- ⁴⁸ *Касаев А.Ч.* Шеварднадзе постучится в дверь НАТО лично // *Независимая газета.* 2000. 11 апр.
- ⁴⁹ Цит. по: Конституция Республики Абхазия...
- ⁵⁰ Впрочем, из правил абхазской этнократии есть свои исключения. Так, кресло вице-спикера парламента республики негласно закреплено за представителем армянской общины. В Гальском районе республики, где даже после войны сохранилось этническое доминирование грузин (мегрелов), осуществляется образование на грузинском языке, издается районная газета «Гал» на трех языках (абхазском, русском и грузинском).
- ⁵¹ Аслан Абашидзе возглавлял Аджарию сначала в качестве председателя Верховного совета (1991–2001), а затем Главы автономии (2001–2004) в течение 13 лет.
- ⁵² Абхазия сегодня... С. 29.
- ⁵³ Цит. по: *Саакашвили М.* Мы вернем Абхазию // <http://top.rbc.ru/politics/26/05/2004/52202.shtml>
- ⁵⁴ Полный текст Декларации Бухарестского саммита НАТО см.: http://www.summitbucharest.ro/en/doc_201.html
- ⁵⁵ *Барбанов М.С., Лавров А.В, Целуйко В.А.* Танки августа. М., 2009. С. 11–42.
- ⁵⁶ Для Запада настало время искать новый дискурс для Грузии – Джон Коларуссо (интервью подготовлено С.М. Маркедоновым) // <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20404>
- ⁵⁷ В 1993–2006 гг. Кодорское устье было фактически «ничейной землей». Оно не контролировалось Сухуми. Однако и контроль официального Тбилиси здесь был номинальным. В реальности данная территория была во власти сванских полевых командиров. Грузинские власти пытались ввести эти подразделения под свой формальный контроль. Так, в 1998 г. отряд «Монадире» («Охотник») был включен в состав вооруженных сил Грузии, а в 1999 г. командир этого отряда Эмзар Квициани был назначен уполномоченным представителем президента Эдуарда Шеварднадзе в регионе. В июле 2006 г. отряд Квициани был расформирован, Квициани уволен со всех своих должностей, а само устье перешло под фактический контроль Тбилиси. Подробнее о ситуации в Кодори в постсоветский период см.: *Marten K.* Warlords, Sovereignty and State Failure. Chapter Three: Lessons from Post-Soviet Georgia // *Saltzman Working Paper.* 2009 – № 12. November. P. 42–67.
- ⁵⁸ Цит. по: *Саакашвили.* В Абхазию возвращается легитимное правительство // <http://regnum.ru/news/680582.html>
- ⁵⁹ Цит. по: Абхазия: пути вперед. Доклад № 179. Европа. 18 января. 2007. Тбилиси; Брюссель (на рус. яз.). С. 20.
- ⁶⁰ Цит. по: Саакашвили предложил Абхазии широкий федерализм и пост вице-преьера // <http://www.m.kavkaz-uzel.ru/articles/134226>
- ⁶¹ *Петросян Д.* Непризнанные страны Южного Кавказа в 2009 г.: на пути к формированию нового статус-кво в регионе // *Кавказ-2009. Ежегодник Института Кавказа.* Ереван, 2011 (на рус. яз.). С. 83.
- ⁶² Цит. по: *Алленова О.* В абхазскую кампанию добавили Грузии // *Коммерсант. Daily.* 2011. 25 августа. № 157 (4698).

- ⁶³ «Надеюсь, что следующая администрация США вернется к идее Договора по противоракетной обороне» // *Время новостей*. 2008. 2008. 1 нояб. № 204.
- ⁶⁴ *Пахоменко В.* Почему в Южной Осетии не спешат проводить перепись? // HYPERLINK <http://www.ekhokavkaza.com/content/article/2159959.html> 2010. – 16 сентября
- ⁶⁵ Georgia Crisis Flash Appeal. Revision 2008 // [http://ochadms.unog.ch/quickplace/cap/main.nsf/h_Index/Revision_2008_Georgia_FA/\\$FILE/Revision_2008_Georgia_FA_SCREEN.pdf?OpenElement](http://ochadms.unog.ch/quickplace/cap/main.nsf/h_Index/Revision_2008_Georgia_FA/$FILE/Revision_2008_Georgia_FA_SCREEN.pdf?OpenElement) 2008, October 7; Humanitarian consequences of the war between Georgia and Russia: follow-up given to Resolution 1648 (2009). Report // HYPERLINK "<http://assembly.coe.int/Mainf.asp?link=/Documents/WorkingDocs/Doc09/EDOC11859.htm>" <http://assembly.coe.int/Mainf.asp?link=/Documents/WorkingDocs/Doc09/EDOC11859.htm> 2009, April 9
- ⁶⁶ Ethnic groups by major administrative-territorial units [of Georgia] // http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/92/Georgia_Census_2002_Ethnic_group_by_major_administrative-territorial_units.pdf
- ⁶⁷ *Пахоменко В.* Обитаемый остров: Заметки о демографии юго-осетинского конфликта // http://www.polit.ru/article/2009/09/22/demo/#_ftn3 2009. – 22 сентября.
- ⁶⁸ Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия. Республика // <http://presidentrso.ru/republic/>
- ⁶⁹ Конституция (Основной закон) Республики Южная Осетия. Принята всенародным голосованием (референдумом) Республики Южная Осетия 8 апреля 2001 г. // <http://presidentrso.ru/republic/constitution.php>
- ⁷⁰ См. Конституция Грузии (на рус. яз.)...
- ⁷¹ Цит. по: Закон Грузии об оккупированных территориях (на рус. яз.)...
- ⁷² Глава 4 «Последующий период «революции роз» указанного «Отчета» содержит описание подходов официального Тбилиси к ситуации в Южной Осетии в 2004–2008 гг. // HYPERLINK <http://www.report.smr.gov.ge/chapter4-rus.html>. Помимо русской доступны также три других языковых версии документа (грузинская, осетинская, английская).
- ⁷³ История Юго-Осетии в документах и материалах (1800—1864 гг.) / Сост. И.Н. Цховребов. Сталинири, 1960. Т. II. 1960. С. 308–311.
- ⁷⁴ *Нодия Г.* Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // <http://www.infospace.narod.ru/publik/etnokonflikti.htm>. Слово «Самачабло» (весьма популярное для обозначения Южной Осетии в недолгий период президентства Звиада Гамсахурдиа) происходит от фамилии грузинских князей Мачабели, владевших крупными наделами земли на территории нынешней непризнанной республики. Интересно, что Мачабели претендовали на происхождение от древнего абхазского рода Ачба.
- ⁷⁵ Подробное исследование на эту тему см.: *Chetkovski N.* The Georgian-South Ossetian Conflict. Dissertation (Chapter 4) // <http://www.caucasus.dk/chapter4.htm>
- ⁷⁶ Полный текст парламентского постановления см.: <http://iratta.com/2007/04/27/1920.html> 2007. 27 апреля.
- ⁷⁷ Цит. по: *Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М.* История Грузии (с древнейших времен до наших дней). Тбилиси, 1993. // http://www.gramotey.com/?open_file=1269058088#ТОС_id3561206. Схожие аргументы можно встретить и в трудах других грузинских исследователей. См.: *Sakvarelidze A.* On Ethnic Composition of the Population of the Georgian Republic. Tbilisi, 1993.; *Totadze A.* The Population of Abkhazia. The Ossetians in Georgia, Tbilisi, 1994. Следует обратить особое внимание на последний заголовок «Осетины в Грузии», поскольку для грузинских историков, политологов характерен консенсус по поводу некорректности и невозможности использования топонима «Южная Осетия» применительно к территории Грузии.
- ⁷⁸ Грузия: как избежать войны в Южной Осетии. Доклад № 159. Европа. Тбилиси; Брюссель. 2004. 26 ноября. С. 4.
- ⁷⁹ *Скаков А.Ю.* Южная Осетия: демография, экономика, политика // Грузия: проблемы и перспективы... С. 172.; Грузия – Южная Осетия: возвращение беженцев – путь к миру. Политический Брифинг // Крайсис Групп. Европа. № 38. Тбилиси; Брюссель. 2005. 19 апр. С. 5.
- ⁸⁰ Следует отметить, что «цхинвальский марш» был совместно организован лидером грузинских националистов Звиадом Гамсахурдиа и первым секретарем ЦК Компартии Грузии Гиви Гумбаридзе. Как и в ситуации с Абхазией, «коммунистическо-диссидентский» дискурс был вытеснен националистическим.

- ⁸¹ В ночь на 6 января 1991 г. грузинская милиция и полувоенные формирования вошли в Цхинвали под предлогом поиска оружия и учинили жестокую расправу над беззащитным населением. При этом части внутренних войск МВД СССР были отправлены в казармы и не оказали никакого противодействия погромщикам. За этими событиями последовал год уличных боев. В ходе военных действий столицу Южной Осетии грузинские формирования штурмовали трижды (февраль и март 1991 г., июнь 1992 г.). В результате вооруженного противостояния были сожжены 100 осетинских и грузинских сел, убиты более 1 000 человек. Руководство Северной Осетии в начале 1992 г. в качестве одного из условий подписания Федеративного договора с Россией ставило поддержку Южной Осетии. В мае 1992 г. Северная Осетия перекрыла газопровод, идущий в Грузию.
- ⁸² Грузия – Южная Осетия... С. 2.
- ⁸³ Для референдума 17 марта 1991 г. в избирательные списки на территории Южной Осетии были включены 45 696 человек, из которых 44 012 (или 96,3%) приняли участие в голосовании. Из них 43 950 (или 99,9 % от числа участников голосования) высказались за сохранение обновленного Союза ССР.
- ⁸⁴ Текст Акта см.: HYPERLINK http://osinform.ru/1646-akt_provozglasheniya_nezavisimosti_respubliki_juzhnaja_osecija_5032.html 2007.29 мая.
- ⁸⁵ Текст Соглашений см.: Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: Документы 1989–2006 гг. 2008. С. 252–253.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ *Мацузато К.* Политический дискурс и трансграничная политика Грузии и Осетии после пятнадцатидневной войны // http://iriston.ru/su/index.php?option=com_content&view=article&id=66:2010-03-29-09-18-32&catid=37:2010-03-11-14-48-47&Itemid=56
- ⁸⁸ Подробно о деятельности ОБСЕ в Грузии (включая правовые документы) см.: <http://www.osce.org/georgia/13265.html>
- ⁸⁹ *Kolsto P., Blakkisrud H.* Living with Non-recognition: State- and Nation-building in South Caucasian Quasi-states // *Europe-Asia Studies*. 2008. № 60 (3). P. 483–509.
- ⁹⁰ Скаков А.Ю. Южная Осетия... С. 192–193.
- ⁹¹ Следует заметить, что в Докладе под эгидой Европейского союза (известного, как «Доклад Тальявини» по имени председателя Миссии по сбору фактов о российско-грузинской войне) была дана нейтрально-позитивная оценка деятельности российских миротворцев в зоне конфликта: «Нет и свидетельств, подтверждающих заявления о том, что российские миротворческие силы в Южной Осетии грубо нарушали свои обязательства в рамках международных соглашений, в том числе Сочинского соглашения, тем самым лишая себя международно-правового статуса» См.: Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict on Georgia. Vol. 1. P. 22–27//http://www.ceigh.ch/pdf/IIFFMG_Volume_I.pdf P. 22–27.
- ⁹² Цит. по: МИД России: разрыв соглашений чреват риском возобновления конфликта в Южной Осетии // http://www.rol.ru/news/misc/newssng/04/07/20_047.htm 2004. 20 июля.
- ⁹³ На выборах 2006 г. Эдуард Кокойты получил 98,1 % голосов избирателей. Все его три оппонента, а также «кандидат против всех» в совокупности не набрали и 2 % голосов.
- ⁹⁴ В 1990-е – начале 2000-х годов Дмитрий Санакоев занимал ряд ведущих постов в непризнанной Южной Осетии (в 1996 г. он был назначен на пост министра обороны, в 1998–2001 гг. занимал пост вице-преьера, а в течение пяти месяцев в 2001 г. премьер-министра республиканского правительства). В 2002–2006 гг. он ушел из политики, вел бизнес в Северной Осетии. В 2006 г. вместе с рядом общественных деятелей осетинского происхождения (Владимир Санакоев, Майя Чигоева-Цабошвили, Теймураз Джерапов, братья Каркусовы) основал «Союз национального спасения Южной Осетии», ориентированный на Грузию. По поводу возвращения Санакоева в политику и его перехода на сторону Тбилиси существуют различные версии.
- ⁹⁵ Грузия-Россия: ситуация остается опасной. Брифинг № 53 Европа. Тбилиси; Брюссель. 2009. 22 июня. С. 5.
- ⁹⁶ *Дзугаев К.Г.* Республика Южная Осетия. После признания // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году. Ежегодный доклад / Под. ред. *В.А. Тишкова, В.В. Степанова*. М., 2009. С. 584.

- ⁹⁷ Не место этому президенту в Южной Осетии. Бывший секретарь Совбеза республики о конфликте с Эдуардом Кокойты // Коммерсант-Daily. 2008. № 222 (4039). 5 декаб.
- ⁹⁸ Дзуцев В. Южная Осетия становится гипертрофированным регионом Северного Кавказа // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/155020/>
- ⁹⁹ Хаиндрава И. Две Осетии в контексте российско-грузинских отношений // Россия и Грузия: в поисках выхода. М., 2011. С. 114.
- ¹⁰⁰ <http://www.osce.org/georgia/13265.html> .
- ¹⁰¹ Кортунов А.В., Лунев С.И. Демократия и внешняя политика России // Проблемы политического развития России в условиях «неконсолидированной демократии»: Материалы научной конференции. М., 1999. С. 78.
- ¹⁰² Речь идет об операциях хорватских вооруженных сил «Молния» и «Буря» в мае и августе 1995 г. против непризнанной Республики Сербская Краина. Эти операции были де-факто поддержаны западными странами.

КИПРСКИЙ КОНФЛИКТ: СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ И ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ

В 2010 г. известный турецкий журналист и правозащитник Юли Таки написал: «Минуло 50 лет со времени основания Республики; 46 – со времени институциональной сепарации греческой и турецкой киприотских общин; 36 лет – со времени [политического] разделения острова и 33 года с момента первых договоренностей на высоком уровне, поддержанных мировым сообществом, по поводу двузональной, двуобщинной федерации». По прошествии столь длительного срока, пишет автор, в обсуждении кипрской проблемы не видно реализма, но преобладают эмоции и спекуляции, ограниченные рамками «национальных» табу¹.

Ситуация на Кипре и вокруг него действительно похожа на замороженный или отложенный конфликт, нежели на движение в сторону его преодоления. Между тем конфликтующие стороны давно переросли большую часть взаимных претензий, и каждая выстроила свою объяснительную схему допусков и компромиссов. На небольшом острове обе общины, разделенные политически на два государства (одно из которых не принято международным сообществом), разъединенные буферной зоной, именуемой по иронии судьбы «зеленой», ощущают сегодня взаимную потребность к объединению и кооперации.

Благие цели остались недостижимыми, а культивируемое разделение означает постоянную готовность к новому витку конфликта. По всей длине Кипра тянется заминированная «зеленая линия», в столице уже четыре десятилетия висит уродливая полоса препятствий, рассекающая город на две части – две соперничающие стороны.

КОНФЛИКТ КАК СРЕДСТВО «ИСТОРИЧЕСКИХ» ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

Распространена точка зрения, что именно с приходом на остров британской администрации на Кипре стал распространяться национализм. Мол, чиновники из метрополии стремились разделить киприотов по религии и этническому происхождению, и в этом корни противоречий. Однако процессы, приведшие к конфликту, были намного сложнее.

Великобритания получила Кипр в собственное управление от турецкого султана в 1878 г. после поражения Турции в войне с Российской империей. Султан, в свою очередь, был одарен Соединенным Королевством заверениями, что может рассчитывать на поддержку в случае агрессии со стороны России. До этого события Турция – Османская империя владела Кипром в течение нескольких веков, отобрав остров у венецианцев в 1571 г.

Считается, что в добританский период на острове не было явного разделения населения по этническим сообществам, а отличительным признаком являлась религия – христианство и ислам. Большинство населения говорило по-гречески и исповедовало православие, меньшинство же составляли выходцы из Турции и их потомки, приверженцы ислама суннитского толка. Соседство тех и других в одной деревне или близлежащих деревнях было характерным². Кроме ссор и мелких стычек, не имеется документальных сведений о межобщинных конфликтах на острове в период Османского правления. Вместе с тем было бы неверно, как это делают некоторые исследователи, говорить о том, что в тот период на острове была глубокая общественная интеграция. Хотя не следует современный кипрский конфликт возводить в ранг исторически предопределенного, важно понимать, что и прошлое не было идиллическим. На христианское население чаще осуществлялись гонения³, нередко вспыхивали крестьянские восстания. Известно также, что православные островитяне принуждались к исламу, а часть из них стала двурелигиозной – так называемые тайные христиане⁴, именовавшиеся в просторечии *линобамбаки*⁵.

Обычно именно о линобамбаках говорят как о насильно обращенных христианах, хотя некоторые исследователи полагают, что эта немногочисленная группа образовалась в результате естественного процесса религиозной конвергенции. Их вера была двойственной: публично они придерживались мусульманских практик, а в домашней обстановке тайно исповедовали христианство. Это могли быть последователи римско-католической церкви, которые в равной мере скрывали свою обрядность и от мусульман и от православных. Имеются также свидетельства того, что христианки, будучи замужем за мусульманами, сохраняли свою веру и передавали ее детям, и те исповедовали обе религии. Кроме того, известны примеры совместных сельских молений христиан и мусульман, например, о ниспослании дождя⁶.

Имели место межобщинные браки, но они не были распространены. Христианская норма запрещала брак с представителями иной веры, а мусульманская, допускала у мусульманина жену немусульманку лишь в том случае, если дети от такого брака станут мусульманами. Исследователи полагают, что межрелигиозные браки скорее приносили в межобщинные отношения разлад, а не интеграцию. Во многих деревнях имеются легенды и образцы народного фольклора по поводу конфликтов из-за женщин, в особенности, когда турок умыкал невесту-гречанку⁷.

Язык не был барьером для религиозных сообществ. Хотя родной язык для большинства мусульман был турецкий, в ходу был также греческий. Нередко они владели греческим языком как первым и родным. В некоторых деревнях мусульмане вообще не могли говорить по-турецки, причем это было в северной части Кипра, где мусульманского населения было больше, эта часть острова географически обращена в сторону Турции. Самостоятельное развитие турецкого и греческого языка на острове, а также их взаимовлияние привело к появлению диалектных особенностей, которые облегчали взаимную коммуникацию. Появление в конце XIX в. на острове массовой печати с литературным стандартом способствовало усилению барьеров между двумя языками⁸.

Еще в пору турецкого владычества на Кипр стали проникать идеи националистического толка. Их источником стала война за независимость против турецкого владычества в материковой Греции (1821–1828/29)⁹. На Кипре, находящемся вдали от Греции и всего лишь в 70 км от Турции, пропаганда помощи восставшим грекам была весьма активной, и киприоты отправлялись воевать за свободу Греции. В 1821 г. турецкая администрация острова казнила архиепископа кипрской православной церкви Киприана по подозрению в участии в тайном обществе, боровшемся за свержение турецкого господства в Греции. Казнены были также три епископа из основных городов острова, а также известные гражданские лица. По свидетельствам современников, часть деревень острова опустела в результате репрессий¹⁰.

Известно, что первый президент¹¹ Греции в 1828 г. прямо призвал киприотов к объединению с его страной¹². Идея объединения с Грецией – по-гречески *эносис* (Ενωσις) – была не только широко распространена, но и в конце концов реализована на других островах – Ионических (1862) и на Крите (1913).

Таким образом, к началу британского правления националистические идеи уже были распространены среди греческой элиты Кипра. В г. Ларнаке, приветствуя британских чиновников, епископ православной церкви Китон воззвал: час объединения Кипра с Грецией близок¹³. Передача Кипра Турцией под британское управление была оформлена в виде «аренды», поэтому новую администрацию жители острова восприняли не как хозяев, но как освободителей от турецкого владычества.

По договору Великобритания, обеспечивая управление островом, должна была передавать турецкому султану излишки получаемых доходов. Но назначенная ежегодна рента в 92 тыс. 799 ф. ст. и 11 шиллингов ни разу так и не была выплачена Турции. Деньги направлялись в Английский банк в качестве компенсации невыплаченных займов, которые предоставлялись Турции во время Крымской войны. Население Кипра было недоволено этим – ведь Кипр оплачивал турецкий долг. Недовольство британской налоговой политикой стало первой ступенью конфликта.

При британском правлении были внесены существенные коррективы в правую систему¹⁴, остров был одарен своего рода конституцией (1882)¹⁵, согласно которой действовал Законодательный Совет Кипра. В него вошли 12 народных избранников и 6 персон, назначаемых британской администрацией. Среди избранников трое должны быть мусульманами, а прочие – немусульманами¹⁶. Такая избирательная квота основывалась на скрупулезном подходе британцев, которые годом ранее провели на Кипре перепись населения. По представлениям чиновных статистиков, население подразделялось на крупные группы «греко-православных» («Greek Church») и «магометан», а также «римо-католиков», «маронитов», «грегориан», «англикан» и др.¹⁷

Учрежденный британской администрацией Законодательный Совет продолжал в своей основе аналогичную представительную структуру, существовавшую при оттоманской администрации. Отличие, однако, было в том, что британский вариант предусматривал квотное представительство греков и турок (согласно численности выборщиков), тогда как оттоманский вариант был основан на равном представительстве¹⁸. Избранники-мусульмане и назначаемые члены Совета поддерживали политику британской админист-

рации. Сама же колониальная администрация легко отменяла решения Совета. Такая форма правления вызывала недовольство населения¹⁹, а в целом ожидания греческого населения объединения с Грецией не оправдались.

В первом десятилетии XX в. на острове развернулись острые дебаты по поводу выборов православного архиепископа²⁰. Основной вопрос – какой ориентации должен придерживаться архиепископ, обязан ли он поддерживать идею эносиса. В споре победили сторонники эносиса, и церковь возглавила движение за объединение Кипра с Грецией²¹.

Турко-киприоты с самого начала были против идей эносиса. Эта тема была предметом жестких заявлений на заседаниях Законодательного Совета. В первые два десятилетия XX в. члены Совета от обеих общин находились в постоянных взаимных пикировках. В 1911–1917 гг. усилились требования со стороны турко-киприотских членов Совета «вернуть остров Оттоманской империи»²².

Первая мировая война сделала возможной окончательную узурпацию Кипра – Британия в одностороннем порядке аннулировала свои «арендные» обязательства перед Турцией, присвоив себе остров Греции было направлено предложение вступить в войну против Германии и Турции и в обмен получить Кипр. Но «торг» не состоялся. Турция признала утрату Кипра в 1923 г., а в 1925 г. остров официально стал колонией британской короны и его население – ее подданными. К этому моменту идеология эносиса, подкрепляемая революционными веяниями, была направлена именно против британского владычества.

После поражения Оттоманской империи в Первой мировой войне турецкая община Кипра оказалась в состоянии меньшинства, которое было некому защищать. Когда в среде лидеров греко-киприотов было принято решение послать свою делегацию в Париж на конференцию по мирному урегулированию и вынести идею эносиса на международный уровень, турко-киприоты организовали свое «представительное» собрание для обсуждения сложившегося положения. Первый Национальный конгресс турко-киприотов был проведен в декабре 1918 г. под председательством муфтия, принят в две резолюции: об отрицании эносиса и о возможности возврата острова законному владельцу (Турции)²³. С этого момента и в последующие два десятилетия на острове бурно развивались соперничающие политические идеологии – греко-кипрский и турко-кипрский национализм²⁴.

В сложившихся условиях постоянные финансовые разногласия между представительными властями Кипра и колониальной администрацией стали поводом для открытых столкновений. Конфликт разразился после того, когда британское правительство вознамерилось еще более увеличить на Кипре налогообложение. 21 октября 1931 г. толпа напала на здание британской администрации в столице Никосии и целиком сожгла его. Около двухсот деревьев по всему острову (треть всех поселений) поддержала бунтарей, произошло множество инцидентов. Бунт привел к жертвам и ранениям среди гражданского населения. Колониальные власти взяли под стражу и обвинили в совершении преступлений около 2 тыс. человек²⁵. Бунтовали города. Звучали призывы к эносису, священники убеждали людей, что православный патриарх якобы уже провозгласил конец британского правления «как

того желает народ». Шесть членов Законодательного Совета Кипра заявили о том же.

Возникала ли в тот период угроза межобщинных столкновений? Высказывается такое мнение: если бы военные силы Великобритании (вызванные из Египта) вовремя не подоспели, начались бы столкновения между кипрскими греками и турками²⁶. Но нужно учесть, что против финансовой политики британского губернатора выступали и греки, и турки, представлявшие Законодательный Совет²⁷. Впрочем, было очевидно, что ситуация может стать полностью неуправляемой. Поэтому в среде кипрских турок был учрежден (второй по счету) Национальный Конгресс, цель которого – защита прав турок-киприотов и поддержка политики кемалистской Турции²⁸.

После подавления бунта, действие кипрской конституции было заморожено, а Законодательный Совет распущен. Вплоть до 1940 г. гражданское управление целиком находилось в руках британского губернатора, который фактически стал диктатором, издающим декреты. Были запрещены газеты, политические партии и собрания, отменены муниципальные выборы (до 1943 г. главы муниципалитетов назначались губернатором)²⁹, два православных епископа отправлены в ссылку и фактически наложен запрет на избрание архиепископа. Место главы православной церкви Кипра пустовало тринадцать лет – с 1933 по 1946 г.³⁰ В школах отменялось изучение греческой и турецкой истории, запрещалось вывешивать греческие и турецкие флаги, а также портреты греческих и турецких деятелей и героев³¹. С 1937 г. в течение последующих девяти лет с целью предупреждения антиколониальной борьбы и распространения националистических воззрений британская администрация контролировала внутренние дела православной Церкви, вплоть до процедуры избрания архиепископа³². Правда, в 1937 г. в британском парламенте был учрежден Комитет по вопросам кипрской автономии, но его деятельность не имела особого значения.

При британском правлении часть интеллигенции Кипра смогла получить образование европейского уровня, некоторые киприоты обосновались в метрополии. В условиях жесткой политики запретов на острове логичным шагом стало перемещение центра идеологического сопротивления не куда-нибудь, а именно в Лондон. Возникла ситуация двойной лояльности – европейские ценности были восприняты во всей полноте и одновременно на высокий уровень была поднята национальная греческая идея. Во время Второй мировой войны тысячи киприотов уходили добровольцам на фронт для борьбы с фашизмом, десятки тысяч служили в вооруженных силах Великобритании. Однако цель освобождения Кипра оставалась не менее важной³³.

На самом острове в период Второй мировой войны возобновилась идеологическая работа, так как в 1941 г. британский губернатор вернул право политических собраний и партий. Националисты, поддерживаемые православной церковью, создали политическую организацию Общеаграрный Союз Кипра (Panagrotiki Enosis Kyprou – РЕК). Частично идею эносиса поддерживали даже кипрские коммунисты, хотя они всегда были противниками националистов³⁴. Борьба Греции в период Второй мировой войны за освобождение от фашистской оккупации и участие в этой борьбе греко-киприотов (в составе военных сил Британского содружества)³⁵ сделали идею греческого единения зримой и достижимой.

Как реакция на пропаганду эносиса, в 1943 г. в среде турко-киприотов возникло политическое объединение – Турецкое меньшинство острова Кипр (КАТАК), были сформированы турко-киприотские профсоюзы³⁶, в 1944 г. учреждена Кипрская Турецкая народная партия (КМТНР), цель которой противостояние передачи кипра греции. В 1949 г. КАТАК и КМТНР образовали Национальную турецкую объединенную партию Кипра³⁷.

После Второй мировой войны британская администрация возвратила Кипру ограниченные свободы, а в 1947 г. учредила Консультативную Ассамблею для изучения возможностей самоуправления и введения новой конституции. Однако это только усугубило положение. Общественные активисты стали требовать для Кипра полного самоуправления, открытое недовольство высказывало церковное духовенство. В том же году был избран архиепископ, и его политическая активность тут же обратилась против британской власти, но в поддержку эносиса. Ассамблея, включившая 18 представителей (в том числе 7 турко-киприотов) постоянно конфликтовала с колониальной администрацией³⁸.

Среди церковных пропагандистов эносиса особенно заметную роль играл молодой священник Макариос (Михаил Мускос). В последствии он стал первым президентом Республики Кипр. Получив теологическое образование в Афинах, а также в США, он в 1947 г. в возрасте 34 лет стал епископом и главным политическим советником архиепископа Кипра. По его инициативе в 1950 г. на острове проведен референдум, на котором почти все население высказалось за выход из колониальной зависимости от Великобритании и в пользу объединения Кипра с Грецией. В том же году Макариос был избран архиепископом (Макариос III)³⁹. На своей интронизации он сказал: не дам себе отдыха, пока не будет объединения с матерью Грецией⁴⁰. Авторитет Макариоса на Кипре был огромным, молодой архиепископ стал национальным лидером этнического большинства.

Поскольку колониальные власти не разрешали референдум, он был проведен в рамках кипрской церкви в течение двух январских воскресений. При этом, как сообщалось, в плебисците участвовали не только греко-киприоты, но и турецкое население острова. За эносис высказались 95,7% голосовавших. Результаты референдума были представлены в парламент Греции и в ООН. Говорилось, что судьба Кипра должна решаться в соответствии с принципом самоопределения. В 1951 г. архиепископ Макариос направился в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке, чтобы заявить об этом на весь мир. Ответ Британии был таков: решение кипрского вопроса не является прерогативой ООН, это сугубо внутренняя проблема Соединенного Королевства⁴¹. Так сложились условия для распространения политического радикализма, идеи которого нашли своих исполнителей.

В 1951 г. на Кипр после двадцатилетнего отсутствия вернулся Георгиос Гривас – отставной полковник армии Греции, снискавший себе известность как доблестный солдат греко-турецкой войны 1920–1922 гг. и как руководитель тайной террористической организации «X», боровшейся с нацистскими оккупантами во время Второй мировой войны. Гривас пытался сделать в Греции политическую карьеру, но не добился успеха⁴². И вот, идея эносиса захватила Гриваса. Он предложил свои «силовые» услуги архиепископу Макариосу, но получил отказ – архиепископ настаивал на политическом ре-

шении кипрской проблемы. Полковник, который был намного старше своего оппонента⁴⁴, впрочем, игнорировал мнение руководителя церкви⁴³. Поскольку конечные цели совпадали, архиепископ и полковник поначалу все же сотрудничали. В 1952 г. в Афинах, под председательством Макариоса было проведено секретное заседание так называемого Кипрского освободительного комитета, организатором и лидером комитета был Гривас⁴⁵.

Тем временем в британском парламенте полным ходом шло обсуждение кипрской проблемы, но выход из тупиковой ситуации так и не был найден. Лишь в 1954 г. было оглашено: предложения по новой кипрской конституции рассматриваться не будут. При этом недвусмысленно указывалось: «некоторые территории Британского Содружества, ввиду особых обстоятельств никогда не будут полностью независимы»⁴⁶. Это послужило прологом интернационализации кипрской проблемы.

Летом того же года последовал официальный запрос Греции в ООН: вопрос о самоопределении народа Кипра должен быть рассмотрен на сессии Генеральной Ассамблеи. Естественно, выступила и Турция – ее представитель в ООН заявил, что народ острова «не более греки, как и сама территория», намекая на турецкую принадлежность Кипра⁴⁷. К тому времени турко-кипрские политические объединения широко заявляли, что после прекращения колониальной зависимости от Великобритании остров должен «вновь перейти под контроль Турции»⁴⁸.

Генеральная Ассамблея ООН была вынуждена анализировать ситуацию. В конце 1954 г. было принято удивительное решение: вообще не обсуждать кипрскую проблему... Декать, «нет возможности вынести по этой проблеме резолюцию». На острове последовал взрыв общественного возмущения. Лидеры призвали к всеобщей забастовке, и население откликнулось в полной мере. Были даже прекращены школьные занятия, и дети тоже приняли участие в уличных акциях протеста. Макариос в тот период находился в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке⁴⁹, но и без его участия волнения охватили почти весь остров.

Колониальная администрация стремительно теряла контроль и инициативу. Ее заявления, что пропагандисты эносиса будут осуждены на пятилетний тюремный срок, не возымели действия. Архиепископ Макариос демонстративно игнорировал запреты, британские власти опасались предпринимать против него санкции⁵⁰. Кипрская проблема к тому времени уже приобрела международный резонанс. В этих условиях Великобритания стала готовиться к силовому отстаиванию своих интересов – британские военно-морские и воздушные силы, размещенные в зоне Суэцкого канала, были направлены на Кипр. Это вызвало новую волну возмущения на острове и за его пределами. Сложилась предпосылка для открытых столкновений.

В 1955 г. на смену острым политическим дебатам пришли террористические акции. Вернувшись из Нью-Йорка в январе, архиепископ Макариос имел встречу с Гривасом. Как свидетельствуют некоторые источники, Гривас предложил учредить новую организацию сопротивления, и Макариос с этим согласился⁵¹. Возникла Народная организация кипрских бойцов⁵² ЕОКА (Ethniki Organosis Kyprion Agoniston). Среди греко-киприотов эта организация была воспринята как партизанская, борющаяся с колониализмом за высочайшую идею – эносис. Британская армия и полиция вела настоящую войну

с этой организацией, называя ее террористической. С появлением ЕОКА на острове резко возросла напряженность, стали пустеть этнически смешанные деревни. Чувства гордости этнической принадлежности все чаще перемешивались с чувствами страха.

Организатором ЕОКА был Гривас. В 1955 г. 1 апреля прогремели взрывы сразу в четырех городах Кипра и была распространена «декларация», в которой Гривас подписался псевдонимом «Digenis» (именем грека, который, согласно кипрской мифологии византийского периода, бросил огромную скалу в пиратов, угрожавших возлюбленной⁵³). Подписант листовки объявил, что началась военная кампания греко-киприотов за самоопределение. В воззвании были такие строки: «освобождение от оккупантов всегда приходит через КРОВЬ».

Как потом утверждал Гривас, терроризм был направлен на привлечение внимания мировой общественности к проблеме Кипра. Подобные методы борьбы не находили поддержки Макариоса, хотя на ее начальных этапах оба деятеля поддерживали секретные контакты. Некоторые наблюдатели, а затем и историки склонны причислять архиепископа к руководству организации сопротивления. Как бы то ни было, британские колониальные власти арестовали и отправили Макариоса в ссылку (1956), а законспирированного Гриваса искали, обещая огромное вознаграждение всякому, кто укажет его местонахождение. По иронии судьбы награда за Гриваса равнялась сумме, которую Британия ранее взимала с Кипра для оплаты аренды острова...

В войне с ЕОКА колониальные власти использовали не только военные подразделения, но и штат полицейских, который был расширен за счет турко-киприотов⁵⁴. Этот факт некоторые склонны оценивать как причину дальнейших межэтнических столкновений. Но есть данные о том, что ЕОКА рассматривала турко-киприотов как потенциальных союзников в борьбе с колониализмом или по крайней мере как тех, кто не мешает этой борьбе⁵⁵.

Вслед за греческой ЕОКА возникла Кипрская турецкая организация сопротивления для защиты турецкой части населения острова. Ее инициатором и руководителем был политический деятель Кипра Фазиль Кучук. В сентябре 1955 г. эта легальная организация была им распущена и вместо нее создана тайная организация сопротивления «Волкан»⁵⁶.

Тем временем в Греции развернулись массовые акции и марши в поддержку эносиса с Кипром. Радиостанции из Афин буквально обрушили на остров пропагандистское вещание⁵⁷. На протяжении последующих лет нападениям, подрывам, поджогам, убийствам и ранениям подвергались британские военные, колониальная полиция, представители колониальной администрации и их родственники, а также без разбора по этническим различиям все те, кто сотрудничал с ними.

Через несколько месяцев после начала действий ЕОКА в Лондоне открылась Трехсторонняя конференция по проблеме Кипра. Впервые Великобритания призвала другие страны для обсуждения кипрской проблемы – Грецию и Турцию, и те приняли приглашение. Представителей Кипра на конференцию не позвали. Архиепископ Макариос выступил против участия Греции в этой конференции⁵⁸. Конференция все же состоялась, но не прояснила ситуацию, а стороны не пришли к какому-либо решению. Однако сам факт ее проведения имел значение. В дни конференции произошел взрыв у

турецкого консульства в Греции, а затем последовали беспорядки в самой Турции, где подверглось уничтожению большое количество собственности проживающих там греков. Для умирения толп турецким властям пришлось использовать армию⁵⁹.

Неудача с конференцией усугубило туниковое положение. Стало очевидно, что Британия осталась один на один со «своей» проблемой. В октябре того же 1955 г. на Кипр отбыл новый колониальный губернатор – фельдмаршал Джон Хардинг. Он сразу начал вести прямые переговоры с архиепископом Макариосом, предлагал экономическую помощь острову и намекал на некие возможности самоуправления. А в обмен требовал отказаться от идеи самоопределения. Но партизанские действия ЕОКА не утихали, количество взрывов и жертв умножалось. В ноябре Хардинг объявил на Кипре чрезвычайное положение, британские колониальные войска были приведены в полную боевую готовность. Из полиции местных стали увольнять, а на службу привлекали британцев. На острове были запрещены все политические свободы, забастовки и под страхом смертной казни – ношение оружия⁶⁰.

Некоторое время губернатор вел с архиепископом переговоры, а кульминацией стало обвинение Макариоса в организации беспорядков, его арест и высылка вместе с несколькими церковными иерархами на далекие Сейшельские острова. Произошедшее еще более взвинтило обстановку, террористические акции умножились, законспирированные группировки призывали население к всеобщей забастовке. Лидером сопротивления стал Гривас⁶¹.

Как это ни удивительно, только теперь британский истеблишмент осознал, что без реальных политических перемен ситуацию не переломить. Было объявлено, что планируется конституционная реформа и возврат к прежним (довоенным) формам самоуправления. Говорилось о защите турок-киприотов. Упоминалось также о возможности самоопределения «в будущем». Однако обещания ситуацию не улучшили, и на остров был направлен новый губернатор⁶². Тем временем Гривас и его организация расширили свою подрывную деятельность. Жителей острова призывали отказываться от британских товаров⁶³.

В ноябре 1957 г. на Кипре возникла Турецкая организация сопротивления⁶⁴ («*Türk Mukavemet Teskilati*» – ТМТ), которая использовала те же методы конспиративной и террористической борьбы, что и греческие «оппоненты». (Ныне в непризнанной Турецкой Республике Северного Кипра ежегодно 1 августа празднуют День ТМТ). Деятельность ТМТ продолжалась вплоть до оккупации северной части Кипра войсками Турции в 1974. Созданная организация провозглашала политические цели «разделения» Кипра – *taksim*. В ответ на убийства полицейских из числа турко-киприотов, учиненные боевиками ЕОКА, боевики ТМТ стали нападать и убивать греко-киприотов⁶⁵.

В атмосфере насилия поздно и бессмысленно было доискиваться «правды» и выяснять, кто первый поднял руку на представителя другой общины. В начале 1958 г. резко возросла напряженность между греческой и турецкой сторонами на острове. Замаячила угроза гражданской войны.

Менее чем через полгода, в июне был разработан так называемый План Макмиллана⁶⁶, который предполагал раздельное для двух общин самоуправление на законодательном и муниципальном уровне. Греция тут же заяви-

ла, что этот план неприемлем, так как подразумевает разделение острова, а Турция поддерживала разделение. Обе страны впервые стали обсуждать проблему самостоятельности острова.

Макариос, который через месяц после ссылки был отпущен (но ему запрещалось возвращаться на Кипр), настаивал на том, что именно достижение независимости Кипра решит проблему⁶⁷. В сложившихся условиях это был совершенно новый подход.

В феврале 1959 г. Греция и Турция на переговорах в Цюрихе, наконец, пришли к согласованию своих позиций о том, что Кипру действительно необходима независимость. В Лондон направился архиепископ Макариос, где ему представили итоговые документы с изложением позиции. Эти документы он подписал. Далее, договоренности, достигнутые в Цюрихе и Лондоне, были ратифицированы Британией, Грецией и Турцией и легли в основу конституции Кипра⁶⁸.

Согласно договорам, Кипр становился независимым, однако Великобритания оставляла за собой часть территории. Кроме того, оговаривалось военное присутствие трех государств-гарантов. Характерно, что договоренности жестко определяли этническую двуобщинность управления. Президентом новой республики должен был стать греко-киприот, а вице-президентом – турко-киприот. Этнические квоты предусматривались для парламента и министров. Выборы следовало проводить в двух общинах отдельно. Констатировалось, что самостоятельные палаты общин будут ведать сферами культуры, религии и образования, а вооруженные силы Кипра состоять на 60% из греко-киприотов и на 40% из турко-кипротов⁶⁹. Таким образом, если в предыдущие годы взаимные нападки формировали межобщинные барьеры, то теперь международные договоренности эти барьеры закрепили юридически.

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

Желаемое освобождение от колониальной зависимости было достигнуто. Но в среде греко-киприотов царил недоумение – ведь международные договоренности даже не упоминали об объединении с Грецией. Гривас и его сторонники настаивали на эносисе. Тем не менее деятельность ЕОКА была официально прекращена 31 марта того же года, а сам Гривас отбыл в Грецию. За период с 1955 по 1958 г. в результате подрывной активности ЕОКА погибли более 300 британских солдат, офицеров и полицейских, сотни человек среди гражданского населения, около 6 тыс. турко-киприотов покинули свои дома; греко-киприоты также вынужденно переселялись.

В декабре 1959 г. прошли выборы первого президента – им стал Макариос. Они сопровождались нападками на него со стороны радикальных групп греко-киприотов, обвинявших архиепископа в предательстве интересов народа, в отказе от эносиса.

Вице-президентом стал Ф. Кучук. Его турецкая община выбрала без каких-либо дебатов⁷⁰. На своих постах оба стремились действовать скоординировано, следуя политике неприсоединения и поддержке позитивных отношений с тремя странами-гарантами. Это было крайне важно для сохранения

гражданского мира на Кипре. Однако в условиях межобщинного недоверия, этнической политизации и идеологии, сегрегированная модель управления, заложенная международными договорами, стала давать сбои. Множились разногласия по поводу соблюдения межобщинных квот в армии и государственном управлении. В споре о квотах в вооруженных силах Кипра вице-президент воспользовался правом вето, и дебаты зашли в тупик.

Как и предусматривалось, на двуобщинной основе 31 июля 1960 г. были проведены выборы в парламент, а 16 августа вступила в действие Конституция Кипра, знаменуя появление независимого государства. Последовало признание независимости Кипра другими странами и установление с ними дипломатических отношений, в том числе с СССР. Через месяц Кипр стал членом ООН. Казалось бы, можно переходить к мирной жизни и строить гражданское государство. Но в 1962 г. двуобщинная система управления вновь дала сбой, на этот раз на муниципальных выборах. По всему острову обе этнические общины стали обвинять друг друга в нарушении законности. Требовалось решение Конституционного суда, но оно никого не удовлетворило, и раздоры только усилились.

В обеих общинах острова не только не исчезла, а наоборот, все шире распространялась этнонационалистическая идеология. И там, и там продолжалась скрытая организационная и пропагандистская деятельность боевых отрядов. Имеются свидетельства о том, что каждой из сторон контрабандным путем из Греции и Турции осуществлялись поставки оружия и боеприпасов. Группировки ЕОКА и группировки ТМТ пытались теснее взаимодействовать с военными контингентами соответственно Греции и Турции, расквартированными на острове⁷¹. Это был этап массивной военно-технической мобилизации гражданского населения.

Разногласия по вопросам квот в государственном управлении стали основной повесткой дня. В 1963 г. депутаты греко-киприоты предложили поправки к Конституции. До этого был подготовлен и обнародован (с целью заручиться международной поддержкой) план, согласно которому Кипр отказывается от квотного представительства в управлении, так как на долю турко-киприотской общины перепало «слишком много». Кроме того, предполагались поправки, открывающие дорогу этноцису. План также предусматривал подавление возможного мятежа в среде турко-киприотов⁷². С таким «подходом», естественно, не согласилась Турция. Напряженная ситуация на острове вновь обрела международный аспект⁷³. Это стало прологом тяжелых событий, которые позднее были названы «кипрской гражданской войной 1963–1964 годов».

30 ноября 1963 г. президент Макариос представил измененный план конституционных поправок. В этом варианте плана среди прочего зафиксирован отказ от конституционного права вето, которым могли пользоваться как президент, так и вице-президент страны. Турция высказала 16 декабря свое несогласие, заявив, что план поправок Макариоса подрывает кипрскую конституцию. А уже 21 декабря начались межобщинные столкновения⁷⁴.

Поводом начала массовых противоборств стал инцидент, в результате которого греко-киприотская полиция (на службу в полицию принимали по квотному этническому принципу) задержала турко-киприотскую пару для досмотра на границе турецкого квартала в Никосии. При этом собралась

враждебно настроенная толпа зевак, прозвучали выстрелы, и задержанная пара была убита. Весть о случившемся распространилась мгновенно, и боевики с той и другой стороны стали захватывать людей на улицах, объявляя их заложниками. Между столичными жителями завязались настоящие бои со стрельбой, ранеными и убитыми. Особенно ожесточенные схватки происходили по границе турецких и греческих кварталов⁷⁵. В последующие десять дней, названных «кровавым Рождеством», 133 турко-киприотов были убиты или пропали без вести.

Вице-президент Ф. Кучук и члены парламента объявили об отказе участвовать в управлении страной. На остров поспешил специальный представитель ООН – таково было решение январской 1964 г. конференции в Лондоне, в которой участвовали три страны-гаранта, генеральный секретарь ООН, а также представители обеих кипрских общин⁷⁶. В феврале он составил отчет, в котором говорилось: ситуация крайне опасна. Уже в марте была вынесена резолюция Совета Безопасности ООН⁷⁷, которая призвала государства воздержаться от вмешательства, и на Кипре началось развертывание миротворческих сил ООН⁷⁸. К маю международный контингент на острове насчитывал 6,5 тыс. военных. Миротворцы имели мандат сроком на три месяца (но оказалось, что не хватит и трех десятков лет).

Несмотря на предпринятые ООН действия и невмешательство стран-гарантов, столкновения греко-киприотов и турко-киприотов продолжались до августа 1964 г., особенно сильные происходили в апреле и марте.

Беженцы турко-киприоты, направляемые бойцами ТМТ, объединялись в оборонительные анклавы. Огромная их масса скопилась во временных палаточных лагерях в турецкой части Никосии. В столице стали множиться трущобы, возводимые из подсобных материалов. Перенаселенность и антисанитария были ужасающими. При этом многие жизненные нужды, включая доставку продуктов питания, могли поддерживаться только через территории, контролируемые греко-киприотами⁷⁹.

Около половины смешанных населенных пунктов по всему острову опустели. Возникли 42 военизированных турко-киприотских анклава. К лету 1964 г. территориальное разделение двух общин стало максимальным. Современные эксперты с турецкой стороны назвали этот период «институциональной сепарацией».

В июне того же 1964 г. началась греко-киприотская военная мобилизация, была создана Национальная гвардия Кипра. С этого момента все греко-киприоты мужского пола в возрасте 18–59 лет были обязаны состоять на военной службе и иметь оружие (позднее ношение оружия было разрешено только солдатам Национальной гвардии и полицейским). В этот критический момент президент Макариос приглашает Г. Гриваса (и тот приезжает из Греции) принять командование гвардией. Одна из целей ее формирования – обуздать греко-киприотские самодеятельные отряды. В данной ситуации военный авторитет Гриваса должен был сыграть ключевую роль⁸⁰. Однако Гривас был офицером армии Греции, и его приглашение было явным нарушением международных договоров.

В июле стало известно о вмешательстве США, которые предложили Греции и Турции план. Согласно его первому варианту Кипр получит возможность эносиса, если Греция передаст Турции свой самый восточный о. Ка-

стелоризо⁸¹, расположенный в 2 км от побережья Турции, а Кипр передаст Турции под суверенную территорию для военного базирования свою северо-восточную часть – полуостров Карпасия. При этом на Кипре должны быть созданы безопасные турецкие анклав, выделяемые административно и управляемые турко-кипрской администрацией из Никосии. Второй вариант плана предполагал отказ от турко-кипрского самоуправления и не передачу, а сдачу Турции в аренду полуострова⁸². Но оба варианта не понравились президенту Макариосу, который заявил, что такой план ведет к разделу острова⁸³.

Численный состав новоявленной греко-кипрской гвардии, безусловно, намного превышал порог, определенный странами-гарантами. Кроме того, турко-киприоты и военные наблюдатели Турции указывали на увеличение на острове численности военных советников из Греции, и это также нарушало международные договоренности. В июне стало известно, что Турция готовит военное вторжение на Кипр. Однако на сцене вновь появились США, которые в довольно резкой форме предупредили руководство Турции «не делать опрометчивых шагов». Турецкие самолеты все же нанесли удар по греко-киприотским силам, осаждавшим турецкие деревни на северо-западной оконечности острова, но вторжения не произошло⁸⁴.

Национальная гвардия, руководимая Гривасом, стала проводить усиленное патрулирование турко-киприотских анклавов. А те, в свою очередь, охранялись турко-киприотскими ополченцами ТМТ и были под надзором миротворческих сил ООН. Между бойцами греко-киприотами и турко-киприотами, между группами гражданского населения обеих общин происходили стычки. Раздоры возникали даже среди вчерашних соседей. Одно из столкновений чуть не повергло в состояние войны Турцию и Грецию.

Речь идет об инциденте в двух деревнях южной части Кипра – Агиос Теодорос (турецкое название Богазичи) и Кофину (Гечикале). По описанию очевидца – американского дипломата П. Харта, который в тот период был послом США в Турции⁸⁵, – обе деревни располагались неподалеку по дороге между городами Ларнака и Лимассол. В первой деревне турки в количестве 685 человек традиционно населяли северную возвышенную часть, «контролируя» въезд в населенный пункт через единственный мост. А ниже по склону проживали греки численностью 525 человек. Взаимоотношения двух общин, ранее дружественные, резко ухудшились в 1963 г., когда из кипрской столицы пришли вести о правительственных раздорах между греко-киприотами и турко-киприотами. Масла в огонь подливали местные ополченцы. Первая стычка произошла в мае 1964 г. просто потому, что греки ошибочно приняли стрельбу в воздух в честь праздника Курбан Байрам в турецкой части деревни за «начало наступления». Последовала взаимная перестрелка. В следующие месяцы боевики турко-киприоты стали терроризировать греческих жителей, не позволяя использовать дорогу для въезда в деревню. В июне подразделения международных миротворцев с трудом предотвратили бой селян за «контрольную высоту».

В 1966 г. инциденты с транспортным доступом в деревню затронули греко-киприотскую полицию и солдат Национальной гвардии. Параллельно, в трех км, в деревне Кофину, где численность местных турко-киприотов была подавляющей, тоже развивался «дорожный» инцидент. Деревня расположе-

на на стыке магистральных направлений от г. Ларнаки – в столицу Никосия и г. Лимассол. В начале 1967 г. все дорожные знаки у этой деревни, на которых имелись надписи по-гречески (в стандартной английской транслитерации, как и по всему острову), были сняты и заменены на надписи по-турецки (тем самым эмиссары турко-киприотской боевой организации ТМТ стремились в разных частях острова «ответить» на преследование турко-киприотских автобусов в г. Фамагуста). Как следствие, к месту подтянулись вооруженные силы ТМТ, с одной стороны, и Национальной гвардии – с другой. Противостояние длилось несколько дней, и его удалось прекратить силами миротворцев. Однако командующий Гривас двинул греческий батальон, подкрепленный военными машинами. В ответ на это миротворцы также увеличили свое присутствие, добиваясь переговоров и урегулирования.

Далее события вновь перенеслись в деревню Агиос Теодорос. В июле того же года здесь разразилась многочасовая перестрелка, которую смогли остановить только миротворцы. Через день после инцидента бойцы ТМТ обстреляли машину Национальной гвардии у д. Кофину. Еще несколько дней спустя стрельба уже велась со стороны расположения Национальной гвардии в сторону турко-киприотского дорожного поста д. Агиос Теодорос. Затем турко-киприотская полиция у Агиос Теодорос не допустила патрулирование греко-киприотской полиции. А когда проезд для нее все же был открыт и патруль проехал в греческую часть деревни, то на обратном пути попал в засаду, устроенную боевиками ТМТ.

Далее на арену местных событий выступила Турция, заявив, что пропуск в греческий сектор деревни Агиос Теодорос станет возможным лишь в том случае, если будут убраны дислокации Национальной гвардии в другом месте – у стратегически важной дороги в предместьях г. Ларнаки. Там Национальная гвардия ранее построила фортификационные укрепления, и в ответ свои укрепления возвели турко-киприоты. В качестве репрессалий со стороны республиканских властей расположенное поблизости турко-киприотское селение подверглось экономической и транспортной блокаде. В конце концов миротворцы установили режим беспрепятственного проезда для обеих сторон, и ситуация возле Ларнаки стала менее взрывоопасной. Тем не менее Турция сочла возможным связать инцидент у Ларнаки с инцидентами у названных деревень, настаивая на своих требованиях. К ноябрю ситуация в районе д. Агиос Теодорос еще более ухудшилась.

В тот период на Кипре происходило множество локальных конфликтов. Но вмешательство Турции в один из них являлось сигналом, что грядут серьезные события. Стало известно, что Греция активно поддерживает своих «соплеменников», и греко-киприоты вот-вот попытаются силой вернуть себе право патрулирования в районе д. Агиос Теодорос. Миротворцы, пытаясь упредить очередное столкновение, предложили сторонам согласовать расписание патрулирования, но высокие инстанции из Турции выдвинули невыполнимые требования. Столкновения были неизбежными, а за ними – и военные действия Турции и Греции.

Однако помог случай. Рауф Денкташ, турко-киприотский лидер (впоследствии – президент Турецкой Республики Северного Кипра), создатель ТМТ, высланный с Кипра годом ранее и проживавший в Турции, в октябре описываемого года тайно вернулся на остров. В момент высадки на берег он

был схвачен греко-киприотскими спецслужбами. Арест Денкташа на Кипре мог уронить авторитет властей Турции, поэтому последовала политическая игра, и власти Кипра (безусловно, и сам Макариос) дали согласие отпустить Денкташа в Турцию. Это произошло 12 ноября, и почти сразу Турция проявила акт доброй воли, согласившись не увязывать проблему разрешения конфликта у д. Агиос Теодорос с проблемой демонтажа греко-киприотских фортификаций у дороги на Ларнаку.

С того момента усилия специального представителя ООН были направлены на убеждение греко-кипрской администрации острова: необходимо отложить патрулирование района у д. Агиос Теодорос дабы турко-киприотская сторона убедилась в добрых намерениях и посчитала инцидент исчерпанным. Тем не менее, как только Денкташ был отпущен, Гривас поставил в известность миротворческие силы ООН, что они, если пожелают, могут присоединиться к патрулированию, которое произойдет вне зависимости от возможных последствий. А к последствиям, уточнил командующий, Национальная гвардия готова. Началась ожесточенная перестрелка между боевиками ТМТ и Национальной гвардией. Гривас использовал артиллерию. Заняв высоту над турецкой частью деревни, Гривас направил части Национальной гвардии в сторону д. Кофину, поблизости от которой также имелись позиции ТМТ. Имевшийся там пост миротворцев оказался под огнем 75-миллиметровых пушек. К концу 15 ноября выяснилось, что убиты 22 и ранено 9 турко-киприотов, дома разрушены, а жители обеих деревень бежали.

В тот же день из Турции в Нью-Йорк генеральному секретарю ООН была направлена телеграмма. В ней говорилось: если миротворцы сейчас же не освободят турецкие территории от греко-киприотских боевиков и вообще от греко-киприотов в этих двух деревнях, то «кризис станет неизбежным за пределами Кипра». Стало известно, что на раннее утро следующего дня запланирован боевой вылет 25 турецких бомбардировщиков.

Поскольку время на упреждение военного конфликта между Турцией и Грецией утекало очень быстро, самые высокие инстанции, включая президента США Л. Джонсона, попытались (и небезуспешно) надавить на руководство обеих стран. От кипрского же президента Макариоса ожидалось, что он предпримет энергичные действия, и ситуация в обеих деревнях будет возвращена к прежней диспозиции. Но последовало заявление командующего Гриваса: если турко-киприоты вернуться на прежние оборонительные рубежи, «их всех взорвут». Гривас не слушал и приказов из Греции. Тогда из этой страны ему было спешно направлено «приглашение для консультаций». Гривас дал согласие, но прежде провел два рейда патрулирования в д. Агиос Теодорос, обострив ситуацию до крайности, и Турция заявила, что Греция вводит ее в заблуждение. Наконец, 19 ноября Гривас покинул Кипр. Вспоминая об этих событиях, американский посол говорит: две небольшие деревни превратили локальный конфликт в международную политическую бурю⁸⁶.

Хотя Гривас оставил пост командующего на Кипре и вернулся в Грецию, Турция уже заявила на весь мир, что требует вывода с острова «войск Греции» (при этом утверждалось, что военный контингент составляет 12 или даже 20 тыс. человек). Турция грозила направить свои войска, дабы «уравнять силы». Началась передислокация турецких войск в районе Босфорского

пролива. В Анкаре и Стамбуле проходили шумные антиамериканские демонстрации. Участник тех событий американский дипломат пишет: «Ситуация развивалась таким образом, что ни Греция, ни Турция не могли отступить (не уронив достоинства. – С.В.), а крошечная республика, где две общины не желали прийти к согласию, могла породить войну, которая разрушила бы все юго-восточное крыло военной организации НАТО»⁸⁷.

Оставляя в стороне тему международного урегулирования, следует сказать о результатах описанных событий для самого Кипра. Американские дипломаты совместно с Турцией разработали положения по выходу из кризиса. Эти положения, в частности, предусматривали вывод с территории острова тех военных сил Греции и Турции, численность которых действительно превысила величину, указанную в международных договорах. Роль миротворцев ООН в поддержании стабильности возрастала за счет разоружения и расформирования инициативных вооруженных групп греко-киприотов и турко-киприотов. Полиция на Кипре должна была стать единой (mixed) и не состоять из групп, «различающихся по религиозным признакам». Позднее эти положения были несколько изменены. Однако важно то, что оба государства-гаранта приняли их, и опасность международного военного конфликта миновала⁸⁸. Тем не менее в нарушение договоренностей ни Национальная гвардия, ни ТМТ не были расформированы.

Многие наблюдатели указывали, что в описываемые годы разделение двух общин на острове стало максимальным. Оно сопровождалось тяжелой жизнью турецкой общины в изолированных анклавах. В декабре 1967 г., когда международный кризис миновал, лидеры турко-киприотов объявили о создании своей временной администрации, которая будет действовать до возвращения конституционных норм. Высланный из Кипра двумя месяцами ранее Р. Денкташ, стал вице-президентом, а президентом – соруководитель бывшего единого Кипра Ф. Кучук. Временная турко-кипрская администрация провозгласила «Основные принципы», включившие 19 положений. Была учреждена Законодательная ассамблея, в которую входили депутаты турки-киприоты нефункционирующего общекипрского парламента. Данная система не претендовала на признание в качестве формы государственного управления. Тем не менее греко-кипрская сторона сразу усмотрела опасность раздела острова. Те же опасения были высказаны генеральным секретарем ООН⁸⁹.

Через месяц после создания временной турко-киприотской администрации, в январе 1968 г. было объявлено, что в феврале пройдут выборы президента страны. Выборы действительно состоялись, и Макариос, как поборник независимости Кипра, получил почти все голоса избирателей и вновь был избран президентом (его оппонент, настаивавший на прежней идее эносиса, получил менее 4% голосов). Накануне выборов Кучук напомнил, что одновременно в турецкой общине острова должен избираться вице-президент, и также был вновь избран. Макариос объявил, что Кипр будет развиваться как независимое единое государство с равными правами для всех граждан.

К середине 1968 г. начались позитивные подвижки в межобщинном урегулировании – за пределами страны стартовали переговоры. Хотя согласия не было достигнуто, были сняты экономические ограничения с турко-киприотских анклавов, а между анклавами было разрешено перемещаться.

Некоторые турко-киприоты начали возвращаться в смешанные поселения. Однако взаимное недоверие сохранялось.

Проведение парламентских выборов в 1970 г., на которых фиксированное количество мест было оставлено для турко-киприотских депутатов, показало, что остров фактически разделен на две самоуправляемые общины. Тем временем из Греции через газеты и радио слышался голос Гриваса, обвинявшего Макариоса в предательстве идей эносиса⁹⁰.

Летом 1971 г. напряженность на Кипре возросла вновь, межобщинные инциденты участились. Считается, что тем же летом Гривас тайно прибыл на Кипр для создания новой конспиративной организации, которая получила наименование «ЕОКА В». Одновременно были учреждены три газеты, пропагандирующие эносис. По мнению историков, деятельность Гриваса направляла военная хунта Греции, которая стремилась сместить кипрского президента Макариоса. Одновременно хунта пыталась оказывать политическое давление на кипрского президента. Хотя население горячо поддерживало Макариоса (массовые демонстрации), против него выступали офицеры Национальной гвардии. В свое время на Кипре в Национальной гвардии служил полковник Греции Д. Иоанидес, и именно он в 1973 г. в результате очередного военного путча пришел к власти в своей стране⁹¹.

Далее происходят следующие события. Бескомпромиссный и непримиримый Гривас, контролирующей свою террористическую организацию, в январе 1974 г. умирает от сердечного приступа. В надежде, что организация «ЕОКА В» распадется, Макариос объявляет боевикам амнистию. Но теракты не прекращаются. Весной кипрским спецслужбам стало известно, что организация «ЕОКА В», спонсируется хунтой Греции и готовит свержение власти на острове. События разворачиваются быстро: 2 июля Макариос направляет письмо руководству Греции о том, что, поддерживая терроризм, она угрожает лично ему и независимости Кипра. Ответа Макариос не получает. А 15 июля происходит военный переворот, учиненный Национальной гвардией с покушением на жизнь президента. Цель переворота – свержение президента Кипра и объединение острова с Грецией. Укрывшись на британской военной базе, Макариос затем переправляется в Лондон⁹². Путчисты объявляют президентом известного члена ЕОКА Никоса Сампсона, а епископа Геннадия – главой православной церкви Кипра.

Военный переворот на Кипре вызвал резкие подвижки армии Турции – войска приводятся в боевую готовность. Британия, имея только 3 тыс. военных на кипрских базах и не желая повторения волны терроризма в свой адрес, отказалась вмешиваться в происходящее. Турция выдвинула ультиматум хунте Греции: убрать своих военных из Национальной гвардии Кипра, а также «временного» президента, гарантировать независимость Кипра. Однако хунта, будучи уверенной, что и на этот раз Турцию остановят США, выслала ответ сомнительного содержания⁹³. Пока американские дипломаты пытались вести упреждающие переговоры, турецкий военный флот уже вышел на боевое задание. Прошло только пять дней после переворота, и 20 июля 1974 г. началась оккупация Турцией северной части Кипра. В итоге 37% территории острова перешли под ее полный контроль, 2,5 тыс. человек погибли, 210 тыс. стали беженцами, из них 162 тыс. греко-киприоты, 48 тыс. турко-киприоты.

Интервенция проходила в два этапа. Вначале военные соединения высадились в северной части острова в районе Кирении, где были встречены огнем. Захват греко-киприотских селений войсками Турции очевидцы описывали как терроризм, массовые убийства и грабежи. Лишь через два дня после начала интервенции, в результате действий Совета Безопасности ООН, была достигнута договоренность о прекращении огня. На тот момент турецкие войска контролировали узкий коридор от побережья – в глубь острова до столицы Никосии. В обход договоренностей о прекращении огня турецкие военные еще несколько дней расширяли свой плацдарм⁹⁴.

В Греции глава хунты Иоанидес призвал своих соратников атаковать Турцию «по всем фронтам». Те отказались, и хунта рассыпалась. Вслед за тем прекратила свое существование и путчистская администрация на Кипре. Спешно была проведена конференция в Женеве с участием трех стран-гарантов; последовала декларация о том, что Турция не должна далее расширять оккупационную зону. Было заявлено, что необходима вторая конференция, где должны быть представлены две враждующие общины. Однако численность турецких войск на острове продолжала увеличиваться, захватывались и грабились населенные пункты, людей либо изгоняли, либо отправляли в тюрьмы Турции⁹⁵.

Конференция была созвана в Женеве 10 августа. Турко-киприоты при поддержке политиков Турции заявляли, что идея эносиса «вновь возможна», а посему нужен не возврат к конституции 1960 г., а создание на острове федерации из двух автономных зон⁹⁶. Денкташ от лица турко-киприотов предложил двузональную (bizonal) федерацию, в которой турко-киприоты управляют 34% территории острова. Второй вариант: в северной части острова создается турко-киприотская территория, а на остальной части выделяется еще пять анклавов, что в сумме опять же равно вышеуказанной доле. Греко-кипрская сторона попросила время на обдумывание. Однако, не дожидаясь результата переговоров, 14 августа началась вторая фаза интервенции войск Турции, в ходе которой были убиты 6 тыс. человек⁹⁷. Прекращение наступления и огня со стороны войск Турции произошло лишь тогда, когда войска заняли 36,5% территории северной части Кипра, дойдя до рубежа, намеченного самими захватчиками и названного «линией Аттилы». Эта «линия» соответствовала буферной зоне, патрулируемой миротворческими силами ООН с 1964 г. С тех пор на острове возникло состояние полного разделения, которое продолжается до настоящего времени уже почти сорок лет.

С момента оккупации развитие кипрского конфликта и возможные пути его урегулирования стали совершенно иными. Если ранее вопрос ставился о том, как делить власть, то теперь стало необходимо искать пути в лучшем случае федеративного объединения⁹⁸.

Как минимум треть греко-киприотского и турко-киприотского населения была вынуждена перейти из одной части острова в другую. Кипр превратился в гигантский лагерь перемещенных лиц. В условиях полной разделенности и чувства взаимной вражды трудно было устанавливать контакты и находить компромиссы. Этого не смог сделать вернувшийся на остров в 1974 г. законный президент Макариос. Острейшей проблемой стал вопрос вынужденных переселенцев. В 1975 г. было подписано Венское соглашение, согласно которому взаимные переселения продолжались вплоть до начала

1980-х годов. Но и до настоящего времени проблема возврата к прежним местам проживания остается острой. Конфликт приобрел затяжной характер, порождая все новые проблемы взаимных претензий на официальном, межгрупповом и межличностном уровнях.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

В следующем году после начала оккупации было декларировано о создании отдельного самопровозглашенного государства в северной части Кипра, получившего название Турецкое федеративное государство Северного Кипра. Слово «федеративное» как бы символизировало, что ожидается объединение двух частей острова. Объявлено также, что главой является Р. Денкташ. Была принята конституция. Название просуществовало до 1983 г., затем, после референдума от термина «федеративная» отказались, самопровозглашенное государство отныне именовалось Турецкая Республика Северного Кипра. С тех пор в этой части острова ежегодно празднуют День Республики (15 ноября). Совет Безопасности ООН отклонил декларацию независимости самопровозглашенного государства, назвав ее незаконной. Турецкая Республика Северного Кипра получила признание только у Турции (Турция не признает существования Республики Кипр), позднее – у Нахичевани (автономия в составе Азербайджана) и Абхазии. Кроме того, Организация Исламской Конференции также признала легитимность этого государственного образования.

Самостоятельное развитие государственности на севере острова продолжалось, и в 1985 г. принята конституция этой республики, которая, как оценивают эксперты, отвечает основным демократическим нормам. В ней еще в большей мере, нежели в предыдущей конституции, уделено внимание вопросам защиты прав и свобод человека. Она дает полное представление о мотивах отделения и господствующих среди турко-киприотского населения идеологических воззрений:

«Принимая во внимание, что турко-киприотский народ является неотделимой частью великой турецкой нации, которая существовала независимо и боролась за свои права и свободы на протяжении всей своей истории, и

Принимая во внимание, что турко-киприотский народ перед лицом событий, направленных против его национального существования и права на жизнь, начиная с 1878 г., когда он был оторван от Родины, и особенно усилившихся после 1955 г. и принявших форму вооруженного терроризма, агрессии и подавления, организовал свое сопротивление, будучи зрелым интегрированным и единым сообществом, и

Принимая во внимание, что турко-киприотский народ установил, что не могло быть индивидуальных прав и свобод без приобретения коллективных прав и свобод через горькие испытания, которым он подвергался до Миротворческой операции 1974 г., осуществленной Героической Турецкой Армией согласно естественным, историческим и правовым гарантиям Родины, проистекающим из Договоров, обеспечившей турко-киприотам возможность жить в мире, безопасности и свободе, и

Принимая во внимание, что перед лицом попыток, направленных на то, чтобы лишить его всех прав ... и полностью разрушить его существование на Кипре, и перед лицом Республики Кипр, которая с 21 декабря 1963 г. незаконными средствами стала монополией греко-киприотов и трансформировалась в греко-киприотское государство не только с точки зрения его состава, но и с точки зрения политики, которой оно следует, и которое, в результате политики расизма и дискриминации, направленной на панэллинистскую экспансию, вышло из До-

говоров и принципов, заключенных в Конституции и тем самым утратило свою легитимность, турко-киприотский народ, используя свое право на самоопределение, объявляет перед всем миром и перед лицом истории установление Турецкой Республики Северного Кипра»⁹⁹.

Таким образом, в результате острого конфликта на острове возникло второе крошечное де-факто государство площадью всего 3,4 тыс. кв. км и с населением 288 тыс.¹⁰⁰ Следует учесть, что процессы становления собственной турко-киприотской государственности происходили в отсутствие результативных договоренностей между противоборствующими сторонами – первые реальные переговоры о двузональной, двуобщинной федерации имели место уже после смерти Макариоса в 1977 г.

В 1979 г. между двумя главами разделенного острова был подписан договор, включивший десять пунктов о шагах к диалогу. Затем были переговоры при посредничестве ООН в 1985 г. Но с вариантами возможных уступок не соглашалась то одна, то другая сторона. К тому времени ситуация на острове заметно изменилась. Хотя соперники нуждались в урегулировании (и это подтверждалось ожиданиями населения, реализуемыми на выборах), экономика в обеих частях острова (особенно в греческой) улучшалась, и это подталкивало политиков к отказу от компромиссов.

«Холодная» фаза конфликта способствовала его усиленной политизации. Вовлеклись новые международные игроки. В 1990 г. греко-кипрская сторона подала заявку от имени всего острова на вступление в Евросоюз. Правомерность этого опротестовала северная часть острова. Но Еврокомиссия провозгласила (1993): заявка греко-киприотов принята, Республика Кипр может рассчитывать на вступление в ЕС. На острове и за его пределами начались ожесточенные дебаты. Недовольство высказала Турция. Первоначально острову несколько снизило требование Евросоюза: урегулировать конфликт, а потом претендовать на членство в ЕС. Но уже в 1994 г. на саммите в Корфу Европейский совет объявил, что Кипр все же будет принят в Евросоюз. Об урегулировании кипрского конфликта, как предварительном условии, речь уже не велась¹⁰¹. Напротив, утверждалось, что, мол, сам факт вступления поможет урегулированию. Турко-киприотская часть острова возбужденно обсуждала «несправедливость». Президент Денкташ заявил: если ЕС примет греко-киприотов, тогда его Республика Северного Кипра будет искать интеграции с Турцией¹⁰².

В том же 1994 г. Европейский суд своим постановлением наложил запрет на импорт картофеля и цитрусов из турецкой части острова. Теперь импорт в страны ЕС дозволялся только при наличии сертификатов, выдаваемых греко-кипрской администрацией¹⁰³. Турко-киприоты восприняли это как демарш против их государственности и как позицию Европы по кипрской проблеме¹⁰⁴. Вслед за этим Ассамблея Турецкой Республики Северного Кипра заявила об отказе искать подходы федеративного решения кипрской проблемы¹⁰⁵.

Тем не менее в 1995 г. был учрежден и начал действовать совместный с Республикой Кипр европейский Совет по инкорпорированию греческого Кипра в ЕС. В ответ на это руководство Северного Кипра обнародовало предусловия дальнейших переговоров по кипрской проблеме: переговоры должны вестись без посредников – иных государств и международных структур. Далее, Северный Кипр и Турция объявили о намерении начать

свою интеграцию. Соответствующая двусторонняя декларация была подписана в 1997 г.¹⁰⁶ Таким образом, политический конфликт отяготился политическими и экономическими обязательствами враждующих сторон перед внешними игроками.

В том же году Евросоюз принял План-2000, в котором предусматривалось начало переговоров о членстве Республики Кипр в ЕС. Этот шаг был предпринят, невзирая на то, что между двумя противниками должны были начаться двусторонние переговоры об урегулировании конфликта под эгидой ООН. Переговоры были сорваны – турко-киприоты настояли на их отмене¹⁰⁷.

Атмосфера взаимного недоверия сохранялась на протяжении всех 1990-х годов. Опять же в 1997 г. разразился международный скандал по поводу намерения греко-киприотов купить российские военные ракеты системы земля-воздух S-300 с дальностью полета 90 миль (до побережья Турции и глубже как раз такое расстояние). Руководство греческой части Кипра мотивировало это тем, что республике необходима защита от дальнейшей экспансии Турции. В ответ Северный Кипр и Турция подписали декларацию о совместной обороне, при этом было заявлено, что любая атака на Северный Кипр будет рассматриваться как военные действия против Турции¹⁰⁸. Россия со своей стороны заверила, что для нее продажа ракет – чисто коммерческое предприятие, и предложила план по преодолению ситуации. Однако выдвинутые Россией «Основные принципы кипрского урегулирования» не были восприняты турецкой стороной¹⁰⁹.

Вдобавок ко всему в конце этого тяжелого года на саммите Европейского совета в Люксембурге было вынесено решение о конкретной дате начала переговоров о вступлении Республики Кипр в ЕС. При этом Турция была исключена из списка кандидатов на вступление. Это еще сильнее подтолкнуло Турцию к интегрированию Северного Кипра¹¹⁰. Уже в марте 1998 г. она установила совместную с ним экономическую зону, затем последовало их заявление о том, что, ведя переговоры только с греко-киприотской администрацией Кипра, Евросоюз игнорирует международное право и международные договоры по Кипру 1959–1960 гг., нанося удар по разрешению конфликта на острове. Отныне, говорилось в заявлении, любые переговоры по кипрской проблеме допустимы только с позиций того, что проводятся между двумя целиком суверенными сторонами¹¹¹.

Но Евросоюз остался на своих позициях. В 1999 г. на Хельсинском саммите ЕС было подтверждено, что Республика Кипр станет его членом, и указывалось, что политика Евросоюза рассматривает отдельно проблему членства и проблему урегулирования конфликта. Одновременно ЕС пообещал «возможное членство для Турции» в некоем неопределенном будущем¹¹².

Тема вступления греческой части Кипра в ЕС явилась чуть ли не основным препятствием урегулирования. В 2000 г. стало очевидным, что все усилия ООН и посредничество генерального секретаря К. Аннана, направленные на двусторонние переговоры, оказались подорванными. Противники не хотели предпринимать никаких шагов навстречу друг другу и находились в ожидании финального решения о европейском членстве Республики Кипр.

В 2001 г. Евросоюз стал обвинять Турцию и Северный Кипр за их экономическое сотрудничество, угрожая санкциями. На это Турция также пригро-

зила, что аннексирует Северный Кипр, если греческая часть острова станет членом ЕС¹¹³. Все же в конце года турко-киприотский президент Р. Денкташ выступил с предложениями в адрес президента Республики Кипр Г. Клеридеса перейти к двусторонним переговорам. В присутствии представителей ООН лидеры начали проводить регулярные дискуссии. Но и на этот процесс Евросоюз не обратил особого внимания, а в 2002 г. Еврокомиссия даже заявила, что отзовет заявку Турции на членство в ЕС, если та будет высказываться против членства Республики Кипр¹¹⁴.

В таких неблагоприятных условиях двусторонние переговоры между частями острова продолжились, и в 2002 г. генсек ООН К. Аннан предложил 137-страничный план урегулирования. Почти вслед за тем чиновник высокого ранга из Еврокомиссии заявил, что Республика Кипр не далее как через два года станет членом ЕС «вне зависимости от того, будет ли найдено решение кипрской проблемы», и, что, мол, вскоре будет подписано соответствующее соглашение. В 2003 г. соглашение действительно было подписано, и вновь стало известно о заявлении еврочиновника: когда Республика Кипр будет членом ЕС, в случае урегулирования кипрского конфликта встанет вопрос о приостановке действия членства на оккупированной Турцией территории¹¹⁵. Но двусторонние переговоры об урегулировании не были прекращены, и впервые за всю историю конфликта наметился позитив – договорились о частичном открытии переходов через контролируемую миротворцами ООН буферную зону.

Это был настоящий прорыв в переносном и прямом смысле. С открытием нескольких пунктов перехода «зеленой линии» люди из Республики Кипр впервые за три десятилетия получили возможность посещать Северный Кипр. Но, конечно, они не обрели права вернуться и жить в своих домах, не могли получить вид на жительство. Правда, были оговорены исключения: вид на жительство мог быть выдан персоне как иностранцу. Вслед за тем последовал акт доброй воли Евросоюза: Северному Кипру было обещано 15 млн евро «для облегчения торговли с ЕС и развития двуобщинных проектов». Был также запущен проект Совета Европы по вопросам двуобщинного сотрудничества в деле преподавания истории, поскольку именно преподавание этой дисциплины в школах и вузах Кипра по обе стороны буферной зоны вносило значительный разлад.

Следует сказать, что в конце того же 2003 г. в Северном Кипре выборы показали нежелание населения поддерживать политических деятелей и партии, настаивавших на сохранении статус-кво в кипрской проблеме. В результате появилась новая правящая коалиция во главе с премьер-министром Мехмет Али Талатом (в 2005 г. – президент республики Северного Кипра), который желал позитивных перемен во взаимоотношениях с Республикой Кипр. Он поддержал план мирного урегулирования и объединения Кипра, предложенный генсеком ООН.

В феврале 2004 г. две республики Кипра при международном посредничестве провели саммит в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, договорившись окончательно уточнить текст плана К. Аннана с тем, чтобы обсудить его на референдуме. План предусматривал создание двузональной и двуобщинной федерации с уменьшением турко-киприотской административной территории с 37% до 29%. В марте финальный текст Плана всестороннего урегули-

рования был подготовлен, и уже 24 апреля того же года в обеих частях острова состоялись референдумы. Это был долгожданный исторический шанс. Результаты референдума: в северной турецкой части – 65% в поддержку, в южной греческой части – 76% против. Таким образом, объединения не произошло.

Шанс был упущен по ряду причин, но в значительной мере из-за того, что через несколько дней после референдума, а именно 1 мая Республика Кипр стала полноправным членом Евросоюза. Как указывали наблюдатели, результаты референдума на греческой стороне было легко предвидеть по опросам населения. На общественное мнение влияла именно тема вступления в ЕС¹¹⁶. Как бы в качестве компенсации Евросоюз заверил Северный Кипр в том, что направит региону в качестве экономической помощи 259 млн евро¹¹⁷. Нет ясности, могло ли членство в ЕС помочь урегулированию, но то, что объединенная Европа приняла на себя функцию важного политического игрока в кипрском конфликте, стало очевидным¹¹⁸. Десять последующих лет пребывания греческого Кипра в ЕС не придали урегулированию решающих импульсов. Взаимоотношения между двумя частями Кипра в политической сфере почти не изменились.

В то же время общественные, научные и коммерческие связи стали развиваться. Повседневность диктует свои правила, и сегодня есть признаки коммерческой интеграции. Кипр все чаще предстает как единая территория в отношении использования его рекреационных ресурсов. С 2006 г. значительная часть турко-киприотов ежедневно, либо сезонно пересекает буферную зону туда и обратно для осуществления трудовой деятельности. Часть турко-киприотов окончательно вернулась в южную половину острова к местам прежнего проживания.

Сложнее всего договариваться политикам. Отношения между двумя государственными образованиями Кипра то и дело омрачаются спорами по вопросам недвижимой собственности, которой лишились десятки тысяч перемещенных лиц. Часто происходят события, которые раздражают ту или другую сторону. В 2005 – 2006 гг. президент Республики Кипр Т. Пападопулос наградил медалями и дипломами 21 тыс. человек – ветеранов организации ЕОКА. Для поддержки ветеранов этой одиозной (а с точки зрения Британии, Турции и Северного Кипра, террористической) организации был учрежден фонд, принимающий пожертвования для их лечения и лечебной реабилитации. А в Республике Северного Кипра в тот период учреждена Комиссия по вопросам недвижимой собственности, которая в обход международных норм (мнение Республики Кипр) выносит решения о компенсациях за утраченную недвижимость во время военного конфликта.

Лишь к концу десятилетия наметились политические подвижки. В 2008 г., начиная с марта, последовала серия встреч двух лидеров греческой и турецкой сторон Кипра – Д. Кристофиаса и А.М. Таталата для обсуждения резолюции Совета Безопасности ООН, рекомендовавшей создание федеративного государства. Стороны признавали необходимость этого и заявляли о возможности проработки «технических деталей» по подготовке всеобъемлющего договора о единстве суверенитета. В апреле был открыт свободный переход буферной зоны через пункт пропуска Лендра (Локмачи) в центре столицы Никосии. Затем в мае последовало соглашение, в котором говори-

лось: две стороны вновь поддерживают идею двузональной и двуобщинной федерации на основе принципа политического равенства. Такое партнерство, говорилось в документе, будет опираться на федеральное правительство с единым международным представительством¹¹⁹. Были созданы совместные рабочие группы (технические комитеты). Совет Безопасности ООН поспешил назвать начавшиеся переговоры полномасштабными.

Однако преодоление прежней риторики политикам, властям и СМИ оказалось крайне сложным делом. Язык вражды сохраняют газеты, теле- радио- и электронные источники. Комментарии по поводу самых различных событий, далеких от кипрского конфликта, полны дебатов между враждебными лагерями. Продолжают происходить события, которые привносят в общественный дискурс новую порцию раздражения. В конце 2009 г. на старом британском кладбище в Кирении (Северный Кипр) был открыт мемориал британским служащим, которые были убиты на Кипре с 1955 по 1958 г. боевиками ЕОКА. Мемориал был построен по инициативе и на средства британских ветеранов без участия властей Северного Кипра. Правительство Республики Кипр, ветераны ЕОКА и СМИ назвали это политическим и недружественным шагом. Официальное заявление сделал президент РК Д. Кристофиас. А руководитель Ассоциации ветеранов ЕОКА сказал: подобный монумент нельзя воздвигать на Кипре, тем более в оккупационной зоне. Даже местные жители в самой Кирении усмотрели политическую мотивацию мемориала и высказывали мнение, что это не послужит на пользу мирному урегулированию¹²².

По прошествии двух лет стало понятно: переговорный процесс опять становится формальным и ни к чему не обязывающим. В ноябре 2010 г. два кипрских лидера в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке договорились «усилить темпы переговоров». Генсек ООН Пан Ги Мун лично присутствовал на встречах с президентами противоборствующих сторон Д. Христофиасом и Д. Эроглу. Он объявил, что планируется созвать международную конференцию по кипрскому урегулированию, которая зафиксирует достижение взаимного согласия сторон и поставит точку в кипрской проблеме¹²¹. В 2011 г. встречи двух кипрских сторон возобновились при намеченной интенсивности контактов 3–4 раза в месяц¹²². Однако представители Совета Безопасности ООН уже в тот период указывали, что «время по-прежнему работает не на разрешение конфликта». Прошло еще два года, и генеральный секретарь ООН пришел к выводу (апрель, 2012 г.), что по кипрскому урегулированию прогресса нет, и созывать международную конференцию по Кипру преждевременно¹²³.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ТРАВМА

За десятки лет, прошедшие с момента остановки горячей фазы конфликта, возникали и исчезали различные препятствия на пути урегулирования. В последнее время поводом стал спор о выявленных в 2011 г. газовых месторождениях в Средиземном море. Бурение шельфа осуществляется Республикой Кипр, но Турция считает, что право на ресурсы принадлежит Турецкой Республике Северного Кипра.

Однако какими бы весомыми ни были новые факторы, в нынешнем общественном сознании кипрский конфликт – это прежде всего три нерешенные проблемы: без вести пропавшие, беженцы, недвижимая собственность. Вне зависимости от того, будет ли в ближайшем будущем на острове общее государство, эти темы останутся предметом ожесточенных разногласий и спекуляций.

Надо сказать, что греко-кипрское правительство по всем трем вопросам занимает радикальную позицию, постоянно заявляя, что греко-кипрская сторона получила гораздо большую травму и понесла больший ущерб в результате конфликта. Долгие годы власти Республики Кипр последовательно и даже расчетливо подогревали общественное мнение, используя риторику бескомпромиссности. Такая политика пролонгирует общественную травму. Турецко-кипрская администрация также выдвигает встречные претензии, но как сторона, ищущая международной поддержки и признания, высказывается умереннее и призывает к поиску компромиссов, настаивая на «реалистичном подходе в современных условиях».

В решении проблемы травм сегодня участвуют всевозможные гражданские структуры. Но позитивное продвижение идет медленно и не снимает взаимного напряжения. Общественные организации, как с той, так и с другой стороны острова способны заниматься только частными вопросами отдельных людей. Представительные международные структуры делают на этом основании выводы о полной неопределенности в разрешении конфликта¹²⁴. И все же нельзя не заметить, что тема травмы уже переродилась из предмета конфликта в его культ и даже в средство манипулирования настроениями людей.

Проблему беженцев на Кипре, согласно принятому на международном уровне лексикону и нормам, принято именовать проблемой внутренне перемещенных лиц – *internally displaced persons (IDPs)*. Массы греко-киприотов были перемещены в результате вторжения Турции и оккупации северной части острова. Турко-киприоты заявляют, что испытывали многократные выселения до прихода на остров войск Турции, говорят о вынужденных перемещениях в этнические гетто – анклав, которые турко-киприотам нельзя было покидать до 1968 г. Затем только небольшая их часть смогла вернуться в места прежнего проживания – к 1970 г. таковых насчитывалось не более 1,7 тыс. человек. Эксперты указывали, что длительное удержание в анклавах стало причиной «значительной общественной травмы». В спорах по поводу численности перемещенных лиц участвуют не только соперничающие стороны, но и авторитетные международные структуры, в частности UNHCR.

Камнем преткновения в решении кипрского конфликта является вопрос утраченной собственности, прежде всего, недвижимости, которой владели граждане до насильственных выселений. Вопрос о собственности на Кипре пытаются решать международные судебные организации. У противоборствующих сторон согласованного политического решения нет, каждая сторона настаивает на своем подходе, не признавая встречные аргументы.

Власти Республики Кипр постоянно заявляют: до настоящего времени 200 тыс. греко-киприотов являются вынужденно перемещенными. А турко-кипрская администрация настаивает на том, что на всем острове перемещенных лиц вообще не существует. В противоречия вступили два подхода, которые условно можно назвать «европейский» и «восточный».

В период турецкого владычества на Кипре действовало мусульманское право, оформленное во второй половине XIX в. пятью гражданскими кодексами. С переходом к британскому управлению традиционные нормы заменялись постепенно¹²⁵, причем вместо земельного кодекса английское колониальное законодательство было введено только в 1945 г. Но и после того, как Кипр стал независимым, в семейном праве и отдельных вопросах личного статуса было сохранено религиозное право¹²⁶. В исламе же существуют свои представления о собственности. Шариат запрещает использовать утраченное имущество – оно не имеет ценности и не подлежит компенсации. Вместе с тем, любое лицо, которое завладело имуществом, не имеющим собственника, приобретает на него право. И еще: лицо, не использующее в течение трех лет «оживленную» землю, теряет на нее право собственности, которое переходит к тому, кто ее реально освоит¹²⁷. Поскольку в результате интервенции Турции 1974 г. северная часть Кипра лишилась большей части населения, то согласно указанным принципам, имущество, жилье и земли могли считаться собственностью нового населения.

По заключению многих исследователей и по данным международных отчетов, переселение в результате конфликта турок-киприотов происходило организовано и с максимальным сохранением сельских общин. Общая численность перемещенных была меньшая, в сравнении с количеством жилья на севере, оставшемся от прежних владельцев греко-киприотов. Поэтому практически каждая перемещенная турецкая деревня получила на севере свою территорию. Новые владельцы полагали, что имеют право получить документы на жилье, ранее принадлежавшее греко-киприотам, ведь они сами лишились своих владений на юге. Иные же сомневались в своем праве, говорили, что им не нравится получать жилье тех, кто был изгнан. Все же доминировала первая точка зрения, которую целиком поддержала турко-кипрская администрация, признавая права новых собственников. При таком подходе критерий приобретательской давности не имеет значения, но именно на этом принципе основано право (и представления о праве) владения землей и недвижимостью в среде греко-киприотов.

Сложилась парадоксальная ситуация: «европейская» (британская) правовая модель, действующая в греко-кипрской части острова, как бы одним фактом своего существования поддерживает массовую травму. А действующая в греческой части острова система социальных выплат и льгот лицам, обладающим статусом перемещенных, культивирует общественную память о конфликте. Тому же способствуют немалые экономические затраты госбюджета на выполнение соответствующих программ. Следует учесть, что доля лиц, обладающих официальным статусом перемещенных, составляет более 20% всего населения Республики Кипр. Сохраняется практика обеспечения бесплатным жильем зарегистрированных беженцев (обладатели Refugee Identity Card). Например, в 2009 г. в очереди на такое обеспечение находились 15 тыс. семей.

Греко-киприоты, по их заявлениям, испытывают не только экономические трудности, но и культурно-психологические проблемы, связанные с утратой социальных связей и ностальгией по родным местам. Те из них, кто проживает в бывших владениях турко-киприотов, часто испытывают нервозность и опасения, что прежние владельцы в любой момент могут вернуться.

Европейский суд по правам человека обязал правительство Турции установить компенсации для утративших собственность в пределах северного Кипра за период начиная с 1963 г. и позднее. Вслед за тем в 2006 г. в Республике Северного Кипра была учреждена Комиссия по вопросам недвижимой собственности¹²⁸. Но обращений в эту инстанцию было немного, например, за три последние года работы комиссии в нее обратились несколько сотен человек, а завершенных дел было менее сотни. В основном комиссия назначала выплаты компенсаций, очень редко восстанавливала бывших собственников в правах, либо назначала обмен в совокупности с компенсационными выплатами. Хотя Европейский суд по правам человека одобрил механизмы, используемые комиссией, но правительство Республики Кипр предприняло усилия по подрыву ее работы. Тех своих граждан, кто собирался обратиться в комиссию на турецкой стороне, власти РК уверяли, что этого делать не следует. Вынесенные комиссией решения об обмене не признаются на территории РК, причем власти делают достоянием гласности имена тех, кто направляет в северную часть острова свои заявления. Известен случай увольнения члена межправительственной рабочей группы по вопросам собственности, уличенного в подаче искового заявления в комиссию Северного Кипра.

Государственная доктрина поддержки перемещенных лиц в РК переживает кризис. Положение перемещенных лиц и их детей является неравным. Дети мужчин, имеющих статус «перемещенного лица», могут, согласно закону, претендовать на такой же статус и соответствующие льготы, а дети женщин, обладающих тем же статусом, могут рассчитывать только на справку о происхождении (Certificate by Descent), которая не предусматривает льготы. Более 50 тыс. человек оказались дискриминированы, и это тоже обостряет тему общественной травмы. Статус беженца передается следующему поколению по отцовской линии, и власти поясняют, что это сдерживает рост количества претендующих на бесплатное жилье. Однако численность заявителей на статус все равно умножается. Возникают даже абсурдные ситуации. Так, грек-киприот, имевший статус беженца, женился на приезжей из Шри-Ланки, у которой уже был свой взрослый сын, и грек стал ему приемным отцом. Через небольшой срок приемный сын также женился и тоже на девушке из Шри-Ланки, а затем обратился в государственные органы Республики Кипр за безвозмездным грантом на постройку собственного дома. Грант был выделен и дом построен, а дети этой молодой семьи теперь тоже вправе наследовать льготы греко-киприотских беженцев.

В высшей степени болезненной остается тема без вести пропавших людей. Это в основном жертвы столкновений 1960-х годов и во время интервенции Турции в 1974 г. Еще в 1981 г. была учреждена трехсторонняя комиссия, включившая вместе с экспертами ООН представителей греческой и турецкой частей Кипра. Но взаимное недоверие сторон мешало заниматься этой проблемой. Только в 2006 г. в разных частях острова началось вскрытие массовых захоронений для идентификации останков, и еще через год стороны стали передавать останки родственникам. В 2010 г. было установлено, что пропавшими без вести по-прежнему числятся 1,5 тыс. греко-киприотов и 0,5 тыс. турко-киприотов¹²⁹.

ПРОПАГАНДА КОНФЛИКТА

Прологом столкновений на Кипре послужило бурное развитие национализма во всех сферах общественной жизни. Даже в жилом строительстве первых десятилетий XX в. его символика оставила яркий след. По всему острову в постройках использовалась стилистика так называемого Греческого Возрождения, которая отвечала националистически ориентированным мероприятиям, включавшим постановки классических пьес и проведение всевозможных церемоний, таких, как «День Флага»¹³⁰.

Кипрская проблема отягощена длительной традицией идеологической обработки. Устойчивые клише и взаимные фобии запечатлены в виде формулы борьбы греко-киприотов за эносис (союз с Грецией) и борьбы турко-киприотов за таксим (разделение острова).

Пропаганда эносиса прежде была распространена на других островах средиземноморья, которые действительно вошли в состав Греции (среди них такие крупные, как Крит и Родос). В XIX в. общественным лидерам и церковным иерархам казалось естественным, что сохранение эллинской культуры и православия требует только такого союза. Требование эносиса, инициированное освободительной войной в самой Греции, распространение в эллинском мире «Великой идеи» (Meghali Idhea) получили хождение на Кипре еще в период турецкого владычества. Националистические настроения культивировались среди греко-киприотов непосредственно через консульство Греции, которое было открыто на острове в 1846 г. Когда началась активная агитация со стороны Греции, греко-киприоты стали рассматривать себя не только как часть эллинского и христианского мира, но и как часть «греческой нации»¹³¹.

Особую роль в подготовке общества к восприятию национальной идеологии сыграли греческие школы на Кипре, которые действовали в этом направлении активно задолго до начала британского правления – уже в 1820-е годы¹³². Важнейшим механизмом «нациестроительства» была именно система образования, в которой первостепенную роль играли учителя, подготовленные в Греции¹³³.

В научной литературе часто можно прочесть, что именно во время британского правления началось искусственное разделение двух общин – греческой и турецкой. Однако ко времени прихода на Кипр Великобритании общинная и институциональная разделенность на острове уже существовала. Колониальная британская администрация лишь укрепила ее и стала ею манипулировать. Отличия состояли в том, что до британского правления разделенность не была сильно политизированной и более значимыми были социально-имущественные различия¹³⁴.

Несмотря на то что на острове имелось большое количество смешанных населенных пунктов, они делились на кварталы, в которых отдельно проживали мусульмане и христиане. Так было и в Оттоманскую эпоху, и в период британского правления. Разделение исследователи объясняют системой управления в Оттоманской империи, согласно которой каждая религиозная община («народ») должна иметь свои органы управления, свой суд и образование. Существует точка зрения, что такая система, при определенных обстоятельствах, сыграла свою роль в усилении национализма. Особенно это

проявилось при закате османского правления, когда политика невмешательства в местное самоуправление не препятствовала культивированию в общинах националистических идей. Растущим националистическим амбициям местных элит становилось тесно в рамках крохотных общинных «автономий». Вне зависимости от соседства и тесноты взаимных контактов религиозные общины превращались в различные группы с артикулируемыми «коллективными» устремлениями¹³⁵.

Признаки межобщинной напряженности, замешанной на идеологии, обнаружались еще при османском правлении – первые столкновения зафиксированы в 1833 г., когда из-за усиления налогового давления протестующие греко-киприоты стали требовать эносиса. В том же году произошло волнение, которое возглавил монах, ранее принимавший участие в борьбе Греции за независимость. В период Крымской войны волнения на Кипре участились. Толпы открыто скандировали «Да здравствует Николай!» (русский император), «Долой султана!». В греческих кафе размахивали флагами Греции и топтали изображение полумесяца. В 1867 г. турецкий губернатор Кипра направил на материк прошение о военном подкреплении – он указывал на опасность массовых беспорядков на почве греческого национализма. Когда в 1877 г. началась русско-турецкая война, на острове вновь возросла напряженность между греками и турками, происходили взаимные столкновения, имелись жертвы¹³⁶.

Через год после перехода Кипра под британское управление администрация Соединенного Королевства уже высказывала обеспокоенность в связи с «опасностью эллинской пропаганды»¹³⁷. Она пыталась по-своему бороться с греческим национализмом. В 1927 г. был запущен термин «киприотизм» (его авторство приписывают британскому колониальному губернатору Рональду Сторрсу), и было решено преподавать в школах предмет «Киприотский патриотизм», противодействуя распространению среди школьников греческого национализма. Но вскоре от этой идеи отказались. Сегодня бытует точка зрения, что британская колониальная администрация намеренно поддерживала раздельное школьное образование националистической направленности. Попустительство националистам обеих сторон действительно имело место. Боязнь коммунистических идей и объединенного антиколониального движения заставила британскую администрацию терпеть национализм, как в греко- так и в турко-киприотском исполнении¹³⁸.

В конце 1940-х годов в поисках рецепта противоядия от национализма британские чиновники сделали попытку обратиться к идеям «коммунизма». Среди современных западноевропейских исследователей существует мнение о том, что именно политика подчеркивания культурных и религиозных различий привела к конфликту между греческой и турецкой общинами. Это, конечно, не так. Но пик «эносистского» национализма пришелся как раз на 1950-е годы и выглядел как непосредственный итог деятельности британской администрации.

Находившийся в тот период на острове британский писатель Лоренс Даррелл поведал в литературной форме о царившей атмосфере крайней нетерпимости со стороны греко-киприотских националистов и смертельной опасности, угрожавшей лично ему, как имевшему отношение к колониальным властям, и всякому, кто осмеливался с ним открыто общаться. Лозунг

«Эносис и только эносис!» был вывешен почти в каждой деревне. Один из литературных героев Даррелла обращается к писателю: «Сэр, скажите, как скоро Англия решит со всем этим, и мы сможем жить мирно? Я начинаю беспокоиться по поводу детей; в школе они тратят все свое время на распевание националистических песен и участие в демонстрациях...»¹³⁹. Писатель поражала иррациональная вера греко-киприотов в эносис – идею, которая «сделает их жизнь райской».

Особую роль в укреплении идеологического сознания сыграла экстремистская греко-киприотской организации ЕОКА. Боевики пропагандировали «свободу самоопределения», «национальную свободу», кульминацией которой являлся эносис. Пропагандисты ЕОКА рассматривали эносис как естественную потребность всех греко-киприотов. Бывшие полевые командиры этой организации впоследствии вспоминали: «Для нас идея самоопределения [Кипра] означала именно эносис»¹⁴⁰.

Существует мнение, что идея таксима (разделения острова), которой стали следовать легальные и нелегальные политические силы турко-киприотской общины, возникла в результате согласованных действий ее лидеров и британской колониальной администрации в период активных боевых действий ЕОКА¹⁴¹. Однако становление турко-киприотской националистической идеологии происходило гораздо раньше¹⁴².

Турецкий национализм на Кипре был замечен уже в начальный период британского владычества, а его подготовка происходила в добританский период. Как и по всей Оттоманской империи, на Кипре проводились реформы перехода к гражданскому обществу, и это стимулировало развитие оттоманской национальной идеи. Во второй половине XIX в. оттоманизм уже являлся неотъемлемой частью массового сознания. За несколько десятилетий, которые предшествовали в самой Турции революции младотурок 1908 г., на остров проникали вариации националистических идей: сначала элементы оттоманского национализма, затем исламского и далее тюркского. Наиболее обсуждаемыми темами были «оттоманизм», «тюркизм», «исламское политическое единство», «религиозное и национальное наследие», «гордость по поводу принадлежности к нации»¹⁴³.

Турко-киприотские лидеры настаивали на экономическом национализме: агитировали мусульман торговать только турецкими товарами и только с мусульманами, создавать в каждой деревне и каждом городе свои финансовые ассоциации, которые, объединившись, станут «национальным» банком, и тогда, дескать, не будет финансовой зависимости от греков. На первое десятилетие XX в. приходится распространение идей лингвистического национализма. Туркоязычные газеты на Кипре публиковали материалы о «чистоте» языка, о «неоправданно» большом количестве заимствований из французского языка, которые нужно заменить «на более понятные народу» слова и выражения¹⁴⁴.

В газетах обеих сторон сообщалось, что та или иная община собирает средства на поддержку военных или политических сил соответственно Греции или Турции. Националистическая активность периодической печати сыграла в тот период огромную роль в «разогреве» страстей. Стали происходить стычки в общественных местах, которые обычно начинались с политических споров. Когда одна из деревенских стычек в кафе превратилась

в массовое побоище, с той и другой стороны газеты сразу раструбили об этом, и зона конфликта быстро расширилась. В другой раз газеты написали, что одно из турецких кафе было атаковано и подожжено, причем людям не давали выбраться из горящего строения. В газетах обеих общин публиковали многочисленные статьи с взаимными обвинениями. Напряженность на острове росла высокими темпами. Характерная примета того времени: в 1902 г. после одного из греко-киприотских националистических митингов в Никосии свыше полусотни турок-киприотов, вооруженных кинжалами и ножами, подготовились к обороне, ожидая нападения противоположной стороны¹⁴⁵.

На Кипр через газеты приходили известия из самых разных мусульманских регионов мира. Для литературы и периодики был характерен жанр поэтических произведений о «нации» и «Родине». Турецкие школьники декламировали патриотические стихи. При большом стечении народа общественные лидеры выступали с пламенными речами в защиту оттоманской нации, ислама, тюркизма. Говорилось: наши противники думают, что мы мертвы. Но мы покажем, что можем постоять за свои права. Речи заканчивались воззваниями «Да здравствует нация!». Нередко ораторами были самые почитаемые люди – члены Законодательного собрания. Речи публиковались в газетах. В 1907 г. в статье, ставшей широко известной на Кипре, говорилось: турки – самая благородная и развитая нация на всем Востоке. Накануне младотурецкой революции одна из ведущих турко-кипрских газет поясняла читателям: Родина – это не просто место, где родился и вырос. Это все территории, где распространена оттоманская культура. Утратить хотя бы часть территории, это все равно, что потерять часть живого тела. Веками турки жили по собственным законам и не служили никой другой нации¹⁴⁶.

Особенно широко националистическая пропаганда охватила турко-киприотов перед Первой мировой войной. Особый упор делался именно на тюркизм, турецкую культуру, язык и историю. Стали делать различия между «оттоманскими народами», выделяя «оттоманских турок», говорить об истории турок в дооттоманский период и об их происхождении из Центральной Азии. В широкий обиход вошли слова *millet*, *kavim* – народ, нация. На хорошо подготовленную почву в последовательном изложении тюркский национализм пришел на Кипр в 1920-е годы в виде книги А. Текина «Тюркификация» (впоследствии – «отца» тюркского национализма), в которой имелись главы под названием: «Что есть нация?», «Цель и важность тюркификации», «Задачи тюркификации» и т.п. В тот период турко-киприоты прошли форсированный этап «национального возрождения»¹⁴⁷.

Идеями национализма особенно была охвачена элита и горожане обеих общин, а малообразованные низы, в особенности из отдаленных горных деревень не понимали национализма и продолжали мирно сосуществовать. Тем не менее пропаганда делала свое дело – агитаторам удавалось мобилизовать крестьян на националистические выступления. Идеи национализма проникали в глубинку с распространением образования и печати. Те, кто не умел читать, получали соответствующую информацию в кафе, где было принято читать газеты вслух. В скором времени распространение националистических воззрений стало важным средством для политиков получать поддержку избирателей.

Открыто велась агитация в городских греческих школах. В 1904 г. в отчете британской администрации говорилось, что уже и деревенские школьники под руководством учителя маршируют с флагом Греции и скандируют: «головы турок должны быть отрезаны, а тела брошены в грязь!» Позднее сообщалось, что теперь и турецкие школьники маршируют по городским греческим кварталам с провокационными выкриками. В тот период массовые митинги проходили как среди греко-киприотов, требовавших эносиса, так и среди турко-киприотов, выступавших за возвращение острова султану¹⁴⁸.

В 1912 г., на фоне войны Турции с Италией, стычки на почве национализма стали особенно частыми, а затем последовали тяжелые межобщинные столкновения в городах Лимассоле и Никосии, а также в различных деревнях. В 1915 г. большую напряженность на острове вызвало известие о (формальном) предложении со стороны Великобритании передать Кипр Греции. В 1922 г. турко-киприоты в своей петиции губернатору острова, подписанной лидерами всех турецких общин острова, требовали объединения Кипра с Турцией¹⁴⁹.

Националистическая идеология не исчезла и тогда, когда в 1960 г. Кипр стал независимым государством. Сам факт обретения независимости не был воспринят с удовлетворением националистами обеих сторон, и давление на тех, кто был против националистических воззрений, продолжалось. Двух учредителей турко-киприотской газеты, которая в день получения независимости Кипра вышла со статьей о том, что «островом теперь будут править киприоты», убили члены подпольной турко-киприотской группировки ТМТ. Накануне расправы издателям было сказано: если они не верят в национальную борьбу, им придется замолчать⁵⁰.

Специальный комитет по иностранным делам британского парламента в 1987 г. обнародовал отчет, в котором говорилось: получив независимость, правительство кипрского президента Макариоса продолжало держать курс на эносис, настаивая на поправках к конституции и международным договорам по Кипру¹⁵¹. Для нейтрализации возможного противодействия со стороны турко-киприотов правительством был даже разработан пресловутый «план Акритаса», который, впрочем, не был реализован. Тем не менее в 1962 г. в горах центральной части острова возникли тренировочные базы, в которых военному делу обучались сотни греко-киприотов¹⁵². Далее, как известно, последовали массовые межобщинные столкновения и перемещение турко-киприотов в анклавные гетто. Как писал крупнейший специалист по истории того периода Ричард Патрик (он был офицером миротворческих сил ООН на Кипре), в 1963 г. игравшие на национализме политики утратили контроль над процессом, и инициатива перешла в руки вооруженных формирований¹⁵³.

Следует сказать, что даже секретный «план Акритаса» представлял собой смесь конкретных «мероприятий» и идеологической теории. В нем, в частности говорилось: «Меры, предусматриваемые здесь, определяют лишь первый этап ... в направлении конечной и неизменной национальной цели – полной реализации права самоопределения народа». В документе подчеркивалось, что на этапах реализации «плана» нельзя упускать из виду такой важный фактор успеха, как пропаганда.

В своей книге «Восход и закат Кипрской Республики» американский социолог греко-киприотского происхождения К. Маркидес подчеркивал, что идеологические воззрения были важнейшей причиной и источником пролонгации кипрского конфликта¹⁵⁴. До получения Кипром независимости, писал Маркидес, единственной политической темой был эносис, а единственным оппозиционным «политиком» на острове была церковь. Потому просвещенная часть общества именно через идеологию эносиса могла проявить нарождающееся политическое самосознание. Независимость дала начало различным политическим течениям, а более тесное знакомство широких слоев с Грецией в постколониальный период заметно охладило даже самих активных поборников эносиса. Важнейшей причиной падения популярности эносиса стала, по оценке Маркидеса, бурно развивающаяся экономика, поскольку на Кипре уже к началу 1970-х годов практически не стало безработицы, процветали сельское хозяйство и рекреационные услуги. Огромную роль в социальной трансформации сыграло развитие масс-медиа, в том числе таких новинок, как телевидение. Идеи эносиса «растворялись под натиском модернизации и секуляризации». Однако националистическая идеология не исчезла, и это сыграло роковую роль в последующие годы.

В условиях дискредитации идей эносиса на Кипре, оставшиеся ее поборники вынуждены были приспособливаться. Те, кто еще поддерживал эносис, стали не только частью оппозиции кипрскому президенту, но и противниками самого кипрского государства. Это оказалось возможным благодаря иностранной поддержке со стороны военной хунты Греции. Маркидес в своем исследовании указывает на социальные группы, из чьей среды рекрутировались устойчивые последователи идей эносиса. Это прежде всего бывшие комбатанты, участвовавшие в партизанской войне против британского колониализма (но не они стали в последующем основой радикальных и экстремистских группировок). Далее, интеллектуалы-традиционалисты, получившие образование в Греции, в частности филологи, теологи, юристы.

Филологи и преподаватели греческого языка, составлявшие в колониальные времена основу преподавательского корпуса в сфере общего образования, в условиях модернизации и секуляризации начали утрачивать свой высокий статус (методы их преподавания, традиционные подходы, мораль, проповедуемые ценности подвергались острой критике со стороны нового поколения киприотов, получивших высшее образование в странах Европы). Филологи традиционной ориентации – это те, кто получал профессиональную подготовку в Греции. Они были сторонниками сохранения и развития эллинско-византийской культуры на острове, греческого языка и греческой истории. Юристы, будучи подготовлены в Греции, также оказывались не удел, поскольку на Кипре превалировала юриспруденция британского образца.

В 1960 г. и в первые годы независимости после учебы на остров стали возвращаться молодые юристы афинской правовой школы. Они стали требовать эллинизации правовой системы Кипра («в судах должна звучать греческая речь!»). Многие из них стали адвокатами тех, кого обвиняли в терроризме. В рядах эносистов были также некоторые бизнесмены – не мелкие торговцы и владельцы магазинов, а представители наиболее процветающего среднего класса. В легальном движении эносистов ESEA (см. ниже)

более 80% членов оргкомитета составляли именно такие деятели. Например, известный бизнесмен С. Элиадес служил связующим звеном между хунтой Греции и террористами «ЕОКА В». Вовлечение крупного бизнеса в терроризм и идеологию эносиса стало новым явлением для Кипра. На предыдущем этапе борьбы (за освобождение от британского владычества) бизнесмены как раз поддерживали британскую корону как гаранта от распространения идей коммунизма. Теперь же требовался новый «гарант» – в лице милитаристского режима Греции.

Отдельной строкой Маркидес выделил участие в рядах эносистов священного синода греческой православной церкви Кипра, объясняя это тем, что церковь, обладавшая в прежние времена политическим весом на основе идеи эносиса, теперь уже этот вес утратила. В 1970 г. епископ Антимос открыто осудил политику Макариоса – президента и архиепископа в одном лице – и потребовал возрождения чаяний эносиса. Утрата традиционной ориентации на мать-Грецию, по мнению части православных иерархов Кипра, вела к утрате веры и опустению церковью. Тот же епископ утверждал, что в школах преподают «сомнительные греки» и что молодежь калечат идеями о каком-то «киприотстве».

Маркидес в упомянутой работе подчеркивает, что после обретения Кипром независимости состав адептов эносиса переродился в нетерпимых радикалов, не признававших легитимность суверенного Кипра и его власть. Хотя социальная база эносистов не была обширной, но сила и опасность их действий заключалась в опоре на зарубежную поддержку. Военная хунта Греции поощряла любые социальные движения, направленные против независимости Кипра и за эносис. В 1969 г., после пика межобщинных столкновений на острове, сюда во время летних каникул прибыли лидеры так называемого Киприотской студенческой ассоциации и предприняли «хождение в народ». Цель – поднять сельскую местность на борьбу за эносис. В их «манифесте» говорилось: «Мы вернемся и будем свирепы. Клянемся именем павших за Эносис, что не прекратим своей борьбы»¹⁵⁵.

В мае 1968 г. последователи идей эносиса Кипра организовались в Демократическую национальную партию (Demokratikon Ethnikon Komma – DEK, партия с похожим названием существовала в Греции в 1920-е годы). Во главе ее встал афинский психиатр доктор Такис Евдокас (уроженец Кипра). Он начал издавать газету, в которой подвергалось острой критике правительство Макариоса, а эносис представлялся чуть ли не панацеей в борьбе с коммунизмом. Вступив в борьбу с Макариосом за президентский пост в том же году, Евдокас получил лишь 3,7% голосов (почти все голоса были за Макариоса)¹⁵⁶ и сошел с политической сцены. Однако его партия просуществовала до 1976 г. и лишь после неудач пробиться в парламент самораспустилась, частично влившись в существующую донныне крупнейшую консервативную партию Демократическое собрание (Democratic Rally / Dimokratikos Synagermos – DISY).

В октябре 1971 г. на политической сцене вновь появляется Гривас, который заявил, что возвращается на Кипр чтобы выполнить столь долго ожидаемое желание греков объединить Кипр с Грецией¹⁵⁷. Он «сбежал» из-под домашнего ареста в Афинах и тайно появился на острове. К этому моменту на Кипре уже существовали террористические организации, соперничив-

шие за лидерство под знаменем эносиса – Национальный фронт, Акритас, Эносистский молодежный Феникс¹⁵⁸, Националистская молодежь Пафоса, Организация национального спасения. Они также поддерживались хунтой Греции.

Национальный фронт (Ethnikon Metoran), чья провозглашаемая цель – объединение с Грецией и изгнание из правительства Кипра тех, кто был против эносиса, проводила террористические акции в конце 1969 и в 1970 г., включая и попытки убийства Макариоса¹⁵⁹. Вот характерные выдержки из террористических призывов: «...Против предателей, левых и тех, кто им симпатизирует. Мы будем бить по правительству. Всякий, кто не согласен, будет казнен публично. Это единственный способ избавления от коммунистов и предательства национальных идеалов. Прошлое нашей нации диктует необходимость борьбы за ее будущее... Только затем последует национальное возрождение на Кипре»¹⁶⁰.

Возглавляемая Гривасом организация «ЕОКА В» в 1972 г. дважды пыталась совершить переворот и сместить Макариоса. Правда, как утверждают некоторые историки, Гривас не был полностью подконтролен хунте Греции и не желал развязывания полномасштабной войны¹⁶¹.

С появлением «ЕОКА В» возникли также организации, поддерживавшие ее на политическом поприще. Прежде всего это Объединенный комитет борьбы за эносис (Eniaios Syndesmos Enotikou Agonos – ESEA), а также новые газеты с характерными названиями – «Ethniki» («Национальная»), «Patris» («Отчизна»), «Messivri» («Обедня»). Все они поддерживались и финансировались хунтой Греции и практически открыто пропагандировали терроризм ради воплощения идей эносиса. Накануне военного путча 1974 г. газета «Ethniki» писала: «ЕОКА В» имеет цель защитить последователей эносиса, и ее действия направлены против «нового национального предательства» Кипра. Отмечалось также, что данная организация есть наследница той ЕОКА, которая в 1955-1959 гг. боролась за национальную идею с колониализмом¹⁶².

На самом деле состав террористической организации «ЕОКА В» существенно отличался от ЕОКА времен борьбы против британского владычества. В новой организации почти не было экс-комбатантов, и это были не горожане, а в основном сельские жители, либо недавние выходцы из села. Тот, кто не мог найти себе место в быстро меняющихся экономических условиях либо оставался за пределами успешного бизнеса, был кандидатом в боевики. В новой террористической организации было много полицейских или ранее состоявших на полицейской службе, а также военных из Национальной гвардии Кипра. В боевики «ЕОКА В» немалое количество рекрутировалось из районов острова, которые слабо контролировались центральным правительством, причем некоторые из таких районов были под религиозным управлением православных иерархов, недовольных властью. Большую роль в формировании мировоззрения боевиков «ЕОКА В» сыграла их армейская служба. Все молодые люди должны были проходить военную подготовку в Национальной гвардии, а армия контролировалась и направлялась военными офицерами Греции. Соответственно, военнослужащие греко-киприоты подвергались систематической националистической пропаганде¹⁶³.

Кульминацией радикальной националистической идеологии стали военный переворот с попыткой убийства президента Макариоса и вслед за тем последовавшее вторжение Турции и падение режима военной хунты в Греции. После этих событий террористическая активность на Кипре быстро сходит на нет, а потом исчезает и радикалистская идеология эносиса. Вместе с тем турко-киприотские исследователи обращают внимание на то, что идея эносиса не была отвергнута законодательно. Еще в 1967 г. в резолюции парламента Республики Кипр записано. «Учитывая длительные чаяния греков Кипра, Палата объявляет, что вне зависимости от каких-либо неблагоприятных последствий не будет остановлена борьба, осуществляемая при поддержке всех греков, до того момента, пока она не завершится успехом в виде объединения, без каких-либо предварительных условий, всего неразделенного Кипра с родиной». Эта резолюция формально действует до сих пор. В 1987 г. тем же представительным органом принят закон о признании действий организации ЕОКА борьбой за суверенитет и эносис¹⁶⁴.

За падением на Кипре национальной идеи пан-эллинизма, которая была направлена на дезавуацию кипрского суверенитета и чуть не погубила (или частью погубила) этот суверенитет, на смену пришла другая национальная идея – идея греко-кипрского патриотизма и суверенности. В условиях развернувшейся турецкой оккупации острова этнический национализм вновь казался «естественным».

В 1974 г., после пережитого путча и начала турецкой оккупации, президент Кипра Макариос создает Национальный совет. Его важнейшая задача – упрочение греко-киприотского единства, которое должно прийти на смену греческой междоусобице в борьбе за власть¹⁶⁵. Этот орган по своим функциям напоминал несостоявшийся несколькими годами ранее Этнархический совет (на его учреждении настаивали мятежные церковные иерархи). Однако если тот совет должен был служить распространителем идей эносиса и пан-эллинского национализма, то теперь учрежденный Макариосом совет действовал во имя суверенного греко-киприотского национализма.

По мнению известного кипрского социолога Ц. Мавратсаса¹⁶⁶, после событий 1974 г. политическая культура прежнего греко-кипрского национализма стала маргинальной, и на первый план вышла проблема восстановления целостности острова. Появляются новые идеологические клише о борьбе за суверенитет. Были переосмыслены недавние исторические события, в частности борьба ЕОКА в 1950-е годы теперь называлась антиколониальной борьбой за независимость (а не за эносис). Был возведен в ранг главнейших праздник Дня независимости. Повсеместно реял государственный флаг Республики Кипр, тогда как ранее в общественных местах вывешивали флаг Греции. Более того, пишет Мавратсас, отход от прежнего ирредентистского национализма, скомпрометировавшего себя как повод для вторжения Турции на остров, подвинул греко-киприотский истеблишмент к идее политического компромисса в виде федеративного решения кипрской проблемы. Появились официальные высказывания о том, что турко-киприоты не враги греко-киприотам, что можно жить вместе, «как это и было в прошлом». Но указывалось, что среди турко-киприотов есть шовинисты, которых поддерживает Турция – «истинный агрессор».

Меняются взгляды на сам о. Кипр, которому ранее как бы отказывалось в праве быть истинной родиной. Если прежняя пропаганда утверждала, что Кипр в географическом и любом ином измерении есть не что иное, как продолжение Греции (соответственно, в противоположном лагере остров рассматривался как продолжение Турции), то теперь все чаще можно было слышать об уникальности Кипра. Вместе с тем этнические и прочие различия двух общин не отвергались, не было также стремления рассуждать о киприотской гражданской нации. Тем не менее обе общины стали рассматриваться в отрыве от «материнских» стран – Греции и Турции. В 1975 г. даже возникло особое движение – Новая кипрская ассоциация (New Cyprus Association), которая заявляла, что, хотя не собирается призывать к забвению «этнических корней и культурных связей», но живущие на Кипре должны понимать, что они сначала киприоты, а уж затем – греки, турки и кто-либо еще. «Этническое разделение, – утверждали члены этой ассоциации (а это были в основном интеллектуалы, получившие негреческое образование в странах Европы и Америки), – необходимо преодолевать через восстановление отношений и постоянное культивирование взаимопонимания». Ассоциация была небольшой, но на острове она сыграла определенную роль в формировании взглядов современных политиков.

И все же руководство обеих частей Кипра не было озабочено тем, чтобы новое поколение воспитывалось в духе общекипрских ценностей¹⁶⁷. Наоборот, новый национализм был запущен в политический обиход, когда в 1981 г. к власти в Республике Кипр пришел А. Папандреу на волне антизападной агитации и обещаний «сделать греков действительными хозяевами своей страны». Кипр рассматривался как «новая Греция», которая, в отличие от «старой», «предавшей интересы островитян», сможет позаботиться о своем народе.

В последующие годы и особенно после прихода к власти в 1993 г. Г. Клеридиса греко-киприотский национализм стал претендовать на политическое доминирование вновь ориентировался на Грецию, но на этот раз – для упрочения взаимосвязей и с целью защиты от возможного военного давления Турции. Республика Кипр и Греция подписали военный пакт о защите ни больше, ни меньше «пространства эллинизма».

В среде политиков начали высказываться мнения о том, что федеративный вариант решения кипрской проблемы не обязательно должен рассматриваться в качестве основного. Вновь, как и в начале 1960-х годов, стали вспоминать, что греко-киприоты составляют большинство населения острова, а потому кипрскую проблему должно решать демократическое большинство. Архиепископ Хрисостомос I заявил, что федерализм будет означать полный распад киприотского эллинизма на острове¹⁶⁸. В этот период чувства гражданской принадлежности фактически приравнивались к чувствам этнической самобытности¹⁶⁹.

Впрочем, простора для развития и распространения нового национализма теперь на Кипре было гораздо меньше, особенно в области реальной политики и международных отношений. Поэтому он в значительной мере реализовался в общественном и культурном дискурсе. Различными способами подчеркивалось величие наследия греческой культуры, ее «3000-летняя история на острове», говорили и писали о приоритете эллинско-христианских идеалов, о тысячелетней преемственности древних и современных греков на

острове, что именно нынешние греки являются наследниками и хранителями кипрского эллинизма и т.п.

Современный греко-киприотский национализм все более концентрируется не на политических темах, а на проблеме идентичности и интерпретации истории, настаивая на приоритете во всем греческой культуры¹⁷⁰. Но означает ли это, что националистические идеи не оказывают влияние на политику или по крайней мере на умы политиков? Усиление политических и военных контактов Республики Кипр с Грецией подводит турко-киприотов к мысли, что старая идея эносиса по-прежнему жива.

Новое идеологическое веяние – киприотизм. Правда, некоторые его поборники в обеих частях острова выступают против притока мигрантов. Но киприотизм теперь все чаще рассматривается как «умение договариваться» без экивоков на «этничность». Подобные взгляды воспринимаются в обществе, как выражение приверженности левым политическим взглядам. По этой причине идеи киприотизма остаются за пределами внимания практической политики на обеих сторонах острова.

Открытых идеологических последователей общекипрского единства пока очень мало. Среди них должен быть назван турко-киприотский врач, ученый, писатель и общественный деятель Ахмет Ан. Еще в 1990-е годы он публиковал статьи о необходимости «киприотского мышления» и стал известен в мире после того, как в 2003 г. выиграл в Европейском суде по правам человека так называемое дело против Турции. Европейский суд постановил, что запрет на пересечение разделяющей остров буферной зоны является нарушением прав человека. Вслед за тем последовало открытие на острове пунктов перехода этой зоны. В 2002 г. на конференции в Никосии А. Ан обнародовал доклад¹⁷¹, в котором говорилось: существует только один выход из кризиса – это отказ турко-киприотского руководства от 50-летней политики сепаратизма, возврат его, посредством договоренностей с греко-киприотской стороной, к общему управлению Кипром с последующим превращением его в федеративную, территориально интегрированную республику. «Политическое и культурное единство турко-киприотов и греко-киприотов, которое будет построено на этом договоре, откроет путь к дружбе народа». «Патриотические чувства, которые мы называем чувством киприотизма, должны быть четко запечатлены в общественном сознании, дабы противостоять этническому и политическому разделению».

Сегодня, с развитием общественного обмена мнениями посредством интернета, уже есть тенденция понимать киприотизм действительно, как основу межобщинного диалога. Симптоматично появление дебатов на эту тему не только в компьютерных сетях, но и в СМИ. Вот одно из характерных названий форума: «Киприотизм как основа, договорились?». В таких дебатах часто можно слышать, что киприотизм должен рассматриваться как необходимость при любом решении кипрской проблемы. Впрочем, в дискуссиях проглядывают и сомнения утратить «свою» – греческую или турецкую – идентичность. Некоторые турко-киприоты говорят о том, что единство будет на пользу только грекам, ведь их на острове больше, и они смогут ассимилировать политически и культурно все население. Красноречивым является название одного из интерактивных опросов: «Готовы ли турко-киприоты забыть о своей турецкой культуре и принять киприотизм?».

Говоря о крайне разделенном обществе, точнее о двух отдельных на острове гражданских обществах, нередко приводят высказывания бывшего президента турецкой части Кипра Р. Денкташа: «Все во мне турецкое. Я турецкий по языку, культуре и истории... Кипрская культура, турко-киприоты, греко-киприоты, общее государство – все это вздор. Греко-киприоты – это византийцы, они греки, мы – турки. У них есть их Греция, а у нас есть наша Турция. Почему мы должны жить в одном государстве? Мы когда-то провозгласили: таксим (разделение) или смерть. А теперь, когда мы так близки к таксиму, почему нам нужно выбирать смерть?»¹⁷²

Есть и научные скептики киприотизма. В 2003 г. исследователь из Германии Ян Асмуссен, работающий на турецкой части Кипра и плодотворно занимающийся новейшей историей острова, обнародовал свой труд «Примеры киприотской идентичности или почему киприотизма не существует»¹⁷³. Манускрипт широко цитируется, особенно в среде турко-киприотских ученых. В нем, в частности, сказано, что идея киприотизма не вызревала как вековой исторический процесс, она не была частью [естественной] идентичности. Эта идея была искусственно сформирована интеллектуалами для преодоления трагических последствий политического разделения острова. Перечисляя бытовые и культурные черты совместной жизни, которые имели место в прошлом, Асмуссен задается вопросом: можно ли на основе культурного сходства греко- и турко-киприотов достичь межобщинного взаимопонимания? И дает ответ: достичь взаимопонимания невозможно пока продолжаются взаимные обвинения в трагедии 1960–1974 гг. Кроме того, добавляет исследователь, десятки лет раздельного существования привели к тому, что новое поколение турко-киприотов не знает греческого языка, хотя такое знание было характерным для их родителей. Исследователь делает вывод: нынешние черты сходства, если и появляются, то не через совместный социальный опыт, а благодаря процессам глобализации, через английский язык и общеевропейскую культуру. В этом автор усматривает сомнительную перспективу киприотского единства.

И действительно, формулы единства на Кипре все еще не существует, нет и достаточного количества общественных сил для ее поддержки. Важно, однако, что поиск идет, и на обеих сторонах острова проблема все чаще становится предметом общественного дискурса. Даже сам термин «киприот», еще не так давно воспринимавшийся как вызов или насмешка, уже не редкость в местных научных публикациях и в СМИ.

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ УСИЛИЯ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ КОНФЛИКТА

В последние два десятилетия на Кипре все более активно давали о себе знать общественные и международные усилия, направленные на урегулирование конфликта. Как инициатива греко-кипрской общественности на острове возникло движение женщин в поддержку разрешения кипрского конфликта. Первая такая организация имела лозунг-название «Руки через барьер» – «Hands Across the Divide».

Понимая, что в нынешних обстоятельствах значительную роль могут сыграть именно структуры гражданского общества, ООН запустила специальную программу, в которой важное внимание уделено инициативе с симптоматичным названием «Кипр 2015»¹⁷⁴. Цель – способствовать широкому общественному диалогу на темы правительственных переговоров двух сторон. Второй проект – ENGAGE (Участие)¹⁷⁵, который нацелен на упрочение, ни много ни мало, киприотского (не греко- и турко-киприотского, а именно общекиприотского) гражданского сообщества для всеобщего примирения. Обе инициативы стартовали в 2009 г.

Проект ENGAGE базируется на сетевой поддержке малых грантов и иных способах поддержки неправительственных организаций, общественных платформ, сетей и прочих видов активности, которые своей деятельностью способствуют миру и поиску путей примирения на Кипре. Прежде всего внимание уделяется общественным структурам, которые нацелены на совместные («двуобщинные») мероприятия, т.е. включают в сферу своей деятельности представителей северного и южного Кипра. Например, с 2011 г. в милитаризованной буферной зоне, разделяющей остров, проводится тренинг «Строительство мирных отношений и развитие». Поддерживаются взаимные инициативы «Мирная журналистика» и «Мирное образование», общественные усилия по открытию новых пунктов свободного перехода буферной зоны. Организуются публичные дискуссии на тему «Федерация и экономика», проводятся исследования «По следам мультикультурности на Кипре: экскурс в историю», «Межобщинное образование» и т.д. До этого с 2005 г. действовал похожий проект CIVICUS¹⁷⁶, но в гораздо меньших масштабах.

Раннее общественные инициативы в более трудных условиях межобщинных разногласий, были реализованы благодаря усилиям ученых. Продолжают действовать ориентированные на урегулирование кипрского конфликта научно-общественные структуры, из которых прежде других (с 1989 г.) появился Кипрский центр по достижению мира (Cyprus Peace Center).

Среди ученых, чьи усилия направлены на созидание и поддержку общественных инициатив кипрского урегулирования особенно заметно имя Марии Хаджипавлу¹⁷⁷ из Университета Кипра (располагается в греко-кипрской части столицы). Это ей принадлежит тезис о том, что разделенное киприотское общество пронизано *культурой конфликта*¹⁷⁸, и проблема не является только политической. В 1980-е годы М. Хаджипавлу получила ученую степень в американском университете Бостона и в следующем десятилетии работала в области прикладных исследований урегулирования конфликтов в Гарвардском университете (Harvard Program in International Conflict Analysis and Resolution PICAR), а затем в Колумбийском университете (School of International and Public Affairs). Благодаря ее деятельности на Кипре в конце 1990-х получили развитие общественно-научные мероприятия по практическому урегулированию. Она же инициатор так называемого оживления гендерного сознания¹⁷⁹, цель которого – усилить потенциал общественного миротворчества посредством политической активности женщин.

Активность женских организаций в борьбе за гендерные права в 2000-е годы действительно стала весьма тесно переплетаться с социальными и политическими проблемами кипрского конфликта. На острове действует Ген-

дерный консультативный центр¹⁸⁰, который направляет правительственным структурам обеих частей Кипра свои рекомендации по гендерным проблемам и острым вопросам недвижимого и движимого имущества, а также по вопросам гражданства.

Однако два десятка лет общественных усилий пока не смогли переломить взгляды политиков и массовые стереотипы.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС КАК ИСТОЧНИК РЕШЕНИЯ КИПРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

С конца 1990-х годов научно-общественная мысль на Кипре вращается вокруг представлений о том, что продолжение конфликта двух общин необходимо прекратить в области восприятия друг друга как врагов и соперников. Ложные убеждения и негативные стереотипы питают страхи, которые, в свою очередь, увеличивают взаимную ментальную дистанцию, превращающую стороны во враждующие¹⁸¹.

Сам факт научного обсуждения неправительственных миротворческих усилий усиливает общественную волю к примирению (reconciliation discourse). Исследователи говорят о том, что разделительные барьеры, последовавшие за этнонациональными конфликтами 1960-х годов и сегрегацией в 1974 г., привели к тому, что социальные и человеческие контакты двух общин оказались на годы под запретом. Однако затем именно гражданские усилия как с той, так и с другой стороны смогли нарушить сложившееся положение вещей¹⁸².

Для кипрского общества по обе стороны разделительной линии (речь идет не только о населении острова, но также и тех, кто временно или постоянно проживает вдали от родины) характерно продолжение дебатов на общеполитические темы, касающиеся кипрской проблемы. Эти дебаты выражаются и в потоке газетных публикаций, и во всевозможных вариантах прямого и косвенного общения журналистов, политиков, ученых, простых людей в телекоммуникационных сетях. При этом очевиден общественный интерес практически к любым материалам о Кипре в его «конфликтном» измерении. При неоднозначности оценок как с той, так и с другой стороны в целом звучат идеи, если не примирительного, то компромиссного характера.

Но само социальное взаимодействие крайне разнообразно, и предметом общественного внимания становятся подчас неожиданные темы, которые ослабляют или же подпитывают конфликт. В 2010 г. студентка кипрского происхождения, обучающаяся в одном из университетов Великобритании, обнародовала свои культурологические изыскания по истории живописи на Кипре периода владычества английской короны. Молодой исследовательнице хотелось как можно скорее сделать достоянием общественности начатые труды¹⁸³. Неполные и даже начальные «выводы», тем не менее, оказались востребованы интернет-аудиторией и были подхвачены СМИ. В «труде» были высказаны сомнения по поводу адекватности представления колониальными британскими художниками сцен жизни Кипра начала XX в. Мол, на этих картинах изображены кипрские греки и турки, живущие в гармонии,

как «киприотская нация», причем под неусыпным контролем британского «большого брата». Рассматривая полотна художников, студентка заявила, что таким образом намеревается показать, что «в их произведениях доминировал комплекс британского превосходства и ... расовых предрассудков». В тексте незавершенного исследования звучат отнюдь не новые идеи о том, что британская колониальная политика имела цель, ни много ни мало, взрастить «киприотскую идентичность» и «киприотскую нацию» с тем, чтобы в дальнейшем избежать опасности требований кипрских греков объединения с Грецией. Материал вызвал негативно-насмешливую реакцию со стороны прессы Северного Кипра.

Данный эпизод кажется мало примечательным, если не учитывать, что он явил собой некую закономерность. Студентка, подхватила идеи о «вероломной колониальной политике» именно из работ своей предшественницы Риты Северис, которая ныне – известный на Кипре историк искусств, меценат, основатель музея визуального искусства Кипра и имеет ученую степень, полученную в свое время в Бристольском университете Англии. В 2001 г. г-жа Р. Северис посещала Университет Олбани (США), в котором функционирует Институт киприотских исследований¹⁸⁴, где студентка выступила с лекцией «об искусстве и политике» и презентовала ту самую книгу¹⁸⁵, в которой содержатся упомянутые выше пассажи о «кознях британского колониализма». Известно также, что великолепно иллюстрированная книга (свыше 300 художественных репродукций) выдержала не одно переиздание и востребована кипрской (и не только) интеллигенцией.

Регулярно на Кипре проводятся социологические исследования, которые дают представление о формировании общественного мнения в условиях конфликта. Подобные исследования и сами оказывают воздействие на массовое сознание. Соответствующий комитет Совета Безопасности ООН активно использует социологию в двустороннем переговорном процессе. С опорой на общественное мнение генеральный секретарь ООН заявил в 2010 г., что, хотя в обеих общинах наблюдается склонность к миру (*appetite for peace*), однако же «растет и общественный скептицизм» по поводу успешности длящихся переговоров. Но если даже взаимные договоренности будут подписаны, говорилось в докладе генсека, мало надежды на то, что каждая из сторон будет следовать этим договоренностям. И далее в докладе следовал вывод: нужен не только план всестороннего урегулирования, но также «требуется сильное и решительное лидерство, которое сформирует общественное мнение в поддержку объединенного Кипра» (30-й пункт доклада)¹⁸⁶.

Особое признание среди политиков имеют социологические опросы, которые проводятся одновременно и на севере, и на юге острова, т.е. охватывают обе противоборствующие общины. Так, в 2008 и 2009 гг. Центром европейских политических исследований (Брюссель)¹⁸⁷ при сотрудничестве с кипрскими учеными была проведена серия двуобщинных опросов, которая, как и многие социологические опросы политической направленности, грешила сложными и даже поучающими вопросами, обращенными к населению. И на турецкой, и на греческой частях острова городских и сельских жителей, например, спрашивали: «Насколько, по вашему мнению, каждая из ниже приводимых моделей приемлема или неприемлема для большинства другой общины». Далее приводился список «моделей», начиная с варианта

двузональной и двуобщинной федерации. Также среди прочих задавались вопросы о гипотетической ситуации, при которой урегулирование якобы уже произошло: «какой из ниже представленных сценариев вам кажется наиболее правдоподобным в будущем?» Среди «сценариев» имелись подказки провокационного содержания: «греко-киприоты вытесняют или делают неэффективными турко-киприотов на уровне федерального управления и берут на себя все управленческие решения»; «турко-киприоты вместе с Турцией отказываются вернуть объекты собственности и территории, хотя в ходе урегулирования были достигнуты договоренности об их возврате прежним владельцам»; «Турция, злоупотребляя статусом страны-гаранта, вмешивается во внутренние дела Кипра»; «греко-киприоты вместе с Грецией атакуют и пытаются овладеть турко-киприотским субъектом федерации¹⁸⁸ и таким образом контролировать весь Кипр» и т.п. После подобных «сценариев» неискушенному обывателю трудно желать объединения общин. Хотя в целом упомянутое исследование было проведено на хорошем уровне, средства массовой информации не вдавались в детали. Газеты и интернет возвестили, что дескать более половины греко-киприотов и почти две трети турко-киприотов настроены пессимистично по поводу продолжающихся двусторонних переговоров. Еще сообщалось, что большинство греко-киприотов желают единого Кипра, тогда как большинство турко-киприотов стоят за два самостоятельных на острове государства.

В условиях сохраняющихся на Кипре межобщинных противоречий очень трудно добиваться непредвзятых социологических результатов. В конце 2009 г. смешанной исследовательской группой под эгидой ООН был проведен одновременный опрос греко-киприотов и турко-киприотов в обеих частях острова¹⁸⁹. Сделанное на его основе исследование имеет символическое название – «Изучая будущее» и является одним из лучших. Не скрывалось, что цель не только научная, но и пропагандистская (как и весь международный проект) – наладить неформальный диалог между двумя общинами, двигаться к результативным переговорам по объединению острова. Эта установка, конечно, повлияла на истолкование полученных данных, поэтому ниже мы приводим собственные интерпретации таблиц этого исследования.

Подавляющая часть опрошенных с обеих сторон указали, что кипрская проблема должна быть решена путем взаимных компромиссов (но четверть – против компромиссов). Насилие неприемлемо для большинства греко-киприотов, хотя несколько процентов допускают насилие, либо не имеют твердой позиции. Среди турко-киприотов заметно больше тех, кто поддерживает силовое «решение» кипрской проблемы – 12%, еще 13% дали неопределенный ответ. Возможно, из этого не следует, что общественные установки среди турко-киприотов более радикальны, поскольку опрашиваемые, видимо, говорили не о «будущем», а обращались к прошлому (военной оккупации части острова Турцией в 1974 г.).

Половина греко-киприотов согласна жить по соседству с турками-киприотами. В свою очередь, только одна треть турок выразила на это согласие. Такое же соотношение среди греков и турок, кто согласен, что у двух общин на острове больше общего, чем различий.

Были предложены вопросы об идентичности. Подавляющая часть греко-киприотов заявила, что полагается на греческое культурное происхождение.

И оценивает Кипр как часть эллинского мира. Однако менее половины называют Грецию своей материнской родиной.

Турко-киприоты, отвечая на сходные вопросы, но с ориентацией на Турцию, дали, соответственно, противоположные ответы. Но две трети сказали, что Кипр исторически является турецким. Большая, чем среди греков, часть турок имеет эмоциональную связь с «материком» – 75% заявили, что Турция их родина.

Особый интерес представляют ответы об общей «киприотской» идентичности, которую авторы исследования назвали «оспариваемой идентичностью» (*contested identity*). Правда, в данном случае не вполне ясно, как исследователи добивались у опрашиваемых понимания сути вопроса. Очевидно, что немалая часть участников опроса имела в виду свою географическую (островную) кипрскую принадлежность, а не единство двух общин. Так или иначе, результаты следующие: 45% греков заявили, что они одновременно и греки, и киприоты, 62% турок тоже считают себя киприотами. Среди греков те, кто вообще не причисляет себя к киприотам, только 1%, а среди турок 9% (что вполне закономерно, так как численность выходцев из Турции на Кипре больше, чем греков из Греции). Показательны, видимо, те ответы, в которых опрашиваемые назвали себя киприотами и никак иначе: среди греков таких ответов 19%, а среди турок только 5%. Есть еще колеблющиеся, которые склонны назвать себя, скорее, киприотами, чем греками или турками. Соответственно среди греков таких 29%, среди турок – 13%. Таким образом, греко-турецкое единство или общую кипрскую идентичность ощущают почти половина греков и только менее трети турок. Однако такой вывод мог бы быть верен только в том случае, если большинство опрошенных действительно понимало, о чем их спрашивали социологи.

Выяснялось также, насколько хорошо опрашиваемые помнят свою жизнь до того, как возник кипрский конфликт. Поскольку при опросе четкого временного рубежа указано не было, естественно, каждый из них понимал этот рубеж по-своему. Для большинства греко-киприотов моментом трагедии был 1974 г. и последующие несколько лет вынужденного переселения. Для турко-киприотов это были 1960-е и 1950-е годы. Соответственно, среди греко-киприотов оказалось больше тех, кто сказал, что хорошо помнит свою жизнь до конфликта (61%), либо что-то помнит (4%). Среди турко-киприотов таковых меньшинство (19 и 18%). Примечательно, что треть из тех турко-киприотов, кто родился после конфликта, сказали, что их родители мало с ними говорили о прошлой жизни, а среди молодых греко-киприотов большинство как раз хорошо информированы о конфликте.

В отношении проблемы мирного урегулирования греко-киприоты более всего возлагают надежды на президента Республики Кипр. Примерно треть также рассчитывают на помощь Евросоюза (но уверенных в этом только 8%). Гораздо меньшие надежды возлагаются на правительство своей республики, а также на ООН. А в то, что мирному урегулированию поможет лидер турко-киприотов верят только 10%. Турки-киприоты в основном уповают не на свою республику, а на правительство Турции – почти две трети опрошенных. Только треть полагается на инициативу своего президента. На роль греко-кипрского президента и правительства Республики Кипр в решении проблемы рассчитывают только 8–9% турко-киприотов. О роли Евросоюза и ООН упомянули соответственно менее четверти и того меньше.

Таким образом, если опираться на результаты этого опроса, обе общины Кипра не рассматривают международные структуры как реальных участников мирного диалога (напомним, буферная зона между двумя общинами охраняется именно миротворцами ООН). Греко-киприоты думают, что результат переговоров зависит от их президента, а турко-киприоты – от действий Турции.

Крайне важно мнение представителей обеих общин по поводу желаемого итога переговоров по урегулированию кипрской проблемы. Оказывается, далеко не все хотели бы действительного урегулирования. Так высказались 17% греко-киприотов и 14% из них затруднились с ответом, среди турко-киприотов соответственно 34% и 24%. Таким образом, для трети греко-киприотов и для половины турко-киприотов цели мирного урегулирования, обсуждаемые многие годы, не являются приемлемыми!

Как с той, так и с другой стороны надежда на то, что переговоры могут завершиться успешно, крайне слаба (более 15–16%). Международные наблюдатели склонны комментировать этот результат как свидетельство затягивания переговоров со стороны руководителей обеих частей Кипра. Но очевидно, что данный опрос отразил мнение людей о сути межобщинных разногласий и о том, что многие опрошенные в той или иной мере их поддерживают.

Исследователи не предлагали населению «выбрать» способ урегулирования ситуации на Кипре; их просили оценить достоинства каждого из известных вариантов. Вариант единого государства с единым правительством в своем большинстве признали греко-киприоты и турко-киприоты – 89% и 88% соответственно (см. табл.). Примечательно, что этот вариант не является предметом двусторонних переговоров! Международное сообщество, прежде всего ООН, лоббирует федеративный вариант двузонального, двуобщинного государства с единым международным представительством. На это согласны также большинство опрошенных – 72% греко-киприотов и 84% турко-киприотов. Напомним, что похожую идею ООН на референдуме 2004 г. поддержали только турко-киприоты.

Таблица

**Результаты опроса 2009 г. по кипрской проблеме
в % от численности ответивших в каждой общине**

Варианты урегулирования*	да		приемлемо		нет	
	греко-к.	турко-к.	греко-к.	турко-к.	греко-к.	турко-к.
Унитарное государство с единым правительством для всего Кипра	77	71	12	17	11	12
Двузональная, двуобщинная федерация	41	58	31	26	28	16
Сохранение статус-кво	16	49	21	26	63	25
Конфедерация двух суверенных государств	9	47	20	28	71	25
Два отдельных, международно-признанных государства	12	36	8	22	80	42

* Каждый вариант оценивался отдельно.

Оценивался также вариант урегулирования, при котором осталось бы «все как есть». Он удовлетворителен для трети греко-киприотов, а для большинства турко-киприотов. Если судить по ответам, он вполне приемлем. Менее импонирует греко-киприотам идея конфедерации двух суверенных государств. Но турко-киприоты признают и конфедеративный вариант. Меньше желающих, чтобы на острове было два отдельных государства, хотя сторонников отдельного государства среди турко-киприотов более половины.

В итоге следует сделать вывод, по крайней мере на основании данного исследования, что две трети и более греко-киприотов не согласны на окончательное разделение острова, тогда как более чем две трети турко-киприотов как раз согласны на разделение. Однако указанные различия нельзя оценивать однозначно, поскольку абсолютное большинство турко-киприотов одновременно приемлют и идею общего государства – в унитарном либо двуобщинном варианте. Вопрос, поддерживает ли кто-то из современных греко-киприотов прежнюю идею объединения Кипра с Грецией, естественно, в данном исследовании не ставился. Тема эносиса звучала бы сейчас как анахронизм и провокация.

Следует обратить внимание на то, как именно относятся обе общины к обсуждаемым механизмам урегулирования. Упомянутый опрос показал, что, хотя греко-киприоты в большинстве могут согласиться с федеративной формой объединения острова, но далеко не по всем входящим в этот «пакет» пунктам. Особое неприятие у них вызывают предложения, которые связаны с потенциальным разделением острова. В свою очередь, турко-киприоты также поддерживают федеративный план объединения, но прежде всего те пункты, которые дают им территориальную и общинную самостоятельность. Так, за общий для федеративного государства суверенитет, общее гражданство, общее международное представительство высказались 65–69% греко-киприотов и только 32–37% турко-киприотов. За двузональность и двуобщинность, за равный статус двух территориальных государственных субъектов в рамках федерации высказались только 15–19% греко-киприотов, а среди турко-киприотов эти элементы федеративности поддерживают 44–51%, кроме того, среди турко-киприотов есть еще немалая доля колеблющихся.

Таким образом, если результаты опроса верны, у Кипра следующая гипотетическая перспектива. Референдум по вопросам политического объединения острова, если таковой возможен в ближайшие годы, при соответствующей информационной обработке мог бы быть положительным. Однако каждая сторона проголосовала бы за «свой» вариант объединения. Следовательно, при реальном объединении вновь могут возникнуть раздоры.

Естественно, совершенно по-разному обе общины относятся к проблеме вооруженного присутствия третьих стран. Греко-киприоты настаивают, чтобы после урегулирования военные подразделения Греции и Турции покинули остров, а турко-киприоты – возражают. А вот список тем, которые обе стороны полагают главными на переговорах. Общая приоритетная тема по вполне понятным причинам – это проблема безопасности. Но прочие приоритеты расходятся. Греко-киприоты полагают, что наиболее важны договоренности, во-первых, по проблеме ограничения миграции из Турции (59% опрошенных), во-вторых, по вопросам собственности (42%), в-третьих, тер-

риториальные проблемы (34%). А для турко-киприотов на первом месте по значимости именно проблема собственности (51%), поскольку после военной интервенции Турции значительное количество турок-киприотов «вступили» во владение собственностью греко-киприотов. На втором месте – тема суверенитета (39%), а на третьем – территориальная проблема (29%). Поскольку все названные проблемы рассматриваются общинами в основном с эгоистических позиций, то опять же можно предположить, что их решение в рамках одного государства потенциально связано с конфликтами.

По вопросам собственности ответы греко-киприотов категоричны: пустующие земли, сельскохозяйственные угодья, жилые участки и жилье, коммерческие объекты – все это должно быть возвращено законным владельцам, которые были лишены собственности в результате агрессии Турции. Разумеется, мнение турко-киприотов совершенно иное: примерно половина опрошенных считает, что собственность принадлежит не прошлым, а нынешним владельцам, около четверти полагают, что проблема принадлежности собственности является дискуссионной, а еще четверть говорят, что собственность все же должна быть возвращена прежним владельцам. При этом следует учесть, что турки-киприоты в годы межобщинных столкновений также утратили собственность, поэтому опрашиваемые часто имеют в виду свою собственность. На вопрос, вернулись бы они жить в свой дом, если бы территория перешла под контроль греко-киприотской администрации, 69% греко-киприотов ответили утвердительно. Но если администрация будет турко-киприотской, то в этом случае возвратятся домой только 17%. Аналогичные вопросы турко-киприотам исследователи не задавали.

Поскольку проблема собственности является одной из самых острых в нынешней фазе кипрских противоречий, следует привести еще некоторые сведения. На вопрос, что бы они делали со своей собственностью, если бы получили ее обратно (видимо, можно было указать несколько вариантов ответа), 45% греко-киприотов сказали, что стали бы там жить, еще 35% сказали, что жили бы там периодически. Только 20% согласились бы на эквивалентный обмен, 14% согласны были бы получить денежную компенсацию, 6% постарались бы совершить обмен ее на ту собственность, где теперь проживают. Ответил турко-киприотов: 30% жили бы в своей собственности, если ее им возвратят, а 24% предпочли бы получить денежную компенсацию; 21% могли бы сдать возвращенную им собственность в аренду, 18% обменяли бы ее на нынешнюю, в которой проживают. Такие различия ответов объясняются тем, что утратившие собственность греко-киприоты, согласно законам Республики Кипр, не обладают правом собственности в тех местах, которые им выделены государством для проживания. А турко-киприоты, по законам Северного Кипра, напротив, наделены правом собственности на дома и участки, оставленные греко-киприотскими беженцами.

В связи с большим количеством разногласий и разнонаправленных мнений интересно узнать, как могли бы голосовать общины на возможном референдуме – за или против федеративного объединения, которое лоббирует ООН. Результаты гипотетического голосования такие: греко-киприоты – 34% против, 27% за, 39% затруднились; турко-киприоты – 47%, 26%, 27% соответственно. Таким образом, ответ на «референдуме» неясен, но, судя по всему, он, скорее, отрицательный. Характерно, что среди греко-киприотов,

склонных сказать на референдуме «нет», это в первую очередь молодежь и люди среднего возраста. Пожилые греко-киприоты либо не могут определиться с ответом, либо поддерживают федеративное объединение. Среди турко-киприотов ответы не связаны с возрастом, хотя можно обратить внимание на самых пожилых респондентов, которые в большинстве сказали «нет».

Итак, по прошествии десятков лет со времени горячей фазы конфликта, общественного согласия, как и согласия политического, на острове не наблюдается. Однако есть желание договариваться, идти на небольшие компромиссы, осуществлять экономическую и общественную интеграцию. В сложившейся ситуации отрицательный вариант референдума (бывшего в 2004 г. и гипотетического, о котором говорят социологи), возможно, является лучшим выходом. По мнению международных организаций, нацеленных на скорейшее урегулирование и именно в форме единого государства, подобные результаты кажутся непродуктивными. Они полагают, что сроки для разрешения конфликта необратимо истекают. Но, вероятно, мирный процесс на Кипре как раз и требует времени, а не поспешных действий.

¹ *Taki Y.* The Republic of Cyprus – 50 Years On //Cyprus Mail. 2010. 27th September.

² *Dietzel I., Makrides V.N.* Ethno-Religious Coexistence and Plurality in Cyprus under British Rule (1878–1960) //Social Compass. 2009. 56

³ *Nezvat A.* Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave. Academic Dissertation. Oulu, Finland, 2005.

⁴ *Hadjilira A.-M.* Armenians of Cyprus. Kalaydjzan Foundation, 2009.

⁵ *Linobambaki (Λινόβαμβάκι)*, буквальный перевод с греч. – «помесь» (дословно «лен и хлопок»).

⁶ *Nezvat A.* Op. cit. 2005.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.* Press, 2005.

⁹ *Dietzel I. and Makrides V.N.* Op. cit.

¹⁰ *Kokkinofta K.* Archbishop Kyprianos and the 9th July 1821 (English translation: <http://hellenicantidote.blogspot.com/2009/07/archbishop-kyprianos-and-9th-july-1821.html>)

¹¹ Впервые избранный руководитель нового государства Иоаннис Каподистриас имел титул губернатора.

¹² *Mallinson W., Mallinson B.* Cyprus: A Modern History. I. B. Tauris, 2008.

¹³ Cyprus: A Country Study / Ed. Eric Solsten, Wash., 1991.

¹⁴ Introduction to Cyprus Law / Ed. D. Campbell, Limassol, Cyprus, 2000.

¹⁵ Island of Cyprus–grant of a constitution–the despatch / UK Parliament (<http://hansard.millbanksystems.com/commons/1882/apr/21/island-of-cyprus-grant-of-a-constitution>).

¹⁶ Cyprus: A Country Study.

¹⁷ *Constantinou C.M.* Aporias of Identity and the «Cyprus Problem». Paper presented at the ECPR Joint Sessions of Workshops, 25–30 April 2006, UK (www.st-andrews.ac.uk/intrel/media/Constantinou_Cyprus_aporia.pdf).

¹⁸ *Nezvat A.* Op. cit.

¹⁹ Cyprus: A Country Study.

²⁰ Архиепископ автокефальной православной церкви Кипра. Кипрская церковь изначально управлялась независимыми архиепископами; право на автокефалию было подтверждено III Вселенским Собором в 431 г.

²¹ *Dietzel I., Makrides V.N.* Op. cit.

²² *An A.* Forms of Cypriotism in the Turkish Cypriot community: obstacles and necessary conditions / Paper presented at the seminar «Cypriot Identity: Reality or Necessity?» of the New Cyprus Association on 10 November 2005, Limassol.

- ²³ Turkish Republic of Northern Cyprus. Ministry of Foreign Affairs (<http://www.trncinfo.com/tanitma/en/index.asp?sayfa=cms&dmid=0&cmsid=234&ssid=97622489>).
- ²⁴ Dietzel I., Makrides V.N. Op. cit.
- ²⁵ Cyprus: A Country Study.
- ²⁶ Carter D. The 1931 rebellion: a week that shook Cyprus (<http://www.britains-smallwars.com/cyprus/Davidcarter/31rebellion/31rebellion.html>).
- ²⁷ World History at Korean Minjok Leadership Academy (<http://www.zum.de/whkmla/region/asmin/cyprus19181939.html>).
- ²⁸ Turkish Republic of Northern Cyprus. Ministry of Foreign Affairs.
- ²⁹ World History at Korean Minjok Leadership Academy.
- ³⁰ Dietzel I., Makrides V.N. Op. cit.
- ³¹ World History at Korean Minjok Leadership Academy.
- ³² Cyprus: A Country Study.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Long G. Greece, Crete and Syria. Australia in the War of 1939–1945. Vol. II. Canberra, Australian War Memorial, 1953.
- ³⁶ An A.D. Origins of turkish cypriots and their culture //The Cyprus Sum magazine. December 2004 – January 2005 (www.erpic.eu/files).
- ³⁷ http://www.whatson-northcyprus.com/history/kucuk_biography.htm
- ³⁸ <http://www.lobbyforcyprus.org/factfiles.aspx?id=53>
- ³⁹ Макариос III.
- ⁴⁰ Cyprus: A Country Study.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Гривасу было 53 года к моменту первой встречи с Макариосом, тогда как архиепископу исполнилось только 38 лет.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² В англоязычной литературе эта организация обычно именуется «National Organisation of Cypriot Fighters». Слово «national» обозначает «этнический», вместо которого в нашем тексте используется более уместный эквивалент «народный». Слово «fighters», обычно переводимое на русский язык как «борцы», заменено в нашем тексте на «бойцы» с учетом специфики деятельности самой организации, а также многообразием значений греческого слова «αγωνιστών».
- ⁵³ Миф о Дигенисе связывают с известным на Кипре крупным скальным обломком, лежащим в море у побережья. Камень имеет символическое значение для Кипра, так как согласно мифологической традиции, он к тому же отмечает место рождения Афродиты и именуется «Petra tou Romiou» (Камень Афродиты). Также хорошо известна на Кипре поэма византийского времени о богатыре Дигенисе Акритасе, чье имя связано с мифической победой христианства над исламом в Малой Азии.
- ⁵⁴ An A. Cypriotism can Pave the Way to Reunification //The Cyprus Dossier: Towards free thinking Cyprus. January 2011.
- ⁵⁵ Cyprus: A Country Study.
- ⁵⁶ http://www.whatson-northcyprus.com/history/kucuk_biography.htm
- ⁵⁷ Cyprus: A Country Study.
- ⁵⁸ The Tripartite Conference on the Eastern Mediterranean and Cyprus, Held by the Governments of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Greece and Turkey. London, August 29–September 7, 1955 (*Soulioti S. Fettered independence: Cyprus, 1878–1964, v. 1–2, Modern Greek Studies, University of Minnesota, 2006*).
- ⁵⁹ Cyprus: A Country Study.

- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ В англоязычной литературе: Turkish Resistance Organisation. На русском языке также встречается вариант наименования: Турецкая организация обороны.
- ⁶⁵ An A. Cypriotism can Pave the Way to Reunification.
- ⁶⁶ Для международного обсуждения план представил британский премьер-министр Г. Макмиллан.
- ⁶⁷ Cyprus: A Country Study.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Ibid.
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ Ibid.
- ⁷² Ibid.
- ⁷³ *Guney A.* The USA's Role in Mediating the Cyprus Conflict: A Story of Success or Failure? // Security Dialogue. 2004. 35.
- ⁷⁴ Cyprus: A Country Study.
- ⁷⁵ Ibid.
- ⁷⁶ Ibid.
- ⁷⁷ Security Council Resolution 186 of 4 March 1964.
- ⁷⁸ United Nations Peacekeeping Force in Cyprus (UNFICYP).
- ⁷⁹ Cyprus: A Country Study.
- ⁸⁰ Ibid.
- ⁸¹ Площадь острова составляет всего 10 кв. км.
- ⁸² <http://hellenicantidote.blogspot.com/2009/07/acheson-plan-for-partition-of-cyprus.html>
- ⁸³ Cyprus: A Country Study.
- ⁸⁴ Ibid.
- ⁸⁵ Здесь и далее изложено по: *Hart P.T.* Two NATO allies at the threshold of war: Cyprus, a firsthand account of crisis management, 1965–1968. Duke University Press, 1990.
- ⁸⁶ Ibid. P. 38.
- ⁸⁷ Ibid. P. 55.
- ⁸⁸ Ibid. University Press, 1990.
- ⁸⁹ Cyprus: A Country Study.
- ⁹⁰ Ibid.
- ⁹¹ Ibid.
- ⁹² Ibid.
- ⁹³ *Hale W.* Turkey and Regional Politics after the Cold War: Greece, Cyprus, Turkish Foreign Policy, 1774–2000. L., 2000.
- ⁹⁴ Ibid.
- ⁹⁵ Ibid.
- ⁹⁶ Ibid.
- ⁹⁷ Ibid.
- ⁹⁸ Ibid.
- ⁹⁹ Constitution of Turkish Republic of Northern Cyprus // <http://www.cypnet.co.uk>.
- ¹⁰⁰ Численность населения на 2010 г. с учетом базовой численности по данным переписи 2006 г.
- ¹⁰¹ *Eralp D.U., Beriker N.* Assessing the Conflict Resolution Potential of the EU: The Cyprus Conflict and Accession Negotiations // Security Dialogue. 2005. 36.
- ¹⁰² The Middle East and North Africa. Fiftieth edition. L., 2004.
- ¹⁰³ *Eralp D.U., Beriker N.* Op cit.
- ¹⁰⁴ The Middle East and North Africa.
- ¹⁰⁵ *Eralp D.U., Beriker N.* Op. cit.
- ¹⁰⁶ Ibid.
- ¹⁰⁷ Ibid.
- ¹⁰⁸ *Guney A.* The USA's Role in Mediating the Cyprus Conflict: A Story of Success or Failure? // Security Dialogue. 2004. 35.

- ¹⁰⁹ http://www.bilgesam.org/en/index.php?option=com_content&view=article&id=297:russia-southern-cyprus-relations-on-the-axis-of-the-missing-spy&catid=77:ortadogu-analizler&Itemid=147
- ¹¹⁰ *Eralp D.U., Beriker N.* Op. cit.
- ¹¹¹ *Guney A.* Op. cit.
- ¹¹² Ibid.
- ¹¹³ Ibid.
- ¹¹⁴ Ibid.
- ¹¹⁵ Ibid.
- ¹¹⁶ Информагентство «GlobalSecurity.org» // <http://www.globalsecurity.org/military/world/war/cyprus2.htm>
- ¹¹⁷ *Guney A.* Op. cit.
- ¹¹⁸ *Бредихин О.Н.* Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития: рукопись канд. дисс. по специальности «История международных отношений и внешней политики». М., 2006.
- ¹¹⁹ http://www.uncyprustalks.org/nqcontent.cfm?a_id=2831
- ¹²⁰ <http://www.britishcyprusmemorial.org>
- ¹²¹ Assessment report of the Secretary-General on the status of the negotiations in Cyprus, S/2011/498. – August 2011. UN.
- ¹²² http://www.uncyprustalks.org/nqcontent.cfm?a_id=2828&tt=graphic&lang=11
- ¹²³ Генсек ООН считает, что время для созыва международной конференции по Кипру еще не настало // ИТАР-ТАСС. 22.04.2012 // <http://www.itar-tass.com/c12/399428.html>
- ¹²⁴ Cyprus: Prospects remain dim of political resolution to change situation of IDPs // Internal Displacement Monitoring Centre. 2009. 30 June.
- ¹²⁵ *Хохлышева О.О.* Ислам и международное публичное право. Кафедра мировой политики и международного права ФМО ННГУ им. Н. И. Лобачевского // <http://constitutions.ru/archives/4836>
- ¹²⁶ <http://www.kipr.ru/realty/right>
- ¹²⁷ *Сюккйянен Л.* Мусульманское право собственности: юридическое осмысление религиозных постулатов // <http://constitutions.ru/archives/3618>
- ¹²⁸ Immovable Property Commission.
- ¹²⁹ Fact Sheet /Committee on Missing Persons in Cyprus. Nicosia, 2010.
- ¹³⁰ *Given M.* Architectural styles and ethnic identity in medieval to modern Cyprus //Archaeological perspectives on the transmission and transformation of culture in the Eastern Mediterranean / Eds. Clarke, Joanne. Oxbow Books, 2005.
- ¹³¹ *Mavratsas C.* Approaches to nationalism: basic theoretical considerations in the study of the Greek-Cypriot case and a historical overview //Journal of the Hellenic Diaspora. 22 (1). P. 88.
- ¹³² *Nevzat A.* Nationalism amongst the Turks of Cyprus: the first wave /Academic Dissertation. Oulu, Finland, 2005.
- ¹³³ *Mavratsas C.* Op. cit. P. 88.
- ¹³⁴ *Nevzat A.* Op. cit.
- ¹³⁵ Ibid.
- ¹³⁶ Ibid.
- ¹³⁷ Ibid.
- ¹³⁸ *An A.* Forms of Cypriotism in the Turkish Cypriot community...
- ¹³⁹ Цит. по: *Mas J.R.* Lawrence Durrellin Cyprus: a philhellene against enosis // EPOS. XIX (Madrid, 2003). P. 233.
- ¹⁴⁰ *Karyos A.* EOKA and Enosis in 1955–1959: Motive and Aspiration Reconsidered (manuscript) /4th Biennial Hellenic Observatory PhD Symposium on Contemporary Greece. European Institute. LSE. 2009. June 25–26.
- ¹⁴¹ *An A.* Forms of Cypriotism in the Turkish Cypriot community...
- ¹⁴² *An A.* Cypriotism can Pave the Way to Reunification.
- ¹⁴³ *Nevzat A.* Op. cit.
- ¹⁴⁴ Ibid.
- ¹⁴⁵ Ibid.
- ¹⁴⁶ Ibid.
- ¹⁴⁷ Ibid.

- ¹⁴⁸ Ibid.
- ¹⁴⁹ Ibid.
- ¹⁵⁰ *An A.* Forms of Cypriotism in the Turkish Cypriot community... o
- ¹⁵¹ *Tocci N.* EU Accession Dynamics And Conflict Resolution: Catalysing Peace Or Consolidating Partition In Cyprus? England, 2004.
- ¹⁵² *Patrick R.A.* Political geography and the Cyprus conflict, 1963–1971. University of Waterloo, 1976. P. 38.
- ¹⁵³ Ibid. P. 45.
- ¹⁵⁴ *Markides K.C.* The Rise and Fall of the Cyprus Republic. Yale University Press, 1977. P. 76–121. Chapter 3 // <http://www.cyprus-conflict.net/disloyalty%20-%20Markides.html>
- ¹⁵⁵ *Markides K.C.* Op. cit. P 76–121.
- ¹⁵⁶ Ibid.
- ¹⁵⁷ *Uslu N.* The Cyprus question as an issue of Turkish foreign policy and Turkish-American relations? 1959–2003. N.Y., 2003. P. 108.
- ¹⁵⁸ Enosist Youth Phinix.
- ¹⁵⁹ *Uslu N.* Op. cit. P. 107, 108.
- ¹⁶⁰ *Markides K.C.* Op. cit. P. 76–121.
- ¹⁶¹ *Uslu N.* Op. cit. P. 107, 108.
- ¹⁶² *Markides K.C.* Op. cit. P. 76–121.
- ¹⁶³ Ibid.
- ¹⁶⁴ *Atun A.* Solution: how close to Cyprus // International Journal of Academic Research (Baku, Azerbaijan). Vol. 3. N 3. May, 2011. II Part.
- ¹⁶⁵ *Ker-Lindsay J., Faustmann H.* The Government and Politics of Cyprus. Bern. 2009.
- ¹⁶⁶ *Mavratsas C.V.* The ideological contest between Greek-Cypriot nationalism and Cypriotism 1974–1995: politics, social memory and identity // Ethnic and Racial Studies. V. 20. N 4. 1997.
- ¹⁶⁷ *Şālih H.I.* Cyprus, the impact of diverse nationalism on a state. University of Alabama Press, 1978.
- ¹⁶⁸ *Mavratsas C.V.* Op. cit.
- ¹⁶⁹ *Mavratsas C.* Approaches to nationalism: basic theoretical considerations in the study of the Greek-Cypriot case and a historical overview // Journal of the Hellenic Diaspora, 22 (1). 1996. P. 86.
- ¹⁷⁰ *Mavratsas C.V.* The ideological contest...
- ¹⁷¹ *An A.D.* The perspectives of a common Cypriot awareness during the British colonial period and after.
- ¹⁷² *Loizides N.G.* Ethnic Nationalism and Adaptation in Cyprus // International Studies Perspectives. 2007, N 8. P. 172.
- ¹⁷³ *Asmussen J.* Patterns of Cypriot identity or why Cypriotism doesn't exist // Culture in Common-Living Cultures in the Cypriot Communities. Proceedings of German-Cypriot Forum Conference, Berlin. 22–24 May. 2003.
- ¹⁷⁴ <http://www.cyprus2015.org>
- ¹⁷⁵ «Civic Engagement for Reconciliation» // (<http://www.engage4peace.org>)
- ¹⁷⁶ Civil Society Index Project функционировал на средства UNDP под управлением Management Centre и NGO Support Centre.
- ¹⁷⁷ Maria Hadjipavlou.
- ¹⁷⁸ Conflict culture.
- ¹⁷⁹ Gender-raising consciousness.
- ¹⁸⁰ Gender Advisory Team.
- ¹⁸¹ *Hadjipavlou M.* Presentation of the contribution. Expert Colloquy // Dialogue serving intercultural and inter-religious communication. Strasbourg, 7 to 9 October 2002.
- ¹⁸² Ibid.
- ¹⁸³ Автор поместил свои воззрения на интернет-сайте Inter-Disciplinary.Net. Это широко известный британский ресурс для обмена научными и общественными идеями, пользуется популярностью студенческой молодежи.
- ¹⁸⁴ Institute of Cypriot Studies.
- ¹⁸⁵ Речь идет о книге, изданной на английском языке в 2001: *Severis R.C.* Travelling Artists in Cyprus 1700-1960. Недавнее переиздание: L., 2003. На греческом языке издана собственным фондом автора в 2003 г.

- ¹⁸⁶ Report of the Secretary-General on his mission of good offices in Cyprus. S/2010/603. 24 November. 2010.
- ¹⁸⁷ *Lordos A., Kaymak E., Toccia N.* A people's peace in Cyprus. Testing public opinion on the options for a comprehensive settlement. Brussels, 2009.
- ¹⁸⁸ В анкете использован термин ООН «страна-учредитель» (constituent state).
- ¹⁸⁹ Опрошено по 1 тыс. человек с каждой стороны на греческом и турецком языках (Investigating the Future An in-depth study of Public Opinion in Cyprus // Cyprus 2015: Research and dialogue for a sustainable future under Joint Programme Unit for United Nations /Interpeace Initiatives (JPU), 2009).

ПРОБЛЕМА ДЖАММУ И КАШМИРА

Имеющий древнюю историю, давший миру талантливых поэтов и писателей, художников, ученых и политиков, Кашмир традиционно привлекал к себе пристальное внимание и интерес со стороны многочисленных туристов и путешественников из Европы, Азии и Америки, которые наслаждались красотами кашмирской долины с ее прекрасно обработанными полями и уникальными садами, снежными горными вершинами, высокогорными озерами или известными зимними курортами Гималаев. Французский врач Франсуа Бернье еще в XVII в. назвал Кашмир «индийским раем»¹.

Более чем три века спустя, в 2000 г., определение «рая» применительно к Кашмиру повторил почетный профессор Делийской школы экономики Жан Дрез, который совершил поездку в Кашмир в начале марта 2000 г.² Он использует эту характеристику не только в отношении «потрясающего» ландшафта, в особенности панорамы Гималаев во всей их красе: профессор видит Кашмир относительно процветающим и цивилизованным по сравнению с другими районами Северной Индии. Он отмечает развитое сельское хозяйство Кашмирской долины, которая поставляет рис, яблоки, овощи, шафран, молоко, мясо, рыбу и др.; широкой известностью пользуется продукция кустарной промышленности, прежде всего ковры, изделия из знаменитой кашмирской шерсти и многое другое. Условия жизни можно считать скорее удовлетворительными, явные свидетельства нищеты встречаются не часто. Одним из основных источников дохода для казны штата традиционно считался туризм. Однако общее благоприятное впечатление от красот природы и относительного благополучия затмевается продолжающимися вооруженными столкновениями и террористическими актами, совершаемыми на территории Джамму и Кашмира, – и эту ситуацию Жан Дрез считает действительно трагичной³.

Приходится констатировать, что в последние два десятилетия обстановка в Кашмире характеризуется сохранением социально-экономической, политической и военной нестабильности, которая выплеснулась на улицы крупных и мелких городов и селений в виде демонстраций и митингов, террористических действий против мирного населения, активизации деятельности боевиков. Угроза насилия буквально терроризирует кашмирцев, а туристы подвергаются риску превратиться в заложников или просто погибнуть под пулями, так что штат практически теряет доход от туризма. Обострение ситуации связано с конфронтацией между различными политическими силами, этноконфессиональными группами и партиями, представление которых о будущем Джамму и Кашмира подчас носит диаметрально противоположный характер.

Присутствие на территории штата подразделений индийской армии, направленной в Кашмир из Дели для борьбы с терроризмом, по-разному оценивается общественными группами и движениями в Кашмире, что также не способствует стабилизации общей обстановки. Наконец, то, что происходит в Джамму и Кашмире, прямо ассоциируется с многолетней конфронтацией

между Индией и Пакистаном, которые продолжают отстаивать свое право на юрисдикцию над этой территорией. Если Индия считает проблему Кашмира в принципе решенной и обвиняет Пакистан в оккупации принадлежащей ей на законных основаниях части Джамму и Кашмира, то Пакистан, в соответствии с резолюцией ООН, настаивает на предоставлении народу Кашмира права на самоопределение путем плебисцита под международным контролем. Новый поворот в ситуации вокруг Кашмира произошел в 1988 г., когда восстание в кашмирской долине переросло в движение за независимость Джамму и Кашмира. В результате с этого момента Кашмир охвачен волнами жестокого насилия. Столкновения между боевиками и индийскими силами безопасности, практика терроризма приводят к многочисленным жертвам, ужесточению законодательства в штате, обвинениям в массовых нарушениях прав человека. Все это наносит непоправимый ущерб прежде всего гражданскому населению, экономическому развитию штата, разрушает его экологию.

Группа ученых из Центра по изучению развивающихся стран Делийского университета при содействии местной администрации, полиции, политических активистов, ученых, журналистов и др. в 2005 г. провела специальное изучение общественного мнения в районе Сринагара в Кашмирской долине. Основными критериями при проведении обследования и оценки ситуации в регионе было количество совершенных убийств, захватов заложников и беспорядков на улицах. На основе этих критериев были выделены районы с высоким уровнем конфликтности (ВК) и низким уровнем конфликтности (НК). В каждом из районов были опрошены более чем по 150 респондентов. Так, из 322 респондентов, опрошенных в районе Сринагара, 45% (55% в ВК и 34% в НК) признали, что лично подверглись насилию в период конфликта: 26% пострадали от конкретных действий сил безопасности, 21% подвергся психологическому воздействию⁴.

Чем можно объяснить столь жестокий и затяжной характер конфликта внутри и вокруг Кашмира и достаточно туманные перспективы его урегулирования? По-видимому, это связано с особенностями его возникновения, с его многоплановостью и вовлеченностью в него различных общественных и политических сил, перерастанием из одной формы в другую и в конечном счете – приданием ему межгосударственного характера, вмешательством в его течение и процесс урегулирования внешних сил.

ИСТОКИ КОНФЛИКТА

При анализе причин возникновения, эволюции и перспектив урегулирования проблемы Кашмира возникает необходимость выявить уровень взаимодействия и взаимовлияния внутренних и внешних факторов, которые определили ход конфликта и его современное состояние. Речь может идти о роли этно-конфессионального, политического и внешнеполитического факторов в их взаимодействии и взаимовлиянии.

В эпоху преобладания государств, сформировавшихся по национальному признаку, усиление этнонационалистических движений, призывающих к пересмотру межгосударственных границ, вызывает серьезную обеспокоен-

ность политиков и правителей полиэтничных и поликонфессиональных государственных объединений. При этом существуют различные точки зрения по вопросу о том, могут ли или должны ли создаваться новые национальные государства за счет отделения от крупных многонациональных объединений более мелких составляющих их частей, иными словами, имеют ли этнонациональные группы право на самоопределение, или должно превалировать право любого государства сохранять свою территориальную целостность?

Исторический опыт показал, что формирование нового собственного государства одной группой населения часто осуществляется за счет интересов других групп. Проявления этнического национализма обычно сопровождаются насилием, ксенофобией, а иногда этническими чистками и геноцидом. Как отмечал известный британский философ и культурный антрополог Эрнест Геллнер, многие из тех, кто стремится создать собственное национальное государство, живут или до недавнего времени жили не на компактных территориях, а совместно с другими этно-конфессиональными группами. «Это означает, – писал далее Геллнер, – что территориальные политические объединения могут превратиться в этнически гомогенные только в том случае, если представители другой национальности будут либо убиты, либо изгнаны, либо ассимилированы» основной национальностью⁵.

Что может снизить напряженность в подобных ситуациях, каким образом можно избежать принятия насильственных мер в отношении меньшинств и предотвратить процесс их отделения? Все варианты практически сводятся к необходимости признания факта существования различных этнических групп, нахождения баланса при распределении властей между ними, защиты экономических и социокультурных прав представителей всех этно-конфессиональных групп. Снизить накал сепаратистских требований и нейтрализовать их возможно путем приведения в действие механизма признания региональной автономии, языковых и религиозных прав, обеспечения представительства групповых интересов в органах управления.

Бывшее княжество Джамму и Кашмир занимает уникальное геополитическое положение на стыке границ пяти государств: Индии, Пакистана, Китая, Афганистана и Таджикистана. Контроль над этим регионом имеет жизненно важное значение с точки зрения сохранения территориальной целостности и обеспечения безопасности границ Индии и Пакистана, остальных государств обширного региона Центральной Азии. Для Пакистана, так же как и для Индии, нормализация ситуации вокруг Джамму и Кашмира важна еще и потому, что практически все реки, текущие по территории двух стран, начинаются в Кашмире. От разумного и выгодного обеим сторонам распределения водных ресурсов зависит состояние и перспективы сельскохозяйственного производства в обеих странах⁶.

На фоне сохранения напряженности в индо-пакистанских отношениях отсутствие договоренностей и согласия между центральным правительством Индии, правительством штата и политическими партиями и группировками, религиозными и этническими группами в самом Кашмире, т.е. то, что, по определению Ж.-Ж. Руссо, может расцениваться как отсутствие «общественного договора»⁷, является одной из главных причин дестабилизации обстановки и сохранения напряженности, осложняющих процесс урегулирования ситуации в Кашмире.

**1947 ГОД:
РАЗДЕЛ БРИТАНСКОЙ ИНДИИ –
«ТЕОРИЯ ДВУХ НАЦИЙ»**

Как и ряд других этнополитических конфликтов, проблема Кашмира возникла при разделе крупного полиэтничного и поликонфессионального объединения – Британской Индии на два независимых государства – Индию и Пакистан. Истоки конфликта следует искать в основных базовых посылах, которыми руководствовались лидеры двух крупнейших политических сил Британской Индии – Индийского национального Конгресса и Мусульманской лиги.

Национально-освободительное движение в Индии против британского колониального господства, которое было едино в своем стремлении добиться независимости, действовало в рамках двух основных политических партий страны – Индийского национального конгресса (ИНК), основанного в 1885 г., и Мусульманской лиги (МЛ), созданной позже – в 1906 г. В первый период своего существования ИНК насчитывал в своих рядах значительное число мусульман и защищал их интересы.

Вот что пишет о ключевых проблемах периода, предшествовавшего разделу Британской Индии, известный историк Алестер Лэмб, исследования которого неизменно привлекают далеко не однозначный интерес в двух ведущих странах Южной Азии. В опубликованной в 1994 г. работе «Происхождение трагедии: Кашмир 1947»⁸ среди основных проблем, которые доминировали в последние годы существования Британской Индии, он выделяет вопрос о том, могут ли части Британской Индии с жизнеспособным мусульманским большинством рассчитывать на независимое от доминирования индусов будущее, будь то институциональное или просто демографическое. Индийский национальный конгресс, отмечает он, – крупнейшая антиколониальная политическая сила страны не ставил этого вопроса и заявлял (и заявляет до сего дня), что представляет собой секулярную организацию (хотя, как известно, значительное большинство его членов – индуисты) и поэтому выражает интересы всех индийцев, независимо от их религиозной принадлежности.

Конгрессу противостояла Мусульманская лига, придерживавшаяся коммуналистских взглядов на индийскую политику и утверждавшая, что мусульмане Индии обладают своей собственной национальной идентичностью⁹. Руководители будущего Пакистана, Мусульманская лига, опирались на активно разрабатывавшуюся в 1920-х годах «теорию двух наций» – индусской и мусульманской, которые, по мнению идеологов партии, настолько различаются по основным параметрам и признакам, что дальнейшее их проживание в рамках одного государства не представляется возможным. Мусульманская лига придерживалась убеждения в том, что в Индии мусульмане и индусы должны считаться отдельными нациями с учетом различий в культурно-исторических традициях, образе жизни и пр. Распространение ислама на территории Индостана со времени образования в Северной Индии первых мусульманских государств, а затем утверждение мусульманской династии Великих Моголов привели к тому, что мусульмане стали составлять приблизительно одну пятую часть индийского общества, ощущая себя достаточно обособленно.

Существенные различия в оценке будущего независимой Индии стали проявляться с середины 1930-х годов. В 1940 г. Мусульманская лига открыто выступила за создание в будущем отдельного государства индийских мусульман. Выступая 23 марта 1940 г. на ежегодном съезде Мусульманской лиги, М.А. Джинна утверждал, что «индусы и мусульмане принадлежат двум различным религиям, философским взглядам, обычаям и культурам, что между ними «никогда не заключаются браки, они никогда не принимают пищу вместе», они представляют две различные цивилизации, базирующиеся на идеях и концепциях, подчас противоречащих друг другу. Поэтому «насильственное соединение» двух таких наций в едином государстве неизбежно приведет к усилению взаимной враждебности и в конечном счете к его распаду¹⁰.

В размышлениях и практических действиях на пути к независимости Индии Мусульманской лиге противостояли организации, пропагандировавшие «индусское возрождение» как противовес движениям мусульман. Одной из первых партий, стоявших на проиндусских позициях, стала основанная в 1915 г. Хинду махасабха, лидер которой В.Д. Саваркар провозглашал создание государства, основанного на политической философии Хиндутва («индусскость») и «хиндудом» («индусский мир»), которые становились основополагающими принципами индусского коммунизма.

Как отмечает Р.Б. Рыбаков, сам Саваркар уже в 1937 сделал следующие выводы из своих теоретических построений. Во-первых, это наличие общности («культурно-религиозно-национальной») всех индусов, составляющих «хиндудом». Это «доказывалось» тем, что индусы «более явно отличаются от других людей мира, чем друг от друга»; во-вторых, быть индусом – это значит быть индийцем (а в подтексте уже звучало – и наоборот), быть индусским националистом – значит быть индийским националистом; в-третьих, истинным выразителем такого национализма является Хинду махасабха, которая выступает якобы не от имени религиозной общины и не во имя защиты религиозных интересов, а от имени «индусской культурной общности». Перечисляя другие религиозные общины Индии, Саваркар отмечает, что особых трудностей для индийской национальной консолидации они не представляют. Единственная община, мира с которой быть не может, – это мусульмане. В Индии, утверждает Саваркар, живут две антагонистические нации – индусы и мусульмане; лица последних «всегда повернуты в сторону Мекки и Медины!». Саваркар предупреждает индусов: «Мусульмане окажутся опасными для нашей индусской нации и для самого существования общего индийского государства даже в том случае и тогда, если и когда уйдет Великобритания. Не закроем же глаза на то, что они как община в целом до сих пор лелеют фанатичные планы установить в Индии царство ислама»¹¹.

Высказывания Саваркара давали основание считать, что вопреки общепринятой точке зрения о том, что автором и идеологом «теории двух наций» был М.А. Джинна, именно Саваркар фактически провозгласил ее задолго до Мусульманской лиги. В ответ на заявление Джинны Саваркар сказал, что у него нет возражений против «теории двух наций» Джинны. «То, что индусы и мусульмане – это две нации, является историческим фактом»¹².

Точка зрения Саваркара не стала официальной доктриной Индийского национального конгресса, который к моменту достижения независимости окончательно утвердился в качестве секулярной партии. Подходы Индии и Индийского национального Конгресса базировались на принципах «теории одной нации», и индусы и мусульмане никоим образом не рассматривались как две нации. Индия и конгресс, прежде всего Джавахарлал Неру, в принципе не считали раздел Индии единственным и оптимальным вариантом решения проблемы. Однако, учитывая, что в сложившихся обстоятельствах реальной альтернативой могло быть либо сохранение британского господства, либо начало широкомасштабной гражданской войны на субконтиненте, вынуждены были согласиться с формулой раздела страны в соответствии с «планом Маунтбеттена».

«План Маунтбеттена» был обнародован 3 июня 1947 г. и утвержден британским парламентом в качестве Закона о независимости Индии. Основным принципом раздела Британской Индии практически стала религиозная принадлежность населения различных районов страны. Территории с преобладающим индусским населением должны были стать частью Индии, с мусульманским – образовать новое государство – Пакистан.

Правда, с точки зрения Индии, принятая схема раздела не должна была означать, что территории с преимущественным мусульманским населением во что бы то ни стало должны были отойти к Пакистану или что вопрос принадлежности той или иной территории должен решаться путем опросов, референдумов, плебисцита и т.д.

Самый факт создания государств на конфессиональной основе в условиях, когда последователи различных религий проживали совместно на территориях одних и тех же штатов, жили на соседних улицах городов и деревень, заложил чувства страха и неуверенности в будущем тех общин и отдельных семей, которые оказались в меньшинстве в окружении многочисленных представителей иной религиозной группы. Началось «великое переселение народов» – индусов из Пакистана в Индию и мусульман – из Индии в Пакистан, которое исчислялось 13–15 млн человек¹³.

Раздел страны по религиозному признаку привел к трагическим столкновениям на религиозно-общинной почве. На многие десятилетия отношения между двумя странами и последователями двух конфессий омрачились памятью о той крови, которая пролилась в период раздела Индии, и это обстоятельство является одной из причин, по которой решение спорных проблем, поиски взаимоприемлемого компромисса еще и сегодня болезненны для обеих сторон. Многие участники тех трагических событий и их потомки до сих пор ощущают себя жертвами своей религиозной принадлежности, а обещавшие следовать принципам секуляризма новые независимые государства таковыми не оказались. Пакистан был провозглашен исламской республикой, а ситуация в Индии на протяжении последних десятилетий неоднократно напоминала о том, что население страны является поликонфессиональным, и отношения между религиозными группами не всегда отличаются гармонией и толерантностью.

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР» ДЖАММУ И КАШМИРА: ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ИНДИИ

В соответствии с условиями раздела Британской Индии правителям многочисленных княжеств, формально не входивших в ее состав и поэтому номинально независимых (а их насчитывалось приблизительно 584, по некоторым данным – около 600 или 562; они занимали 45,3% территории страны с населением около 99 млн), было предоставлено право самим принимать решение о том, войти ли в состав Индии или в состав Пакистана или, получив независимость, сохранить прежние отношения с метрополией. При этом должно было приниматься во внимание географическое положение княжества и интересы его населения. Вопрос религиозной принадлежности, конечно, также должен был учитываться, но не быть определяющим при принятии окончательного решения. «Планом Маунтбеттена» предусматривалось проведение референдумов в случаях, когда взаимоприемлемого решения вопроса достичь не удавалось. 30 сентября 1947 г. Дж. Неру писал, что готов принять любой результат референдума, если он будет реально отражать пожелания большинства населения территории, на которой он проводится¹⁴. В телеграмме № 402-Primin-2227 от 27 октября 1947 г. Джавахарлал Неру писал премьер-министру Пакистана (копия телеграммы, посланной премьер-министру Великобритании): «Наша точка зрения, которую мы неоднократно высказывали публично, состоит в том, что вопрос присоединения любой спорной территории или штата должен решаться в соответствии с желанием народа, и мы твердо придерживаемся этого мнения». М.А. Джинна в тот момент идею проведения плебисцита не принимал.

Вскоре после раздела Индии судьба всех княжеств так или иначе была определена, но оставался нерешенным, спорным, вопрос о самом крупном из них – Джамму и Кашмире.

Джамму и Кашмир: территория и этно-конфессиональный состав населения

Территория Джамму и Кашмира составляет 222 236 кв. км. В настоящее время 97 545 кв. км этой площади находятся под юрисдикцией Пакистана, а 42 735 – Китая (район Ладакха Аксай Чин плюс территория, переданная Пакистаном КНР в соответствии с пограничным соглашением от 2 марта 1963 г.) В результате Индия фактически контролирует 81 954 кв. км, включая «камень преткновения» спора, «изумруд, затерявшийся среди жемчужин»¹⁵ – кашмирскую долину со столицей штата Сринагаром.

Население Кашмира до раздела (1941) составляло 4 021 616 человек, из которых 77% – мусульмане, 20% – индусы, 3% – сикхи и др. По данным переписи 2001 г., население индийской части Кашмира составляло 10 069 917 человек, из которых (по данным переписи 1991 г.) 64,2% – мусульмане, 32,25% индусы, 2,23% сикхи, а остальные буддисты, христиане и джайны. Население «пакистанской» части Кашмира в том же 1991 г. – 1 983 464 человек (по

подсчетах 2000 г. – 4 200 000 человек), из которых 99,8% – мусульмане¹⁶. Согласно данным 2007 г., население Азад Кашмира составило 4 067 856 человек, Гилгит-Балтистана – 1 155 75.

Следует упомянуть также, что данные переписи 1981 г. свидетельствуют о том, что 1,45% кашмирцев живут вне территории штата – в Химачал Прадеш, Харьяне, Махараштре, Пенджабе, Раджастане, Уттар Прадеш, Дели.

Данные переписи населения Индии 2011 г. свидетельствуют, что население Джамму и Кашмира составляет 12 548 926 человек, из которых мужчины – 6 665 561, женщины – 5 883 365. Средний уровень грамотности – 68,74%, из которых среди мужчин – 82,14%, женщин – 65,46%. 84,47% кашмирцев двуязычны и, кроме кашмири, говорят на урду; 8,58% – на хинди, 0,15% – на панджаби, 0,93% – на догра, 5,68% – по-английски¹⁷.

Соотношение численности населения «индийской» и «пакистанской» частей Кашмира сегодня составляет около 60 % и 40% соответственно.

Вся территория Джамму и Кашмира делится на четыре области, отличающиеся друг от друга природными условиями, историческим прошлым, национально-этническим и религиозным составом населения.

Так, условно единое целое до раздела составляла индийская провинция Кашмир и находящийся сегодня под юрисдикцией Пакистана Азад Кашмир. Большинство населения здесь говорит на урду, кашмири и гуджри, по религии – мусульмане-сунниты, составляющие в индийском Кашмире около 92% населения, в Азад Кашмире – около 99%. Далее, самая густонаселенная часть штата – Джамму, где индусы составляют около 60%, мусульмане – около 40%, сикхи – около 3%. Третья часть – высокогорное малонаселенное плато Ладакх, где живут ладакхи, исповедующие буддизм ламаистского толка (они составляют около 54% жителей, остальные – мусульмане). Его территория частично находится под юрисдикцией Китая, где доля буддистов еще выше. Наконец, особое место занимают так называемые Северные территории, включающие в себя районы Гилгит, Балтистан и Диамер, площадью около 84,931 тыс. кв. км с населением (по расчетам на 2000 г.) 1,10 млн человек, находящиеся в составе Пакистана. Население этих территорий более чем на 90% – мусульмане, остальные – главным образом буддисты¹⁸. Несмотря на поликонфессиональный характер кашмирского общества, исторически и традиционно оно отличалось плюрализмом, толерантностью и веротерпимостью, что создавало условия для гармоничных отношений между представителями различных этнонациональных и религиозных групп.

Традиционно многие аналитики ассоциировали политическую жизнь Кашмира с политикой Сринагара и кашмирской долины с преобладающим мусульманским населением, недооценивая при этом роль индусов и сикхов Джамму и буддистов Ладакха. В связи с этим возникает вопрос: можно ли говорить о существовании кашмирской идентичности? Или кашмирские реалии могут сегодня подтверждать тот факт, что Джамму, Кашмир и Ладакх никогда не представляли собой единой общности, различаясь с точки зрения исторического прошлого, этнического состава населения, языка и культуры, политической принадлежности отдельных частей бывшего княжества. От ответа на этот вопрос во многом зависит перспектива и варианты урегулирования кашмирской проблемы.

Этот вопрос поднимает Р. Упадхьяя в статье «Джамму и Кашмир: Является ли тройной раздел («trifurcation» – «разделение на три части») приемлемым решением?»¹⁹ Автор приводит ряд аргументов, выдвигаемых сторонниками «тройного раздела» Джамму и Кашмира.

Так, исторически существующий конгломерат трех гетерогенных регионов Джамму, Кашмир и Ладакх – никогда не являлся единым политическим образованием, несмотря на то что, по мнению многих аналитиков, штат Джамму и Кашмир представляет собой редкий синтез ислама, индуизма и буддизма. В то же время исторически все три региона: Джамму, Кашмир и Ладакх – всегда сохраняли свою региональную идентичность. Возникавшие межрегиональные противоречия были связаны с различиями в историческом прошлом, этнической принадлежности, языке и культуре. Так, население Ладакха, которое говорит на языке, относящимся к тибетской языковой группе, и исповедует буддизм с его четкими социальными и этническими признаками, имеет очень мало общего с говорящим на кашмири мусульманским населением Кашмирской долины. То же самое можно сказать и о говорящих на языке догри индусах Джамму с их ведической культурой, которые практически не связаны в этническом и культурном отношении с населением двух остальных регионов бывшего княжества²⁰.

Острые межрегиональные противоречия, дававшие себя знать в столетний период нахождения у власти махарадж клана Догра из Джамму, оказывали и оказывают серьезное влияние на политические воззрения представителей трех основных общин штата, что дает основание говорить об отсутствии реальной интеграции между ними. Политическое доминирование кашмирских мусульман, их политика дискриминации в отношении Джамму и Ладакха расценивались как «пренебрежение» интересами их индусского и буддийского населения. Более того, взаимодействие индусского и мусульманского населения подчас приобретало характер отношений между «угнетателем» (кто?) и «чужестранцем» (кто?)²¹. Как отмечает Р. Упадхьяя, «исторический антагонизм» (?) между двумя группами населения препятствовал выработке их единой позиции по многим вопросам.

Как бы то ни было, различия в политических взглядах и подходах мусульман Кашмира и индусов Джамму в период борьбы за независимость по существу препятствовали интеграционным процессам в регионе. Эта ситуация не претерпела серьезных изменений после 1947 г. Мусульмане кашмирской долины, говорящие на языке кашмири, в большинстве своем остаются исламистами и сторонниками большей автономии, в то время как индусы Джамму после присоединения штата к Индии демонстрируют готовность слиться с основными направлениями политической жизни Индии. Буддисты Ладакха опасаются демографических изменений в их регионе, связанных с массовым переселением мусульман из Кашмирской долины. Так, например, район Дода из региона с индусским большинством уже превратился в территорию с преобладающим мусульманским населением. Не случайно Ладакх неоднократно поднимал вопрос об угрозе исламского доминирования в регионе.

Как считает индийский автор, центральное руководство Индии в недостаточной степени учитывает разнообразие и различия в языке, культуре, истории, географии и политических взглядах представителей различных групп

населения Джамму и Кашмира. По существу функции династических властителей Догра были автоматически переданы мусульманскому руководству кашмирской долины, что вряд ли способствовало интеграции населения всех трех регионов Джамму и Кашмира²².

Проблеме идентичности в политической истории Южной Азии посвящает свою работу и известный французский социолог Жан-Люк Расин²³. Автор полагает, что при анализе политической истории Южной Азии за последние пятьдесят лет необходимо учитывать «фактор идентичности». Религиозное, этнолингвистическое, кастовое и прочие различия вряд ли в обозримом будущем потеряют свою остроту, и именно груз всех этих различий привел к образованию Пакистана²⁴. Действительно, как пишет британский психолог и политолог Амина Рават²⁵ на основе проведенных ею лично интервью в Кашмире в августе 2006 г., население различных районов Кашмира по-прежнему значительно различается по культурным, этно-лингвистическим, религиозным и иным формам идентичности, что привело к сложной социальной гетерогенности. Так, населяющие Кашмир мусульмане, индусы, буддисты и сикхи различаются не только по религиозной принадлежности, но также по признаку касты, секты, этничности и языку, однако между ними не существует четко обозначенных географических границ. Более того, как отмечает Амина Рават, группы населения Гилгита, Балтистана и пр., образующих так называемые Северные территории, находящиеся под юрисдикцией Пакистана, различаются в культурном отношении, а живущие в Гилгите не считают себя ни кашмирцами, ни пакистанцами²⁶.

Такого рода социальная гетерогенность отражается также и на политических воззрениях и интересах отдельных групп населения Джамму и Кашмира. На территории, находящейся под юрисдикцией Индии, существуют по крайней мере три группировки: про-индийская, пропакистанская и сторонники независимости Кашмира, причем их социальная идентичность не обязательно совпадает с политическими предпочтениями. Так, например, далеко не все мусульмане, живущие в Джамму, поддерживают требования независимости, выдвигаемые мусульманами, живущими в Кашмирской долине: они за интеграцию с Индией. В Пакистане население Северных территорий, которое не идентифицирует себя с пакистанцами или кашмирцами, выступают за независимость не только от Индии и Пакистана, но и от остальной части Кашмира. В дополнение ко всему часть населения Балтистана и Ладакха, причем как мусульмане, так и буддисты, выступают за провозглашение «Большого Ладакха» как самостоятельного образования. Объясняется это их самоидентификацией как единой этнической группы, как стремление сохранить свою этнокультурную идентичность²⁷.

В целом же ситуация в Джамму и Кашмире характеризовалась политическим доминированием кашмирских мусульман, сопровождавшимся дискриминацией в отношении немусульманского населения Джамму и Ладакха. Под влиянием как внутренних, так и внешних факторов кашмирский конфликт постепенно приобретал идеологический характер в форме конфронтации между индусами и мусульманами. Сыграла свою роль и недооценка концентрировавшимися в Кашмирской долине властями княжества влиятельной группы кашмирских брахманов – кашмирских пандитов, а также индусов Догра и буддистов Ладакха.

Борьба за Джамму и Кашмир: начало индо-пакистанской конфронтации. Факты и интерпретации

Княжество Джамму и Кашмир как единое геополитическое объединение возникло лишь к середине XIX века.

Правитель Лахора Ранджит Сингх в 1819 г. захватил княжество Джамму и Кашмир, часть которого в 1820 г. была передана правителю Джамму из племени Хинду/Догра Гулаб Сингху за 7 500 000 рупий. В 1834 г. Гулаб Сингх захватил княжество Ладакх. В 1935 г. британские власти формально сдали в аренду территорию Гилгита, который оставался под их фактическим контролем в течение 60 лет. В 1936 г. частью Джамму и Кашмира стало формально независимое княжество Пунч.

В 1846 г. Кашмир, в соответствии с Амритсарским договором с британским правительством, был передан под административный контроль правителя Догра²⁸. В результате княжество Джамму и Кашмир объединило под единым административным контролем махараджи Гулаб Сингха суверенные территории: Джамму, Кашмирскую долину, Ладакх, Балтистан и Гилгит. Таким образом, в существующих геополитических границах единый Джамму и Кашмир появился лишь в 1846 г.

После 1846 г. политика индусских правителей Кашмира Догра в отношении мусульманского населения Кашмирской долины отличалась дискриминацией на религиозной почве, экономической эксплуатацией, несправедливой налоговой системой, нарушениями прав человека. Не случайно жители Кашмирской долины относились к Догра как к «аутсайдерам», «чужакам». В 1924 г. кашмирские мусульмане основали организацию «Анджуман-е-Исламиа» под лозунгом «сдать в утиль» Амритсарский договор, согласно которому Кашмир был передан под управление клана Догра. Махараджа Хари Сингх, который находился у власти с 1925 г., предпочитал использовать на правительственных должностях индусов, которые составляли более 60% правительственных чиновников разного уровня; богатые представители Догра были крупными землевладельцами и держали в своих руках основной бизнес на территории княжества. Назначения на административные должности осуществлялись по принципу этнической и религиозной принадлежности, а отнюдь не по способностям, уровню образованности и реальным заслугам. Большинство мусульман и коренных жителей, которые представляли в большинстве своем малообразованное крестьянство, практически не располагали возможностями защищать свои политические взгляды, экономические позиции и религиозные убеждения. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди «дискриминированных» оказались и группа индусов-брахманов – «кашмирских пандитов». Начиная с 1930-х годов, настроения мусульман представлял Шейх Абдулла, популярность и влияние которого постепенно усиливались, и который превратился в одну из крупнейших фигур в политической истории Джамму и Кашмира²⁹.

Усиление недовольства в кругах мусульман в начале 1930-х годов вылилось в создание в 1932 г. Шейхом Абдуллой партии Мусульманская конференция Джамму и Кашмира, целью которой стала защита интересов му-

сультманской общины против угнетения со стороны махараджи. Основой противоречий стала скорее дискриминация со стороны феодального режима махараджи, чем противоречия на религиозной основе. В 1939 г. от Мусульманской конференции откололась Национальная конференция Джамму и Кашмира (НКДК), объявившая о намерении следовать принципам секуляризма. Отмечалось даже, что острее борьбы Национальной конференции было направлено не столько против британского господства, сколько против засилия и экономической дискриминации со стороны индусского махараджи Джамму. Махараджа продолжал рассматривать конфликт как религиозный – между индусами и мусульманами, как конфликт «культурной идентичности», а не существовавшего экономического и социального неравенства. И если центральные власти подчеркивали культурные различия как основу политического размежевания в обществе, то Шейх Абдулла в своей деятельности по мобилизации общественных сил опирался на представление о классовых различиях и дискриминации на экономической почве. В будущем сформировались два подхода к пониманию событий в Кашмире. Один базировался на этно-религиозных различиях, другой – на представлениях о классовом или экономическом неравенстве.

Шейх Абдулла еще в 1938 г. установил контакты с Индийским национальным конгрессом и его лидером кашмирским пандитом Дж. Неру.

Национальная конференция инициировала кампанию, призывающую к прекращению колониальной власти махараджи («Прочь из Кашмира!» – Quit Kashmir). Позднее, убедившись в том, что дело все-таки не столько в махарадже, сколько в британском колониальном господстве, национальные силы Кашмира приняли участие в движении за уход англичан из Индостана. Правда, как считает Р.Упадхьяйя, движение Национальной конференции «Прочь из Кашмира!» и движение Индийского национального конгресса «Прочь из Индии!» по-разному трактовались мусульманами Кашмирской долины и индусами Джамму.

К 1946 г., когда раздел Индии становился реальностью, Национальная конференция полностью отошла от сотрудничества с Мусульманской лигой и присоединилась к позиции ИНК, который выступал за присоединение Кашмира к Индии при сохранении максимальной автономии. Шейх Абдулла подтвердил свое стремление к свободе действий, базирующееся на оппозиции власти махараджи. В январе 1947 г. Национальная конференция бойкотировала выборы в штате, так как они были организованы на коммуналистском принципе: места были зарезервированы за различными культурно-религиозными группами. Махараджа Хари Сингх использовал индусские и сикхские военные подразделения, чтобы не допустить предвыборной агитации со стороны как Мусульманской конференции, так и Национальной конференции.

14 августа 1947 г. английская колония Британская Индия получила независимость и была разделена на два доминиона: Пакистан и Индийский Союз, который в январе 1950 г. был провозглашен Республикой Индия. Вопрос о принадлежности бывших княжеств был непосредственно поставлен на повестку дня и требовал скорейшего решения. 25 июля Лорд Маунтбеттен встретился с лидерами княжеств и поставил их перед необходимостью сделать окончательный выбор – отойти к Пакистану или к Индии – на основании наличия общей границы с этими государствами, характера и уровня сло-

жившегося взаимодействия с элитами двух стран. Намек был сделан также и на «пожелания населения».

Как индийская элита, так и широкие общественные круги Индии, психологически не были готовы к тому, что ее жемчужина – Кашмир – может оказаться вне пределов ее границ. Родом из Кашмира были виднейшие представители индийской политической и интеллектуальной элиты, включая семейство Джавахарлала Неру. Махараджа Кашмира Хари Сингх и главный министр Пандит Рам Чанд были индусами и выступали против принятия решения о вхождении в состав Пакистана. Более того, они рассматривали даже вариант независимого статуса Джамму и Кашмира. Правда, вряд ли можно предположить, что все этно-конфессиональные группы «гетерогенного» Кашмира – индусы Джамму, буддисты Ладакха и пр. – согласились бы на отделение и создание собственного независимого государства с явным преобладанием мусульман.

Лидеры Индии и лично Джавахарлал Неру рассчитывали на поддержку и сотрудничество с одной из ведущих политических партий Джамму и Кашмира – Национальной конференцией, основатель и руководитель которой Шейх Абдулла, как личный друг Неру, явно симпатизировал Индии, и его взгляды – взгляды мусульманина – последовательно эволюционировали в сторону секуляризма. В то же время, как отмечали некоторые исследователи, Шейх Абдулла, используя дружеские отношения с Дж. Неру, позволял себе «игнорировать» чувства и настроения индусского и буддийского населения Джамму и Ладакха, доверия которого он так и не завоевал. Отмечалось также, что в Джамму и Кашмире существовали влиятельные мусульманские группировки, которые не хотели, чтобы их решение о том, присоединиться или нет к Пакистану, определялось лишь одним фактором – принадлежностью исламу; их привлекал индийский секуляризм, и они рассчитывали на то, что индийские власти будут демонстрировать толерантность в отношении представителей других религий.

Как утверждали современники, Шейх Абдулла также не исключал варианта превращения Джамму и Кашмира в независимое и нейтральное государство – в «Швейцарию Востока». Такой вариант решения никогда не поддерживался Джавахаралом Неру.

В целом же нельзя не отметить важность сугубо «личностного» фактора: на возникновение кашмирской проблемы в определенной степени повлияло столкновение позиций и интересов таких выдающихся политиков и «сильных личностей», как кашмирский пандит Дж. Неру и один из видных индийских лидеров Сардар Валлабхаи Пател – с одной стороны, и Мухаммад Али Джинна и Лиакат Али Хан – с другой. Признавая Шейха Абдулла ключевой фигурой при принятии решения о присоединении Кашмира к Индии, Дж. Неру понимал, что ему должно быть что-то предложено взамен. В письме Валлабхаи Пателю Дж. Неру писал, что Шейх Абдулла «стремится избежать присоединения к Пакистану» и надеется на мудрый совет от Индии³⁰. Сам шейх Абдулла осознавал, что он не может повести за собой население княжества, не объяснив ему преимуществ присоединения к Индии. Поэтому Дж. Неру фактически признал необходимость одобрения присоединения к Индии населением Кашмира, и этот пункт был включен в Акт о присоединении к Индии. 21 ноября 1947 г. он писал: «Кашмирцам следует решить

вопрос присоединения путем проведения плебисцита или референдума под международным покровительством, например, Организации Объединенных Наций»³¹.

С точки зрения политической и идеологической присоединение к Индии Кашмира с его преобладающим мусульманским населением означало серьезный удар по «теории двух наций», на которой Мусульманская лига основывала необходимость создания Пакистана. Пакистанское руководство, стремясь предотвратить вхождение княжества в состав Индии и мотивируя свою точку зрения тем, что 77% его населения было приверженцами ислама, осознавало, что присоединение Кашмира к Индии развеяло бы миф об «исламской солидарности».

Не случайно, с первых дней возникновения кашмирской проблемы поддержка антииндийского движения «братьев-мусульман Кашмира» превратилась в один из наиболее активно используемых лозунгов во внешней политике и в важный стимул внутривнутриполитической консолидации пакистанского государства.

Таким образом, несовместимость подходов к решению судьбы княжества Джамму и Кашмир со стороны секулярной Индии и мусульманского Пакистана, для которого примененный при разделе Британской Индии религиозный принцип отождествлялся с «теорией двух наций», и послужила основой кашмирского спора.

* * *

К середине августа 1947 г., т.е. к моменту официального провозглашения независимости Индии и Пакистана, махараджа Джамму и Кашмира так и не принял окончательного решения о будущем княжества.

Стремление Пакистана предотвратить вхождение Джамму и Кашмира в состав Индии было подкреплено довольно существенно – в ночь с 21 на 22 октября 1947 г. на территорию княжества вторглись вооруженные отряды пуштунских племен афридиев, юсуфзаев и масудов из Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, подкрепленные пакистанскими «добровольцами», под видом которых выступали подразделения пакистанской армии. Эти действия могли преследовать двойную цель: кроме попытки предотвратить вхождение Кашмира в состав Индии, правительство Пакистана, таким образом, снимало с себя ответственность за вооруженное вторжение на территорию княжества, переложив вину на неконтролируемые им племена. Кроме того, таким путем можно было бы разобщить и ослабить пуштунское движение за создание независимого от Пакистана государства Пуштунистан. Через четыре дня пуштуны оказались в нескольких километрах от Сринагара, а 24 октября на занятой ими территории было объявлено о создании временного правительства «Азад («свободного») Кашмира». Индия квалифицировала позицию Пакистана как провокацию и прямую поддержку агрессивных действий, направленных на захват Кашмира, как ущемление ее национальных интересов и нарушение территориальной целостности³². 24 октября махараджа Кашмира обратился за помощью к Индии, однако ее руководство заявило, что такая помощь может быть оказана только при условии присоединения Кашмира к Индии. 26 октября махараджа Хари Сингх

направил письмо лорду Маунтбеттену с информацией о вторжении со стороны Пакистана и о решении присоединиться к Индии. К письму был приложен подписанный махараджей Акт о присоединении Джамму и Кашмира к Индии³³.

На следующий день, 27 октября, лорд Маунтбеттен заявил о признании Акта и самого факта присоединения Кашмира к Индии³⁴. Одновременно с этим в Кашмир был направлен индийский воинский контингент, который на подступах к столице княжества Сринагару остановил наступление вторгшихся из Пакистана боевых отрядов. Начался первый индо-пакистанский военный конфликт, который с различной степенью интенсивности продолжался более года.

В девяностые годы, по-видимому, в связи с обострением ситуации внутри и вокруг Кашмира, резко возрос интерес к этой проблеме ученых – историков и политологов. Опубликованы работы таких исследователей как Алестер Лэмб и Роберт Вирсинг, коллективные и индивидуальные исследования индийских и пакистанских ученых, сборники документов и различной информации о Кашмире, подготовленные исследовательскими центрами Дели и Исламабада, пропагандистская литература, широко распространяемая посольствами двух стран, а также в кулуарах Комиссии по правам человека ООН. Естественно, что авторы, составители и редакторы этих изданий придерживаются различных, порой противоположных точек зрения относительно истоков возникновения конфликта вокруг Кашмира и возможных путей его разрешения.

Появились и продолжают появляться как научные исследования, так и литература, которую можно считать пропагандистской, в которой авторы, в зависимости от своей политической ориентации, пытаются привести доказательства законности – или незаконности – присоединения Кашмира к Индии. С этой целью по-разному интерпретируются архивные материалы, в том числе ставшие доступными лишь в самое последнее время.

Пакистанская сторона и поддерживающая ее кашмирская диаспора в странах Западной Европы и Америки и до сего дня считают присоединение Кашмира к Индии и связанные с этим действия индийского правительства незаконными. Поддерживая по существу эту точку зрения, известный исследователь проблем Центральной Азии и Кашмира А. Лэмб³⁵, ссылаясь на недавно опубликованную переписку Дж. Неру, в работе «Кашмир: спорное наследство. 1846–1990», опубликованной в 1991 г., пытается оспорить если не самый факт подписания махараджей Акта о присоединении к Индии, то, во всяком случае, точное время этого события. Он утверждает, что это могло произойти не раньше 12 часов дня 27 октября, т.е. уже после высадки индийского десанта в районе Сринагара, которая началась в 9 час. утра³⁶. В вышедшей в 1994 г. следующей его работе «Рождение трагедии: Кашмир 1947» автор ставит под сомнение самый факт подписания Акта махараджей³⁷. Таким образом, А. Лэмб по существу оспаривает версию об односторонней агрессии Пакистана: по его мнению, речь может идти о вторжении в Кашмир – в тот момент еще независимое княжество – по крайней мере, с двух сторон. Правда, как отмечает А. Лэмб, генерал-губернатор Индии лорд Маунтбеттен по каким-то причинам во время встречи с М.А. Джинной 1 ноября 1947 г. не обратил его внимание на это обстоятельство. По мнению английского ис-

следователя, Лорд Маунтбеттен испытывал личную симпатию к Дж. Неру и доверял ему, в то время, как с М.А. Джинной доверительные отношения у него не сложились³⁸.

Работы А. Лэмба были с энтузиазмом встречены в Пакистане и в кругах кашмирской диаспоры на Западе. Индийские же политики, журналисты и исследователи опровергают его систему доказательств и его выводы. Так, прямо возразить А. Лэмбу и доказать законность действий правительства Дж. Неру пытается Прем Шанкар Джха в работе «Кашмир 1947. Конкурирующие версии исторических событий», также ссылаясь при этом на недавно опубликованную переписку Дж. Неру с Лордом Маунтбеттеном и М.А. Джинной, мемуары политических деятелей – непосредственных участников событий более чем пятидесятилетней давности, и др.³⁹

Тем временем, в ходе состоявшихся между 28 октября и 22 декабря 1947 г. индо-пакистанских переговоров о судьбе Кашмира была достигнута принципиальная договоренность о проведении плебисцита, однако сохранялись разногласия относительно условий его проведения, в том числе, и о том, кто выступит в качестве объективных наблюдателей. Индия поставила условием вывод пуштунских отрядов, а Пакистан в качестве контрусловия – вывод всех индийских войск, контроль над деятельностью местных вооруженных сил, замена правительства Шейха Абдуллы коалиционным правительством с участием представителей «Азад Кашмира». Индийская сторона отказалась принять эти условия. Что касается наблюдателей, то к 22 декабря стороны договорились, что референдум должен состояться под эгидой ООН.

Однако до референдума дело так и не дошло, и 1 января 1948 г. Индия официально обратилась в ООН с жалобой на вмешательство Пакистана во внутренние дела Джамму и Кашмира, исходя из законности его признания частью Индии, и потребовала прекращения поддержки Пакистаном действий пуштунских племен. В ответ на это Пакистан расценил ситуацию в Кашмире как «народное восстание против деспотического режима махараджи»⁴⁰, обвинил Индию в геноциде по отношению к мусульманам Восточного Пенджаба и агрессии против ряда княжеств, в том числе Джамму и Кашмира. Пакистанская сторона призвала Совет Безопасности ООН создать специальную комиссию для осуществления прекращения огня с последующим выводом всех войск, как индийских, так и пакистанских, а затем формированием полностью независимой администрации штата Джамму и Кашмир и проведением плебисцита, с тем, чтобы народ Кашмира смог выразить свою позицию без давления на него как со стороны Индии, так и со стороны Пакистана. Следует особо отметить, что в тот период и Индия, и Пакистан пришли к соглашению по очень важному вопросу: они договорились, что княжество Джамму и Кашмир будет рассматриваться как единое целое, и плебисцит должен быть единым для всех его регионов⁴¹.

Совет Безопасности ООН 17 января 1948 г. принял резолюцию с призывом к конфликтующим сторонам разрешить свои разногласия мирным путем, а через три дня была создана специальная Комиссия ООН по Индии и Пакистану. В резолюции от 6 февраля Комиссии было поручено изучить ситуацию, способствовать прекращению военных действий между Индией и Пакистаном на территории Кашмира, восстановить там законность и порядок, а затем организовать плебисцит для определения будущего штата⁴².

Наконец, 13 января 1948 г. Советом Безопасности ООН была принята новая резолюция, в которой предусматривалось прекращение огня. Пакистан должен был вывести с территории штата регулярные войска и обеспечить вывод подразделений племен, а также тех пакистанцев, которые проникли на территорию штата и вели там военные и подрывные действия. Затем вывести часть своих войск должна была и Индия, оставив на территории Джамму и Кашмира лишь подразделения армии, обеспечивавшие законность и порядок. После этого правительства Индии и Пакистана должны создать необходимые условия для того, чтобы судьба Кашмира могла быть решена в соответствии с пожеланиями его народа⁴³. Окончательная резолюция по этому поводу была принята Советом Безопасности ООН 5 января 1949 г.⁴⁴

Однако условие о выводе пакистанских войск выполнено не было, что дало Индии основание не выполнять и свои обязательства по этому документу. Таким образом, отказ обеих сторон вывести войска, а также фактическое присоединение к Пакистану Азад Кашмира и агентства Гилгит с подконтрольными ему княжествами Хунза, Нагар и др., сделали проведение плебисцита в Джамму и Кашмире столь невозможным, столь и бессмысленным. На территории штата находились войска обеих стран, и реализация результатов плебисцита – даже в случае его проведения – вряд ли была бы возможна.

Военные действия должны были быть прекращены с 1 января 1949 г. Под эгидой ООН в Кашмире была установлена «линия прекращения огня», закрепившая военные позиции сторон и разделившая Кашмир на территории, оставшиеся в составе Индии и контролируемые Пакистаном. Под контролем последнего оказались северные и западные районы княжества, составившие 40% его территории и 27% населения всего Кашмира (в тот период – 4,2 млн человек). К настоящему времени численность жителей бывшего княжества составляет более 14 (около 14,70) млн человек, соотношение населения двух его частей примерно прежнее. В результате внутренних демографических процессов, а также миграций, несколько изменился религиозный состав населения: почти все жители пакистанской части исповедуют ислам; в районах, контролируемых Индией, мусульмане составляют 63% населения. Большинство их расселено в Кашмирской долине (в 2003 г. около 95% населения – мусульмане, около 4% индусы); в Джамму и Ладакхе индусы и буддисты соответственно составляют большинство (индусы – около 60%, мусульмане – около 30%).

Как пишет в «Индийском военном обозрении» Пракаш Нанда в феврале 2010 г.⁴⁵, в течение последних нескольких месяцев кашмирские сепаратисты акцентируют внимание на том, что, поскольку Кашмир – это регион с преобладающим мусульманским населением, мусульмане здесь не могут «сосуществовать с не-мусульманами, представляющими индусское большинство», поэтому, соответственно, «мусульмане не могут быть частью немусульманской Индии». П. Нанда далее отмечает, что он был «шокирован», когда услышал от своего образованного кашмирского друга, что кашмирцы больше не изучают деванагари – графику кашмирского языка, так как она является «санскритской» – дети в школах изучают урду – официальный язык штата Джамму и Кашмир⁴⁶ – и стараются не разговаривать на кашмири – языке, который «является одним из богатейших индийских языков»⁴⁷. Автор расценивает это как попытки возрождения «теории двух наций». Далее П. Нанда

приводит следующую статистику. В момент раздела в 1947 г. численность населения Индии составляла 330 млн., Западного Пакистана 27 млн и Восточного Пакистана (впоследствии Бангладеш) – 30 млн. Что касается территории, то Индия занимала 1,3 млн кв. миль, Пакистан – 0,3 млн и Бангладеш 0,06 млн кв. миль. Таким образом, Индия составляла 85% населения и 75% территории, обе части Пакистана – 15% населения и 25% территории субконтинента. В отличие от массовых переселений народов в случаях раздела государств в различных частях мира (Чехословакия, бывшая Югославия и пр.), на Индостане систематического обмена населением не происходило, и даже после раздела мусульманское население Индии превышало по численности мусульман Пакистана и Бангладеш. Мухаммад Али Джинна никогда не настаивал на том, что индусы и сикхи должны покинуть Пакистан, хотя в период раздела в некоторых пограничных шатах Индии и Пакистана наблюдалось то, что сегодня мы называем этническими чистками.

В настоящее время ситуация изменилась: если в 1947 г. индусы составляли 20% в Западном Пакистане и 36% в Восточном (Бангладеш), в настоящее время в Пакистане индусов 1%, в Бангладеш – 8%. В то же время, численность мусульманского населения Индии возросла с 10% в 1947 г. до 15% в настоящее время. Поэтому, когда кашмирцы выдвигают требование об отделении от Индии только на том основании, что мусульмане не могут оставаться в составе Индии с ее преобладающим индусским населением, эти требования возвращают нас к периоду раздела Британской Индии. В таком случае, как считает П.Нанда, Индия, которая при 85% населения получила 75% территории, могла бы поднять вопрос и о перераспределении земель, т.е. о новом разделе, который при таком подходе может считаться незавершенным.

Автор ссылается на точку зрения некоторых «либералов», которые утверждают, что если бы этничность, а не религиозная принадлежность, стала основой для раздела или объединения стран, в этом случае Пакистан и Бангладеш не имели права существовать в качестве независимых суверенных государств, так как индийцы, пакистанцы и бангладешцы этнически составляют единое целое, расселены в едином географическом и геополитическом пространстве, с общей флорой и фауной. Если кашмирские сепаратисты и те, кто их поддерживает, будут и впредь утверждать, что индусы, буддисты и мусульмане не могут сосуществовать в Джамму и Кашмире, и поэтому мусульмане должны или объединиться с Пакистаном или образовать независимое государство, то это может послужить знаком для их «собратьев», проживающих по всей Индии, принудить их осознать, что они совершили ошибку, оставшись на ее территории и поэтому должны эмигрировать либо в Пакистан, либо в Бангладеш⁴⁸.

Таким образом, лозунг «Кашмир для мусульман» может резко обострить кризис не только в Кашмире, но и распространиться на территорию всего Индостана.

В течение десятилетий посреднические функции между конфликтующими сторонами в Джамму и Кашмире продолжала осуществлять ООН. В нескольких резолюциях Совета Безопасности вновь предлагалось провести в бывшем княжестве плебисцит. Выступая в индийском парламенте 26 июня 1952 г., Джавахарлал Неру заявил: «Я хочу подчеркнуть, что только народ Кашмира может решать будущее Кашмира. Это не просто слова, которые мы

сказали Объединенным нациям и народу Кашмира; это наше убеждение и мы подтверждаем это политикой, которую проводим не только в Кашмире, но и повсюду»⁴⁹.

Однако интересы и подходы Индии и Пакистана настолько разошлись, что идея плебисцита осталась неосуществленной. Негативную роль в этом сыграл отход Пакистана от начального нейтралистского курса, формирование в 1954 г. военно-политического союза с США, вступление в военные блоки СЕАТО (1954 г.) и Багдадский пакт – СЕНТО (1955 г.). После этого Индия окончательно взяла курс на экономическую и политическую интеграцию Кашмира.

Так произошло фактическое разделение бывшего княжества Джамму и Кашмир. Одна его часть стала индийским штатом Джамму и Кашмир. Другая, находящаяся под контролем Пакистана, представляет формально «независимое» государство «Азад Кашмир» и т.н. «северные территории», непосредственно управляемые Исламабадом. Часть территории Джамму и Кашмира в районе Ладакха (Аксай Чин) площадью около 34 тыс. кв. км, оккупирована Китаем. Кроме того, в соответствии с пакистано-китайским соглашением от 2 марта 1963 г., Пакистан передал Китаю около 6990 кв. км территории Джамму и Кашмира. В результате под юрисдикцией Китая находится около 37 555 кв.км. Такая структура сохраняется и по сей день.

ДЖАММУ И КАШМИР В СИСТЕМЕ ИНДИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

ИНТЕГРАЦИЯ ДЖАММУ И КАШМИРА В СОСТАВ ИНДИИ: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР

Руководство Индии предпринимало действия, направленные на интеграцию Джамму и Кашмира в политическую систему Индии, в том числе и путем распространения на него утверждавшихся в самой Индии демократических принципов и институтов. Индийские политики исходили из того, что для предотвращения недовольства населения и угрозы выплескивания его на улицы городов, целесообразно развивать демократические институты и разработать процедуру их формирования. В 1949 г. в Индии было решено, что точка зрения населения может быть определена путем проведения представительных выборов, а не обязательно путем плебисцита. В 1950 г. была принята Конституция Индии, 370 статья которой предоставила штату Джамму и Кашмир особые права. Кроме вопросов обороны, иностранных дел и коммуникаций, все остальное являлось прерогативой местных властей⁵⁰. В 1951 г. состоялись первые выборы в Законодательную ассамблею штата. Шейху Абдулле и Национальной конференции Джамму и Кашмира удалось добиться завоевания подавляющего большинства, т.е. такого состава ассамблеи, при котором власть фактически оказалась в руках кашмирских мусульман. В результате выборов из 75 избранных членов ассамблеи 43 места получили представители Кашмирской долины, 30 мест – Джамму и 2 места – Ладакх, хотя Джамму и Ладакх занимают 90% территории штата⁵¹. (В начале третье-

го тысячелетия из 87 членов Законодательной ассамблеи Джамму и Кашмира 46 представляют Кашмирскую долину, 37 – Джамму и 4 – Ладакх.)

Руководство Индии хотело видеть в этом результате свидетельство поддержки населением штата самого факта присоединения Кашмира к Индии. Одновременно с этим индуистские националистические группы выступили с требованием отменить 370 статью Конституции и полностью инкорпорировать Кашмир в состав Индии, т.е. лишить его «особого» статуса и поставить на один уровень с остальными субъектами индийской федерации. Фактически судьба Кашмира стала решаться в контексте борьбы за сохранение его идентичности или за постепенный отход от ее признания.

Шейх Абдулла пытался сохранять и доказывать «особость» своего штата путем проведения в 1952 г. широкой земельной реформы, против которой активно выступали центральные власти Индии. В Дели исходили из представления о том, что эта реформа негативно скажется на положении многочисленных землевладельцев – немусульман. В июле 1952 г. Дж. Неру подтвердил шейху Абдулле признание «особого» статуса Джамму и Кашмира, однако, отношения между центром и Сринагаром резко ухудшались, и в конечном счете шейх Абдулла 8 августа 1953 г. был арестован. По-видимому, это стало результатом серьезных опасений, что Абдулла будет вести штат к созданию независимого государства. По существу в Дели решительно пересмотрели отношение к кашмирскому лидеру: если в момент принятия решения о присоединении к Индии руководство страны доверяло шейху Абдулле и активно пользовалось его поддержкой, то позднее использовались все ресурсы, в том числе и пребывание индийской армии на территории штата, чтобы сместить его и заменить более гибким политиком из Национальной конференции Джамму и Кашмира. В 1958 г. он был освобожден из-под ареста, затем снова неоднократно задерживался и вновь освобождался⁵².

В 1954 г. избранный населением «индийской части» законодательный орган Джамму и Кашмира – Учредительное собрание принял формальное решение о включении княжества в состав Индии. 14 мая 1954 г. был опубликован указ, согласно которому Джамму и Кашмир стал индийским штатом. Несмотря на то что были сохранены более широкие автономные права Джамму и Кашмира по сравнению с другими субъектами индийской федерации, гарантированные статьей 370 Конституции Индии (например, сохранялся запрет на владение землей «не кашмирцами»), тем не менее прерогативы центра постепенно распространялись на более широкую сферу, чем оборона, коммуникации и внешние связи, ограничивая тем самым «особый» статус Кашмира. В 1963 г. была принята шестнадцатая поправка к Конституции, согласно которой все кандидаты на выборные должности должны были подтверждать свою приверженность целостности Индии.

Победа Индии в войне с Пакистаном 1971 г., образование Бангладеш и Симлские соглашения 1972 г., которые по существу зафиксировали факт раздела Кашмира, вынудили шейха Абдулла начать переговоры со столь влиятельным лидером Индии, как Индира Ганди. В результате он был назначен главным министром штата с гарантией, что все законодательные акты, принятые после его ареста в 1953 г., будут пересмотрены.

Развитие ситуации в Джамму и Кашмире, несмотря на поликонфессиональный и «полиэтнический» характер кашмирского общества, привело к по-

литическому преобладанию мусульманского большинства Кашмирской долины.

При анализе «кашмирской идентичности» неизбежно возникает вопрос: является ли эта идентичность «кашмирской» или, учитывая дискриминированное положение немусульманского населения Джамму и Ладакха, она может расцениваться как синоним «мусульманской идентичности»? По-видимому, можно согласиться с точкой зрения индийских аналитиков, что индусы Джамму и буддисты Ладакха были фактически отстранены от активного участия в подготовке и проведении выборов, и они не были готовы принять политическое доминирование мусульман. В политическом плане сложилась сложная ситуация, когда среди кашмирских мусульман усиливалось движение против центрального правительства Индии, в то время как в самом Кашмире индусы и буддисты выступали против доминирования мусульман в Сринагаре.

Буддисты Ладакха и индусы Джамму обвиняли мусульманское руководство штата в стремлении изменить этноконфессиональный состав его населения за счет перемещения религиозных групп из одной части штата в другую и увеличения численности мусульманского населения в традиционно индусских и буддистских районах Кашмира. Еще в 1964 г. Буддийская ассоциация Ладакха инициировала движение против кашмирского (имеется в виду мусульманское население кашмирской долины) доминирования в регионе и потребовала создания нового административного подразделения по типу Северо-Восточного пограничного агентства Индии. В 1995 г. она согласилась на образование Автономного совета по развитию горных районов Ладакха (Ladakh Autonomous Hill Development Council – LANDC), однако после активного заселения Ладакха мусульманами из Кашмирской долины была принята резолюция с требованием придания Ладакху статуса союзной территории. Это требование не было удовлетворено. Известный лидер буддистов, член Национальной комиссии по зарегистрированным кастам и племенам Лама Лобсанг писал 13 августа 2000 г. в журнале «Органайзер»: «Правительство Национальной конференции преднамеренно переселяет многочисленные группы населения из [Кашмирской] долины с целью превращения буддистского большинства в Ладакхе в меньшинство»⁵³.

Индусы Джамму также выступали с идеей создания для них специальной административной единицы и активно агитировали против политической и экономической дискриминации, в том числе и при приеме на работу в правительственные учреждения и для обучения в институтах, требовали создания рабочих мест и увеличения финансирования для развития регионов с преобладающим индусским населением. В 1967 г. правительство штата вынуждено было пойти на создание специальной комиссии (Гаджендрагадкара) для рассмотрения жалоб населения двух регионов. Согласно отчету этой комиссии, основу недовольства и напряженности составляет невыполнение политических требований индусов и буддистов и проявления дискриминации в отношении таких регионов, как Джамму и Ладакх. Даже если все проблемы будут урегулированы на равноправной основе, то, как считает комиссия, «элементы недовольства будут сохраняться до тех пор, пока не будут удовлетворены все политические требования»⁵⁴.

Особое место в этнорелигиозном составе населения Джамму и Кашмира традиционно занимают кашмирские пандиты. Считается, что кашмирские брахманы являются наиболее «чистыми» представителями кашмирских пандитов. Видными представителями кашмирских пандитов была семья Джавахарлала Неру. За период исламского владычества в Кашмирской долине были разрушены сотни индуских и буддистских храмов, а кашмирские пандиты вынуждены были эмигрировать от преследования со стороны мусульман в другие части субконтинента. Госдепартамент США, ссылаясь на информацию от индийской Национальной комиссии по правам человека, опубликовал данные, свидетельствующие о том, что численность кашмирских пандитов сократилась от 15% населения Кашмира в 1941 г. до 0,1% в 2006 г. В соответствии с переписью 1941 г. в Кашмире в целом индусы составляли 524 человек на каждые 10 тыс. населения (или 5,24%), а в Кашмирской долине – 4%.⁵⁵

В 1931 г. кашмирские пандиты создали в Сринагаре свою собственную организацию – Всекашмирскую конференцию пандитов. Исламские воинственные группировки пытались вынудить пандитов к эмиграции из Кашмира, и около 400 тыс. пандитов были либо убиты, либо насильственно изгнаны из штата. Конгресс США в 2006 г. в специальной резолюции признал эти действия этническими чистками и кампанией террора против немусульманского населения штата.

С конца 1989–начала 1990-х годов подавляющее большинство кашмирских пандитов вновь стало объектом нападений со стороны кашмирских и иностранных боевиков, и они снова вынуждены были бежать в другие районы страны⁵⁶. К концу прошлого века индусы составляли лишь 6,4 % населения штата. Согласно обследованию, проведенному делийским Центром по изучению развивающихся обществ в 2007 г., 84% опрошенных в Сринагаре хочет возвращения кашмирских пандитов. Исследования, проведенные *Market & Opinion Research International* (далее: фонд МОРИ), свидетельствовали о том, что 92% опрошенных в Кашмирской долине выступают против раздела Кашмира на основе религиозной или этнической принадлежности⁵⁷.

Обращение главного министра штата Фарука Абдуллы к центральному руководству Индии с призывом о предоставлении большей автономии штату Джамму и Кашмир в системе индийского федерализма стимулировало выступления некоторых кругов в Джамму и Ладакхе за разделение штата на три автономных района. Это предложение обсуждалось даже на уровне общеиндийских политических партий и групп (например, РСС), которые рассчитывали таким образом защитить интересы индуского и буддийского населения штата против дискриминации со стороны мусульман. Однако поддержки идея раздела не получила. Как считают индийские аналитики, несмотря на некоторую привлекательность этой идеи, рассматривать ее следует с точки зрения национальных интересов Индии в целом.

Такое разделение вряд ли можно считать разумным и своевременным в условиях, когда на территории Джамму и Кашмира продолжают совершаться террористические акты, совершаемые мусульманскими боевиками. Нельзя забывать также, что Джамму и Кашмир имеет общую границу с Китаем и Пакистаном, который продолжает придерживаться теории двух наций и который все

еще не отказался от идеи решить проблему Кашмира в свою пользу. В этих условиях раздел на три региона, т.е. образование мелких административных единиц, может серьезно осложнить обеспечение безопасности индийских границ. Поэтому скорее речь может идти о необходимости принятия мер, направленных на более глубокую интеграцию трех регионов штата. Прежде всего следовало бы обеспечить равноправное пропорциональное участие населения всех трех регионов в процессе принятия политических решений; гарантировать им равные и обеспеченные законодательством права, ликвидировать дисбаланс в создании необходимых условий для экономического развития. Что очень важно, при решении кашмирской проблемы должно учитываться мнение народа Джамму, Ладакха и населяющих Кашмирскую долину индусов.

СИТУАЦИЯ ВНУТРИ И ВОКРУГ КАШМИРА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

За последние десятилетия Кашмир пережил сильные потрясения внутреннего и внешнего характера. В августе 1965 г. Пакистан резко активизировал деятельность своих сторонников в Джамму и Кашмире, прежде всего с помощью заброшенных туда боевиков. Сколь угодно значительной реакции Исламабада вызвать не удалось, однако вялотекущий процесс вооруженных стычек перерос в полномасштабное столкновение регулярных войск Индии и Пакистана как на линии прекращения огня, так и вдоль государственной границы. Через три недели после его начала под давлением мирового сообщества Индия и Пакистан согласились на прекращение огня. Вероятно, результат этой второй индо-пакистанской войны породил у Исламабада определенные надежды в отношении результатов будущих столкновений. Однако третья война между Индией и Пакистаном, которая в 1971 г. велась в обеих частях тогда еще «двукрылого» Пакистана, имела для него весьма тяжелые последствия. Он потерпел поражение в восточной части, которая стала после этого независимым государством Народная Республика Бангладеш, понес он значительные потери и в Западном Пакистане (территория нынешнего Пакистана). В Кашмире он уступил около 850 кв. км, что было зафиксировано на момент прекращения огня 17 декабря 1971 г. новой разделительной линией фактического контроля.

После провала предпринятых попыток разрешения индо-пакистанских противоречий на поле битвы, в 1972 г. была предпринята попытка их политического и дипломатического решения. В июне 1972 г. в Симле премьер-министры Индии и Пакистана И. Ганди и З.А. Бхутто подписали Симлские соглашения, в которых было заявлено о намерении сторон решать существующие спорные проблемы мирными средствами, путем двусторонних переговоров. Стороны обязались уважать линию фактического контроля в Джамму и Кашмире, установленную к 17 декабря 1971 г., не нанося ущерба признанным позициям каждой из сторон, не предпринимать в одностороннем порядке попыток изменить эту линию, независимо от существующих разногласий и различий в ее интерпретации⁵⁸.

Печальные для Пакистана последствия войны 1971 г. привели к тому, что в последующие годы он не шел на прямой вооруженный конфликт с Индией, хотя обстановка нередко резко обострялась. На характер отношений с Индией не могли не влиять внутренние события в Пакистане, связанные в первую очередь с серией военных переворотов и усилением политики исламизации страны, в особенности после прихода к власти генерала Зия-уль-Хака в 1977 г. С этого периода исламизация охватила и пакистанскую армию. Активизация борьбы за утверждение исламских ценностей не могла не усилить реваншистских устремлений в военных и религиозных кругах, во всяком случае в вопросе, касающемся Кашмира.

В 1987 г. государства были близки к полномасштабной войне в результате крайнего ухудшения положения на границе в связи с проведением полномасштабных военных маневров в приграничных районах. В 1989–1990 гг. резко обострилась ситуация в самом штате Джамму и Кашмир.

В связи с продолжающимся вооруженным противостоянием в соседнем Афганистане, исламизацией в Пакистане, засылкой террористов и усилением вмешательства с его территории во внутренние дела Индии в политической жизни Кашмира и вокруг него резко усиливалось влияние исламского фактора. Активизировала свою деятельность партия Джамаат-е-ислами. Налицо был настоящий разгул терроризма, контролировать который руководство штата Джамму и Кашмир оказалось не в состоянии. Невозможно было и остановить приток оружия в Кашмир из Афганистана и Пакистана. Ухудшилась экономическая и политическая ситуация, что привело к резкому усилению социальной напряженности. Все это приводило к массовому бегству жителей штата за его пределы, причем покидали свои родные места не только кашмирские пандиты – индусы, но и мусульмане.

Недовольство широких слоев населения умело использовалось фундаменталистскими и сепаратистскими силами, которые поддерживались с территории Пакистана, со стороны Фронта освобождения Джамму и Кашмира, кашмирской диаспоры в странах Запада, прочих исламских экстремистских организаций. В январе 1990 г., стремясь взять ситуацию под контроль, индийское правительство распустило Законодательную ассамблею штата, ввело там президентское правление, направило крупные подразделения регулярных войск на территорию Джамму и Кашмира, резко активизировало борьбу с терроризмом. Все это послужило поводом для шквала обвинений со стороны Пакистана в адрес Дели в репрессивных действиях против мусульман, в нарушении их права на самоопределение. В Пакистане развернулась широкая антииндийская кампания, одна за другой проходили недели солидарности с «борющимся народом Кашмира». На официальном уровне шла «война слов», к счастью, не перераставшая в настоящую войну. Образовался своего рода «заколдованный круг»: террористические действия поддерживаемых Пакистаном боевиков вызывали ответные карательные меры со стороны индийских войск и новые обвинения в адрес Индии в нарушении прав человека в Кашмире.

Центральное правительство Индии старалось предпринимать меры, направленные на стабилизацию положения в штате и противодействие терроризму. В сентябре 1996 г. состоялись неоднократно откладывавшиеся выборы в Законодательную ассамблею Джамму и Кашмира, в которых приняло участие более 55% избирателей, включенных в списки. Ведущая политическая партия штата – Национальная конференция во главе с Фаруком Абдуллой

(сыном Шейха Абдуллы) получила 58 из 87 мест в Законодательной ассамблее и 34% от общего числа избирателей, принявших участие в голосовании.

Самый факт проведения выборов в Кашмире и достаточно активное участие в них населения штата, даже в условиях присутствия индийского воинского контингента, свидетельствуют о заинтересованности правительства Индии в мирном политическом урегулировании ситуации в Кашмире и вокруг него. Население штата своим активным участием в голосовании также высказалось за прекращение кровопролития и стабилизацию политической и социально-экономической обстановки. Во время проведения на территории Кашмира всеобщих парламентских выборов 1998, 1999 и 2004 гг. значительная часть населения Кашмирской долины, столицы штата – Сринагара и других городов фактически выборы бойкотировала, в том числе и из-за угрозы террористических актов на избирательных участках. Это свидетельствовало о том, что до реального мира и стабильности в штате еще далеко. И тем не менее впервые за много лет народ Кашмира, или по крайней мере часть его воспользовалась представившейся возможностью непосредственно участвовать в определении своего будущего.

Исходные позиции Индии и Пакистана по кашмирской проблеме остаются неизменными и диаметрально противоположными. В Дели по-прежнему считают, что в целом кашмирский вопрос решен, имея в виду обращение махараджи о принятии княжества в состав Индии и законодательное оформление этого шага в 1954 г. Учредительном собранием штата. Проблема же, по мнению Дели, состоит в пребывании на части территории бывшего княжества иностранных (т.е. пакистанских) вооруженных сил. Урегулировать эту проблему надлежит только на двусторонней основе, на базе Симлских соглашений 1972 г., без всякого внешнего участия в любой форме (будь то посредничество, акции доброй воли, миротворческие миссии и т.д.). Требование же Пакистана о плебисците вряд ли реально и целесообразно в современных условиях⁵⁹. Пакистан категорически настаивает на том, что кашмирский вопрос по-прежнему остается нерешенным, и сделать это можно лишь предоставлением всему кашмирскому народу права на волеизъявление посредством плебисцита. Правда, народу «Азад Кашмира» пакистанские политики права на самоопределение предоставлять не собираются, полагая, по-видимому, что вопрос его принадлежности уже решен. Позиция неучастия в плебисците была зафиксирована в Конституции «Азад Кашмира», подготовленной в Пакистане в 1974 г. Внешняя помощь процессу организации и проведения плебисцита, как считают в Пакистане, в любой форме полезна и необходима – точка зрения, с которой категорически не согласна Индия.

Превращение Индии и Пакистана в ядерные государства существенно усложнило характер их взаимоотношений, внесло в них качественно новые черты. Непосредственно после ядерных испытаний в мае 1998 г. отношения между двумя странами резко обострились, каждая сторона объявляла другую виновной в появлении на южноазиатском континенте ядерного оружия. Однако уже в это время некоторые специалисты, включая известного индийского аналитика К. Субраманиама, высказывали уверенное предположение, что в новых, «ядерных» условиях отношения Индии и Пакистана будут улучшаться, что ядерное оружие, как и во времена холодной войны, сыграет роль примирителя враждующих сторон, поведет к разрядке напряженности, сыграет роль «фактора сдерживания»⁶⁰.

И действительно, довольно скоро возобновился и стал набирать силу переговорный процесс по урегулированию основных проблем двусторонних отношений, включая кашмирский вопрос. Крупным событием на этом пути явилась встреча глав правительств Индии и Пакистана в феврале 1999 г. в Лахоре. Принятая в результате переговоров Лахорская декларация провозглашала принципы взаимоотношений обоих государств, меры по предотвращению вооруженных конфликтов между ними и урегулированию кашмирской проблемы. Было достигнуто также соглашение о предварительном извещении друг друга в случае проведения ракетных испытаний. После «ядерного грома» оба государства заявляли о своем нежелании разворачивать гонку ядерного оружия в регионе, о рассмотрении вопроса о присоединении к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, участвовать в разработке Договора о запрещении производства радиоактивных расщепляющихся материалов и о других мерах по укреплению режима нераспространения ядерного оружия.

Однако этот позитивный процесс был прерван каргильскими событиями лета 1999 г.⁶¹ Появление на индийской территории в районе Каргила пакистанских военнослужащих и исламских боевиков не была стихийным выступлением местных «борцов за свободу». Тщательная подготовка и длительность военной операции, обеспечение ее участников всем необходимым, попытки создания дипломатического прикрытия, а затем готовность вывести по распоряжению пакистанского правительства части сражавшихся из зоны боевых действий, другие факты свидетельствуют о том, что события в Каргиле с самого начала были осуществлены военным руководством страны и находились в сфере внимания правительства Исламабада. Они преследовали цель отвлечь внимание мирового сообщества от ядерных взрывов в Южной Азии и переключить его на проблему Кашмира, придать новый импульс «борцам за свободу».

В определенном смысле каргильские события показали, что наличие ядерного оружия не внесло кардинальных изменений в существо взаимоотношений Индии и Пакистана. Обсуждая вопрос о возможности ядерного конфликта между ними, специалисты сходились на том, что его развитие в «чистом виде» именно как ядерного невозможно, но допускали вероятность перерастания обычного конфликта в ядерный. Однако каргильские события показали, что и этого не произошло. По-прежнему действует и решает все превосходство обычных видов вооружения, по которому баланс, как и раньше, в огромной степени в пользу Индии. И наличие ядерного оружия не меняет этого положения, тем более, что Индия и здесь имеет преимущество.

КАШМИРСКАЯ ПРОБЛЕМА: ВНЕШНЯЯ СРЕДА⁶²

В начальный период возникновения индо-пакистанского конфликта из-за Кашмира огромное значение имел военно-стратегический фактор, определяемый географическим положением княжества, нахождением его на стыке Индии, Пакистана, Афганистана, СССР и Китая. В период холодной войны в кашмирскую проблему были вовлечены внешние силы, что осложняло поиски путей ее решения. Так, СССР с начала 50-х годов занял благоприятную

с точки зрения интересов Индии позицию признания решенности в принципе кашмирского вопроса, принадлежности Кашмира Индии и незаконности оккупации Пакистаном части его территории. США поддержали позицию Пакистана – своего военно-стратегического и политического союзника, т.е. признание проблемы в принципе нерешенной и требование предоставления права народу Кашмира на самоопределение путем проведения плебисцита под международным контролем. Таким образом, в период холодной войны каждая из великих держав поддерживала в Южной Азии позиции своего стратегического союзника и тем самым ограничивала поиски взаимоприемлемых решений.

По мере глобальных изменений, сдвигов в отношениях между соседними с Кашмиром государствами после проведения Индией и Пакистаном ядерных испытаний вопрос территориальной принадлежности Кашмира как таковой все в большей степени стал рассматриваться как двусторонний. Уменьшилась вовлеченность внешних сил; практически все государства мира, даже такие союзники Пакистана, как США и Китай, выступают сегодня за мирное политическое решение кашмирской проблемы путем двустороннего диалога на основе Симлских соглашений 1972 г. К сожалению, с «помощью» исламских боевиков и афганских моджахедов, проникающих с территории Пакистана, Джамму и Кашмир все больше втягивался в общее русло исламистского экстремистского движения, разворачивающегося вдоль «дуги нестабильности».

С самого начала конфликта в Каргиле мировое сообщество выступило с осуждением агрессии и поддержало действия Индии по сохранению статус-кво. Представители внешнеполитического ведомства России в своих официальных заявлениях, в беседах с журналистами и дипломатами, в том числе из Индии и Пакистана, призывали к прекращению военных действий, к незамедлительному выводу инфильтрантов с индийской территории, уважению Линии фактического контроля в соответствии с условиями Симлских соглашений 1972 г. и принципами Лахорской декларации. Российское руководство подтверждало точку зрения, что действия Индии, направленные на изгнание с ее территории боевиков и пакистанских военнослужащих, соответствуют ее суверенному праву защищать свою территориальную целостность⁶⁵.

С призывами начать диалог последовательно выступает администрация США, озабоченность которых так же, как и России, связана в том числе и с тем, что оба южноазиатских государства перешли «ядерный порог». Несмотря на давние союзнические отношения с Пакистаном, американская администрация, представители Белого дома, Госдепартамента, Пентагона, Совета по национальной безопасности признали факт вторжения со стороны Пакистана на индийскую территорию в Каргиле и поддержали требования о прекращении деятельности тех сил, которые поддерживают боевиков.

Пакистанское руководство пыталось заручиться поддержкой своего союзника Китая, однако пекинское руководство предпочитало сохранять нейтралитет и призывало Индию и Пакистан проявлять сдержанность и урегулировать проблему Кашмира мирно, путем переговоров.

События в Кашмире стали предметом обсуждения и на встречах глав государств «большой восьмерки». Так, в принятом в Кельне 20 июня 1999 г. специальном заявлении по региональным проблемам руководители восьми

наиболее развитых стран мира выразили озабоченность в связи с военными действиями в Кашмире, вызванными вторжением вооруженных боевиков, нарушивших Линию фактического контроля. Они призвали к немедленному прекращению военных действий, восстановлению Линии контроля и возобновлению диалога между Индией и Пакистаном в духе Лахорской декларации.

После террористического акта 11 сентября 2001 г. Индия заявила о готовности оказать поддержку США и Великобритании в осуществлении ими карательных акций в отношении талибов, включая предоставление возможности дозаправки самолетов антитеррористической коалиции на ее военных базах. Индийское руководство предоставило Соединенным Штатам разведывательные данные о деятельности руководства Талибан и террористических групп, действующих на территории Афганистана, полученные из записей переговоров кашмирских боевиков с их агентами в Афганистане с использованием спутниковой связи. Наконец, Индия передала видеокассеты с записью занятий в тренировочных лагерях, расположенных в находящейся под юрисдикцией Пакистана части Кашмира, где в качестве мишеней для стрельбы использовались фотографии бывшего президента США Б. Клинтона.

Индо-пакистанские отношения обострились после нападения группы боевиков на здание индийского парламента 13 декабря 2001 г., ответственность за которое взяли на себя базирующиеся в Пакистане экстремистские организации Лашкар-е Тайба и Джаиш-е Мохаммад.

В Дели рассчитывали на то, что активная борьба мирового сообщества с терроризмом поможет Индии добиться официального осуждения Пакистана как пособника террористов в Кашмире, вынудит Исламабад принять меры для прекращения террористической деятельности на территории штата Джамму и Кашмир. Однако в совместном американо-пакистанском заявлении по итогам визита в Вашингтон президента Пакистана П. Мушаррафа в конце 2001 г. содержался призыв к Индии и Пакистану «урегулировать кашмирскую проблему путем дипломатических переговоров на взаимоприемлемой основе с учетом пожеланий народа Кашмира». Такая оценка ситуации расценивалась в Индии как свидетельство того, что Дж. Буш «простил» Пакистану поддержку движения Талибан и вновь признал его своим союзником в Южной Азии.

Индия была готова активно сотрудничать с США не только с целью уничтожения истоков и ростков терроризма, но и преследуя определенные геополитические и стратегические цели, рассчитывая на международную поддержку ее борьбы против действий боевиков на территории Джамму и Кашмира. Дели был заинтересован в признании Кашмира зоной террористических действий, включении групп кашмирских боевиков в список наиболее опасных террористических группировок, блокировании банковских счетов исламистских кашмирских организаций, осуществляющих террористическую деятельность на территории Индии и, главное, признании Вашингтоном причастности Пакистана к экстремистским действиям в Кашмире. Руководство Вашингтона не пошло на такой шаг, по-видимому, не желая предпринимать какие-либо действия против Пакистана, который, поддержав «антитеррористический интернационал», вновь оказался в эпицентре американских интересов в Южной Азии. Вашингтон пошел на снятие санкций

с Индии (так же, как и с Пакистана) и выразил осуждение террористических актов на территории Кашмира, однако более существенной поддержки по кашмирской проблеме Индия не получила.

Тем временем правительство Индии, местные власти Джамму и Кашмира продолжали предпринимать меры, направленные на стабилизацию обстановки в штате, исходя из представления о том, что проведение выборов в Законодательную ассамблею штата подтверждает осуществление законного права народа Кашмира на собственный выбор. Однако стремление центрального руководства Индии и местных властей Джамму и Кашмира провести в 2002 г. «свободные и справедливые выборы» в Законодательную ассамблею штата без насилия и жестокости натолкнулись на серьезное противодействие со стороны тех сил, которые были заинтересованы в дестабилизации положения в этом стратегически и политически важном регионе Южной Азии⁶⁴.

Выборы проходили на фоне кризисного социально-экономического положения, политической нестабильности, постоянной угрозы террористических актов, нарушения прав человека. Одной из жертв террористических действий стал министр юстиции штата, один из кандидатов на выборах в Законодательную ассамблею Джамму и Кашмира 44-летний Муштаг Ахмад Лоун, расстрелянный боевиками во время предвыборного митинга 11 сентября 2002 г., в день, когда во всем мире отмечали годовщину трагических событий в Нью-Йорке и Вашингтоне⁶⁵. В целом после объявления о проведении выборов и до их начала были убиты 13 партийных функционеров из ведущей политической партии Джамму и Кашмира Национальной конференции, один конгрессист, один коммунист, шесть представителей других партий и независимых кандидатов. Продолжались террористические действия и в отношении гражданского населения. Так, по свидетельству Сайеда Макбуля Казми, представляющего Гималайский исследовательский и культурный фонд (*Himalayan Research and Cultural Foundation*), 14 мая 2002 г. в местности, расположенной близ Джамму, были жестоко убиты 34 индуса, включая 10 детей. 13 июля 2002 г. в самом Джамму в результате террористического акта погибли 28 невинных людей, из них 13 женщин, принадлежащих индусской общине. Серьезные ранения получили еще 27 человек⁶⁶. В таких условиях шла подготовка к выборам.

Выборы 2002 г. проводились в четыре этапа, первый – 16 сентября, последний – 8 октября. Были заново составлены и внесены в компьютеры избирательные списки, сформированные в результате посещения членами избирательных комиссий каждого дома в городах и деревнях; информация о местонахождении избирательных участков была доведена до сведения каждого избирателя; наблюдатели из других штатов заранее совершили поездки по избирательным участкам. Впервые на всех участках использовались электронные избирательные машины для того, чтобы избежать ошибок и фальсификаций при подсчетах результатов голосования.

Национальная конференция (НК), такие общендийские политические партии, как Бхаратия джаната партия, Индийский национальный конгресс (ИНК), вели активную предвыборную кампанию, несмотря на напряженную ситуацию и акты насилия. В то же время влиятельная политическая группировка – Всепартийная конференция свободы (Хуррият), объединяющая несколько кашмирских политических партий, официально объявила о своем

отказе от участия в выборах и даже обратилась к избирателям с призывом бойкотировать их, чтобы продемонстрировать стремление народа Кашмира к независимости как от Индии, так и от Пакистана. Так, высокопоставленные руководители Фронта освобождения Джамму и Кашмира (JKLF) во время встречи с П. Бирсманом в Сринагаре 30 сентября 2002 г. подтвердили, что они не намерены участвовать в выборах, мотивируя свою позицию, в частности, тем, что фактически Джамму и Кашмир «управляется» пятью конституциями: Конституция штата Джамму и Кашмир, Конституция Индии, Временный Конституционный Акт 74 Азад Кашмира, Конституция Пакистана и Министерство по делам Кашмира и Северных территорий и документ об особом статусе Гилгита и Балтистана. В этих условиях кашмирские политики отвергают все эти документы и заявляют о своей приверженности независимому Кашмиру, а не сохранению колониальной власти Индии и Пакистана⁶⁷.

В выборах приняло участие 46% внесенных в списки избирателей, т.е. около половины населения штата продемонстрировало свою готовность оставаться в пределах общеиндийского конституционного поля. Ни одна из ведущих политических партий не получила достаточного количества мест в Законодательной ассамблее, чтобы самостоятельно сформировать правительство. «Династийная» Национальная конференция, монопольно находившаяся у власти все годы независимости при поддержке центра, лишилась возможности самостоятельно сформировать правительство. НК получила всего 28 мест из 87 (на предыдущих выборах 1996 г. – 57 мест), ИНК – 20 и Народная демократическая партия 16 мест⁶⁸. В результате длительных переговоров главой правительства стал представитель Народной демократической партии Муфтий Мохаммед Сайед, кандидатура которого была поддержана ИНК. Первыми его действиями стало освобождение из-под ареста политических заключенных – лидеров оппозиционных партий и групп. Новый премьер дал обещание начать с оппозицией переговорный процесс, добиться ослабления репрессивных действий со стороны индийской армии, делать все возможное для прекращения нарушений прав человека.

Население Кашмира под влиянием пропаганды со стороны мусульманских боевиков и ультралевых повстанцев, в особенности в восточных и южных районах штата, и призыва Всепартийной конференции свободы (Хурийат) фактически бойкотировало парламентские выборы 2004 г.

Жестокие террористические действия боевиков на территории Джамму и Кашмира с многочисленными жертвами среди мирного населения и индийских солдат продолжаются. Руководство Пакистана подтверждает «моральную и политическую» поддержку борьбы кашмирского народа за самоопределение, но обещает не допускать использования территории Пакистана кашмирскими террористическими организациями.

В середине июня 2003 г. заместитель премьер-министра Индии Л.К. Адвани выступил с заявлением о необходимости поисков компромиссного решения кашмирской проблемы. Президент Пакистана П. Мушарраф заявил, что, если Индия сделает один шаг навстречу на пути нормализации отношений, то Пакистан готов сделать два. Были восстановлены дипломатические отношения на уровне послов, возобновлено воздушное сообщение между странами. П. Мушарраф заявлял, что делает все возможное для предотвра-

щения проникновения боевиков на территорию Кашмира, однако не в состоянии гарантировать полное прекращение инфильтрации. Летом 2004 г. было объявлено об аресте лидеров кашмирских боевиков, которые подозревались также в участии в событиях 11 сентября.

В октябре 2003 г. П. Мушарраф отдал приказ об одностороннем прекращении огня на линии контроля и ужесточении режима ее перехода. В январе 2004 г. в Исламабаде на 12-й конференции СААРК состоялась личная встреча премьер-министра Индии А.Б. Ваджпай с президентом Пакистана П. Мушаррафом и премьер-министром М.З.Х. Джамали, намечены планы дальнейших переговоров, в том числе и на высшем уровне, восстановлено железнодорожное сообщение, достигнуты важные договоренности о возобновлении торгово-экономических и культурных связей и т.д. Было принято решение обсуждать и кашмирскую проблему без всяких предварительных условий.

Началу переговорного процесса способствовало образование общенационального консенсуса в вопросе урегулирования противоречий с Пакистаном; улучшение обстановки в штате Джамму и Кашмир и контакты представителей умеренных сепаратистских групп с центральным правительством; наконец, немалую роль сыграло и влияние мирового сообщества, прежде всего позиции США, Китая и России, выступающих за мирное политическое решение проблем, существующих между двумя ядерными южноазиатскими странами. Намерение продолжать процесс нормализации отношений с Пакистаном было выражено и пришедшей к власти в Индии после выборов 2004 г. коалиции ИНК с левыми партиями. Эта позиция была подтверждена руководством Индии и после всеобщих выборов 2009 г., когда пост премьер-министра сохранил Манмохан Сингх. В Пакистане рассчитывали на то, что руководство в Дели сумеет избежать давления индусских фундаменталистов.

Стороны согласились с необходимостью участия в переговорном процессе самих кашмирцев, обсуждали пути расширения личных контактов населения по обе стороны Линии фактического контроля. Было установлено автобусное сообщение между Сринагаром и Музаффарабадом, восстановлены консульства в Карачи и Бомбее и увеличены численности посольств до 110 человек; принято решение об обмене заключенными. Наконец, начинались переговоры об установлении мер доверия вдоль границы, а также о решении вопроса о спорных территориях (Сиачин и др.).

В октябре 2004 г. в Нью-Йорке состоялась встреча премьер-министра Индии Манмохан Сингха и президента Пакистана П. Мушаррафа, который в апреле 2005 г. нанес визит в Дели⁶⁹.

В декабре 2005 г. Президент Пакистана П. Мушарраф заявил, что Пакистан готов отказаться от своих притязаний на Кашмир, если Индия согласится на его план, предусматривающий предоставление всему Кашмиру права на самоуправление и широкую автономию. План Мушаррафа содержал 4 пункта: 1. Постепенный вывод войск с территории Джамму и Кашмира; 2. Предоставление права на местное самоуправление; 3. Неприкосновенность границ Кашмира; 4. Создание Индией, Пакистаном и самими кашмирцами совместного механизма для наблюдения за ситуацией в Кашмире. П. Мушарраф под-

твердил свое негативное отношение к независимости Кашмира и подчеркнул необходимость поисков компромисса между Индией и Пакистаном⁷⁰.

Индийская сторона, представители политических партий и движений в самом Кашмире восприняли предложения президента Пакистана как «незначительный» шаг вперед по сравнению с прежней жесткой позицией притязаний на весь Кашмир и требованиями проведения плебисцита. Однако представитель внешнеполитического ведомства Индии выразил опасение, что предоставление автономии Кашмиру лишь усилит движение сепаратистов, которые уже длительное время ведут борьбу за независимость. Такое развитие событий не отвечает интересам ни Индии, ни Пакистана и будет препятствовать мирному политическому урегулированию проблемы. Кроме того, как считают в Дели, ранее осуществленное Индией сокращение численности войск и предложенное Пакистаном предоставление Кашмиру автономии изменят административный статус индийского штата Джамму и Кашмир. Лидеры ряда сепаратистских движений в Кашмире негативно восприняли заявление П. Мушараффа о его отрицательном отношении к независимости Кашмира, отметив, что Индия и Пакистан совместно «ведут мелкую политическую игру против народа Кашмира»⁷¹.

В целом же как Индия и Пакистан, так и представители политических партий и движений в самом Кашмире осознают необходимость активизации действий, направленных на снижение напряженности, поисков путей урегулирования проблемы, прекращения актов терроризма, жертвами которых лишь за последние месяцы стали более 250 мирных жителей убитыми и около 500 ранеными⁷².

Обострение ситуации в Джамму и Кашмире летом 2008 г. произошло вследствие совершенно иных факторов: оно явилось прямым результатом сложных отношений между представителями двух основных конфессий: индусами и мусульманами; возникла напряженность между двумя регионами штата – Кашмирской долиной и Джамму.

Поводом послужила передача правительством штата Джамму и Кашмир 26 мая 2008 г. территории площадью 38,88 га в распоряжение правления индусской святыни Шри Амарнатх (Sri Amarnath), что вызвало бурную негативную реакцию местного мусульманского населения⁷³.

Истинные причины происходящего следует искать в событиях почти 160-летней давности, когда гуджар (кочевник, пастух) Бута Малик обнаружил в Гималайских горах на высоте около 3800 м (по другими источникам – 4175 м), в районе высокогорной дороги, связывающей Сринагар и Каргил, пещеру Амарнатх, с потолка которой опускалась приблизительно трехметровая, постоянно меняющаяся по размеру в зависимости от сезона ледяная глыба (сталагмит), по форме напоминавшая лингам. Пещера занимает примерно 45 м в высоту и 30 м в длину. Проникнуть в эту пещеру можно по тяжелой и опасной дороге и только с территории Кашмирской долины.

Широко известно, что лингам – фаллос – перевоплощение бога Шивы является священным символом индусов, который можно найти в любом индуистском храме. Бута Малик рассказал об этом открытии своим индусским друзьям, и с этого времени ежегодно в течение пятнадцати дней в июле эта пещера превращалась в место паломничества для индусов. Первоначально число паломников из различных частей Джамму и Кашмира было невелико,

и семья Малик и другие кашмирские мусульмане оказывали им помощь и поддержку, снабжая пищей, питьевой водой, палатками, лошадьми для передвижения и пр. Постепенно поток паломников возрастал. Верховный суд Джамму и Кашмира обязал правительство штата создать специальный орган, который обеспечивал бы безопасность паломников и специальные условия для посещения ими священных мест. Это распоряжение было выполнено; и в 2000 г. был обнародован *Sri Amarnath Shrine Act*, в соответствии с которым создан орган управления, известный как *Sri Amarnath Shrine Board (SASB)*, официальным председателем которого стал по должности губернатор Джамму и Кашмира. Созданный совет обеспечивал благоприятные условия для пребывания паломников: места для их расселения, питание, возможность свободных передвижений и пр. Как считает И.П. Глушкова, ситуация после этого лишь осложнилась, так как в соответствии с Актом 2000 были отменены все привилегии 59 мусульманских семей, которые получали вместе с индусскими священнослужителями долю от получаемых подарков и подношений. П. Бирманс, который приводит эту историю в своем очередном Отчете о поездке в Джамму и Кашмир с исследовательскими целями со 2 по 30 августа 2008 г., отмечает, что изначально эти события носили чисто религиозный характер; со временем они стали использоваться для попыток утверждения «политической и религиозной гегемонии»⁷⁴.

Постепенно информация о паломничестве к святыне ледяной Шивалингам распространилась за пределы Джамму и Кашмира, и это место стали посещать тысячи паломников из различных частей Индии. Для их расселения на время паломничества были созданы специальные лагеря. Период паломничества также продлевался и к 2008 г. достиг двух месяцев. Увеличивался и поток паломников.

В 1996 г. произошло трагическое событие: 273 паломника погибли в результате снежной бури в горах, хотя сотни кашмирских мусульман пытались оказать им помощь и участвовали в спасательной операции. Однако отсутствие соответствующей инфраструктуры в сложных горных условиях не давало возможности оказать полноценную помощь паломникам, число которых к этому моменту подходило к 200 тыс. В то же время предпринятые меры наносили ущерб экологии этого района. Предусматривалось, что численность паломников на срок не более месяца не должна превышать 90 тыс. в год, однако в 2008 г. святое место посетили более 600 тыс. человек. В этих условиях 28 мая 2008 г. глава кабинета министров штата Гулам Наби Азад в ответ на просьбу совета передал в его распоряжение лесной участок в 38,88 га (100 акров) для создания специального временного лагеря для паломников.

Вскоре после принятия этого решения с протестом выступили экологи. Поводом для этого послужили заявления высокопоставленного чиновника из органа управления святыни о том, что эти земли взяты не на временное, а на постоянное использование. За этим заявлением последовала немедленная реакция лидера сепаратистов из Кашмирской долины Сайеда Али Гилани, который выразил серьезную озабоченность в связи с тем, что аутсайдеры-индуисты намерены поселиться здесь на постоянное жительство, изменить в свою пользу демографическую ситуацию в этом районе и «захватить земли Кашмира». Протестующие выступали с требованиями, чтобы пилигримы-индусы по существу прекратили свои посещения святыни; в знак протеста

была перекрыта единственная дорога в Кашмирскую долину, что означало на практике экономическую блокаду долины. Конфликт постепенно стал носить коммуналистский характер, за ним последовал всплеск сепаратистской агитации в Кашмирской долине и демонстрации в сторону Линии контроля. Это повлекло за собой ответные действия со стороны сил безопасности, вызвавшие гибель людей. Новый губернатор Джамму и Кашмира и одновременно глава SASB Н.Н. Вохра вернул землю правительству штата, однако напряженность в отношениях между двумя религиозными общинами усиливалась, углублялись разногласия между основными политическими партиями Джамму и Кашмира, в ходе уличных демонстраций были убитые и раненые⁷⁵.

В результате политического кризиса глава правительства штата Гулам Наби Азад вынужден был уйти в отставку 7 июля 2008 г., а 10 июля была распущена Законодательная ассамблея и в штате введено президентское правление. Противостояние между Джамму и Кашмирской долиной усиливалось, и на сей раз исходным пунктом стала борьба за участок территории с индусской святыней, расположенный как анклав на землях с преимущественным мусульманским населением⁷⁶. После периода острой конфронтации, длившегося более 60 дней, организации паломников удалось достигнуть соглашения с губернатором Джамму и Кашмира о формировании специального подразделения, которое дало разрешение на временное использование 40 акров земли в период наибольшего наплыва паломников. По сообщению министра внутренних дел, общее число паломников в течение лета 2008 г. составило 529 тыс. человек⁷⁷.

Как считает П. Бирсманс, события лета 2008 г., связанные с проблемой использования территории с пещерой Амарнатх, «без всякой тени сомнения» подтвердили, что происходившие события – это «конфликт между двумя идеологиями»: между мусульманскими лидерами Кашмирской долины, требования которых простирались от независимости к автономии, к самоопределению, к воссоединению с Пакистаном или к совместному контролю Индии и Пакистана над территорией бывшего княжества, и подавляющим большинством жителей Джамму и Ладакха, выступавших за интеграцию штата с Индией и распространение действия индийской конституции на всю территорию Джамму и Кашмира.

В результате состоявшихся в штате выборов главным министром Джамму и Кашмира стал молодой потомственный политик – внук Шейха Абдуллы и сын Фарука Абдуллы Омар Абдулла, на которого возлагались большие надежды как на представителя молодого поколения, способного внести свежую прогрессивную струю в поиски решения кашмирской проблемы, в стабилизацию обстановки в штате.

Однако ситуация, сложившаяся в связи со святыней Шивалингам, продолжала осложнять и без того напряженную обстановку в Джамму и Кашмире, в особенности в Кашмирской долине. Летом 2010 г. здесь развернулись бурные события, когда на улицах городов начались многочисленные демонстрации, главным образом молодежи, с требованием вывести индийские войска с территории штата и предоставить жителям Джамму и Кашмира право на самоопределение. В качестве ответных мер был введен комендантский час, и многие политические лидеры помещены под домашний арест. Индий-

ские и иностранные обозреватели определяли происходящее на улицах кашмирских городов как «народное восстание в форме интифады», когда сотни молодых людей забрасывали камнями солдат индийской армии. В этих выступлениях принимала участие не только молодежь, включая женщин, но и представители старших поколений. В течение лета 2010 г. произошло около 900 столкновений между демонстрантами и силами безопасности, в результате чего было убито более 50 (по другим сведениям, более 90) гражданских лиц, сотни были ранены, преимущественно в возрасте до 27–30 лет; пострадали около 1200 военнослужащих⁷⁸.

События в Кашмире широко освещались не только индийскими, но и зарубежными средствами массовой информации; публиковались многочисленные свидетельства массовых демонстраций и их подавления индийскими войсками. Напряженность возрастала, и широкому обсуждению было подвергнуто выступление Омара Абдуллы в Законодательной ассамблее штата, в котором он выдвинул, по выражению известного аналитика и журналиста М.Дж. Акбара, достаточно «провокационный» тезис о том, что «Кашмир был присоединен к Индии, но не поглощен ею» («Kashmir had acceded to India but not merged with it»)⁷⁹. Это выступление вызвало особенно негативную реакцию со стороны Бхаратия Джаната партии, однако министр иностранных дел Индии С.М. Кришна не увидел в этом выступлении ничего «неприятного», по существу подтвердив, что Джамму и Кашмир (так же, впрочем, как и княжество Майсур) был именно присоединен к Индии, а не поглощен ею. При этом министр подчеркнул, что Джамму и Кашмир – это «законная» (*legitimate*) часть Индии⁸⁰.

Последующие события показали, что на сей раз руководство Индии было всерьез озабочено происходившими в Кашмире событиями и в первую очередь активной вовлеченностью в них молодежи. Оно осознало необходимость принятия экстренных мер для того, чтобы снизить накал страстей и начать реальные поиски путей решения, прежде всего создать условия для начала переговорного процесса. Впервые за 20 лет в Кашмир прибыла из Дели делегация, представлявшая все политические партии страны. Этому предшествовала всепартийная встреча в Дели 15 сентября 2010 г., на которой с речью выступил премьер-министр страны Манмохан Сингх. Он призвал участников встречи почтить минутой молчания память жертв последних нескольких месяцев беспорядков в Джамму и Кашмире. Премьер-министр высказал убеждение в том, что единственный путь к миру и процветанию штата – это диалог и дискуссия, а не уличные протесты и демонстрации, в которые вовлекается молодежь⁸¹.

По мнению многих аналитиков, приезд в Сринагар делегации из Дели создал условия для начала реального переговорного процесса. Члены делегации смогли встретиться с такими оппозиционными лидерами, как Сайед Али Гилани, Мирваиз Фарук и Ясин Малик (Syed Ali Geelani, Mirwaiz Farook, Yasin Malik). От пребывания на месте действия у членов делегации создалось впечатление, что пока еще центральные власти рассматривают проблему лишь со стратегической точки зрения, связанной с обеспечением безопасности. Такой подход сужает возможности выработки путей урегулирования ситуации. Эта точка зрения была высказана ими в ходе встречи с министром внутренних дел П. Чидамбарамом (P. Chidambaram). Полито-

лог Гулл Мохаммад Мани (Gull Mohammad Wani) расценил как «хорошее начало» то, что представители различных политических партий вступили в непосредственный контакт с кашмирцами и «продемонстрировали им свою озабоченность»⁸².

25 сентября 2010 г. министр внутренних дел П. Чидамбарам озвучил инициативу из 8 пунктов, разработанную Комитетом по безопасности кабинета министров для урегулирования ситуации в Дхамму и Кашмире⁸³. Эти предложения предусматривают назначение группы «переговорщиков» под председательством известного журналиста и политолога Дилипа Падгаонкара (Dilip Pangaonkar), которые будут постоянно вести диалог с представителями всех групп населения Дхамму и Кашмира, включая деятелей из политических партий, молодежных и студенческих организаций, организаций гражданского общества и пр. Комитет по безопасности принял решение обратиться к правительству штата с просьбой пересмотреть объявление некоторых районов как «зон беспорядков» (disturbed areas). Это означает, что в случае, если правительство примет решение отменить объявление «зон беспорядков», пребывание специальных подразделений вооруженных сил (Armed Forces Special Powers Act – AFSPA) в этих городах должно быть прекращено. Это имеет непосредственное отношение к основному требованию кашмирцев о необходимости вывода индийских войск, и Объединенное командование вооруженных сил должно будет немедленно пересмотреть вопрос о размещении сил безопасности в Кашмирской долине, уменьшить количество военных объектов и контрольных пунктов, прежде всего в Сринагаре.

Комитет безопасности также «порекомендовал» правительству штата пересмотреть все случаи задержания отдельных лиц в соответствии с Актом об общественной безопасности 1978 г. и запретить удерживать арестованных в тюрьме без суда в течение года. Было рекомендовано также немедленно освободить всех студентов и молодых кашмирцев, задержанных за нарушение закона, в том числе за участие в демонстрациях и использование камней против воинских подразделений. За каждого убитого в период беспорядков после 11 июня 2010 г. правительство должно выплатить по 500 тыс. индийских рупий (более 11 тыс. долл. США).

Был поставлен вопрос также и о возобновлении занятий в школах, колледжах и университетах, о необходимости обеспечить проведение всех экзаменов за текущий академический год (2010/11). Центральное правительство выделит 10 млн рупий (около 225 тыс. долл. США) для развития школ и колледжей⁸⁴. 27 сентября 2010 г. после стодневного перерыва в Кашмирской долине возобновились занятия в школах, и, несмотря на обращенные к родителям призывы сторонников жесткой линии не посылать детей в школы, более 20% детей присутствовали на занятиях⁸⁵.

Отвечая на вопросы журналистов 25 сентября 2010 г., министр внутренних дел П. Чидамбарам сказал, что в результате беспорядков в Кашмирской долине 84 человека находятся в тюрьме, 110 – в полицейских участках и 51 задержан в соответствии с Актом об общественной безопасности после событий июня 2010 г. По последним данным, при разгоне этих демонстраций погибло 108 человек. Вопрос о выводе или сокращении численности индийских войск, по словам министра, не обсуждался⁸⁶. По мнению П. Бирсман-

са, совершившего очередную поездку в Кашмир с 20 января до 7 февраля 2011 г., несмотря на то что, как он считает, пик конфликта уже прошел, ставить вопрос о выводе индийских войск еще рано. Они могут находиться в казармах, но по первому требованию могут быть выведены на улицы⁸⁷.

Особое внимание следует уделить деятельности созданной в соответствии с инициативой по урегулированию ситуации в Джамму и Кашмире так называемой группе «переговорщиков». Выступая 28 мая 2011 г. с лекцией, организованной в Пуне Центром по изучению коммуникаций и проблем развития, Дилип Пангаонкар высказал точку зрения, что решение многих проблем Джамму и Кашмира может быть обеспечено путем признания плюрализма интересов, учета существующих озабоченностей и пожеланий его народа как в сфере политики и экономики, так и общественном развитии и культуре. Однако, как считает Д. Пангаонкар, признание этого факта никоим образом не должно привести к распаду штата. Различные политические устремления жителей Джамму и Кашмира, т.е. плюрализм мнений, не есть повод к нарушению единства и территориальной целостности штата. Сам Д. Пангаонкар вместе с другими членами его группы посетили 17 из 22 районов штата, встречались с 530 организациями и более чем с четырьмя тысячами жителей штата, принадлежащими к различным общинам, политическим, идеологическим и религиозным группам. В результате состоявшихся встреч и бесед Д. Пангаонкар пришел к заключению, что проблема Джамму и Кашмира должна рассматриваться в идеологическом контексте, как проблема индусов и мусульман, а не только и не столько «как проблема индийского национализма и пакистанского национализма», но и как «кашмирского национализма». Более того, по его мнению, народ Джамму и Кашмира оказался «в ловушке» между понятиями индийского и пакистанского национализма. Причем признание приоритета одного из них автоматически отрицает действие второго. Поэтому, как считает индийский политолог, необходимо «отойти от этого соперничества национализмов». Он добавляет, что национализм кашмирцев, или «кашмириат» – «сильная, идеологически мотивированная националистическая идеология» – свойственен лишь жителям Кашмирской долины, в то время как население Джамму и Ладакха его не разделяют». Признание же плюрализма интересов различных групп населения Джамму и Кашмира может стать ключом к разрешению многих проблем, свойственных этому региону⁸⁸.

11–12 июля 2011 г. в Джамму состоялась конференция круглого стола, в которой принимали участие «переговорщики» из Дели во главе с Д. Пангаонкаром. Среди ее участников – свыше 50 известных ученых, деятелей культуры, религиозных лидеров, журналистов, представителей гражданского общества. 12 июля обсуждалась роль культуры и искусства в процессе утверждения ценностей плюрализма в обществе, а также выяснялись возможности снижения влияния конфликта на развитие культуры и искусства. Участники дискуссии уделили особое внимание проблеме плюрализма и тому, что стоит на его пути, рассматривали особенности полиэтничности и ее влияние на политическую обстановку в Джамму и Кашмире. Выступавшие акцентировали внимание на этническом и религиозном разнообразии кашмирского общества, свойственной для него традиции толерантности, отмечали мир-

ное совместное проживание разнообразных общинных и религиозных групп Джамму, а также миролюбие ладакхов.

По итогам поездки группы во главе с Д. Падгаонкаром был подготовлен детальный отчет о ситуации в Джамму и Кашмире с рекомендациями о том, какие меры должны быть приняты для стабилизации обстановки в штате⁸⁹.

То обстоятельство, что группа высокопоставленных и квалифицированных аналитиков, которая была направлена из Дели для оценки ситуации в Джамму и Кашмире, акцентировала внимание на необходимости ценить и сохранять плюрализм кашмирского общества и уважать права человека, свидетельствует о том, что руководство страны среди всего переплетения политических, геополитических, экономических и прочих факторов пришло к осознанию приоритетного значения этноконфессиональных отношений в штате. Именно проблема взаимодействия различных религиозных и этнических групп стояла у истоков возникновения конфликта и именно от ее урегулирования зависит будущее кашмирского общества, мир и стабильность в регионе, состояние отношений Индии с Пакистаном.

ПРОБЛЕМА ДЖАММУ И КАШМИРА: ПРАВООЗАЩИТНЫЙ АСПЕКТ И ПОЗИЦИИ СТОРОН⁹⁰

В течение почти шести десятилетий ситуация в Кашмире рассматривалась главным образом как политическая проблема, как предмет застарелого и трудноразрешимого спора между Индией и Пакистаном, источник которого – несовместимость подходов к существу кашмирской проблемы. Однако имеется и еще одна сторона вопроса.

Вооруженные столкновения в пограничных районах, террористические действия боевиков, жертвами которых становятся мирные жители Кашмира, иностранные туристы и др. (часть боевиков проходит обучение в специальных лагерях, расположенных на территории Пакистана, так что речь идет о так называемом трансграничном терроризме – cross-border terrorism), ответные действия индийской армии численностью в несколько сот тысяч солдат, расквартированных на территории Джамму и Кашмира для противодействия боевикам привели к усилению социальной напряженности в обществе. Были нарушены торгово-хозяйственные связи между различными районами штата, в связи с военными действиями разрушена инфраструктура, возникли трудности в функционировании органов государственной власти и т.д., осложнилась экономическая и социально-политическая ситуация в регионе. Туризм, который традиционно был одним из важнейших источников дохода для населения Кашмира, практически сведен к минимуму. Были зафиксированы нарушения прав мирных жителей, прежде всего женщин и детей, национальных и религиозных меньшинств. Часть населения штата – пандиты-индусы и группы интеллигенции и предпринимателей-мусульман вынуждены были покинуть территорию штата. Таким образом, были нарушены права народа Кашмира на социально-экономическое, политическое и культурное развитие.

Существуют различные мнения относительно причин создавшейся обстановки: одни считают, что все дело в действиях поддерживаемых извне боевиков, осуществляющих террористические акты, во время которых гибнут мирные жители; другие – что во всем виновата индийская армия, расквартированная на территории Кашмира, которая проводит жестокие карательные операции.

Организация исламской конференции, Всемирный мусульманский конгресс, Мусульманская всемирная лига, Кашмирско-американский совет, Международная федерация исламских студенческих организаций, Совет по правам человека Джамму и Кашмира, Международная организация друзей Кашмира, Объединенная национальная партия народа Кашмира, Совет независимого Кашмира, Кашмирский фонд по изучению мира и развития, Институт по делам Кашмира, Международный центр по изучению проблем мира, Всемирное движение за освобождение Кашмира, Фронт освобождения Джамму и Кашмира с его отделениями в Великобритании и Европе – вот далеко не полный перечень крупных и малочисленных, влиятельных или малоизвестных правозащитных организаций, принимающих самое активное участие в обсуждении проблемы Кашмира в ежегодных заседаниях Совета (в прошлом – Комиссии) ООН по правам человека в Женеве. Среди членов этих организаций – адвокаты и ученые, бизнесмены, журналисты, политики и сотрудники международных организаций, профессора университетов Индии, Пакистана и Азад Кашмира, крупных научных центров стран Запада и др., по происхождению кашмирцы, европейцы, американцы и пр. Судя по всему, представители крупного бизнеса из «заморских» кашмирцев финансируют деятельность неправительственных организаций, предоставляя им возможность участвовать в ежегодных заседаниях Совета в Женеве.

Вопрос о ситуации в Кашмире и вокруг него постоянно возникает в ходе дебатов практически по всем пунктам повестки дня. В обсуждении кашмирской проблемы проявляют активность и неправительственные организации, осуществляющие мониторинг нарушений прав человека в различных регионах мира, такие, как Международная амнистия (Amnesty International) и Наблюдение за правами человека (Human Rights Watch), а также Транснациональная радикальная партия, организация «Освобождение», Международная ассоциация по правам человека американских меньшинств, Международный совет по правам человека, Европейский союз по общественным связям, Международная организация по развитию образования и др. Начиная с 1994 г. полевые исследования на территории Джамму и Кашмира ежегодно проводит Бельгийская ассоциация солидарности с народами Джамму и Кашмира, отчеты о которых регулярно публикуются и направляются в Комиссию (Совет) по правам человека ООН. Ее президент П. Бирсманс встречается с представителями руководства штата Джамму и Кашмир, лидерами политических партий, студентами, журналистами и бизнесменами, а также берет интервью у «простых людей» на улицах кашмирских городов и селений.

15 мая 1999 г. в Женеве в рамках конференции «Гаагский призыв к миру» состоялся круглый стол по проблеме Кашмира, в котором приняли участие делегаты, представляющие интересы кашмирцев, проживающих по обе стороны Линии фактического контроля, т.е. представители Джамму, Кашмирской долины, Ладакха, Гилгит-Балтистана и Музаффарабада (Азад Кашмир).

В одобренной ими резолюции содержался призыв к немедленному прекращению всякого насилия на территории штата, откуда бы они не исходило; к мобилизации всех демократических и миролюбивых сил для формирования атмосферы, свободной от страха и недоверия, и достижения примирения и консенсуса. К диалогу целесообразно привлечь различные политические силы Кашмира, а правительства Индии и Пакистана могли бы способствовать началу такого диалога, базирующегося на принципах мирного сосуществования и терпимости.

Инициировать начало диалога между представителями различных политических сил Кашмира пытаются и организации, базирующиеся в Европе. Так, 14–15 апреля 2000 г. созданный в Женеве Центр по изучению Южной Азии организовал круглый стол «Кашмир – бросок к миру». В нем приняли участие ученые, политики, журналисты, большинство из которых – кашмирцы, базирующиеся как в самом Кашмире, так и в США, Великобритании, Швейцарии, Австрии, Канаде. Они представляли такие организации, как Международная организация друзей Кашмира, Объединенная национальная партия народа Кашмира, Совет независимого Кашмира, Кашмирский фонд по изучению проблем мира и развития, газету «Кашмир монитор», Школу международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру (Дели).

По итогам круглого стола была принята Женевская декларация о мире в Джамму и Кашмире, в которой представители «гражданского общества Джамму и Кашмира» заявляли о своей готовности добиваться прочного мира, демократии и справедливости; выражали серьезную озабоченность продолжающимися страданиями народа Кашмира и свою готовность выступать против всех форм насилия, за создание условий для всеобъемлющего диалога с целью установления мира и урегулирования конфликтов. Участники «круглого стола» призвали к немедленному прекращению всех форм насилия, независимо от его происхождения и цели; к немедленному прекращению нарушений прав человека во всех частях Джамму и Кашмира со стороны государственных сил безопасности, иностранных наемников, боевиков и прочих государственных и негосударственных сил и подразделений. Они потребовали уважения достоинства и прав личности народа Джамму и Кашмира и создания атмосферы, свободной от страха и запугивания. В декларации содержится призыв к конструктивному и содержательному диалогу между всеми общественными группами и регионами Джамму и Кашмира, к уважению различных точек зрения. Документ призывал также к восстановлению традиционных ценностей плюрализма, религиозной гармонии и мирного сосуществования между народами, принадлежащими различным регионам, на основе отказа от дискриминации и гарантирования равноправного участия представителей всех религиозных и этнических групп в политическом процессе.

В августе 2000 г. Международная ассоциация по правам человека американских меньшинств совместно с Международным советом по правам человека выступили в качестве спонсоров первой состоявшейся в Женеве международной конференции «Право на самоопределение и ООН. От обеспечения прав меньшинств к достижению политической независимости». В соответствии с повесткой дня конференции обсуждались проблемы обеспечения прав народов Палестины, канадской провинции Квебек, афро-американских меньшинств.

риканцев США, саамов в Финляндии, тамилы Шри Ланки, однако основное внимание было уделено проблеме Кашмира. Это и понятно, так как именно представители богатой и преуспевающей кашмирской диаспоры финансировали организацию конференции. Одним из активных ее участников был член парламента Великобритании Джеральд Кауфман.

С основным докладом по кашмирскому вопросу выступил генеральный секретарь Совета штата Джамму и Кашмир по правам человека, адвокат Сайед Назир Гилани. Он выразил озабоченность в связи с тем, что главный вопрос – право народа Кашмира на самоопределение – остается на заднем плане, так как все внимание уделяется иному аспекту проблемы: должен ли Кашмир быть присоединен к Индии или к Пакистану. Таким образом, как считает С.Н. Гилани, теряется основной смысл идеи референдума, как под эгидой ООН, так и без нее. Право народа Кашмира должно быть преимущественным по сравнению с претензиями его соседей. Докладчик сослался на текст Конституции, разработанной основным объединением политических сил Кашмира – Всепартийной конференцией свободы (All Parties Hurriet Conference), в разделе II статье 2 (1) которой указывается, что право на самоопределение должно также включать и «право на независимость». Особое внимание докладчик уделил необходимости мира между Индией и Пакистаном как важнейшего условия стабильности и формирования гражданского общества в Кашмире.

Судя по выступлениям на конференции, точка зрения представителей кашмирских и европейских организаций по вопросу о будущем Кашмира претерпевает определенные изменения: от жесткой антииндийской позиции она эволюционирует в сторону признания ответственности как Индии, так и Пакистана за происходящее на их родине. Раздаются голоса и о возможности достижения независимости Кашмира путем проведения плебисцита и таким образом реализации права его народа на самоопределение.

Одним из наиболее активных сторонников проведения плебисцита в Джамму и Кашмире и противником идеи принципа статус кво является Кашмирско-американский совет (Kashmiri American Council) во главе с его руководителем доктором Гулам Наби Фаи (Dr. Ghulam Nabi Fai). Эта организация, базирующаяся в Вашингтоне, регулярно проводит семинары и круглые столы в различных частях мира с целью убедить мировое сообщество в необходимости решения кашмирской проблемы на основе свободного волеизъявления граждан Джамму и Кашмира в рамках резолюций ООН. Материалы проводимых мероприятий широко рассылаются их организаторами.

Базирующиеся в основном в странах Запада организации кашмирской диаспоры пользуются поддержкой влиятельных и располагающих значительными финансовыми средствами организаций и отдельных лиц, которые, кроме проведения конференций, слушаний, публичных обсуждений кашмирской проблемы в различных странах мира, финансируют публикации антииндийской пропагандистской литературы, буклетов, сборников документов и пр. Эти издания, богато снабженные цветными фотографиями со свидетельствами зверств и насилия (обычно без указания точного адреса, кем и где эти насилия были совершены), широко распространяются в кулуарах заседаний Совета (Комиссии) по правам человека в Женеве. Там же организуются выставки фотографий и картин художников, демонстрирующих репрессивные

действия индийских войск на территории Джамму и Кашмира, с одной стороны, и зверства террористов – с другой. За последние годы возник также и особый жанр литературы и поэзии, в которых находят отражение трагические события на территории штата и выражается надежда на установление мира и согласия на многострадальной земле Джамму и Кашмира.

Представители официального Пакистана продолжают трактовать террористические действия кашмирских боевиков как борьбу народа Кашмира за самоопределение. Истоки этого пакистанская сторона видит в том, что Индия, вопреки резолюциям ООН, считает Кашмир частью своей территории, в то время как он официально признан «спорной территорией», где должен быть проведен плебисцит под международным контролем.

Индийская дипломатия, со своей стороны, обвиняет Пакистан в незаконной оккупации части индийского штата Джамму и Кашмир, в провоцировании и поддержке террористической деятельности боевиков на территории штата, приводящем к гибели гражданского населения, и незаконном использовании с этой целью концепции права наций на самоопределение.

Позиции представителей кашмирской диаспоры и неправительственных организаций, базирующихся как в индийской, так и пакистанской частях Кашмира, в течение последних нескольких лет претерпели определенные изменения. Постепенно центр тяжести в поисках путей урегулирования кашмирской проблемы все в большей степени переносится на необходимость включения в этот процесс «третьей» стороны – самого кашмирского народа, так как вряд ли Индия и Пакистан смогут договориться и мирным путем решить судьбу народа Кашмира. Именно поэтому во главу угла ставится требование провести референдум или подлинно демократические выборы под международным контролем. Участники дискуссий призывают к немедленному прекращению всякого насилия на территории штата, откуда бы оно ни исходило; к мобилизации всех демократических и миролюбивых сил для формирования атмосферы свободной от страха и недоверия, с тем, чтобы добиваться примирения и консенсуса.

С момента принятия резолюций ООН прошло более полувека, и сегодня требования тех, кто настаивает на плебисците, вышли за рамки того выбора, который предоставляют эти резолюции. В бывшем княжестве растет и укрепляется национальное самосознание кашмирцев, идентификация себя в качестве единого целого, несмотря на разнообразие этнического и религиозного состава населения. В политическом плане это находит отражение в изменении многими организациями конечной цели своей борьбы – вместо присоединения к Пакистану или Индии они выступают за создание независимого кашмирского государства. На таких позициях стоит ныне известное политическое движение – «Фронт освобождения Джамму и Кашмира». Если в случае проведения плебисцита кроме пунктов о присоединении к Индии или Пакистану не будет вынесен вопрос о независимости Кашмира, то это будет расцениваться как нарушение воли и желания многих его жителей. Постановка же такого вопроса еще больше осложнит перспективы решения проблемы.

**КАШМИРСКИЙ ВОПРОС:
ПЕРСПЕКТИВЫ И ВАРИАНТЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ.
ЗНАЧЕНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА**

В течение десятилетий сформировалось и сохраняется стереотипное представление о том, что Кашмир – это мусульманский регион, и именно из-за этого возник основной спор между Индией и Пакистаном. Действительно, здесь преобладает мусульманское население, однако не следует забывать об индусах Джамму и буддистах Ладакха. В течение веков представители трех конфессий жили в мире и согласии и являли собой пример единства в многообразии. Они различны по культуре, традициям, языку, религии, но их объединяет то, что называется «Кашмирият», базирующийся на веротерпимости, взаимном уважении и мире.

К чему сегодня сводятся позиции сторон?

Индия считает кашмирский вопрос в принципе решенным, руководствуясь в том числе решением Учредительного собрания Джамму и Кашмира 1954 г. о вхождении в состав Индии, и обвиняет Пакистан в незаконной оккупации части территории индийского штата Джамму и Кашмир. Дели выступает категорически против любого внешнего участия в урегулировании кашмирской проблемы, настаивает на ее двустороннем решении и выражает готовность вести переговоры с Пакистаном только после того, как Исламабад гарантирует прекращение поддержки действий исламских боевиков, базирующихся на территории Пакистана и обучающихся там в специальных тренировочных лагерях. Индийские лидеры осознают необходимость и право участия самого народа Кашмира в решении своей судьбы и считают, что проводящиеся на территории штата Джамму и Кашмир выборы в Законодательную ассамблею штата и центральный парламент дают ему возможность реализовать это право. Индия выступает против независимости Кашмира.

Пакистан, который солидарен с Индией в вопросе о независимости Кашмира, отошел от жесткой позиции признания необходимости проведения плебисцита под международным контролем в соответствии с резолюциями ООН и разрабатывает альтернативные варианты урегулирования кашмирской проблемы. Участие кашмирцев в выборах в штате Джамму и Кашмир не расценивается в Пакистане как свободное волеизъявление народа на том основании, что они проходят в условиях пребывания в штате полумиллионной индийской армии. Руководство Пакистана заявляет о готовности вести переговоры с Индией без всяких предварительных условий и с участием посредников в процессе переговоров, считая возможным пригласить Россию со стороны Индии и Китай – со стороны Пакистана.

Несмотря на разработку альтернативных вариантов, резолюции Совета Безопасности ООН о необходимости проведения плебисцита не отменены и сохраняют свою силу, и формально Индия и Пакистан не освобождены от необходимости их выполнения. Еще одно обстоятельство: урегулирование проблемы Кашмира не находится в руках лишь Индии и Пакистана, оно требует прямого или косвенного участия Китая, так как часть территории Джамму и Кашмира в Аксай Чине находится под фактическим контролем Китая.

Поскольку в этническом и религиозном отношении население Джамму и Кашмира не является гомогенным, окончательное решение его судьбы не может и не должно зависеть лишь от позиции мусульман. Именно это обстоятельство рождает сомнения в том, что плебисцит сможет решить судьбу Кашмира с учетом интересов всех его населяющих религиозных и этнонациональных групп. Так, вызывает недоверие готовность буддистского населения Ладакха или индусов Джамму согласиться с мнением большинства мусульманского населения Кашмирской долины войти в состав Пакистана или обрести независимость. В то же время население северных территорий и Азад Кашмира, скорее всего, захочет остаться в составе Пакистана. Мнение жителей Кашмирской долины может разделиться между независимостью и переходом под эгиду или Индии или Пакистана. Сторонники независимости всего Кашмира вряд ли поддержат идею проведения плебисцита на региональной основе, потому что его результаты лишь утвердят раздел Кашмира, в то время как смысл идеи независимости заключается в создании единого государства.

Бесмысленным представляется вариант военного решения проблемы, о чем свидетельствует опыт прошлых вооруженных конфликтов – такие решения приводили лишь к жертвам и разрушениям, а проблема оставалась нерешенной. Кроме того, это чревато резким усилением недовольства полутора сотен миллионов индийских мусульман и активизацией экстремистских настроений среди исламских фундаменталистских сил в Пакистане. Продолжение террористических действий в Кашмире влечет за собой гибель мирных жителей, разрушение материальных ценностей, нарушения прав человека.

Определенные изменения претерпела и «внешняя среда» кашмирской проблемы: Кашмир как бы потерял прежнее геостратегическое значение. Если в прошлом в этой зоне сталкивались интересы глобальных (США) и глобально-региональных (СССР и Китай) держав, сегодня конфликт перешел, скорее, на региональный уровень и связан в большей степени с интересами Индии и Пакистана, в определенной степени Китая, Афганистана и государств Центральной Азии. Следует помнить также, что в настоящее время центр тяжести конфликта в регионе переместился в сторону Афганистана, и усилия Пакистана, Индии, Китая, стран НАТО и России в настоящее время сконцентрировались на поисках путей выхода из афганского кризиса. Его урегулирование сможет снизить вовлеченность боевиков, прошедших подготовку в лагерях талибов, в террористические действия на территории Джамму и Кашмира. В то же время влиятельные исламские режимы сохраняют заинтересованность в создании в этом районе нового мусульманского государства, которое могло бы оказаться от них в значительной финансовой и политической зависимости.

В настоящее время существует несколько вариантов урегулирования кашмирской проблемы. До недавнего времени сохраняли свою силу резолюции Совета Безопасности ООН по кашмирскому вопросу, однако 15 ноября 2010 г. стало известно, что ООН исключила проблему Кашмира из списка «нерешенных международных конфликтов». Государственный министр по иностранным делам Индии Пренет Каур заявил корреспондентам, что княжество Джамму и Кашмир всегда считалось неотъемлемой частью Индии, поэтому приветствует такое решение ООН. Со своей стороны исполняющий

обязанности посла Пакистана в ООН Амджад Хуссейн Б. Сиад назвал это заявление «случайным упущением»: ведь проблема Джамму и Кашмира – это один из давних споров в повестке дня Совета Безопасности ООН⁹¹. Многие обозреватели сходятся во мнении, что решение ООН в какой-то степени связано с недавним визитом в Индию президента США Барака Обамы, в ходе которого, несмотря на усилия пакистанской стороны, кашмирская проблема – даже подавление индийскими силами безопасности серьезных беспорядков на улицах кашмирских городов – не стала предметом осуждения позиции Индии. Тем самым было еще раз подтверждено нежелание американской администрации вмешиваться в обсуждение проблемы, которая расценивается в Вашингтоне как двусторонняя⁹². В то же время Барак Обама поддержал идею предоставления Индии статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН, что вызвало резко негативную реакцию со стороны Пакистана.

Обсуждаемые варианты урегулирования кашмирской проблемы колеблются от признания статус-кво до создания независимого государства в сердце Центральной Азии. Практически все предлагаемые возможности в той или иной степени учитывают сложный этнонациональный и поликонфессиональный состав населения Джамму и Кашмира, так как именно этот фактор по существу находился у истоков возникновения кашмирской проблемы и играет важную роль в поисках путей ее урегулирования.

Рассмотрим предложенные, в том числе и крайние варианты.

1. Сохранение статус-кво, т.е. признание линии фактического контроля в качестве международной границы. Учитывая состояние проблемы за полвека, прошедшие с момента ее возникновения; осознание того, что во всяком случае в среднесрочной перспективе ни Индия, ни Пакистан не согласятся на передачу находящихся под их администрацией территорий другой стороне; эволюцию ее «внешней среды», а также фактор перехода обеими странами «ядерного порога», признание линии фактического контроля в качестве международной границы представляется наиболее реальным решением. В противном случае сохраняется угроза того, что кровопролитие будет продолжаться, наемники останутся в Кашмире для совершения террористических действий и напряженность в индо-пакистанских отношениях будет сохраняться. Такое решение может быть принято при условии гарантии отказа кашмирцев от требований о предоставлении независимости. Контролируемым Индией и Пакистаном частям Кашмира может быть предоставлена реальная возможность сформировать свои собственные правительства без вмешательства со стороны Дели и Исламабада. Между ними будут установлены «прозрачные» границы с тем, чтобы население Кашмира имело возможность свободных передвижений, развивалась торговля, гуманитарные связи и др. Детали такого варианта урегулирования могут быть разработаны представителями трех заинтересованных сторон: Индии, Пакистана и народа Кашмира.

Идея урегулирования кашмирской проблемы путем сохранения статус-кво обсуждается и поддерживается многими экспертами. Эту точку зрения неоднократно высказывал президент бельгийской Ассоциации солидарности с народами Джамму и Кашмира Поль Бирсманс. Выступая на заседании подкомиссии ООН по права человека в августе 2002 г. от имени Международного движения за братский союз между представителями различных

рас и народов, П. Бирсманс призывал к «реалистическому» подходу в решении кашмирской проблемы. Поскольку бывшее княжество Джамму и Кашмир фактически разделено между Индией и Пакистаном вот уже более 60 лет и за этот период выросли новые поколения кашмирцев, «вряд ли есть основания предполагать, что они не будут стремиться сохранить сложившийся образ жизни». За прошедшие десятилетия, как считает П. Бирсманс, практически осталось очень мало общего между населением Кашмирской долины, Азад Кашмира, Джамму, Ладакха и Северных территории. Между ними существуют различия в религии, культуре, языке, в историческом прошлом. Любая попытка изменить сложившиеся границы, как утверждает П. Бирсманс, приведет к кровавым столкновениям в регионе, поэтому единственное реальное решение проблемы – это превращение Линии контроля в международную границу между Индией и Пакистаном. В условиях нормализации отношений между двумя странами кашмирцы смогут свободно переходить границу и поддерживать отношения со своими родственниками и соотечественниками⁹³.

Близкую точку зрения о будущем Джамму и Кашмира высказывает и профессор факультета политических исследований Стокгольмского университета Иштяк Ахмад. Он пытается ответить на важный вопрос: является ли конфликт вокруг Кашмира причиной или одним из признаков, симптомов индийско-пакистанской конфронтации. И. Ахмад признает, что вопрос должен решаться на двусторонней основе, что в этом конфликте не может быть победителей и побежденных. Он считает необходимым взаимное признание существующего факта: Кашмир оказался разделенным между Индией и Пакистаном, и Линия контроля должна быть признана международной границей. После этого оба государства должны вывести или по крайней мере значительно сократить численность своих войск вдоль границы. Кашмирцы по обе стороны границы смогут получить существенные права на автономию, однако без права создавать свои собственные вооруженные силы. Должна быть обеспечена свобода передвижения кашмирцев через границу, разрешена проблема распределения водных ресурсов, что в конечном счете приведет к созданию атмосферы взаимного доверия⁹⁴.

2. Выполнение резолюции ООН о проведении плебисцита под международным контролем. За прошедшие после достижения независимости годы индийский штат Джамму и Кашмир, Азад Кашмир и так называемые Северные территории в Пакистане в большей или меньшей степени интегрированы в экономические и социально-политические структуры Индии и Пакистана. Разрыв установившихся связей при любом результате плебисцита может повлечь за собой большие экономические и политические потери. Судьба всего Кашмира будет решаться голосованием в Кашмирской долине, где проживает больше половины населения бывшего княжества, преимущественно приверженцы ислама, поэтому в данных конкретных условиях права остальных религиозно-этнических групп будут нарушены. Проведение плебисцита по основным районам Кашмира в отдельности может привести к его расчленению, так как результаты голосования в Ладакхе и Джамму могут существенно отличаться от точки зрения жителей Кашмирской долины.

Даже если представить себе, что плебисцит в Кашмире на каких-то условиях и при каких-то особых обстоятельствах будет проведен, возникнет во-

прос о перспективах реализации его результатов. Трудно предположить, что в случае выраженного желания большинства населения Кашмира перейти под эгиду Пакистана, Индия безболезненно примет это решение и «без боя» согласится на передачу ее «жемчужины» Пакистану. Не менее трудно представить себе, что Пакистан мирно согласится отдать находящиеся под его юрисдикцией части Кашмира Индии в случае, если большинство населения захочет связать с ней свою судьбу. Любое из этих решений может вызвать резкое обострение ситуации на субконтиненте, что чревато непредсказуемыми последствиями как для региона, так и для всего мирового сообщества, если вспомнить, что речь идет о государствах, обладающих ядерным оружием.

3. Создание независимого Кашмира. В Джамму и Кашмире растет и укрепляется национальное самосознание кашмирцев, идентификация себя в качестве отдельной самостоятельной этнической группы. Их объединяет то, что называется «Кашмирият», базирующийся на общем ощущении идентичности, терпимости, взаимном уважении и мире. В политическом плане подобное явление находит отражение в изменении конечной цели борьбы политических организаций кашмирцев как в индийской, так и пакистанской частях Кашмира и их зарубежных соотечественников: вместо присоединения к Пакистану или Индии они выступают за создание независимого нейтрального кашмирского государства «по типу Швейцарии». Объявление независимости контролируемых Индией и Пакистаном частей Кашмира вне пакистанской и индийской администраций может сопровождаться мониторингом международных сил до тех пор, пока кашмирцы сами не создадут собственные силы безопасности. С требованием независимости выступают и сторонники проведения плебисцита, которые, убедившись в неспособности Индии и Пакистана найти справедливое и взаимоприемлемое решение, настаивают на необходимости в случае его проведения включения в его бюллетени пункта об отношении к независимости Кашмира.

Такое развитие событий в одинаковой степени не удовлетворит и Индию, и Пакистан, и в определенной степени Китай, территориальной целостности которых в случае выделения всего Кашмира в целом будет нанесен серьезный ущерб. В этом случае существует реальная перспектива усиления в этом стратегически и политически важном регионе сил исламского экстремизма при широком участии талибов из сопредельного Афганистана, активизации деятельности в регионе представителей консервативных исламских режимов, что может составить реальную угрозу для Индии, Китая с проблемами мусульман в Синьцзяне, для новых независимых мусульманских республик Центральной Азии. Кроме того, возможна негативная реакция секуляристски настроенной интеллигенции Пакистана, хотя значительная часть его населения тяготеет к традиционным исламским ценностям.

С целью снижения напряженности и создания условий для поисков радикальных путей урегулирования кашмирской проблемы, разрабатываются альтернативные, промежуточные или более умеренные предложения:

– предоставление Индией и Пакистаном населению «своей» части Джамму и Кашмира права автономии сроком на 20 лет, сохранив за собой контроль в области обороны, иностранных дел, оборота валют и коммуникаций; Гил-

гит, Балтистан и Азад Кашмир могут быть переданы под управление единой конституционной ассамблеи;

– освобождение находящихся в тюрьмах политических заключенных; взаимное предоставление полной информации родственникам о лицах, местонахождение которых неизвестно, а также о лицах, обвиняемых в совершении актов терроризма и убийства;

– разработка облегченной системы получения разрешений на пересечение Линии фактического контроля своими гражданами для посещения родственников;

– предоставление возможности кашмирцам, которые были вынуждены покинуть свои дома по обе стороны Линии контроля в период раздела 1947 г., вернуться в места своего рождения и проживания; пандиты, сикхи и мусульмане, покинувшие свои дома в течение последних лет обострения обстановки в Джемму и Кашмире, должны вернуться на свою родину, незаконно захваченные их земли и собственность должны быть им возвращены;

– оказание помощи кашмирцам, проживающим по обе стороны Линии контроля, в восстановлении их разрушенной экономики, в создании современной системы образования, здравоохранения и др.;

– целесообразно сформировать комиссию с самыми широкими полномочиями в составе представителей интеллигенции, политиков, экономистов, специалистов по научно-техническим и социальным проблемам из Индии, Пакистана и Кашмира с целью практических поисков решения кашмирского вопроса; Любое предложение должно обязательно получить поддержку парламентов Индии и Пакистана и законодательных ассамблей обеих частей Кашмира.

Предложенные меры, представляющие собой по существу замораживание кашмирского вопроса, могут способствовать прекращению вооруженной конфронтации между Индией и Пакистаном и снять или ослабить синдром взаимных обвинений. Возникнет возможность урегулирования прочих нерешенных проблем, а облегчение визового режима создаст условия для свободных передвижений через Линию контроля и постепенного восстановления взаимного доверия. Развитие торговых отношений, использование значительных финансовых средств для нужд экономического развития Кашмира, создание структур здравоохранения и образования, борьба с безработицей и т.д. будут способствовать налаживанию нормальной жизни населения Кашмира, консолидации кашмирского общества и пр.

В любом случае в ситуации, возникшей в Кашмире и вокруг него, можно видеть признаки одного из самых серьезных и глубоких противоречий современного мира: между законным правом любого народа на самоопределение и свободное волеизъявление и не менее законным правом каждого государства отстаивать свою территориальную целостность. Это противоречие служит причиной подавляющего большинства внутрисударственных и региональных конфликтов в самых различных районах мира.

¹ Key to Kashmir. Srinagar, 1953. P. 1.

² Dreze J. Kashmir: manufacturing ethnic conflict// The Hindu, March 29. 2000.

³ Ibid.

- ⁴ *Chandhoke N.* Crisis States Research Centre of Broken Social Contracts and Ethnic Violence // The Case of Kashmir. Working Paper. N 75/Developing Countries Research Centre, University of Delhi. December 2005.
- ⁵ *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983. P. 2.
- ⁶ См.: *Ishtiaq A.* The Kashmir Dispute—a cause or a symptom? // *Politologen*. Journal published by the Swedish Political Science Association. Fall 2002. P. 37–48.
- ⁷ См.: *Жан Жак Руссо.* Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / Пер. с фр. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. По изд.: *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М., 1998.
- ⁸ *Lamb A.* Birth of a Tragedy. Kashmir 1947. Hertingfordbury, 1994.
- ⁹ *Ibid.* P. 1–2.
- ¹⁰ См.: *Rawat A.* Social Identity and Conflict: The Kashmir Case / Ed. S. Murtaza // contact@kashmiraffairs.org.
- ¹¹ *Рыбаков П.* Саваркар Виньяк Дамодар // Словарь индуизма// <http://dic.academic.ru/dic.nsf/induism>.
- ¹² Hindu Origins of the TNT in the Subcontinent//Two Nations Theory Originated by Hindus.
- ¹³ См.: *Rahman M.* Divided Kashmir. Old Problems, New Opportunities for India, Pakistan and the Kashmiri people. L., 1995. P. 51–62.
- ¹⁴ *Lamb A.* Kashmir. A Disputed Legacy. 1846–1990. Hertingfordbury, 1991. P. 127.
- ¹⁵ Jammu and Kashmir: Population Distribution, 1981 an Subsequent Growth // www/kashmiristudygroup.net/mapseplan/population.html, 2000.
- ¹⁶ *Ibid.*
- ¹⁷ Government of India, Ministry of Home Affairs, Office of the Registrar General Census Commission, India. Provisional Population Totals and Data Products – Census 2011: Jammu & Kashmir.
- ¹⁸ Jammu and Kashmir...
- ¹⁹ *Upadhyay R.* Jammu and Kashmir: Is Trifurcation a Viable Solution?/ South Asia Analysis Group. Paper N 211, 16.03.2001.
- ²⁰ *Ibid.*
- ²¹ *Ibid.*
- ²² *Ibid.*
- ²³ *Racine J.-L.* La Question Identitaire en Asia du Sud//*Purusartha*. N 22. 2011. P. 11, 15.
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ *Rawat A.* Op. cit.
- ²⁶ *Ibid.*
- ²⁷ *Ibid.*
- ²⁸ *Rahman M.* Op. cit. P. 182–184.
- ²⁹ *Ibid.* P. 44–45.
- ³⁰ *Ibid.* L., 1995. P. 73.
- ³¹ Письмо № 368-Primin, 21 ноября 1947 г., адресованное премьер-министру Пакистана.
- ³² *Jha P.Sh.* Kashmir 1947. Rival Versions of History. Delhi, 1996. P. 3.
- ³³ The Kashmir Issue. High Commission of India. L., 1993. P.164–169.
- ³⁴ *Ibid.* P.169 .
- ³⁵ *Lamb A.* Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. P. 138, 159.
- ³⁶ *Ibid.* P. 154.
- ³⁷ *Lamb A.* The Birth of a Tragedy. Kashmir 1947.
- ³⁸ *Lamb A.* The Indian Claim to Jammu & Kashmir. A Reappraisal. L., 1993.
- ³⁹ *Jha P. Sh.* Op. cit.
- ⁴⁰ *Lamb A.* Kashmir. A Disputed Legacy 1846–1990. P. 165.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 166–167.
- ⁴² *Ibid.* P. 167–168.
- ⁴³ The Kashmir Issue. High Commission of India. P. 170–173.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 173–177.
- ⁴⁵ *Nanda P.* Jammu and Kashmir: Revising India’s Partition //UPI Asia.com. February 17, 2010.
- ⁴⁶ *Коган А.И.* К вопросу о современной языковой ситуации в индийском штате Джамму и Кашмир и статусе языка кашмири // Миноритарные языки Евразии. Проблемы языковых контактов. М., 2009. С. 70–78.

- ⁴⁷ Nanda P. Op. cit.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Selected Works of Jawaharlal Nehru. Second Series. Vol. 18 (1 April–15 July 1952) / Ed. S.Gopal. P. 418.
- ⁵⁰ Singh N. Cultural Conflict in India: Punjab and Кашмир // GAIA PRes. Series, Global, Area and International Archivé, UC Berkeley. 01.01.1998. P. 339 // <http://escholarship.org/ic/item/8v28zgg>.
- ⁵¹ Upadhyay R. Op. cit.
- ⁵² Rahman M. Op. cit. P. 82.
- ⁵³ Upadhyaya R. Op. cit.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ About Kashmiri Pandits. Kashmiri Pandits.
- ⁵⁶ См.: Коган А.И. Указ. соч. С. 70–78.
- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ Подробнее см.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. С. 171–174.
- ⁵⁹ Там же. С. 184–187.
- ⁶⁰ The Sunday Times of India. 1998. May 31.
- ⁶¹ Подробнее см.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Указ. соч.; Шаумян Т.Л. Кто и почему воюет в Кашмире? М., 1999.
- ⁶² Подробнее см.: Там же.
- ⁶³ Заявление для печати Министерства иностранных дел РФ, 17 июня 1999 г.
- ⁶⁴ An Eyewitness Report. Jammu and Kashmir State Legislative Assembly Elections. 2002. Sept. 16, 24; Oct. 1, 8; Belgian Association for Solidarity with Jammu and Kashmir. Beveren, October 2002.
- ⁶⁵ The Hindustan Times. 2002. Sept. 12.
- ⁶⁶ Выступление на 54 сессии подкомиссии ООН по поощрению и защите прав человека, Женева. 29 июля –16 августа 2002 г. .
- ⁶⁷ Beersmans P. President Belgian Association for Solidarity with Jammu and Kashmir. Report on the Study tour to India and the Indian State of Jammu and Kashmir, 2002.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Bhatt S. PM to offer Kashmir Plan to Musharraf // rediff.com. News. 2005.14.IV.
- ⁷⁰ Musharraf offers India new peace proposal on disputed Kashmir // Associated Press. Dec. 5. 2006.
- ⁷¹ Jha R.Sh. Musharraf's formula not feasible: officials // Khaleej Times Online. 6 December. 2006.
- ⁷² Sayed Atiq ul Hassan. Indo-Pak: People Need Actions Not Promises // Scoop. Independent News. 28 February. 2007.
- ⁷³ Подробнее см.: Glushkova I. The 21st Century Hinduism in the Making, or Mass Media's Impact on «Ramsetu Movement» and «Amarnath Agitation». International Conference «Religion & Media», Manchester. 2008.
- ⁷⁴ Beersmans P. Jammu and Kashmir: Disturbed Situation // Belgian Association for Solidarity with Jammu and Kashmir. Human Rights Council. Ninth Session. Geneva. 08–26 September. 2008 .
- ⁷⁵ См. также: Warikoo K. Shrines and Pilgrimage Places of Kashmir // Cultural Heritage of Jammu and Kashmir / Ed. K. Warikoo. Pentagon Press. New Delhi, 2009. P. 162.
- ⁷⁶ Ibid.
- ⁷⁷ Glushkova I. Op. cit.
- ⁷⁸ Polgreen L. Indian Forces Face Broader Revolt in Kashmir // The New York Times. 12.08.2010.
- ⁷⁹ Akbar M.J. The Fire This Time //India Today. October 25. 2010.
- ⁸⁰ Omar Abdulla said nothing wrong on J & K accession: Krishna // 2010. Agences. 2010.15.V.
- ⁸¹ Giri Ved Vrat. Read: Full text of PM's speech at the all-party meeting on Kashmir // MyNews. 2010.15.09.
- ⁸² Bukhari Shujaat. Delegation visit to Kashmir churns hope for peace // The Hindu. 2010.26.09. // <http://www.thehindu.com/2010/09/26>.
- ⁸³ The Tribune. Chandigarh. India. On-line Edition. September 26.2010.
- ⁸⁴ Ibid.

- ⁸⁵ Kashmir: Ignoring Separatists's Call, Schools reopen after 100 days. September 27. 2010//<http://www.zeenews.com/news657864.html> .
- ⁸⁶ *Kumar V.* Centre unveil 8-point formula for Kashmir // *The Hindu*. 26.09.2010.
- ⁸⁷ *Beersmans P.* Jammu and Kashmir: Moving forward // Belgian Association for Solidarity with Jammu and Kashmir. Human Rights Council. Sixteenth Session. Geneva, March 2011.
- ⁸⁸ Answer lies in acknowledging pluralism // *The Times of India*. May 29. 2011.
- ⁸⁹ Interlocutors discuss ways to preserve pluralism in J&K // *The Hindu*. July 12. 2011.
- ⁹⁰ В разделе использованы материалы из личного архива автора.
- ⁹¹ *Dikshit S.* India welcomes exclusion of J & K from UN list // *The Hindu*. 2010.16.11. URL: <http://www.the>.
- ⁹² UN removes Jammu and Kashmir from list of disputes // *International Debutant*. 22 November 2010 // http://www.dailytimes.com.pk/default //11-2010_pg7_17.
- ⁹³ *Beersmans P.* International Movement for Fraternal Union Among Races and Peoples. Meeting of the UN Sub-Commission on Human Rights. August 2002. Item 4: Economic, Social and Cultural Rights.
- ⁹⁴ *Ahmed I.* The Kashmir Dispute – a cause or a symptom? // *Politologen*. Swedish Political Science Association. Fall 2002. P. 37–48.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ШРИ-ЛАНКЕ

ВВЕДЕНИЕ

Межэтнический сингало-тамилский конфликт в Шри-Ланке (до 1972 г. – Цейлон) – один из самых затяжных и кровопролитных в мире. С 1983 по 2009 г. конфликт носил характер открытого вооруженного противостояния, фактически – гражданской войны между правительством Шри-Ланки и сепаратистами из группировки «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ). В результате боевых действий и насилия в отношении мирного населения со стороны как боевиков, так и правительственных войск погибли от 80 до 100 тыс. человек. Около 800 тыс. тамилы были вынуждены эмигрировать, из них свыше 200 тыс. нашли убежище в странах Западной Европы, в США, Канаде и Австралии.

В конце 2008 г. правительственные войска Шри-Ланки начали решительное наступление и весной 2009 г. одержали полную победу над сепаратистами. Их лидер Велупиллей Прабакаран был убит в мае 2009 г. Военным действиям был положен конец.

Однако говорить о завершении межэтнического конфликта было бы преждевременно. Его глубинные причины не устранены. Среди нерешенных проблем – возвращение беженцев, восстановление экономики северных и восточных районов Шри-Ланки, особенно пострадавших в ходе боевых действий, расследование случаев нарушения прав человека и военных преступлений, совершенных как боевиками, так и правительственными войсками. Преодоление взаимного отчуждения сингалов и тамилы, обострившегося в последние десятилетия, потребует длительного времени и взвешенной политики как со стороны правительства, так и тамилских политиков Шри-Ланки и тамилской диаспоры.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОНФЛИКТА

Согласно переписи 2001 г., общее население Шри-Ланки составляло 18,8 млн человек (поскольку перепись населения проводилась только в 18 из 25 административных дистриктов страны, цифра носит оценочный характер). На сегодня общая численность населения оценивается немногим более чем в 20 млн человек. Из этого числа сингалы составляют 74,5%, шриланкийские тамилы – 11,9%, индийские тамилы Шри-Ланки – 4,6%, мавры (мусульмане, возводящие свое происхождение к арабским купцам, поселившимся на острове в период VIII – XV вв.) – 8,3%¹ (рис. 1).

Тамилский язык является родным для трех из четырех основных этнических групп – шриланкийских и индийских тамилы, а также большинства мавров, т.е. почти для четверти населения страны. Религиозный состав населения в значительной мере совпадает с этническим. Большинство сингалов

исповедует буддизм, большинство тамилы – индуизм, мавры – ислам. Однако и среди сингалов, и среди тамилы немало христиан (главным образом католиков), составляющих порядка 7% населения.

Легенда относит происхождение сингальского населения Шри-Ланки к 543 году до н.э. (иногда называется 486 г. до н.э.), когда царевич Виджая из Северной Индии высадился на острове во главе войска из 700 человек. В последующие века после высадки Виджайи на Ланке было несколько волн миграции населения на остров с субконтинента – как из Северной Индии, так и из Южной. При этом поначалу раздельные общины не формировались, в результате чего «дравидский компонент» сыграл существенную роль в этногенезе сингалов, повлияв на их антропологический облик, на социальную и семейную организацию, на обычаи и верования. Сингальский язык, оставаясь в своей основе индоарийским, испытал на себе колоссальное тамильское влияние в фонетике, грамматике и лексике.

В конце I тысячелетия н.э., в связи с возвышением в Южной Индии династии Чолов, обострились межгосударственные отношения правителей Ланки с южноиндийскими правителями. В 1017 г. правитель Чолов Раджендра I захватил весь остров, сделав Ланку провинцией своей империи. Однако уже в 1070 г. сингальский правитель Виджаябаху I изгнал южноиндийских завоевателей, а в конце XII в. сингальский царь Ниссанка Мала даже временно захватил часть Южной Индии. Войны между сингальскими правителями Ланки и дравидскими правителями Южной Индии продолжались с переменным успехом вплоть до прихода европейских колонизаторов (начало XVI в.),

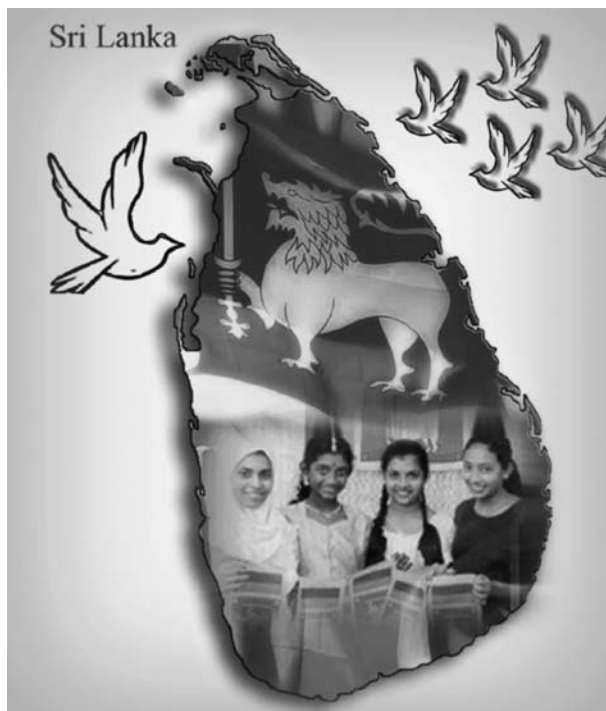

Рис. 1. Карта Шри-Ланки с изображением сингальского льва

когда, наконец, сложились два ареала компактного проживания двух основных этнических групп населения. Тамилы заняли север, северо-запад и восток страны, сингалам достались запад, юг и центр².

Многие исследователи возводят истоки антагонизма между двумя общинами ко времени второй половины I – первой половины II тысячелетия. Однако надежных документальных свидетельств существования такого антагонизма в доколониальный и даже колониальный период нет.

По сути социальные предпосылки для возникновения межэтнического антагонизма начали закладываться в период английского колониального владения. Среди наиболее значительных изменений, которые имеют непосредственное отношение к межэтническим отношениям, необходимо отметить следующие.

В 1827 г. на Цейлоне была заложена первая кофейная плантация. Широкое развитие плантационного хозяйства главным образом в горных районах центральной части страны вызвало необходимость ввоза сельскохозяйственных рабочих из Южной Индии. Массовые въезд в страну плантационных рабочих начался в 1830-е годы. Изначально они приезжали в качестве сезонных рабочих, но со временем стали селиться на постоянной основе, ныне составляя этническую общину так называемых «индийских тамилы Шри-Ланки».

Гибель кофейных плантаций в 1869 г. и замена кофе на чай в качестве главной плантационной культуры по сути ничего не изменили в социальном положении индийских тамилы Шри-Ланки. Они и по сегодня являются главной рабочей силой на чайных плантациях, при этом составляя самую низкооплачиваемую, наименее грамотную, наименее социально защищенную и политически наименее организованную этническую группу населения.

Ряд других экономических преобразований, проведенных англичанами, вызвал активные миграции населения между традиционно сингальскими и тамильскими районами и привел к изменению баланса населения в прежде моноэтнических районах.

Так, в XIX в. ускоренное экономическое развитие шло в западных и южных частях страны, что ставило тамилы, проживающих на севере и востоке, в невыгодное положение. Значительная их часть, прежде всего представители наиболее образованных слоев, решали эту проблему путем поступления на государственную службу, на работу в крупные частные компании и на занятие иных высококвалифицированных должностей. В свою очередь, это, во-первых, повлекло за собой возникновение в тамильских районах большого числа учебных заведений, где образование велось на английском языке, а во-вторых – активизировало процессы миграции высококвалифицированных тамильских кадров – врачей, юристов, управленцев, за которыми последовали торговцы и предприниматели, с севера и востока на юг и на запад.

Итогом этого процесса стало то, что розничная торговля практически по всей стране оказалась в руках мавров и тамильской торговой касты *четти* (*сетти*), при том что внешняя контролировалась британцами и теми же четти, которым принадлежали ведущие банки Южной Индии³.

Последствия этого процесса ощущаются и сегодня. Так, процент шриланкийских тамилы в крупнейшем городе страны Коломбо приближается к

среднему по стране (11% против 11,9%), а процент мавров – даже превосходит его (9% против 8,3%)⁴.

Другое экономическое начинание англичан, относящееся к 30-м годам XX в., вызвало противоположно направленный поток сингалов в районы страны, где до той поры преобладало тамильское население. Британская администрация вознамерилась восстановить древнюю ирригационную систему, для чего стимулировала миграцию населения из густонаселенных районов юго-запада в засушливые северо-центральные и восточные районы. Процесс продолжился и после обретения Цейлоном независимости в 1948 г. В результате, например, процент сингальского населения в округе Тринкомали на северо-востоке страны с 1946 по 1981 г. увеличился с 20,7% до 33,6%⁵.

Особенно далеко идущие последствия имели реформы британских властей в сфере образования. В 1829 г. была создана так называемая комиссия Колбрука–Камерона, целью которой была выработка рекомендаций по совершенствованию системы управления колонией, которой британские власти пытались придать вид образцовой.

В 1833 г. комиссия представила доклад, в котором, в частности, содержались рекомендации по совершенствованию системы образования с целью формирования национальной элиты, способной работать на государственной службе и свободно владеющей английским языком. В результате в стране была создана сеть школ, в которых преподавание велось на английском языке. Шриланкийские тамилы и мавры приветствовали эти реформы, поскольку они давали им равные с сингалами возможности для работы на госслужбе и в иных сферах, требующих высокой профессиональной квалификации.

Напротив, значительная часть сингальской элиты восприняла реформы в штыки, что вылилось в подъеме националистических настроений. При этом протест часто облекался в религиозные формы «буддийского возрождения» или «буддийского национализма». Американский исследователь этнических конфликтов в Южной Азии Нил Девотта отмечает: «Сингальский буддийский национализм, равно как и тамильский национализм, – это явления, вызванные ответной реакцией на чужие действия. Буддисты мстили за ненадлежащее управление страной и дискриминацию буддизма, которая началась в конце XIX в., и впоследствии умело использовали сингальскую буддийскую мифологизированную историю для мобилизации своего сообщества и четкого отграничения самих себя от всех прочих. После завоевания независимости сингальские буддийские элиты сами проводили дискриминационную политику в сфере языка, образования и экономики. Эта политика вынудила тамиллов восстать против государства и привела к длящейся почти четверть века гражданской войне между правительством и ТОТИ, которые на весьма сомнительных основаниях выдают себя за единственную силу, представляющую тамиллов»⁶.

Другие авторы прямо возводят истоки конфликта к колониальной политике британских властей в сфере образования. По мнению ланкийской журналистки и публициста Сенали Вадуге, британская система образования нанесла непоправимый ущерб цейлонскому обществу, поскольку отдавала преференции тамилам из высших каст и христианам как в том, что касает-

ся получения образования, так и в том, что касается будущего трудоустройства⁷.

Однако, несмотря на все эти предпосылки, сколько-нибудь серьезных столкновений на этнической почве в колониальные годы не происходило. Более того, первые в новое время серьезные межобщинные столкновения произошли в конце мая – начале июня 1915 г. в Канди не между сингалами и тамилами, а между сингалами-буддистами и маврами. Эти столкновения перекинулись на шесть из девяти провинций страны, унесли жизни 140 человек, были жестоко подавлены британскими властями и считаются поворотным пунктом в формировании сингальского национализма. При этом ведущий тамильский политик того времени Поннамбалам Раманадан открыто солидаризировался с сингалами⁸.

Британский социальный антрополог Джонатан Спенсер отмечает: «Конфликты между различными этническими группами, проявившиеся в резком росте числа столкновений и беспорядков в конце XIX – начале XX в., разительно отличались от конфликта в постколониальную эру. Беспорядки колониального времени обычно строились по религиозным осям противостояния: сингалы-буддисты нападали на сингалов-католиков; тамилы-индусы нападали на тамилы-католиков; буддисты, католики или индусы нападали на мусульман; а мусульмане в ответ нападали на всех остальных. Первое современное свидетельство тамило-сингальского конфликта, определяемого как конфликт групп, говорящих на разных языках, датируется 1956 г. – годом, когда были проведены важные реформы в сфере функционирования языков. Говоря простыми словами, сингало-тамильский конфликт – это продукт современной политики»⁹.

Еще один фактор, который необходимо рассматривать при анализе истоков сингало-тамильского противостояния, заключается в том, что этот конфликт не замыкается в границах Шри-Ланки. Составляя большинство в стране, в глобальном масштабе сингалы оказываются в явном меньшинстве. Только в Индии тамилы насчитываются свыше 60 млн, а численность тамильской диаспоры, проживающей по всему миру – в Юго-Восточной Азии, в Африке, в Западной Европе и Северной Америке, составляет несколько миллионов человек (по некоторым данным, не менее 10 млн).

В период, предшествовавший провозглашению независимости как Индии, так и Цейлона, среди части тамильских политиков Индии была популярна идея отделения территорий на юге полуострова Индостан, населенных дравидскими (помимо тамилы к наиболее многочисленным дравидским этносам относятся *малаяли*, *телугу* и *каннара*, проживающие на территории современных штатов Керала, Андхра-Прадеш и Карнатака соответственно), с включением в состав «Дравидистана» и территории Цейлона. Эта идея зародилась в 1920-е годы, достигла пика популярности непосредственно перед провозглашением независимости в середине 1940-х годов, однако не была поддержана ни политиками за пределами штата Тамилнаду (до 1968 г. – Мадрас), ни большинством населения самого штата. В итоге к середине 1960-х годов ведущие политические силы Тамилнаду отказались от идеи создания отдельного государства¹⁰. Однако не отказались от поддержки собратьев в Шри-Ланке. Обе ведущие политические партии Тамилнаду – «Дравид муннетра кажагам» («Федерация дравидского прогресса») и «Олл Индия Анна

дравида муннетра жагагам» («Всеиндийская федерация дравидского прогресса имени Аннадурея») – прямо или косвенно оказывают политическую поддержку если не «тиграм освобождения», то по крайней мере политическим требованиям расширения прав тамильского населения Шри-Ланки.

Еще более открытую форму эта поддержка приобретает со стороны тамильской диаспоры, проживающей на Западе. Через сеть культурно-просветительских обществ и благотворительных организаций, сотни интернет-сайтов, через мафиозные группировки, облагающие данью тамильских предпринимателей, диаспора активно поддерживала «тигров» в периоды наиболее острого противостояния ТОТИ и правительства Шри-Ланки. Она же активно способствовала формированию положительного отношения к борьбе тамильских сепаратистов со стороны интеллектуальной элиты Запада и ряда влиятельных правозащитных организаций, выпячивающих факты нарушения прав человека центральными властями и замалчивающих аналогичные преступления, совершавшиеся боевиками ТОТИ.

Таким образом, если в рамках Шри-Ланки конфликт можно рассматривать как асимметричное противостояние государства и группировки, выражающей интересы части этнического меньшинства, то в глобальном контексте картина диаметрально меняется. Вмешательство внешних акторов означает, что более слабой стороной выступает центральное правительство Шри-Ланки, обладающее меньшими финансовыми и человеческими ресурсами, чем сплоченная и активная тамильская диаспора, глобальное правозащитное сообщество, а также – по крайней мере на определенных этапах конфликта, влиятельные политики и, возможно, силовые структуры соседней Индии.

Разнообразие исторических корней и социально-политических предпосылок сингалско-тамильского противостояния обуславливает его многомерность. Его невозможно определить по какому-то одному параметру. Переплетение исторических, этнических, религиозных, социокультурных и международно-политических факторов делает его одним из самых сложных и не имеющих какого-то единого (менее всего военного) решения.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ. ЗАКОН О ЯЗЫКЕ 1956 ГОДА И НАЧАЛО КОНФЛИКТА

После провозглашения независимости Цейлона 4 февраля 1948 г. правительство страны сформировала Объединенная национальная партия (ОНП), представлявшая интересы элит, заявивших о себе еще в колониальный период, главным образом сингалских. Отношение к тамильскому меньшинству было вполне взвешенным. Государственным языком Цейлона в эти годы оставался английский.

Созданный в 1944 г. Всецейлонский тамильский конгресс (ВЦТК) во главе с Г.Г. Поннамбаламом, добиваясь внесения в конституцию независимого Цейлона положений, предусматривающих равные с сингалами политические

и гражданские права для тамиллов, тем не менее в целом шел на сотрудничество с ОНП.

Однако ни унитарное устройство Цейлона, ни соглашательская политика Поннамбалама не устраивали значительную часть тамильских политиков, настроенных гораздо более радикально. В 1949 г. они откололись от ВЦТК и создали Федеральную партию, потребовавшую создания автономии для тамиллов, проживающих в северных и восточных районах, в рамках федеративного союзного государства.

В 1951 г. раскол произошел и в ОНП, и часть ее функционеров во главе с Соломоном Бандаранаике образовала Партию свободы, представлявшую интересы новых нарождающихся политических и бизнес-элит и выступавшую с более открыто националистических позиций. В 1956 г. Партия свободы победила на всеобщих выборах, и Соломон Бандаранаике стал премьером.

Одновременно локальную победу одержала и Федеральная партия, отобравшая у ВЦТК роль главного представителя тамильских интересов. Таким образом, произошла значительная поляризация политических сил, представленных в парламенте.

Одним из первых законов, принятых по инициативе нового правительства, был Закон о языке, объявлявший сингальский язык единственным официальным языком страны (так называемый «Акт только синхала», *Sinhala Only Act*). Закон имел далеко идущие последствия прежде всего для сферы образования, для государственной службы, а также для функционирования правовой системы. Отныне судопроизводство должно было вестись на сингальском языке даже в районах компактного проживания тамиллов.

Субъективно мотивацией принятия закона было стремление правительства Партии свободы устранить монополию английского языка, однако объективно объявление сингальского языка единственным официальным языком автоматически ударило по положению тамильской интеллектуальной элиты, занимавшей сильные позиции в сфере образования, юриспруденции и на государственной службе. Де-юре в сфере образования резко ограничивались возможности получения высшего образования тамиллами (де-факто, впрочем, большинство точных, технических, естественнонаучных и медицинских дисциплин до сих пор преподаются на английском). Обязательным требованием для приема на госслужбу стало знание сингальского языка, что опять-таки ограничивало возможности для тамиллов. А система права на Цейлоне была заимствована у европейцев (голландцев и англичан), все законы были кодифицированы на английском языке, и перевод судопроизводства на сингальский язык – что само по себе технически непросто – ставил в заведомо невыгодное положение юристов-тамиллов.

Закон о языке вызвал резкое противодействие со стороны Федеральной партии, организовавшей мирную кампанию гражданского неповиновения (*сатьяграха*). Правительство пошло на уступки тамиллам, отложив на два года вступление закона в силу. Кроме того, премьер Бандаранаике заключил в 1957 г. соглашение с лидером Федеральной партии С. Дж. В. Челванаягамом («Пакт Бандаранаике – Челванаягама»), которое предоставляло тамиллам определенную автономию в северных и восточных районах, а также допускало ограниченное употребление тамильского языка в вопросах административного управления на местном уровне. Было также достигнуто соглашение,

что в ближайшем будущем будет решен вопрос о предоставлении цейлонского гражданства плантационным рабочим из числа индийских тамиллов, гражданства до сих пор не имевших.

Однако положения соглашения не были выполнены из-за противодействия значительной части буддийских монахов, усмотревших в них «предательство интересов сингалов и буддистов» и попытавшихся организовать в октябре 1957 г. при поддержке ОНП «поход на Канди» – последнюю столицу независимого сингальского царства и священный для буддистов город. Символическое значение марша определялось тем, что он фактически повторял маршрут паломничества из столицы (центра светской власти) Коломбо к главному храму ланкийских буддистов – Храму зуба Будды (Далада малигава) в Канди, где в священный день полнолуния 8 октября планировалось провести религиозную церемонию и дать торжественную клятву хранить единство страны. Несмотря на то что организаторы марша под давлением властей в последний момент отменили его, он сыграл свою роль в нагнетании межэтнической напряженности и в конце концов привел к срыву соглашения Бандаранаике – Челванаягама¹¹.

Нагнетание межэтнической напряженности привело к тому, что в мае 1958 г. в разных районах страны вспыхнули тамило-сингальские столкновения, по большей части носившие характер погромов. Началось с того, что сингальские радикалы вознамерились помешать политикам из Федеральной партии провести съезд в г. Вавуния на севере страны, атаковав 22 мая железнодорожную станцию в древней столице Цейлона Полоннаруве, через которую проходил поезд с делегатами съезда. В последующие дни было совершено еще несколько нападений на поезда в северных и восточных районах.

Особенно большое число жертв было среди сельского населения. Погромщики загоняли крестьян-тамиллов в поля сахарного тростника, а поля поджигали. Тех, кто пытался спастись, добивали палками или тесаками. В ряде районов (особенно на востоке, где население смешанное) тамилы не остались в долгу, устроив погромы сингальского населения.

26 мая премьер Бандаранаике объявил, что столкновения начались из-за убийства мэра г. Нуvara-Элия в центральной, горной части страны, где велик процент индийских тамиллов. Таким образом, создалось впечатление, что за началом столкновений стоят именно тамилы. Погромы перекинулись на крупные города, прежде всего на Коломбо и его пригороды. Общее число жертв столкновений исчисляется сотнями. Большинство из них составляют тамилы¹².

Лишь 27 мая правительство ввело чрезвычайное положение. Около 25 тыс. тамиллов были принудительно эвакуированы из районов, где они составляют меньшинство, на север. Федеральная партия была временно запрещена, а многие ее лидеры арестованы.

В сентябре 1958 г. был принят Закон о тамильском языке (особые условия), предусматривавший некоторое расширение прав тамильского языка, главным образом в Северной и Восточной провинциях. В нем, в частности, предусматривалось использование тамильского языка как языка обучения, языка, на котором желающие поступить на государственную службу могут сдавать экзамены, языка официальной корреспонденции и административного управления.

Права тамильского языка были еще расширены правительственным постановлением 1966 г., регулирующим действие закона от 1958 г. Была принята формула о так называемом «разумном использовании» тамильского языка при сохранении статуса сингальского языка как единственного официально-го. Однако вне Северной и Восточной провинций для продвижения на государственной службе по-прежнему обязательным оставалось знание сингальского языка¹³.

Таким образом, несмотря на то что конфликт был потушен, причины, вызвавшие его, полностью устранены не были. Это привело к радикализации националистических настроений, причем среди как тамильских, так и сингальских политиков.

Кульминацией стало убийство Соломона Бандаранаике 25 сентября 1959 г. буддийским монахом Талдуве Сомарамой, который позднее объяснял, что сделал это «во имя вящего блага для страны, расы и религии».

В первой половине 1960-х годов различные правительства пошли на определенные шаги, призванные смягчить межэтническое противостояние. В 1964 г. между Цейлоном и Индией был заключен так называемый «Пакт Сирима – Шастри», названный по имени премьер-министров Сиримава Бандаранаике (вдовы Соломона Бандаранаике) и Лала Бахадура Шастри. Это соглашение регулировало процесс предоставления индийского и цейлонского гражданства лицам без гражданства из числа индийских тамиллов. По этому соглашению свыше 500 тыс. из примерно одного миллиона индийских тамиллов Цейлона должны были получить индийское гражданство и получали право на репатриацию на свою историческую родину. Примерно 300 тыс. индийских тамиллов предоставлялось цейлонское гражданство.

Следующее правительство, сформированное ОНП и возглавляемое Дадли Сенанаяке, пришедшее к власти в 1965 г. при поддержке Федеральной партии, заключило новое соглашение с тамильскими политиками («Пакт Сенанаяке – Челванаягама»), однако положения этого нового соглашения не были выполнены.

В результате среди тамиллов усиливались требования уже не автономии, а создания отдельного государства.

1970-е ГОДЫ: НОВАЯ ВСПЫШКА НАСИЛИЯ

Новый поворот в развитии сингало-тамильских отношений произошел в 1970-е годы. В результате выборов в мае 1970 г. к власти пришло правительство Объединенного фронта. Главной его силой была Партия свободы во главе с Сиримава Бандаранаике, которую поддержали социалистическая («Ланка сама самаджа») и коммунистическая партии. Правительство сразу взяло курс на масштабную конституционную реформу.

Однако менее чем через год после прихода к власти правительство Сиримава Бандаранаике столкнулось с открытым вооруженным мятежом в апреле 1971 г. В течение двух недель плохо подготовленные и слабо вооруженные молодые люди, сторонники леворадикальной партии «Джаната вимукти перамуна» (ДжВП, Народно-освободительный фронт) удерживали значи-

тельные территории в Центральной и Южной провинциях, нападая на государственные учреждения и полицейские участки. Правительство жестко подавило мятеж, унесший в итоге жизни 15 тыс. человек, большинству из которых не было и 20 лет. Партия ДжВП была запрещена, многие участники мятежа были арестованы, хотя уже в мае – июне правительство амнистировало большинство из них, оставив под стражей лишь главных руководителей восстания.

Причины и заявленные цели мятежа не имели прямого отношения к межэтническому противостоянию, а носили чисто классовый характер. Однако ряд факторов заставляет считать его значимым и для развития межэтнического конфликта. Так, костяк ДжВП составили студенты и выпускники университетов, где преподавание традиционно велось на сингальском языке, созданных на основе буддийских учебных заведений (*пиривена*) университетов Видьяланкара и Видьодая. Несмотря на принятие Закона о языке 1956 г., английский язык по-прежнему продолжал играть важную роль в ключевых сферах экономики и государственного управления, таким образом выпускники, не владевшие или плохо владевшие им, оказывались в заведомо невыгодном положении, а многие просто не могли найти работу.

Второй момент, непосредственно повлиявший на развитие конфликта в будущем, связан с тем, что когда ДжВП вновь возродился в 1987 г. как легальная партия, его представители несколькими годами позже прошли в парламент, а в начале 2000-х годов даже вступили в коалицию с Партией свободы и вошли в правительство. И именно эта партия стала политической силой, выражающей интересы крайне националистически настроенных кругов сингальского общества и подталкивающей правительство к максимально жестким решениям.

В 1972 г. по инициативе правительства Объединенного фронта парламент принял новую конституцию страны, провозгласившую бывший британский доминион Цейлон Демократической Социалистической Республикой Шри-Ланка. Впрочем, новая конституция несколько не меняла положение дел в сфере языка и межэтнических отношений. Шри-Ланка оставалась унитарным государством, а права тамильского языка по-прежнему определялись Законом о языке от 1956 г. и последующими добавлениями к нему от 1958 и 1966 г.

В 1972 г. Федеральная партия, Тамильский конгресс и некоторые другие партии и группировки, представляющие интересы тамиллов, объединились в Тамильский объединенный фронт, в 1974 г. преобразованный в Тамильский объединенный фронт освобождения (ТОФО), целью которого было провозглашено самоопределение шриланкийских тамиллов и создание самостоятельного тамильского государства на севере и востоке острова.

На первом съезде ТОФО в 1976 г. в Ваддукодае была принята резолюция, в которой утверждалось, что сингальское правительство страны, используя конституцию 1972 г., «лишило тамильскую нацию ее территории, языка, гражданства, экономических прав, возможностей для получения образования и трудоустройства, тем самым лишив тамиллов всех атрибутов нации». В той же резолюции провозглашалась цель создания «свободного, суверенного, светского социалистического государства – Тамил Илама»¹⁴.

Социалистические эксперименты правительства Объединенного фронта кончились плачевно для него самого. В 1975 г. из состава фронта вышли социалистическая и коммунистическая партии, а на выборах 21 июля 1977 года все три партии, ранее входившие в Объединенный фронт, потерпели сокрушительное поражение. Правительство вновь сформировала ОНП, премьер-министром стал ее лидер Джуниус Ричард Джаявардана.

Впервые (и пока в последний раз) в истории страны тамильская партия – Тамильский объединенный фронт освобождения – стала главной силой оппозиции, заняв второе место по числу завоеванных депутатских мандатов. ТОФО получил все депутатские мандаты от Северной провинции и примерно половину – от Восточной.

Менее чем через месяц после выборов в стране вспыхнули кровопролитные сингало-тамильские столкновения. Поводом для них послужил инцидент в Джафне, когда четверо сингалов-полицейских попытались пройти на местный праздник, куда они приглашены не были. По слухам, полицейские были пьяны. Вспыхнула ссора, местные жители побили полицейских, те в ответ открыли огонь. После этого волна межэтнических столкновений прокатилась по всей стране. Погромы, поджоги домов, убийства по сценарию, опробованному в 1958 г., продолжались с 12 по 20 августа, пока правительство не ввело в стране комендантский час.

В ходе погромов около 300 человек (в основном тамилы) были убиты, свыше тысячи ранены. Автор этих строк был свидетелем того, как в тесных, огороженных высокой изгородью пространствах индуистских храмов под охраной полиции ютились толпы тамилы, а по улицам Коломбо расхаживали группки молодых людей, вооруженных дубинками, и разезжали автобусы, на красных бортах которых белой краской были нанесены националистические лозунги и призывы к насилию, из которых «Убьем тамилы!» был одним из самых распространенных.

При этом жертвами погромов становились не только шриланкийские тамилы, по поводу которых более или менее обоснованные подозрения в сепаратистских настроениях у сингалов могли иметься, но и индийские тамилы, в массе своей настроенные вполне лояльно по отношению к центральной власти. Более того, то обстоятельство, что индийские тамилы проживают в районах с преобладающим сингалским населением, а степень их социально-политической организации относительно невысока, делало их легкой добычей для погромщиков.

Как показало последующее расследование, инцидент в Джафне, послуживший поводом к началу погромов, мог быть и не случаен. Во всяком случае последовавшие за ним акты насилия по отношению к тамилам были хорошо организованы и, возможно, подготовлены заранее.

В конце концов лишь привлечение армии к подавлению вспышек насилия помогло справиться с ситуацией.

Одним из основных последствий столкновений 1977 года стало то, что значительная часть тамильской молодежи разочаровалась в легальных, парламентских методах борьбы и стала склоняться к мысли о том, что только вооруженное восстание поможет тамилам добиться своих политических целей.

Правительство ОНП, пользуясь тем, что имеет в парламенте подавляющее большинство, в 1978 г. провело новую конституционную реформу, в результате которой Шри-Ланка из парламентской республики превратилась в президентскую по образцу Пятой республики во Франции¹⁵.

В разделе конституции, касающемся прав языков, при сохранении статуса сингальского языка как официального, тамильский объявляется национальным языком наряду с сингальским. Речи в парламенте и в местных органах власти должны произноситься на одном из национальных языков. Все законы должны издаваться на обоих национальных языках, а все существующие законы должны быть переведены с английского на сингальский и тамильский языки. Судопроизводство должно вестись на сингальском языке везде, кроме Северной и Центральной провинций, где допускается использование тамильского языка. Лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство в данном районе страны, государство обязано предоставить переводчика. Таким образом, большинство требований, выдвигавшихся тамильскими партиями до 1972 г., было выполнено. Однако, поскольку в Конституции 1978 г. не признавалось право тамиллов на самоопределение и образование собственного государства, парламентская фракция ТОФО не приняла участие в голосовании по проекту конституции¹⁶.

Общим итогом 1970-х годов стало дальнейшее нагнетание межэтнической напряженности и эскалация сингало-тамильского конфликта. Именно в конце 1970-х годов часть тамильской молодежи, разочарованная соглашательской, по их мнению, политикой парламентской партии и главной легальной оппозиционной силы страны – ТОФО, создала боевую организацию «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ), которая с 1979 г. начала периодически нападать на сингалов-полицейских и «предателей» из числа тамиллов⁷. Само название организации призвано напомнить об исторических корнях борьбы тамиллов за самоопределение – тигр был символом южноиндийской (тамильской) династии Чолов.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1983–2009 годов

Радикализация настроений тамильских политиков в конце концов привела к тому, что с 1983 г. конфликт перерос в стадию открытой гражданской войны. Толчком для нее послужили события «черного июля» 1983 г.

Вечером 23 июля в засаду, устроенную боевиками ТОТИ неподалеку от Джафны, попало подразделение правительственных войск. 13 военнослужащих были убиты на месте, еще двое вскоре скончались от ран. Поначалу правительство собиралось не придавать случившееся широкой огласке и без особого шума похоронить тела всех 15 погибших на кладбище в Коломбо. Однако похороны стали катализатором волны погромов, начавшихся с Коломбо и очень скоро охвативших практически все районы со смешанным населением, т.е. опять-таки главными жертвами насилия стали индийские тамилы. Причем, по свидетельству очевидцев, в поисках тамиллов погромщикам помогали регистрационные списки избирателей, что, по мнению многих наблюдателей, говорит о том, что погромы были заранее подготовлены. По

некоторым свидетельствам, среди погромщиков были замечены и отдельные члены правительства Шри-Ланки¹⁸.

Тамилов вытаскивали из их домов, из личных автомобилей, из общественного транспорта, забивали насмерть палками, резали, сжигали заживо. Общее число жертв до сих пор точно неизвестно. Обычно называется цифра 1000 погибших, но тамильские источники говорят о 3 тыс. погибших за десять дней погромов. Были разрушены и сожжены десятки тысяч домов тамиллов, около 150 тыс. человек стали беженцами, многие из них были вынуждены эмигрировать в Индию, страны Западной Европы, Австралию и Канаду. Тамильская диаспора объявила день 23 июля ежегодным днем поминовения. А «Тигры освобождения Тамил Илама» после «черного июля» перешли к тактике партизанской войны.

Чтобы понять сложность ведения боевых действий на севере и северо-востоке Шри-Ланки, необходимо представлять себе характер ландшафта этой части страны. Территория к северу от Центрального нагорья представляет собой засушливую равнину с очень немногочисленным населением – города и деревни отстоят друг от друга порой на десятки километров. Большая часть территории покрыта труднопроходимыми густыми зарослями высотой несколько метров, непроницаемыми для наблюдения с воздуха. Проходы в зарослях знают только их обитатели – дикие звери, партизаны и местные жители, в массе своей сочувствующие «тиграм». Характер местности позволяет партизанам незамеченными совершать многокилометровые переходы по джунглям, внезапно появляясь там, где их не ждут, в том числе в районах, где преобладает сингальское население. Так, в ходе войны против центрального правительства «тигры» неоднократно совершали теракты в районе древней столицы сингальского царства Анурадхапуры, отстоящей от основных баз ТОТИ на десятки километров.

Кроме того, «тигры» развернули террористическую активность и в других районах страны, главным образом в крупных городах, прежде всего в Коломбо. Причем именно ТОТИ считается изобретателем такой террористической тактики, как использование террористов-смертников¹⁹, впоследствии перенятую другими террористическими организациями, прежде всего исламистскими. За годы гражданской войны террористы-смертники из особого подразделения в рамках ТОТИ, известного как «черные тигры», совершили около 200 терактов. Самыми громкими были убийство премьер-министра Индии Раджива Ганди 21 мая 1991 г. и убийство президента Шри-Ланки Ранасинхи Премадасы 1 мая 1993 г. Более того, по некоторым данным, именно тамильские террористы ответственны за наибольшее число терактов в мире, совершенных смертниками с конца 1970-х годов и вплоть до терактов в США 11 сентября 2001 г.²⁰

Не вдаваясь в конкретные детали боевых действий между центральным правительством Шри-Ланки и боевиками ТОТИ, следует отметить, что в течение всего периода 1983–2009 гг. эти действия шли с переменным успехом. «Тигры», теснимые правительственными войсками, то соглашались на мирные переговоры, то, вдохновленные своими военными успехами, срывали их. Тем временем в Коломбо верх попеременно брали сторонники то жесткой линии (в основном представители Партии свободы и возглавляемого ею

Объединенного народного альянса, ОНА), то более умеренной – из числа лидеров ОНП.

Среди основных вех гражданской войны следует отметить следующие.

Индийское миротворчество 1987–1990 годов. Первые сообщения о причастности Индии к борьбе тамильских сепаратистов появились в прессе в начале 1984 г. 31 марта 1984 г. журнал «Индия тудей» опубликовал статью, в которой рассказывалось о тайно ведущейся подготовке тамильских боевиков в лагерях беженцев на территории штата Тамилнаду при молчаливом одобрении центрального правительства Индии. Со ссылкой на «подпольные источники и источники в индийской разведке» в статье утверждалось, что около 2 тыс. повстанцев готовы к вооруженной борьбе²¹. Среди индийских организаций, оказывавших помощь сепаратистам, в СМИ наиболее часто называлась служба внешней разведки – Отдел исследований и анализа (RAW)²².

Политическая поддержка «освободительной борьбы» тамилы была гораздо более очевидна как со стороны правительства Индиры Ганди так и (после ее убийства 31 октября 1984 г.) правительства ее сына Раджива Ганди. Глубинные причины индийской помощи тамильским повстанцам были вызваны не только эмоциональными соображениями относительно необходимости «помощи соотечественникам» и даже не активным политическим лоббированием такой помощи со стороны тамильских политических партий в самой Индии. Главные причины лежали в геостратегической плоскости: Индии необходимо было утвердить себя в качестве региональной сверхдержавы и – что особенно важно – противостоять растущему влиянию Китая в регионе, в котором Шри-Ланка, находящаяся на перекрестке морских путей из Европы, Ближнего Востока и Африки в Юго-Восточную Азию и в Тихоокеанский регион, играет важную стратегическую роль.

Пытаясь положить конец насилию на северо-востоке Шри-Ланки, Индии в конце концов удалось добиться того, что 29 июля 1987 г. премьер-министр Индии Раджив Ганди и президент Шри-Ланки Дж.Р. Джаявардана подписали в Коломбо соглашение, по которому правительство Шри-Ланки обязалось вывести войска из Джафны, а Индия уже на следующий день ввела туда свой миротворческий контингент в количестве 5 тыс. военнослужащих (впоследствии численность индийских войск в Шри-Ланке была доведена до нескольких десятков тысяч человек, по некоторым оценкам – до 100 тыс.). При этом Индия взяла на себя обязанность разоружить боевиков ТОТИ.

Тамилы поначалу горячо приветствовали это соглашение. 4 августа, выступая на массовом митинге, лидер ТОТИ Велупиллей Прабакаран заявил: «Сегодня мы сдаем оружие... правительству Индии. С момента сдачи оружия мы также вручаем индийскому правительству безопасность нашего народа. Индийское правительство... берет на себя огромную ответственность по защите народа Тамил Илама... Если в этот переломный момент мы не сдадим оружие, возникнет крайне неблагоприятная ситуация, когда мы будем вынуждены вступить в конфронтацию с индийской армией. А мы не хотим, чтобы такая ситуация возникла ни при каких обстоятельствах»²³ (рис. 2).

Реакция сингалов на соглашение была резко негативной. Волна беспорядков прокатилась по районам, населенным сингалами. Против соглашения выступили даже видные члены кабинета и ближайшие сподвижники

Рис. 2. Лидер ТОТИ Велупиллей Прабакаран на фоне флага

президента, в том числе премьер-министр Ранасинха Премадаса и министр национальной безопасности Лалит Атулатмудали. Во время проводов Раджива Ганди в аэропорту Коломбо один из военных моряков, стоящих в почетном карауле, ударил индийского премьера прикладом автомата.

Однако вскоре ситуация кардинальным образом поменялась. «Тигры» отказались разоружаться, а когда индийская армия попыталась разоружить их силой, ей пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением. В конце концов, потеряв почти за три года свыше 1200 военнослужащих убитыми, в марте 1990 г. индийские миротворческие силы покинули Шри-Ланку. Это произошло после того, как в начале 1989 г. в Шри-Ланке был избран новый президент и Дж.Р. Джаявардану сменил его давний соратник и одновременно оппонент, противник индийского военного присутствия на острове Ранасинха Премадаса. А в Индии на выборах в конце 1989 г. правительство Раджива Ганди потерпело поражение, и премьер-министром стал Вишванатх Пратап Сингх. Объявляя о решении вывести войска из Шри-Ланки, премьер В.П. Сингх публично признал, что индийская миротворческая операция закончилась полным провалом.

Самым громким последствием индийского вовлечения в межэтнический конфликт в Шри-Ланке стало убийство Раджива Ганди боевиками ТОТИ во время избирательной кампании в штате Тамилнаду 21 мая 1991 г. Убийца – женщина-смертница – приблизилась к Радживу во время предвыборного митинга якобы для того, чтобы поприветствовать его, и взорвала закрепленный у нее на теле пояс с взрывчаткой.

Политическим итогом пребывания индийских миротворцев в Шри-Ланке стало дипломатическое поражение индийского премьера Раджива Ганди, которого президент Шри-Ланки Джаявардана по сути весьма искусно пере-

играл. В глазах тамилы и сочувствующих им индийцев других национальностей Раджив Ганди из защитника «тамилских братьев» превратился в их главного гонителя, что и привело в конце концов его к смерти.

Политика «кнута и пряника» в 1990-е годы. План децентрализации власти. После небольшого периода относительного затишья после вывода индийских войск конфликт вновь обострился. Причем уже летом 1990 г. он принял новое измерение. До сих пор мавры были практически не вовлечены в противостояние между правительством и ТОТИ. Однако начиная с лета 1990 г., «тигры» избрали мавров, проживающих в Северной и Восточной провинция в качестве своей новой мишени. В ответ на блокаду Джафны правительственными войсками боевики ТОТИ в октябре 1990 г. насильно изгнали всех мавров, проживающих на полуострове. Как минимум 28 тыс. мусульман были вынуждены покинуть свои дома, не унеся с собой ничего из имущества, кроме той одежды, которая была на них.

Изгнание мавров происходило в сжатые сроки – им было дано 48 часов на то, чтобы покинуть свои дома. В противном случае боевики грозили им смертью. Никаких официальных объяснений со стороны ТОТИ не последовало. Однако, как полагают некоторые наблюдатели, руководство «тигров» опасалось, что мавры, значительное число которых занято в торговле, а) кровно заинтересованы в восстановлении мира в стране и, б) совершая регулярные поездки в Коломбо и другие районы страны с преимущественно сингальским населением, готовят заговор против ТОТИ²⁴.

Одновременно «тигры» активизировали нападения на деревни, населенные сингалами и маврами, главным образом в Восточной и Северно-Центральной провинциях. Правительство пыталось противодействовать нападениям на мирных жителей, раздав населению оружие, но противостоять хорошо обученным боевикам жители деревень не могли.

Громких успехов в начале 1990-х годов боевики ТОТИ добились и в своей террористической деятельности. 1 мая 1993 г. во время праздничного митинга террорист-самоубийца подорвал себя, убив президента Ранасинху Премадасу. А в октябре 1994 г. был убит кандидат в президенты от ОНП и один из самых популярных политиков Шри-Ланки Гамини Дисанаяка – также в результате теракта, совершенного женщиной-камикадзе.

В 1990-е годы начало меняться отношение мирового сообщества к ТОТИ. Одна за другой страны мира начали официально признавать эту группировку террористической организацией. Первой это сделала Индия в 1992 г., вскоре после убийства Раджива Ганди. В 1997 г. Госдепартамент США включил «тигров» в официальный список иностранных террористических организаций. По состоянию на начало 2009 г. (т.е. за несколько месяцев до окончания войны и разгрома «тигров») группировка ТОТИ была официально признана террористической в 32 странах мира, включая помимо перечисленных страны Евросоюза, Канаду, Австралию и Шри-Ланку.

Во второй половине 1995 г. армия Шри-Ланки перешла в решительное наступление на позиции ТОТИ в Джафне и в начале декабря вся территория Джафны попала под контроль правительственных сил.

Захват главного оплота ТОТИ не означал прекращения войны. Боевики покинули полуостров и скрылись в труднопроходимых джунглях в регионе Ванни на северо-востоке страны. Вместе с боевиками Джафну покинули (в

большинстве своем под силовым давлением со стороны боевиков) 350 тыс. жителей полуострова. Общее же число внутренне перемещенных лиц (в результате действий как боевиков, так и правительственных сил), по подсчетам правозащитных организаций, к 2000 г. достигло одного миллиона человек.

В начале 1996 г. правительство Шри-Ланки выдвинуло широко разрекламированный план деволюции – делегирования центральными органами власти части своих полномочий на местный уровень. Подготовка плана велась еще с конце 1980-х годов, и правительство возлагало на него большие надежды²⁵. Правительственные предложения предполагали создание во всех регионах Шри-Ланки, кроме столичного округа Коломбо – Шри-Джаяварданапура–Котте, региональных советов; введение должностей губернаторов, назначаемых президентом и ответственных перед президентом, но могущих быть смещенными с поста по представлению регионального совета; создание региональных министерств во главе с главным министром; передачу ряда полномочий законодательной и исполнительной власти региональным органам власти по вопросам, входящим в их компетенцию; а также наделение местных органов власти большей свободой действий в том, что касается поддержания закона и порядка на территории региона, государственной службы, распоряжения земельным фондом, финансами, и т.д.²⁶

Однако план так и не был осуществлен, прежде всего из-за того, что руководство «тигров» его с порога отвергло.

Норвежское посредничество. Тем временем в сингальском обществе нарастало чувство усталости от войны. На этом фоне и правительство Шри-Ланки, и руководство ТОТИ начали поиск международных посредников. В феврале 2000 г. просьбу выступить в роли посредника получило правительство Норвегии.

Выбор Норвегии определялся несколькими причинами. Во-первых, эта страна уже зарекомендовала себя как успешный посредник при решении ряда других острых международных проблем – на Ближнем Востоке, в Гватемале, в Судане. Во-вторых, это богатая страна с давними демократическими традициями, нерушимо соблюдающая принципы прав человека. В-третьих, что немаловажно, Норвегия не имеет великодержавных амбиций, поэтому, скажем, для Индии как страны, претендующей на статус региональной сверхдержавы, кандидатура Норвегии в качестве посредника представлялась значительно более приемлемой, чем кандидатура Великобритании, также рассматривавшейся в числе претендентов на эту роль. В-четвертых, у Норвегии еще с 1960-х годов имелись свои деловые интересы в Шри-Ланке – с ее помощью были построены заводы по переработке рыбы в Джафне и ряд других предприятий. В-пятых, не будучи членом Евросоюза, Норвегия не включила ТОТИ в список запрещенных террористических организаций, и потому кандидатура этой страны вполне устраивала «тигров»²⁷.

Два последних обстоятельства, равно как и наличие в Норвегии немногочисленной, но политически активной тамильской диаспоры, делали эту страну не самым удачным кандидатом на роль посредника в глазах значительной части националистически настроенных сингалов. А некоторые наблюдатели увидели и иной своекорыстный интерес в действиях Норвегии – пока норвежские политики вели переговоры о мире, норвежские нефтяные компании

начали разведку нефтяных месторождений на шельфе у северо-западного побережья Шри-Ланки²⁸.

Как бы то ни было, привлечение Норвегии к процессу мирного урегулирования дало некоторые результаты. В декабре 2000 г. «тигры» объявили об одностороннем прекращении огня, продержавшемся четыре месяца.

После терактов 11 сентября 2001 г. в США, когда отношение ведущих держав и мирового общественного мнения к международному терроризму изменилось кардинально, группировка ТОТИ стала проявлять больше стоворчивости и готовности сесть за стол переговоров. 22 февраля 2002 г. стороны подписали меморандум о взаимопонимании и соглашение о постоянном прекращении огня. Норвегия взяла на себя обязательство контролировать соблюдение соглашения обеими сторонами. С Джафной было установлено регулярное авиасообщение, боевики ТОТИ разблокировали единственную дорогу, соединяющую Джафну с остальной территорией страны.

С сентября 2002 г. по апрель 2003 г. состоялось несколько раундов переговоров между правительством и ТОТИ. Правительство согласилось решить вопрос административного устройства Шри-Ланки на федеративных принципах, «тигры» в ответ сняли требование создания независимого государства.

Однако уже в апреле 2003 г. руководство ТОТИ объявило о выходе из переговорного процесса, мотивируя это тем, что не видит позитивных изменений и дивидендов (прежде всего экономических), которые мирный процесс приносит районам, находящимся под их контролем.

И одновременно среди сингалов нарастало негодование «соглашательской», по их мнению, политикой правительства. В итоге на выборах, состоявшихся в апреле 2004 г., победу вновь одержали сторонники жесткой линии, а премьером стал один из наиболее ярких ее представителей Махинда Раджапакса (с ноября 2005 г. – президент).

Переговорный процесс при посредничестве Норвегии застопорился.

Раскол в стане «тигров». Неизвестно, как долго еще могла бы тянуться гражданская война, однако в марте 2004 г. правительство, используя старый принцип «разделяй и властвуй», добилось важной стратегической победы, перевернувшей весь ход боевых действий и в конечном итоге обеспечившей военную победу правительственных сил. Командующий силами ТОТИ на востоке Шри-Ланки Винаягамурти Муралидаран, более известный под своим боевым псевдонимом «полковник Каруна», объявил о разрыве с лидером ТОТИ Велупиллеем Прабакараном. Причинами разрыва полковник Каруна назвал игнорированием интересов тамиллов, проживающих на востоке, со стороны руководства ТОТИ. Лидеры ТОТИ, в свою очередь, объявили, что действия полковника Каруны были вызваны тем, что в отношении его велось расследование по обвинению в финансовых и иных злоупотреблениях.

По сути центральному правительству удалось фактически «купить» одного из влиятельных командиров (впоследствии Муралидаран вошел в состав правительства в ранге министра – естественно, все его преступления, совершенные в ходе гражданской войны, были забыты). Однако эта удача центральных властей основывалась и на определенном глубинном противоречии между Севером и Востоком в рядах тамильских боевиков. Восток Шри-Ланки с его относительно большей долей нетамильского населения (сингалов

и мавров), чем Север, изначально придерживался более умеренной линии в вопросах самоопределения и не столь жестко настаивал на полной независимости. С этого времени основным силам ТОТИ пришлось вести борьбу на двух фронтах – против центрального правительства и против раскольников, контролировавших значительные территории на востоке.

В дальнейшем именно поддержка военной кампании правительственных войск со стороны полковника Каруны (за исключением восьми месяцев с ноября 2007 по июль 2008 г., когда он находился в заключении в Великобритании по обвинению в использовании поддельных документов и незаконном владении огнестрельным оружием) обусловила коренной перелом в гражданской войне. Сам Каруна и его бойцы прекрасно ориентировались на местности, знали расположение и тайные тропы основных сил ТОТИ, маршруты снабжения боевиков извне, многие из которых проходили через контролируемое ими восточное побережье. Позднее, в марте 2009 г., когда правительственные войска вели последнее решительное наступление на позиции «тигров», Винаягамурти Муралидаран был назначен министром национальной интеграции, а в апреле того же года избран вице-президентом правящей Партии свободы.

Изменение отношения к «тиграм» со стороны мирового общественного мнения. Тем временем не в пользу «тигров» менялось и настроение мирового общественного мнения. Поворотным здесь стало убийство в августе 2005 г. влиятельного и уважаемого в мире политика, министра иностранных дел Лакшмана Кадиргамара – тамила по национальности. Если в прошлом военные операции правительственных войск против сепаратистов неизменно вызывали негативный отклик в ведущих мировых СМИ и со стороны многих авторитетных политиков, то теперь, когда в 2006 г. правительственные войска вновь возобновили военные действия, они были встречены практически полным молчанием мирового сообщества.

В начале 2006 г. конференция доноров Шри-Ланки в Токио призвала обе стороны вернуться за стол переговоров. При этом тон заявлений официальных лиц Запада был необычайно жестким по отношению к ТОТИ. Как сказал посол США в Шри-Ланке Джеффри Ланстед, «если группировка ТОТИ изберет путь отказа от мира... мы хотим сказать очень ясно, что им придется столкнуться с более сильными, более боеспособными и более решительно настроенными вооруженными силами Шри-Ланки»²⁹.

¹⁹ мая 2006 г. Евросоюз внес ТОТИ в список запрещенных террористических организаций, что привело к замораживанию банковских счетов и сильно затруднило сбор пожертвований на продолжение военной кампании.

Решительное наступление правительственных войск. Конец гражданской войны. Срыв мирного процесса, приход к власти сторонников жесткой линии, раскол в стане «тигров» и изменение настроения мирового общественного мнения позволили центральному правительству во второй половине 2006 г. начать полномасштабное наступление на позиции боевиков. К апрелю 2007 г. была практически полностью освобождена Восточная провинция. С осени 2007 г. началось наступление на севере. В течение 2008 г. правительственные войска сужали кольцо вокруг главных сил ТОТИ, и в конце концов 16 мая 2009 г. командующий армией Шри-Ланки генерал Сарат Фонсека объявил о полной и окончательной победе правительственных сил.

Рис. 3. Торжество в Коломбо по поводу победы над «тиграми»

На следующий день «тигры» официально признали свое поражение и объявили об окончании вооруженной борьбы. В тот же день было впервые объявлено о гибели Велупиллея Прабакарана, официально его смерть была подтверждена 18 мая (рис. 3).

Гражданская война в Шри-Ланке закончилась.

МИФЫ ЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Будучи по сути верхушечным противоборством элит, соперничающих за властные полномочия и контроль над ресурсами, сингало-тамилский конфликт вряд ли мог быть столь продолжительным, массовым и кровопролитным, если бы элитам не удалось, используя самые различные пропагандистские механизмы, вовлечь в него огромные массы людей, которым участие в конфликте не сулило ничего, кроме потери жилья, имущества, свободы, здоровья и жизни. Общее число людей, так или иначе вовлеченных в конфликт с обеих сторон, – непосредственных участников боевых действий, погромщиков и их жертв, перемещенных лиц и т.п. – исчисляется многими сотнями тысяч, если не миллионами. И это не считая огромного числа сочувствующих с той и другой стороны.

Среди пропагандистских механизмов, использованных элитами для мобилизации масс, можно выделить несколько мифов, имеющих определенные исторические и социально-культурные корни, однако в основном базирующихся на вольных интерпретациях истории. Этому в значительной мере

способствовало то, что фактически вся история Шри-Ланки до прихода европейцев во многом носит полулегендарный характер, а хроники, считающиеся историческими, изобилуют иносказательными и символическими описаниями, допускающими самые различные, порой диаметрально противоположные трактовки. Нижеприведенное изложение этих мифов не ставит перед собой целью выявить их истинную историческую основу и разоблачить позднейшие напластования. Цель в другом – показать, как различные, порой фантастические интерпретации сосуществуют и сталкиваются в современном дискурсе, позволяя подводить идеологическую основу под те или иные политические задачи.

Миф о первородстве. Среди главных мифов, на которые ссылаются сторонники как единства Ланки, так и Тамил Илама, следует выделить «миф о первородстве», т.е. спор о том, кому эта территория принадлежала изначально – индоариям (предкам современных сингалов) или дравидам (предкам тамиллов).

Сторонники первой точки зрения ссылаются на легенду о принце Виджае, прибывшем на остров в сопровождении нескольких сот человек свиты в середине VI – начале V в. до н.э. и основавшего на Ланке первое государство. Однако сама эта легенда, скорее, вызывает больше вопросов, чем подтверждает историческое право сингалов на «первородство». Во-первых, дата прибытия Виджаи на остров – чаще всего называется 543 г. до н.э. – не подтверждается никакими археологическими или эпиграфическими данными и по сути является более поздним «изобретением», подгоняющим даты североиндийского завоевания Ланки под даты жизни Сиддхартхи Гаутамы – Будды.

Кроме того, даже если следовать букве этой легенды, следует признать, что до прибытия Виджаи и его свиты (примем, если не как доказанный факт, то как рабочую гипотезу, что они были носителями одного из североиндийских, индоарийских диалектов, т.е. языка – предка современного сингальского), на острове уже существовало население – *якши* (*яккхи*, демоны) и *наги* (полулюди-полукобры). Якшей соотносят с современными веддами – австралоидным по своему антропологическому типу племенем, к настоящему времени почти полностью ассимилированным, вплоть до того, что говорит на индоарийском языке – диалекте сингальского, сохранившем лишь незначительный исконный субстрат³⁰. На сегодняшний день осталось менее 2 тыс. веддов, проживающих в труднодоступных районах в центре и на востоке Шри-Ланки.

Кто такие *наги* – менее очевидно. Однако если считать, что само название этой группы указывает на то, что они поклонялись кобре, логично предположить, что это были выходцы из Южной Индии, где особенно развит культ кобры, т.е. тамилы или представители какой-то иной дравидской этнической группы, близкой к тамилам.

К тому же сама легенда о принце Виджае свидетельствует о «верхушечном» характере индоарийского завоевания. Местное население в своей основе долгое время оставалось неиндоарийским, а основу современного сингальского этноса, говорящего на языке индоарийской группы, составили не первые переселенцы, а последующие волны переселенцев как из Северной,

так и из Южной Индии, в течение многих столетий селившиеся бок о бок друг с другом и смешивавшиеся, как в плавильном котле.

Наконец, сегодня практически невозможно определить, переселенцы из какой части Северной Индии составили основу сингальского этноса. Вильгельм Гейгер полагал, что это были выходцы из Северо-Западной Индии (предположительно, района современного Гуджарата)³¹. Иной точки зрения придерживается современный лингвист В.С. Карунатилака, полагающий, что сингальский язык в своей основе ближе к праkritам Северо-Восточной Индии³². Анализ первоосновы сингальского языка осложняется тем, что практически до XIII в. н.э. отсутствуют какие-либо литературные произведения на нем, а исследователи основываются исключительно на данных эпиграфики³³. Эпиграфические же памятники не всегда могут в полной мере свидетельствовать о характере языка местного населения. Так, первые памятники такого рода относятся к III в. до н.э. (эпохи правления императора Ашоки в Северной Индии и времени принятия буддизма правителями Ланки) и, скорее, отражают характер языка миссионеров, посланных на о. Ашок для распространения буддизма.

При этом не подлежит никакому сомнению тот факт, что современный сингальский язык, будучи в своей основе индоарийским, испытал колоссальное влияние тамильского языка, относящегося к дравидской семье. В лексике это влияние ощущается в наличии в сингальском языке огромного числа заимствований, относящихся к самым обширным пластам лексики (в том числе бытовая лексика, термины родства), что невозможно объяснить просто межэтническими контактами и, скорее, следует предполагать взаимопроникновение этносов. Наиболее сильное влияние тамильского языка ощущается в грамматике – прежде всего, в синтаксисе – уровне структуры языка, отражающем наиболее глубинные модели мышления³⁴.

В любом случае очевидно, что единственный этнос, который мог бы претендовать на территорию Шри-Ланки по праву «первородства», – это ведды, что абсурдно с точки зрения их современного статуса. И сингалов, и тамиллов следует рассматривать как более поздних пришельцев.

На это же указывает и еще более древняя, чем легенда о Виджае, и еще более мифологизированная легенда о завоевании Ланки, представленная в древнеиндийском эпосе «Рамаяна». В ней повествуется, как царевич североиндийского государства Айодхья Рама во главе войска, состоявшего из обезьян и медведей, напал на Ланку, чтобы вернуть похищенную царем демоном Раваной свою жену Ситу.

При этом представление о том, что как «элита» (сам царевич Рама), так и «рядовой состав» его войска (обезьяны и медведи, которых традиция соотносит с населением Южной Индии), были чужаками, видимо, глубоко укоренена в «этническом подсознании» сингалов. Так, в отличие от Индии (как Северной, так и Южной), где имя Рама (в североиндийском произношении – Рам, в южноиндийском – Раман) является едва ли не самым распространенным личным именем (или компонентом сложных личных имен), в среде сингалов это имя практически не используется. Более того, образ Рамы не вошел в пантеон сингальского буддизма. Не распространен среди шриланкийских буддистов и популярен в Индии, а также среди буддистов Юго-Восточной Азии культ обезьяньего бога Ханумана, ближайшего сподвижника Рамы. На-

против – в качестве одного из *локапалов* (богов – хранителей сторон света) почитается младший брат царя демонов Раваны Вибишиана. Сама же легенда о Раме и Сите в средневековой сингальской поэзии преподносится как произведение, которое «рассказывают люди, следующие ошибочным воззрениям» (Поэма «Послание попугая», строфа 114)³⁵.

Таким образом, ссылки на легендарную историю (или предысторию) Ланки практически не дают оснований ни ариям-сингалам, ни дравидам тамилам претендовать на право первородства.

Миф о застарелой вековой вражде. Из мифов, связанных с идеей первородства, напрямую выводится и миф о застарелой вражде двух этносов – сингалов и тамиллов. Исторические основания сторонники идеи вековой вражды ищут в событиях рубежа I–II тысячелетий н.э., когда участились войны между правителями Ланки и правителями государств Южной Индии – Чолов, Пандьев и Черов.

Действительно, в сингальском фольклоре и в средневековой поэзии выражение «страна Чолов» (*соли рата*) стало синонимом некоей чуждой силы, угрожающей самому существованию сингалов и сингальского государства. Однако по сути речь идет не о вражде на уровне этносов, а о межгосударственном противостоянии. Более того, исторические данные свидетельствуют о том, что сами южноиндийские (тамильские) правители неоднократно воевали друг с другом, а сингальские цари создавали военные союзы то с одним, то с другим правителем ради общей борьбы против кого-то другого.

В текстах средневековых поэм-посланий XIII–XV вв., основной идеологической установкой которых было всемерное укрепление Ланки как единого государства³⁶, многократно упоминается о многочисленных войнах, которые правители Ланки вели с правителями соседних государств, а сами цари восхваляются как «заставившие покраснеть [от слез] глаза жен врагов». Однако когда речь заходит о территории, подвластной царям Ланки (а во времена правления Паракрамабаху VI, 1410 или 1415–1467 гг., когда и создавалось большинство поэм этого жанра, под его властью находилась вся территория острова), то всячески подчеркивается идея общенационального единства. Никаких упоминаний о различиях между этническими группами в этих поэмах нет. Более того, тамильский язык упоминается в одном ряду с санскритом, магадхи (пракрите Северо-Восточной Индии) и сингальским *хела*^{*}, на которых в одном из буддийских монастырей мудрецы, «изучившие фонетику, поэтику и грамматику, читают стихи и пьесы» («Послание попугая, строфа 227).

Практически отсутствуют какие-то намеки на сингало-тамильскую вражду и в сингальском фольклоре, записанном в начале XX в. Генри Паркером³⁷. Периодически в качестве отрицательных персонажей в нем фигурируют представители южноиндийской торгово-ростовщической касты *четти* (синг. *хетти* или *хеттирала*). Однако значительное число представителей этой касты, видимо, достаточно давно интегрировалось в структуру сингальского общества (чему свидетельство – наличие распространенных сингальских фамилий Хеттиараччи, Хеттинаяка, Хеттихева и др.). Поэтому негативное отношение рассказчиков к хетти/четти следует рассматривать как проявление

* О термине *хела* как названии сингальского языка и этноса см. ниже.

ние не этнической неприязни, а свойственной практически любому обществу неприязни к сословиям, занимающимся торговлей и ростовщичеством.

И напротив, если говорить о выражении какой-то этноконфессиональной неприязни в фольклоре, то тут совершенно очевидно выделение в качестве постоянного объекта для насмешек мусульман, мавров, которые пренебрежительно именуется тамильским словом *тамби* (младший брат)³⁸. Такое отношение к мусульманам хорошо соотносится с отмечавшимся выше фактом, что первые крупные межэтнические столкновения в новой истории Цейлона произошли не между сингалами и тамилами, а между сингалами (поддержанными тамилами) и маврами.

Таким образом, в корпусе культурных текстов, относящихся к периоду после того, как на Ланке сложились два отдельных компактных ареала проживания сингальского и тамильского этносов, мы не находим подтверждения тезиса о «застарелой сингало-тамильской вражде», как нет и никаких исторических свидетельств столкновений между сингалами и тамилами как подданными одного государства.

Миф об исторической, языковой, религиозной и социокультурной несовместимости сингалов и тамиллов. Из мифов о первородстве и о застарелой вражде сингалов и тамиллов логически вытекает представление о том, что эти два этноса являются абсолютно несовместимыми – они якобы исторически враждовали на протяжении многих веков, говорят на разных языках, придерживаются различных религиозных воззрений, имеют различную социальную организацию, различные традиции и обряды и т.п.

Несостоятельность части этих представлений была показана выше. Так называемая «вековая вражда» есть ни что иное, как междоусобная борьба между различными государственными и квазигосударственными образованиями на протяжении средних веков: равно как правители Ланки воевали с южноиндийскими царствами Чолов, Черов и Пандьев, точно так же сами эти царства воевали друг с другом. Междоусобица характеризовала и средневековый период истории Ланки – достаточно вспомнить относящуюся к V в. у н.э. полулегендарную историю о том, как царевич Кассапа сверг своего отца Дхатусену и занял его трон, а затем законный наследник трона, старший брат Кассапы Могаллана с помощью войска, набранного в Южной Индии, восстановил закон и справедливость. Эту историю мы помним благодаря тому, что от времени правления Кассапы сохранились остатки дворца на вершине Сигирии (Львиной горы), фрески, относящиеся к периоду правления Кассапы, и стихотворные строки, относящиеся к VIII–X вв., написанные посетителями на одной из стен на подступах к дворцу³⁹.

Также выше отмечалось, что сингальский язык – по крайней мере на протяжении первых нескольких столетий своего бытования на Ланке – испытывал сильнейшее влияние тамильского языка, что может свидетельствовать не просто о межкультурных контактах, а о взаимопроникновении двух этносов. Влияние сингальского языка на шриланкийский тамильский (или, точнее, шриланкийские диалекты тамильского языка) менее очевидно и практически не описано в литературе. Это, видимо, связано с тем, что после обособления двух этносов (что, вероятно, произошло в конце I – первой половине II тысячелетия н.э.) тамилы Ланки в языковом и культурном отношении не теря-

ли связь с Южной Индией, и литературный тамильский язык продолжался оставаться их эталоном.

В свою очередь, особенностью современного бытования сингальского языка является то, что в нем существуют два стандарта – литературный и разговорный, системно различающихся на всех уровнях⁴⁰. Различие между ними столь велико, что для того, чтобы носители сингальского языка были способны понимать литературный стандарт, литературный язык приходится преподавать в школах. При этом литературный стандарт в значительно большей степени следует нормам санскритской грамматики (особенно в том, что касается глагольной морфологии) и тем самым является более выражено «индоарийским», чем разговорный. Различие двух стандартов, возможно, сформировалось еще в период написания первых грамматик сингальского языка (XIII в.), которые «подгоняли» описание языка под санскритские стандарты. Однако сохранение и, вероятно, еще большая диверсификация двух стандартов – явление более позднего порядка. Как отмечает М.В.С. Де Силва, это – результат нескольких волн пуристической деятельности представителей интеллектуальной элиты в колониальный период, особенно в период английского господства⁴¹. Противопоставляя засилью языка колонизаторов национальный язык, основанный на классических стандартах, эти представители элиты преследовали цель национального возрождения, не слишком беспокоясь о том, что подкладывают «бомбу замедленного действия» под собственную национальную культуру, делая литературу непонятной для большинства населения и углубляя пропасть между элитой и широкими массами.

О взаимопроникновении двух этносов говорит и тот факт, что некоторые профессиональные группы сингальского населения (не вполне корректно именуемые «кастами») имеют очевидное южноиндийское происхождение. Выше уже говорилось об интеграции в сингальское общество южноиндийской касты *четти* (синг. *хетти*). Также южноиндийское происхождение имеют каста *салагама*, чья профессиональная специализация связана с выращиванием и сбором коры коричневого дерева, и некоторые другие. Все они вполне интегрированы в сингальское общество и в языковом и культурном отношении мало чем отличаются от основной массы сингалов. Во всяком случае эти различия не выходят за рамки территориальных и сословных различий, характерных для сингальского общества в целом.

Любопытно, что и эстетические идеалы традиционного сингальского общества также не говорят о неприятии, например, тамильских идеалов красоты. Упоминавшиеся выше наскальные стихотворные надписи Сигирии посвящены восхвалению красавиц, изображенных на фресках. В большинстве стихов восхваляются светлокожие полуобнаженные дамы с тонкими чертами лица (видимо, отражающие доминирующие представления об идеалах арийской красоты). Однако время от времени встречаются и такие строки: «Да, светлокожая госпожа прекрасна. Но мое сердце тянет к ее темнокожей служанке».

Особого разговора заслуживает тезис о несовместимости религиозных воззрений сингалов и тамиллов. Да, большинство сингалов – буддисты, большинство тамиллов – индуусы (отвлекаемся от того факта, что и среди тех, и среди других имеется определенный процент христиан). Однако вряд ли

было бы правомерно утверждать, что между этими конфессиями существует непреодолимая пропасть. Будда является одним из признанных учителей в индуистской традиции и даже рассматривается как девятая *аватара* (земное воплощение) бога Вишну. Что же касается шриланкийского буддизма, то его народная версия включает в себя помимо поклонения Будде целый набор богов, полубогов и демонов, восходящих как к индуистским богам, так и, видимо к каким-то более древним анимистическим верованиям⁴². Многие из индуистских богов (например, член верховной триады индуизма Вишну, южноиндийская богиня Паттини или также имеющий южноиндийские корни сын Шивы Сканда, он же Кумара или Катарагама) почитаются в буддийских храмах в качестве хранителей сторон света, к ним же обращали свои молитвы и авторы средневековых поэм.

Дискуссия о совместимости «чистого» буддизма с поклонением индуистским богам и верой в демонов велась на протяжении практически всего времени бытования этой религии на острове⁴³. Однако представление о непреодолимой пропасти между двумя конфессиями восходит корнями к движению за буддийское возрождение, зародившемуся в конце XIX в. и связанному с именем яркого сторонника сингальского буддийского национализма Анагарики Дхармапалы. Как и в случае с пуристическими попытками части сингальской интеллектуальной элиты «очистить» литературный сингальский язык, движение за «буддийское возрождение» было в первую очередь направлено против засилья христианства, отождествлявшегося с колониальным диктатом в духовной сфере. Однако после завоевания Цейлоном независимости, когда во главе страны встали представители сингальской буддийской элиты, эти же идеи стали использоваться и против иных конфессий, в том числе индуизма.

Таким образом, рассмотрение и комплекса мифов об историко-культурных, языковых и религиозных противоречиях между двумя этносами показывает, что подавляющее большинство из них не имеет «многовекового» характера, как утверждают националисты с той и с другой стороны, а восходят корнями к последним десятилетиям перед завоеванием Цейлоном независимости. Проявились же они лишь в независимом Цейлоне.

Миф о львах и тиграх. Идеиной мобилизации сингальских и тамильских масс на вооруженную борьбу способствовало и умелое манипулирование символами, занявшими свое место на государственном знамени Шри-Ланки и на флаге повстанцев из ТОТИ (рис. 4).

На флаге Шри-Ланки изображен лев, держащий в лапе обнаженный меч. К санскритскому слову *синха* или *симха* возводится и самоназвание сингалов (*синхала*).

В свою очередь, тамильские боевики взяли на вооружение образ другого крупного представителя семейства кошачьих – тигра (по-тамильски, *пули*). Образ тигра красовался на знамени государства Чолов, его же «Тигры освобождения Тамил Илама» перенесли и на свое знамя.

При этом сингальские националисты апеллируют к тому, что якобы принц Виджая происходил из львиного рода, отсюда пошло и самоназвание *синхала* – «львиные люди». При этом сторонники этой точки зрения не удосуживаются провести строгий лингвистический анализ слова *синхала*: если

Рис. 4. Флаг «Тамильских тигров»

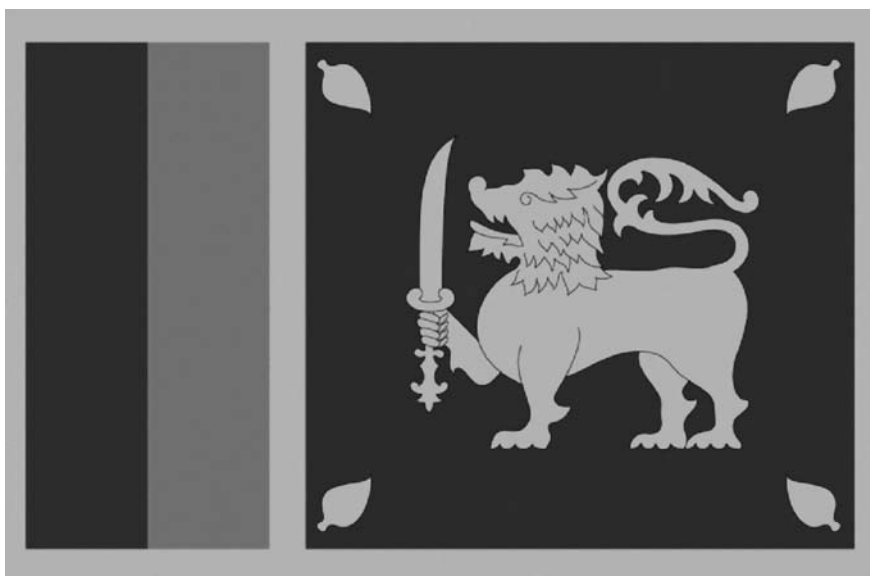

Рис. 5. Государственный флаг Шри-Ланки

синха – это «лев», то что такое *ла* – суффикс или корень в составе сложного слова?

Если же обратиться к средневековым поэтическим текстам, написанным на максимально десанскритизированном языке, то мы увидим, что слово *синхала* в них не используется, а в качестве самоназвания народа и названия языка используется слово *хела*. Этимология этого слова и его соотнесен-

ность с санскритизированным *синхала* до конца не ясна, что в общественном дискурсе порождает многочисленные «вариации на тему» (вплоть до самых экзотических, например, в блогах утверждается, что *хела* – это народ и язык, существовавшие на Ланке до прибытия Виджаи и, следовательно, вопреки очевидным лингвистическим доказательствам, носившие неиндоарийский характер). Согласно этой логике, *синхала* возводится к словосочетанию *сиву хела* – «четыре [племени] хела», якобы обитавшие на острове в доисторические времена, а соотнесение с санскритским словом *синха* – это, мол, позднейшая интерпретация.

Мы так подробно останавливаемся на этой точке зрения не для того, чтобы продемонстрировать ее научную значимость и обоснованность, а для того, чтобы показать, как самые фантастические представления способны стать фактором современного дискурса и влиять на общественное сознание, опираясь на уже сложившиеся мифы и творя новые.

Если же проанализировать применение понятия *синха* в предшествующие эпохи, то обнаружится, что изначально оно использовалось, скорее, не для обозначения народа, а для обозначения царского рода. Отсюда – представление о царевиче Виджае, как выходец из львиной династии, отсюда – название горы Сигирии (санскр. *синха-гири*), на вершине которой находился царский дворец, или традиционное название царского трона – *синхасаная* («львиное сидение»). А в комментарии к одной из средневековых поэм говорится, что при обряде помазания царя Ланки на его голову возлагались четыре короны – львиная, тигриная, святая и драгоценная, символизирующие соответственно царский род, воинское сословие, духовенство и торгово-земледельческое сословие.

Также неясным остается вопрос, в какие времена и откуда на знамени Ланки появилось изображение льва. Так, в ряде источников утверждается, что оно появилось не раньше XII в., и изображение льва делали своим символом не исконные ланкийские цари, а пришлые правители из материковой Индии, в частности из Калинги⁴⁴ (область, примерно соответствующая современному штату Орисса на востоке Индии).

Как бы то ни было, современным манипуляторам общественным мнением удалось утвердить в сознании значительной части сингалов, что даже их самоназвание и государственный символ являются бесспорными доказательствами их притязаний на всю территорию острова в качестве исконных хозяев Ланки.

В свою очередь, принятое на вооружение тамильскими сепаратистами самоназвание «тигры» сыграло с ними злую шутку. Дело в том, что в отличие от материковой Индии в Шри-Ланке тигры (равно как, впрочем, и львы) не водятся и не водились в обозримом историческом прошлом. Поэтому если в тамильском языке есть слово для обозначения собственно тигра (*пули*), то в литературном сингальском для этого используется санскритское заимствование (*вьягхра*). В разговорном же сингальском языке слово для обозначения собственно тигра отсутствует вовсе, и для обозначения любого крупного представителя семейства кошачьих, отличного от льва, используется слово *котия*, изначально обозначающее леопарда.

Однако с точки зрения имиджевых интерпретаций *котия* – это совсем не одно и то же, что санскритское *вьягхра* или тамильское *пули*. Если понятие

«тигр» в традиционном сознании соотносится с воинским сословием и несет в себе такие характеристики, как доблесть, мужество и верность долгу, то леопард в традиционном восприятии – образ совершенно иной. Например, в сингальском фольклоре леопард – однозначно отрицательный персонаж, «за которым прочно утвердилась слава животного глупого и трусливого»⁴⁵.

Поскольку по-сингальски «Тигры освобождения Тамил Илама» именуются *котийо* (леопарды), то подобный смысловой перенос еще больше облегчает манипулирование общественным сознанием.

Таким образом, множественные мифы, восходящие не столько к историческим фактам, сколько к вольным интерпретациям легендарной и полуполулегендарной истории, стали мощным идеологическим оружием в руках части сингальской и тамильской элит, способствующим привитию воинствующим элементам из обеих этнических общностей представлений о том, что они выступают за «правое дело». Жестокая реальность (до 100 тыс. убитых и сотни тысяч беженцев) – это в том числе и результат манипулирования общественным сознанием с помощью этих мифов, обслуживающих интересы элит.

ШРИ-ЛАНКА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Официальная реакция мирового сообщества на окончание гражданской войны в Шри-Ланке была сдержанно-позитивная. Большинство государств и международных организаций выразили удовлетворение окончанием военных действий и одновременно озабоченность по поводу допущенных нарушений прав человека и дальнейшей судьбы гражданского населения.

Реакция тамильской диаспоры была более резкой. Еще в разгар решительного наступления армии Шри-Ланки на позиции ТОТИ тамилы, проживающие в США, Канаде, Австралии, Западной Европе, Индии, Малайзии, организовали серию демонстраций, митингов, голодовок с целью привлечь внимание к военным преступлениям и жестокости по отношению к мирному населению. Несколько человек в индийском штате Тамилнаду совершили ритуальное самосожжение. После окончания войны протестующие призывали соответствующие правительства поставить вопрос о независимом расследовании военных преступлений и преступлений против человечества, совершенных с 1983 по 2009 г.

Особое внимание на последнем этапе военных действий было привлечено к тому факту, что правительственные войска Шри-Ланки атаковали «зону безопасности», где помимо боевиков нашли убежище более 300 тыс. мирных жителей. Правительство Шри-Ланки на это отвечало, что перед началом наступления дало возможность гражданскому населению покинуть эту зону, однако боевики воспротивились этому, используя гражданское население в качестве живого щита.

Рис. 6. Дети, рекрутируемы в ряды «Тигров»

Наиболее резко отреагировало тамильское интернет-сообщество. Сотни интернет-сайтов прямо называют президента Раджапаксу военным преступником, виновным в геноциде тамильского народа, требуя суда над ним, и приводят шокирующие подробности убийств, изнасилований, поджогов домов, грабежей, массовых депортаций населения, совершенных правительственными войсками.

В ответ сторонники президента приводят свидетельства этнических чисток, проводившихся «тиграми», использования ими гражданских лиц в качестве живого щита, насильственного рекрутирования детей в ряды боевиков, терроризма (рис. 5).

В самой Шри-Ланке военная победа только упрочила позиции президента. На президентских выборах 26 января 2010 г. он с большим запасом был переизбран на второй срок, несмотря на то что противостоял ему бывший командующий армией генерал Сарат Фонсека, которого в Шри-Ланке считают героем войны и творцом военной победы над ТОТИ. А возглавляемый Раджапаксой Объединенный народный альянс свободы так же уверенно выиграл парламентские выборы в апреле 2010 г.

Отношение к президенту Шри-Ланки за рубежом родной страны более сдержанное. В начале ноября 2010 г. президент Раджапакса отменил свой визит в Великобританию, что было расценено как страх перед возможным арестом – британские законы позволяют привлекать к уголовной ответственности лиц, обвиненных в военных преступлениях, даже если эти преступления были совершены за пределами Великобритании⁴⁶. Тем более, что неделей раньше, выступая в Палате общин, премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон призвал к тому, чтобы нарушения прав человека и военные

преступления в Шри-Ланке были расследованы независимой комиссией. Официальный представитель правительства Шри-Ланки, однако, опроверг сведения об отмене визита, отметив, что он просто перенесен на более поздний срок и этот перенос никак не связан со звучащими в адрес президента обвинениями.

Впрочем, больше, чем судьба одного отдельно взятого человека, аналитиков беспокоит судьба хрупкого мира, воцарившегося в Шри-Ланке после окончания гражданской войны, и вопрос о том, возможно ли повторение событий, аналогичных тем, что произошли в 1958, 1977 и 1983 гг.

Основная мысль, которую президент Раджапакса проводит в своих публичных выступлениях: Шри-Ланка – одна страна, один народ и в этой стране «нет меньшинств»⁴⁷. По сути это означает, что позиция президента и возглавляемого им Объединенного народного альянса свободы относительно унитарного государственного устройства Шри-Ланки остается неизменной.

Со своей стороны, находящийся в эмиграции лидер внешнеполитического крыла ТОТИ Селвараджа Падманадан призвал к созданию транснационального правительства из числа представителей тамильской диаспоры, проживающих в разных странах, с перспективой превращения его в правительство в изгнании. Отвечая президенту Шри-Ланки, Падманадан отметил: «Шри-Ланка катастрофически провалилась в своих попытках национального строительства. Тамилы считают себя не шриланкийцами, а гражданами Тамил Илама. Шриланкийское правление для них – чужое»⁴⁸.

Успех гражданского примирения в Шри-Ланке во многом зависит от того, насколько легально действующие тамильские политические партии смогут провести срединную линию между этими двумя крайностями и в какой степени правительство, в котором по-прежнему доминируют сингалы, готово пойти на передачу части полномочий местным органам власти в районах с преобладающим тамильским населением.

Другая проблема касается экономического восстановления регионов, пострадавших от гражданской войны. Север и восток Шри-Ланки бедны полезными ископаемыми. Единственное ископаемое, добываемое там, – графит. Экономика региона традиционно строилась на сельском хозяйстве (лук, красный и зеленый перец, рис, табак), а также на рыболовстве и рыбной промышленности. Обе эти отрасли сильно пострадали в ходе военных действий, и уровень производства упал по сравнению с довоенным, особенно в Северной провинции. Так, улов рыбы и морепродуктов сократился почти на две трети. Экономический спад привел и к упадку социальной сферы и инфраструктуры.

Потенциал для развития регионов связывают с развитием туризма в Восточной провинции, что позволило бы превратить Шри-Ланку – страну с муссонным климатом – в страну круглогодичного туризма (сейчас «высокий сезон» на западном и юго-западном побережье длится около полугода – с ноября по март, когда дует северо-восточный ветер). В Северной провинции, с учетом высокого образовательного уровня населения, эксперты предлагают развивать отрасли, связанные с высокими технологиями. Однако обе эти сферы экономики требуют масштабных капиталовложений, а неустойчивость ситуации после окончания гражданской войны не вселяет оптимизма инвесторам⁴⁹.

Самая острая проблема – это проблема возвращения беженцев. Одних только внутренне перемещенных лиц на сегодня в Шри-Ланке насчитывается не менее 200 тыс. Они живут в невыносимых условиях в палаточных лагерях, без минимальных удобств. Возвращаться им некуда – дома были разрушены или сожжены во время боевых действий и погромов. От успеха решения проблемы беженцев во многом зависит то, усугубятся ли среди тамильского населения антисингальские настроения и будут ли созданы предпосылки для формирования новых «тигров освобождения».

Впрочем, многие эксперты высказывают осторожный оптимизм. Перспектива возникновения новой боевой организации наподобие «Тигров освобождения Тамил Илама» представляется малореальной. Глобальная атмосфера – особенно после терактов в США 11 сентября 2001 г. – изменилась кардинально, и мировое сообщество гораздо менее терпимо относится к организациям, принимающим на вооружение тактику террора. Практически исключается поддержка будущим потенциальным борцам за «Тамил Илам» со стороны Индии. Как пишет бывший начальник разведки индийских миротворческих сил в Шри-Ланке полковник Р. Харихаран, «вряд ли Индия как региональная держава из соображений стратегической безопасности с легкостью допустит новый подъем тамильского воинствующего сепаратизма. Изменившаяся международная обстановка с низким порогом терпимости к деятельности негосударственных акторов сделает трудным использование иностранных территорий для взращивания боевиков»⁵⁰.

Наконец, многое будет зависеть от политической активности и влияния тамильской диаспоры, занимающей самые непримиримые позиции по отношению к ныне действующей власти в Шри-Ланке. Однако, как отмечает Р. Харихаран, «многие из молодых людей, вынужденных покинуть северные и восточные районы, уже прониклись духом культуры тех сообществ, в которых живут в последние годы. А потому весьма сомнительно, что у них снова появится мотивация взять в руки оружие во имя борьбы за Тамил Илам»⁵¹.

Таким образом, военная победа правительства Шри-Ланки над ТОТИ – только первый шаг на пути установления мира. Для того, чтобы сделать мирный процесс необратимым, потребуются кардинальные политические, экономические и социальные реформы. Кроме того, потребуются длительный процесс освобождения от идеологических догм и мифов, возвращенных за годы конфликта, дабы исключить возможность создания новых пропагандистских схем, способных мобилизовать массы на решение задач узкой части элиты.

¹ “Brief Analysis of Population and Housing Characteristics”, Sri Lanka census of population and housing 2001. P. 9. <http://www.statistics.gov.lk/PopHouSat/PDF/p7%20population%20and%20Housing%20Text-11-12-06.pdf>

² Кочнев В.И. Шри Ланка. Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в. – М., 1976. С. 26–31.

³ Jayawardhana K. Ethnic Conflict in Sri Lanka and Regional Security. (Date: Oct 1987) // <http://www.infolanka.com/org/srilanka/issues/kumari.html#b>

⁴ “Brief Analysis of Population and Housing Characteristics”. P. 10.

⁵ Jayawardhana K. Op. cit.

- ⁶ *DeVotta N.* Sinhalese Buddhist Nationalist Ideology: Implication for Politics and Conflict Resolution in Sri Lanka. Wash., 2007. P. VII–VIII. <http://www.eastwestcenter.org/fileadmin/stored/pdfs/ps040.pdf>
- ⁷ *Waduge Sh.* How Sri Lanka's colonial education system helped aggravate the Sinhala-Tamil problem // Asian Tribune. 06.04.2010 // <http://www.asiantribune.com/news/2010/04/06/how-sri-lanka%E2%80%99s-colonial-education-system-helped-aggravate-sinhala-tamil-problem>
- ⁸ *Blackton Ch.S.* The action phase of the 1915 riots // Journal of Asian Studies. Feb.1970. Vol. 29. N 2. P. 235–254; *Kearney R.N.* The 1915 riots in Ceylon – a symposium. Introduction // P. 219–222.
- ⁹ *Spencer J.* Introduction //: Sri Lanka: History and the Roots of Conflict / Ed. L., 1990. P. 5.
- ¹⁰ Эволюция и последующий упадок тамильского сепаратизма в Индии подробно излагается в таких работах, как: *Irschick E.F.* Politics and Social Conflict in South India: The Non-Brahmin Movement and Tamil Separatism, 1916–1929. Berkeley, Los Angeles, 1969; *Subramanian N.* Ethnicity and Populist Mobilization: Political Parties, Citizens and Democracy in South India. Oxford: Oxford, 1999.
- ¹¹ *Jeyaraj D.B.S.* JR's Kandy March in 1957 and the “Veeraya”. Who Stopped it at Imbulgoda. Federalidea. 2007. November 3 // <http://federalidea.com/focus/archives/206>
- ¹² *Vittachi T.* Emergency '58: The Story of the Ceylon Race Riots. L., 1958.
- ¹³ *Волхонский Б.М.* Шри-Ланка (Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка // Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. М., 1986. С. 376.
- ¹⁴ *Pfaffenberger B.* The Cultural Dimension of Tamil Separatism in Sri Lanka // Asian Survey. 1981. V. 21 (11). P. 1145–1157.
- ¹⁵ *Wilson A.J.* The Gaullist System in Asia: The Constitution of Sri Lanka, 1978. London, 1980.
- ¹⁶ *Волхонский Б.М.* Указ. соч. С. 374, 377.
- ¹⁷ *Omvedt G.* The Tamil National Question // Bulletin of Concerned Asian Scholars. 1984. Vol. 16: 1. P. 23.
- ¹⁸ См., например: Sri Lankan Tamils: Remembering Black July // ASAP: Action in Solidarity with Asia and the Pacific. July. 2006. <http://www.asia-pacific-action.org/node/107>; *Jayatunge R.M.* The Black July 1983 that Created a Collective Trauma // Sri Lanka Guardian. April 27. 2010. <http://www.srilankaguardian.org/2010/04/black-july-1983-that-created-collective.html>.
- ¹⁹ Liberation Tigers of Tamil Eelam (LTTE) // South Asia Terrorism Portal // <http://www.satp.org/satporgtp/countries/shrilanka/terroristoutfits/Ltte.htm>
- ²⁰ *Hoffman B.* Inside Terrorism. N.Y.: 2006. P. 325.
- ²¹ *Gupta Sh.* Ominous Presence in Tamil Nadu // India Today. March 31. 1984.
- ²² The Economist. December 22. 1984.
- ²³ Tamil National Liberation Struggle and National Leader Prabhakaran (Published on behalf of WTM-Canada) // <http://nakkeran.com/Thalaivar.htm>
- ²⁴ A.R.M. Imtiyaz and M.C.M. Iqbal. The displaced Northern Muslims of Sri Lanka: Special problems and the future // Transcurrents 2011. 9 August <http://transcurrents.com/news-views/archives/2834>
- ²⁵ См., например: *Amita Shastri.* The Provincial Council System in Sri Lanka: A Solution to the Ethnic Problem // Devolution and Development in Sri Lanka / Ed. S. Bastian Colombo, 1994. P. 198–227.
- ²⁶ Text of Government's Devolution Proposal of January 16, 1996. III. The Devolution of Power to Regions // Sri Lanka: The Devolution Debate. Colombo, 1997. P. 139–162.
- ²⁷ См., например: *Hoeglund K., Svensson I.* Mediating between tigers and lions: Norwegian peace diplomacy in Sri Lanka's civil war // Contemporary South Asia. Vol. 17. N 2. June 2009. P. 179–183 // http://pdfserve.informaworld.com/846334__910987992.pdf; *Dlah Sh. Krishangani P.P.G.I.* Contextual Limitations: A Theoretical Analysis of Norwegian Mediation in Sri Lankan Conflict // Asia-Pacific Mediation Forum. 2008. P. 9 // <http://www.apmec.unisa.edu.au/apmf/2008/papers/18-Shammika.pdf>
- ²⁸ *Wanigasekera E.Th.* The reality of oil dream in Sri Lanka // Asian Tribune. 15 September. 2008 // <http://www.asiantribune.com/node/12217>
- ²⁹ *Huggler J.* Sri Lanka bomb attack fuels fear of return to civil war // The Independent. 2006. January 13 // <http://www.independent.co.uk/news/world/asia/sri-lanka-bomb-attack-fuels-fear-of-return-to-civil-war-522751.html>
- ³⁰ *De Silva M.W.S.* Vedda language of Ceylon. München, 1972.

- ³¹ *Geiger W.* A grammar of the Sinhalese language. Colombo, 1938. P. VII–VIII, ff.
- ³² *Karunatilake W.S.* Historical phonology of Sinhalese: from Old-Indo Aryan to the 14th century. A.D. Cornell University, 1969. PhD Thesis.
- ³³ *Краснодембская Н.Г.* Эпиграфические памятники сингальского языка // Эпиграфика Восточной и Южной Азии. М., 1972. С. 3–18.
- ³⁴ *De Silva M.W.S.* Trends in the Sinhalese language // United Asia. 1963. Vol. 15. N 2.
- ³⁵ Здесь и далее ссылки на поэму «Послание попугая» приводятся по изданию: *Кумаратунга М.* Гира сандеша вивараная (Комментированное издание поэмы «Послание попугая»). Коломбо, 1963.
- ³⁶ *Солнцева О.М.* Жанр поэмы-послания в сингальской литературе (XIV–XV вв.). Канд. дисс. М., 1990.
- ³⁷ Village Folk-Tales of Ceylon. Collected and translated by H. Parker. Vol. 1–3. Dehiwala, 1971–1973 (reprint).
- ³⁸ Сингальские сказки // Сост. пер. и прим. Б.М. Волхонского и О.М. Солнцевой. М., 1985. С. 410–411, 482–483, 515.
- ³⁹ *Paranavitana S.* Sigiri graffiti. Being Sinhalese verses of the eighth, ninth and tenth centuries. L., 1956. Vol. 1–2.
- ⁴⁰ *Gair J.W.* Sinhalese diglossia // Anthropological Linguistics. 1968. Vol. 10. N 8. P. 1–15.
- ⁴¹ *De Silva M.W.S.* Effects of purism on the evolution of the written language: case history of the situation in Sinhalese // Linguistics. 1967. N 36. P. 5–17.
- ⁴² *Краснодембская Н.Г.* Традиционное мировоззрение сингалов. М., 1982.
- ⁴³ *Сафронова А.Л.* Буддийская сангха Шри Ланки. Конец XVIII – начало XX в. М., 1993.
- ⁴⁴ The «lion» myth. – Karava of Sri Lanka // http://www.karava.org/the_lion_myth
- ⁴⁵ *Солнцева О.М.* Предисловие // Сингальские сказки. С. 18.
- ⁴⁶ *McElroy D.* Sri Lanka president drops out of Britain visit over arrest fears // The Daily Telegraph 8 November. 2010 // <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/srilanka/8117974/Sri-Lanka-president-drops-out-of-Britain-visit-over-arrest-fears.html>
- ⁴⁷ After the Tigers, a new Tamil struggle // BBC News. 5 April. 2010. http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/8603658.stm
- ⁴⁸ Цит. по: *Murari S.* Sri Lanka and the Refugee Crisis // World Focus. Vol. XXX. N 7. July. 2009. P. 281.
- ⁴⁹ Подробный анализ воздействия гражданской войны на экономику северных и восточных районов Шри-Ланки и перспектив их развития в мирное время содержится в работе: *Sarvanathan M.* Economy of the conflict region in Sri Lanka: from embargo to repression. Wash., 2007.
- ⁵⁰ *Hariharan R.* Defeat of the LTTE and the Future of Tamil Militancy // World Focus. July. 2009. P. 272.
- ⁵¹ *Ibid.*

«СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

А.А. Ярлыкапов

ИСЛАМ И КОНФЛИКТ НА КАВКАЗЕ: НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕЧЕНИЯ, РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Данная статья имеет целью исследование форм, в которых сегодня бытует ислам на Кавказе. Акцент на современность неслучаен. В течение последних 20 лет совершенно изменилась картина религиозной жизни в регионе. Все эти годы здесь стремительно растет, роль ислама который проникает в самые разные сферы жизни кавказских народов. К сожалению, эта тема, стала сильно политизированной. Вместе с тем гипертрофированное внимание уделяется феномену распространения экстремизма среди мусульман. Иными словами, современный ислам на Кавказе изучается однобоко. Как же на самом деле ислам связан с конфликтами? Существуют «конфликтные» и «мирные» формы ислама, или это мифы? Является ли религиозная идеология основой конфликта, или она всего лишь обосновывает его, а причины кроются совсем в другом? Эти отнюдь неспрважные вопросы будут рассмотрены на материале, собранном автором в ходе полевых исследований на Кавказе с 1998 г.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСЛАМА НА КАВКАЗЕ

Ислам на Кавказе имеет богатую и древнюю историю. Первые мусульмане появились здесь еще в первом веке н.э. Традиционно ислам проникал сюда с двух направлений: с юга, из Месопотамии и Ирана, это был суннизм шафиитского толка (мазхаба) и шиизм имамитского толка; с севера из Средней Азии через Золотую Орду, а затем из ее осколков – суннизм ханафитского толка. Обе эти ветви оказывали на Кавказ также суфийское влияние, и здесь возликли практики самых разных суфийских орденов – накшбандийя, кадирийя, шазилийя¹.

Современная карта распространения разных течений ислама на Кавказе стала совершенно иной. Традиционно она выглядела следующим образом:

– Азербайджан – преимущественно шиитский регион с суннитским меньшинством на севере;

- Дагестан, Чечня, Ингушетия – суннизм с преобладанием шафиизма, сильное влияние суфизма;
- Центральный и Северо-Западный Кавказ – суннизм ханафитского толка;
- Абхазия и Аджария – суннизм ханафитского толка, номинальный и слабый.

Явные изменения произошли в Азербайджане. Во-первых, здесь заметно усилилось суннитское влияние, которое шло с севера, из Дагестана и Чечни. Сунниты в Азербайджане исторически были дагестанского, лезгинского, на самом севере аварского и цахурского происхождения. В 1990-е годы численность суннитов увеличивалась также за счет дагестанцев и чеченцев, которых называли «ваххабитами». Однако в 2000-е годы резко изменился этнический состав населения в результате суннизации азербайджанцев, составивших постепенно подавляющее большинство в суннитских мечетях Баку и других городов страны².

Во-вторых, рост в стране возросло турецкое влияние из-за политики азербайджанских властей, направленной на ограничение иранского влияния, в том числе через сокращение религиозных связей с Ираном. Это привело к увеличению числа суннитов среди азербайджанцев, даже в тех семьях, которые были традиционно шиитскими. Цифры – вещь лукавая, особенно там, где подсчетов вообще никаких не производилось. Однако оценки изменений, конечно, имеются. Традиционно в Азербайджане было такое соотношение: 85% шиитов и 15% суннитов³. Согласно одним показателям, на середину 2000-х годов число суннитов вернулось к значению советских времен в 30%, по другим – они уже якобы составляют половину мусульман страны.

На Северном Кавказе также произошли серьезные изменения. В первую очередь множатся контакты последователей двух суннитских толков – ханафитского и шафиитского. Этот процесс происходит на фоне роста числа тех, кто выступает за уничтожение границ между разными толкованиями ислама. Сегодня мусульмане всего мира постепенно вступают в эпоху «исламской глобализации», стремящейся стереть этнические и государственные границы между ними. В авангарде этого движения идет городская мусульманская молодежь.

Каковы общие черты «исламской глобализации»? Прежде всего это желание выйти за пределы деления ислама на течения и толки. Идея единой исламской «нации», часто подкрепляется терминологически – во многих языках народов, исповедующих ислам, слово «милла» означает как исламскую общину, так и нацию. Делается вывод о второстепенности, подчиненности этнической принадлежности религиозной. Люди таких взглядов говорят: «В первую очередь мы мусульмане, а затем уже арабы, персы, чеченцы и т.д.». Каково в этой системе координат место гражданско-политической идентичности? В какую очередь они британцы или россияне? Понятно, что не в самую первую и даже не во вторую. А что для них высшее благо Родины? Это несправедливый вопрос, поскольку даже «умеренные» суфийские деятели Дагестана утверждают: «Здесь, в Дагестане, иншалла, будет Ислам!» (т.е. основой общественного устройства будет только ислам). Полное подчинение всей жизни в стране исламским ценностям – вот для них высшее благо, которое только они могут пожелать своей Родине, понимаемой прежде всего

Рис. 1. Модельные комнаты или мини-мечети построены почти при всех АЗС Дагестана

как тот регион, где человек живет. При этом игнорируется многообразие, мозаичность реального ислама. Идет поиск универсального, «идеального» ислама, который бы объединил всю мусульманскую умму (рис. 1).

Отсюда неизбежно вытекает следующая черта – фундаментализация. Универсальный ислам, по мнению идеологов исламского «глобализма», существует – его лишь надо отделить от позднейших наслоений. Их версия проста – достаточно основываться на Коране и Сунне; достижениями же исламской мысли, накопленными за 14 веков, часто предпочитают пренебрегать. Но даже если это наследие признается, само допущение того, что не нужно прикладывать особых усилий для получения основательного образования и постижения тонкостей толкования священных текстов, когда достаточно минимума знаний для самостоятельного их толкования, – это весьма серьезный шаг навстречу молодежному радикализму.

Третья черта – переход на сетевую форму организации и активности, что помогает довольно быстро распространять движение и продвигаться в самые разные, в том числе изначально неблагоприятные сообщества, как это произошло, например, в Дагестане, Чечне и Ингушетии к середине 2000-х годов⁴. Для суфийских (или, по местной терминологии, тарикатистских) сообществ этих республик с высоким уровнем традиционализма был чужд новый вид исламской активности, предлагавшийся молодежными лидерами. Однако попытки противостояния с использованием карательной мощи госу-

дарства не достигли цели: молодежные сетевые структуры стали неотъемлемой частью мусульманского ландшафта этих трех республик.

В развитии сетевых форм организации и деятельности помогает широкое использование современных технических достижений – мобильной и спутниковой связи, Интернета и т.д. Сегодня молодежное мусульманское сообщество становится экстерриториальным. Вовсе необязательно посещать по пятницам одну и ту же мечеть, жить по соседству и знать друг друга в лицо. Единомышленники могут создавать реальные сетевые сообщества с помощью виртуальных технологий. В России молодые джамааты особенно активно пошли по этому пути после краха попытки создания легальной сильной молодежной общины в Нальчике⁵.

Любопытно, что на территории этнически пестрого Кавказа в качестве основного языка коммуникации используется не арабский (турецкий, персидский и т.д.), а именно русский язык, бывший языком проповеди в таких сильных джамаатах, как Кабардино-Балкарский. Это, конечно, не означает, что на локальном уровне не используются местные языки. Несомненно, в балкарском селе имам будет проповедовать на балкарском, однако на уровне республиканском языке проповеди является русский.

НА ПУТИ К «ГЛОБАЛЬНОМУ ИСЛАМУ»

Все эти типы глобализационной деятельности неформальны, идут снизу, и в этом их несомненная сила. Объективно происходящие процессы настолько очевидны, что официальные мусульманские структуры пытаются их использовать в своих целях.

Наглядным примером этого является Иран, который, как известно, стремится стать центром притяжения для всего исламского мира. Здесь подавляющее большинство составляют сунниты. Иранское руководство понимает, что любой акцент на шиитской идентичности способен изолировать страну. Поэтому аятоллы пытаются найти некие объединительные начала и идеи. Так, в крупном исламоведческом центре в Куме развивают не только шиитский, но и суннитский, в том числе ханафитский фикх. В Куме же иранские ученые работают над созданием общего суннитско-шиитского Тафсира, т.е. такого толкования Корана, которое удовлетворяло бы и объединяло представителей этих двух основных направлений ислама. Авторитетный иранский аятолла Тазхири возглавил в Тегеране организацию по сближению между мазхабами, она активно действует на общеисламском поле и созывает ежегодные конференции. На этом поприще иранские аятоллы даже находят сдержанное понимание со стороны прежних своих злейших врагов – ваххабитов. Локомотив, движения к «идеальному», «единому», «глобальному» исламу – молодежь.

Не обошло стороной это движение и Россию. Распространившаяся здесь среди мусульманской молодежи, особенно в городах, версия ислама получила на Кавказе название «нового» ислама. Уже в самом названии имеется некое противопоставление: раз есть «новый», значит, есть и «старый» ислам, и в этом кроется серьезная опасность. Тем не менее мы не можем закрывать

глаза на очевидную тенденцию и делать вид, что есть лишь небольшая кучка молодых экстремистов, не имеющих особого влияния среди мусульман.

Поиски универсального ислама, захватившие значительную часть исламской молодежи, усложняют задачу адаптации и интеграции мусульман в современное общество. Сегодня в России мы наблюдаем явное отчуждение мусульман, но вместе с тем среди них есть также и серьезные трения, многие из которых вызваны обострившимися поисками «истинного» ислама.

«ТРАДИЦИОННЫЙ» И «НЕТРАДИЦИОННЫЙ» ИСЛАМ

Большое значение, в том числе методологическое приобрели споры о «традиционном» и «нетрадиционном» исламе, поскольку «традиционный» ислам должен был стать «официальным», признанным, имеющим монопольное право на существование. Между тем подобный подход абсолютно непродуктивен. Как я уже отметил, на Кавказе ислам представлен разными направлениями, течениями и школами. Сделать один из них единственно верным для всего региона невозможно, хотя такие попытки предпринимаются. Например, в Дагестане в ходе борьбы с ваххабизмом образцом «правильного» ислама стала местная форма суфизма. Все другие его разновидности стали «нетрадиционными».

В сентябре 1999 г. в Дагестане законодательно запрещена «ваххабитская деятельность»⁶. Тем не менее республиканский «Закон о запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности» не дал ей четкого юридического определения, вследствие чего возникли широкие возможности для устранения конкурентов доминирующей группой суфийского шейха Саида-афанди аль-Чиркави⁷.

«Официальный» ислам представляют так называемые духовные управления мусульман, которые функционируют в каждой республике. В целом на Северном Кавказе они проигрывают представителям «неофициального» ислама в борьбе за привлечение новых сторонников. Являясь наследниками прежней имперской системы, духовные управления крайне консервативны и неуклюжи. Безоговорочная поддержка со стороны государства гарантирует им монопольное представление интересов мусульман, что ведет к игнорированию оппозиционных сил. Духовные управления мусульман нередко действуют крайне неуклюже и редко реагируют на те вызовы, которые предъявляет современная жизнь. Это «отмалчивание» молодежь ставит им в вину⁸. Между тем параллельные мусульманские структуры часто оказываются гораздо более активными и влиятельными. В середине 1990-х – первой половине 2000-х годов серьезную конкуренцию Духовному управлению мусульман Кабардино-Балкарии составлял Кабардино-Балкарский Исламский Центр, который позже стал Кабардино-Балкарским институтом исламских исследований. Это был легальный орган молодежного Кабардино-Балкарского джамаата – централизованной иерархической организации молодых мусульман.

Обе эти организации долго боролись за право представлять мусульман республики. Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарии считало

Рис. 2. Один из последних крупных публичных интеллектуалов среди кавказских салафитов Анзор Астемиров на научном семинаре в Москв в пору мирного периода своей деятельности

представителей джамаата ваххабитами и использовало как союзников силовые органы республики. Их репрессии часто приобретали откровенно антиисламский характер. Например, в начале 2000-х годов в республике все мечети были закрыты; они открывались представителями местной власти только на один час для пятничной молитвы. Молодых людей преследовали только за то, что они молились пять раз в день. Многие молодые мусульмане были избиты в отделениях милиции девушка в исламской одежде однозначно воспринималась как террористка⁹. Все это привело к резкой радикализации прежде умеренного руководства джамаата. В 2004 г. на встрече с Шамилем Басаевым амиры джамаата Муса Мукожев и Анзор Астемиров решают присоединиться к вооруженной борьбе против российских властей (рис. 2).

Пока на Кавказе были сильны так называемые ваххабиты, они не допускали в регион представителей других исламистских движений. Например, активное идеологическое противодействие предпринималось в отношении последователей Хизб ут-Тахрир. Все постсоветские годы тут не было зарегистрировано ни одной устойчивой ячейки этой партии. Однако ослабление ваххабитов в результате целенаправленных репрессий привело к тому, что ячейки Хизб ут-Тахрир с 2007–2008 гг. успешно действуют в Дагестане и, возможно, в других регионах Северного Кавказа.

ДАГЕСТАН

Ситуацию в Дагестане следует рассмотреть отдельно. Это самая исламизированная республика Кавказа. Подавляющее большинство населения исповедует ислам, который является одной из основ идентичности дагестанцев. На 3 млн дагестанцев приходится 2 тыс. мечетей. Исламские студенты обучаются в 16 высших учебных заведениях.

Исламская мозаика Дагестана. Религиозное развитие Дагестана с самого начала 1990-х годов было далеким от мирных сценариев. Мусульманское возрождение тут началось с конфликтного отделения от Духовного управления мусульман Северного Кавказа и продолжилось дальнейшим дроблением по этническому признаку. Время этнических муфтиятов прошло, однако единое теперь Духовное управление мусульман Дагестана не признается легитимным как минимум половиной общин республики. Мотивы у них разные, основные претензии – узкая суфийская специфика республиканского муфтията, представленного мюридами одного шейха: Саида-афанди Чиркеевского; клановость – ключевые должности контролируют не просто аварцы, а представители так называемого «гумбетовского» клана, выходцы из Гумбетовского района республики.

Исламское поле Дагестана не ограничивается наличием двух толкований суннитского ислама – шафиитского и ханафитского, шиизма и суфизма. Оно гораздо более мозаично, здесь представлены различные, в том числе радикальные группы салафитского толка (так называемые «лесные», «ваххабиты»), а также умеренная группа «Ахлю сунна»), разные школы и традиции суфизма, а также маргинальные и немногочисленные группы сторонников Хизб ут-Тахрир, Фетхуллага Гюлена и своеобразная секта «крачковцев». Все это поле бурлит и непосредственно влияет на состояние дел в республике. В ситуации отсутствия единства ислам не может играть стабилизирующую роль, существенно влиять на снятие напряженности и решение социальных вопросов. Напротив, часто религия становится выразителем протестных настроений, фактором дестабилизирующим.

Нередко это выливается в конфликт с молодежью и проявляется в виде конфликта старшего и младшего поколений. Молодежь не желает более следовать традициям предков, переосмысливает себя, свою роль и свое положение в обществе. Можно без преувеличения сказать, что налицо кризис идентичности исламской молодежи не только в Дагестане, но и в целом на Северном Кавказе.

Традиция и кризис идентичности. Сегодня в Дагестане сложилось весьма пестрое общество. Культурно дагестанцы резко выделяются, города республики все больше напоминают ближневосточный Каир, например, по поведению населения, организации дорожного движения. Однако это идет не через сохранение традиций которым, в значительной мере следуют сельской местности. Однако и там молодежь все менее вовлечена в структуру традиционных взаимоотношений. Нарушился их механизм. Прежняя схема, когда они соблюдались в рамках всего джамаата, объединяя сельскую общину, сломана. Происходит резкое ограничение сферы, где они сохраняются, это – семья, клан¹⁰, за пределами которых молодой человек ощущает себя свободным. В беседе со мной один чиновник жаловался, что его племянник

в горном селении ходит в мечеть по пятницам, потому что там люди зорко за этим следят, но стоит ему уехать в Махачкалу, как он вовсе перестает молиться. Примерно то же самое происходит с некоторой частью молодых дагестанцев, когда они выезжает за пределы своих джамаатов. Их поведение порой может вызывать конфликты с окружающими.

Молодежь переживает кризис идентичности, что фиксируют и социологи. Дагестанский социолог Заид Абдулагатов отмечает парадоксальную двойственность в сознании молодых людей больше половины которых в ходе опросов заявляют о принадлежности к восточной, основанной на исламе, культуре. *«На вопрос, какие законы выше, шариатские или светские, в большинстве своем отвечают, что шариатские, но сами они по ним не живут!»*¹¹ Происходящие в целом в России перемены, антикавказская истерия еще больше толкают молодых дагестанцев к поиску себя в стороне от общероссийской общности, обостряя серьезный кризис.

Разрыв поколений и религиозный радикализм. Эта проблема в Дагестане до предела обострена. Традиционное общество, регулировавшее межпоколенную коммуникацию и передачу знаний, умений, навыков и устоев, все больше размывается под влиянием глобализационных процессов, идущих в мире в целом, а также своеобразной «исламской глобализации», когда среди мусульман все шире распространяются представления о наличии некоего универсального ислама, который должен быть свободен от различий в плане направления, толка и течения. Как и по всему миру, молодежь в Дагестане все активнее вовлекается в процесс создания экстерриториальных общин, когда вовсе не обязательно принадлежать к общине тех, кто посещает одну и ту же мечеть. Интернет открывает доступ к потрясающим коллекциям фетв так называемых «электронных муфтиев», которые и становятся новыми кумирами исламской молодежи¹². Не соответствующие контексту, не учитывающие локальные особенности, эти фетвы привлекают ее своей универсальностью. Официальные религиозные лидеры, строго сохраняющие старые традиции, все больше теряют авторитет, ассоциируясь у молодежи с нынешним строем, а значит, с полной поддержкой современного состояния дел.

Радикальная сама по себе, молодежь особенно остро реагирует на современные проблемы дагестанского общества, испытывая на себе практически все его пороки, особенно чудовищную по масштабам коррупцию. Завершение обучения в школе и сдача экзаменов не обходится без взяток, которые затем сопровождают молодого человека, желающего получить высшее образование. Немалые деньги нужны при поступлении в вуз, каждый зачет и экзамен имеет свою цену. Последующее устройство на работу также требуют средств. Даже для того чтобы занять бюджетное место с зарплатой в 5 тыс. руб. в месяц, потребуется вручить взятку в размере 20 тыс. руб. Молодой человек, даже поступив на работу, понимает, что, во-первых, если кто-то даст взятку больше, чем он, его пребывание на этом месте может закончиться увольнением, а во-вторых, сынки богатых и влиятельных людей уже заняли все более-менее престижные ниши в республике. Ему, даже если он талантлив и потрясающе работоспособен, крайне трудно выбиться в люди при таких раскладах¹³.

Наиболее опасной тенденцией, скорее всего, следует признать все более закрепляющуюся «коррупционность сознания» молодежи. Студенты

дагестанских вузов на фокус-группе выражали крайнюю степень пессимизма по поводу перспектив борьбы с коррупцией. Вот мнение будущей дагестанской элиты: *«Реальнее смириться с коррупцией. Надо думать о своем будущем: когда нарушим закон, а это неизбежно, у нас должны быть возможности избежать наказания»*. *«Когда нам удастся попасть во властные структуры, мы будем точно так же брать взятки. Невозможно отказаться от денег»*¹⁴.

Тотальная коррупция, отсутствие всяких перспектив для собственного развития ведет к росту протестных настроений. Даже среди очень образованной молодежи распространены представления о том, что введение шариата является единственным способом решения проблем дагестанского общества (как один из вариантов введения определенной системы или тотальной смены системы, называется также и реформа сверху, из Москвы)¹⁵. Небольшая, но очень активная часть молодежи идеит в леса, в группы боевиков. В основной же своей массе она предпочитает трудовую миграцию, поскольку Дагестан отличается высоким уровнем безработицы, что в условиях аграрной республики все-таки не столь опасно, как очень низкий уровень заработной платы.

В условиях переизбытка трудовых ресурсов Дагестан имеет отрицательный баланс трудовой миграции: ежегодно 10 тыс. человек¹⁶. Миграции постсоветских лет очень сильно отличаются от них, что имели место в советское время. Сегодня мигранты, сталкиваясь с неодобрительным, а порой и враждебным к себе отношением, капсулируются на новом месте, создавая своеобразные дагестанские анклавные (как в городах, например, в Астрахани, так и в сельской местности, например, Ростовской области)¹⁷. Такая форма поведения, с одной стороны, является вынужденной, а с другой, способствует высокой степени сопротивления ассимиляционным процессам, а также в среднесрочной перспективе губительно сказывается на развитии российской политической нации, усиливая ее фрагментарность. Возникновение этнических кварталов, мест компактного проживания дагестанцев и представителей других народов Северного Кавказа во внутрироссийских городах, занятие ими особых трудовых ниш, ограничение общения со старожильским населением – все это препятствует их интеграции, усиливает чувство отчуждения, толкает к поискам новых ориентиров.

Именно поэтому миграция молодежи в поисках работы в крупные города России, а также в нефте- и газодобывающие регионы не снижает уровня напряжения, а даже усиливает его. Исламская идентичность, часто на родине находившаяся в «спячке», в другом месте вдруг оказывается резко востребованной. Многие молодые люди в новой для себя среде, нередко к ним если не враждебной, то недружелюбной, стараются найти для себя моральную опору. Этот феномен реисламизации в миграции, несомненно, требует к себе особого внимания и исследования. Пока лишь отметим, что она происходит не в рамках так называемого «традиционного» или «умеренного» ислама. Молодежь оказываются востребованы радикальные интерпретации ислама, которые не находят понимания на родине и ведут к конфликтам среди мусульманских общин Дагестана.

В частности, подобная картина сегодня наблюдается в с. Нариман Ногайского района. Молодые люди работавшие на Севере, прошли там уско-

ренную исламизацию. Их перестала устраивать прежняя мечеть и ее имам, представитель даже не старшего, а среднего поколения. Они пытались сначала сменить имама, а затем, не найдя понимания, просто решили выстроить в селе новую мечеть, где имамом точно будет их представитель. Сегодня на уровне исламских общин по всему Северному Кавказу таких проблемных узлов завязывается большое количество, что, конечно же, не снижает общий уровень напряженности.

Протестный потенциал. Сложилось упрощенное представление о том, что в Дагестане протестную исламскую группу представляют только салафиты, «ваххабиты» и так называемые «лесные». Однако и среди «традиционных» и якобы поголовно лояльных суфиев находятся те, кто выражает недовольство. В частности, есть оппозиционные самому влиятельному шейху Саиду-афанди¹⁸ суфийские деятели, которые всячески ограничивают контакты с государством и существующим режимом. К ним относятся хасавюртовские аварцы, последователи шейха Таджуддина (линия параульских шейхов), а также акушинские и левашинские алимы. Они обосновывают свою позицию тем, что власть находится в руках неверных. Поскольку изменить положение дел сейчас они не могут, то запрещено подниматься против власти с оружием в руках, но можно ограничить с ней отношения. *«Они минимизировали свои контакты с существующей властью. Это тоже своего рода форма протеста»*¹⁹.

Иначе говоря, салафиты не единственные, кто представляет протестную линию в исламе. Их действительно не устраивает существующее государство, и они стремятся установить свою политическую систему, но здесь они также проигрывают суфиям. Дело в том, что за прошедшие 20 лет салафиты потеряли своих интеллектуалов, которые имели политическую платформу, знали, чего они хотят и как этого добиться. Сегодня у них крупной фигуры уровня раннего салафитского лидера Ахмадкади Ахтаева²⁰ нет, что может восприниматься как позитив, успех силовых структур в борьбе с радикальной исламистской идеологией. Однако она не побеждена, салафиты и их экстремистское крыло – «ваххабиты» и «лесные» лишились интеллектуалов, но не идеологии. Это ведет к росту бессистемного насилия с их стороны, упрощению протеста до уровня террора против силовиков и представителей власти. Еще один осложняющий ситуацию факт, с которым пришлось столкнуться руководству республики, – и оппозиции практически не осталось тех, с кем можно всерьез вести диалог и договариваться.

Проблемы диалога. Последнее стало очевидно после перехода правительства республики от однозначного «мочить» к попыткам налаживания внутриисламского диалога. Новый Глава Дагестана Магомедсалам Магомедов при поддержке Москвы инициировал дискуссии между разными исламскими группами, в ходе которых умеренная часть салафитов под названием «Ахлю сунна» оформилась в некоторое подобие политической силы, представляющей интересы оппозиционных мусульман. Было дано указание прекратить силовые акции против мирных салафитов. В результате в республике открыто стали функционировать салафитские мечети в Шамхале, Губдене, Буйнакске, салафитские группы в Махачкале (рис. 3). Салафитские бизнесмены вышли из подполья, и по крайней мере в Махачкале, их офисы (в основном торговые, сферы услуг и недвижимости) появились в крупных

Рис. 3. Мечеть в ауле Канглы (Минераловодский район Ставропольского края). Считалась «ваххабитской», однако имам этой мечети Курман Исмаилов не только не ушел в леса из-за давления со стороны силовиков, но и стал сотрудничать с известным российским муфтием Равилем Гайнутдином, перебравшись в Москву

торговх центрах города, в чем автор в 2011 г. удостоверился лично. Хотя практически все эксперты весьма скептически оценивают результаты работы и перспективы созданной по инициативе Магомедсалама Магомедова Комиссии при Главе Республики Дагестан по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, Факт ее учреждения очень красноречив и говорит о желании двигаться в направлении налаживания диалога с крайней оппозицией. В то же время сами умеренные салафиты, приветствуя инициативы власти и осторожно участвуя в предлагаемых формах сотрудничества, готовы к полному сворачиванию диалога со стороны руководства республики и официальных исламских деятелей. *«Мы открыты и вышли из подполья. Но мы в любой момент готовы вновь уйти, потому что мы не уверены в том, что новая политика всерьез и надолго»*²¹. Критика слышна также и со стороны светской части общества, встревоженной тем, что власти все больше и больше демонстрируют свою религиозность, а Глава республики посещает Соборную мечеть по пятницам²².

На словах представители Духовного управления мусульман Дагестана поддерживают начинания правительства²⁰. Однако, по мнению экспертов, его новые шаги воспринимаются ими как своего рода предательство, поскольку оно настолько рьяно боролось против ваххабизма и салафитов, что найти точки соприкосновения будет практически невозможно²⁴.

Позиции «официального» суфизма. Суфии Дагестана в отличие от суфиев Чечни и Ингушетии являются последователями живых шейхов. Как уже

отмечалось, самый популярный из них Саид-афанди Чиркави – шейх сразу двух тарикатов: шазилийского и накшбандийского, половина всех суфиев Дагестана – его последователи. Он контролирует Духовное управление мусульман. Его община стала могущественной силой в республике. Созданная им сеть покрывает не только ее территорию; сильная группа его мюридов Чиркави находится в Москве и до недавнего времени контролировала самый популярный исламский Интернет-портал России «Ислам.Ру»²⁵. В самом Дагестане ученики Саида-афанди достигли еще больших высот, оказывая влияние на многие муниципалитеты и важные экономические учреждения Северного Дагестана. Значительная часть его последователей – представители республиканских органов власти, а также депутаты дагестанского парламента. Мюриды Саида-афанди занимают ответственные посты в правительстве, например, известным из них был один из самых всесильных министров внутренних дел Дагестана Адильгерей Магомедтагиров, погибший в 2009 г. от пули киллера. Следует однако, подчеркнуть, что не стоит воспринимать Саида-афанди как лидера своеобразной «коза-ностры». Дело в том, что все нити управления сосредоточены в руках окружения шейха, сам он скорее символ, чем реально определяющий и принимающий какие-либо решения человек. Кроме того, сама суфийская община не имеет далеких планов и стратегии по подчинению политической и экономической жизни республики своей воле. Иными словами, процесс этот стихийен. Тем не менее, если есть возможность через своих людей влиять на властные экономические структуры, суфии ею пользуются.

Обладание мощными ресурсами позволяет дагестанским суфиям активно вмешиваться в общественно-политическую жизнь республики. Они проводят акции по запрету книг. В марте 2010 г. последователи Саида-афанди устроили погромы в нескольких магазинах, в которых продавалась запрещенная Духовным управлением мусульман литература. Среди суфиев широко распространена исламская правоприменительная практика, т.е. многие мусульмане Дагестана сегодня де-факто живут по законам шариата. Активная деятельность суфиев, пользующихся поддержкой республиканских властей, неминуемо обострила проблему светско-религиозных отношений.

Хотелось бы отметить, что в суфийской части исламской общины Дагестана причудливым образом отображается этнический фактор. В 1990-е годы было хорошим тоном упомянуть о том, что суфийские общины строятся по этническому признаку, т.е. мюридами шейхов становятся их соплеменники. Шейх Сиражуддин Хурикский из Табасаранского района в основном был наставником лезгиноязычного Южного Дагестана, Саид-афанди Чиркевский – шейхом аварцев. Однако с наступлением 2000-х годов вроде бы эта тенденция была преодолена, общины последователей шейхов постепенно стали принимать более пестрый этнический облик. В частности, Саид-афанди через своего ученика Арсланали-афанди Гамзатова, шейха шазилийского тариката и ректора Буйнакского исламского университета, распространил влияние на кумыков и близких им по языку ногайцев. Арсланали-афанди оказался довольно успешным деятелем, и вскоре он стал наиболее реальной кандидатурой на роль самого авторитетного шейха Дагестана. Окружение Саида-афанди, состоящее в значительной мере из аварцев, скорее всего почитало, что нельзя это почетное звание передавать в руки шейха-кумыка.

Вскоре последовал отзыв иджазы – разрешения наставничества по шазилийскому тарикату, а также отставка с поста ректора²⁶. Эти события показывают, сколь еще велико значение этнического фактора на исламском поле Дагестана, и сколь причудливым образом он может проявляться.

Светское/религиозное: проблемы взаимоотношений. Дагестанцы обладают весьма высокой степенью религиозности, что находит отражение в общественно-политической жизни республики. Религиозные деятели, чувствуя поддержку консервативно-религиозной части общества, все более активно включаются в полемику со светскими деятелями, а также вторгаются в сферы, далекие от религии, в частности, вступают в научные дискуссии, пытаются вести мониторинг литературы и влиять на круг чтения дагестанцев через запрет определенных книг. О концертах артистов российской эстрады из-за противодействия представителей официального ислама, дагестанцы уже и забыли²⁷. Вслед за инициативами РПЦ мусульмане деятели Дагестана настойчиво ставят вопрос необходимости введения уроков ислама в школах, справедливо указывая на то, что в принципе не они начали полемику по поводу преподавания религии в государственных школах. Действительно, активное продвижение РПЦ идеи преподавания Основ православной культуры в школе весьма облегчает им эту задачу.

Полемика не ограничивается только лишь содержанием образовательных программ. Все чаще встает вопрос допустимости исламской одежды в государственной школе, совместного обучения девочек и мальчиков и т.д. Чересчур принципиальные сторонники светскости становятся жертвами накала страстей, как, например, директор школы в поселке Шамхал Патимат Магомедова, которую в сентябре 2010 г. расстреляли из-за ее непримиримой позиции по поводу ношения хиджаба в школе, а также уроков физкультуры для девочек²⁸. Станным образом в этой полемике принципиально по одну сторону баррикад оказываются непримиримые противники – суфии и салафиты. Там, где возможность, суфии вводят порядки, не всегда соответствующие декларируемому светскому характеру Дагестана.

Конечно, когда инициативы религиозных деятелей выходят за те рамки, которые им очерчивает Конституция Республики Дагестан, провозглашающая ее светским государством, необходим отпор со стороны светской части общества. Однако в некоторых случаях, по мнению экспертов, критика является не совсем справедливой. Например, часто поднимается вопрос об исламском образовании, которое якобы пытается заменить светское. Реально в Дагестане общин, которые отдают предпочтение системе исламского образования, мало. О такой угрозе можно было вести речь в 1990-х годах, однако сейчас очевидно, что эта тенденция так и не развилась. Престижность светского образования сегодня никем не ставится под сомнение. Кроме того, подвергаемые критике исламские вузы Дагестана, по мнению экспертов и даже правительственных чиновников, играют очень важную социальную роль. Молодые люди, не имеющие денег для поступления в светские вузы, получают здесь кров, еду, а также воспитываются в исламской морали суфийской направленности, запрещающей вооруженную борьбу и экстремизм²⁹.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИСЛАМА В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ: ХАЛИФАТ ЖЕЛАННЫЙ И РЕАЛЬНЫЙ

Последняя, но не менее важная тенденция, – трансформация сепаратистского движения на Северном Кавказе. Этнический сепаратизм сегодня не существует как самостоятельная сила. Начавшись как борьба за отделение Чечни от России, сегодня он превратился в движение за освобождение мусульман от власти «государства неверных». Политизация ислама – явление сложное и неоднозначное. Существует масса способов и возможностей вовлечения мусульман в политическую сферу. Рассмотрим воздействие концепции «исламского государства» на умы и практики кавказских мусульман.

Происходящие в современных исламских сообществах России процессы неизбежно приводят к их политизации, трудно, наверное, найти другое религиозное движение, которое было бы столь политизировано, как исламское. Наша цель – понять, как это связано с идеей халифата и связано ли с ней вообще. Для этого мы будем говорить о представлениях и практиках российских мусульман в сфере государственного строительства в рамках исламской доктрины.

Данная тема практически не затрагивалась напрямую, хотя о халифате сегодня не говорит разве что ленивый. Тема эта постоянно всплывает в официальных комментариях по поводу различных акций, проводимых экстремистами на Северном Кавказе. В представлении властей боевики – это люди, стремящиеся установить здесь халифат³⁰. Смутность такого понимания целей и задач, которые ставят перед собой различные группы мусульман, как «традиционных», так и оппозиционных, происходит из-за недостаточной научной разработанности данной проблемы. На первый взгляд, она кажется очевидной – раз борются против российских властей, значит, хотят установления своей формы правления, а она по умолчанию видится только в форме халифата; причем утверждается о стремлении боевиков создать всемирный халифат, то речь идет об их планах построить его только на Северном Кавказе. Существует огромная библиография работ о политизации российских мусульман, о религиозно-политическом экстремизме среди них, однако мы не сможем назвать ни одной работы, серьезно рассматривающей их политическую доктрину, которая в любом случае должна коррелировать с идеей халифата. Эта интересная тема внятно не исследовалась маститыми российскими и зарубежными специалистами по исламу³¹. Известный американский исламовед Александр Кныш в труде, посвященному теме «Эмират Кавказ», который был провозглашен в 2007 г., практически не касается вопроса о взглядах идеологов и практиков этого бандитского образования на государственное строительство в плане соотношения их с представлениями о халифате. Подавляющее большинство специалистов и экспертов сконцентрировались на вопросе радикализации мусульман России, понимая так и политизацию, что, конечно же, является заблуждением. Между тем процессы настоящей политизации, а не политизации/радикализации весьма интересны.

В связи с проблемой построения «исламского государства» рассматривается тенденция увеличения сторонников введения шариата в России. На Се-

верном Кавказе эта идея особенно популярна в Дагестане, где о ней открыто высказываются представители самых широких слоев населения, особенно молодежи. На форумах, с ее участием звучит много критики в адрес правящих кругов и официального религиозного руководства.

Действительно, многое в этой критике справедливо, и те, кто живет в Дагестане, не могут не видеть потрясающего контраста между показной религиозностью и заявлениями о том, что республика является страной исламской учености, с одной стороны, и настроением и поведением людей, с другой. В результате дагестанское общество погрязло в коррупции, криминале и воровстве, особенно казнокрадстве, которое в дотационной республике поставлено на широкую ногу. Протест верующей молодежи, не находящей себе достойного места в этой вакханалии, не всегда принимает крайние формы, когда люди берут оружие в руки и идут в лес. Значительная часть молодых людей рефлексирует, пытается понять истоки такого положения дел и найти пути выхода из этого состояния. Автору довелось участвовать во многих конференциях в Махачкале, на которых будущая научная элита республики однозначно приходила к выводу о том, что самым лучшим решением будет введение шариата. Аспиранты открыто, не боясь присутствующих авторитетных ученых, говорили о том, что они являются сторонниками шариатского правления. Это серьезный факт, который наталкивает на мысль о том, что в головах интеллектуальной элиты Дагестана уже началось строительство «исламского государства».

Конечно, многие умозаключения молодых людей являются еще незрелыми, однако мы должны отдавать себе отчет, что направляет поиски выхода из кризиса в сторону шариатского правления. В первую очередь это, конечно, разочарование во власти, которая дискредитировала принципы и ценности западной демократии. Сегодня в Дагестане местом обсуждения политических реалий, является кухня, как это прежде в Советском Союзе. Каждый молодой дагестанец практически постоянно слышит про покупку должностей, размеры взяток, связи и кланы, поддержка которых необходима для успешного продвижения во власть. Даже частный бизнес в республике поделен – есть бизнес «аварский», «даргинский», «кумыкский» и т.д., где, естественно, отдается предпочтение представителям соответствующих этнических групп.

Введение шариата, которое невозможно без смены политической надстройки и власти, по мнению молодежи, должно снять существующие проблемы. Вообще представление о шариате как панацеи от всех бед общества – тоже интересный феномен. Молодежь не задумывается над тем, что не существует положительного исторического опыта полноценного введения шариата и что многие шариатские нормы не соответствуют современным реалиям. Для них шариат – это идеальный закон, который сам по себе наделен способностью решения всех проблем. Такое восприятие религиозного закона характерно для верующих, но в данном случае вера тесно соприкасается с практической жизнью. Между тем молодые люди начинают введение шариата с себя. Значительная часть мусульманской салафитской молодежи Дагестана организует собственный бизнес, который обычно связан с торговлей и торговыми операциями. Это, по ее мнению, с одной стороны, соответствует сунне Пророка Мухаммада, который всегда с одобрением отзы-

вался о торговле, а с другой, не ставит их в зависимость от коррупционной системы, господствующей в дагестанском обществе. Образования экономически независимых групп – джамаатов – весьма любопытный пример того, как этими людьми создается своеобразное «комфортное» окружение, пространство, дающее им возможность практиковать нормы, которые им кажутся шариатскими или реально являются таковыми. Личной жизнью, богобоязненностью, ведением бизнеса, по их выражению, «дозволенными» (*халяль*) методами они стремятся всячески противопоставить себя современным порядкам, господствующим в Дагестане и таким образом Так они явочным порядком постепенно устанавливают шариат в своем понимании.

Мусульманская молодежь считает шариат универсальной правовой системой, применимой во всех без исключения сферах жизни. От коррупции спасет, по ее мнению, применение уголовных норм, в частности, отрубание конечностей за воровство. Управление должно осуществляться на основе исламского принципа «шуры» (совещательности), которая не имеет ничего общего с западной либеральной демократией. Обществом управляет один человек, избранный волей большинства общины верующих, власть которого ограничена советом, состоящим из локальных лидеров (амиров), назваемым «Шура». Справедливость управления определяется опорой на шариат и контролем общества через Шуру.

В Дагестане есть также и другой опыт установления шариатских норм. Явочным порядком это делается в многочисленных суфийских общинах Республики. Однако суфийские общины, в отличие от салафитских, не создают «капсульных» сообществ. Их джамааты также сильны и экономически независимы, как и салафитские. Однако суфии не дистанцируются от других групп населения. Они «вплетаются» в них через мюридов – учеников шейхов, которых не заставляют уходить с занимаемых ими мест. Напротив, шейхи усиливают свое влияние в самых разных сферах деятельности через своих мюридов. А это и крупный бизнес, и политика, и наука, и СМИ. Инкорпорация в «коррупцированное дагестанское общество» часто ставится салафитами в вину суфиям. Таким образом, в случае с суфиями мы видим совершенно иной подход к созданию исламского государства – через активную исламизацию социального организма путем внедрения в него.

Тем не менее идея введения шариата обычно не связана непосредственно с идеей образования халифата, которая сегодня открыто провозглашена двумя противоборствующими группировками в регионе: исламскими радикалами – ваххабитами и последователями Хизб ут-Тахрир. Ваххабиты заявили в 2007 г. о создании Кавказского эмирата, который должен стать в будущем частью халифата. Деятели Кавказского эмирата, несмотря на то что контролируют очень небольшие территории, осуществляют реальную политику по выстраиванию государственного аппарата, начиная с органов власти и заканчивая налоговой системой. Группировки Хизб ут-Тахрир следуют в традиционной для этой партии манере, причем они подвергаются нападкам как со стороны российских силовых органов, так и со стороны ваххабитов.

Любопытно проследить взаимоотношения Хизб ут-Тахрир с другими исламскими образованиями на Северном Кавказе. Долгое время им не удавалось закрепиться в регионе, и только с 2008 г. стала поступать информация их о более-менее устойчивых их группах в Дагестане, в частности в Хаса-

вюртовском районе. Интересно, что сведения об активности тахрировцев были получены именно от салафитов, которые выражали по этому поводу свое недовольство.

Человек со стороны может недоумевать: ведь и те и другие желают одной цели – установления шариатского правления и объединения всех мусульман в рамках государства, осуществляющего управление по исламским законам. Люди, близкие к суфийским кругам в Дагестане, задавались вопросом: почему ваххабиты (салафиты) люто ненавидят тахрировцев? Никто не обращал особого внимания на то, что в течение последних лет салафиты на Северном Кавказе держали монополию на своем поле и не допускали сюда эмиссаров Хизб ут-Тахрир. Их проникновению препятствовали физически, были приняты также серьезные идеологические меры – это антихизбовская пропаганда в ходе проповедей, и издание разоблачительных брошюр и листовок, в частности, специальной брошюры о партии, ее идеологии и «зablуждениях».

Появление Хизб ут-Тахрир на Северном Кавказе сегодня закономерно, поскольку главные противники этой партии ослаблены взаимной враждой. Попытки проникновения в этот стратегически важный регион тахрировцами предпринимались и ранее. Об этом свидетельствует беспрецедентная анти-тахрировская пропаганда, которую салафиты развернули среди кавказских мусульман в 1990-е – начале 2000-х годов. Наиболее их деятельность изучена на примере Кабардино-Балкарского джамаата, один из идеологов которого – Анзор Астемиров (известный до своей гибели также как амир Сейфулла) вместе с Расулом Кудиевым переводили антитахрировскую литературу с арабского языка, а также готовили разоблачительные листовки, статьи и брошюры³². Многие из этих материалов доступны по сей день в Интернете.

Кабардино-Балкарский джамаат организовал учебу и семинары для своих членов, чтобы оградить их от идеологического влияния Хизб ут-Тахрир, а среди мусульман, не входящих в джамаат широко распространялись анти-тахрировские листовки и брошюры. Пользуясь своей разветвленной сетью, джамаат также не допуская никакой активности функционеров этой партии.

Главное отличие между Хизб ут-Тахрир и салафитами состоит в том, что две эти силы по-разному понимают методы достижения одной и той же конечной цели, подобно меньшевикам и большевикам в начале XX в. Если Партия исламского освобождения предполагает образовать исламское государство (по их представлению это должен быть именно халифат) мирным путем, через переворот в сознании мусульман, то салафиты придерживаются более радикальной тактики, считая необходимым разрушить государство «неверных» и на его руинах создать исламское, причем не обязательно сразу же халифат. Для них очевидно, что сейчас джихад на Северном Кавказе должен вестись исключительно вооруженным путем. Отрицание категоричности такого пути воспринимается не просто как ошибка или предательство, а как отход от ислама. Из-за ограниченности возможностей сегодня они применяют в основном террористические методы борьбы. Главная мишень – силовые структуры государства; при этом подрывная деятельность ведется также и против тех, кто, как они выражаются, поддерживает «кафирское» государство.

Для функционеров Хизб ут-Тахрир такие методы борьбы неприемлемы. Они являются сторонниками постепенного проникновения в социальную структуру общества и изменения его изнутри. Соответственно члены партии должны внедряться во все сферы общественно-политической жизни, в том числе и в такие ключевые, как власть. Этот методологический разрыв между тахрировцами и салафитами очень принципиален. В своей брошюре «Партия исламского освобождения» идеологи Кабардино-балкарского джамаата Кудавев и Астемиров подчеркивают, что Хизбут-Тахрир «является исламской политической партией, призывающей к восстановлению исламского государства в форме халифата и считающей, что изменить и повлиять на общество возможно только идеологической атакой, за которой последует идеологический, а затем и политический переворот». Они приходят к такому выводу: «Идеология и методы этой партии противоречат основам вероучения и методам “Ахлю-с-сунна уа-ль-джама’а”»³³ (т.е. суннитов. – А.Я.). Интересно отметить, что, критикуя организационную структуру Хизб ут-Тахрир, авторы брошюры пишут: «Области и регионы, в которых работает партия, они называют “улияятами” (подвластными территориями)»³⁴. Однако, провозгласив в 2007 г. Кавказский эмират (Имарат Кавказ), салафиты назвали районы своей деятельности также «вилаятами». В этом, несомненно, просматривается подсознательное стремление к глобальному исламскому халифату, частицу которого здесь и сейчас они пытаются установить.

Третья серьезная сила – суфии, они также предполагают установить на Северном Кавказе исламские порядки. Как мы уже отмечали, методы их подобны методам Хизб ут-Тахрир: суфии постепенно проникают в тело государства и общества, расставляя мюридов (учеников) шейхов на важных направлениях в политике и экономике. Однако появление такого сильного конкурента, как Хизб ут-Тахрир, их явно не обрадует, поскольку идеология этой партии далека от суфийской (рис. 4). Сегодня суфии еще не осознали глубину опасности, исходящей от Партии исламского освобождения, и не предпринимают активного противодействия, но в будущем такая реакция практически неизбежна. Ведь Хизб ут-Тахрир предлагает региону, уставшему от идущей уже много лет вялотекущей гражданской войны, мирную альтернативу через просвещение и политическую деятельность. Этот путь понятен дагестанцам, привыкшим к методам суфиев, которые, однако, призывают не инкорпорироваться в погрязшее в пороках общество, а начинать его исправлять через изменение сознания верующих мусульман. Получается некий срединный путь – критика, характерная для салафитов, сохраняется, но при этом предлагается идти более цивилизованным путем, без взрывов, изоляции и насилия.

Тем не менее ячейки Хизб ут-Тахрир так и не стали массовыми на Северном Кавказе в целом и в Дагестане в частности. Гораздо более успешным оказался проект «Кавказского эмирата». Среди мусульман Северного Кавказа в XIX – начале XX в. было распространено движение за имамат, который ограничивался бы местными географическими рамками. Следует отметить, что движение это обосновывало возможность существования локальных имамов при том, что большинство суннитов того времени признавало имамат османских султанов, принявших на себя звание халифов. Имамы Дагестана и Чечни пытались держать эти исламские территории в рамках «Дар уль-

Рис. 4. «Святое место» на юге Дагестана. Такие формы культа – один из предметов ожесточенных споров между местными суфиями и салафитами

Ислам», «Обители ислама», пусть даже и не подчиненной непосредственно власти османского халифа.

Вообще с того момента, как исламский мир политически раздробился, жил одновременно при нескольких халифах, а затем и вовсе потерял олицетворявшего их единство халифа, мусульмане придумали множество самых разных форм политического устройства общества. Формально все властители, правившие после распада Арабского халифата, признавали суверенитет халифа. Особым рвением в превращении этого суверенитета в реальность они не отличались и в титулах бывали скромны. В подавляющем большинстве это бывали амиры (или амир аль-муминин, «повелитель правоверных»), которые правили эмиратами. Эмираты в политическом сознании мусульман – это кирпичики, из которых состоит исламский мир, а в далеком будущем они сложатся в единый халифат, который объединит исламскую умму.

Иными словами, государственные образования, населенные и управляемые мусульманами на основании шариата, формально могут считаться воплощенными на локальной территории халифатами. Вспомним в этой связи имамов Чечни и Дагестана и воплотившийся затем в реальность и успешно противостоявший российской экспансии на Кавказе Имамат Шамиля (1829–1859).

Неудивительно, что Северный Кавказ, обладающий огромным опытом строительства локального халифата, вновь обратился к этой идее уже в на-

чале XXI в. Идея построения исламского государства в 1990–2000-х годах здесь так же, как и два века назад, оказалась тесно связана с идеей джихада. В частности, один из идеологов экстремистского крыла салафитов Ясин Расулов написал примечательную книгу под названием «Джихад на Северном Кавказе: сторонники и противники»³⁵, которая посвящена обоснованию того, что суфии не имели никакого отношения к джихаду на Северном Кавказе, а салафизм вовсе не является чуждым для этого региона явлением³⁶.

Новый кавказский джихад, начавшийся с борьбы за независимость Чечни, стал постепенно переосмысливаться участниками сражений. Наиболее примечательна в этом плане деятельность чеченского полевого командира Шамиля Басаева. В правительстве «Чеченской республики Ичкерия» он инициировал и осуществил проект по распространению джихада за ее пределами и широкому привлечению других северокавказских народов к этой борьбе. Так, курируя ногайское направление, в частности наиболее бесправную группу, проживающую на востоке Ставропольского края, Басаев образовал в Чечне так называемый Ногайский округ, выделил ногайцам квоту для избрания в парламент Ичкерии. Опыт оказался очень успешным: благодарные ногайцы, в основном молодежь, создали весьма боеспособные группы, отличившиеся в вооруженных столкновениях.

Басаев стремился укрепить свой успех, действуя одновременно на нескольких направлениях, одним из важных среди которых было кабардино-балкарское. К середине 2000-х годов здесь сложился очень крепкий и сплоченный джамаат. Басаеву удалось вступить в контакт с его верхушкой, постепенно вовлекая ее в орбиту сотрудничества. Переломным стал 2004 год, когда уставшие от попыток наладить легальную деятельность и тем самым оградить республику от потрясений власти джамаата присоединились к вооруженному джихаду в Чечне. Анзор Астемиров в 2004 г. участвовал в дерзком нападении на офис Госнарконтроля, добыв оружие для тех, кто был готов воевать.

Однако лидеры Кабардино-Балкарского джамаата понимали, что представляют весьма серьезную силу, и, скорее всего, не хотели быть на правах «младших братьев». В руководстве Ичкерии зрело понимание того, что борьба за независимость одной только Чечни стала анахронизмом. Долгая переписка между Анзором Астемировым и чеченским лидером Докку Умаровым закончилось тем, что последний принял решение отказаться от идеи независимости чеченцев и бороться за независимость всего Кавказа под исламскими лозунгами.

Анзор Астемиров приводил простые и убедительные доводы, которые он черпал в Коране и сунне. По его мнению, национализм – самая страшная беда Кавказа. Он считал, что все народы региона должны быть объединены как мусульмане. А это возможно лишь в общем исламском государстве, которое будет управляться мусульманами и жить по шариату – исламскому закону.

Провозглашение Кавказского эмирата, или Имарата Кавказ состоялось в 2007 г. Официальный релиз заявления амира Докку Умарова был опубликован 25 рамадана 1428 г. (7 октября 2007 г.). Сидя под черным знаменем джихада, путаясь и сбиваясь, он сказал о прекращении борьбы за независимость Чечни и о создании Кавказского эмирата, назвав конкретные вилайаты нового государственного образования. Любопытно, что эмират видится им

как ступень по пути к объединению мусульман. «Мы – неотъемлемая часть мусульманской уммы», – заявил Умаров.

Дальнейшие шаги по оформлению эмирата были достаточно серьезными. Окружение Умарова, в которое теперь попадает и Астемиров, формирует органы управления, среди которых одним из эффективно действующих становится шариатский суд (его возглавил Астемиров). Наиболее известным его решением стал приговор Закаеву, так и не исполненный, но составленный по всем правилам шариата.

Эмират также занимается финансовыми делами. Бизнесмены облагаются налогом, называется не рэкетом, а закятом. У попавших в поле зрения бизнесменов высчитывается имущество. И в письменной форме они извещаются о том, что они обязаны заплатить определенную сумму в виде закята (ставка налога составляет 2,5 % от средств владельца). Отказ со стороны бизнесменов чреват серьезными последствиями для их родственников, в отношении которых «налоговики» грозятся применить самые разные меры. Интересно, что независимо от места своей работы – будь это Кавказ, Тюмень, или Москва – бизнесмены оказываются вынужденными платить закят.

Предпринимаемым мерам эмиратчики дают обоснование, используя лазейки в исламском праве, что позволяет им паразитировать на мусульманском религиозном налоге. Дело в том, что среди конкретных статей расхода, на которые могут тратиться средства закята, в Коране назван такой достаточно расплывчатый пункт, как «на пути Аллаха», который по-разному трактуется мусульманскими богословами. Наиболее распространенная интерпретация состоит в том, что данное положение означает вкладывание средств в проповедь ислама через финансирование мусульманских школ, издание книг и т.д. По словам же боевиков, на этом деньги в структурах «эмирата» содержится шариатский суд, другие органы. Кроме того, поскольку, по их словам, идет война, то значительная их часть идет на связанные с ней расходы³⁷.

Для понимания сути эмирата как определенного этапа на долгом пути к халифату весьма показательной является развернувшаяся в Интернете дискуссия о государственном языке эмирата. Были споры о самых разных языках, в частности, о русском (который, кстати, де-факто и является «государственным» в эмирате, поскольку именно на нем был провозглашен сам эмират и выпускаются многочисленные заявления полевых командиров). Много было мнений относительно арабского и османского (турецкого). Предлагавшие последний говорили о том, что османский язык был языком последнего халифата, что очень примечательно. Пока эти дискуссии проходят в виртуальном пространстве виртуального эмирата, однако исламское поле Северного Кавказа все более и более принимает осязаемые очертания.

ИТОГИ

Таким образом, ислам на Кавказе нельзя трактовать упрощенно, как «официальный» и «неофициальный», «традиционный» и «нетрадиционный», к чему мы привыкли. Исламское поле представляет собой пеструю мозаику разных направлений, толков, течений, интерпретаций, наконец. Ислам занимает все большее место в общественно-политической жизни республик

Северного Кавказа, активно заполняя идеологический вакуум. Для проблемных территорий региона характерны бурные и тлеющие конфликты, в которые ислам волей или неволей оказывается вовлечен. Самое главное – отдать себе отчет, что часто ислам служит лишь знаменем, прикрывающим истинные причины конфликтов.

Перспективы политического ислама на Северном Кавказе вообще и в Дагестане в частности весьма туманны. Даже те, кто поддерживает идею введения шариата и построения Кавказского эмирата, как правило, совершенно не имеют представления о халифате. Поэтому утверждение официальной контрпропаганды, что боевики на Северном Кавказе якобы воюют за установление здесь власти «всемирного» халифата, абсолютно не соответствует действительности.

¹ Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007. С. 112.

² Об этом процессе см., в частности: Ариф Юнусов. Ислам в Азербайджане. Баку: «Заман», 2004. С. 268.

³ Religion. Administrative Department of the President of the Republic of Azerbaijan. Presidential Library // http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_en/atr_din.pdf, P. 2.

⁴ О том, как в Дагестане происходил переход к сетевой форме активизма, см., в частности, на примере местного джихадистского джамаата «Шариат»: *Kurbanov R. The information jihad of Shariat. jamaat. Objectives, methods and achievements // Russia and Islam. State, society and radicalism / Ed. R. Dannreuther and L. March. Routledge, 2010. P. 156.*

⁵ Такая форма активизма способствует еще большему вовлечению молодежных джамаатов в орбиту «исламской глобализации». Среди молодых мусульман распространяются фетвы и суждения «электронных» муфтиев, которые концентрируют свою проповедь в глобальной сети, целенаправленно работая с аудиторией, имеющей доступ в Интернет. Часто эти проповеди и фетвы снабжаются английским переводом или даже изначально пишутся по-английски, что на данном этапе развития сети Интернет (различные службы перевода, в частности, Гугл-переводчик) не является препятствием для русскоязычных мусульман.

⁶ Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Указ. соч. С. 370.

⁷ В частности, закон признает в качестве единственного представителя мусульман «орган управления религиозной республиканской организации», каковым является Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД). Этот орган находится под контролем учеников Саида-афанди.

⁸ Ж. Хамдохова Кабардино-Балкария: «спящую красавицу» разбудили? // Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития. М., 2012. С.62.

⁹ Более подробно о том, как развивалась ситуация в Кабардино-Балкарии, см.: *Ярлыкапов А.А. Новое исламское движение на Северном Кавказе: взгляд этнографа // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 31. М., 2006. С. 205–229; Shterin M., Yarlykapov A. Reconsidering Radicalisation and Terrorism: the New Muslims Movement in Kabardino-Balkaria and its Path to Violence // Religion, State and Society. Vol. 39. Nos. 2/3. Routledge, 2011. P. 303–325.*

¹⁰ Интервью с Махачем Мусаевым, Зав. отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 15 сентября 2011 г.

¹¹ Интервью с Зайдом Магомедовичем Абдулагатовым, зав. отделом социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 14 сентября 2011 г.

¹² О том, как складывается феномен «муфтиев без границ», см. сборник статей, посвященных «всемирному» муфтию Юсуфу аль-Карадави: Eds. Gräf B., Skovgaard-Petersen J. *Global Mufti. The Phenomenon of Yusuf al-Qaradawi*. L., 2009.

¹³ Интервью с Ш. Шихалиевым, зав. отделом восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 14 сентября 2011 г.; Фокус-группа со студентами вузов г. Махачкалы, 20 сентября 2011 г.

¹⁴ Фокус-группа со студентами вузов г. Махачкалы, 20 сентября 2011 г.

¹⁵ Там же.

- ¹⁶ Интервью с Абасом Шапиевичем Ахмедуевым, главным научным сотрудником Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН, 16 сентября 2011 г.
- ¹⁷ Подробнее об этом см.: *Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011. С.163–211; 348–408.
- ¹⁸ Саид-афанди Чиркеевский (род. 1937) – суфийский шейх накшбандийского, кадирийского и шазилийского тарикатов. По оценкам, его последователями являются около 50% суфиев республики. Мюриды Саида-афанди также контролируют Духовное управление мусульман Дагестана.
- ¹⁹ Интервью с Ш. Шихалиевым.
- ²⁰ Ахмадкadi Ахтаев (1942–1998) – один из лидеров Исламской партии возрождения, был избран Председателем Совета улемов и амиром партии в 1990 г. на первом съезде мусульман СССР в Астрахани. Ахтаев был известен как лидер умеренного крыла салафитского движения в Дагестане, выступал против такфира (обвинения в неверии), участвовал в общественно-политической жизни (в 1992 г. был избран в Верховный Совет Дагестана).
- ²¹ Интервью с представителем салафитской общины г. Махачкала (аноним), 23 сентября 2011 г.
- ²² Интервью с З.М. Абдулагатовым.
- ²³ Интервью с Рамазаном Шахбановичем Рамазановым, зам. муфтия Республики Дагестан по молодежным вопросам, 21 сентября 2011 г.
- ²⁴ Интервью с Ш. Шихалиевым.
- ²⁵ Сегодня контроль над этим Интернет-ресурсом перешел в руки дагестанской группы мюридов.
- ²⁶ События эти прошли практически незаметными для большинства экспертов и СМИ. Некоторый всплеск обсуждений был замечен лишь на кумыкских Интернет-форумах. См., в частности: Национальная окраска в религиозных разборках. Сайт «Кумыкский мир. Культура, история, современность» // <http://kumukia.ru/forum/viewtopic.php?t=1200>, дата обращения 01.04.2012.
- ²⁷ В 2000-е годы были сорваны гастроли ряда российских эстрадных исполнителей, в частности, Бориса Моисеева. См., например: Артиста Бориса Моисеева не пустили в Махачкалу: обзор СМИ Дагестана. ИА Regnum // <http://www.regnum.ru/allnews/256041.html/> дата обращения 5 ноября 2011 г.
- ²⁸ *Олег Ионов.* Директор школы в Махачкале стала жертвой наемных киллеров... Кавказский узел // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/174704/>, дата обращения 24 сентября 2010 г.
- ²⁹ Интервью с Муртазали Гаджиявовичем Якубовым, главным специалистом Отдела взаимодействия с религиозными образовательными учреждениями и гуманитарного сотрудничества Управления по государственно-конфессиональным отношениям Министерства по национальной политике, делам религий и внешним связям Республики Дагестан, 23 сентября 2011 г.
- ³⁰ Впрочем, вслед за властями такие штампы расходятся и по научным публикациям. Из последних см., например: *Yemelianova G.* Divergent trends of Islamic radicalization in Muslim Russia. In: *Russia and Islam. State, society and radicalism* / Ed. R. Dannreuther, L. March. Routledge. London, New York, 2010. P.133–134.
- ³¹ См., например, работы: *Малашенко А.В.* Исламская альтернатива и исламистский проект. М., 2006; *Игнатенко А.А.* Ислам и политика. М., 2004; *Нечитайло Д.А.* Международный исламизм на Северном Кавказе. М., 2006; *Добаев И.П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, 2003; *Knysh A.* The Caucasus Emirate: Between Reality and Virtuality // Keyman Program in Turkish Studies. Working Paper Series. Working Paper No. 09-001. June 2009.
- ³² См., в частности, брошюру, которая распространялась среди членов Кабардино-Балкарского джамаата, а затем появилась также в Интернете: Хизб ут-Тахрир аль-Ислямий (Партия исламского освобождения). Перевели и подготовили: *Р. Кудаев, А. Астемиров.* Б.м., б.г.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Расулов, Ясин.* Джихад на Северном Кавказе: сторонники и противники. Б.м., б.г. 78 с.
- ³⁶ Там же. С. 67–68.
- ³⁷ *Беккин Р.* Исламская экономика – правда и вымыслы / Информационно-аналитический центр. Интернет сайт, дата публикации 16.02.2010 // <http://www.ia-centr.ru/expert/7226/>

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: СИСТЕМНЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ (вместо заключения)

Самое главное в данном коллективно труде – это попытка его авторов внести реальный вклад в аналитическое осмысление одной из наиболее сложных и драматичных проблем современности – этнополитических конфликтов, которые стали одним из глобальных вызовов после того, когда, казалось бы, с распадом СССР и «лагеря социализма» закончилась эра «большого противостояния» двух блоковых систем военно-политического характера. Однако именно в 1990-е годы произошел исторический переход от войн государств к «войнам идентичностей», т.е. к внутригосударственным коллизиям по поводу власти, статуса и культурных различий (раса, этничность, религия, язык)¹. Что касается этнополитических конфликтов, то в ходе предпринятого в 1990-е годы Институтом социального развития ООН (UNRISP) исследования в мире выявлены 223 конфликта. Они были либо сепаратистские, либо представляли собой борьбу за признание группового статуса, либо за групповую автономию, либо межобщинную борьбу или были инициированы радикальными религиозными движениями².

Современные конфликты имеют ряд особенностей. Прежде всего, сократилось число межгосударственных войн и стало больше внутригосударственных и трансграничных конфликтов. По этой причине уменьшилось и общее количество жертв вооруженных столкновений: в сравнении с 1950-ми годами (войны в Корее и Китае) в конце 2000-х оно составило в мире только 5% от того, что было полвека тому назад. Всплеск числа жертв произошел в конце 1990-х годов из-за вооруженных конфликтов в Конго, Эфиопии и Эритрее, Анголе, Сьерра-Леоне, Афганистане и России (Чечня).

За последние десятилетия менялась глобальная география войн, включая этнополитические и религиозные конфликты³. В 1970-е годы регион Восточной и Юго-Восточной Азии уступил первенство Ближнему Востоку и Тропической Африке, в 1980-е сюда добавились Северная Африка, Южная и Центральная Азия. К концу 1990-х годов конфликты в Тропической Африке сходят на нет, но уже в следующем столетии возникает новый регион разрушительных гражданских конфликтов с международным вмешательством – это регион исламского мира стран Востока и Северной Африки, переживающего так называемую «арабскую весну».

Мощным толчком эскалации конфликтов стала так называемая «глобальная война против террора», которую объявили США и ее союзники после террористического акта 11 сентября 2001 г. Еще одна особенность – это проявление цикличности, т.е. повторяемости (возобновления) конфликтов, когда в 2000-е годы только около одной четверти всех конфликтов вспыхивали впервые⁴. Отличительной чертой можно считать и то, как завершаются нынешние конфликты. С 1946 по 1989 г. результатом их подавляющего большинства была военная победа одной из сторон; в 1990-е годы тех из них, за-

Рис. 1. Беженцы женщины и дети в Чечне

канчивались которые мирным соглашением, стало почти столько же, сколько победоносных, а после 2000 г. число первых стало в два раза больше (24% против 12%), чем вторых⁵. Это говорит о том, что конфликты становятся все труднее односторонне выигрывать на основе превосходства в силе.

Но самая важная особенность внутригосударственных конфликтов этнополитического характера – это неизбирательный характер насилия, который направлен как против комбатантов, так и против гражданского населения. Причем ответственность за жертвы среди гражданского населения несут главным образом нерегулярные (негосударственные) участники конфликта, так называемые незаконные вооруженные формирования, отдельные террористические группы или террористы-одиночки. К 2008 г. доля жертв среди гражданского населения от этих сил составила 83% всех жертв данной категории⁶. Главными жертвами среди гражданского населения становятся женщины и дети – так было во всех конфликтах последних двух десятилетий, включая произошедшие на территории бывшего СССР (рис. 1).

Существуют разные объяснения и теоретические концепции, причем возникновения и существования милитаризма, агрессии, войн, геноцида и динамики современного насилия в сторону политизации культурных различий. Почему появляются новые конфликтные ситуации и новые аргументы у сторонников насилия и почему исчезают старые конфликты за территорию и ресурсы типа «нефтяных войн» конца XIX в. или войн за «мировое пространство» и «мировой порядок» в первой половине XX в.? При этом мало меняется изначальная природа насильственного конфликта в человеческих сообществах. Люди убивают друг друга, конструируя все новые

формы оружия и методы убийства, а государства сохраняют армии, и вооруженные профессионалы от его имени или от имени «неформальных» (парамилитарных) сил продолжают практиковать насилие, как это было в прошлые века человеческой истории. Вопрос, как видим, не из простых: возможен ли вечный мир или конфликты и насилие – это неотъемлемая характеристика в существовании рода человеческого? Возможно, немецкий ученый Дитер Сенгхаас прав, когда пишет в известной Бергхофской «настойной книге» по конструктивному разрешению конфликтов о «цивилизации конфликта»: это действительно огромный домен человеческой культуры, понимание которого требует много знаний о мировом контексте и о каждом конкретном случае конфликта. Сенгхаас напоминает о морально-ценностном опыте пацифизма первой половины прошлого столетия, который снова может стать главной стратегией миротворчества, если будет «конструктивным пацифизмом» и если удастся создать своего рода «глобальную систему мира»⁷.

Другими словами, встает вопрос о том, что может последовать после политик «сдерживания», «устрашения», «принуждения», «мирных договоров» и т.д., нет ли смысла обратиться к казалось бы несбывшимся утопиям о всеобщем миролюбии и о «вечном мире»? Предлагаемая авторами вышеупомянутого труда система *конструктивного разрешения (трансформации) конфликтов* включает в себя целую матрицу взаимосвязанных факторов-условий, среди которых: сохранение монополии силы за государством или за другими международно-правовыми институтами, верховенство закона и правовое государство, суверенитет общества и государства и эффективный контроль за властью, демократическое участие граждан в принятии решений и социальная справедливость. Как считает бывший директор Бергхофского центра изучения конфликтов Норберт Роперс, необходима своего рода культура конструктивного разрешения конфликтов, которая включает многоуровневые и разнообразные действия сторонников мира. Своим личным примером многолетней работы в Шри-Ланке он утверждал эту идею систематической «многоуровневой активности»⁸, и, кажется, она принесла позитивные результаты в этой стране.

В основе Бергхофского подхода находится ценностный взгляд на трансформацию этнополитического конфликта через *цивилизаторские усилия множественных действующих лиц и разнообразные практики*. Этот инновационный подход отличается от самого распространенного в реальной политике и, возможно, самого уязвимого подхода в разрешении конфликтов: решать возникающие коллизии между человеческими коллективами через лобовое столкновение, кто кого одолеет и возьмет верх на время или навсегда. Сразу же скажем, что ценностного подхода, своего рода *окультуривания конфликта* категорически не хватает в современном мире. Тем более его не хватает в постсоветском мире, где долгое время правила дело конфронтационное и одномерное мышление и самонадеянность силы. Свежесть и привлекательность цивилизаторского подхода не отменяют некоторые жесткие реальности современной политики, о которых невозможно забывать и которые мы намерены проанализировать. Однако сначала обобщим представления о природе и типах конфликтов.

СУЩНОСТЬ И ТИПОЛОГИЯ КОНФЛИКТОВ

Хотя этнические конфликты имеют давнюю историю, к их исследованию специалисты обратились довольно поздно. Одни из пионеров изучения этничности американцы Н. Глейзер и Д. Мойнихен сделали в свое время громогласный вывод, что этничность является «более фундаментальным источником стратификации», нежели классовая природа общества, и потому этничность и этнический конфликт сегодня и в будущем не потеряют своей актуальности⁹. Последующее изучение этнических конфликтов действительно показало, что в их происхождении есть некоторые глубинные историко-культурные факторы, а в их эскалации имеются повторяющиеся черты и этапы, которые позволяют определить закономерности в протекании сходных типов конфликтов. Однако, как свидетельствуют более внимательные наблюдения, в них играют не менее ключевую роль своеобразие, спонтанность и стохастические (непредвиденные) последствия людских действий, эмоции и амбиции.

В объяснительных моделях возникновения и эскалации этнических конфликтов очевидно прослеживается влияние основных теорий этничности – примордиализма, инструментализма и конструктивизма. В рамках *примордиалистского подхода* этнический конфликт обычно рассматривается как проявление так называемой «древней вражды» – исконных межгрупповых противоречий и врожденной неприязни, которая может подавляться только силой авторитарных режимов или внешним принуждением. Как только режимы ослабевают, древняя вражда дает о себе знать с новой силой. Согласно данной логике, конфликт между сербами и хорватами объяснялся ненавистью представителей этих народов друг к другу, равно как и карабахский конфликт – ненавистью между армянами и азербайджанцами. По мнению сторонников такого подхода, названные конфликты были неизбежны. Режим Тито в Югославии и советский режим в СССР только на время могли подавить вражду между названными народами, но были не в силах искоренить ее глубинные основы. По логике сторонников теории природной вражды на основе диспозиции «мы и другие» этнические конфликты должны происходить между всеми этническими группами, в отношениях между которыми есть элементы соперничества, вражды и неприязни, но в реальности этого не происходит.

Сторонники *инструменталистского подхода* понимают этничность не как исконную (природную) сущность, а как инструмент и ресурс, который используется в процессе конкуренции между группами. Сама же этничность не является причиной конфликтов, который рассматривается не как результат несовместимости групповых идентичностей, а как следствие межгруппового соперничества за обладание экономическими или природными ресурсами, особенно в ситуациях, когда группы имеют неравный доступ к власти, богатству и социальному статусу. В этой связи объяснение конфликта между сербами и хорватами выглядит как столкновение двух социальных групп, чья этничность, т.е принадлежность к сербской и хорватской этническим общностям, были использованы политическими лидерами в качестве инструмента политической мобилизации. Инструменталистский подход возлагает вину за конфликт на «этнических антрепренеров». С этой точки

зрения, на возникновение и эскалацию конфликтов решающее влияние оказывают действия элит, которые мобилизуют этничность и используют ее для реализации собственных целей.

Конструктивистское понимание этнического конфликта уделяет особое внимание формированию этнической идентичности, условиям ее основания и изменения. Упор здесь делается на индивидуальную и групповую творческую активность, а также на индоктринацию по части «самости», «целостности», «группового суверенитета», «выживания» и т.д.

Среди наиболее известных теорий этнических конфликтов можно выделить несколько. В теории этнической стратификации Дж. Ротшильда¹⁰ было предложено рассматривать этнические группы и государство как субъекты этнополитического конфликта. При этом внимание уделялось анализу как ресурсного потенциала сторон, так и возможностям политической мобилизации группы. По мнению ученого, успехи и активность этнополитических движений зависят от экономических, политических и идеологических ресурсов, которыми может оперировать группа. Кроме того, необходимо учитывать состав группы, ее социальные и культурные характеристики.

В социально-психологической теории этнического конфликта Д. Горовица¹¹ основное внимание уделялось социально-психологической динамике. В его понимании этничность обладает особой динамикой в силу того, что она сопряжена с коллективными эмоциями. Данное обстоятельство приводит к тому, что рациональные политические и экономические интересы группы могут отступать на задний план и решающую роль в провоцировании и эскалации конфликта начинают играть эмоциональные факторы. В динамике этнического конфликта прослеживается действие двух механизмов поведения: социально-психологического и институционального. Этнический конфликт возникает за счет групповой эмоциональной реакции, опирающейся на групповую солидарность, когда члены группы пытаются защитить некие общие ценности, часто имеющие символический характер. Затем эмоциональная реакция и групповая солидарность трансформируются в публичную деятельность, в оформленные позиции и притязания, для реализации которых создаются соответствующие структуры.

Масштабная попытка анализа этнического конфликта была предпринята Т. Гурром и его соратниками в труде «Меньшинства как группа риска». Эта работа была построена на основе изучения политического поведения 233 этнических групп за период с 1945 по 1989 г. Ключевое положение концепции Гурра состоит в утверждении, что этнополитическое действие мотивировано глубоко укоренившимся недовольством людей своим коллективным статусом, которое акцентируется и стимулируется групповыми лидерами и этническими антрепренерами¹². Из этой концепции выросла теория «базовых человеческих потребностей», которая якобы лежит в основе конфликтов, и среди таких потребностей появляется стремление к групповой целостности и к коллективному самоопределению¹³. Нами в свое время была дана критика этих теорий и подходов¹⁴, и ни один из них мы не считаем универсальным и даже достаточным для анализа современных конфликтных сложностей.

Этнический (чаще употребляется синонимичная дефиниция – *этнополитический*) конфликт – это особая форма социальных конфликтов. Он обладает способностью вовлекать в свою орбиту предметные области и объек-

ты других типов конфликтов и в чистом виде встречается нечасто. Между тем опыт всемирной истории показывает, что эти конфликты могли приобретать значительные масштабы и что любой из них одновременно имеет политическую составляющую. В этой связи справедливо звучит вопрос о том, что же есть собственно этническое в этнополитических конфликтах, который поставил немецкий антрополог Г. Шлее. По его мнению, всю совокупность взглядов и позиций, связанных с определением этничности как причины «расколов и дезинтеграции» можно свести к следующим утверждениям: 1) этнические различия являются первопричиной этнических конфликтов; 2) противоречия между обычаями различных народов отражают древние, наследуемые и глубоко укоренившиеся антагонизмы; 3) этничность является универсальной, т.е. любой человек принадлежит к какому-либо народу; 4) этничность аскриптивна, т.е., как правило, человек не может изменить свою этническую принадлежность; 5) народ представляет собой общность по происхождению; 6) этнические общности связаны с определенной территорией и стремятся к национальному суверенитету¹⁵.

Однако практически любое из приведенных утверждений можно оспорить. Полемизируя с утверждениями относительно значения этнических различий в возникновении и эскалации этнополитических конфликтов, с попытками объяснить их возникновение глубокой исторической обусловленностью, Шлее приводит пример Югославии. Считается, что югославский кризис есть пример классического этнополитического конфликта современности. В этой связи наиболее значима ситуация в Боснии, которую Г. Шлее называет «Югославией в миниатюре». Исследования предвоенного времени показали, что происходило постепенное исчезновение югославянских этничностей и шел процесс формирования единого югославского народа. Этот процесс имел разную интенсивность в различных частях страны, но он был очевиден. В Боснии подавляющая часть населения вплоть до 1990-х годов не придавала существенного значения этническому фактору. Однако этничность по существу была навязана политиками местным сербам, хорватам и мусульманам, и мнимые культурные различия стали реальным основанием не только для разделения общин, но и для их жестокого противостояния в ходе гражданской войны.

Основополагающими причинами современных этнополитических конфликтов являются дискриминация и отсутствие или неразвитость демократических практик и институтов, которые позволяли бы решать проблемы путем переговоров и компромиссов. Концепция нации-этнуса, возникшая в Восточной Европе во второй половине XIX в., послужила позднее основой для серьезных противоречий и конфликтов во многих регионах мира, включая концепт Великой Сербии, появления этнического национализма бумипутра (сынов земли) в Малайзии, амхара – в Эфиопии.

Не менее частыми причинами этнополитических конфликтов являются этнический сепаратизм, ирредентизм, борьба за легальный статус группы, стремление к обретению групповой автономии, борьба за общинные интересы или сектантские религиозные движения. Помимо манипуляций с культурными различиями и политической мобилизации этничности, которыми занимаются борющиеся за власть и ресурсы политики, нельзя упускать из виду и реальные этнические противостояния, которые питаются исторической

Рис. 2. Чеченский боевик в Грозном на фоне афиши с голливудским актером К. ван Даммом

памятью о былой несправедливости, часто отобилизованной в драматической форме, чтобы стать основой современной ненависти и готовности участвовать в конфликте. Актуализированная память о сталинской депортации чеченцев, а также о Кавказской войне и доблестях в ней горцев были важнейшими мобилизующими факторами для участников вооруженной борьбы в Чечне¹⁶, хотя это был конфликт прежде всего по поводу современных проблем, хотя это был конфликт прежде всего по поводу современных проблем и одновременно он был поводом для демонстрации доблестей современных «борцов за свободу» (рис. 2).

Этнополитические конфликты современной эпохи имеют место во всех регионах планеты, подрывая стабильность как слабых экономически стран, так и стран с развитой экономикой и высоким уровнем жизни, как авторитарных и неразвитых демократических государств, так и классических демократий. Исторические корни некоторых из конфликтов и этнополитических движений кроются в противоречии между этническими и политическими принципами социального структурирования, которое по существу оценивается как противоречие между этнической группой и гражданской нацией европейского типа. Не случайно, что этнический национализм как основополагающий идеологический принцип пропагандирует синонимичность между понятиями «этнос» и «нация». Названное противоречие особенно ощутимо там, где есть сложный этнический состав населения, а процессы нациестроительства не завершены, т.е. отсутствует в должной степени национальная (по государству, а не по этнической принадлежности) идентичность среди населения страны. Если в таких странах имеются крупные этнические анклав

с высоким уровнем развития и неудовлетворенными политическими притязаниями, то здесь существует не только потенциальная угроза этнополитического конфликта, но и угроза целостности государства. При этом важным его фактором является явная или воображаемая дискриминация. К примеру, в 1995 г. на грани распада оказалась такая, казалось бы, благополучная страна, как Канада. По требованию квебекских франкофонов в этой провинции состоялся референдум по поводу ее государственной независимости. Сторонники независимости оказались в меньшинстве, но защитники целостности государства набрали на референдуме 30 октября 1995 г. только на один процент больше голосов, нежели противники.

Таким образом, *мы определяем этнический конфликт как форму гражданского противостояния на внутригосударственном или трансгосударственном уровнях, при которой хотя бы одна из сторон организуется и действует по этническому признаку или от имени этнической общности. Под этнополитическим конфликтом мы понимаем борьбу различных социальных групп, которые организуются по этническому принципу, и этот принцип становится основанием их идеологического и политического противостояния.*

Каждый конфликт имеет свои особенности, но существуют основания, которые позволяют делать обобщения и типологизировать имеющиеся их разновидности. И хотя мы не являемся сторонниками жестких дефиниций и типологий, считая их признаками слабой методологии, тем не менее, на наш взгляд, можно выделить некоторые классификационные типы этнических конфликтов. Это прежде всего классификация по сферам общественной жизни, когда выделяются политические этнические конфликты, экономические конфликты, этнокультурные конфликты и т.д. Но многие из них нельзя однозначно отнести к той или иной сфере общественного бытия, ибо они касаются и экономики, и политики, и сферы культуры. Возможна классификация по предметам или объектам как дополнение к классификации по «сферам» и как самостоятельный способ классификации, особенно в случаях, когда конфликты имеют четко выраженный «межсферный» характер (например, сепаратистские или ирредентистские конфликты).

Наконец, классификация по субъектам-носителям. При этом типе классификации выделяют конфликт между однопорядковыми и разнопорядковыми субъектами. К первым относится, к примеру, осетино-ингушский на Северном Кавказе, между пророссийски и проукраински настроенными гражданами Крыма, ряд международных конфликтов. Это обычно конфликт «группа против группы» (group versus group). Ко вторым относят конфликты, где действуют разнопорядковые субъекты, к которым, например, относятся этническое меньшинство или нетитульный этнос и в качестве оппонента титульный народ или его государственные институты. Этот тип можно обозначить как «группа против государства» (group versus state). Примерами такого конфликта можно назвать чеченский и грузино-абхазский конфликты, конфликт между сингалами и тамилами в Шри Ланке.

Кроме вышеназванных критериев, этнические конфликты можно типологизировать по таким основаниям, как особенности их динамики, степень локализации и т.п. Общим местом в рассуждениях этнополитологов стала констатация того факта, что в середине 1980-х годов произошел «взрыв» эт-

ничности, что явилось ответом этнических групп на их неравный доступ к социальным благам и власти. Особенно масштабно проявили себя этнополитические проблемы в бывшем СССР, хотя их обострение имело место и во многих других странах. Опыт СССР и России показал, что в переломные, кризисные эпохи прежняя этническая иерархия рушится, а ослабление позиций доминантных групп позволяет меньшинствам, прежде всего этническим, добиваться изменения своего статуса, получать различные преференции в сфере культуры, доступа к ресурсам и власти. Причем этнические элиты нередко пытаются форсировать эти процессы под лозунгом «восстановления справедливости», понимая, что фактор времени может играть решающее значение и нужно быстрее определить, какой «кусочек пирога» им достанется. Все это ведет к политизации этничности, к росту этнонационализма и усилению конфликтности в сфере межэтнических отношений.

Актуализация этничности в последний период советской истории и в первые годы новой российской государственности выразилась не только в существенно возросшем интересе к родному языку, этнической культуре, истории, но главным образом в требованиях создать государственные гарантии для сохранения и развития культурной специфики этнических групп. Выразителем этих требований стала главным образом этнонациональная гуманитарная интеллигенция, которая не только придавала этническим притязаниям аргументацию и оформление в виде программ, деклараций, воззваний и т.д., но и была главным организатором этнополитических движений, которые добивались претворения выдвигаемых программ в жизнь. Важно отметить, что за редким исключением национальные движения и организации в бывшем СССР и России возникли в 1988–1991 гг., т.е. в период наиболее глубокого политического и социально-экономического кризиса прежней общественной системы. В этой связи представляется, что весьма точно охарактеризовала связь между общественным развитием и актуализацией этничности российская исследовательница З. Сикевич: «Конфликтогенность и интегрированность являются равнодействующими переменными соотношения этнического и политического пространств, а степень выраженности одной из них напрямую обусловлена степенью устойчивости данной системы»¹⁷. Другими словами, ослабление системы власти, прежде всего центральной, было напрямую связано с возможностями организации сторонников выхода из общего пространства, т.е. распада СССР, и кто здесь был главным в этом сложном взаимодействии – это вопрос для бесконечных спекуляций.

Этнополитическая мобилизация на территории бывшего СССР охватила обширные регионы и в той или иной мере затронула все этнические группы. Политизация этничности не только привела к повышению уровня политической организации этнических сообществ и не только способствовала осознанию ими своих политических, экономических и культурных интересов, но и вызвала многочисленные столкновения интересов различных групп, нарастание этнополитической конфликтности. Столкновение интересов во многом было предопределено предшествующей этнонациональной политикой советского государства. Эта политика узаконила уязвимую систему этнической иерархии, когда одни этнические сообщества могли претендовать на са-

мый высокий уровень национальной государственности, другие – на менее высокий, а третьи вообще не имели на нее права.

Советская политика допустила прямые преступления против целых народов (массовые депортации российских корейцев, немцев Поволжья, карачаевцев и балкарцев, калмыков, чеченцев и ингушей, крымских татар, финнов-ингерманландцев, турок-месхетинцев и других этнических групп или значительной части из них), силой разрушала основы традиционного хозяйства и образа жизни и т.д. Кроме того, этнотерриториальный принцип решения проблем развития этнических сообществ не только способствовал модернизации при сохранении культуры отдельных народов, но также создавал условия для конфликтов, противопоставляя одни народы другим, препятствуя общегражданской интеграции населения, поощряя этноцентризм и политические амбиции этнических элит. Этническая иерархия и дискриминация привели к росту противоречий с центральной властью, а также породили этнический национализм и сепаратистские устремления.

Как только тоталитарный контроль над общественной жизнью ослабел, а репрессивный аппарат перестал подавлять проявления инакомыслия, включая национализм, сразу же в стране стали возникать очаги межэтнической напряженности. В 1986 г. антирусские выступления произошли в столице Казахстана Алма-Ате. За этим последовали армянские погромы в Сумгаите и столкновения армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе, погром турок-месхетинцев в Ферганской долине Узбекистана, волнения в Якутске и в Туве, в Уральске и Набережных Челнах. Анализу этих событий посвящена обширная литература, но наиболее полно эти и другие документальные свидетельства мобилизованной этничности освещены в томах серии «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», изданной под редакцией М.Н. Губогло Институтом этнологии и антропологии РАН¹⁸.

Урегулирование этнополитических конфликтов является важнейшей политической проблемой. Нет необходимости доказывать, что их последствия крайне негативно отражаются не только на государственном развитии, но и на имидже государств, которые не способны предотвратить конфликты. Но самое главное, что обострение конфликтов ведет к человеческим жертвам, число которых может измеряться многими тысячами и даже миллионами. Только в последние десятилетия в Турецком Курдистане в результате столкновений курдов с турецкими правительственными войсками погибли около 30 тыс. человек, в Шри-Ланке – более 35 тыс., в Сьерра-Леоне в этническом конфликте – около 100 тыс., на Филиппинах (о. Минданао) – свыше 120 тыс., в Либерии – более 150 тыс., в Боснии и Герцеговине – около 200 тыс., в Судане – более 1 млн, в Афганистане – свыше 1 млн, в Сомали – более 350 тыс., в Анголе – свыше 500 тыс., в Руанде только за три месяца 1994 г. – более 1 млн человек. Многие из названных этнополитических конфликтов не урегулированы до сих пор. По существу то же самое можно сказать и о целом ряде этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, ибо очаги напряженности сохраняются в Закавказье, Чечне, Приднестровье, в Крыму, в Средней Азии. Два раунда вооруженных действий в Чечне в 1994–1996 и 1999–2001 гг. стоили около 50 тыс. жизней российских граждан, включая военнослужащих, мирных жителей и чеченских боевиков.

ОТ ВОЙН ГОСУДАРСТВ К ВОЙНАМ ИДЕНТИЧНОСТИ

Выше мы уже говорили, что за групповыми озабоченностями, политическими лозунгами, индивидуальными амбициями и коллективными эмоциями в этнополитических конфликтах всегда присутствуют основные акторы, или реальные действующие силы-факторы, от которых зависят возникновение, динамика и разрешение конфликта. Одна из этих реалий – это государство, о котором нам бы хотелось напомнить, хотя сказано уже достаточно много о том, каким должно быть современное государство и как нужно осуществлять эффективное управление в сложном по составу населения обществе¹⁹. Звучит банально, но современный мир продолжает делиться на государства – самые значимые социальные коалиции людей. Ничейных или безгосударственных территорий не существует, как и нет территорий под суверенитетом нескольких государств одновременно. Не существует и людских коллективов, которые не были бы «огосударствлены» той или иной суверенной властью. Исключения составляют две крайности: это сектанты-анархисты, отрицающие над собой какую-либо власть, и «граждане мира»-космополиты, для которых Родина там, где ближе к международному аэропорту. Но это единицы, которые все равно свои паспорта не выбрасывают и от получения пенсий не отказываются.

Государства и их границы складывались под воздействием силовых, экономических, природно-ландшафтных и других факторов. Среди них важное место принадлежит культурным факторам, к которым относятся религия, этническая принадлежность, язык и историко-региональная отличительность населения, которое образует государство. Проживающие в одном государстве люди обычно имеют между собой больше культурной схожести в сравнении с населением соседних, а тем более – дальних государств. Хотя существует конфликтогенная проблема так называемых «разделенных народов», когда ареалы проживания культурно схожего населения пересекают государственные границы. Однако эта проблема существует тогда, когда эти границы очень жесткие и когда имеются слишком разительные различия в статусе и в условиях жизни культурно родственных групп по разные стороны границ. Само государство, чтобы оно могло успешно существовать, т.е. управляться и защищать свои интересы в сообществе других государств, должно помимо экономики и армии обеспечивать определенную систему взаимодействия и солидарность между гражданами, а также между гражданами и правящей бюрократией. Для этого в государстве устанавливаются и поддерживаются общие нормы по обеспечению культурной гомогенности, а также утверждаются гражданская идентичность и лояльность населения к стране своего проживания. *На основе разной степени культурной схожести среди территориальных сообществ в границах государственных образований складывается представление о нации или о народе того или иного государства.* Процесс складывания этих представлений (его еще называют «нациестроительством» или «конструированием наций») зачастую имеет длительную историю, переживает «отливы и приливы», но в любом случае он определяется не столько прошлым, сколько сегодняшним днем и современной политикой.

В результате совместного социально-исторического опыта, усилий бюрократий и элит территориально-политические согражданства обретают общие культурные черты и ценностные нормы, разделяемое представление об общей истории и основанную на этом солидарность. Степень этой гомогенности и солидарности в разных государствах и в разные исторические моменты бывают разными. Гражданская (национальная) идентичность и приверженность общему государству постоянно подвергаются вызовам со стороны внешних сил и со стороны партикулярных этнокультур внутри государства. Последние никогда не исчезают и образуют почти обязательную культурную сложность населения фактически всех государств мира. По мере демократизации и распространения глобализации (информация, миграции, культурный обмен) этнокультурная и религиозная специфика, особенно культура меньшинств, стала более значимой, более озвученной и даже более защищенной в правовом отношении. Процесс суверенизации шел не только сверху в пользу власти, но и снизу в пользу институтов гражданского общества и в пользу некогда безгласных и дискриминируемых. Эта идея суверенитета снизу (от имени и для общества) и суверенитета сверху (от имени государства), т.е. разделенного суверенитета, крайне продуктивна для государств, которые только строят свой новый суверенитет, демократию и гражданское общество.

Вторая половина XX в. стала временем, когда утвердилось понятие о праве на культурное разнообразие населения в рамках государств и когда сами государства стали все больше отходить от нереализуемой утопии «плавильного котла». Вместе с этим в науке и политической практике все меньше места оставалось для мифа о том, что в истории на основе той или иной этнической группы происходит реальный процесс «нации-строительства», т.е. формирования некоего «этносоциального организма» под названием «этнонация», и эта целостность должна рано или поздно обязательно самоопределиваться через собственную государственность. В последние годы утвердились представления, что миропорядок не может быть основан на этническом партикуляризме и что построение государственных институтов на основе признания и уважения этнокультурного многообразия, демократия согласия и справедливое распределение власти и ресурсов в сложных обществах являются единственными стратегиями построения жизнеспособных государств и предупреждения конфликтов²⁰.

Этот важный процесс переоценок был вызван научным прогрессом в изучении общественных явлений, ростом социально-культурных взаимодействий в национальном и мировом масштабах, активизацией общественных движений, в том числе антиколониальных и за права меньшинств. В мире складывался консенсус, что при всех несовершенствах, включая склонность к опасному соперничеству, государства являются наиболее оптимальной формой больших человеческих коллективов, ибо только они через исключительное право на легитимное насилие обеспечивают мирную жизнь людей, их хозяйственную и культурную деятельность. Но чтобы эта система действовала без больших катаклизмов, государства должны вырабатывать нормы межгосударственных (международных) отношений, формировать союзы, блоки и коалиции, а также всемирные организации, которые поддерживали бы мировой порядок. Для того чтобы избежать малых (внутригосударствен-

ных) катаклизмов, государства должны обеспечивать эффективное управление и общественный порядок желательно как можно в более демократической (представительной) форме и наряду с целью социального благополучия удовлетворять культурные запросы населения, связанные с их традицией, языком, религией и т.п.

Однако есть вопрос, на который трудно найти ответ в данных утверждениях, когда речь идет о России и о других странах бывшего СССР. Драма случившихся этнополитических конфликтов и самого распада СССР состоит в том, что советское государство нисколько не притесняло, а, наоборот, всячески спонсировало этническое многообразие и поддерживало большие и малые культуры, отказавшись от гражданского «нации-строительства». Многие авторитетные исследователи в последнее время пришли к выводу, что СССР не был «тюрьмой народов», т.е. империей с колониальной периферией. Он скорее стал «колыбелью наций», наиболее продвинутые из которых выступили инициаторами разрушения общего государства в момент попытки его радикального реформирования²¹. Это означает, что успех позитивной дискриминации и аффирмативной политики также может заключать в себе потенциальный конфликт и у политики многокультурности есть свои ограничители.

Некоторые авторы публикуемого труда полагают, что факторы идентичности и группового статуса являются фундаментальными и что отказ в признании и дискриминация вызывают неизбежный и непреодолимый протест, что по причине огромной значимости групповой целостности и статуса этнополитические конфликты являются особенно трудными для переговоров и для компромисса. Это особенно верно, когда участники конфликта основывают свои аргументы и свой моральный фронт на факте или на мифе «избранной коллективной травмы», будь это депортация, оккупация, «народоубийство» или «голодомор». Случаев коллективной травмы, через которые страдало групповое достоинство людей, советская история, как и история других стран, знала много. Но так ли это было всегда и во всех известных случаях и попадает ли опыт конфликтов на территории бывшего СССР в аналитические категории конфликтов идентичности и «войн памяти» (выражение В.А. Шнирельмана)? Мы хотим обратить внимание на некоторые особые моменты в трактовке конфликтов.

МЕРКАНТИЛЬНЫЙ РАСЧЕТ ИЛИ НЕДОВОЛЬСТВО СТАТУСОМ?

Межгрупповые культурные различия как аргумент открытого конфликта были распространены и в прошлом. Достаточно вспомнить религиозные войны средневековья или ранние войны за самоопределение в колониальных империях или же в странах с колониальной периферией (например, Англия и Ирландия, Россия и Польша) и уже позднее – при распаде больших колониальных систем и образовании новых государств. Первые масштабные этнополитические конфликты, которые делятся до сих пор, возникли вскоре после второй мировой войны, как, например, в Кашмире при образовании Индии и Пакистана или в Тибете при становлении современного Китая. Но толь-

ко в самые последние годы появились своего рода политическая философия этнополитических конфликтов как «освободительных проектов», аргументы и механизмы этнического насилия, противоречивые международно-правовые доктрины этнического «самоопределения». Пришло время интеллектуальных «войн памяти»²², когда этнические активисты и ученые энтузиасты культурной самобытности снабдили становящееся все более грамотным население аргументами из исторической мифологии и религиозной догматики об уникальности и несовместимости партикулярных этнотрадиций, необходимости «священных войн» за «этнос» и религию, за статус и влияние, за территорию и ресурсы. Почему это произошло, что в этом нового и как со всем этим совладать?

Безусловно, что культурная отличительность и основанная на ней личностная и групповая идентификация значимы в жизни человека и общества в целом. Однако они не являются главными по сравнению с экономическими или социальными статусами, гендерными, возрастными или профессиональными идентификациями. Тем не менее этничность и религия могут служить мощным средством политической мобилизации, важным фактором общественной стабильности и условием гражданского межобщинного согласия. В определенных условиях этнический и религиозный факторы выходят на передний план общественной жизни, и тогда по ним проходят важнейшие общественные коллизии, включая насильственные конфликты.

Именно так произошло в регионе бывшего СССР и в странах Восточной Европы, когда в середине 1980-х годов здесь началась политическая либерализация и экономические рыночные реформы. Коллапс государственного порядка и монолитной идеологии вызвали к жизни разные формы *этнических и религиозных политизаций*, особенно этнонационализма – идеологии и политической практики, основанной на идее, что государство и его институты должны образовываться и быть собственностью так называемой титульной нации, т.е. «этноса, давшего название государству», а не территориального сообщества, т.е. *демоса*. Фактически все вооруженные конфликты на территории бывшего СССР и Югославии произошли на основе уязвимой доктрины «национального (читай – этнического) самоопределения». Исключение составили конфликты типа массовых беспорядков в Азербайджане (Сумгаит), Киргизии (Ош), Узбекистане (Фергана), Северной Осетии (Пригородный район). Но и они имели выраженную этническую окраску: азербайджанцы против армян, киргизы против узбеков, узбеки против месхетинских турок, осетины против ингушей²³. Многие из этих конфликтов, как назвал их Д. Горовиц, были «смертельными этническими бунтами»²⁴. Это массовые насильственные столкновения между представителями разных этнических групп. Как правило, они носят спонтанный и кратковременный характер и прекращаются после применения полицейской силы, или же насилие истощается само по себе. Последующие судебные разбирательства и научные анализы часто показывают, что за спонтанностью на самом деле могут стоять изощренные планы и скрытые манипуляторы, как это было, например, в случае с Ошскими конфликтами между киргизами и узбеками в 1990 г. и в 2010 г. в Киргизии²⁵. К этой же категории относятся и цыганские погромы, которые регулярно происходят в европейских странах (рис. 3).

Рис. 3. Место цыганского погрома в Румынии, 1977 г.

Основной формой внутригосударственного противостояния в современном мире оказался не межгрупповой конфликт, а конфликт по типу «группа против государства», т.е. выступление против статус-кво или нового порядка со стороны или от имени этнических меньшинств, которые пожелали выйти из общего пространства и получить собственную государственность или соединиться с другим государством. Именно эти конфликты чаще всего и называют этнополитическими конфликтами – наиболее изощренными по своей идеологии, массовыми и жестокими по своим масштабам и методам и разрушительными по своим последствиям. Такой этнический конфликт совсем не означает обязательно «один народ против другого народа», но этническое противостояние здесь также налицо, и, как минимум, одна из конфликтующих сторон организуется от имени той или иной этнической общности. Однако «враги», «бойцы» и «жертвы» в этих конфликтах выбираются не только по этническому принципу, а одну из сторон, как правило, вообще представляет государственная машина и прежде всего армия. Это своего рода классический этнополитический конфликт – от Ольстера и Квебека до Шри-Ланки и индийского Кашмира. Так было и в Чечне, когда чеченский «национальный конгресс» сначала осуществил государственный переворот в республике, а затем чеченские боевики выступили против российской государственности и повели вооруженную борьбу против федеральной армии.

В этнополитических конфликтах совсем не обязательно, чтобы сепаратисты представляли собой моноэтническое начало, а государство было представлено внеэтническими или многоэтническими акторами. Но, например, в Чечне, было именно так: среди «федералов» были и генерал Лев Рохлин –

этнический еврей, и рядовые солдаты из мусульманских регионов Поволжья – татары, башкиры, чувашаи. При этом весь внешний мир воспринимал федеральную сторону «русскими», которые решили задушить свободу чеченцев²⁶. В постсоветских конфликтах было и наоборот: состав грузинской и молдавской армий, действовавших против абхазских и приднестровских сепаратистов, был гораздо более этнически определенным (фактически только этнические грузины и молдаване), чем участники конфликта с другой стороны – абхазы, русские, северокавказцы в Абхазии и украинцы, русские, молдаване в Приднестровье. Другими словами, сторонниками сепаратизма и самоопределения может выступать не просто угнетаемое и недовольное этническое меньшинство, а территориальное сообщество, которое видит в этом проекте свой общий интерес. В случае с Абхазией – это отказ от подчинения Тбилиси и опасения политики грузинского шовинизма в отношении Абхазии. Возможно, что в данном случае сепаратизм включал в себя также элемент ирредентизма, т.е. возможного присоединения Абхазии к России, к чему несомненно стремились русские и северокавказцы, проживавшие или прибывшие воевать в Абхазию. Что же касается стороны, выступающей от имени государства, то это была узурпировавшая целиком власть в Тбилиси титульная этнонация, сразу же после распада СССР (и даже до распада) провозгласившая лозунг «Грузия – для грузин!». Таким образом, установление числа и состава конфликтующих сторон, а также мотивов их участия и более точного определения численности жертв и разрушений являются важнейшими моментами в понимании, предотвращении и трансформации конфликта.

Каковы же наиболее распространенные представления о причинах этнополитических конфликтов? Таковыми являются историко-социологические конструкции о несправедливости и неравенстве групп и стремлении одной группы избавиться от гегемонии другой как некой базовой человеческой потребности. Как полагали некоторые специалисты по конфликтам, как бы ни называть представителей той или иной этнической группы – террористами или бандитами, но если их групповой целостности что-то угрожает, то они будут вести против этого борьбу всеми средствами и до конца²⁷.

Действительно, аргументы этнокультурной безопасности и национального самоопределения были основными в этнополитических конфликтах на территории бывшего СССР, по крайней мере на начальных стадиях борьбы. Эти аргументы имели под собой некоторую историческую основу и современные жалобы-озабоченности, как, например, сталинская депортация чеченцев и их современная дискриминация в трудовой сфере советской Чечено-Ингушетии или культурные ограничения для армян Нагорного Карабаха в позднесоветский период. Но в большинстве своем эти аргументы носили намеренно драматизированный и даже мифологический характер, как, например, различные данные об «этноциде» или «народоубийстве» не только в период правления Сталина, но уже в послесталинском СССР²⁸. При этом во всех случаях имела место настойчивая и осознанная *индоктринация рядовых участников конфликта* в пользу этнической солидарности и вооруженной борьбы как средства «освобождения».

Логика эскалации конфликта в масштабную разрушительную войну в Чечне в первой половине 1990-х годов свидетельствует о том, что обе конфликтующие стороны, особенно чеченские сепаратисты, фактически отвергали

Рис. 4. Имитация Рехстага в г. Грозном

сценарии уступок или упорного торга для разрешения конфликта или же просто не имели представления о доступных вариантах действий за пределами открытой конфронтации. Следует также отметить, что аргументация конфликта на основе таких высоких категорий, как «свобода» и «самоопределение», не оставляла места для мирных вариантов, ибо сами аргументы включали в себя понятие нечто «святого» и не подлежащего обсуждению и компромиссу. Как говорится на языке идеологически обработанных экстремистов, «Родина дороже жизни» или «Лучше умереть свободным, чем жить рабом». Для федеральных сил, особенно для генералов, было важно одержать победу и водрузить флаг в Грозном наподобие флага победы в Берлине в 1945 г. (рис. 4). Выбраться из этих аргументов чрезвычайно сложно, хотя их реальное содержание и значимость для каждого конкретного человека ничтожны.

Еще одна особенность этнополитического конфликта – это подвижность самих смыслов его легитимации. Почти во всех случаях первоначальные лозунги борьбы быстро забывались или же осознанно менялись на другие. Так, например, со временем аргументы сохранения этнокультуры и групповой целостности в Чечне уходили на второй план, а основными становились аргументы религиозного джихада, отмщения или меркантильного расчета. Происходила своего рода *капитализация конфликта*, когда в вооруженную борьбу и в делящееся насилие оказывались вложенными конкретные интересы групп и людей, имеющие достаточно меркантильную природу: повышение званий для офицеров и «боевые» деньги для военнослужащих по контракту, оплата внешними спонсорами террористических актов и «сопротивления»,

наживаемые на торговле людьми деньги и другие расчеты на разного рода извлекаемый из продолжения конфликта капитал.

Помимо идеологической индоктринации и меркантильного расчета в современном понимании конфликта нельзя сбрасывать со счета *мотивы и факторы иррационального характера*, вызывающие конфликт и не позволяющие его мирное разрешение. Так, например, в Чечне чувство отмщения за страдания и унижения старшего поколения, пережившего депортацию, было достаточно сильным среди молодежи, которая сама эту депортацию не переживала и уже выросла в условиях довольно благополучной советской Чечено-Ингушетии. Выражение «Вы нас депортировали» мне встречалось неоднократно в разговорах с чеченскими активистами и боевиками как оправдание их борьбы против российского государства и против русских, хотя сами они уже родились после 1957 г. Уже после начала войны и после понесенных жертв все более значимыми стали мотивы отмщения за потерянных родственников и соратников по борьбе. Месть как эмоциональное чувство стала одним из важных мотивов для участия в вооруженной борьбе²⁹.

Фактически во всех случаях для рядовых участников конфликта имел значение эмоционально-психологический фактор *причастности к общему делу*. Это так называемое «удовольствие от причастности» (pleasure of agency)³⁰ двигало многими участниками коллективных выступлений, будь это массовые политические митинги или вооруженная борьба против государства и его армии. В Чечне, Южной Осетии и Абхазии, где нам пришлось проводить непосредственные наблюдения, участвовавшие в открытом конфликте политики и бойцы находили удовлетворяющее их объяснение своим действиям не только в освободительной миссии, но и в исполнении некоего долга братства, защиты и отмщения. Конфликт порождает жизненный стиль и мужской перформанс, которые конкурировали с рутинной предшествовавшей небогатой жизни провинциальных маргиналов. Сельские парни из горных сел оказывались в рядах «священных воинов» против «последней империи», испытывая от этого эмоциональный драйв и почти наркотическую привязанность к риску и к крови.

Но если индоктринация, капитализация и эмоции были столь важны, тогда где же фундаментальные объяснения конфликтов, построенных на теории базовых групповых потребностей, неизбежного стремления народов-этносов к свободе и к собственному государству? Где же тогда «кровь и почва» в этническом смысле и где страх потерять этнокультурную самобытность, которые многие эксперты и политики объявляли главными причинами и мотивами так называемых «освободительных проектов»? По большому счету все эти академические и журналистские конструкции оказываются уязвимыми в сравнении с факторами, которые были рассмотрены нами выше. Подтверждением вторичности этнической привязанности и солидарности является хотя бы тот факт, что как в случае победы, так и в случае поражения лидеры и рядовые бойцы «национального освобождения» предпочитали покинуть зону конфликта в пользу эмиграции в более благополучные страны и регионы. Так было не только в Чечне, но и в ходе других этнополитических конфликтов.

ЛИДЕРЫ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

Добавим еще два фактора решающего влияния на появление насильственного конфликта и на его динамику. Первое – это *роль харизматических лидеров* экстремистского толка, которые появляются в конфликте далеко не в качестве «выразителей народных чаяний» и не для претворения в жизнь «исторических закономерностей», хотя именно таковыми они себя провозглашают и им следует проконфликтная пропаганда. Второе – это *внешние воздействия* на конфликтную ситуацию, которые могут охватывать не только политическую и моральную поддержку, но и прямое финансирование, поставку амуниции и комбатантов. В Чечне оба эти фактора сыграли определяющую роль. Роль бывших советских военных – генерала Дудаева и полковника Масхадова – в организации вооруженного мятежа и сопротивления государству была абсолютно решающей, ибо окажись у власти «гражданские сепаратисты» типа Минтимера Шаймиева, как это произошло в Татарстане, умеренные позиции и настроенные на упорный торг с центром политики взяли бы верх и в Чечне. Но именно судьба умеренных оказалась драматичной в чеченском конфликте: они были разбиты и даже изгнаны из республики. Одним из важных выводов по части предотвращения и трансформации конфликтов является вопрос о месте и возможностях умеренных элементов в том или ином конфликте и вопрос о нейтрализации «ястребов» с обеих сторон. В чеченской войне этого не удалось сделать, и отсюда ее столь жестокий характер.

Одна из причин поражения умеренных позиций и победы экстремистских элементов заключалась во внешней поддержке курса на вооруженную сецессию и на отторжение Чечни от России. У этой внешней поддержки был близкий и дальний круг участвующих. Близкий – это та часть российского общества, которая разделяла доктрину этнического самоопределения для уникального по своему свободолюбию чеченского народа и поддерживала «неизбежный уход» Чечни из России в силу своей цивилизационно-культурной несовместимости. Среди сторонников чеченской независимости, т.е. вооруженного сепаратизма и терроризма, были не только некоторые радикально настроенные демократы-правозащитники, но и серьезные академические эксперты и даже высокопоставленные чиновники и советники российского президента. Эта невнятность в отношении конфликта в Чечне среди российской общественности играла вдохновляющую роль для вооруженных сепаратистов, полагавших, что Россия устанет от Чечни, особенно от больших жертв, и в конечном итоге согласится со своим поражением, как это произошло в Афганистане за несколько лет до этого. Таким образом, ясность позиции государственной власти и общества, затронутого вооруженным конфликтом, а также наличие политического консенсуса по части сепаратистского вызова имеют важное значение в разрешении конфликта. Неопределенность и шарахание от одного варианта к другому привели в конечном итоге к затягиванию войны в Чечне и к более крупным жертвам и разрушениям.

Особую мобилизующую роль сыграл дальний внешний круг сторонников чеченской независимости от России. Почти на всех стадиях конфликта Чечня выступала «как сцена и как роль»³¹. С момента возникновения эт-

Рис. 5. Надпись на здании Сахаровского центра в Москве спустя ряд лет после окончания чеченской войны

нополитического конфликта в Чечне у него оказалось огромное число внешних симпатизаторов в странах бывшего СССР, в исламском мире и в странах Запада. Образ «гордого маленького народа», в отношении которого Россия совершила агрессию, был закреплён не только мировым медийным сообществом, но и резолюциями международных организаций, заявлениями многих государственных деятелей и общественных активистов. Не только в Турции или в Саудовской Аравии собирались деньги и рекрутировались военные наставники. Финансовая поддержка и даже волонтерская помощь шла в Чечню из стран Запада. В какой-то момент Чечня превратилась в арену,

на которой вершили спектакль внешние акторы. Конфликт перестал быть собственностью конфликтующих сторон. Как выразился специальный посол ОБСЕ в Чечне Тим Гульдман после подписания документа в Хасавюрте в августе 1996 г., «мы доведем до конца процесс чеченского самоопределения».

Внешние акторы продолжают «воевать» в Чечне и после того, как военные действия там закончились и начался процесс мирной реконструкции (рис. 5). Это выражается в нежелании исключить из лексикона оценку ситуации в Чечне как «война» и говорить в категориях постконфликтной реконструкции. Политическая и моральная ангажированность внешнего дальнего круга на освобождение Чечни от «мини-империи» России не позволяет признать поражение вооруженного сепаратизма в Чечне. Даже кровавые террористические акты в Беслане и в других городах России не позволяют переоценить сложившиеся позиции. Таким образом, можно выделить в качестве одной из наиболее сложных проблем трансформации конфликта проблему воздействия на внешних акторов и вопрос о нейтрализации их разрушительных позиций и действий. Как и какими методами, например, можно прекратить деятельность Американского комитета за мир в Чечне или французского активиста Андре Глюскамана, которые продолжают поддерживать сепессию и не признают процесс мирной реконструкции в Чечне? Этот вопрос пока слабо рассматривается в контексте мирной трансформации конфликтов.

КАК РАЗРЕШИТЬ КОНФЛИКТ И ПОСТРОИТЬ РАЗРУШЕННЫЙ МИР?

На территории бывшего СССР наиболее научно и политически аргументированным и одновременно на удивление наиболее жестоким оказался конфликт между бывшими советскими меньшинствами, которые в результате распада обрели, как они считали, «свою государственность», и теми, кто оказался в этих новых государствах в роли новых меньшинств. Некоторые начали борьбу за выход из подчинения еще до распада, как, например, армяне Нагорного Карабаха в Азербайджане. Самоопределившиеся Грузия и Молдова не хотели образовывать федеративные сообщества с учетом сложного этнического состава своего населения и сделали попытки задавить силой новых энтузиастов на самоопределение уже в рамках новых государств, спровоцировав масштабные конфликты, которые остаются неразрешенными и поныне. К этой же категории этнополитического конфликта принадлежит и война в Чечне, которая началась как война за самоопределение, а закончилась как попытка сил международного террористического сообщества отторгнуть от Российской Федерации часть территории Северного Кавказа для установления там исламистского политического образования.

В каждом конфликтном случае его инициаторы (чаще всего это обе конфликтующие стороны) имели свои аргументы для насильственных сценариев. Одни отстаивали территориальную целостность государства, другие желали национального самоопределения. До сих пор эти аргументы сохраняют свою силу, хотя начальные лозунги трансформировались до неузнаваемости в ходе самого конфликта. Ясно одно, что конфликтов было трудно избежать в ситуации распада большого многоэтничного государства, положившего в основу своей доктрины не только коммунизм, но и этнический национализм. Но можно было избежать войн и больших жертв, если бы участники конфликта имели больше опыта и информации о других возможных вариантах действий и разрешения конфликта, кроме силовых.

На территории бывшего СССР силовой вариант подавления вооруженного сопротивления государству оказался успешным только в Чечне, но и то он стал возможным только после того, когда стало ясно, что конфликт узурпирован внешними силами международного терроризма и его цель – разрушение России как государства. Исход конфликта в Чечне подтвердил заключение западного ученого и журналиста Майкла Игнатьева: «Как бы это ни звучало парадоксально, полиция и армия национального государства остаются единственными доступными институтами, которые когда-либо нами были созданы, чтобы контролировать и противостоять крупномасштабному насилию»³².

Стратегия воленавязывания, силового подавления и восстановления порядка со стороны национального государства, в котором имеет место конфликт, остается наиболее эффективной и в правовом смысле трудно уязвимой, если само государство не нарушает грубо закон гуманности и правил поведения в отношении комбатантов и гражданского населения. После событий 11 сентября 2001 г. в США и других масштабных террористических актов, включая трагедию в российском городе Беслане, противодействие терроризму и другим формам экстремизма стало гораздо более жестким. В

России явочная сецессия и незаконные вооруженные формирования в настоящее время крайне маловероятны, и они будут жестко подавляться государственной машиной и не найдут поддержки среди населения. Аналогичный сценарий для разрешения этнополитических конфликтов хотели бы использовать и другие страны бывшего СССР, чтобы покончить с наличием сепаратистских регионов и самопровозглашенных государств. И здесь возникает новая большая дилемма. Это *проблема двойного стандарта*.

Одной из принципиальных позиций в разрешении этнополитических конфликтов на территории бывшего СССР длительное время был принцип признания и защиты территориальной целостности вновь образованных после распада государств и недопущение нового раунда дезинтеграции за счет какого-либо из них. Однако ряд обстоятельств нарушил эту, казалось бы, единственно верную позицию в отношении сепаратистских конфликтов. Односторонняя поддержка вариантов вооруженной или мирной сецессии меньшинств и микрорегионов от так называемых «имперских наций», каковыми уже после распада СССР и Югославии были объявлены Россия и Сербия, дала новые аргументы лидерам и жителям самопровозглашенных государств на территории бывшего СССР (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье). Типологически нет никакой разницы между вариантами отделения Черногории от Сербии и Приднестровья от Молдовы. У последнего варианта даже больше аргументов: наличие административно-государственной самостоятельности в историческом прошлом и доказанная способность к самостоятельному существованию в нынешней ситуации. Типологически нет никакой разницы между Нагорным Карабахом и Косово: и там, и там есть «материнские» государства с этнически родственным населением (Армения и Албания); и там, и там конфликт сопровождался масштабными жестокостями и разрушениями; и там, и там есть религиозный барьер между основными общинами. Тогда почему Косово обретает независимость с помощью так называемого «международного сообщества» и почему это же сообщество отрицает право карабахских армян иметь свою государственность?

После того как Россия решила свою проблему с вооруженной сецессией в Чечне, у нее есть право и политический смысл разделить линию двойных стандартов и решения конфликтов по факту воленавязывания, геополитической целесообразности, региональных и национальных интересов. Эта линия не отличается последовательностью, но в разрешении конфликтов она может быть успешной. В настоящее время возможная независимость бывшей сербской автономии Косово покажет возможность такого сценария трансформации конфликта. Однако его успех даст сильные аргументы в пользу признания фактически состоявшейся сецессии Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья на территории Грузии и Молдовы. Двойные стандарты в геополитическом соперничестве могут приносить неожиданные побочные воздействия совсем в других регионах мира. Трансформация одного конфликта приводит к обострению другого конфликта на основе схожего аргумента.

При всем значении геополитики и миронавязывания одной из главных стратегий была и остается стратегия предотвращения конфликта через эффективное управление (*good governance*) этнически сложными обществами. Культурное (этническое и религиозное) многообразие – это сложный и динамичный феномен. Он не может игнорироваться системой управления, вклю-

чаю государственное правление. Именно из этого изначального постулата вытекает наше убеждение в необходимости: а) адекватного понимания самой природы культурного многообразия, включая этническое и религиозное, б) выработки конструктивного (позитивного и толерантного) отношения общества к данной стороне социальной жизни людей и коллективов, в) эффективной государственной политики в области управления культурным многообразием к пользе людей и государства.

Одним из механизмов в осуществлении этих задач является экспертное обеспечение всех трех потребностей через систему мониторинга (отслеживания), который может осуществляться на уровне мировых регионов (в данном случае, территория бывшего СССР), государств и местных сообществ. Под этноконфессиональным мониторингом мы понимаем способность общества и государства оценивать социокультурную и политическую ситуацию на предмет напряженности и возможного конфликта на этноконфессиональной почве и принимать адекватные (своевременные и эффективные) меры по предотвращению и разрешению конфликта.

И, наконец, последний момент в обеспечении эффективного управления – это сохранение исключительной монополии государства на насилие и контроль государства за арсеналами оружия с целью недопущения к оружию войны гражданского населения. В Чечне сначала государство утратило контроль над элементарной преступностью, позволив насилие и изгнание из республики сотен тысяч жителей нечеченской национальности, а затем утратило контроль над огромным арсеналом армейского вооружения, находившегося на территории Чечни. Вооруженный конфликт в такой ситуации стал абсолютно возможным и даже неизбежным, а путь назад к миру – крайне трудным и долгим.

¹ См. изданный Международным институтом мира в Осло атлас конфликтов: *The State of War and Peace. Atlas* / Ed. D. Smith. L., 1997.

² *Stavenhagen R. Ethnic Conflict and the Nation State.* Basingstoke, 1996. P. 11.

³ *Cooper T., Merz S., Shah M. A More Violent World? Global Trends in Organized Violence // Advancing Conflict Transformation. The Berghof Handbook II* // Ed. B. Austin, M. Fischer, H. Glessmann. Barbara Budrich Publishers, 2011. P. 30–31.

⁴ *Ibid.* P. 33.

⁵ *Ibid.* P. 34–35.

⁶ *Ibid.* P. 41–42.

⁷ *Senghaas D. The Civilization of Conflict: Constructive Pacifism as a Guiding Notion for Conflict Transformation // Transforming Ethnopolitical Conflict. The Berghof Handbook* / Ed. A. Austin, M. Fischer, N. Ropers. Wiesbaden, 2004. P. 25–39.

⁸ *Ropers N. A Systemic Approach: Reflections on Sri Lanka // Advancing Conflict Transformation, 2011. P. 101–130.*

⁹ *Glazer N., Moynihan D. Ethnicity: Theory and Experience.* Cambridge (Mass.), 1975.

¹⁰ *Rotchild D. Ethnopolitics.* N.Y., 1990.

¹¹ *Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict.* Berkeley (CA), 1985; *Idem. The Deadly Ethnic Riot.* Berkeley (CA), 2001.

¹² *Gurr T. Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts.* Wash., DC, 1993.

¹³ *Burton J. Conflict: Resolution and Prevention.* N.Y., 1990.

¹⁴ *Тышков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып.2. Ч. 1. Общие проблемы. М., 1992; Он же. О природе этнического конфликта// Свободная мысль. 1993. № 4. С. 4–15; Tishkov V. Ethnic Conflicts in the Former USSR: The Use and Misuse of Typologies and Data // Journal of Peace Research. 36(5). Sept. 1999. P. 571–592.*

- ¹⁵ Шлее Г. Управление конфликтом. М., 2004.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М., 2001.
- ¹⁷ *Сикевич З.В.* О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 2. С. 43.
- ¹⁸ Перечень публикаций см.: *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 751–755.
- ¹⁹ См.: *Тишков В.А.* Что такое современное государство? // Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования / Под ред. Е.В. Алферова. М., 2010. С. 8–13; и другие статьи в этом сборнике, а также мой доклад на Ярославском мировом политическом форуме: *Тишков В.А.* Демократические институты в полиэтничествах. М., сентябрь 2011. Ярославль.
- ²⁰ См., например: *Crawford Y.* Politics of Cultural Pluralism. Madison, Wi., 1976; *Sisk T.* Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflict. Wash. DC, 1996; *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. М., 2003.
- ²¹ См., например, книги, изданные издательствами РОССПЭН в серии «История сталинизма» и «Новое литературное обозрение» в серии «Historia Rossica»: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008; *Истер Дж.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010; Государство наций. Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р. Суни и Т. Мартина. М., 2011; *Терри М.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010. Из российских авторов отметим книги Д.А. Аманжоловой (Киселевой), Н.Ф. Бугая, Т.Ю. Красовицкой, А.П. Ненарокова, П.М. Поляна и других, а также многочисленные работы советских этнографов и социологов, в которых почти всегда содержатся обстоятельные исторические очерки.
- ²² На эту тему выполнена серия фундаментальных работ В.А. Шнирельмана: *Shnirelman V.* Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia. Wash. DC, 1996; *Idem.* The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia. Osaka, 2001; *Шнирельман В.А.* Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003; *Он же.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.
- ²³ См.: *Suny R.G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993; *Tishkov V.* Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. The Mind Aflame. L., 1997; *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
- ²⁴ *Horowitz D.* The Deadly Ethnic Riot. Berkeley (CA), 2001.
- ²⁵ *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. С. 320–354; *Tishkov V.* “Don’t Kill Me, I’m a Kyrgyz!”: An Anthropological Analysis of Violence in the Osh Ethnic Conflict // Journal of Peace Research. 32(2). May 1995. P. 133–149.
- ²⁶ *Lieven A.* Chechnya: Tombstone of Russian Power. New Haven, Conn., 1998; Chechnya: From Past to Future / Ed. R. Sakwa L., 2005.
- ²⁷ *Sandole D.* et al. Handbook of Conflict Analysis and Resolution. Gardners Books, 2008; *Ronen D.* The Challenge of Ethnic Conflict, Democracy and Self-determination in Central Europe. L., 1997. См. схожие позиции у российских авторов: *Степанов Е.И.* Конфликты в современной России. М., 1996; *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001.
- ²⁸ *Авторханов А.* Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР. М., 1991; *Conquest R.* The Nation Killers: the Soviet Deportation of Nationalities. L., 1970.
- ²⁹ Подробнее см.: *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте.
- ³⁰ *Wood E.* Pleasure of Agency. Insurgent Collective Action and Civil War in El Salvador. Cambridge, UK, 2003.
- ³¹ *Tishkov V.* Life in a War-Torn Society. Berkeley, 2004. P. 210–219.
- ³² *Ignatieff M.* The Warrior’s Honor. Ethnic War and the Modern Conscience. L., 1999. P. 160 (“However paradoxical it may sound, the police and armies of the nation-state remain the only available institutions we have ever developed with the capacity to control and channel large-scale human violence”).

Научное издание

ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института этнологии и антропологии
Российской академии наук*

Редактор *В.М. Черемных*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректор

Подписано к печати
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. Усл.кр.-отт. Уч.-изд.л.
Тираж экз. Тип. зак.

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@nfukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография “Наука”
119034, Санкт-Петербург, 9-я, 12/28